ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ТРЕТІЙ

ТОМЪ VII

№ 1170

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ VII

1882

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2
1882

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ, 1882).

КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ОРЛОВА,
РОЖД. ЗИНОВЬЕВА.

Съ рѣдкаго гравированнаго портрета работы Берсенева, 1784 г., рѣз. на деревѣ Панемакеръ въ Парижѣ.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 26 ОКТЯБРЯ 1881 Г.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2.

КОНСЕРВАТОРЫ СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

Мы ХОТИМЪ коснуться интереснаго, если не страннаго эпизода изъ нашей исторіи сороковыхъ годовъ. Кто знакомъ съ духомъ и направленіемъ того времени, тотъ конечно спроситъ, какіе же консерваторы могли быть въ тѣ годы, такъ какъ совсѣмъ не было и настоящихъ либераловъ, если подъ либерализмомъ не разумѣть разныхъ невинныхъ разговоровъ въ маленькихъ квартиркахъ въ четырехъ стѣнахъ между образованными департаментскими чиновниками, профессорами, учителями, или докторами, которые собирались по вечерамъ другъ у друга для простаго препровожденія времени, и чтобы не играть въ копѣечный преферансъ до поздней ночи, забавлялись въ бесѣдахъ, а иногда и въ спорахъ объ образованной Европѣ, о газетныхъ иностранныхъ извѣстіяхъ, о разныхъ соціальныхъ ученіяхъ, волновавшихъ западныя государства, и затѣмъ спокойно расходились по домамъ спать, а на другой день каждый принимался за свою ежедневную службу, нисколько не сомнѣваясь ни въ политической, ни въ военной, ни въ полицейской силѣ своего любезнаго отечества, ни въ невозможности какихъ нибудь скорыхъ перемѣнъ. Какіе же консерваторы могли выдаваться въ этой средѣ, когда и безъ того все было пропитано полнымъ консерватизмомъ? Понятно, что такіе люди могутъ являться только тамъ, гдѣ народились уже другіе люди, которые гласно требуютъ себѣ большаго простора въ жизни. А между тѣмъ, мы усматриваемъ консерваторовъ и въ сороковые годы, даже такихъ, которые брали на себя смѣлость стать въ оппозицію императору Николаю Павловичу, въ этомъ случаѣ являвшемуся въ ихъ глазахъ уже либераломъ. Но для того, чтобы выяснить себѣ понятія этихъ людей, мы должны начать съ

историческаго разъясненія того вопроса, въ рѣшеніи котораго они передъ нами являются.

Въ то время въ правительственной сферѣ возникъ вопросъ о чиновническомъ сословіи, а съ нимъ вмѣстѣ и о табели о рангахъ, за которой числилась не Богъ знаетъ какая старина—всего какихъ нибудь сто двадцать лѣтъ. Но и втеченіе этого времени она такъ глубоко успѣла вкорениться въ русскую жизнь, имѣла такое огромное вліяніе на нравы русскаго общества, на характеръ всей русской интеллигенціи, какого Петръ Великій не могъ и предвидѣть. Желая выше всего поставить интересы государства и оградить государственную службу отъ исключительнаго притязанія стариннаго боярства, преобразователь Россіи хотѣлъ открыть путь къ высшимъ должностямъ всѣмъ людямъ трудолюбивымъ, опытнымъ, знающимъ, образованнымъ, къ какому бы званію по своему рожденію они ни принадлежали. Для этого онъ установилъ порядокъ, въ которомъ каждый обязанъ былъ проходить служебныя должности, возвышаясь постепенно, по мѣрѣ своихъ заслугъ, прилежанія и пользы, приносимой имъ государству. Этотъ-то порядокъ и назвался чиномъ, или рангомъ. Служба была раздѣлена на воинскую, статскую и придворную, а всѣ мѣста или должности каждой изъ этихъ службъ разгруппированы на 14 классовъ и приведены въ соотвѣтствіе между собою, т. е. указаны, къ какому классу должны относиться должности всѣхъ трехъ видовъ службы, чтобы всѣ чины знали свои мѣста и въ общемъ ихъ собраніи не могло бы возникать никакихъ споровъ или недоразумѣній въ старшинствѣ или подчиненіи. Вотъ это-то соотвѣтственное распредѣленіе должностей и составила Петровская табель о рангахъ. Тутъ еще не было рѣчи о чинѣ какъ о званіи, не было для каждаго класса и опредѣленнаго имени; только подъ каждымъ классомъ исчислялись всѣ должности, какъ напр., IV классъ (сухопутные) генералъ-маіоры, въ гвардіи полковникъ, (морскіе) штаутбенахты, оберъ-цейгмейстеръ, (статскіе) президенты отъ коллегіевъ и штатсъ-конторы, тайные совѣтники, оберъ-прокуроръ, (придворные) оберъ-гофмейстеръ, оберъ-камергеръ; V кл. (сухопутные) бригадиры, оберштеръ-кригсъ-комиссаръ, генералъ-провіантмейстеръ, въ гвардіи подполковники, въ артиллеріи полковники, (морскіе) капитаны, командоры, капитанъ надъ портомъ кронштадтскимъ, (статскіе) герольдмейстеръ, генералъ-рекетмейстеръ, оберъ-церемоніймейстеръ, оберъ-вальд-мейстеръ, вице-президентъ отъ коллегіевъ, генералъ-почтъ-директоръ, генералъ-полиціймейстеръ, архіатеръ, директоръ отъ „строеніевъ", (придворные) гофмейстеръ, оберъ-гофшталмейстеръ, тайный кабинетъ-секретарь, оберъ-шенкъ и проч.

Каждому изъ этихъ классовъ или ранговъ присвоивались особые уборы, наряды, экипажи, число лошадей, ливреи, и соблюдалось строгое подчиненіе низшихъ классовъ высшимъ. Старшинство наблюдалось не только по классамъ, но даже по времени полученія чина: кто всту-

пилъ въ него раньше, тотъ считался старше или выше того, кто вступилъ послѣ; только чины воинскіе становились выше прочихъ, „хотя бы и старѣе кто въ томъ классѣ пожалованъ былъ“. Ранги распространялись даже на женщинъ—женъ и дочерей классныхъ чиновниковъ: „всѣ замужнія жены“, говорится въ § 7 табели, „поступаютъ въ рангахъ по чинамъ мужей ихъ, и когда онѣ тому противно поступаютъ, то имѣютъ онѣ штрафъ заплатить такой же, какъ бы долженъ былъ платить мужъ ея за свое преступленіе“. Дѣвицамъ назначались свои ранги, которые мѣнялись съ ихъ замужествомъ: такъ, дочь стоящаго въ первомъ рангѣ получала рангъ надъ женами, бывшими въ пятомъ рангѣ, или становилась, какъ подробно поясняялось въ табели, ниже генералъ-маіора и выше бригадира; а дѣвица, у которой отецъ былъ во второмъ рангѣ, занимала мѣсто ниже бригадира и выше полковника и т. д. Дамы и дѣвицы, бывшія на службѣ при дворѣ, также размѣщались по рангамъ: „оберъ-гофмейстерша у ея величества государыни императрицы имѣетъ рангъ надъ всѣми дамами; дѣйствительныя статсъ-дамы у ея величества государыни императрицы слѣдуютъ за женами дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ; дѣйствительныя камеръ-дѣвицы имѣютъ рангъ съ женами президентовъ отъ коллегій; гофъ-дамы—съ женами бригадировъ“, и проч. Но сыновья всѣхъ этихъ служилыхъ людей должны были сами пріобрѣтать себѣ характеръ службою государю и отечеству, начиная съ низшей должности. Впрочемъ, сыновьямъ князей, графовъ, бароновъ, знатнѣйшаго дворянства и „служителей знатнѣйшаго ранга“ предоставлялся свободный доступъ „въ ассамблеи, гдѣ дворъ находится“. Въ табели выказывается государево желаніе, чтобы „они во всякихъ случаяхъ по достоинству отъ другихъ отличались“; но тѣмъ не менѣе ни въ какіе ранги они не вводились; а въ § 14 предписывается „дворянскихъ дѣтей въ коллегіяхъ производить снизу“. Этимъ же путемъ входили въ ранги и не дворяне послѣ опредѣленнаго числа лѣтъ службы. Доступъ въ нихъ былъ свободенъ всѣмъ, кто чему нибудь учился, такъ какъ государство особенно нуждалось въ такихъ людяхъ. А въ военной службѣ каждый получившій офицерскій чинъ дѣлался дворяниномъ не только самъ, но и его дѣти, родившіеся въ оберъ-офицерствѣ; а если такихъ не являлось на свѣтъ, то отцу давалось право представлять одного изъ прежде рожденныхъ на утвержденіе въ дворянствѣ. Законные же дѣти и потомки всѣхъ служителей россійскихъ или чужестранныхъ первыхъ восьми ранговъ приравнивались лучшему старому дворянству — „во всякихъ достоинствахъ и авантажахъ равно почтены быть, хотя бы они и низкой породы были и прежде отъ коронованныхъ главъ никогда въ дворянское достоинство произведены или гербами снабдены не были“. Давая каждому классу право, преимущество и привиллегіи, табель о рангахъ направляла человѣческое честолюбіе къ государственной службѣ, въ то время какъ вся масса народа была совершенно безправною,

обремененная разными обязанностями и повинностями по отношенію къ государству. Такимъ образомъ, стало развиваться особое привилегированное, но не замкнутое сословіе, которое постоянно подновлялось изъ другихъ сословій и умножалось по мѣрѣ развитія государственности. Право повышать въ чинахъ предоставлялось только сенату. Чтобы оградить высшіе чины отъ людей недостойныхъ, сенатъ долженъ былъ замѣщать вакантныя мѣста, начиная съ VI класса, баллотировкою, кромѣ придворныхъ; на низшія же мѣста выбирать достойнѣйшаго изъ троихъ, представленныхъ тѣмъ учрежденіемъ, гдѣ открывается вакансія [1]). Вообще производство изъ класса въ классъ было обставлено очень строго. Строго также предписывалось наблюдать, чтобы каждый рангъ пользовался только тѣмъ, что ему слѣдовало по табели. „Кто выше своего ранга будетъ себѣ почести требовать", говорится тамъ, „или самъ мѣсто возьметъ выше, тому за каждый случай платить штрафу 2 мѣсяца жалованья; 1/3 долю получить объявитель, а достальныя въ госпиталь употреблены быть. Но не въ такихъ оказіяхъ требуется, когда нѣкоторые яко добрые друзья и сосѣди съѣдутся, или въ публичныхъ ассамбляхъ; но токмо въ церквахъ при службѣ Божіей, при дворцовыхъ церемоніяхъ, яко при аудіенціи пословъ, торжественныхъ столахъ, въ чиновныхъ съѣздахъ, при бракахъ, при крещеніяхъ и симъ подобныхъ публичныхъ торжествахъ и церемоніяхъ. Равный же штрафъ и тому слѣдуетъ, кто кому ниже своего ранга мѣсто уступитъ, чего надлежитъ прилежно фискаламъ смотрѣть, дабы тѣмъ охоту подать къ службѣ, и онымъ честь, а не нахаламъ и тунеядцамъ получить. Штрафъ какъ мужскому, такъ и женскому полу необходимо за преступленіе надлежитъ".

Чины въ военной службѣ не были такъ разнообразны, какъ въ статской; притомъ же самыя названія ихъ были или русскія, или, если иностранныя, то вошедшія къ намъ уже давно—въ XVI и XVII стол., слѣд. болѣе или менѣе обрусѣлыя, привычныя русскому уху. Названія же чиновъ статскихъ были все новыя, иностранныя, длинныя, которыя русскій человѣкъ съ трудомъ могъ произносить. Вслѣдствіе этого тотчасъ же явилось стремленіе въ обыкновенныхъ сношеніяхъ переводить ихъ на военные чины, соотвѣтственные тому же классу, напр. коллежскіе ассесоры или сенатскіе секретари назывались маіорами, такъ какъ они числились въ одномъ и томъ же VIII классѣ. Втеченіе немногихъ лѣтъ это вошло между чиновниками въ такой обычай, что вызвало въ 1731 году слѣдующій именной указъ:

„Понеже извѣстно намъ учинилось, что многіе изъ придворныхъ и гражданскихъ чиновъ, состоящіе въ генералитетскихъ и штабъ и оберъ-офицерскихъ рангахъ называются сами и другіе ихъ именуютъ противъ ранговъ ихъ воинскими чинами, а не тѣмъ званіемъ, въ какое дѣйствительно опредѣлены, отчего происходитъ великій непорядокъ,

---

[1]) Полн. собр. зак., т. VI, № 3978, о должности сената, п. 5, 7.

того ради указали мы... дабы никто впредь противъ вышеписаннаго не надлежащимъ по чину званіемъ именоваться отнюдь не дерзалъ, и служителямъ своимъ о томъ жестоко запретить, чтобы каждый какъ письменно, такъ и на словахъ, имѣлъ зваться по настоящему своему дѣйствительному чину подъ опасеніемъ нашего гнѣва неотмѣнно [1]).

Но, какъ видно, этотъ указъ не произвелъ желаннаго дѣйствія. Черезъ пять лѣтъ оказалось нужнымъ подтвердить его съ прибавленіемъ словъ „подъ опасеніемъ лишенія чина" [2]). И такая угроза не на многихъ дѣйствовала. Страсть называться военными чинами долго у насъ господствовала въ средѣ гражданскихъ чиновниковъ. Впрочемъ, въ самыхъ указахъ нерѣдко подавался къ тому поводъ: такъ подъ чинами оберъ-офицерскими и штабъ-офицерскими разумѣлись чины какъ военные, такъ и гражданскіе, а со словомъ офицеръ не иначе соединяли, какъ военный чинъ, или, при опредѣленіи извѣстнаго гражданскаго чина, приравнивали его къ военному: „ассесоры коллежскіе и надворные совѣтники по табели въ рангѣ маіорскомъ положены", говорится въ одномъ указѣ 1745 года. А въ 1748 году, по поводу производства одного иностранца-академика въ чинъ коллежскаго совѣтника, въ указѣ сказано: „понеже сей чинъ въ иностранныхъ государствахъ необыкновенный, то мы его вмѣсто того канцеляріи совѣтникомъ въ рангѣ полковничьемъ жалуемъ, въ которомъ рангѣ всѣ наши, какъ передъ симъ произведенные канцеляріи совѣтники были, такъ и впредь опредѣляемы быть имѣютъ [3])". Съ этимъ вмѣстѣ въ служащемъ классѣ возникло и стремленіе соединять съ чиномъ не мѣсто, а званіе, независимо отъ мѣста, дающее извѣстныя привиллегіи. Поводомъ къ этому сначала послужила нѣкоторая сбивчивость въ исчисленіи мѣстъ и должностей въ самой табели о рангахъ. Такъ, во второмъ классѣ показаны дѣйствительные тайные совѣтники безъ спеціальныхъ должностей, и при изданіи табели нѣкоторые первостатейные бояре прямо пожалованы этимъ чиномъ, какъ почетнымъ званіемъ. Въ четвертомъ классѣ, между многими исчисленными должностями, попадаются тайные совѣтники также безъ спеціальнаго назначенія, и тогда же былъ облеченъ въ этотъ чинъ извѣстный молдавскій господарь, князь Димитрій Кантемиръ, въ качествѣ приближеннаго лица къ государю; а черезъ два года состоялся указъ повысить чинъ тайныхъ совѣтниковъ въ третій классъ, и въ то же время введены два новые чина безъ указанія должности или мѣста: „на мѣста тайныхъ совѣтниковъ (т. е. въ четвертый классъ) учинить чинъ статскихъ дѣйствительныхъ совѣтниковъ, да въ пятый классъ прибавить статскихъ совѣтниковъ чинъ [4])".

---

1) Полн. собр. зак., т. VIII, № 5878.
2) Тамъ же, т. IX, № 7021.
3) Тамъ же, т. XII, № 9534.
4) Тамъ же, т. VII, № 4500.

Въ то же время нѣкоторые изъ вычисленныхъ въ табели чиновъ, какъ напримѣръ, президенты и вице-президенты въ надворныхъ судахъ, оберъ-ландъ-рихтеры въ резиденціи, оберъ-комиссары, воеводы, казначеи, ассесоры въ провинціальныхъ судахъ и мн. др. не приказано „за вѣчный чинъ почитать, но заурядъ, ибо они не суть чины; того ради рангъ имѣть должны, пока они дѣйствительно у своего дѣла обрѣтаются; а когда перемѣнятся, или оставятся, тогда того ранга не имѣютъ".

Втеченіе всего XVIII столѣтія, табель о рангахъ мало-по-малу измѣнялась и дополнялась; нѣкоторые чины стали обобщаться независимо отъ должностей и сдѣлались какъ бы наименованіемъ цѣлаго класса. Въ 1745 году, найдено неравенство между нѣкоторыми чинами статскими и военными, вслѣдствіе чего выданъ такой именной указъ: „Понеже ассесоры коллежскіе и надворные совѣтники по табели въ рангѣ маіорскомъ положены, но когда они далѣе въ чины производятся, то они вдругъ два ранга получаютъ, т. е. въ совѣтники коллежскіе въ рангъ полковничій, слѣдовательно они предъ воинскими чинами авантажнѣе происходятъ; а воинскіе, напротивъ того, по порядку изъ маіоровъ въ подполковники, а потомъ уже въ полковники дослуживается; а дабы также по порядку и статскіе чины произвождены были, того ради повелѣли мы: отъ сего времени вышепомянутый чинъ надворныхъ совѣтниковъ въ рангѣ подполковничьемъ установить такъ, чтобы ассесоры коллежскіе напередъ въ оный чинъ надворныхъ совѣтниковъ, а потомъ уже въ коллежскіе совѣтники произвождены были, а для того оные надворные совѣтники, сколько ихъ нынѣ есть, отъ сего времени всѣ въ рангѣ подполковничьемъ почтены быть имѣютъ" [1]). До указа о вольности дворянства отставки были очень рѣдки: каждый обязанъ былъ служить до смерти; поэтому о сохраненіи чина внѣ службы не могло быть и рѣчи. Но когда служащіе получали право по собственной волѣ оставлять службу, то лишать ихъ пріобрѣтенной чести было уже неудобно. Отставной удерживалъ за собою выслуженный чинъ, и такимъ образомъ, чины окончательно обратились въ почетное званіе [2]), особенно съ учрежденіемъ министерствъ, гдѣ явились новыя должности съ новыми названіями, и прежнія названія вполнѣ потеряли свой первоначальный смыслъ: повышеніе въ чинѣ какъ награда за службу сдѣлалось само по себѣ независимо отъ повышенія въ должности.

Число служебныхъ мѣстъ непомѣрно росло въ нашей администраціи, благодаря укоренившемуся въ русскомъ законодательствѣ

---

[1]) Полн. собр. зак., т. XII, № 9179.

[2]) Такъ, въ началѣ царствованія Екатерины II Ломоносовъ былъ пожалованъ чиномъ статскаго совѣтника не по мѣсту, а какъ званіемъ, хотя по табели о рангахъ „профессоры при академіяхъ и докторы всякихъ факультетовъ" числились въ IX классѣ.

принципу „предупреждать преступленія". Это стремленіе высказалось еще въ законодательствѣ Петра Великаго, вызванное множествомъ противниковъ его преобразованій во всѣхъ слояхъ народа. Но вполнѣ ясно оно высказалось, какъ идеальная черта законодательства, въ извѣстномъ „Наказѣ" императрицы Екатерины: „предупреждать преступленія есть намѣреніе и конецъ хорошаго законодательства, которое не что иное есть, какъ искусство приводить людей къ самому усовершенному благу, или оставлять между ними, если всего искоренить нельзя, самое малѣйшее зло". Повидимому, этотъ принципъ долженъ бы былъ довести общество до совершеннаго блага: чего лучше, какъ не допускать людей до преступленія, этимъ уменьшать число судебныхъ дѣлъ, рѣже прибѣгать къ наказаніямъ, слѣдовательно и сокращать число несчастныхъ. Но опыты показываютъ, что предупрежденіе преступленій не достигаетъ своей цѣли, а скорѣе вызываетъ новыя преступленія. Оно неминуемо обращается въ подозрѣніе, будто каждый способенъ преступить законъ, а отсюда вытекаетъ необходимость обставить дѣятельность каждаго такъ, чтобы онъ не могъ ступить свободнаго шагу безъ вѣдома начальства. Понятно, что при такомъ стѣсненіи свободной дѣятельности у большинства является стремленіе обойти эту опеку или, по крайней мѣрѣ, тѣ придуманныя безконечныя формальности, какія съ нею соединяются подъ предлогомъ охраны общественныхъ или личныхъ интересовъ. И вотъ эти-то попытки обращаются въ преступленія, которыя требуютъ слѣдствія, суда и наказанія. Ничего бы этого не было, если бы охранялся со всей строгостью и святостью законъ, а не личности, отъ возможныхъ преступленій; если бы каждый не исполнившій закона самъ отвѣчалъ за свой поступокъ, попадая въ руки правосудія. Тамъ же, гдѣ нужно слѣдить за всѣми, чтобы они не переступили за черту законности, обыкновенно самый законъ остается при слабой охранѣ, такъ какъ вниманіе охранителей отвлекается предупрежденіями, а своекорыстіе многихъ изъ нихъ находитъ возможность прикрывать преступленіе. Для предупрежденія требуется много сторожей и часовыхъ всякаго рода; но такъ какъ и они могутъ поддаваться соблазнамъ, то и для нихъ, съ цѣлью предупрежденія, нужны надсмотрщики и надзиратели, которые въ свою очередь не должны оставаться безъ надзора. Изъ-за того, чтобы кто нибудь не сдѣлался преступникомъ и тѣмъ не нанесъ вреда нѣсколькимъ лицомъ, каждый связывается по рукамъ и по ногамъ, и подавляется общественная предпріимчивость частныхъ людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ развивается и общая безпечность въ отношеніи къ общественнымъ интересамъ: каждый успокоивается на мысли, что и безъ него есть такіе люди, которые должны слѣдить за всѣмъ. Но такіе люди оказываются безсильными услѣдить за всѣми людскими помыслами и замыслами, и крупныя преступленія зрѣютъ скрытно, въ тишинѣ, и творятся тогда, когда предупрежденіе дѣлается запоздавшимъ. Предупреждаются по

большей части мелкіе проступки, а отъ дѣйствительныхъ преступленій общество нисколько не ограждается. Оно, напротивъ, только обезсиливается какъ ребенокъ, за которымъ всегда ходятъ няньки. Предупрежденіе преступленій можетъ имѣть значеніе лишь временное, когда обнаружится какой либо заговоръ, или предполагаютъ замыслы злоумышленниковъ; иначе оно задерживаетъ общественный ростъ и создаетъ множество искуственныхъ, такъ сказать, формальныхъ преступленій.

У насъ принципъ предупрежденія наплодилъ множество административныхъ и полицейскихъ мѣстъ, развилъ огромную переписку и потребовалъ полки чиновниковъ. Недостатка въ нихъ не оказалось, благодаря тому, что всякая другая дѣятельность, стѣсненная постороннею опекою, не особенно привлекала къ себѣ людей, сколько нибудь образованныхъ и даже просто грамотныхъ. Всѣ, разумѣется, устремлялись туда, гдѣ было лучше; а лучше было подъ покровомъ табели о рангахъ. Понятно, что государству трудно было до-сыта накармливать всѣ эти полки разныхъ регистраторовъ, секретарей, ассесоровъ и совѣтниковъ. И вотъ, образовался чиновничій пролетаріатъ, который уже самъ отыскивалъ себѣ средства для пропитанія, кормился около законовъ взятками, и привыкъ цѣнить службу только по личнымъ выгодамъ. Развилось и особенное понятіе о службѣ, изъ котораго исключалось представленіе общественнаго дѣла, государственная польза, и т. п. служить—значило добывать чины всякими путями и извлекать изъ своего привиллегированнаго положенія всевозможныя личныя выгоды. Не измѣнялось такое понятіе и отъ образованія, которое съ Екатерины II и въ особенности при Александрѣ и Николаѣ Павловичахъ стало вызываться также чинами. Они сдѣлались приманкою въ разныя спеціальныя училища и въ университеты, которые получали право награждать чинами отъ XIV до IX класса тѣхъ, кто оканчивалъ въ нихъ полный курсъ. Хотя эта мѣра, дѣйствительно, помогла распространиться образованію въ средѣ дворянской и чиновничьей; но само оно приняло одностороннее и ложное направленіе. Оно не возвысилось до общечеловѣческаго значенія, а только приноравливалось къ чиновничьимъ понятіямъ, и въ смыслѣ нравственномъ мало совершенствовало общественные идеалы. Извѣстный указъ 6 августа 1809 года, по мысли Сперанскаго, пошелъ даже далѣе школъ, выказывая стремленіе увеличить число образованныхъ чиновниковъ: онъ требовалъ экзамена для производства въ чины коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника отъ тѣхъ лицъ, которыя не могли представить университетскаго диплома, и экзамена не по спеціальнымъ предметамъ на должности, а по школьнымъ предметамъ, служащимъ основаніемъ общаго образованія. Здѣсь какъ нельзя яснѣе выказался ложный взглядъ на образованіе, которое полагалось не въ умственномъ и нравственномъ развитіи, а въ отрывочныхъ знаніяхъ по географіи, исторіи, въ ариѳметическихъ вычисленіяхъ и проч.

Непрактичность этого указа стала вызывать тотчасъ же разныя исключенія и изъятія и, наконецъ, онъ самъ обратился въ какое-то исключеніе и былъ отмѣненъ въ 1834 году.

Въ то же время запросъ на службу все болѣе и болѣе усиливался со стороны оканчивающихъ курсъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, число которыхъ замѣтно увеличивалось. Другаго исхода въ жизни не было этимъ молодымъ людямъ: воспитанные на мысли о службѣ, они не пріобрѣтали никакихъ другихъ свѣдѣній, нужныхъ на иномъ поприщѣ, да и вообще мало заботились объ основательномъ усвоеніи какихъ либо прочныхъ знаній, считая, что право на службу даетъ пріобрѣтенный по экзамену чинъ; а приготовиться къ экзамену было дѣломъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Застой жизни въ восемьсотъ тридцатыхъ годахъ во всѣхъ классахъ общества, стѣсненія въ промышленныхъ предпріятіяхъ и частнаго почина во всякомъ общественномъ дѣлѣ, не подавали надежды, что могутъ открыться новыя поприща для дѣятельности молодыхъ людей. Къ тому же невѣрное положеніе каждаго человѣка безъ чина, не огражденнаго достаточно отъ всяческихъ оскорбленій со стороны имущихъ власть, отталкивало человѣка сколько нибудь образованнаго отъ всякой другой дѣятельности: даже художники, музыканты, писатели, медики,—всѣ искали какихъ нибудь мѣстъ для чина. Такое положеніе человѣка, примкнувшаго къ образованному классу, было крайне неестественно. На это стали указывать въ заграничной литературѣ, какъ на болѣзнь и на язву въ государствѣ, совѣтуя какъ нибудь отъ нея избавиться. Самому правительству сталъ въ тягость весь этотъ порядокъ гражданской службы.

Въ 1830 году, государственный совѣтъ разсматривалъ проектъ дополнительнаго закона о состояніяхъ, гдѣ уже предполагалось „установить порядокъ службы не на чинахъ, а на должностяхъ, присвоить каждому мѣсту свойственное ему значеніе, каждому служащему лицу приличное уваженіе и вѣрную надежду повышенія по мѣрѣ заслугъ въ его званіи и дать другое и лучшее направленіе похвальному исканію чести, поставивъ ее въ дѣлѣ, а не въ названіи“. Чтобы достигнуть этого, имѣлось въ виду прекратить производство въ гражданскіе чины, слить чинъ съ мѣстомъ, для чего составить росписаніе государственныхъ должностей, съ которыми и должны быть связаны опредѣленные чины. Такимъ образомъ, предполагалось снова обратиться къ первоначальной Петровской табели о рангахъ. Но проектъ не пошелъ далѣе государственнаго совѣта; о немъ только темные слухи проникли въ общество, и въ нѣкоторыхъ образованныхъ кружкахъ были встрѣчены сочувственно. Но стремленіе иначе поставить гражданскую службу не прекратилось въ правительствѣ. Въ 1834 году, въ связи со службою самое образованіе было раздѣлено на три ступени: лица съ высшимъ образованіемъ получили право на сокращенные сроки въ чинопроизводствѣ передъ лицами со среднимъ образованіемъ, которыя въ свою очередь пользовались преимуществами пе-

редъ людьми съ низшимъ образованіемъ. Но съ этой мѣрой не исчезла мысль уничтожить чины, какъ нѣчто отдѣльное отъ должностей. Въ 1846 году, императоръ Николой Павловичъ приказалъ разсмотрѣть вопросъ о гражданской службѣ особому комитету, составленному изъ товарищей министровъ подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Танѣева, котораго потомъ смѣнилъ генералъ-адъютантъ Анненковъ. Здѣсь тоже высказалось намѣреніе уничтожить чины въ томъ видѣ, какъ они существовали.

Вотъ тогда-то въ лицѣ министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова, явился консерваторъ, которому такое намѣреніе показалось крайне либеральнымъ и даже опаснымъ для самодержавной власти. Въ февралѣ 1847 года, онъ представилъ государю записку, на которой мы теперь и останавливаемся, какъ на историческомъ эпизодѣ, заслуживающемъ вниманія для характеристики понятій, развивавшихся въ нѣкоторыхъ чиновничьихъ кружкахъ того времени. Они для насъ тѣмъ интереснѣе, что черезъ немного лѣтъ событія показали, какъ они были ошибочны и до чего, наконецъ, должны были довести государство.

Странное впечатлѣніе производитъ эта „записка“: въ ней говорится о такомъ учрежденіи, на которомъ основано почти все управленіе народомъ, которое составляетъ орудіе верховной власти, говорится о такой службѣ, изъ которой непремѣнно должна вытекать польза государству и народу; а между тѣмъ то, что составляетъ жизненную силу государства, то, безъ чего и власть немыслима—народъ—не въ смыслѣ простонародья, а въ смыслѣ всѣхъ состояній, русская земля,—какъ бы не существуетъ въ понятіяхъ автора. У него бюрократія является какъ нѣчто отдѣльное, самостоятельное, существующее для государства безъ народа, или, еще вѣрнѣе, для защиты государства отъ народа. У него съ понятіемъ „служба“ соединяется не трудъ въ интересахъ государства, не общественное благо, а лишь исканіе чиновъ ради власти, лишь стремленіе удовлетворить личному честолюбію. Трудно найти логическую связь между мыслями „записки“, которая подступаетъ къ своему предмету съ разныхъ сторонъ, подставляя къ нему красивыя подпорки, но стóитъ въ нихъ вглядѣться поглубже, чтобы замѣтить внутреннюю гниль, подкрашенную яркими красками.

Нужно вчитаться въ „Записку“, чтобы найти ту затаенную мысль, для которой она писана. Русскій вельможа испугался, что съ уничтоженіемъ табели о рангахъ пропадетъ сила высшаго сословія, потому что людямъ со связями и съ протекціями чины добывать было легко, согласно съ теоріей Фамусова; но если высшія мѣста будутъ даваться не по чинамъ, а по способностямъ, дѣйствительнымъ трудамъ и заслугамъ, то придется потерпѣть тѣмъ, кто до сихъ поръ быстро возвышался по ступенямъ чиновной лѣстницы и добывалъ почетъ не этими средствами. Переработать понятіе о государственной службѣ,

перевоспитать семьи, невоспитанныя для труда, было мало надежды. Слѣдовательно, чтобы удержать въ рукахъ власть и всѣ выгоды, съ нею соединенныя, нужно было сохранить существующій порядокъ, значитъ, провести мысль, что съ нимъ связывается прочность самодержавія. Какъ ни странна мысль, будто опорою престола можетъ быть только одно сословіе или одинъ классъ, но она, вопреки исторіи и въ обиду всему народу, была распространена въ то время, повторялась въ разныхъ воззваніяхъ и считалась неопровержимою. Но доказать ее логически на основаніи историческихъ выводовъ было бы трудно. Гораздо легче было соединить съ нею подозрѣнія, опасенія, разныя намеки, привести въ связь съ тѣми мыслями, которыя въ то время были пугалами, вызывая разные страшные призраки. Авторъ „Записки" самъ чувствовалъ, что ему недостаетъ вѣскихъ доказательствъ, и для своего огражденія отъ замѣчаній съ этой стороны, прикрывается такими фразами:

„Вопросъ, коего лишь главнѣйшія черты изложены въ этой краткой запискѣ, есть вопросъ первой важности, стоящій нынѣ на ряду съ коренными, отъ которыхъ зависитъ будущность Россіи, ея долголѣтіе и благоденствіе. Не трудно было бы, распространивъ объемъ этой „записки", подкрѣпить выводы прямыми доказательствами, взятыми изъ существа нашего государственнаго права и отечественной исторіи, но и краткаго указанія едва ли не достаточно, чтобы обратить на этотъ столько же важный, сколько и сложный вопросъ вниманіе каждаго благомыслящаго, одушевленнаго чувствомъ своихъ обязанностей къ государю и отечеству."

Здѣсь послѣднее слово прибавлено болѣе для закругленія фразы; изъ привычки соединять съ именемъ государя отечество; но на самомъ дѣлѣ объ отечествѣ тутъ и не думалось, по крайней мѣрѣ изъ всей „записки" не видно, чтобъ понятіе объ отечествѣ было вполнѣ ясно. Съ отечествомъ обыкновенно соединялось представленіе тѣхъ выгодъ, которыя извлекались однимъ сословіемъ изъ угнетеннаго положенія всѣхъ прочихъ; за отечество заболѣвало сердце тогда, когда грозилъ какой-либо ущербъ этимъ выгодамъ. Если возникшій вопросъ былъ дѣйствительно такой первой важности и для государя, и для отечества, какъ представлялъ графъ Уваровъ, то что же мѣшало ему разработать его со всѣхъ сторонъ, извлечь прямыя доказательства и изъ государственнаго права, и изъ отечественной исторіи, чтобы не оставить никакого сомнѣнія въ головѣ каждаго благомыслящаго. Этого требовало, выражаясь словами „записки", чувство своихъ обязанностей къ государю и отечеству. Но если этого не было сдѣлано, то не слѣдуетъ ли заключить, что о такихъ доказательствахъ серьезно и не думалось, что вмѣсто нихъ считалось достаточнымъ замаскировать свою главную мысль разными опасеніями и мнимыми страхами, съ вѣрнымъ разсчетомъ, что такими средствами скорѣе можно убѣдить, т. е. напугать и достигнуть своей цѣли. Въ этихъ пріемахъ, несовсѣмъ логическихъ, мы видимъ харак-

теристическую черту того времени, не относя ея исключительно къ графу Уварову,—лицу, во всякомъ случаѣ выдающемуся своею государственною дѣятельностью и заслуживающему уваженія передъ множествомъ другихъ, игравшихъ видныя роли, его современниковъ.

Автору „Записки", какъ мы сказали, нужно было прежде всего показать значеніе табели о рангахъ въ русскомъ самодержавномъ государствѣ. Въ самомъ началѣ онъ и задаетъ себѣ задачу—разъяснить силу самаго учрежденія:

„Система чиновъ", говоритъ онъ, „исходящая изъ табели о рангахъ Петра I, обращалась въ укоризну и насмѣшку не только иностранцами, писавшими о Россіи, но и многими изъ русскихъ, не постигавшихъ смысла сего учрежденія. Между тѣмъ, никакая иная мѣра, никакое иное государственное постановленіе, не свидѣтельствуетъ столь явно о глубокомъ разумѣ великаго преобразователя Россіи, кому обязаны потомственные вѣиценосцы новою силою, не бывалою въ рукахъ другихъ государей и составляющею твердую опору ихъ власти."

Итакъ, опора власти русскихъ государей не вѣра народа въ высокій идеалъ царя, не нравственная связь царя съ народомъ, не вѣчныя заботы царя о народномъ благѣ, какъ онъ является въ идеальномъ представленіи народа, а въ корпораціи чиновниковъ, созданной табелью о рангахъ. Россія съ своимъ многомилліоннымъ народомъ тутъ является какою-то завоеванною страною, гдѣ сила и власть верховнаго правителя опирается только на хорошо организованную дружину чиновниковъ, обратившихся въ завоевателей. Саркастичнѣе этого нельзя было выразиться въ разсужденіи о системѣ чиновъ по отношенію ихъ къ общей народной массѣ. Мы выводимъ только понятія, сложившіяся въ извѣстномъ кругу подъ впечатлѣніемъ исторической дѣйствительности, безъ всякаго желанія осуждать ихъ.

„И по истинѣ", продолжаетъ авторъ „Записки", „отбросивъ все то, что съ перваго взгляда можетъ въ учрежденіи чиновъ казаться страннымъ и несоотвѣтствующимъ нынѣшнимъ понятіямъ, мы убѣдимся въ высокомъ значеніи этого законоположенія, давшаго самодержавію орудіе столь могущественное, что доколѣ оно останется въ рукахъ властителей, едва-ли что либо можетъ поколебать самодержавную власть въ ея основаніяхъ."

Здѣсь авторъ какъ бы украдкою киваетъ на тогдашнюю Европу, гдѣ колебалась власть и гдѣ смѣялись надъ нашей табелью о рангахъ, слѣдовательно предполагается такой выводъ, хотя и далеко не логическій: въ Европѣ колебалась власть отъ того, что ей незнакомо было наше чинопроизводство.

„Не останавливаясь на мертвой буквѣ", говорится дальше въ „запискѣ", „на формахъ, сопровождающихъ положеніе о чинахъ, для всякаго безпристрастнаго наблюдателя поразительны духъ и послѣдствіе этой великой государственной мѣры въ прямомъ, хотя

сокровенномъ ея значеніи. Въ гражданской жизни всѣхъ европейскихъ народовъ отличіе опредѣляется и достигается или родомъ, или богатствомъ, или дарованіемъ. Тамъ подъ всѣми формами правительствъ только эти три пути ведутъ къ высшимъ слоямъ общества, или, лучше сказать, они-то и составляютъ сей высшій слой. Но какъ пріобрѣтаются отличія въ Россіи и что вкоренилось такъ глубоко въ общемъ сознаніи неисчислимаго большинства?

„Извѣстно, что у насъ, независимо отъ рода, отъ богатства и даже отъ дарованій, гражданское значеніе всѣхъ и каждаго зависитъ отъ степени, которая опредѣляется по усмотрѣнію высшей власти, и что безъ этой степени никто не пользуется вполнѣ выгодами, предоставляемыми или знатностью рода, или огромнымъ состояніемъ, или даже дарами ума и талантами. При такомъ положеніи, потомокъ Пожарскаго и потомокъ Минина должны наравнѣ искать благоволенія правительства, заслуживать офицерскій чинъ. Графъ Шереметевъ, вступая во владѣніе обширнымъ помѣстьемъ, обязанъ прежде воздать правительству, по мѣрѣ силъ, дань личной службой. Карамзинъ оставался бы скромнымъ писателемъ, если бъ взоръ монаршій не поставилъ его въ общественномъ мнѣніи на равную степень съ вельможами.“

Такая идеализація чиновнаго класса могла бы имѣть нѣкоторую связь съ дѣйствительностью, если бы Петровская табель о рангахъ оставалась безъ всякаго измѣненія. Въ идеѣ она дѣйствительно открывала дорогу къ почетнымъ мѣстамъ всему, что есть въ государствѣ наиболѣе даровитаго, талантливаго, просвѣщеннаго, ученаго, а съ этимъ вмѣстѣ, предполагается, и честнаго, понимающаго общественную пользу. Если бы такіе только люди проходили служебную лѣстницу, то ничего бы лучшаго не нужно было и желать. Они, дѣйствительно, поддержали бы власть справедливостью, правосудіемъ, честно исполняя волю монарха, которая не можетъ быть направлена иначе, какъ къ общему благу. Но эта идея заглохла на практикѣ. Кому же было неизвѣстно, какъ пріобрѣтались чины на самомъ дѣлѣ? Въ такомъ случаѣ, кому какая польза могла быть отъ людей, которые не поддерживали силу закона, а торговали имъ, которые своимъ произволомъ подавляли въ массѣ всякое чувство законности и, слѣдовательно, развращали ее? Неужели такая личная служба могла быть опорою власти вѣнценосцевъ, какъ указываетъ „Записка“ графа Уварова? Не ясно ли, что его идеализація явилась совершенно фальшивою, но несмотря на это, она могла очень понравиться тѣмъ, кто предпочитаетъ блестящіе призраки настоящей правдѣ.

Упомянувъ о гражданской жизни всѣхъ европейскихъ народовъ и употребивъ слова гражданское значеніе, коснувшись русской жизни, авторъ въ этомъ сопоставленіи наводитъ на мысль, что у насъ гражданскими правами можетъ пользоваться только чиновникъ,—значитъ, всѣ другія сословія были лишены гражданскаго значенія. Намъ

нѣтъ нужды опровергать его мысли или выводы, мы указываемъ только на тогдашнія понятія извѣстнаго круга. По этимъ понятіямъ, гражданское состояніе Россіи было хотя и особенное, но вполнѣ нормальное, которое „глубоко вкоренилось въ общемъ сознаніи неисчислимаго большинства“, для большей же ясности необходимо прибавить—большинства того же класса, которому давалось гражданское значеніе табелью о рангахъ. Слова о потомкахъ Пожарскаго и Минина, равно и графа Шереметева, могли бы имѣть нѣкоторое значеніе до изданія грамоты о вольности дворянства, когда каждый дворянинъ обязанъ былъ „воздавать правительству дань личной службы“; но въ сороковыхъ годахъ, когда само правительство стало искать средства отвлекать отъ службы часть ищущихъ ее, не имѣя возможности удовлетворять ежегодно увеличивавшемуся запросу на „гражданское значеніе“, эти слова могли служить только красками для фальшивой идеализаціи, на которую мы указали. Несовсѣмъ удачно также и указаніе на Карамзина въ сороковые годы, когда уже наступившее для него потомство чтило его въ общественномъ мнѣніи не какъ лицо, ставшее на равную степень съ вельможами, а какъ писателя, оказавшаго своимъ талантомъ большую услугу литературѣ, обществу и народу. По меньшей мѣрѣ было странно въ то время представлять его скромнымъ писателемъ, достоинство котораго было будто бы возвышено тѣмъ, что по „гражданскому значенію“ онъ сталъ на равную степень съ вельможами. Въ такомъ случаѣ, какъ много долженъ бы былъ потерять Пушкинъ въ общественномъ мнѣніи! Но онъ и въ самомъ дѣлѣ много терялъ, только не въ общественномъ мнѣніи, а въ глазахъ такихъ чиновныхъ идеалистовъ, какіе намъ рисуются въ „Запискѣ“. Но обратимся къ ней снова:

„Что-жъ укрѣпило втеченіе 120 лѣтъ въ общемъ мнѣніи учрежденіе Петра I“, спрашиваетъ графъ Уваровъ, „и отчего Россія, не взирая на возгласы нѣкоторыхъ легкомысленныхъ и недальновидныхъ, такъ пристрастилась къ этому порядку, что измѣненіе его считала бы не пріобрѣтеніемъ, а ущербомъ?“

Имѣя въ виду тѣ понятія, которыя уже высказались прежде, здѣсь мы должны подъ словомъ „Россія“ принять лишь чиновный классъ, за которымъ, по взгляду графа Уварова, только и признавалось „гражданское значеніе“, и который, конечно, измѣненіе въ чинопроизводствѣ въ такомъ смыслѣ, какъ предполагалось, сталъ бы считать не пріобрѣтеніемъ, а ущербомъ. И такъ, съ интересами одного класса отождествлялись интересы государства и народа. Съ интересами одного сословія хотѣли насильственно связать интересы высшей власти и оторвать отъ нея интересы всѣхъ другихъ подданныхъ. Дальнѣйшія слова „Записки“ представляютъ еще бо̀льшую натяжку:

„Россія не пристрастилась, какъ иные думаютъ, ни къ титуламъ, съ нѣмецкаго довольно неудачно переведеннымъ, ни къ званіямъ, льстящимъ самолюбію, но потерявшимъ большую часть ихъ приманки;

причина желанія чиновъ лежитъ глубже. Россія любитъ въ табели о рангахъ торжественное выраженіе начала, славянскимъ народамъ драгоцѣннаго—равенства передъ закономъ; дорожитъ знаменіемъ мысли, что каждый въ свою очередь можетъ проложить себѣ путь къ высшимъ достоинствамъ службы. Сынъ знатнаго вельможи, или богатѣйшаго откупщика, вступая на поприще государственной службы, не имѣетъ въ законахъ оной никакого другаго преимущества, кромѣ преимущества постояннаго усердія, и оно можетъ быть у него благородно оспариваемо сыномъ бѣднаго и неизвѣстнаго заслугами отца".

Все это, въ самомъ дѣлѣ, представлялось при изданіи табели о рангахъ; но дѣйствительность заглушила ея основную идею, и одного постояннаго усердія оказалось мало при конкуренціи съ сыновьями знатнаго вельможи, или богатѣйшаго откупщика; сильнѣе этого качества сдѣлались другія, которыхъ почти всегда не доставало у сына бѣднаго и неизвѣстнаго заслугами отца. Примѣръ Сперанскаго и нѣкоторыхъ другихъ не можетъ подтвердить мнѣнія графа Уварова, такъ какъ и Сперанскій, безъ сильной протекціи въ началѣ службы, съ однимъ своимъ усердіемъ, можетъ быть, пошелъ бы не далеко. Что же касается до равенства передъ закономъ, которымъ будто бы дорожила крѣпостная Россія какъ началомъ, драгоцѣннымъ славянскимъ народамъ, то о немъ какъ-то странно было слышать въ тѣ времена, особенно же дѣлать общіе выводы о славянскихъ народахъ, которые чуть не всѣ были сравнены безправіемъ. Да и кромѣ того, равенствомъ передъ закономъ можно-бъ было всѣмъ пользоваться и безъ табели о рангахъ, которая, давая исключительныя права нѣкоторымъ, скорѣе могла мѣшать равенству. Остается отчасти вѣрною только одна мысль, которая, впрочемъ, можетъ относиться и не къ одной Россіи: какой народъ не будетъ дорожить мыслью, что каждый изъ его среды можетъ проложить себѣ путь къ высшимъ достоинствамъ службы? Въ отношеніи къ Россіи эта мысль ограничивалась нѣкоторыми сословіями, а милліоны крѣпостнаго народа не могли питаться ею, и дорожить „знаменіемъ этой мысли", т. е. табелью о рангахъ, имъ не приходилось. Скорѣе они чувствовали на своихъ плечахъ всю тягость этого табельнаго сословія, которое считало настоящею гражданскою Россіею только себя, а на всѣхъ другихъ смотрѣло какъ на источники для доходовъ.

Причина желанія чиновъ въ то время лежала, дѣйствительно, глубоко, но къ сожалѣнію ни графъ Уваровъ, ни многіе другіе, не хотѣли замѣтить, или поискать ея. Мы уже прежде на нее указали: чинъ давалъ, по крайней мѣрѣ, хоть тѣ права, безъ которыхъ человѣку, хоть нѣсколько развитому и образованному, невыносимо было жить въ обществѣ; у насъ есть довольно примѣровъ, что такіе люди, даже очень талантливые, погибали.

Изъ предъидущихъ своихъ мыслей графъ Уваровъ дѣлаетъ такое заключеніе:

„Итакъ, съ одной стороны, Россія смотритъ на табель о рангахъ не какъ на игрушку мелкаго ребяческаго тщеславія, а какъ на залогъ одного изъ важнѣйшихъ своихъ началъ въ быту народномъ; съ другой—правительство держитъ въ своихъ рукахъ орудіе, какъ будто общимъ согласіемъ ему предоставляемое,—орудіе, по силѣ котораго къ политическому смыслу самодержавія прибавляется еще и нравственное достоинство“.

Если подъ этимъ послѣднимъ выраженіемъ разумѣть отрицаніе нравственнаго достоинства въ человѣкѣ, не успѣвшемъ получить чинъ, то признаемся—сильнѣйшаго осужденія не могъ бы придумать и тотъ, кто задалъ бы себѣ задачу уронить въ общемъ мнѣніи табель о рангахъ, какъ учрежденіе отжившее и мѣшающее народу свободно развиваться нравственно. При такихъ понятіяхъ нисколько не удивительно, что въ извѣстномъ кругу при знакомствѣ съ человѣкомъ прежде всего спрашивали, есть ли у него чинъ, иначе онѣ представлялся лицомъ безъ нравственнаго достоинства, съ которымъ зазорно было знакомиться и которое даже неловко было посадить съ собою.

Продолжаемъ „Записку“:

„Законоположеніе о чинахъ можетъ измѣниться двумя способами: совершеннымъ уничтоженіемъ онаго, или ограниченіемъ. Замѣчательно, что одинъ изъ записныхъ недоброжелателей существующаго порядка въ Россіи, Николай Тургеневъ, въ сочиненіи своемъ о Россіи говоритъ, что едва-ли возможно будетъ побудить правительство отказаться вполнѣ отъ этого учрежденія и что на первый случай можно довольствоваться ограниченіемъ, состоящимъ въ томъ, чтобы чины были предоставляемы однимъ служебнымъ мѣстамъ. Ясно, что не соразмѣрность сихъ послѣднихъ съ первыми должна мало-помалу положить конецъ самому учрежденію и ввести новый порядокъ службы, новый порядокъ гражданскаго быта въ Россіи. Разсмотримъ послѣдствія такого измѣненія:

„Первое дѣйствіе не только совершеннаго уничтоженія, но и одного ограниченія закона о чинахъ, произведетъ въ общемъ мнѣніи несомнительное потрясеніе, отчасти похожее на смятеніе, и дастъ поводъ къ толкамъ и предположеніямъ о дальнѣйшихъ мнимыхъ видахъ правительства. Этотъ сильный ударъ поразитъ множество предубѣжденій, скажемъ, предразсудковъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возбудитъ множество тайныхъ надеждъ и мечтаній. Въ Россіи умъ слишкомъ дѣятеленъ, слишкомъ смѣтливъ, и не можетъ оставаться долго подъ бременемъ слѣпаго оцѣпенѣнія; въ скоромъ времени умы воспрянутъ къ новымъ соображеніямъ, проникнувъ въ изгибы всѣхъ могущихъ быть слѣдствій, и найдутъ себѣ пути болѣе или менѣе благонамѣренные къ цѣли, вдали открываемой“.

Во всемъ этомъ мы не можемъ видѣть ничего другаго, кромѣ приступа къ созданію мнимыхъ страховъ отъ тѣхъ призраковъ, которые мерещились въ то время многимъ, благодаря предшествовавшей дѣя-

тельности графа Бенкендорфа, спеціальностью котораго было неустанно слѣдить за общимъ мнѣніемъ, въ дѣйствительности и не существовавшимъ. Главное желаніе высшихъ властей въ то время состояло въ томъ, чтобъ все и вездѣ было спокойно, что̀ служило признакомъ общей безопасности, довольства и счастія. Отсюда являлось опасеніе, чтобъ куда нибудь не проникла какая либо живая мысль, которая могла бы возбудить разговоры въ разныхъ кружкахъ, если не въ цѣломъ обществѣ; и всѣ усилія властей были направлены къ водворенію общаго молчанія. И вотъ, „Записка“ угрожаетъ правительству тѣмъ, чего оно всего болѣе боялось, особенно въ виду неспокойнаго состоянія умовъ въ тогдашней Европѣ. Это было за годъ до февральской революціи во Франціи. Хотя у насъ все было спокойно, и не было никакихъ причинъ создавать какіе либо страшные призраки, но призраки создавались, и всегда было легко пустить мысль о возможности „несомнительныхъ потрясеній, отчасти похожихъ на смятеніе“. Если тогдашнее правительство любило держать въ тайнѣ отъ всѣхъ свои виды и предположенія, то понятно, что давать поводъ къ толкамъ о дальнѣйшихъ, даже мнимыхъ его видахъ, было съ его точки зрѣнія совсѣмъ неблагоразумно. А тутъ еще предсказываютъ, что оно своими мѣрами въ вопросѣ о чинахъ можетъ возбудить множество „тайныхъ надеждъ и мечтаній“. Кто же не зналъ, какой смыслъ заключали въ себѣ эти слова—„тайныя надежды и мечтанія?“

Достаточно было только мимоходомъ намекнуть на это, чтобы напугать и заставить отказаться отъ предполагаемыхъ мѣръ. Но настоящія и болѣе дѣйствительныя запугиванья слѣдуютъ далѣе:

„Въ Россіи трудно дѣлать рѣшительный выводъ касательно общаго мнѣнія, потому что оно лишено возможности открыто высказываться и обнаруживаться. При всемъ томъ, кто пристально и вблизи наблюдаетъ за его ходомъ, тому послѣдствія новаго положенія о службѣ представляются въ чертахъ самыхъ опредѣленныхъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ подобнаго переворота былъ бы переворотъ въ понятіяхъ о службѣ, которыя и безъ того мало-по-малу подвергаются измѣненію“.

Въ этой фразѣ слово „переворотъ“, котораго такъ сильно боялись въ правительственныхъ кругахъ, служитъ какимъ-то грознымъ предвѣстіемъ чего-то опаснаго. „Записка“ дорожитъ существовавшимъ понятіемъ о службѣ, которое, какъ мы видѣли, плодило массу честолюбивыхъ тунеядцевъ, неспособныхъ ни на какой настоящій трудъ для общаго блага. Государство сильно страдало отъ такихъ понятій и, казалось, каждый просвѣщенный патріотъ долженъ бы былъ желать, чтобы, наконецъ, принимали службу въ настоящемъ ея значенія, какъ честный трудъ въ интересахъ государства, общества и народа. Но такая перемѣна въ понятіяхъ представлялась страшною для того кружка, который считалъ себя какъ бы призваннымъ держать власть въ своихъ рукахъ.

Дальнѣйшія строки ясно высказываютъ, о комъ именно хлопо-

тала партія консерваторовъ, представителемъ которыхъ на этотъ разъ является авторъ „Записки“:

„Мысль общая за полвѣка, что каждый русскій подданный долженъ служить престолу, мысль, которая благоговѣйно руководитъ цѣлыми поколѣніями—съ уничтоженіемъ табели о рангахъ несомнѣнно ослабѣетъ. Можетъ быть, на первый случай останется привычка посвящать нѣсколько лѣтъ юношеской жизни государственной службѣ; но когда счастливый случай не откроетъ желаемаго поприща, когда, при маломъ числѣ мѣстъ, встрѣтится безнадежность получить выгодное для честолюбія назначеніе, когда число не служащихъ, или переставшихъ служить, будетъ ежегодно возрастать,—тогда едва ли молодой человѣкъ рѣшится долго оставаться въ такомъ сомнительномъ служебномъ положеніи. Безъ сомнѣнія, кто имѣетъ наслѣдственное достояніе, тотъ выйдетъ въ отставку, потому что для него служба потеряетъ всю нравственную силу, нравственное могущественное привлеченіе. Въ то же время быстро образуется новый разрядъ людей съ особенными понятіями, съ особенными предразсудками и мечтами, менѣе привязанныхъ къ правительству, а болѣе занятыхъ собственными выгодами. Рѣшительно можно напередъ сказать, что общія между ними начала произведутъ и новый духъ общій, частію помѣстной, частію денежной аристократіи, если только можно этимъ именемъ назвать преимущество, какое даютъ помѣстья и деньги независимо отъ знатности породы, или личныхъ заслугъ“.

Итакъ, только одно личное честолюбіе связывало молодыхъ людей извѣстнаго круга съ государственною службою, которая въ то же время сливалась и съ службою престолу. По взгляду даже государственныхъ людей, погоня за чинами составляла „всю нравственную силу“ службы, „нравственное могущественное къ ней привлеченіе“. Какъ же мало нравственно было развито то общество, гдѣ служба иначе не представлялась, какъ въ „выгодномъ для честолюбія назначеніи“, какъ въ выжиданіи счастливаго случая, который откроетъ желаемое поприще. И никакого другаго нравственнаго удовлетворенія не предполагалось отъ службы. Человѣкъ считается на службѣ, хотя безъ всякой обязанности, безъ всякаго дѣла, но онъ ждетъ, что его будутъ производить въ чины потому, что онъ служитъ, а служитъ потому, что у него есть свое честолюбіе. Но вотъ чины уничтожаются, остаются только служебныя мѣста, на которыя требуются только люди знающіе и привычные къ труду; ему въ тягость такая служба, если она не обѣщаетъ быстрой блестящей карьеры, если онъ къ тридцати годамъ уже не можетъ называться статскимъ, а то и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, и онъ объявляетъ, что не стоитъ служить и оставаться въ такомъ „сомнительномъ служебномъ положеніи“. И такихъ-то людей хотѣли поддерживать, считая въ нихъ настоящую силу государственнаго управленія; и для нихъ-то нужно было защищать всѣми силами табель о рангахъ. Но какъ эта

неискусная защита выдавала ихъ головою правительству. Съ одной стороны, они выставляются какъ главная опора всего государственнаго строя, какъ надежнѣйшіе слуги престола; съ другой стороны представляютъ, что если государство не будетъ выставлять никакой приманки ихъ честолюбію, то они не только бросятъ службу, но и составятъ изъ себя новый разрядъ людей съ особенными предразсудками и мечтами, менѣе привязанныхъ къ правительству, а болѣе занятыхъ собственными выгодами. Итакъ, выходитъ, что они не болѣе какъ наемники, которые служатъ только тогда, когда имъ лично выгодно. Въ такомъ случаѣ табель о рангахъ, покровительствующая и выводящая такихъ людей на дорогу къ высшимъ мѣстамъ, ужъ совершенно не стоила защиты. Но это такъ по нашимъ понятіямъ, а тогдашнія понятія о государствѣ и народѣ развивали другіе взгляды.

Защищая табель о рангахъ, авторъ „Записки" имѣлъ въ виду только одинъ классъ людей, у которыхъ было наслѣдственное достояніе, но онъ отдѣлилъ отъ нихъ другой классъ, который развился подъ сѣнію табели о рангахъ и къ которому онъ относился съ нѣкоторымъ аристократическимъ высокомѣріемъ, если не съ презрѣніемъ. Тутъ ужъ онъ не замѣчаетъ, что впадаетъ въ противорѣчіе, защищая тотъ порядокъ, который наплодилъ массу людей, совсѣмъ ему несимпатичныхъ и небезопасныхъ, по его взгляду, для будущаго. Вотъ какія опасенія онъ высказываетъ:

„Такимъ образомъ, государственная служба вся перейдетъ въ руки такъ называемыхъ чиновниковъ, составляющихъ уже у насъ многочисленное сословіе людей безъ прошедшаго и будущаго, имѣющихъ свое особенное направленіе и совершенно похожихъ на классъ пролетаріевъ, единственныхъ въ Россіи представителей неизлѣчимой язвы нынѣшняго европейскаго образованія. Въ скоромъ времени этотъ классъ, при уклоненіи отъ служенія престолу высшаго и незрѣлости низшаго, возникнетъ съ непреоборимою силою и тѣмъ ознаменуется переходъ политической дѣятельности въ руки средняго класса, что въ прочихъ европейскихъ государствахъ называется Tiers-Etat или Bourgeoisie".

Нельзя было больше отуманить страхомъ воображеніе русскихъ политиковъ, какъ указаніемъ на тогдашнюю французскую буржуазію, съ которою будто бы оказывается сходство въ нашемъ чиновничествѣ. Но если оно такъ опасно, какъ сословіе пролетаріевъ,—слѣдовательно ужъ не буржуазія,—то скорѣе нужно было желать уничтоженія табели о рангахъ, безъ котораго оно потеряетъ всякое значеніе и сравняется со всѣми другими. Авторъ „Записки" не безъ основанія отождествлялъ его съ среднимъ классомъ; оно дѣйствительно составляло его зерно; къ этому классу должны были современемъ примыкать образованные люди и изъ другихъ сферъ—промышленной, ученой, артистической. Должно было предвидѣть, что на его сторонѣ

будетъ перевѣсъ образованія, труда, капитала. Вотъ чего долженъ былъ опасаться высшій классъ, доказавшій втеченіе полуторастолѣтія свою нравственную шаткость, свое неумѣнье воспитывать младшихъ своихъ членовъ для общественной дѣятельности, свое отвращеніе отъ труда, свою неспособность вести даже собственное помѣстное хозяйство на разумныхъ началахъ. При такихъ условіяхъ, высшій классъ не могъ оставаться передовымъ классомъ, и наиболѣе умные и развитые изъ его среды должны были опасаться, что и государственная служба легко можетъ ускользнуть изъ ихъ рукъ, потому что она непремѣнно потребуетъ основательнаго научнаго образованія, спеціальныхъ знаній, настойчиваго труда, чего не выносилось изъ ихъ семей. Но гдѣ основаніе было думать, что если пострадаетъ высшій классъ, то непремѣнно пострадаетъ и верховная власть, которая держится всѣмъ народомъ по нравственной связи съ нимъ? Верховной власти много выгоднѣе соединить свои интересы съ интересами всѣхъ сословій и изъ нихъ привлечь къ себѣ все честное, умное, образованное и способное къ труду—въ этомъ же была и первоначальная мысль табели о рангахъ, мысль, которая не прошла въ дѣйствительной жизни, потому что при самомъ началѣ была заглушена личными интересами многихъ. И если, такимъ образомъ, табель о рангахъ оказалась несостоятельною и стала выгодною только для немногихъ, то не было и основанія крѣпко держаться за нее.

„Записка" хочетъ смутить воображеніе еще однимъ вопросомъ:

„Чѣмъ правительство замѣнитъ приманку чиновъ, и если бы успѣло найти какую-либо иную мѣру, что оно выиграетъ отъ новаго порядка вещей и понятій? Очевидно, что по разрушеніи мысли, столь мудро и искусно къ Россіи приложенной великимъ ея преобразователемъ, остается въ виду одно лишь замѣнительное средство: умноженіе денежныхъ окладовъ. Но и этого мало. Человѣку врождена еще нравственная потребность, которую также нужно будетъ удовлетворить: потребность возвышенія. Съ одной стороны, какую неисчерпаемую руду слѣдовало бы вновь открыть, чтобы удовольствовать требованія, неудержимо возрастать долженствующія? Съ другой стороны, не родятся ли новыя покушенія къ пріобрѣтенію, вмѣсто чиновъ,—славы, власти, чего на Западѣ съ такою алчностью добиваются? Разумѣется, никакихъ сокровищъ не будетъ достаточно для замѣны чиновъ новыми окладами. Не подлежитъ также сомнѣнію, что, давши однажды такое направленіе государственной службѣ, правительство не въ состояніи будетъ остановить потокъ произвольнаго самовознагражденія. Что же касается до послѣдствій властолюбія, разрушительныхъ и ужасныхъ въ нашихъ глазахъ, объ этомъ нельзя и думать безъ страха за будущее Россіи. Единственная преграда всему этому находится въ идеѣ о службѣ; по уничтоженіи этой идеи, корыстныя и властолюбивыя наклонности, обыкновенно довольныя однимъ настоящимъ, не знающія ни прошед-

шаго, ни будущаго, будутъ въ полномъ смыслѣ двигателями новаго порядка служенія и единственнымъ мѣриломъ новой служебной іерархіи".

Много неяснаго представляется во всемъ этомъ разсужденіи. Оно, видимо, писано подъ впечатлѣніемъ копившихся фактовъ въ жизни Западной Европы. Но тутъ же видится и недоразумѣніе. Русскій человѣкъ такъ привыкъ къ чиновнымъ титуламъ, что безъ нихъ, ему кажется, уже не будетъ удовлетворено обыкновенное человѣческое честолюбіе. Какъ будто бы съ уничтоженіемъ существовавшаго порядка въ чинопроизводствѣ уже исчезали и самыя мѣста въ государственной службѣ, которыя представляли широкую дѣятельность, соединенную съ почетомъ, съ общимъ уваженіемъ и благодарностью. Это было и въ намѣреніяхъ правительства, когда оно задумывалось о лучшемъ положеніи служебнаго сословія—„присвоить каждому мѣсту свойственное ему значеніе, каждому служащему лицу приличное уваженіе и вѣрную надежду повышенія по мѣрѣ заслугъ въ его званіи, и дать другое и лучшее направленіе похвальному исканію чести, поставивъ ее въ дѣло, а не въ названіе". Значитъ, опасеніе, что свойственное человѣку честолюбіе не будетъ удовлетворяться ревностною службою, едва ли было основательно. Что же касается до послѣдствій властолюбія, отъ которыхъ приходитъ въ такой ужасъ авторъ „Записки", то мы совсѣмъ не понимаемъ его. Нужно было предвидѣть много переворотовъ въ государствѣ и въ жизни народа, чтобъ вообразить себѣ просторъ для властолюбія служащаго чиновника, но „записка" не выясняетъ, какія основанія были у автора предполагать такіе перевороты; а неосновательный страхъ говоритъ только о призракахъ, которые лишь свидѣтельствуютъ о спутанныхъ понятіяхъ.

Самый сильный и для того времени самый дѣйствительный доводъ противъ мысли уничтожить чины, доводъ, который авторъ „Записки" приберегъ къ самому концу, представляется намъ и самымъ неосновательнымъ, чтобы не сказать фантастическимъ. При этомъ онъ и очень характеристиченъ для того времени. Правительственныя мѣры оцѣниваются по сочувствію или несочувствію къ нимъ молодаго поколѣнія. Если оно выказываетъ какое-либо сочувствіе и начинаетъ разсуждать, то сейчасъ является подозрѣніе, нѣтъ ли въ нихъ какой-либо ошибки не въ пользу правительства, не возбуждаютъ ли онѣ какихъ-либо надеждъ въ молодыхъ людяхъ; всякая надежда приравнивалась мечтѣ, всякая же мечта считалась опасною, потому что могла вызывать разговоры, которые будто бы нарушаютъ общее спокойствіе, что въ свою очередь можетъ повести къ волненію умовъ; а это уже грозитъ Богъ знаетъ чѣмъ. Такой логикой руководствовались консерваторы, и мечтая сами за юношей, выдавали произведенія своей фантазіи за ихъ мечты. Но приведемъ собственныя слова графа Уварова:

„Въ разсужденіи пользы, какой можетъ правительство ожидать отъ такого перелома, изъ всего вышесказаннаго съ достовѣрностью слѣдуетъ заключить, что посягательство на глубокомысленное учрежденіе Петра I не представляетъ ничего другаго, кромѣ жертвы и добровольнаго уничтоженія сильнѣйшаго орудія высшей власти; съ этимъ уничтоженіемъ ясно сопряженъ нѣкоторый ущербъ и самой власти. Нетерпѣливость, съ какою юное поколѣніе ожидаетъ этой мѣры, указываетъ достаточно, сколь она способна къ возрожденію всякой неосновательной и опасной мечты. Теперь каждый юноша воображаетъ, что это сближеніе съ настоящими европейскими понятіями откроетъ ему новое обширное поприще и что, освободившись отъ тягостнаго, болѣе или менѣе медленнаго ига чинопроизводства, онъ шагнетъ на высшія мѣста и займетъ важнѣйшія должности въ государствѣ. Конечно, это во всякомъ случаѣ останется мечтою, но мечты этого рода предвѣщаютъ опасное волненіе въ умахъ. А какое время болѣе настоящаго доказываетъ необходимость удерживать всякое тревожное движеніе и оставаться на незыблемыхъ началахъ своего роднаго быта, тысячелѣтіемъ скрѣпленнаго и вѣрою освященнаго“?

Не странно ли въ защиту табели о рангахъ указывать на незыблемыя начала роднаго быта, мало того, что скрѣпленнаго тысячелѣтіемъ, но еще и освященнаго вѣрою, той табели, которая вмѣстѣ съ другими Петровскими учрежденіями поколебала эти начала тысячелѣтняго роднаго быта, вызвала новыя стремленія, создала новое сословіе, которое непріязненно стало относиться къ этимъ началамъ роднаго быта? Не странно ли соединять съ вѣрою государственное учрежденіе, вызванное извѣстнымъ временемъ? Но у автора была своя идея. Онъ хотѣлъ напомнить о тѣхъ началахъ, которыя были провозглашены для русской жизни въ отпоръ европейскому вліянію,—самодержавіе, православіе и народность, и которыми оправдывался тогдашній застой. Признавъ за табелью о рангахъ сильнѣйшее орудіе самодержавія, онъ хотѣлъ навести на мысль, что пострадаютъ всѣ эти начала, если уничтожится самое орудіе. Что такое сближеніе съ тысячелѣтними началами вышло несовсѣмъ ловко, этого онъ не замѣтилъ; но здѣсь онъ нашелъ удобный случай пустить новый призракъ, чтобы еще прибавить страха. Какихъ мечтательныхъ юношей разумѣлъ онъ—мы не знаемъ. Что же касается до мечтаній о быстромъ возвышеніи до значительныхъ должностей, то въ нихъ недостатка не было и тогда у юношей, выходившихъ изъ разныхъ привиллегированныхъ учебныхъ заведеній. Они не тяготились медленнымъ игомъ чинопроизводства, а шагали быстро на высшія мѣста; примѣровъ было много, и никто не слыхалъ ни о какихъ тревожныхъ движеніяхъ и опасномъ волненіи въ умахъ. Но то были юноши не такіе, которымъ нужно было задерживать ходъ впередъ; опасны были тѣ, которые могли перебить имъ дорогу; но тѣхъ-то и не могъ знать авторъ „Записки“. Большинство изъ нихъ даже и не

мечтало, а просто прозаически разсчитывало на обыкновенную чиновничью карьеру самымъ обыкновеннымъ путемъ, такую, какую и прежде дѣлали многіе. Слухи о перемѣнахъ въ табели о рангахъ скорѣе могли опечалить ихъ, чѣмъ обрадовать и вызвать разныя несбыточныя мечтанія. Меньшинство же наиболѣе способныхъ къ идеальнымъ мечтаніямъ скорѣе чувствовало отвращеніе отъ всякой службы, и если мечтало, то о томъ, какъ бы устроить себя болѣе независимо, безъ необходимости ломать себя по даннымъ образцамъ. Эти мечты, можетъ быть, инымъ и могли показаться предвѣщаніемъ опаснаго волненія въ умахъ, но во всякомъ случаѣ табель о рангахъ тутъ была непричемъ.

И несмотря на все это, „Записка" графа Уварова сдѣлала свое дѣло. Вопросъ о системѣ чиновъ остался безъ всякаго практическаго дѣйствія. Все оставалось по старому. Чиновные люди воображали, что они стоятъ „на незыблемыхъ началахъ своего роднаго быта, тысячелѣтіемъ скрѣпленнаго и вѣрою освященнаго", что они своими заботами удерживаютъ всякое „тревожное движеніе". Все, дѣйствительно, молчало, все вѣрило въ крѣпость чиновничьяго государства, и вдругъ все оказалось подгнившимъ. Табель о рангахъ устояла, благодаря заботамъ консерваторовъ; а доводы, которые они представляли въ ея защиту, всѣ разсыпались, опровергнутые событіями. Оказалось, что служба не ради дѣла, а ради чиновъ, развратила служилый людъ, не развила въ немъ истиннаго патріотическаго чувства: въ самую критическую минуту государство увидѣло себя безъ надлежащихъ силъ, безъ нужныхъ научныхъ знаній, съ полками чиновниковъ, навыкшихъ заботиться о своихъ личныхъ выгодахъ, но неумѣвшихъ служить государю и отечеству, которое вдругъ увидѣло себя обманутымъ, обворованнымъ, подведеннымъ подъ непріятельскія пушки. Гдѣ же тѣ увѣренія, что эти полки составляютъ сильнѣйшее орудіе высшей власти? Власть сама должна была убѣдиться, что ее провели самымъ жалкимъ образомъ, что подъ сѣнью табели о рангахъ и при общемъ сонномъ безмолвіи все заглохло. Нужно было спасать государство страшнымъ напряженіемъ всѣхъ народныхъ силъ. Потребовалось много жертвъ. Онѣ-то и доказали, что русская земля крѣпка не тѣми подпорками, на которыя указывали недальновидные консерваторы, смущая власть подозрѣніями противъ тѣхъ, кто искренно желалъ ей добра безъ всякой возможности смѣло и откровенно высказать свои желанія и опасенія за будущее. За то вмѣсто нихъ высказались, какъ нельзя откровеннѣе, самыя событія, которыя, какъ судьба, были неотвратимы, хотя рьяные охранители верховной власти даже наканунѣ не съумѣли предвидѣть ихъ.

Благодаря имъ, послѣдовало такое разочарованіе въ русскихъ людяхъ, и табельныхъ, и не табельныхъ, которое впослѣдствіи русскому историку немало поможетъ выяснить многія явленія или событія нашего времени.

Не къ добру послужило и это нашептыванье на юное поколѣніе, которымъ разсчитанно стращали власть и стращали съ успѣхомъ, до того, что даже предполагаемое его сочувствіе какой либо хорошей мѣрѣ правительства могло остановить ее и закрѣпить застой. Не оправдала себя передъ юнымъ поколѣніемъ та сила, на которую только и разсчитывали, воспитывая его и въ то же время не довѣряя ему. Что же мудренаго, что неожиданно совершившіяся тяжелыя событія, оскорбительныя для патріотическаго чувства, развили и въ немъ недовѣріе, которое повело также къ печальнымъ явленіямъ. Задумается и надъ ними будущій историкъ и, можетъ быть, не найдетъ ничего подобнаго ни въ одной исторіи. Но мы не сомнѣваемся, кого обвинитъ онъ.

В. Стоюнинъ.

„ЛИХОЛѢТЬЕ".

(Смутное время).

Историческій романъ.

„Соизвольте выслушать, люди добрые, слово вѣстное, приголубьте рѣчью лебединою словеса немудрыя, какъ въ старые годы, прежніе, жили люди старые. А и то-то, родимые, были вѣки мудрые, народъ все православный! Живали старики не по-нашему, не по-нашему по-заморскому, а по-своему православному. Вставали раннымъ-раненько, съ утренней зарей, умывались ключевой водой съ бѣлой росой; молились всѣмъ святымъ и угодникамъ; кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада; выходили на красенъ-крылецъ съ рѣшеточкой, созывали слугъ вѣрныхъ на добры дѣла... Старики судъ рядили, молодые слушали, старики придумывали крѣпкія думушки, молодые бывали на посылушкахъ. Бывали радости велики на великъ день; бывали бѣды со кручинами на велико сиротство... А что было, то быльемъ поросло, а что будетъ, тому быть не по старому, а по новому. Русскимъ людямъ долгое житье, а родимой сторонѣ долѣ того! а царю бѣлому, государю русскому, все на честь и хвалу!"

(Предисловіе къ русскимъ народнымъ сказкамъ XIV вѣка).

ОТЪ АВТОРА.

СТОРІЯ становится теперь источникомъ народнаго сознанія. Понять свою исторію, то есть себя,—это духъ нашего вѣка. Исторія не только наука, но и искусство. Историческому изысканію необходима художественная форма. Въ разсказахъ о временахъ Меровинговъ, напримѣръ, поэтическое дарованіе помогало ученому разбудить сонъ вѣковъ и воспроизвести живой образъ прошедшаго съ его особенностями. Это давно прошедшее, забытое, ждало

только слѣпаго Огюстена Тьэрри. Его „Recits"—глубокая человѣческая драма и исторія въ то же время. Припомнимъ, что учителями историка Тьэрри были: романистъ Вальтеръ-Скоттъ и поэтъ Шатобріанъ. Не историкъ Тьэрри, а историческій романистъ Вальтеръ-Скоттъ открылъ (въ романѣ „Айвенго") нормановъ и саксонцевъ при королѣ Ричардѣ I-мъ Львиномъ Сердцѣ.

Немаловажно въ дѣлѣ исторіи значеніе историческаго романа. Попытки нѣкоторой части нашей журналистики предать посмѣянію труды тѣхъ русскихъ беллетристовъ, которые въ формѣ романа и повѣсти разработываютъ русскую исторію, кажется, не удались и выказали лишь односторонность и близорукость партейныхъ теорій, которымъ нельзя сочувствовать и которыя даже трудно объяснить себѣ. Историческіе романы и повѣсти пишутся и читаются. Изученіе нравственной физіономіи и жизни нашихъ предковъ, оживленіе наукой, литературой, искусствомъ, важнѣйшихъ моментовъ русской исторіи—это, повидимому, стремленіе лучшей, живой части русскаго общества. Наша народность, какъ наше историческое достояніе, намъ дорога. Мы къ ней обращаемся, какъ къ силѣ, могущей насъ привести къ будущности, оправдываемой всѣмъ нашимъ прошлымъ. Мы убѣждаемся, наконецъ, въ необходимости быть самими собою, быть русскими. Общечеловѣческіе интересы и цивилизація связываютъ насъ съ Европою, но русскій не будетъ ни французомъ, ни нѣмцемъ. А какъ долго, съ какимъ страшнымъ для Россіи вредомъ правительство и общество ломали тысячелѣтній, исторически сложившійся народный организмъ, легкомысленно рвали лучшія и святыя завѣщанія своей исторіи! Русскимъ оставался только народъ.

Мы находились то подъ умственной опекой византійцевъ, то, съ Ивана III-го, подъ литовско-польскимъ вліяніемъ, а съ Петра I-го сдѣлались западниками. Только недавно въ государственной и политической сферѣ заговорили начала и интересы чисто русскіе. Пора нашей русской интеллигенціи направить свое движеніе въ глубокое и живоначальное русло нашей народной жизни. Только въ единеніи съ нашей народностью наша сила...

XVII-й вѣкъ — грань древней и новой Руси. Національное развитіе сталкивается съ занесеннымъ къ намъ польскимъ духомъ. Успѣхъ самозванцевъ объясняется исторически сложившимися условіями невѣжества и раздраженія народа, упорно хватавшагося за имя Димитрія. Съ Димитріемъ у однихъ связывалось понятіе законности, освященной вѣками; у другихъ же просто былъ разсчетъ сбросить съ себя московское ярмо и „казаковать".

Почему мало у насъ хорошихъ историческихъ романовъ? Этимъ вопросомъ задавался еще Бѣлинскій. Онъ разрѣшилъ этотъ вопросъ тѣмъ, что будто бы русская исторія до Петра своимъ эпическимъ характеромъ отличается отъ исторіи западно-европейскихъ государствъ, въ характерѣ которой преобладаетъ драматизмъ. Бѣлинскій былъ убѣж-

денъ, что до Петра развивалось начало семейное и родовое, но не было развитія личнаго, безъ чего нѣтъ драмы. Въ удѣльномъ періодѣ Бѣлинскій видитъ лишь ожесточенную борьбу за великокняжескій и удѣльные столы. Онъ сомнѣвается—не исчерпалъ ли Пушкинъ своей трагедіей „Борисъ Годуновъ" всего содержанія русской жизни до Петра? Несостоятельность подобнаго взгляда очевидна. Гдѣ человѣкъ—тамъ драма. Мы знаемъ, что собственно свободы въ древнемъ мірѣ не было, что свободны были Римъ, Аѳины, а не люди; что въ греко-римскомъ мірѣ личность не признавалась—личностями были города, государства; тѣмъ не менѣе, Шекспиръ взялъ содержаніе своихъ драмъ: „Антоній и Клеопатра", „Тимонъ Аѳинскій" и пр. изъ жизни древняго человѣка. Судя по „Борису Годунову" и „Капитанской дочкѣ", Пушкинъ могъ бы дать намъ историческій романъ, который былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и народнымъ романомъ. Для этого у Пушкина было все, а главное—онъ былъ народный поэтъ. Оттого и велико значеніе Вальтера-Скотта, что онъ не только историческій романистъ, но и народный поэтъ, страстно любящій родину. Блестящее поэтическое дарованіе Скотта, опиравшееся на историческое знаніе, на всестороннее знакомство съ описываемой имъ эпохой, проникнуто теплою любовью и высокимъ патріотизмомъ; основное чувство, заложенное авторомъ въ основу его историческаго романа, освѣщаетъ и согрѣваетъ читателя, какъ солнечный свѣтъ освѣщаетъ и согрѣваетъ природу.

Тяжело писать въ то время, когда почти нѣтъ здравой критики, когда легкій, фельетонный романъ, повидимому, вытѣсняетъ болѣе серьезный и почтенный беллетристическій матеріалъ, когда наша журналистика словно забыла свое истинное призваніе, свои высокія преданія. Въ эту тяжелую минуту историческаго романиста поддерживаютъ знаменательныя слова, раздавшіяся съ высоты, близкой трону. „Я всегда былъ того мнѣнія", сказалъ нашъ государь, еще въ бытность свою наслѣдникомъ престола, „что писатель, оживляющій исторію своего народа поэтическимъ представленіемъ ея событій и дѣятелей въ духѣ любви къ родному краю, способствуетъ оживленію народнаго самосознанія и оказываетъ истинно важную услугу не только литературѣ, но и цѣлому обществу"...

Въ предлагаемомъ романѣ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ читатель встрѣтитъ нѣкоторыхъ своихъ старыхъ знакомыхъ, если только онъ читалъ историческій романъ того же автора—„Курскіе порубежники", напечатанный нѣсколько лѣтъ назадъ въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ".

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

„Вошли они въ палату бѣлокаменну,
Они Господу Богу помолилися,
Крестъ они клали по писанному,
Поклонъ то вели по ученому“.
(Былина о Дюкѣ Степановичѣ).

Только-что разсвѣло. Вѣрный своей привычкѣ, старый курскій бояринъ Іона Агѣичъ бодро поднялся съ постели, помолился Богу, умылся и одѣлся при помощи Ивашки Еры, пожалованнаго за свои „немаловажныя послуги“ почтеннымъ званіемъ боярскаго стремянного. Старый желудокъ любившаго вкусно съѣсть и хорошо выпить боярина и въ этотъ ранній часъ оказался въ полной исправности. Іона Агѣичъ вплотную засѣлъ за горячую селянку изъ налимовъ, за свѣжую осетрину, поджаренную съ лукомъ, и за горячіе крупитчатые калачи съ зернистой астраханской икрой. Всю эту благодать онъ неторопливо запивалъ крѣпкимъ душистымъ медомъ, розовымъ и очень вкуснымъ. Этому напитку, изготовленіемъ котораго всегда славилась Москва, бояринъ предпочиталъ всякія малвазіи и аликантскія вина.

— Славно осетрину изжарила, славно, матушка Василиса Алпатьевна, спасибо тебѣ, голубушка, спасибо!—похваливалъ, не отрываясь отъ ѣды, бояринъ свою хозяйку и „кормилицу“, какъ онъ ее въ шутку называлъ.

— На доброе здоровье себѣ кушай, честной бояринъ,—низко кланяясь ему, скромно отвѣчала пожилая, но еще видная посадская вдова съ широкимъ румянымъ лицомъ, широкобедрая, съ руками сложенными на высокомъ животѣ. Она „служила“ боярину, то-есть подавала и принимала кушанье, приносила холодный съ ледника медъ, а теперь стояла у двери, не шевелясь и почтительно, съ строгимъ сознаніемъ высокой чести, какой удостоилась, служа такому важному лицу. Въ своей городской тафтяной распашонкѣ поверхъ червчатой тѣлогрѣи, въ высокой желтой кикѣ, обшитой золоченымъ позументомъ, подъ которую были подобраны уже побурѣвшіе русые волосы, посадница Василиса, въ глазахъ стараго боярина, представлялась устарѣвшей красавицей, „раздобрѣвшей и разъѣхавшейся не въ мѣру“.

— А ужъ калачи—хоть въ окно помечи! во рту таютъ! уважила, Василиса Алпатьевна, спасибо!—то и дѣло похваливалъ лакомка-бояринъ степенную хозяйку.

— Не взыщи, батюшка, прощенья у твоей боярской милости просимъ! не осуди наше вдовье убожество!—еще ниже кланялась боярину матерая вдова.

Не скупо запивая вкусную трапезу крѣпкимъ медкомъ, старый бояринъ разцвѣлъ, раскраснѣлся и не безъ нѣкотораго, впрочемъ спокойнаго, удовольствія, вглядывался въ матерую вдову, съ молоду— онъ это хорошо зналъ—не послѣднюю красавицу.

— Разъѣхалась ты на обѣ стороны, Василиса Алпатьевна, что твой кузовъ колымажный—обширна!—замѣтилъ, утирая чистымъ полотенцемъ съ красными вышивками и прозорами на концахъ свою бѣлую, серебряную и какъ шолкъ мягкую выхоленную бороду, окладистую, красиво разчесанную, съ красиво отдѣляющимися серебряными усами.—Такая ли ты была молодица?

— Лѣта мои ушли, батюшка государь Іона Агѣичъ, съ понятнымъ боярину вздохомъ сказала хозяйка, потупясь и какъ бы отдаваясь воспоминанію того хорошаго времени, когда она молода была, красавицей слыла.—Законъ естества! пояснила она.—Старое старится, къ своему скончанію идетъ. До насъ то было, государь, послѣ насъ будетъ—то самое.

Бояринъ всталъ и, задумчиво глядя на убиравшую со стола хозяйку, грустно качнулъ бѣлою головою; но не забылъ помолиться на образъ съ теплившейся лампадкой и поблагодарить ласковую хозяйку на хлѣбѣ, на соли, на угощеньѣ.

— Не на чемъ, государь, твоимъ же добромъ бьемъ челомъ! не осудь на простотѣ нашей! отвѣтила хозяйка, удаляясь изъ свѣтлицы съ остатками боярскаго завтрака.

— Исай, по-немножку кусай; а кто животомъ свѣжъ, тотъ побольше съѣшь, пробормоталъ свою любимую, послѣ всякой ѣды, поговорку бояринъ и покосился на Еру,—очень ужъ отъ него попахивало сивушнымъ перегаромъ.

— А ужъ ты, губка грецкая, набрался спозаранку! недовольнымъ голосомъ замѣтилъ ему бояринъ,—завсегда пьянъ?

— Пьянъ да уменъ, два угодья въ немъ, честной бояринъ! развязно и ни мало не обижаясь замѣчаніемъ боярина отвѣтилъ расторопный стремянной: — нѣшто такой-то пьянъ бываетъ? тотъ пьянъ, что лежитъ не дышетъ, воронъ глазъ клюетъ не слышитъ.

Даже строгій бояринъ не выдержалъ, усмѣхнулся: въ духѣ былъ, смолчалъ, въ окно глянулъ.

Василиса была „отпущенница" боярина Ферапонтова, изъ его вотчины „крѣпостная дѣвка". Когда-то за красоту онъ взялъ ее въ свои московскія хоромы и, какъ тогда говорилось, „любился съ нею", т. е. по-просту сдѣлалъ ее своею любовницей. Потомъ, передъ своей женитьбой, бояринъ выдалъ ее „съ награжденьемъ" за посадскаго человѣка, выстроилъ ей „своимъ коштомъ" въ бѣломъ городѣ отмѣнный по тому времени деревянный домъ и дворъ ей поставилъ. Къ Василисѣ Алпатьевнѣ обыкновенно „прибивались" посланцы боярскіе изъ его курской вотчины и самъ онъ теперь у нея „постоемъ стоялъ", за что, конечно, вдова въ накладѣ не оставалась. Она на-

поминала старику его невозвратную молодость и, понятно, онъ могъ задумываться при сравненіи своего прошлаго, этого всегда милаго человѣку времени, съ своимъ старческимъ настоящимъ.

Могучій мѣдный ударъ, басистый и пѣвучій, этотъ дрожащій голосъ „реута", большого колокола на Иванѣ Великомъ, отъ котораго сотрясался воздухъ, призывалъ къ ранней обѣднѣ. За нимъ сейчасъ же подхватило безчисленное множество колоколовъ съ церквей и монастырей московскихъ. Бояринъ набожно перекрестился и не въ силахъ былъ отойти отъ раскрытаго окна. Торжественный православный благовѣстъ вызвалъ теперь въ его душѣ совсѣмъ иные помыслы. Съ умиленіемъ человѣка, твердаго въ вѣрѣ своихъ отцовъ, онъ вслушивался въ этотъ широковѣщательный призывной мѣдный голосъ родной, греко-восточной церкви. Какою-то новою, горячею вѣрою и сладкою надеждою согрѣвалась теперь его старая, наболѣвшая душа при видѣ въ окно бѣлаго высокаго столба Ивана Великаго подъ золоченою красивою круглою шапкою, стройно и величественно вырѣзавшагося на чистой синевѣ майскаго ранняго утра, окруженнаго золочеными главами, маковицами и крестами въ цѣпяхъ. Веселыя стаи голубей, столь любимыхъ москвичами, блестящими точками мелькали въ солнечномъ свѣтѣ, словно какой живой символъ душевной чистоты человѣка; такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣли на бѣлыхъ голубей начитанные въ библіи и священномъ писаніи московскіе грамотники того времени.

— Святители, московскіе чудотворцы Петръ, Алексій, Филиппъ! думалъ бояринъ въ порывѣ глубокаго, охватившаго его религіознаго чувства; — не попустили вы свой стольный городъ погибнуть, какъ погибли нечестивые города Содомъ и Гоморра. Погибъ воръ, чернокнижникъ и бѣсоугодникъ. Да цѣла, да крѣпка стоитъ русская земля! Не повихнуть ея иноземнымъ бродягамъ во вѣки вѣковъ! Не польская музыка на трубахъ, а церковный благовѣстъ будетъ, по старому завѣту, принимать наше русское сердце.

Бросивъ бѣглый взглядъ на бѣлокаменную Москву, утопавшую въ зеленыхъ, уже зацвѣтавшихъ садахъ и бѣлѣвшуюся подъ горячими солнечными лучами всюду, куда только глазъ его хваталъ, старый бояринъ съ ужасомъ подумалъ, что онъ, въ числѣ другихъ именитыхъ русскихъ людей, привелъ самозванца въ этотъ древній, стольный городъ, въ эту святыню русскаго царства и русской церкви, и поставилъ царемъ русскимъ вора, латинскаго шута! Суровый бояринъ никакъ не могъ забыть срама и грѣха, принятыхъ имъ на себя изъ-за этого безымяннаго бродяги. Въ такія тяжелыя минуты, когда совѣсть его громко вопіяла, а гордое сердце требовало мщенія—передъ нимъ, во всей подробности своей ужасной дѣйствительности, возобновлялась картина торжественнаго шествія самозванца въ Москву. Густыя народныя толпы, какъ живыя волны, отовсюду охватываютъ царскій поѣздъ. На улицахъ, на площадяхъ, на домахъ, на заборахъ,

на колокольняхъ, тѣснится одна и та же народная толпа, притихшая, будто притаившаяся, внимательная, сосредоточенная и недовѣрчивая, не смотря на радостные крики польскаго поѣзда. Это даже не радостные, только развѣ громкіе крики. Эти многія тысячи головъ безъ шапокъ, эти многія тысячи глазъ и ушей—кажется старому боярину—смотрятъ на него, курскаго боярина, и молча вопрошаютъ: „кого это онъ, курской бояринъ, ведетъ имъ на царство?“ Съ недоумѣніемъ вслушивается русскій народъ въ звуки польской музыки, всматривается въ польскую одежду своего царя, въ его польскую невѣсту, въ его польскую свиту и его польское войско. Народное чувство невольно оскорбляется отсутствіемъ въ его „бѣломъ“ царѣ всего русскаго. Грозная тишина сплошныхъ, все заливающихъ народныхъ волнъ, будто изумленныхъ, будто вдумывающихся въ истиный смыслъ того, что происходитъ на его глазахъ,—понятна русскому боярину, мыслившему и чувствовавшему точно такъ же, какъ мыслилъ и чувствовалъ русскій народъ. И въ то время, когда бояринъ Іона мнилъ, что возстановляетъ законнаго сына Ивана Грознаго, Дмитрія, русскую душу его смущало подозрѣніе: почему это русскому царевичу Дмитрію понадобилась польская жена, польское войско, польскіе обычаи? Не служитъ-ли онъ, изродовой русскій бояринъ, великой неправдѣ, и за этою великою неправдою, какъ ея неизбѣжное послѣдствіе, не послѣдуетъ ли на Руси великая смута и кровотеченіе братоубійственное? Наружный блескъ и въ глаза бьющая польская роскошь, необычная, исполненная какого-то легкомыслія пышность двора, не могли нравиться простодушнымъ русскимъ людямъ. Любезность молодого царя, называвшаго боярина Іону не иначе, какъ „дѣдушка Агѣичъ“,—не сбили съ толку твердаго старика. Задыхаясь въ своемъ бархатномъ на соболяхъ боярскомъ кафтанѣ, не столько отъ зноя, сколько отъ сильнаго внутренняго волненія, Іона Агѣичъ избѣгалъ встрѣчи съ молодымъ царемъ, съ каждымъ днемъ дѣлавшимся для него загадочнѣе и непонятнѣе. Сказочнаго витязя, а не русскаго бѣлаго царя увидѣлъ онъ вдругъ въ Дмитріѣ и отвернулся отъ него. Въ то самое время, когда продажные русскіе князья и бояре, наперерывъ одинъ передъ другимъ, таяли въ лучахъ восходившаго солнца, съ честолюбивымъ желаніемъ отразить на себѣ часть его блеска и силы,—гордый Іона Агѣичъ спрятался въ народную толпу, съ которою жилъ одними вѣрованьями, однимъ чувствомъ. За судьбу этого обманутаго русскаго народа страшно стало русскому боярину и онъ не замедлилъ, при первой возможности, объяснить народу его и свою ошибку и стать во главѣ народа за Русь, противъ иноземнаго, враждебнаго Руси. Тяжкое оскорбленіе, нанесенное польскимъ скоморохомъ русской святынѣ — теперь отомщено! Польскій скоморохъ голый, мертвый, потѣшаетъ на площади грубую чернь; его польскіе друзья своею кровью и головами заплатили Москвѣ за вооруженное вторженіе въ ея нѣдра, за свою безумную затѣю ополячить Русь. Но дальше что?

Много-ли радѣтелей земскаго строенія и опытныхъ кормчихъ, столь нужныхъ въ бурныя времена, когда правда, по Божьему попущенью неоглаголенному, изнемогаетъ въ борьбѣ съ кривдой? Утомленный тяжелыми испытаніями своей долгой жизни, старый бояринъ терялся въ противорѣчіяхъ, помимо его воли возникавшихъ въ немъ, вслѣдствіе разлада между тѣмъ, что было и чего онъ не хотѣлъ, и между тѣмъ, чего не было и чего онъ хотѣлъ. Одно было ему ясно: русское государство „шаталось", наступали времена „егда братъ на брата возсташа..."

Конскій топотъ на дворѣ оторвалъ боярина отъ его мрачныхъ думъ. Онъ надѣлъ шапку и вышелъ на крыльцо, вспомнивъ, что пора ѣхать въ Кремль, на совѣтъ, по приглашенью князя Шуйскаго.

Съ высокаго крыльца бояринъ строго оглядѣлъ сотню своихъ „курскихъ казаковъ" съ Ивашкой Ерой въ головѣ, выстроенную въ два ряда, одинъ за другимъ, на широкомъ дворѣ. Хотя своимъ досужествомъ, а боярскою милостью, гулящій человѣкъ Ера и попалъ въ боярскіе стремянные, тѣмъ не менѣе, водку „лопалъ" по прежнему. По распоряженію князя Милославскаго, курскіе казаки получали кормы на себя и на коней изъ дворцоваго приказа. Приставъ размѣстилъ сотню по обывательскимъ дворамъ и получилъ приказъ—чинить казакамъ боярскимъ защиту отъ всякой обиды. Само собою, что подобное распоряженіе ограждать курянъ отъ московской обиды могло на дѣлѣ быть не болѣе какъ любезностью. Полудикіе севрюки боярской вотчины скорѣе сами обижали, чѣмъ терпѣли обиды. На это они молодцы были. Московскіе меда и харчи, кулачные бои и собачья травля—пришли имъ по сердцу не хуже курскаго бражничанья. А тутъ еще гордый бояринъ, не желая ударить лицомъ въ грязь, одѣлъ свою сотню въ цвѣтные суконные козакины и въ черныя бараньи шапки. О такой тароватости курскаго боярина вотъ уже третій день говоритъ Москва! Какъ же: подвелъ свою сотню прямо къ гостинному ряду, окружилъ суконную лавку гостиннодворца Перфила Сычугина, словно бы на копье взялъ, велѣлъ казакамъ спѣшиться, самъ въ лавку, сѣлъ и давай хозяйничать. Живой рукой отобрали ему сто казакиновъ, сто овчинныхъ шапокъ.—„Одѣвайся, ребята, по десятку за разъ!" Такимъ образомъ, въ одно утро, курскіе полушубки, самодѣльныя свиты и безобразные мѣховые треухи замѣнились московскимъ красивымъ платьемъ и одна въ одну овчинной шапкой. Растратился такъ бояринъ отчасти по старой привычкѣ къ щегольству, отчасти изъ самолюбія—„де Ферапонтова дружина ото всѣхъ отмѣнна!", отчасти въ награду за вѣрную и молодецкую службу своихъ холопей. Шутка-ли: сто рублевиковъ серебряныхъ суконщику Перфилу-Сычугину заплатилъ — не поморщился. И нарядна же вернулась къ себѣ на дворы, за Москворѣчье, боярская конная сотня...

Старое сердце боярина радовалось въ эту минуту при видѣ своихъ преобразовавшихся курянъ. Въ красныхъ синихъ, зеленыхъ, жел-

тыхъ казакинахъ, въ высокихъ смушковыхъ шапкахъ, лихо надвинутыхъ на правое ухо, съ длинными, блестящими на солнцѣ, красными пиками за плечами, на разномастныхъ, отъѣвшихся, бодрыхъ степныхъ лошадяхъ, курскіе черномазые севрюки выглядывали теперь, въ Москвѣ, бравыми казаками. За время похода они привыкли строиться рядами и развертываться въ плотную, стремя къ стремени, для лихого наскока, при которомъ, обыкновенно, подымали дружный, невольно пугавшій врага крикъ. У стремянного Еры, на его пикѣ, волновался искусно связанный изъ конскихъ хвостовъ, въ перемежку бѣлый съ чернымъ, бунчукъ, на подобіе татарскихъ. Этотъ бунчукъ служилъ теперь значкомъ степной сотнѣ. Бунчукъ былъ для боярина новостью, впрочемъ ему пріятною. Старый начальственный глазъ зорко оглядѣлъ: набиты-ли саадаки стрѣлами, оперены-ли стрѣлы, у всякаго-ли, у лѣваго бедра, сабля виситъ,—не пропилъ-ли кто свою? Всѣмъ остался бояринъ доволенъ.

— Здравы будьте, дѣти! привѣтствовалъ сотню бояринъ своимъ твердымъ голосомъ.

— И тебѣ, государь нашъ бояринъ, здраву бы быть! дружно и громко, какъ одинъ, гаркнула сотня.

— Сыты? Довольны? опросилъ сотню бояринъ.

— Сыты! Довольны! Милость твою боярскую благодаримъ! весело закричали куряне.

— Ну, есаулъ, подсади-жь ты меня, стараго, сказалъ Ферапонтовъ, не безъ труда и то съ помощью стремянного заложивъ желтый сафьяный сапогъ въ посеребреное стремя и, наконецъ, тяжело падая въ богатое кизильбашское сѣдло съ высокими луками, прикрытое малиновымъ бархатнымъ чепракомъ съ золоченою бахрамою и золотыми кистями на нижнихъ концахъ. Притороченный слѣва, поверхъ чепрака, парчевой боярскій саадакъ горѣлъ на солнцѣ своими разноцвѣтными каменьями и посеребренымъ изогнутымъ рогомъ большого ивоваго лука. Серебряная сѣкира, знакъ боярскаго достоинства, блестѣла по другую сторону сѣдла. Мощный сѣрый въ яблокахъ жеребецъ красиво потрясалъ густой, волнистой, длинной гривой. Пушистый хвостъ—трубой—мелъ землю. Толстоногій, неукротимый питомецъ Тускарскихъ луговъ, онъ злобно грызъ удила и, косясь большимъ, кровью налившимся глазомъ изъ-за густой длинной чолки на тяжелаго сѣдока, подбиравшаго шелковыя поводья, нетерпѣливо билъ сребр816 кованными копытами землю. На бояринѣ была высокая горлатная шапка и синій бархатный кафтанъ, застегивавшійся на груди толстыми золотыми шнурами съ кисточками. На конѣ онъ казался моложе своихъ лѣтъ—столько еще врожденнаго огня скрашивало его отяжелѣвшую, мужественную фигуру, его орлиный взглядъ, полный рѣшительности и равнодушія ко всякимъ боевымъ опасностямъ. Ратное дѣло—всякъ то видѣлъ—привычное ему дѣло. Онъ тронулся шагомъ, сдерживая горячившагося жеребца, властно махнувъ рукою сотнѣ.

— Гайда! крикнулъ сотнѣ Ера, слѣдуя съ бунчукомъ въ рукѣ за хвостомъ сѣраго жеребца. Сотня свернулась по четыре въ рядъ и пошла.

По понятіямъ того времени, вполнѣ подтверждавшимся безпокойнымъ состояніемъ стольнаго города, очутившагося безъ царя, знатному богатому боярину, въ родѣ Ферапонтова, не подобало ѣхать иначе, какъ въ головѣ своей вооруженной сотни. На него Москва смотрѣла какъ на одного изъ своихъ столбовъ, какъ на одного изъ русскихъ именитыхъ людей, пришедшихъ въ стольный градъ „государскій нарядъ чинить". Нечего говорить, что ворочаться къ себѣ, въ далекую курскую вотчину, въ то опасное особенно на Украйнѣ время, курскій бояринъ не могъ и думать безъ прикрытія вооруженной силы; иначе онъ рисковалъ не доѣхать вовсе туда, куда ѣхалъ и, напротивъ, попасть туда, куда не думалъ.

Это было 20-го мая, на четвертый день послѣ гибели въ Москвѣ самозванца и приведенныхъ имъ поляковъ. Городъ казался спокойнымъ, хотя, замѣтно было, еще не улеглась въ свою колею обычная посадская и торговая жизнь. Велико было возбужденіе народнаго духа, выразившееся народною бурей 17-го мая. Въ этотъ день крови, москвичи привыкли видѣть стараго боярина Ферапонтова съ его отчаянными курскими севрюками, съ его гордою величавостью, не покидавшею его въ самыя страшныя минуты народнаго смятенія, ближайшимъ пособникомъ князя Шуйскаго. Народъ, съ свойственною ему чуткостью ко всему, что касается его національныхъ основъ, призналъ въ старомъ бояринѣ поборника православія и русской старины, призналъ въ немъ ратника противъ всего иноземнаго, нерусскаго; такихъ людей народъ чтитъ и любитъ. „Нашъ бояринъ!" „Курской бояринъ!" кричалъ онъ ему на улицахъ, кланяясь и даже подбрасывая въ честь его шапки, и провожалъ „своего боярина" добрыми пожеланіями. Курскіе севрюки успѣли, на глазахъ москвичей, выказать свою степную отвагу, растоптавъ нечаяннымъ наскокомъ цѣлую литовскую хоренгвь пана Стадницкаго, спѣшившаго ко дворцу на помощь самозванцу, да и вообще, въ день избіенія иноземцевъ, особенно отличались дикою неукротимостію, не давая пощады бритымъ ляхамъ и грабя ихъ до-нага. Встрѣчные зѣваки и праздношатающіеся, лавочники, попы, выражали свое удовольствіе при видѣ отважныхъ курскихъ степняковъ. То изъ лавки проворно выскочитъ молодой сидѣлецъ и съ радостной улыбкой сунетъ ближайшему къ себѣ севрюку крупитчатый калачъ изрядныхъ размѣровъ, то осанистый съ брюшкомъ бородачъ гостинной сотни молча подаетъ конникамъ мѣдную гривну, торопясь снять шапку и, обернувшись на церковь, которыя чуть не на каждомъ шагу, закрестится и вернется въ лавку съ успокоеннымъ видомъ степеннаго человѣка, подавшаго „милостыньку на поминъ своей души". Священникъ, замѣтно хмѣльный, остановясь и осторожно уклоняясь отъ кованыхъ лошадей, вы-

соко поднялъ правую руку, осѣнилъ конницу большимъ крестомъ и громко произнесъ: „Христолюбивому, побѣдоносному россійскому воинству многая лѣта! Грядите, конники, во срѣтеніе супостата нашего!“

— Шире, грязь! навозъ ѣдетъ! съ хохотомъ приставали къ севрюкамъ пошатывавшіе съ хмѣля „кабацкіе завсегдатаи“. — Нѣтъ у бѣлаго царя вора супротивъ курянина!

Только подходя къ Кремлю, курская сотня избавилась отъ навязчиваго вниманія къ себѣ московской черни.

— Шапки долой! своимъ громкимъ начальническимъ голосомъ приказалъ бояринъ, обнажая бѣлую голову. Курская сотня сняла шапки. Бояринъ съ горлатной шапкой въ рукѣ, набожно перекрестясь, въѣхалъ подъ темный сводъ высокой красивой башни, къ верху суживающейся и съ остроконечной крышей, заканчивающейся двуглавымъ золоченымъ орломъ. Надъ воротами башни, озаряемая неугасимою лампадою, висѣла икона Спаса Нерукотвореннаго, отъ чего и ворота назывались „Спасскими“. Сильный стрѣлецкій караулъ въ длинныхъ красныхъ кафтанахъ съ бѣлыми тесьмами поперегъ груди, въ сіявшихъ мѣдныхъ шишакахъ, съ длинными и тяжелыми пищалями, изъ коихъ стрѣляли съ подставками, отдалъ боярину воинскую честь по артикулу. Стрѣлецкій сотникъ съ обнаженной саблей въ рукѣ, выйдя противъ середины выстроившагося въ два ряда караула, скомандовалъ:

— Слушай! Отъ ноги стоячей на плечо могучее шарахни!

И стрѣльцы звучно „шарахнули“ отъ ноги стоячей на плечо могучее свои тяжелыя, какъ молнія блеснувшія свѣтлыми стволами, пищали. Заглушаемый звономъ и стукомъ кованыхъ копытъ, глухо гудѣвшими подъ башеннымъ сводомъ, сотникъ продолжалъ свою громкую команду, а стрѣльцы ее исполняли, ловко пошвыривая, какъ одинъ, десятками пятью пищалей, при чемъ послѣднія издавали удивлявшій степныхъ курянъ звонъ.

— На нѣмецкій манеръ обучены! замѣтилъ Ера товарищамъ.

II.

Изъ Кремля, Кремля крѣпкаго города,
Отъ дворца, дворца государева,
Что до самой ли до Красной площади
Пролегала тутъ широкая дорожка;
Что по той ли по широкой по дороженькѣ
Какъ ведутъ казнить тутъ добра молодца,
Добра-молодца—большого боярина,
Что большого боярина—атамана стрѣлецкаго,
За измѣну противъ царскаго величества.
Онъ идетъ ли молодецъ—не оступается,
Что быстро на всѣхъ людей озирается,
Что и тутъ царю не покоряется.
(„Русскія пѣсни". И. Сахарова).

Выѣхавъ изъ подъ темнаго, глухо отдававшаго шумъ конницы свода Спасскихъ воротъ, курская сотня была въ Кремлѣ...

Передъ бояриномъ и его курскими смердами на зеленомъ, словно шелковомъ, травянистомъ коврѣ бѣлѣлись святые кремлевскіе храмы съ золочеными главами и крестами и царскіе дворцы Рюриковичей, которыхъ осиротѣлый престолъ теперь оставался впустѣ. На него-то, на этотъ славный престолъ всероссійскихъ царей, надлежало теперь возвести государя. Кого же? вопросъ этотъ, помогать разрѣшенію котораго ѣдетъ курскій бояринъ, смутилъ его въ эту минуту, въ виду этой московской святыни, торжественно глядѣвшей на него во всемъ величіи своей исторической славы, смутилъ его теперь болѣе чѣмъ когда нибудь. Высокій бѣлый столбъ Ивана Великаго подъ своею золотою шапкой и золотымъ крестомъ, укрѣпленнымъ позолоченными цѣпями, горящими въ солнечномъ свѣтѣ, возвышаясь надъ древнимъ, много видѣвшимъ и много знающимъ Кремлемъ, казалось боярину, глядѣлъ на него строго и пытливо. Въ строгихъ очертаніяхъ этого громаднаго каменнаго столба съ узкими продолговатыми окнами, съ золотыми славянскими надписями на черномъ полѣ подъ самою шапкой, съ всею оригинальною физіономіей, напоминающей близкое родство Россіи съ востокомъ,—старый бояринъ привыкъ видѣть совершенство, дальше котораго, по его мнѣнію, не пошло да и не могло пойти фряжское зодчество. Но въ эту минуту, подъ вліяніемъ обуревавшихъ его сомнѣній и почти суевѣрныхъ страховъ за судьбу Руси, бояринъ расположенъ былъ въ каменномъ столбѣ видѣть какъ бы живаго свидѣтеля своихъ поступковъ. Громадность Борисовой башни давила боярина, вызывала въ немъ сознаніе его ничтожества. Строго глядѣли на боярина со всѣхъ сторонъ эти нѣмые каменные бѣлые соборы съ золотыми главами, эти древніе златоглавыя же монастыри, подъ мрачными сводами которыхъ молились русскіе цари и царицы, патріархи и митрополиты при своей жизни, и гдѣ они покоятся по смерти. Эти нѣмые храмы, воздвигнутые благочестіемъ и вѣками, словно

вопрошають боярина: „Зачѣмъ въ священныя стѣны царскаго Кремля привелъ онъ своихъ полудикихъ курянъ?“—„Если ты пришелъ съ оливковою вѣтвью, съ раскаяньемъ въ заблужденіяхъ своихъ боярскихъ и съ рѣшимостью уврачевать глубокія язвы, нанесенныя родинѣ тобой и тебѣ подобными—миръ тебѣ и наша за тебя молитва“, говорило боярину нѣмое, исполненное величаваго спокойствія, молчанье бѣлыхъ каменныхъ соборовъ.—„Если же ты, подобно множеству крамольныхъ русскихъ вождей, руководишься только честолюбіемъ, или местью—анафема тебѣ и да будешь проклятъ отнынѣ до вѣка!“

Подъ гнетомъ такихъ мыслей, вызванныхъ видомъ всего того, что привыкъ любить и чтить какъ всероссійскую святыню, старый бояринъ задумчиво двигался въ головѣ своей сотни къ царскому дворцу и вдругъ вздрогнулъ. На обширной кремлевской площади, теперь безлюдной, нѣсколько лохматыхъ собакъ что-то сторожили, трусливо озираясь и лѣниво щурясь отъ солнца. Сидя и рыча другъ на друга, онѣ ожидали чего-то съ упорнымъ терпѣніемъ. Недалеко валялся голый трупъ. Мертвая окоченѣлость его поразительно противорѣчила живой зелени молодой травы.

— Ишь его, лятскій оборотень! что, русскимъ царемъ назвался? со смѣхомъ обратился къ товарищамъ Ера, плюнувъ въ ту сторону, гдѣ лежалъ трупъ самозванца.—Вздулся, что пузырь водяной, а лопнулъ— и сталъ ничего.

— Зачалъ за здравіе, а свелъ за упокой! добавилъ передній севрюкъ, тоже насмѣшливо поглядывая на „соломеннаго царя“, какъ народъ прозвалъ самозванца.

— Куси его! куси! послышался въ заднихъ рядахъ крикъ и свистъ, которымъ курскіе севрюки хотѣли подзадорить смирныхъ московскихъ собакъ разорвать „соломеннаго царя“.

— Это, должно, не наши курскія овчарки, ребята, смѣялись севрюки надъ московскими собаками, трусливо поджавшими хвосты и опрометью, безъ оглядки, разбѣжавшимися въ разныя стороны со страху отъ поднявшагося крика и свиста.

— Его, робя, и собаки не берутъ: нехристь поганая,—догадался здоровенный малый, говорившій рѣдко, но всегда глупо.

— Сказываютъ, вишь, чорту душу продалъ! подхватилъ другой;— чортъ-то всѣмъ этимъ воровскимъ дѣломъ орудовалъ, братцы! вотъ что!

— Дурачье! мрачно замѣтилъ третій.

— Онъ, колдунище, прикинулся это мертвымъ, а самъ—гдѣ тебѣ— далече!

— Что ты? заговорили явно оробѣвшіе севрюки, боязливо косясь на бѣлѣвшійся на солнцѣ трупъ.

— Дѣла—какъ сажа бѣла!

Старый бояринъ избѣгалъ глядѣть на того, кто надругался надъ его боярскою совѣстью. Только теперь, убѣдясь въ воровствѣ и латин-

ствѣ самозванца, бояринъ понялъ, какому искушенію подвергалъ его погибшій еретикъ, когда прельщалъ его своимъ польскимъ обычаемъ!

Съ глубокимъ вздохомъ сокрушенія отвернулся бояринъ и отъ новыхъ красивыхъ деревянныхъ хоромъ въ польскомъ вкусѣ, поставленныхъ воровскимъ царемъ возлѣ Срѣтенскаго собора, окнами на Москву-рѣку. Давно-ли еретикъ, похваляясь своимъ огромнымъ мѣднымъ „идоломъ“ о трехъ главахъ, поставленнымъ по его приказу „на сѣняхъ“, передъ его хоромами, объяснялъ имъ, родовымъ русскимъ боярамъ, что „идолъ“ этотъ есть „Церберъ“ — чудовище, и что съ такимъ вѣрнымъ стражемъ онъ, Димитрій, можетъ не бояться измѣны и спокойно спать въ своемъ царскомъ дворцѣ. — Укараулилъ онъ тебя! усмѣхнувшись подумалъ бояринъ. Впрочемъ, его суевѣрное воображеніе готово было заподозрить сверхъестественное значеніе этого „идола“, быть можетъ пособника самозванца въ его богомерзкихъ дѣлахъ. Не даромъ же, вспомнилъ бояринъ, на того превеликаго идолища народъ взиралъ со страхомъ и прозвалъ его „адомъ“.

— Нынче же поговорю съ Васей Шуйскимъ, дабы велѣлъ тотъ превеликій трехглавый адъ, съ мѣста снявши, совсѣмъ уничтожить, а то народу соблазнъ и вѣрѣ христіанской поруха, рѣшилъ бояринъ;— укараулилъ тебя, литовскій ты дудошникъ, стражъ твой мѣдный, даромъ что о трехъ головахъ идолище! опять съ удовольствіемъ сказалъ себѣ старикъ. — Уберегъ!.. Да хвально будетъ имя Господне во вѣки вѣковъ!..

Курская сотня очутилась передъ большими каменными палатами Ивана Васильича III-го. По мысли царицы Софіи Ѳоминишны, гречанки, воспитанной въ Италіи, славнымъ итальянскимъ зодчимъ фрязинымъ Алевизомъ „отъ града Медіолама“ заложенъ этотъ дворецъ на удивленье москвичей, еще не видавшихъ подобной постройки. Василій Ивановичъ окончилъ отцову постройку и не жалѣлъ на нее денегъ. Царскіе чертоги соединяли въ себѣ великолѣпіе съ красотою. Лицо дворца, то есть фасадъ, глядѣло на площадь между соборами Архангельскимъ, Благовѣщенскимъ и Успѣнскимъ и церковью Іоанна Лѣствичника—что подъ колоколы, на мѣстѣ которой Борисъ Годуновъ поставилъ „Иванъ Великій“ и пристройку патріарха Филарета. Пестрая масса зданій различной высоты, безъ общаго фасада, съ преобладаньемъ италіанскаго стиля первоначальныхъ строителей дворца, могла, по истинѣ, поразить съ перваго взгляда своею оригинальною красотой. Строясь разновременно, безъ общаго цѣлаго, безъ общаго плана, больше для удобства,—тѣсно стоящія зданія возвышались одно надъ другимъ съ своими разнообразными крышами—двускатными, епанечными, въ видѣ шатровъ, скирдовъ, бочекъ, съ прорѣзными золочеными гребнями, съ золочеными на верху маковицами. Башни и башенки, крытыя бѣлой жестью, съ золочонными орлами, посеребреными единорогами и львами вмѣсто флюгеровъ, особенно золоченые теремки и крутыя зеленыя тесовыя крыши въ чешую, сверкая подъ

горячими лучами майскаго солнца, отражая на себѣ его живой блескъ, производили на полудикихъ курскихъ севрюковъ впечатлѣніе какого-то сверхъестественнаго очарованія, переносили ихъ въ міръ чудесныхъ сказокъ и волшебниковъ. Деревянныя строенія чудно пестрило вычурное узорочье. По карнизамъ, по угламъ и у оконъ, колонки или пилястры расписаны яркими красками и густо позолочены. Благовѣщенская паперть, Красное крыльцо и Грановитая палата особенно щеголяли фряжскими травами вокругъ оконъ и дверей, хитро рѣзанными по бѣлому камню и покрытыми „краснымъ золотомъ“ и цвѣтными красками. На всѣхъ воротахъ дворца стояли иконы, масломъ писанныя на доскахъ.

Даже суровый бояринъ Ферапонтовъ не могъ отвести своихъ старыхъ глазъ отъ волшебнаго зрѣлища царскихъ палатъ, которыхъ ослѣпительно бѣлыя стѣны рѣзко выдѣлялись на лазуревомъ небѣ и на изумрудной травѣ.

— Бояринъ! услыхалъ возлѣ себя Іона Агѣичъ чей-то басистый голосъ и обернулся. Здоровый дѣтина, съ виду чернецъ, въ просаленномъ колпакѣ, въ длинномъ истасканномъ черномъ балахонѣ, подпоясанномъ ремнемъ, въ лаптяхъ, съ котомкой за плечами и съ палкой въ рукѣ, неловко сунулъ ему письмо, запечатанное чернымъ воскомъ и спѣшно пошелъ прочь.

— Отъ кого? нетерпѣливо спросилъ бояринъ, не замедливъ въ огромномъ нескладномъ служкѣ признать силача, Коренскаго монастыря брата Зосиму, такъ какъ подобныхъ широкихъ плечъ, такого баса словно изъ пустой бочки голосъ, такой страшной лапы, какими обладалъ братъ Зосима, трудно было сыскать.—Отъ кого?

— На печать глянь, бояринъ! отвѣчалъ служка, удаляясь и явно избѣгая дальнѣйшихъ распросовъ.

— Отъ игумена коренскаго! прошепталъ бояринъ, не безъ труда разглядѣвъ старыми глазами изображеніе одноглавой церкви, рѣзко вытѣсненной на черномъ воскѣ.—Куда-жъ ты бѣжишь, чернецъ? крикнулъ бояринъ вслѣдъ брату Зосимѣ.

Братъ Зосима, неуклюже завернувъ черезъ плечо на ходу свою патлатую въ колпакѣ голову, выразительно махнулъ палкой, словно бы говоря, что теперь ему, служкѣ, при народѣ разговаривать съ нимъ, бояриномъ, негодится, и этимъ самымъ движеніемъ словно бы обѣщаясь съ нимъ скоро свидѣться въ иномъ мѣстѣ.

— Что бы такое? недоумѣвалъ бояринъ, пряча письмо за пазуху кафтана и слѣзая съ помощью Еры съ сѣдла у самаго Краснаго крыльца.

„Большая палата“, что нынѣ Грановитая, стояла на самой площади. „Средняя палата“, между „Большою“ и Благовѣщенскимъ соборомъ, стояла „на дворцѣ“ или на великокняжескомъ дворѣ. Передъ Среднею палатою было Красное крыльцо и „передніе переходы“, на которые съ площади вели три лѣстницы: одна, какъ и теперь, у стѣны Грановитой палаты; другая, средняя лѣстница, нынѣ не суще-

ствующая; третья—благовѣщенская паперть. Цѣлый стрѣлецкій приказъ, выстроенный посотенно, развернутымъ фронтомъ, или, какъ тогда говорили, головой впередъ, хвостомъ назадъ, стоялъ у Краснаго крыльца. Словно замерли длинные живые ряды съ тяжелыми пищалями у ноги. Впереди, окруженный барабанщиками и огромнымъ тулумбасомъ, дюжій стрѣлецъ стоялъ съ псковскимъ прапоромъ. То было на высокомъ красномъ древкѣ сдѣланное „косынею" знамя,—по алой тафтѣ шитое золотомъ и серебромъ, съ изображеніемъ „барса" и подписью: „Государь Псковской". Знамя было уже ветхо, обшито длинною бахрамою—золото съ зеленымъ шолкомъ, кое гдѣ оторвавшеюся и висѣвшею клочками.

— Никакъ псковскіе стрѣльцы тысяцкаго Изота Волкова? подумалъ бояринъ, вспомнивъ кстати усердіе и расторопность тысяцкаго Волкова въ день кровавой расправы съ сомозванцемъ и его ляхами.

— Крестовому моему братцу, Іонѣ Агѣичу честному боярину челомъ бьемъ! привѣтствовалъ прибывшаго курскаго боярина князь Мстиславскій, только что слѣзшій съ коня и весело поздоровавшійся съ карауломъ.

— И молодецъ же ты у меня, княжъ Федоръ! Хоть сейчасъ тебя подъ вѣнецъ! неутерпѣлъ похвалить старый бояринъ своего знатнаго пріятеля, поцѣловавшись съ нимъ въ губы, какъ того требовали правила тогдашняго общежитія и боярской учтивости.—Старый конь, а не изъѣздился.

Князь Мстиславскій отвѣтилъ Ѳерапонтову тою самою усмѣшкою, которая такъ скрашивала его мужественное лицо; въ то же время эта веселая улыбка ясно говорила, что князь не придавалъ словамъ боярина иного значенія, какъ значеніе дружеской любезности. Не глядя на тысяцкаго Волкова, князь дѣлалъ ему краткіе вопросы, внимательно разглядывая густые ряды караула.

— Въ строю пищалей много ли у тебя?

— Тысяча сто съ пяткомъ, княже! твердо, но почтительно отвѣчалъ Волковъ, старый вояка.

— Зарядовъ на кажну пищаль сколько?

— По два десятка, княже.

— Люди у тебя, Изотъ, сыты ли вышли? довольны ли?

— Сыты люди мои, довольны твоими милостями, княже!

— Приказъ твой стрѣлечій вѣренъ ли въ службѣ, Изотъ?

— Вѣренъ въ службѣ приказъ мой стрѣлечій, княже!

— Въ томъ ты мнѣ своей головой отвѣтствуешь, тысячникъ?

— Въ томъ головой своей отвѣтствую, княже. Что повелишь—исполню я съ приказомъ моимъ въ то-жъ число!

— И то добры рѣчи твои, Изотъ. По рѣчамъ твоимъ вижу твой разумъ, а по дѣяніямъ твоимъ увижу твое усердіе. И чего служба твоя съ псковскимъ приказомъ удостоится — по заслугамъ награжденье имате. А поставилъ я тебя, Изотъ, со псковичами нынче ко

дворцу въ отличку тебѣ передъ всѣми тысячниками и полковниками и въ надеждѣ про всякъ случай: молъ, не выдадите! И ты бы это памятовалъ какъ можно. И стрѣльцамъ внуши: твердо бы стояли и неподвижно!

Затѣмъ князь громко крикнулъ стрѣльцамъ:

— За службу вашу, братцы псковичи, бояре набольшіе васъ жалуютъ своею боярскою милостью: виномъ зеленымъ и крѣпкими медами! Спасибо! постояли вы, намедни, за вѣру православную, родительскую, и за матушку, всероссійскую Москву-бѣлокаменную! Спасибо вамъ великое! И впредки стойте твердо и неподвижно!

— Постоимъ! постоимъ твердо и неподвижно! дружно крикнули стрѣльцы, которыхъ густые ряды заколебались.

— И вы бы, православные вси, послужили честно за государя бѣлаго, всерусскаго, его же изберетъ боярская дума изъ благороднаго, препрославленнаго русскаго рода!..

— За государя бѣлаго, русскаго, померетъ готовы! еще громче вскричали стрѣльцы и оружіе брякнуло, ряды замѣтно разстроились.

Въ описываемое время русское постоянное войско, „стрѣльцы"— уже не представляло собою нестройныя полчища прежнихъ, старинныхъ „воевъ", призывавшихся по военнымъ обстоятельствамъ отъ „черной сохи" и прочихъ государственныхъ сословій, подъ знамя, въ поле. Въ тогдашнее стрѣлецкое войско, черезъ посредство иноземцевъ, уже проникало ученье и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. Если псковской приказъ тысяцкаго, то есть полковника Волкова, своимъ внѣшнимъ видомъ, одеждою и щегольствомъ вооруженія не могъ равняться съ любымъ московскимъ полкомъ, тѣмъ не менѣе въ немъ не было той „шатости" и склонности къ измѣнѣ, которыми вообще отличались московскіе стрѣльцы, избалованные всяческими царскими льготами и служебною распущенностью, допущенною ихъ начальствомъ. Длинныя пищали, замѣнявшія „тюфеки" XIV вѣка („тюфенкъ", по-турецки ружье), не уступали въ стрѣльбѣ лучшему европейскому оружію, какъ свидѣтельствуетъ Маржеретъ. „Латы", по своей дороговизнѣ, были мало распространены въ московскихъ стрѣлецкихъ полкахъ, въ „городскихъ" же полкахъ ихъ вовсе не было. Поэтому псковскіе стрѣльцы не щеголяли по виду въ своихъ „шишляяхъ", то есть въ толстыхъ суконныхъ „сермяжныхъ" кафтанахъ, толсто подбитыхъ пенькой, хлопчатой бумагой, даже паклей, насквозь простеганныхъ навощонной крѣпкой ниткой или дратвой. У многихъ шишляи были покрыты нашитыми сверху металлическими кружками, а то просто кольчужными и панцырными обрывками; не хуже панцыря защищали они отъ удара тѣло.

Князь Мстиславскій съ удовольствіемъ убѣдясь, что бочки съ виномъ и медами подвезены, приказалъ тысяцкому Волкову наблюдать строгій порядокъ, дабы стрѣльцы не перепились и, дружески взявъ

курскаго боярина за руку, пошелъ съ нимъ вверхъ, на Красное крыльцо.

— И молодецъ же ты у меня, княже Федоръ! хоть сейчасъ тебя подъ вѣнецъ, продолжалъ хвалить Мстиславскаго Ферапонтовъ.

Не даромъ называлъ онъ князя молодцомъ. Мстиславскій, любимый воевода русской тогдашней рати, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, глядѣлъ просто красавцемъ. Въ молодости онъ не могъ жаловаться на недостатокъ женскаго къ себѣ вниманія. Эти крупныя правильныя черты круглаго, до сихъ поръ румянаго, хотя ожирѣвшаго лица, опушеннаго какъ бы бобровою темнорусою бородою, эти темныя брови, эти темные глаза, еще не утратившіе своего блеска—могли съ молоду нравиться женщинамъ и увлекать ихъ. А въ преклонныхъ лѣтахъ трудно было отыскать другаго мужчину болѣе воинственной наружности и величавой осанки. Видный, дородный, простой въ обращеніи и чистосердечный въ рѣчахъ, онъ невольно располагалъ къ себѣ съ первой съ нимъ встрѣчи. Его веселое, нѣсколько насмѣшливое выраженіе смѣнялось строгимъ и начальственнымъ видомъ тамъ, гдѣ это было нужно. Въ ясномъ позолоченномъ панцырѣ, горѣвшемъ на солнцѣ, князь казался еще шире въ плечахъ, еще выше въ груди. На груди и на спинѣ круглые мѣдные щиты съ вывороненными, искусно выбитыми орлами и надписью: „чести моей не нарушу". Наручи краснаго булата съ золотыми насѣчками и гнѣздами, осыпанные яхонтами, бирюзой и изумрудомъ; булатная же сабля съ широкимъ доломъ и арабскою надписью: „Работа Абудь-Али изъ Кашемира"; по обуху же этой драгоцѣнной сабли настоящій ея владѣлецъ велѣлъ насѣчь слова: „Сабля княжъ Федора Ивановича Мстиславскаго". При гордыхъ и красивыхъ движеніяхъ князя развѣвалось бѣлое страусовое перо, прикрѣпленное къ золоченому шлему серебряной пряжкой, сверкавшей своими ласами и жемчугомъ.

— Вотъ, съ молодцомъ своимъ присталъ, дяденька Агѣичъ! весело отшучивался Мстиславскій, проходя съ бояриномъ сѣни Средней палаты или „Золотой", такъ какъ палата эта была внутри росписана золотомъ.—Нашелъ молодца! Былъ конь—изъѣздился! Уходили сивку крутыя горки! такъ-то, Агѣичъ.

—Ври! Небось я не знаю, какъ московки по тебѣ воздыхаются, Федя? Въ сорочкѣ, братъ, ты родился!—Бояринъ остановился и вдругъ пытливымъ, совсѣмъ другимъ, строгимъ взглядомъ взглянулъ прямо въ глаза Мстиславскому. Тотъ поневолѣ остановился и ждалъ.

— Стало, какъ сказано, княже? тихо спросилъ бояринъ, оглянувшись, нѣтъ ли близко кого.

— Стало такъ, Іона Агѣичъ, простодушно отвѣтилъ Мстиславской.—Безъ лукавства...

— Ты, знаю, безъ лукавства, Федоръ, и я тебя за твою простоту люблю! заторопился бояринъ.—Ну, а за прочихъ не ручаюсь...

вредные старики... Стало, мы съ тобою, княже, за Василья за Шуйскаго голоса подадимъ?

— За Шуйскаго, подтвердилъ Мстиславскій.

— Ну, а старики какъ? Сладились ли?

— Бѣльскій слышать не хочетъ... на стѣну лезетъ!.. А то, кажись, ничего—сладились.

— Одинъ гусь поля не вытопчетъ! замѣтилъ бояринъ;—Бѣльскій, да еще онъ же Богданъ—дѣло небольшое должно, всю думу не переспоритъ... какъ покладаешь, княже Федоръ?

— Должно, одному всѣхъ не переспорить! согласился Мстиславскій уже у дверей палаты, которую передъ ними почтительно распахнули дворецкіе пристава въ атласныхъ бѣлыхъ кафтанахъ и желтыхъ сафьяныхъ сапожкахъ.

III.

„Какъ во славномъ было городѣ Кіевѣ,
У ласкова князя Владиміра,
Собиралися князья и бояре
И сильные могучіе богатыри,
Собиралися думушку думати“.
(Былина о Владимірѣ
Красномъ-Солнышкѣ).

Боярская дума собралась въ большихъ пріемныхъ покояхъ великокняжескаго дворца, именно въ „Золотой палатѣ“, той самой, гдѣ нынѣ погибшій самозванный царь Димитрій, съ отличавшею его характеръ пышностью, принималъ сендомірскаго воеводу, названнаго тестя своего, пана Мнишка. Въ „красныхъ“, то есть переднихъ углахъ стояли царскіе сѣдальные мѣста, по нынѣшнему троны, блестѣвшія золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями и „золотыми тканями“. Особенно бросался въ глаза, своимъ изяществомъ и роскошью тронъ царя Ивана Васильевича Грознаго. Возсѣдая на немъ „воръ“, назвавшійся сыномъ Грознаго, такъ еще недавно выказывалъ свою царскую пышность и свое мнимое царское величіе. Это были высокія кресла, кованныя изъ серебра съ позолотою, подъ балдахиномъ изъ четырехъ щитовъ, крестообразно составленныхъ, съ круглымъ золоченнымъ шаромъ, на которомъ литой изъ чистаго золота двуглавый орелъ сіялъ своими распущенными крыльями. Къ трону вели три ступени подъ золотою парчею; четыре льва серебряные, до половины вызолоченные, какъ бы охраняли тронъ. По обѣ его стороны, на высокихъ серебряныхъ ножкахъ, два грифона держали: одинъ государственный мечъ, а другой государственную державу. Надъ креслами сверкала своею ризою икона Богоматери въ безцѣнныхъ камняхъ, а подъ балдахиномъ золотое распятіе съ большимъ топазомъ.

„Золотою“ Средняя палата именовалась уже со времени Василья Ивановича потому, что была „подписана“ или украшена иконописью въ византійскомъ стилѣ, то есть „золоченою иконописью“. Старые строгіе лики, уже отъ давности почернѣвшіе, мрачно глядѣли съ своихъ каменныхъ стѣнъ, росписанныхъ „бытейскимъ письмомъ“. Вверху, на сводѣ „въ небѣ“, Спасъ на херувимахъ съ надписью, золотомъ же: „Премудрость Іисусъ Христосъ“; межъ дверей „дьяволъ седмиглавный, а стоитъ надъ нимъ жизнь, а держитъ свѣтильникъ въ правой руцѣ, а въ лѣвой копіе, а надъ тѣмъ стоитъ ангелъ: „Духъ страха Божія“. Далѣе символическая стѣнопись изображала „земное основаніе, и море, и преложеніе тому во сокровенная его; да ангелъ, духъ благочестія, да около того четыре вѣтры. А около того все вода, а надъ водою твердь, а на ней солнце, въ землю падаяй при водѣ; да ангелъ, духъ благоумія, а держитъ солнце. А подъ нимъ отъ полудни гоняется послѣ дни нощь; а подъ тѣмъ добродѣтель и ангелъ; а подписано: „Раченіе, да ревность, да адъ, да заецъ“, и такъ далѣе. Какъ была „наряжена“ при Лжедимитріи золотая палата, такъ и оставалась. По полу, „мощеному дубовымъ кирпичемъ“, т. е. квадратными дубовыми брусками въ родѣ нынѣшняго паркета, стлались дорогіе, очень большіе ковры персидскіе, глушившіе совсѣмъ шаги тяжелыхъ на ногу бояръ. Персидскіе же ковры, пестрые и яркіе, покрывали широкія липовыя лавки на точеныхъ ножкахъ, обитыя алымъ бархатомъ. Яркій свѣтъ прекраснаго майскаго дня проникалъ въ глубокія амбразуры полукруглыхъ оконъ, черезъ слюдяныя оконницы изъ бѣлаго желѣза „въ сѣтку“ въ видѣ репьевъ, то есть круговъ. Такія окна назывались „репейчатыми“. Прозрачная, матовая слюда, укрѣпленная въ репьяхъ оловяными позолоченными „денежками“, т. е. бляшками, была искусно росписана красками—въ въ кругу орелъ, „по угламъ травы“. Прямо со двора вошедшимъ Мстиславскому и Ферапонтову показалось въ палатѣ съ рѣдкими узкими окнами темновато. Между боярами, уже чинно засѣдавшими на лавкахъ, шелъ оживленный разговоръ, конечно о шатости „Руссійскаго государства“ и объ опасности, грозящей ему со стороны папежской Польши. Бояре словно бы щеголяли другъ передъ другомъ своими богатыми парчевыми, бархатными и атласными кафтанами съ золочеными пуговицами и золотыми позументами. Ни на комъ не видно было суконной одежды.

Перекрестясь на образъ Божіей Матери и поклонясь на всѣ четыре стороны боярамъ, Мстиславскій и Ферапонтовъ молча заняли свои мѣста на лавкѣ. Ферапонтову пришлось сѣсть рядомъ съ Василіемъ Шуйскимъ, котораго дума готовилась провозгласить царемъ. Чуть ли не плоше всѣхъ собравшихся бояръ выглядывалъ съ виду Шуйскій, и это обстоятельство не могло не броситься въ глаза старому думцу, боярину Ферапонтову, привыкшему съ понятіемъ о царской власти соединять представленіе внѣшняго величія. Остаркова-

тый, за пятьдесятъ лѣтъ, съ изрядною плѣшью во всю макушку, толстый, въ старомъ парчевомъ кафтанѣ, который донашивалъ и не шилъ себѣ новаго, потому что славился по Москвѣ своей скупостью, Шуйскій, точно, не могъ похвалиться величіемъ своей неуклюжей фигуры, благолѣпіемъ своего красноватаго лица. Его подслѣповатые, красные отъ постояннаго письменнаго занятія глаза съ какимъ-то недовѣрчивымъ, нечуждымъ лукавства выраженіемъ и словно бы украдкой пробѣгали по толпѣ бояръ; русая съ просѣдью, рѣденькая борода нѣсколько клиномъ, а также съ горбомъ носъ, сообщали его лицу хитрость. Онъ внимательно, съ поникнутой головой и съ глазами утремленными въ полъ, слушалъ толковую рѣчь князя Буйносова-Ростовскаго, одушевленно говорившаго своимъ сосѣдямъ.

— Громче, княже! Громче! послышались голоса.

— Говори, чтобы всѣмъ слышать! подхватили думцы со всѣхъ сторонъ. Глухихъ насъ много!

Буйносовъ-Ростовскій князь принужденъ былъ подняться съ лавки и выступить на середину палаты. Возвысивъ голосъ, онъ продолжалъ во-всеуслышаніе:

— Понять то надо намъ, боярамъ московскимъ, что Литва Москвѣ сестра меньшая. Москву съ Литвою езвитскія хитрости папы римскаго разлучили. Вѣдомо, что православной греческой вѣры князь литовскій Яковъ, когда въ жены себѣ взялъ чешку Ядвигу, прозвался Ягелломъ; православія своего отрекся, даромъ что матерь у него православная была. Хоша соединилъ онъ, Ягелло князь, православную Литву съ папежской Польшей, а вѣры ихъ не соединилъ: каждая при своей осталась. Хоша тоже многіе православные литовскіе бояре и соблазнились въ римское католичество и ополячились, а того больше литовскихъ бояръ и дворянства по сей день нашего православнаго закона. А простой народъ поголовно русскій, даже по-польски не знаетъ. Мало ли насъ, московскихъ знатныхъ родовъ, изъ Литвы вышли? Мало ли насъ, бояръ, на Литву отъѣхали? Единъ корень Московскаго и Литовскаго государствъ—племя одно, языкъ и вѣра одни. Разновременно отъѣхали на государево слово изъ Литвы на Москву бояре Плещеевы, Волынскіе, князья Глинскіе...

— Съ Глинскими-то князьями отъѣхали къ намъ на Русь съ Сѣверщины, тогда еще литовской, чуть ли не триста дворянскихъ семействъ! замѣтилъ бояринъ Ферапонтовъ, смекавшій, куда клонитъ свою рѣчь Буйносовъ-Ростовскій князь,—тоже на государево слово отъѣхали.

— Глинскій князь все ихъ при себѣ держалъ, добавилъ бояринъ Троекуровъ.

— Мой княжескій предокъ, еще ста лѣтъ нѣтъ, на Москву изъ Литвы отъѣхалъ, вмѣшался князь Мстиславскій.

— Довольно у московскихъ царей служило Гедиминовичей! продолжалъ Буйносовъ,—и въ думѣ, и на рати: Ольгердовичи, по Оль-

гердовой женкѣ, сродичи потомству великокняжаго тверскаго рода. Олельковичи и Чарторыжскіе князья, Одоевскіе, Бѣлевскіе, Воротынскіе,—и на Литвѣ стояли высоко, и на Москвѣ не понизились; Михаилъ-то Олельковичъ Новгородомъ-Великимъ правилъ, а Александръ Чарторыжскій—Псковомъ...

— Ну, Одоевскіе-то, Бѣлевскіе, да Воротынскіе князья не давно еще на обѣ стороны служили, замѣтилъ бояринъ Ферапонтовъ;— Одна вѣтвь царю Ивану Василичу прямила, а другая крулю литовскому Казиміру. То вѣдомо...

— И то было, бояринъ, что изъ Москвы въ Литву обратно знатные люди отъѣзжали! обратясь къ Ферапонтову продолжалъ Буйносовъ.—Отчего отъѣзжали? самъ знаешь—отъ лютости царя Ивана. Бѣжалъ отъ него послѣдній рязанскій князь, Бѣльскіе, Глинскіе, Воротынскіе, Шереметевы, Курбскій, Вишневецкій, Ляцкій, что изъ славнаго рода Кашкиныхъ... много ихъ бѣжало...

— Нельзя было и не бѣжать, вмѣшался скромно князь Василій Шуйскій.—Царь Грозный Иванъ боялся все „подговора литовскихъ бояръ". Ради истребленія измѣны „губилъ всеродне". Съ перваго, бывало, начнетъ, послѣднимъ въ родѣ кончитъ.

— Къ тому я рѣчь веду, продолжалъ Буйносовъ,—что Грозный царь лютостью своею непомѣрною токмо отвратилъ отъ Москвы единовѣрную ей Литву. Давно бы Литва съ Москвою подъ одною державою бѣлаго царя жила. Куда пастырь стадо гонитъ—туда стадо идетъ. А народу пастыри кто? Князи да бояре!

— Правда! правда! заговорили присутствующіе,—мы голова, народъ тѣло: ни мы безъ народа, ни народъ безъ насъ! Правда!...

— И нынѣ, продолжалъ Буйносовъ,—оба народа, московскій и литовскій, склоняются другъ къ другу. Только паны—рада польскіе да папъ римскій мѣшаютъ намъ въ единеніе придти любовное, во вѣки нерушимое. У многихъ изъ насъ сродичи и свойственники и за литовскимъ рубежомъ. Свой своему поневолѣ братъ.

— Правда! правда! снова заговорили многіе.

— Вотъ и довлѣетъ намъ, московскимъ боярамъ, съ литовскими списаться и въ переговоры войти:—Де, братья мы, братьями и жить должны, одною семьею, однимъ государствомъ; и смута на Руси замирится и паны—рада съ езвитскими попами во-свояси уберутся! закончилъ Буйносовъ и сѣлъ на свое мѣсто.

— Во истину такъ! единодушно подтвердили бояре.—Заводчики воровскимъ дѣламъ съ Литвы идутъ и самозванцы все ихніе подъучченники!...

— Не потому украйные города и уѣзды за самозванца хватаются, что де вѣрятъ ему, яко царю истинному, а потому, что Литва имъ волю сулитъ, прелестью прельщаетъ, отъ Москвы къ себѣ тянетъ! замѣтилъ бояринъ Іона.

— Тебѣ-то знать, украинскому боярину, лучше насъ! согласился

съ нимъ Шуйскій. — Ты къ литовскому рубежу ближе нашего живешь.

— А тебѣ бы, княжъ Василій, сказать намъ, боярамъ, кого государемъ на Москвѣ поставить? прямо къ Шуйскому обратился бояринъ Ферапонтовъ.—Сказывай, княжъ Василій, а мы послушаемъ твои рѣчи...

— Сами знаете, кого вамъ въ цари надобыть, сами вы волостелины и думцы! скромно, потупясь глазами въ полъ, сказалъ разсудительный царедворецъ, привыкшій, по словамъ Ферапонтова, подмѣтать свой слѣдъ своимъ же лисьимъ хвостомъ и при Грозномъ, и при Борисѣ, и при Лжедмитріи.—Царскій домъ Рюриковичей пресѣкся, государству грозитъ бѣда: кабы иной самозванецъ не обыскался.

— Воръ-бѣсоугодникъ убитъ! Московскій столъ запустѣлъ! намъ царя выбрать надо! заговорили разомъ многіе голоса.—Избавилъ ты насъ, княжъ Василій, отъ разстриги Гришки Отрепьева, отъ богомерзкаго еретика; ты же и государя намъ укажи!

— На чести много вамъ благодаренъ, князья и бояре и думные люди! съ низкимъ поклономъ, видимо польщенный, сказалъ Шуйскій.— Только требуете вы отъ меня дѣла немалаго, совѣта не по простому моему уму-разуму... Кого вамъ укажу въ государи? Мало ли знатныхъ боярскихъ родовъ на бѣлой Руси? Не перевелись еще. Кто изъ насъ, именитыхъ людей, непоколебимъ въ православіи, твердъ въ предковскомъ обычаѣ, славенъ въ русскомъ народѣ, опытенъ въ добродѣтели и въ правительственномъ дѣлѣ; кто изъ насъ не младъ, воздерженъ, могъ бы казну государственную пріумножить, а не расточить, кто царское величіе понимаетъ не въ пышности, а въ милости и справедливости, кто, радѣя о земскомъ и государственномъ строеніи, забылъ-бы свои собственныя дѣла, тотъ нашъ бѣлый русскій царь!

— Кабы намъ такого излюбленнаго земскаго боярина найти— царемъ бы поставили! замѣтилъ князь Мстиславскій.—Только кто у насъ такой земскій бояринъ, кромѣ самого тебя, Василій Ивановичъ?

— Во истину такъ! подтвердили громко многіе бояре, подымаясь со всѣхъ сторонъ и толпясь кругомъ Шуйскаго.—На одного тебя, княже Василій, полагаемся!

— Честному князю Василію Ивановичу Шуйскому дадимъ царства руссійскаго скипетродержавіе! возвысилъ свой голосъ бояринъ Ферапонтовъ.

— Князю Василью Ивановичу Шуйскому быть на русскомъ государствѣ! огласилась палата взрывомъ единодушныхъ восклицаній, заставившихъ Шуйскаго поблѣднѣть отъ сильнаго внутренняго волненія и бросить короткій, недовѣрчивый взглядъ своихъ лукавыхъ глазъ на обступившую его плотно толпу князей и бояръ, словно-бы пытая—вправду ли они это приглашаютъ его на царство, или только шутку съ нимъ шутятъ, пробуютъ его?

— Родъ Шуйскихъ князей—отрасль благородная царскаго корени,

отъ благовѣрнаго князя Александра Невскаго! подалъ свой вѣскій въ думѣ голосъ курскій бояринъ, которымъ въ этомъ важномъ случаѣ руководило не личное чувство, не расчетъ, а трезвое сознаніе государственной пользы и необходимости. Въ самомъ дѣлѣ, кого иного могла выбрать въ свои цари Москва со столомъ безъ государя? Смятенному и „шатавшемуся" государству грозилъ страшный призракъ самозванныхъ царей и дерзкій похититель московскаго престола, безъимянный бродяга, открывшій изъ Польши въ Русь дорогу самозванству, еще валялся мертвый и поруганный на площади, вблизи дворца, вызывая къ себѣ въ народныхъ толпахъ самыя противоположенныя чувства: и негодованіе на вора, и подозрѣнія—ужъ и впрямь не истиннаго ли царевича Димитрія сгубили его лиходѣи, бояре?

— Намъ, изродовымъ боярамъ, и землѣ русской и всему православію сослужилъ ты, княже Василій, великую службу: злодѣя самозванца погубилъ! продолжалъ Ферапонтовъ; быть тебѣ нашимъ царемъ!

— Быть тебѣ нашимъ царемъ, княже Василій! съ прежнимъ единодушіемъ подхватили бояре;—мы думой всей такъ разсудили, того Богъ хочетъ! иного царя не хотимъ!

Шуйскій въ своемъ старенькомъ парчевомъ кафтанѣ казался въ эту минуту еще толще и неуклюжѣе. Его плѣшивая голова съ красными глазами и рѣденькой бородкой низко поклонилась на четыре стороны собранію. Онъ, видимо, былъ глубоко тронутъ великою земною честью, которую ему предлагало это именитое собраніе, и не могъ говорить.

— Не по силамъ моимъ слабымъ величаете меня, великіе волостели и думцы! проговорилъ онъ наконецъ;—не по моимъ заслугамъ превозносите меня, князья и бояре! Старше меня, именитѣе у насъ бояринъ, князь Федоръ; его надо въ цари поставить!

Шуйскій низко поклонился Мстиславскому, котораго величественная наружность совершенно затмевала и подавляла невзрачную фигуру Шуйскаго.

— Княже Федоръ, ты у насъ старшо̀й бояринъ въ думѣ! обратились къ Мстиславскому нерѣшительно и повидимому лишь для того, чтобы его не обидѣть, нѣсколько голосовъ среди глубокого молчанія собранія, любившаго Мстиславскаго, но не питавшаго къ его уму и государственнымъ способностямъ особеннаго уваженія. Мстиславскій это зналъ, и весело посмѣиваясь, принимая предложеніе пріятелей за шутку, сказалъ съ отличавшею его характеръ рѣшительностью:

— Въ монахи постригусь, коли въ цари станете меня неволить, товарищи! Княжъ Василья надо!

— Княжъ Василью Ивановичу быть русскимъ царемъ! какъ одинъ голосъ, съ громкимъ одушевленіемъ, воскликнуло собраніе, снова обращаясь къ Шуйскому. Степенные и важные думные сановники поясными поклонами привѣтствовали своего нарѣченнаго царя.

На хитрыхъ глазахъ Шуйскаго дрожали слезы, рѣденькая бородка его и нависшія брови тоже дрожали вмѣстѣ съ рукою, опиравшеюся на бамбуковую съ серебрянымъ набалдашникомъ трость. Онъ кланялся на всѣ стороны, молча благодаря за великую честь и выжидая, пока громкіе крики собранія стихнутъ и позволятъ ему говорить. Наконецъ онъ началъ дрожащимъ голосомъ:

— Благодарю на великой чести, мнѣ недостойному оказанной! не мнѣ, старѣющемуся, снести тяготу царскаго чина, не по моимъ слабымъ глазамъ блескъ царскаго вѣнца! Ищите себѣ, благородные мужи, достойнаго васъ государя!

Снова почтительно поклонясь на четыре стороны, Шуйскій направился было къ двери, чтобы удалиться совсѣмъ; князь Мстиславскій и бояринъ Ферапонтовъ загородили ему путь, съ твердымъ намѣреніемъ его не пустить. Шуйскій поневолѣ остановился. Его подслѣповатые, недовѣрчивые глаза снова забѣгали по толпѣ бояръ съ вопрошающимъ выраженіемъ. Многія руки взяли его и при дружныхъ крикахъ—„Многія лѣта государю Василью Ивановичу!“ отвели къ царскому сѣдалищу Ивана Грознаго.

Шуйскій, съ глубоко-набожнымъ чувствомъ помолясь на образъ Матери Божіей и на честной крестъ, сіявшіе надъ трономъ, съ лицомъ, омоченнымъ слезами, обратился къ неподвижной, стихшей боярской толпѣ.

— Когда на то воля Божія и соизволеніе ваше, именитые бояре, сказалъ онъ, оправясь,—я готовъ. Жизнь свою я давно отдалъ матушкѣ нашей общей, Руси православной!..

Шуйскій закончилъ свои слова низкимъ поклономъ.

— Многія лѣта нашему государю Василью Ивановичу! торжественно воскликнуло собраніе, махая надъ головами шапками.

Нарѣченный царь опять низко поклонился и плакалъ.

— А тебѣ бы, благовѣрный княже Василій, нарѣченный государь нашъ, обратился къ нему Ферапонтовъ,—безъ нашего боярскаго приговора никоего указа не чинить и никоего дѣла не вершить; кольми паче смертію никого не казнить и вотчинъ дворянскихъ на себя не отбирать; и ябеду, и наушниковъ не слушать; и ябедниковъ, злодѣевъ, на-крѣпко сыскивать и казнить, кто чего доведется, дабы не смущали цареву совѣсть и на зло его не воздвигали. И въ томъ мы, прирожденные Московскаго государства бояре, будемъ тебѣ, княже Василій, крестъ цѣловать. Во истину ли такъ, княжи и бояре, сказываю? закончилъ Ферапонтовъ, обращаясь къ собранію, слушавшему его внимательно и съ видимымъ сочувствіемъ къ его словамъ, выражавшимъ общее ихъ желаніе.

— Такъ! такъ! закричали бояре съ одушевленіемъ, засвидѣтельствовавшимъ Шуйскому, что они требуютъ отъ него, своего царя, не самодержавія, а власти, ограниченной боярами.

— Останусь русскимъ бояриномъ сдѣлавшись русскимъ царемъ!

съ своею обычною вкрадчивостью заговорилъ Шуйскій.—Мудра рѣчь твоя, бояринъ Іона Агѣичъ, и не намъ, московскимъ боярамъ, тебѣ прекословить, когда стоишь ты за нашъ честной боярской родъ, всему свѣту вѣдомый, и изстари, какъ только земля русская стала, славный. Всѣ мы, въ сей царской палатѣ сущіе, помятуемъ, сколь тяжко и неправедно страждаетъ боярство, духовный чинъ и народъ, когда царь въ скипетродержавіи своемъ единъ, безъ вѣрныхъ своихъ думцевъ и соправителей. Немало мы терпѣли отъ лютости Грознаго царя Ивана, поправшаго къ подножію своему боярскую думу...

— Во истину такъ! громко подтвердило собраніе.

— Отъ царя небеснаго власть царя земнаго, то намъ вѣдомо! продолжалъ Шуйскій;—русскій царь, сколько бы ни прилеженъ былъ и рачителенъ въ державствѣ своемъ, одинъ не снесетъ тяготы безмѣрной государствованія. Княжи и бояре! Богъ видитъ душу мою! Обѣщаюсь царствовать единомысленно съ думой вашей. Въ томъ вамъ порука сіе распятіе Спасителя нашего!

— Аминь! утвердило собраніе обѣщаніе Шуйскаго, говорившаго дѣйствительно отъ души и подкрѣпившаго свои слова земнымъ поклономъ распятію надъ царскимъ сѣдалищемъ съ глубокимъ смиреніемъ, понравившимся сановному собранію.

— Многія лѣта русскому государю Василію Ивановичу! закричали бояре, поднимая Шуйскаго на рукахъ надъ своими головами.

— Не по своему достоинству возношусь, яко же не чаялъ, а по великой милости вашей ко мнѣ, своему старому сотоварищу! скромно замѣтилъ Шуйскій боярамъ, когда они опустили его на ноги.—И то вамъ въ честь и славу, храбры военачальники и мудрые думцы!

Шуйскій еще разъ поблагодарилъ собраніе низкимъ поклономъ и сѣлъ на лавку, возлѣ царскаго мѣста.

— Ты что же это насупился, бояринъ Богданъ? замѣтилъ Ферапонтовъ старику, убѣленному сѣдинами, чрезвычайно почтеннаго и благороднаго вида—Бѣльскому, державшемуся отъ всѣхъ въ сторонкѣ и изподлобья съ насмѣшливымъ выраженіемъ своего открытаго умнаго лица наблюдавшему за всѣмъ, что происходило въ палатѣ.—Аль непонутру?..

— Непонутру же! подтвердилъ подошедшій Димитрій Шуйскій, мѣряя Бѣльскаго враждебнымъ, вызывающимъ взглядомъ.—Ишь его, словно мышь на крупу надулся!

— По своему самозванцу тоскуетъ, дружески на ухо замѣтилъ Ферапонтову Мстиславскій, не отличавшійся ни краснорѣчіемъ, ни умомъ, хотя и считался по думѣ „большимъ", то-есть первымъ бояриномъ.

— Своего брата, изродоваго боярина, тебѣ, Богданъ, должно не любо русскимъ царемъ назвать? укорительно ввернулъ дерзкій на слово Михаилъ Татищевъ, тотъ самый, что первый поразилъ Лжедимитрія.—Жаль, не подвернулся ты мнѣ тогда, старикъ! Вмѣстѣ бы

вамъ лежать на площади съ латинскимъ скоморохомъ! Славно плясалъ ты, на старости, подъ его польскую дудку! Измѣнникъ ты—не бояринъ!

— Вонъ его изъ боярской думы! закричали братья Голицыны, Иванъ Никитичъ Романовъ и Михайло Нагой, братъ царицы-вдовы, Марфы, подступившіе къ сѣдовласому старику Бѣльскому съ явнымъ намѣреніемъ отъ словъ перейти къ дѣлу.—Онъ вора училъ насъ, бояръ, унижать и изводомъ извести! Онъ измѣнникъ—не бояринъ! вонъ его!

— На лобное мѣсто его! едва сдерживая себя горячился Татищевъ, сжимая кулаки.—Пусть его при народѣ скажетъ свою великую измѣну: какъ онъ на Московское государство вора привелъ, какъ съ воромъ подъ бояръ подыскивался!

Богданъ Бѣльскій поднялся съ лавки во весь свой высокій станъ, согнутый лѣтами, и съ нескрываемымъ презрѣніемъ усмѣхаясь въ свою почтенную, бѣлую, расчесанную бороду, обвелъ своими еще свѣтлыми, когда-то красивыми голубыми глазами враждебныхъ себѣ бояръ, терпѣливо выжидая, когда кончатся ихъ безтолковые крики.

— Дайте Богдану слово! выслушайте его, бояре! благоразумно замѣтилъ Ферапонтовъ.

Нѣхотя замолчали бояре и ждали.

— Ведите меня на лобное мѣсто, бояре! съ спокойною самоувѣренностью заговорилъ Бѣльскій, обѣими руками опираясь на свой боярскій посохъ.—Ударьте въ набатъ, сзовите народъ. Я скажу русскому народу всю правду-матку!

— Что-жъ скажешь ты, Богданъ?—какъ всегда миролюбиво и вкрадчиво возвысилъ голосъ Василій Шуйскій, котораго красные глаза глядѣли на Бѣльскаго съ нетерпѣливымъ, худо скрываемымъ безпокойствомъ, противорѣчившимъ тону его голоса.

— А скажу я, старецъ, которому умирать пора, кого погубилъ ты съ своими пособниками, княжъ Василій, и зачѣмъ это вамъ, боярамъ, понадобилось! Москва нынѣ вѣдаетъ, что ты злоумыслилъ на царя Дмитрія, кому присягалъ, дабы, его погубя, самому царемъ стать. А того не было, яко бы царь Дмитрій съ поляками подъ васъ, бояръ, подыскивался, то народу обнаружено... Грѣхъ, грѣхъ на свою душу приняли вы, бояре! Не всѣ ли вы встрѣчали въ Тулѣ царя Дмитрія, коего погубили и нынѣ воромъ обзываете? Зачѣмъ же вы ему присягали и на царство его вѣнчали зачѣмъ? Ведите меня на лобное мѣсто! Пусть народъ разсудитъ меня съ вами. А я, старецъ, стоящій одною ногою въ гробу, не хочу унести съ собою въ могилу неправду! Не я, князь Богданъ Бѣльскій, измѣнникъ, а вы, князи и бояре! Затѣваете на Руси чего не было! новое государство затѣваете!

— Какое такое новое государство мы затѣваемъ, Богданъ? спросилъ, среди молчанія въ палатѣ, съ явнымъ неудовольствіемъ Ферапонтовъ.

— Да, да! подхватили многіе голоса;—сказывай, Богданъ, какое мы затѣваемъ новое государство?

— Русскій царь самодержавенъ былъ допрежде, а вы, бояре, умышляете нынѣ сами царемъ управлять! твердо сказалъ Бѣльскій въ поясненіе своихъ словъ.—Безъ боярской де думы царь, по вашему, ничего не моги... и это не по старому государству, по новому...

— Ты это съ своимъ воромъ новину было на Руси вздумали! перебили его раздраженные бояре.—Ты! мы за старые порядки, за крѣпкіе!

— Богданъ не измѣнникъ, сами вы измѣнники! кричалъ князь Рубецъ-Мосальскій.

Крики усиливались, волненіе среди бояръ увеличивалось. Уже слышались брань, угрозы, подымались кулаки. Вдругъ появившійся въ дверяхъ палаты приставъ громко возгласилъ:

— Бояре! Шляхтичъ съ письмомъ отъ пословъ польскаго круля Жигмонта челомъ бьетъ: де надобность ему въ боярскую думу!

— Введи! приказалъ приставу большой бояринъ, князь Мстиславскій, приглашая собраніе занять свои мѣста и успокоиться.

— Что тамъ еще? замѣтилъ Шуйскому Ферапонтовъ задумываясь.

Въ палату, опередивъ пристава, смѣло вошелъ молодой польскій дворянинъ, бѣлокурый красавецъ въ щегольскомъ польскомъ платьѣ, достойный представитель тогдашняго польскаго кавалерства. Его свѣтловолосая, низко остриженная голова бросалась въ глаза своимъ прекраснымъ очертаніемъ. Бѣлый атласный кафтанъ до колѣнъ, отороченный соболемъ, съ стоячимъ воротникомъ и частыми серебряными пуговицами по груди, съ узкими рукавами и, кромѣ того, съ длинными разрѣзными рукавами за плечами, развѣвавшимися на ходу, плотно облегалъ высокій плечистый станъ; голубой бархатный кунтушъ съ вырѣзной грудью безъ рукавовъ, нѣсколько длиннѣе кафтана, съ полами внизу расходящимися, надѣтый сверху, какъ нельзя лучше шелъ къ этому красивому лицу, разрумяненному избыткомъ молодой жизни, къ голубымъ яснымъ глазамъ, къ каштановымъ, слегда вьющимся усикамъ. Съ угловъ маленькаго отложнаго ворота кунтуша свѣшивалось на грудь по пушистой синей шелковой кисти. Вмѣсто кушака станъ красавца перепоясывала широко свернутая, дорогая, легкая какъ пухъ, турецкая шаль яркихъ цвѣтовъ. Кривая польская карабелля съ золоченою ручкой и въ бархатныхъ ножнахъ гремѣла съ лѣваго бока своими золочеными кольцами на серебряной тесьмѣ. Красные сафьяные сапоги съ серебряными шпорами, на серебряныхъ подковкахъ, и широкіе бѣлые суконные штаны—дополняли его нарядъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ свою синюю четырехугольную бархатную магерку съ собольей опушкой, въ правой—запечатанное воскомъ письмо. Сдѣлавъ шага два впередъ, польскій дворянинъ остановился и отвѣсилъ почтительный, но гордый поклонъ.

Поднявъ свою красивую голову и обращаясь къ собранію, онъ торжественно сказалъ по-русски, хотя съ рѣзкимъ польскимъ выговоромъ:

— Московскіе бояре! Милостію Божіею наияснѣйшій государь мой, король польскій и великій князь литовскій Жигмонтъ, прислалъ къ вашему государю своихъ пословъ, вельможныхъ пановъ высокой Рѣчи Посполитой, Олесницкаго и Гонсѣвскаго, ради дружества своего народа съ вашимъ народомъ. Государя своего вы убили, а пословъ польскихъ въ плѣну держите и тѣмъ ихъ санъ высокій безчестите. Затѣмъ къ вамъ, бояре, прислали меня, дворянина Пржемислава Дворжицкаго, королевскіе послы съ собственноручнымъ своимъ письмомъ.

Окончивъ свою бойкую, складную рѣчь, невольно понравившуюся боярамъ, молодой Дворжицкій подалъ письмо князю Мстиславскому, потому что князь, видя его замѣшательство и вопросительный взглядъ— кому подать письмо, самъ протянулъ къ письму руку.

— Отвѣтъ пришлемъ! замѣтилъ Мстиславскій посланцу.

— Когда же? нетерпѣливо спросилъ полякъ.

— Когда царя изберемъ, отвѣчалъ Мстиславскій тономъ, ясно говорившимъ:—Убирайся! Намъ не до васъ!

— Вельможные королевскіе послы не велѣли мнѣ возвращаться безъ боярскаго отвѣта на свое письмо, отвѣтилъ молодой полякъ съ рѣшительностью, удивившею и разсердившею бояръ. Затѣмъ онъ обѣими руками оперся на свою саблю, гордо закинулъ вверхъ голову и спокойно разглядывалъ собраніе, не трогаясь съ мѣста.

— Кичливъ ты, панъ! усмѣхнувшись, впрочемъ добродушно, замѣтилъ Мстиславскій.—Такъ-таки не пойдешь, панъ?

— Безъ отвѣта не пойду.

— А ежели тебя отсюда да выведутъ? слышь?

Панъ Дворжицкій безпокойно взглянулъ на полдюжину приставовъ, безмолвно ждавшихъ позади его боярскихъ приказаній.

— Слышалъ? отвѣтъ пришлемъ! завтра непремѣнно пришлемъ! повторилъ Мстиславскій уже гораздо строже и суровѣе.

— Знаемъ мы ваше московское „завтра“! дерзко замѣтилъ полякъ, вспыхнувъ съ досады. Онъ еще что-то хотѣлъ сказать, но одумался, и гордо кивнувъ вмѣсто поклона своею красивою головою, ни на кого не глядя, быстрыми шагами удалился изъ палаты, брянча волочившейся по полу саблей, гремя шпорами и подкованными каблуками.

Бояре, неодобрительно качая головами, проводили насмѣшливыми взглядами этого смѣлаго „хоронжаго“, любимца знатной молодежи великой Польши, щеголя на балу и рыцаря въ полѣ, лучшаго мазуриста, съ кѣмъ танцовать въ первой парѣ считали за честь первыя польскія красавицы.

— Смольяне польская кость, да собачьимъ мясомъ обросла! замѣтилъ на счетъ спѣсиваго ляха дерзкій на слово Михаилъ Игнатьичъ Татищевъ.

— Что-жъ, бояре, мѣшкать нечего, дѣло дѣлать пора! замѣтилъ

собранію „большой“ бояринъ, князь Мстиславскій, подымаясь съ лавки и крестясь на образъ, чтобы идти. Шуйскому онъ поклонился, какъ подданный государю, и приказалъ приставамъ своимъ внятнымъ начальничьимъ голосомъ:

— Велите на Иванѣ въ колоколъ звонить! Да зовите владыку на лобное мѣсто: де бояре съ народомъ о государѣ мыслить будутъ.

— Тебѣ, княже Василій, напередъ насъ идти, по чину твоему высокому! съ новымъ поклономъ обратился онъ къ Шуйскому.

— Тебѣ напередъ насъ идти, благовѣрный княже Василій! повторили бояре, почтительно разступаясь передъ Шуйскимъ, тихо направившимся къ выходу и на всякую оказываемую ему боярами вѣжливость отвѣчавшему низкими, но важными поклонами.

— Ну, княже Василій, заговорилъ Ферапонтовъ, пѣшкомъ слѣдуя съ Шуйскимъ впереди боярской толпы, тихо, чтобы не слышали другіе, — станешь царемъ, держи ухо востро: Богдана отошли отъ себя куда подальше, область дай ему править. Да и дьяка Власова съ Мосальскимъ туда же. Вредные то для тебя люди, не хотятъ они тебѣ добра, самозванцемъ дышутъ...

Шуйскій только усмѣхнулся себѣ въ бороду, и въ его красныхъ лукавыхъ глазахъ засвѣтилось теперь мстительное, злобное чувство, вызванное именами ненавистныхъ ему людей.

— Тотъ же старшо́й ты мнѣ братъ, Іона Агѣичъ, сказалъ, подумавъ, Шуйскій тоже тихо;—чувствую твою ко мнѣ пріязнь и не забуду... Буди благонадеженъ: исполню по твоему совѣту; сказалъ ты самую мою думушку крѣпкую. Вижу ихъ насквозь!

Набатъ большого колокола громко гудѣлъ и далеко расходился съ высоты Ивановской колокольни въ чистомъ утреннемъ воздухѣ, сзывая на площадь передъ Кремлемъ толпы народа. Безчисленныя головы сплошь заливали лобное мѣсто, уже окруженное псковскимъ стрѣлецкимъ полкомъ тысяцкаго Волкова. На возвышеніи, изъ-за блестящихъ рядовъ пищалей и изъ-за красныхъ пикъ курской конницы въ веселыхъ лучахъ майскаго солнца сіяла архіерейская митра, блестѣло парчевое облаченіе духовенства съ крестомъ и хоругвями...

— Страшно! вырвалось у Шуйскаго, противъ его воли, сознаніе страшной отвѣтственности, которую онъ готовится взять на себя за весь этотъ тьмачисленный народъ, за судьбу и будущность всей русской земли. Страхъ овладѣвалъ его душей съ приближеніемъ минуты, когда эти безчисленныя, безъ шапокъ, стихшія и ждущія народныя толпы назовутъ его, князя Василья Ивановича Шуйскаго, своимъ царемъ.

— Мужайся, княжъ Василій! строго замѣтилъ ему Ферапонтовъ,— „не уклони сердце мое въ словеса лукавствія“, гласитъ пророкъ Іеремія. Ужели до конца прогнѣвался на насъ Господь силъ? Или оскудѣла русская земля великими молитвенниками и святыми предстателями? Или нѣтъ больше борцовъ-князей за обезчещенную, по-

воеванную матушку Русь? Гляди, Василій, не русскій ли народъ ждетъ тебя, чтобы поставить надъ собой царемъ? Не ты ли за него, за этотъ русскій народъ, на этомъ самомъ мѣстѣ лобномъ готовъ былъ сложить свою княжескую голову на плахѣ подъ топоромъ палача? За правду, не убоясь разстригинова гнѣва, шелъ ты на смерть позорную смѣлѣе, чѣмъ идешь теперь вѣнчаться на царство Мономаховой шапкой! Сослужи, княжъ, до конца великія службы свои родной землѣ! Осиротѣла она, овдовѣла, яко жена неразумная безъ мужа законнаго! Не робокъ былъ ты княземъ, не сробѣешь и царемъ! Тяжелъ вѣнецъ царскій, да по твоей головѣ, Василій. Снесешь съ помощью Божьей и насъ, твоихъ бояръ вѣрныхъ!..

— На Бога да на васъ, вѣрные други, моя надежда въ моемъ трудномъ этомъ часѣ! вздохнувъ сказалъ Шуйскій. — Твоя правда, Іона Агѣичъ, не для кого мнѣ себя беречи! Не дорога мнѣ жизнь, никому не нужна, опричь родины! Родинѣ отдамъ ее, коли нужно...

— А я, старый чортъ, вотъ какъ золъ на литовскихъ пановъ, а того больше на своихъ заводчиковъ и смутителей, измѣнниковъ бояръ! чистосердечно и горячо высказался Ферапонтовъ. — Не подарю имъ того, что я, Іона, милостью Божьею именитый бояринъ, ухо свое боярское преклонилъ Лжедмитрія перелестивымъ рѣчамъ! Шутка ли, курскій бояринъ Ферапонтовъ саблю свою боярскую, неопороченную, за езвитскаго подкидыша обнажалъ? Поруху эту несносную кровью смою, либо вражескою, измѣнническою, либо своею! Сѣдина посрамлена, тому—вѣдаешь—врагъ Христовъ радуется! Чего же робѣешь, княжъ? не обманомъ возвышаешься, а народнымъ хотѣньемъ, боярскимъ избраньемъ, волею Божьею!

— Да будетъ! рѣшительно сказалъ Шуйскій.—Предаюсь на Божью волю!

— Хотимъ царемъ нашимъ князя благовѣрнаго Василія Ивановича Шуйскаго!—прокатился по народнымъ живымъ волнамъ дружный, какъ бы единодушный взрывъ голосовъ, далеко огласившій площадь и улицы.

IV.

Ахъ, ты сердце мое, сердце,
Ретивое, молодецкое!
Къ чему ноешь, заныааешь,
Ничего мнѣ не скажешь,
Что ни радости, ни печали
И ни одной бѣды и напасти.
(Русскія пѣсни. Сахарова).

Между тѣмъ бѣлокурый польскій дворянинъ, панъ Пржемиславъ Дворжицкій, въ досадѣ на думныхъ боярь, вскочилъ въ сѣдло и далъ волю своему горячему скакуну. Хорошъ былъ на конѣ молодой панъ,

заглядывались на него встрѣчавшіяся женщины. Болѣе молодцеватую фигуру, болѣе свободную и красивую посадку—трудно было сыскать во всей польской конницѣ, пользовавшейся въ то время вполнѣ заслуженною ею всесвѣтною славою. Синяя бархатная магерка съ собольей опушкой, такъ красиво оттѣнявшая его свѣтловолосую стриженую голову и молодое красивое румяное лицо, лихо надвинута на „бекрень", на правое ухо, и такъ весело волнуется на магеркѣ пушистое страусовое перо. Алые сафьяные сапоги только играли посеребреными стремянами, не опираясь на нихъ. Опора наѣздника была въ его полныхъ, сильно развитыхъ и обрисовывавшихся въ бѣлыхъ суконныхъ штанахъ икрахъ, иногда сжимавшихъ крутые бока горячаго рыжаго скакуна такъ крѣпко, что онъ „сбирался клубкомъ" на строгомъ мундштукѣ, уже входившемъ тогда въ употребленіе у лучшихъ польскихъ кавалеристовъ, по примѣру нѣмецкихъ рейтаровъ. Выѣхавъ изъ Кремля черезъ Боровицкія ворота, и бросивъ въ сторонѣ лобную площадь, молодой панъ направился въ отдаленную часть Москвы, словно забывъ о своихъ вельможныхъ королевскихъ послахъ и о ихъ порученіи, въ которомъ онъ долженъ былъ дать отчетъ.

О, какъ надоѣли ему эти вельможные дипломаты съ своими порученіями! До нихъ ли ему теперь, когда душа его то ноетъ, то вонъ рвется, полная новаго ему, сладкаго и нѣжнаго чувства, когда онъ во снѣ и на яву видитъ молодую, очаровавшую его московскую княжну? Онъ одну ее видитъ и помнитъ, словно забывъ все на свѣтѣ, начиная съ самого себя. Такъ еще недавно онъ чувствовалъ себя свободнымъ, какъ вѣтеръ, и съ вѣтренностью своего счастливаго возраста отдавался тѣмъ легкимъ, мимолетнымъ, ни къ чему не обязывающимъ отношеніямъ къ молодымъ женщинамъ, на которыя такъ падка была блестящая польская молодежь того времени. Аристократическое воспитаніе рано пріучало молодаго пана смотрѣть на жизнь только съ ея пріятной, льстящей человѣческой слабости и суетности стороны; шляхетству — всегдашній праздникъ, быдлу — нескончаемый трудъ; шляхтичу — все, быдлу — ничего, или очень мало. Таковъ, вообще, былъ шляхетскій взглядъ въ своихъ основаніяхъ. Но молодой Дворжицкій во многомъ, и самомъ существенномъ, не повторялъ собой общій тогдашній типъ веселаго, легкомысленно относящагося къ жизни шляхтича, съ головой окунувшагося въ матеріальныя бытовыя условія, хвастающагося побѣдой красотки еще болѣе, чѣмъ надъ москалемъ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ „избранныхъ", т. е. лучшихъ мужчинъ, которые способны очертя голову слѣдовать влеченію своего молодаго сердца, которые отдаются любимой женщинѣ безъ раздѣла, до забвенія себя. Часто эта благородная потребность молодой страсти, эти пылкіе запросы еще не пробованныхъ душевныхъ силъ—любить, хватаются за призракъ, созданный молодымъ воображеніемъ и, ко-

нечно, разбиваются безжалостною дѣйствительностью. Но въ настоящемъ случаѣ, страсть красавца пана была вызвана не призракомъ его воображенія. Молодая русская княжна стоила этого чувства. Едва вышедшій изъ юношества, панъ Пржемиславъ уже считался украшеніемъ польскаго войска и однимъ изъ немногихъ счастливцевъ, на которыхъ старость и власть смотрятъ съ довѣріемъ, а женщины съ любовью... А тутъ вдругъ эта замкнутая, малодоступная ему, какъ „нехристю", боярская семейная жизнь; этотъ несносный теремъ дѣвичій, не хуже монастыря ревниво укрывающій его красавицу. Видѣть ее трудно, не только съ нею говорить. И о чемъ ему говорить съ нею? О своей любви—Она слушать его не станетъ,—по русскимъ обычаямъ говорить дѣвицѣ о любви, значитъ оскорблять ее. Да и мать отъ нея не отходитъ, при матери языкъ не повернется про любовь говорить. Бѣда.!.

Молодой панъ вздохнулъ съ горя и придержалъ взмыленнаго коня. Было ему отчего вздохнуть и задуматься: онъ не зналъ, какъ выйти изъ тяжелаго положенія, въ которомъ очутился. Но какъ же онъ въ немъ очутился?

Какъ истый „литвякъ", Дворжицкій былъ страстный охотникъ. Въ описываемое время нравы литовскаго „панства" еще не изнѣжились подъ вліяніемъ позднѣйшаго, распространившагося изъ Польши, образованія. Въ своемъ „мястѣ", лѣсной усадьбѣ, въ старомъ деревянномъ домѣ, онъ привыкъ вставать съ солнцемъ и съ солнцемъ же ложиться. Знатные литовскіе люди еще не посягали на извращеніе распредѣленнаго Богомъ времени и не обращали дня въ ночь и наоборотъ. Осень и зима посвящались лѣсной охотѣ и „полеванью". Встрѣтясь однажды осенью у пословъ съ бояриномъ, княземъ Иваномъ Петровичемъ Буйносовымъ-Ростовскимъ, и разговорясь съ нимъ объ охотѣ, Дворжицкій пожаловался, что поохотиться ему негдѣ, не съ кѣмъ, а охотникъ де онъ отмѣнный: медвѣдя бьетъ въ глазъ пулей. Буйносовъ, какъ старый охотникъ, пригласилъ молодаго пана къ себѣ, въ ярославскую вотчину, вмѣстѣ охотиться. Нечего говорить, съ какою радостью принялъ это приглашеніе молодой охотникъ. На другой же день въ назначенный часъ онъ былъ на „Разгуляѣ" въ хоромахъ князя, пріѣхавъ верхомъ на своемъ охотничьемъ скакунѣ. Поѣхали.

„Боровое", боярская усадьба, нѣсколько напоминала Дворжицкому его лѣсную литовскую родину. Большія хоромы подъ высокою тесовою крышей съ потемнѣвшими отъ времени рубленными стѣнами и ветхая, вросшая въ землю и покривившаяся небольшая церковь, глядятся въ спокойное озеро, отражающее блѣдное осеннее небо. Въ глазахъ пана боярское жилище, окруженное службами дворовыми, имѣло видъ крѣпкаго, но отжившаго свой вѣкъ почтеннаго старца. Отовсюду къ этому живому свѣтлому водяному раздолью надвинулись густые, мрачившіе на далекое разстояніе горизонтъ, сосновые

лѣса въ своемъ темнозеленомъ, во всѣ времена года не смѣняемомъ уборѣ.

Въ сумрачной картинѣ темныхъ, дѣвственныхъ, щетинившихся ярославскихъ лѣсовъ было для молодаго охотника много величія и силы. Не даромъ онъ въ лѣсахъ же выросъ. Глубокая рѣка, естественный истокъ многоводнаго озера, тихо катилась въ вѣковой чащѣ сосновыхъ боровъ, давшихъ названіе боярской усидьбѣ. Эти безконечные боры, по мѣрѣ своего отдаленія, блѣднѣли, стирались и еле оттѣнялись на горизонтѣ лиловой полоской. По душѣ пришлись молодому пану и мѣстность, и ласковая семья князя, которую тотъ рѣшилъ вести на зиму въ Москву. Само собой, рьяные охотники—старый хозяинъ и молодой гость—другъ передъ другомъ отличались: хазяинъ тѣмъ, что ежедневно доставлялъ гостю охотничью забаву, гость—мѣткостью своего мушкета, дѣйствительно бившаго медвѣдя прямо въ глазъ, дивилъ русскихъ охотниковъ. Появленіе молодого литовскаго „хоронжаго“ въ почтенной княжеской семьѣ Буйносовыхъ-Ростовскихъ невольно внесло въ этотъ старинный русскій домъ нѣкоторыя еще не бывалыя доселѣ въ немъ условія образованной жизни тогдашняго польскаго общества. Добрая княгиня, Анна Васильевна, относилась къ иноземному гостю почти съ материнскимъ вниманіемъ и русскимъ гостепріимствомъ. Ея сынъ, молодой князь Иванъ, кравчій царя Бориса и самозванца, дружески сошелся съ паномъ Пржемиславомъ. Охота, общій интересъ возраста и, отчасти, характеровъ скоро ихъ сблизили. По обязанностямъ своей дворцовой службы давно находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ польскими вельможами, посѣщавшими Москву въ качествѣ королевскихъ пословъ, молодой князь привыкъ къ польскимъ обычаямъ и понималъ польскую рѣчь. Мало того, проникнувшись превосходствомъ и изяществомъ польской знати передъ русскою, онъ не чувствительно для себя, въ основѣ и подробностяхъ, измѣнилъ свой прежній, вполнѣ православный взглядъ на все польское. Онъ уже не смѣшивалъ понятіе объ иновѣрцѣ съ понятіемъ о „нехристѣ“, не обзывалъ поляковъ огуломъ „ворами“ и злодѣями. Между ними онъ весьма разумно отличалъ теперь людей достойныхъ и не враждебныхъ къ Россіи, въ родѣ благородныхъ пановъ пословъ, отъ шляхетной „шумовины“—сволочи, предводимой Неборскимъ и ему подобными разбойниками, поддерживавшими на Руси смуту изъ корысти и личной выгоды. Открытый, хотя горячій характеръ Дворжицкаго, его великодушное сердце, щедрость и замѣчательно красивая наружность даже домашнюю челядь расположили въ его пользу. Князь Иванъ не замедлилъ перевести гостя къ себѣ, въ свою горницу съ отдѣльнымъ ходомъ и отдѣльной прислугой. Иную ночь напролетъ бесѣдовали они между собой, раздѣвшись и уже лежа въ постеляхъ. Много передавалъ панъ Пржемиславъ своему русскому другу о своемъ дѣтствѣ, о своихъ прошлыхъ радостяхъ и прошломъ горѣ. Само собою, что „постельничья дѣвка“ старой княгини съ

свойственною ей изобрѣтательностью выводила изъ этой дружбы молодаго князя съ молодымъ паномъ свои заключенія, начинавшія безпокоить княгиню. Она втихомолку пеняла сыну: де „обусурманился, польскіе порядки въ домѣ заводитъ, сестру, княжну Марью, съ полякомъ сводитъ. Не виданное де дѣло—дѣвица благородная съ иноземцемъ молодымъ наединѣ разговариваетъ, худую де на себя славу беретъ“.

— Кабы знала ты его, матушка, какъ я его знаю, не бранила бы меня за мою къ нему дружбу! —оправдывался передъ матерью сынъ,—а сестра моя взрослая дѣвица — не монашка, чтобы ей отъ людей бѣгать. Отъ встрѣчъ тѣхъ съ паномъ ея не убудетъ. Это только у насъ, русскихъ, женскій полъ по теремамъ запираютъ, до вѣнца въ затворѣ держутъ, а послѣ вѣнца того крѣпче. Въ Польшѣ образованные паны живутъ: панянки сами себѣ мужей выбираютъ; по согласію, не по насилію замужъ идутъ, не такъ, какъ у насъ дураковъ.

— Да ты ужъ не папѣ ли римскому вѣруешь? не безъ гнѣва говорила сыну княгиня.—Вотъ-то грѣхи мои! родной сынъ ополячился.

Княгиня съ плачемъ уходила къ себѣ на чердакъ, т. е. въ теремъ. Попробовала она пожаловаться на сына Ивана мужу, съ просьбой дать ему „отцовской напрягàй“, не срамилъ бы молодой княжны, сестрицы своей, не сводилъ бы ее съ паномъ на разговоры „да на поглядки“; только ничего изъ этой жалобы не вышло. Разумный князь, выслушавъ плачущую жену, спокойно замѣтилъ ей, что отъ разговору глупой дѣвки съ умнымъ парнемъ бѣды еще нѣтъ, только, пожалуй, дѣвка поумнѣетъ. Панъ же—парень душевный, бывалый, очень онъ ему, князю, любъ.—А стрѣлокъ, увлекаясь добавилъ князь,—еще не видалъ я такого! Безъ промаха!

Такъ и не далъ князь сыну „отцовскагó напрягая“, а сынъ, по прежнему, не уклонялся отъ того, чтобы доставить своему пріятелю пану случай встрѣтиться съ сестрой-красавицей, понимая, что подобныя встрѣчи пану очень по сердцу.

По истинѣ, нелегко было тогда чувствовать себя въ старозавѣтной русской семьѣ молодому русскому человѣку, уже сознававшему не только ненужность, но и вредъ многихъ отжившихъ русскихъ обычаевъ, и понимавшему всю отсталость русской жизни отъ жизни иноземной. Было еще рано, несвоевременно замѣнять въ тогдашней русской жизни худое русское хорошимъ не русскимъ. Учащались столкновенія княгини съ сыномъ по поводу его, какъ она говорила, „глупыхъ затѣй“. Впрочемъ, столкновенія эти не мѣшали княгинѣ относиться къ молодому польскому пану съ снисходительностью гостепріимной хозяйки и доброй женщины. Сама она находила бесѣду его занимательною и охотно его слушала, конечно, многаго не понимая въ его разсказахъ и удивляясь, какъ это Господь терпитъ—„живутъ де люди не по нашему, православному“? Княжескій дворецкій

Суббота, не перестававшій коситься на „полячка“, замѣчалъ однако домочадцамъ: „какъ-де такого молодчика бабамъ не любить“? Скромная княжна держалась замѣтно одаль отъ этого блестящаго пана. Впрочéмъ, съ женскою чуткостью слышала она въ немъ благородное мужское сердце, то и дѣло заговаривавшее, и по достоинству оцѣнила его умъ и любезность. Ей даже неловко становилось съ нимъ иногда, когда она убѣждалась въ превосходствѣ его разносторонняго образованія, обогащеннаго личнымъ опытомъ, образованіемъ, съ которымъ никакъ не могло равняться даже образованіе грамотѣя брата Ивана. Ее удивляло, чтò онъ находитъ пріятнаго въ разговорѣ съ такою глупою, неученою боярышнею, какою она себя считала? Тѣмъ не менѣе она понимала, что именно съ нею, глупою, неученою боярышнею находитъ удовольствіе встрѣчаться и разговаривать этотъ умный, образованный, красивый панъ, и это сознаніе, конечно, не могло быть ей непріятно.

Разъ, въ глухомъ бору, ведомые старымъ лѣсникомъ, охотники неожиданно для себя наткнулись на страшнаго, матерова медвѣдя „овсянника“. Охотники шли вразбродъ. Прежде чѣмъ они опомнились, медвѣдь съ глухимъ, зловѣщимъ ревомъ поднялся на заднія ноги и, переваливаясь въ своей пушистой бурой шубѣ, прямо навалился на ближайшаго къ себѣ охотника. То былъ бѣдный молодой князь Иванъ. Шедшій съ нимъ рядомъ отецъ растерялся, увидѣвъ, какъ въ мгновеніе ока разъяренный лѣсной силачъ, съ огнемъ горѣвшими глазами и глухимъ ревомъ смялъ подъ себя сына. Крикъ ужаса вырвался изъ груди злополучнаго отца, но охотники и рогатники разсыпались по лѣсу. Вдругъ, вблизи, грянулъ выстрѣлъ и прокатился по лѣсу. Страшный медвѣдь сдѣлалъ большой прыжокъ назадъ, перекувыркнулся съ отчаяннымъ ревомъ черезъ свою голову, и вытянулся. Молодой князь былъ спасенъ, отдѣлавшись царапинами и страхомъ. Изъ чащи вышелъ панъ Пржемиславъ, заряжая дымящійся еще мушкетъ. Его мѣткая пуля ударила звѣрю прямо въ глазъ и положила его на мѣстѣ. Радостной благодарности, выражаемой отцемъ княземъ и спасеннымъ сыномъ радостному же спасителю не было конца. Этотъ случай еще болѣе сблизилъ молодаго пана съ семьей князя Ростовскаго. Молодой князь, по обычаю времени, обмѣнялся съ паномъ крестами, послѣ чего они стали „крестовыми братьями“. Княгиня не мѣшала болѣе красавцу „полячку“ видаться съ дочерью, конечно при братѣ ея, или подъ своимъ материнскимъ глазомъ. Иногда же, наблюдая, съ какимъ живымъ удовольствіемъ глядитъ на красавицу дочку и съ нею говоритъ красавецъ полячекъ, грустно вздыхала, сожалѣя, что онъ невѣрный еретикъ, а не нашего закона, не русскій „господинъ“...

Вотъ и въ Москвѣ семья князя Ростовскаго, въ своемъ домѣ, на Разгуляѣ; къ святкамъ зимнимъ еще пріѣхала, а ничего не измѣнилось въ отношеніяхъ молодой княжны Марьи къ пану Пржеми-

славу. По прежнему холодна къ нему, далека отъ него. Если бы онъ могъ проникнуть въ сердце гордой красавицы, въ это глубокое женское сердце, если бы онъ сумѣлъ уловить улыбку ея прекрасныхъ алыхъ губъ, исполненную нѣжности и сомнѣнія, если бы онъ сумѣлъ прочесть въ большихъ черныхъ глазахъ тихую тоску — онъ понялъ бы ея холодную недоступность; онъ понялъ бы, что за нею скрывалась душевная борьба, онъ понялъ бы, что страсть молодаго красавца не радовала ее не потому, что нелюбъ онъ ей, а потому что она „не должна" любить его, какъ иновѣрца, какъ человѣка народа, враждебнаго Россіи, вносящаго въ ея отечество гибель и разореніе.

Погруженный въ такія воспоминанія, которыя ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ его не сулили ему ничего отраднаго, задаваясь вопросами, которыхъ самъ онъ разрѣшить никакъ не могъ, панъ Дворжицкій только тогда замѣтилъ, что онъ уже на усадьбѣ князя Петра Ивановича Буйносова-Ростовскаго, когда горячій рыжій конь его, по привычкѣ, остановился у крѣпкихъ, желѣзомъ обитыхъ воротъ, какъ всегда запертыхъ со двора запоромъ. Усадьба князя Ростовскаго, какъ большая часть тогдашнихъ усадебъ богатыхъ московскихъ бояръ, напоминала широкое приволье деревенскихъ боярскихъ усадебъ. Она раскидывалась на берегу Яузы, за Разгуляемъ, на Гороховомъ полѣ. Огромныя брусяныя хоромы съ узорочьемъ, хитро рѣзаннымъ изъ дерева и цестро раскрашеннымъ по окнамъ, по карнизамъ и надъ дверями, возвышались на каменномъ основаніи, подъ шатровою зеленою крышею, среди обширнаго двора, кругомъ обставленнаго службами и жилыми связями для челядинцевъ. Рѣшетчатыя зеленыя ворота вели со двора въ старый, пространный садъ съ темными березовыми рощами надъ крутымъ берегомъ Яузы. Хотя тогдашняя Москва тянулась еще гораздо далѣе, но улица, огибавшая княжескую усадьбу, имѣла пустынный видъ, такъ какъ, по старому обычаю, на улицу выходили заднія „глухія" стѣны приспѣшенъ, конюшенъ и сараевъ. Постоявъ съ миниту у запертыхъ воротъ, молодой панъ, словно раздумавъ, осадилъ коня и повернулъ его назадъ. По узкому, глухому переулку, отдѣлявшему княжескую усадьбу отъ сосѣдней, вившемуся круто внизъ, подъ гору, онъ съѣхалъ къ рѣкѣ и слѣзъ съ коня. Затѣмъ, привязавъ чумбуромъ коня къ толстому суку рябины, свѣсившейся съ глубокой канавы, легкимъ прыжкомъ перескочилъ ее и очутился въ березовой княжеской рощѣ.

Онъ задыхался отъ охватившаго его чувства и остановился въ нерѣшимости. Куда онъ идетъ? зачѣмъ? Положеніе его, казалось ему, невыносимымъ. Будь на мѣстѣ княжны Марьи польская панна, дѣвушка его понятій, онъ зналъ бы, что̀ ему дѣлать. Но тутъ эти полутатарскіе, варварскіе обычаи, не допускающіе свиданій между тѣми, кто другъ друга любятъ. Но любитъ ли она его? Она постоянно ясно выражаетъ ему невозможность сближенія между ними. Развѣ это любовь? Порывы самыхъ противоположныхъ чувствъ смѣнялись въ его

взволнованномъ сердцѣ. Разсудокъ вмѣшивался въ дѣло сердца, но въ этой борьбѣ, какъ всегда, сердце оставалось побѣдителемъ; какъ всегда, тѣмъ сильнѣе порывалась къ молодой княжнѣ его страстная душа, чѣмъ дальше отъ него она держалась... Онъ пошолъ...

V.

Туманно красно солнышко, туманно,
Что краснаго солнышка не видно,
Кручинна красная дѣвица, печальна;
Никто ея кручинушки не знаетъ,
Ни батюшка, ни матушка родные,
Ни бѣлая голубушка сестрица.
Печальна душа красная дѣвица, печальна,
Не можешь ты злу горю пособить,
Ни денною порою, ни ночною,
Ни утренней зарею, ни вечерней.
Въ тоскѣ своей возговоритъ дѣвица:
„Я въ тѣ поры мила друга забуду,
Когда подломятся мои скоры ноги,
Когда опустятся мои бѣлы руки,
Засыплются глаза мои песками,
Закроются бѣлы груди досками...“
(Русскія пѣсни. И. Сахарова).

Непонятное чувство, не то тяжелое, не то сладкое, чаще посѣщало теперь молодую княжну Марью Петровну. Какъ бы въ наказаніе себя за это „грѣшное“ чувство, она усидчивѣе чѣмъ когда нибудь вышивала цвѣтными шелками роскошный бархатный ѳаръ въ свою приходскую церковь. Короткія весеннія ночи не спалось ей въ своемъ высокомъ дѣвичьемъ терему; молитва въ голову ей не шла, молодое тѣло горѣло внутреннимъ жаромъ и, сбивая на полъ покровы, капризно и сладострастно разметывалась на постели. Голубоватый мѣсячный свѣтъ съ своими причудливыми ночными тѣнями, съ своей мечтательной, разлитой въ дремлющей природѣ, тишиной— подымалъ въ ея душѣ желанія и вопросы, которыхъ она еще не знала до сихъ поръ. Она заслушивалась какого-то нѣжнаго, глубоко проникавшаго въ ея сердце мужскаго голоса, звавшаго ее за собой въ прекрасную, хотя туманную даль. Тамъ хорошо, тамъ правда, тамъ сердечное успокоеніе! Какое ей дѣло до того, что „онъ“ не русскій, не православный? Развѣ люди не всѣ дѣти единаго Творца? Развѣ папистъ не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ? Красивая наружность блестящаго польскаго пана и въ темнотѣ ласкала ея молодые глаза; его умная, часто горячая рѣчь, всегда убѣждала ея молодой умъ; его сердечные порывы находили отзвучіе себѣ въ ея душевной глубинѣ... Она знаетъ, что родная мать проклянетъ ее за

одну мысль выйти за иноземца; противорѣча своему женскому чувству и, во имя долга, отталкивая отъ себя милаго ей человѣка, куда идетъ она? Довольно съ нея днемъ, при всѣхъ, обходиться съ нимъ гордо, казаться ему недоступной. Здѣсь, ночью, наединѣ съ собой и Богомъ всевидящимъ, можетъ ли она притворяться; нельзя обмануть самое себя и Бога, любящаго человѣка, свое созданіе... Въ этой ночной прелести, что словомъ объяснить нельзя, въ тьмѣ темъ ясныхъ звѣздъ, въ теплотѣ благоухающей—развѣ не любовь все Сотворившаго? Что-жъ такое, если она полюбила молодаго иноземца? Сердцу нельзя велѣть. Кому отъ этого зло? Вѣдь она не будетъ женой иноземца, изъ материнской воли не выйдетъ, покора на свой честной княжескій родъ не положитъ, про любовь свою дѣвичью никому, кромѣ подушки, не скажетъ. Отдаетъ она себя во власть Божью и на родительскую милость. Иногда, оплакивая горькими слезами свою молодую жизнь, казавшуюся ей почему-то грустной, она рвалась высказать свою тоску, свои сомнѣнія; но кому же? Матери она боялась, хотя мать баловала ее и души въ ней не слышала... Эта мѣсячная ночь пуще бередитъ ея наболѣвшее сердце... Сама бы она разлилась соловушкой-душой! Ишь его, изныветъ въ черемухѣ... Развѣ не любовь въ нѣжной и сладкой соловьиной пѣснѣ? Всю ноченьку темную, съ зари до зари, соловушку свою утѣшаетъ, забывая самъ себя. Диво! Брызнувшій изъ-за темной полосы дальняго лѣса первый лучь восходящаго солнца не разъ и не два заставалъ молодую княжну у раскрытаго окна. Радость несущій, полный роскошныхъ красокъ и звуковъ, лѣтній восходъ сейчасъ же врачевалъ и согрѣвалъ смятенную дѣвичью душу надеждой, сладостью жизни. Она снова тянулась душой за этимъ горячимъ, всесильнымъ лучемъ... Изъ боярышнинаго высокаго теремнаго окна открывался чудный просторъ. Внизу садъ съ рощами, въ прозрачномъ голубомъ, дрожащемъ парѣ, темнѣвшимися и сплзывавшими по косогору къ самой Яузѣ. А дальше Москва бѣлѣетъ и блеститъ всюду. Вòронье карканье, воробьиное чиликанье, жужжанье мухи, мелодическій зеленый шумъ лѣса, далекій плескъ волны на рѣкѣ, протяжный, унылый стонъ церковнаго колокола,—все ее радовало въ этотъ ранній часъ утра, правда, часто тихою, грустною, словно бы безнадежною радостью. Познавая въ живой природѣ „Бога-жива" она забывалась, уходила невѣсть куда помыслами. Она подолгу просиживала у окна, восхищенная, грустная, неподвижная: и вдругъ, внѣ себя, глотая слезы и скрывая ихъ отъ домашнихъ, бѣжала въ садъ, гдѣ садилась на свою лавочку. Она упивалась здѣсь звуками и òбразами окружающей природы, которой торжественному, живому спокойствію она завидовала и не всегда находила теперь отзвучіе въ своей чуткой женской душѣ... Надъ нею теплое, голубое небо съ серебряными, тихо ползущими облаками, слегка подернутыми нѣжнымъ пурпуромъ восхода. Легкіе столбы дыма, то голубаго, то розоваго, подымаются кругомъ по всѣмъ обрывамъ, спу-

скающимся къ рѣкѣ, надъ высокими тесовыми и соломенными крышами посадскихъ домовъ. Иные изъ нихъ картинно висятъ надъ меловыми и глинянными обрывами берега, окруженные цвѣтущими въ бѣломъ душистомъ молокѣ яблоновыми и вишневыми садами. А внизу еще лучше. Она сидитъ безъ словъ, безъ силы выразить порывы души своей, и тихо вздыхаетъ. Въ эти минуты ея грусть граничитъ съ ея счастьемъ; вернуться въ теремъ—нѣтъ силъ! нѣтъ, лучше здѣсь, въ этомъ нерукотворенномъ храмѣ, безъ словъ, сердцемъ помолиться, попросить Матерь Божiю объ утишенiи ея дѣвичей тревоги грѣховной!

Однажды молодая княжна гуляла въ своемъ саду. Какъ хорошо и привольно ей тутъ! Въ этихъ прохладныхъ тѣняхъ, набросанныхъ крутою горою, таинственно толпятся могучiе дубы; холодный, чистый какъ слеза, горный ключъ прiятно журчитъ по камешкамъ, выливаясь изъ нереполненнаго колодца, котораго мшистый обрубъ вровень съ сырой землей; рѣка быстро и беззвучно течетъ и зыбится подъ дубовою тѣнью, не отражая тутъ въ себѣ свѣтлаго неба...

Шумъ какъ бы раздвигающихся вѣтокъ заставилъ княжну выйти изъ овладѣвшаго ею мечтанiя. Передъ нею стоялъ красавецъ польскiй панъ, почтительно кланяясь ей, съ магеркой въ рукѣ. Улыбка не скрыла его смущенья, но напротивъ, какъ бы выдавала его.

Первымъ движенiемъ княжны было отъ него уйти. Но онъ такъ хорошо, покорно на нее глядѣлъ; столько молчаливой мольбы не уходить отъ него, остаться съ нимъ, прочла она въ его красивыхъ голубыхъ глазахъ, что ее въ жаръ бросило; голова ея закружилась, туманъ застлалъ ей глаза. Она, къ ужасу своему, чувствовала, что безсильна тронуться съ мѣста, что блѣднѣетъ и можетъ себя уронить въ его глазахъ; она—княжна Марья Ростовская.

— Я счастливъ, княжна, видѣть тебя! заговорилъ онъ дрожащимъ отъ волненiя голосомъ.

Княжна овладѣла собою, гордо скрестила руки на своей высокой груди и строго, какъ бы не одобряя смѣлости пана, взглянула на него своими большими черными глазами.

— Я долженъ былъ тебя видѣть, чтобы сказать тебѣ, прекрасная княжна, какъ я тебя люблю! продолжалъ еще съ большимъ волненiемъ Дворжицкiй, видимо повинуясь своему сильному внутреннему чувству.—Если бы ты знала, какъ я несчастенъ...

— Ты не имѣешъ права говорить мнѣ о своей любви, благородный панъ, съ достоинствомъ, никогда ее не покидавшимъ, замѣтила княжна.—Я не могу тебя любить, пойми ты это и забудь меня! вырвалось у нея съ выраженiемъ душевной боли въ голосѣ и въ лицѣ, вызванной сознанiемъ необходимости навсегда покончить съ смѣлымъ паномъ.

Она повернулась и пошла отъ него прочь.

— Въ твоихъ словахъ—мой приговоръ, княжна! сказалъ онъ тихимъ, словно надтреснутыхъ голосомъ, поразившимъ дѣвушку и заставившимъ ее остановиться;—ты русская дѣвица и, быть можетъ, ты права, удаляясь, по обычаю своей страны, отъ иноземца, отъ поляка; но ужели чувство народной и религіозной вражды можетъ перейти въ твои личныя отношенія ко мнѣ? Ужели за мою любовь ты, Марія, мнѣ заплатишь ненавистью?

— Благородный панъ! сказала княжна, не подымая на него глазъ и сосредоточиваясь на рѣшимости не уклониться отъ этого тяжелаго для нихъ обоихъ и, какъ она думала, послѣдняго съ нимъ объясненія.—Точно, я выросла и воспиталась въ понятіяхъ моего народа. Вмѣстѣ съ молитвою и вѣрою въ Бога мнѣ внушены чувства, руководящія мною и моею жизнью. Отъ нихъ я не отступлюсь.

— Ты дочь своего народа! Ты, княжна, такъ же какъ русскій народъ, враждебно глядишь на польскую рыцарскую націю; вражда племенная и религіозная, а не сердце отталкиваютъ тебя отъ меня! воскликнулъ Дворжицкій, и глаза его заблестѣли внутреннимъ огнемъ.—Иди за своимъ женскимъ, прекраснымъ сердцемъ, княжна, оно тебя не обманетъ! Не умствуй, Бога ради, въ вопросахъ, мало тебѣ доступныхъ. Помни, что отъ твоего слова зависитъ жизнь человѣка!..

— Но что скажу тебѣ? грустно прошептала княжна.—Пути наши розные: тебѣ—прославить свое имя и свою націю храбрую, всему свѣту извѣстную; мнѣ—скромная доля женская въ терему, да въ семьѣ. Не такую жену, простую, мало ученую, какъ я, надо тебѣ, блестящему польскому вельможѣ. Не смущай моего сердца! Удались отъ меня, какъ я отъ тебя удаляюсь, и вѣрь, благородный панъ, память о тебѣ останется у меня навсегда! Прощай!

Княжна поспѣшно пошла въ гору, какъ бы гонимая собственнымъ опасеніемъ уступить этому убѣдительному и нѣжному голосу. Она чуть не бѣжала, унося свои слезы. Дворжицкій молча, не трогаясь съ мѣста, проводилъ ее печальнымъ взоромъ. Теряя навсегда эту прекрасную княжну, онъ любилъ ее больше чѣмъ когда нибудь. Въ этомъ послѣднемъ свиданіи она показалась ему во всей прелести женской нравственной природы.—О, сколько въ ней душевной чистоты, скромности и высокихъ помысловъ!.. думалъ отвергнутый влюбленный, и еще въ первый разъ, баловень польскихъ красавицъ, онъ почувствовалъ себя несчастнымъ и впалъ въ отчаяніе. Невыносимо показалось ему теперь посѣщать княжескую семью, несмотря на ея гостепріимство и на дружбу молодаго князя Ивана.

Онъ вскочилъ на своего горячаго рыжаго скакуна и помчался въ поле, куда глаза глядѣли, куда жеребецъ несъ. Ему было все равно, лишь бы скакать, забыться; подъ гнетомъ душевной горести, ко всему онъ былъ равнодушенъ. Лѣтній проливной дождь освѣжилъ

его. Когда онъ опомнился, наступила ночь. Шелъ дождь. Кругомъ лѣсъ темнѣлъ и шумѣлъ. Мѣсяцъ, разорвавъ массы сдвинувшихся, мрачныхъ, глухо гремѣвшихъ тучъ, освѣщалъ вершины лѣса, зароняясь въ его гущу. Мокрые листья блестѣли кругомъ, обдавая всадника дождемъ при малѣйшемъ движеніи вѣтра; онъ выѣхалъ на опушку. Блѣдный мѣсячный лучъ, не заслоняемый здѣсь густолиственными березами, падалъ на темную фигуру человѣка, повидимому укрывшагося подъ деревомъ отъ дождя. Дворжицкій невольно остановилъ коня, не зная, живой ли это человѣкъ съ костями и плотью, или призракъ, пугающій по ночамъ людей. Храбрость не исключала въ то время суевѣрія. Тѣмъ не менѣе обнажилъ, на всякій случай, саблю и воскликнулъ:

— Если ты человѣкъ, не духъ, скажи, кто ты?

— Я человѣкъ и христіанинъ! глухо отвѣтила темная неподвижная фигура.—Довѣряюсь больше лѣсу, чѣмъ людямъ.

— На такое недовѣріе къ людямъ ты, конечно, имѣешь причину? продолжалъ спрашивать заинтересованный Дворжицкій.

— Да, къ несчастію. Отвѣчаю на твои вопросы потому, что, кажется, вижу поляка?

— Не ошибаешься, я полякъ, который не сдѣлаетъ тебѣ зла.

— O. Mater Dei! ora pro nobis peccatoribus, sanctissima!

— Ты католикъ! съ живою радостью воскликнулъ Дворжицкій.

— Я вѣрный сынъ святѣйшаго римскаго отца.

— Кто-жъ ты? откуда? какъ сюда попалъ?

— Я монахъ святаго Августина, Николо-де-Мело, миссіонеръ восточной Индіи, если слыхалъ. Двадцать лѣтъ я просвѣщалъ страны великаго могола...

— Какъ не слыхать! слава твоя, проповѣдникъ слова Божія, облетѣла христіанскій міръ. Отъ кого-жъ скрываешся ты, блаженный отецъ?

— Отъ варваровъ, отъ коварныхъ москалей. По порученію моего короля и по благословенію святѣйшаго папы, я возвращался изъ Индіи, черезъ Персію, и отъ шаха персидскаго везъ королю и папѣ письма. Обстоятельства принудили меня слѣдовать черезъ Московію. Здѣсь-то постигли меня бѣдствія, которыхъ разсказать я не въ силахъ. Умершій царь Борисъ сослалъ меня, въ оковахъ, въ Соловецкій монастырь, на Бѣлое море, въ страну снѣговъ и льдовъ. О, что я тамъ вынесъ!

— За что же? нетерпѣливо спросилъ Дворжицкій, слѣзая съ сѣдла и приближаясь къ почтенному незнакомцу съ добрымъ намѣреніемъ помочь ему и не бросить его одного ночью въ лѣсу.

— Московиты—враги папства, они во мнѣ заподозрили проповѣдника, совращающаго православныхъ въ католичество. Изъ писемъ шаха, отобранныхъ у меня, они усмотрѣли уваженіе его къ католической религіи. Дмитрій царь велѣлъ меня освободить и доставить

въ Москву. Но въ Москвѣ я, къ горю своему, узналъ о московскомъ мятежѣ народномъ. Дмитрія царя убили московиты, обвиняя его въ самозванствѣ, а съ нимъ погибло множество католиковъ.—Незнакомецъ вздохнулъ и продолжалъ:—Правда ли это, что Дмитрій царь—самозванецъ?

— Его выставила Польша въ своихъ политическихъ цѣляхъ, и за него сама поплатилась, печально со вздохомъ подтвердилъ Дворжицкій, съ понятнымъ любопытствомъ стараясь ближе разсмотрѣть почтеннаго Августина.

— На другой день смерти Дмитрія царя, я объяснялъ свою невинность боярамъ черезъ переводчика, такъ какъ я по-русски говорю плохо, а бояре не знаютъ ни одного европейскаго языка, не исключая польскаго, на которомъ я свободно говорю, какъ ты видишь. Бояре, по совѣту здѣшнихъ англійскихъ купцовъ, тоже ненавистниковъ католичества, послали меня въ Борисовъ монастырь, что близъ Ростова. Мнѣ удалось бѣжать съ дороги. Но дальше что̀ будетъ со мною—не знаю, трепещу!.. Трудно пробраться къ польской границѣ...

— Я провожу тебя въ Москву къ королевскимъ посламъ, блаженный мужъ! рѣшительно сказалъ Дворжицкій.—Изъ уваженія къ польскому посольству, которое возьметъ тебя подъ свое покровительство, бояре не тронутъ тебя.

Старый монахъ вздохнулъ и молчалъ.

— Ужели ты колеблешься принять мои услуги? нетерпѣливо спросилъ молодой панъ.

— Нѣтъ, великодушный юноша! но дѣло не во мнѣ одномъ, грустно добавилъ старикъ.—Со мною слѣдовалъ молодой индіецъ, мой неофитъ, единственный сынъ знатнаго и могущественнаго раджи, для представленія къ испанскому двору. Онъ заточенъ въ Москвѣ въ тотъ день, какъ меня выслали въ монастырь... Съ моей стороны было бы грѣшно и легкомысленно вернуться въ Испанію одному. Я взялъ на свою отвѣтственность молодаго раджу. Что скажу его благородному отцу? Могу ли заснуть, или съѣсть кусокъ хлѣба спокойно, пока не освобожу своего индійскаго воспитанника, или самъ опять не попаду въ плѣнъ къ этимъ схизматикамъ, варварамъ? Вотъ въ какомъ положеніи нахожусь я, сынъ мой!

— Положеніе скверное! замѣтилъ Дворжицкій, котораго великодушное сердце и пылкое воображеніе уже рисовали себѣ заманчивую картину рыцарскихъ подвиговъ и отчаянныхъ попытокъ освободить изъ московской неволи юнаго индійскаго раджу.—Но твое положеніе мало улучшится, если мы съ тобой заночуемъ въ этомъ лѣсу, почтенный отецъ, благоразумно пояснилъ онъ. Что до меня—слуга покорный. Промокнувъ насквозь, я не вижу особеннаго удовольствія оставаться дольше въ этомъ лѣсномъ оврагѣ... Не отставай отъ меня, падре Николо! Богъ, спасавшій тебя столько лѣтъ среди американ-

скихъ дикарей, бенгальскихъ тигровъ и бѣлыхъ медвѣдей, конечно, не предастъ тебя снова въ руки коварныхъ москалей.

— Въ Богѣ одномъ мой щитъ и мечъ! замѣтилъ старый монахъ, совсѣмъ лысый, съ большою бѣлою бородой, босой, въ жалкомъ рубищѣ, перепоясанномъ веревкой, съ нищенскимъ мѣшкомъ за плечами, съ палкой въ рукѣ и широкополою самодѣльною шляпой въ другой.—Мои старые глаза плохо видятъ, мои старыя ноги спотыкаются и отказываются идти...

— Въ такомъ случаѣ садись въ сѣдло, а я поведу коня, padre Nicolo, въ благородномъ сочувствіи къ страдальцу старику замѣтилъ Дворжицкій;—иначе ты рискуешь наткнуться на колоду, или разбить себѣ голову о сукъ. А о судьбѣ твоего индійскаго раджи помыслимъ тогда, когда сами уцѣлѣемъ.

Молодой панъ хотѣлъ подсадить старика на сѣдло, но тотъ отказался изъ боязни свалиться и пошелъ, слабою рукою придерживаясь за гриву лошади. Слѣдуя тропой, проложенной стадами лосей къ водѣ, Дворжицкій и его спутникъ ежеминутно боялись потерять этотъ слѣдъ — свою надежду выбраться на дорогу. Мелкій дождь шумѣлъ по листвѣ, а ночной вѣтеръ пронизывалъ ихъ въ мокромъ платьѣ, невольно напоминая обоимъ ночлегъ въ горницѣ, послѣ сытнаго ужина. Старый монахъ только охалъ отъ боли въ окровавленныхъ ногахъ и шепталъ свои латинскія молитвы, отдаваясь мрачнымъ мыслямъ. И, правду сказать, ему было о чемъ задуматься, было отъ чего трепетать за свою жизнь. Съ нею была связана жизнь его молодаго воспитанника, новообращеннаго индійскаго католика. Невесело было и на душѣ Дворжицкаго. Онъ не могъ забыть, какъ ни старался, своего послѣдняго свиданія съ княжной. Красота и душевная прелесть недоступной дѣвушки зажигали его молодую кровь, мутили его голову. Онъ убѣдился, что это лучшая женщина, какую онъ встрѣтилъ и встрѣтитъ въ жизни. Она сотворена для него, и никто, ни одинъ мужчина въ свѣтѣ, не можетъ любить и цѣнить ее, какъ онъ ее цѣнитъ и любитъ.

Шумъ и ревъ потока, вздувшагося отъ проливнаго дождя, бѣшено бившаго въ каменистый берегъ и рвавшагося черезъ повалившіяся березы, напомнили несчастному въ любви пану о необходимости обратить свое вниманіе на переправу. Мѣсячный лучъ, пробившись сквозь тучи, палевымъ пятномъ дрожалъ въ потокѣ, уходившемъ въ сыромъ мракѣ лѣса.

— Гдѣ жъ конецъ моего страданія, Боже? съ глубокимъ вздохомъ замѣтилъ августинецъ, вступая босыми ногами въ бурную воду вслѣдъ за своимъ проводникомъ и уходя въ нее по поясъ. Выбравшись изъ потока, старый монахъ съ глухимъ стономъ повалился на траву, тяжело переводя дыханіе, какъ человѣкъ совсѣмъ обезсилѣвшій. Весь онъ лихорадочно дрожалъ.

— Padre, ты не можешь идти? съ ужасомъ спросилъ Дворжицкій, нагибаясь къ нему.

— Не могу, прошепталъ бѣдный старикъ,—ноги мнѣ измѣнили...

— Садись на коня, не мѣшкай, падре! ночь коротка, а днемъ мы съ тобой не проберемся къ посольскому двору.

Августинецъ сдѣлалъ надъ собою отчаянное усиліе и, съ помощью хорунжаго, поднялся и взлѣзъ на сѣдло.

— Червь я передъ моимъ Господомъ! прошепталъ онъ, набожно крестясь.—Что значитъ человѣкъ предъ волею Божіей?

Хорунжій велъ коня; скоро они выбрались въ поле, и затѣмъ на проселочную дорогу. Монахъ съ трудомъ держался на сѣдлѣ и стоналъ. Усердно шагавшій Дворжицкій вдругъ остановился и безпокойно осмотрѣлся: звукъ какъ бы сабли явственно донесся до ушей путниковъ. Не было болѣе сомнѣнія,—приближались многіе голоса и глухой конскій топотъ... Кто такіе?.. На дорогѣ, ярко освѣщенной мѣсяцемъ, показался казакъ, за которымъ стройными рядами ходко шла цѣлая казачья сотня, то-есть „вольница", съ сверкавшими при мѣсяцѣ пиками за плечомъ и саблями у бедра, глухо звякавшими.

— О, Іезусъ—Марія! Москали! вырвалось у Дворжицкаго, недоумѣвавшаго, какъ ему поступить при этой встрѣчѣ.

— Ora pro nobis, peccatoribus, sanctissima! прошепталъ бѣдный августинецъ, со страха закрывая ослабѣвшіе глаза.

Казачій эсаулъ не замедлилъ подскакать къ нашимъ путникамъ съ громкимъ окрикомъ:

— Что вы за люди?

Хотя онъ спросилъ по-русски, но съ такимъ сильнымъ польскимъ выговоромъ, что путники сейчасъ же признали въ немъ поляка. Его видъ и вооруженіе только подтвердили эту догадку, очень ихъ обрадовавшую.

— Мы съ тобою, кажется, одной націи! отозвался по-польски Дворжицкій.

— Врядъ ли! рѣзко, съ усмѣшкой, тоже по-польски, замѣтилъ эсаулъ, и внимательно разсматривая стараго монаха и его молодаго путеводителя, повернулъ своего коня и продолжалъ путь рядомъ съ ними.

— Какъ и ты, казакъ, мы добрые католики, вѣрные сыны святѣйшаго римскаго папы! добавилъ августинецъ, набожно крестясь.

— Ну, ужъ это нѣтъ, старикъ, ошибся ты! съ рѣзкимъ смѣхомъ замѣтилъ эсаулъ польскихъ казаковъ.—Твоего святѣйшаго римскаго папу я чту не болѣе вельможнаго пана Вельзевула и гораздо менѣе чѣмъ моего добраго коня!

Сказавъ это со смѣхомъ, эсаулъ, здоровый, плотный дѣтина въ сѣромъ суконномъ кунтушѣ, съ черными шелковыми жгутами по груди, въ сѣрой бараньей шапкѣ и въ длинныхъ со шпорами сапо-

гахъ, ласково хлопалъ рукой тонкую шею своего поджараго, рослаго степнаго коня.

— Святые Петръ и Павелъ! какой же ты религіи, храбрый воинъ? съ недоумѣніемъ, исполненнымъ строгаго неодобренія къ дерзкимъ и легкомысленнымъ словамъ начальнаго пана, спросилъ августинецъ, торопливо крестясь и цѣлуя кипарисный крестъ, висѣвшій у него на груди, и настойчиво повторилъ свой вопросъ:

— Какой же ты религіи?

— Никакой! спокойно отвѣтилъ казачій эсаулъ.—Для свободнаго и свободно мыслящаго человѣка, какъ я, нѣтъ религіи пріятнѣе и выгоднѣе той, что истекаетъ изъ его вкусовъ и привычекъ. Я не знаю, какая моя религія, но она не стѣсняетъ меня, и никогда не ссорится съ моею совѣстью.

— Какъ? О, всѣ святые! Ты язычникъ! Безбожникъ! простоналъ августинецъ, рукою закрывая свои старые глаза, какъ бы не желая глядѣть на такого грѣшника,—и тебя родила женщина?

— Такъ же, какъ и тебя, старикъ, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія! явно потѣшаясь надъ старымъ богословомъ продолжалъ начальный панъ.

— Но гдѣ же добылъ ты подобное отрицаніе всякой религіи, а слѣдовательно Бога, несчастный? строгимъ, дрожавшимъ отъ волненія голосомъ спрашивалъ старый миссіонеръ, какъ бы задавшійся благою мыслью обратить нечестивца на путь истинный;—гдѣ?

— Немножко въ іезуитскомъ коллегіумѣ въ Вильно, гдѣ, впрочемъ, я больше дрался на шпагахъ и лечился отъ ранъ, полученныхъ мною отъ этого благороднаго оружія, и весьма мало изучалъ религіозныя системы; опытъ жизни лучше всего убѣдилъ меня, что слѣдуетъ или держаться всѣхъ религій, по мѣрѣ надобности, или отказаться отъ всякой. Я выбралъ послѣднее и, въ добрый часъ сказать, не раскаяваюсь.

— Слѣпецъ, блуждающій во мракѣ! съ укоромъ и въ то же время съ сожалѣніемъ замѣтилъ старый августинецъ, все время бормотавшій свои молитвы: — Грѣшная душа, непримиренная съ небомъ!

Дворжицкій съ свойственнымъ молодости легкомысліемъ едва удерживался отъ смѣха при сопоставленіи этого искренняго старческаго сокрушенія о грѣхахъ безбожника съ насмѣшливымъ спокойствіемъ самого безбожника, явно потѣшавшагося надъ христіанскимъ негодованіемъ и ужасомъ почтеннаго падре.

— Если ты, старецъ, изучалъ, подобно мнѣ, классиковъ Эллады и Рима, весело продолжалъ первый, — то согласишься, что поклонники Эпикурова ученія жили, уподобляясь богамъ. Не выгоднѣе ли, вмѣсто того чтобы поклоняться тому, чего не вѣдаемъ, чего на землѣ нѣтъ, и гдѣ оно — ни кто не знаетъ, поклониться тому, чѣмъ можно на землѣ пользоваться? не думаешь ли ты, старый дурень, что вмѣстѣ съ твоею червивою плотью не все съ тобою кончится?..

— Замолчи, или будь проклятъ, безбожникъ! внѣ себя, трясся отъ негодованія, вскричалъ августинецъ.—Не самъ ли ты Вельзевулъ?

— Почти что такъ! весело подтвердилъ панъ; — я вольный ротмистръ Лисовскій! вѣрно слыхали?

— Лисовскій! тихо повторили старикъ и Дворжицкій, изумленные и вовсе неожидавшіе видѣть передъ собою этаго отважнаго наѣздника и жестокаго военачальника, имя котораго въ послѣднее время съ ужасомъ и отвращеніемъ произносилось по разнымъ мѣстамъ обширной Русской земли.

— Теперь, зная въ чьихъ вы лапахъ, скажите, кто вы? по прежнему весело сказалъ ротмистръ, не спуская насмѣшливыхъ глазъ съ Дворжицкаго.

— Я дворянинъ въ свитѣ королевскихъ пословъ, панъ Пржемиславъ Дворжицкій! съ сознаніемъ собственнаго своего достоинства сказалъ молодой хорунжій.

— Не важная птица! замѣтилъ Лисовскій съ рѣзкостью, явно расчитанною оборвать самолюбиваго юношу. Онъ достигъ своей цѣли.

Дерзкое замѣчаніе вольнаго ротмистра вскипятило молодую кровь Дворжицкаго и вывело его изъ себя. Онъ воскликнулъ:

— Какъ смѣешь ты, именующій себя вольнымъ ротмистромъ, такъ неуважительно отзываться о посольскомъ дворянинѣ своего наияснѣйшаго короля польскаго и великаго князя литовскаго Сигизмунда?

— У меня нѣтъ короля, и ничьей власти я не признаю надъ собой, съ тѣмъ же насмѣшливымъ и невозмутимымъ спокойствіемъ продолжалъ Лисовскій.—У меня также нѣтъ и отечества. Твое высокое званіе посольскаго дворянина, въ моихъ глазахъ, даетъ тебѣ только право быть вздернутымъ выше простыхъ смертныхъ на самое высокое дерево;—оно ни мало не избавляетъ меня отъ пріятной обязанности, согласно нашего обычая „вольныхъ лисовчиковъ", облегчить твой дворянскій карманъ отъ кошелька. Давай-ка его сюда, ясновельможный дворянинъ!

— Но это насиліе! это разбой на дорогѣ! вскричалъ молодой панъ.

Негодованіе, охватившее Дворжицкаго, заставило его остановиться. Первымъ его внутреннимъ движеніемъ было схватиться за саблю и защищать отъ этого придорожнаго разбойника и свой кошелекъ, и свою воинскую честь; но онъ сейчасъ же одумался, вспомнивъ, что находится вполнѣ въ его власти, что требованіе предъявленное имъ ночью, на дорогѣ—отдать кошелекъ, достойно негодяя, преступная голова котораго оцѣнена въ Польшѣ и который гнуснымъ злодѣйствомъ порочитъ польскую націю въ Россіи. Не возражая болѣе, съ глубокимъ презрѣніемъ онъ бросилъ ему свой тяжолый шелковый кошелекъ, который Лисовскій ловко подхватилъ налету и передалъ своему хорунжему, слѣдовавшему съ нимъ рядомъ.

— Намъ, вольнымъ лисовчикамъ, никто не платитъ жалованья, сказалъ Лисовскій, считая, повидимому, нужнымъ пояснить Дворжиц-

кому законную сторону своего требованія кошелька; — поэтому все, что намъ попадается, въ полѣ ли, въ городѣ ли,—наша добыча, поступающая въ общую „сумку“; кажется, обычай почтенный, отчасти напоминающій монашескія братства съ общей кружкой,—скромно добавилъ ротмистръ, поправляя рукой свою баранью шапку.

— О, святые Петръ и Павелъ! могъ только простонать августинецъ, въ глубинѣ своей христіанской души вновь оскорбленный такимъ наглымъ сравненіемъ монашескихъ орденовъ съ шайкой грабителей.

— Теперь, пане хоронжій,—продолжалъ Лисовскій, какъ ни въ чемъ не бывало,—на дѣлѣ доказавъ тебѣ, что званіе польскаго дворянина вольными лисовчиками ни мало не уважается и что законы польскаго королевства для лисовчиковъ не обязательны, тѣмъ болѣе въ чужой сторонѣ, я спрошу тебя: на кой чортъ сидишь ты съ своими вельможными королевскими послами въ Москвѣ?

— Бояре не выпускаютъ! долженъ былъ сознаться Дворжицкій, какъ это ни было ему непріятно.

Лисовскій безцеремонно расхохотался.

— Ну, а на кой чортъ ты, польскій дворянинъ, презрѣвъ свой высокій санъ, спѣшился и провожаешь это старое чучело, уподобляясь Іосифу, провожавшему Марію, Матерь Божію, во время бѣгства изъ Египта?

— О, sanctissima! взмолился бѣдный августинецъ, затыкая себѣ пальцами уши, чтобы не слышать такого богохульства.

— Это достойный служитель нашей каѳолической церкви, счелъ своимъ долгомъ, насколько могъ внушительнѣе, сказать Дворжицкій.— Быть можетъ слыхалъ ты о славномъ проповѣдникѣ слова Божія на дальнемъ Востокѣ, августинскомъ монахѣ Николо-де-Мело?

— Ни о какихъ монахахъ я никогда ничего не слышу, да и слышать не хочу, смѣясь замѣтилъ Лисовскій.—Признаюсь, такому бравому молодцу, какимъ ты мнѣ кажешься, панъ хоронжій, неприлично ползти черепашьимъ шагомъ въ обществѣ этого стараго, ошалѣвшаго сыча. На что онъ тебѣ, этотъ миссіонеръ, искалѣченный ханжа? Сбрось его съ своего сѣдла на дорогу, пусть его вороны доклюютъ! Ты мнѣ нравишься, панъ, несмотря на то, что служишь дрянному королю своему, Сигизмунду. Я хочу, чтобы ты провелъ со мной остатокъ ночи въ веселомъ обществѣ, свободномъ отъ всякихъ предразсудковъ и понимающемъ всю прелесть кутежа на распашку. Это цѣна твоего освобожденія изъ моего плѣна. Не возражай, ты долженъ завернуть со мной въ этотъ лѣсъ. Мы, польскіе вольные ротмистры, стоимъ теперь съ своими хоренгвями на ближнемъ посадѣ...

— Опять насиліе! вспыхнувъ воскликнулъ Дворжицкій.

— Можетъ быть, спокойно согласился Лисовскій;—права мои приказывать тебѣ въ эту минуту—въ саблѣ, да въ сотнѣ моихъ казаковъ. Кажется, ясно?

— Ясно, долженъ былъ согласиться молодой хорунжій съ негодованіемъ въ душѣ;—отъ веселаго общества и военнаго кутежа я не прочь; но только не тогда, когда меня туда тащутъ на веревкѣ. Я въ твоей власти, вольный ротмистръ, и понимаю, что ты крутъ въ своихъ капризахъ, но мнѣ необходимо надо эту ночь быть въ Москвѣ... Ты видишь, на рукахъ моихъ безпомощный старикъ.

— Я готовъ охотно помочь тебѣ сію же минуту отъ него избавиться; но что жъ эта за необходимость такая тебѣ быть нынче въ Москвѣ?

— Надо укрыть стараго padre въ польскомъ дворѣ. Тамъ онъ будетъ безопасенъ...

Лисовскій расхохотался и замѣтилъ:

— Хороша безопасность у твоихъ вельможныхъ королевскихъ пословъ, которые сами взаперти, подъ карауломъ, у московскаго „шубника!“ (такъ Шуйскаго прозвали его враги). Не мѣшало бы имъ самимъ подумать о своемъ освобожденіи: бояре ихъ ни за что не выпустятъ...

— Не выпустятъ, невесело подтвердилъ Дворжицкій.

— На извѣстныхъ условіяхъ я, пожалуй, выведу королевскихъ пословъ изъ Москвы и провожу до литовскаго рубежа, сказалъ Лисовскій съ увѣренностью, понравившеюся молодому пану хорунжему и вдругъ оживившею его надежды.

— Твои условія, панъ вольный ротмистръ?

— Шестьдесятъ тысячъ злотыхъ, и, конечно, отмѣна постановленія сейма, воспрещающаго мнѣ вернуться въ Польшу, скромно и обстоятельно высказалъ свои требованія Лисовскій. Умѣренность — мой девизъ, какъ ты видишь, панъ хоронжій. — Другой на моемъ мѣстѣ загнулъ бы втрое!

— Сообщу о твоихъ условіяхъ вельможнымъ посламъ, сказалъ Дворжицкій, живой умъ котораго цѣпко ухватился за мысль, брошенную Лисовскимъ и дававшую ему надежду поскорѣе оставить Москву, пребываніе въ которой послѣ недавняго свиданія его съ княжной становилось ему невыносимымъ.

— Могу ли, покоряясь твоему требованію, вольный ротмистръ, просить тебя оказать покровительство этому слабому падре, пока тебѣ угодно будетъ продлить мое пребываніе въ твоемъ веселомъ обществѣ?.. Глотокъ воды, да конская попонка, на которой онъ могъ бы согрѣться у костра—вотъ все, что я рѣшаюсь просить у тебя для бѣднаго монаха.

— Bene! усмѣхаясь по своему, согласился Лисовскій, круто сворачивая съ своей казацкой сотней въ темный сосновый боръ, покрывавшій пески.

Отдаленный звонъ въ одномъ изъ подмосковныхъ монастырей, призывающій монаховъ къ полунощницѣ, убѣдилъ Дворжицкаго въ близости Москвы.

— Кто идзе? громко спросилъ изъ лѣсу невидимый, скрывавшійся за толстыми соснами караульный, щелкнувъ куркомъ своего ружья.

— Свои! спокойно, не обращая вниманія на опросъ, отвѣтилъ Лисовскій.

— Лозунгъ? требовательно крикнулъ изъ лѣсу другой, тоже невидимый караульный, уже съ другой стороны дороги.

— „Жиду порхатый!" отвѣтилъ Лисовскій условный по своему лагерю лозунгъ.

Въ ту же минуту толпа пѣшихъ жолнеровъ, звеня саблями, съ заряженными ружьями на-готовѣ, высыпала изъ лѣсу на дорогу и пропустила мимо себя лисовчиковъ. Дворжицкій сейчасъ же замѣтилъ, что караульные жолнеры порядкомъ подъ-хмѣлькомъ. Они принялись обмѣниваться съ лисовчиками остроуміемъ самаго кабацкаго сорта, преимущественно насчетъ стараго монаха.

В. Марковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДНЕВНИКЪ ВИКТОРА ИПАТЬЕВИЧА АСКОЧЕНСКАГО.

(Род. 1813 г., † 1879 г.).

ДНА изъ оригинальныхъ личностей, связанныхъ съ началомъ нашего общественнаго движенія шестидесятыхъ годовъ, личность Виктора Ипатьевича Аскоченскаго представляетъ немало сторонъ, любопытныхъ въ историко-психологическомъ отношеніи. Но главное, чѣмъ привлекаетъ къ себѣ имя Аскоченскаго историческую любознательность, это—превратность судьбы, постигшей писателя. Публицистъ съ сильнымъ дарованіемъ, съ разностороннимъ образованіемъ, съ огромнымъ запасомъ энергіи—во всемъ этомъ Аскоченскому никто даже изъ враговъ его никогда не отказывалъ,—такой публицистъ не оставляетъ по себѣ иной памяти, кромѣ той, которая съ именемъ его связываетъ репутацію обскуранта и фанатика. Какъ объяснить, въ самомъ дѣлѣ, что личность, обладавшая всѣми задатками на уваженіе и современниковъ, и потомства, личность, проникнутая самой искренней готовностью посвятить свои силы на честное служеніе общественной пользѣ, попадаетъ въ разрядъ „отверженныхъ" и въ завершеніе своей дѣятельности становится мишенью неотразимыхъ издѣвательствъ со всѣхъ сторонъ? Втаптываніе въ грязь личности, столь же поспѣшное, какъ и возведеніе ея въ кумиръ—такое явленіе зачастую наблюдается въ условіяхъ русской дѣйствительности; но, по отношенію къ Аскоченскому, этой чертой нашихъ нравовъ можно уяснить не многое. Направленіе, какое приняла его журнальная дѣятельность, создавшая ему помянутую репутацію, явилось неизбѣжнымъ послѣдствіемъ болѣе сложныхъ и неотвратимыхъ причинъ. Весьма существенную важность въ настоящемъ случаѣ имѣетъ фактъ, что Аскоченскій сталъ публицистомъ именно въ то время, когда жестокіе удары жизненныхъ неудачъ успѣли уже надломить сильную на-

туру, а тяжкія нравственныя испытанія—оставить неизгладимый слѣдъ болѣзненности на душевномъ состояніи. Задавленный безъисходной нуждой, доходившей временами до нищеты, потерпѣвъ неудачи всюду, куда ни кидался, онъ вступилъ, наконецъ, на тернистый путь журналиста. Влеченіе къ такой дѣятельности въ немъ жило съ-молоду, но въ эту пору пылкихъ порывовъ, когда талантъ его могъ бы найти дѣйствительно плодотворное примѣненіе, мы видимъ его или въ безплодной тоскѣ среди окружавшихъ его пошлости и пустоты, или же въ борьбѣ съ враждебными обстоятельствами, борьбѣ не менѣе безплодной, но гораздо болѣе сокрушительной для благородныхъ увлеченій, прекрасныхъ упованій и надеждъ. Въ этомъ отношеніи участь, постигшая Аскоченскаго, нисколько не разнится отъ той, какая тяготѣла и тяготѣетъ надъ лучшими изъ нашихъ писателей. Еще Добролюбовъ отмѣтилъ грустный фактъ такой аналогіи въ обстоятельствахъ ихъ внутренняго развитія. Въ начальной дѣятельности писателя замѣтны смѣлые порывы, широкія мечты, благороднѣйшія, сильныя стремленія; затѣмъ на смѣну имъ мало-по-малу прокрадывается и наполняетъ душу горькое сознаніе своего безсилія передъ судьбою, сознаніе собственнаго разслабленія и сожалѣнія о напрасно растраченныхъ силахъ молодости. Такъ было съ Пушкинымъ въ позднюю пору его дѣятельности, съ Лермонтовымъ, Кольцовымъ, Полежаевымъ, Гоголемъ, Помяловскимъ, та же исторія повторилась и съ менѣе крупными дарованіями, въ ихъ числѣ и съ Аскоченскимъ. Какъ увидимъ ниже, въ молодые годы самоувѣренность въ собственныхъ силахъ, готовность служить обществу, прекрасныя упованія на жизнь, не покидаютъ его; — противъ житейскихъ дрязгъ и людскихъ предразсудковъ онъ вооружается юморомъ и сатирою. Но плетью обуха не перешибешь. Благородные порывы гаснутъ въ смрадной атмосферѣ провинціальной сплетни и злобнаго невѣжества. Страстность натуры не даетъ, однако, успокоиться Аскоченскому. Онъ ищетъ себѣ утѣшенія въ товарищескомъ кругу, предаваясь временами разгулу. Но и это увлеченіе не надолго занимаетъ его. Къ юмору уже замѣтно примѣшивается желчное недовольство и тоска, безъисходная тоска. Куда дѣваться отъ нея, гдѣ скрыться, и чѣмъ наполнить жизнь? Академическая среда не удовлетворяетъ Аскоченскаго, да ему и тѣсно тамъ,—негдѣ развернуться живымъ силамъ души, а родникъ ихъ бьетъ наружу. Общественная жизнь вращается около пустыхъ развлеченій и личныхъ интересовъ; явленія, важныя въ общественномъ смыслѣ, не пользуются сочувствіемъ: не съ кѣмъ путнаго слова сказать; о томъ же, чтобы ожидать участія или добраго совѣта, и думать нельзя. Въ такой-то обстановкѣ Аскоченскій отдается мало-по-малу мысли о женитьбѣ, надѣясь найти въ ней себѣ тихое пристанище. Но не успѣлъ онъ привести въ исполненіе свой планъ, какъ уже надъ нимъ разразился ударъ безпощадной судьбы. Другъ его, „ангелъ хранитель“ его, какъ называетъ онъ свою первую жену, покидаетъ его. За смертью жены слѣдуетъ цѣлый рядъ жизнен-

ныхъ неудачъ, которыя къ засѣвшему твердо въ душѣ Аскоченскаго недовольству жизнью прибавляютъ мрачное настроеніе, равнодушіе ко всему и покорное отчаяніе. Но и тутъ сказалась въ Аскоченскомъ чуткая натура. Воспріимчивость къ вѣянію жизни не изсякла въ немъ, желанье возрожденія не пропало совсѣмъ. Представилась возможность борьбы, и Аскоченскій ринулся въ нее. Полемъ для этой борьбы явилась журналистика.

Къ несчастію, Аскоченскаго уже сильно помяла жизнь, онъ слишкомъ поздно пробился на свою дорогу сквозь кору общественныхъ несправедливостей, онъ оказался, что называется, слишкомъ отсталымъ отъ вѣка, слишкомъ состарѣлся, чтобы вѣрно понять зародившіяся тогда въ обществѣ потребности. Позднѣе его ожидала тѣмъ болѣе печальная участь, чѣмъ съ большей страстностью отдавался онъ дѣлу. Его пытливый умъ, необыкновенно склонный къ скептицизму, не удовольствовался, конечно, ролью наблюдателя, ролью „умѣреннаго и аккуратнаго“ отмѣтчика явленій, порожденныхъ новыми запросами жизни. Для натуры дѣятельной, подобной Аскоченскому, лучше пасть въ борьбѣ, нежели безмятежно и пассивно отречься отъ собственной личности и самостоятельности. Но гдѣ же было найти выходъ силамъ, хоть и порядкомъ надорваннымъ?

Кипучая жизнь била ключемъ лишь подъ лучезарнымъ свѣтомъ идей и порывовъ,—увы!—уже превышавшихъ кругозоръ запоздалаго публициста. А куда не успѣли проникнуть лучи этого благодѣтельнаго свѣта, тамъ журналисту, понятно, приходилось въ потьмахъ бродить ощупью. Аскоченскій напрягалъ всѣ усилія, чтобы стать на твердую почву и найти доступъ къ свѣту, но въ томъ-то и бѣда, что онъ хотѣлъ достигнуть этого, не покидая мрака, который его окружалъ, иными словами,— не умѣя хорошенько вглядѣться въ свѣтлыя стороны новой своей обстановки. Этому, отчасти, конечно, мѣшало самолюбіе Аскоченскаго, болѣзненно развившееся въ немъ въ долгій періодъ жизненныхъ испытаній. Въ школѣ онъ шелъ первымъ, въ академической карьерѣ своей онъ выдѣлялся изъ среды товарищей, въ общественной жизни онъ искалъ высшихъ интересовъ, привыкъ выдвигаться и умомъ, и образованіемъ. А тутъ на поприщѣ журналиста, послѣ всего пережитаго, ему пришлось все-таки быть новобранцемъ и встрѣтить на первыхъ же порахъ своей дѣятельности неособенно лестный пріемъ въ мірѣ журнальномъ. Вмѣсто того, чтобы, замѣтивъ въ своихъ статьяхъ фальшивую ноту, не повторять ее больше, Аскоченскій уклонялся въ полемику и, въ пылу спора, вдаваясь въ діалектическія увертки, на которыя онъ былъ мастеръ, упускалъ изъ виду нерѣдко прямые интересы истины.

Но чѣмъ гуще становилась застилавшая ему глаза тьма личныхъ пререканій, тѣмъ мрачнѣе была его дѣятельность, тѣмъ сильнѣе въ немъ росло недовольство, но уже не на себя самого, не на эту непроглядную тьму, а на свѣтъ, къ которому онъ такъ

тщетно стремился. Подъ гнетомъ такого недовольства, натуры, подобныя Аскоченскому, не знаютъ удержу личному раздраженію. И дѣйствительно, его журнальная дѣятельность, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы, вполнѣ подчинилась внушеніямъ этого раздраженія на всѣхъ и на все. Упрямство замѣняло убѣжденія на страницахъ блаженной памяти „Домашней Бесѣды", а зачастую и заглушало всякіе доводы разсудка. Не даромъ же самъ Аскоченскій говоритъ о себѣ: „разольется желчь въ моемъ сердцѣ, и тогда прощай послѣдній остатокъ приличія". Или вотъ еще одно характерное признаніе его: „обдумывать и углубляться я никакъ не умѣю. Богъ ее знаетъ, какъ у меня устроена натура! Другіе съ какимъ-нибудь тамъ сомнѣніемъ носятся, точно курица съ яйцомъ... У меня бываетъ вовсе не такъ. Часто, садясь за столъ и принимаясь за перо, я не знаю, чѣмъ начать, и сиротинка — мысль не знаетъ, гдѣ пріютиться, гдѣ стать. Спроси она у меня, я и самъ бы не указалъ ей мѣста. Но тронется перо — и пошли мысли бѣжать вольною струей, и цѣлая вереница посылокъ и отсылокъ рвется и тянется и опутываютъ мысль-сиротинку. Не прерывайте такого моего экстаза, и я въ одинъ присѣстъ кончу вамъ мое gelehrter'ское издѣліе". Также съ легкимъ сердцемъ Аскоченскій быстро порѣшалъ и съ публицистическими вопросами, кидаясь въ полемику и посылая громы небесные на головы своихъ противниковъ. Немудрено, что и убѣжденія и взгляды его мѣнялись съ тою же быстротой, какъ эпитеты, крѣпкія слова и проклятія, въ изобиліи разсѣянные въ „Домашней Бесѣдѣ".

Печальный конецъ, постигшій Аскоченскаго, извѣстенъ. Журнальная дѣятельность, направляемая духомъ оппозиціи, увлекла его на борьбу въ защиту злобствующаго обскурантизма, а болѣзненная страстность, какую проявилъ Аскоченскій въ этой борьбѣ, завершилась душевнымъ страданіемъ.

Послѣ всего сказаннаго, невольно возникаетъ вопросъ: заслужилъ ли Аскоченскій, на самомъ дѣлѣ, тотъ суровый приговоръ, какой произнесли надъ нимъ его современники и повторяютъ доселѣ потомки? Какой бы мрачной ни представлялась по своему направленію дѣятельность писателя, но приговоръ исторіи не долженъ основываться лишь на знакомствѣ съ одностороннимъ проявленіемъ этой дѣятельности. А надъ Аскоченскимъ тяготѣетъ именно такого рода несправедливость. Выставляя мрачную сторону его журнальной дѣятельности, обыкновенно забываютъ объ его истинныхъ достоинствахъ и о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя были причиною гибели этой талантливой и энергической личности. Мы имѣемъ возможность пополнить такой пробѣлъ, пользуясь поступившимъ въ распоряженіе редакціи „Историческаго Вѣстника" „Дневникомъ" В. И. Аскоченскаго. Это — откровенная исповѣдь покойнаго писателя передъ собственною совѣстью; въ ней нѣтъ ни фальши, ни прикрасъ. Тутъ вполнѣ обрисовывается живая и оригинальная личность Виктора Ипатьевича со всѣми ея недостатками и достоинствами.

Дневникъ этотъ начатъ съ 1835 года, когда Аскоченскій былъ еще студентомъ кіевской духовной академіи, и служитъ вѣрнымъ отраженіемъ душевнаго состоянія, испытаннаго авторомъ подъ гнетомъ обстоятельствъ, въ какія бросала его судьба втеченіе послѣдующихъ двадцати лѣтъ. Въ четырнадцати томахъ „Дневника“ тщательно отмѣчено все, что такъ или иначе имѣло вліяніе на жизнь будущаго публициста. Въ особенности пора разцвѣта юныхъ силъ, пора увлеченій и порывовъ, ярко выступаетъ въ записяхъ, которыя аккуратно ведутся въ это время изо дня въ день. Себя самого не щадитъ Аскоченскій въ своихъ признаніяхъ: „Я самъ строгій себѣ судья“, пишетъ Аскоченскій подъ 1-мъ января 1857 года, „и сдѣлавъ какую нибудь глупость, вытерпѣвъ огорченіе или даже оскорбленіе, я прежде всего задаю самъ себѣ вопросъ: „не виноватъ ли я тутъ чѣмъ нибудь? Не подалъ ли съ своей стороны какого либо повода къ оскорбленію меня?“ И что-жъ! Ни разу не случалось, чтобы я вышелъ изъ этого суда чистымъ и правымъ. Тогда у меня начиналась казнь за ошибку или глупость, мной сдѣланную, и какая казнь, если бъ знали! Вся душа моя заныла нестерпимой болью; въ дразнящихъ призракахъ проносились передо мною явленія того или другаго обстоятельства, и я терялъ послѣднее слово утѣшенія, которое до того елейно успокоивало тревожное сердце мое. Тяжеле этой пытки ничего придумать нельзя“. Но если Аскоченскій былъ строгъ къ себѣ, то не щадилъ онъ и другихъ. Въ его отзывахъ о лицахъ, съ которыми сталкивала его жизнь и многія изъ которыхъ получили впослѣдствіи извѣстность, проглядываетъ иногда непостоянство, но это объясняется чисто впечатлительностью его натуры, отчасти же недовѣрчивостью, подозрительностью и наклонностью къ скептицизму и сатирѣ. Рѣзко отзываясь сегодня о комъ нибудь, Аскоченскій искренно каялся въ неправотѣ своей, какъ скоро случай или болѣе близкое знакомство съ тѣмъ же лицомъ доставляли возможность ему убѣдиться въ поспѣшности своего отзыва. Зато, если авторъ „Дневника“ разъ проникался уваженіемъ къ другому, никакія личныя огорченія, испытанныя отъ этого лица, не могли измѣнить мнѣнія Аскоченскаго. Въ данномъ случаѣ характерный примѣръ читатели найдутъ ниже, когда будетъ рѣчь объ отношеніяхъ его къ кіевскому генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову, который, строго говоря, и былъ главнымъ виновникомъ бѣдственнаго матеріальнаго положенія, въ какое попалъ Аскоченскій, бросивъ профессуру въ кіевской духовной академіи.

Помимо отзывовъ о современникахъ и сослуживцахъ Аскоченскаго, въ „Дневникѣ“ изложены его взгляды на общественные и литературные вопросы той эпохи, взгляды, въ которыхъ трудно узнать будущаго издателя „Домашней Бесѣды“. Ниже мы извлекаемъ все, что сколько нибудь выдается въ разсматриваемомъ отношеніи.

Что касается, наконецъ, личной жизни автора, тутъ видное мѣсто

въ „Дневникѣ“ отведено сердечнымъ дѣламъ и, съ другой стороны, испытаніямъ семейнаго горя. Эта часть „Дневника“ полна живаго интереса для оцѣнки психическаго состоянія Аскоченскаго. Пылкая кровь заставляетъ его искать разсѣянія, удовольствій и сильныхъ ощущеній. „Богъ знаетъ, что я такое дѣлаю“, пишетъ Аскоченскій 14-го марта 1845 г., „и что со мною дѣлается; ни во вѣки вѣковъ не думалъ я вдаться въ такой вертящійся вихрь свѣтской разсѣянности. Наступитъ день—и работа тяжело поднимается ослабѣвшей рукой моей; умъ усталъ; воображеніе отупѣло. Приходитъ вечеръ—и я, словно околдованный, лечу куда нибудь, чувствуя всю бѣду отъ моей разсѣянной жизни“. Но на этомъ скользкомъ пути Аскоченскій недолго остается; разсѣянная жизнь не только прискучила ему, но и истомила его скоро своею пустотою и безсодержательностью. „Странное дѣло!“ читаемъ подъ 16-мъ января 1846 г.— „Неужели мнѣ такъ скоро могли опротивѣть всѣ эти развлеченія большо̂го свѣта? Неужели моя опытность должна идти ускореннымъ шагомъ, чтобъ стать въ ровень съ тѣми лѣтами, которыя уже сказываются въ головѣ моей небольшою сѣдиной? Вотъ передо мною открыты салоны лучшихъ аристократическихъ домовъ,—но я не иду въ нихъ. Вотъ спектакль съ оперою,—но и это не занимаетъ меня. Вотъ купеческія общества, полныя хорошенькихъ блондиночекъ и соблазнительныхъ брюнетокъ; но и тутъ зѣвается. Чего же ты просишь, душа? Уединенія? Возьми его,—только видно, что и уединеніе не по тебѣ: ты скучна, тебѣ тяжело. Занятій? Гляди—вотъ они передъ тобою. Отчего жъ ты такъ вяло берешься за нихъ? Эхъ, братцы, братцы! Худо, когда оторвешься отъ берега и уронишь весло въ глубь моря жизни... Несетъ тебя отъ берега и нѣтъ силъ остановиться и плывешь себѣ наудачу, куда вынесетъ судьба,—и къ берегу не хочется, и даль не манитъ!“ Черезъ три дня Аскоченскій отмѣчаетъ въ „Дневникѣ“: „Мною овладѣло уныніе. Я не хочу ничего; мнѣ отъ всего грустно; всѣ развлеченія и удовольствія, которыя представляетъ свѣтъ поклонникамъ своимъ, до того мнѣ наскучили, что радъ бы бѣжать отъ нихъ, куда глаза глядятъ. Двадцать разъ я рѣшаюсь на что нибудь и двадцать разъ отмѣняю мое рѣшеніе. На столѣ моемъ уже горѣли свѣчи; склонивъ задумчиво голову, я безсмысленно глядѣлъ на кучи книгъ, разбросанныхъ по моему письменному столу, и не могъ уловить ни одной опредѣленной идеи, которая бы могла направить дѣятельность души моей, заснувшей въ какомъ-то летаргическомъ снѣ“. На другой день Аскоченскій только и записалъ въ дневникѣ: „Тоска, тоска! Батюшки мои, тоска! Научите меня, какъ убѣжать отъ этой змѣи? Охъ, Боже мой!..“ Насколько похожденія автора „Дневника“ въ свѣтскихъ кружкахъ напоминаютъ провинціальнаго повѣсу, безпечно отдающагося забавамъ и подъ часъ нелишены комизма, настолько глубоко трагическимъ въ его положеніи представляется безъисходный гнетъ тоски, неоднократно сопровождавшейся сильными

потрясеніями. Такъ, смерть первой жены, затѣмъ неудачное сватовство за Балабухой, исторія котораго приведена ниже въ полномъ видѣ, какъ прослѣжена она изо дня въ день въ „Дневникѣ“ и, наконецъ, смерть второй жены—все событія, слѣдовавшія одно за другимъ быстро и непрерывно,—произвели цѣлый переломъ въ жизни Аскоченскаго. Самый „Дневникъ“ съ 1847 года, когда умерла вторая его жена, ведется уже неаккуратно. Подъ 23 декабря этого года авторъ силится объяснить причину такой неаккуратности. Но объясненіе похоже скорѣе на вопль отчаяннаго путника, утерявшаго свой путь и не вѣдающаго, какъ и куда ему брести. „Не дивитесь никто“ — пишетъ Аскоченскій,—„кому придется взять въ руки эту часть моего „Дневника“, что я уже не съ прежнею аккуратностью веду его. Это потому, во-первыхъ, что внутренняя жизнь моя рѣдко бываетъ сосредоточена въ самой себѣ; я самъ разрушаю эту гармонію чувствъ и мыслей моихъ, потому что страшно заглянуть въ глубь души моей. А другое и то, что внѣ меня вездѣ и всюду такая пошлость, что невольно умъ порывается на одни злыя насмѣшки, а сердце болитъ досадою. Откровенно долженъ, наконецъ, сказать я, что въ итогѣ каждаго дня всегда приходится ставить нуль“. Въ слѣдующемъ году записи „Дневника“ становятся еще скуднѣе. Еще годъ и Аскоченскій признается, что одна тоска только водитъ рукой его. Вотъ его собственныя слова, помѣченныя 8 іюня 1849 г.: „Сколько разъ въ жизни моей испытывалъ я тоску отъ совершеннаго бездѣйствія, и какъ тяжело на душѣ моей, привыкшей къ обуревающей дѣятельности. Васъ удивляетъ терпѣніе мое, такъ непонятно открывающееся въ безконечномъ продолженіи моего „Дневника“. Это—тоска водитъ и управляетъ рукой моей. Вы не знаете, какъ и когда находилъ и нахожу я время писать и то, и другое, составлять планы и проекты, готовить цѣлыя книги. Я и самъ не знаю, друзья мои, знаетъ грудь, да подоплека моя, гдѣ сидитъ вѣчная злодѣйка моя тоска. Вы—дѣловые люди—смѣетесь надъ моими, иногда, въ самомъ дѣлѣ, пустяшными занятіями; но вы не видите, гдѣ исходное начало такой безпокойной неуимчивости моихъ силъ, порывающихся на работу. Вы осудите меня, пережившіе свои желанья, разлюбившіе свои мечты, за мое мнимое волокитство, за мою любовь къ прекраснымъ созданіямъ, друзья мои! Не бросайте рано на меня камня. Это душа, бѣдная душа моя ищетъ пищи для себя. Вижу, вы мнѣ указываете громаду дѣловыхъ бумагъ,—да придвиньте-жъ ихъ ко мнѣ, обложите ими меня: я весь погружусь въ этотъ омутъ будничныхъ сплетней, я насквозь пропитаюсь чернилами и ябедами и, можетъ быть, загашу горящій, не ожигающій душу мою огонь дѣятельности разумной. Но, Боже мой! Ужели жъ я пройду тернистый путь моей жизни рядомъ съ толпою, знающей только будничныя потребности бытія, и забудетъ имя мое разумный потомокъ мой? Зачѣмъ же Ты вложилъ въ меня эту жажду неумирающей памяти? Зачѣмъ я живу? Грустно!“ Записи

подъ 1850 годомъ ведутся съ значительными пропусками. Въ это время Аскоченскій находился на службѣ въ Каменецъ-Подольскѣ. Послѣдующіе два года въ „Дневникѣ" вовсе пропущены, точно Аскоченскій не жилъ. Подъ 1853 годомъ отмѣчено лишь, что скука довела автора до того, что ему вздумалось собрать подробныя свѣдѣнія объ имѣньяхъ, принадлежавшихъ монастырямъ до введенія штатовъ 1764 года. И затѣмъ слѣдуетъ самый перечень этихъ свѣдѣній. Съ 1854 года опять находимъ нѣсколько записей съ большими перерывами.

Положеніе Аскоченскаго въ это время было самое критическое. „Съ вялою и усталою душей сижу я въ убогой моей квартирѣ, и ни одна отрадная, утѣшительная мысль нейдетъ мнѣ ни въ умъ, ни въ сердце. Самъ добрый мой геній, внушающій мнѣ въ такія минуты или тайну вдохновенныхъ пѣснопѣній, или раздумчивыя сказанія о вопросахъ, волнующихъ современное человѣчество, какъ будто оставилъ меня. Я чувствую себя способнымъ только къ механической работѣ; но этого нѣтъ, потому что не имѣю средствъ, говоря просто: у меня не на что купить бумаги!.. Вотъ до чего дошелъ человѣкъ, котораго Господь Богъ не обидѣлъ ни толкомъ, ни смысломъ!.. О, Господи! гдѣ же предѣлъ твоему наказанію?.." Комментаріи, разумѣется, излишни къ подобнымъ признаніямъ. Но какое чувство долженъ испытывать каждый, въ комъ не перестало еще биться сердце, читая слѣдующее, проникнутое безотрадною ироніею, признаніе: „Ноября 1-го (1854 г.), 11 часовъ вечера. Коллежскій совѣтникъ, бывшій и то, и то, и пятое, и десятое, сейчасъ всталъ изъ-за работы. Слово всталъ прошу понимать какъ можно буквальнѣе, потому что вышеозначенный чиновникъ работалъ на полу съ иглой въ рукѣ. Онъ, изволите видѣть, мастерилъ себѣ изъ ваточнаго тряпья что-то въ родѣ матраца, на которомъ будетъ почивать нынѣшнюю ночь. Удивляюсь, какъ это можетъ унижаться человѣкъ, обладающій такимъ важнымъ чиномъ? Могъ бы заставить лакея. — Гмъ, да если у коллежскаго совѣтника лакея-то нѣту? — Ну, такъ попросилъ бы когонибудь другаго? — Попросилъ, хорошо это сказать! А ну, какъ коллежскому совѣтнику-то откажутъ? Что тогда? Честь коллежскаго совѣтника рѣшительно скомпрометирована.—А кто-жъ постель ему сдѣлалъ? — Кто? Да самъ. — А платье кто чиститъ?—Все самъ же.—А сапоги? — Да все же коллежскій совѣтникъ. — Тьфу, пропасть! Да кто-жъ онъ такой?—Магистръ богословія и словесныхъ наукъ, бывшій профессоръ академіи, потомъ литераторъ немножко, далѣе совѣтникъ губернскаго правленія, еще далѣе — совѣстный судья и временно предсѣдатель гражданской палаты, а еще далѣе — ничто, то есть, вашъ покорнѣйшій слуга Викторъ Ипатьевъ сынъ Аскоченскій. Знаете вы его? Преглупый человѣкъ! Я слышу—вотъ онъ вздохнулъ почти со стономъ. А кто-жъ ему виноватъ? Имѣлъ возможность нажиться, да захотѣлъ своею честностью удивить Европу. Вотъ и уди-

вилъ! Преглупый человѣкъ!“ Здѣсь разумѣется время служенія Аскоченскаго въ Житомірѣ и Каменецъ-Подольскѣ, когда, по должности принадлежа къ „особамъ“ провинціальнаго правительства, онъ не имѣлъ частенько на что пообѣдать. Подъ гнетомъ такой нужды, влеченіе къ освѣжающей душу работѣ, конечно, не могло быть сильнымъ. Подъ 3-мъ декабря 1854 г. мы находимъ на этотъ счетъ недоумѣвающее заявленіе. „Скажите мнѣ, отчего я, всегда неутомимо дѣятельный, всегда раздумчивый и мыслящій, вдругъ, ни съ того ни съ сего, становлюсь такъ глупъ, такъ лѣнивъ, что ничего не кончаю, за что ни примусь, все бросаю, къ чему потянется утомленная рука и о чемъ задумываетъ моя побѣдная головушка? Одна изъ такихъ эпохъ наступила теперь. Я бросаюсь то къ тому, то къ другому, и даже не имѣю силъ сердиться на самого себя. И тутъ лѣнь одолѣваетъ“.

Такое душевное состояніе усиливается далѣе съ каждымъ днемъ, отъ котораго успѣлъ только сохраниться слѣдъ въ „Дневникѣ“. И 1855 годъ уже открывается замѣткою: „Написавъ эти два слова (т. е. „1855 годъ“), я горько и глубоко задумался. Боже мой! Какъ много промелькнуло въ минувшіе дни событій, отмѣченныхъ въ исторіи не такой бѣдной, какъ моя, а въ исторіи міра! Какъ сознательно живущій членъ всего человѣчества, я долженъ былъ бы все это вписать въ мой дневникъ, но... буду послѣ продолжать, а теперь я глупъ до безконечности, потому что въ цѣлыя сутки спалъ только три съ половиною часа, и даже долженъ справиться и по справкѣ написать, что теперь“. Аскоченскій, однако, не собрался навести справку раньше 11-го мая. Съ этого числа втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сдѣлано немного записей. Наконецъ, остается еще упомянуть, что отъ 1857 г. только за январь имѣются отмѣтки. Но по нимъ видно уже, что въ Аскоченскомъ совершился тотъ безотрадный нравственный переворотъ, который погубилъ у насъ немало даровитыхъ натуръ. Авторомъ „Дневника“ овладѣваетъ холодное разочарованіе, мрачное настроеніе, отчаяніе за себя, словомъ, онъ принимается себя хоронить заживо.

Что прежде живо затрогивало и возбуждало сильныя движенія души, то теперь окрещивается названіемъ „пошлости“. Общительный и энергическій человѣкъ хочетъ уйти въ самого себя, подальше отъ предательскихъ увлеченій своей лучшей поры жизни, выставляя эти увлеченія въ видѣ предостереженія юной неопытности—молодому поколѣнію. „Жизнь моя есть полная драма“ — раскаявается Аскоченскій,—„со всѣми глупостями, заблужденіями и даже мерзостями, къ какимъ только способенъ человѣкъ, и съ частичкой добраго, истиннаго и честнаго, посылаемой отъ Вышней благодати, дабы не совсѣмъ пропалъ человѣкъ. Съ ужасомъ и горькимъ сожалѣніемъ оглядываюсь я на мое прошедшее, исполненное нелѣпостей и поражающихъ глупостей, подсказанныхъ мнѣ моей растлѣнной природой; съ тревожнымъ духомъ стараюсь я проникнуть въ будущее, чтобъ уга-

дать тамъ себя — каковъ-то я буду черезъ десять лѣтъ, если Господь Богъ потерпитъ грѣхамъ моимъ и позволитъ помолиться на бѣломъ свѣтѣ... Въ справедливомъ негодованіи на себя, я хотѣлъ сжечь всѣ томы моего дневника, опасаясь, чтобъ они не принесли вреда кому нибудь впослѣдствіи; но потомъ раздумалъ. Пускай молодые люди, а всего болѣе сынъ мой, изъ заблужденій своего отца поучатся быть умнѣе, благочестивѣе и осторожнѣе. Фальшиво взятая нота чувствительна даже для необразованнаго уха". Аскоченскій, очевидно, уже потерялъ всякій слухъ и самъ не чуялъ фальши въ своей похоронной пѣснѣ... Но пусть рѣшаютъ читатели, ознакомившись съ приводимыми ниже признаніями изъ „Дневника" Аскоченскаго, о чемъ надо сожалѣть больше,—о томъ ли, что въ душѣ его горѣлъ огонь смѣлыхъ порывовъ и пылкихъ увлеченій, которыя не давали ему поработить себя людскимъ предразсудкамъ и возбуждали такое негодованіе къ нимъ, или же о томъ, что этотъ огонь, по слову поэта,

...въ безплодной тоскѣ
...сгорѣлъ и погасъ?

Въ заключеніе два слова объ извлеченіяхъ изъ „Дневника". Это— по нашему мнѣнію, одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ историческихъ мемуаровъ, во многихъ отношеніяхъ замѣчательный необыкновенной фактичностью и искренностью. Каждая черта въ немъ на своемъ мѣстѣ и съ той или другой стороны имѣетъ общественное значеніе. Не говоря уже объ автобіографическихъ чертахъ, изъ остальныхъ однѣ проливаютъ свѣтъ на провинціальную жизнь того времени, другія представляютъ интересъ для историка русскаго просвѣщенія и русской литературы, иныя же могутъ быть весьма любопытны педагогу. Изучающій исторію театра найдетъ въ „Дневникѣ" прекрасныя, обстоятельныя рецензіи объ игрѣ кіевскихъ актеровъ, одно время писанныя изо дня въ день, и очеркъ искусной рукой составленный кіевскаго театра. Композиторъ встрѣтитъ тутъ цѣлый рядъ замѣтокъ о музыкѣ и въ особенности о нашемъ церковномъ пѣніи,—въ этихъ областяхъ Аскоченскій считался знатокомъ и самъ немало писалъ пьесъ. Ученый богословъ не могъ бы оставить безъ вниманія этюды по предмету академической спеціальности Аскоченскаго. Короче сказать, дневникъ представляетъ цѣлую энциклопедію, какая только доступна силамъ одного человѣка. Къ сожалѣнію, намъ не позволяютъ предѣлы журнальной статьи воспользоваться извлеченіями изъ дневника въ той мѣрѣ, какъ бы это было желательно. Пришлось ограничиться крупными явленіями и сосредоточить главный интересъ цитатъ на выясненіи личности самого автора. Факты, относящіеся къ однороднымъ обстоятельствамъ его жизни и дѣятельности, но разсѣянные подъ разными числами, мы старались, разумѣется, по возможности привести къ единству, а равнымъ образомъ дѣлали то же и съ сужденіями Аскоченскаго объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, отъ себя добавляя только нѣсколько словъ для связи.

Ѳ. Булгаковъ.

I.

Дѣтство Аскоченскаго.—Происхожденіе его фамиліи.—Домашнее воспитаніе.—Поступленіе въ школу.—Родительскіе проводы.—Первые дни въ школѣ.—Знакомство съ архіереемъ.—Учеба того времени въ духовныхъ училищахъ.—Школьная среда. — Наказанія.—Аскоченскій „четверто-классный“.—Розговая дисциплина.—Отецъ Иннокентій.—Грубость школьныхъ нравовъ.—Проявленія любознательности у Аскоченскаго.—Аскоченскій „словесникъ“.—Первые опыты въ стихотворствѣ.—Ректоръ воронежской семинаріи Евтихіанъ.—Что помѣшало Аскоченскому поступить въ университетъ?—Общая характеристика духовной школы.

В. И. Аскоченскій [1]), по собственному его показанію, родился 1-го октября 1813 года. „Судьбѣ угодно было“, пишетъ онъ подъ 21-мъ мая 1841 года, „чтобы я былъ первенцемъ между моими братьями и сестрами. Разумѣется, первыя дѣти всегда утѣха родителей,—это цѣпь, которая соединяетъ двухъ супруговъ крѣпче и крѣпче, это—елей, которымъ помазуются первые дни семейнаго быта; это—первое знаменіе Вышняго благословенія, которое принимается

---

[1]) Въ „Дневникѣ“, подъ 20-мъ мая 1842 года, находимъ не лишенную интереса генеалогическую замѣтку о происхожденіи фамиліи Аскоченскихъ. „Генеалогія моя“, говоритъ авторъ „Дневника“, „вовсе не состоитъ изъ тѣхъ лицъ, которыя пузаты и знаменитостью, и богатствомъ. Мой прадѣдушка былъ попъ; Господь благословилъ его обзавестись дѣтками; одинъ изъ сыновъ его, по имени Иванъ, родился въ селѣ Аскошномъ, Землянскаго уѣзда, Воронежской губерніи. Дѣдушки мои, которыхъ числомъ, кажется, было до десятка, подъ скромнымъ прозваніемъ Поповыхъ, разошлись по разнымъ селамъ въ качествѣ небольшихъ, весьма небольшихъ сановниковъ церковной іерархіи, а родной мой дѣдушка Иванъ Ивановичъ остался въ томъ же Аскошномъ въ должности стихарнаго дьячка. Прошло нѣсколько времени, жена его, а моя бабушка, Матрена, родила между прочимъ сына Ипата. Это былъ мой покойный родитель. Изъ благодарности къ мѣсту, видѣвшему рожденіе какъ самаго о. Ивана, такъ и дѣтей его, мой дѣдушка перемѣнилъ фамилію Поповыхъ на Аскошныхъ и повелѣлъ впередъ именоваться такъ всему своему потомству...“ „Первоначально наша фамилія была Аскошный; но батюшка мой, какъ человѣкъ грамотный, замѣтилъ тутъ слишкомъ неизящную народность,—извините, онъ не зналъ настоящихъ теорій объ этомъ предметѣ и, слѣдуя правиламъ правописанія, которое тогда иначе и не называли, какъ ороографія, перемѣнилъ Аскошный въ Осконный. Не знаю, какъ это случилось, только съ теченіемъ времени батюшка сталъ подписываться: Отскоченскій. Съ этимъ громкимъ прозвищемъ я и братъ поступили въ школу. Прошло немного времени, и насъ стали дразнить „отскочками“; я бранился, ссорился, плакалъ и дрался, разумѣется съ кѣмъ могъ сладить, а избѣжать насмѣшекъ не могъ. Съ досады я рѣшился еще разъ изуродовать свое фамильное прозваніе—и вслѣдствіе такого рѣшенія я сталъ подписываться: Аскоченскій. Братъ, ни въ чемъ не отстававшій отъ меня, послѣдовалъ моему примѣру. Покойникъ сердился, бранилъ насъ, пачкалъ наши тетради, нападалъ на репетиторовъ, позволяющихъ намъ такую вольность въ такомъ важномъ дѣлѣ; но мы, и особенно я, оставались непреклонными. Учители, привыкнувъ видѣть на тетрадяхъ выдуманную мною подпись, отстали отъ несноснаго для меня: Отскоченскій. Потомъ и батюшка мало-по-малу приставалъ къ моей сторонѣ, и такимъ образомъ, я былъ послѣднимъ преобразователемъ моего фамильнаго прозванія“.

всегда ощутительнѣе уже потому, что оно первое. Какъ первое дитя, я былъ предметомъ нѣжныхъ попеченій и предупредительной заботливости моихъ родителей; на меня не давали упасть, что называется, синь-пороху; всѣ прихоти мои, всѣ капризы были выполняемы, какъ что нибудь законное. Это избаловало меня совершенно, я требовалъ невозможнаго, горячился, топалъ ногами, падалъ на земь, кричалъ, если мнѣ говорили, что того-то нельзя для меня сдѣлать. Мать моя сказывала, что меня даже накормить было трудно: если даютъ мнѣ пищу, я плачу, зачѣмъ мнѣ даютъ; если дожидаются моей просьбы, я плачу опять, зачѣмъ не догадаются накормить меня. Словомъ, я былъ прекапризное дитя. Братъ мой Аристархъ, родившійся годомъ послѣ меня, былъ постояннымъ предметомъ моихъ нападеній.

„Но эти годы проведены мною почти безсознательно. Помню только,— и то какъ будто сквозь сонъ, старый домъ нашъ; помню большую кухню, свѣтлую, чистую горенку, лѣтнюю холодную комнату, обыкновенно на зиму служившую складочнымъ мѣстомъ всякихъ жизненныхъ припасовъ; помню нѣсколько картинъ съ англійскою подписью, висѣвшихъ по стѣнамъ и изображавшихъ исторію блуднаго сына; помню Авдотью, добрую нашу крестьянку. Она умерла, бѣдная; ее похоронили поздно вечеромъ; я еще, въ ту пору, ребенокъ, видѣлъ, какъ сколачиваютъ ея гробъ, какъ кладутъ ее туда, и мнѣ ее стало жалко, крѣпко жалко; но я боялся заплакать, потому что маменька, по какому-то старинному капризу, разсердилась бы за эти слезы, не дѣлавшія чести, по тогдашнему ея мнѣнію, малому баричу, какъ я.

„Я еще не умѣлъ ни читать, ни писать, а пѣть уже умѣлъ мастерски. Отецъ мой былъ наставникомъ въ нотномъ пѣніи всѣхъ церковнослужителей обширной Воронежской губерніи, заключавшей тогда въ себѣ и Ново-Черкаскъ со всѣми станицами и слободами. Пѣніе этого неотесаннаго клира, собиравшагося обыкновенно въ банѣ, такъ врѣзалось въ ребяческую мою голову, что я безъ всякаго труда и съ возможною вѣрностію выполнялъ все, что требовалось отъ церковнаго пѣвца. Ребяческому моему самолюбію весьма льстило то, что меня выбирали иногда наставникомъ въ томъ, чего я не зналъ классически, но что очень хорошо было знакомо мнѣ по-наслышкѣ. Чистый, звонкій голосъ мой раздавался серебрянымъ колокольчикомъ посреди нескладнаго рева дьяконовъ, дьячковъ и прочаго причта церковнаго.

„Дали мнѣ въ руки церковную азбуку и указку, отслужили молебенъ св. Науму и посадили за столъ. Домашняго учителя нанять было не на что. Отецъ мой получалъ жалованья всего 60 рублей ассигнаціями въ годъ. Дѣлать нечего, надо было взяться самому за ферулу учителя.

„Ну вотъ посадили и за латынь. Достали букварь; въ одинъ присѣстъ я выучилъ его. Учитель далъ мнѣ Евтропія; я началъ читать его съ восхищеніемъ; моему дѣтскому честолюбію ужасъ какъ нравилось то, что я понимаю болѣе, чѣмъ кто нибудь вотъ изъ этихъ, ко-

торые каждое утро горланятъ у насъ въ банѣ богородичные на восемь гласовъ.

„Однажды какъ-то родителей моихъ не было дома,—я остался полнымъ хозяиномъ. Въ это время уже была у насъ сестра Капочка. Вдругъ ни съ того, ни съ сего я затѣялъ сыграть похороны. По моему зову сбѣжались къ намъ на дворъ сосѣдніе ребятишки. Сестра моя должна была играть роль умершей. Мы положили ее на доску, приказавъ какъ слѣдуетъ сложить руки и закрыть глаза. Я взялъ на себя роль священника, а для полноты церемоніи далъ четыремъ изъ нашего погребальнаго кортежа ободранныя ольховыя палки, принявшія отъ солнца желтый цвѣтъ и много походившія на восковыя свѣчи. Процессія была хоть куда, я шелъ впереди и пѣлъ. Вдругъ моему мертвецу что-то соскучилось лежать неподвижно; ему захотѣлось посмотрѣть на церемонію. Движеніе, произведенное мнимо-умершею сестрою, заставило носильщиковъ нарушить балансъ — и моя мертвая брякъ! прямо ѳземь. Въ минуту все испугалось, побѣжало; державшіе свѣчи побросали ихъ, самъ священникъ ударился на утекъ, а умершая наша сидитъ и воетъ волкомъ.

„Для меня ничего не было пріятнѣе, какъ пустить змѣй какъ можно выше и держать его на ниткѣ, постоянно искушавшей мое терпѣніе и тревожившей меня своею непрочностью. Боже мой! какъ завидовалъ я тѣмъ, которые пускали свои змѣи на голландской бичевѣ и могли спокойно держать его впродолженіе свѣтлой іюльской ночи! Я ничего не могъ вообразить себѣ восхитительнѣе, какъ прислуживаться къ реву и глухому говору этихъ змѣевъ, которые, признаюсь, и теперь люблю слышать. Воля ваша, а тутъ что-то есть поэтическое. Вообразите безмолвіе лунной ночи, тишину угомонившагося города, изрѣдка прерываемую глухимъ лаемъ собакъ—вообразите на чистомъ, усѣянномъ звѣздами небѣ чуть замѣтную точку, которая повинуется малѣйшему движенію вашей руки,—и теперь вообразите среди этого безмолвія отдаленный ревъ чего-то, несущійся къ вамъ съ вышины, то стихающій, то будто стонущій, то раздающійся громкимъ forte, и въ минуту перемѣняющійся въ самое тонкое piano, о — воля ваша, тутъ есть поэзія. Конечно, все это дѣтское, не стоющее того, чтобы и вспоминать о немъ; но, Боже мой! кто изъ насъ снова не захотѣлъ бы быть дитятею.

„Курсъ домашняго нашего воспитанія кончился—пришла пора вести насъ въ школу; но напередъ надо было представить начальству. Тогдашнимъ префектомъ училищъ былъ знаменитый въ Воронежѣ таинственною своею ученостію Иванъ Яковлевичъ Зацѣпинъ. Въ дѣтскую мою голову такъ много нашумѣла молва объ немъ, что я всходилъ на ступени крутой лѣстницы со страхомъ и трепетомъ. Зацѣпинъ жилъ въ томъ корпусѣ, гдѣ и теперь еще (1842 г., апрѣль) помѣщается бурса и консисторія; комнаты его были самыя крайнія къ Спасовской церкви. Съ какою-то величавою осанкою, которая всегда такъ шла къ его

умному и благородному лицу, онъ принялъ батюшку и насъ. Взявъ меня за голову, онъ сталъ что-то щупать у меня на затылкѣ и потомъ сказалъ: „это быстрый ребенокъ". Не понявъ хорошенько всей его операціи и незнакомый съ системою Галля, я заключилъ, что Зацѣпинъ или видѣлъ когда нибудь мои шалости, или изъ невѣжливаго наклоненія головы моей, которой смерть хотѣлось не поддаваться этой пробѣ, составилъ обо мнѣ такое дурное понятіе. „Быстрый, вишь ты, быстрый!" подумалъ я и чуть не заплакалъ съ досады. Мы вышли отъ префекта—я сердитый, а братъ довольный тѣмъ, что ему не сдѣлано такого-жъ замѣчанія.

— Ну, дѣти, сказалъ нашъ родитель,—теперь къ отцу Иларію.

„Я повеселѣлъ. Этотъ отецъ Иларій былъ предметомъ дѣтскаго моего любопытства. Нашъ учитель домашній такъ много говорилъ объ немъ съ товарищами своими смѣшнаго; я все подслушалъ: напримѣръ, какъ онъ заставлялъ на рекреаціи семинаристовъ пѣть:

„Ахъ, сякой такой комаринскій мужикъ,
Онъ безчинно такъ по улицѣ бѣжитъ";

какъ они обкрадывали библіотеку, находившуюся подъ его присмотромъ, ползая въ ногахъ его и заставляя пятиться къ шкафамъ, гдѣ стояли на полкахъ книги; какъ клали ему въ клобукъ сухари.—Что это за отецъ Иларій? думалъ я,—должно быть чудакъ: непремѣнно захохочу, какъ взгляну на него. Не тутъ-то было. Шагъ черезъ порогъ, и вся охота смѣяться пропала. Батюшка вошелъ, а за нимъ вползли и мы. Показалась (сколько помню) тощая, низенькая фигурка въ камилавкѣ и завопила дрожащимъ козлинымъ голоскомъ: „а, отецъ Ипатій! это ваши дѣтки!" Мы поклонились. Чѣмъ кончилась эта аудіенція, право забылъ; помню только, что отецъ Иларій далъ намъ „Ксенофонтовы Достопамятности" на греческомъ языкѣ. Батюшка скомандовалъ намъ домой — и мы съ братомъ чуть не подрались за подарокъ. Вечеромъ объявили намъ рѣшеніе, что завтра мы должны сбираться въ школу. Всю ночь не спали мы. Тревоги, тревоги, Боже упаси!

„Вотъ забреждилось утро, мы ужъ на ногахъ. Маменька хлопочетъ о завтракѣ и чуть не плачетъ, разлучаясь такъ надолго съ любезными своими дѣтками. Мы умылись, Богу помолились и сѣли за кашу. Батюшка все ходилъ кругомъ стола и твердилъ: „Эй, дѣти, ѣшьте поменьше: plenus venter non studet libenter." Онъ, изволите видѣть, дошелъ до поэзіи и зналъ прекрасно нѣсколько пословицъ. Любимыя его были оная и сія, Deus gaudet impari—по-русски „Богъ любитъ нечетъ". Поймите-ка, что это такое? То-то и есть—трудно; слушайте же: „Богъ любитъ троицу". Вотъ батюшка и твердитъ все оную пословицу, а мы, не понимая хорошенько смысла ея, слушаемъ да ѣдимъ, ѣдимъ да слушаемъ. Глядишь, ужъ мисочка-то пуста. „Голодны, батюшки мои", заговоритъ маменька, гладя то того, то другаго по го-

ловкѣ. „Нѣжь, нѣжь на свою голову", зашумитъ бывало покойникъ, „будетъ прокъ".

— Да ужъ ты...

— Ну, что ты?..

„Тутъ батюшка, бывало, приметъ грозную позу и маменька оставитъ насъ и пойдетъ къ колыбели, которая ужъ непремѣнно каждый годъ содержала въ себѣ какое-нибудь живое существо. Вотъ мы ужъ одѣты, маменька сама повязала намъ галстухи, надѣла картузы... Мы готовы. Книгъ еще у насъ нѣтъ, по весьма простой причинѣ: купить не на что. Батюшка идетъ впередъ—мы за нимъ.

„Первыя школьныя двери отворилъ намъ о. Василій Дольскій. Какъ теперь вижу его. Онъ все ходитъ мимо насъ и вѣчно ужъ въ зубахъ держалъ свою косу. Ну, такъ мы вошли и остановились, какъ новобранцы, у порога.

— А что̀ вы знаете? спросилъ о. Василій.

„Онъ былъ регулярнѣйшій и строгій человѣкъ.

„Я взглянулъ на брата; въ глазахъ его свѣтился отвѣтъ: ничего; толкнулъ себя въ башку—тамъ тоже ничего; не желая, однако жъ, такъ скомпрометировать себя на первый разъ, мы оба смолчали. Вѣроятно, молчаніе наше принято было за удовлетворительный отвѣтъ, потому что насъ посадили — и мы стали отъ нечего дѣлать глазѣть на учениковъ, а я такъ ужъ сталъ и пошаливать. Кончился классъ. Боже мой! съ какимъ шумомъ полетѣли мы домой. Съ радости забыли даже шапки надѣть и трепали ихъ въ рукахъ, летя сломя голову домой. Маменька утерла намъ носы, поцаловала и давай кормить. Ну, ужъ и аппетитъ у насъ былъ—дай Богъ здоровья! Въ пору русскому мужику. Дорогою сказали намъ, что послѣ обѣда нѣтъ ученья. Это, видите ли, какъ я очень хорошо помню, было въ среду. Мы сказали это маменькѣ. Та и вѣрить не хочетъ. „Ахъ, вы такіе сякіе,—„меду не ѣлъ, а ужъ воскомъ..." (маменька иногда употребляетъ непечатныя пословицы). Ступайте-ка"! И прогнала. Мы пошли, классы были заперты, надо было воротиться домой; мы и воротились, боясь, однако же, попасть въ бѣду за оплошность.

„Не прошло и двухъ недѣль съ поступленія моего въ школу, какъ я успѣлъ уже напроказить такъ, что строгій мой менторъ вынужденнымъ нашелся оштрафовать меня лишеніемъ обѣда и заключеніемъ въ классѣ. Я рыдалъ, бился, метался ницъ—не помогало. Строгій Катонъ былъ безжалостливъ. Нечего было дѣлать, — я рѣшился быть дезертиромъ; вырываюсь вмѣстѣ съ толпою и лечу сломя голову. Меня ловятъ, я кричу. Учитель строго обѣщался наказать меня, лишь бы только меня поймали. А я употребляю всѣ усилія, чтобы не даться въ руки моимъ алгвазиламъ. Никогда не выйдетъ у меня это изъ памяти. Смотрю, по садику (тогда около архіерейскаго дома былъ па̀лисадникъ, въ которомъ были даже фруктовыя деревья) ходитъ какой-то старичекъ въ камилавкѣ. Стремглавъ я бѣгу мимо него.

— Постой, сказалъ онъ.

„Не знаю, почему—но и въ самомъ испугѣ своемъ я остановился.

— Чей ты? спрашивалъ меня старичекъ.

— Ипата Ивановича, сказалъ я, всхлипывая.

— А, знаю. Зачѣмъ же ты бѣжишь?

— Меня хотятъ запереть въ классѣ.

— За что?

— Не знаю, отвѣчалъ я, поглядывая изъ-подлобья на подходившаго ко мнѣ учителя. Я изумился, когда увидѣлъ, что мой страшный педагогъ идетъ къ намъ безъ шапки и даже косы въ зубахъ не держитъ.—Э, подумалъ я, этотъ старичекъ должно быть выше учителя, и вовсе не боится его, даромъ, что тощенькій и сѣденькій. Мнѣ, видите, казалось, что выше и важнѣе моего учителя нѣтъ и человѣка на бѣломъ свѣтѣ.

— За что ты хотѣлъ запереть его въ классѣ?

— Онъ большой шалунъ, ваше преосвященство.

„Это былъ Епифаній, епископъ нашъ. Я взглянулъ съ любопытствомъ на этого старичка, передъ которымъ такъ спасовалъ мой учитель, и радъ былъ уничиженію сего послѣдняго.

— О, когда такъ, то запереть его.

„Я опять въ слезы.

— Не будешь шалить?

— Нѣтъ, ей Богу, нѣтъ.

— То-то же, ну, ступай домой.

„Онъ протянулъ мнѣ руку. Отъ восторга, что я уже теперь воленъ, я не поцаловалъ ее, какъ слѣдуетъ, и опрометью пустился бѣжать, отирая слезы и стараясь не показать родителямъ вида, что я было попалъ подъ опалу. Впрочемъ, старанія мои увѣнчались не полнымъ успѣхомъ. На другой день о. Василій сказалъ батюшкѣ о моемъ свиданіи съ архіереемъ и покойникъ такъ перепугался смѣлыхъ моихъ отвѣтовъ, что даже забылъ наказать меня.

„Не знаю, вслѣдствіе чего, только насъ не захотѣли держать во второмъ низшемъ отдѣленіи, а низвели въ третій классъ. Это былъ классъ предуготовительный. Мы были страшные романтики, книгъ у насъ не было, уроковъ намъ не задавали, предоставляя, такимъ образомъ, полную свободу развивать идеи. Бывало, отецъ Иванъ (онъ поступилъ послѣ того въ монашество и назывался Иннокентіемъ, умеръ архимандритомъ и настоятелемъ Черногорскаго и Екатеринолебяжьяго монастыря),—такъ, бывало, отецъ Иванъ съ усмѣшкой спроситъ насъ: „А вы что“? Мы поднимаемся.—„Прочтите-жъ что нибудь“. Намъ дадутъ книжку „Epitome sacrae historiae“ Ломонда. Кое-какъ, съ грѣкомъ пополамъ, переведемъ,—и квитъ. Теперь уже нѣтъ ни Ломонда, ни классовъ тѣхъ, въ которыхъ мы отличались. На томъ мѣстѣ стоятъ монашескія кельи, вновь передѣланныя. Залы съ ея свѣтлыми окнами, съ каѳедрою, окрашенною дикою краскою, и съ амфитеатромъ, воз-

вышавшимся на первомъ планѣ залы, комнаты, гдѣ было поставлено много-много партъ, порѣзанныхъ ножичками и облитыхъ подъ мраморъ чернилами, той лѣстницы, которая вела на чердакъ и пугала дѣтское мое воображеніе, — всего этого теперь ужъ нѣтъ. Тутъ-то, въ этой-то квадратной комнатѣ, примыкавшей къ залу, начали мы учиться заурядъ съ прочими. И что за науки тогда были! Ужасъ вспомнить, какъ много погибло времени по-пустому. Ребенку не давали никакой живой мысли, ничего, что могло бы интересовать золотое въ эти годы его любопытство. Мы учились латыни, не зная хорошо по-русски, толковали о единицахъ и дробяхъ, не умѣя при порядочномъ человѣкѣ не стыдясь, безъ застѣнчивости, пересчитать свои пять пальцевъ; учили уставъ церковный, ломая голову надъ безсмыслицей, которой не могли живымъ образомъ растолковать намъ наши учители; переводили съ латинскаго на какой-то дикій, варварскій, не-русскій языкъ, и плакали съ горя, когда не могли вбить въ голову какого-нибудь τύπτω, или грамматическаго правила; а между тѣмъ, не видя хорошихъ примѣровъ и боясь одной только школьной ферулы, росли маленькими негодяями. Экое, подумаешь, время было! Признаюсь, что наше духовное воспитаніе хуже всѣхъ воспитаній въ свѣтѣ.

„Прошелъ годъ, насъ перевели въ первое отдѣленіе къ Д. А. Прохорову. Тутъ началось повтореніе того же самого. Смутно представляются мнѣ эти два года, не ознаменованные ничѣмъ особеннымъ. Помню только Левку Данилова, нашего Ришельё, который правилъ цѣлымъ классомъ, и сильный силою своего учителя и протектора, заставлялъ всѣхъ насъ трепетать предательскаго пера своего. Только я одинъ былъ у него какъ спица въ глазу. Вѣчная вражда: онъ запишетъ, а я отниму да изорву; онъ въ доносъ, а я въ волосы ему; онъ въ драку, а я и подавно. Помню еще Ублинскаго и Елисея Владимірова, авдиторовъ моихъ взяточниковъ. Помню верзилу Богомолова, котораго однажды велѣно было мнѣ отодрать за уши, но такъ какъ это было сдѣлать нельзя по причинѣ неодинаковаго нашего роста, то мы только насмѣшили своими штуками разшутившагося учителя. O tempora! O mores! И какъ не прибавить: o pecora! o boves! Въ третьемъ классѣ или, какъ говорили во время оно, въ нижнемъ, мы просидѣли два года. Я даже до сихъ поръ помню мѣсто, которое занималъ въ школѣ. Это было къ окну, выходившему на теперешній монастырскій дворъ; окно это послѣднее къ Вознесенской церкви. Тутъ-то я поучался той премудрости, которую съ теченіемъ времени непремѣнно надо было забывать, чтобы не остаться вѣчно дуракомъ. Таварищи, окружавшіе меня, были такая грязь, ихъ понятія (если только были у нихъ какія-либо понятія) такъ гадки, ихъ поведеніе такъ сѣро и подозрительно-смирно, что надо благодарить Бога, если малютка изъ этого омута грязи и нравственной тины вынесетъ сердце свое чистымъ, незапачканнымъ навѣки; не было мерзости, о которой бы не толковали между собою оборванные мальчишки. Это была циническая

школа негодяевъ и шалуновъ. Благодѣтельное начальство мало обращало вниманія на эти пороки, которые ржавью въѣдались въ характеръ дѣтей. Учители смотрѣли только за тѣмъ, чтобы передъ ними шапку скидали, да въ классѣ смирно сидѣли. За проступки противъ этихъ двухъ заповѣдей казнили по-Нероновски. Сто ударовъ лозами — нипочемъ; доходило подъ часъ и до двухъ сотъ, а когда менторъ былъ не въ духѣ, то и до трехъ сотъ. Но все это сплывало съ насъ, какъ съ гуся вода. Чувство грубѣло болѣе и болѣе, и въ дитяти, вмѣстѣ со страхомъ и ненавистью къ тирану-учителю, развивались скрытность и плутовство, доходившія, наконецъ, до такой закоснѣлости, что никакія тиранства не могли вымучить у мальчика искренняго признанія въ какомъ либо проступкѣ.

„Само собою разумѣется, что между нами много было порядочныхъ плутовъ. Мы гуртомъ ходили на воровство къ торговкамъ, продававшимъ яблоки, арбузы, и кто ловче всѣхъ обкрадывалъ бѣдную бабу, тому и почетъ, и названіе молодцомъ.

„Въ эту пору домашнимъ учителемъ у насъ былъ ученикъ словесности, Стратонъ Тимофеевичъ Гравировскій. Не знаю, чѣмъ онъ съ нами занимался, помню только, что частенько приходилъ онъ какъ-то не въ себѣ. Такой, бывало, странный отъ него запахъ! Отзываетъ какъ будто немножко водкой и немножко какимъ-то корнемъ. Онъ обыкновенно въ такія критическія минуты ложился спать, чему и мы съ радостью слѣдовали, инстинктивно угадывая то премудрое изреченіе, что хоть все узнай отъ кедра до иссона, а когда придется идти спать, то непремѣнно скажешь: „суета суетствій и всяческая суета!"

„Помню я очень хорошо то время, когда, послѣ публичнаго экзамена стали вызывать лучшихъ учениковъ къ наградѣ книгами. Между этими лучшими былъ и я. На катехизисѣ Платона написано было: „Виктору Аскоченскому за хорошіе успѣхи и прилежаніе". Я схватилъ книгу и опрометью бросился домой. Братъ Аристархъ, не получившій такой же награды, бѣжалъ за мною съ недовольнымъ видомъ. По дорогѣ мы за что-то поссорились, я жестоко назвалъ его лѣнтяемъ; братъ, какъ и слѣдовало, притаскалъ меня. Но мнѣ было не до слезъ и не до таски. Я вбѣжалъ во дворъ. Маменька (очень хорошо помню) чистила сама рыбу близъ погребицы. Я прямо къ маменькѣ и громко читаю, что̀ написано въ подаренной мнѣ книгѣ. Маменька съ вопросомъ къ брату,—„А тебѣ ничего не дали?" Братъ заплакалъ, мнѣ стало жаль его; я и самъ заплакалъ. Пришелъ батюшка, похвалилъ меня, похвалилъ и брата. Мы повеселѣли. „Четвертоклассные, четвертоклассные!" кричалъ я, прыгая съ книгою моею по двору.

„Да, точно—это была радость непритворная. Добиться четвертаго класса, или синтаксиса, по тогдашнему, было не поле вспахать. И что за важные люди были тогда эти четвертоклассные! Это то же, что

patres conscripti въ училищѣ. Они уже съ пренебреженіемъ смотрѣли на инфилистовъ, а приходскіе были у нихъ на-посылкахъ; они уже дерзали курить трубку и подъ часъ ходить въ шинелѣ спустя рукава и закутывая носъ по журавлиному, что удивительно какъ много придавало имъ вѣсу. Они небрежно снимали шапку передъ какимъ нибудь третьеклассныхъ учителемъ, а со второклассными уже вступали въ споръ. Осипъ Иванычъ и Иванъ Савичъ (учители втораго и перваго класса) имъ были ни по чемъ.

„Къ такой-то категоріи важныхъ людей примкнулъ и я съ братомъ. Нашими учителями были о. Иннокентій (вышеупомянутый) и Яковъ Фирсовичъ Покровскій, умершій лишеннымъ протоіерейскаго сана по злобѣ и долгосильной ненависти воронежскаго святоши Антонія. На время болѣзни какого либо изъ нашихъ учителей къ намъ присылали студентовъ семинаріи изъ богословскаго класса. Такихъ я помню двухъ: Киселевскаго, умершаго архимандритомъ при китайскомъ посольствѣ, и Палищева, нынѣшняго Пантелеймона, инспектора, кажется, астраханской семинаріи. Предметы, преподаваемые у насъ, были: греческій языкъ. Для упражненія въ немъ мы переводили вторую часть извѣстной греческой хрестоматіи (Якобса?) и, надо сказать, переводили чудесно. Съ русскаго на греческій мы перекладывали, не спрашивая словъ у учителя, а выдумывали ихъ сами и рѣдко дѣлали ошибки противъ грамматики. Къ чести своей скажу, что я поступилъ въ училище, не зная по гречески ни іоты. Въ два года я выучился и сталъ наравнѣ съ самыми лучшими учениками. Преподавателемъ греческаго языка у насъ былъ упомянутый Иннокентій, отличный знатокъ его. За Иннокентіемъ оставались славянскій языкъ, катехизисъ, уставъ церковный и нотное пѣніе. Славянскій языкъ мы изучали по какой-то старинной грамматикѣ, впрочемъ, очень хорошо написанной. Лучше меня никто не могъ изъ всего класса разбирать филологически славянскую грамоту. Катехизисъ у насъ читался по руководству Платона, а потомъ Филарета. Тутъ я не опережалъ другихъ. Уставъ церковный преподаваемъ былъ такъ же безсмысленно, какъ и въ низшемъ классѣ. По этому предмету я не смыслилъ ничего. На классъ нотнаго пѣнія я и братъ не ходили, ибо въ качествѣ пѣвчихъ мы избавлялись отъ необходимости драть горло по этимъ кавыкамъ.

„Яковъ Фирсовичъ Покровскій читалъ намъ латинскій языкъ, ариѳметику, географію и... кажется только. Самъ онъ, не въ укоръ ему будь сказано, зналъ свои предметы плоховато; но за то мы помирали со смѣху на его лекціяхъ. Все такъ мастерски умѣлъ онъ представить, что любо. Громовой хохотъ раздавался въ залѣ, когда онъ, закутавшись въ свою рясу, копировалъ семинариста, представляющаго изъ себя Хемницерова метафизика. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы преподаваніе латинскаго языка шло у насъ безуспѣшно. Нѣтъ, мы отлично переводили Корнелія Непота, а нѣкоторые изъ насъ могли

à livre ouvert [1]) — читать какую-угодно латинскую книгу. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и я. Какъ дорого заплатилъ бы я теперь за переводъ, дѣланный и писанный моей рукою съ Квинта Курція... Переводы съ русскаго на латинскій мы дѣлали легко и свободно. Мои occupationes еще и теперь цѣлы, и я по нимъ читаю мои первыя, лучшія ощущенія безразсчетнаго самодовольства своими успѣхами. Ариѳметики я въ зубъ, что называется, не зналъ и всѣми силами отвиливалъ отъ нея. Географію зналъ тоже плохо, да и преподавали-то ее, прости Господи, дрянно. Бывало, заучишь названіе городовъ, рѣкъ и проч., отдерешь, какъ говорится, съ зуба—и дѣло съ концомъ, а гдѣ эти города, гдѣ эти рѣки, и чѣмъ они замѣчательны, словомъ, все, что требуется отъ знатока географіи,—мы и знать не знали, и вѣдать не вѣдали. Учители выслушивали у насъ уроки, водили пальцами по открытымъ картамъ, размежевывали черезполосньмъ образомъ города и горы — и квитъ, а мы думали, что это такъ и надо, и въ простотѣ сердца не простирали въ даль своихъ претензій.

„Должность инспектора училищъ въ то время неразлучна была съ званіемъ смотрителя. То и другое держалъ о. Иннокентій. И грозенъ, суровъ и подъ-часъ кровожадно-жестокъ онъ былъ, прости ему Господи. Понедѣльникъ каждой недѣли былъ для насъ сущею грозою. Въ этотъ день дѣлалась расправа всѣмъ, кто или не былъ въ церкви, или, бывши, не чинно стоялъ. Послѣднимъ доставалось больше всего. Страшно было видѣть Иннокентія, когда онъ, закусивъ бороду и сдвинувъ клобукъ на сторону, закричитъ не своимъ голосомъ домашнимъ палачамъ: „пори“. Кровью обливается несчастный преступникъ, а тирану все мало. Страшнѣе всего для насъ былъ зовъ въ библіотеку. Это—лобное мѣсто домашнихъ преступниковъ. „Архангелы, сюда“! закричитъ, бывало, Иннокентій, и изъ дальнихъ кутовъ или, какъ у насъ говаривали, изъ „камчатки“ вылазятъ, бывало, человѣка три самыхъ дюжихъ для исправленія должности палачей. И горе бѣдняку, попавшемуся въ ихъ руки! Но когда хладнокровіе позволяло Иннокентію сдѣлать предварительныя приготовленія къ наказанію преступниковъ, то обыкновенно являлись солдаты въ качествѣ алгвазиловъ. Этимъ молодцамъ однажды попался и я. Не помню, за что, знаю только, что за самую малость, взбѣшенный Иннокентій приказалъ солдату отвести меня и одного изъ товарищей моихъ, четырнадцативершковаго верзилу въ карцеръ. Насъ повели. Дорогою я размышлялъ о томъ, что̀ дальше съ нами будетъ, и мнѣ страхъ захотѣлось улизнуть отъ казни.

— Полянскій, сказалъ я, обращаясь къ товарищу моему;—давай уйдемъ.

— Да какъ тутъ уйдешь—вишь, за нами солдатъ.

— Экой дуракъ! Да свисни его въ ухо, а тамъ тягу.

---

[1]) Въ подлинникѣ „ouvèrte livre“.

„Дурачина послушался. Бѣдный служитель свалился съ ногъ; мы убѣжали. Но этимъ не спаслись нисколько отъ бѣды. Насъ привели снова. Ну, плохо было моему Полянскому, и мнѣ не хорошо, да ужъ все легче, потому что Иннокентій, какъ говорится, сорвалъ сердце на товарищѣ моемъ.

„Но, не смотря на такое Нероновское обращеніе съ нами, мы были ужасные шалуны и негодяи. Въ самомъ классѣ у насъ бывали рыцарскіе потѣхи, отъ которыхъ у иного являлась лазурь подъ глазами и носъ принималъ фигуру разносторонняго треугольника. Бывало, за часъ до прихода учителя мы соберемся и идемъ на кулачки стѣна на стѣну. Это жестокое побоище кончалось тѣмъ, что одна какая-нибудь сторона давала тылъ и побѣдители гнали побѣжденныхъ по корридорамъ училища, свирѣпствуя надъ ними не хуже татаръ. Другая дикая забава состояла у насъ вотъ въ чемъ. Партія выходитъ на партію, имѣя вмѣсто оружія или платки съ завязанными на одномъ концѣ узелками, или просто край халата, — этимъ оружіемъ мы щелкали другъ друга, не боясь выстегнуть глаза. Часто пораженный сваливался со стола, ибо битва всегда происходила на партахъ, и громъ паденія его былъ призывнымъ знакомъ къ лютѣйшему сраженію. Ужасная грубость, что и говорить. Но гдѣ-жъ взять лучше развлеченіе, когда наши менторы сами не понимали, чѣмъ можно занять ребятъ въ минуты досуга. Подъ неумолимою ферулою домашнихъ палачей ожесточались душа и тѣло, и мы становились дикарями, для которыхъ такія побоища были самымъ лучшимъ dolce far niente.

„Дома мы съ братомъ занимались большею частью переводами съ латинскаго языка. Педагогомъ нашимъ былъ нѣкто Петръ Ефремовичъ Устиновскій, съ ужасными бакенбардами и съ глупою головою. Не знаю, почему, но я его терпѣть не могъ. Какъ жаль, что для моей охоты къ ученью не было никакой пищи, что мнѣ никто ничего не могъ указать. По нѣскольку разъ я переписывалъ тексты, выбираемые учителемъ для ежедневнаго повторенія,—меня и за это бранили, говоря, что я по-пусту трачу бумагу; перечищалъ мои классическія задачи—и то украдкой, чтобъ батюшка не замѣтилъ. Я радъ былъ бы душею прочитать какую нибудь книгу; но мнѣ не давали, да, въ правду сказать, и дать было нечего. Одно и единственное мое наслажденіе было читать какую-то древнюю исторію, у которой не было ни начала, ни конца, да еще сказки лубочной печати. Вотъ все, чѣмъ должна была ограничиться моя литературная дѣятельность. А любопытство страшно кипѣло въ ребенкѣ. Я читалъ философскія лекціи моего педагога и завидовалъ ему, что онъ учитъ вещи гораздо умнѣе тѣхъ, которыми тиранилъ я въ ту пору память свою. Не помню, какъ и какимъ образомъ попалась мнѣ „Піитика" Платона. Я съ радости почти выучилъ ее наизусть. Помѣщенныя тамъ при концѣ „Овидіевы превращенія" заинтересовали меня болѣе всего; я нѣсколько разъ обращался съ просьбою объяснить мнѣ эти разсказы;

но мой педагогъ важно прогонялъ меня прочь, замѣчая мнѣ, что я все пустяками занимаюсь. Тутъ еще успѣлъ я выучить одно старинное стихотвореніе о пѣтухѣ и лисицѣ, которое (до сихъ поръ помню) начиналось такъ:

Дивная исторія и чудная вѣсть,
Какъ однажды лисица захотѣла ѣсть.

„Я декламировалъ его мастерски, и меня по нѣскольку разъ заставляли читать и перечитывать его, постоянно осыпая похвалами. Въ это время, не знаю, по какому случаю, я познакомился съ стихотвореніями Державина, Капниста, Николева и Жуковскаго и моею дѣтскою рукою списалъ многія изъ нихъ. Подражаніе Іову Ломоносова я зналъ наизусть, и сердце во мнѣ трепетало отъ восторга, когда я читалъ неслыханныя никогда мною строфы этого отца нашей поэзіи. Самъ батюшка поглаживалъ иногда меня по головѣ и приговаривалъ: „Хорошо, сынокъ, только, смотри, береги у меня бумагу“. Богъ знаетъ, не было ли это предвѣщательнымъ предостереженіемъ, чтобъ я не брался впослѣдствіи времени за перо стиходѣя. Грѣшенъ, что жъ дѣлать, не исполнилъ завѣта отцовскаго и даже влѣзъ съ стихами моими въ печать.

„Я былъ въ училищномъ хорѣ; пѣлъ альтомъ. Еще до поступленія моего въ школу, я охотно бѣжалъ въ церковь и громко распѣвалъ на клиросѣ стихиры. Звонкій голосъ мой нравился всѣмъ; но я боялся попасть въ архіерейскій хоръ, ибо вовсе потерялъ бы въ общемъ мнѣніи. Тамъ было сборище самыхъ отчаянныхъ шалуновъ и лѣнтяевъ. Хоромъ, къ которому принадлежалъ и я, завѣдывалъ Я. Ф. Покровскій, и мы—экая смѣлость! дерзали даже пѣть концерты. Около этого времени послѣдовала кончина Епифанія, епископа воронежскаго и черкасскаго... Съ пріѣздомъ нынѣшняго Антонія я посвященъ въ стихарь въ качествѣ лампадника къ его преосвященству. Никогда не забуду я того впечатлѣнія, которое произведено было на меня блестящимъ стихаремъ, впервые надѣтымъ на мои плечи. Мнѣ казалось, что всѣ смотрятъ и любуются мною, и это, конечно, отъ того, что я не могъ налюбоваться самъ собою... Принимался я и за рисованіе. Разумѣется, учителя у меня не было никакого, а перенималъ все у товарищей. Главный секретъ рисованья состоялъ у меня въ слѣдующемъ: взять какую нибудь картину, пришпилить къ ней бумагу булавками и приставить къ стеклу, рисовать сначала карандашемъ, а потомъ размазывать красками. Картины мои вовсе не годились бы на выставку.

„Брался я за музыку, но безуспѣшно. У моего домашняго педагога были гусли, на которыхъ онъ преудивительно игрывалъ. Урывками я, бывало, побренчу собственную фантазію и убѣгу, чтобы не увидалъ меня злой Петръ Ефремовичъ.

„Вотъ одна страница моей жизни,—переверните ее и будете читать на другой, гдѣ я уже пишусь словесникомъ, т. е. ученикомъ словесности, а паче „хитростей піитическихъ“.

Отрывокъ изъ этой страницы находится въ „Дневникѣ“ подъ 1845 годомъ. Вотъ что читаемъ мы тамъ:

„Я сказалъ уже, что читатели мои (если только будутъ у меня читатели) должны теперь не иначе воображать себѣ меня, какъ словесникомъ. О, не шутите этимъ! Въ мою пору это было совершенно то же, что тоненькій эполетъ для прапорщика, первый выѣздъ на балъ для институтки. Мы гордо проходили мимо училища, уже не боясь, чтобы насъ отодрали за уши, если мы не скинемъ шапки передъ какимъ нибудь учителемъ. Мы уже смѣло носили шинель спустя рукава, нисколько не воображая, какъ это было смѣшно, особенно для фризовой яркаго цвѣта шинели. Прошу помнить, что носить шинель спустя рукава наше начальство строго запрещало, находя въ этомъ что-то богопротивное. Словесники и такъ далѣе были въ этомъ случаѣ немножко вольнодумцы и уже позволяли себѣ все, что запрещалось ученикамъ уѣзднымъ.

„Я съ братомъ попался во второе отдѣленіе словесности. Профессорами у насъ были: по словесности Алексѣй Петровичъ Лебедевъ, по исторіи—Антонъ Ивановичъ Собкевичъ, а по прочимъ предметамъ лекторы, назначаемые изъ лучшихъ учениковъ богословскаго класса. Я помню ихъ: одного, который читалъ у насъ греческій языкъ, звали Петровымъ, а преподавателя французскаго языка — Мезецкимъ. Нѣмецкій языкъ читалъ А. А. Николаевскій. О послѣднихъ нечего говорить. Это были такіе же семинаристы, какъ и я и всѣ мои товарищи, не обозначаемые особеннымъ типомъ. Но о профессорахъ можно и даже должно сказать.

„А. П. Лебедевъ былъ у насъ заслуженнымъ профессоромъ и однимъ изъ важнѣйшихъ диктаторовъ въ семинарскомъ ареопагѣ. Болѣе двадцати лѣтъ обучая ребятъ реторикѣ, онъ, какъ говорится, набилъ руку; но, собственно говоря, онъ не умѣлъ приспособляться къ понятіямъ ребятишекъ. Всегда важный, гордый, онъ говорилъ съ нами языкомъ не педагога, а оратора, декламирующаго передъ публикою заранѣе обдуманную лекцію. Онъ не любилъ долго вбивать въ голову ребенка условныя правила составленія рѣчи,—оттого теорію мы знали плохо. Лебедевъ обыкновенно училъ насъ примѣрами. Онъ возметъ, бывало, какое нибудь сочиненіе, положимъ, Анастасія, Карамзина или Ѳеофана, и начнетъ его разбирать по суставчикамъ, указывая намъ, гдѣ тутъ порядочная хрія, гдѣ несовсѣмъ порядочная, гдѣ тутъ винословный, гдѣ раздѣлительный періодъ, гдѣ тамъ торчитъ синекдоха, гдѣ метонимія. Къ концу такого анатомическаго анализа, бѣдное сочиненіе до того бываетъ истрепано, что на немъ лица не видно. Впрочемъ, нельзя не поблагодарить Лебедева за такой методъ преподаванія, — не всѣ, но многіе изъ насъ, выбитые самимъ наставни-

комъ изъ привычной колеи реторическихъ правилъ, рано начали писать тѣмъ языкомъ, который тогда впервые показался въ „Письмахъ русскаго путешественника". Благодаренъ я Лебедеву и за то еще, что онъ не привязывался къ школьнымъ пріемамъ условной рѣчи, а позволялъ писать свободно, прямо, не растягивая рѣчи на прокрустово ложе реторики. И—странное дѣло—мы учились сочинять по-русски по руководству латинской реторики Бургія, безтолковѣе которой я доселѣ еще не читывалъ ни одной реторики. Что за глупая была мысль убивать въ ребенкѣ всякую живую мысль этою аптечною мертвечиною... А насъ заставляли учить и непремѣнно отъ слова до слова. Новое варварство! Но вѣчная память моему доброму наставнику. Первые начатки писать я вынесъ изъ его школы. Медленно развертывались мои способности и односторонне ихъ было направленіе, но я не виноватъ былъ въ томъ. Намъ читали только проповѣди, строго запрещая чтеніе повѣстей, которыхъ тогда было слишкомъ небольшое число. А энциклопедическихъ свѣдѣній и требовать нельзя было отъ насъ, ибо сами учители ихъ не имѣли, простодушно довольствуя насъ уроками о смиреніи и суетѣ сего міра. Но вотъ что странно. По-русски мы не умѣли писать, зато по-латыни были такіе мастера, какихъ теперь трудно поискать. Я самъ въ настоящую пору (въ 1845 году) не сумѣю написать того, что выходило во время оно изъ-подъ дѣтскаго моего пера... А сказать ли, что меня заставило заниматься латинскою поэзіею? Былъ у меня въ ту пору товарищъ Н. К. Смысловъ. Его рано похитила смерть; но такихъ талантовъ, какіе имѣлъ этотъ человѣкъ, я во всю жизнь мою не встрѣчалъ. Онъ былъ могучимъ соперникомъ моимъ въ школѣ, всегда и во всемъ перебивая мнѣ дорогу. Это меня бѣсило. Но я успѣлъ опередить его въ знаніи русскаго языка и еще кое въ чемъ. Вдругъ, слышу, Лебедевъ читаетъ чьи-то латинскіе стихи съ такою похвалою, что у меня уши загорѣлись. Кончивъ чтеніе, онъ отдалъ тетрадь Смыслову. Я чуть не заплакалъ. „Постой же ты, злодѣй, думалъ я, не опередить тебѣ меня и въ этомъ". Тотчасъ же я взялся за просодію, началъ учить Овидія, читать Виргилія и Горація, и черезъ двѣ недѣли первый опытъ моего стиходѣйства былъ уже въ рукахъ нашего ментора. Но каково же было мое огорченіе, когда профессоръ въ какихъ нибудь сорока стихахъ нашелъ правильнымъ только одинъ коротенькій стишекъ: „labitur omne". Я готовъ былъ растерзать себя. Смысловъ торжествовалъ. Не испугавшись, однако жъ, первой неудачи, я усилилъ мои старанія, зная очень хорошо, что „gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo, sic bene doctus eris non vi, sed saepe studendo". Успѣхъ увѣнчалъ мои старанія, и я сталъ наровнѣ съ моимъ противникомъ. Въ эту же пору рука моя впервые вооружилась тростію стихописца,—и смѣшно и досадно мнѣ это воспоминаніе. Зачѣмъ тогда же не вырвали у меня пера и бумаги,—сколько бы уцѣлѣло ея? Самое первое мое стихотвореніе, помню хорошо, написано было мною къ празднику

Рождества, для моихъ сестеръ. Я пробылъ тогда въ реторикѣ только первую треть учебнаго года. Стихотвореніе это забыто мною. Оно было контрабанда, потому что мы еще не слышали отъ нашего профессора никакихъ наставленій о „хитростяхъ піитическихъ“. Наконецъ, мы дождались сего вожделѣннаго часа съ подабающею въ таковыхъ случаяхъ важностью. Профессоръ приказалъ намъ запастись „піитикою“ Аполлоса и въ первой же лекціи доложилъ намъ, что „поэзія или стихотворство есть наука всякую вещь или данную матерію описывать съ нѣкоторымъ подражательнымъ вымысломъ къ пользѣ и уваженію слушающихъ или читающихъ“, что на таковой конецъ въ поэзіи есть героическія поэмы, нравственныя, и очень душеспасительныя оды, водится даже лирическій восторгъ, отпускаются, по требованію надобности, богатыя и бѣдныя риѳмы, и пр. и пр. Съ благой руки мы пустились писать. Такъ какъ піитика пришла къ намъ въ нагольномъ тулупѣ зимою, то намъ дана была для перваго стихотворенія: Зима. Вотъ ужъ какъ мы ее отдѣлали, разбойницу! Вотъ что особенно хорошо было у насъ: у каждаго непремѣнно въ стихахъ упоминался морозъ съ непремѣнною риѳмою кустъ розъ; свирѣли съ риѳмою трели. А пальцы — бѣдные пальцы! У меня мозоли были на суставахъ отъ этого проклятаго каданса, къ которому надо было пріучаться по милости этого піиты Аполлоса. Послѣ „Зимы“, намъ задаваемы были разныя темы, большую часть которыхъ я уже забылъ, а помню только двѣ, изъ которыхъ намъ приказано было сдѣлать рондо. Первая тема: Тотъ счастливо живетъ, а вторая — Антоній нашъ отецъ. Въ такихъ мудреныхъ казусахъ мы поступали вотъ какъ. Сначала подбираешь риѳму, а тамъ уже мысль, какая придется, и выходитъ рондо. Плачь, потомство! Завистливое время отняло у тебя эти перлы моего поэтическаго таланта...

„А вотъ это какъ вамъ покажется? Замѣтьте, что я чуть было не уронилъ тогда славу Крылова тремя сохранившимися досселѣ басенками: 1) Дятелъ и Голубь; 2) Левъ, Медвѣдь и Волкъ; 3) Страусъ и прочія птицы. Лебедевъ подъ этими баснями положилъ такую резолюцію: „studium versus et fabulas struendi laudatur maximopere; coeterum perfectiones fabulae firmioni memoria tenere debes. Cura“. Но я не послушался напраснаго совѣта моего наставника и не сдѣлался баснописцемъ, за что премного себѣ благодаренъ.

„Но это все были стихи по казенной надобности. Нельзя было не ожидать, чтобы не принесъ я посильной дани и красотѣ. Мнѣ попалась одна дѣвочка, которой ужъ теперь нѣтъ на свѣтѣ. Я влюбился въ нее, какъ обыкновенно влюбляются мальчики въ шестнадцать лѣтъ. Это была та дѣвушка, которую воспѣлъ незабвенный Кольцовъ въ своемъ „Косарѣ“. Онъ хорошо пѣлъ, а я — увы! довольно скверно на первый разъ... Съ тѣхъ поръ, какъ я научился различать размѣренныя строки отъ сплошной прозы, самовластно переходящей съ одного конца строки на другой, стихокропанье стало

лучшимъ моимъ farniente. Подъ вечеръ, уединясь въ свой маленькій садишко, я усаживался на большихъ камняхъ близъ бани и писалъ съ такимъ наслажденіемъ, какое только могъ испытывать мальчикъ моего возроста...“

На этой послѣдней тирадѣ, занесенной въ дневникъ въ 1846 году, прерываются, къ сожалѣнію, автобіографическія воспоминанія Аскоченскаго. О дальнѣйшемъ пребываніи его въ воронежской семинаріи попадается только подъ 30-мъ іюля 1854 года весьма любопытная замѣтка о ректорѣ Евтихіанѣ и о занятіяхъ послѣдняго съ семинаристами, замѣтка, пополняющая отчасти этотъ пробѣлъ въ „Дневникѣ“.

„Это былъ оригиналъ въ своемъ родѣ. Одинъ изъ ученѣйшихъ людей тогдашняго времени и въ высшей степени своенравный и неуступчивый, онъ былъ въ постоянной враждѣ съ могущественнымъ Антоніемъ, архіепископомъ воронежскимъ, и ни въ какомъ случаѣ не покорялся его капризамъ. Зато жъ и не усидѣлъ онъ на своемъ мѣстѣ. Всего только одинъ годъ пробылъ Евтихіанъ ректоромъ, но въ это короткое время онъ чуть было не уронилъ тогда цвѣтущей семинаріи. Нарушая общепринятый порядокъ чтенія лекцій, Евтихіанъ являлся рано въ аудиторію и просиживалъ въ ней, сколько ему заблагоразсудится. Профессоръ, явившійся на перемѣну, очень часто уходилъ домой съ своей лекціей. Что же, вы думаете, дѣлалъ у насъ ректоръ? Развертывалъ библію, которую онъ зналъ съ изумительною подробностью и вѣрностью, толковалъ первопопавшійся текстъ, пріискивалъ соотвѣтствующіе ему тексты, и непремѣнно смѣялся и кощунствовалъ надъ нѣкоторыми мѣстами священнаго писанія. Помню много такихъ его выходокъ, непростительныхъ Евтихіану и неприличныхъ ни сану его, ни званію, ни лѣтамъ, ни, наконецъ, болѣзненному состоянію. Замѣчу въ скобкахъ, что Евтихіану было подъ 60 лѣтъ; разбитый параличемъ, онъ едва волочилъ ноги и съ трудомъ выговаривалъ нѣкоторыя слова. Впрочемъ, все это не мѣшало ему отпускать кощунственныя шутки, подобныя слѣдующимъ. Въ Книгѣ Бытія (гл. XXI, ст. 14) сказано, что Авраамъ „возложи на плещи Агари отроча его (Измаила)“. По сличеніи нѣкоторыхъ мѣстъ и по вычисленію выходитъ, что Измаилу тогда было лѣтъ восьмнадцать. Евтихіанъ, растолковавши это намъ, вдругъ обратился къ одному изъ бывшихъ моихъ товарищей—Иванову.

— Петръ Ивановичъ! Естественно ли это? Ну что, если бы ты навалился на бабу какую-нибудь?

„Громкій хохотъ обыкновенно бывалъ отвѣтомъ такой кощунственной выходкѣ неблагоразумнаго старика.

„Въ первой Книгѣ Царствъ (гл. XVIII, ст. 27) сказано, что Давидъ, по желанію царя Саула, принесъ ему сто иноплеменническихъ краснообрѣзаній, какъ искупительную плату, какъ калымъ за дочь, на которой послѣ этого Давидъ женился. Не трудно догадаться, какъ

пластично были изъяснены эти слова, такъ цѣломудренно у насъ истолованные чудакомъ Евтихіаномъ. Отличавшійся между нами и успѣхами, и благонравіемъ Ефимъ Егоровичъ Свѣтозаровъ, поднявшись, возразилъ ректору, что здѣсь разумѣются уши, которыя и теперь еще обрѣзываютъ у убитыхъ восточные народы, какъ документъ своей побѣды.

— Полно, Іофимъ! Какія тамъ уши! сказалъ ректоръ.—Просто, Давидъ поднесъ царю сотню хорошихъ филистимлянскихъ... на вотъ, молъ, тебѣ, а мнѣ давай дѣвку!..

„Въ такихъ-то занятіяхъ мы проводили золотое время. Хохотъ не умолкалъ въ аудиторіи. На другой день Евтихіанъ являлся съ новыми шутками и кощунственными прибаутками, острилъ надъ лѣнтяями, сидѣвшими, какъ водится, въ заднихъ рядахъ, называлъ ихъ „тулупниками", придавалъ каждому изъ любимыхъ слушателей своихъ имена; напримѣръ меня, не знаю ужъ почему, называлъ „девятый бѣсъ", покойнаго Колтунова „Колпаковымъ", Иванова „мадамъ ѳграфія", Козловскаго „мадамъ исторія", брата Аристарха „всесвѣтный учитель", Акимова „Носовымъ", урода Александровскаго „красотою", и такъ далѣе. Само собою, что съ такимъ наставникомъ наука не пойдетъ далеко, и мы, дѣйствительно, ровно ничего не знали изъ богословія. Экзаменовъ впродолженіе цѣлаго года собственно у насъ, въ высшемъ отдѣленіи, не было. На этотъ счетъ Евтихіанъ отозвался, что онъ самъ всѣхъ своихъ учениковъ знаетъ, а другимъ до того дѣла нѣтъ.

„Странно и жаль, что этотъ человѣкъ не оставлялъ кощунства своего и въ храмѣ Божіемъ. Онъ не становился ни въ церкви, ни въ алтарѣ, а всегда за дверью, какъ разъ за правымъ клиросомъ. Отсюда-то онъ говорилъ разныя шутки и непристойныя насмѣшки надъ пѣвчими. Помню, однажды онъ заставилъ оба хора—правый и лѣвый—пѣть посреди церкви осьмигласный концертъ. Тогда было въ обычаѣ кричать напропалую. Это былъ какой-то торжественный день. Въ семинарской церкви, кромѣ учениковъ, почти никогда никого не было. Басы изъ кожи лѣзли, выкрикивая forte и fortissimo, а Евтихіанъ, выставившись въ дверь, восклицалъ: „хорошенько, ребята, хорошенько!" Рѣдко онъ самъ отправлялъ богослуженіе, но нельзя не сказать, что онъ былъ благоговѣненъ въ священномъ одѣяніи архимандрита. Высокій ростомъ, съ сѣдой окладистой бородой, умнымъ и серьезнымъ выраженіемъ въ лицѣ, онъ въ эту минуту заставлялъ насъ забывать недавнія его кощунства и шутки, такъ несвойственныя его сану. При всемъ томъ Евтихіана любили и даже уважали. Съ профессорами онъ всегда не ладилъ и былъ у нихъ спицей въ глазу.

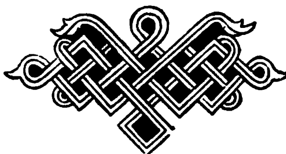
„Ему, между прочимъ, обязанъ я тѣмъ, что не поѣхалъ въ университетъ. Когда я принесъ къ нему просьбу объ увольненіи меня изъ духовнаго званія, уже скрѣпленную резолюціей преосвященнаго, Евтихіанъ изорвалъ ее въ клочки и бросилъ къ моимъ ногамъ, оби-

женный, конечно, тѣмъ, что я повелъ это дѣло мимо ближайшаго моего начальства. На вопросъ обо мнѣ Антонія, онъ вотъ что отвѣчалъ его высокопреосвященству: „Извольте распоряжаться вашими попами, дьячками и дьяконами, а моихъ студентовъ предоставьте мнѣ. Аскоченскій мнѣ нуженъ для академіи". Это мнѣ сказывалъ самъ Евтихіанъ, котораго я былъ любимцемъ".

Къ сожалѣнію, воспоминаній о дальнѣйшемъ ходѣ образованія Аскоченскаго мы не нашли въ „Дневникѣ". Но и изъ приведенныхъ ясно уже, какова та суровая школа стараго закала, которую проходилъ Аскоченскій съ природными задатками, съ натурою, требовавшей дѣятельности. Что могла она дать ему, какими знаніями и нравственной подготовкой снабдить — не трудно собѣ представить. Но пусть самъ авторъ „Дневника", вынесши на собственной спинѣ вліяніе прежней духовной школы, скажетъ намъ, что̀ это за разсадникъ просвѣщенія.

„Въ свѣтѣ нѣтъ хуже того воспитаанія" — съ горечью писалъ Аскоченскій уже по выходѣ изъ академіи—„которое получаютъ молодые люди въ нашихъ духовныхъ училищахъ. Убитый характеръ, неразвитыя понятія, ожестѣлое сердце, склонность къ грубымъ порокамъ,—вотъ что получаетъ въ наслѣдство юноша, попавшійся въ эту инквизицію мысли и добраго, непритворнаго чувства. Посмотрите-же, что̀ выходитъ изъ такого питомца? Житейскій бурсакъ, съ сѣрою, суконною физіономіею, съ педантизмомъ вмѣсто человѣческаго ума-разума, съ кускомъ теплой грязи вмѣсто добраго, чувствительнаго сердца, безъ малѣйшаго сочувствія къ прекрасному, съ устарѣлыми, фарисейскими понятіями о чистой нравственности, съ телячьей скромностью и съ медвѣжьей неразвязностью... Но, Боже сохрани, раздражить эту сѣрую скотину. Онъ замолчитъ, глупая его рожа выразитъ глубоко-сокрытую злобу,—и прощай тогда признательность и благодарность. Ихъ и въ помину не будетъ. Грустно, а такъ оно и есть..."

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).



ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

Графъ Клейнмихель и студентъ.

Въ іюнѣ 1847 года, по окончаніи переводныхъ курсовыхъ экзаменовъ въ университетѣ, я, по обыкновенію, отправился путешествовать по Россіи. Цѣлью поѣздки было проѣхать изъ Петербурга на Волгу, но не почтовымъ путемъ, а по одной изъ системъ водянаго сообщенія столицы съ внутренними рѣками. Я избралъ Тихвинскую искусственную систему, потому что этимъ путемъ выходили въ то время на Волгу легкія барки (тихвинки) съ сахаромъ петербургскихъ заводовъ. На подобныхъ тихвинкахъ я выигрывалъ время, могъ свободно и удобно изучить ходъ торговыхъ каравановъ изъ Петербурга на Волгу и обратно, и ознакомиться на мѣстѣ съ одною изъ нашихъ искусственныхъ системъ сообщенія, пока еще нигдѣ не описанныхъ.

По возвращеніи въ августѣ въ Петербургъ, я составилъ „Описаніе Тихвинской системы", почти исключительно руководствуясь своими наблюденіями. Свою статью я принесъ Амплію Николаевичу Очкину, бывшему тогда единственнымъ издателемъ-редакторомъ (безъ соучастія и содѣйствія еще Андрея Александровича Краевскаго) „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", взятыхъ имъ съ 1847 года въ аренду у императорской академіи наукъ. А. Н. Очкинъ согласился напечатать мой трудъ въ своей газетѣ, подъ условіемъ предварительнаго дозволенія на то со стороны главноуправляющаго путями сообщенія, генералъ-адъютанта, графа Клейнмихеля. „Безъ разрѣшенія графа Клейнмихеля, какъ состоялось нынѣ распоряженіе", сказалъ А. Н. Очкинъ, „цензура не дозволяетъ ничего печатать о вѣдомствѣ путей сообщенія,

а ваша статья непосредственно до него касается. Но такъ какъ имѣть дѣло съ графомъ Клейнмихелемъ я не желаю, да и цензура избѣгаетъ сношеній съ нимъ, особенно потому, что имъ все безусловно воспрещается, то, если вамъ желательно видѣть вашу статью напечатанною, остается одно средство: самимъ добиться требуемаго цензурою дозволенія отъ графа Клейнмихеля. Получите дозволеніе—приносите мнѣ вашу статью".

Трудъ многихъ мѣсяцевъ пропалъ. Съ одной стороны разсказы о недоступности тогда всемогущаго графа Клейнмихеля не обѣщали возможности получить отъ него разрѣшеніе на напечатаніе статьи, но съ другой стороны увѣренность молодаго студента въ правотѣ своего домогательства побудила меня добиваться всѣми средствами требуемаго дозволенія. Запасшись необходимымъ тогда для того согласіемъ попечителя петербургскаго округа, Михаила Николаевича Мусина-Пушкина, я подалъ, 9 февраля 1848 года, прошеніе въ особенную канцелярію главноуправляющаго путями сообщенія, съ приложеніемъ статьи о Тихвинской системѣ, и просилъ разрѣшить ее къ печати.

Недѣли черезъ двѣ я пришелъ въ особенную канцелярію за справкою о моей статьѣ и обратился къ первому чиновнику. Меня немедленно пригласили къ директору канцеляріи Н. И. Заикѣ, привѣтливому, умному малороссу. Онъ объявилъ мнѣ, что, по докладѣ моего прошенія графу Клейнмихелю, послѣдній оставилъ мою статью у себя, прочиталъ ее и желаетъ меня видѣть лично. Оказалось, что пріемъ у министра бываетъ утромъ, кажется, по субботамъ. „Участь вашей статьи", прибавилъ ласково г. Заика, „зависитъ исключительно отъ графа, а не отъ меня. Просите его". Эти слова оправдались на дѣлѣ.

Графъ Клейнмихель жилъ на Фонтанкѣ, у Обуховскаго моста, въ томъ домѣ, гдѣ и теперь отводится помѣщеніе для министровъ путей сообщенія и который со стороны Большой Садовой улицы окруженъ былъ такъ называемымъ Юсуповымъ садомъ, впослѣдствіи уступленнымъ безвозмездно въ пользу города. Большая бѣлая подъ мраморъ отдѣланная зала, окнами выходящая въ садъ, наполнилась желавшими видѣть министра въ то утро, когда я туда явился. Пришлось ждать очень долго, пока графъ Клейнмихель, окончивъ пріемы въ своемъ кабинетѣ, вышелъ къ остальной публикѣ въ залу. Я стоялъ въ концѣ посѣтителей, выстроившихся рядомъ вдоль трехъ сторонъ залы. Подойдя ко мнѣ, министръ осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ и спросилъ, что мнѣ нужно. Я объяснилъ.

— Съ какою цѣлію вы ѣздили на Тихвинскую систему?

— Желалъ лично ознакомиться съ искусственною водяною системою и изучить ходъ товарнаго движенія, отвѣчалъ я.

— Другихъ цѣлей не было? продолжалъ допытываться графъ Клейнмихель.—Васъ никто туда не посылалъ?

— Какія же другія цѣли могутъ быть у молодаго студента, продолжающаго свое ученіе?

— Скоро вы кончаете университетскій курсъ?

— Черезъ годъ.

— Гдѣ вы намѣрены служить?

— Буду готовиться на университетскую каѳедру, по естественнымъ наукамъ.

— Приходите ко мнѣ; я васъ опредѣлю на службу по своему вѣдомству; статью вашу я прочелъ съ удовольствіемъ. Я прикажу ее разсмотрѣть; если возможно, она будетъ напечатана. Не забудьте—я приму васъ съ удовольствіемъ на службу. До свиданія!

Изъ особенной канцеляріи главноуправляющаго путей сообщенія статья моя переслана была на разсмотрѣніе въ департаментъ искусственныхъ сооруженій (если не ошибаюсь въ названіи департамента, такъ какъ они неоднократно мѣняли свои названія въ министерствѣ путей сообщенія). Начальникомъ отдѣленія, куда попалъ мой трудъ, былъ инженерный подполковникъ, дрожавшій при одномъ имени графа Клейнмихеля. Онъ меня принялъ очень сухо. Я ему не нравился уже потому, что изъ-за меня на него возложили порученіе, мѣшкотное и отвѣтственное, именно разсмотрѣніе моего труда. На этомъ подполковникѣ я могъ изучать тотъ трепетъ и ту нелюбовь, которые графъ Клейнмихель возбуждалъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ подчиненныхъ. До лѣта, то есть до окончанія переводныхъ экзаменовъ, я не могъ часто ходить въ департаментъ за справками. Сверхъ того, непривѣтливость начальника отдѣленія не давала мнѣ надежды на успѣхъ ходатайства. Но появленіе сильной холеры въ Петербургѣ измѣнило расположеніе ко мнѣ подполковника. Оказалось, что онъ боится холеры не менѣе чѣмъ графа Клейнмихеля; я же раздѣлялъ другой образъ мыслей. Однажды лѣтомъ, при моемъ появленіи въ департаментѣ въ комнатѣ начальника отдѣленія, онъ спросилъ меня, что слышно о холерѣ. Я отвѣчалъ ему въ успокоительномъ тонѣ, не зная его боязни. Мы разговорились о болѣзни. Многія приведенныя мною данныя успокоили моего собесѣдника, и вмѣсто прежняго нерасположенія съ его стороны явилось ко мнѣ расположеніе. Въ одно изъ моихъ посѣщеній, онъ наконецъ показалъ мнѣ, какъ разсматривалась моя статья. Моя рукопись была расшита; противъ каждой ея страницы была вшита бѣлая бумага. На ней выставлялась справка начальника отдѣленія о каждой фразѣ моей статьи. Нѣкоторыя справки были до крайности курьезны, напримѣръ, вотъ одна дословная: „Что въ этомъ мѣстѣ въ Неву впадаетъ рѣка Ижора — это вѣрно, но происходила ли въ этомъ мѣстѣ битва Александра Невскаго со шведами— объ этомъ свѣдѣній въ департаментѣ не имѣется".

Понятно, что, при такой свѣркѣ чуть не каждаго слова моей статьи съ дѣлами департамента, разсмотрѣніе ея должно было затянуться. На мои возраженія и заявленія, что, сколько мнѣ извѣстно, цѣль разсмотрѣнія, или цензуры не въ томъ заключается, подполковникъ, получивъ уже ко мнѣ довѣріе изъ-за холеры, разговоръ о ко-

торой возобновлялся при каждомъ моемъ посѣщеніи и продолжался иногда болѣе часа, причемъ занятія начальника отдѣленія пріостанавливались, сказалъ мнѣ: „Батюшка, да вы не знаете графа Клейнмихеля. Онъ обратилъ вниманіе на вашу статью и на васъ; если окажется, что я не разсмотрѣлъ ее въ подробности, какъ у меня ведется теперь это дѣло, я могу лишиться мѣста; съ нимъ шутить нельзя“. Оставалось покориться подобной необходимости и ждать терпѣливо конца.

24 ноября 1848 года, я представилъ въ особую канцелярію главноуправляющаго путями сообщенія вторую статью (какъ продолженіе первой) „О судоходствѣ на Волгѣ“. Графъ Клейнмихель приказалъ, по примѣру „Описанія Тихвинской системы“, разсмотрѣть ее въ надлежащемъ департаментѣ. Вторая статья попала въ руки другаго начальника отдѣленія, Ивана Петровича Тарнава-Боричевскаго (впослѣдствіи директора особенной канцеляріи), который не расшивалъ моей рукописи, не свѣрялъ каждой фразы съ дѣлами департаманта и потому не замедлилъ разсмотрѣніемъ и одобреніемъ моего труда. И. П. Тарнава-Боричевскій не трепеталъ, подобно инженерному подполковнику, при одномъ имени графа Клейнмихеля и посодѣйствовалъ съ своей стороны ускоренію окончанія вышеописанныхъ мытарствъ съ „Описаніемъ Тихвинской системы“.

Обѣ статьи были возвращены изъ департамента съ одобрительными отзывами въ особенную канцелярію только въ 1849 года, но мнѣ не давали никакого извѣстія о нихъ. Занятый выпускнымъ экзаменомъ изъ университета, я только весною явился къ Н. И. Заикѣ съ вопросомъ объ участи моихъ статей.

— Статьи возвращены къ намъ, сказалъ онъ,—одобрены, но безъ особаго разрѣшенія графа я не могу вамъ ихъ выдать для напечатанія; зайдите надняхъ.

Когда я явился спустя нѣкоторое время, по этому приглашенію, то былъ встрѣченъ слѣдующимъ вопросомъ:

— Намѣрены ли вы поступить къ намъ на службу, какъ вамъ предложено было графомъ?

— Но я намѣренъ посвятить себя ученому поприщу; я буду готовиться къ экзамену на магистра—отвѣчалъ я Н. И. Заикѣ.

— Графъ вамъ дастъ время на это приготовленіе.

— А мои статьи?

— Графъ мнѣ объявилъ, что подобныя статьи могутъ появиться въ печати только составленныя чиновниками его министерства.

— Но вѣдь статьи одобрены департаментомъ.

— Тѣмъ болѣе. Или эти статьи будутъ напечатаны чиновникомъ нашего вѣдомства, или онѣ не будутъ напечатаны.

— Но если я не желаю вовсе поступать на службу?

— Почему же вы такъ упорно не соглашаетесь служить въ нашемъ вѣдомствѣ? Вы можете составить себѣ карьеру. Повторяю вамъ

дружескій совѣтъ, изъ желанія вамъ добра. Графъ не измѣнитъ своего рѣшенія. Если вы мнѣ не довѣряете, явитесь къ нему въ пріемный день. Обдумайте, и если согласитесь поступить къ намъ на службу, то приходите ко мнѣ.

Мы разстались. Я не рѣшился поступить подъ начальство всесильнаго министра, деспотически распоряжающагося свободою человѣка. Поэтому я не появлялся болѣе въ особенной канцеляріи графа Клейнмихеля, не видѣлся болѣе съ добрымъ, привѣтливымъ Н. И. Заикою. Статьи остались ненапечатанными, въ архивѣ канцеляріи. Когда графа Клейнмихеля, въ самомъ началѣ царствованія [1]) Александра II, не стало во главѣ вѣдомства путей сообщенія, мои статьи устарѣли уже и не могли быть напечатанными.

II.

Графъ Клейнмихель и англичанинъ Эдуардъ Кейли.

Около того же времени произошло неважное обстоятельство, характеризующее однако энергическую распорядительность, которою славился графъ Клейнмихель. Я слышалъ разсказъ о томъ отъ г. Кейли. Отъ одного русскаго купца N. (онъ еще живъ) здѣшній англійскій торговый домъ Кейли (имѣвшій собственный домъ на Англійской набережной, нынѣ принадлежащій г. Гвайеру) купилъ, съ выдачею части денегъ впередъ, партію льнянаго сѣмени, со сдачею его покупателю не позже послѣднихъ чиселъ августа. Наступилъ срокъ сдачи, зафрахтованный корабль ждетъ груза, запроданнаго въ свою очередь въ Англію, а купецъ N. не сдаетъ товара. Кейли неоднократно посылалъ къ нему, ѣздилъ самъ на Калашниковскую пристань и, наконецъ, убѣдился лично, что у купца N. нѣтъ запроданнаго имъ товара. Кейли купилъ льняное сѣмя у другихъ лицъ и предъявилъ искъ въ коммерческомъ судѣ къ N., требуя возврата денегъ и убытковъ. Тогда N. представилъ накладныя на льняное сѣмя, прописанныя въ ближайшихъ къ Петербургу судоходныхъ дистанціяхъ и тѣмъ доказывалъ, что сѣмя льняное, проданное имъ фирмѣ Кейли, пришло въ надлежащій срокъ въ Петербургъ, но что у англійскаго дома не оказалось денегъ на уплату за товаръ, а потому онъ и не былъ ему сданъ. Кейли, лично убѣдившись въ концѣ августа, что партіи товара, имъ купленной, не была на лицо, возмутился подобною ложью, а еще болѣе нанесеннымъ его торговой состоятельности оскорбленіемъ, именно, что у него не было денегъ для уплаты. Кейли заподозрилъ, что представленныя N. засвидѣтельствованныя накладныя фальшивыя. Извѣстный графу Клейнмихелю еще ранѣе того, такъ какъ былъ однимъ изъ

[1]) Онъ уволенъ 15 октября 1855 г.

трехъ учредителей пароходнаго общества по Волгѣ 1843 г., Кейли испросилъ у него себѣ аудіенцію и изложилъ все дѣло. „Не говорите никому, что вы у меня были и что вы просили меня по вашему дѣлу", былъ отвѣтъ графа Клейнмихеля на просьбу Кейли о помощи.

Графъ Клейнмихель, подозрѣвая подкупъ дистанціонныхъ смотрителей со стороны купца N., немедленно послалъ своего товарища, генералъ-лейтенанта Э. И. Герсфельда, провѣрить книги дистанціонныхъ смотрителей, ближайшихъ къ Петербургу. Дѣйствительно, оказались въ книгахъ подчистки и подлогъ, то-есть прописка накладныхъ заднимъ числомъ. Дистанціонные смотрители лишились мѣстъ и отданы были подъ судъ. Дѣло Кейли и N. изъ гражданскаго сдѣлалось уголовнымъ, но, при тогдашнихъ судебныхъ порядкахъ, купцу N. удалось достигнуть того, что его оставили только въ „сильномъ подозрѣніи".

III.

Передъ обнародованіемъ положенія 19-го февраля 1861 года.

Въ № 39-мъ „Сѣверной Пчелы" (17-го февраля 1861 г.) и въ другихъ тогдашнихъ газетахъ появилось слѣдующее оффиціальное заявленіе: „С.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ, вслѣдствіе разнесшихся слуховъ, объявляетъ, что 19-го сего февраля никакихъ правительственныхъ распоряженій по крестьянскому дѣлу обнародовано не будетъ". Въ исходѣ четвертаго часа пополудни того же 17-го февраля, въ пятницу, курьеръ изъ государственной канцеляріи привезъ мнѣ слѣдующее приглашеніе въ конвертѣ, запечатанномъ печатью канцеляріи: „Министръ внутреннихъ дѣлъ покорнѣйше проситъ редактора газеты „Сѣверная Пчела", П. С. Усова, пожаловать къ нему сегодня между 4 и 5 часами пополудни". Курьеръ просилъ отвѣта, буду ли я въ назначенное время. Я отвѣчалъ утвердительно.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, Сергѣй Степановичъ Ланской (тогда не былъ еще графомъ), жилъ въ домѣ своего министерства, у Александринскаго театра, въ бель-этажѣ. Кабинетъ его, оклеенный свѣтлыми голубыми обоями (если не ошибаюсь, шелковыми), выходилъ окнами на площадь, ближе къ той сторонѣ, гдѣ теперь выстроенъ домъ городскаго кредитнаго общества. Я пріѣхалъ за четверть часа до назначеннаго срока и былъ немедленно принятъ С. С. Ланскимъ въ его голубомъ кабинетѣ. Откровенно, просто, онъ изложилъ причину приглашенія меня къ нему. Правительство желало статьею въ газетѣ успокоить понятное нетерпѣніе народа, ожидавшаго обнародованія положенія объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости. С. С. Ланской произвелъ на меня крайне пріятное впечатлѣніе. Онъ

мнѣ сказалъ, что статья должна появиться непремѣнно на слѣдующій день, въ субботу, и что онъ проситъ привезти ее къ нему готовою къ 8 часамъ вечера, чтобы онъ могъ ее предварительно прочитать. „Предоставляю вамъ полную свободу въ изложеніи статьи; прошу только, чтобы она была успокоительнаго свойства“, сказалъ С. С. Ланской.

— Могу ли я сказать въ ней о срокѣ обнародованія манифеста? спросилъ я министра.

— Можете, но не опредѣляя въ точности дня, а намекая на него. Кто будетъ писать статью?

— Я самъ, такъ какъ вами данъ такой короткій срокъ, что мнѣ не къ кому обратиться.

— Тѣмъ лучше. Я жду васъ къ восьми часамъ.

Къ назначенному сроку я снова былъ у С. С. Ланского. Подписавъ статью къ печати, онъ сказалъ мнѣ, чтобы я ѣхалъ съ нею къ государственному секретарю, Владиміру Петровичу Буткову, такъ какъ, согласно существовавшему тогда повелѣнію, всѣ статьи, касавшіяся крестьянскаго дѣла, до утвержденія ихъ обыкновенною цензурою, посылались на предварительный просмотръ В. П. Буткова.

— Надѣюсь, сказалъ на прощанье С. С. Ланской,—что ваша статья достигнетъ своей цѣли, хотя я не изъ тѣхъ, которые опасаются безпорядковъ по поводу отмѣны крѣпостнаго состоянія. Народъ, которому даютъ свободу, не бунтуетъ.

В. П. Бутковъ жилъ на углу Литейной улицы и Пантелеймоновской, въ домѣ Риттера (№ 21). Хотя очевидно было, что онъ ждалъ моего пріѣзда, но я его засталъ въ тревожномъ состояніи. За нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, лошади въ экипажѣ его жены взбѣсились, понесли, разбили карету, и супруга его лежала въ постели, не столько ушибленная, сколько испуганная и нервно потрясенная этимъ несчастнымъ случаемъ. Получивъ и его разрѣшеніе на напечатаніе статьи, я возвратился поздно вечеромъ домой и выпустилъ слѣдующій нумеръ „Сѣверной Пчелы“ (№ 40, 18-го февраля) только съ одною передовою статьею:

„Бываютъ дни, когда всѣ помыслы, всѣ рѣчи сосредоточены на одной идеѣ, направлены къ мысли объ одномъ какомъ нибудь событіи, и когда всѣ посторонніе вопросы отступаютъ на второй планъ. Для большинства это дни недоумѣній, догадокъ, толковъ. Чѣмъ важнѣе представляется ожидаемое событіе, тѣмъ разнообразнѣе о немъ говоръ. Мы теперь живемъ въ такую эпоху; вся Россія ждетъ съ нетерпѣніемъ вѣсти о крестьянскомъ дѣлѣ.

„Мы, съ своей стороны, поспѣшили освѣдомиться о настоящемъ положеніи крестьянскаго вопроса, и узнали, изъ достовѣрнаго источника, что это многознаменательное для всей Россіи дѣло приводится къ окончанію. На это важное народное дѣло потребовались продолжительныя ежедневныя обсужденія въ высшихъ государственныхъ

установленіяхъ. Обсужденія эти приближаются къ концу и можно надѣяться, что въ седьмой годъ царствованія Александра II, въ предстоящіе дни молитвы и поста, свершится давно ожидаемое народное событіе".

Подобное возвѣщеніе предстоящаго манифеста о положеніи 19-го февраля появилось только въ одной „Сѣверной Пчелѣ". Чрезъ нѣкоторое время я узналъ дальнѣйшія подробности, сопровождавшія приглашеніе меня къ С. С. Ланскому 17-го февраля. Вышеприведенное краткое объявленіе с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, П. Н. Игнатьева, было найдено высшимъ правительствомъ недостаточнымъ. Такъ какъ слухи объ обнародованіи положенія о крестьянахъ, въ день восшествія на престолъ Александра II (19-го февраля), усиливались болѣе и болѣе, то на совѣщаніи, 17-го февраля, между министрами и выдающимися членами государственнаго совѣта, въ залѣ этого учрежденія, было рѣшено обнародовать въ частной газетѣ успокоительное для публики извѣстіе. Выборъ на этомъ совѣщаніи палъ на меня и на „Сѣверную Пчелу", и вотъ почему я получилъ приглашеніе къ министру внутреннихъ дѣлъ не изъ его канцеляріи, а изъ государственной канцеляріи съ ея курьеромъ. По избраніи меня на совѣщаніи для составленія означенной статьи, немедленно было отправлено ко мнѣ и приглашеніе. Мнѣ остались неизвѣстны причины, почему такой выборъ палъ на меня, а не на другихъ редакторовъ. Очень возможно, что въ высшемъ правительствѣ имѣли своего рода вліяніе безпорядки, происходившіе въ Варшавѣ 13-го и 15-го февраля, причемъ войска вынуждены были стрѣлять, такъ что оказалось шесть человѣкъ убитыхъ и шесть раненыхъ. Хотя 17-го февраля спокойствіе не было нарушено въ Варшавѣ, но уже было заявлено, что при первыхъ новыхъ безпорядкахъ этотъ городъ будетъ объявленъ въ осадномъ положеніи. Осторожность и предусмотрительность никогда не бываютъ излишними, и С. С. Ланской долженъ былъ, повидимому, уступить желанію тѣхъ, которые опасались безпорядковъ по поводу освобожденія крестьянъ, или до обнародованія манифеста о томъ, вслѣдствіе понятнаго нетерпѣнія.

18-го февраля, въ конторѣ „Сѣверной Пчелы" было куплено значительное количество экземпляровъ[1]) № 40-го, болѣе обыкновеннаго. Впослѣдствіи уже, по обнародованіи положенія 19-го февраля, я узналъ, изъ достовѣрнаго источника, что № 40 съ означенною статьею былъ розданъ въ большомъ числѣ экземпляровъ по фабрикамъ въ Петербургѣ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ, а также въ трактиры и харчевни, гдѣ по воскресеньямъ скоплялся рабочій народъ. Какъ мнѣ было сообщено, статья „Сѣверной Пчелы" произвела на народъ, ее читавшій или слушавшій, благопріятное успокоительное впечатлѣніе.

---

[1]) Продажа „Сѣверной Пчелы" по нумерамъ начата была съ 10-го мая 1858 г.

Первымъ отозвался на статью мою № 40-го Михаилъ Петровичъ Погодинъ. Изъ Москвы, отъ 21-го февраля, онъ писалъ, между прочимъ: „Невѣжество и пошлость опасаются безпорядковъ и замѣшательствъ. Это значитъ—не имѣть понятія о коренныхъ свойствахъ русскаго народа, кои обнаруживаются преимущественно въ важнѣйшія минуты его жизни, обыкновенно столь покойной, безпечной, равнодушной". Длинная статья М. П. Погодина, въ которой онъ совпалъ своими мыслями съ взглядомъ С. С. Ланского и другихъ тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей, появилась въ „Сѣверной Пчелѣ" черезъ недѣлю послѣ моей статьи.

Манифестъ 19-го февраля 1861 года былъ обнародованъ въ послѣдній день масляницы, въ воскресенье, 5-го марта, чрезъ двѣ недѣли послѣ появленія моей статьи. Какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, гдѣ обнародованіе совершилось въ тотъ же день, все обошлось, какъ извѣстно, спокойно. Одинъ изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, имѣвшій во всякое время доступъ къ С. С. Ланскому и чаще всего бывавшій у него по воскресеньямъ, явился къ нему и 5-го марта, послѣ полудня, когда уже во всѣхъ церквахъ прочитанъ былъ манифестъ и совершены были благодарственныя молебствія. Я слышалъ отъ этого чиновника, что С. С. Ланской, въ разговорѣ съ нимъ, ходилъ по своему голубому кабинету и, подходя къ окнамъ, выходившимъ на Александринскую площадь, вглядывался черезъ нее на Невскій и говаривалъ: „А бунта-то вѣдь нѣтъ!"

Извѣстно, что первая оффиціальная вѣсть о рѣшеніи императора Александра II приступить къ отмѣнѣ крѣпостной зависимости была сообщена публикѣ обнародованіемъ, въ концѣ 1857 года, высочайшихъ рескриптовъ на имя генералъ-губернатора сѣверо-западныхъ губерній и с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора. Они были разрѣшены къ перепечатанію въ газетахъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, княземъ Александромъ Михайловичемъ Горчаковымъ. Вотъ какого рода оффиціальное увѣдомленіе изъ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ, отъ 16-го декабря 1857 года, за № 673-мъ, было получено въ тотъ же день въ редакціи „Сѣверной Пчелы": „Господину редактору „Сѣверной Пчелы". По приказанію г. министра иностранныхъ дѣлъ, имѣю честь увѣдомить, что помѣщенные въ ноябрской книжкѣ (№ 11) „Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ" высочайшіе рескрипты, данные 20-го ноября виленскому военному, гродненскому и ковенскому генералъ-губернаторамъ и 5-го сего декабря с.-петербургскому военному генералъ-губернатору, а также отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ с.-петербургскому же генералъ-губернатору, отъ 5-го декабря, за № 41, объ учрежденіи въ означенныхъ губерніяхъ особыхъ комитетовъ для составленія проектовъ положеній объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ тамъ крестьянъ,—могутъ быть перепечатаны въ издаваемой вами газетѣ, не допуская

только при этомъ никакихъ разсужденій и толкованій по сему предмету. Директоръ канцеляріи Вестманъ".

По ходившимъ тогда слухамъ, князь А. М. Горчаковъ передалъ въ редакціи газетъ высочайшее повелѣніе, имъ полученное, почему и произошло его вмѣшательство въ неподвѣдомственную ему обыкновенную цензуру.

IV.

Статья Л. В. Дубельта и письмо П. И. Якушкина.

Вслѣдъ за обнародованіемъ положенія 19-го февраля 1861 года, существеннѣйшимъ вопросомъ явилось ожиданіе—какъ крестьяне примутъ его и какъ оно будетъ вводиться въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Я пригласилъ Павла Ивановича Якушкина объѣхать и обойти центральныя губерніи Россіи и сообщить въ „Сѣверную Пчелу" все замѣчательное по этому дѣлу. П. И. Якушкинъ своими хожденіями въ народѣ не имѣлъ въ то время равнаго себѣ въ этомъ отношеніи. Къ несчастію, пагубная страсть, присущая многимъ русскимъ, преждевременно свела его въ могилу и не дала ему возможности изложить и напечатать собранный имъ богатѣйшій матеріалъ о нашемъ народѣ. Въ письмѣ своемъ изъ Орла, отъ 11 мая 1861 года, сверхъ своихъ статей для печати, онъ сообщилъ мнѣ слѣдующую, по его словамъ, достовѣрную „исторію", которую въ то время напечатать цензура не позволила:

„Графъ Тонинъ (свиты его величества генералъ-маіоръ графъ Толь, прозванный крестьянами Тонинымъ) пріѣхалъ мужиковъ сѣчь. Работники были на полѣ; услыхали, что Тонинъ міръ поретъ, отпрягли лошадей, сѣли на нихъ верхомъ, да въ деревню.

— Куда вы ѣдете?

— Сѣчься: міръ порютъ!

„Пріѣхали; ихъ перепороли; они поклонились, сказали „спасибо" и поѣхали опять на работу".

Бо́льшая часть такъ называемыхъ „крестьянскихъ бунтовъ" произошла въ 1861 году не отъ злой воли мужиковъ, а отъ непониманія положенія 19-го февраля, неумѣлаго имъ истолкованія его, а еще больше отъ нераспорядительности и нерадивости низшихъ административныхъ властей.

12-го іюня я получилъ безъ подписи слѣдующее сообщеніе: „Въ редакцію „Сѣверной Пчелы". Съ сокрушеннымъ сердцемъ читаемъ мы, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ крестьяне, употребивъ во зло оказанное имъ государемъ императоромъ благодѣяніе, пытались выйти изъ должнаго повиновенія и обратить дарованную имъ свободу въ своевольство; дайте же намъ прочесть въ вашемъ журналѣ

и о тѣхъ добрыхъ, честныхъ чувствахъ, которыя выказали нѣкоторые крестьяне Тверской губерніи, Вышневолоцкаго и Новоторжскаго уѣздовъ. Вотъ что̀ сдѣлали обязанные крестьяне сельца Рыскина и деревень, Горина, Васильева, Кулаковки, Будовки, Вѣшекъ, Заболотья, Никиткина, Толмачей и Костемина: они, по собственному своему желанію, предложили своему помѣщику вспахать всѣ господскія пашни, что̀ и исполнили усердно; потомъ прибыло въ господскую усадьбу 150 человѣкъ крестьянъ съ ихъ женами, на 90 конныхъ подводахъ, для удобренія полей навозомъ. Такое дѣйствіе истинно добрыхъ, благоразумныхъ крестьянъ, питающихъ въ сердцахъ своихъ благоговѣйную признательность къ царю и преданность къ помѣщику, заслуживаетъ быть доведено до всеобщаго свѣдѣнія. 9-го іюня 1861".

Такъ какъ статьи отъ неизвѣстныхъ авторовъ, безъ подписи, не печатаются, то и означенное сообщеніе подверглось такой же участи. Между тѣмъ, отъ 26-го іюня того же года, получено было слѣдующее письмо отъ г. Турчанинова, бывшаго тогда директоромъ Демидовскаго Дома Призрѣнія Трудящихся: „Генералъ отъ кавалеріи Леонтій Васильевичъ Дубельтъ (онъ былъ главнымъ попечителемъ Демидовскаго Дома), въ началѣ сего іюня, препроводилъ въ редакцію „Сѣверной Пчелы" для напечатанія статейку о поступкѣ добрыхъ и преданныхъ крестьянъ Тверской губерніи Вышневолоцкаго и Новоторжскаго уѣздовъ, но не видя, чтобы она была напечатана въ газетѣ, прислалъ ко мнѣ копію съ оной и просилъ учинить справку. Покорнѣйше прошу оказать съ своей стороны благосклонное содѣйствіе къ напечатанію этой статьи въ газетѣ, только безъ означенія имени Леонтія Васильевича".

Сообщеніе, присланное въ редакцію, оказалось собственноручно написаннымъ Л. В. Дубельтомъ. Кажется, это былъ его единственный литературный трудъ.

V.

Полученіе иностранныхъ періодическихъ изданій безъ цензуры.

Для редактора ежедневной газеты полученіе изъ почтамта выписываемыхъ имъ иностранныхъ газетъ немедленно по привозѣ ихъ въ Петербургъ, не ожидая просмотра ихъ установленнымъ для того порядкомъ,—составляетъ жизненный вопросъ. Освобожденныя отъ такой цензуры, газеты получаются редакторомъ полусутками, а иногда и ранѣе обычной раздачи ихъ почтамтомъ. Сверхъ того, подобное преимущество даетъ право выписывать такія заграничныя періодическія изданія, которыя не бываютъ внесены въ списокъ, составляемый газетною экспедиціею. Въ настоящее время подобное право по-

лучается безъ особыхъ затрудненій подачею прошенія, съ приложеніемъ списка желаемыхъ газетъ и журналовъ, въ Главное Управленіе по дѣламъ печати, которое въ большинствѣ случаевъ даетъ утвердительный отвѣтъ на подобную просьбу. Не то было въ прежнія времена.

Редакторъ „Сѣверной Пчелы", Николай Ивановичъ Гречъ (но не Ѳ. В. Булгаринъ), получалъ всѣ иностранныя періодическія изданія безъ предварительнаго просмотра ихъ цензурою еще во время царствованія императора Николая. Въ 1853 и 1855 годахъ, на время отъѣзда Н. И. Греча за-границу на шесть мѣсяцевъ, я былъ утверждаемъ правительствомъ редакторомъ „Сѣверной Пчелы", но въ это время не получалъ иностранныхъ газетъ безъ цензуры. Когда, съ 1-го января 1860 года, я сдѣлался единственнымъ редакторомъ и половиннымъ собственникомъ „Сѣверной Пчелы", начальство почтамта не дало мнѣ права полученія газетъ безъ цензуры. Н. И. Гречъ обратился съ просьбою къ тогдашнему шефу жандармовъ, генералъ-адъютанту князю Василію Андреевичу Долгорукову, и получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ, отъ 11 января 1860 года: „Милостивый государь Николай Ивановичъ! Получивъ письмо вашего превосходительства, отъ 7-го сего января, въ которомъ вы изволите просить меня о предоставленіи преемнику вашему по изданію „Сѣверной Пчелы", Павлу Степановичу Усову, даннаго вамъ въ 1840 году права получать иностранныя газеты, удерживаемыя газетною экспедиціею,—имѣю честь васъ, милостивый государь, увѣдомить, что право это предоставлено было, какъ видно изъ дѣлъ ввѣреннаго мнѣ управленія, лично вамъ, вслѣдствіе изъявленнаго вами тогда желанія помѣщать въ германскихъ журналахъ статьи, въ опроверженіе печатавшихся заграницею несправедливыхъ толковъ противъ Россіи. Такъ какъ въ подобныхъ статьяхъ, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, надобности не предстоитъ, то продолженіе означеннаго права въ пользу преемника вашего по редакціи „Сѣверной Пчелы" я считаю излишнимъ, тѣмъ болѣе, что онымъ не пользуется ни одна изъ редакцій другихъ газетъ. Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. Князь Василій Долгоруковъ".

Изъ русскихъ газетъ дѣйствительно ни одна не пользовалась этимъ преимуществомъ, какъ писалъ князь Долгоруковъ, но французская газета „Journal de St. Pétersbourg" получала всѣ иностранныя періодическія изданія безъ цензуры. Вѣроятно они выписывались для ея редакціи чрезъ посредство канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ. Такъ продолжалось до августа 1862 года, когда совершенно неожиданно, безъ всякаго ходатайства съ моей стороны, я получилъ означенное право при содѣйствіи тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, Александра Васильевича Головнина, при которомъ состоялась передача цензуры въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ. Полагаю, что не совершаю нескромности, печатая письмо, по-

лученное мною отъ 13 августа 1862 года, за № 1502, слѣдовательно почти за двадцать лѣтъ тому назадъ: „Милостивый государь Павелъ Степановичъ. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему о просвѣщенномъ направленіи издаваемой вами газеты и неоспоримомъ талантѣ редактора, высочайше соизволилъ разрѣшить вамъ получать безъ цензуры выходящіе за-границею на русскомъ и иностранныхъ языкахъ всякія книги, брошюры и періодическія изданія, въ увѣренности, что вы воспользуетесь этимъ дозволеніемъ, чтобы, согласно вашимъ убѣжденіямъ, опровергать тѣ ученія, которыя признаете ложными и которыя, проникая тайными путями въ Россію и оставаясь безъ возраженій, имѣютъ вредное вліяніе на людей молодыхъ и недоучившихся.

„Сообщивъ сіе высочайшее разрѣшеніе для зависящаго исполненія г. главноначальствующему надъ почтовымъ департаментомъ и предсѣдательствующему въ комитетѣ цензуры иностранной, мнѣ остается просить васъ покорнѣйше имѣть наблюденіе, чтобы сочиненія, которыя будете получать и которыя не дозволены для публики, не ходили изъ вашего дома по городу. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. А. Головнинъ".

Подобныя письма, какъ я тогда слышалъ, получили, сверхъ меня, еще нѣкоторые изъ другихъ редакторовъ, слѣдовательно подобное привиллегированное положеніе было обобщено. А. В. Головнинъ, какъ стоявшій въ главѣ цензурнаго управленія того времени, нѣтъ сомнѣнія, сохранилъ о себѣ добрую память у всѣхъ, кто имѣлъ тогда дѣло съ печатью. Полная доступность къ нему во всякое время дня для редактора или литератора облегчала до крайней степени сношенія съ правительственными сферами. Готовность министра, даже всеподаннѣйшими докладами, испрашивать разрѣшеніе на появленіе въ свѣтъ того или другаго сочиненія или даже журнальной статьи,— явилась небывалымъ явленіемъ въ нашей печати. Сближеніе редакторовъ и писателей, у себя на дому, съ правительственными лицами также принадлежало къ почину А. В. Головнина. Хотя я не пользовался въ такой степени его расположеніемъ, какъ, напримѣръ, А. А. Краевскій, однако сохранилъ объ этомъ министрѣ самое пріятное воспоминаніе изъ моей продолжительной журнальной дѣятельности.

А. В. Головнину обязана также русская журналистика уничтоженіемъ монополіи „С.-Петербургскихъ" и „Московскихъ Вѣдомостей" на печатаніе газетныхъ объявленій. Онъ исходатайствовалъ эту отмѣну. До того газеты и журналы, кромѣ вышеупомянутыхъ и „Полицейскихъ Вѣдомостей" обѣихъ столицъ, имѣли право помѣщать у себя только библіографическія объявленія. Даже газета военнаго министерства, „Русскій Инвалидъ", не составляла въ этомъ отношеніи исключенія до марта 1861 года [1]).

---

[1]) По всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія (А. В. Го-

Я имѣю основаніе полагать, что и по передачѣ цензуры министерству внутреннихъ дѣлъ, какъ высшему полицейскому органу въ имперіи, и по оставленіи поста министра народнаго просвѣщенія, А. В. Головнинъ не переставалъ принимать живѣйшій интересъ въ участи печати въ Россіи.

А. В. Головнинъ не долго сохранилъ цензуру въ своемъ вѣдомствѣ. 10 марта 1862 года, было упразднено главное правленіе цензуры, причемъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы въ произведеніяхъ печати не появлялось ничего противнаго цензурнымъ правиламъ, возложено было на министерство внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, цензура раздѣлилась. Дозволеніе къ печати давали цензурные комитеты, оставшіеся въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, а контроль надъ этими разрѣшеніями и взысканіе за несоблюденіе цензурныхъ правилъ предоставлены были министерству внутреннихъ дѣлъ. На практикѣ оказались пререканія и столкновенія между двумя вѣдомствами. Конецъ имъ положенъ былъ высочайшимъ указомъ, 14-го января 1863 года, о передачѣ цензуры въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ: съ 1-го марта 1863 года всѣ цензурные комитеты перешли въ послѣднее управленіе.

Вскорѣ по окончательномъ принятіи въ свое вѣдомство цензуры, какъ разрѣшающаго къ печати органа, такъ и одновременно карающаго періодическія изданія за статьи, одобренныя цензорами, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуевъ, исходатайствовалъ высочайшее повелѣніе о дарованіи министру внутреннихъ дѣлъ права какъ разрѣшать полученіе заграничныхъ журналовъ безъ цензуры, такъ и лишать этого преимущества тѣмъ, кому оно будетъ дано. Въ день подписанія государемъ императоромъ этого новаго повелѣнія, я получилъ увѣдомленіе оффиціальнымъ порядкомъ, что у меня отнято право полученія безъ цензуры заграничныхъ изданій. Такимъ образомъ, я менѣе года пользовался преимуществомъ высочайшаго разрѣшенія, исходатайствованнаго мнѣ А. В. Головнинымъ. Причины, почему я былъ лишенъ этого преимущества министромъ внутреннихъ дѣлъ, мнѣ не было сообщено, и я не знаю ее до нынѣ. Но объ этомъ когда нибудь послѣ.

24 мая 1863 года, состоялось запрещеніе изданія ежемѣсячнаго журнала „Время“ (Достоевскаго) за статью „Роковой вопросъ“. Въ томъ же маѣ прекращено было министромъ изданіе ежедневной газеты „Современное Слово“, редактировали и издавали которую Николай Григорьевичъ Писаревскій и Владиміръ Николаевичъ Леонтьевъ.

ловнина), 12-го мая 1862 года, разрѣшено было всѣмъ печатать частныя объявленія, а чрезъ годъ, 12-го мая 1863 года, по всеподданнѣйшему докладу тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ (П. А. Валуева), „высочайше предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ, по его личному усмотрѣнію, прекращать въ періодическихъ изданіяхъ, получившихъ право печатанія объявленій 12-го мая 1862 года, помѣщеніе таковыхъ объявленій на время отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ“.

24-го же мая 1863 года, состоялось увольненіе отъ должности предсѣдателя цензурнаго комитета, тайнаго совѣтника Василія Андреевича Цеэ, права котораго въ то время были почти равносильны правамъ начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати—должности, созданной въ 1865 году. В. А. Цеэ былъ назначенъ предсѣдателемъ цензурнаго комитета при А. В. Головнинѣ послѣ снятія этой обязанности съ попечителей учебныхъ округовъ.

VI.

Кто избралъ сюжетъ для оперы „Жизнь за царя"?

Ѳеофилъ Матвѣевичъ Толстой (скончавшійся въ февралѣ 1881 года), занявшись музыкальною критикою подъ псевдонимомъ Ростислава (рости слава), первоначально сталъ писать свои статьи на французскомъ языкѣ. Если не ошибаюсь, то онъ впервые испробовалъ свои критическія силы на русскомъ языкѣ въ „Сѣверной Пчелѣ", въ которой сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ по музыкальной части съ 1853 года. Статьи его пріобрѣли въ то время обширный кругъ читателей. Однимъ изъ главныхъ недостатковъ ихъ автора было его крайнее самолюбіе и щепетильная обидчивость. Эти два качества по временамъ не только затрудняли сношенія съ нимъ по редакціи и по общей журнальной работѣ, но и отражались въ его статьяхъ, почти всегда добросовѣстно обработанныхъ.

Видя успѣхъ своихъ музыкальныхъ критическихъ обозрѣній, особенно въ томъ свѣтскомъ кругу, въ которомъ Ѳ. М. Толстой обращался по своимъ родственнымъ связямъ и по своему общественному положенію, онъ предпринялъ разобрать подробнымъ образомъ оперу Глинки „Жизнь за Царя". Семь статей (изъ которыхъ первая появилась въ № 180 „Сѣверной Пчелы", 13 августа 1854 года) посвятилъ онъ этому труду, который заслужилъ лестное одобреніе такого знатока музыки и критика, каковъ былъ Александръ Дмитріевичъ Улыбышевъ (авторъ извѣстнаго сочиненія о Бетховенѣ), жившій въ то время въ Нижнемъ-Новгородѣ (гдѣ онъ скончался въ началѣ 1858 года). Во второй статьѣ своей (въ № 185, 19 августа), Ѳ. М. Толстой, между прочимъ, выразился: „Къ счастію, въ то время (въ 1836 году), когда М. И. Глинка писалъ дивную свою оперу, ученіе реалистовъ не было еще въ большомъ ходу, а то, чего добраго, и его уговорили бы заставить Сусанина выражаться по-мужицки и говорить таперича, энтаго, мужикъ онъ экой ражій". Эта фраза, въ сущности пріятная извѣстнымъ воззрѣніямъ ея автора, но къ дѣлу не имѣвшая почти никакого отношенія, вызвала протестъ со стороны автора либретто оперы, барона Е. Ѳ. Розена.

Въ возраженіи своемъ, озаглавленномъ „О странномъ похищеніи авторства“, помѣщенномъ въ № 137 „Сѣверной Пчелы“ (3 сентября), баронъ Розенъ писалъ, что изъ вышеприведенной фразы Ѳ. М. Толстого видно, что „Ростиславъ считаетъ М. И. Глинку авторомъ и поэтической части оперы. Нѣтъ! Каждое слово текста, созданіе оперы, какъ драмы, принадлежитъ исключительно мнѣ, барону Розену“. По словамъ барона Розена, сюжетъ для оперы избралъ не Глинка и не Розенъ, а Василій Андреевичъ Жуковскій, но вскорѣ послѣдній почувствовалъ, что драма, да еще оперная, не его дѣло, и изъ всѣхъ жившихъ тогда поэтовъ избралъ барона Розена. Текстъ оперы пріобрѣтенъ былъ дирекціею императорскихъ театровъ отъ г. Розена за 1500 руб. ассигнаціями.

А. Д. Улыбышевъ, авторитетъ въ дѣлѣ музыкальной критики, писалъ, что М. И. Глинка самъ избралъ сюжетъ для своей оперы. Авторство же текста этой оперы никто не отнималъ отъ барона Розена, но дубоватые его стихи, своеобразныя выраженія, вызывали въ тогдашнее время колкія замѣчанія въ литературномъ мірѣ у знатоковъ русскаго языка и поэзіи, какъ, напримѣръ:

„Не розанъ въ саду, въ огородѣ,
Цвѣтетъ Антонида въ народѣ“.

или:

„Мы на работу въ лѣсъ,
А къ вечеру домой;
Мы на работу въ лугъ,
А къ вечеру къ тебѣ“.

Баронъ Е. Ѳ. Розенъ, уроженецъ прибалтійскихъ губерній, въ молодости писалъ на своемъ родномъ, нѣмецкомъ, языкѣ. Онъ вполнѣ ознакомился и освоился съ русскимъ языкомъ только впослѣдствіи, когда поступилъ въ военную службу. Но даже въ пятидесятыхъ годахъ, когда я съ нимъ познакомился, при всей правильности его русской рѣчи, выговоръ его выдавалъ въ немъ нѣмца. Это былъ рыцарь въ душѣ, прямой, честный, но съ непомѣрнымъ самолюбіемъ. Въ этомъ отношеніи баронъ Е. Ѳ. Розенъ и Ѳ. М. Толстой могли протянуть другъ другу руку. Самолюбіе барона Розена было еще болѣе уязвлено, когда, послѣ неравнаго брака, онъ былъ вынужденъ удалиться изъ прирожденнаго ему общества и поселился со своею супругою на тогдашней окраинѣ Петербурга, въ Выборгской части, на новыхъ мѣстахъ (въ 1 кварталѣ, въ собственномъ домѣ, № 5).

Въ день появленія въ „Сѣверной Пчелѣ“ (3 сентября) возраженія барона Розена на статью Ростислава, авторъ текста оперы „Жизнь за Царя“ прислалъ слѣдующее письмо въ редакцію „Сѣверной Пчелы“, изъ котораго яснѣе всего видно его обидчивое самолюбіе (баронъ Розенъ не читалъ еще своей статьи въ газетѣ): „Почтеннѣйшій Николай Ивановичъ! 26 минувшаго августа отправилъ я, по городской почтѣ, въ редакцію „Сѣверной Пчелы“ статью: „О странномъ похищеніи

авторства". Дѣло для меня очень важное; вашъ Филька-Ростиславъ [1]) отнимаетъ у меня авторство поэтической части оперы „Жизнь за Царя"; стало быть онъ текстъ, напечатанный съ моимъ именемъ, объявляетъ мистификаціею. Моя статья verfasst saeuberlich mit dem Knaben—но до сихъ поръ нѣтъ ея въ печати! Покорнѣйшее прошу васъ поспѣшить или тисненіемъ ея въ вашей газетѣ, или возвращеніемъ мнѣ, для помѣщенія въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", разумѣется передѣланную и гораздо злѣйшую какъ на Фильку, такъ и на „Пчелу", не помѣстившую оправдательнаго отзыва такого поэта, каковъ я!

„Ѳаддей [2]) вашъ завирается уже по-кадетски: не довольно того, что онъ Грибоѣдова ставитъ наравнѣ съ Мольеромъ и Пушкинымъ... буднишнюю писательницу Ростопчину называетъ онъ первымъ лирическимъ поэтомъ въ Европѣ! Никакъ онъ съ ума сошелъ? Подобныя эксцентрическія выходки вредятъ вашей газетѣ, какъ и надоѣла до-смерти читателямъ эта всякая всячина [3]), которая когда-то была очень интересна. Исписался добрый молодецъ!

„Повторяю свою просьбу о скоромъ либо помѣщеніи моей статьи, либо о возвращеніи ея мнѣ. Честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою. Баронъ Розенъ".

Возраженіе въ газетѣ барона Розена не заключало въ себѣ ничего обиднаго для Ѳ. М. Толстого, но послѣдній, по своему самолюбію и своей щепетильности, не допускалъ возможности замѣчаній въ печати на его статьи, особенно въ томъ изданіи, въ которомъ онъ принималъ участіе своимъ литературнымъ трудомъ. Ѳ. М. Толстой вообразилъ, что помѣщеніе письма Е. Ѳ. Розена (напечатать которое слѣдовало не столько ради его протеста, сколько по интересу его содержанія) влечетъ за собою пріостановку печатанія его дальнѣйшихъ статей объ операх „Жизнь за Царя", а потому и прислалъ мнѣ слѣдующее письмо: „Милостивый государь Павелъ Степановичъ. Къ крайнему моему сожалѣнію, я прочелъ нелѣпое, напыщенное отвратительнымъ самолюбіемъ и самохвальствомъ письмо барона Розена (на которое буду отвѣчать). Если бы Николай Ивановичъ Гречъ удостоилъ меня предварительнымъ извѣщеніемъ, то конечно не напечаталъ бы его. Неужели продолженіе статей остановлено по этому случаю? Надняхъ я пріѣду въ Петербургъ, но нынѣ прошу васъ всепокорнѣйше увѣдомить меня, отъ чего задержаны статьи о Глинкѣ. Преданный вамъ Ѳ. Толстой".

Разумѣется, возраженіе барона Розена не могло имѣть вліянія на дальнѣйшее помѣщеніе статей объ оперѣ Глинки, и слѣдующая же (четвертая) появилась въ „Сѣверной Пчелѣ" 6 сентября.

---

[1]) Уменьшительное отъ Ѳеофилъ.
[2]) Ѳ. В. Булгаринъ.
[3]) Еженедѣльный (по субботамъ) фельетонъ Ѳ. В. Булгарина.

VII.

Начало политическихъ передовыхъ статей въ русскихъ газетахъ.

До поступленія въ петербургскій университетъ, я воспитывался въ англійскомъ пансіонѣ Гирста, въ свое время бывшемъ въ числѣ лучшихъ учебныхъ заведеній въ столицѣ. Англійскія привычки невольно усвоивались его воспитанниками. Имѣя своими товарищами по пансіону сыновей здѣшнихъ англійскихъ и нѣмецкихъ негоціантовъ, годы юности и даже студенчества я проводилъ въ ихъ семьяхъ. Поступивъ, 1 іюня 1849 года, въ редакцію „Сѣверной Пчелы", я пристрастился преимущественно къ чтенію англійскихъ газетъ и журналовъ, которые редакція получала безъ помарокъ и вырѣзокъ почтовой цензуры. Въ 1858 году я сдѣлалъ даже попытку участвовать въ англійской журналистикѣ. Я послалъ, на англійскомъ языкѣ, небольшую статью о торговлѣ въ Россіи саломъ въ лондонскій журналъ „Economist". Статья была напечатана. Редакторъ его (editor) просилъ меня продолжать мое сотрудничество, но предувѣдомлялъ, что за подобныя статьи (не передовыя) и не заказанныя редакціею, гонораръ у него не полагается. Существуя литературнымъ трудомъ, я прекратилъ по этому мои сношенія съ журналомъ „Economist".

Когда, съ половины 1856 года, по заключеніи парижскаго мирнаго трактата, въ нашемъ журнальномъ мірѣ стало чувствоваться немного свободнѣе и вольнѣе послѣ бывшаго цензорскаго гнета, и самая цензура стала становиться снисходительнѣе, я неоднократно помышлялъ о введеніи передовыхъ статей въ „Сѣверной Пчелѣ". Впечатлѣніе отъ чтенія англійскихъ leading articles, укореняясь во мнѣ болѣе и болѣе, побуждало сдѣлать попытку въ томъ же родѣ. Зная нелюбовь Н. И. Греча ко всякаго рода нововведеніямъ въ газетѣ, я не сказалъ ему ни слова о моемъ планѣ, но написалъ передовую статью для № 1-го 1857 года, приказалъ въ типографіи набрать ее цицеро и начать ею верстку нумера. Статья начиналась словами: „Минувшій 1856 годъ оставилъ 1857 году много нерѣшенныхъ вопросовъ" и т. д. Вечеромъ, при чтеніи послѣдней корректуры, Н. И. Гречъ пришелъ ко мнѣ въ кабинетъ (мы жили въ одномъ домѣ, № 90, на Мойкѣ, но на разныхъ концахъ его, имѣвшихъ сообщеніе между собою внутренними комнатами) и сказалъ, что онъ не имѣетъ ничего противъ помѣщенія подобной статьи моей, но не можетъ пустить ее въ началѣ нумера. „Пока я остаюсь главнымъ редакторомъ „Пчелы", она будетъ начинаться высочайшими приказами, какъ это дѣлалось донынѣ", сказалъ мнѣ Н. И. Гречъ. Поэтому статья была перебрана корпусомъ и сверстана въ началѣ заграничныхъ новостей. Въ этомъ отведенномъ мнѣ мѣстѣ газеты я сталъ съ тѣхъ поръ ежедневно помѣщать свои передовыя статьи по предметамъ внѣшней политики.

Чрезъ нѣсколько дней, тогдашнія „С.-Петербургскія Вѣдомости" (А. Н. Очкина и А. А. Краевскаго) послѣдовали моему примѣру. Въ № 5-мъ (6-го января 1857 года) этой газеты, во главѣ „иностранныхъ извѣстій", также появилась первая передовая статья по внѣшней политикѣ. Съ № 6-го эти статьи стали въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" появляться въ томъ же отдѣлѣ, по подъ заглавіемъ „Общее обозрѣніе".

Политическія передовыя статьи произвели свое впечатлѣніе въ обществѣ. Өеофилъ Матвѣевичъ Толстой (братъ котораго, Иванъ Матвѣевичъ, впослѣдствіи графъ, министръ почтъ и телеграфовъ, былъ тогда товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ) первый обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Кто разрѣшилъ редакціи „Сѣверной Пчелы" ввести у себя подобныя политическія обозрѣнія?

— Ни у кого не спрашивали, отвѣчалъ я,—а какъ статью политическаго содержанія послали на одобреніе къ цензору министерства иностранныхъ дѣлъ и получили отъ него необходимое разрѣшеніе.

— Вамъ необходимо было испросить, во всякомъ случаѣ, особое предварительное разрѣшеніе на введеніе подобныхъ статей, замѣтилъ Ө. М. Толстой.

— Какъ вы видите, прошло уже нѣсколько недѣль; статьи печатаются съ разрѣшенія цензуры министерства иностранныхъ дѣлъ и редакціи не было дѣлаемо особыхъ замѣчаній или запросовъ по этому предмету.

— Во всякомъ случаѣ, на нихъ обращено вниманіе, закончилъ Ө. М. Толстой.

Тѣмъ кончился нашъ разговоръ. Ө. М. Толстой тогда еще не былъ членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, которымъ онъ былъ назначенъ впослѣдствіи.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ редакцію ко мнѣ явился человѣкъ небольшаго роста, плотнаго сложенія, коротко обстриженный, и на мой вопросъ, съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить, отвѣчалъ:

— Дѣйствительный статскій совѣтникъ Пржецлавскій [1]), членъ главнаго правленія цензуры, но по совершенно частному дѣлу.

— Чѣмъ же я могу вамъ быть полезенъ? былъ мой вопросъ.

— Въ „Сѣверной Пчелѣ" помѣщаются съ начала нынѣшняго года политическія обозрѣнія, своего рода передовыя статьи. Онѣ обратили на себя вниманіе. По своей опредѣлительности, по точности выраженій, по выбору ихъ, я догадываюсь, что онѣ должны принадлежать перу кого либо изъ государственныхъ людей, а потому вы не удивляйтесь, если я обращусь къ вамъ съ просьбою назвать мнѣ автора этихъ статей. Моя просьба совершенно личная; я пришелъ

[1]) Скончался 16-го декабря 1870 г. Его воспоминанія были помѣщены въ „Русской Старинѣ" и въ „Русскомъ Архивѣ", въ послѣднемъ подъ псевдонимомъ „Ципринуса" (карпа): въ гербѣ Пржецлавскаго находится рыба, карпъ.

къ вамъ изъ собственнаго любопытства и не выполняю въ настоящій моментъ какого либо оффиціальнаго порученія.

— Могу васъ увѣрить, отвѣчалъ я члену главнаго правленія цензуры,—что означенныя статьи пишетъ не государственный человѣкъ и не дипломатъ.

— Если васъ удерживаетъ отъ сообщенія мнѣ имени автора принятое въ редакціяхъ обыкновеніе, то могу васъ завѣрить честнымъ словомъ, что открытая вами тайна не будетъ никому передана.

На эту тему разговоръ продолжался довольно долго. Я едва удерживался отъ смѣха. Пржецлавскій, видимо, сердился, что члену высшей цензуры не желаютъ сдѣлать пріятное въ редакціи газеты, но бесѣда кончилась тѣмъ, что онъ ушелъ изъ редакціи, не убѣдившись моими доводами, что статьи пишетъ простой смертный, а не важный государственный дѣятель. Понятно, что, при такой постановкѣ вопроса, я не назвалъ себя авторомъ статей.

Осенью того же года послѣдовало особое распоряженіе по этимъ передовымъ статьямъ, именно—получено было слѣдующее увѣдомленіе изъ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ, отъ 21-го октября 1857 года, за № 619: „Въ редакцію газеты „Сѣверная Пчела“. По приказанію г. министра иностранныхъ дѣлъ, покорнѣйше прошу, независимо отъ посылаемыхъ гг. цензорамъ корректуръ, присылать на имя мое „Политическія обозрѣнія“, помѣщаемыя въ издаваемой вами газетѣ въ началѣ иностранныхъ извѣстій, и не печатать ихъ иначе, какъ по подписаніи директоромъ канцеляріи, или помощникомъ цензора, г. Гамбургеромъ. Директоръ канцеляріи Вестманъ“.

Дѣло въ томъ, что Владиміръ Ильичъ Вестманъ (впослѣдствіи товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ) и Андрей Өедоровичъ Гамбургеръ (нынѣ тайный совѣтникъ и русскій посланникъ при швейцарскомъ союзѣ) имѣли ежедневный доступъ во всякое время къ министру, князю Александру Михайловичу Горчакову, а А. Ө. Гамбургеръ имѣлъ свое помѣщеніе въ одномъ зданіи съ нимъ и, если не ошибаюсь, подлѣ самой квартиры будущаго канцлера.

Всѣ извѣстія и статьи, касавшіяся внѣшней политики, дозволялись къ печати въ тогдашнихъ газетахъ не обыкновенною цензурою, но назначенными для этой цѣли чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ. Они чередовались по недѣлямъ. Обыкновенно для того назначались два чиновника. Өедоръ Ивановичъ Тютчевъ (извѣстный поэтъ) пропускалъ къ печати все, что ни посылалось ему на одобреніе. По своимъ большимъ связямъ, имѣя доступъ къ графу Нессельроде и къ князю Горчакову, онъ разрѣшалъ гораздо болѣе, чѣмъ обыкновенный чиновникъ министерства. Получалъ ли Ө. И. Тютчевъ за свой цензурный либерализмъ замѣчанія, редакторы не знали, потому что онъ никогда не являлся въ редакціи съ упреками, что его „подвели“. Это была въ высшей степени благородная личность. А. Ө. Гамбургеръ цензировалъ справедливо, умно, основательно. Съ его исключеніями и по-

правками въ большей части случаевъ приходилось соглашаться и мириться. Г. Малеинъ, не долго бывши цензоромъ иностранныхъ дѣлъ, также отличался добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своему порученію. Съ нимъ можно было вести переговоры, какъ съ разсудительнымъ, умнымъ человѣкомъ. Безпощаднѣе всѣхъ были баронъ Бюлеръ и г. Жерве. Съ ними нельзя было добиться никакой уступки. Г. Жерве уничтожалъ въ корректурахъ самыя невинныя извѣстія. Баронъ Бюлеръ находилъ въ статьяхъ такой смыслъ, какой никогда даже и не снился ихъ авторамъ.

Ѳ. И. Тютчевъ былъ цензоромъ той недѣли, когда пришлось выпускать № 1-й „Сѣверной Пчелы“ 1857 года съ первою передовою статьею. Онъ ее подписалъ безъ всякаго затрудненія, одобрилъ слѣдовавшія затѣмъ статьи и, такимъ образомъ, далъ имъ права гражданства въ русской печати. Вотъ почему не понадобилось испрашивать особаго разрѣшенія на этотъ починъ, какъ полагалъ Ѳ. М. Толстой, спрашивавшій меня о томъ съ своего голоса, или повторявшій слышанное имъ отъ другихъ.

Несмотря на особую цензуру, установленную для „Политическихъ обозрѣній“, они продолжали безостановочно появляться въ газетѣ. В. И. Вестманъ не принадлежалъ къ числу завзятыхъ враговъ литературы и журналистики. Въ своей молодости онъ былъ самъ сотрудникомъ „Сѣверной Пчелы“. У меня сохранилось въ бумагахъ слѣдующее письмо его къ Н. И. Гречу, отъ 11-го іюня 1859 года: „Милостивый государь Николай Ивановичъ. Стихи были посланы мною въ Царское Село къ министру. Отвѣтъ неблагопріятный. Князь Александръ Михайловичъ желаетъ, чтобы они не были напечатаны, и удивляется, что гражданская цензура разрѣшила; позвольте мнѣ удержать до завтра пробный листъ,—грѣшенъ, хочется списать [1]). Не сердитесь на министерство иностранныхъ дѣлъ, почтенный мой Николай Ивановичъ, и будьте увѣрены, что оно, и я въ особенности, какъ и прежде, ваши преданные и всегда готовые къ услугамъ. Вестманъ“.

Пав. Усовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

[1]) Я не помню, что это были за стихи, тѣмъ болѣе, что корректурный ихъ листъ не сохранился въ моихъ бумагахъ.

РУССКІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ МИНУВШИХЪ ТРЕХЪ ЦАРСТВОВАНІЙ.

(Графъ П. Д. Киселевъ).

НЕМНОГИМЪ изъ русскихъ государственныхъ людей удавалось совмѣщать въ своей многообразной дѣятельности столько симпатичныхъ сторонъ и поучительныхъ чертъ, и понынѣ не утратившихъ своего значенія, сколько находимъ мы ихъ въ біографіи графа Павла Дмитріевича Киселева, прекрасно составленной г. Заблоцкимъ-Десятовскимъ [1]). Графъ Киселевъ—исполнитель воли трехъ императоровъ, искусный военноначальникъ, даровитый администраторъ и замѣчательный дипломатъ — внушаетъ симпатіи къ себѣ не за одни усовершенствованія и улучшенія, введенныя имъ или по его иниціативѣ въ разныхъ частяхъ государственнаго управленія. Гораздо важнѣе нравственное достоинство его дѣятельности. Оно живетъ тѣмъ долговѣчнѣе въ памяти потомства, чѣмъ полнѣе выражается неизмѣнное постоянство добрыхъ и свѣтлыхъ стремленій во всѣхъ дѣйствіяхъ данной личности, чѣмъ глубже проникаетъ въ нихъ неуклонная послѣдовательность направленія, враждебнаго всему злому и безчестному. А въ такомъ именно цѣльномъ образѣ обрисовывается передъ нами личность П. Д. Киселева на поприщѣ своего долговременнаго служенія родинѣ. Ниже читатели увидятъ на фактахъ, на сколько стремленія его были чисты, безкорыстны, имѣя своимъ источникомъ твердое, сознательное убѣжденіе и горячее желаніе принести пользу отечеству. Здѣсь же замѣтимъ только, что при всѣхъ удачахъ, окружавшихъ бо́льшую

---

[1]) „Графъ П. Д. Киселевъ и его время". С. П. Б. 1881. 4 тома.

часть служебной карьеры Киселева, онъ не переставалъ работать надъ собою, не переставалъ такъ или иначе расширять кругъ своей опытности и наблюденій, чтобы съ пользою приложить ихъ къ дѣлу, какъ скоро открывалась возможность. Съ другой стороны, не было такой житейской неудачи, которая въ состояніи была бы подорвать его энергію или убить вѣру въ правду и свѣтъ, заставивъ его въ разочарованіи сидѣть сложа руки и питать въ себѣ лишь безплодное недовольство на безобразія дѣйствительности. Это свойственно неудовлетвореннымъ самолюбіямъ, а у Киселева интересы личнаго свойства не стояли впереди пользъ и нуждъ государственныхъ и общественныхъ. Бывали, конечно, моменты и въ карьерѣ Киселева, когда для всякаго живаго дѣла и честной дѣятельности обстоятельства слагались неблагопріятно. Но онъ и тогда не падалъ духомъ, не таилъ въ себѣ глухаго ропота на царившее кругомъ зло, берегъ себя отъ безполезной борьбы съ нимъ и просто удалялся отъ него въ ожиданіи, пока не измѣнятся условія, чтобы съ новой энергіей приняться за плодотворную работу.

Какъ умѣлъ пользоваться Киселевъ въ подобныхъ случаяхъ тѣми средствами, какія представлялись ему въ его время, раскрываетъ предъ нами г. Заблоцкій-Десятовскій, и въ этомъ отношеніи въ особенности поучительна его монографія. Авторъ раздѣлилъ свой трудъ на три части, обозрѣвая дѣятельность Киселева въ хронологической послѣдовательности по военному управленію, по крестьянскому вопросу и по дипломатической службѣ. Желая сгруппировать результаты этой дѣятельности, на основаніи документальнаго матеріала, въ изобиліи собраннаго авторомъ, и мы не будемъ отступать отъ принятаго имъ порядка въ изложеніи. Но прежде всего приведемъ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о началѣ служебной карьеры Киселева.

I.

Начало служебной карьеры графа П. Д. Киселева.

Біографическія свѣдѣнія о Киселевѣ.—Сближеніе его съ императоромъ Александромъ I.—Командировка его на югъ Россіи.—Аудіенція съ императоромъ по этому поводу.—Разслѣдованія Киселева по дѣлу о безпорядкахъ во 2-й арміи.—Подготовка войскъ этой арміи къ высочайшему смотру.—Назначеніе Киселева начальникомъ штаба 2-й арміи.—Интриги противъ него.—Предостереженіе и совѣты друзей насчетъ служебной угодливости и необходимости „смирить свой нравъ“.

Родился Киселевъ въ Москвѣ, 8 января 1788 года, воспитаніе получилъ домашнее, какъ и бо́льшая часть дворянъ того времени. Въ 1805 г. онъ поступилъ на службу „коллегіи юнкеромъ“, а въ слѣдующемъ переведенъ въ Петербургъ корнетомъ въ кавалергард-

скій полкъ. Бóльшинство офицеровъ этого полка принадлежало тогда къ высшему обществу; впослѣдствіи многіе изъ нихъ пріобрѣли извѣстность: А. И. Чернышевъ, В. В. Левашевъ, М. Ѳ. Орловъ 1-й и С. П. Ланской 1-й. Къ сожалѣнію, о первыхъ годахъ службы Киселева въ матеріалахъ, имѣвшихся въ распоряженіи г. Заблоцкаго-Десятовскаго, сохранилось весьма немного свѣдѣній, а между тѣмъ изъ автобіографической замѣтки самого Киселева видно, что онъ „былъ 10 лѣтъ офицеромъ въ кавалергардахъ, сдѣлалъ съ своими товарищами всю Фридландскую кампанію и Отечественную до потери Москвы, постоянно пользуясь ихъ уваженіемъ и дружбою". Первый случай выдвинуться впередъ представился Киселеву во время кампаніи 1812 года, когда онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ Милорадовичу. Въ этой должности ему приходилось довольно часто лично видѣться и бесѣдовать съ государемъ и отсюда же начинается его сближеніе съ Александромъ Павловичемъ. 2-го апрѣля 1814 г., Павелъ Дмитріевичъ назначенъ былъ флигель-адъютантомъ. Ему исполнилось тогда всего 26 лѣтъ и съ этихъ поръ государь отличаетъ его своимъ особеннымъ довѣріемъ.

„Черезъ двѣ недѣли послѣ вступленія моего въ новую должность"—говоритъ Киселевъ въ своей автобіографической замѣткѣ—„государь далъ мнѣ весьма щекотливое порученіе. Король французскій Людовикъ XVIII говорилъ о жалобахъ на безпорядки, произведенные русскими войсками въ Брестѣ; фельдмаршалъ Барклай не могъ открыть виновныхъ; я былъ посланъ на мѣсто и, по нѣкоторымъ указаніямъ, исполнилъ порученіе государя, который выразилъ мнѣ свою благодарность".

Затѣмъ Киселевъ въ свитѣ русскаго императора присутствовалъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. По словамъ г. Заблоцкаго-Десятовскаго, „онъ не могъ еще тогда принимать никакого участія въ дѣятельности политической; зато пытливый умъ проходилъ въ это время практическій курсъ труднѣйшей науки—изученія людей; для этого никогда не было такой благопріятной обстановки, какую представляло тогдашнее собраніе политическихъ людей въ Вѣнѣ".

Въ 1815 г. Киселевъ, произведенный уже въ полковники, на пути своемъ изъ-за границы, получаетъ командировку на югъ Россіи для выбора нижнихъ чиновъ въ кавалергардскіе полки, а также для осмотра нѣкоторыхъ полковъ 2-й арміи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Аракчеевъ поручаетъ ему заѣхать въ Крымъ для разслѣдованія злоупотребленій по винному откупу. „Этою командировкою и начинается рядъ порученій, поставившихъ Киселева въ непосредственныя отношенія съ тою средою, въ которой пришлось ему развить свою государственную дѣятельность". Служебная обстановка его въ то время вполнѣ благопріятствовала успѣшному развитію этой дѣятельности. Дежурнымъ генераломъ назначенъ былъ тогда генералъ-адъютантъ Закревскій, человѣкъ весьма близкій къ Киселеву: они были на „ты" и вели не-

прерывную переписку самаго задушевнаго содержанія. Въ такихъ же отношеніяхъ съ Киселевымъ былъ князь А. С. Меншиковъ, правитель дѣлъ при князѣ П. М. Волконскомъ, начальникѣ главнаго штаба, съ которымъ Киселевъ сблизился со времени назначенія своего флигель-адъютантомъ, а равно и А. Ѳ. Орловъ, котораго уже и тогда императоръ Александръ отличалъ и приблизилъ къ себѣ. „Такая обстановка"—замѣчаетъ г. Заблоцкій-Десятовскій—„способствовала тому, что всѣ представленія Киселева получали ходъ, а это, въ извѣстной степени, развивало въ немъ пытливость, съ которою онъ, въ послѣдующую службу, всматривался во все, что встрѣчалось ему замѣчательнаго; эта пытливость поддерживалась въ немъ увѣренностью, что результаты его изслѣдованій не пропадутъ даромъ, а принесутъ пользу какъ дѣлу, такъ и лично ему. При этомъ должно сказать, что онъ весьма легко изучалъ разнородные предметы, затѣмъ обыкновенно составлялъ предположенія о необходимыхъ измѣненіяхъ или преобразованіяхъ; каждое исполненное имъ порученіе, кромѣ должной отчетности, сопровождалось рядомъ докладныхъ записокъ".

Киселеву удалось вполнѣ разслѣдовать помянутыя злоупотребленія. Интересна, между прочимъ, аудіенція, полученная по этому поводу Киселевымъ у государя по возвращеніи его въ Петербургъ. О ней сохранилась автобіографическая записка Киселева, изъ которой приводимъ слѣдующія мѣста, характеризующія и тогдашнее настроеніе императора, и рвеніе Киселева къ живому дѣлу на общую пользу. Аудіенція происходила 4-го мая 1816 г.

„Государь сидѣлъ у стола и по входѣ моемъ въ комнату, обернувшись ко мнѣ, приказалъ на приготовленномъ стулѣ сѣсть близъ себя; разговоръ начался сими словами:

„Государь. Я хотѣлъ съ тобою видѣться и объясниться лично насчетъ твоего путешествія; порученіями, которыя ты уже имѣлъ, я доказалъ довѣренность свою. Я съ удовольствіемъ долженъ тебѣ отдать справедливость; ты оправдалъ ее во всѣхъ отношеніяхъ; письма твои къ Волконскому, которыя я всѣ читалъ, еще болѣе меня въ томъ увѣрили. Я теперь прошу тебя быть со мною такъ, какъ ты былъ; не забывай мои слова, въ Парижѣ тебѣ сказанныя; у тебя кромѣ моей протекціи другой нѣтъ.

„Я. Государь, мнѣ другой и не нужно, но дѣла, о которыхъ долженъ говорить, вводятъ меня въ сношеніе со многими, и я только того боюсь, чтобы, рано или поздно, правда, которую конечно отъ васъ не скрою, не навлекла величайшія мнѣ непріятности отъ васъ самихъ, по внушенію тѣхъ.

„Государь. Будь покоенъ и веди себя какъ я желаю, ayez de la confiance en moi, c'est tout ce que je vous demande. Дай же твои бумаги.

„Я. Вотъ, государь, дѣло Платоновича по винному откупу; до-

носъ, который онъ вамъ сдѣлалъ, большею частью справедливъ; я сдѣлалъ краткую записку, изъ которой усмотрѣть вы можете, въ чемъ состоитъ дѣло и кто болѣе по оному виноватъ.

„Государь взялъ тетрадь и началъ читать; при объясненныхъ злоупотребленіяхъ, а особенно при описаніи изслѣдованія, сдѣланнаго гражданскими чиновниками, пожималъ нерѣдко плечами и спрашивалъ часто поясненій. Я, дѣло знавъ твердо, на каждый вопросъ отвѣчалъ какъ слѣдовало. По прочтеніи всей бумаги, государь сказалъ: „Такія мерзости дѣлаются вездѣ и, право, непостижимы; эти господа будутъ наказаны какъ заслуживаютъ".

„Я. Осмѣливаюсь просить ваше величество по сужденію моему—хотя въ справедливости его и увѣренъ—наказанія не исполнять. Я, государь, въ первый разъ по гражданской части былъ употребленъ; молодъ, неопытенъ и могъ ошибиться; все сіе вправѣ будутъ сказать и васъ обвинить тѣмъ болѣе, что законъ—да безъ суда не накажется—у всѣхъ насъ въ понятіи; прикажите нарядить комиссію и разсмотрѣть какъ дѣло Платоновича, такъ и множество другихъ злоупотребленій, которыя нужно искоренить во всемъ Новороссійскомъ краѣ. Я думалъ, что не лишнее будетъ сдѣлать въ проѣздѣ моемъ замѣчанія о всемъ томъ, что казалось мнѣ вреднымъ и на что болѣе тамъ жаловались. Вотъ записка, которую съ тѣмъ только представляю вашему величеству, чтобы приказали людямъ опытнымъ и честнымъ на мѣстахъ разсмотрѣть и вамъ сдѣлать докладъ; къ тому же, государь, управленіе Дюка Ришелье вначалѣ могло быть полезно, теперь же сдѣлалось отяготительнымъ и даетъ поводъ къ величайшимъ злоупотребленіямъ; новое положеніе и общія правила мнѣ кажутся необходимы. Южная Россія не то, чтò была; нынѣ она заселилась русскими и можетъ имѣть уже одинаковое съ Россіею управленіе. Странно видѣть, что въ одномъ государствѣ, у одного народа на каждомъ шагу права и управленія разныя. Если бы я не былъ тому очевиднымъ самъ свидѣтелемъ, вѣрить бы конечно не хотѣлъ; и вотъ, я полагаю, причина затрудненій для управляющихъ: всѣ жалуются, всѣ ропщутъ!

„Государь. Всего сдѣлать вдругъ нельзя; обстоятельства до нынѣшняго времени не позволили заняться внутренними дѣлами, какъ было бы желательно; но теперь мы занимаемся новою организаціею. Смерть императрицы не позволила ей азіатскіе обычаи и многое въ правленіи, по желанію ея, перемѣнить. Мы должны теперь идти ровными шагами съ Европою; въ послѣднее время она столько просвѣтилась, что, по нынѣшнему положенію нашему, оставаться назади мы уже не можемъ; но на все надо время, всего вдругъ сдѣлать нельзя; уменьшать злоупотребленія конечно должно, но одинъ всего не успѣешь сдѣлать,—помощниковъ нѣтъ, кругомъ видишь обманъ; чтò ты говорилъ о Беннигсенѣ, я всякій день вижу; придетъ человѣкъ съ умомъ, съ способностями и представляетъ дѣло не такъ, какъ онъ

самъ видѣлъ, но по наущенію секретаря, и согласиться въ правдѣ не хочетъ. Я знаю, что въ управленіи бо̀льшая часть людей должна быть перемѣнена, и ты справедливъ, что зло происходитъ какъ отъ высшихъ, такъ и отъ дурнаго выбора низшихъ чиновниковъ; но гдѣ ихъ взять? Я и 52-хъ губернаторовъ выбрать не могу, а надо тысячи; лучше менѣе, но съ хорошимъ содержаніемъ и строгимъ выборомъ—конечно, но чѣмъ платить? Ты въ своемъ чинѣ хорошо ли содержанъ? Армія, гражданская часть, все не такъ, какъ я желаю,—но какъ быть? вдругъ всего не сдѣлаешь, помощниковъ нѣтъ. Я знаю, что способы есть чрезмѣрные. Россія можетъ много, но на все надо время.

„Государь, продолжая читать записку мою, на всякомъ пунктѣ останавливался и спрашивалъ о всѣхъ подробностяхъ; я говорилъ какъ бы съ своею совѣстью, ничего не скрылъ, и съ душевнымъ восхищеніемъ видѣлъ сколько участія принималъ государь во всемъ, что къ народу относилось; благодарилъ нѣсколько разъ, бралъ меня за руку, говоря: „Я очень тобою доволенъ; ну, что ты видѣлъ и слышалъ, когда ѣхалъ уже въ С.-Петербургъ?

„Я. Государь, жалуются; въ Малороссіи, напримѣръ, недовольны новымъ предположеннымъ формированіемъ уланскихъ полковъ; казаки по нынѣшнему положенію блаженствуютъ и перемѣны всякой боятся, да кажется и справедливо; мнѣніе же общее противно всякому умноженію войскъ; всѣ удивляются числу, которое вы теперь имѣете, и всѣ ропщутъ; миръ заключенъ, а расходы тѣже, и войско прибавляется; къ тому же считаютъ, что теперь кавалеріи у насъ множество, 70 т. регулярной и 100 полковъ казачьихъ.

„Государь. Вотъ какъ всѣ судятъ! Я казаковъ не считаю въ составѣ арміи, а регулярная кавалерія не превышаетъ соединенной прусской и австрійской кавалеріи. Россія въ такомъ положеніи, что должна содержать армію въ равномъ числѣ противъ соединенныхъ войскъ Пруссіи и Австріи; я другихъ нашихъ сосѣдей въ счетъ не полагаю.

„Я. Но, ваше величество, извѣстно, что сосѣди наши арміи свои убавили.

„Государь. Да и я убавить ее хочу, но должно взять за правило никогда устроенной части не разстраивать; я не могу публиковать въ газетахъ мои намѣренія и какимъ образомъ желаю достигнуть до своей цѣли. Я разсчелъ, что содержаніе полковъ на Чугуевскомъ положеніи выгоднѣе и способнѣе; уланы, о которыхъ ты говоришь, не будутъ новые полки, но только кантоны для старыхъ, которыхъ въ нихъ поселю; но вдругъ всего сдѣлать невозможно. Я хотѣлъ попробовать и помѣстить прежде украинскіе полки. Но вѣдь и это дѣло будетъ пересмотрѣно 20 разъ. Мало ли что хочетъ В... (?) Я все читалъ и ни на что еще не рѣшился; ты правъ, пусть другіе разсмотрятъ; а у насъ всѣ судятъ по слухамъ.

„Я. И по тому, что̀ видятъ. Мысли вашего величества не всѣ знаютъ, а видятъ прибавленіе арміи—и недовольны. Я самъ, государь, до вашего истолкованія обвинялъ васъ; да къ тому еще люди, которые должны были бы защищать васъ, которые часто сами кругомъ виноваты, васъ же обвиняютъ и выставляютъ наружу. Васъ, государь, не всѣ берегутъ, и мнѣніе падаетъ на васъ, а оно не то, что было 30 лѣтъ тому назадъ: теперь всѣ говорятъ, о всемъ судятъ, и какъ-то въ обычай вошло всѣмъ быть недовольну; напримѣръ, назначеніе губернаторовъ въ Тулу и Калугу сдѣлало дурное впечатлѣніе: думаютъ, что вы, государь, не любите дворянъ, и даже русскихъ.

„Государь. Почему же это? Если бы я далъ поляка, либо лифляндца—о полякѣ не говорю, но увѣренъ, что лифляндцемъ были бы болѣе довольны.

„Я. Мы привыкли себя считать выше хохловъ,—а двѣ старыя русскія губерніи поручены двумъ выходцамъ канцелярскимъ. Простите, ваше величество, мою дерзость, но вамъ угодно знать правду, я ея не скрываю.

„Государь. Надо взойти и въ мое положеніе: за одного просилъ неотступно братъ, за другаго фельмаршалъ, ручаясь, что лучшаго выбора сдѣлать не могу; какъ же отказать? Я согласился, но глаза на нихъ будутъ открыты, и при первомъ случаѣ... А очень недовольны?

„Я. Очень, государь, и болѣе отъ того, что полагаютъ вашу въ томъ немилость къ коренному русскому.

„Государь. Вотъ всегдашній вздоръ; я тысячу разъ это слыхалъ и понять не могу, что̀ дало тому поводъ.

Эта бесѣда даетъ намъ понятіе о томъ, какъ вѣрно смотрѣлъ Киселевъ на обязанности гражданина на первыхъ же порахъ своей служебной карьеры. Онъ воспользовался своею близостью къ государю, чтобы раскрывать правду во всей ея наготѣ, представлять факты дѣйствительности въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, неподкрашенномъ заботами о личномъ благополучіи и собственныхъ выгодахъ. Императоръ Александръ I съумѣлъ оцѣнить такое прямодушіе и открытый характеръ молодаго сотрудника. Въ слѣдующемъ же году государь, въ знакъ особаго довѣрія къ Киселеву, возложилъ на него новое порученіе. Дѣло шло о безпорядкахъ во 2-й арміи. Порученіе заключалось въ томъ, чтобы „изслѣдовать въ точности несогласія, происшедшія между главнокомандующимъ (графомъ Беннигсеномъ), его начальникомъ штаба (Рудзевичемъ) и генералъ-интендантомъ арміи (Жуковскимъ), который обвинялъ ихъ въ преступленіяхъ по должности (prévarication), и въ то же время осмотрѣть всѣ войска и передать имъ нововведенія, которыя были приняты послѣ войны не только въ гвардіи, но и въ войскахъ 1-й арміи“, и Киселевъ исполнилъ это порученіе съ обычнымъ усердіемъ и безпристрастіемъ. 7-го декабря 1817 года, Киселевъ лично доложилъ императору о справедливости жалобъ генералъ-интенданта, но добавилъ при этомъ: „что же касается до генералъ-интенданта,

то въ виду того, что онъ нападалъ на начальниковъ съ такой силой и относился къ нимъ такъ неумѣренно, можно было бы заключить, что его честность не могла подвергнуться сомнѣнію и что онъ весь преданъ общему благу. Но, съ другой стороны, между бумагами, приложенными къ слѣдствію, нашлось болѣе одной, заставившей подозрѣвать, что усердіе, выказанное имъ при защитѣ интересовъ его величества, имѣло цѣлью лишь удаленіе всѣхъ постороннихъ вліяній въ сдѣлкахъ, которыя онъ имѣлъ съ подрядчиками". Киселевъ обратилъ вниманіе государя на то, что главнокомандующій Беннигсенъ допускалъ злоупотребленія, не имѣя должнаго понятія о постановленіяхъ и принятыхъ формальностяхъ въ подобныхъ случаяхъ, „но что, съ другой стороны, занимаемый имъ постъ, его долгая служба и преклонныя лѣта не позволяютъ строго поступить съ нимъ"... „Наконецъ—пишетъ Киселевъ о той же аудіенціи—я доложилъ его величеству, что генералъ Беннигсенъ въ интимномъ со мной разговорѣ нѣсколько разъ выражалъ желаніе удалиться отъ службы, лишь бы ему оставили его содержаніе по должности главнокомандующаго, и что, по моему мнѣнію, это желаніе стараго генерала было и справедливо само по себѣ, и выгодно для пользы службы. Государь одобрилъ мою мысль и приказалъ мнѣ дать понять Беннигсену, что желаніе его можетъ осуществиться послѣ осмотра арміи, который его величество намѣревался произвести весною слѣдующаго года". Приготовить войска 2-й арміи къ высочайшему смотру назначенъ былъ опять Киселевъ, который только что успѣлъ представить свои отчеты по разслѣдованію безпорядковъ во 2-й арміи и вообще о результатахъ командировки на югъ Россіи. „Какъ ни кажется страннымъ"—замѣчаетъ г. Заблоцкій-Десятовскій по этому поводу — „назначеніе Киселева (не занимавшагося съ 1814 г. фронтовою частью) для ознакомленія войскъ 2-й арміи съ требованіями вновь вышедшихъ тогда уставовъ (изъ которыхъ пѣхотный и артиллерійскій ему, какъ кавалерійскому офицеру, были вообще весьма мало знакомы), но выборъ государя имѣлъ свои основанія. Ему видимо хотѣлось найти 2-ю армію вообще въ хорошемъ состояніи, а для того надо было послать туда человѣка, близко знакомаго со всѣми слабыми ея сторонами, который, зная хорошо начальствующихъ лицъ, безъ особаго полномочія, обиднаго для старшихъ, съумѣлъ бы устроить все къ лучшему. Выказанное Киселевымъ, при первой командировкѣ во 2-ю армію, умѣнье такъ распутать узелъ самыхъ тонкихъ интригъ, чтобы все осталось цѣлымъ, не смотря на то, что на каждомъ шагу можно было возбудить скандальную исторію, не могло не нравиться государю, искавшему правды, но вмѣстѣ съ тѣмъ желавшему щадить самолюбіе своихъ недавнихъ сподвижниковъ, во главѣ которыхъ Онъ прошелъ Европу." Киселевъ оправдалъ желанія императора,—Онъ остался всѣмъ доволенъ и назначилъ главнокомандующимъ вмѣсто Беннигсена графа Витгенштейна, а Киселеву приказано было встрѣтить прусскаго короля,

котораго въ то время ожидали въ Москвѣ. Во все пребываніе королевской фамиліи въ Россіи, Киселевъ находился при наслѣдномъ принцѣ.

Въ матеріалахъ, собранныхъ г. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, по его словамъ не имѣется, къ сожалѣнію, свѣдѣній, по которымъ можно было бы судить о непосредственныхъ отношеніяхъ Киселева къ наступившему затѣмъ времени Ахенскаго конгресса. Въ этотъ періодъ въ характерѣ императора Александра стали обнаруживаться симптомы реакціоннаго направленія „въ смыслѣ толкованій мистиковъ и въ формѣ грозныхъ своею жестокостью дѣйствій графа Аракчеева.“ Государь отправился на конгрессъ въ Ахенъ въ концѣ августа 1818 года и возвратился въ Петербургъ 23 декабря. Киселевъ оставался все это время въ Россіи, и изъ письма его къ Закревскому, отъ 15 ноября 1818 г., видно, что онъ тогда жилъ въ Москвѣ и собирался пріѣхать въ Петербургъ къ возвращенію государя.

Въ слѣдующемъ же году Киселева ожидала новая обстановка, гдѣ ему открывалось обширное поле самостоятельной организаторской дѣятельности. 22 февраля 1819 г., онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 2-й арміи. Поддерживаемый и ободряемый личнымъ довѣріемъ государя, съ обильнымъ запасомъ уже пріобрѣтенной опытности, знаній и мыслей, Киселевъ имѣлъ возможность теперь примѣнить къ дѣлу свои дарованія. И дѣйствительно, такое назначеніе внушало свѣтлые надежды лучшимъ и знающимъ положеніе 2-й арміи людямъ, но, съ другой стороны, оно не могло не поднять на ноги скрытыхъ враговъ Киселева, не успѣвшихъ еще забыть о безпощадномъ его безпристрастіи въ сферѣ интересовъ службы. Пущена была въ ходъ интрига, начавшая было дѣйствовать чрезъ посредство самого главнокомандующаго. Довѣрчивый и вспыльчивый Витгенштейнъ увидѣлъ себѣ оскорбленіе въ назначеніи Киселева, именно въ томъ, что оно послѣдовало непосредственно по выбору императора безъ отзыва главнокомандующаго и, слѣдовательно, будто бы этимъ выражалось недовѣріе государя къ Витгенштейну. Императоръ успокоилъ послѣдняго и не принялъ просьбы его объ отставкѣ. Тѣмъ временемъ друзья Киселева успѣли предупредить его до пріѣзда въ главную квартиру 2-й арміи о возникшей интригѣ, давая совѣты молодому начальнику штаба, какъ слѣдуетъ ему поступать, чтобы отклонить отъ него всякіе поводы къ столкновеніямъ, которые не преминетъ устроить враждебная интрига. Эти предостереженія весьма характерны и тѣмъ болѣе любопытны, что не утеряли своего значенія и въ наше время. Вотъ что, между прочимъ, Закревскій писалъ Киселеву, находившемуся тогда въ Москвѣ (1 мая 1819 г.): „Изъ Тульчина (главная квартира 2-й арміи) получили отвѣтъ на извѣстныя тебѣ бумаги, не слишкомъ-то для тебя пріятный (рѣчь идетъ о вышеупомянутомъ письмѣ Витгенштейна къ государю). Почему умоляю тебя умѣрить свой нравъ и какъ можно лучше поддѣлаться къ главнокомандующему, безъ чего

будетъ у васъ война ужасная. Ты увидишь изъ посланныхъ къ тебѣ бумагъ, что тебя поддержали славно. Слѣдовательно, все теперь отъ тебя зависитъ, и доброе, и дурное. Ты уменъ, можешь ко всѣмъ подладиться. Не забудь выбрать въ дежурные генерала знающаго дѣло молодца, а безъ того не дадутъ тебѣ ни минуты покоя. Мнѣ кажется, въ нынѣшнее междуцарствіе въ нашей арміи дѣла потеряютъ настоящій ходъ, который должно тотчасъ исправить." Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ, отъ 22 мая, Закревскій пишетъ: „Повторяю тебѣ мою просьбу обворожить своего начальника, и покажи ему особенное свое къ нему уваженіе, а безъ того не достигнешь нужной для службы довѣренности, безъ которой дѣла у васъ пойдутъ навыворотъ... Мошенниковъ удали отличнымъ манеромъ изъ главной квартиры; это также будетъ небезполезно." Въ то же время Рудзевичъ, на мѣсто котораго былъ назначенъ Киселевъ, предостерегалъ его такъ: „Желаю вамъ душевно и того, чтобы вы избѣгнули всѣхъ тѣхъ непріятностей, какія иногда бываютъ неразлучны съ званіемъ симъ, и были покойны душою. Я зналъ хорошо и видѣлъ даже на опытѣ, какъ я неоднократно подвергалъ себя гнѣву монаршему, но, не чувствуя себя виновнымъ, переносилъ всегда хладнокровно, хотя и болѣло сердце мое. Съ вами, кажется, ожидать сего не должно; но совѣтъ дружескій вамъ—узнать напередъ людей, съ коими бы вы могли быть откровенны, и тогда показать къ нимъ довѣріе ваше".

Самъ же Киселевъ довѣрчиво смотрѣлъ на свое будущее, и первая встрѣча съ фельдмаршаломъ укрѣпила еще болѣе эти надежды. Въ письмѣ къ Закревскому, отъ 17-го мая 1819 г., онъ замѣчаетъ между прочимъ: „Я не знаю, что̀ будетъ впередъ, но если судьба продолжитъ нѣсколько уже счастливое начало, то благородство души его (Витгенштейна) и характера со мною въ томъ раскаиваться не будутъ; не только о дѣлахъ арміи говорилъ со мною откровенно, но даже о своемъ положеніи и намѣреніяхъ... Прими благодарность за дружескіе совѣты твои; я знаю ихъ искренность и умѣю цѣнить; стараюсь сколько могу улыбаться всѣмъ, но признаюсь, что иногда смѣшно, а иногда скучно маскарадное характера моего положеніе; однако-жъ пылкость хладѣетъ съ лѣтами и я надѣюсь пріобрѣсть нужныя качества".

Закревскій на это отвѣчалъ слѣдующее: „Радъ душевно, что ты ладишь съ главнокомандующимъ. Это необходимо и для твоего спокойствія, и для спокойствія тѣхъ, кто тебя любитъ. Князь Волконскій велѣлъ тебѣ сказать, чтобы какъ можно вѣжливѣе обходился съ графомъ, чтобы всѣ подчиненные могли брать съ тебя примѣръ. Опять надокучаю тебѣ: умѣрь свой нравъ... Право, все пойдетъ хорошо, но въ довѣренность главнокомандующаго надо вкрасться непремѣнно, въ чемъ, я полагаю, навѣрное успѣешь. Доброта твоего сердца всѣмъ извѣстна. Здѣсь говорятъ, что Пестель—адъютантъ его—все изъ него дѣлаетъ; возьми свои мѣры. Государь о немъ мнѣнія не перемѣнялъ

и не перемѣнитъ. Онъ его хорошо, кажется, знаетъ... Форму, къ кому какъ писать, посылаю, но во многихъ случаяхъ непремѣнно употребляй „по волѣ главнокомандующаго", — это необходимо для пользы служебной..." Закревскій старался при этомъ охладить желаніе Киселева: „всего разомъ поправить нельзя, но ты начни съ запрещенныхъ частей, и понемногу все приведешь въ порядокъ... Усердныхъ поощряй, а лѣнивыхъ брани порядочно и никакой вины не спускай. Прощай, пиши чаще, только съ вѣрными оказіями; а по почтѣ писемъ не пиши".

При содѣйствіи такихъ преданныхъ и вліятельныхъ друзей, какъ Закревскій, Киселевъ смѣло могъ приняться за улучшенія въ состояніи 2-й арміи. О томъ, что̀ сдѣлано имъ по этой части, даетъ понятіе отчетъ Киселева объ управленіи 2-ю арміею съ 15-го мая 1819 г. по 1-е января 1824 г., отчетъ, изложенный въ IX-й главѣ біографіи г. Заблоцкаго-Десятовскаго. Для насъ же интересно указать на условія, въ какихъ приходилось работать Киселеву, на обстоятельства, окружавшія его дѣятельность. Тутъ не только высказываются дарованія молодаго начальника штаба, его организаторскій тактъ и умѣнье выбирать себѣ сотрудниковъ, но и рѣзко обрисовывается цѣльная симпатичная личность Киселева.

II.

Киселевъ—начальникъ штаба въ царствованіе Александра I.

Внутренній бытъ 2-й арміи по письмамъ ген.-лейт. Сабанѣева къ П. Д. Киселеву.—Недовольство военной молодежи.—Сотрудники Киселева.—Близкія отношенія его къ Пестелю.—Бурцевъ.—Объ участіи его въ „Союзѣ благоденствія".—Письмо объ этомъ Бурцева Киселеву.—Упорство Киселева въ работѣ.—Помѣхи его дѣятельности извнѣ.—Дѣло интенданта Жуковскаго.—Отказъ Киселеву въ просьбѣ о сотрудникахъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба.—Отзывъ Закревскаго о дѣятельности Киселева.—Перемѣна въ характерѣ императора Александра I.—Усиленіе фронтовыхъ занятій въ войскахъ.—Аракчеевскія назначенія въ командованіи полками.—Семеновская исторія. — Недовольство Закревскаго положеніемъ дѣлъ въ государствѣ.—Удаленіе изъ арміи офицеровъ, заподозрѣнныхъ въ вольнодумствѣ.—Маіоръ Раевскій.—Происшествіе въ Камчатскомъ полку.—Разочарованный взглядъ Закревскаго.—Обстановка неблагопріятная для дѣятельности Киселева.—Его душевное настроеніе въ то время.

Въ какомъ состояніи находилась 2-я армія до назначенія Киселева начальникомъ штаба, сколько предстояло сдѣлать, чтобы поднять ея значеніе, объ этомъ можно судить по письмамъ къ нему командира 6-го корпуса, генералъ-лейтенанта Сабанѣева. Этотъ генералъ указывалъ на зло, царившее въ то время по всѣмъ частямъ военнаго управленія—зло, существованіе котораго подтверждалось многочисленными претензіями нижнихъ чиновъ о недодачѣ имъ денегъ и провіанта, о жестокомъ обращеніи и проч., слѣдствіемъ чего бывали частые побѣги

со службы, упадокъ дисциплины и т. п. Величайшее зло, способствовавшее нравственному разложенію арміи, Сабанѣевъ видѣлъ въ установившемся съ давнихъ поръ порядкѣ „украшать полки на счетъ экономіи, получаемой полковыми командирами отъ обмундированія". Новая кройка платья, совершенно уничтожившая эту экономію, повела, по его мнѣнію, къ тому, что „дальнѣйщее украшеніе полковъ будетъ дѣлаться на счетъ солдатскаго мамона". Сообщая свое мнѣніе объ организаціи нашей арміи, Сабанѣевъ говоритъ, что „такихъ порядковъ нѣтъ въ европейскихъ арміяхъ", что „у насъ все дѣлай и все какъ нибудь. Нигдѣ столько не марается бумаги и не выдумано формъ, рапортовъ, какъ у насъ. Ничто не соображено ни со способностями, ни съ силами человѣческими. У насъ солдатъ для аммуниціи, а не аммуниція для солдата... Офицеровъ почти нѣтъ. Если выбросить негодныхъ, то пополнять будетъ некѣмъ. Какой источникъ? Изъ корпусовъ и отъ производства въ унтеръ-офицеровъ?! Что это за корпуса! Что за народъ, идущій служить въ армію унтеръ-офицерами! Изъ 1000 одинъ порядочный!..."

Всѣ эти недостатки, вызывавшіе горькія сѣтованія даже въ старомъ генералѣ, по справедливому замѣчанію г. Заблоцкаго-Десятовскаго, не могли не возбуждать еще большаго негодованія въ воспріимчивыхъ, свѣжихъ силахъ молодежи, видѣвшей лучшее за-границею. Сабанѣевъ прямо указывалъ на то, что злоупотребленія, господствовавшія въ то время въ арміи, должны имѣть плохой конецъ, если кореннымъ образомъ не будутъ измѣнены условія ея быта. „Тиранство—писалъ онъ—есть необходимое слѣдствіе фронтоваго педантизма, а уныніе войскъ, отъ того происходящее, предвѣстникъ большихъ несчастій. Пора, давно пора (приступить къ реформамъ). Иначе черный духъ Семеновскаго полка осѣнитъ всю армію. Исторія Кексгольмскаго полка родила исторію Семеновскаго, а Семеновская родитъ урода". Ясно отсюда, что Киселевъ, принимаясь за дѣло реформированія арміи, долженъ былъ дѣйствовать съ большимъ искусствомъ и тактомъ, чтобы успѣшно бороться съ мрачной силой невѣжества и злонамѣренности и въ то же время не подогрѣвать страстей недовольной молодежи, въ средѣ которой иные готовы были „на всякія крайности для торжества истины". Для этого ему нужно было прежде всего подъискать себѣ умѣлыхъ, энергическихъ и дѣйствительно преданныхъ дѣлу сотрудниковъ. Но такихъ было мало тамъ, гдѣ, по отзыву его, послѣ перваго осмотра арміи, „видны были во всѣхъ чинахъ сонливость, равнодушіе ко всему и закоснѣлая неисполнительность". Изъ этихъ немногихъ лицъ, понимавшихъ и полюбившихъ Киселева, который дѣйствовалъ на нихъ обаяніемъ своей личности, его вниманіе обратилъ на себя въ особенности Пестель. Бывшій камеръ-пажъ и офицеръ лейбъ-гвардіи Литовскаго (нынѣ Московскій) полка, участникъ Отечественной войны, во время которой, на Бородинскомъ полѣ, былъ раненъ пулею въ ногу, Пестель въ 1813 и 1814 гг. былъ

уже адъютантомъ при графѣ Витгенштейнѣ, съ которымъ и пріѣхалъ во 2-ю армію, когда послѣдній назначенъ былъ главнокомандующимъ. Киселевъ сблизился съ нимъ, не смотря на предостереженія, въ изобиліи получавшіяся имъ изъ Петербурга. Пестель былъ человѣкъ талантливый, образованный и обладалъ большою энергіею; понятно, что Киселевъ, нуждавшійся въ сотрудникахъ, уже по одному этому не легко разстался бы съ такою личностью. Вотъ какъ онъ, между прочимъ, отзывался о Пестелѣ въ письмѣ Закревскому въ отвѣтъ на вышеприведенныя предостереженія послѣдняго: „Ты мнѣ пишешь о Пестелѣ, и для меня извѣстіе весьма сожалительное; изъ всего здѣшняго синклита онъ одинъ, и совершенно одинъ, могущій съ пользою быть употребленъ; малый умный, со свѣдѣніями, и который до сихъ поръ ведетъ себя отлично хорошо; я его употребляю только потому, что онъ весьма употребителенъ и отъ дѣла не удаляется. Пестель такого свойства, что всякое мѣсто займетъ съ пользою; жаль, что чинъ не позволяетъ; но дежурный ли генералъ, начальникъ ли штаба въ корпусѣ—вездѣ собою принесетъ пользу, ибо голова хорошая и усердія много. Я личностей не знаю, и забываю до пріѣзда моего дѣйствіе, о которомъ извѣстился; но, отдавая справедливость способностямъ его, я полагаю служить тѣмъ государю; впрочемъ, говорю о томъ, что вижу, за будущее не отвѣчаю". „Радуюсь—писалъ Закревскій [1])—„что ты отъ Пестеля въ восхищеніи. Но прошу имѣть его въ томъ мнѣніи, какъ къ тебѣ писалъ. Время все открываетъ, а не минутное удовольствіе". Киселевъ отвѣчалъ на это: „Въ Пестелѣ не душевныя качества хвалю, но способности ума и пользу, которую извлечь отъ того можно; впрочемъ, объ моральности не говорю ни слова" [2]).

При отъѣздѣ графа Витгенштейна въ Петербургъ, Киселевъ писалъ Закревскому 13 ноября 1819 года: „Приласкай ѣдущаго съ графомъ адъютанта. Я ему надѣлъ узду и такъ ловко, что онъ къ ней привыкъ и повинуется. Конь выѣзженъ отлично, но онъ съ головою, и къ дѣлу очень способенъ; сверхъ того, я не желаю, чтобы помимо или черезъ меня онъ что либо потерялъ; твое же обхожденіе, хорошее или дурное, будетъ ему чувствительно, тѣмъ болѣе, что онъ знаетъ, что верховная власть заключаетъ объ немъ не отличнымъ образомъ. Я его совершенно удалилъ отъ дѣлъ, дабы не пріучить старика къ прежнему заведенному нерегулярному ходу оныхъ. Но по слѣдствіямъ Сталя и Жуковскаго онъ работалъ, и хотя съ излишнею злостью, но всегда съ умомъ".

И вслѣдъ затѣмъ, 27-го ноября 1819 года: „Пестель неотступно просилъ къ тебѣ письма, и я въ настоящихъ обстоятельствахъ не могъ просьбы не удовлетворить. Покорность его заслуживала воздаянія, и признаться, что потерялъ совершенно въ дѣлахъ вліяніе, было,

---

[1]) Письмо 1 августа 1819 года.
[2]) Письмо 14 августа 1819 года.

конечно, ему прискорбно; тѣмъ еще болѣе, что предмѣстникъ мой (Рудзевичъ) находился у Пестеля въ точномъ подданствѣ, и что я взялъ совсѣмъ противный тому ходъ. Однако жъ должно сказать, что онъ человѣкъ, **имѣющій особенныя способности и не корыстолюбивъ**, въ чемъ я имѣю доказательства. **Вотъ достаточно**, по моему мнѣнію, **чтобы все прочее осталось безъ уваженія**". На это сближеніе смотрѣли неблагопріятно и даже, какъ видно, насчетъ Киселева начали распространяться недобрые слухи. Закревскій еще разъ предупредилъ его: „До меня слухи доходятъ, что тебя въ арміи не любятъ, и что ты свободное время проводишь большею частью съ Пестелемъ. Не вѣря сему, я желалъ бы знать отъ тебя истину. Неужели ты не укротилъ порывистый нравъ свой, о чемъ я нѣсколько разъ уже писалъ тебѣ, по пріѣздѣ твоемъ въ Тульчинъ? И какая связь дружбы соединила тебя съ Пестелемъ, о характерѣ и нравственности котораго ты писалъ мнѣ неоднократно? Любя тебя, не могъ сего скрыть, и потому можешь судить, что я дружбу цѣнить умѣю [1])".

Несмотря на предостереженія, можно сказать, даже настоянія Закревскаго, Киселевъ не удалялъ отъ себя Пестеля.

Это обстоятельство придаетъ особенный интересъ близкимъ отношеніямъ Киселева къ Пестелю. Но, къ сожалѣнію, г. Заблоцкій-Десятовскій не разъяснилъ ихъ вполнѣ, хотя, по его словамъ, въ бумагахъ Киселева сохранились письма къ нему Пестеля за пять лѣтъ (съ 1819 по 1823 годъ). Изъ того же, что̀ приведено авторомъ въ видахъ помянутаго разъясненія, видно только, что Пестель былъ очарованъ личностью своего начальника и весьма дорожилъ его мнѣніями. Когда Киселевъ въ 1822 году былъ въ отпуску за-границею и разнеслась вѣсть, что онъ уже не пріѣдетъ во 2-ю армію, Пестель писалъ ему: „Вы теперь въ Берлинѣ и свободны на нѣкоторое время отъ цѣлыхъ кипъ дѣловыхъ бумагъ, которыя васъ въ Тульчинѣ осаждали каждое утро. Но если эти занятія были трудны, часто неинтересны и иногда даже непріятны, то вы не можете же не вспомнить безъ чувства истиннаго удовольствія и вполнѣ законной гордости о томъ времени, когда вы заправляли дѣлами 2-й арміи; вы такъ много сдѣлали добра службѣ вообще и множеству лицъ въ частности, что не иначе какъ съ благодарностью и уваженіемъ 2-я армія будетъ васъ вспоминать. Немногіе начальники пріобрѣли такое расположеніе, а потому оно должно васъ вполнѣ удовлетворить. Я убѣжденъ также и въ томъ, что вы съ своей стороны любите 2-ю армію и должны быть увѣрены, что она имѣетъ искреннюю къ вамъ привязанность за ваши добродѣтели и рѣдкія качества. Итакъ, возвращайтесь поскорѣе къ намъ; конечно, удовольствія свободной жизни замѣнятся для васъ скучною заботою, но плоды ея прочны и привязываютъ къ вамъ сердца храбрыхъ воиновъ, участь которыхъ вы

---

[1]) 28 сентября 1820 года.

такъ часто облегчали, улучшали, и которые даже въ вашей большой строгости видѣли лишь доказательства высокой справедливости и любви къ общественному благу. Мнѣ пріятно все это сказать вамъ потому, что оно есть выраженіе моихъ чувствъ къ вамъ".

Этотъ пробѣлъ у г. Заблоцкаго-Десятовскаго въ разъясненіи отношеній Киселева къ Пестелю весьма естественно открываетъ широкое поле догадкамъ. Правда, самъ біографъ старается увѣрить насъ, что близость Киселева къ Пестелю не простиралась такъ далеко, чтобы начальникъ штаба могъ быть посвященъ въ планы тайнаго общества, въ которомъ его подчиненный и сотрудникъ былъ однимъ изъ главныхъ коноводовъ. Но это только личное мнѣніе г. Заблоцкаго-Десятовскаго, быть можетъ, вытекавшее изъ побужденія какъ-нибудь не набросить тѣни на честную дѣятельность Киселева на пользу отечества. На самомъ же дѣлѣ, факты оправдываютъ возможность и совсѣмъ иного предположенія. Если самому государю было извѣстно о существованіи тайнаго общества, то отъ Киселева, который зорко видѣлъ все, что дѣлается вокругъ него, который хорошо зналъ о господствовавшемъ въ то время недовольствѣ вездѣ, гдѣ только ощущался гнетъ мертвящей аракчеевщины — въ книгѣ г. Заблоцкаго приведено много тому доказательствъ—разумѣется, трудно было бы скрыть подобный фактъ. Конечно, зная о тайномъ обществѣ, Киселевъ могъ не раздѣлять и, дѣйствительно, не раздѣлялъ мнѣнія членовъ этого общества. Онъ оспаривалъ эти мнѣнія въ дружескихъ бесѣдахъ съ своими сотрудниками, не вѣря въ осуществимость ихъ идейныхъ стремленій. Преслѣдовать же ихъ за это было и не въ личномъ характерѣ Киселева, и значило бы содѣйствовать торжеству происковъ Аракчеевской системы. Гнетъ этой системы привелъ къ тому, что правда укрывалась подальше, чтобы не всплыть на свѣтъ Божій, а поборникамъ ея не было мѣста у подножія престола. Мы видимъ отсюда, что полное и правдивое разъясненіе отношеній Киселева къ Пестелю тѣмъ болѣе желательно, что тутъ ярко выступаетъ наружу одна изъ характерныхъ чертъ царенія временщиковъ. Мы видимъ отсюда, что даже такіе честные дѣятели, какимъ рисуется Киселевъ, такіе преданные благу своего отечества и умѣющіе сознательно служить ему государственные люди, во имя этого блага, вынуждены бываютъ насиліемъ обстоятельствъ таить въ себѣ самихъ правду, не рѣшаясь раскрывать ее безъ ущерба ея интересамъ. Но удовольствуемся пока тѣмъ, что̀ даетъ намъ въ этомъ отношеніи книга г. Заблоцкаго-Десятовскаго.

Другою личностью, пользовавшеюся расположеніемъ Киселева, былъ его адьютантъ Бурцевъ. Это—прямой, честный и хорошо образованный человѣкъ и усердный сотрудникъ Павла Дмитріевича. Сохранилось письмо Бурцева къ Киселеву отъ 14 декабря 1820 г. изъ Москвы, гдѣ „онъ былъ въ отпуску по поводу какихъ-то служебныхъ

недоразумѣній". Тутъ личность писавшаго представляется весьма симпатичною и преданной Киселеву. Письмо оканчивалось такъ:

„Вотъ, ваше превосходительство, совершенно откровенное изложеніе моего поведенія во все протекшое время. Осудите меня, если сего заслуживаю, но единственно за то, что не умѣлъ постигнуть васъ, а не потому, чтобъ не былъ способенъ цѣнить ваше расположеніе и чувствительность. Почитая верховнымъ благомъ нравственныя отношенія людей, принадлежа всею душою друзьямъ моимъ, вѣчно чувствуя все добро, каждымъ мнѣ оказываемое, могу ли быть осужденнымъ за недостатокъ чувствительности? Предаюсь вполнѣ на ваше собственное заключеніе"... „Опасаясь наскучить вашему превосходительству слишкомъ уже пространнымъ изложеніемъ руководившихъ мною правилъ, я скажу въ заключеніе, что, не ища въ службѣ ничего, кромѣ пользы моихъ сограждаиъ, я почитаю первымъ условіемъ оной сохраненіе моего достоинства, и что на всѣ будущія неизвѣстныя мои къ вамъ отношенія, въ кои можетъ поставить меня превратность обстоятельствъ, я буду неизмѣнно уважать васъ, какъ одного изъ почтенныхъ, рѣдкихъ людей, которыхъ дѣйствія могутъ доставить отечеству величайшую пользу; а время служенія моего при васъ почитать буду поучительнѣйшимъ и счастливѣйшимъ донынѣ временемъ моей жизни".

Характеризуя Бурцева, г. Заблоцкій-Десятовскій приводитъ отзывъ Дениса Давыдова о немъ, какъ критикѣ его „Опыта веденія партизанской войны", который онъ посылалъ для прочтенія Киселеву и Сабанѣеву [1]): „За присылку замѣчаній (Сабанѣева) благодарю, хотя онѣ и не могутъ мнѣ ни къ чему послужить. Ты справедливо называешь ихъ бреднями. Я съ будущею почтою пришлю отвѣтъ на нихъ и ты увидишь, кто правъ изъ насъ, кто виноватъ. Не могу того же сказать о Бурцевѣ. Отвѣтъ мой на его замѣчанія онъ увидитъ въ новомъ тисненіи. Я не только что почти все исправилъ по его желанію, но даже цѣлые періоды его включилъ въ новое изданіе. Вотъ критикъ истинный. Если когда нибудь вздумаю еще писать, ни къ кому другому не прибѣгну и прошу его не отказать мнѣ въ своихъ замѣчаніяхъ, основанныхъ на логикѣ, — а не на желчи, какъ замѣчанія Сабанѣева. Пусть это останется между нами, ибо я душевно его почитаю. Слабости эти свойственны человѣку, который, какъ ни говори, а все прожилъ лучшую часть жизни не въ 19-мъ, а въ 18-мъ столѣтіи".

Какъ оказалось впослѣдствіи, Бурцевъ былъ членомъ „Союза благоденствія", но вышелъ изъ общества ранѣе 1825 года, вслѣдствіе чего избавился отъ суда [2]). Его продержали 6 мѣсяцевъ въ Бобруйской крѣпости, а потомъ, лишивъ полка, отправили на Кавказъ.

---

[1]) 27 декабря 1821 года.

[2]) Воспоминанія Басаргина. Девятнадцатый вѣкъ. Кн. I. стр. 73.

Онъ тамъ отличился, получилъ опять полкъ, былъ произведенъ въ генералы и славно погибъ подъ Байбуртомъ въ 1829 году. „Его тяготила мысль объ участи товарищей, изъ коихъ многіе были его друзьями и имъ приняты въ общество.“

Это—показаніе Басаргина. Самъ Бурцевъ отрицаетъ свое участіе въ тайномъ обществѣ. Въ IV томѣ разсматриваемой біографіи приведено слѣдующее любопытное письмо Бурцева П. Д. Киселеву, которое проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на то, какъ легко тогда молодежь становилась жертвою клеветы и подозрительной злонамѣренности:

„Ваше превосходительство объявили мнѣ, что государь императоръ изволилъ меня считать принадлежащимъ къ какому-то тайному обществу, происками коего, въ 1821 году, учреждена была подписка на воспоможеніе жителямъ Смоленской губерніи, страдавшимъ отъ случившагося въ то время голода. Извѣстіе сіе повергаетъ меня въ самую глубочайшую печаль: поставивъ цѣлію жизни моей устремлять на пользу службы всѣ мои силы, я неожиданно вижу себя въ самомъ горестномъ положеніи, подвергаясь неблаговоленію всемилостивѣйшаго монарха.

„Удаленъ будучи отъ малѣйшаго участія въ какихъ-либо зловредныхъ намѣреніяхъ, я изложу съ чистою откровенностію вашему превосходительству тѣ поводы, кои (по мнѣнію моему) могли на меня навлечь сіе несчастіе и о коихъ я имѣлъ честь вамъ докладывать за два года передъ симъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, чтобы дѣйствія мои могли показаться предосудительными. Проѣзжая, въ 1821 году, изъ отпуска чрезъ Смоленскую губернію, я заѣхалъ къ поселившемуся въ Рославскомъ уѣздѣ отставному подполковнику Муравьеву, съ коимъ нѣсколько лѣтъ служилъ вмѣстѣ въ гвардейскомъ штабѣ и коего достоинства всегда отлично цѣнимы были начальствомъ и самимъ княземъ Петромъ Михайловичемъ. Сего стараго товарища я нашелъ въ хлопотахъ по случаю бывшаго голода въ окрестностяхъ г. Рославля; съ нимъ вмѣстѣ былъ я въ семъ городѣ, когда уѣздное дворянство собиралось для избранія средствъ къ отклоненію грозившей гибели; лично видѣлъ я толпы нищихъ, наполнявшихъ городскія улицы и бродившихъ по уѣзду безъ пропитанія. Зрѣлище сего бѣдствія сильно меня встревожило: пособія правительства не могли быть поспѣшно оказаны, ибо земское начальство не имѣло ни денегъ, ни хлѣбныхъ запасовъ, и надлежало ожидать оныхъ изъ министерства, а крайность побуждала дѣлать немедленно закупки хлѣба для продовольствія голодныхъ. Я самъ видѣлъ отчаяніе дворянъ и самихъ уѣздныхъ чиновниковъ, опасавшихся непокорства отъ крестьянъ и всѣхъ слѣдствій ихъ жестокаго положенія. Здѣсь съ восторгомъ услышалъ я, что нѣкоторые частные люди соглашались сдѣлать зависящія отъ нихъ пособія для отклоненія на первый случай угрожавшей бѣды, доколѣ нужныя мѣры не будутъ приняты правительствомъ, и что на сей

предметъ составлялась добровольная подписка. Я съ особеннымъ удовольствіемъ помѣстилъ въ оной мое имя и внесъ, помнится мнѣ, 200 рублей; но въ то же время пламенное чувство добра заставило меня сдѣлать болѣе: я даже рѣшился написать письма въ Москву, въ коихъ ревностно защищалъ необходимость предпринятой подписки и въ точности излагалъ тѣ несчастія, коихъ я самъ былъ личнымъ свидѣтелемъ. Пробывъ не болѣе недѣли въ Рославскомъ уѣздѣ, я отправился въ Тульчинъ и съ тѣхъ поръ не имѣлъ ни разу извѣстія о томъ, что̀ сдѣлалось съ нашею подпискою, какъ равно и не находился болѣе въ сношеніяхъ съ г. Муравьевымъ, коего, судя по долголѣтнему знакомству, всегда почитать буду самымъ достойнѣйшимъ и честнѣйшимъ человѣкомъ.

„Если злобная клевета возмогла очернить предъ его императорскимъ величествомъ мои намѣренія и дѣйствія—я ничего не могу представить въ защиту свою, кромѣ отзыва начальниковъ о моей службѣ и поведеніи: ваше превосходительство лучше нежели кто другой можете дать имъ настоящее опредѣленіе. Быть можетъ, что въ пылкой молодости вырывались у меня иногда сужденія, коихъ важности я самъ не понималъ; но вотъ уже 4 года, какъ я служу при васъ, и впродолженіе сего времени, всѣ мои помышленія постоянно и единственно устремлены были къ тому, чтобы исполнять въ точности ваши приказанія и, по мѣрѣ возможности, быть полезнымъ службѣ.

„Горестная вѣсть, нынѣ мнѣ вами сообщенная, лишаетъ меня по истинѣ всѣхъ силъ. Готовъ величайшими пожертвованіями доказать непоколебимую преданность мою его императорскому величеству и счастливымъ почту себя, когда представится къ тому первый блистательный случай“.

Киселевъ, очевидно, былъ увѣренъ въ правдивости признанія Бурцева, такъ какъ письмо его было представлено въ томъ же году государю, во время его пребыванія въ Орлѣ.

Если прибавить къ названнымъ лицамъ имена Басаргина, отчасти князя С. Г. Волконскаго, корпусныхъ командировъ Рудзевича и Сабанѣева, то и составится малочисленный кружокъ силъ, которыя были въ распоряженіи Киселева для его организаторской дѣятельности. Немудрено поэтому, что ему приходилость усиленно работать, чтобы достигнуть серьезныхъ результатовъ. „Я себя убью“ — пишетъ онъ Закревскому 13 іюля 1819 г., „дьявольской военной работой; продолжаю только потому, что надѣюсь привести все въ порядокъ и тогда отдохнуть“. Въ другомъ письмѣ Киселевъ говоритъ: „Я устроилъ себѣ комнату, изъ которой почти не выхожу; съ бумагами провожу часовъ 10, остальное время съ книгами“. Но при всей своей энергіи, онъ не въ силахъ былъ сдѣлать многаго, ибо встрѣчалъ неустранимыя помѣхи со стороны. Такъ, онъ тщетно старается улучшить составъ высшихъ чиновъ во 2-й арміи. „Я тебѣ повторяю“—пишетъ онъ Закревскому—„касательно генералитета нашего—что̀ за несчастная

богодѣльня сдѣлалась изъ 2-й арміи! Имеретинскіе, Масоловы, Шевандины и толпа тому подобныхъ наполняютъ списокъ; перестаньте давать намъ калѣкъ сихъ, годныхъ къ истребленію". Тщетно старался Киселевъ привести къ окончанію и вышеупомянутое дѣло генералъ-интенданта Жуковскаго. Объ этомъ онъ писалъ Закревскому:

„Меня увѣряютъ здѣсь (но я этому вѣрить не хочу), что сколько бы ни обвиняли Жуковскаго, онъ въ Петербургѣ не обвинится, и что всѣ его плутни послужатъ ему оправданіемъ. Если такъ, то лучше все оставить, и тѣмъ болѣе, что дѣйствительно трудно взятки доказать, ибо слово заемъ прикрываетъ воровство; а еще труднѣе потерянные казною милліоны возвратить. Можно-ли было полагать, что старый и длинный Беннигсенъ также займетъ 17 т. руб. у подрядчика, и что факторъ его сознается, что былъ къ тому посредникомъ? Вотъ чудеса, которымъ, не видавъ бумагъ, вѣрить не хотѣлъ! Весьма желательно было бы знать, съ какою цѣлію заставляютъ отрывать всѣ вонючія сіи дѣла? Возвратить потерянное невозможно! Наказать преступниковъ? но главный въ Ганноверѣ и суду болѣе не подлежитъ, а безъ него судъ для прочихъ ничтоженъ, ибо подпись его все прикрываетъ... Вамъ, господамъ управляющимъ, должно съ точностью узнать о цѣли государя; если хочетъ открыть, чтобы строго и безъ изъятія виновныхъ наказать, то не щадя ни времени, ни способовъ, ни денегъ, стараться открывать и способомъ мною предложеннымъ, какъ наидѣйствительнѣйшимъ, а потомъ изобличенныхъ уничтожить. Если же, узнавъ виновныхъ, намѣрены ихъ простить, то лучше не узнавать и оставить ихъ въ толпѣ воровъ живущихъ". Такой взглядъ на безполезность, если не на рѣшительный вредъ, преслѣдовать злоупотребленія и казнокрадство заднимъ числомъ обличаетъ въ Киселевѣ большой тактъ государственнаго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, правительство, „отрывающее" „вонючія дѣла" и въ то же время не имѣющее средствъ и возможности раскрыть зло во всей его наготѣ, въ результатѣ только подрываетъ свое достоинство. А тѣмъ болѣе это неизбѣжно, когда правительство, обнаруживая энергію въ преслѣдованіи зла въ прошломъ, попускаетъ его господство въ настоящемъ. Такъ именно и было во времена Аракчеева. Но принося въ жертву свое достоинство, оно безплодно вызываетъ тревогу въ обществѣ. Зло обнаружено, общество заинтересовано въ томъ, чтобы оно не осталось безнаказаннымъ, а на повѣрку выходитъ, что наказать его невозможно.

Напрасно искалъ себѣ сотрудниковъ Киселевъ и въ генеральномъ штабѣ. На его запросъ по этому поводу Меншиковъ отвѣчалъ ему: „Ты требуешь могучаго моего вліянія, но я долженъ тебѣ напомнить, что у всякаго барона своя фантазія, а наша состоитъ въ томъ, чтобы отвергать всѣ предложенія, относящіяся до управленія квартирмейстерскою частію". Замѣчаніе Меншикова относилось къ князю Волконскому, какъ это видно изъ слѣдующаго письма Закревскаго

(2 марта 1820 г.), къ которому Киселевъ обращался съ такою же просьбою: „Насчетъ съемокъ и вообще касающагося квартирмейстерской части, князь П. М. все видитъ своимъ манеромъ, и я по симъ дѣламъ никогда ему ничего не говорю, видя его совершенное упрямство по сей части. Вообще нерѣшительность по всему государству удивительная и, конечно, дѣлаетъ болѣе вреда, нежели пользы всякаго рода службѣ; но помочь сему мы съ тобою не въ состояніи. Непріятности по службѣ всегда были и должны быть, а наипаче съ такими людями, которые пламенное желаніе имѣютъ быть полезны по службѣ“.

Встрѣченныя затрудненія въ отысканіи дѣльныхъ сотрудниковъ не охладили дѣятельности Киселева вообще; строгій судья всѣхъ его дѣйствій, Закревскій, писалъ ему: „Порядки въ дѣлахъ и скорый ходъ оныхъ весьма замѣтенъ со времени вступленія твоего въ должность начальника главнаго штаба; ты принялся славно и всѣ недостатки исправилъ; какіе существуютъ — на это надо нѣкоторое время... Ты много открываешь запутанностей и злоупотребленій по арміи; это намъ извѣстно, и будь увѣренъ, что къ нимъ писали втеченіе пяти лѣтъ; ты вообразить себѣ не можешь, но они терпеливѣе были нѣмцевъ и все сносили хладнокровно; скажи же, что съ такими въ ихъ званіи можно было сдѣлать? У нихъ всѣ чувства охладѣли; но, желая поддержать себя въ мнѣніи, сами о себѣ и трудахъ своихъ много говорили; какая же отъ сего могла быть польза службѣ? Хорошо дѣлаешь, что обратилъ особое вниманіе на артельныя солдатскія деньги и на судную часть; за послѣднюю примись, пожалуйста, хорошенько; она у насъ въ большомъ упадкѣ отъ нерадѣнія начальниковъ, а несчастные томятся подъ судомъ долгое время, тогда какъ въ это же время, по наказаніи, могли бы исправить въ нижнихъ чинахъ нѣсколько свое поведеніе“.

Но въ то время, какъ Киселевъ полагалъ всѣ усилія свои на обновленіе внутренняго быта арміи, въ характерѣ императора произошла перемѣна. „Въ душу его“—говоритъ г. Заблоцкій-Десятовскій—„получилъ доступъ мракъ мистицизма, за которымъ стоялъ уже обскурантизмъ. Либеральныя стремленія замѣнились реакціею; мѣсто довѣрчивости заступила подозрительность, поддерживаемая вліяніемъ Меттерниха. При такомъ расположеніи духа у государя, естественно, въ отношеніи къ войску возбуждалось опасеніе за нарушеніе дисциплины, которое, казалось, всего скорѣе могло быть слѣдствіемъ вторженія мыслей извнѣ и возбужденія размышленія въ средѣ солдатъ и офицеровъ. Необходимо было поставить физическую препону тому и другому. Въ мирное время главное занятіе войскъ составляетъ караульная служба; но какъ ни многочисленны были караулы, все же оставалось у солдатъ и офицеровъ свободное время; его-то и надо было у нихъ отнять. Прямымъ къ тому средствомъ, въ виду имѣвшейся цѣли, представлялось усиленіе фронтовыхъ занятій, хотя бы

10*

они были вовсе безполезны для боеваго образованія войска. Люди здравомыслящіе не раздѣляли такого мнѣнія; натуры мелкія и честолюбивыя, въ которыхъ никогда нѣтъ недостатка, въ виду личныхъ своихъ цѣлей, изощрялись въ изобрѣтеніи разныхъ ружейныхъ пріемовъ и учебныхъ маршей, требовали отъ солдата артистическаго ихъ исполненія и находили въ томъ свою выгоду, такъ какъ, къ несчастію, самъ государь усвоилъ себѣ мысль о необходимости, для поддержанія дисциплины въ войскѣ, не давать отдыха ни солдатамъ, ни офицерамъ. Еще въ началѣ года, въ мартѣ, по волѣ императора, въ гвардіи были сдѣланы нѣкоторыя назначенія въ командованіи полками, показывавшія, что государь хотѣлъ, что называется, подтянуть войска.

Объ этихъ назначеніяхъ Закревскій писалъ: [1]) „Посылаю тебѣ три высочайшіе приказа съ 11-го числа; изъ приказа 19-го числа увидишь порядочное производство въ генералы; не знаю, куда мы ихъ готовимъ и что съ ними будемъ дѣлать. Признаться тебѣ долженъ, что не понимаю нынѣшняго назначенія полковыхъ командировъ, или командующихъ полками, въ гвардіи: въ Семеновскій—Шварца, въ Преображенскій—Порха, въ Измайловскій—Мартынова, въ Московскій—Фридерикса, а въ Лейбъ-Гренадерскій—Стюрлера. Я говорилъ о семъ Васильчикову, и онъ мнѣ ничего не могъ отвѣтить кромѣ, что государю угодно.

„Ни въ чье командованіе гвардейскимъ корпусомъ не назначали такихъ командировъ, какъ теперь, и полагаю, что съ сего времени гвардія будетъ во всѣхъ отношеніяхъ упадать, кромѣ ногъ, на кои особенное обращаютъ вниманіе. Скажите по совѣсти: что̀ ноги безъ головы, и куда годятся! Ты долженъ мнѣ на сіи замѣчанія сказать свое мнѣніе. Я думаю, что никогда не должно было такъ заниматься, какъ теперь, гвардіею, и имѣть хорошихъ начальниковъ, къ которымъ бы имѣли уваженіе. Война — и гвардія наша будетъ пренесчастная“.

Киселевъ, какъ и Закревскій, не сочувствовалъ системѣ усиленныхъ фронтовыхъ занятій и, спустя $1^{1}/_{2}$ года, рѣшительно возсталъ противъ нея; но въ то время, о которомъ идетъ нашъ разсказъ, именно въ 1820 г., онъ видѣлъ необходимость не показывать равнодушія, а тѣмъ болѣе пренебреженія къ фронтовой службѣ.

Не показывая равнодушія къ фронтовой части, Киселевъ старался сколь можно ослабить требованія, посылавшіяся изъ Петербурга,—и въ этихъ видахъ преднамѣренно возбуждалъ множество вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ восходило до государя, находившагося заграницею, такъ какъ ни Закревскій, ни князь Волконскій, не были поборниками принятой системы. Государь, какъ кажется, понялъ намѣреніе Киселева и упрекалъ его въ пуризмѣ. Не безъинтересно упоми-

[1]) 30-го марта 1820 года.

нуть при этомъ, что Киселевъ былъ обойденъ наградою послѣ высочайшаго смотра, на которомъ государь остался несовсѣмъ доволенъ фронтовою частью.

Недовольство Аракчеевскимъ произволомъ становилось общимъ. Военныя мѣры, имъ придуманныя, только обостряли это недовольство. Послѣднее проявлялось и на дѣлѣ. Такъ, результатомъ одного изъ числа назначеній въ командиры гвардейскихъ полковъ вышла извѣстная семеновская исторія, о которой Закревскій увѣдомлялъ графа Витгенштейна слѣдующимъ письмомъ [1]): „Ночью съ 16-го на 17-е число, Семеновскаго полка, роты его величества всѣ рядовые встали, одѣлись въ шинели и вышли въ корридоръ казармъ. Сколько фельдфебель ни уговаривалъ ихъ возвратиться на свои мѣста, они никакъ не хотѣли этого сдѣлать и требовали своего ротнаго командира. По прибытіи послѣдняго, они объявили, что вынуждены къ сему притѣсненіями полковаго командира П. Шварца, непомѣрною его строгостью, взыскательностью, которыхъ они болѣе переносить не въ силахъ, почему и просятъ его довести о семъ до свѣдѣнія начальства. Послѣ же сего, по приказанію капитана, всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ. На другой день, когда объ этомъ происшествіи было донесено по командѣ, командующій гвардейскимъ корпусомъ, найдя эту роту заслуживающею строгаго наказанія за своевольство, приказалъ посадить ее въ здѣшнюю крѣпость и судить военнымъ судомъ. Первый баталіонъ сего полка, узнавъ о мѣрахъ, принятыхъ съ помянутою ротою, требовалъ возвращенія ея. Онъ вышелъ изъ казармъ на плацъ-парадное полковое мѣсто въ однихъ шинеляхъ безъ всякаго оружія, въ ночь съ 17-го на 18-е число, и не хотѣлъ возвращаться, пока не удовлетворятъ его требованій. При выходѣ изъ казармъ, онъ принудилъ бо̀льшую половину 2-го и 3-го баталіоновъ пристать къ нему, а не хотѣвшихъ идти съ ними они насильно выталкивали изъ казармъ. При невозможности уговорить ихъ возвратиться къ своимъ мѣстамъ, приказано всѣмъ идти въ здѣшнюю крѣпость, куда они отправились и тамъ были разсажены. Командующій корпусомъ рѣшился для наказанія ихъ отправить 2-й и 3-й баталіоны, какъ менѣе виновные, въ Финляндію, куда они отправлены вчерашняго числа (19-го); 2-й баталіонъ въ Свеаборгъ, а 3-й въ Кексгольмъ; 1-й же баталіонъ остался въ здѣшней крѣпости и, какъ болѣе виновный и болѣе оказавшій неповиновенія, преданъ военному суду. Причина всему единственно строгость П. Шварца и неумѣнье обращаться съ солдатами. Впрочемъ, дальнѣйшихъ послѣдствій сіе не имѣло. Во всѣхъ прочихъ полкахъ совершенно спокойно. Я нужнымъ счелъ объ этомъ происшествіи довести единственно до свѣдѣнія вашего, въ предупрежденіе могущихъ дойти до васъ фальшивыхъ слуховъ, зная, сколько вездѣ праздныхъ людей, занимающихся един-

[1]) 14-го декабря 1820 года.

ственно распространеніемъ ложныхъ толковъ"... А Киселеву вотъ что онъ писалъ: „Тебѣ исторія Семеновскаго полка извѣстна изъ письма моего къ вамъ. Жаль, что это случилось, но дѣлать нечего, и государь принялъ это, вѣроятно, къ сердцу. Поджидаемъ съ нетерпѣніемъ отъ него отвѣта. Впрочемъ, побочныхъ причинъ, кромѣ Шварца, никакихъ нѣтъ, и остальныя войска въ тишинѣ. Въ городѣ говорятъ много вздора, какъ обыкновенно бываетъ" [1])... „Участь Семеновскаго полка рѣшена довольно милостиво; но офицеры сего не заслуживаютъ. Они всему причиною и прежнее доброе и слабое управленіе. Объ этомъ приключеніи переговоримъ лично, а описывать на бумагѣ признаю неприличнымъ"... „Изъ бунтовщиковъ вамъ никого не дадимъ; велѣно распредѣлить въ нѣкоторыя дивизіи 1-й арміи и въ Финляндію. Жаль сего полка! Но знавши всѣ подробности, не должно жалѣть вмѣстѣ съ офицерами".

Петербургскіе друзья и совѣтники также неоднократно высказывали недовольство на водворявшійся тогда порядокъ вещей, благодаря вліянію Аракчеева, котораго Закревскій мѣтко величалъ „единственнымъ государственнымъ злодѣемъ". „Не бѣда, если бы Аракчеевъ только дѣлалъ ошибки, которыя поставляютъ на видъ. Онъ въ государственныхъ дѣлахъ еще хуже поступаетъ и притомъ къ совершенному вреду Россіи. Сіе перемѣнить можетъ только одна его могила". Это писалъ Закревскій. Киселевъ, котораго, по его словамъ, „опытъ заставилъ подчинять дѣйствія не внушеніямъ собственнымъ, но обстоятельствамъ, нами управляемымъ", считалъ необходимымъ въ то время удалять изъ арміи офицеровъ, навлекавшихъ на себя подозрѣніе въ вольнодумствѣ. Но и здѣсь, въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ, онъ обнаружилъ симпатичныя стороны своей личности,—мягкость вмѣстѣ съ разумной предусмотрительностью.

Какъ онъ смотрѣлъ на этотъ предметъ, видно изъ слѣдующаго его письма Закревскому:

22-го января 1822 года. Тульчинъ.

„Отставьте Шаховскаго (адъютанта главнокомандующаго) и удалите отъ военной службы всѣхъ тѣхъ, которые не дѣйствуютъ по смыслу правительства; всѣ они въ англійскомъ клубѣ безопасны, въ полкахъ чрезмѣрно вредны; духъ времени распространяется повсюду и нѣкое волненіе въ умахъ замѣтно; радикальные способы къ исторженію причинъ вольнодумства зависятъ не отъ насъ; но дѣло наше— не дозволять распространяться оному и укрощать сколько можно зло. Неумѣстная и безпрерывная строгость возродитъ его, а потому остается зараженныхъ удалять и поступать съ ними какъ съ чумными: лечить сколько возможно, но сообщеніе воспрещать. Вотъ, по мнѣнію моему, чѣмъ обязаны прямые слуги государя и вѣрные сыны отече-

[1]) 1-го ноября 1820 года.

ства, призванные къ охраненію общества отъ бѣдъ и напастей; вотъ чѣмъ мы обязаны; чѣмъ же обязаны столпы государственные—не подлежитъ моему сужденію, и я о семъ молчу и молчать буду".

Въ это время довольно часто высылались въ армію офицеры изъ гвардіи въ видѣ наказанія. Киселевъ по своей натурѣ, основную черту которой составляла гуманность, былъ далекъ отъ того, чтобы относиться къ нимъ сурово, не обращая вниманія на сущность проступковъ, и потому въ одномъ изъ писемъ [1]) къ Закревскому онъ проситъ „предварять его о всѣхъ тѣхъ, которые выписываются во 2-ю армію, объяснивъ именно за что, дабы по нравственности сосланнаго и присмотръ за нимъ могъ быть приличный".

Киселеву были извѣстны нѣкоторыя сомнительныя или неблагонадежныя лица въ арміи, между дѣйствіями которыхъ онъ не видѣлъ, однако, ничего общаго или систематическаго, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ его въ письмѣ къ Закревскому, отъ 22-го января 1822 года: „Касательно арміи я долженъ тебѣ сказать, что въ общемъ смыслѣ она, конечно, нравственнѣе другихъ; но въ частномъ разборѣ несомнѣнно найдутся лица неблагомыслящія, которыя стремятся, но безъ успѣха, къ развращенію другихъ; мнѣнія ихъ и дѣйствія мнѣ извѣстны, и потому, слѣдя за ними, я не страшусь какой либо внезапности и довершу издавна начатое. Сабанѣевъ мнѣ помощникъ отличный, — насчетъ его ошибаются". Упоминая о лицахъ, неблагомыслящихъ въ арміи, Киселевъ разумѣлъ главное—Раевскаго, маіора 32-го Егерскаго полка, котораго начальникъ 16-й дивизіи, М. Орловъ, приблизилъ къ себѣ и поручилъ ему завѣдываніе ланкастерскими школами. Раевскій навлекалъ на себя подозрѣніе въ учрежденіи масонской ложи и въ распространеніи между офицерами либеральныхъ идей, а между солдатами внушеній, способствующихъ къ ослабленію дисциплины. Онъ находился уже подъ наблюденіемъ секретной полиціи. „Давно я имѣлъ подъ надзоромъ"—писалъ Киселевъ Закревскому [2])—„нѣкоего Раевскаго, маіора 32-го Егерскаго полка, который извѣстенъ мнѣ былъ вольнодумствомъ, совершенно необузданнымъ; нынче, по согласію съ Сабанѣевымъ, производится явное и тайное изслѣдованіе о всѣхъ его поступкахъ, и, кажется, суда и ссылки ему не миновать. Грустно мнѣ, что Орловъ не только терпѣлъ его при себѣ, но не переставалъ защищать поведеніе его". Одновременно Сабанѣевъ наблюдалъ и за М. Орловымъ, покровителемъ Раевскаго, ревностно заботившимся о гуманномъ обращеніи съ солдатами и о распространеніи между ними образованія.

Въ концѣ 1821 года, въ дивизіи Орлова, именно въ Камчатскомъ полку, случилось нарушеніе дисциплины тремя или четырьмя солдатами, воспрепятствовавшими капитану наказать каптенармуса. Орловъ

[1]) Отъ 22-го января 1822 года.
[2]) Изъ Кишинева, 27-го февраля 1822 года.

простилъ солдатъ и старался вообще скрыть это происшествіе; но агенты секретной полиціи донесли Сабанѣеву, а онъ извѣстилъ Киселева.

Павелъ Дмитріевичъ, съ своей стороны не придавая особой важности этому дѣлу, распорядился, однако, произвести слѣдствіе, увѣдомилъ князя Волконскаго и въ то же время писалъ Закревскому:

24 января 1822 года. Тульчинъ.

„При смѣнѣ полковниковъ начались разсчеты и тутъ оказались злоупотребленія. Полковые, какъ и ротные командиры, повидимому, желали прикрыть утраченныя деньги собственностью солдата; всѣ вѣроятно успѣли; но одинъ Камчатскаго полка капитанъ вздумалъ вмѣсто изворотливости употребить палки и роту противъ себя поставилъ; отказали деньги, отказали провіантъ, и, наконецъ, когда глупый и корыстолюбивый начальникъ вздумалъ за то наказывать каптенармуса, то рота просила помилованія, а трое солдатъ, не видя успѣха въ просьбахъ, отняли палки у унтеръ-офицеровъ, вѣроятно на то согласныхъ, и доказали, что командиръ, потерявшій нравственную силу противъ подчиненныхъ, вовсе остается безсиленъ. Вотъ происшествіе, которое законнымъ порядкомъ слѣдуется, но которое побуждаетъ меня забраться на нѣсколько времени въ Бессарабію, куда лазутчики мои меня приглашаютъ и гдѣ я пристальнѣе и строже дѣйствовать буду. Конечно, дѣло сіе пустое и армейскимъ полкамъ не новое (ибо двѣ трети ротныхъ командировъ никуда не годны), но оно тѣмъ важно, что случилось въ Камчатскомъ полку. Главнокомандующій желаетъ знать всѣ подробности и поступить съ виновными строго. Сабанѣевъ сердится ужасно и на ротнаго командира, и на Адамова, и на трехъ солдатъ, и на турокъ, и на Ланжерона, и на всѣхъ; но со мною живетъ въ ладу и въ ужасной перепискѣ, отнимающей у меня много времени, но которую я не прекращаю, ибо, при всѣхъ странностяхъ его, правила его честны и непоколебимы; опытность имѣетъ большую и просвѣщеніе непонятное для человѣка, родившагося въ Ярославлѣ — тому 56 лѣтъ. Прочитай письмо мое князю Петру Михайловичу, дабы не вздумали у васъ, что мы скрываемъ вздоръ сей, какъ дѣло важное или какъ повтореніе семеновской исторіи. Сколько я разумѣю, то мнѣ кажется, тутъ болѣе всѣхъ виновенъ Адамовъ, который въ ссорѣ съ капитанами, и теорикъ Орловъ, коему слѣдовало бы знать и предупредить денежные сіи разсчеты. Между нами сказать, въ 16-й дивизіи есть люди, которыхъ должно уничтожить и которые такъ не останутся; я давно за ними смотрю, и скоро громъ грянетъ...“

Закревскій, въ отвѣтъ на это письмо, одобряя, что подобныя происшествія не скрываются, писалъ Киселеву 1 февраля 1821 года

„Признаться надо, что не только ротные командиры у насъ дрянь, но и полковыхъ хорошихъ не имѣется: вотъ въ какомъ состояніи наша армія; надо брать мѣры и придумывать способы къ улучшенію; эта филантропія не приведетъ насъ къ добру“.

Происшествія въ Камчатскомъ полку окончательно взорвали Сабанѣева; онъ разразился гнѣвомъ на М. Орлова. „Сабанѣевъ рѣшительно требуетъ другаго дивизіоннаго командира“, писалъ Киселевъ Закревскому 13 февраля; „главнокомандующій съ нимъ согласенъ, и сколько мнѣ ни больно дѣйствовать противъ него (Орлова), но обязанность свою исполню и совѣты дамъ ему благіе; кажется, что Орлову должно будетъ ѣхать къ водамъ“.

Но Орловъ совѣтовъ не слушалъ; онъ не хотѣлъ признать себя виновнымъ во взводимыхъ на него обвиненіяхъ Сабанѣевымъ; онъ требовалъ суда.

Положеніе Павла Дмитріевича было затруднительное: Сабанѣевъ не уступалъ, а оправдать совершенно Орлова Киселевъ не видѣлъ возможности. Онъ желалъ устранить себя отъ этого дѣла; но обѣ враждующія стороны и самъ главнокомандующій требовали настоятельно, чтобы это дѣло было ведено Киселевымъ. „Ты не повѣришь, любезный другъ“—писалъ онъ Закревскому [1],—„сколь тяжело мнѣ дѣйствовать противъ пріятеля и товарища давнихъ лѣтъ; я просилъ отстранить меня отъ посредничества между Орловымъ и Сабанѣевымъ, но они и главнокомандующій требовали настоятельно, чтобы я продолжалъ заниматься симъ дѣломъ, и я обязанность свою исполню, какъ слѣдуетъ и какъ приглашаюсь къ тому довѣріемъ государя. Изслѣдованіе по разговорамъ Раевскаго продолжается и поручено Черемисинову и Вахтену, послѣ нарядимъ судъ, и дѣло будетъ съ концомъ; но Орлову 16 дивизіею командовать болѣе не можно,—вотъ мое послѣднее и неизмѣнное заключеніе“.

Дѣло кончилось переводомъ Орлова въ другой корпусъ.

Мы нарочно привели вкратцѣ все, что только имѣется въ книгѣ г. Заблоцкаго-Десятовскаго о томъ періодѣ времени, когда стали явно обнаруживаться безпорядки въ полкахъ. Изъ этихъ цитатъ ясно, кажется, что Киселевъ зналъ о таившемся въ полковыхъ кружкахъ недовольствѣ, но въ то же время понималъ и неустранимость его. По долгу службы, однако, онъ не задумался, когда это понадобилось, прибѣгнуть къ искусственнымъ мѣрамъ, какія находились въ его распоряженіи, для того, чтобы помѣшать распространенію недовольства въ средѣ солдатъ. Такимъ образомъ и тутъ онъ сдѣлалъ что̀ только былъ въ состояніи и, слѣдовательно, его образъ поведенія далекъ отъ упрека въ сочувствіи проискамъ недовольства, равно какъ и едва ли можетъ служить оправданіемъ догадки, будто онъ не зналъ о существованіи помянутыхъ происковъ. Онъ зналъ это, но и сознавалъ все

---

[1]) 15 марта 1822 года.

безсиліе частныхъ мѣръ для искорененія недуга, становившагося общимъ въ силу неустранимыхъ причинъ.

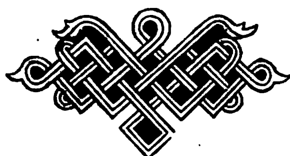
Въ началѣ 1823 г., Киселевъ ѣздилъ въ Варшаву на представленіе императору. Внимательность государя очаровала Киселева. Но Закревскій не такъ свѣтло смотрѣлъ на успѣхи Киселева въ объясненіяхъ съ государемъ. 31 января 1823 г., онъ писалъ Киселеву: „Письмо твое, любезный другъ Павелъ Дмитріевичъ, отъ 10 января изъ Варшавы съ кн. Меншиковымъ, я получилъ исправно. Многое ты говорилъ государю и даже о такихъ предметахъ, которые до тебя не касаются; все слушано, а сдѣлано ничего, слѣдовательно—лучше бы о семъ ничего не говорить, ибо пользы отъ сихъ разговоровъ никакой быть не можетъ... Ты сею поспѣшностью меня удивилъ, ибо извѣстенъ тебѣ скорый ходъ дѣлъ и обѣщанія; исполненіе же всегда тяжело и не скоро. Пора побывать въ Петербургѣ и видѣть вещи, какъ прежде ты ихъ видѣлъ, и какъ всегда мы оныя теперь видимъ. Все вышеписанное оставь между нами. Дѣла наши очень трудно сходятъ съ рукъ, и отъ того несчастные страждутъ, а я помочь не въ силахъ. Мнѣ кажется, что порядокъ дѣлъ въ нашемъ государствѣ никогда не улучшится, и потому трудно служить честнымъ, которые думаютъ не объ личныхъ выгодахъ, а о благоденствіи своего отечества. Впрочемъ, какъ ни дурно, но дай Богъ, чтобы государь пережилъ всѣхъ насъ; а безъ него какая будетъ надежда, и что за происшествія могутъ постичь Россію? Какъ подумаешь о семъ, то сердце содрогается!..“ Закревскій оказался правъ: многое, что было обѣщано Киселеву, осталось безъ исполненія. Въ томъ же году государь произвелъ смотръ и въ награду Киселевъ былъ сдѣланъ генералъ-адъютантомъ. Но его уже не восхищало его мѣсто. Онъ считалъ, что, приведя армію въ должный порядокъ, онъ сдѣлалъ все, что̀ отъ него требовали и ожидали, и что ему болѣе ничего не оставалось дѣлать. Къ тому же его прежняя благопріятная обстановка мало-по-малу измѣнилась. Усилившееся вліянія Аракчеева и мрачное настроеніе духа государя отражались холодомъ и застоемъ въ дѣлахъ; никакой мысли объ улучшеніяхъ не было хода; вмѣсто теплаго участія, которое П. Д. находилъ постоянно въ кн. Волконскомъ и Закревскомъ (они получили другія назначенія), онъ встрѣчалъ равнодушіе или бездѣйствіе начальства; въ Тульчинѣ уже не было прежнихъ его товарищей. О душевномъ настроеніи Киселева при такихъ обстоятельствахъ можно судить по слѣдующей выдержкѣ изъ письма его къ Закревскому, отъ 18 февраля 1825 г.: „О своей жизни мнѣ трудно что-либо сказать новаго; я продолжаю трудится за другихъ и воображаю, что могу быть полезнымъ нѣкоторымъ. Дѣятельность моя ускромнилась или, лучше сказать, притупилась бездѣйствіемъ начальства, которое меня съ учтивостью терпитъ и, кажется, желаетъ, чтобы душевныя и умственныя стремленія я оставилъ для себя и для другихъ текущихъ дѣлъ. Убѣжденіе въ безполезности заставитъ сложить

ярмо, которое 6 лѣтъ ношу и которое при васъ и отъ васъ, любезные друзья мои, меня не тяготило; но теперь честолюбіе—безъ пищи, и пожертвованія — безъ цѣли; остается ожидать приговора судьбы, который кончитъ суетную жизнь, химерѣ посвященную, для начатія другой, менѣе блистательной, но болѣе полезной"... Въ другомъ письмѣ (1 ноября) онъ пишетъ: „Я продолжаю жить въ Тульчинѣ и часъ отъ часу скучнѣе; занимаюсь много — по привычкѣ, но признаюсь, что душа охладѣла, потому что, кажется, принято обезохочивать людей усерднѣйшихъ... Я оглупѣлъ отъ безлюдья, ибо, кромѣ фронтовиковъ и писцовъ, никого не вижу и ничего не знаю".

Такое настроеніе какъ бы служило предвѣстіемъ печальныхъ для Киселева событій, вскорѣ затѣмъ послѣдовавшихъ—кончины императора и исторіи декабристовъ.

Ѳ. Булгаковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).



ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

(Записка очевидца Д. М. Наумова [1]).

О ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію, въ апрѣлѣ 1850 года, ко всѣмъ служившимъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку были разосланы приглашенія отъ великаго князя цесаревича Александра Николаевича присутствовать на праздновaніи пятидесятилѣтняго юбилея со дня назначенія императора Николая Павловича шефомъ этого полка. Губернаторамъ предписано было розыскать старыхъ измайловцевъ, проживающихъ по губерніямъ, и передать имъ высочайшее приглашеніе, чтобы они также прибыли въ Петербургъ. День юбилея приходился на 26 мая, но такъ какъ императоръ отбылъ за-границу, то для празднества назначенъ былъ день св. Троицы, 11 іюня, — день полковаго праздника. 9 іюня, по предварительному приглашенію отъ цесаревича, всѣ съѣхались къ 10 часамъ утра въ Зимній дворецъ, на половину его императорскаго высочества. Цесаревичъ встрѣтилъ всѣхъ благосклоннымъ привѣтствіемъ, обошелъ всѣхъ, со всѣми говорилъ и, ставъ посреди собравшихся, сказалъ: „Вышла „Исторія Измайловскаго полка"; пріятно ее прочесть, ибо, со дня основанія этого полка, не было ни одной важной эпохи въ россійской исторіи, гдѣ бы этотъ полкъ не ознаменовалъ себя усердіемъ и преданностью царямъ и отечеству; не было войны, въ которой онъ не участвовалъ бы, и всегда пожиналъ неувядаемые лавры; остается желать, чтобы новое поколѣніе поддержало честь и славу полка, въ чемъ я и увѣренъ". Съ этими словами цесаревичъ обернулся къ полковому командиру и подалъ ему руку.

---

[1]) Записка эта обязательно сообщена въ редакцію „Историческаго Вѣстника" Павломъ Степановичемъ Усовымъ.

Въ шесть часовъ вечера того же 9 іюня, всѣ служившіе въ Измайловскомъ полку собрались въ Георгіевской залѣ Зимняго дворца, куда къ тому же времени явились всѣ служащіе офицеры полка, взводъ его гренадеръ и знаменные унтеръ-офицеры, для присутствія при прибивкѣ новыхъ знаменъ, которыя были пожалованы императоромъ взамѣнъ прежнихъ, обветшалыхъ. Старыхъ измайловцевъ собралось 108 человѣкъ. Въ этомъ числѣ оказалось нѣсколько человѣкъ временъ Екатерины II, Павла I и много изъ эпохи Александра I. Большинство было изъ числа служившихъ съ начала назначенія императора Николая шефомъ полка и во все время его царствованія.

Въ половинѣ седьмаго часа вечеромъ, императоръ Николай Павловичъ, въ сопровожденіи всѣхъ великихъ князей, вступилъ въ Георгіевскую залу. Остановившись передъ собравшимися, онъ привѣтливо поклонился всѣмъ и сказалъ: „Благодарю васъ, господа, что не полѣнились ко мнѣ пріѣхать; благодарю васъ отъ души. Вы сдѣлали меня съ праздникомъ, ибо для меня истинный праздникъ васъ видѣть. Смотря на васъ, я вспоминаю славныя эпохи службы вашей въ полку; вспоминаю и мою службу съ вами и мою молодость. Прошу васъ встать такъ, чтобы я могъ подойти къ каждому изъ васъ и прошу васъ себя не называть. Я могу всякаго изъ васъ самъ вспомнить, и если кого не узнаю, то, извините, я уже старъ и память слабѣетъ“.

Всѣ присутствовавшіе старослуживые выстроились въ одну шеренгу, на большомъ протяженіи. Императоръ подходилъ къ каждому и съ каждымъ говорилъ. Сказанное государемъ было слышно только сосѣдямъ того, съ кѣмъ онъ говорилъ. Я стоялъ между Норовымъ и бывшимъ полковымъ докторомъ Каменецкимъ. Подойдя къ Норову, императоръ Николай сказалъ:

— Постой, не называй себя, я тебя сейчасъ вспомню. Призадумавшись немного, государь продолжалъ:—Ахъ, Норовъ! Здравствуй! Гдѣ же твои братья? Вѣдь васъ было четверо?

— Точно такъ, ваше величество, насъ служило четверо въ полку, но всѣ мои братья померли.

— У насъ, братъ, съ тобою, возразилъ императоръ,—одинаковая горькая участь: и насъ было четверо, а остался я одинъ. Очень радъ тебя видѣть.

Взглянувши на меня, императоръ Николай Павловичъ сказалъ:

— Этого нечего называть: этой мой старый юнкеръ моей старой школы. Здравствуй, Наумовъ! Въ которомъ году ты вышелъ изъ полка? причемъ взялъ меня за плечо.

— Въ 1833 году, ваше величество.

— Кажется, я тебя перевелъ изъ пажей?

— Точно такъ, ваше величество.

Увидавъ старика Каменецкаго, императоръ сказалъ:

— Что это за старикъ? Ахъ, Каменецкій! Какъ я радъ тебя ви-

дѣть! и взялъ его за руку. Каменецкій намѣревался поцѣловать руку государя, но императоръ его обнялъ. По выраженію лица Николая Павловича видно было, что императоръ очень радъ былъ увидать семидесятилѣтняго старца, нѣсколько разъ лечившаго государя и неоднократно помогавшаго ему.

— Какъ ты постарѣлъ! сказалъ императоръ.

— Да и вы, ваше величество, не помолодѣли.

— Спасибо, что говоришь правду; а помнишь ли, какъ ты меня вылечилъ отъ чирьевъ? Недавно я хотѣлъ за тобою посылать; опять было они меня замучили.

— Ваше величество, отвѣчалъ Каменецкій,—куда я уже теперь гожусь; я старъ, а у васъ столько хорошихъ медиковъ и безъ меня.

— Нѣтъ, братъ, какъ придется плохо, то безъ тебя не обойдется. А каковъ у меня языкъ?

— Хорошъ, ваше величество.

— А пульсъ? причемъ императоръ подалъ Каменецкому руку.

— Сильнѣе прежняго, ваше величество.

Государь засмѣялся и пошелъ къ слѣдующимъ старымъ измайловцамъ, одаривъ каждаго милостивымъ привѣтствіемъ. Затѣмъ онъ подошелъ къ служащимъ въ полку офицерамъ. Видно было, что они были довольны словами императора, потому что не переставали ему кланяться. Во все время обхода императоромъ собравшихся въ Георгіевской залѣ, за нимъ ходилъ новый гренадеръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, въ первый разъ подходившій въ этотъ день къ государю на ординарцы. То былъ великій князь Николай Александровичъ, старшій сынъ наслѣдника цесаревича, въ полной формѣ радоваго, въ солдатскомъ мундирѣ, въ каскѣ, въ портупеѣ и въ перевязи, съ ружьемъ. Когда великій князь Николай Александровичъ явился 9 іюня въ первый разъ къ своему дѣду на ординарцы, то императоръ Николай Павловичъ спросилъ его:

— Какъ тебя зовутъ?

— Николай Романовъ, ваше императорское величество.

— Давно ли ты на службѣ?

— Седьмой годъ, ваше императорское величество.

— Въ какомъ ты баталіонѣ?

— Въ первомъ и въ ротѣ вашего императорскаго величества.

— Какой ты губерніи?

— Петербургской и уроженецъ царскосельскій, ваше императорское величество.

— Служи хорошо!

— Радъ стараться, ваше императорское величество.

Государь пригласилъ старыхъ измайловцевъ прибивать къ древкамъ новыя знамена и самъ прибилъ первые гвозди ко всѣмъ тремъ знаменамъ. Старики-измайловцы прибивали знамена тѣхъ баталіоновъ, въ которыхъ прежде служили. Прибивка знаменъ продолжалась до

десятаго часа вечера. Во все это время императоръ оставался въ Георгіевской залѣ, разговаривалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ, шутилъ, вспоминалъ старое время. Казалось, что онъ сложилъ съ себя на нѣкоторое время царское свое величіе и принималъ старослуживыхъ съ радушіемъ гостепріимнаго хозяина и товарища. Онъ, повидимому, радовался, видя себя окруженнымъ старыми своими сослуживцами.

Новыя знамена, по окончаніи церемоніи прибивки, были приняты унтеръ-офицерами, причемъ на часы къ знамени перваго баталіона сталъ великій князь Николай Александровичъ, затѣмъ были отнесены въ Портретную галлерею и положены къ подножію изображенія императора Александра I. Старыя знамена были присланы въ Измайловскій полкъ, для храненія въ соборѣ св. Троицы передъ алтаремъ, съ тѣмъ, чтобы они выносились одинъ разъ въ годъ, 25 декабря, на торжество избавленія Россіи отъ нашествія враговъ въ 1812 г.

Въ полночь съ 9 на 10 іюня, командиръ Измайловскаго полка, генералъ-маіоръ Козловъ, получилъ отъ дежурнаго генерала письмо съ извѣщеніемъ, что государю императору угодно имѣть къ шести часамъ утра списокъ дѣтей старослуживыхъ Измайловскаго полка, не помѣщенныхъ еще въ казенныя заведенія. Для собранія этихъ свѣдѣній, въ распоряженіе генералъ-маіора Козлова были командированы четыре расторопные фельдъ-егеря, которые должны были ночью объѣхать всѣхъ прибывшихъ въ Петербургъ старыхъ измайловцевъ и собрать требуемыя данныя. Въ семь часовъ утра, дѣйствительно, списокъ дѣтей былъ представленъ императору.

Въ девять часовъ утра, въ воскресенье, 10 іюня, всѣ старослуживые Измайловскаго полка, согласно съ словеснымъ приглашеніемъ, выраженнымъ имъ наканунѣ вечеромъ самимъ императоромъ, собрались на площади передъ соборомъ св. Троицы. Имъ отвели мѣсто противъ праваго фланга полка, выше всѣхъ генералъ-адъютантовъ, генераловъ и даже министровъ. Объѣхавъ полкъ, императоръ повернулъ къ старослуживымъ и, остановившись въ двухъ шагахъ отъ нихъ, сказалъ, всѣмъ извѣстнымъ въ свое время громкимъ, звучнымъ голосомъ: „Здравствуйте, друзья-товарищи; спасибо, что пріѣхали на праздникъ къ старому вашему товарищу! Благодарю васъ! Вы видите, я тронутъ!“ Слезы покатились изъ глазъ государя. Указывая рукою на сердце, онъ продолжалъ: „Повѣрьте! я умѣю чувствовать“. Всѣ старослуживые отвѣчали вмѣстѣ вдругъ государю то, что всякій изъ нихъ чувствовалъ. Всѣ плакали. Привѣтствіе государя, исходившее изъ глубины его сердца, всѣхъ поразило.

За бывшими офицерами Измайловскаго полка расположились отставные нижніе чины, старые, заслуженные, израненные ветераны, собравшіеся со всѣхъ концовъ Россіи. Государь подъѣхалъ къ нимъ, очень многихъ узналъ и назвалъ по имени, долго говорилъ съ ними и, замѣтивъ въ задней шеренгѣ старика-гренадера съ ребенкомъ на рукахъ, спросилъ его: „Кого ты держишь на рукахъ?“ Старикъ от-

вѣчалъ: — Виноватъ, ваше императорское величество. Знаю, что въ фронтѣ это не дозволено, но это мой внукъ. Я пришелъ издалека и его притащилъ съ собою; пускай помнитъ, что имѣлъ счастіе видѣть ваше величество.—Видно было, что этотъ отвѣтъ ветерана произвелъ пріятное впечатлѣніе на императора.

Послѣ освященія новыхъ знаменъ и окончанія богослуженія въ соборѣ, императоръ посѣтилъ казармы, причемъ произвелъ фельдфебеля своей роты въ подпоручики арміи, остальнымъ фельдфебелямъ пожаловалъ по 50 р. с. каждому, унтеръ-офицерамъ по 10 р., а рядовымъ по 3 р. на каждаго и по 1 р. на обѣдъ. До того, прибывъ къ полку передъ соборомъ, императоръ поздравилъ своими флигель-адъютантами полковаго адъютанта Дренякина и командира первой гренадерской роты Чебышева, всѣхъ офицеровъ полка, старшихъ въ чинахъ, произвелъ въ слѣдующіе чины, а полковаго командира назначилъ въ свиту его величества. Отставнымъ нижнимъ чинамъ, явившимся на празднованіе юбилея, были выданы прогоны на счетъ императора до мѣстъ, откуда они прибыли, и сверхъ того, унтеръ-офицерамъ выдано было по 15 р., а рядовымъ по 10 р. на каждаго. Всего въ этотъ день на полкъ было роздано около двадцати тысячъ рублей. Многіе изъ старослуживыхъ офицеровъ также удостоились особенныхъ наградъ и милостей. Пятеро, старшіе по лѣтамъ, получили дорогіе подарки, а именно золотыя табакерки и перстни съ портретами или съ бриліантовыми вензелями императора. Многимъ выданы были денежныя вспомоществованія. Одинъ изъ лучшихъ и храбрыхъ офицеровъ Измайловскаго полка, выйдя въ отставку, впалъ въ бѣдность, долги, не находилъ себѣ занятій, а потому явился на праздникъ, какъ говорится, „въ неисправной аммуничкѣ". Императоръ, замѣтивъ его бѣдное одѣяніе, подозвалъ къ себѣ, узналъ его бѣдственное затруднительное положеніе, вызванное препятствіями, ему поставленными для вступленія вновь на службу, приказалъ опредѣлить его полиціймейстеромъ въ Петербургъ сверхъ штата, до открытія вакансіи, съ производствомъ ему полнаго содержанія и съ сохраненіемъ получаемой имъ пенсіи. На другой день послѣ этого разговора, императоръ прислалъ ему 1500 р. сереб.

Къ четыремъ часамъ пополудни, 10-го іюня, всѣ съѣхались къ обѣденному столу въ Зимній дворецъ, гдѣ старослуживымъ офицерамъ объявлена была высочайшая милость, а именно, что всѣ ихъ сыновья опредѣлены на казенный счетъ въ учебныя заведенія. За столомъ императоръ сидѣлъ противъ императрицы, имѣя по правую руку подлѣ себя наслѣдника цесаревича, а по лѣвую командира полка, которому во все время обѣда, наравнѣ съ членами императорской фамиліи, служилъ камеръ-пажъ. Во время обѣда императоръ, вставъ съ мѣста, съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ, сказалъ: „За ваше здоровье, друзья-товарищи! Еще разъ благодарю васъ!" и чокнулся бокаломъ съ командиромъ полка. Другихъ тостовъ за этимъ обѣдомъ

не было. За обѣденнымъ столомъ сидѣло также пять самыхъ старыхъ рядовыхъ ветерановъ Измайловскаго полка. Двое изъ нихъ были временъ Екатерины Великой и были тяжело ранены въ одну изъ тогдашнихъ турецкихъ войнъ. Государь пожаловалъ имъ по золотой медали на Андреевской лентѣ; на одной сторонѣ медали изображенъ былъ вензель императрицы Екатерины II съ надписью „въ память", а на другой вензель императора Николая съ надписью „за усердіе".

Послѣ обѣда въ Петровской залѣ, всѣ старослуживые офицеры были представлены государемъ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, которая каждому сказала какое нибудь привѣтствіе.

Чрезъ два дня одни старослужившіе въ Измайловскомъ полку офицеры получили приглашеніе къ обѣденному столу императора въ Петергофъ на 14-е іюня. Для отвоза туда приглашенныхъ назначенъ былъ придворный пароходъ, а въ Петергофѣ на пристани ждали ихъ придворные экипажи. Бывшему измайловскому офицеру Кожевникову, чиновнику придворной конторы, приказано было императоромъ показать приглашеннымъ Петергофъ, для чего ему былъ присланъ собственноручно написанный государемъ маршрутъ о томъ, что̀ слѣдуетъ смотрѣть. Послѣ великолѣпнаго завтрака въ Монплезирѣ, приглашенные измайловцы отправились въ придворныхъ экипажахъ по Петергофу. У Островковъ измайловцы встрѣтили императрицу, которая остановила свой экипажъ. Измайловцы подошли къ ней и услышали слѣдующее привѣтствіе, сказанное по-французски: „Господа, я поѣхала къ вамъ на встрѣчу, чтобы узнать, довольны ли вы всѣмъ? Не были ли вы обезпокоены на пароходѣ вѣтромъ, который очень сильно дулъ?" Всѣ были тронуты такимъ милостивымъ вниманіемъ.

Когда всѣ приглашенные къ обѣду собрались въ Большомъ дворцѣ, то дежурный генералъ-адъютантъ объявилъ имъ, что императоръ проситъ ихъ къ себѣ въ кабинетъ. Государь обратился къ старымъ измайловцамъ съ слѣдующими словами: „Надѣюсь, господа, что вы на меня не въ претензіи, что я васъ еще разъ обезпокоилъ, пригласивъ васъ отобѣдать ко мнѣ въ Петергофъ? Мнѣ истинное удовольствіе васъ видѣть, а когда мы еще увидимся—Богъ знаетъ. Знаете ли вы, что̀ это за комната? Это кабинетъ Петра Перваго. Въ немъ ничего не перемѣнено съ его времени; это былъ кабинетъ моего дѣда, моего батюшки, а теперь мой кабинетъ. Вы видите, сколько въ этой комнатѣ дорогихъ для меня воспоминаній, а теперь прибавится еще новое, сердечное воспоминаніе: то, что я васъ здѣсь принималъ. Право, глядя на васъ, мнѣ кажется, что у меня тридцать лѣтъ съ костей долой! Все ли вы видѣли въ Петергофѣ? я думаю, многіе изъ васъ его не узнали? Я приказалъ вамъ все показать и для того съ вечера самъ написалъ для васъ маршрутъ. Все ли вы видѣли? Всѣмъ ли довольны?" Государь бесѣдовалъ съ старыми измайловцами болѣе получаса. Вдругъ сзади послышались шаги: то былъ наслѣдникъ це-

саревичъ, только что пріѣхавшій изъ Царскаго Села. Императоръ пошелъ къ нему навстрѣчу, нѣжно его обнялъ и сказалъ своимъ гостямъ: „Господа, мнѣ нужно съ нимъ поговорить: я прошу васъ къ императрицѣ, на балконъ". Императрица Александра Өедоровна ждала измайловцевъ одна, на балконѣ, безъ всякой свиты. Императрица бесѣдовала съ измайловцами, пока государь не вышелъ изъ своего кабинета.

За столомъ по одну сторону императора, сидѣвшаго противъ императрицы, размѣстились старые измайловцы, а по другую сторону офицеры лейбъ-гвардіи саперкаго баталіона, праздновавшіе въ тотъ день свой годовой праздникъ. За обѣдомъ государь еще разъ произнесъ тостъ за здоровье своихъ „товарищей-друзей". Когда послѣ обѣда подали кофе, то императоръ пригласилъ старыхъ измайловцевъ послѣдовать за нимъ на балконъ. „Господа,—сказалъ онъ—въ память дней, проведенныхъ мною съ вами, примите отъ меня „Исторію Измайловскаго полка"; мнѣ жаль, что не успѣли напечатать достаточное для васъ число экземпляровъ; но если кому изъ васъ теперь не достанется по экземпляру, тѣмъ я самъ вышлю; оставьте только ваши адресы". Затѣмъ императоръ началъ собственноручно раздавать книги. На лицо измайловцевъ оказалось человѣкъ шестьдесятъ, а книгъ было не болѣе сорока. Вначалѣ государь раздавалъ безъ разбора всѣмъ, стоявшимъ подлѣ него; но когда количество книгъ сильно уменьшилось, то сталъ вызывать по именамъ.

Императоръ и императрица простились съ старыми измайловцами въ самыхъ лестныхъ для нихъ выраженіяхъ. Послѣдними словами государя были: „Готовьте вашихъ рекрутиковъ, я хочу, чтобы они всѣ были въ Измайловскомъ полку, чтобы вашъ духъ сохранился въ полку".

Д. Наумовъ.

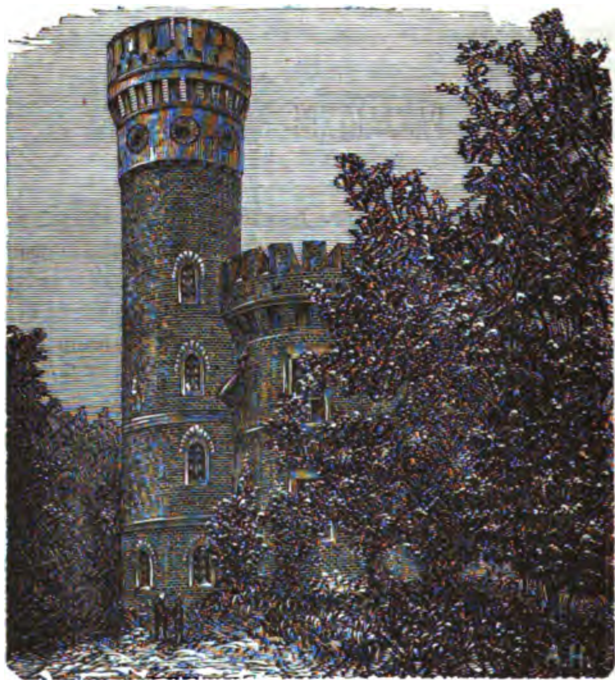
РАУДАНСКІЙ ЗАМОКЪ.

На полпути между гг. Ковно и Тильзитомъ, въ 60-ти верстахъ отъ послѣдняго, на правомъ возвышенномъ берегу Нѣмана, лежитъ замокъ Рауданъ, игравшій нѣкогда немаловажную роль въ исторіи Литвы и получившій извѣстность тѣмъ, что подъ стѣнами его палъ смертельно раненный Гедиминъ, могила котораго находится въ окрестностяхъ. Вся долина р. Нѣмана на 40 верстъ въ окружности видна съ громадной 15-ти саженной башни стараго замка, окруженнаго вѣковыми каштановыми, дубовыми и ясеневыми парками.

Во времена Гедимина, долина рѣки Нѣмана была усѣяна литовскими деревянными укрѣпленіями, защищавшими жителей Жмуди отъ набѣговъ нѣмцевъ. Полвѣка длилась упорная борьба язычниковъ литовцевъ съ христіанскими рыцарями.

Въ 1337 году, Теодорикъ Альтенбургскій, гросмейстеръ рыцарей тевтонскаго ордена, снарядилъ крестовый походъ на Жмудь. Главнокомандующимъ былъ избранъ Іоаннъ, король чешскій; но онъ дошелъ лишь до Вислы и передалъ начальство юному Генриху Баварскому, племяннику императора Людовика. Этотъ доблестный вождь остановился на Нѣманѣ и построилъ на маленькомъ островѣ, лежащемъ почти на серединѣ рѣки, крѣпостцу, которую назвалъ Романне-Вердеръ. Въ трехъ верстахъ ниже по Нѣману, на правомъ его берегу, расположено было большое деревянное укрѣпленіе, называвшееся Веліона. Оно было хорошо укрѣплено и считалось главнымъ оплотомъ литовцевъ, но не могло устоять противъ огнестрѣльнаго оружія рыцарей тевтонскаго ордена, неизвѣстнаго еще жмудскимъ защитникамъ. Виліона скоро пала и была сожжена, а на мѣстѣ ея было построено каменное укрѣпленіе Фридебергъ, нынѣ не существующее.

Воспользовавшись отсутствіемъ Гедимина, находившагося въ то время въ походѣ противъ татаръ, Генрихъ Баварскій рѣшился выстроить нѣсколько ниже Фридеберга, на горѣ, новый укрѣпленный замокъ, съ 15-ти саженною башнею, съ которой далеко въ обѣ стороны были видны берега и вся долина р. Нѣмана. Громадный замокъ строился весьма поспѣшно, подъ личнымъ наблюденіемъ Генриха, и чрезъ два года былъ оконченъ и названъ въ честь строителя Henryk-Bayern. (Замокъ сохранился до сего времени и извѣстенъ подъ своимъ жмудскимъ названіемъ Рауданъ, отъ жмудскаго слова raudone,— красный).



Башня Рауданскаго замка.

Генрихъ Баварскій, вскорѣ послѣ постройки замка, покинулъ Жмудь и всѣ свои владѣнія вмѣстѣ съ постройками, въ томъ числѣ и замокъ Рауданъ, продалъ гросмейстеру тевтонскихъ рыцарей Теодорику, который, 17-го декабря 1337 года, получилъ отъ императора германскаго Людовика грамоту на владѣніе Литвою и Жмудью вмѣстѣ съ замкомъ Рауданомъ, возведеннымъ на степень столицы новаго государства Теодорика Альтенбургскаго. Между тѣмъ Гедиминъ, окончивъ свой татарскій походъ, вернулся въ г. Вильну въ началѣ 1338 года и тотчасъ же началъ готовиться къ войнѣ противъ новыхъ сосѣдей тевтонцевъ.

Угрюмый, печальный сидѣлъ Гедиминъ въ своей ставкѣ, придумывая, какъ бы завладѣть грознымъ Рауданомъ. Вдругъ къ нему въ ставку вошелъ молодой жмудинъ, выходецъ съ границы Пруссіи, проживавшій вмѣстѣ съ братомъ своимъ въ Рауданѣ въ качествѣ хранителей тайниковъ (потайныхъ ходовъ). Братъ его остался въ замкѣ, а онъ темной ночью пробрался въ лагерь къ Гедимину и предложилъ ему за кошель золота предать замокъ, указавъ тайные ходы, и при помощи брата убить или взять живымъ Теодорика. Гедиминъ радостно принялъ предложеніе, и подъ предводительствомъ сына своего Ольгерда двинулъ на Рауданъ свои полчища. 15-го іюня того же года, литовцы появились у замка, но вмѣсто отворенныхъ воротъ увидѣли въ башенномъ окнѣ повѣшеннаго пруссака,—его выдалъ братъ, не захотѣвшій нарушить присяги крещенія мечемъ. Ольгердъ не упалъ духомъ и началъ осаду. Двадцать два дня длилась она безъ всякаго результата; наконецъ Ольгердъ, во главѣ своей отборной дружины, бросился на штурмъ замка и достигъ уже стѣнъ его, но храбрецы, поражаемые градомъ пуль, устлали путь своими трупами и должны были отступить. Рауданъ устоялъ, но ряды тевтонцевъ сильно порѣдѣли, а множество труповъ у стѣнъ замка, вслѣдствіе лѣтнихъ жаровъ, стали быстро разлагаться и производить невыносимое зловоніе, отчего среди защитниковъ началась страшная смертность.

7-го іюля, на зарѣ, въ Рауданѣ услышали звуки трубъ—это шелъ на выручку рыцарь Генрихъ Дусмеръ-фонъ-Арбергъ съ новыми дружинами тевтонцевъ. Ольгердъ со всѣми войсками двинулся навстрѣчу пришельцамъ. Закипѣла жестокая битва, окончившаяся полнымъ пораженіемъ Ольгерда.

Въ началѣ слѣдующаго 1339 года, Гедиминъ собралъ новыя дружины и, самъ ставъ во главѣ ихъ, быстро двинулся на Рауданъ и штурмовалъ его. Рауданцы встрѣтили враговъ жестокимъ огнемъ; артиллерія тевтонцевъ и германцевъ произвела столь страшное опустошеніе въ рядахъ нападающихъ, что они поколебались. Тогда престарѣлый Гедиминъ, сойдя съ коня и опираясь на свой мечъ, пошелъ впереди, одушевляя воиновъ своимъ примѣромъ. Но едва онъ приблизился къ стѣнамъ замка, какъ изъ окна башни грянулъ выстрѣлъ и Гедиминъ упалъ смертельно раненый. Кликъ радости раздался за стѣнами. Рыцари привѣтствовали мѣткій выстрѣлъ, направленный искусною рукою начальника башни, рыцаря Тилемана фонъ-Зумпаха.

Неописанное смятеніе распространилось въ войскахъ Гедимина. Раненаго и находившагося въ обморокѣ князя отнесли на щитѣ въ безопасное мѣсто. Гедиминъ открылъ въ послѣдній разъ глаза, въ которыхъ свѣтилась непреклонная воля, не покинувшая и теперь истекавшаго кровью старца, твердымъ голосомъ выразилъ желаніе, чтобы его похоронили въ Виліонѣ, затѣмъ приказалъ сыновьямъ во

чтобы то ни стало взять Рауданъ, но пощадить жизнь своего убійцы, и заклиналъ ихъ жить въ вѣчной дружбѣ и согласіи. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого онъ скончался.

Литовскія войска отступили отъ Раудана и, нетревожимыя непріятелемъ, въ безмолвіи, торжественно понесли бездыханное тѣло своего вождя въ Виліону. Здѣсь на громадномъ кострѣ трупъ былъ сожженъ. Войска вырыли могилу у подошвы такъ называемой замковой горы, опустили туда пепелъ и насыпали громадную земляную насыпь въ 40 футовъ вышиною, которая и зовется съ тѣхъ поръ Гедиминовою горою.

Гедиминова могила.

Похоронивъ отца, Гедиминовичи собрались въ г. Ковно и на большомъ военномъ совѣтѣ рѣшили исполнить волю отца, и продолжать военныя дѣйствія противъ тевтонцевъ и германцевъ. Главнымъ вождемъ былъ избранъ старшій братъ Монтвидъ. Послѣдній энергически взялся за дѣло. Владѣя громадной казною, онъ скоро могъ достать огнестрѣльное оружіе и набрать хорошихъ стрѣлковъ.

Съ 40.000 арміею и огромною артиллеріею Монтвидъ подступилъ къ Раудану. Многодневный бой подъ стѣнами замка рѣшилъ участь Раудана въ пользу Монтвида. Замокъ палъ и уцѣлѣвшій гарнизонъ сдался въ плѣнъ вмѣстѣ съ рыцаремъ Зумпахомъ. Гедиминовичъ не исполнилъ предсмертнаго приказанія отца. Несчастный Тилеманъ-фонъ-Зумпахъ былъ повѣшенъ въ томъ самомъ окнѣ башни, изъ ко-

тораго застрѣлилъ Гедимина. Затѣмъ Монтвидъ двинулся далѣе по р. Нѣману, разбилъ новыя войска германцевъ и тевтонцевъ, шедшія на выручку Раудана, взялъ города Рагнитъ и Тильзитъ, и заключилъ чрезвычайно выгодный миръ. Но въ 1343 году германцы, узнавъ о раздорахъ, возникшихъ между Гедиминовичами, объявили имъ войну и, напавъ врасплохъ на Рауданъ, овладѣли имъ и разрушили его. Вмѣсто разрушеннаго Раудана, тевтонцы построили въ 9-ти верстахъ ниже по р. Нѣману новый замокъ, названный Бейербургомъ, который сохранился до нашего времени и извѣстенъ на Жмуди подъ именемъ замка Гелгуда.

Дальнѣйшія извѣстія о Рауданѣ относятся уже къ XVI столѣтію, когда король польскій Жигмонтъ II Августъ пожаловалъ замокъ и его окрестности Кристину-фонъ-Киршенштейну, который возобновилъ его и устроилъ. Съ того времени, втеченіе болѣе двухъ столѣтій, замокъ находился во владѣніи рода Киршенштейновъ, давшаго Литвѣ многихъ воеводъ и епископовъ.

Гербъ Киршенштейновъ на замкѣ сохранился до сего времени и красуется на башнѣ съ восточной стороны замка.

Въ 1810 году, Рауданъ былъ купленъ княземъ Платономъ Александровичемъ Зубовымъ, пожелавшимъ присоединить его къ своимъ громаднымъ помѣстьямъ, пожалованнымъ ему императрицей Екатериной II на Жмуди послѣ третьяго раздѣла Польши. Въ 1812 году, замокъ былъ разрушенъ пожаромъ; уцѣлѣлъ лишь главный фасадъ съ башнею, но вскорѣ онъ былъ возобновленъ съ такою небывалою роскошью, что могъ затмить всѣ сосѣдніе, не только германскіе и литовскіе, но и знаменитые польскіе замки богачей Радзивилловъ, Потоцкихъ и т. п. магнатовъ. Князь Зубовъ отдалъ Рауданъ въ приданое за своей дочерью Софіею Платоновною, вышедшей замужъ за барона Пирча. Въ 1831 году, замокъ вторично сгорѣлъ и оставался въ развалинахъ болѣе двадцати лѣтъ. Баронъ Пирчъ умеръ, а владѣлица Рауданъ вышла замужъ за сенатора П. С. Кайсарова и въ 1844 году поселилась въ Рауданахъ, въ старомъ готическомъ домѣ, расположенномъ на сѣверной окраинѣ обширнаго парка, окружающаго замокъ. Въ 1854 году, владѣлица приступила къ перестройкѣ замка по новому плану, значительно его расширившему. Пристройки съ западной стороны образовали громадный залъ въ два свѣта съ балконами и террасой, съ которой открывается Нѣманъ въ очаровательной перспективѣ. Знаменитая 15-ти саженная башня, послѣ самой тщательной реставраціи, украсилась новымъ мраморнымъ гербомъ бароновъ Пирчъ. Главный фасадъ (на востокъ) снабженъ новой стѣной и украшенъ широкими итальянскими окнами и тремя раздѣльными башнями. Фасадъ этотъ изумителенъ по своему великолѣпію и грандіозности; онъ превзошелъ въ архитектурномъ отношеніи все, что до того времени существовало въ замкѣ. Самый замокъ имѣетъ три фасада. Въ сѣверной части устроена православная церковь Рождества

Христова, оконченная и освященная въ 1857 году, замѣчательная по своему иконостасу изъ цѣльнаго рѣзнаго дуба, работы извѣстнаго рѣзчика Скворцова, и живописи извѣстныхъ русскихъ художниковъ 60-хъ годовъ, въ томъ числѣ академика А. С. Богомолова. Въ замкѣ есть также и католическій костелъ, отдѣланный въ готическомъ стилѣ—необыкновенно роскошный. Къ сожалѣнію, несовсѣмъ удачная архитектура колокольни православной церкви идетъ въ разрѣзъ съ общимъ стилемъ замка (замокъ перестраивался и реставрировался по планамъ архитектора покойнаго принца Ольденбургскаго, Штегемана).

Послѣ 1861 года, эпохи освобожденія крестьянъ, и затѣмъ польскаго мятежа 1863 г., работы въ замкѣ шли медленно, и съ 1877 г., когда пожаръ истребилъ старый домъ, остановились вовсе. Съ 1880 года, послѣ смерти г-жи Кайсаровой, внука ея, наслѣдовавшая Рауданы, снова возобновила работы по устройству замка и продолжаетъ ихъ до сихъ дней.

А. Норовлевъ.

КАРТИНА ИЗЪ ИСТОРІИ ФРАНЦУЗСКАГО ТЕРРОРА.

(Une famille noble sous la Terreur. Alexandrine des Echerolles. Paris. Plon. 1879).

ЕРЕВОРОТЪ, совершившійся во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія, всегда будетъ однимъ изъ самыхъ поучительныхъ событій въ исторіи. Онъ постоянно будетъ привлекать общее вниманіе и своимъ всемірно-историческимъ значеніемъ, и въ то же время своей индивидуальной, драматической стороной. Къ французской революціи 1789—1799 года будутъ обращаться, чтобы изучить причины ее вызвавшія, чтобы выяснить историческіе законы въ ней проявившіеся и оцѣнить вліяніе, которое она имѣла на жизнь французскаго народа и культурное развитіе человѣчества; но вмѣстѣ съ тѣмъ ею будутъ интересоваться потому, что она представляетъ собой одну изъ величайшихъ и потрясающихъ драмъ, въ которой играли свою роль, сталкиваясь между собой, идеалы и заблужденія одного изъ самыхъ плодовитыхъ культурныхъ вѣковъ, подъ ихъ вліяніемъ пришла въ движеніе и заколыхалась многомилліонная масса, поднимались и гасли какъ метеоры сотни политическихъ дѣятелей, оставившихъ послѣ себя добрую или худую память, когда тысячи человѣческихъ сердецъ переполнялись такими надеждами, иллюзіями и страстями и переносили такія страданія, какія едва ли совмѣщало въ себѣ какое нибудь иное десятилѣтіе въ исторіи человѣчества. Для оцѣнки всемірно-историческаго значенія революціи, нужна продолжительная научная работа; болѣе того, нуженъ—опытъ вѣковъ, который полнѣе раскрылъ бы предъ нами ея вліяніе и ея результаты и далъ бы возможность потомству съ бо́льшей зрѣлостью судить объ этомъ событіи, подобно тому, какъ мы теперь лучше понимаемъ катастрофу, постигшую римскую республику, чѣмъ современники этого переворота. Но для того, чтобы вникнуть въ драматическую сторону француз-

ской революціи, ея нравственный обликъ, чтобы понять, какимъ образомъ она отразилась на человѣкѣ какъ индивидуальномъ, нравственномъ существѣ, и какую роль игралъ въ ней человѣкъ—для этого намъ важнѣе всего свидѣтельство и исповѣдь современниковъ революціи, необходимо, такъ сказать, личное ознакомленіе съ ними. Въ виду этой цѣли для насъ драгоцѣненъ всякій новый памятникъ, который расширяетъ наше знакомство съ современниками, даетъ намъ возможность перенестись въ ихъ эпоху и среду, переживать ихъ ощущенія и взглянуть въ ихъ душу; и онъ будетъ тѣмъ драгоцѣннѣе, чѣмъ болѣе непосредственна заключающаяся въ немъ исповѣдь, чѣмъ безъискусственнѣе изложеніе и чѣмъ менѣе общая, политическая сторона затемняетъ частный, психологическій элементъ. Въ этомъ отношеніи представляютъ особенный интересъ изданныя два года тому назадъ въ Парижѣ и печатаемыя теперь въ приложеніи къ „Историческому Вѣстнику" въ русскомъ переводѣ „Записки Александрины дез-Ешероль" [1]), описывающія судьбу одного изъ многочисленныхъ семействъ, разбитыхъ въ водоворотѣ-революціи, и изображающія одну изъ самыхъ чистыхъ жертвъ эпохи, на жизни которыхъ такъ тяжело отразилось это роковое событіе. Революція захватила автора Записокъ счастливымъ ребенкомъ; дѣтская душа ея развертывалась лишь для того, чтобы болѣзненно ощущать на себѣ и на близкихъ страшный ростъ общей смуты, чтобы нравственно крѣпнуть въ школѣ самыхъ тяжкихъ испытаній и среди нравственной грязи и разгула дикихъ инстинктовъ развивать въ себѣ благородные задатки, вложенные въ нее природой. Ея разсказъ переноситъ насъ въ самую глубь провинціальной глуши старой Франціи, куда сначала достигали только отдаленные плески революціоннаго водоворота, но уже достаточно сильные, чтобы совершенно замутить и этотъ тихій уголокъ. Отсюда читатель слѣдуетъ за семьей невольныхъ эмигрантовъ въ Ліонъ и переживаетъ тамъ съ нею всю эпоху террора съ ея возмутительными и захватывающими душу перепитіями; зрѣлище террора въ Ліонѣ тѣмъ интереснѣе, что, за исключеніемъ Вандеи, этотъ большой промышленный городъ былъ главнымъ изъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ оппозиція мирнаго населенія противъ насилій якобинцевъ была настолько сильна, что привела къ открытому дружному возстанію и временному торжеству. Правда, тѣмъ ужаснѣе былъ терроръ, когда онъ снова водворился въ Ліонѣ. Парижскимъ якобинцамъ, совершенно поработившимъ Конвентъ послѣ изгнанія изъ него жирондистовъ и ихъ приверженцевъ, пришлось лѣтомъ 1793 г. вести правильную осаду Ліона, и когда онъ былъ взятъ приступомъ войсками Конвента, террористы неистовствовали въ немъ съ удвоенной яростью, какъ политическіе фанатики,

---

[1]) „Записки дез-Ешероль" были напечатаны въ первый разъ въ 1843 году подъ другимъ заглавіемъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, предназначенныхъ только для близкихъ автору лицъ.

желавшіе искоренить своихъ противниковъ, и какъ ожесточенные сопротивленіемъ побѣдители. Во время этого террора молодая дѣвушка потеряла на эшафотѣ свою тетку, замѣнявшую ей мать, отца и всю семью, и оставшись въ полномъ одиночествѣ, обобранная муниципальными комиссарами, избѣгла сама гильотины лишь благодаря своей крайней моложавости и хилости и участію къ ней добрыхъ людей. Долго затѣмъ пришлось ей, когда послѣ паденія Робеспьера стихнулъ терроръ и давалъ себя чувствовать только отдѣльными судорожными движеніями, скитаться по Франціи, увидѣть свой родной кровъ, который присвоили себѣ чужіе, и искать пріюта то у друзей, потерявшихъ свое благосостояніе, то у старой, выжившей изъ ума родственницы, которую обирали хитрые слуги и интриганы, пока наконецъ ей не удалось, хотя и на чужбинѣ, подобно многимъ изъ ея соотечественниковъ, собственнымъ трудомъ обезпечить свое положеніе. Приглашенная воспитательницей къ виртембергскому двору, Александрина дез-Ешероль, сама воспитанная и образованная лишь тяжелымъ опытомъ жизни, нашла, благодаря своимъ душевнымъ качествамъ и серьезному отношенію къ жизни, всеобщее уваженіе и преданныхъ друзей. Она записала свои воспоминанія для своей племянницы, которую воспитала и хотѣла познакомить съ прошлой судьбой ея семьи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы этимъ путемъ заявить свою благодарность тѣмъ лицамъ, которыя самоотверженно являлись на помощь къ ней и къ членамъ ея семьи въ тяжелые года террора— или покрайней мѣрѣ почтить ихъ память. Изъ этого видно, что въ Запискахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, преобладаетъ личный элементъ. Это свойство придаетъ воспоминаніямъ дез-Ешероль ту душевную теплоту и, прибавимъ, ту жизненную правду и реальность, которыя очаровываютъ читателя и приковываютъ его вниманіе, хотя Записки по своему содержанію не представляютъ интереса историческихъ мемуаровъ въ строгомъ смыслѣ. Революція съ ея главными, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстными перепитіями, составляетъ какъ бы только грозный фонъ картины; читателю Записокъ представляется какъ бы только ея отраженіе въ душѣ и въ судьбѣ современныхъ ей людей; но рѣдкій романъ съ искусной, драматической завязкой, съ глубокимъ психологическимъ анализомъ, можетъ въ такой степени завладѣть вниманіемъ читателя и вызвать въ пользу вымышленныхъ героевъ такое участіе, какъ эти біографическія записки молодой дѣвушки о своей семьѣ, потерпѣвшей крушеніе въ революціонной пучинѣ. Интересъ, который представляютъ Записки въ этомъ отношеніи, даетъ себя чувствовать читателю съ первыхъ же страницъ; но мы не станемъ его здѣсь касаться и останавливаться на чрезвычайно занимательныхъ біографическихъ подробностяхъ разсказа. Мы хотимъ поговорить здѣсь только объ историческомъ интересѣ Записокъ, о значеніи, которое онѣ имѣютъ для исторіи революціи. Въ этомъ отношеніи важенъ прежде всего психологическій моментъ, который въ

нихъ высказывается, душевное настроеніи современниковъ революціи, которое онѣ передъ нами рисуютъ.

Мы судимъ теперь о революціи 1789 г. на большомъ разстояніи, правда—очень удобномъ для исторической перспективы, но чрезвычайно скрадывающемъ реальный характеръ событія. Но еще болѣе отдаляютъ насъ отъ нея общераспространенныя сочиненія, идеализирующія революцію, подобно исторіи Мишле, или представляющія ее, напримѣръ у Тьера и Минье, въ видѣ отвлеченнаго процесса, развивавшагося по законамъ внутренней логики и исторической необходимости. Если читатель, нѣсколько отуманенный этой исторической діалектикой, возьметъ въ руки книгу, подобную запискамъ дез-Ешероль, онъ какъ будто выйдетъ на свѣжій воздухъ; съ его глазъ спадетъ пелена, и онъ во многомъ измѣнитъ свои сужденія. Онъ пойметъ и оцѣнитъ замѣчаніе, сдѣланное Александриною дез-Ешероль въ предисловіи къ своимъ запискамъ: „кто не былъ задѣтъ, не былъ раздавленъ революціонной смутой, не долженъ слишкомъ рѣшительно судить о ней. Это значило бы то же самое, какъ бы подъ безоблачнымъ небомъ, среди мирной долины, желать постигнуть силу бури, которая вдали вздымаетъ океанъ“.

Кромѣ большой осмотрительности и безпристрастія въ сужденіяхъ о революціи, внимательный читатель записокъ Ал. дез-Ешероль вынесетъ еще другой результатъ: онъ убѣдится, что ключъ къ объясненію тогдашнихъ событій и образа дѣйствій людей революціонной эпохи нужно искать не въ одномъ только вліяніи идей XVIII вѣка и историческихъ условій, вызвавшихъ переворотъ и опредѣлившихъ его общее направленіе, но что подкладку дѣйствительности составляли—какъ вѣрно замѣчено въ предисловіи—„вихрь политическихъ страстей, властолюбіе во что бы то ни стало, овладѣвшее одними, и безпредѣльный ужасъ, который обуялъ другихъ“. Передъ читателемъ раскроется реальная сторона революціи, та, которая была всего ощутительнѣе для ея современниковъ, и онъ согласится съ авторомъ Записокъ, что непосредственнымъ результатомъ переворота, который имѣлъ цѣлью уничтоженіе всѣхъ сословныхъ и мѣстныхъ различій, было распаденіе французскаго народа на два новыя сословія,—классъ „палачей и жертвъ“. Усвоить себѣ этотъ коренной фактъ, дать себѣ отчетъ о вызвавшемъ его „вихрѣ страстей“, который охватилъ отдѣльныхъ лицъ и массу — есть, конечно, главное условіе, чтобы вѣрно понять революцію; читатель, который поставитъ себѣ такую задачу, найдетъ въ запискахъ дез-Ешероль много матеріала, драгоцѣннаго для политическаго и для культурнаго историка.

Начало Записокъ вызываетъ участіе въ читателѣ контрастомъ между семейной идилліей и разрушающими ее порывами революціонной бури. Въ одной изъ центральныхъ провинцій Франціи, около города Мулена, стоялъ замокъ дез-Ешероль, давно уже принадлежавшій старинному дворянскому роду Жиро, утратившему, подобно многимъ

другимъ дворянскимъ фамиліямъ, значительную часть своего прежняго благосостоянія, но за то эта семья сохранила всѣ типическія черты воинственнаго дворянскаго сословія Франціи; одно поколѣніе этого рода за другимъ выростаетъ и старѣется въ лагерѣ и на поляхъ сраженія. Такъ и отецъ Александрины, вступивъ 9 лѣтъ въ полкъ своего отца, дослужился до генеральскаго чина и по завѣту предковъ посвятилъ своихъ двухъ сыновей военной службѣ съ самого дѣтскаго возраста, такъ что старшій уже тринадцати лѣтъ былъ кавалерійскимъ офицеромъ и стоялъ съ полкомъ въ гарнизонѣ. Семья жила въ ладахъ съ своими арендаторами и пользовалась полнымъ уваженіемъ жителей сосѣдняго города.

Для читателя любопытно найти на первыхъ страницахъ Записокъ подтвержденіе факта, обнаруживающагося и изъ другихъ провинціальныхъ памятниковъ, что первымъ признакомъ совершавшейся въ центрѣ государства политической революціи, первымъ результатомъ, которымъ она дала себя почувствовать провинціи, — была какая-то странная смута умовъ, паническій страхъ, невѣдомо кѣмъ вызванный и эпидемически распространявшійся. Какъ въ другихъ мѣстностяхъ, такъ и въ Муленѣ, вдругъ сталъ распространяться слухъ, что гдѣ-то появились какія-то шайки вооруженныхъ людей, какіе-то разбойники и грабители (brigands). Толпа заволновалась, схватилась за оружіе, образовала изъ себя народную стражу, избрала для нея офицеровъ— и революція организовалась. Пожилой уже генералъ дез-Ешерель, прогуливавшійся по улицамъ, былъ окруженъ толпой и провозглашенъ командиромъ. И въ этомъ случаѣ, какъ видно, толпа довѣрчиво отнеслась къ своимъ старымъ вождямъ, къ мѣстной аристократіи, и нашла съ ея стороны сочувственное расположеніе. Но этотъ первый слой революціоннаго потока, состоявшій изъ людей стараго режима, благосклонно отнесшихся къ новому движенію, былъ быстро снесенъ революціей. Происшествія въ Муленѣ и въ этомъ случаѣ представляютъ намъ типическія черты эпохи. И въ Муленѣ поводомъ къ раздору была старая, наболѣвшая рана до-революціонной Франціи— подозрительная ненависть къ хлѣбнымъ торговцамъ вообще, какъ къ виновникамъ дороговизны. Плохіе пути сообщенія, законы, стѣснявшіе внутреннюю и заграничную торговлю хлѣбомъ, вызывали при старомъ порядкѣ частыя и несоразмѣрныя колебанія цѣнъ на этотъ товаръ, поощряли спекуляцію и постоянно тревожили населеніе, которое приписывало зло одной только спекуляціи и въ минуту паники готово было видѣть кровопійцу (affameur) въ каждомъ хлѣбномъ торговцѣ. Подъ вліяніемъ такого настроенія, жители одной общины, сосѣдней съ Муленомъ, напали на хлѣбнаго торговца Ноальи, связали его и поволекли въ городъ. Это было повтореніемъ въ сотый разъ кровавой сцены на Парижскихъ улицахъ съ Фулономъ и Бертье, арестованными и замученными толпой на глазахъ муниципальныхъ властей. Новый командиръ муленской національной гвардіи съ опасностью жизни

исполнилъ свою обязанность—отстоялъ, не смотря на свои лѣта, жертву народной ярости и доставилъ арестанта въ городскую тюрьму, а затѣмъ, когда буря утихла, выпустилъ его на свободу. Муленскій народъ, т. е. проникшаяся революціоннымъ фанатизмомъ часть населенія, никогда этого не простилъ обманувшему его избраннику своему и вскорѣ дез-Ешероль самъ былъ заключенъ въ тюрьму и подвергся суду.

Одной изъ причинъ, почему начальникъ народнаго ополченія такъ скоро утратилъ свою прежнюю популярность, была эмиграція его сыновей. Много было сказано для характеристики эмиграціи, много доводовъ и фактовъ приведено въ осужденіе или въ оправданіе ея; но все это должно быть сведено къ одной основной чертѣ указаннаго явленія, которая можетъ быть выражена однимъ понятіемъ — честь. L'honneur, это могущественное нѣкогда слова, представляетъ собой существенную черту стараго, феодальнаго строя Франціи; недаромъ построилъ на немъ Монтескьё свое опредѣленіе монархіи. Главнымъ блюстителемъ этого древне-французскаго понятія было дворянство; его понятіе о чести сложилось при условіяхъ давно минувшаго быта, оно кристализовалось втеченіе дальнѣйшей исторической жизни и получило силу преданія; поэтому въ концѣ XVIII в. оно уже находилось въ противорѣчіи съ реальными условіями жизни, но при столкновеніи съ революціей ожило съ новой силой среди того сословія, которое было хранителемъ рыцарскаго преданія, и вызвало эмиграцію. „L'honneur comptait autant que la patrie", сказалъ объ эмигрантахъ Шатобріанъ, который самъ былъ въ ихъ числѣ; записки дез-Ешероль вполнѣ подтверждаютъ это объясненіе и мѣтко изображаютъ то настроеніе, которое овладѣло тогда французскимъ дворянствомъ и которое слагалось изъ романтическаго увлеченія, лихорадочнаго пыла сангвиническаго самообольщенія подъ вліяніемъ деспотической силы общественнаго мнѣнія и особенно вліянія женщинъ, побуждавшаго многихъ уѣхать въ лагерь подъ Кобленцемъ, чтобы уйти отъ ихъ насмѣшекъ.

Полный контрастъ съ этимъ движеніемъ, въ которомъ сословный духъ сталкивается съ національнымъ чувствомъ, представляетъ революціонное возбужденіе массы, враждебной къ эмиграціи и своимъ недоброжелательствомъ ко всѣмъ, кого она подозрѣвала въ сочувствіи къ эмигрантамъ, увеличивавшей ихъ число. Характеристическимъ знаменемъ этой эпохи была политическая невѣжественность и суевѣрность массы населенія, крайняя податливость, съ которой она принимала и распространяла самые дикіе, несообразные слухи и клеветы. Талантливый историкъ-психологъ революціоннаго общества — Тэнъ собралъ нѣсколько яркихъ примѣровъ для изображенія этого болѣзненнаго симптома; авторъ Записокъ изъ своихъ воспоминаній сообщаетъ новые факты, доказывающіе повсемѣстность этого народнаго суевѣрія и однообразіе дѣйствовавшей подъ его вліяніемъ фантазіи:

въ Муленѣ, напр., распространялся слухъ, что старикъ дез-Ешероль велѣлъ сдѣлать подкопъ подъ соборомъ, чтобы его взорвать во время всенощнаго служенія, и вся семья его поспѣшила отправиться въ соборъ, чтобы своимъ присутствіемъ опровергнуть клевету. Въ другой разъ прошелъ слухъ, что мина проложена подъ главной улицей и будетъ взорвана во время народнаго гулянья и что въ густомъ саду одного изъ сосѣднихъ домовладѣльцевъ запрятаны пушки, изъ которыхъ будутъ стрѣлять послѣ взрыва въ смущенную толпу.

Заключеніе въ тюрьму дез-Ешероль не положило конца такимъ слухамъ. Одинъ учитель, заключенный вмѣстѣ съ нимъ, предложилъ давать его молодой дочери уроки географіи и физики и для этой цѣли велѣлъ принести въ тюрьму электрическую машину. Въ это время стояли сильные жары и каждый день надъ городомъ и окрестностями собиралась гроза; одного изъ гражданъ-патріотовъ, сдѣлавшихъ доносъ на дез-Ешероль, убило молніей, когда онъ скакалъ въ грозу во весь опоръ; толпа приписала его смерть мести и колдовству стараго командира, орудовавшаго изъ своей высокой башни смертельнымъ снарядомъ, чтобы губить жителей Мулена; опасная машина была унесена и всякіе уроки строго воспрещены.

Такія черты, которыми слишкомъ пренебрегали патетическіе историки, рисуютъ намъ главнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ неуловимаго и безотвѣтственнаго дѣятеля революціи — такъ называемый народъ, т. е. неопредѣленную и безразличную людскую массу, которая то даетъ чувствовать свою силу глухимъ давленіемъ на мнѣнія и событія, то, встревоженная какимъ нибудь слухомъ или возбужденная страстью, набѣгаетъ какъ волна, и является на сцену въ видѣ уличной толпы, легковѣрной, раздражительной и „жестокой какъ ребенокъ“.

Жестокость этого ребенка авторъ Записокъ имѣлъ случай не разъ испытать. Дез-Ешероль опасно заболѣлъ въ тюрьмѣ; въ день суда онъ былъ не въ силахъ держаться на ногахъ и только съ помощью тюремщика дотащился до выхода. Видъ больнаго старика, однако, нисколько не смягчилъ толпы, которая съ воплями и ругательствами требовала, чтобы онъ шелъ пѣшкомъ и не смѣлъ садиться въ приготовленныя носилки. Мѣстомъ суда служила церковь одного изъ конфискованныхъ монастырей, которая быстро наполнилась разъяренной толпой. Женщины, „подобныя тигрицамъ“, кидались на подсудимаго, чтобы растерзать его, и во время допроса военный караулъ былъ нѣсколько разъ принужденъ прицѣливаться въ нападавшихъ, чтобы ихъ сдержать. Читатель Записокъ такимъ образомъ какъ бы самъ присутствуетъ при возникновеніи террора: онъ видитъ, какъ запуганная безсмысленными слухами и безсовѣстной агитаціей толпа начинаетъ сама запугивать другихъ—муниципальныя власти, судей и пр., какъ страхъ порождаетъ терроръ. Терроръ постепенно становится системой и даетъ себя чувствовать въ провинціи задолго до начала эры офиціальнаго террора въ Парижѣ — 10 августа 1792 года. Онъ

обнаруживается прежде всего въ произвольныхъ арестахъ по нелѣпому подозрѣнію, въ мелочныхъ притѣсненіяхъ заключенныхъ, въ давленіи публики на судъ и запугиваніи судей.

Жертвами террора были, впрочемъ, съ самаго начала не одни только дворяне и богатые торговцы. Въ Запискахъ приведенъ интересный фактъ, показывающій, какимъ способомъ новыя власти обращались съ народомъ и буквально примѣняли къ мирному сельскому населенію теоретическія разсужденія автора „Общественнаго договора", истолковывавшаго всякое насиліе надъ гражданами, несогласными „съ общей волей, — приневоленіемъ къ свободѣ" [1]) Въ одной изъ деревень уничтоженіе дворянскихъ привилегій выразилось въ томъ, что церковная скамья помѣщика была предана сожженію; на ея мѣстѣ появилась однако новая почетная скамья для общиннаго мэра и мэрессы, но крестьяне не хотѣли потерпѣть, чтобы ихъ „мэресса разыгрывала даму", и за это попали въ муленскую тюрьму, какъ противники народной воли.

Приговоръ суда, оправдавшій дез-Ешероль, „не былъ ратифицированъ народомъ". Хотя онъ тотчасъ выѣхалъ въ свое помѣстье, это не успокоило толпы. Въ Муленѣ происходили многочисленныя сборища, на которыхъ говорили о томъ, чтобы пойти на Ешероль, сжечь замокъ и снова захватить измѣнника. Съ помощью одного преданнаго фермера, дез-Ешероль удалось тайно выѣхать изъ своей провинціи, и такъ какъ дорога въ Парижъ вела черезъ Муленъ, то онъ отправился въ Ліонъ, во второй изъ большихъ городовъ Франціи, гдѣ въ массѣ населенія легче было скрыться. Туда послѣдовали за нимъ сестра и дочь. Но вмѣсто покоя и спасенія бѣглецовъ ожидала въ Ліонѣ кровавая драма широко разливщагося революціоннаго террора. То было начало сентября 1792 года. Сентябрскія убійства въ Парижѣ, т. е. систематическое избіеніе заключенныхъ въ парижскихъ тюрьмахъ 2—4 сентября вызвали тотчасъ подобныя же сцены въ остальной Франціи. Въ Ліонѣ рѣзня въ тюрьмѣ (massacre) происходила 9 сентября, и хотя это не было такимъ организованнымъ, политическимъ дѣйствіемъ, какъ въ Парижѣ, гдѣ главными виновниками были многіе члены революціонной коммуны и въ числѣ убійцъ были наемные исполнители; но и въ Ліонѣ безсовѣстная и сумасбродная агитація вождей играла существенную роль. Возвращаясь изъ Парижа послѣ 10 августа (разгромъ Тюльерійскаго дворца и сверженіе Людовика XVI), пресловутый Шалье, выставленный въ исторіи Мишле какимъ-то вдохновленнымъ пророкомъ и героическимъ мученикомъ,—на самомъ же дѣлѣ фанатикъ, политическій бредъ котораго отличался явными признаками

[1]) „...quiconque refusera d'obéir à la volonté générale y sera contraint par tout le corps; ce qui ne signifie autre chose si non qu'on le forcera d'être libre". Cont. Soc. L. I, ch. 7.

помѣщательства, по дорогѣ въ Ліонъ съ имперіала дилижанса возбуждалъ толпу неистовыми рѣчами и ругательствами. „Братья и друзья“, кричалъ онъ, „вы разрушили проклятую Бастилію, но вы низвергли однѣ только стѣны; васъ ожидаетъ болѣе достойная работа: снимайте головы. Да здравствуетъ народъ! да здравствуетъ свобода“! Какъ въ Парижѣ, обезумѣвшей толпѣ были и здѣсь напередъ приготовлены и указаны жертвы; нѣсколько офицеровъ Польскаго полка (Royal Pologne), арестованныхъ солдатами какъ измѣнники и нѣсколько священниковъ, не давшихъ присяги на конституцію, были на глазахъ всего города заключены въ отдѣльномъ, плохо защищенномъ фортѣ Ліона. Въ Запискахъ дез-Ешероль чрезвычайно живо изображены разгромъ форта Піер-Сиза и страшныя, отвратительныя сцены, бывшія его послѣдствіемъ.

И дальнѣйшее повѣствованіе автора представляетъ большой интересъ для исторіи Ліона въ революціонную эпоху. Особенно яркое впечатлѣніе выноситъ читатель изъ описанія осады Ліона войсками Конвента, во время которой дез-Ешероль, какъ опытному военному, была поручена муниципальнымъ правительствомъ защита воротъ св. Иренея. Послѣдовавшее послѣ взятіе Ліона бѣгство отца дез. Ешероль, обыски въ его квартирѣ, арестъ его сестры за то, что она не указывала его мѣста жительства, ея пребываніе въ тюрьмѣ, ея казнь и другіе эпизоды изъ исторіи семьи дез-Ешероль хорошо освѣщаютъ положеніе дѣлъ въ Ліонѣ и въ остальной Франціи въ 1793 г. На этомъ общемъ фонѣ выступаютъ нѣсколько историческихъ личностей, съ которыми пришлось столкнуться четырнадцатилѣтней дѣвушкѣ, напрягавшей всѣ усилія, чтобы облегчить участь своей тетки. И хотя эти лица являются въ разсказѣ только на одинъ моментъ, на нихъ въ эту минуту падаетъ такой яркій свѣтъ, что читатель получаетъ полное и неизгладимое впечатлѣніе. Въ числѣ комиссаровъ Конвента, руководившихъ осадой и разореніемъ Ліона, который предполагалось „срыть съ лица земли“, былъ и извѣстный Дюбуа-Крансе, родственникъ Александрины дез-Ешероль. Вслѣдствіе этого, ея тетка повела ее къ нему. Правительственный комиссаръ принялъ просительницъ за своимъ туалетомъ; онъ брился и предъ нимъ держали великолѣпный серебряный тазъ. „Вотъ какъ!—подумала про себя молодая дѣвушка,—серебряная посуда, которую отнимаютъ у насъ граждане-депутаты, находится въ ихъ владѣніи“. Жена Дюбуа-Крансе жила въ провинціи скромной пенсіей, а ея мѣсто заступала очень красивая женщина, которая любезно приняла дамъ и забавно шутила надъ скакавшей по улицамъ кавалеріей изъ овернскихъ крестьянъ безъ сѣделъ, въ деревянныхъ башмакахъ и съ громадными котомками за спиной, которыя они надѣялись наполнить при разграбленіи Ліона. Когда туалетъ былъ оконченъ, Дюбуа-Крансе подошелъ къ дѣвушкѣ и спросилъ ее: „Кто ты?“ Получивъ отвѣтъ и узнавъ о причинѣ ея прихода, онъ сказалъ: „Ты очень молода; но, по моему, у тебя видъ

аристократки; знаешь ли, что я заставляю дрожать всѣхъ аристократовъ"? Затѣмъ онъ прочелъ прошеніе и объявилъ, что онъ безъ полномочій, такъ какъ отозванъ Конвентомъ.

Любопытна также встрѣча съ Марино, членомъ временной коммисіи, управлявшей Ліономъ, или, вѣрнѣе, тиранившей этотъ несчастный городъ. Отъ этого Марино зависѣло между прочимъ разрѣшеніе посѣщать заключенныхъ въ тюрьмахъ, и потому передняя или пріемная его канцеляріи была всегда наполнена народомъ. Три дня сряду, отъ 10 до 6 часовъ вечера, молодая дѣвушка напрасно прождала въ этой толпѣ. Для избѣжанія просителей, Марино входилъ въ свою канцелярію и уходилъ оттуда особымъ ходомъ; иногда же, когда швейцаръ приходилъ жаловаться ему, что приливъ публики слишкомъ великъ и что онъ не можетъ справиться съ ней, комиссаръ выскакивалъ изъ канцеляріи и самъ разгонялъ просителей. Такого рода сцена произошла къ концу третьяго вечера. Грозный комиссаръ, высокій и плечистый мужчина, съ громовымъ голосомъ, напустился на публику съ вошедшими тогда въ моду республиканскими ругательствами и проклятіями и объявилъ, что разрѣшенія будутъ выдаваться только тѣмъ, кто представитъ медицинское свидѣтельство о болѣзни заключеннаго. „Замѣтьте, однако", прибавилъ онъ, „что если врачъ дастъ свидѣтельство вслѣдствіе подлой снисходительности, онъ будетъ посаженъ въ тюрьму вмѣстѣ съ просителемъ, а арестантъ отправленъ на гильотину". Послѣ этого толпа стала расходиться, побуждаемая криками и жестами Марино. Одна только дама рѣшилась обратиться къ нему съ своей просьбой. Онъ спросилъ ея имя и, узнавъ его, закричалъ: „Какъ у тебя хватило дерзости произнести въ этомъ мѣстѣ имя измѣнника? Вонъ отсюда"! Затѣмъ, толкая ее руками и ногами, онъ вышвырнулъ ее за дверь.

Сколько было напускнаго и фальшиваго въ этой грубости и въ этомъ изувѣрствѣ тогдашнихъ правителей Франціи, доказываетъ между прочимъ примѣръ Марино. Этотъ звѣрь, два дня спустя, принимая у себя на дому молодую дез-Ешероль, обошелся съ ней вѣжливо и ласково и снабдилъ ее драгоцѣннымъ для нея разрѣшеніемъ.

А вотъ поведеніе того же Марино во время осмотра одной изъ тюремъ, гдѣ онъ являлся во всемъ блескѣ новой правительственной системы, которая изо всей мо̀чи подражала псевдо-классическому идеалу республиканской и демократической доблести. „Сколько васъ здѣсь?" спросилъ онъ скороговоркой и суровымъ голосомъ, вошедши въ комнату, гдѣ содержалась тетка дез-Ешероль. Получивъ отвѣтъ, онъ сталъ осматривать корзинки, въ которыхъ арестантки сохраняли свою провизію—онѣ должны были содержать себя на свой счетъ, что̀ было очень жестоко, такъ какъ между ними было много бѣдныхъ, жившихъ только своимъ трудомъ, а болѣе состоятельныя были лишены всѣхъ средствъ, вслѣдствіе ареста, наложеннаго на все ихъ имуще-

ство, не исключая домашнихъ вещей. „Пусть богатые кормятъ бѣдныхъ", сказалъ онъ, замѣтивъ крестьянку, стоявшую около г-жи дез-Ешероль; затѣмъ, обращаясь къ первой, онъ сказалъ: „Если ты имѣешь какую нибудь жалобу на этихъ дворянъ, то говори", и произнесши для назиданія арестантовъ нѣсколько „краснорѣчивыхъ республиканскихъ фразъ", онъ вышелъ.

Такіе мелкіе штрихи имѣютъ большую цѣну для всякаго, кто пожелаетъ представить себѣ людей революціонной эпохи. Но главное значеніе Записокъ дез-Ешероль заключается въ глубокомъ и полномъ впечатлѣніи, которое оставляетъ въ читателѣ изображеніе террора. Нерѣдко можно встрѣтить у историковъ и въ литературѣ какое-то недовѣріе ко всякому описанію террора во французской революціи; одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ критиковъ [1]) встрѣтилъ, напримѣръ, почтенное сочиненіе Мортимера-Терно съ несправедливымъ упрекомъ, будто-бы авторъ видитъ во французской революціи одинъ только терроръ. Подобный упрекъ очевидно внушенъ страхомъ, чтобы внимательное изученіе террора не заслонило историческаго значенія того переворота, отъ котораго ведетъ свое начало современная Франція. Но прежде чѣмъ оцѣнивать значеніе извѣстнаго событія, нужно знать его дѣйствительную исторію, а исторія французской революціи непонятна безъ изученія террора. Терроръ означаетъ собой извѣстную систему и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстное настроеніе; для однихъ это была особая политическая организація и орудіе власти, для другихъ это слово заключало въ себѣ все несказанное горе, которое только можетъ вмѣстить въ себѣ человѣческое сердце. Эта послѣдняя сторона террора нашла себѣ краснорѣчивое и правдивое изображеніе въ воспоминаніяхъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. „Терроръ давалъ себя чувствовать—сказано въ Запискахъ дез-Ешерель—въ самыхъ уединенныхъ убѣжищахъ; никакой пріютъ не укрывалъ отъ него; онъ проникалъ въ самыя отдаленныя помѣщенія, стучался во всѣ двери. Какимъ способомъ я могла бы описать терроръ, какая кисть будетъ когда либо въ состояніи изобразить его! Этого слова впрочемъ достаточно, чтобы дать понять всѣ разнородные страхи, заботы и мученія, которыми оно наполняло тогда сердца порядочныхъ людей. Домовые обыски, повторявшіеся все чаще и чаще, нарушали во всякій часъ спокойствіе гражданъ. Этотъ новый родъ пытки едва дозволялъ несчастнымъ скрывать свое горе и свои слезы въ уединеніи своего убогаго жилища. Ночь, еще болѣе благопріятствовавшая террору, удвоившая его силу, всего чаще избиралась для этихъ страшныхъ посѣщеній. Мракъ усиливалъ ужасъ ихъ и какъ будто увеличивалъ самую опасность. Часовые, разставленные на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, внезапно пробуждали жителей глухими криками, которые, повторяясь, долго раздавались по плохо освѣщеннымъ улицамъ: начи-

[1]) Vapereau. L'Année Littérare. IX an. p. 347.

нался учащенный стукъ въ двери. Малѣйшее промедленіе со стороны тѣхъ, которые должны были ихъ отворить, вызывало нетерпѣніе и гнѣвъ; голоса комиссаровъ слышались сквозь крики солдатъ. Ужасныя ночи, которыя ко всѣмъ бѣдствіямъ того времени еще прибавляли для каждаго грозную неизвѣстность предстоящей ему судьбы со всѣми ея тревогами. Всякій недоумѣвалъ—остаться ли въ постели, или встать, чтобы встрѣтить комиссаровъ; первое могло показаться слишкомъ довѣрчивымъ, а второе быть принято за признакъ слишкомъ большой тревоги".

Для многихъ, однако, эти ужасныя ночи были только началомъ другихъ болѣе тяжкихъ бѣдствій—тюрьмы съ ея ужаснымъ помѣщеніемъ и удушающей атмосферой, съ грубостью и произволомъ тюремщиковъ, съ всевозможными лишеніями, съ мучительной тревогой, внушаемой заботами о близкихъ лицахъ, и наконецъ съ неотвязчивою мыслью о предстоящемъ судѣ и о гильотинѣ. Тюрьма представляла самое наглядное осуществленіе того идеала равенства, о которомъ такъ много мечтали и говорили въ ту эпоху. Въ одной, напр., изъ Ліонскихъ тюремъ помѣщались въ общей комнатѣ: „дворянки и пуассардки, монахини и публичныя женщины, богачки и служанки, крестьянки и торговки, 4-хъ лѣтняя англичанка съ своей няней, не знавшей ни одного слова по-французски, и среди этой толпы нѣсколько гражданокъ, которыя инкогнито играли роли шпіоновъ".

Судьба тѣхъ жертвъ террора, которыя не попадали въ тюрьму, была также не легка. Среди ихъ тревогъ первое мѣсто занимала забота о томъ, чтобы повидаться съ заключенными и облегчить ихъ положеніе. Но съ какими трудностями, хлопотами, оскорбленіями и опасностями было это сопряжено! Сколько настойчивости, присутствія духа и самоотверженія нужно было 14-ти лѣтней дез-Ешероль, чтобы получить разрѣшеніе посѣтить свою тетку въ тюрьмѣ, и сколько мученій она переносила, когда ей не удавалось получить разрѣшеніе и она должна была ограничиться тѣмъ, что къ дверямъ тюрьмы приносила корзиночку съ припасами, за передачу которыхъ приходилось платить послѣднія деньги.

„Мнѣ случалось—разсказываетъ она—приходить уже въ десять часовъ къ воротамъ тюрьмы, а въ двѣнадцать мы все еще стояли тамъ съ нашими корзинками, которыя никто не хотѣлъ принять отъ насъ. Въ 12 часовъ тюремщикъ запиралъ ворота на два часа — это было время, которое онъ посвящалъ своему обѣду. Въ два часа ворота снова отпирались. Привратники и ихъ жёны подходили тогда къ толпѣ, торговались съ нами и отказывались принять корзинки, если были недовольны предлагаемой имъ платой. Нерѣдко инымъ приходилось уносить назадъ обѣдъ по невозможности согласиться на слишкомъ обременительныя условія, ибо въ числѣ заключенныхъ было много очень бѣдныхъ людей.

„Бывало также, что сторожа увеличивали лишенія заключенныхъ

своею небрежностью или дурнымъ расположеніемъ къ нимъ; корзины оставлялись ими во дворѣ и передавались заключеннымъ только на другой день. Наконецъ, случалось, что у воротъ тюрьмы они на нашихъ глазахъ раскрывали эти корзины и съѣдали то, что въ нихъ было уложено, прибавляя къ нашему горю оскорбительную насмѣшку и желая, вѣроятно, дать намъ понять, что при такомъ способѣ надзора всякая попытка передать заключеннымъ между присланной провизіей письма или какія нибудь сообщенія была бы совершенно напрасна".

Хорошо было еще стоять въ томительномъ ожиданіи цѣлые часы передъ тюрьмой при хорошей погодѣ; но нерѣдко ожидавшимъ приходилось при этомъ подвергаться ненастью и стоять въ зловонной слякоти отбросковъ и нечистотъ, которые какъ нарочно скопляли передъ воротами тюрьмы. Понятно, что послѣ такихъ мученій самая тюрьма казалась раемъ для счастливцевъ, которымъ удалось туда проникнуть съ своимъ приношеніемъ. А эти приношенія, необходимыя, чтобы поддержать жизнь заключенныхъ—съ какими неимовѣрными затрудненіями приходилось ихъ доставать! Въ каждомъ городскомъ участкѣ было опредѣленное число пекарей, которымъ однимъ было предоставлено право продавать хлѣбъ. Лавки ихъ были совершенно закрыты. Покупатели поочереди придвигались къ маленькому окошечку, которое было сдѣлано въ двери, и подавали черезъ него полицейское свидѣтельство, разрѣшавшее купить столько-то золотниковъ хлѣба... Хлѣбникъ, провѣривъ свидѣтельство, возвращалъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ отпускалъ за деньги указанное въ немъ количество хлѣба. Вереница покупателей часто тянулась вдоль нѣсколькихъ улицъ, такъ что послѣднимъ приходилось ожидать своего завтрака до 5 часовъ вечера.

Однако и эти свидѣтельства на право купить скудное количество хлѣба не всѣмъ давались. Послѣ заключенія въ тюрьму тетки разсказщицы и наложенія ареста на ихъ имущество, къ которому былъ приставленъ особый стражъ, содержавшійся на ихъ счетъ, молодая дѣвушка отправилась въ участокъ, чтобы выхлопотать разрѣшеніе купить хлѣба. „Ты не получишь разрѣшенія", былъ отвѣтъ, „это противно закону".—Но, гражданинъ, вы сами знаете, что я не могу добыть себѣ хлѣба, не имѣя разрѣшенія, что же мнѣ дѣлать?—„Дѣлай, что знаешь". — Что же, мнѣ умереть съ голода?—„Небось, ты не умрешь съ голода; у всѣхъ бывшихъ дворянъ есть средства; ты изъ этой породы аристократовъ, которые всегда умѣютъ выйти изъ бѣды; ты унаслѣдуешь отъ нихъ духъ интриги и не умрешь съ голода".—Однако, если вслѣдствіе вашихъ распоряженій мнѣ нечѣмъ будетъ питаться, то вы не можете и съ меня взыскивать, если я не стану давать хлѣба стражу, котораго я должна кормить.—„О, это другое дѣло; онъ получитъ для себя разрѣшеніе, онъ хорошій республиканецъ, пусть онъ придетъ; ты же не безпокойся; ты съумѣешь выпутаться".

Во всемъ, чего мы до сихъ поръ касались, обнаруживается впрочемъ только одна сторона террора—страшный гнетъ тогдашнихъ властителей Франціи и мучительная тревога ихъ беззащитныхъ жертвъ. Но терроръ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ обширной и организованной правительственной системой; эта система опиралась не на одинъ только беззавѣтный фанатизмъ—но на интересы и житейскій разсчетъ многихъ тысячъ людей. Подкладкой якобинскаго террора была цѣлая система эксплуатаціи и наживы; для цѣлой массы людей, всплывшихъ въ то время на поверхность общества, терроръ былъ просто кусокъ хлѣба; для многихъ изъ нихъ кромѣ того—средство сдѣлать карьеру, получить выгодное мѣсто, добыть себѣ власть и вліяніе. Эта житейская, будничная сторона террора историками революціи большею частью оставляется безъ вниманія;—записки дез-Ешероль и въ этомъ отношеніи содержатъ въ себѣ много интересныхъ чертъ, указывающихъ, какую пользу извлекали многочисленные агенты террора изъ своего положенія. Терроръ вызвалъ къ существованію цѣлой рой комиссаровъ разныхъ наименованій и назначеній и всѣ они весьма безцеремонно спѣшили сдѣлать изъ республиканскаго террора доходную статью для себя. Такъ напр., комиссары, которые послѣ взятія Ліона войсками Конвента ходили по домамъ и налагали арестъ на имущества безъ всякихъ околичностей, въ присутствіи владѣльцевъ этого имущества говорили между собой о томъ, какія изъ секвестрованныхъ предметовъ имъ по вкусу и входили по этому поводу въ соглашеніе между собой. Также безцеремонно поступали комиссары, выдававшіе паспорта и свидѣтельства въ благонадежномъ поведеніи. Когда молодой дез-Ешероль понадобился паспортъ и ей послѣ казни ея тетки опасно было самой явиться въ участокъ, то это щекотливое дѣло было улажено съ помощью стофранковой ассигнаціи, переданной черезъ третье лицо одному изъ комиссаровъ. Послѣ этого молодая дѣвушка могла смѣло появиться въ участкѣ и на глазахъ у всѣхъ подала комиссару какой-то листъ бумаги, который былъ прочитанъ комиссаромъ какъ будто съ большимъ вниманіемъ и тщательно спрятанъ въ столъ; получивъ, такимъ образомъ, мнимое свидѣтельство о благонадежномъ поведеніи, комиссаръ тутъ же выдалъ молодой дѣвушкѣ паспортъ, гдѣ она была обозначена прачкой.

Неменѣе пользы извлекали изъ своего положенія тюремщики; имъ нужно было платить за всякаго посѣтителя, за всякій предметъ, который они дозволяли пронести, даже за всякую кружку воды, которую они обязаны были доставлять заключеннымъ. Мало того, они по отношенію къ заключеннымъ играли роль содержателей „буфетовъ и гостинницъ“, которые конечно могли назначать на все произвольныя цѣны. Такъ напр., главный смотритель тюрьмы, находившейся въ монастырѣ „Реклюзъ“, устроилъ въ своей квартирѣ „общій столъ“, гдѣ за очень дорогую цѣну желающимъ давали очень плохой обѣдъ.

Однако же многіе изъ заключенныхъ, которые были въ состояніи уплачивать требуемую сумму, усердно добивались права „садиться за узкій, длинный и грязный столъ“ тюремщика, въ надеждѣ, что m-r Fillon во время трапезы проронитъ нѣсколько словъ о текущихъ событіяхъ дня, которыя бы сколько нибудь освѣтили положеніе арестантовъ. Тотъ же тюремщикъ, снабдивъ заключенныхъ за хорошую цѣну необходимыми предметами—кроватями, тюфяками, соломой, одѣялами, бѣльемъ и т. п., не позволялъ имъ, когда часть изъ нихъ была отправлена въ другую тюрьму, вывезти свои вещи. Съ трудомъ наконецъ онъ согласился разрѣшить каждому захватить съ собой маленькій ручной узелокъ; что же касается до тюфяковъ, одѣялъ и простынь, то все это онъ оставилъ за собой, равно какъ и проданную заключеннымъ мебель,—конечно съ той цѣлью, чтобы продать это еще нѣсколько разъ новымъ гостямъ, которыхъ онъ къ себѣ ждалъ.

Пока подобныя сцены происходили въ городахъ, деревня представляла такое же удобное поприще для эксплуатаціи террора. Когда Александрина дез-Ешероль, послѣ полуторагодоваго скитальчества, возвратилась сиротой и нищей въ имѣніе своихъ предковъ, она нашла свою больную сестру съ ея вѣрной няней въ кухнѣ замка. Кромѣ кухни и чердака все было секвестровано. Секвестръ этотъ не мѣшалъ, однако, фермерамъ и ихъ многочисленнымъ знакомымъ занимать помѣщеніе въ замкѣ и устраивать тамъ шумныя роскошныя пирушки, которыя быстро поглощали ихъ легкую наживу отъ прекращенія арендной платы и паденія курса ассигнацій. Эта нажива ихъ однако не удовлетворяла. Нисколько не стѣсняясь присутствіемъ наслѣдницы настоящихъ владѣльцевъ, арендаторы разсуждали о раздѣлѣ помѣстій эмигрантовъ, на что они разсчитывали съ самаго начала революціи. Эти арендаторы любили молодую дѣвушку, которая выросла на ихъ глазахъ, жалѣли объ ней, и между тѣмъ, растянувшись на газонѣ около скамейки, гдѣ она сидѣла съ своей больной сестрой, спокойно разсуждали о своихъ будущихъ надеждахъ. „Я удовлетворюсь своей фермой“, говорилъ каждый, „и не потребую лишняго“. Въ числѣ этихъ фермеровъ былъ и крестьянинъ, жена котораго, по тогдашнему обычаю, выкормила въ своемъ домѣ Александрину дез-Ешероль (ея père nourricier).

Однако, даже такое трагическое явленіе, какъ эксплуатація террора, не было лишено комической стороны. Послѣдняя между прочимъ проявлялась въ многочисленныхъ попыткахъ устроить себѣ подъ покровомъ террора выгодную женитьбу. На одной изъ Ліонскихъ улицъ стоялъ великолѣпный домъ, принадлежавшій очень богатой старой дѣвѣ. Богатство это прельстило одного молодаго патріота. Не желая имъ завладѣть не всегда вѣрнымъ путемъ доноса и секвестра, онъ опуталъ старушку интригой. Ее напугали, убѣдили, что ея имуществу и ей самой грозитъ опасность, что единственное средство сохранить и то и другое—это найти покровителя;

бракъ съ какимъ нибудь хорошимъ республиканцемъ послужитъ ей вѣрнымъ спасеніемъ. Старая дѣва приходитъ въ ужасъ, а молодой человѣкъ является ея самоотверженнымъ спасителемъ. Ее влекутъ въ муниципалитетъ, брачный договоръ изготовленъ; его подписываютъ, и она возвращается женою своего мнимаго избавителя. Но уже черезъ нѣсколько дней брачная жизнь оказалась для обѣихъ сторонъ невыносимымъ бѣдствіемъ, и жена предложила своему молодому мужу значительную сумму съ условіемъ, чтобы онъ отказался отъ всякихъ притязаній на нее и на ея имущество. Мужъ принялъ сумму и исчезъ безслѣдно.

Такія аферы, впрочемъ, не всегда кончались такъ успѣшно для предпріимчивыхъ патріотовъ. У Ал. дез-Ешероль была богатая восьмидесятилѣтняя тётка, которая уединенно жила въ своемъ имѣніи и уцѣлѣла среди общаго разгрома. Ей при этомъ чрезвычайно содѣйствовало то обстоятельство, что у нея былъ ловкій управляющій, который давно уже распоряжался ея имѣніемъ какъ своимъ собственнымъ и, не желая подѣлиться съ націей, искусно отводилъ глаза революціоннымъ комитетамъ. Однажды, когда старушка сидѣла за обѣдомъ съ этимъ управляющимъ, ей пришли сказать, что какой-то крестьянинъ желаетъ ее немедленно видѣть. Она приказала его принять. „Вы знаете“, сказалъ вошедшій, „что теперь всѣ стали равны, и я поэтому пришелъ подвергнуть васъ реквизиціи“—это былъ офиціальный терминъ, въ силу котораго комиссаръ Конвента и правительственные агенты отбирали у частныхъ лицъ все, въ чемъ по ихъ заявленію нуждалось государство — хлѣбъ, припасы и одежда для войска, серебро, лошади и пр. и пр. — Что? спросила старая дѣва, которая не понимала новаго языка. „Я говорю, что теперь, когда мы свободно пользуемся нашими правами, я васъ подвергаю реквизиціи“.—Но что же это значитъ,—переспросила госпожа де-Мелонъ, уже терявшая терпѣніе. „А то значитъ, что вы должны выйти за меня замужъ“. Въ ту же секунду старуха вскочила, схватила свою трость и начала ею колотить неожиданнаго жениха, приговаривая: „А ты хочешь на мнѣ жениться, вотъ я тебѣ справлю свадьбу“. Пятясь назадъ къ дверямъ, крестьянинъ бормоталъ: „сударыня! гражданка, вѣдь говорили“... — А! я теперь стала гражданкой, погоди же, вотъ тебѣ и еще за гражданку.—Трудно представить себѣ болѣе забавное столкновеніе своеобразныхъ представителей двухъ историческихъ эпохъ — старой помѣщицы — этого отжившаго обломка феодальнаго строя, совсѣмъ не сознававшей, что̀ кругомъ ея творилось, и этого крестьянина, по-своему понимавшаго права человѣка и гражданина, обнародованныя Національнымъ Собраніемъ.

Значеніе, которое имѣютъ Записки дез-Ешероль для исторіи террора не ограничиваются общимъ описаніемъ этого общественнаго параксизма, нагляднымъ и правдивымъ изображеніемъ вызванныхъ имъ бѣдствій; для историка представляютъ особый интересъ обще-

ственные типы того времени, которые выводятся на сцену авторомъ, изображеніе разныхъ лицъ, которыя могутъ служить представителями цѣлыхъ классовъ тогдашняго общества, образчиками того отпечатка, который наложила революціонная эпоха и въ особенности террорь на разные разряды людей. Въ самомъ началѣ читатель встрѣчается съ лицомъ, на которомъ отразилась чрезвычайно выдающаяся черта того времени — чувствительность. Чувствительность, начавшаяся съ литературы, проникла въ послѣднюю треть XVIII вѣка повсюду; она завладѣла между прочимъ и бюрократіей, проникла, по замѣчанію Токвиля, въ офиціальный канцелярскій языкъ, въ донесенія интендантовъ, даже въ правительственные указы. Въ Запискахъ Ешероль мы видимъ передъ собой чувствительнаго тюремщика. Онъ не только добрый, сострадательный человѣкъ, какіе бываютъ между тюремщиками во всякую эпоху; онъ не только облегчалъ положеніе лицъ, ему порученныхъ, насколько это отъ него зависѣло; но его глаза наполняются слезами, когда онъ провожаетъ по корридору тюрьмы дочь къ отцу; когда онъ принесъ отцу дез-Ешероль оправдательный приговоръ муленскаго суда, онъ, какъ разсказываетъ дочь, шатался, плакалъ, не могъ проронить ни одного слова, не былъ въ состояніи держаться на ногахъ и сѣлъ. Не принесъ ли онъ смерть? „Что случилось, г. Брюссель?“ — спросилъ арестантъ, — „что это за бумага?“ — Вы свободны, сударь, — проговорилъ наконецъ этотъ добрякъ, возвысивъ голосъ и едва переводя духъ отъ душившихъ его радостныхъ слезъ, — вы свободны. „Отецъ мой схватилъ его въ свои объятія“...

Затѣмъ мы встрѣчаемся съ однимъ изъ благородныхъ представителей и того военнаго класса, которому Франція гораздо болѣе обязана своимъ спасеніемъ при вторженіи непріятеля и своими первыми военными успѣхами, чѣмъ терроризму своихъ якобинскихъ правителей. Не смотря на эмиграцію, увлекшую за собой столькихъ офицеровъ, не смотря на то, что многіе изъ послѣднихъ были вынуждены деморализованными солдатами покинуть свой полкъ, множество изъ бывшихъ королевскихъ офицеровъ продолжали службу въ республиканской арміи. Благодаря имъ, Франція сохранила свои военные кадры, среди нихъ находила она отважныхъ и способныхъ исполнителей, прежде чѣмъ завершилась новая военная организація и подросли молодые республиканскіе генералы. Положеніе такихъ офицеровъ было очень трудное; въ глазахъ людей, сочувствовавшихъ старому порядку, и нерѣдко близкихъ родственниковъ и друзей, они были измѣнниками; а со стороны патріотовъ и особенно террористовъ они постоянно подвергались нападкамъ и подозрѣніямъ и часто становились ихъ жертвами. Къ числу такихъ офицеровъ принадлежалъ де-Геріо, начальникъ артиллеріи въ Ліонѣ. Когда въ этомъ городѣ вспыхнуло возстаніе притѣсненныхъ жителей противъ муниципалитета, которымъ завладѣли террористы, де-Геріо получилъ приказаніе

отъ своего начальства выступить съ артиллерійскимъ паркомъ въ Гренобль, для того, конечно, чтобъ ліонцы не могли воспользоваться имъ для своей обороны. Де-Геріо исполнилъ приказаніе, и во время осады Ліона войсками Конвента долженъ былъ примкнуть къ послѣднимъ и взять на себя руководство при бомбардировкѣ Ліона. Изъ этого видно, что де-Геріо былъ изъ числа точныхъ исполнителей военной дисциплины, ставившихъ военный долгъ или военную честь выше всякихъ политическихъ соображеній. Но онъ изъ-за этого не забывалъ соображеній чисто человѣческихъ. По взятіи города, де-Геріо не разъ рисковалъ своей жизнью и жизнью своей семьи, спасая жертвы террора. Онъ предоставлялъ военные мундиры или давалъ порученіе по службѣ постороннимъ лицамъ, которыя только этимъ путемъ могли спастись отъ преслѣдованій и бѣжать изъ Ліона; водворившись снова въ арсеналѣ, де-Геріо имѣлъ даже смѣлость принять въ свое помѣщеніе и сажать за свой столъ отца дез-Ешероль, т.-е. офицера, который на глазахъ всего города руководилъ обороной его противъ войскъ Конвента. Только это отчаянное средство—пребываніе въ главной квартирѣ среди офицеровъ, съ которыми онъ только что воевалъ, но которые не знали его въ лицо,—спасло стараго генерала, который палъ бы первой жертвой мести террористовъ безъ геройскаго самоотверженія своего товарища.

На ряду съ подобными лицами находимъ мы однако типы совершенно другаго рода. Извѣстно, что среди классовъ, сильнѣе другихъ проникнутыхъ страшныхъ радикализмомъ и наклонностью къ террору, послѣ адвокатовъ особенно выдавались врачи и аптекаря. Эти классы поставили особенно много членовъ „революціонныхъ комитетовъ", представителей мѣстнаго террора. И въ провинціи, служившей сценой событіямъ, разсказаннымъ въ Запискахъ, встрѣчаемъ мы лѣкаря, который, будучи приглашенъ къ больной дѣвушкѣ, отвѣчаетъ: „я не хожу къ аристократамъ"; а въ самомъ Муленѣ мы знакомимся съ аптекаремъ, промѣнявшимъ свое ремесло на болѣе выгодное званіе члена революціоннаго (т. е. полицейскаго) комитета. Узнавши, что молодая дѣвушка возвратилась въ Ешероль, онъ явился туда въ четыре часа утра и произвелъ ей строгій допросъ, выпытывая отъ нея, гдѣ скрываются ея отецъ и ея братья и что̀ ей было извѣстно о козняхъ „подлаго города Ліона". Покончивъ допросъ и недовольный его результатомъ, онъ прибавилъ громкимъ и грознымъ голосомъ: „Слушай внимательно, что̀ я тебѣ скажу, и смотри, повинуйся этому. Ты имѣешь несчастье принадлежать къ семьѣ измѣнниковъ отечеству и должна смыть съ себя это пятно, дать возмездіе за преступленія твоей семьи и очистить скверную кровь, которая течетъ въ твоихъ жилахъ; ты можешь это сдѣлать только служа народу, работая на него. Работай на солдатъ и, что всего важнѣе, доноси на измѣнниковъ; раскрывай ихъ преступные замыслы, обнародывай ихъ злодѣянія: вотъ какимъ способомъ ты искупишь позоръ

твоего имени, вотъ какимъ способомъ ты можешь служить республикѣ". Уходя онъ еще кричалъ издали: „доноси, доноси".

Интереснымъ представителемъ общественныхъ типовъ, на которые наложила свою печать революціонная эпоха, можетъ служить и священникъ, встрѣченный г-жей дез-Ешероль у ея старой тетки де Мелонъ. Онъ принадлежалъ къ тому меньшинству духовенства, которое согласилось подчиниться новому церковному уставу и дать присягу въ этомъ. Среди этого меньшинства были убѣжденные люди и честные мечтатели, подобные извѣстному Грегуару, которые считали возможнымъ преобразовать католицизмъ въ духѣ революціи, но было также много людей, нравственно неустойчивыхъ и сообразовавшихся въ дѣлахъ совѣсти съ своими житейскими вкусами и потребностями. И священникъ, о которомъ идетъ рѣчь, съумѣлъ своею податливостью снискать къ себѣ снисхожденіе террористовъ въ опасное время, когда церкви были закрыты или превращены въ храмъ Разума. При такомъ положеніи церкви, онъ, конечно, бѣдствовалъ и отчасти жилъ на счетъ старушки, которую развлекалъ своими разговорами. Тѣмъ не менѣе мечтой его жизни была женитьба, и хотя всѣ попытки его оканчивались отказомъ, онъ не терялъ надежды, что счастье ему когда-нибудь улыбнется. Молодая дѣвушка его избѣгала, но онъ пользовался временемъ, которое она должна была ежедневно проводить въ обществѣ своей тетки, и тутъ, полагаясь на глухоту старушки, говорилъ племянницѣ такія вещи, которыя она при другихъ условіяхъ не позволила бы себѣ сказать. Жаловаться теткѣ было невозможно, такъ какъ Кюре пользовался ея полнымъ довѣріемъ. Когда старушка привязалась къ своей племянницѣ и это вызвало зависть и интриги со стороны другихъ лицъ, сдѣлавшія Ал. дез-Ешероль невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе въ послѣднемъ своемъ убѣжищѣ, Кюре предложилъ ей не только опять настроить въ ея пользу старушку, но и убѣдить послѣднюю завѣщать ей все свое значительное состояніе помимо другихъ родственниковъ.

Болѣе вредный типъ, чѣмъ этотъ ничтожный служитель гражданской церкви, представляетъ собой Парсенъ, плацъ-комендантъ Ліона и президентъ революціоннаго трибунала, приговорившаго къ казни тетку дез-Ешероль. Прежде чѣмъ сдѣлаться виднымъ террористомъ, онъ былъ, какъ говорили про него, смиреннымъ и плохимъ башмачникомъ; онъ былъ родомъ изъ Ниверне и часто бывалъ въ семьѣ дез-Ешероль, но это не помѣшало ему быть безпощаднымъ, болѣе того—кровожаднымъ по отношенію къ безпомощной и безвинной женщинѣ. Ее привлекли къ суду и приговорили къ гильотинѣ за то, что она была сестрой человѣка, сражавшагося противъ Конвента, и не могла указать, куда онъ скрылся. Къ самымъ потрясающимъ мѣстамъ Записокъ принадлежатъ страницы, на которыхъ молодая дѣвушка описываетъ неоднократныя попытки свои разжалобить президента революціоннаго трибунала и добиться у него, чтобы онъ

пощадилъ дорогую ей жизнь. Она отыскиваетъ его и на дому, гдѣ находитъ его отупѣвшимъ отъ пьянства, съ полузакрытыми красными и опухшими глазами, и останавливаетъ его на улицѣ; задыхаясь бѣжитъ она за нимъ и умоляющимъ голосомъ объясняетъ ему свою просьбу, пока онъ ее не оттолкнулъ отъ себя и она уже не въ силахъ догнать его. Когда она въ послѣдній разъ встрѣтилась съ нимъ, онъ отдѣлался отъ нея своей обычной фразой: „какъ частный человѣкъ, я принимаю участіе въ твоемъ горѣ; но какъ человѣкъ общественный, я ничего не могу сдѣлать". Молодая дѣвушка въ то время еще не знала, что именно онъ былъ главнымъ виновникомъ несправедливаго приговора, поразившаго ея тетку. Когда въ засѣданіи революціоннаго трибунала ему замѣтили: „противъ твоей землячки нѣтъ никакихъ уликъ", онъ воскликнулъ: „она должна погибнуть; надо очистить отъ нея почву республики, она чудовище аристократизма" (un monstre d'aristocratie).

Эти слова рисуютъ человѣка, рисуютъ трибуналъ и эпоху; подобные факты изъ эпохи террора могутъ послужить отрезвляющимъ комментаріемъ къ изложенію тѣхъ историковъ, которые смотрятъ на революцію только съ высоты историческаго фатализма.

Всѣ до сихъ поръ нами отмѣченныя личности принадлежатъ болѣе или менѣе къ образованнымъ классамъ, руководившимъ революціоннымъ движеніемъ во Франціи, съ настроеніемъ и образомъ мысли которыхъ легко познакомиться при помощи богатаго историческаго и литературнаго матеріала того времени; тѣмъ болѣе интереса представляютъ въ Запискахъ мѣткія характеристики нѣсколькихъ типическихъ личностей изъ тѣхъ слоевъ простаго народа, на которые опирались террористы и въ среду которыхъ историку гораздо труднѣе проникнуть, такъ какъ ему здѣсь рѣдко приходится дѣлать наблюденія надъ лицами, отдѣлившимися отъ массы. Именно такого рода личности, превосходно характеризующія цѣлую массу себѣ подобныхъ, представляютъ въ Запискахъ гражданинъ Форе, его жена и его сынъ. Гражданинъ Форе—маленькій старичекъ, въ парикѣ, одѣтый въ сѣрый сюртукъ, держа въ рукѣ трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, принимая важную осанку, явился въ квартиру семьи дез-Ешероль въ Ліонѣ съ комиссарами, наложившими арестъ на ихъ имущество. Окончивши свое дѣло, комиссары оставили Форе на квартирѣ въ качествѣ стража печатей и обращаясь къ госп. дез-Ешероль, объявили: „Гражданинъ Форе долженъ обѣдать съ тобой, находиться въ твоей комнатѣ и грѣться у твоего камина".

Кто былъ этотъ хранитель печатей ліонскаго муниципалитета? Форе, какъ большинство Ліонскихъ рабочихъ, былъ ткачемъ шелковыхъ матерій; въ прежнее время онъ усердно работалъ цѣлую недѣлю, а по воскресеньямъ тратилъ свой недѣльный заработокъ; часто онъ на это посвящалъ, какъ и многіе изъ его товарищей, и понедѣльникъ. Когда во время революціи богатые обѣднѣли, онъ остался безъ ра-

боты. За это всѣ обвиняли аристократовъ и онъ считалъ себя въ полномъ правѣ требовать, чтобы аристократы возвратили ему заработокъ. Теперь онъ достигъ своей цѣли; охраненіе печати было выгоднымъ ремесломъ, притомъ очень неутомительнымъ и невиннымъ.

Въ первые дни онъ въ своей новой должности держалъ себя очень чинно; онъ былъ у себя въ полномъ парадѣ, т. е. въ своемъ сѣромъ костюмѣ и въ тщательно завитомъ парикѣ и, не выпуская изъ рукъ своей трости, старался принимать холодный и чванный видъ, который рѣзко отличался отъ безцеремонной манеры комиссаровъ. „Я думаю также—прибавляетъ разсказчица—что онъ боялся лютыхъ звѣрей, около которыхъ ему приходилось жить. Этимъ именемъ насъ обозначали. Но при всемъ томъ онъ сохранилъ отъ своей долгой жизни прежнее уваженіе къ дворянамъ, отъ котораго онъ не всегда былъ въ состояніи освободиться, несмотря на свое желаніе быть якобинцемъ".

Немного времени спустя, онъ однако приручился и открылъ, что мы не людоѣды. Въ туалетѣ его исчезла прежняя чинность; онъ пересталъ надѣвать свой парадный парикъ, носилъ сѣрый колпакъ и такія же сѣрыя туфли; весь день онъ проводилъ у камина, усѣвшись въ покойное кресло; ему еще никогда не приводилось сидѣть такъ удобно. Отъ времени до времени онъ оборачивался назадъ, ощупывалъ спинку кресла и приходилъ въ восторгъ; затѣмъ крѣпко опирался о спинку, чтобы вполнѣ понѣжиться; онъ говорилъ съ довольнымъ видомъ: „это однако хорошее изобрѣтеніе—кресло!" и снова подавливая подушки, прибавлялъ: „какъ это отлично придумано!" Послѣ этого, протянувши ноги и откинувшись назадъ, онъ полу-лежа наслаждался невѣдомымъ ему до того комфортомъ. Это былъ человѣкъ тупой по натурѣ, болѣе склонный къ добру чѣмъ къ злу, но дѣлавшій зло, повинуясь другимъ, какъ вещь необходимую или неизбѣжную; онъ имѣлъ отвращеніе къ казнямъ, но не смѣлъ признаться въ этомъ женѣ и сыну, которые накричали ему, что нужно стоять на высотѣ времени и быть открытымъ республиканцемъ, что означало на ихъ языкѣ—нещадно проливать человѣческую кровь.

„Я не могу къ этому привыкнуть," сказалъ онъ однажды разсказчицѣ, ближе съ ней познакомившись. „Они меня разъ принудили присутствовать при казни; меня послѣ этого три дня и три ночи била лихорадка и долго еще затѣмъ я не могъ заснуть при видѣ всѣхъ этихъ головъ, которыя меня преслѣдовали. Хорошо имъ говорить, я не могу себя пріучить къ этому. Можно ли любить такое зрѣлище? Но я не смѣю сказать это моему сыну; онъ находитъ это превосходнымъ, а жена моя безъ ума отъ казней. „Въ прежнее время прибавилъ онъ, — съ этимъ нельзя не согласиться, было легче жить на свѣтѣ. Правда, приходилось работать, но мнѣ хорошо платили и я преспокойно ѣлъ свой хлѣбъ. Помню я, что мнѣ пришлось выткать жилетъ для Людовика XV. Какъ эта вещь была красива, и я получилъ хорошія деньги; надо сказать, что все-таки это было хорошее время.

Что же касается до моей жены—прибавилъ онъ тихимъ голосомъ,—она всегда любила казни; когда кого-нибудь собирались вѣшать, она всякій разъ первая туда бѣжала. Какъ я ее ни запиралъ на ключъ, она всегда находила средство изчезнуть и во-время поспѣть на казнь."

Эта жена появлялась каждый вечеръ въ тѣсной квартирѣ дез-Ешероль и сообщала въ присутствіи этой семьи своему мужу новости дня, т. е. подвиги террористовъ и казни. Она все видѣла и не пропускала въ своемъ разсказѣ ни одной подробности. Она повѣствовала объ этомъ съ такимъ усердіемъ, что все лицо ея разцвѣтало и обнаруживало, какую прелесть таили для нея эти зрѣлища. Старикъ очень побаивался этой жены, которую почтительно называлъ: гражданка Форе. У нихъ былъ сынъ, который въ то время попалъ въ члены ліонскаго муниципалитета; это былъ обыкновенный злодѣй, алчный и кровожадный, ничѣмъ не выдававшійся изъ среды своихъ товарищей; отецъ относился съ почтеніемъ къ своему могущественному сыну и съ гордой осанкой говорилъ про него: „мой сынъ, муниципалъ". Однако къ этому восхищенію примѣшивался нѣкотораго рода ужасъ, и это было совершенно понятно. Однажды, во время болѣзни разсказщицы, муниципалъ навѣстилъ своего отца; изъ-за занавѣсокъ своей постели она видѣла его красный колпакъ и слышала его отрывистый и сухой голосъ. „Отецъ, если бы ты не былъ хорошимъ республиканцемъ, если бы я въ тебѣ подозрѣвалъ аристократа, я бы донесъ на тебя и завтра велѣлъ бы тебя гильотинировать".—Однако, мой сынъ, это очень жестоко; сынъ мой, это слишкомъ жестоко.—„Какъ жестоко! Знай, что у настоящаго республиканца нѣтъ ни отца, ни семьи; онъ знаетъ только одну республику, онъ любитъ только республику, онъ приноситъ ей все въ жертву и предпочитаетъ сдѣлать это сегодня, чѣмъ отложить завтра". Послѣ этого разговора отецъ Форе еще вечеромъ весь дрожалъ.

Вотъ такіе-то факты, такія личности и такія побужденія къ террору слѣдовало бы имѣть въ виду историкамъ, выставлявшимъ терроръ какою-то отвлеченною необходимостью для спасенія Франціи, какимъ-то патріотическимъ долгомъ, грустнымъ, но неизбѣжнымъ—историкамъ, осуждавшимъ Жиронду, какъ напр., молодой Тьеръ—за ея борьбу противъ террористовъ въ то время, „когда усилившаяся опасность сдѣлала насиліе болѣе настоятельнымъ (plus urgente) и умѣренность менѣе возможной (moins admissible) [1]).

Какой хаосъ въ чувствахъ и понятіяхъ господствовалъ въ массѣ французскаго населенія, увлеченнаго терроромъ, обнаруживается между прочимъ еще изъ слѣдующей черты граждан Форе. Возвращаясь изъ темницы, гдѣ содержалась ея тетка, Ал. дез-Ешероль не разъ заставала Форе сидящимъ за каминомъ и читающимъ молитвенникъ ея тетки. Крупная печать этой книги давала ему возможность читать

[1]) Thiers. H. de la Rév. Fr. T. IV, p. 78.

въ ней безъ очковъ и онъ проводилъ за этимъ занятіемъ цѣлые часы. Это обстоятельство внушило молодой дѣвушкѣ смѣлость по вечерамъ читать въ слухъ молитву „о дарованіи мира“, и во время этого чтенія не только старикъ Форе молился съ полнымъ усердіемъ, но даже и его жена принимала въ этомъ участіе. Такой поступокъ со стороны молодой дѣвушки былъ довольно безразсуденъ въ виду текста молитвы; стоило только кому либо изъ гражданъ Форе проронить одно слово ихъ сыну муниципалу—и аристократка неминуемо была бы отправлена на эшафотъ. Но они не только не донесли на нее, а старый Форе даже самъ не разъ просилъ ее, чтобы она прочла ему эту молитву. Это впрочемъ нисколько не помѣшало ему, когда молодая дѣвушка послѣ казни тетки уѣхала изъ Ліона, присвоить себѣ съ помощью жены значительную часть вещей, порученныхъ его охранѣ и на которыя онъ давно привыкъ смотрѣть какъ на свои собственныя.

Эпоха террора представляетъ собой не только потрясающую историческую драму, но и драму психологическую, во время которой подъ давленіемъ событій сильнѣе развиваются и ярче обнаруживаются дурные и добрые задатки человѣческой натуры. И въ этомъ также отношеніи Записки дез-Ешероль даютъ читателю интересный матеріалъ для наблюденій. Помимо рѣзкихъ проявленій человѣческихъ пороковъ—корысти, зависти, злобы и жестокости, въ связи съ политическими страстями, помимо систематической эксплуатаціи жертвъ террора со стороны его органовъ, мы постоянно встрѣчаемъ въ нихъ доказательство того, какъ легко человѣкъ падаетъ нравственно, когда расшатанъ общественный порядокъ, потрясены обычныя понятія и нравственныя преданія, когда бурныя событія влекутъ за собой необычайныя искушенія и сильнѣе возбуждаютъ эгоистическіе инстинкты. Мы видимъ, напр., жену богатаго торговца хлѣбомъ, которая, взявъ впередъ деньги, немилосердно и грубо выгоняетъ отъ себя семью, нанявшую у нея квартиру, пользуясь беззащитностью пріѣзжихъ и невозможностью обратиться къ суду при наступившемъ террорѣ. Мы видимъ другую даму, отказывающуюся выдать изъ вещей, оставленныхъ у нея на храненіе—матрасъ и подушки, которыя понадобились владѣлицѣ этихъ вещей, когда ее заключили въ тюрьму. Мы нѣсколько разъ встрѣчаемъ людей, которые берутся доставить деньги — послѣднія крохи, которыхъ лишаютъ себя жертвы террора, чтобы облегчить на чужбинѣ участь своихъ родственниковъ,— и оставляютъ эти деньги за собой. Передъ нами старый слуга, съ малолѣтства облагодѣтельствованный людьми, принявшими участіе въ его судьбѣ, который при наступленіи революціи—imbut des principes nouveaux—покидаетъ домъ, относится къ членамъ семьи, которые выросли на его рукахъ, какъ къ зараженнымъ, и встрѣчаясь съ ними, не кланяется. Мы укажемъ, наконецъ, на секретаря ліонскаго коменданта во время осады, выдающаго послѣ взятія города одного изъ плѣнныхъ офицеровъ, котораго въ Ліонѣ не знали, въ надеждѣ спасти

свою собственную жизнь, но напрасно разсчитывавшаго на великодушіе террористовъ.

Но рядомъ съ этимъ мы встрѣчаемъ примѣры высокаго благородства и самоотверженія. Мы видимъ людей, съ опасностью собственной жизни бросающихся спасать незнакомыхъ, какъ напр., нѣкто Барръ, который почти на глазахъ разъяренной толпы, окружившей гостиницу, увелъ подъ покровомъ своего мундира національнаго гвардейца и перевезъ черезъ Сону полковника Кор. Польскаго полка. Новые принципы не всѣмъ помѣшали сохранить человѣческое чувство къ своимъ противникамъ. Интересенъ въ этомъ отношеніи разсказъ одного вандейца, обозначаемаго въ Запискахъ только подъ именемъ Александръ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ подъ конвоемъ двухъ жандармовъ, какъ шпіонъ, въ сосѣдній городъ, гдѣ его ожидала быстрая казнь. По дорогѣ онъ убѣдилъ провожатыхъ дозволить ему войти въ кабачекъ, чтобы подкрѣпить себя виномъ. Ему удалось такъ напоить старшаго изъ жандармовъ, что тотъ заснулъ и свалился подъ столъ. Младшій однако пилъ умѣренно и сохранилъ полную бодрость. Александръ съ безпокойствомъ взглядывалъ на него. Но вдругъ жандармъ, замѣтивъ, что его товарищъ крѣпко спитъ, обратился къ арестанту съ словами: „я вижу, что̀ вы задумали; я не помѣшаю вашему бѣгству и хочу даже помочь вамъ. Подождите здѣсь моего возвращенія“. Онъ вышелъ и вернулся съ плохимъ крестьянскимъ армякомъ и съ парой голубей въ корзинѣ. „Возьмите это“, сказалъ онъ; „въ этомъ видѣ васъ вездѣ будутъ принимать за крестьянина изъ сосѣдней деревни“. И дѣйствительно, плѣннику удалось добраться до окрестностей Ліона, гдѣ онъ нашелъ новыхъ покровителей.

Полный контрастъ съ поведеніемъ слуги, о которомъ мы говорили, представляетъ образъ дѣйствія няни, приставленной къ больной дочери генерала дез-Ешероль. Въ началѣ революціи она также прониклась новыми политическими страстями и рѣзко высказывала ихъ; но когда семья дез-Ешероль принуждена была бѣжать, эта женщина не покинула больной—съ дѣтства страдавшей помѣшательствомъ,—и продолжала тщательно ходить за ней, не смотря на секвестръ замка и на всѣ лишенія и непріятности, которыя были слѣдствіемъ этого положенія. Когда вернулась въ замокъ сестра больной, она приняла ее и оберегала какъ родную дочь; тайкомъ отъ нея бралась шить рубашки для республиканскихъ солдатъ и щипать корпію для нихъ и доставляла это въ городъ отъ имени молодой дѣвушки, чтобы отвлечь отъ нея злобу революціоннаго комитета. Когда послѣдняя переѣхала жить къ мадамъ де-Мелонъ, добрая женщина посылала ей туда свои скудные заработки, скрывая ихъ источникъ.

Если во время бѣдствій, обрушившихся на семью дез-Ешероль, многіе изъ ея прежнихъ знакомыхъ прервали всякое общеніе съ ней и обнаружили крайнюю жесткость, зато другіе оказались вѣрными

друзьями въ несчастіи. Между послѣдними заслуживаетъ особеннаго вниманія одна муленская дама—Гримо. Когда Ал. дез-Ешероль послѣ казни своей тетки вернулась въ Муленъ, тамошній революціонный комитетъ постановилъ арестовать ее; но, не желая помѣстить ее въ общую тюрьму, гдѣ содержались между заподозрѣнными въ аристократизмѣ различные родственники и друзья ея, комитетъ предписалъ заключить пятнадцатилѣтнюю дѣвушку въ такъ называемое депо, т. е. мѣсто заключенія проститутокъ, обвиненныхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ. Узнавши объ этомъ, г-жа Гримо, находившаяся подъ домашнимъ арестомъ, стала хлопотать, хотя ей пришлось бы покинуть свою собственную семью, о своемъ переводѣ въ депо, „чтобы молодая дѣвушка не была тамъ одна".

Но самые трогательные эпизоды въ этомъ отношеніи, настоящую идиллію среди страшной драмы, представляютъ тѣ главы Записокъ, которыя посвящены описанію крестьянской семьи Шозьеръ, гдѣ находили себѣ гостепріимное убѣжище, совѣтъ и утѣшеніе всѣ жалкіе сироты и бѣглецы, заброшенные туда счастливой звѣздой. Любопытное лицо этотъ Шозьеръ, крестьянинъ башмачникъ, нѣсколько трусливый, скрывающій у себя бѣглецовъ, но затѣмъ, возвратившись изъ сельскаго кабака, гдѣ онъ подпилъ и наслушался яростныхъ демократическихъ рѣчей, объявляющій женѣ, что завтра же всѣ чужіе должны оставить его домъ; интересна сцена, когда онъ однажды, возвратившись домой, объявляетъ съ рѣшительностью, но не безъ нѣкотораго волненія, что воскресенье отмѣнено и не будетъ болѣе праздноваться, а вмѣсто этого назначено декади, что онъ будетъ работать по воскресеньямъ, а чистую сорочку будетъ надѣвать по декадамъ,—сцена, которая однако кончилась торжествомъ воскресенья надъ декадами. Но если отецъ Шозьеръ нѣсколько комиченъ, то его жена и его дочь, Магдалина, чрезвычайно почтенны и симпатичны. У этихъ простыхъ людей, подъ вліяніемъ христіанскаго чувства долга и прирожденной сострадательности, развилась такая сила любви, такая деликатность и тонкость чувства, такая находчивость и такой самоотверженный, притомъ совершенно наивный и не знающій себѣ цѣну героизмъ, что читатель разстается съ ними почти съ такимъ же сожалѣніемъ, какъ и лица, испытавшія на себѣ ихъ гостепріимство. Но мы не станемъ здѣсь касаться подробностей, и отсылая читателей въ этомъ отношеніи къ самымъ Запискамъ, ограничимся въ заключеніе однимъ только замѣчаніемъ.

Всѣмъ извѣстно, какой громадный успѣхъ имѣло въ свое время сочиненіе Шатобріана—les Martyrs—историческій романъ изъ эпохи первобытныхъ христіанъ, преслѣдуемыхъ язычниками. Этотъ успѣхъ, конечно, нельзя объяснить однимъ только писательскимъ талантомъ Шатобріана и „реакціей противъ принциповъ революціи 1789 г.," какъ это, напр., еще дѣлаетъ даровитый критикъ Брандесъ. Романъ Шатобріана заключалъ въ себѣ глубокую историческую правду, кото-

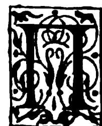
рая за живое захватывала современниковъ, и многіе изъ тогдашнихъ читателей романа находили въ немъ сцены и впечатлѣнія, которыя были пережиты ими самими въ недалекомъ еще прошедшемъ. Въ Запискахъ дез-Ешероль описано, какъ крестьянки деревни Фонтенъ, близъ Ліона, собирались по вечерамъ молиться въ клѣти тетки Шозьеръ, которая при свѣтѣ лампадки, повѣшанной къ балкѣ, читала имъ Житія Святыхъ, а по воскресеньямъ запрещенную обѣдню. Эти сцены ничто иное какъ повторенія того, что 15 вѣками раньше происходило въ той же мѣстности въ эпоху „мучениковъ", а съ другой стороны показываютъ, насколько поэтическіе образы и вымыслы Шатобріана имѣли основанія въ современной ему дѣйствительности. Но историческая правда въ романѣ Шатобріана подернута фальшью, происходящей отъ аффектаціи и претенціозности автора; его христіанскіе герои поставлены на ходули; въ Запискахъ же дез-Ешероль религіозное чувство, одушевлявшее значительныя массы французскаго народа, изображено во всей его искренности и простотѣ—съ полной правдивостью и безъискусственнымъ реализмомъ. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, Записки дѣвушки, желавшей сохранить память о судьбѣ своей семьи въ эпоху террора, представляютъ собой вѣрное отраженіе этой злополучной эпохи и лучше объясняютъ многія стороны въ исторіи и въ характерѣ революціи, чѣмъ иныя извѣстныя сочиненія съ авторитетными именами.

В. Герье.

ЗАПИСКИ КАРОЛИНЫ БАУЭРЪ [1]).

II.

Послѣдній томъ „давнозабытыхъ сердечныхъ исторій".—Причины его появленія.—Откровенность и разочарованность автора.—Жизнь въ Реджентс-паркѣ.—Parfilage.—Важное занятіе королевскаго принца.—Monsieur tout doucement.—Лондонскія развлеченія. — Свадебный контрактъ. — Поѣздка въ Парижъ.—Французскій театръ.—M-lle Марсъ.—Нѣмецкія актрисы.—Дорваль.—Леметръ.—M-lle Жоржъ. — Дворъ Карла X. — Герцогиня Беррійская.—Принцъ въ Парижѣ.—Жизнь въ Клэрмонтѣ.—Ссоры и разочарованія.—Принцесса Шарлота.—Принцъ Уэльскій.—Каролина Брауншвейгская.—Первая ночь.—Первый джентльменъ Англіи.—„Деликатное изслѣдованіе".—Примѣрный мужъ и отецъ. — Регентство.—Общественное мнѣніе и литература.—Стихи Байрона. — Преслѣдованія матери и дочери.—Принцъ Оранскій.—Неудавшійся женихъ.—Дипломатія Екатерины Павловны. — Бракъ Шарлоты съ Леопольдомъ и смерть ея послѣ родовъ.—Королева Каролина въ Германіи и въ Лондонѣ.—Стаканъ лимонада.—Двѣ глупыя страсти.—Леди Элленбороу.—Австрійскій князь, баденскій баронъ, греческій графъ и арабскій шейхъ.—Греческая корона.—Трусливый эгоистъ.—Смерть Георга IV. — Разрывъ съ принцемъ. — Закулисная сторона политическихъ дѣятелей.—Исторія и мемуары.—Придворное лакейство.—Послѣдніе годы и смерть Штокмара.—Послѣдніе дни Леопольда I.—Бракъ во время паузы.—Оригинальное признаніе издателя „Записокъ Бауэръ".

ОЧТИ совершенно незамѣтно, безъ шума и безъ журнальныхъ рекламъ, вышла въ свѣтъ недавно въ Берлинѣ третья и послѣдняя часть „Записокъ" Каролины Бауэръ. Не считала ли нужнымъ нѣмецкая печать поднимать вновь, по случаю появленія этой части, тревогу, возбужденную первыми признаніями и обличеніями даровитой артистки; хотѣла ли журналистика снять съ себя упрекъ въ преднамѣренномъ возбужденіи литературнаго скандала, по поводу нѣкоторыхъ, довольно пикантныхъ разоблаченій

---

[1]) См. „Истор. Вѣстн.", Т. III, стр. 372.

писательницы, не щадившей въ своихъ загробныхъ откровеніяхъ ни себя,ниблизкихъ къ ней лицъ? Какъ бы то ни было, но на этотъ разъ окончаніе „Записокъ", надѣлавшихъ такого шума, удостоилось весьма немногочисленныхъ рецензій, написанныхъ какъ бы вскользъ и неохотно. А между тѣмъ, именно эта третья часть значительно превосходитъ интересомъ содержанія двѣ первыя части и, отдавъ объ нихъ въ прошломъ году сжатый отчетъ читателямъ „Историческаго Вѣстника", мы считаемъ, напротивъ, неизлишнимъ съ большею подробностью разобрать послѣднюю часть „Записокъ", имѣющую гораздо болѣе значенія, нежели ихъ начало. Въ эпиграфѣ къ этой части Бауэръ говоритъ прямо, что составленіе этихъ "Записокъ" придаетъ ей новыя силы къ продолженію борьбы съ жизнью. Добросовѣстный отчетъ въ прошедшемъ, честныя отношенія ко всему пережитому, облегчаютъ и укрѣпляютъ ее. „Мнѣ кажется", говоритъ она, „что я умру спокойнѣе, когда выскажу, объясню передъ свѣтомъ всѣ свои мысли, чувства, поступки".

И она, дѣйствительно, объясняетъ ихъ откровенно, не рисуясь, не скрывая своихъ заблужденій и ошибокъ, не щадя своего самолюбія, не стараясь извинять ни себя, ни другихъ. Это желаніе быть вполнѣ правдивой составляетъ исключительную и самую важную сторону „Записокъ" Каролины. Не всегда вѣрно рисуетъ она характеры извѣстныхъ лицъ и оцѣниваетъ историческія событія, но не старается за то нисколько прикрашивать ихъ и выставляетъ именно въ томъ свѣтѣ, какъ они казались ей и другимъ, близкимъ къ нимъ лицамъ. Въ этой части „Записокъ" артистка является въ трояномъ видѣ: какъ графиня Монгомери въ Англіи и Парижѣ, какъ Каролина Бауеръ въ Россіи и въ Германіи и какъ графиня Платеръ въ Швайцаріи. Къ первой части ея похожденій, какъ подруги принца Леопольда Кобургскаго, принадлежитъ эпиграфъ изъ Платена: „всякое земное явленіе—только сновидѣніе, всякая любовная связь—только заблужденіе, и то, что называютъ истиною, — одно только мнѣніе". Когда Каролина оставляла Берлинъ, Фарнгагенъ фон-Энзе сказалъ въ своемъ журналѣ, что Бауеръ оставила сцену, чтобы слѣдовать въ Англіи за другою, счастливою звѣздой. „Эти слова—говоритъ она—заставляютъ меня и теперь, по прошествіи сорока лѣтъ, горько улыбаться и горько плакать: моя счастливая звѣзда, напротивъ, закатилась навсегда въ туманахъ іюньскихъ дней 1829 года, проведенныхъ мною въ Лондонѣ". И дѣйствительно, жизнь ея въ роскошной виллѣ Редженте-парка была жизнью птицы въ золотой клѣткѣ. Съ полною довѣрчивостью, отвѣчая на призывъ принца Леопольда Кобургскаго, подъ ручательствомъ своего двоюроднаго брата, барона Христіана Штокмара, оставила она берлинскую сцену и отправилась съ своею матерью инкогнито въ Англію, чтобы заключить тамъ сердечный союзъ передъ лицомъ Бога, если не передъ людьми, которыхъ принцъ боялся больше Бога. И что же нашла она въ Англіи? Сухого, холоднаго, педантическаго, недовѣрчиваго обожателя, являвшагося къ ней ежедневно

часа на два, въ полномъ парадѣ, распѣвавшаго иногда съ ней итальянскіе дуэты, но обыкновенно и ежедневно заставлявшаго ее играть на фортепіано и серьезно занимавшагося въ это время страннымъ, вовсе не мужскимъ, рукодѣльемъ — выдергиваньемъ золотыхъ и серебряныхъ ниточекъ изъ эполетъ, темляковъ, галуновъ и кистей. Это занятіе было въ большой модѣ при дворѣ Людовика XVI, не задолго до революціи. Придворныя дамы выпрашивали у кавалеровъ ихъ блестящія украшенія —галуны, позументы, кисти, эполеты и на вечерахъ занимались распусканьемъ ниточекъ изъ этихъ вещей. Занятіе это называлось parfilage, а дамы, усердно предававшіяся ему, parfileuses. Напрасно возставали противъ этого дикаго занятія благоразумные люди. Г-жа Жанлисъ осмѣяла его въ своемъ романѣ „Адель и Теодоръ, или письма о воспитаніи“. Эмиграція, возникшая во время революціи, перенесла это занятіе въ Англію; но что оно сдѣлалось любимымъ препровожденіемъ времени принца Леопольда—было, дѣйствительно, странно и необъяснимо. По цѣлымъ часамъ просиживалъ онъ, въ прекрасные іюньскіе дни, выдергивая золотыя и серебряныя ниточки изъ разныхъ бахромъ и позументовъ, въ то время, когда Каролина играла ему на фортепіано или читала романы. Долго выносить подобное странное положеніе было невозможно. „Я не выдержу“, писала она кузену Христіану, „я умру отъ скуки въ этой золоченой клѣткѣ. Никогда принцъ не говоритъ со мной ни о своей любви, ни о томъ, когда будетъ заключенъ нашъ союзъ. Никогда не предложитъ онъ мнѣ даже пройтись по саду, изъ опасенія, что его узнаютъ прохожіе. Присутствовать долѣе при распусканіи галуновъ и выдергиваніи золотыхъ ниточекъ — я не въ состояніи“.

— Да, конечно, это не весело, отвѣчалъ Штокмаръ, но необходимо еще нѣсколько времени имѣть терпѣніе. Пусть этотъ іюнь будетъ мѣсяцемъ испытанія. Я надѣюсь, что іюньское солнце растопитъ ледъ и принцъ самъ будетъ просить о заключеніи болѣе тѣснаго союза, освященнаго церковью. Во всякомъ случаѣ, я настою на томъ, чтобы онъ принялъ какое нибудь рѣшеніе. Если бы я могъ предвидѣть, что этотъ „господинъ мало-по-малу“ и „маркизъ потихоньку“ (monsieur peu à peu et marquis tout doucement), какъ его называютъ, будетъ поступать такимъ образомъ, я бы не согласился быть участникомъ этой глупой исторіи. Но я надѣялся, что онъ возродится къ новой жизни въ присутствіи молодого, любящаго созданія, а тебѣ и твоей матери я хотѣлъ доставить обезпеченную будущность, вдали отъ всѣхъ интригъ и волненій опасной сценической жизни...“

— Которая все-таки сноснѣе той, какую я веду теперь, отвѣчала Каролина.

Кузенъ долженъ былъ согласиться съ этимъ и обѣщалъ употребить всѣ усилія, чтобы заставить принца измѣнить свои странныя отношенія къ Каролинѣ. Съ своей стороны, Штокмаръ доставлялъ ей,

хоть рѣдко, нѣкоторыя развлеченія: онъ бралъ ее съ собою на прогулки въ Реджентс-паркъ, занимающій болѣе 450 десятинъ, окруженный великолѣпными зданіями, гдѣ была устроена панорама Лондона, діорама Дагера, обширный зоологическій садъ. Она была съ Штокмаромъ и въ итальянской оперѣ, и въ Геймаркетскомъ театрѣ, гдѣ играла, пѣла и танцовала англійская Дежазе,—мистрисъ Вестрисъ, кумиръ тогдашней лондонской молодежи. Она видѣла и знаменитаго Чарльса Кэмбля, хотя, вообще, была очень недовольна англійской драмой; ее удивляло также, что англійскіе актеры играютъ безъ суфлера и суфлерской будки вовсе нѣтъ въ англійскихъ театрахъ. Но всего болѣе антипатична была ей англійская публика,—эти господа въ чулкахъ, башмакахъ и бѣлыхъ галстукахъ, эти дамы въ бальныхъ костюмахъ, съ открытыми плечами, въ прическѣ, утыканной на затылкѣ страусовыми перьями—съ ихъ холодными, неподвижными физіономіями, точь въ точь восковыя куклы въ витринѣ парикмахера. Всего болѣе раздражало Каролину, что эти лица ржутъ, когда имъ приходится смѣяться. Въ это время въ итальянской оперѣ пѣли Зонтагъ и Малибранъ; на Дрюриленскомъ театрѣ давали концерты Мошелесъ и Мендельсонъ; но съ ними была очень хорошо знакома въ Берлинѣ Каролина Бауэръ и поэтому ей нельзя было явиться въ театрѣ, изъ боязни, чтобъ они не узнали ее. Вмѣсто этого, принцъ посылалъ къ ней своего фактотума, который показывалъ ей рѣдкости Тоуера—эшафотъ и топоръ, которымъ отрубили голову Аннѣ Болейнъ, Дженни Грей и графу Эссексъ,—бочку, въ которой утопили герцога Кларенскаго, сына Эдуарда IV. Проводя вдвоемъ съ матерью долгіе, скучные часы, Каролина вспоминала о томъ, какъ ей весело жилось въ Берлинѣ; но слухи о ея заключеніи дошли, наконецъ, и до этого города: она получила оттуда письма; даже король спрашивалъ, нѣтъ ли извѣстій о его любимицѣ. Штокмаръ увидѣлъ, что дольше нельзя скрывать двусмысленнаго положенія его кузины; онъ приступилъ къ принцу съ требованіемъ положить этому конецъ, и 2-го іюля 1828 года былъ подписанъ между принцемъ и Каролиной Бауэръ свадебный контрактъ, по которому она получила титулъ графини Монгомери и опредѣленное содержаніе. За этимъ послѣдовала медовая недѣля. Принцъ какъ будто переродился: его меланхолическая физіономія просвѣтлѣла, онъ сдѣлался живѣе, любезнѣе, развязнѣе, даже болтливѣе, совершенно оставилъ тонъ педанта и даже свой parfilage. „Я воображала, что люблю его“, прибавляетъ Каролина. Въ сопровожденіи кузена, она посѣтила Клэрмонтгоузъ—зàмокъ, гдѣ жилъ принцъ Леопольдъ очень короткое время съ своею женою, принцессою Шарлоттою, и гдѣ онъ въ одинъ день потерялъ и молодую жену, и новорожденнаго сына.

Въ концѣ іюля, принцъ долженъ былъ ѣхать въ Карлсбадъ и выдержать тамъ курсъ леченія. Чтобы не оставаться въ Лондонѣ одной, Каролина придумала поѣхать на это время съ матерью въ Парижъ,

къ своему брату Людвигу. Принцъ разрѣшилъ это, съ условіемъ не знакомиться ни съ кѣмъ въ Парижѣ и не возобновлять берлинскихъ знакомствъ. Пять мѣсяцевъ провела графиня Монгомери въ Парижѣ, живя въ отелѣ Риволійской улицы, противъ Тюльери. Послѣ лондонской скуки, парижская жизнь показалась, конечно, раемъ для Каролины. Въ первый же вечеръ, послѣ своего пріѣзда въ Парижъ, она была уже во „Французскомъ театрѣ". Прежде всего увидѣла она въ фойе мраморную статую старика, сидящаго въ мраморномъ креслѣ, съ руками худыми, какъ у скелета, впившимися въ ручки кресла. Выраженіе его старческаго, исхудалаго, покрытаго морщинами лица, съ ироническою улыбкою беззубаго рта — поразило Каролину. „Кто это?" спросила она почти въ испугѣ.—Вольтеръ,—отвѣчалъ ея братъ. Въ театрѣ удивило ее также прежде всего холодное молчаніе разодѣтой публики, находившей неприличнымъ всякое выраженіе удовольствія, или сочувствія артистамъ. И актеры на этой сценѣ играли такъ же холодно и вяло, потому что были обязаны играть декретомъ Наполеона, давшимъ „Французскому театру" привилегію требовать поступленія въ его труппу лучшихъ провинціальныхъ артистовъ. Такимъ образомъ, въ нее поневолѣ вступали лица, получавшія въ провинціи до пятнадцати тысячъ франковъ, а здѣсь принужденныя довольствоваться тремя тысячами жалованья. Въ этотъ вечеръ давали „Цинну" Корнеля. Въ старыхъ костюмахъ, при отрепанныхъ декораціяхъ, трагедія исполнялась пятью старыми актерами, читавшими старые стихи удивительно правильно, но и удивительно монотонно и неестественно. Чистѣйшій французскій языкъ, безъ малѣйшей ошибки въ интонаціи и удареніи, вмѣстѣ съ тѣмъ блисталъ отсутствіемъ чувства о выразительности. Ни одного рукоплесканія не раздалось во все время этого отчетливаго классическаго исполненія. Тальма уже былъ въ гробу; Дюшенуа, исхудалая какъ скелетъ, сдѣлалась безобразна до невозможности; красавица Сент-Жоржъ растолстѣла, напротивъ, какъ мучной мѣшокъ, и перешла на театръ Одеона, гдѣ былъ директоромъ ея мужъ Гарель. На „Французскомъ театрѣ" осталась только одна звѣзда—m-lle Марсъ, но и та свѣтила на немъ уже тридцать восемь лѣтъ. Каролина видѣла ее въ драмѣ „Валерія или Слѣпая". Смотря въ этой пьесѣ на знаменитую актрису, можно было забыть, что ей уже пятьдесятъ второй годъ; она играла просто, естественно, безъ заученныхъ жестовъ, хотя и безъ особеннаго чувства. Марсъ была въ то же время и законодательницею моды: въ салонахъ и на сценѣ туалеты ея были образцовые. Каролина смѣется только надъ ея костюмомъ въ пьесѣ Коцебу — „Ненависть къ людямъ и раскаяніе". По мнѣнію французовъ, нѣмки должны были одѣваться самымъ безвкуснымъ образомъ. Сѣрое узкое платье и огромный бѣлый чепецъ, конечно, смѣшны на сценѣ, но въ своемъ патріотическомъ увлеченіи Каролина утверждаетъ, что, играя просто, естественно, горячо и прочувствованно, Марсъ играла совершенно по-нѣмецки (echt

deutch). Кто же не знаетъ, что и въ наше время отсутствіе именно этихъ качествъ составляетъ особенность игры нѣмецкихъ артистовъ. Каролина сознается, что впослѣдствіи, когда она исполняла въ этой пьесѣ роль Евлаліи, она старалась подражать Марсъ.

Каролина хвалитъ еще нѣсколькихъ французскихъ артистовъ, которыхъ она видѣла впослѣдствіи. Сильное впечатлѣніе произвела на нее Дорваль, въ роли Шарлоты Корде, несмотря на неправильныя черты лица и нѣсколько грубый голосъ. Марата игралъ Леметръ, который также привелъ въ восторгъ Каролину. Дорваль была всю свою жизнь истинною артисткою; какъ женщина, она имѣла много сходныхъ чертъ съ Жоржъ-Зандъ, называвшей ее своею подругой. Обѣ были безпокойныя, страстныя натуры, обѣ стремились къ эмансипаціи женщинъ, обѣ много любили. Дочь бѣднаго странствующаго комедіанта, Дорваль пѣла сначала какъ хористка въ „Іосифѣ Прекрасномъ" Мегюля. Выйдя замужъ въ очень молодыхъ годахъ за актера Дорваля, она сдѣлалась матерью троихъ дѣтей и должна была заботиться объ ихъ воспитаніи. Прибывъ въ Парижъ, она съ трудомъ находила въ немъ средства къ существованію. Роль мельничихи въ тогдашней модной мелодрамѣ „Два галерныхъ невольника"—выдвинула ее впередъ. Потомъ она художественно олицетворила типъ Жанны Воберные (Дюбарри). Впослѣдствіи лучшія роли ея были въ драмахъ „Маріона Делормъ", „Анжело", „Чатертонъ", „Антоній". Жоржъ-Зандъ, посвятившая ей отдѣльную главу въ своихъ „Запискахъ", говоритъ, что она увлекалась во всемъ: въ любви къ дѣтямъ, къ искусству, — въ самопожертвованіи, въ религіозныхъ стремленіяхъ. Дорваль сама говорила, что страсти состарили, изнурили ее до времени, что она нуждается въ спокойствіи, въ отдохновеніи—и никогда не могла успокоиться ни въ жизни, ни въ искуствѣ, ни въ любви. Не смотря на это, она привлекала къ себѣ многихъ, даже автора Маріоны Делормъ. Она не могла успокоиться даже подъ старость и, въ 1848 году, должна была играть для того, чтобъ заработать кусокъ хлѣба. Въ слѣдующемъ году она умерла 57-ми лѣтъ, отъ горя и лишеній.

Вмѣстѣ съ Дорваль громкой извѣстностью пользовался Фредерикъ Леметръ, также сынъ комедіанта, въ молодости танцовавшій на канатѣ. Въ Парижѣ онъ выступилъ въ роли Роберъ-Макера и потомъ въ драмѣ „Тридцать лѣтъ или жизнь игрока". Это былъ порядочный циникъ и гуляка, умершій 78-ми лѣтъ, также въ нуждѣ и бѣдности; зато ему устроили великолѣпное погребеніе: Форъ и Дюпре пѣли „реквіемъ" на его похоронахъ; Викторъ Гюго читалъ надъ его гробомъ рѣчь, въ которой назвалъ его величайшимъ драматическимъ артистомъ нашего вѣка и всѣхъ вѣковъ. Леметръ былъ представителемъ народной драмы.

Еще печальнѣе было положеніе m-lle Жоржъ, раздѣлявшей нѣкогда съ Тальмою восторги публики и коронованныхъ лицъ, видѣвшей въ числѣ своихъ поклонниковъ безстрастнаго Наполеона, а въ то

время игравшей на Одеонѣ всевозможныя роли, чтобъ не умереть съ голоду. Дочь музыканта и театральной субретки, она рано вышла на сцену и пріобрѣла любовь публики. Явясь въ роляхъ Дюшенуа, она скоро побѣдила свою соперницу. Жоржъ долгое время отвергала предложенія всѣхъ своихъ обожателей и, послѣ ролей Семирамиды, Клеопатры, Дидоны, ужинала въ своемъ скромномъ уголку блюдомъ чечевицы. Польскій графъ Сапѣга предложилъ ей богато меблированное помѣщеніе, бриллıанты, кружева, кашемиры, не требуя за это ничего, кромѣ дружескаго пожатія руки. Ее преслѣдовалъ своей любовью Луціанъ Бонапарте; но однажды утромъ Парижъ узналъ пикантную новость: въ эту ночь первый консулъ потребовалъ къ себѣ въ Сен-Клу m-lle Жоржъ, и она должна была отправиться. Жозефина не показала вида, что знаетъ о невѣрности своего мужа, и на другой же день прислала торжествующей актрисѣ, игравшей Федру, дорогую золотую мантію для этой роли. Въ 1808 году, по приказанію императора Наполеона, Жоржъ играла на Эрфуртскомъ конгрессѣ передъ партеромъ императоровъ и королей. Вернувшись въ Парижъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, когда она должна была играть въ трагедіи „Артаксерксъ", Жоржъ неожиданно скрылась изъ Франціи и очутилась въ Вѣнѣ, откуда, съигравъ съ успѣхомъ нѣсколько ролей, отправилась въ Петербургъ, гдѣ императоръ Александръ осыпалъ ее богатыми подарками. Ее часто можно было встрѣтить на улицахъ столицы, въ великолѣпномъ экипажѣ четверкой, но когда, послѣ пожара Москвы, Наполеонъ бѣжалъ изъ Россіи, принявшей его такъ негостепріимно, всѣ окна Петербурга заблистали огнями яркой иллюминаціи; только окна дома Жоржъ были темны и за ними сидѣла и плакала надъ померкшею звѣздою Наполеона и его любви прекрасная артистка. Только строгое приказаніе императора Александра охранило ее отъ оскорбленія возбужденныхъ петербургскихъ жителей. Больная и разстроенная скрылась она въ Стокгольмъ, гдѣ ее привѣтливо встрѣтили Бернадотъ и г-жа Сталь. Въ послѣдній разъ въ Дрезденѣ играла она передъ Наполеономъ, вмѣстѣ съ Тальмою, незадолго до Лейпцигскаго сраженія, въ „Циннѣ". Императоръ возвратилъ ей всѣ права общницы „Французскаго театра", но, по возвращеніи Бурбоновъ, она имѣла смѣлость выйти на сцену въ костюмѣ, украшенномъ не королевскими лиліями, а имперьялистскими фіалками, и была за это выслана изъ Парижа. Только впослѣдствіи Людовикъ XVIII позволилъ ей возвратиться въ столицу, и она поступила на театръ Одеона; потомъ играла въ провинціи, посѣтила еще разъ Германію и Россію и умерла въ званіи учительницы драматической декламаціи при парижской консерваторіи.

Каролина говоритъ еще о другихъ замѣчательныхъ артистахъ того времени: Буфе, Дежазе, Леонтинѣ Фе, Одри, о первомъ представленіи Вильгельма Телля Россини, о Маріи Тальони, тенорѣ Нурри, Сабинѣ-Гейнефеттеръ, Маріи Малибранъ. Всѣ эти артисты и пьесы, въ кото-

рыхъ они появлялись на сценѣ, возбуждали въ Каролинѣ горькія сожалѣнія о покинутомъ ею поприщѣ. Не смотря на строгое запрещеніе принца Леопольда, она не могла отказаться отъ пріема нѣкоторыхъ изъ ея берлинскихъ поклонниковъ, видѣвшихъ ее въ театрѣ; но она не могла признаться имъ, что была гораздо счастливѣе на сценѣ, нежели въ своемъ новомъ положеніи. Кузенъ Штокмаръ совѣтовалъ ей навсегда забыть прошлое и помнить, что Каролина Бауэръ умерла окончательно. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ ей, что ея пребываніе въ Парижѣ должно продлиться болѣе, чѣмъ разсчитывали прежде, и потому необходимо уменьшить, сколько можно, издержки ея туалета и даже вседневнаго содержанія. Каролина должна была отпустить наемный экипажъ, переѣхать изъ бель-этажа отеля въ третій этажъ, ограничить себя во всемъ, даже въ посѣщеніи театра.

Изъ парижской королевской фамиліи Каролина набрасываетъ, между прочимъ, очень живой и вѣрный портретъ герцогини Беррійской, прозванной галантными парижанами la jolie laide. Каролина находитъ, что она была просто очень дурна собой, особенно съ перваго взгляда: въ глазахъ свѣтилось непріятное выраженіе, цвѣтъ лица отливался желтизною, нижняя толстая губа рѣзко выдавалась впередъ, шея чрезвычайно худощава; но зато у нея была удивительно маленькая ножка; парижане были отъ нея въ восторгѣ и вездѣ превозносили le pied de Madame. И герцогиня сама очень хорошо знала это, стараясь при всякомъ удобномъ случаѣ выставлять свою ножку; она ввела въ моду короткія платья и ажурные шелковые чулки. Когда она гуляла по высокой терассѣ Тюльерійскаго сада, внизу собиралась публика и удивлялась ножкѣ герцогини. Эксцентрическая въ своихъ поступкахъ, она объѣхала однажды всѣ парижскіе бульвары въ омнибусѣ, въ костюмѣ парижской гризетки, въ сопровожденіи камергера, также переодѣтаго; но на площади Согласія кондукторъ, помогавшій ей взойти въ омнибусъ, при видѣ ея ножки, обутой въ розовый шелковый чулокъ и черный атласный башмачекъ, вскричалъ изумленный: „Ah! le pied de Madame!“ и почтительно снялъ шапку. Парижъ увѣрялъ также, что онъ не разъ узнавалъ эту ножку на балахъ маскарада Большой оперы. Злые языки говорили даже, что они видѣли, какъ эта ножка не разъ взбѣгала по темнымъ лѣстницамъ Латинскаго квартала, гдѣ жили нѣкоторые изъ молодыхъ артистовъ театра, носившаго названія „Théatre de Madame“. Мелькала эта ножка не разъ и въ увеселительномъ замкѣ Марсанъ, резеденціи герцогини, и въ купальняхъ Дьеппа. Герцогиня была также неутомимая наѣздница и никогда не выходила изъ долговъ; но все это ей прощалось за ея доброту, грацію, блестящую, остроумную болтовню. Дочь неаполитанскаго короля, она была настоящей француженкой, совершенной парижанкой и самой интересной особой при скучномъ дворѣ Карла X. Уже и въ то время Парижъ былъ очень недоволенъ этимъ дворомъ, полнымъ ханжей и іезуитовъ. Парижъ скучалъ и говорилъ: ça ira

mal. И дѣйствительно пошло худо, и гораздо скорѣе, чѣмъ ожидали. Не прошло и года, какъ изгнанный Карлъ X съ своимъ семейством нашелъ убѣжище въ Прагѣ, гдѣ въ часовнѣ Градчина семидесятивосьми-лѣтній король съ золоченымъ молитвенникомъ въ дрожащихъ рукахъ попрежнему механически шепталъ блѣдными губами іезуитскія молитвы, не предохранившія его отъ потери короны. Подлѣ этой печальной руины земного величія молились герцогъ и герцогиня Ангулемскіе,—онъ былъ такимъ же безжизненнымъ, безхарактернымъ существомъ, какъ и прежде, сумрачная жена его отличалась такимъ же фанатизмомъ. Съ ними не было только герцогини Беррійской, матери будущаго короля Франціи, Генриха V: она была удалена отъ двора изгнаннаго Карла X за то, что скомпрометировала Бурбоновъ, послѣдовавъ влеченію своего сердца, а не предписаніямъ политики. Въ то время, когда королевская фамилія искала убѣжища сначала въ Англіи, потомъ въ Чехіи, герцогиня Беррійская была „единственнымъ твердымъ мужемъ между Бурбонами“, какъ ее называлъ Луи-Филиппъ. Въ апрѣлѣ 1832 года, герцогиня съ нѣсколькими приверженцами высадилась на берега Франціи и, переодѣтая крестьянкой, явилась въ вѣрной Вандеѣ, развернувъ бѣлое съ лиліями—знамя Генриха V, и собирая подъ это знамя защитниковъ законной династіи, подвергалась ежеминутно опасности, преслѣдуемая полиціей. Она была, наконецъ, продана въ Нантѣ за 30,000 франковъ кельнскимъ жидомъ Дейтцемъ, выдавшимъ себя за приверженца Бурбоновъ и открывшимъ полиціи тайное убѣжище герцогини. Ее вытащили изъ-за камина, гдѣ былъ разведенъ огонь, почти задыхавшуюся отъ дыма и съ обгорѣвшимъ платьемъ, не разъ вспыхивавшемъ на ней въ то время, когда она пряталась отъ полицейскихъ сыщиковъ. Плѣнницу привезли въ крѣпость Блей, но вскорѣ же выпустили на свободу, такъ какъ она сдѣлала признаніе, что уже съ годъ какъ соединена тайнымъ бракомъ съ итальянскимъ маркизомъ, Лукези Палли, и должна скоро разрѣшиться отъ бремени. Это признаніе оттолкнуло отъ нея всѣхъ легитимистовъ и Бурбоновъ; даже сыну ея, которому она хотѣла возвратить престолъ, рискуя своей жизнью, не позволено было ни обнять, ни видѣть мать свою. И все это герцогиня принесла въ жертву красивому, но весьма мало развитому авантюристу, вдобавокъ еще не разъ ее обманывавшему, за что ревнивая и вспыльчивая супруга не разъ давала ему чувствовать всю силу своихъ расходившихся августѣйшихъ ручекъ. Не разъ доставалось отъ нея и особамъ, за которыми ухаживалъ ея супругъ. Она дала ему титулъ герцога де-ла-Граціа и имѣла отъ него сына и трехъ дочерей. Живя большею частью въ своемъ замкѣ въ Брунзее, въ южномъ Штейермаркѣ, она только по смерти Карла X помирилась съ графомъ Шамборомъ. Но и подъ старость герцогиня была также расточительна, какъ и въ молодости, и графу Шамбору не разъ приходилось уплачивать значительные долги своей матери. Герцогъ де-ла-Граціа умеръ въ 1864 году. Герцогиня,

слѣпая и глухая въ послѣдніе годы, сошла въ могилу въ 1870 году, не дождавшись воцаренія своего сына. У легитимиста герцога Ларошфуко Додевиля хранится чрезвычайно маленькій, пожелтѣвшій отъ времени атласный башмачекъ, на которомъ замѣтны слѣды нѣсколькихъ капель крови; этотъ башмакъ былъ на ногѣ герцогини Беррійской 14 февраля 1820 года, когда она выходила изъ оперы съ герцогомъ, павшимъ подъ ножомъ Лувеля.

Въ концѣ октября, пріѣхалъ въ Парижъ Штокмаръ, недовольный цѣлымъ свѣтомъ и въ особенности своимъ принцемъ, который, по своей безхарактерности, никакъ не могъ принять какого нибудь рѣшенія въ вопросѣ о предложенной ему коронѣ Греціи. Онъ надѣялся почему-то, что Каролина понудитъ принца на что нибудь рѣшиться Въ началѣ ноября явился и самъ кандидатъ на греческій престолъ, но остановился въ другомъ отелѣ и дѣлалъ Каролинѣ всякій день визитъ, между тремя и четырьмя часами, привозя съ собой неизбѣжный ящичекъ для parfilage. Онъ казался больнымъ, жаловался постоянно на свое здоровье и занимался имъ гораздо болѣе, чѣмъ Каролиною. Карлсбадъ, по его словамъ, принесъ ему вредъ. Въ присутствіи принца, жизнь въ Парижѣ потекла такая-же скучная, какъ и въ Лондонѣ. Леопольдъ обѣщалъ ей, однако, что зимою они будутъ жить вмѣстѣ въ Клэрмонтѣ. Нѣсколько разъ посѣщалъ онъ въ это время и Тюльери. Уже позже Каролина узнала, что эти посѣщенія были сдѣланы съ цѣлью разузнать, можетъ ли принцъ Леопольдъ получить руку герцогини Беррійской, если онъ сдѣлается греческимъ королемъ. На это былъ данъ короткій и дипломатическій отвѣтъ: „если греческая корона, то и французская герцогиня; нѣтъ короны— не будетъ герцогини“. Каролину болѣе всего возмущало, что эти дипломатически-матримоніальные планы обдумывались въ то время, когда принцъ посѣщалъ Каролину и спокойно бесѣдовалъ съ ней. Это положеніе было, дѣйствительно, возмутительно, но не сама-ли она изъ честолюбія и желанія земныхъ благъ согласилась играть такую роль? Она жалуется, что была только игрушкою, которую принцъ не хотѣлъ выпустить изъ своихъ рукъ, пока не получитъ корону, или принцессу королевской крови. Но кто же заставлялъ артистку сдѣлаться такою игрушкою? Тутъ не было ни любви, ни увлеченія, а одинъ холодный, явный разсчетъ, и обвинять въ этомъ одного принца,—нелогично и несправедливо!

Въ началѣ декабря, принцъ и Штокмаръ уѣхали изъ Парижа, но Каролина должна была еще остаться тамъ и только послѣ Рождества получила разрѣшеніе вернуться въ Англію, прямо въ Клэрмонтъ, въ четырнадцати миляхъ отъ Лондона. Самъ принцъ, однако, жилъ въ Лондонѣ, по причинѣ скопленія важныхъ дѣлъ — какъ говорилъ онъ. Новый 1830 годъ мать съ дочерью встрѣтили однѣ, въ большомъ холодномъ салонѣ Клэрмонтскаго замка, съ сѣрыми обоями, опущенными портьерами, съ старомодными неуклюжими дубовыми

стульями и такимъ же диваномъ, обтянутымъ жесткою кожею. Въ громадномъ каминѣ горѣли огромныя полѣнья, но они не могли нагрѣть обширной залы. Мать встрѣчала новый годъ вздохами и толками о характерѣ принца, котораго безъ церемоніи называла безсердечнымъ эгоистомъ, думающемъ только о своемъ дорогомъ *я*; дочь горько жаловалась на судьбу. Не логичнѣе-ли ей было жаловаться на самое себя? Въ Клэрмонтскомъ замкѣ продолжалась для нея та же жизнь, какъ и въ Реджентс-паркѣ. Принцъ пріѣзжалъ акуратно въ четыре часа къ обѣду, передъ которымъ съ полчаса проводилъ съ Каролиною, сидя у камина и грѣясь въ то время, когда она играла на фортепіано и пѣла романсы. О любви не было и помину. Послѣ обѣда начиналось чтеніе романа, межъ тѣмъ какъ принцъ занимался своимъ parfilage,—и уѣзжалъ ровно въ семь часовъ. Такъ проходили дни и недѣли въ убійственномъ однообразіи. Штокмаръ не показывался и отговаривался нездоровьемъ. Тогда Каролина написала къ нему: „если ты завтра не пріѣдешь и не объяснишь нашего невыносимаго положенія, послѣ завтра я съ матерью бросаю Клэрмонтъ и уѣзжаю: наши силы, наше терпѣніе истощились“. Кузенъ пріѣхалъ, скучный, разстроенный, сердитый на принца, на короля Георга IV, на англійскихъ министровъ, даже на пребываніе Каролины въ Англіи.

— Но вѣдь ты же самъ виноватъ, что мы здѣсь, замѣтила она.— Безъ твоего совѣта я бы никогда не оставила сцену и мою веселую, свободную жизнь.

— Я думалъ, что близъ тебя принцъ возвратится къ новой, дѣятельной жизни. Теперь я убѣдился, конечно, что это была напрасная надежда; а все-таки долженъ совѣтовать тебѣ одно: терпѣніе и еще разъ терпѣніе. Надо ждать, чѣмъ рѣшится этотъ вопросъ о греческой коронѣ; черезъ мѣсяцъ, два — все должно объясниться; вы можете тогда разойтись безъ скандала, безъ шума, и греческій король останется твоимъ вѣрнымъ другомъ“.

Чтобы доставить кузинѣ какое нибудь развлеченіе, Штокмаръ началъ учить ее верховой ѣздѣ. Послѣ нѣсколькихъ уроковъ, принцъ изъявилъ желаніе сопутствовать ей въ прогулкѣ верхомъ. На маленькомъ пони высокій, худощавый Леопольдъ казался совершенно Донъ-Кихотомъ. Обыкновенныя прогулки Каролина совершала въ сопровожденіи кузена, но скоро лишилась и этого удовольствія. Однажды они встрѣтили красиваго и стройнаго наѣздника, дружески раскланявшагося съ Штокмаромъ, который представилъ его своей спутницѣ, какъ графа Соммерсетъ. Онъ ѣхалъ нѣсколько времени вмѣстѣ съ ними, въ оживленной бесѣдѣ и, прощаясь, выразилъ надежду снова встрѣтиться съ ними на прогулкѣ, въ самомъ непродолжительномъ времени. На слѣдующій разъ онъ, дѣйствительно, поджидалъ ихъ въ лѣсу на перекресткѣ, но кузенъ, завидѣвъ его, быстро поскакалъ въ другую сторону, сказавъ: „не доставало еще, чтобъ этотъ

романтическій герой, которымъ бредятъ всѣ наши лэди, началъ ухаживать за графинею Монгомери. Онъ, пожалуй, вздумаетъ сдѣлать ей визитъ: тогда прощай вся тайна! Положенію принца въ Англіи будетъ угрожать опасность. Мы должны прекратить наши прогулки". Принцъ на другой же день явился, еще болѣе встревоженный: Соммерсетъ уже распустилъ при дворѣ слухъ о нѣмецкой красавицѣ, похожей на принцессу Шарлоту. „Всему виною эти глупыя поѣздки верхомъ", прибавилъ принцъ.

— Вы желаете, значитъ, чтобъ я жила здѣсь въ совершенномъ заключеніи, какъ государственная преступница? спросила Каролина. — Развѣ для этого звали вы меня въ Лондонъ? Развѣ такую жизнь обѣщали мнѣ? Не прикажете-ли, чтобы я, для совершеннаго спокойствія вашего, носила желѣзную маску?

Выходка эта поразила принца; съ принужденнымъ смѣхомъ онъ вздумалъ обратить ее въ шутку. „Мнѣ кажется, прекрасная графиня начинаетъ возмущаться", сказалъ онъ.

— Да, и есть отъ чего! Я вѣдь не невольница ваша! вскричала она, убѣгая въ слезахъ въ свою комнату.

— Я не думалъ, что у артистокъ такія горячія натуры, замѣтилъ спокойно принцъ ея матери.—Она, конечно, успокоится до завтра, но сегодня мнѣ все-таки остается пожалѣть, что я не услышу продолженія романа, который она вчера начала читать мнѣ.

И бѣдная мать должна была замѣнить свою дочь и заняться чтеніемъ, въ то время какъ принцъ занимался выдергиваньемъ своихъ золотыхъ ниточекъ.

Въ одно прекрасное утро, Штокмаръ объявилъ кузинѣ, что она скоро будетъ свободна, такъ какъ принцу положительно предложена греческая корона. Онъ, однако же, не получилъ ее, и Каролина, для объясненія этого обстоятельства, рисуетъ цѣлую серію портретовъ и сценъ англійской королевской фамиліи, (основываясь во многомъ на разсказахъ Штокмара) членомъ которой сдѣлался принцъ Кобургскій, женившись на принцессѣ Шарлотѣ. Прежде всего Каролина разсказываетъ мало извѣстныя подробности объ этой принцессѣ, память о которой была еще такъ свѣжа въ Клэрмонтѣ. Такъ, Каролина нашла въ одной комнатѣ стараго попугая, любимца принцессы; онъ былъ очень грязенъ и покрытъ насѣкомыми, никто о немъ не заботился, и Каролина, изъявивъ желаніе ходить за нимъ, получила его въ подарокъ. Принцъ былъ даже радъ избавиться отъ стараго крикуна. Его вымыли, вычистили и онъ скоро привыкъ къ своей новой хозяйкѣ, которая возила его съ собою въ Россію, Австрію, Дрезденъ. Въ замкѣ былъ также портретъ принцессы въ русскомъ костюмѣ— голубомъ съ серебромъ, подаркѣ великой княгини Екатерины Павловны, впослѣдствіи королевы Виртембергской, прибывшей въ Лондонъ тотчасъ послѣ войны за освобожденіе и много содѣйствовавшей заключенію брака принцессы съ Леопольдомъ. Случайно сохранился

у Каролины подобный же національный костюмъ, въ которомъ она танцовала „русскую“ въ Петербургѣ. Она надѣла его на другой же день и сама удивилась поразительному сходству своему съ портретомъ принцессы. Принцъ также поблѣднѣлъ немного, увидя ее въ этомъ костюмѣ, но тотчасъ же началъ разбирать ихъ сходство: у принцессы Шарлоты былъ нѣсколько тоньше носъ, но ротъ не такъ красивъ, она была полнѣе, а Каролина граціознѣе, бѣлокурые волосы и свѣжій цвѣтъ лица одинаковъ у обѣихъ. Однимъ словомъ, наружность была разобрана до того подробно, что Каролина замѣтила ему: „вы забыли, принцъ, что въ груди обѣихъ бились сердца, одинаково любившія васъ“.

Участь бѣдной принцессы была, однако же, тяжелѣе участи актрисы. Шарлота говорила сама: „Мать моя была дурная женщина, но она не была бы такою, еслибъ отецъ мой не былъ еще гораздо хуже ея“. Эти горькія слова были совершенно справедливы: отецъ ея былъ принцъ Уэльскій, родившійся въ 1762 году, старшій изъ двѣнадцати сыновей слѣпого, полоумнаго короля Георга III и принцессы Мекленбургъ-Стрелицкой. Принца Уэльскаго льстецы называли „первымъ джентльменомъ Англіи“ за то, что онъ издерживалъ на свой туалетъ 20,000 фунт. стерлинговъ и, получая ежегодно 50,000 фунт. стерл. годового содержанія, былъ постоянно по уши въ долгахъ. Въ то же время онъ былъ игрокъ, пьяница, гуляка, развратный и безсовѣстный человѣкъ. Весьма вѣроятенъ былъ слухъ, что онъ покушался отравить жену свою, которую всю жизнь преслѣдовалъ самымъ жестокимъ и низкимъ образомъ. 24-хъ лѣтъ онъ уже надѣлалъ долговъ на 160 тысячъ фунтовъ. Король, выведенный изъ себя поступками своего сына, отказался уплатить этотъ долгъ. Тогда друзья и собутыльники принца посовѣтовали ему обратиться къ парламенту. Они хотѣли возбудить скандалъ публичными преніями и достигли своей цѣли: министръ Питтъ угрожалъ въ нижней палатѣ сдѣлать такія открытія, которыя поставятъ вопросъ даже о томъ, можетъ ли принцъ Уэльскій наслѣдовать престолъ своего отца. Всѣ знали, что принцъ тайно женатъ на католичкѣ, мистрисъ Фицгербертъ, у которой еще былъ живъ мужъ. Еслибъ этотъ бракъ признанъ былъ законнымъ, то онъ исключалъ принца изъ престолонаслѣдія, такъ какъ, по англійскимъ законамъ, жена наслѣднаго принца не можетъ быть католичкою. Фоксъ и Шериданъ требовали офиціальнаго изслѣдованія этого обстоятельства, и первый джентльменъ Англіи съ циническою улыбкою показалъ, что бракъ его съ мистрисъ Фицгербертъ не законный и фиктивный. Сверхъ того, онъ, какъ школьникъ, далъ обѣщаніе парламенту, что не будетъ впредь дѣлать долговъ; ихъ уплатили, а черезъ нѣсколько лѣтъ новый долгъ принца возросъ до 1½ милліоновъ фунтовъ. Тогда прибѣгли къ обычному средству образумить молодого человѣка—женить его. Несчастная жертва была скоро найдена—принцесса Каролина Брауншвейгская. Это была 26-ти

лѣтняя высокая блондинка, съ правильными чертами лица, открытымъ взглядомъ, но съ дурными манерами, весьма небольшимъ образованіемъ, легкомысленная, хотя и добродушная. При первомъ же свиданіи съ нею, когда она, по принятому этикету, опустилась передъ принцемъ на одно колѣно, онъ холодно обнялъ ее и потомъ, обратившись къ лорду Мальмсбери, сказалъ: „мнѣ что-то нездоровится; дайте-ка рюмку водки!“—и тотчасъ ушелъ. На слѣдующій день онъ имѣлъ дерзость представить своей невѣстѣ, въ качествѣ придворной дамы, лэди Джерсей, одну изъ своихъ любовницъ. Во время брачной церемоніи, въ капеллѣ Сент-Джемскаго дворца, принцъ нѣсколько разъ оборачивался спиной къ своей супругѣ и дѣлалъ знаки въ ложу, гдѣ сидѣла мистрисъ Фицгербертъ, которой онъ далъ обѣщаніе считать ее своею единственною законною супругою. Конецъ этого печальнаго дня былъ еще возмутительнѣе: за свадебнымъ обѣдомъ принцъ былъ уже совершенно пьянъ; принцессѣ же его друзья и любовницы подмѣшали въ вино чего-то наркотическаго и рвотнаго и крѣпко заперли за ними дверь спальни. Напрасно несчастная стучалась въ дверь, прося помощи... Принцъ провелъ конецъ этой ужасной ночи, лежа на полу у камина безчувственно пьяный. На другой же день принцъ объявилъ королю, что онъ не можетъ жить съ такой женой. Несмотря на это, ее заставили жить съ нимъ въ Карльтонгоузѣ подъ одною кровлею. Они видѣлись, правда, только за обѣдомъ; но и тутъ безсердечный палачъ ежедневно осмѣивалъ и оскорблялъ ее, вмѣстѣ съ леди Джерсей и своими прихлебателями. Даже королева относилась къ ней самымъ непріязненнымъ образомъ. Черезъ девять мѣсяцевъ у принцессы Уэльской родилась дочь Шарлота, будущая наслѣдница престола. Бѣдная мать надѣялась, что этотъ ребенокъ примиритъ ее съ мужемъ, но принцъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы прекратить офиціально свое сожительство съ принцессой. Ей выпала на долю одна радость: король рѣшилъ, что до восьми лѣтъ дочь будетъ воспитываться у матери. Она уѣхала отъ мужа на виллу Шрюсбёри, тогда какъ супругъ ея остался въ Карльтон-гоузѣ съ своими любовницами: леди Джерсей, маркизами Тоусгендъ и Гертфордъ, графинями Хольмонделей и Карнавонъ и др. Эти восемь счастливыхъ для матери лѣтъ пролетѣли быстро. Король постановилъ, чтобы принцесса Шарлота жила въ Виндзорскомъ паркѣ. Къ ней приставленъ былъ епископъ, который долженъ былъ учить ее религіи и латинскому языку и ежедневно читать съ нею молитвы; другіе учителя преподавали ей исторію, географію, литературу, французскій языкъ, чистописаніе, музыку и танцы. Кромѣ того, къ ней приставлено было нѣсколько гувернантокъ. Принцесса помѣстилась въ отдѣльномъ замкѣ, но близъ своей дочери, чтобы чаще видѣть ее. Принцъ Уэльскій протестовалъ противъ этого, желая совершенно освободить дочь отъ вліянія матери, но король приняль ея сторону. Тогда первый джентльменъ Англіи, изъ ненависти къ женѣ, при-

бѣгнулъ къ самымъ низкимъ средствамъ: онъ обвинилъ ее открыто въ связи съ адмираломъ Сидней Смитомъ, капитаномъ Менби и извѣстнымъ красавцемъ, живописцемъ Томасомъ Лауренсъ. Мальчикъ Билль Аустинъ, принятый принцессою, чтобы раздѣлять игры ея дочери, былъ, по словамъ принца, плодомъ тайныхъ связей принцессы. По этому обвиненію, король назначилъ четырехъ своихъ министровъ для „деликатнаго изслѣдованія“ (delicate investigation). Принцесса доказала, что ребенокъ рожденъ въ законномъ бракѣ и былъ сынъ паруснаго мастера изъ Чарльтона. Обвиненіе было опровергнуто, но принцесса получила замѣчаніе за свои непредусмотрительные поступки. Безсовѣстный отецъ заставлялъ даже свою десятилѣтнюю дочь свидѣтельствовать противъ матери, но дѣвочка не высказала ничего, что̀ могло бы компрометировать принцессу. Во все время изслѣдованія, принцессѣ было запрещено являться ко двору и видѣться съ дочерью. Это оскорбительное и жестокое запрещеніе не было отмѣнено даже послѣ ея оправданія. Только угрозою — предать гласности и суду общественнаго мнѣнія всѣ постыдныя интриги и преслѣдованія, принцесса добилась того, что ей позволили разъ въ недѣлю посѣщать свою дочь. Принцъ Уэльскій говорилъ открыто, что принцесса все-таки нарушила супружескую вѣрность, но что—такъ какъ по законамъ Англіи подобное преступленіе члена королевской фамиліи наказывается смертью — король и велѣлъ оправдать принцессу, не желая подвергать ее смертной казни. Изъ друзей принцессы—Эльдона, Канинга и Парсеваля, послѣдній далъ принцу Уэльскому хорошій урокъ: обличилъ всѣ его низкіе поступки въ тайно напечатанной книгѣ подъ простымъ названіемъ— „The book“. Негодяй поспѣшилъ скупить и уничтожить всѣ экземпляры, такъ что книга эта принадлежитъ къ числу величайшихъ литературныхъ рѣдкостей; но она сдѣлала все таки свое дѣло: англійскій народъ принялъ открыто сторону несчастной, такъ нагло и систематически преслѣдуемой принцессы Уэльской, противъ ненавистнаго всѣмъ наслѣдника престола. Нѣкоторые историки полагаютъ, что принцесса была небезупречна въ супружеской жизни (то же мнѣніе высказалъ и принцъ Леопольдъ Кобургскій), но надо вспомнить, что̀ за существо былъ супругъ ея, тогда можно понять и даже оправдать ея поступки.

Въ октябрѣ 1810 года, слѣпой и давно уже слабоумный Георгъ III впалъ въ неизлечимое помѣшательство. Принцъ Уэльскій былъ назначенъ регентомъ королевства и, конечно, тотчасъ же началъ еще болѣе преслѣдовать принцессу. Прежде всего, онъ отнялъ у нея воспитаніе дочери, которая достигла уже пятнадцати лѣтъ. Это была добрая, неглупая дѣвушка, получившая весьма поверхностное образованіе, но выказывавшая по временамъ въ характерѣ большую твердость и рѣшимость. Однажды за обѣдомъ, отецъ ея выбранилъ самымъ площаднымъ образомъ предводителя оппозиціи въ парламентѣ, лорда

Грея; дѣвушка встала изъ-за стола со слезами на глазахъ и отправилась въ первый разъ въ оперу, гдѣ публика приняла ее восторженно. Увидя въ одной изъ ложъ лорда Грея, бывшаго всегда защитникомъ ея матери, она быстро поднялась съ своего мѣста и, въ виду всего театра, послала рукой поцѣлуй удивленному лорду. Этотъ случай сдѣлалъ принцессу героинею дня; газеты приняли ея сторону противъ ея отца, и молодой лордъ Байронъ, уже прославившійся только-что вышедшими двумя первыми пѣснями „Чайльд-Гарольда", написалъ ей прекрасное стихотвореніе, въ которомъ представилъ ее оплакивавшею паденіе королевства и позоръ отца. Принцъ-регентъ пришелъ въ бѣшенство и выпустилъ на поэта стаю продажныхъ пасквилянтовъ. Байронъ отвѣчалъ ругателямъ новымъ стихотвореніемъ, въ которомъ отозвался съ презрѣніемъ о Георгѣ, поставивъ его ниже Карла I, короля безъ головы, и Генриха VIII, короля безъ сердца. Парламентъ также принялъ съ восторгомъ посѣтившую его принцессу. Вскорѣ же принцесса написала къ первому министру, лорду Ливерпулю, что ей скоро будетъ семнадцать лѣтъ и что она требуетъ себѣ, вмѣсто гувернантокъ, придворный штатъ, приличный званію англійской королевской принцессы. Принцъ-регентъ отвѣчалъ на эту выходку созваніемъ семейнаго совѣта, на которомъ принцесса подверглась жестокимъ выговорамъ королевы и всего семейства, а взбѣшенный папенька назвалъ ее упрямою, ожесточенною и глупою дѣвчонкой, которая должна быть благодарной за то, что ее не запрутъ на всю жизнь. „Никакого отдѣльнаго двора и штата она не получитъ, пока не выйдетъ замужъ". Ей принуждены были, однакоже, дать двухъ придворныхъ дамъ и отдѣльное помѣщеніе въ Варвик-гоузѣ, избавлявшее ее отъ жизни въ одномъ дворцѣ съ своимъ отцомъ и его любовницами. Матери позволено было видѣться съ дочерью только разъ въ двѣ недѣли, не иначе, какъ въ присутствіи придворныхъ дамъ—шпіонокъ регента. Поэтому мать тайно переписывалась съ дочерью, пересылая ей письма въ башмакахъ и бѣльѣ. По обычаю, принцессу слѣдовало представить двору при ея совершеннолѣтіи. Это должна была сдѣлать ея мать, но регентъ, конечно, не согласился на это, и принцесса отказалась вовсе отъ представленія. Тогда ея мать отправила регенту письмо, въ которомъ жаловалась, что дочь отдаляютъ отъ матери именно въ такое время, когда необходимо имѣть вліяніе на ея сердце и образованіе, и что дѣвушка еще до сихъ поръ не получила конфирмаціи. Письмо это принцесса получила обратно нераспечатаннымъ, съ словеснымъ отвѣтомъ, что принцъ-регентъ не желаетъ получать никакихъ писемъ отъ принцессы. На это же письмо, отправленное къ лорду Ливерпулю, англійскій премьеръ отвѣчалъ, что онъ, къ сожалѣнію, ничего не можетъ сдѣлать въ этомъ случаѣ. Тогда оскорбленная мать рѣшилась предать гласности это письмо, и оно появилось въ печати въ газетѣ „Morning Chronicle". Это было искрою, брошенною въ порохъ: весь Лондонъ, вся Англія возмутились. Въ Сити открыто собирались миттинги, на

которыхъ составлялись адресы съ изъявленіемъ принцессѣ Уэльской уваженія и преданности всей націи. Уайтбридъ, предводитель оппозиціи, предложилъ въ парламентѣ изъявить принцу-регенту осужденіе и требовать, чтобы правительство приняло во вниманіе жалобы принцессы Уэльской и ея дочери. Регентъ отвѣчалъ новою низостью, приказавъ начать вторичное слѣдствіе надъ принцессою и объявивъ своей семнадцати-лѣтней дочери, что ея мать обвиняется въ нарушеніи супружеской вѣрности, подробно перечислилъ ей всѣ пункты позорнаго обвиненія и запретилъ ей видѣться съ матерью на все время, пока будетъ производиться слѣдствіе. Возмущенная этимъ, принцесса Шарлота объявила, что если она не можетъ видѣть мать свою, то не будетъ видѣться ни съ кѣмъ. Она отказалась даже отъ прогулокъ и заперлась въ своемъ Варвик-гоузѣ. Тогда изъ кружка регента сталъ распространяться слухъ, что принцесса Шарлота въ тайной связи съ капитаномъ Фицкларенсъ и что очевидныя для всѣхъ послѣдствія этой связи не позволяютъ принцессѣ показываться въ публикѣ. „Яблоко недалеко падаетъ отъ яблони", прибавляли распространители этой чудовищной клеветы. Принцесса Шарлота, ни разу даже не встрѣчавшаяся съ Фицкларенсомъ, принуждена была являться на общественныхъ гуляньяхъ и въ театрѣ. Возобновленное слѣдствіе не могло, конечно, найти никакихъ новыхъ уликъ противъ принцессы Уэльской и оправдало ее; но вмѣстѣ съ тѣмъ, коммиссія объявила, что принцъ-регентъ имѣетъ полное право запрещать всякое сношеніе между матерью и дочерью. Это рѣшеніе снова возмутило всю Англію. Составились новые миттинги, посыпались новые адресы; въ парламентѣ раздались новыя рѣчи въ защиту принцессы и ея дочери. Онѣ встрѣчались только въ Гайд-паркѣ, во время прогулки въ экипажахъ, и обмѣнивались только изъ оконъ каретъ знаками, взглядами и нѣсколькими словами. Но вскорѣ кучеру принцессы Шарлоты было приказано, подъ страхомъ быть выгнаннымъ изъ службы, не останавливаться ни на минуту при встрѣчѣ съ экипажемъ принцессы Уэльской, хотя бы ему даже и приказывали это.

Наконецъ, нашелся женихъ для принцессы. Это былъ наслѣдный принцъ Оранскій. Онъ пріѣхалъ въ Лондонъ ко дню рожденія регента и, послѣ параднаго обѣда, когда дамы ушли изъ-за стола, напился съ регентомъ и его братомъ, герцогомъ Іоркскимъ такъ, что ему было не до невѣсты. Онъ былъ адъютантомъ Веллингтона въ Испаніи, и регентъ былъ очень радъ отдать за него свою дочь, такъ какъ онъ увезъ бы ее въ Нидерланды изъ Англіи, гдѣ ея популярность была очень непріятна нѣжному родителю. Но Шарлота отвѣчала отцу, что она любитъ своего дядю, герцога Глочестерскаго. Регентъ поклялся, что онъ никогда не согласится на этотъ бракъ. Однажды, на большомъ вечерѣ, гдѣ былъ и принцъ Оранскій, регентъ, необыкновенно любезный съ своей дочерью, спросилъ ее: „неужели принцъ ей вовсе не нравится?"—Я не скажу этого, отвѣчала она,—

онъ довольно привлекателенъ. Тогда регентъ схватилъ ея руку, быстро вложилъ ее въ руку принца Оранскаго и представилъ ихъ собранію, какъ жениха съ невѣстой. Шарлота была почти готова примириться съ этою неожиданностью, чтобы только выйти изъ своего ужаснаго положенія при дворѣ отца. Начались формальные переговоры о бракѣ. Шарлота дала свое согласіе и приняла подарки отъ жениха. Вильгельмъ, король нидерландскій, объявилъ офиціально генеральнымъ штатамъ о предстоящемъ бракѣ наслѣднаго принца съ англійской принцессой; но когда въ пунктахъ брачнаго договора принцесса увидѣла параграфъ, обязывавшій ее послѣдовать за своимъ мужемъ въ Голландію, она поставила условіемъ—не оставлять Англіи иначе, какъ по своему собственному желанію. Чѣмъ больше узнавала она своего жениха, тѣмъ меньше чувствовала къ нему расположенія, находя, что онъ и на принца не походитъ съ своими замашками кавалерійскаго генерала.

Въ мартѣ 1814 года, вступили въ завоеванный ихъ войсками Парижъ императоры русскій, австрійскій и прусскій король. 7 іюня они пріѣхали оттуда въ Лондонъ, по приглашенію принца-регента отъ имени англійской націи. Въ свитѣ ихъ былъ 24-хъ лѣтній красивый принцъ Леопольдъ Кобургскій, явившійся съ намѣреніемъ поискать счастья въ Англіи. Носились слухи, что намѣреніе это было внушено ему одною англійскою придворною дамою, по порученію русской великой княгини Екатерины Павловны, вдовы герцога Ольденбургскаго, съ которой принцъ Леопольдъ состоялъ въ родствѣ. Онъ былъ также подъ покровительствомъ императора Александра I. Въ мартѣ великая княгиня пріѣзжала въ Лондонъ; утверждали, что пріѣздъ ея имѣлъ дипломатическую цѣль—разстроить семейный союзъ между Англіей и Нидерландами для того, чтобы Англія не получила слишкомъ большого преобладанія надъ континентальными державами. Для Россіи во всякомъ случаѣ было гораздо выгоднѣе, чтобы наслѣдный принцъ Оранскій соединился бракомъ съ русскою принцессою, а наслѣдница англійскаго престола вышла за незначительнаго нѣмецкаго принца, вполнѣ преданнаго русскому императору. Принцесса Шарлота было очень привязана къ великой княгинѣ и чрезъ нея познакомилась съ принцемъ Леопольдомъ. Ему не трудно было вытѣснить изъ сердца принцессы принца Оранскаго, но нѣсколько труднѣе—молодого и статнаго принца Фридриха прусскаго, который произвелъ на Шарлоту сильное впечатлѣніе. Но великая княгиня убѣдила ее, что въ политическомъ отношеніи бракъ ея съ прусскимъ принцемъ положительно невозможенъ. Принцесса объявила письменно своему жениху, что ни въ какомъ случаѣ, даже на короткое время, не оставитъ Англію и свою мать, которой она служитъ единственною защитой. Дворецъ ея долженъ быть всегда открытъ для ея матери, а принцъ Оранскій даже не счелъ нужнымъ посѣтить принцессу Уэльскую, поэтому о бракѣ съ нимъ не можетъ быть и рѣчи. Регентъ

пришелъ, конечно, въ бѣшенство, узнавъ объ этомъ отказѣ. Онъ еще сдерживался во время пребыванія въ Англіи союзныхъ монарховъ; но когда они уѣхали, онъ явился въ сопровожденіи Салисбюрійскаго епископа къ дочери и объявилъ ей, что весь ея придворный штатъ распускается, а сама она будетъ сейчасъ же отвезена въ уединенный замокъ въ Виндзорскомъ лѣсу, гдѣ будетъ имѣть время раскаяться въ своемъ упрямствѣ. Принцесса, не сказавъ ни слова, пошла одѣваться, но въ то время, когда отецъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ ея возвращенія, она другимъ ходомъ, въ наемной каретѣ, уѣхала къ своей матери. Въ ту же ночь регентъ собралъ на совѣтъ министровъ съ лордомъ-канцлеромъ и потребовалъ, чтобъ бѣглянка тотчасъ же вернулась. Ея друзья совѣтовали ей исполнить волю отца, и когда она упомянула о томъ, что за нее стоитъ англійскій народъ, Брумъ, отвѣчалъ: „вамъ стоитъ сказать слово, чтобы народъ вступился за васъ, но тогда призваны будутъ войска и прольется кровь, а вы не захотите быть причиной такого несчастія“. Принцесса подписала протестъ, въ которомъ еще разъ и рѣшительно изъявляла свое несогласіе на бракъ съ принцемъ Оранскимъ, и отправилась къ отцу, который послалъ ее въ заключеніе въ Карльтон-гоузъ, гдѣ ей было запрещено съ кѣмъ бы то ни было видѣться или переписываться. Сильный ропотъ поднялся въ Лондонѣ при этомъ новомъ актѣ тиранства; даже братъ регента, герцогъ Суссексъ, произнесъ въ парламентѣ сильную рѣчь противъ заключенія своей племянницы. Палата лордовъ рѣшила, однако, что не имѣетъ ни малѣйшаго права вмѣшиваться въ это дѣло. Регентъ объявилъ своему семейству, что считаетъ герцога Суссекса личнымъ врагомъ и не хочетъ видѣть его. Въ то же время принцессу постигло новое горе: вопреки совѣта своихъ друзей, ея мать рѣшилась покинуть Англію. Дочь видѣлась съ нею передъ ея отъѣздомъ и простилась—навсегда. Въ концѣ августа, регентъ, уступая совѣтамъ докторовъ и общественному мнѣнію, позволилъ своей дочери отправиться на морскія купанья. Вернувшись съ нихъ, она вела прежнюю жизнь въ заключеніи—могла выѣзжать только въ закрытомъ экипажѣ, а въ театрѣ должна была сидѣть въ ложѣ съ рѣшеткою и не показываться публикѣ.

Въ 1816 году, принцъ Кобургскій былъ объявленъ женихомъ Шарлоты. Регентъ неохотно далъ свое согласіе и придумалъ назначить принца главнокомандующимъ ганноверскихъ войскъ; но принцесса объявила, что она скорѣе не выйдетъ замужъ, нежели согласится ѣхать въ Ганноверъ. Тогда, въ маѣ назначенъ былъ день свадьбы. Парламентъ далъ 60 тысячъ фунтовъ на первое обзаведеніе молодыхъ и столько же годового содержанія. Для нихъ былъ купленъ также особый дворецъ въ Лондонѣ и въ его окрестностяхъ, замокъ Клэрмонтъ. Въ одинъ день съ принцессою вѣнчались въ Великобританіи 674 свадьбы. Но прежнія непріязненныя отношенія между отцомъ и дочерью остались и послѣ брака. Народъ принималъ молодыхъ вездѣ

восторженно, что еще больше возбуждало гнѣвъ регента. Въ августѣ молодые переѣхали въ Клэрмонтъ, гдѣ началась спокойная, тихая жизнь. Принцесса дѣлала много добра и занималась цвѣтоводствомъ, въ чемъ ей помогалъ супругъ. Они вмѣстѣ ѣздили на охоту. Они не любили лести и низкопоклонства. Однажды принцесса спросила своего учителя музыки, какого онъ мнѣнія объ исполненіи ею одной аріи. „Вы играли восхитительно и пѣли очаровательно", отвѣчалъ тотъ. На другой же день получилъ онъ отставку, съ увѣдомленіемъ, что если она такое совершенство, то ей незачѣмъ и продолжать учиться. Весною 1818 г., принцесса убѣдилась въ томъ, что она находится въ интересномъ положеніи. Въ октябрѣ придворные врачи засвидѣтельствовали, что она даже слишкомъ здорова, и потому необходимо избытокъ соковъ уменьшить кровопусканіемъ и строгою діэтой. Это леченіе повело къ тому, что несчастная, послѣ 52-хъ-часовыхъ страданій, родила, въ ноябрѣ, мертваго ребенка и, черезъ пять часовъ послѣ этого, сама умерла. Въ послѣдніе три дня принцъ ни на минуту не оставлялъ своей супруги; послѣ ея родовъ, онъ пошелъ отдохнуть и не видалъ, какъ она умерла. Горе его было неподдѣльно. Принцесса и ея ребенокъ были похоронены въ Виндзорской церкви. Исполняя желаніе покойной, принцъ приказалъ оставить для себя мѣсто подлѣ ея гроба. Онъ не предполагалъ, что будетъ лежать въ бельгійской землѣ, подлѣ своей второй супруги, королевы Луизы Орлеанской. Въ публикѣ распространился слухъ, что принцесса умерла не своею смертью. Черезъ два дня послѣ ея кончины, регентъ прислалъ письменную офиціальную благодарность доктору Крофту за его старанія при освобожденіи отъ бремени принцессы и за выказанныя при этомъ глубокія медицинскія познанія. Между тѣмъ, другіе врачи утверждали, что смерть произошла оттого, что не употребили всѣхъ нужныхъ мѣръ при рожденіи ребенка. Черезъ три мѣсяца послѣ смерти принцессы, докторъ сэръ Ричардъ Крофтъ застрѣлился. Двѣнадцать лѣтъ прожилъ Леопольдъ въ Клэрмонтѣ, вспоминая о своей супругѣ. Ему назначили 50 тысячъ фунт. стерл. содержанія. Женатые сыновья Георга III были бездѣтны; тогда женили 52-хъ-лѣтняго герцога Кентскаго на принцессѣ Викторіи, вдовѣ князя Лейнингенскаго, и ихъ дочь Викторія наслѣдуетъ теперь англійскій престолъ.

Мать покойной принцессы Шарлоты, оставивъ Англію, вела въ Италіи слишкомъ веселую жизнь. Въ обществѣ итальянца Бергами, сдѣланнаго ею камергеромъ, обер-гофмейстеромъ, барономъ и гросмейстеромъ основаннаго ею ордена св. Каролины въ Палестинѣ,— пріѣхала она, въ 1817 году, въ Карлсруэ. Она явилась ко двору управлявшей страною великой горцогини Стефаніи—въ турецкомъ костюмѣ. Ее приняли довольно холодно. Въ публику она являлась въ странныхъ, театральныхъ нарядахъ и держала себя черезъ-чуръ непринужденно. Недовольная пріемомъ своихъ родственниковъ, она вернулась въ Италію, гдѣ только изъ газетъ узнала о смерти своей

дочери; но это не помѣшало ей вести по прежнему далеко не примѣрный образъ жизни.

Когда пришло извѣстіе о смерти Георга III и восшествіи на престолъ Георга IV, 29-го января 1820 года, Каролина Брауншвейгская, несмотря ни на какія препятствія и на совѣты друзей, отправилась въ Англію требовать признанія своихъ королевскихъ правъ. Взбѣшенный Георгъ IV приказалъ архіепископу Кентерберійскому вычеркнуть имя королевы Каролины изъ церковныхъ молитвъ, и прелатъ повиновался. Тогда Карлъ Гросвеноръ сказалъ ему, что онъ долженъ былъ скорѣе бросить молитвенникъ въ голову Георга, нежели поступить противъ закона и совѣсти. По пріѣздѣ Каролины въ Англію, встрѣченной съ восторгомъ народомъ, ее ожидало уже въ третій разъ, какъ принцессу Уэльскую, обвиненіе въ нарушеніи супружеской вѣрности, поданное королемъ въ парламентъ и дополненное новыми матеріалами объ итальянцѣ Бергами. Пять мѣсяцевъ судили лорды свою королеву и въ третій разъ оправдали ее, по недостатку доказательствъ. Это оправданіе было принято съ радостью всей Англіей. Три вечера сряду Лондонъ зажигалъ иллюминацію въ честь оправданной королевы, вездѣ встрѣчаемой криками восторга. Она рѣшилась даже явиться въ соборъ въ день коронаціи, но ее не пустили въ церковь, такъ какъ она не могла представить пригласительнаго билета. Черезъ одиннадцать дней послѣ коронаціи, королева была въ Дрюриленскомъ театрѣ и выпила тамъ стаканъ лимонаду. Вдругъ она закричала: „меня отравили!"—и ее привезли домой въ страшныхъ страданіяхъ. Черезъ недѣлю она умерла. Тѣло ея было отправлено въ Брауншвейгъ. Гробъ, двигавшійся по улицамъ Лондона, встрѣчали слезами и криками: „бѣдную королеву убили, какъ и ея дочь!" Экипажъ короля, слѣдовавшій за гробомъ, встрѣчали проклятіями.

Принцъ Леопольдъ жилъ въ это время въ Клэрмонтѣ, удаляясь отъ двора. Онъ рѣшился, однако, сдѣлать одинъ визитъ королевѣ Каролинѣ, рискуя возбудить этимъ гнѣвъ Георга, который запретилъ принцу показываться ему на глаза. Леопольдъ отправился въ Кобургъ и вернулся въ Англію только въ 1823 году. Визитъ свой королевѣ Леопольдъ оправдывалъ тѣмъ, что ему явилась въ видѣніи принцесса Шарлота, смотрѣвшая на него съ печалью и укоризной. Съ тѣхъ поръ же, какъ онъ побывалъ у ея матери, видѣніе больше не показывалось. Втеченіи этого времени, у Леопольда были „двѣ глупыя страсти", какъ ихъ называлъ кузенъ Штокмаръ; одна изъ нихъ была графиня Фикельмонъ, жена австрійскаго посланника при петербургскомъ дворѣ. Это была разбитная вѣнка, стоившая немало даже экономному принцу Леопольду; другая была извѣстная своими похожденіями леди Элленбороу. Когда принцъ потребовалъ отъ нея, чтобы она отказалась отъ шумной лондонской жизни и жила только для него въ тихомъ уединеніи, леди разсмѣялась ему въ глаза и приняла предложеніе другого обожателя, князя Феликса Шварценберга, члена

австрійскаго посольства при сент-джемскомъ дворѣ, нисколько не покушавшагося удалить ее отъ праздниковъ и удовольствій этого двора. Связь эта, которую они не думали скрывать, сдѣлалась скоро предметомъ толковъ въ Лондонѣ. Когда же леди отправилась за княземъ въ Базель, куда его послали по дипломатическимъ дѣламъ, лордъ Элленбороу началъ противъ нея процессъ, по обвиненію въ супружеской невѣрности. Скандальныя подробности процесса занимали въ то время Европу не меньше процесса королевы Каролины. Супруги были разведены. Леди послѣдовала за княземъ Шварценбергомъ сначала въ Парижъ, потомъ въ Мюнхенъ, гдѣ поклонникъ красавицъ, король Людвигъ, приказалъ снять портретъ съ очаровательной леди—для своей спеціальной „галлереи красавицъ". Портретъ этотъ до сихъ поръ можно видѣть въ королевской галлереѣ, откуда исчезъ только портретъ Лолы Монтесъ. Года черезъ два, непостоянная леди бросила Шварценберга. Онъ выстрѣлилъ себѣ въ грудь изъ пистолета, но остался живъ и удалился съ своимъ маленькимъ сыномъ въ уединенный замокъ, въ Богемскихъ горахъ. Впослѣдствіи онъ совершенно излечился отъ своей раны и любви и продолжалъ дипломатическую карьеру, поставившую его потомъ въ главѣ австрійскаго министерства. Онъ продолжалъ ухаживать и за женщинами, но не любилъ ни одну изъ нихъ долго и постоянно. Леди Элленбороу убила въ немъ вѣру въ женщинъ. Въ нее же влюбился потомъ богатый баденскій аристократъ, баронъ Бенингенъ; онъ оставилъ свое придворное званіе, своихъ друзей и предложилъ леди свои богатства, свое честное имя и вѣчную вѣрность. При послѣднемъ предложеніи англичанка разсмѣялась.

— Надѣюсь, что взамѣнъ всего этого вы не потребуете вѣчной вѣрности отъ леди Элленбороу? замѣтила она смѣясь.—Или, можетъ быть, вы не знаете ея жизни? Такъ я разскажу вамъ ее. У леди Элленбороу есть покрайней мѣрѣ одна добродѣтель: она никогда не лгала.

И леди, дѣйствительно, разсказала ему все подробно, ничего не скрывая, и потомъ спросила:

— Что же, вы и теперь хотите на мнѣ жениться?

— Хочу и долженъ, отвѣчалъ баронъ,—хотя бы эта любовь стоила мнѣ жизни.

— Eh bien, cher baron, à votre risque, отвѣчала леди,—попробуйте! Вы мнѣ тоже нравитесь—въ настоящую минуту, но я предупредила васъ; теперь уже ваше дѣло не заставить меня скучать. Только что вы мнѣ наскучите, я начну искать другого развлеченія для своего сердца. Бракъ для меня не болѣе, какъ извѣстная форма; я тотчасъ же сброшу его съ себя, какъ только онъ въ чемъ нибудь помѣшаетъ мнѣ. Еще разъ, баронъ, предостерегаю васъ отъ леди Элленбороу.

Всѣ предостереженія были однако же напрасны: баронъ женился на

ней и она оставалась ему вѣрною три года, впродолженіе которыхъ родила ему сына и дочь. На четвертый годъ она бросила его и уѣхала съ молодымъ грекомъ, графомъ Теотоки, въ Аѳины, гдѣ вышла за него замужъ. Но черезъ нѣсколько лѣтъ промѣняла и его на дикаго предводителя паликаровъ. Потомъ она отправилась въ Сирію и тамъ, во время путешествія на верблюдѣ изъ Бейрута въ Вавилонъ, понравился ей арабскій вожакъ верблюдовъ шейхъ Абдулъ. Она послѣдовала за нимъ въ пустыню, жила въ его гаремѣ вмѣстѣ съ другими женами, раздѣляла съ нимъ его кочевую жизнь, лишенную всякаго европейскаго комфорта; сама готовила ему пищу, доила верблюдицъ. Черезъ годъ они разстались друзьями. У подножія Ливана, близъ Дамаска, выстроила она себѣ маленькій домикъ съ роскошнымъ садомъ и пріѣхала въ Лондонъ только въ концѣ пятидесятыхъ годовъ для устройства своихъ дѣлъ по наслѣдству; потомъ она вернулась въ Дамаскъ, гдѣ умерла въ 1873 году. Баронъ Бенингенъ пережилъ ее только однимъ годомъ. Дочь ихъ Берта до сихъ поръ живетъ въ домѣ умалишенныхъ. Она помѣшана на томъ, что ее околдовали.

Въ то время, когда принцъ Леопольдъ терялъ любовь Каролины Бауэръ, отъ него ускользала и греческая корона. Россія и Франція сильно желали, чтобы корона эта досталась принцу. Принцъ требовалъ, чтобы Греція формально выразила передъ великими державами желаніе свое видѣть его королемъ. Президентъ временнаго правленія, Каподистрія, требовалъ, чтобы въ составъ королевства вошли острова Кандія и Самосъ. Принцъ, конечно, не могъ исполнить этого желанія. Въ февралѣ 1830 года, Россія, Франція и Англія предложили ему корону Греціи безъ всякихъ условій. Но и онъ съ своей стороны не долженъ былъ предлагать никакихъ условій. Лордъ Абердинъ писалъ ему сухо и строго: „О Кандіи не должно быть и рѣчи. Вы можете во всякое время отказаться отъ сдѣланнаго вамъ предложенія, если оно почему либо вамъ не нравится; державы не имѣютъ намѣренія съ вами торговаться; онѣ ожидаютъ простого принятія ихъ предложенія и примутъ всякое условное предложеніе съ вашей стороны—за отказъ". И все-таки принцъ продолжалъ дѣлать разныя условія, хотя въ то же время тотчасъ же прибавлялъ, что готовъ взять ихъ назадъ, если они не нравятся лондонской конференціи. Въ апрѣлѣ 1830 года, онъ отправился въ Парижъ, въ поиски за невѣстою и, въ концѣ мая, прислалъ неожиданно въ конференцію извѣщеніе, что ему невозможно явиться въ Грецію въ званіи короля съ условіями, которыя поставлены державами, но не нравятся народу; поэтому, онъ благодаритъ державы, но отказывается отъ предложеннаго ему трона. Ясно, что причина отказа, приведенная принцемъ и существовавшая при самомъ началѣ переговоровъ, была только предлогомъ; дѣйствительною же причиной было извѣстіе объ опасной бо-

лѣзни тестя принца, короля Георга IV. Принцъ почему-то разсчитывалъ на регентство надъ своей малолѣтней племянницей Викторіей. Дипломаты и министры объясняли отказъ Леопольда его безхарактерностью и нерѣшительностью. Всѣ были того мнѣнія, что онъ не долженъ былъ сначала принимать предложенія, или обязанъ былъ бороться со всѣми интригами, чтобы сдержать обѣщаніе, данное имъ грекамъ.

Отказъ отъ короны поразилъ Каролину: она должна была, слѣдовательно, оставаться въ Англіи, прикованною къ этому бездушному эгоисту, выводившему изъ терпѣнія даже такого преданнаго и низкопоклоннаго слугу, какъ Штокмаръ. Въ то время, когда Каролина ждала каждую минуту рѣшенія своей участи, онъ явился къ ней однажды встревоженный и осыпалъ Леопольда рѣзкою бранью. Въ два часа ночи принцъ послалъ за Штокмаромъ, и когда увидѣлъ его у своей постели, то объявилъ, что умираетъ и умолялъ спасти его. „Вы знаете", говорилъ онъ, „что я на ночь кладу себѣ на коренные зубы двѣ золотыя пластинки для того, чтобы, скрипя во снѣ зубами, не портить ихъ эмали. Сегодня со мной случилось страшное несчастіе: проснувшись, я нашелъ у себя только одну скобочку, а другую, вѣроятно, проглотилъ во снѣ. Между тѣмъ, ея края довольно остры и могутъ повредить желудокъ или кишки. Я погибну, если вы не спасете меня". Штокмаръ бросился къ придворному врачу, и принцу начали давать каждый часъ по ложкѣ слабительнаго; онъ все это время былъ въ неописанномъ страхѣ и только твердилъ, что непремѣнно умретъ, пока камердинеръ, убирая постель, не нашелъ въ перинѣ злосчастную скобочку. Когда греческій вопросъ окончательно сошелъ со сцены, принцъ, не говоря ни слова Каролинѣ, продолжалъ по прежнему пріѣзжать къ ней и заставлялъ ее читать и пѣть въ то время, когда самъ занимался тѣмъ же невыносимымъ parfilage'мъ. Это возмущало и оскорбляло Каролину, и она объявила Штокмару, что хочетъ во что бы то ни стало быть свободною и бросить своего деревяннаго принца. Кузенъ противился этому рѣшенію, говорилъ, что оставить принца въ то время, когда онъ испыталъ столько разочарованій и непріятностей, было бы жестоко, что теперь онъ болѣе, чѣмъ когда либо, нуждается въ участіи. Штокмаръ взялъ съ нея слово не рѣшаться ни на что до того времени, какъ принцъ уѣдетъ въ Карлсбадъ. Множество мелкихъ непріятностей дѣлали между тѣмъ положеніе Каролины невыносимымъ. Въ Клэрмонтскомъ паркѣ встрѣтила она однажды, гуляя съ матерью, герцогиню Кентскую съ своею маленькою дочерью, принцессою Викторіею. На поклонъ Каролины они отвѣчали удивленнымъ взглядомъ и быстро повернули отъ нея въ сторону. Смерть Георга IV могла также имѣть большое вліяніе на перемѣну въ судьбѣ Каролины; но этотъ король, ослабленный дурною жизнью, изнуренный всевозможными болѣзнями — подагрой, во-

дянкою, одышкою, ожирѣніемъ сердца — все еще не умиралъ. Силы его поддерживали ромъ и водка, которыхъ онъ выпивалъ по одиннадцати бутылокъ въ день. Вскорѣ онъ ослѣпъ на оба глаза. Министры подписывали за него, въ его присутствіи, всѣ бумаги. 26-го іюня 1830 года онъ умеръ, наконецъ, сидя на стулѣ, отъ разрыва артеріи; и въ то время, когда Лондонъ встрѣчалъ веселыми криками это извѣстіе, Каролина съ матерью навсегда покинули Лондонъ. Окончательный разрывъ съ принцомъ произошелъ, однако, не изъ-за любви, а изъ-за денегъ: къ Каролинѣ пріѣхалъ ея братъ Карлъ и объявилъ, что она должна поручиться за него въ 16-ти тысячахъ гульденовъ, которые онъ далъ честное слово внести, чтобы жениться на любимой имъ дѣвушкѣ. Денегъ у Каролины не было и она обратилась къ Штокмару, но тотъ высказалъ обидное для нея предположеніе, что все это одинъ обманъ. Тогда она обратилась къ принцу, но и тотъ очень холодно отказалъ ей. Каролина не выдержала: она высказала имъ въ глаза, что они обманули ее, заставивъ блестящими обѣщаніями пріѣхать въ Лондонъ для того, чтобы усладить скуку уединенія безсердечнаго принца; что они оторвали ее отъ артистической, спокойной жизни и поставили въ двусмысленное положеніе; что принцъ все это время думалъ не объ ней, а о греческой коронѣ, которая все-таки должна была разлучить ихъ навсегда; что ее держали взаперти, какъ государственную преступницу, и осыпали всякаго рода оскорбленіями.

Такимъ образомъ, Каролина разсталась съ принцемъ Леопольдомъ и своимъ кузеномъ Штокмаромъ. Никогда болѣе не видала она этихъ лицъ и не писала имъ ни строчки. Дорого стоили ей эти тринадцать мѣсяцовъ лондонской жизни, и горько оплакиваетъ она ихъ въ своихъ „Запискахъ", при чтеніи которыхъ нельзя, однако же, не сознаться, что часть вины падаетъ и на нее самое. Леопольдъ, король бельгійцевъ, и баронъ Штокмаръ, авторъ подробныхъ записокъ объ этомъ королѣ и о событіяхъ его жизни, извѣстны въ исторіи, какъ твердые характеры и благоразумные политики. Каролина представляетъ ихъ въ другомъ свѣтѣ, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго и невѣроятнаго: характеристика многихъ государственныхъ и политическихъ дѣятелей явилась бы совсѣмъ другою въ исторіи, если бы исторія разсказывала ихъ закулисныя отношенія, жизнь ихъ, какъ частныхъ людей. Только въ послѣднее время исторія начинаетъ обращать вниманіе и на эту сторону жизни, искать въ частныхъ свойствахъ и характерахъ лицъ причины ихъ дѣйствій. Официальная исторія говоритъ только, что Георгъ IV былъ несчастливъ въ семейной жизни, что Леопольдъ Бельгійскій никогда не нарушалъ конституціи, которой принесъ присягу; но мемуары, въ родѣ „Записокъ Каролины Бауэръ" и современныхъ ей писателей, представляютъ намъ этихъ королей не въ ихъ официальномъ величіи, а какъ частныхъ

лицъ, съ ихъ слабостями и недостатками, одинаково свойственными какъ королямъ, такъ и поденьщикамъ. И только изъ такихъ современныхъ мемуаровъ узнаемъ мы настоящія причины многихъ историческихъ событій — несчастій Георга IV, благородныхъ поступковъ Леопольда I. Англійскій король и не могъ быть счастливъ, благодаря своему отвратительному образу жизни и своему злому, мстительному характеру. Бельгійскій король и не могъ, если бы и хотѣлъ, нарушить конституцію, такъ какъ у него не было вовсе никакого характера. Что касается до Штокмара, то Каролина относится къ нему даже очень снисходительно. Это былъ не болѣе какъ придворный, вся жизнь котораго была посвящена одной цѣли — прислуживанію своему государю, лакейству во всѣхъ видахъ и званіяхъ, какими онъ былъ облеченъ. Такихъ лакеевъ, иногда очень образованныхъ и даже весьма порядочныхъ во многихъ отношеніяхъ, можно встрѣтить немало у всякаго трона и во всякое время. Они не хуже другихъ безпристрастныхъ людей сознаютъ недостатки своихъ властителей, но никогда не рѣшатся сказать имъ правду, изъ опасенія потерять свое мѣсто и званіе. Благо страны и народа имъ чуждо, собственная выгода—единственный стимулъ ихъ жизни; добра другимъ они не дѣлаютъ не изъ злобы, а отъ лѣни, изъ эгоизма; несчастія другихъ ихъ не трогаютъ; всякая попытка улучшить общественное положеніе нарушаетъ ихъ консервативные интересы; ихъ безпокоитъ всякое обнаруженіе зла, потому что монаршее благоволеніе бываетъ наградою только за пріятныя извѣстія.

О своемъ кузенѣ Штокмарѣ Каролина отзывается рѣзко и желчно, считая его главнымъ виновникомъ своей несчастной поѣздки въ Лондонъ. Она упрекаетъ его въ томъ, что, принявъ сторону возлюбленнаго принца, онъ до конца жизни не входилъ съ нею ни въ какія сношенія и, вмѣстѣ съ принцемъ, былъ страшно оскорбленъ тѣмъ, что послѣ разрыва она не скрылась въ какое нибудь уединеніе, гдѣ жила бы, какъ графиня Монгомери, а осмѣлилась опять выйти на сцену, какъ Каролина Бауэръ. По мнѣнію Штокмара, это было преступленіе. Въ то время, когда на нее сыпались въ мелкихъ журналахъ клеветы и оскорбленія, когда писали, что она не заботится о своихъ трехъ сыновьяхъ, рожденныхъ отъ принца („должно быть, это были тройни", замѣчаетъ Каролина), Штокмаръ не сказалъ ни одного слова въ ея защиту; а между тѣмъ—по ея словамъ—когда она готовилась разойтись съ принцемъ, по принятіи имъ греческой короны, кузенъ говорилъ, что самъ бы женился на ней, если бы когда нибудь сдѣлался вдовцомъ. „Ты была законнымъ и честнымъ образомъ спутницею жизни принца—прибавлялъ онъ—и никто не имѣетъ права сказать, что баронъ Штокмаръ представилъ свою кузину въ любовницы принца. Если бы кто нибудь осмѣлился марать твое имя и твою честь, я сумѣю всѣми силами, всѣмъ моимъ вліяніемъ, вступиться за

тебя". И, однако же, онъ ничего не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи, втеченіе всей ея послѣдующей жизни. Отправившись за своимъ господиномъ въ Брюссель, въ качествѣ друга и совѣтника, хотя и безъ всякаго официальнаго званія при королевскомъ дворѣ, онъ имѣлъ при немъ большое вліяніе на истинно конституціоннаго короля Леопольда I, хотя и непродолжительное время, такъ какъ уже въ 1837 году король отправилъ его въ Англію, тоже въ качествѣ интимнаго совѣтника, къ восшедшей на престолъ его племянницѣ, Викторіи. Штокмаръ много содѣйствовалъ браку Викторіи съ ея кузеномъ, принцемъ Альбертомъ Кобургскимъ. Бракъ королевской принцессы Викторіи съ наслѣднымъ принцемъ прусскимъ также устроился при его содѣйствіи.

Въ 1857 году, Штокмаръ рѣшился, наконецъ, перемѣнить придворную жизнь на жизнь частнаго человѣка. Ему было уже 70 лѣтъ. Онъ искалъ успокоенія, хоть подъ конецъ жизни, но въ 1863 году писалъ къ королю Леопольду, что проводитъ самую печальную и тяжелую старость; чтó болѣе всего мучило его—это супруга, грубая, безсердечная, скупая женщина. Почти не живя съ нею во все время своей молодости и придворной жизни, онъ теперь дорого платилъ за то, что пренебрегалъ семейною жизнью. Нѣкогда всевластный при королевскихъ дворахъ, онъ не имѣлъ никакой власти подъ старость въ своемъ домѣ, которымъ безгранично управляла скупая хозяйка, отказывавшая ему часто даже въ крѣпкомъ бульонѣ, необходимомъ для поддержанія его слабѣющихъ силъ. Характеръ баронесы Штокмаръ всего лучше обрисовываетъ то обстоятельство, что она была присуждена кобургскимъ судомъ къ уплатѣ 15 талеровъ штрафа за то, что кормила свою прислугу гнилыми и испорченными припасами. Смерть Штокмара (въ 1863 году) была самая печальная: когда онъ испускалъ послѣднее дыханіе, жена сняла съ него фланелевую фуфайку для того, чтобы ею не воспользовались, по обычаю, тѣ, кто обмываютъ тѣло усопшаго. Зато по смерти монаршая благодарность воздвигла ему на кобургскомъ кладбищѣ великолѣпный мраморный памятникъ, по проекту наслѣдной принцессы прусской, съ надписью: „Памяти барона Христіана Штокмара посвящаютъ его друзья въ царствующихъ домахъ Бельгіи, Кобурга, Англіи и Пруссіи". Штокмаръ самъ говорилъ о себѣ: „мнѣ кажется, что я живу на землѣ для того, чтобы заботиться о другихъ, а не о себѣ. И я очень доволенъ этимъ назначеніемъ". „Странность моего положенія—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ—состоитъ въ томъ, что я всегда старался стушевываться (zu effaciren), и лучшія мои намѣренія долженъ былъ передавать для осуществленія другимъ. То, что я задумывалъ хорошаго, почти всегда приписывалось другимъ".

Развѣ это не идеалъ утонченнаго придворнаго лакейства? Серьезные политическіе люди не были никогда, впрочемъ, высокаго мнѣнія о дарованіяхъ и заслугахъ Штокмара.

И царственный другъ его также невесело кончилъ свою долголѣтнюю жизнь: потерявъ вслѣдствіе собственной безхарактерности греческую корону, онъ нашелъ вскорѣ другую — въ Бельгіи. Незначительный нѣмецкій принцъ былъ не опасенъ для Европы на вновь воздвигнутомъ тронѣ. Англія охотно согласилась признать его королемъ бельгійцевъ. Луи-Филиппу не позволили возвести на этотъ тронъ сына своего, герцога Немурскаго, и онъ, признавъ Леопольда, выдалъ за него дочь свою Луизу, въ рукѣ которой отказалъ ему прежде, какъ будущему греческому королю. Уѣзжая изъ Англіи, Леопольдъ отказался, конечно, отъ пенсіона въ 50 тысячъ фунт. стерл., выдаваемыхъ ему Англіей. Онъ просилъ только министра, лорда Грея, выплачивать въ счетъ этой суммы всѣ пенсіи и все содержаніе лицамъ, состоявшимъ при немъ во время пребыванія его въ Англіи. Остатокъ отъ этихъ выдачъ долженъ былъ возвращаться въ государственную кассу; онъ былъ, однако же, очень невеликъ, судя потому, что пенсія барону Штокмару и графинѣ Монгомери выдавалась также изъ этой суммы. Въ очень естественномъ отказѣ бельгійскаго короля отъ англійской субсидіи лордъ Грей, даже Веллингтонъ и другія лица, хотѣли видѣть актъ какого-то необыкновеннаго великодушія. Каролина, какъ мы видѣли, вообще отзывалась очень нелестно какъ о физическихъ, такъ и о нравственныхъ свойствахъ Леопольда. Ее возмущала его постоянная заботливость о своей персонѣ—черный парикъ, который онъ началъ носить въ молодые годы, чтобы казаться еще моложе, подошвы въ три пальца толщиною, чтобы казаться еще выше, стараніе говорить всегда тихо, никогда не волноваться, ѣздить на самыхъ маленькихъ, смирныхъ лошадяхъ; вообще, избѣгать всякихъ сильныхъ ощущеній. „Мнѣ смѣшно было—говоритъ она—встрѣчать въ газетахъ восторженные возгласы о благородномъ характерѣ Леопольда, его изумительной твердости, мудрости, проницательности, храбрости, энергіи и великодушіи“. Но онъ все-таки былъ основателемъ свободы въ Бельгіи, и городъ Монсъ не напрасно воздвигъ ему статую съ надписью: „Свобода совѣсти — свобода обученія — свобода сходокъ—свобода печати—независимость—миръ—благосостояніе—порядокъ и свобода“. А между тѣмъ, изъ самыхъ послѣднихъ дней его жизни Каролина разсказываетъ слѣдующій характеристическій случай, о которомъ упоминалось и въ парижскихъ газетахъ 1865 года, когда умеръ Леопольдъ. Онъ былъ любителемъ игры на фортепіано; съ утра до вечера въ кабинетѣ, отдѣленномъ отъ королевскаго легкою драпировкою, игралъ піанистъ. Замѣчательно, что король даже никогда и не думалъ взглянуть на музыканта, доставлявшаго ему удовольствіе своею игрою; каждое утро гофмейстеръ передавалъ піанисту программу пьесъ для исполненія. Черезъ пять лѣтъ такой тяжелой обязанности, піанистъ заявилъ однажды о желаніи воспользоваться днемъ отпуска. „На цѣлый день?—спросилъ гофмейстеръ—о,

это очень серьезный вопросъ! и врядъ ли вы получите дозволеніе".— Но я женюсь, и потому... — „Да, конечно, это важная причина, но все-таки — цѣлый день!" — Однако, пятилѣтнія занятія, безъ перерыва...—„Конечно, конечно, я доложу его величеству, но все-таки не надѣюсь". И на другой же день объявленъ былъ положительный отказъ несчастному піанисту, который долженъ былъ найти возможность совершить брачный обрядъ во время паузы между исполненіемъ двухъ пьесъ.

Въ этомъ мѣстѣ „Записокъ Каролины Бауэръ" издатель ихъ, Арнольдъ Вельмеръ, дѣлаетъ очень странную выноску. Въ виду обвиненія Каролиною Леопольда и Штокмара, онъ говоритъ, что необходимо выслушать и другую сторону: audiatur et altera pars—и приводитъ письмо, полученное имъ отъ сына Штокмара, черезъ три дня послѣ смерти Каролины, въ октябрѣ 1877 года. Въ письмѣ этомъ молодой баронъ проситъ „удалить легкою рукою" (mit leiser Hand entfernen) все, что въ запискахъ покойницы могло бы быть непріятно для принца и его друга. „Я хотя не самымъ честнымъ образомъ исполнилъ желаніе барона — говоритъ Вельмеръ (но что̀ осталось бы въ такомъ случаѣ отъ „Записокъ", гдѣ лондонская исторія Каролины занимаетъ половину тома?) — потому что считалъ ее своею пріятельницей (Freundin), но вскорѣ же пришелъ къ горькому убѣжденію и несомнѣнной увѣренности, что она была тщеславной ложью, обманомъ и самолюбіемъ (eitel Lug, Trug und Selbstsucht)". Послѣ этого, весьма оригинальнаго, признанія со стороны издателя книги, убѣждающаго публику, что въ книгѣ его все ложь и обманъ, Вельмеръ очень развязно прибавляетъ: „Послѣ этого я не имѣлъ уже никакого повода смягчать рѣзкость ея выраженій". Затѣмъ онъ приводитъ второе письмо сына Штокмара, въ которомъ баронъ увѣряетъ, что, несмотря на газетныя утвержденія, онъ никогда не слыхалъ ни о бракѣ Каролины съ Леопольдомъ, ни о ихъ разводѣ, когда онъ сдѣлался королемъ бельгійцевъ. Бракъ, по обрядамъ какой бы церкви онъ ни былъ совершенъ, нельзя скрыть отъ всѣхъ, и Каролина, дѣйствительно, говоритъ объ немъ только вскользъ и въ весьма темныхъ выраженіяхъ, а о разводѣ не упоминаетъ ни слова. Но на титулъ графини Монгомери должны же были у нея быть какіе нибудь документы, если она подъ этимъ именемъ ѣздила въ Парижъ и жила тамъ. Да дѣло и не въ законномъ или незаконномъ бракѣ, а въ ея отношеніяхъ къ Леопольду, которыя нельзя же называть ложью и обманомъ, какъ это дѣлаетъ издатель, оскорбленный тѣмъ, что Каролина не пощадила и его въ своихъ посмертныхъ признаніяхъ. Многія подробности ихъ до того естественны и дышатъ такою правдою,

что автора ихъ невозможно подозрѣвать въ преднамѣренномъ обманѣ.

Въ слѣдующей книжкѣ мы разскажемъ пребываніе Каролины Бауэръ въ Петербургѣ и послѣдніе годы ея дѣятельности, какъ артистки и женщины.

Вл. З — въ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

За старообрядцевъ. Листокъ, приложеніе къ 169 № газеты „Минута“. Калужскаго старообрядца Ѳ. Ѳалѣева.

Русскіе старовѣры стяжали себѣ добрую славу за многія свои хорошія свойства, и между прочимъ за свою характерность, стойкость и мастерское умѣнье дѣйствовать сообща въ общихъ интересахъ. Въ послѣднемъ отношеніи они своею энергіею и быстротою дѣйствій иногда просто удивляютъ. Тутъ нѣтъ ни тѣни нашей, будто бы, „прирожденной“ русской вялости и тѣхъ формальныхъ „волокитъ“, безъ которыхъ мы не можемъ ничего въ ходъ пустить. У старовѣровъ это совсѣмъ иначе. Это какіе-то янки, окрыленные страстною религіозною кипучестью и готовые вступать въ дѣло сію же минуту: они могутъ появляться и появляются въ ту пору, когда вы ихъ не видите и не чувствуете. Тѣмъ, кто на нихъ ополчается тяжелымъ ополченіемъ, кажется, что они гдѣ-то „на сторонѣ, далече“, а эти вдругъ выскакивиютъ и становятся передъ ними какъ листъ передъ травой и опять спорятъ, вѣщаютъ и „разглагольствуютъ...“ Но мало этого; къ крутой и неустанной энергіи на помощь приходятъ мастерство обойти своего противумысленника, и тамъ, гдѣ онъ успѣлъ дать одинъ отповѣдный листочекъ, сунуть вдвое болѣе жаркую отповѣдь, чуть не въ несмѣтномъ количествѣ, въ руки всѣмъ и каждому.

Такой именно случай опять недавно послѣдовалъ съ листкомъ, заглавіе котораго мы выше выписали: листокъ старовѣра Ѳалѣева появился быстро и неожиданно вслѣдъ за исторіею съ московскою книгою въ защиту старообрядцевъ, которая изъята изъ обращенія, и за брошюрою г-на Субботина, написанною противъ старообрядцевъ. Случай этотъ стоитъ вниманія. Калужскій старовѣръ Ѳ. Ѳалѣевъ въ своемъ „листкѣ“ (о численномъ распространеніи котораго ходятъ невѣроятные слухи), увѣряетъ, что расколу „сопоспѣшествуетъ“ поведеніе духовенства. „Народу (будто бы) прискорбно видѣть въ лицѣ священника, вмѣсто наставника, утѣшителя и покровителя—чиновника

полиціи и акцизнаго сборщика. Поборы духовенства отвлекаютъ паству отъ духовенства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ церкви". Өалѣевъ указываетъ на прошлое время, когда духовному „воину господствующей церкви" были даны всѣ средства одолѣвать расколъ, и эти „воины не съумѣли" ни чѣмъ воспользоваться. Теперь расколъ самъ уже „вызываетъ ихъ на состязаніе" и вызываетъ голосно и очень бойко, а тѣ уже отмалчиваются „показывая равнодушный видъ пренебреженія", но это, по мнѣнію пылкаго состязателя, „непристойно и неоправдательно". По понятіямъ Өалѣева, которыя, вѣроятно, раздѣляютъ многіе люди его убѣжденій, дѣло теперь имѣетъ такой видъ: „Которая сторона настойчиво вызываетъ на состязаніе, та, стало быть, приготовилась къ нему, а безмолствующая своею нѣмотою высказываетъ или свое малосиліе, или неприготовленность". И затѣмъ, „что до сей поры большинство духовенства господствующей церкви не приготовилось къ вступленію въ аннологическое состязаніе съ старообрядчествомъ на открытомъ полѣ равночестной свободы; это, конечно, вина не старообрядцевъ". На этотъ вызовъ, конечно, могутъ отвѣчать только тѣ, къ кому онъ относится и кто считаетъ себя призваннымъ докончить эту двухвѣковую борьбу рѣшительнымъ coup de main. Для насъ этотъ вопросъ въ теоріи рѣшенъ безповоротно: мы думаемъ, чтó бы кто ни затѣвалъ и на чемъ бы ни настаивалъ—вопросъ о свободѣ совѣсти въ Россіи все-таки разрѣшится въ томъ же духѣ, какъ онъ рѣшенъ во всѣхъ странахъ, опередившихъ Россію въ историческомъ ростѣ. Насъ болѣе занимаетъ дружный натискъ и приподнятый до открытаго вызова тонъ послѣднихъ книгъ и листковъ старовѣрческаго издѣлія. Это, безъ всякаго сомнѣнія, знаменіе времени и проба силъ, которыя очевидно чувствуютъ себя въ такомъ избыткѣ, что къ вызову уже прибавляютъ иронію: „Можетъ быть вы не приготовились, а мы де уже совсѣмъ готовы..." Моментъ, послѣ двухвѣковой распри съ тупыми перемежками, снова обостряется и получаетъ для историческаго наблюдателя очень живой интересъ. Одинъ историческій писатель годъ тому назадъ справедливо замѣтилъ, что „расколъ за двѣсти лѣтъ не ослабѣлъ отъ борьбы съ церковью, но въ немъ прибыло силы". Теперь къ этому уже надо прибавить, что въ новой своей фазѣ онъ обнаруживаетъ отмѣну въ своихъ отношеніяхъ къ борьбѣ: прежде расколъ ея не боялся, „красуясь язвами скорбей",—теперь онъ уже начинаетъ ею шутить...

Н. Л.

Примиреніе русскихъ съ поляками. Воспоминаніе прошлаго. Историческая брошюра, основанная на документахъ XVI вѣка и составленная, по поводу столѣтней годовщины въ 1872 году перваго раздѣла Польши, Ф. А. Весоловскимъ. Спб. 1881 г.

Если эта брошюра по содержанію и не вполнѣ можетъ быть отнесена къ области исторической литературы, представляя собою скорѣе политическій памфлетъ, то, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ вниманія какъ по своей темѣ, такъ и по нѣкоторымъ своимъ внѣшнимъ особенностямъ.

Написана она, какъ значится въ концѣ книги, на Волыни, въ декабрѣ 1872 года, т. е. девять лѣтъ назадъ, но опубликована только въ текущемъ году съ самыми небольшими прибавками. Редакція „Ист. Вѣстника" получила

брошюру съ письменнымъ на самой книгѣ пожеланіемъ—„когда-либо покончить русско-польскую вѣковую вражду, отъ которой всю пользу и выгоду извлекаютъ враги славянъ, враги Россіи". На оберткѣ брошюры изображены двѣ руки, положенныя одна въ другую. Въ отдѣльномъ письмѣ г. Весоловскій выражалъ желаніе напечатать брошюру на страницахъ нашего журнала, поясняя, что въ продажѣ брошюры не будетъ. Таковы внѣшнія обстоятельства появленія на свѣтъ труда волынскаго публициста, не оставляющія сомнѣнія въ полномъ преобладаніи у этой брошюры публицистическихъ цѣлей надъ историческими, научными изысканіями. Въ этомъ убѣжденіи утверждаетъ читателя также посвященіе книжки „русскому народу въ знакъ глубочайшаго уваженія за его сердечное и братское сочувствіе дѣлу освобожденія сербовъ и болгаръ". Характеръ и направленіе книжки уже опредѣляются въ извѣстной степени приведенными посвященіями, пожеланіями и заглавіями. Разумѣется, не можетъ быть рѣчи о напечатаніи на страницахъ историческаго журнала этой брошюры, хотя и не находящейся въ продажѣ, тѣмъ болѣе, что и самъ авторъ, вѣроятно, не претендуетъ на научную цѣнность своего труда. Унего даже найдутся фактическія ошибки, какъ-то: наименованіе Фридриха Великаго вторымъ королемъ прусскимъ и сыномъ Фридриха I, который, на самомъ дѣлѣ, приходился дѣдомъ виновника раздѣла Польши и отцомъ втораго прусскаго короля, Фридриха Вильгельма I. Но не въ томъ дѣло. Цѣль автора чисто практическая: создать „modus vivendi между двумя соплеменными народами не на основаніи теоріи, а исторіи, наставницы народовъ".

Въ сферѣ историческаго вѣдѣнія, конечно, нельзя отрицать и этой стороны. Была даже цѣлая историческая школа (Шлоссера и Гервинуса), которая главное значеніе исторіи видѣла въ ея тѣсной связи съ современностью, но, къ сожалѣнію, подобное значеніе исторіи, понятное въ твореніяхъ поименованныхъ нами столповъ науки, съ трудомъ могло бы быть приложимо къ болѣе слабымъ рукамъ и къ мелкимъ случаямъ. Не отрицаемъ поучительности и даже отрезвляющаго вліянія историческихъ справокъ относительно польскаго вопроса. Въ книжкѣ г. Весоловскаго тщательно подобраны историческіе факты, долженствующіе говорить въ пользу сближенія польской и русской народностей, добросовѣстно указаны недостатки самодержавной „шляхетской общины" и основаннаго на ея господствѣ политическаго устройства Польши, съ liberum veto, избирательной системой правленія и т. п., но вмѣстѣ съ тѣмъ указываются и заслуги Польши на пользу цивилизаціи,—заслуги, въ силу которыхъ поляки не могутъ отречься отъ своей народности и сохраняютъ право на политическую жизнь. Приписывая упадокъ Польши ея несчастному внутреннему устройству, наряду съ невыгоднымъ географическимъ положеніемъ, авторъ въ раздѣлѣ ослабѣвшаго государства винитъ не только Фридриха II, но также и коварную политику Франціи, которая чрезъ своихъ дипломатическихъ агентовъ противились всякому улучшенію польскаго государственнаго устройства. Отношенія Франціи къ полякамъ, долго видѣвшимъ въ ней свою защитницу, въ самомъ дѣлѣ, замѣчательны и послѣдовательны: при Людовикѣ XV французскія интриги раздували въ несчастной странѣ духъ анархіи, при Наполеонѣ I поляки ему служили просто игрушкой, или „мясомъ для пушекъ", а Наполеонъ III своимъ дипломатическимъ платоническимъ вмѣшательствомъ, въ 1863 году, только подливалъ масла въ разгоравшійся тогда огонь польскаго возстанія. Въ высшей степени безжалостное отношеніе двухъ западныхъ державъ (Франціи и Англіи) къ полякамъ въ эпоху возстанія

1831 года также хорошо очерчены въ извѣстный книгѣ г. Лисицкаго о маркизѣ Велепольскомъ, о которой мы въ свое время представили отчетъ на страницахъ „Ист. Вѣстника".

Мысль автора, при ожесточенныхъ обвиненіяхъ Франціи за раздѣлъ Польши, выясняется изъ слѣдующаго, не лишеннаго характерности, хотя парадоксальнаго вывода: „Сто лѣтъ назадъ послѣднее слово раздѣла Польши сказала Пруссія подъ Седаномъ. Такова рука исторической Немезиды. Въ сто лѣтъ послѣ перваго раздѣла Польши совершился первый раздѣлъ Франціи потомками Фридриха II". Оставимъ въ сторонѣ заблужденіе автора относительно возможности „раздѣловъ" современной республиканской Франціи. Республиканское начало въ исторіи выражается различно: оно ведетъ и къ процвѣтанію, на пути къ которому находится республика Гамбетты, оно же ведетъ страну и къ паденію, если, какъ въ Польшѣ, въ Венеціи, является въ извращенномъ, олигархическомъ видѣ. Что касается Немезиды, то почему бы ей не поразить скорѣе главнаго виновника раздѣла Польши—Пруссію? Объ этомъ авторъ умалчиваетъ. Исторія совершается не велѣніями мстящихъ или благосклонныхъ божествъ, а цѣпью причинъ и послѣдствій, которую обыкновенно называютъ логикой событій, исторической необходимостью. Въ виду этого, перечисленіе заслугъ Польши дѣлу цивилизаціи съ исторической точки зрѣнія не имѣетъ другаго значенія, кромѣ эпитафіи.

По мнѣнію г. Весоловскаго, Польша была представительницею идеи братства (уніи) народовъ и, въ случаѣ собирательной группировки славянскихъ народностей, подобно народностямъ германской и итальянской, Польша призвана будетъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ, въ тѣсномъ союзѣ съ Россіей. Пусть такъ, хотя это дѣло будущаго, а въ прошломъ заслуги Польши въ дѣлѣ уніи или федераціи народностей крайне проблематичны: одна унія Литвы съ Польшей, происшедшая благодаря слабости литовскаго племени, ничего еще не доказываетъ. Но кромѣ того, историческій характеръ современныхъ національныхъ агломерацій, повидимому, несовсѣмъ благопріятствуетъ уніи или федераціи народовъ въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаетъ авторъ. Характеръ этотъ состоитъ или въ политическомъ единствѣ, полномъ, какъ въ Италіи, гдѣ за двадцатилѣтній періодъ времени воспоминаніе о какомъ-нибудь неаполитанскомъ королевствѣ успѣло даже изгладиться,—или въ единствѣ подъ внѣшнею только формою союза мелкихъ автономій, какъ въ Германской имперіи. Во всякомъ случаѣ, судя по этимъ образцамъ, Польша, при всемъ уваженіи къ ея исторіи и культурѣ, должна была бы, въ будущей (быть можетъ, химерической) славянской федераціи довольствоваться ролью если не неаполитанскаго королевства, то Баваріи—самое большее—чего нибудь въ этомъ родѣ. Мелкія историческія единицы, какъ ни почтенно ихъ прошлое, не пріобрѣтаютъ тѣмъ правъ на политическую самобытность, если этой послѣдней не способствуютъ, кромѣ внутренней, культурной жизненности, еще и чисто-внѣшнія, напримѣръ, географическія обстоятельства. Но какъ-бы ни рѣшался вопросъ о политической самостоятельности въ тѣсномъ смыслѣ для подобной исторической народности, предъ ней открыто, въ глазахъ исторіи, еще важное поприще—содѣйствіе развитію общей культуры человѣчества; поляки могли бы увѣковѣчить себя въ исторіи такого рода успѣхами, даже въ настоящемъ положеніи. Вотъ мысли, на которыя наводитъ брошюра г. Весоловскаго.

Н. С. К.

Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи. Соч. И. Иванюкова. Спб. 1882 года.

Крестьянская реформа не имѣетъ еще исторіи. До сихъ поръ собирались только сырые матеріалы, приведены въ извѣстность документы, освѣщающіе ту или иную сторону крестьянскаго вопроса, напечатаны мнѣнія участниковъ реформы, но общей и всесторонней обработки предмета далеко еще не сдѣлано. Нѣтъ ея и въ вышеназванной книгѣ г. Иванюкова. Задача, какую поставилъ себѣ и прекрасно выполнилъ авторъ, весьма ограничена. Въ книгѣ выясняется роль правительства, дворянства и литературы въ крестьянской реформѣ, и потому ходъ самой реформы авторъ излагаетъ лишь въ ея основныхъ чертахъ, а отношеніе къ ней помянутыхъ факторовъ прослѣживаетъ на самыхъ центральныхъ вопросахъ ея, опредѣлившихъ всѣ остальные, какъ логическое изъ нихъ слѣдствіе. Въ предѣлахъ такой задачи г. Иванюковъ воспользовался всѣмъ, что только издано у насъ по крестьянскому дѣлу, и на основаніи этого матеріала приходитъ къ выводу, что крестьянская реформа служитъ поучительнымъ урокомъ, какую пользу можетъ оказать правительству просвѣщенное русское общество, когда его привлекаютъ къ участію въ разрѣшеніи государственныхъ вопросовъ. И въ самомъ дѣлѣ, правительство переходило отъ одного плана къ другому, временами подчиняясь вліянію сильной реакціи, употреблявшей всѣ усилія, чтобы направить реформу сообразно сословнымъ интересамъ дворянства; литература была стиснута въ узкихъ рамкахъ; вопросы такой громадной важности, какъ крестьянскія переселенія, а также судьба податной реформы, разрѣшались въ канцеляріяхъ и чиновничьихъ комиссіяхъ. Какой исходъ могла бы получить реформа, задуманная покойнымъ императоромъ, если бы свѣтлыя мысли, преслѣдовавшіяся въ литературѣ, не нашли себѣ выраженія въ губернскихъ комитетахъ, а потомъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ? Г. Иванюковъ доказываетъ, что даже самое проведеніе реформы въ томъ улучшенномъ видѣ, какъ она явилась на свѣтъ, было возможно, лишь благодаря содѣйствію просвѣщеннаго меньшинства въ губернскихъ комитетахъ. А это меньшинство, создавшее опору волѣ императора, преслѣдовало тѣже цѣли, какія съ самаго начала поставила литература. Какъ скоро ей разрѣшалось говорить о преобразованіи крестьянскаго быта, такъ всѣ журналы единодушно принимались за выясненія началъ возможно лучшаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса. По словамъ г. Иванюкова, всѣ они сходились въ томъ, во-первыхъ, что освобожденіе крестьянъ отъ власти помѣщиковъ должно быть совершено въ полной мѣрѣ и, во-вторыхъ, что крестьяне должны получить въ собственность, путемъ выкупа, не только усадебную землю, но и полевыя угодья. Въ этомъ же предоставленіи правъ собственности крестьянамъ авторъ, если не ошибаемся, первый отмѣтилъ важную относительную сторону крестьянскаго вопроса, крайне усложнившую его разрѣшеніе. Это—необходимость нарушить право собственности помѣщиковъ въ видахъ удовлетворенія крестьянскихъ интересовъ. У помѣщиковъ, вопреки желанію большинства ихъ, отнимали право собственности на обязательный трудъ крестьянъ, безъ всякаго вознагражденія, и право собственности на часть ихъ земли за вознагражденіе, размѣръ котораго опредѣлялся правительствомъ. Статьи объ экспропріаціи, имѣвшіяся въ Сводѣ Законовъ, не подходили для обоснованія такой экспропріаціи, а это въ свою очередь открывало значительный про-

сторъ мнѣніямъ по всѣмъ вопросамъ преобразованія. Всѣ органы печати признавали право государства совершить экспропріацію, не взирая на то, что она не могла быть поставлена на юридическую почву, какъ всѣ они раздѣляли мысль о вознагражденіи землевладѣльцевъ за отходящія отъ нихъ земли. Расходились только насчетъ размѣровъ крестьянскихъ надѣловъ, величины повинностей и выкупа. При обсужденія относившихся сюда вопросовъ, элементъ чувствъ весьма естественно получалъ немалую долю участія. Наибольшаго въ имущественномъ отношеніи въ интересахъ крестьянъ желали „Современникъ", „Сельское Благоустройство" и „Атеней"; въ меньшей мѣрѣ, хотя и незначительно, „Русскій Вѣстникъ" и „Отечественныя Записки"; послѣднее мѣсто въ этомъ отношенія занимаютъ „Библіотека для Чтенія" и „Экономическій Указатель". Но въ общемъ заслуга литературы въ крестьянскомъ дѣлѣ заключается въ томъ, что она внесла въ его обсужденіе просвѣщенный умъ и искреннее изслѣдованіе общаго блага.

Такая роль литературы въ эпоху преобразованія невольно заставляетъ задаться вопросомъ: кто же тогда были сотрудники въ журналахъ? Г. Иванюковъ говоритъ на это, что сотрудники и авторы статей по крестьянскому вопросу были большею частью дворяне-помѣщики. Откуда же такое теченіе, увлекшее дворянство на самоотверженное пожертвованіе своими привилегіями, собственными интересами? Подробно разобрать этотъ вопросъ авторъ обѣщаетъ въ особомъ трудѣ, а пока только намѣчаетъ тѣ мысли, которыя впослѣдствіи онъ намѣренъ подтвердить фактами. Эти мысли, по нашему мнѣнію, заслуживаютъ полнаго вниманія, ибо онѣ касаются вопроса, нерѣдко поднимавшагося нашей печатью, но остававшагося безъ всякаго разрѣшенія. Постараемся передать ихъ по возможности собственными словами г. Иванюкова.

Какъ извѣстно, пропаганда и работа интеллигентнаго меньшинства русскаго дворянства, направленная на уничтоженіе привилегій своего сословія, проявилась не единственно въ эпоху крестьянской реформы. Она течетъ живою струею со времени царствованія Александра I, вызвана вліяніемъ гуманно прогрессивныхъ идей. Въ 40-хъ годахъ образуется уже интеллигентный слой, не уступающій развитіемъ самой передовой умственной средѣ на Западѣ. Этотъ слой пережилъ мыслью и сердцемъ страданія, неудачи, опыты европейской жизни, и они послужили ему такимъ же урокомъ, какъ и для западноевропейской мысли. Понявъ противорѣчіе современныхъ западно-европейскихъ порядковъ съ общепризнанными правовыми идеями нашего времени, съ посылками французскаго переворота, онъ пересталъ слѣпо восхищаться западною цивилизаціею и сталъ солидаренъ только съ критическимъ направленіемъ западной мысли. Въ то же время этотъ интеллигентный слой, состоявшій преимущественно изъ дворянъ, всецѣло посвятилъ себя на проведеніе путемъ литературы выработанныхъ имъ идей въ общественное сознаніе. Съ этого времени русская литература является первостепеннымъ цивилизующимъ элементомъ; на ней воспитываются молодыя поколѣнія. Литература расширяетъ общественный кругозоръ, указываетъ обществу идеалы и ближайшія цѣли дѣятельности, воспитываетъ чувство человѣческаго достоинства. Крѣпостное право было первымъ камнемъ, который надо было сдвинуть, чтобы расчистить путь къ свободной жизни и дальнѣйшему прогрессу. И вотъ на устраненіе этого колоссальнаго, вѣковаго тормаза и были, главнымъ образомъ, направлены всѣ усилія литературы 40-хъ и 50-хъ годовъ. Съ паденіемъ крѣпостнаго права

пересоздался весь общественный строй и расширились задачи русской жизни. И здѣсь, въ преслѣдованіи новыхъ, поставленныхъ русскою жизнью задачъ, жизненный опытъ и научные выводы Запада представляютъ богатый матеріалъ для руководства. Итакъ, по словамъ г. Иванюкова, „не личный интересъ, а идея вліяла на образъ мыслей и поступки образованнаго меньшинства", идея и прогрессъ просвѣщенія оказали сильнѣйшее вліяніе на измѣненіе правовыхъ понятій въ средѣ господствующаго класса. Причина этого факта очевидна: доказанная чужимъ опытомъ удобопримѣнимость и благотворность новыхъ соціальныхъ формъ жизни парализуетъ безсознательное вліяніе на воззрѣнія личнаго интереса и измѣняетъ ихъ. Этимъ путемъ просвѣщеннаго сознанія разрѣшенъ крестьянскій вопросъ, этотъ же путь вѣрнѣйшій и для всякой реформы, потребность въ которой вытекаетъ изъ усложнившихся условій общественной жизни. Г. Иванюковъ разъясняетъ, что именно такой путь признается единственно плодотворнымъ и соціальной наукою, и въ этомъ отношеніи его книга является не только цѣннымъ вкладомъ въ литературу крестьянскаго дѣла, но и лучшимъ доказательствомъ осязательной пользы отъ серьезнаго изученія соціальной науки, освѣщающей значеніе жизненныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ ходомъ новѣйшей исторіи и ожидающихъ своего разрѣшенія.

Ѳ. В.

Спорная область между двумя мірами. Наблюденія и изысканія въ области медіумическихъ явленій, съ рисунками. Соч. Роберта Дель Оуэна, переводъ съ англійскаго. Спб. 1881 г.

Одинъ наблюдательный и остроумный газетный фельетонистъ, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, замѣтилъ странную особенность спиритскихъ книгъ въ Россіи: онѣ появляются у насъ всегда въ такую пору, когда въ обществѣ ощущается особенно тяжелое утомленіе тупою и мертвящею скукою. Это замѣчаніе намъ кажется вѣрнымъ и мы, въ виду появленія новыхъ книжекъ о вопросахъ, стоящихъ между небомъ и землею, готовы думать, что наше общество снова находится въ области большой и очень сильной скуки. Это такъ и есть: хлѣбъ нынѣшній годъ зародилъ, но всѣ не о хлѣбѣ единомъ сытые — скучаютъ безмѣрно. Но въ силахъ ли спиритская литература сколько нибудь облегчить скуку, или наоборотъ — не въ состояніи ли она еще болѣе усиливать ея несносную истому? И да, и нѣтъ.

Тѣ спиритскія книги, которыя въ дни особенной, усугубленной скуки выходятъ въ Россіи,—очень скучны, но это потому, что наша спиритская литература, въ силу особыхъ, мѣстныхъ условій, вынуждена все повторять зады. Въ нихъ мы не встрѣчаемъ почти ничего иного, кромѣ реестровки отрывочныхъ проявленій и репортицъ о какихъ-то „стукахъ" и „прикосновеніяхъ"; порою къ этому присовокупляется что нибудь о видѣніяхъ, являвшихся гдѣ-то, кому-то и когда-то; но все это вѣчно одно и то же, и скучно, какъ нѣмецкая пѣсня о „Liber Augustin", или русская „докучливая басенка" о Кутылѣ и Журавлѣ, которые „накосили стожекъ сѣнца, постовили его посреди польца, и не сказать ли вамъ объ этомъ опять съ конца". Если при описаніи явленія духовъ иногда и бываютъ обозначены иниціалы, или даже полностію на-

званы имена тѣхъ, кому открывались явленія — все это мало измѣняетъ дѣло, ибо, какъ бы ни велико было число подобныхъ разсказовъ, они всегда имѣютъ то удивительное свойство, что поводы къ сомнѣніямъ въ нхъ реальности никогда не исчезаютъ. Вѣчно въ нихъ дѣло начинается и кончается „за занавѣскою", или дѣйствующій духъ ежится какъ „стряпчій подъ столомъ". Притомъ описаніе всѣхъ этихъ явленій бываетъ всегда какое-то сухое, однообразное, лишенное всякаго художественнаго впечатлѣнія, но за то съ претензіями на научность, не имѣющую, впрочемъ, ни законовъ, ни метода. Отъ того читать спиритскія книги, дѣйствительно, оченъ скучно. Господа спириты обыкновенно жалуются на презрительный тонъ „людей, преданныхъ исключительно физическимъ изысканіямъ", и въ самомъ дѣлѣ такая презрительность несовсѣмъ понятна, ибо едва ли у ненавистниковъ спиритизма есть основаніе утверждать, что вся суть вопроса о причинѣ вещей находится въ завѣдованіи партизановъ „силы и матеріи". Конечно, еще „есть вещи, которыя не снились нашимъ мудрецамъ"... Не болѣе справедливы и другіе противники спиритизма, которые утверждаютъ, что спириты „даютъ одно безуміе Богу". Самый ревностный борецъ въ этомъ послѣднемъ направленіи, петербургскій протоіерей Иванъ Полисадовъ, говорилъ о спиритахъ съ каѳедры и писалъ книжицы, которыхъ ему, къ большой его досадѣ, долго, Богъ вѣсть почему, не дозволяли печатать. Но ни тѣмъ, ни другимъ способомъ о. Полисадовъ не обнаружилъ ни пониманія предмета, ни умѣнья спорить о мнѣніяхъ съ соблюденіемъ вѣжливости и приличій, отъ которыхъ умнаго человѣка, кажется, не должно бы освобождать даже и духовное званіе. О. Полисадовъ относился къ спиритамъ какъ къ людямъ дурнымъ и вреднымъ, на что ни кто и ни гдѣ не жаловался. Въ числѣ спиритовъ, безъ всякаго сомнѣнія, есть люди извѣстнаго ума, большой честности и настоящей образованности, шельмовать которыхъ можетъ дозволить себѣ только умъ необразованный и повадка нахальная. Когда завѣдомо честные и несомнѣнно ученые люди открыто увѣряютъ, что они сами слышали и видѣли нѣчто всѣми относимое къ „области внѣміровыхъ явленій", то тутъ уже потребна не площадная брань и клеветы, сближающія спиритовъ даже съ крамольниками, а при такихъ обстоятельствахъ, какъ бы они ни казались странными и невѣроятными, долгъ разума состоитъ въ томъ, что бы съумѣть вникнуть въ эти заявленія, а не отдѣлываться насмѣшкою, или злословіемъ, которыя въ дѣловомъ спорѣ ничего не доказываютъ. Между тѣмъ, съ спиритами обращаются именно только такимъ образомъ, и благодаря тому за все время полемики выяснилось одно,—что на сторонѣ противниковъ спиритизма матеріалистической фракціи болѣе литературной бойкости и таланта, чѣмъ у гг. спиритистовъ, а у противниковъ другаго сорта—вся сила въ непобѣдимомъ „авторитетномъ" невѣжествѣ. Слѣдить за такою борьбою, которая съ одной стороны ведется средствами чрезвычайно слабыми, а съ другой слишкомъ неразборчивыми и подъ часъ пошлыми, конечно ни мало не занимательно, но помочь дѣлу выплыть на болѣе чистую воду едва ли возможно. Во-первыхъ, этому всего болѣе противятся сами духи, которымъ проявить себя какъ будто „и хочется, и колется". Повидимому, иначе имъ и быть нельзя. Нынѣшняя спиритская книга не только этого не скрываетъ, но она заявляетъ, что такова именно природа духовъ, или, лучше сказать, таковы условія, въ которыхъ духи себя чувствуютъ среди нашей земной природы. Противъ этого, конечно, можно бы возразить многое изъ другихъ примѣровъ, выставленныхъ тѣми же спиритами, но comparaison n'est pas raison, и споры

этого рода въ концѣ концовъ всегда будутъ безполезною тратою времени, которое стоитъ поберечь даже среди скуки. Пусть подстольные стряпчіе спиритизма изловчаются, и когда ихъ шнурокъ станетъ менѣе коротокъ, такъ что кого нибудь изъ нихъ можно будетъ показать, устранивъ всѣ сомнѣнія что это духъ, т. е. „житель внѣміровой области", тогда можно будетъ поинтересоваться этимъ, а теперь достойно обратить вниманіе на ту сторону спиритизма, которая у насъ обыкновенно „пускается въ нѣтѣхъ", между тѣмъ какъ она-то и способна дать поводъ къ очень интересному обмѣну мыслей. У спиритизма есть его собственныя философемы, которыхъ полою рясы о. Полисадова не прикроешь. Ихъ навсегда утаить отъ людей не возможно, тѣмъ болѣе, что по ту сторону нашей западной границы давно никто не заботиться дѣлать изъ этого какое бы то ни было подобіе тайны. Философемы спиритизма ни мало не касаются политики, но онѣ дѣлаютъ огромной величины вопросительные знаки „призваннымъ" знатокамъ и толковникамъ библіи, что при нынѣшнемъ возбужденіи религіозныхъ вопросовъ очень важно и очень интересно. Это и есть та другая сторона, которою медаль у насъ въ Россіи до сихъ поръ лежитъ плотно прижатою къ столу. Книга Роберта Дель Оуэна въ полномъ ея англійскомъ оригиналѣ интересна именно этою философскою своею частью, которой въ русскомъ переводѣ нѣтъ. Вотъ почему она была прочтена въ Англіи съ любопытствомъ и съ удовольствіемъ людьми образованными, которыхъ не можетъ не занимать всякая, болѣе или менѣе серьезная попытка новой критики о старыхъ но до сихъ поръ не уясненныхъ матеріяхъ.

Къ области заповѣднаго, до чего русскій переводъ не договаривается, находимъ въ немъ только подходы: притаившіеся, напримѣръ въ эпиграфѣ гл. II, „И увидѣла ослица ангела Господня, стоящаго на пути". Числ. XXII, 23 гл. о проявленіи тайныхъ дѣятелей въ движеніе вѣскихъ тѣлъ: „И пошелъ съ ними, и пришли къ Іордану, и стали рубить деревья. И когда одинъ валилъ бревно, топоръ его упалъ въ воду. И закричалъ онъ и сказалъ (Елисею): „ахъ, господинъ мой!" а топоръ взятъ былъ на подержаніе. И сказалъ человѣкъ Божій:—Гдѣ онъ упалъ?—Онъ указалъ ему мѣсто. И отрубилъ онъ кусокъ дерева и бросилъ туда, и всплылъ топоръ". IV Цар. VI, 4—6. Или въ главѣ III о возможности письма рукою духа. „Въ тотъ самый часъ вошли персты руки человѣческой, и писали противъ лампады на извѣсти стѣны чертога царскаго и царь видѣлъ кисть руки, которая писала". Кн. пророка Даніила V, 5. Такія напоминанія въ книгѣ Оуэна встрѣчаются не рѣдко, и конечно, они сдѣланы для убѣжденія невѣрующихъ посредствомъ наведеній изъ библіи, что вещи невѣроятныя возможны и не опровергаются авторитетомъ св. писанія. Въ этомъ безспорно есть почва для объясненій очень живыхъ и любопытныхъ, при чемъ и о. Иванъ Полисадовъ, если у него есть запасъ знаній, которыхъ онъ до сихъ поръ не обнаружилъ,—могъ бы съ пользою для истины ихъ обнаружить. Онъ могъ бы доказать, что тамъ, гдѣ Круксъ и Гегинсъ, Вагнеръ, Бутлеровъ и Александръ Аксаковъ предполагаютъ участіе какихъ-то достойныхъ изученія силъ, просто на просто есть одно бѣсовское наважденіе, противъ котораго лучше всего дѣйствуетъ кропило. Но все, что можетъ прямо поставить этотъ вопросъ и сдѣлать его доступнымъ для обсужденія, у насъ, къ сожалѣнію, устраняется. Заботамъ объ уничтоженіи спиритизма въ Россіи это, разумѣется, не помогаетъ, потому что передовые люди культа читаютъ на тѣхъ языкахъ, на которыхъ писать объ этомъ не сочтено опаснымъ, а прочимъ, людямъ болѣе простымъ, духи непосредственно „высту-

киваютъ“ безцензурнымъ способомъ такія философемы, которыя самое смѣлое перо едва ли рѣшилось бы передать бумагѣ.

Въ заключеніе отмѣтимъ одинъ не лишенный интереса фактъ о лицѣ, которое имѣетъ мѣсто въ исторіи какъ превосходный гуманистъ и добросовѣстный примѣнитель на практикѣ чисто соціалистическихъ (не революціонныхъ) теорій въ Нью-Ленаркѣ. Мы говоримъ о Робертѣ Оуэнѣ, которымъ рѣдко кто изъ насъ—молодежи сороковыхъ годовъ—не вдохновлялся до упоенія. Получая о немъ контробандныя извѣстія, преимущественно по изданіемъ А. И. Герцена, большинство молодыхъ людей нашего времени считали Роберта Оуэна съ одной стороны „неисправимымъ соціалистомъ“, а съ другой — поклонникомъ культа богинь „Цереры, Помоны и сродниковъ ихъ“; но каково же должно быть удивленіе многихъ, когда въ книгѣ сына покойнаго учредителя Нью-Ленарка находимъ, что Робертъ Оуэнъ „послѣднія семь или восемь лѣтъ своей жизни непоколебимо вѣрилъ въ спиритуализмъ и до послѣдняго часа говорилъ о будущей жизни съ такою ясною увѣренностію, точно о какомъ нибудь земномъ событіи, скораго наступленія котораго ожидаешь“ (106). Читая такое извѣстіе, поневолѣ скажешь, что вѣдь вѣроятно же въ этомъ ученіи, или въ этомъ культѣ — есть что нибудь, кромѣ пустяковъ и нелѣпостей! И сдается, что въ немъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ будто есть какая-то убѣждающая сила, но какая же именно? Вотъ это-то и хотѣлось бы знать, да конечно и можно бы знать, если бы не боязнь, что пойдетъ какой-то говоръ и застанетъ по обыкновенію „не вприготовѣ“ тѣхъ, кому надо бы „быть всегда готовымъ давать отвѣты“.

Къ этому прибавимъ еще одну замѣточку историко-анекдотическаго свойства. Извѣстно, что покойный государь Николай Павловичъ, въ бытность свою въ Лондонѣ, видѣлся съ знаменитымъ соціалистомъ, посѣтивъ его въ его собственномъ домѣ, и что Робертъ Оуэнъ при этомъ „представилъ государю своего сына“, а государь будто сказалъ: „Какой молодецъ! и какой бы изъ него вышелъ превосходный гвардеецъ!“ Тотъ гвардеецъ и нынѣшній спиритъ—очевидно одно и то же лицо, потому что, какъ помнится, у Роберта Оуэна былъ только одинъ сынъ.

Вотъ какіе бываютъ обороты!

Н. Л.

Балетъ, его исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. Балетомана. Спб. 1882 г.

Балетъ въ томъ видѣ, какъ онъ выполняется нынѣ, въ смыслѣ самостоятельнаго рода сценическихъ представленій, развился въ сравнительно недавнее время. Но, подобно всѣмъ прочимъ видамъ искусства, и начатки зарожденія балета теряются въ глубинѣ незапамятной древности, а выработка его совершалась въ зависимости отъ измѣнявшихся народныхъ обычаевъ и въ связи съ развитіемъ другихъ отраслей изящнаго, входящихъ въ составъ балета основными элементами. Г. Балетоманъ, не претендуя писать ученую историческую монографію объ этомъ предметѣ, въ бойкомъ и живомъ изложеніи сгруппировалъ важнѣйшія данныя, касающіяся сущности балета, измѣненій его формы въ разныя времена, его значенія, техническихъ особенностей и, наконецъ, его исторіи. Это, сколько извѣстно, первая попытка популярной

книги о балетѣ на русскомъ языкѣ, и попытка весьма удачная. Пользуясь авторитетами, г. Балетоманъ вполнѣ подтверждаетъ сдѣланное имъ опредѣленіе балета, какъ своего рода драмы, полной, развитой во всѣхъ подробностяхъ, съ необходимою завязкою, съ интереснымъ ходомъ дѣйствія и съ эффектною развязкою; драмы, выраженной, за отсутствіемъ живаго слова, мимикою, краснорѣчивымъ жестомъ, выразительностію взгляда и лица, граціею движеній, знаменательными позами и, наконецъ, танцами. Далѣе г. Балетоманъ подвергаетъ критикѣ сужденія знатоковъ дѣла объ эстетическихъ сторонахъ балетнаго искусства. Технику балетныхъ танцевъ онъ изложилъ преимущественно по сочиненію Блазиса „L'Art de la danse", а затѣмъ особая, остроумно составленная глава посвящена „физіологіи балетной танцовщицы". Тутъ авторъ мимоходомъ, но весьма кстати затрогиваетъ нѣкоторые вопросы соціальной морали, связанные съ искусствомъ танцованія. Въ остальной части книги, наиболѣе обширной, изложена исторія балета въ Западной Европѣ и въ Россіи. Здѣсь исторія балета въ Парижѣ и въ Петербургѣ составляетъ главное содержаніе. И это понятно: ею исчерпываются важнѣйшіе факты изъ исторіи хореографическаго искусства въ новѣйшее время.

Найдутся, безъ сомнѣнія, ошибки и промахи въ частностяхъ, подробностяхъ—кое-гдѣ цитата, можетъ быть, неточно приведена, въ иномъ мѣстѣ невѣрно показана дата представленія балета; но едва-ли подобныя погрѣшности должно ставить въ упрекъ автору, если въ общемъ задача его выполнена безупречно. А именно это слѣдуетъ сказать о книгѣ г. Балетомана,—большинство образованной публики изъ нея получаетъ ясное и вѣрное понятіе объ особенностяхъ балетнаго искусства и объ его культурномъ значеніи. Жаль только, что авторъ слишкомъ съузилъ предѣлы своей задачи. Дѣло въ томъ, что сфера балета, какъ показываетъ его исторія, въ нѣкоторомъ родѣ соприкасается съ политикою. „Каждое царствованіе можно опредѣлить по тѣмъ танцамъ, которые были тогда въ модѣ", говоритъ одинъ китайскій философъ. На эту-то сторону авторъ обратилъ мало вниманія, хотя и самъ говоритъ, что „исторія танцевъ вообще и балета въ особенности не менѣе поучительна, чѣмъ исторія войнъ или дипломатическихъ сношеній".

Ѳ. В.

Образцы новой русской словесности, примѣнительно къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. Пушкинскій періодъ, до Гоголя включительно. Собралъ А. Цвѣтковъ. С.-Петербургъ, 1881.

Многіе не только сомнѣваются въ пользѣ издаваемыхъ у насъ новыхъ хрестоматій и сборниковъ по русской словесности, но даже большую часть ихъ считаютъ положительно вредными для учащихся. Составить дѣльную хрестоматію, съ цѣлью ли дать изящные образцы разныхъ видовъ словесныхъ произведеній, или сгруппировать статьи для изученія исторіи литературы,—весьма не легко. Въ первомъ случаѣ составитель долженъ обладать несомнѣннымъ вкусомъ и эстетическимъ тактомъ, во-второмъ—умѣньемъ выбрать изъ массы литературнаго матеріала такіе памятники, которые въ достаточной степени опредѣляли бы историческій ходъ литературы. Все это требуетъ не только основательныхъ знаній, но положительнаго таланта. Между тѣмъ, со-

ставители нашихъ хрестоматій смотрятъ на это дѣло гораздо проще. Рѣдкій преподаватель словесности, не довольствуясь существующими, болѣе или менѣе удовлетворительными изданіями, не считаетъ долгомъ преподнести учащимся новый сборникъ своихъ собственныхъ трудовъ. Фабрикація такихъ руководствъ производится весьма незатѣйливымъ способомъ. Изъ сочиненій писателей, признанныхъ образцовыми, вырѣзываются стихотворенія небольшого объема, а изъ обширныхъ поэтическихъ и прозаическихъ сочиненій берутся части; все это сшивается по отдѣламъ или перетасовывается въ какомъ-нибудь порядкѣ—и учебная литература обогащается новымъ руководствомъ. Оказывается, что это руководство съ одной стороны даетъ стихотворенія, напечатанныя уже въ прежнихъ изданіяхъ, а съ другой заключаетъ такія новыя пьесы, которыя ненужны, или неумѣстны въ подобныхъ сборникахъ.

Г. Цвѣтковъ, въ послѣсловіи къ своей книгѣ, заявляетъ, что онъ понялъ неудобство нашихъ учебныхъ хрестоматій. Онъ нашелъ ихъ неудовлетворительными потому, что онѣ представляютъ коротенькіе отрывки изъ извѣстныхъ произведеній, часто не дающіе никакого понятія о характерѣ цѣлаго сочиненія, а тѣмъ болѣе о его содержаніи, и рѣшился устранить этотъ недостатокъ своимъ собственнымъ трудомъ, который, по его мнѣнію, избавитъ преподавателя отъ необходимости обращаться къ хрестоматіямъ Галахова, Филонова, Буслаева и др. Какъ же составитель новаго сборника задумалъ достигнуть такой, во многихъ отношеніяхъ, важной и полезной цѣли? Очень просто. Онъ рѣшился помѣстить въ своей хрестоматіи „болѣе или менѣе объемистыя произведенія, въ возможно полномъ, законченномъ видѣ“, т. е. говоря иначе, вырвать изъ нашихъ классическихъ писателей какъ можно больше мелкихъ стихотвореній, а изъ крупныхъ ихъ сочиненій взять безъ церемоніи цѣлый рядъ объемистыхъ отрывковъ, напримѣръ, нѣсколько главъ изъ „Капитанской Дочки“ и „Мертвыхъ Душъ“ и чуть не цѣлые акты изъ „Ревизора“ и „Бориса Годунова“. И вотъ, онъ вырѣзалъ и перепечаталъ изъ Лермонтова 80 страницъ, изъ Гоголя 170, а изъ Пушкина болѣе 200 страницъ большого формата своего изданія. Къ этому онъ прибавилъ около 150 страницъ вырѣзокъ изъ немногихъ другихъ писателей Пушкинской эпохи и, такимъ образомъ, пополнилъ нашу учебную литературу новымъ сборникомъ, который, по его мнѣнію, устранитъ недостатки прежнихъ хрестоматій и избавитъ преподавателей и учащихся отъ необходимости прибѣгать къ другимъ подобнымъ сборникамъ.

Къ сожалѣнію, мы вовсе не согласны со взглядомъ г. Цвѣткова на значеніе и пользу его ученаго труда. Во-первыхъ, сборникъ его не отличается полнотою, на которую онъ претендуетъ. Если составитель нашелъ нужнымъ помѣстить въ немъ пѣсни Цыганова и отрывки изъ сказки Ершова, то едва ли было какое-нибудь основаніе не взять ни одной строки изъ Подолинскаго, Полежаева, Дениса Давыдова, Лажечникова, Загоскина, Вельтмана, которыхъ нельзя игнорировать при изученіи Пушкинскаго періода нашей литературы. Конечно, это было невозможно при задачѣ помѣщать „болѣе или менѣе объемистыя произведенія“, но благодаря именно этой самой задачѣ, новая хрестоматія вышла крайне не полною. Г. Цвѣтковъ не можетъ отговориться и тѣмъ, что останавливался на избранныхъ и самыхъ крупныхъ талантахъ: помѣщенная имъ въ книгѣ пѣсня Цыганова далеко ниже многихъ стихотвореній Давыдова и Полежаева. Во-вторыхъ, смѣемъ увѣрить составителя новаго сборника, что его намѣреніе дать произведенія въ такомъ законченномъ видѣ, чтобы можно было составить полное понятіе о характерѣ и содержаніи ихъ, также

оказывается несостоятельнымъ. Какъ ни усердно трудился онъ надъ вырѣзкою возможно большаго количества страницъ изъ „Мертвыхъ Душъ“ и „Ревизора“, а все-таки содержаніе ихъ вполнѣ можно узнать только по прочтеніи всего произведенія. Г. Цвѣтковъ, повидимому, не сознаетъ той простой истины, что урѣзка хотя немногихъ частей художественнаго произведенія искажаетъ его и не позволяетъ судить о его полномъ значеніи. Можно взять изъ него часть, имѣющую какое-нибудь самостоятельное значеніе, напримѣръ, монологъ Пимена изъ „Бориса Годунова“, или разсказъ о капитанѣ Копейкинѣ, или сонъ Обломова; но нельзя думать, что изъ десятка набранныхъ главъ изъ романа, или сценъ изъ драмы, съ пропускомъ десятка остальныхъ, можно представить произведеніе „въ законченномъ видѣ“. Вотъ почему хрестоматіи, которыя довольствовались небольшими отрывками, имѣютъ значеніе, а сборникъ, претендующій замѣнить даже для учениковъ VIII класса гимназій чтеніе полныхъ сочиненій избранныхъ писателей, по нашему мнѣнію, нисколько недостигаетъ цѣли.

Г. Цвѣтковъ приписываетъ своему сборнику ту особенность, будто онъ „при непремѣнномъ участіи преподавателя въ дѣлѣ распредѣленія матеріала по классамъ“ можетъ быть годенъ для учениковъ всѣхъ классовъ гимназій, за исключеніемъ двухъ младшихъ. Но если это и справедливо, то развѣ въ этомъ смыслѣ не болѣе годны другія, раціональнѣе составленныя хрестоматіи, напримѣръ, Галахова или Филонова? Составитель сборника заявляетъ еще, что его книга заключаетъ матеріалъ для заучиванія на память, для письменныхъ работъ, для упражненія въ устномъ разсказѣ. И въ этомъ мы не видимъ ничего особеннаго, такъ какъ при нѣсколько умѣломъ преподавателѣ для этого пригодна всякая другая хрестоматія. Не можемъ мы согласиться съ г. Цвѣтковымъ и въ томъ, будто его сборникъ „можетъ быть предложенъ для употребленія и внѣ школы желающимъ познакомиться съ русскою литературою“. Мы не думаемъ, чтобы кто-нибудь сталъ покупать дорогую книгу съ цѣлью знакомиться съ нашей литературой по отрывкамъ, какіе угодно было автору вырвать изъ выбранныхъ имъ писателей.

Въ заключеніе, г. Цвѣтковъ дѣлаетъ оговорку насчетъ высокой цѣны своей книги, которая продается по 2 руб. 50 коп. Онъ говоритъ, что желалъ бы пустить ее дешевле, но долженъ былъ уступить издателю, „вѣря его знанію печатнаго и книгопродавческаго дѣла“. И мы охотно вѣримъ желанію составителя и книгопродавческимъ знаніямъ издателя его, но полагаемъ, что имъ во всякомъ случаѣ слѣдовало бы принять во вниманіе недостаточность большинства учащейся молодежи и не слишкомъ высоко цѣнить трудъ, который съ одной стороны требовалъ только работы ножницами и карандашемъ, а съ другой—бумаги и печати, безъ всякаго риска. Кто знакомъ съ положеніемъ большинства учениковъ нашихъ гимназій, тому извѣстно, какъ затрудняются они покупкою даже необходимыхъ книгъ, а не такихъ, которыя могутъ быть полезны только составителю и знакомому съ книгопродавческимъ дѣломъ издателю.

А. М.

Исторія православнаго монашества въ сѣверо-восточной Россіи со временъ преподобнаго Сергія Радонежскаго. Составилъ діаконъ Матѳій Кудрявцевъ. Москва. 1881.

Содержаніе этой небольшой книги вовсе не соотвѣтствуетъ ея громкому, но не вполнѣ опредѣленному заглавію: въ ней мы не находимъ ничего другаго, кромѣ ряда болѣе или менѣе краткихъ біографій русскихъ подвижниковъ XIV и XV столѣтій, именно: Сергія Радонежскаго, его ученика Никона, Андроника и Ѳеодора, основателей московскихъ Андроникова и Симонова монастырей, Аѳанасія Высоцкаго, Меѳодія Пѣсношскаго, Саввы Сторожевскаго, Сильвестра Обнорскаго, Павла Комельскаго, Сергія Нуромскаго, Димитрія Прилуцкаго, Стефана Махрищскаго, Діонисія Грушицкаго, Александра Куштскаго, Евфимія Сянжемскаго, Ѳеодосія Тотемскаго, Стефана Озерскаго, Авраамія Чухломскаго, Іакова Желѣзноборскаго, Ѳеодора и Павла Ростовскихъ, Ѳерапонта Можайскаго, Кирилла Бѣлозерскаго, Пафнутія Боровскаго и Іосифа Волоколамскаго; всѣ эти біографіи, будучи изложены на основаніи общеизвѣстныхъ источниковъ, не представляютъ ничего достойнаго вниманія ни по новизнѣ сообщаемыхъ въ нихъ фактовъ, ни по ихъ критической обработкѣ. Исторіи монашества, о которой говорится въ заглавіи, въ этой книгѣ вовсе не имѣется.

Единственное, что мы нашли въ ней любопытнаго,—это взглядъ автора на преподобнаго Сергія. Онъ думаетъ, что въ XIV вѣкѣ „монашество въ Россіи, которое, казалось, повержено было какъ разбитый трупъ предъ всесокрушающимъ мечомъ татарскимъ, снова возстало въ лицѣ препод. Сергія Радонежскаго“, что подъ руководствомъ этого послѣдняго „воспитались многіе подвижники, которые по всѣмъ концамъ сѣверной Россіи основали многія обители и въ нихъ внесли новый духъ иночества, пробужденный ихъ великимъ учителемъ“, и что, такимъ образомъ, „преп. Сергій былъ для монашества сѣверо-восточной Россіи тѣмъ же, чѣмъ преп. Антоній былъ въ Кіевѣ для монашества юго-западной Россіи“ (стр. 5). Къ сожалѣнію, авторъ не потрудился привести никакихъ доводовъ въ подтвержденіе своего взгляда, и остается совершенно неизвѣстнымъ, въ чемъ состоялъ „новый духъ иночества“, внесенный преп. Сергіемъ, и чѣмъ этотъ духъ отличался отъ того духа, который жилъ въ русскомъ монашествѣ до Сергія.

А. С—скій.

Археологическій путеводитель по Тифлису. Составилъ Ю. Проценко. Тифлисъ. 1881 года.

Археологическій путеводитель по Тифлису своимъ появленіемъ обязанъ пятому археологическому съѣзду, бывшему 8—21 сентября 1881 года въ Тифлисѣ. Предварительный комитетъ этого съѣзда нашелъ необходимымъ снабдить археологовъ, ожидавшихся на съѣздѣ, путеводителемъ, изъ котораго они могли бы познакомиться съ судьбами этого города и его достопримѣчательностями. Комитетъ поручилъ одному изъ своихъ членовъ, г. Проценко, составить этотъ путеводитель, что не представляло большихъ затрудненій, благодаря существо-

ванію множества статей и изданій, посвященныхъ изученію Тифлиса во всѣхъ отношеніяхъ.

Вслѣдствіе поспѣшности, съ какою связано было составленіе путеводителя по Тифлису, г. Проценко составилъ только „археологическій" путеводитель, и составилъ, нужно отдать ему справедливость, довольно удовлетворительно въ отношеніи точности и подробностей описаннаго. Книжка г. Проценко (77 страницъ въ 16 долю листа) раздѣлена на 5 главъ: въ 1-й говорится о времени основанія Тифлиса, во 2-й о происхожденіи имени города, въ 3-й сообщается краткій перечень историческихъ судебъ Тифлиса, въ 4-й краткій очеркъ древностей его, и 5 глава посвящена перечню авторовъ, писавшихъ или упоминавшихъ о Тифлисѣ.

Тифлисъ основанъ былъ персами, какъ крѣпость-соперница Мцхета, бывшаго столицей Грузіи. (Теперешній Мцхетъ—село, отстоящее отъ Тифлиса въ 21 верстѣ и составляющее узелъ соединенія военно-грузинской и поти-тифлисской желѣзныхъ дорогъ). Время основанія Тифлиса съ точностью не опредѣлено. Г. Проценко находитъ, что время основанія Тифлиса относится къ 379—397 году послѣ Р. Хр. Вахтанга Гургаслана, котораго грузинскіе историки называютъ основателемъ Тифлиса, г. Проценко считаетъ только возобновителемъ этого города, относя возобновленіе его къ 485 или 486 году. Такимъ образомъ, выходитъ, что Тифлисъ существуетъ или 1500 лѣтъ, или около этого. Древность почтенная! Втеченіе своего 1500 лѣтняго существованія, Тифлисъ не менѣе 15 разъ подвергался разореніямъ со стороны тѣхъ народовъ, которые домогались владычества надъ нимъ. На каждое столѣтіе среднимъ числомъ приходится по одному разоренію. Благодаря этому, Тифлисъ, по справедливости называемый „многострадальнымъ", разумѣется, не могъ развиваться и совершенствоваться. Опасаясь нападеній со стороны непріятелей своихъ, Тифлисъ, сдѣлавшійся послѣ Мцхета столицей Грузіи въ V столѣтіи, влачилъ жалкое существованіе до времени своего присоединенія къ Россіи въ 1801 году. Что былъ Тифлисъ во время присоединенія къ Россіи и чѣмъ онъ теперь сталъ, спустя 80 лѣтъ по присоединеніи къ ней—разница громадная. „Россіи", говоритъ г. Проценко, „Тифлисъ достался въ видѣ развалинъ, посреди которыхъ оставалось изъ разбѣжавшагося населенія только нѣсколько десятковъ семействъ. Потомкамъ ихъ княземъ Воронцовымъ было исходайствовано званіе почетнаго гражданства. Т а к и х ъ ф а м и л і й п о р а з с л ѣ д о в а н і и о к а з а л о с ь н е б о л ѣ е 60". Вотъ въ какомъ видѣ достался Россіи многострадальный Тифлисъ, выстроенный теперь на костяхъ и развалинахъ предшествовавшихъ поколѣній. Въ какіе нибудь 80 лѣтъ Тифлисъ выросъ такъ, какъ онъ никогда не выросталъ въ предшествовавшія 1400 лѣтъ. Раскинувшійся на обширномъ пространствѣ, хорошо обстроенный, считающій въ себѣ болѣе 120.000 жителей, Тифлисъ теперь является однимъ изъ значительныхъ центровъ умственной жизни и торговли не только въ Закавказьи, но и въ Россіи.

Историки производятъ названіе Тифлиса отъ грузинскаго слова тбили, что значитъ, теплый, и предполагаютъ, что „къ подобному наименованію дали поводъ находящіяся въ Тифлисѣ минеральныя воды". Г. Проценко находитъ, что слово тбили едва ли грузинское и во всякомъ случаѣ не персидское: на основаніи Volney, Вивьенъ де-Сенъ Мартена, Іосифа Флавія, онъ приходитъ къ тому заключенію, что „имя тифлисской мѣстности въ своемъ корнѣ Тифилисъ или Тфилисъ могло существовать и до времени построенія на этой мѣстности крѣпости или города" (стр. 17).

Изъ памятниковъ временъ языческихъ въ Тифлисѣ остается квадратная кирпичная постройка, называемая въ народѣ капищемъ, а также жертвенникомъ огнепоклонниковъ. Изъ христіанскихъ памятниковъ описываются въ путеводителѣ православные храмы, въ томъ числѣ и церковь св. Давида, около которой похороненъ А. С. Грибоѣдовъ и его супруга. Храмы относятся къ IV вѣку и позже, а нѣкоторые неизвѣстно какого вѣка. Храмы армяно-григоріанъ относятся къ XVI вѣку. Храмы армянъ-католиковъ и лютеранъ новѣйшей постройки. Изъ мусульманскихъ памятниковъ не сохранилось ничего, кромѣ могилъ, которыя до сего времени остаются неразслѣдованными. Изъ другихъ памятниковъ древности г. Проценко указываетъ на крѣпость, сохранившуюся и теперь, на мосты, дворцы и пещеры. Послѣднія тоже остаются до сего времени не изслѣдованными.

Книжка г. Проценко даетъ довольно ясное представленіе о судьбахъ Тифлиса и памятникахъ древности, сохранившихся въ немъ. Разумѣется, путеводитель могъ бы быть полнѣе и подробнѣе, но это первый опытъ въ этомъ родѣ, и при томъ спѣшный.

В. И. В—новъ.

Разсказы изъ римской исторіи пятаго вѣка по Р. Х.—Несторій и Евтихій ересіархи. Соч. Амедея Тьерри, члена французскаго института, дополненное и переработанное профессоромъ кіевской духовной академіи Д. Поспѣховымъ. Выпускъ первый, 1880 г.

Кіевскія книги почему-то ужасно не скоро доходятъ до вѣдома критики, и потому съ отзывами о нихъ очень часто рискуешь впасть въ недоразумѣніе: гляди на выходную помѣтку иной кіевской книги, считаешь ее уже не новостью, а между тѣмъ оказывается, что еще не ушло время отнестись къ ней какъ новости, т. е. высказать о ней посильное мнѣніе. Въ такомъ точно положеніи находится и русскій переводъ названнаго, превосходнаго сочиненія Амедея Тьерри, которое принадлежитъ къ блестящимъ произведеніямъ этого чрезвычайно много знающаго и чрезвычайно даровитаго члена французскаго института. Мы уже давненько имѣли досугъ и случай ознакомиться съ тѣмъ, что́ предпочелъ сдѣлать съ этимъ прелестнымъ сочиненіемъ профессоръ кіевской духовной академіи, г-нъ Поспѣховъ, который Амедея Тьерри „дополнилъ и переработалъ“; только намъ все думалось, что теперь уже поздно говорить объ этой кіевской „переработкѣ“, однако недавнее появленіе отзыва о трудѣ г-на Поспѣхова въ „Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ“ (1881 г. № 137) измѣнило наше мнѣніе. Очевидно, нѣтъ бѣды, если и мы дадимъ нѣсколько запоздалый отзывъ о книгѣ, которая ранѣе какъ-то словно укрывалась отъ общаго вниманія, довольствуясь, можетъ быть, вниманіемъ лишь тѣхъ, кому она можетъ быть предназначена ко благоугожденію... А потому не сочтемъ за излишнее сказать для свѣдѣнія любителей исторической литературы—въ чемъ собственно заключается главная суть пользующагося заслуженнымъ вниманіемъ сочиненія Тьерри, и къ какимъ цѣлямъ клонитъ произведенная надъ нимъ „переработка“ кіевскаго профессора, ученая значительность котораго, впрочемъ, пока еще не заслонила блеска Тьерри.

Амедей Тьерри въ своемъ сочиненіи представляетъ изложеніе обстоятельствъ и условій, вызвавшихъ и сопровождавшихъ дѣятельность третьяго вселенскаго собора, созваннаго въ Ефесѣ противъ Несторія, который, какъ извѣстно, отрицалъ возможность рожденія Бога отъ смертной и называлъ это подражаніемъ языческихъ ученій, обыкновенно сочинявшихъ матерей своимъ богамъ. Исходя изъ такихъ положеній, Несторій устранялъ Дѣву Марію отъ несоотвѣтственнаго, по его понятіямъ, чествованія ея, какъ смертную женщину, которая не могла породить Бога, того самаго Бога, который еще ранѣе создалъ саму Дѣву Марію въ числѣ всего прочаго, что имъ создано. Даже самое слово „Богородица" казалось Несторію столь страннымъ, что онъ признавалъ оное неблагочестивымъ и недостойнымъ христіанина, обязаннаго, по его мнѣнію, имѣть гораздо высшія и совершеннѣйшія понятія о вѣчности и вездѣприсутствіи Творца вселенной. Взглядъ Несторія у многихъ встрѣтилъ большое сочувствіе, но нашелъ и рѣзкихъ порицателей, и послѣднимъ удалось одержать верхъ, въ силу разныхъ компликацій, сколько многосложныхъ, столько же и интересныхъ. То они анаѳематствовали несторіанъ, то несторіане ихъ анаѳематствовали; и та и другая сторона стремилась уничтожить другъ друга и обѣ явили при этомъ черты, достойныя увѣковѣченія. Вотъ эта-то борьба и разоблаченіе ея тайнъ, маскированныхъ „ревностію по Бозѣ", но на самомъ дѣлѣ зависѣвшихъ гораздо болѣе отъ соображеній чисто земнаго, плотскаго и даже очень низменнаго свойства и составляетъ главный интересъ книги, увлекательно написанной Амедеемъ Тьерри. Въ этомъ произведеніи большое мастерство автора особенно счастливо соединено съ полнымъ безпристрастіемъ, которое, конечно, не только дѣлаетъ честь настоящему ученому, но и должно составлять непремѣнное свойство историческаго труда. Послѣдствіемъ такого чисто научнаго пріема получились результаты, расходящіеся съ тѣмъ, что долго было принимаемо за истину. Люди, кототорые не столько дорожатъ самою истинною, сколько удобствомъ приспособленія ея къ цѣлямъ, намѣченнымъ церковными авторитетами той или другой, болѣе или менѣе отдаленной эпохи, нашли, что послѣ труда А. Тьерри многія изъ лицъ, которыхъ издавно принято прославлять, оказываются какъ бы несовсѣмъ достойными созданной имъ репутаціи, и наоборотъ—другія, которыхъ давно сослали въ адъ на вѣчное мученіе, теперь, по болѣе точнымъ и тонкимъ оцѣнкамъ ихъ характеровъ и поступковъ, оказываются достойными лучшей участи. Такъ напримѣръ, вмѣсто злобы и ненависти, какія къ нимъ доселѣ внушались, они вызываютъ теперь у добросердечныхъ и справедливыхъ людей не только сожалѣніе, но во многомъ и сочувствіе. Личности Несторія и Евтихія, и главнаго ихъ гонителя и вождя собора, Кирилла александійскаго, въ мастерскихъ изображеніяхъ Тьерри, встаютъ изъ своихъ могилъ какъ живыя; интриги и страсти снова кипятъ, и борьба ихъ, освѣщенная критикою побужденій, одушевлявшихъ борцевъ, являетъ картину полную жизни и захватывающаго историческаго интереса. Читатель, отдѣленный вѣками отъ времени событій, ясно видитъ, какъ догматическая сторона постоянно подавлялась личными побужденіями Кирилла александрійскаго и служила, гдѣ нужно, предлогомъ, что бы имѣть случай уронить авторитетъ константинопольской церкви Несторія передъ александрійскою церковью Кирилла; читатель до такой степени поражается пущенными тогда въ ходъ интригами и махинаціями, что когда тѣни, вызванны, умѣніемъ Терри изъ ада и изъ рая, снова должны разойтись по мѣстамъ назначенія, какія указаны имъ церковью то сердце трепещетъ, а разсудокъ недоумѣваетъ—

нѣтъ ли въ этомъ отводѣ какого-то прискорбнаго недоразумѣнія. Весь старый приговоръ кажется исполненнымъ такихъ грубыхъ ошибокъ, которыя болѣе смягченная совѣсть страстно стремится пересмотрѣть и исправить. И требованіе это внушается отнюдь не разрушительною страстью къ ниспроверженію авторитетовъ старины и не легкомысленнымъ стремленіемъ къ произведенію хаоса въ общественномъ представленіи объ историческихъ лицахъ, кодифицировавшихъ постановленія церкви, а оно вызывается именно самымъ законнѣйшимъ чувствомъ—требованіемъ доброй совѣсти, съ глазъ которой искусною рукою Тьерри бережно снята мертвымъ узломъ затянутая повязка. Таково впечатлѣніе французскаго историческаго труда о Несторіи. Кіевскій же профессоръ „переработалъ" этотъ этюдъ такимъ образомъ, что отсѣкъ въ сочиненіи Тьерри нѣчто неподходящее представленіямъ, обязательно содержимымъ учеными кіевской духовной академіи, и „дополнилъ", т. е. влилъ сюда нѣчто заимствованное изъ тѣхъ давнихъ литературно-богословскихъ нагроможденій, которыя всегда успѣшно мѣшали видѣть историческіе факты въ настоящемъ ихъ свѣтѣ. Нынѣ усиліями г-на Поспѣхова они еще разъ призваны къ дѣлу для исполненія того же вреднаго исторической наукѣ, но благоугодительнаго прислужничества. Однако мы сомнѣваемся, что бы теперь это на что нибудь пригодилось... „Церковно-Общественный Вѣстникъ", хватившійся въ довольно запоздалый слѣдъ за рекомендацію этой книги, „желаетъ ей полнаго успѣха". Конечно сейчасъ — это въ духѣ времени, но намъ кажется болѣе сообразнымъ посовѣтовать читателямъ лучше читать правдивое сочиненіе Тьерри, чѣмъ тенденціозную „переработку" г. Поспѣхова, который, поправляя члена французскаго института, очевидно, забылъ русскую пословицу, что „ученаго учить—только портить".

Н. Л.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Загадочный арестъ Петра Θедоровича Сиверса, секретаря великаго князя.

КАЗЪ ея императорскаго величества кабинетъ-курьеру Воронину.

„Предъ нѣсколькими днями высланъ отсюда его императорскаго высочества великаго князя секретарь Сиверсъ въ Голштинію и для провожанія онаго секретаря посланъ до курляндской границы одинъ солдатъ изъ лейбъ гвардіи Измайловскаго полку, князь Гагаринъ. Онаго секретаря ея императорское величество указала возвратить сюда въ Петербургъ, и для онаго, по указу ея императорскаго величества, ѣхать тебѣ сего часу на почтовыхъ подводахъ верхомъ, какъ возможно скорѣе, чтобъ онаго, ѣдущаго отсюда секретаря догнать, и гдѣ его догонишь, тутъ его арестовать и всѣ при немъ находящіяся письма, обыскавъ его вездѣ и осмотря, не зашито-ль гдѣ въ платьѣ что, обобрать, и везти его сюда въ Петербургъ бережно и какъ возможно тайно, чтобъ по дорогѣ о немъ, что возвращенъ, никто не вѣдалъ, а пріѣхавъ, не заѣзжая никуда, прямо ѣхать въ крѣпость с.-петербургскую и онаго секретаря и взятыя у него письма и прочія вещи, что при немъ будутъ, объявить и отдать въ тайной канцеляріи, а чтобъ солдатъ, приставленный къ нему для провожанія, былъ тебѣ послушенъ, о томъ ты имѣешь ему объявить ея императорскаго величества имянной указъ, и то все учиня, явиться съ репортомъ въ кабинетъ ея императорскаго величества, а чтобъ въ Нарвѣ, Дерптѣ и Ригѣ, такожъ и на почтахъ коммисары въ потребномъ случаѣ вспоможеніе чинили, о томъ данъ ея императорскаго величества отверстый указъ, а особливо ежели до Риги онаго секретаря догнать не можешь, то ѣхать чрезъ Курляндію до прусской границы, не доѣзжая до Мемеля четыре мили: а для того требовать подводъ, денегъ и всякаго къ тому способу отъ генералъ-губернатора и генерала-фельдмаршала графа Леси, по силѣ отверстаго ея императорскаго величества указу.

„Баронъ Иванъ Черкасовъ."

„Въ 25 день марта 1746 г.
„Въ С.-Петербургѣ.

9-го апрѣля получено въ кабинетѣ слѣдующее сообщеніе отъ фельдмаршала Леси, отъ 4-го апрѣля изъ Риги:

„Сего числа посланный изъ онаго кабинета курьеръ Василій Воронинъ отъ Мемеля обратно сюда возвратился и кого надлежало по указу съ собою привезъ, точію за иденіемъ на Двинѣ рѣкѣ великаго льда еще на той сторонѣ, а какъ сюда переправится, о томъ обстоятельно репортовать будетъ."

12-го апрѣля послано изъ кабинета курьеру Воронину предписаніе:

„Сего апрѣля въ 9 день отъ генерала-фельдмаршала графа Леси изъ Риги чрезъ нарочнаго присланнаго изъ рижскаго гарнизона Эзельскаго полку сержанта Петра Баравшинскаго получено извѣстіе о прибытіи твоемъ къ Ригѣ, и уповательно, что теперь находишься въ дорогѣ, и какъ пріѣдешь на Горѣлый Кабачекъ, тогда съ симъ посланнымъ вышеписаннаго сержанта Петра Баравшинскаго напередъ сюда съ извѣстіемъ о прибытіи твоемъ туда отправь; а самому тебѣ и со всѣми при тебѣ обрѣтающимися ѣхать прямо на Калинкину деревню и, не переѣзжая рѣчки, въ пристойномъ мѣстѣ остановиться и дожидаться присланнаго изъ кабинета ея императорскаго величества который тебя проводитъ, и гдѣ быть надлежитъ—укажетъ мѣсто: токмо смотрѣть тебѣ того, чтобъ ты къ Калинкиной деревнѣ не могъ прежде пріѣхать, какъ въ восемь часовъ пополудни, а для того къ такому времени пріѣздомъ тебѣ и наровить.

„Баронъ Иванъ Черкасовъ."

„Въ 12 д. апрѣля 1746 г.

Но въ этотъ же день, 12-го апрѣля, курьеръ Воронинъ пріѣхалъ въ Петербургъ и объявилъ:

„Что за кѣмъ онъ былъ посланъ, догналъ его 30-го марта, то есть въ день св. Пасхи, въ корчмѣ жидовской Канделе, отъ почты, именуемой Шкрунде, въ трехъ миляхъ, а отъ Митавы въ 18-ти, а отъ Риги въ 25-ти миляхъ, въ наемномъ кенигсбергскомъ фурманѣ, въ которомъ съ нимъ сидѣла одна дѣвка, а на томъ фурманѣ было трое фурманщиковъ; а какъ скоро нагналъ оный фурманъ, то возвратилъ опять до помянутой корчмы Канделе и, высадя его, повезъ въ коляскѣ о 6 лошадяхъ, а дѣвка съ фурманщиками на томъ же фурманѣ возвратились въ путь свой."

Куда представленъ или отправленъ былъ Сиверсъ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній въ дѣлѣ; но послѣ записки Воронина о его пріѣздѣ въ Петербургъ, въ дѣлѣ находится еще одна послѣдняя загадочная бумага:

„На адмиралтейской вахтѣ дежурному совѣтнику, или кто вмѣсто его въ должнсти его обрѣтается, изъ кабинета ея императорскаго величества приказъ:

„Ворота, кои ко дворцу, съ сего часа держать заперты и никому изъ адмиралтейскихъ и прочихъ ни входу ни выходу не позволять, дондеже иной о томъ указъ будетъ, токмо сего числа до десяти часовъ быть у онаго поста совѣтнику экипажной экспедиціи Василью Ларіонову для исполненія того, что ему приказано, а впредь въ день и въ ночь присланныхъ изъ кабинета ея императорскаго величества съ знакомъ 3 кабинетныхъ печатей пропускать, и то не далѣе, гдѣ была сарваерская контора.

„Сей приказъ токмо до однихъ на вахтѣ главныхъ принадлежитъ, а кромѣ ихъ никому иному не объявлять и никуды о семъ кромѣ кабинета ея императорскаго величества не репортовать и въ журналъ не записывать; но отдавать

одному, другому, при смѣнахъ, дабы при окончаніи потребы сіе паки возвращено было въ кабинетъ, а на ономъ постѣ, что ко дворцу, имѣть изъ морскихъ солдатъ безсмѣнныхъ и съ ихъ унтеръ-офицерами.“

„Въ 12 день апрѣля 1746 г.

Сообщено Г. В. Есиповымъ.

Историческіе анекдоты.

1) Воинская повинность евреевъ.

Извѣстно, что въ началѣ царствованія императора Николая, евреи легко могли обходить натуральную воинскую повинность, расплачиваясь деньгами за рекрутовъ и записываясь въ гильдіи. Не разъ возникалъ вопросъ, что несправедливо налагать исключительно на русскихъ самую тяжелую службу—солдатскую, а евреямъ давать возможность уклоняться отъ нея въ натурѣ; но большинство вліятельныхъ лицъ доказывали, что израильское племя—хилое и слабое, изъ евреевъ не выйдетъ сносныхъ служакъ, и они только составятъ лишнюю обузу и бремя для полковъ; да и народъ они трусливый отъ природы, ненадежной нравственности, жадный и корыстолюбивый, потому легко могутъ быть измѣнниками и дезертирами въ горячей борьбѣ съ врагами. Долго это мнѣніе брало верхъ; но графъ Мордвиновъ, извѣстный честнѣйшій дѣятель государственный, рѣшился, во что бы-то ни стало, убѣдить государя въ необходимости—брать съ евреевъ солдатъ натурою. Онъ представилъ неотразимыя убѣжденія, что это самая справедливая и законная мѣра правительства должна быть приведена въ исполненіе, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Государь предписалъ повести это дѣло формально.

Съ величайшимъ ужасомъ прослышали евреи объ этихъ, горькихъ для нихъ, замыслахъ административныхъ; съ быстротой молніи разнеслась по всѣмъ кагаламъ Россіи вѣсть объ опасности и о концѣ безпечальнаго житья, аки бы во дни Соломоновы. Всюду наложенъ былъ самый тяжелый постъ и добровольныя пожертвованія. Этотъ оригинальный постъ состоялъ въ томъ, чтобы каждый сократилъ расходъ на свои ежедневныя издержки на три четверти; если еврей тратилъ обыкновенно 1 рубль въ день, онъ долженъ довольствоваться 25 коп., а 75 коп. остальныхъ вносить въ общую сумму кагала; то же самое слѣдовало продѣлывать со свѣчами въ день шабаша, т. е. зажигать ихъ въ 4 раза болѣе обыкновеннаго. Такой чрезвычайный постъ втеченіе мѣсяца образовалъ громадную цифру въ нѣсколько сотъ тысячъ изъ свободныхъ остатковъ отъ еврейскаго продовольствія, изъ пожертвованій и свѣчнаго сбора. Эта сумма назначалась на подкупы вліятельныхъ лицъ въ Петербургѣ, которыя постарались бы не допустить рекрутской повинности съ евреевъ натурою. Еврейскіе богачи-вожаки взяли эти деньги и отправились обдѣлывать свои дѣлишки; въ большинствѣ случаевъ они были довольны, потому что ихъ хлопоты были удачны.

Но вотъ они встрѣтили главное препятствіе въ безкорыстномъ и неподкупномъ графѣ Мордвиновѣ, на сторонѣ котораго былъ государь. „Если онъ хоть немного подается на вашу руку, или по болѣзни не пріѣдетъ въ государственный совѣтъ, или просто будетъ молчать въ засѣданіи,—тогда несомнѣнно

ваша возьметъ". Такъ всѣ утверждали царедворцы,—и еврейскіе представители обдумали, какимъ образомъ удобнѣе подступить къ адмиралу Мордвинову; а время засѣданія государственнаго совѣта по воинской повинности евреевъ приближалось. Вотъ являются ходоки къ графу и просятъ удѣлить имъ четверть часа времени; вышелъ россійскій Аристидъ и началъ внимательно выслушивать ихъ. Какъ тонкіе знатоки сердца человѣческаго, они сначала затронули его со стороны гуманности и, между прочимъ, убѣждали: „Какая особая заслуга будетъ для вашего сіятельства, когда милліоны подданныхъ императора на пространствѣ цѣлой Россіи поднимутъ плачъ и гвалтъ и станутъ посылать проклятія виновнику своего несчастія?"

— Пускай лучше сыплются на мою голову проклятія евреевъ—сказалъ съ улыбкой Мордвиновъ,—а то теперь приходится выслушивать отъ своихъ собратій православныхъ, которые хозяева русской земли и заслуживаютъ всякаго облегченія.

Тогда евреи приступили къ главному, по ихъ мнѣнію, убѣдительному практическому средству и стали предлагать графу громадныя деньги, чтобы онъ не препятствовалъ проведенію доказательствъ въ ихъ пользу въ государственномъ совѣтѣ.

— Я доселѣ не торговалъ ни правдой, ни совѣстью!.. гордо отрѣзалъ Мордвиновъ.

— Ваше сіятельсто! Кому неизвѣстна неподкупность ваша и Сперанскаго? Неужели вы насъ считаете столь низкими и презрѣнными, что мы смѣемъ просить васъ продавать и покупать неоцѣненныя сокровища вашей души? Мы предлагаемъ вамъ 200.000 рублей единственно за то, чтобы вы молчали въ государственномъ совѣтѣ; а на эту сумму вы можете много оказать благодѣяній и сдѣлать добра.

— Такъ 200.000 руб. за то только, чтобы я молчалъ? переспросилъ адмиралъ.—Такъ ли я васъ понялъ?

— Совершенно вѣрно, исключительно только за молчаніе, и никакой тутъ кривды не должно быть съ вашей стороны.

— Если такъ, давайте деньги: во все засѣданіе государственнаго совѣта по вопросу, васъ интересующему, не выскажу ни одного слова ни въ вашу пользу, ни противъ васъ.

— Шутить изволите, ваше сіятельство? съ чувствомъ подобострастія говорили представители кагала.

— Какія тутъ шутки! Обѣщаю вѣрно и даю вамъ честное слово, что поступлю, какъ сказалъ.

Весьма быстро и точно расчитались евреи съ Мордвиновымъ и въ восторгѣ отправились домой, считая заранѣе выиграннымъ свое дѣло.

Собрался въ засѣданіе въ полномъ составѣ государственный совѣтъ и прибылъ самъ императоръ Николай Павловичъ. Начались разсужденія по вопросу о натуральной воинской повинности евреевъ; большинство членовъ наперерывъ одинъ за другимъ стали доказывать съ сильнымъ одушевленіемъ и жаромъ, какой громадный вредъ для военной русской дисциплины произойдетъ отъ привлеченія евреевъ на службу въ солдаты. Мордвиновъ внимательно слушаетъ и упорно молчитъ...

Еще сильнѣе разгораются пренія и споры и опять-таки сводятся въ пользу евреевъ. Мордвиновъ сидитъ по прежнему—ни возраженія, ни слова. Точно вопросъ спорный совсѣмъ его не касается. Императоръ не разъ упорно посма-

тривалъ на него, вызывая на разговоръ и опроверженія высказанныхъ мнѣній членовъ совѣта; графъ сталъ уклоняться отъ взглядовъ государя и посматривалъ въ сторону. Наконецъ, Николай Павловичъ прямо и рѣзко замѣтилъ Мордвинову:

— Ты главнымъ образомъ настаивалъ, чтобы евреи несли рекрутскія повинности натурой; теперь рѣшается вопросъ такой важный; ты слышишь, многіе несогласны на это и говорятъ произойдетъ вредъ отъ приведенія въ исполненіе этой мѣры. Что же ты ничего не говоришь?

— Не могу, ваше императорское величество!

— Какъ „не могу?“ удивился государь.—Что это значитъ?

— Я далъ честное слово не говорить и обязанъ сдержать его.

Еще больше изумился государь и забросалъ вопросами адмирала: „Кому далъ слово? Почему?“ и т. д. Мордвиновъ отвѣчалъ:

— Чтобы я молчалъ по еврейскому вопросу въ государственномъ совѣтѣ, мнѣ дали большія деньги.—Онъ досталъ изъ портфеля 200.000 руб. и передалъ государю.—Тутъ ровно двѣсти тысячъ, продолжалъ Мордвиновъ;—если мнѣ евреи за одно молчаніе дали такую почтенную сумму, то сколько же получили тѣ члены совѣта, которые съ великимъ краснорѣчіемъ ораторствовали въ защиту льготъ еврейскихъ?..

Государь захохоталъ, приказалъ 200,000 рублей обратить въ инвалидный капиталъ и закрылъ засѣданіе совѣта.

2) Обращеніе въ христіанство еврея.

Императоръ Николай Павловичъ не любилъ, когда богатые купцы изъ евреевъ исповѣдывали вѣру Авраама и не переходили въ христіанство; особенно ему хотѣлось, чтобы крестился занимавшійся откупами и подрядами казенными с.-петербургскій купецъ Ицка. Много разъ онъ дѣлалъ порученія приближеннымъ своимъ лицамъ убѣждать Ицку, какъ-будто мимоходомъ, доказывать ему всю выгоду для него самого и особенно для дѣтей его перемѣны вѣры. При такихъ представленіяхъ купецъ выражалъ мысль, что онъ былъ бы вполнѣ согласенъ въ личныхъ для него разсчетахъ и семейныхъ принять православіе, но онъ руководствуется на этотъ разъ высшими убѣжденіями и соображеніями.

Получая такіе отвѣты, государь обыкновенно подсмѣивался и говорилъ:

— Давно я знаю, какія у него высшія соображенія!.. Захотѣлъ, каналья, прямо изъ ерусалимскихъ дворянъ прыгнуть въ русскіе бояре...

Время отъ времени Николай Павловичъ придумывалъ другіе способы убѣжденія и предлагалъ, разумѣется чрезъ другихъ, прямыя выгоды и награды Ицкѣ; но онъ не подавался впередъ и твердилъ одно и то же о высшихъ соображеніяхъ.

— Ну, должно быть, теперь мнѣ самому придется быть жидовскимъ миссіонеромъ,—говорилъ со смѣхомъ государь. Прошло однако немало времени, и Николай Павловичъ ни разу не вспомнилъ объ Ицкѣ, словно забылъ объ его существованіи; но вдругъ приказалъ ему явиться въ Зимній дворецъ на другой день Пасхи по дѣламъ казенныхъ подрядовъ. Зная за собой много шельмовскихъ выходокъ по подрядамъ, Ицка ужасно перетрусилъ и не сомнѣвался, что государю сдѣлались извѣстными его плутни. „Ой, вай миръ, вай миръ! Помяни, Іегова, Давида и всю кротость его...“ приговаривалъ онъ, собираясь

во дворецъ къ назначенному сроку. Тамъ попросили его подождать выхода государя.

— Здравствуй! вдругъ услыхалъ голосъ приближавшагося государя оторопѣвшій Ицка.—Христосъ воскресе!..

— Воистину воскресе, ваше императорское величество! отвѣчаетъ еврей.

Николай Павловичъ похристосовался съ нимъ, надѣлъ на него крестъ, т. е. орденъ, и сказалъ:

— Вотъ, меня увѣряли придворные, будто ты не вѣруешь во Христа, а я доказывалъ противное, и весьма доволенъ, что я остался правъ.

— Если угодно вашему императорскому величеству, я сегодня же подамъ прошеніе о переходѣ въ православіе со всѣмъ моимъ семействомъ.

Это заявленіе скоро исполнилъ Ицка на самомъ дѣлѣ.

3) Случайные кантонисты.

С.-петербургскій оберъ-полиціймейстеръ обыкновенно рано утромъ являлся съ докладомъ о благосостояніи столицы и привозилъ рапортъ императору Николаю Павловичу о разныхъ безпорядкахъ и происшествіяхъ, какія замѣчены по городу. Тутъ же государь, прочитывая списокъ, дѣлалъ распоряженія и отмѣтки на полѣ карандашемъ. Однажды во время доклада оберъ-полиціймейстеръ довелъ до свѣдѣнія императора, что въ прошлую ночь чиновникъ департамента, титулярный совѣтникъ, пьяный безобразничалъ, буйствовалъ и вступилъ въ драку съ полиціей, когда стали его брать въ часть. Государь очень строго отнесся къ чиновнику и написалъ карандашемъ: „Разжаловать въ солдаты и послать на Кавказъ“. Оберъ-полиціймейстеръ тотчасъ распорядился исполнить высочайшее приказаніе, заѣхалъ въ часть, велѣлъ при себѣ остричь и обрить лобъ новому рекруту и одѣть въ солдатское платье. Протрезвившійся чиновникъ, не ожидавшій такой страшной и быстрой расплаты за свои похожденія, былъ женатъ и имѣлъ двухъ сыновей, старшему 7 лѣтъ и младшему—пять. Когда блюститель городскаго порядка отдалъ приказъ тотчасъ препроводить его на Кавказъ съ первой партіей арестантовъ, онъ христомъ-богомъ сталъ просить позволенія проститься съ женой и дѣтьми. Можно себѣ представить, какое убійственное впечатлѣніе произвело на супругу появленіе ея мужа, бывшаго титулярнаго совѣтника, съ бритымъ лбомъ и въ солдатской сѣрой шинели! Она чуть не умерла отъ неожиданнаго горя и увѣрена была, что мужъ ея совершилъ какое-либо ужасное преступленіе, въ родѣ убійства, въ пьяномъ видѣ. Дали часъ времени новобранцу пробыть въ семьѣ, распроститься съ милыми на-вѣки и отправили на Кавказъ.

Титулярная совѣтница съ двумя сыновьями осталась безъ куска хлѣба и не знала, что̀ ей дѣлать: нашлись добрые люди, которые охотно дали ей совѣтъ просить о помощи государя, по пословицѣ: „чужую бѣду руками разведу, а къ своей бѣдѣ ума не приложу“. Посовѣтовали ей обратиться лично къ царю, взять сыновей съ собой и просить о прокормленіи ихъ. Когда императоръ пріѣхалъ на разводъ на Марсово поле, титулярная совѣтница съ двумя сыновьями протолкалась за цѣпь и подвигалась по направленію къ государю, который обратилъ на нее вниманіе и приказалъ вывести вонъ. Но она не унималась и нѣсколько разъ опять прорывалась за цѣпь, такъ что государь послалъ адъютанта спросить: „Кто эта дама, зачѣмъ она такъ настойчиво лѣзетъ и что ей нужно?“ Адъютантъ разспросилъ женщину и доложилъ,

что „это жена титулярнаго совѣтника, котораго вы приказали недавно разжаловать въ солдаты; у ней двое сыновей, кормить нечѣмъ, и она говоритъ: „Если государь отнялъ у меня мужа, пускай возьметъ и дѣтей!“

— Взять обоихъ въ кантонисты, закричалъ вспыльчиво государь,—чтобы ихъ послѣ не разжаловали въ солдаты, какъ ихъ отца!

4) Побочныя дочери.

Въ 184... году, осенью, пріѣхала въ Петербургъ среднихъ лѣтъ дама съ двумя воспитанницами необычайной красоты; одна была брюнетка, а другая блондинка; наняла она отличную квартиру въ Столярномъ переулкѣ, отдѣлала и меблировала ее съ большимъ шикомъ и вкусомъ. Потомъ на парѣ лихихъ лошадей въ коляскѣ каждый день каталась по Невскому и Большой Морской; красота воспитанницъ и модные ихъ прелестные наряды сразу привлекли вниманіе удалыхъ гвардейскихъ офицеровъ. Тотчасъ они прослѣдили, что блондинка и брюнетка завернули въ Столярный переулокъ и вошли въ квартиру въ бель-этажѣ; наведены были справки у дворника и посредствомъ трехъ-рублевки добыты свѣдѣнія, что дама-квартирантка Марья Ивановна привезла изъ Швейцаріи двухъ питомокъ, гдѣ онѣ учились; бѣлобрысую, которая старше, сестра, звать Юлія, а черномазую младшую—Лидія. Но что особенно важнаго сообщилъ дворникъ,—это достовѣрное извѣстіе, что обѣ онѣ побочныя дочери извѣстнаго барона и петербургскаго банкира Ш., что Марьѣ Ивановнѣ поручено выискать имъ отличныхъ жениховъ, потому что баронъ за каждой даетъ приданнаго по полтора милліона. Это неожиданное открытіе поразило гвардейскихъ офицеровъ и они наперерывъ бросились знакомиться съ Марьей Ивановной, въ надеждѣ чрезъ нее попасть въ женихи милліонеры. Воспитательница охотно знакомилась съ желающими, прекрасно всѣхъ принимала и угощала, старалась сближать своихъ питомицъ съ гвардейцами, чтобы короче узнали другъ друга молодые люди, но очень зорко слѣдила и строго наблюдала за ихъ поведеніемъ: чтобы они не позволяли себѣ вольностей, не оставались вдвоемъ и не уходили въ отдаленныя комнаты. Она по секрету нѣкоторымъ сообщила, что блондинка и брюнетка—обѣ родныя сестры, побочныя дочери банкира и весьма выгодныя невѣсты, что воспитывались онѣ пять лѣтъ въ Швейцаріи, что ей поручено выискать и рекомендовать хорошихъ жениховъ, а главный выборъ и рѣшеніе будутъ зависѣть отъ отца. Чтобы заручиться рекомендаціей Марьи Ивановны, гвардейцы другъ передъ другомъ старались задобрить ее, начали возить ей дорогіе подарки; она скоро стала съуживать кругъ знакомства, отказывая нѣкоторымъ, побѣднѣе, или потому, что они не имѣли счастья понравиться невѣстамъ, или отецъ желаетъ фамиліи жениха болѣе извѣстной. Началось настоящее состязаніе между остальными довольно состоятельными офицерами; подарки воспитательницѣ посыпались чаще и крупнѣе; наконецъ, она выбрала двоихъ, которые особенно по душѣ пришлись Юліи и Лидіи, фамиліи одобрены самимъ барономъ, и повезла ихъ вмѣстѣ съ воспитанницами въ театръ, чтобы банкиръ познакомился съ ихъ наружностью. Всѣ они заняли богатую ложу и офицеры замѣтили, что баронъ весьма усердно и безцеремонно осматривалъ ихъ въ бинокль втеченіе всего спектакля; на другой день Марья Ивановна уже прямо заявила, что оба они произвели самое благопріятное впечатлѣніе на родителя блондинки и брюнетки. Прошло дня три, и она шепнула молодымъ людямъ, что пора бы съ банкиромъ сдѣ-

лать окончательное и формальное условіе. Какъ сваха и главная посредница молодыхъ людей, какъ виновница ихъ будущаго довольства и богатства, она желала бы съ нихъ получить теперь процентикъ изъ приданаго и рѣшительно назначила круглымъ счетомъ по пяти тысячъ рублей съ персоны, иначе отказывалась представить ихъ отцу, какъ достойныхъ жениховъ. Молодцы за деньгами не стояли, въ надеждѣ будущихъ благъ, призаняли и сколотили кое-какъ по пяти тысячъ и привезли Марьѣ Ивановнѣ, которая съ восторгомъ приняла ихъ и назначила на другой день въ два часа визитъ къ барону, чтобы сблизить ихъ, какъ будущихъ родныхъ, и рѣшить всѣ дѣловыя условія.

Пріѣзжаютъ они на другой день въ назначенный часъ къ Марьѣ Ивановнѣ, звонятъ—никто не отпираетъ двери, звонятъ въ другой разъ, въ пятый—не слышно даже шороха въ квартирѣ.—Что за штука? подумали женихи и пошли отыскивать дворника. Какъ завидѣлъ ихъ дворникъ, подбѣжалъ къ нимъ съ удивленіемъ и быстрымъ вопросомъ:

— Развѣ вы не уѣхали съ Марьей Ивановной и питомками?

— Да развѣ онѣ уѣхали куда?

— Вечоръ разсчетъ полный отдали и уѣхали за-границу, сказали, что ѣдутъ вмѣстѣ съ вами. Вотъ оказія-то!.. Такъ и твердили, что съ женихами дорогой имъ весело будетъ.

Тогда офицеры поняли, что обмануты и одурачены совсѣмъ; нельзя ли хоть мебель и обстановку продать въ счетъ 10 тысячъ,—мелькало у нихъ въ головѣ. Они попросили дворника отпереть квартиру Марьи Ивановны, но кромѣ рваной бумаги и клочковъ соломы въ ней ничего не осталось.

— Гдѣ же мебель и вся шикарная обстановка? Куда все это дѣвалось?

— Да онѣ все брамши на-прокатъ на два мѣсяца, вчера все приказали взять обратно, расчитамшись и уѣхамши вечеркомъ.

Съ горемъ и досадой побрели офицеры и рѣшили дорогой непремѣнно направиться къ банкиру Ш.; пришли,—онъ принялъ ихъ очень любезно и узналъ съ удивленіемъ, что его именемъ отлично умѣла воспользоваться какая-то ловкая женщина. Чѣмъ подробнѣе разсказывали офицеры, тѣмъ неудержимѣе становился его хохотъ. Когда полюбопытствовали офицеры, почему во время спектакля онъ смотрѣлъ на нихъ такъ внимательно, банкиръ со смѣхомъ замѣтилъ:

— Я завидовалъ вамъ, господа, что вы сидите съ такими красавицами; я смотрѣлъ все время на нихъ, а совсѣмъ не на васъ... Удивляюсь только, какъ вы могли повѣрить, что онѣ мои побочныя дочери: если бы такая прелесть, такія душки были моими—о!.. да развѣ бы я по полтора милліона имъ бросилъ? Я бы ихъ озолотилъ, я бы тогда, господа, такимъ ловкимъ красавицамъ-женихамъ, какъ вы, по пяти милліоновъ отсчиталъ чистоганомъ!.. Однако, мнѣ болтать съ вами некогда. Прощайте!

И онъ съ хохотомъ раскланялся съ ними.

Доложили о такомъ ловкомъ обманѣ гвардейцевъ императору Николаю Павловичу; онъ строго приказалъ непремѣнно розыскать пройдохъ-женщинъ. Но Марья Ивановна словно въ воду канула съ своими красавицами питомками. Только случайно зимой обнаружено было мѣстопребываніе мнимыхъ побочныхъ дочерей богача-барона: гвардейцы, пріѣхавшіе изъ Петербурга въ Кронштадтъ, увидѣли Юлію и Лидію въ домѣ терпимости у содержательницы Марьи Ивановны.

Когда довели до свѣдѣнія государя объ арестѣ обманщицъ, онъ приказалъ и воспитательницу, и блондинку, и брюнетку, высѣчь розгами, а убытки гвардейскихъ офицеровъ взыскать изъ ихъ имущества.

Сообщено **Н. Я. Аристовымъ.**

Участь мундира маршала Даву въ Россіи.

Въ ризницѣ села Холма-Агарева, принадлежавшаго слишкомъ 100 лѣтъ фамиліи Карновичей и отстоящаго отъ Ярославля въ 35-ти верстахъ по направленію къ Москвѣ, можно видѣть священническую ризу, отдѣланную изящнымъ золотымъ шитьемъ, состоящимъ изъ дубовыхъ и лавровыхъ листьевъ, перемѣшанныхъ съ причудливыми арабесками. Происхожденіе этой ризы заслуживаетъ вниманія. Въ войну 1812 года, двое Карновичей, Петръ и Николай Петровичи, будучи офицерами лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, участвовали въ пораженіи, нанесенномъ французамъ, 6-го ноября, подъ Краснымъ. Въ этомъ сраженіи Николай Карновичъ взялъ жезлъ маршала Даву, внесенный, по повелѣнію императора Александра I, съ особымъ торжествомъ, въ с.-петербургскій Казанскій соборъ, гдѣ онъ и нынѣ хранится среди трофеевъ Отечественной войны. Въ числѣ военной добычи, на долю молодыхъ прапорщиковъ пришелся мундиръ маршала Даву. Мундиръ этотъ былъ отправленъ въ Ярославль и затѣмъ матерью Карновичей употребленъ на украшеніе упомянутой ризы. Странная превратность: великолѣпное одѣяніе одного изъ знаменитѣйшихъ французскихъ маршаловъ, герцога Данцигскаго, было заготовлено въ Парижѣ для того, чтобъ обратиться въ Россіи въ облаченіе православнаго сельскаго священника.

Сообщено **Е. П. Карновичемъ.**

СМѢСЬ.

ѢМЪ обязанъ Шлиманъ Россіи. Имя Генриха Шлимана и счастливые результаты его неутомимыхъ изысканій настолько извѣстны во всемъ образованномъ мірѣ, что не представляется уже надобности доказывать права его на вниманіе и русскихъ читателей къ замѣчательнымъ изслѣдованіямъ открытыхъ имъ остатковъ воспѣтой Гомеромъ Трои. Но для насъ ученая дѣятельность Шлимана имѣетъ особенный интересъ. Русскому читателю, безъ сомнѣнія, пріятно будетъ узнать, что среди насъ, въ Петербургѣ, этотъ ученый пріобрѣлъ тѣ необходимыя средства, которыя дали возможность ему посвятить свои силы, дарованія и необычайную энергію успѣшнымъ открытіямъ. Этотъ эпизодъ въ жизни замѣчательнаго изслѣдователя разсказанъ въ вышедшей недавно въ Лейпцигѣ книгѣ „Ilios, Stadt und Land der Trojaner“. Рядомъ съ обширнымъ описаніемъ всего, что сдѣлано и открыто до сихъ поръ Шлиманомъ, тутъ помѣщена автобіографія энергичнаго изыскателя, впервые указана связь нашей столицы съ его плодотворною карьерою.

Вся молодость Шлимана прошла въ трудовой борьбѣ съ враждебными обстоятельствами. Онъ переходилъ отъ одной профессіи къ другой, пока не вышелъ, наконецъ, на свою настоящую дорогу. Даль прошлаго увлекала его фантазію еще съ малыхъ лѣтъ, когда Шлиманъ проживалъ въ родной мекленбургской деревнѣ въ мирной сельской обстановкѣ. Гомеръ производилъ уже тогда сильное впечатлѣніе на юнаго Шлимана, хотя увлеченію классической поэзіею совсѣмъ не благопріятствовали условія его жизни. На 15 году онъ, по окончаніи курса въ реальномъ училищѣ, долженъ былъ искать себѣ пропитаніе самъ. Болѣе пяти лѣтъ онъ проводитъ въ грязной мелочной лавчонкѣ сидѣльцемъ, продавая сахаръ и зелень, селедки и спиртные напитки. Только одна случайная встрѣча оставила свѣтлое воспоминаніе въ Шлиманѣ объ этомъ мрачномъ періодѣ его жизни. Сидѣлецъ познакомился съ лицомъ, знавшимъ наизусть нѣкоторыя главы Гомера и продекламировавшимъ при немъ одно поэтическое мѣсто. „Три раза“, разсказываетъ Шлиманъ, „долженъ былъ этотъ человѣкъ повторить божественные стихи, и я отдалъ ему за это все, что у меня было—нѣсколько пфениговъ, на которые я угостилъ его водкою“. Отъ тогдашняго тяжкаго и подневольнаго его положенія Шлимана избавила болѣзнь. Затѣмъ онъ отправился пѣшкомъ въ Гамбургъ, гдѣ ему удалось достать мѣсто корабельнаго юнги на бригѣ „Доротея“. Въ ноябрѣ 1841 г., корабль ушелъ въ море, но чрезъ нѣкоторое время сталъ на мель, близъ береговъ Голландіи. Шлиманъ пробрался, въ жестокій морозъ, до Амстердама, гдѣ, подъ вліяніемъ нужды и лишеній, притворился больнымъ, чтобы добиться хоть временнаго пріюта въ госпиталѣ. Тамъ нашлась у него протекція, доставившая ему мѣсто разсыльнаго въ одномъ торговомъ домѣ. Съ этихъ именно поръ совершается переломъ въ его жизни. Изъ получаемыхъ имъ тогда 800 франковъ

доходу, половина шла на самообразованіе. Усовершенствовавъ свой почеркъ, онъ сталъ изучать языки, особенно англійскій и французскій; каждый изъ нихъ былъ усвоенъ имъ въ шестимѣсячный срокъ изученія; по шести недѣль употребилъ онъ на усвоеніе языковъ голландскаго, испанскаго, итальянскаго и португальскаго. Шлиманъ получилъ, наконецъ, должность бухгалтера и корреспондента въ торговомъ домѣ Шредера и комп. Сношенія этой фирмы съ Россіею вызывали потребность въ знаніи русскаго языка. Шлиманъ принялся за дѣло, по обыкновенію безъ учителя, съ плохимъ старымъ переводомъ Телемака въ рукахъ. „Мнѣ казалось", говоритъ онъ, „что дѣло пойдетъ скорѣе и успѣшнѣе, если я буду разсказывать кому либо приключенія Телемака по-русски; я нанялъ одного бѣднаго еврея, который за четыре франка въ недѣлю приходилъ ко мнѣ ежедневно вечеромъ и втеченіе двухъ часовъ выслушивалъ мои непонятныя ему декламаціи". Такія упражненія стѣсняли сосѣднихъ жильцовъ, и нѣсколько разъ приходилось мѣнять ради этого квартиру, но за то, черезъ шесть недѣль, онъ уже написалъ свое первое русское дѣловое письмо.

Знаніе русскаго языка положило начало самостоятельной торговой карьерѣ Шлимана. Въ 1846 г. названная фирма послала его агентомъ въ Петербургъ, гдѣ онъ быстро составилъ себѣ независимое положеніе. Значительныя коммерческія удачи достигнуты были имъ въ торговлѣ колоніальными товарами,—съ условіями доставки и сбыта ихъ онъ основательно ознакомился еще въ Амстердамѣ. Вся его энергія уходила тогда на пріобрѣтеніе торговыхъ выгодъ. Съ 1852 г. онъ велъ дѣла въ широкихъ размѣрахъ. Торговля же нѣкоторыми военными матеріалами во время Крымской войны удвоила его состояніе втеченіе одного года; по его словамъ, за все это время онъ не имѣлъ никакого досуга и не успѣвалъ читать даже газетъ, не говоря о книгахъ.

Но тотчасъ по заключеніи мира, онъ вновь приступилъ къ изученію языковъ. Не имѣя уже при этомъ практическихъ цѣлей, онъ обратился къ древнимъ языкамъ—греческому и латинскому. Въ 1858 году, видя себя вполнѣ обезпеченнымъ въ матеріальномъ отношеніи, онъ почувствовалъ охоту къ путешествіямъ; онъ проѣхалъ черезъ всю Европу въ Египетъ, Сирію (гдѣ изучилъ арабскій языкъ) и въ Малую Азію. Изъ Аѳинъ думалъ онъ отправиться на островъ Итаку; но въ то время возникъ процессъ, который заставилъ его возвратиться въ Петербургъ. Процессъ тянулся долго, и тѣмъ временемъ Шлиманъ возобновилъ свое пріостановленное торговое дѣло, на этотъ разъ уже въ громадныхъ размѣрахъ. Съ мая до октября 1861 года, цѣнность выписанныхъ имъ для Россіи товаровъ превышала десять милліоновъ марокъ. Сверхъ индиго, главными предметами его оборотовъ были чай и хлопчатая бумага. Въ 1863 году, Шлиманъ обладалъ уже капиталомъ, который по величинѣ превосходилъ все, о чемъ онъ могъ мечтать когда-либо: въ настоящее время его ежегодный доходъ, при самомъ умѣренномъ процентѣ съ капитала, опредѣляется въ 200.000 марокъ. Вслѣдъ за счастливымъ окончаніемъ своего процесса, Шлиманъ ликвидировалъ свои торговыя дѣла, чтобы предаться на свободѣ завѣтнымъ идеаламъ юности. Онъ совершилъ свое первое путешествіе вокругъ свѣта, послѣ чего появилось его первое сочиненіе о Китаѣ и Японіи. Въ 1866 году, онъ поселился въ Парижѣ для серьезныхъ приготовленій къ предпріятіямъ въ области классической древности. Вся дѣловая часть его жизни была закончена и какъ бы вычеркнута; началась совершенно новая жизнь—на почвѣ первоначальныхъ научныхъ плановъ и стремленій.

Какъ человѣкъ положительный, практическій, Шлиманъ надѣялся отыскать и опредѣлить фактическую подкладку древне-греческой поэзіи; онъ не допускалъ мысли, что поэтическіе образы Гомера, его живописныя описанія мѣстъ и событій, суть только вымыслы, и ничего больше. Въ 1868 году, онъ находился уже въ Малой Азіи, объѣзжалъ прибрежные острова, изучалъ почву Итаки, Микенъ и Троянской равнины. Сопоставляя описанія Гомера съ дѣйствительными условіями мѣстности, онъ убѣдился, что слѣды древней Трои необходимо искать на холмѣ Гиссарликъ. Осенью 1871 г. начались раскопки. Около полутораста рабочихъ, подъ руководствомъ Шлимана, постоянно участвовало въ работахъ. Черезъ два года обнаружены были части крѣпостнаго вала, затѣмъ вымощенная улица и, наконецъ, большое зданіе, которое Шлиманъ считалъ „дворцомъ Пріама"; а нѣсколько времени спустя, напали на слѣдъ цѣлаго клада, который удалось своевременно скрыть отъ толпы рабо-

чихъ. Рабочіе, наткнувшіеся на большой твердый предметъ, повидимому изъ мѣди, были быстро отозваны къ общему обѣду, а Шлиманъ и его сотрудница-жена поспѣшили выкопать и разобрать значительную массу бронзовыхъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей. Это былъ знаменитый „кладъ Пріама"—прямое подтвержденіе гомеровскихъ сказаній, краснорѣчивое свидѣтельство отдаленныхъ событій, относившихся дотолѣ къ миѳическимъ, баснословнымъ временамъ. Открытіе древней Трои и особенно этихъ драгоцѣнныхъ сокровищъ въ высшей степени заинтересовало весь образованный міръ и сразу прославило имя Шлимана. Турецкое правительство требовало половины всего найденнаго въ свою пользу; начался процессъ, который окончился добровольною уплатою Портѣ соотвѣтственной суммы изъ средствъ изслѣдователя. Гиссарликъ былъ въ разныхъ направленіяхъ прорытъ шахтами и галлереями; на неодинаковой глубинѣ оказались семь отдѣльныхъ поселеній, изъ которыхъ самыя нижнія имѣли вполнѣ первобытный характеръ. Въ окрестностяхъ обнаружены могилы Гомеровскихъ героевъ, съ военными принадлежностями, щитами и оружіемъ. Словомъ, цѣлая эпопея, казавшаяся созданіемъ фантазіи, выросла предъ взорами образованнаго человѣчества, благодаря энергіи и предпріимчивости Шлимана. Послѣднія троянскія раскопки производились въ 1879 году, и общіе ихъ результаты изложены подробно въ упомянутой выше книгѣ. Подобныя же изслѣдованія начались въ другихъ мѣстахъ Малой Азіи и на прибрежныхъ островахъ; при этомъ, въ Микенахъ найдены роскошныя гробницы, гдѣ сохранилась одна замѣчательная могила, въ которой, по догадкѣ Шлимана, былъ погребенъ Агамемнонъ.

Всѣми этими открытіями наука обязана Шлиману только благодаря тому матеріальному положенію, какое онъ успѣлъ составить себѣ торговыми сношеніями съ Россіей.

Собираніе памятниковъ народной поэзіи. Г. Фаминцынъ, занимаясь изслѣдованіемъ вопроса о музыкѣ древнихъ славянъ, остатки которой несомнѣнно сохраняются и въ нынѣ еще распѣваемыхъ славянами пѣсняхъ, преимущественно въ обрядныхъ, обращается къ любителямъ славянской старины съ просьбою о сообщеніи ему неизданныхъ еще великорусскихъ, малорусскихъ, бѣлорусскихъ и галицкорусскихъ, а также западно и южно-славянскихъ пѣсенъ. Г. Фаминцынъ желалъ бы собственно получить тексты съ относящимися къ нимъ мелодіями и воспользоваться ими въ задуманномъ имъ трудѣ. Вотъ подробный перечень видовъ пѣсенъ, какія проситъ доставить ему изслѣдователь: пѣсни свадебныя, похоронныя, причитанія надъ покойниками и на могилахъ, закладки, пѣсни, исполняемыя при гаданіи вѣнками, въ Ивановскую ночь (купальскія), въ праздникъ обжинокъ, семицкія и хороводныя вообще (включая сюда и исполняемыя при пляскѣ южно-славянскаго „коло" и болгарскаго „оро"), пѣсни сопровождающія обрядъ „опахиванія" (коровьей смерти) и другіе обряды, каковы: встрѣча весны (веснянки), масляницы, и проч., проводы зимы (смерти), ярилы, масляницы, заклинаніе дождя, и т. п., кромѣ того, былины (сказателей), думы (бандуристовъ). героическія пѣсни (гусляровъ-слѣпцовъ), пѣсни нищихъ, и т. п., а также мелодіи, играемыя на инструментахъ во время народныхъ плясовъ и разыгрываемыя пастухами. „Всякое сообщеніе пѣсенъ (текстовъ съ мелодіями) и инструментальныхъ мелодій, принадлежащихъ къ поименованнымъ категоріямъ—говоритъ г. Фаминцынъ,—будетъ принято съ глубокою благодарностью. Я покорнѣйше просилъ бы присылать пѣсни въ заказныхъ письмахъ по адресу: Александру Сергѣевичу Фаминцыну, Спб., Екатерингофскій пр., 33."

Небезъинтересно упомянуть при этомъ, что обращеніе г. Фаминцына возобновило въ памяти кіевлянъ весьма характерный фактъ касательно даннаго вопроса. Оказывается, что закрытый отдѣлъ Русскаго Географическаго Общества въ Кіевѣ, обладавшій богатѣйшими этнографическими, историческими, экономическими и другими научными матеріалами, имѣлъ въ своемъ распоряженіи многое множество матеріаловъ, нужныхъ для г. Фаминцына. Собирались эти матеріалы массою лицъ, передавались кіевскимъ профессорамъ, но, по независящимъ обстоятельствамъ, остались неизданными. Чтобы судить о томъ, сколько цѣннаго научнаго матеріала хранится гдѣ-то подъ спудомъ, приведемъ слѣдующія указанія изъ отчета „Отдѣла географическаго общества".

Въ 1874—1875 году, г. Манжура доставилъ громаднѣйшій сборникъ матеріаловъ, заключающій въ себѣ до 500 пѣсенъ, 172 загадки, 49 сказокъ, и

т. п. Тутъ, между прочимъ, заключается масса пѣсенъ, необходимыхъ для рѣшенія вопроса о музыкѣ древнихъ славянъ, именно: пѣсни весільні, дітські, веснянки, котки, забавки, колядки, мандрівки и проч., и проч. Г. Носъ отдалъ въ распоряженіе „Отдѣла" громадное количество всевозможнаго этнографическаго матеріала: пѣсенъ 1.173, начиная отъ думъ до причитаній; изреченій 4.873, сказокъ, загадокъ, словъ для лексикона болѣе 1.000 №№. Чтобы судить о богатствѣ и разнообразіи матеріаловъ С. Д. Носа, необходимо указать на тотъ фактъ, что матеріалы эти составляютъ результатъ неусыпнаго семнадцатилѣтняго изученія южно-русскаго народнаго быта. Кромѣ того, поступило множество рукописей отъ г. Кричанки, Залюбовскаго, Комарова, Кандыбы, Лысенка, отъ многихъ мировыхъ посредниковъ, земскихъ управъ, и проч., и проч.; тутъ были экономическіе (о кустарныхъ промыслахъ), метеорологическіе, сельско-хозяйственные, и множество другихъ матеріаловъ. Но самый богатый былъ, такъ называемый, „Пѣсенный отдѣлъ". Кіевскіе ученые предполагали (въ 1875 г.) издать его въ 15—20 томахъ, въ которые должны были войти: 1) пѣсни культа, какъ оставшіяся отъ эпохи язычества, такъ и христіанскія, нынѣ пріуроченныя къ тѣмъ или инымъ праздникамъ, или временамъ года, т. е. пѣсни періодическія, и духовные стихи; 2) пѣсни жизни личной, выражающія любовь, развлеченія (между прочимъ, пьянство и волокитство), печальное настроеніе; 3) пѣсни семейныя, т. е. свадебныя, семейно-родственныя и дѣтскія; 4) пѣсни экономическія и сословныя, какъ-то: чумацкія, бурлацкія, заводскія, косарскія, гребецкія, жнивныя; 5) пѣсни политическія (историческія), изображающія какъ историческія событія и лица общественныхъ дѣятелей, такъ и цѣлые общественные типы, напр. пѣсни казацкія, солдатскія, рекрутскія, о крѣпостномъ правѣ, разбойницкія, и др. 5) искусство и поученіе въ пѣсняхъ: баллады, пародіи, сатиры, и проч. Приготовленіе такого огромнаго, по своимъ размѣрамъ, изданія научнаго этнографическаго матеріала распредѣлено было между 12 кіевскими профессорами и другими изслѣдователями народной жизни; оно уже близилось къ концу, какъ вдругъ,—„независящія обстоятельства" прекратили работу,—и изъ 15—20 предположенныхъ томовъ вышла только часть пѣсенъ историческихъ и часть экономическихъ (Рудченко, „Чумацкія пѣсни"); всѣ остальные матеріалы хранятся гдѣ-то подъ спудомъ, и неизвѣстно, скоро ли увидитъ образованный міръ цѣльное, систематическое научное произведеніе кружка кіевскихъ ученыхъ...

Замѣтка о портретѣ княгини Орловой.

Прилагаемый къ настоящей книжкѣ „Историческаго Вѣстника" портретъ княгини Екатерины Николаевны Орловой, рожденной Зиновьевой, жены извѣстнаго любимца императрицы Екатерины II, князя Григорія Григорьевича Орлова, есть копія съ весьма рѣдкой гравюры нашего первоклассиаго гравера Берсенева. Гравюра эта, одна изъ лучшихъ работъ Берсенева, сдѣлана имъ въ 1784 году, и одинъ оттискъ ея, которымъ мы пользовались для нашего снимка, находится въ собраніи русскихъ гравюръ П. Я. Дашкова.

Ред.

Объ изданіи иллюстрированной исторіи Петра Великаго.

У насъ нѣтъ до сихъ поръ популярной исторіи Петра Великаго, основанной на новѣйшихъ изслѣдованіяхъ и архивныхъ документахъ, въ такомъ обиліи разсѣянныхъ въ разныхъ спеціальныхъ изданіяхъ и журналахъ. „Исторія Россіи" С. М. Соловьева, заключающая въ себѣ также и царствованіе Петра, во многихъ отношеніяхъ драгоцѣнна; но по своей многотомности, документальности и сухости изложенія, мало доступна обыкновенному читателю. „Исторія Петра" Устрялова, отчасти панегиристическая и односторонняя, хотя и живо написанная, осталась далеко не конченной. „Дѣянія Петра Великаго" Голикова имѣютъ теперь значеніе лишь для лицъ, спеціально занимающихся исторіей. Существуютъ еще исторіи Петра: Берхмана, Галема, Катифора, Ѳеофана Прокоповича, Туманскаго, Ламбина, и др., но онѣ, въ сущности, не заслуживаютъ даже упоминанія.

Между тѣмъ, въ послѣднее время, за-границей начали появляться исторіи Петра, издаваемыя людьми, серьёзно относящимися къ дѣлу. Такъ, въ Германіи, въ прекрасномъ изданіи Онкена „Allgemeine Geschichte“ напечатана обширная монографія о Петрѣ, написанная знатокомъ и добросовѣстнымъ изслѣдователемъ этой эпохи, профессоромъ русской исторіи Дерптскаго университета, А. Г. Брикнеромъ, а въ Америкѣ, въ весьма распространенномъ иллюстрированномъ журналѣ „Scriebner's Magasin“ помѣщается біографія Петра, составленная г. Скайлеромъ. Компилятивный текстъ этой біографіи, написанной, впрочемъ, довольно удовлетворительно для иностранца, не представляетъ, конечно, для насъ особеннаго интереса; но зато біографія сопровождается превосходными рисунками. Правда, бо́льшая часть ихъ не имѣетъ никакого отношенія къ исторіи Петра Великаго; здѣсь, рядомъ съ фигурой Царя Преобразователя помѣщены „Бурлаки“ Рѣпина, „Русская тройка“ Соколова, „Деревенскія похороны“ Маковскаго и т. п. Кромѣ того, встрѣчаются забавные промахи, напр., портретъ стольника Потемкина выданъ за изображеніе царя Алексѣя Михайловича. Такое изданіе имѣетъ значеніе исключительно для иностранцевъ; но тѣмъ не менѣе, мысль оживить исторію Петра рисунками заслуживаетъ сочувствія. Подобная попытка была сдѣлана и у насъ, даже весьма недавно, г. Гоппе, издавшимъ въ 1872 г. „Альбомъ 200-лѣтняго юбилея императора Петра Великаго“ (отрывочный текстъ для котораго, по указанной издателемъ программѣ, написанъ мною, совмѣстно съ П. Н. Петровымъ); но въ „Альбомѣ“ г. Гоппе рисунки подобраны безъ всякой системы и притомъ исполнены неудачно и съ плохихъ подлинниковъ.

Такимъ образомъ, иностранцы опередили насъ въ популяризаціи исторіи величайшаго изъ русскихъ государей. Въ настоящее время, А. С. Суворину пришла счастливая мысль предпринять такое изданіе исторіи Петра, которое, соединяя въ себѣ популярный, составленный по новѣйшимъ и критически провѣреннымъ источникамъ, очеркъ его царствованія, вмѣстѣ съ портретами, картинами и другими достовѣрными рисунками, относящимися исключительно къ Петровской эпохѣ, могло бы въ живомъ изложеніи и художественныхъ образахъ воспроизвести это знаменательное для русской исторіи и жизни время. Для осуществленія своей мысли, г. Суворинъ обратился къ моему содѣйствію и я охотно согласился помогать ему, хотя вполнѣ понимаю всѣ трудности и случайности, сопряженныя съ исполненіемъ столь сложнаго издательскаго предпріятія, которое потребуетъ затраты значительнаго капитала.

Составленіе текста для этой „Иллюстрированной исторіи Петра Великаго“ принялъ на себя профессоръ Брикнеръ, работы котораго въ области русской исторіографіи XVIII столѣтія достаточно извѣстны, чтобы о нихъ нужно было говорить. Текстъ займетъ не менѣе 40 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Что касается рисунковъ, то изъ нихъ будутъ выбираться только имѣющіе прямое отношеніе къ царствованію Петра Великаго и притомъ преимущественно сдѣланные въ его время. Портреты сподвижниковъ Петра (числомъ до 60) будутъ воспроизводиться съ наиболѣе достовѣрныхъ подлинниковъ; виды городовъ, зданій, костюмовъ, бытовыя сцены и проч.,—съ оригиналовъ современныхъ Петру; изъ картинъ новѣйшихъ художниковъ будутъ избраны лишь тѣ, которыя исторически вѣрны эпохѣ. Кромѣ того, къ изданію будутъ приложены факсимиле и планы. Рисунки будутъ исполнены ксилографическимъ способомъ лучшими граверами за-границей и въ Россіи. Изданіе предполагается начать въ текущемъ году, выпусками, которыхъ будетъ отъ 25 до 30, и назначить ему цѣну, по возможности, доступную для каждаго.

Теперь уже приступлено къ собиранію рисунковъ, и въ однихъ только коллекціяхъ русскихъ гравюръ П. Я. Дашкова и Д. А. Ровинскаго, при ихъ любезномъ содѣйствіи и указаніяхъ, уже отобрано около 150 экземпляровъ, въ томъ числѣ много очень рѣдкихъ. Пополненіе продолжается безпрерывно; но я считаю долгомъ обратиться къ любителямъ отечественной старины, живущимъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сохранились еще до нашихъ дней памятники Петровскихъ временъ, съ просьбой—сообщить мнѣ снимки съ нихъ (по адресу редакціи „Историческаго Вѣстника“) въ фотографіяхъ, или карандашныхъ набросках. Я буду весьма имъ признателенъ и съ удовольствіемъ возмѣщу тѣ расходы, которые они понесутъ при этомъ.

С. Шубинскій.

СУДЬБА

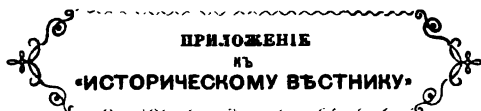
ОДНОЙ ДВОРЯНСКОЙ СЕМЬИ

ВО ВРЕМЯ ТЕРРОРА.

ЗАПИСКИ А. дез-ЕШЕРОЛЬ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

А. ИВАНОВА.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА „НОВАГО ВРЕМЕНИ“
1882

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

ВВЕДЕНІЕ.

РЕДЛАГАЕМЫЯ публикѣ въ русскомъ переводѣ Записки Александрины дез-Ешероль представляютъ для читателя интересъ содержанія и прелесть новизны. Онѣ относятся ко времени французской революціи 1789 года и изображаютъ судьбу семейства разсказщицы, которая была еще очень молодой дѣвушкой, когда надъ ея семьей разразилась страшная катастрофа; а что можетъ быть интереснѣе отраженія великаго историческаго событія на судьбѣ и въ душѣ современныхъ людей, соединенія высшей исторической драмы съ житейскимъ, реальнымъ эпосомъ. Записки дез-Ешероль не походятъ на тѣ мемуары, которые имѣютъ значеніе лишь для историка, знакомящагося при помощи ихъ съ подробностями изучаемыхъ имъ событій и заслуживаютъ вниманія какъ дополненіе къ другимъ историческимъ матеріаламъ; читатель Записокъ выноситъ изъ нихъ не одни только лишнія свѣдѣнія, но получаетъ болѣе полное и вѣрное представленіе объ общемъ характерѣ и значеніи для современниковъ революціи 1789 года и все время находится подъ обаяніемъ захватывающаго интереса, внушаемаго участіемъ къ лицамъ, которыя становятся ему близки, по мѣрѣ того какъ онъ знакомится съ ихъ трагической судьбой. И по содержанію Записокъ, и по цѣли, которую имѣлъ въ виду ихъ авторъ, въ нихъ преобладаетъ біографическая, частная сторона надъ обще-исторической; но при тѣсной связи этихъ личныхъ

воспоминаній съ общимъ ходомъ революціи и вслѣдстіе задушевности разсказа, на которомъ отпечатлѣлся благородный и симпатичный образъ автора,—Записки дез-Ешероль имѣютъ двойную цѣну—историческаго памятника и увлекательной семейной хроники. Александрина дез-Ешероль составила свои Записки на чужбинѣ для племянницы, которую она взяла къ себѣ на воспитаніе. Она хотѣла познакомить эту молодую дѣвушку съ судьбой, которую претерпѣла ея семья во время террора, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣла въ виду нравственную и воспитательную цѣль. Въ своемъ посвященіи она говоритъ, обращаясь къ своей племянницѣ: „Не тщеславіе побудило меня такъ долго заниматься собой; не желаніе познакомить другихъ съ печальными событіями моей жизни заставляетъ меня ихъ описать; я пишу только для тебя, дитя моего сердца и моихъ попеченій. Я не могу оставить тебѣ иного наслѣдства, какъ воспоминанія о несчастьяхъ твоей семьи. Ты найдешь въ нихъ опору для того, чтобы перенести невзгоды твоей собственной жизни, если тебѣ суждено ихъ испытать, и ты не станешь тогда сѣтовать на судьбу. Тебя ожидаетъ скромная доля; по всему можно видѣть, что блага міра сего не будутъ твоимъ удѣломъ. Если бы ты вздумала пожалѣть объ этомъ, перечитай эти страницы и ты перестанешь роптать на Провидѣніе. Все на этомъ свѣтѣ скоротечно. Всѣ эти бѣды, которыя намъ кажутся столь продолжительными, такъ быстро мелькаютъ и проходятъ. Когда ты будешь читать эти строки, я сама, можетъ быть, буду для тебя не болѣе какъ воспоминаніе, которое скоро изгладится. Если же счастье улыбнется тебѣ въ этомъ мірѣ, опять-таки помни, что оно скоротечно, и перенеси твою привязанность на тѣ блага, которыя вѣчны“.

Несмотря, однако, на эту чисто личную цѣль, которой руководилась составительница Записокъ, послѣднія имѣли такой общій интересъ, что обнародованіе ихъ было только вопросомъ времени. Александрина дез-Ешероль рѣшилась напечатать ихъ еще при своей жизни, и повидимому ее побуждало къ этому желаніе выразить этимъ способомъ свою благодарность разнымъ лицамъ, которыя оказали ей или членамъ ея семьи помощь и утѣшеніе въ годы тяжелыхъ испытаній; въ то же время она, вѣроятно, чувствовала потребность объяснить потомкамъ того поколѣнія, которое произвело или пережило революцію, — чувства, настроеніе и образъ дѣйствія современниковъ революціонной эпохи, во многомъ уже сдѣлавшейся непонятной. Въ

краткомъ предисловіи, которое Александрина дез-Ешероль предпослала своимъ Запискамъ, она говоритъ: „Настоятельныя побужденія, которыя имѣютъ важность лишь для меня, заставили издать эти страницы, большая часть которыхъ написана уже много лѣтъ тому назадъ. Хотя я опустила много ненужныхъ подробностей, которыя могли бы показаться скучными для равнодушной публики, я опасаюсь, что ихъ осталось еще слишкомъ много и взываю къ снисходительности читателей. Я составила эти записки не для нихъ, онѣ предназначались только для близкаго лица, и, хотя это первоначальное намѣреніе измѣнено, я не могла изложить иначе этого разсказа, который вылился изъ сердца. Несчастія и чувства, здѣсь представленныя, составляютъ одно; я перечувствовала то, что описываю, разсказъ мой безъискусственный. Съ юности заброшенная и предоставленная самой себѣ, я усвоила привычку записывать мысли и впечатлѣнія, которыя меня тяготили.

„Мнѣ приходилось слышать различныя сужденія о той эпохѣ, которая теперь уже такъ далека отъ насъ. Многіе думаютъ, что они дѣйствовали бы умнѣе, чѣмъ ея современники. Я отвѣчу имъ словами, которыя повторяла, можетъ быть, слишкомъ часто въ моемъ повѣствованіи: кто тогда не жилъ, не можетъ судить о тѣхъ смутныхъ временахъ, когда бредъ властолюбія во что бы то ни стало и безпредѣльный ужасъ раздѣлили всю Францію всего на два класса: палачей и жертвъ. Объяснить это невозможно; воспротивиться этому было еще труднѣе. Быстрота, съ которой событія сцѣплялись и надвигались надъ нами, часто не давала времени для малѣйшаго размышленія.

„Повторяю, кто не былъ задѣтъ, не былъ раздавленъ революціонной смутой, не долженъ такъ рѣшительно судить о ней. Это значило бы подъ чистымъ небомъ, среди мирной долины, желать понять бурю, вдали поднимающую океанъ“.

Хотя Записки, такимъ образомъ, были напечатаны въ 1843 году самимъ авторомъ, онѣ были предназначены только къ обращенію въ кругу близкихъ лицъ и той личности, откуда была семья дез-Ешероль, и мало проникли въ публику. Поэтому перепечатка ихъ въ 1879 году подъ новымъ заглавіемъ въ Парижѣ равняется какъ бы первому обнародованію ихъ. Предлагаемый переводъ сдѣланъ съ этого втораго изданія: при этомъ опущены нѣкоторыя повторенія и лири-

ческія мѣста, которыя могли бы показаться неумѣстными въ переводѣ на чуждый автору языкъ; послѣднія же главы „Записокъ" уже не относящіяся къ исторіи революціи и касающіяся только личной судьбы автора, переданы въ краткомъ изложеніи.

ГЛАВА I.

Семейныя подробности. — Дѣтство моего отца. — Его женитьба. — Тетка моя, сестра отца, поселяется вмѣстѣ съ нами.

ДѢДА моего, капитана Пуатусскаго полка, было двѣ преобладающихъ страсти: война и охота. Когда онъ пріѣзжалъ въ отпускъ, тотчасъ же отправлялся рыскать по лѣсамъ, гдѣ проводилъ дни и ночи, воюя съ волками и дикими кабанами. Онъ называлъ это „отдыхать“. Такой образъ жизни сильно разстроилъ его состояніе.

По счастью, бабка моя, одаренная большимъ умомъ и сильной волей, исправляла сколько могла дѣла мужа, разстроенныя его безпорядочнымъ образомъ жизни. Ея благоразуміе и разсудительность, соединенныя съ большою дѣятельностью, спасли семью отъ неизбѣжнаго разоренія, и дѣдъ мой, который не хотѣлъ ничего знать, кромѣ своихъ удовольствій, довольный обстановкой, созданной вокругъ него благодаря предусмотрительной экономіи жены, спокойно наслаждался благосостояніемъ, которымъ вполнѣ былъ ей обязанъ.

Его единственному сыну едва минуло девять лѣтъ, когда онъ взялъ его съ собою въ армію. Онъ хотѣлъ рано пріучить его къ лишеніямъ и суровой жизни лагеря; онъ тутъ обучилъ и образовалъ не только этого маленькаго воина, но еще присоединилъ къ нему съ десятокъ сверстниковъ изъ его родни, которыхъ также старался закалить. Этотъ маленькій отрядъ, исполненный отваги, весело бросался на встрѣчу опасности. Всѣ они со временемъ вышли честными людьми и храбрыми воинами.

Я знала нѣкоего г. де Сенъ-Леже, который не могъ говорить о моемъ дѣдѣ безъ восторга; онъ самъ былъ изъ этой роты удалыхъ дѣтей. „Мы хорошо дрались“, говаривалъ онъ мнѣ; „наша отвага не знала никакой опасности. Вашъ дѣдъ любилъ насъ, какъ родныхъ сыновей, но держалъ насъ строго. Я ему обязанъ многимъ; вотъ видите ли, я ему обязанъ и за эту ногу. Она была раздроблена пулей, фельдшеръ уже готовъ былъ ее отнять—вѣдь тамъ не долго разсуж-

даютъ. „Нѣтъ“, сказалъ вашъ дѣдушка, „я отвѣчаю за эту ногу“.—И вотъ она цѣла по сю пору“. Я очень сожалѣю, что упустила множество подробностей о своей семьѣ, которыя въ свое время могла бы собрать. Событія революціи вырвали меня изъ семьи раньше того возраста, когда пробуждается дѣйствительный интересъ къ происхожденію семьи. Съ тѣхъ поръ семейныя бумаги были сожжены, имѣнія конфискованы и проданы. Лишенная всякихъ средствъ и находясь впродолженіе многихъ лѣтъ своей юности въ постоянныхъ треволненіяхъ, я сохранила очень мало воспоминаній. Сожалѣніе объ этомъ заставило меня записать то, что сохранилось въ моей памяти, и выдающіяся событія того времени, для того чтобы мои племянники нашли въ прошедшемъ какіе нибудь слѣды, которые могли бы служить имъ связью съ предками, и чтобы продолжительныя невзгоды ихъ отца и ихъ дѣда, умѣвшихъ сдерживать свои желанія, научили ихъ довольствоваться своей судьбой. Даже и моя жизнь можетъ представить имъ не одинъ полезный урокъ: они увидятъ изъ нея, съ какою благостію Господь руководилъ мною и охранялъ меня. Пусть сохранятъ они въ своей памяти имена благодѣтельныхъ людей, оказавшихъ помощь ихъ роднымъ, и если имъ когда нибудь случится встрѣтить дѣтей ихъ или друзей, пусть они примутъ ихъ любовно и воздатутъ имъ должную благодарность!

Легко понять, что воспитаніе моего отца сильно пострадало отъ этихъ преждевременныхъ походовъ и что ребенку его возраста невозможно было при возвращеніи на зимнія квартиры успѣшно приняться за ученіе; поэтому нужно гораздо болѣе удивляться тому, что онъ зналъ, чѣмъ тому, чего не зналъ. При всемъ этомъ онъ нашелъ средство пріобрѣсти много познаній. Двѣнадцати лѣтъ онъ былъ раненъ саблей въ лѣвую щеку и былъ взятъ въ плѣнъ. Этотъ маленькій офицерикъ былъ обмѣненъ и скоро вернулся домой, гордясь славнымъ шрамомъ на лицѣ, весьма замѣтнымъ, такъ какъ онъ простирался полукругомъ отъ уха до самой верхней губы. Его военная карьера была вполнѣ достойна такого начала; онъ получилъ семь ранъ и, будучи еще очень юнымъ, былъ награжденъ крестомъ св. Людовика.

Около тридцати шести лѣтъ онъ женился на дѣвицѣ де-Торрадъ, сиротѣ, жившей вдали отъ свѣта при одномъ парижскомъ монастырѣ. Ей было 26 лѣтъ; привычки у нея были скромныя; уединеніе, гдѣ она посвящала свое время на образованіе своего ума, пріучило ее къ серьезному труду. Для своихъ друзей она была очаровательна, и отецъ мой нашелъ близъ нея безмятежное и прочное счастіе. Сестра моего отца отказалась отъ всѣхъ предлагаемыхъ ей партій и не вышла замужъ. По смерти бабушки она поселилась отдѣльно отъ насъ и мать осталась одна съ мужемъ, раздѣляя свое время между городомъ и деревнею и предпочитая послѣднюю.

Проведши двадцать одинъ годъ въ уединеніи, она любила тишину; свѣтъ и общество не имѣли для нея никакой прелести. Разсѣянная, молчаливая, неискусная въ свѣтскихъ развлеченіяхъ, она не могла имѣть успѣха въ обществѣ. Но рѣдкія качества ея сердца и ума дѣлали ее драгоцѣнной для друзей. Ея благотворительность привязывала къ ней сердца бѣдняковъ, а ея искреннее благочестіе внушало каждому чувство глубокаго уваженія. Я не встрѣтила ни одного лица изъ знавшихъ ее, кто бы, говоря о ней, не выразилъ живѣйшаго сочувствія. Она была рано разлучена съ своей юной семьей. Мнѣ было тогда всего только семь лѣтъ. Она оставила четырехъ дѣтей: двухъ сыновей и двухъ дочерей. Съ умиленіемъ припоминаю я слезы, которыя окружавшіе проливали у ея гроба. Она была обожаема всѣми крестьянами въ Ешеролѣ, каждый изъ нихъ оплакивалъ ее, какъ родную мать; и это было заслужено. Прощанье ея со всѣми было очень трогательно и, несмотря на мой возрастъ, произвело на меня такое впечатлѣніе, что время никогда не могло изгладить его. Она созвала насъ всѣхъ вокругъ своей кровати, благословила насъ и дала намъ благочестивыя наставленія; она поручила меня братьямъ, просила ихъ оказывать покровительство и заботиться съ любовію объ Одилліи, моей старшей сестрѣ, которая была лишена разсудка и подвержена постояннымъ страданіямъ. Она запретила много тратить на свои похороны, назначила деньги, которыя пришлось бы употребить на нихъ, на увеличеніе суммы, оставленной ею для раздачи нуждающимся, и велѣла одѣть множество бѣдныхъ.

Чѣмъ болѣе я впослѣдствіи размышляла объ этой потерѣ, тѣмъ болѣе стало мнѣ понятно все ея значеніе. На какой произволъ брошены дѣти, лишенныя матери, не знающія заботъ и предусмотрительности этого сердца, которое никогда не дремлетъ!

Я не знаю причины, почему мой отецъ не исполнилъ послѣдней воли матери. Меня не отдали въ монастырь, какъ она того желала. Можетъ быть, онъ искалъ утѣшенія своему горю въ присутствіи дѣтей, которыхъ она ему оставила. Сестра моего отца, взявшая на себя мое воспитаніе, вернулась жить съ нами; мы покинули Ешероль и переѣхали въ сосѣдній городъ Муленъ, потому что тетушка моя не любила деревни.

Марсіаль, мой старшій братъ, несмотря на то, что ему было всего только 13 лѣтъ, былъ уже кавалерійскимъ офицеромъ. Если вспомнить, что отецъ мой самъ еще раньше поступилъ на службу, то станетъ понятно его желаніе видѣть сына въ эполетахъ въ такомъ юномъ возрастѣ. Мой меньшой братъ, Шамболь, былъ отправленъ въ военную школу въ Мецѣ; такъ какъ полкъ, въ которомъ служилъ старшій братъ, вскорѣ былъ переведенъ въ самый Муленъ, то онъ снова вернулся подъ отеческій кровъ, гдѣ оставалась и я съ сестрой; болѣзненное состояніе послѣдней внушало намъ большія опасенія и не давало никакой надежды на выздоровленіе ея.

Тетушка моя скоро привязалась ко мнѣ горячо; ея чисто материнская нѣжность, казалось, росла съ каждымъ днемъ. И теперь еще я не могу подумать безъ грусти объ огорченіи, которое ей причиняла, выражая желаніе поступить въ монастырь; мнѣ была извѣстна послѣдняя воля матери, и сердце мое, оскорбленное невниманіемъ къ этой волѣ, настоятельно требовало ея исполненія. Ни подарки, расточаемые мнѣ, ни развлеченія моего возраста, ни самыя нѣжныя заботы,—ничто не могло заставить меня забыть этого. Часто, конечно слишкомъ часто, я просила ее исполнить этотъ завѣтъ моей матери. „Развѣ я тебѣ не та же мать"? говорила она мнѣ. „Я не могу съ тобою разстаться". Видъ подругъ, которыхъ я навѣщала въ монастырской пріемной, пробуждалъ во мнѣ снова желаніе поступить въ монастырь и увеличивалъ мое сожалѣніе; я завидовала ихъ образованію и ихъ успѣхамъ въ искусствахъ. Прелестныя розетки, приколотыя у нихъ на плечахъ, свидѣтельствуя о ихъ успѣхахъ, растравляли мое горе. Пренебрегая тѣмъ, что̀ было хорошаго вокругъ меня, я безпрерывно повторяла: „Отчего я не въ монастырѣ! Только тамъ я могу быть счастливой"!

Тетушка моя, любя общество, вывозила меня съ собою, не смотря на мой дѣтскій возрастъ. Я и теперь еще съ ужасомъ вспоминаю объ этихъ длинныхъ визитахъ, во время которыхъ, сидя или стоя неподвижно и молчаливо, я для развлеченія считала стекла въ окнахъ, или цвѣты на вышитой мебели. Имѣя уже въ своемъ распоряженіи украшенія моей матери, очень нарядная для своихъ лѣтъ, предупреждаемая во всѣхъ моихъ желаніяхъ, до малѣйшихъ прихотей, и часто видаясь съ подругами, — я все-таки не была счастлива. Озабоченная моею грустью, тетушка спрашивала меня съ нѣжной лаской: „Что съ тобою? Чего тебѣ недостаетъ?" А я отвѣчала одно: Мнѣ хотѣлось бы въ монастырь! Этотъ отвѣтъ надрывалъ ей сердце. Я не сомнѣваюсь теперь, что это было единственной причиной, побудившей ее составить планъ переѣзда въ Парижъ съ тѣмъ, чтобы нанять квартиру при монастырѣ, гдѣ бы я могла, не разлучаясь съ ней, раздѣлять всѣ занятія пансіонерокъ. Надо знать ея любовь къ свѣту и обществу, чтобы оцѣнить по достоинству жертву, какую она хотѣла принести мнѣ. Она нарушила бы всѣ свои привычки, отрекшись отъ пріятнаго общества и всѣхъ удобствъ независимаго положенія; она готова была подчиниться изъ любви ко мнѣ монастырской жизни, со всей ея монотонностью: вотъ какъ она любила меня! Сколько разъ съ тѣхъ поръ я упрекала себя за то, что огорчала ее своими постоянными жалобами! Шамболь въ это время вернулся изъ Меца. Мы всѣ уѣхали бы въ Парижъ, если бы не революція, быстрые успѣхи которой заставили всѣхъ французовъ думать только о ней одной.

ГЛАВА II.

Ожиданіе разбойниковъ. — Мой отецъ назначенъ начальникомъ національной гвардіи въ Муленѣ. — Отъѣздъ братьевъ за-границу. — Арестъ Ноальи. — Отецъ спасаетъ его. — Ненависть народа. — Общественная смута ростетъ. — Отецъ подаетъ въ отставку.

Эта революція открылась для меня пресловутымъ днемъ разбойниковъ (journée des brigands). Я была такъ мала, что не могла понять значенія его, а могла лишь, если смѣю такъ выразиться, наслаждаться шумомъ и движеніемъ. Въ безпорядкѣ есть своего рода разнообразіе, которое нравится дѣтямъ. Разразился онъ неожиданно. Отовсюду появлялись одновременно вѣстовщики, сообщавшіе, что къ городу приближаются шайки разбойниковъ: они уже близко, ихъ видѣли, они идутъ, нужно вооружаться для защиты [1]. Жители собираются на площади, назначаютъ офицеровъ, чтобы вести гражданъ противъ разбойниковъ,—вотъ и національная гвардія готова. Требуютъ начальника и выбираютъ моего отца. Онъ въ это время прохаживался по Корсо (главной улицѣ); его окружаютъ, провозглашаютъ полковникомъ. Онъ отказывается; но съ другой стороны стоятъ на своемъ, убѣждаютъ его, и послѣ нѣкотораго колебанія отецъ мой сдается. Тетушка моя была этимъ недовольна. Я помню, что она уговаривала отца отказаться отъ такой опасной чести; но было уже поздно. Она не могла удержаться отъ слезъ, когда увидѣла, что отца, при возвращеніи домой, сопровождаетъ огромная толпа и что у его двери поставленъ почетный караулъ. Онъ вернулся домой, но съ этой минуты не принадлежалъ уже болѣе себѣ; когда онъ сдѣлался общественнымъ дѣятелемъ, интересы дѣтей, семьи, отступили на второй планъ; все было отложено, — теперь не было и рѣчи ни о поѣздкѣ въ Парижъ, ни о прежнихъ планахъ; мы остались на мѣстѣ.

Нашъ городъ Муленъ былъ въ смятеніи, какъ и всѣ другіе города Франціи, въ которыхъ, подъ вліяніемъ паническаго страха, поднимались народныя массы противъ этихъ невидимыхъ разбойниковъ, бывшихъ не болѣе какъ призракомъ, измышленнымъ для того, чтобы вооружить народъ. Тѣ, которые такимъ образомъ пустили въ ходъ эту страшную силу, скоро не были въ состояніи умѣрить ея движеніе и сами погибли подъ ея гнётомъ. Революція развивалась и росла съ ужасающей быстротой. Съ самаго начала ко всѣмъ ея радостямъ всегда примѣшивался ужасъ. Но могла ли она произвести что-либо иное, будучи сама порожденіемъ смутъ и раздора?

Отецъ мой всецѣло предался своимъ новымъ обязанностямъ. Федерація отправила его въ Парижъ (на празднество годовщины взятія

[1]) Эта паника была до того общая, что со всѣхъ сторонъ стали стекаться многочисленныя толпы крестьянъ, вооруженныхъ косами, вилами, съ тѣмъ, чтобъ идти противъ разбойниковъ, и просившихъ указать, гдѣ они. Прим. авт.

Бастиліи, 14 іюля 1791 г.) во главѣ депутаціи отъ новаго департамента Аллье; онъ вернулся оттуда въ отчаяніи. Онъ льстилъ себя надеждой, что въ этотъ знаменитый день присяги на Марсовомъ полѣ король станетъ во главѣ депутацій и пойдетъ на Національное Собраніе, чтобы распустить его. „Такое поведеніе“, говорилъ отецъ, „спасло бы Францію и короля, не умѣвшаго воспользоваться энтузіазмомъ, который онъ еще внушалъ тогда“. Вскорѣ послѣ того начались самыя страшныя смуты; народу внушали разныя опасенія съ намѣреніемъ взбунтовать его; обвиненія противъ скупщиковъ хлѣба усиливались; распространяли тревожные слухи о голодѣ, причиняемомъ, какъ говорили, злонамѣреніемъ враговъ народа, и этотъ народъ, всему вѣрившій, сталъ вездѣ видѣть враговъ.

Нѣкій Ноальи, богатый хлѣботорговецъ, жившій въ Друатюрье, былъ схваченъ и связанъ жителями мѣстечка Ляпалисъ, возглашавшими, что онъ аристократъ, кровопійца (affameur)... Его отвели въ Муленъ, чтобы отдать на жертву черни, наученной заранѣе, что ей дѣлать, и тайно подстрекаемой на самыя страшныя буйства. Отецъ мой тотчасъ поставилъ на ноги отрядъ войска, вышелъ на встрѣчу Ноальи и, подъ предлогомъ, что беретъ его подъ личный надзоръ, посадилъ его къ себѣ въ карету; но тотъ оставался въ ней не долго: скоро лошади были отпряжены, колеса переломаны. Отецъ выскакиваетъ изъ кареты, обращается къ раздраженной толпѣ, увѣряетъ ее, что онъ вовсе не желаетъ, чтобы Ноальи отъ нихъ ушелъ, но что онъ хочетъ самъ отвезти его въ тюрьму именно для того, чтобы предать его въ руки правосудія и подвергнуть всей строгости законовъ. Ухвативъ несчастнаго за воротникъ, отецъ самъ идетъ среди этихъ изступленныхъ, едва ограждаемый окружавшимъ его конвоемъ, каждую минуту рискуя погибнуть вмѣстѣ съ несчастнымъ плѣнникомъ, котораго онъ, наконецъ, имѣлъ счастіе доставить невредимымъ на мѣсто, испытавши впродолженіе длиннаго пути всѣ ужасы смерти. Онъ удвоилъ тюремную стражу, а толпа, въ надеждѣ, что въ другой разъ эта жертва не уйдетъ отъ нея, разошлась. Дѣло это потомъ затянулось; время дало умамъ успокоиться и забыть этого несчастнаго Ноальи, который былъ тайно выпущенъ и ночью скрылся. Впослѣдствіи было опубликовано, что не было никакого основанія къ судебному преслѣдованію, такъ какъ все, въ чемъ его обвиняли, было вымышлено. Но народъ не простилъ моему отцу того, что былъ имъ обмануть, и съ этихъ поръ расположеніе, которымъ отецъ прежде пользовался, перешло въ непримиримую ненависть; не будучи въ состояніи противиться народу, ни быть полезнымъ, онъ подалъ въ отставку. Мой дѣтскій возрастъ помѣшалъ мнѣ запомнить подробности политическаго переворота этой эпохи, которыя были выше моего пониманія; но я отлично помню, что твердость моего отца надѣлала ему много сильныхъ враговъ. Его усилія поддержать миръ и бороться противъ безурядицы, порождаемой анархическими идеями, которыя

были распространяемы среди народа,—эти-то усилія и навлекли на него грозу. Какъ скоро онъ былъ лишенъ должности, ничто не могло болѣе предохранять его отъ насилія; все, что только клевета въ состояніи изобрѣсти нелѣпаго, все было пущено въ ходъ противъ него; онъ сталъ жертвой того добра, которое осмѣлился сдѣлать, и самая черная неблагодарность была ему за то наградой.

Немало уже было говорено объ эмиграціи, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ отношеніи, поэтому я ограничусь лишь однимъ краткимъ замѣчаніемъ.

Теперь, когда много лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ этой эпохи броженія, когда страсти, двигавшія тогда людьми, исчезли вмѣстѣ съ ними, когда извѣстно, что успѣхъ не увѣнчалъ усилій эмигрантовъ и не вознаградилъ ихъ за принесенныя ими жертвы, справедливо ли осуждать съ такой строгостью одушевленіе, съ которымъ многіе изъ французовъ устремились по слѣдамъ нашихъ принцевъ? Все, что было доблестнаго и вѣрнаго королю, считало это исполненіемъ своего долга. Это движеніе было непосредственно и внезапно. Старые воины, мирные люди, отцы семействъ, отозвались на этотъ великодушный призывъ и не колеблясь покидали радости семейнаго очага, мѣняя ихъ на трудную и полную превратностей жизнь рядоваго солдата. Иныя страсти занимаютъ настоящее поколѣніе и оно не хочетъ понять чувствъ другой эпохи. А слѣдующія за ними поколѣнія отнесутся такимъ же образомъ къ намъ.

Трудно было устоять противъ господствующаго настроенія, а это настроеніе опиралось на чувство чести и—сказать ли прямо—скоро превратилось въ принудительную моду и стало властвовать надъ умами съ полной нетерпимостью; надо было эмигрировать, или потерять уваженіе въ глазахъ общества. Я отлично помню возбужденіе въ средѣ знакомыхъ намъ семействъ, тайныя собранія и переговоры, поспѣшность, съ какой сообщались извѣстія изъ-за Рейна. „Когда вы уѣзжаете?“ спрашивали другъ друга. „Вы пріѣдете слишкомъ поздно, спѣшите. Они вернутся безъ васъ. Вѣдь это такъ не надолго“! Словно какая-то горячка чести заставляла кровь кипѣть въ жилахъ. Тѣ, которые противились, униженные въ глазахъ дворянства, были, такъ сказать, отвержены изъ его среды. Другіе, которые еще колебались, преслѣдуемые насмѣшками и страхомъ быть смѣшными и полагая, что найдутъ покой только въ Кобленцѣ, спѣшили туда ради этого. Женщины, слишкомъ часто склонныя усвоивать себѣ крайности той партіи, къ которой пристаютъ, безжалостно подзадоривали людей съ нерѣшительнымъ характеромъ. Послѣдніе отовсюду получали ночные колпаки, куклы, веретена; эти таинственныя посылки сопровождались анонимными письмами, исполненными самой язвительной ироніи. Наконецъ все, что только можетъ вызвать энергію и снова пробудить у мужчинъ разныхъ возрастовъ любовь къ славѣ,—все было искусно пущено въ ходъ для того, чтобы ихъ подвинуть

изъ Франціи, а таинственность, необходимая въ этомъ дѣлѣ, придавала еще болѣе прелести этому рыцарскому предпріятію. Офицеры полка Руаяль и Гюенъ эмигрировали; мой старшій братъ послѣдовалъ за ними, и меньшой отправился вскорѣ послѣ нихъ съ однимъ изъ моихъ родственниковъ.

Отъѣздъ моихъ братьевъ скоро сдѣлался извѣстенъ и это было вмѣнено въ вину моему отцу. Тетушка моя, видя до какой степени противъ него были озлоблены, настоятельно убѣждала его удалиться изъ Мулена; она предвидѣла, что ненависть, какую питали къ нему, приведетъ рано или поздно къ насильственнымъ мѣрамъ, которыхъ онъ сдѣлается жертвой. Но она не могла его убѣдить. Можетъ быть, онъ не успѣлъ собраться, или же, презирая нелѣпыя клеветы, онъ не считалъ ихъ опасными для себя.

Уже за послѣднее время его службы, въ городѣ ходили самыя смѣшныя обвиненія противъ него; невозможно было бы повѣрить, что онѣ могли производить на кого нибудь впечатлѣніе, если бы не извѣстно было, что толпа невѣжественнѣе и легковѣрнѣе самихъ дѣтей.

Такъ, напримѣръ, разсказывали, будто по приказанію моего отца была подведена мина подъ соборомъ, чтобы его взорвать во время полуночной службы. Мы всѣ отправились туда для опроверженія этой клеветы. Другую мину, какъ говорили, предполагалось взорвать на улицѣ Берси во время народнаго празднества, устроеннаго по случаю не знаю какого важнаго событія; пушки, спрятанныя тутъ же по близости за густыми аллеями сада, принадлежавшаго г. де-Гомену, должны были въ то же время, какъ произойдетъ взрывъ, стрѣлять въ растерянную толпу и довершить ея гибель; наконецъ, домъ моего отца былъ наполненъ ящиками съ оружіемъ и желѣзными крючьями, чтобы зацѣплять и вѣшать патріотовъ на деревьяхъ городскаго сада.

Невозможно, конечно, придумать ничего безсмысленнѣе этихъ слуховъ. Не знаю, кто бралъ на себя трудъ ихъ сочинять; знаю только одно, что это жестокое дитя, называемое народомъ, входило во вкусъ этихъ нелѣпыхъ басенъ, само запугивало себя ими и хотѣло во что бы то ни стало мстить. Мало-по-малу эти глупыя выдумки, переходя изъ устъ въ уста, пріобрѣтали отъ этого самаго все болѣе силы и убѣдительности. Довѣріе, которымъ такъ долго пользовался мой отецъ, было подорвано, и народъ, который никогда не размышляетъ ни о чемъ, но живо ощущаетъ радость и злобу, съ жадностью бросился на эти небылицы, не задавая себѣ вопроса, правдоподобны ли онѣ. Такимъ образомъ, отецъ мой незамѣтно сдѣлался предметомъ ненависти народа и причиной его страховъ.

Въ это время общаго броженія я въ первый разъ пріобщалась въ страстной четвергъ 1792 года, въ церкви Сестеръ Креста. Я была еще слишкомъ молода для этого, но аббатъ Рипу, мой духовникъ, бывшій также духовникомъ моей матери, уговорилъ мою тетку не от-

кладывать этого долѣе. „Ей всего 11 лѣтъ“, сказалъ онъ, „и вамъ кажется, что она недостаточно зрѣла для того, чтобы быть допущенной къ св. причастію; но будемъ надѣяться, что обученіе, которое ей дано, достаточно для настоящей минуты; несчастье дополнитъ остальное. Приближаются тяжелые дни; ей нужно пріобщиться святыхъ таинъ, это даетъ людямъ силу; скоро, можетъ быть, я уже не буду въ состояніи призывать къ алтарю для вкушенія отъ тѣла Христова; скоро пастырь и овцы его будутъ разсѣяны, храмы осквернены, или пусты; великія бѣдствія разразятся надъ нами!“ И въ самомъ дѣлѣ, уже много церквей, въ которыхъ служили священники, не принявшіе присяги, было закрыто. Въ нѣкоторыхъ церквахъ они еще продолжали тайно служить обѣдню на разсвѣтѣ. Г. де-Латуръ, нашъ епископъ, отказавшійся дать присягу, уѣхалъ въ Римъ. Его мѣсто занялъ какой-то самозванецъ; этотъ новый епископъ во время служенія при алтарѣ надѣвалъ вмѣсто митры красную шапку. Множество духовныхъ обратились въ бѣгство; всѣ эти обстоятельства слишкомъ очевидно подкрѣпляли совѣтъ аббата Рипу; отецъ и тетушка согласились исполнить его желаніе. Я пріобщалась рано утромъ на зарѣ и совершенно одна. Многія изъ моихъ подругъ, которыя должны были вмѣстѣ со мною пріобщаться, были принуждены принять такія же предосторожности, боясь навлечь на свои семьи недоброжелательство. Очень скоро послѣ этого всѣ церкви были закрыты, исключая тѣхъ, въ которыхъ служили священники, принявшіе присягу.

Около этого времени разныя обстоятельства, случайно совпавшія, увеличили подозрѣнія противъ моего отца, или, выражаясь точнѣе, были употреблены его врагами на то, чтобы выставить его виновнымъ. Нѣкій Г..., потерявшій большое состояніе въ неудачныхъ спекуляціяхъ, придумалъ новую несчастную аферу: выписать изъ Нормандіи лошадей, съ тѣмъ чтобы перепродавать ихъ съ барышомъ. Отецъ мой, еще будучи командиромъ національной гвардіи, предложилъ образовать эскадронъ изъ зажиточныхъ гражданъ города для содѣйствія общественному спокойствію, какъ средство сдержать нарушителей порядка. Много лицъ изъ лучшихъ семействъ записались было въ этотъ эскадронъ, который никогда не былъ сформированъ на дѣлѣ. Но проектъ этотъ сдѣлался извѣстенъ и имъ воспользовались противъ отца, когда впослѣдствіи арестовали человѣка, который везъ деньги его сыновьямъ. Человѣка этого звали Робенъ; онъ долго былъ у насъ въ услуженіи. Его схватили и привели назадъ въ Муленъ. Я до сихъ поръ не знаю, былъ-ли тутъ съ его стороны умыселъ и онъ дѣйствовалъ по недоброжелательнему наущенію, или же онъ только случайно попалъ въ бѣду. Всѣ эти отдѣльные факты были сопоставлены для улики противъ отца. Лошади Г... были приготовлены, какъ говрили, для этого новаго эскадрона аристократовъ, тайною цѣлью которыхъ было уничтоженіе свободы. А Робенъ, отправленный въ армію герцога Конде, везъ будто-бы туда проектъ контръ-ре-

волюціи, и проч. Отцу было трудно устоять противъ стольких обвиненій. Въ началѣ Іюня 1792 года былъ изданъ приказъ арестовать его, но еще по какому-то остатку уваженія, которое впрочемъ не долго сохранялось, его пощадили и не отвели въ тюрьму, а объявили, чтобъ онъ самъ туда отправился. Онъ получилъ этотъ приказъ съ сдержанною яростью. „Меня въ тюрьму"? повторялъ онъ, прохаживаясь большими шагами, „меня, покрытаго славными ранами! Меня, который никогда не сидѣлъ подъ арестомъ! Въ тюрьму!" Тюрьма тогда еще не была облагорожена и освящена, какъ впослѣдствіи; тогда лишь начинались тяжкія испытанія, которыя должны были нравственно обновить Францію; безчестье, связанное съ этой мрачной обителью, въ то время еще внушало отвращеніе.

ГЛАВА III.

Отецъ мой въ тюрьмѣ.—Онъ помѣщенъ въ секретномъ отдѣленіи.—Допросъ.—Его жизнь въ опасности.—Преслѣдованіе.—Арестованный крестьянинъ.—Обнаружена невинновность одного осужденнаго. — Благородное поведеніе Коннинде-ля-Фе, предсѣдателя суда.—Отецъ мой ему обязанъ свободой и жизнью.

Отецъ обнялъ насъ и отправился въ тюрьму одинъ; это было вечеромъ. Слуга его, который не могъ бы прислуживать ему, оставаясь на свободѣ, добровольно подвергся заключенію. Этотъ честный человѣкъ и вѣрный слуга назывался Брюньонъ. Огорченіе моей тетки было тѣмъ сильнѣе, что она понимала всю опасность, угрожавшую отцу. Впродолженіе пяти дней его продержали въ одиночномъ заключеніи и въ это время онъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ; намъ было отказано въ разрѣшеніи пригласить къ нему доктора, или оказать помощь, необходимую въ его положеніи. Въ этой же тюрьмѣ содержались Робенъ и Форъ, привлеченные по тому же дѣлу. Форъ прежде служилъ въ полку Руаяль-Гюенъ, куда вступилъ простымъ солдатомъ, и достигъ высшаго изъ унтеръ-офицерскихъ чиновъ. Покинувши службу, онъ воспользовался полученнымъ имъ порядочнымъ образованіемъ, чтобы сдѣлаться школьнымъ учителемъ. Я не знаю вовсе, какимъ образомъ онъ былъ скомпрометированъ по обвиненію, возведенному на моего отца.

Едва разнеслось извѣстіе о заключеніи моего отца въ тюрьму, какъ все общество бросилось къ тетушкѣ, чтобы выразить ей свое участіе по случаю столь печальнаго событія. Въ особенности женщины, у которыхъ состраданіе сильнѣе обнаруживается и которыя менѣе мужчинъ способны склоняться предъ слѣпымъ страхомъ,—женщины всѣми способами заявляли о своемъ сочувствіи. Тетушка моя, конечно сильно тронутая этими доказательствами расположенія, пользовалась ими, чтобы увеличить число сторонниковъ своего брата и

принять дѣятельныя мѣры для противодѣйствія его врагамъ. Враги эти были многочисленны. Живостью и пылкостью своего нрава отецъ нажилъ себѣ много недоброжелателей. Они желали погубить его и всѣми средствами добивались этой цѣли. Нужно было много благоразумія, чтобы предупредить или отвратить ихъ козни.

Послѣ нѣсколькихъ дней одиночнаго заключенія, отцу было объявлено, что онъ будетъ отведенъ для допроса въ церковь францисканцевъ и что пойдетъ туда въ цѣпяхъ, между Форомъ и Робеномъ. Церковь эта была очень далеко отъ тюрьмы; нужно было пройти значительную часть города, чтобы добраться до нея. Тетушка моя въ совершенномъ отчаяніи объясняла, что братъ ея, постигнутый серьезною болѣзнію, втеченіе пяти дней не вставалъ съ постели, что онъ, вѣроятно, не въ состояніи даже держаться на ногахъ, а тѣмъ менѣе пройти пѣшкомъ такой длинный путь. Послѣ многихъ просьбъ она добилась наконецъ, что было разрѣшено его нести вслѣдъ за его товарищами въ бѣдѣ. Отецъ мой тутъ всталъ въ первый разъ со дня заключенія его въ тюрьму; онъ до тѣхъ поръ не принималъ никакой пищи; отъ слабости онъ не могъ сдѣлать шага, ни держаться на ногахъ, и принужденъ былъ сѣсть. Тюремщикъ далъ ему теплаго вина, потомъ кое-какъ дотащилъ его до носилокъ, на которыхъ должны были доставить его къ францисканцамъ; не будучи въ состояніи одѣться, онъ отправился въ халатѣ. Видъ человѣка совсѣмъ больнаго не тронулъ однако никого изъ этой изступленной толпы, которая, увидя моего отца, разразилась самыми ужасными ругательствами; гнѣвъ придалъ отцу силу, когда онъ услышалъ крики этого народа, такъ ожесточенно жаждавшаго его гибели. „Долой съ носилокъ! Пусть идетъ пѣшкомъ!“ Отецъ предупредилъ насиліе—онъ самъ всталъ и пошелъ. Шествіе было очень бурное. Когда достигли, наконецъ, францисканскаго монастыря, — церковь, которая служила залой для правосудія того времени, была наполнена бѣшеной толпой, требовавшей своей жертвы.

Женщины, новая порода тигровъ, хотѣли упиться его кровью, и нѣсколько разъ втеченіе допроса стража должна была въ нихъ прицѣливаться, чтобъ сдержать ихъ. Допросъ былъ публичный; къ великому счастію, болѣзнь почти лишила отца голоса; его рѣзкіе и исполненные горечи отвѣты, подсказываемые гнѣвомъ, могли-бы погубить его, если бы присутствовавшіе ихъ разслышали. Но отецъ говорилъ очень тихо, а шумъ былъ ужасный вокругъ него. Секретарь, какъ мы узнали позднѣе, записывая его отвѣты, придалъ имъ болѣе благопріятный оборотъ. Нѣкоторые изъ судей были за моего отца, другіе были противъ него, или давали поводъ сомнѣваться, посмѣютъ ли они вступиться за невиннаго.

Во время этого ужаснаго допроса насъ окружали многіе изъ знакомыхъ тетушки и намъ часто доставляли изъ суда извѣстія то успокоительныя, то снова тревожныя. Носильщики, которые долж-

ны были доставить отца въ судъ, разсказывая о пережитомъ ими страхѣ, сообщили его и намъ; представляя себѣ живо ярость этой безумной толпы, мы едва осмѣливались надѣяться снова увидѣть дорогое намъ лицо, бывшее предметомъ всѣхъ нашихъ заботъ. Одинъ изъ нашихъ родственниковъ, присутствовавшій при этой дикой сценѣ, замѣшанный въ толпѣ, вернулся, наконецъ, сообщить намъ, что отецъ мой, подвергавшійся самой крайней опасности, только что возвратился въ тюрьму. Всѣ наши желанія въ эту минуту сводились къ тому, чтобъ онъ былъ возвращенъ въ темницу. Какъ только тетушка моя получила разрѣшеніе повидаться съ нимъ послѣ допроса, мы тотчасъ отправились къ нему. Мы нашли его сидящимъ у камина въ сильномъ ознобѣ, происходившемъ скорѣе отъ гнѣва, чѣмъ отъ лихорадки, и совершенно подавленнымъ терзавшими его ощущеніями. Невозможно описать этого перваго свиданія; радость при видѣ насъ пролила нѣкоторое утѣшеніе въ его душу. Онъ былъ намъ возвращенъ! Но среди этого невыразимаго счастія, мы все чувствовали надъ собою остріе меча, который могъ еще поразить насъ каждую минуту, и гибель отца была можетъ быть лишь отсрочена!..

Мы застали у него аббата Папона; желая успокоить раздраженнаго отца, онъ усердно обращалъ его вниманіе на утѣшенія, которыя даетъ религія. Этотъ благочестивый священникъ былъ самъ узникомъ, приговореннымъ на годъ заключенія за то, что принялъ и распространялъ въ публикѣ папское посланіе. Впослѣдствіи онъ поплатился за это жизнью. Такъ какъ оппозиціонные [1]) священники были посажены въ тюрьму раньше, чѣмъ истекъ срокъ его заключенія, то онъ попалъ въ число этого опальнаго класса и умеръ въ тюрьмѣ, прежде чѣмъ водворилось болѣе умѣренное правительство.

Я не должна забыть здѣсь отдать справедливость добродѣтели тюремнаго смотрителя, который назывался Брюссель. Его доброта и гуманность никогда не измѣняли ему; онъ облегчалъ, насколько могъ, участь довѣренныхъ ему узниковъ: всѣ они находили въ немъ сострадательное сердце, вѣрнаго и преданнаго друга. Имя такого тюремщика должно перейти къ потомству. Глаза его наполнились слезами, когда онъ ввелъ насъ къ отцу, у котораго была просторная и чистая комната. Окно съ желѣзной рѣшеткой выходило на открытое поле. Но для того, чтобы достигнуть до этой комнаты, нужно было долго идти узкими и темными корридорами, въ которыхъ воздухъ былъ зараженъ зловоніемъ отъ госпиталя, переполненнаго больными.

Въ эти первые дни намъ предоставили свободу видѣть нашего дорогаго узника во всякое время и даже обѣдать съ нимъ. Онъ предложилъ свой обѣдъ аббату Папону, который помѣщался въ малень-

---

[1]) т. е. не согласившіеся дать присягу въ вѣрности новому церковному уложенію, установленному Національнымъ Собраніемъ безъ согласія папы.

комъ уголкѣ, отгороженномъ въ этой же комнатѣ. Форъ также приходилъ раздѣлять ихъ трапезу. Всѣ наши знакомые приходили навѣщать отца; страхъ не успѣлъ еще парализовать добрыя чувства и каждый спѣшилъ выказать отцу живѣйшее участіе. Если бы стѣны этой комнаты постоянно не напоминали блуждавшимъ по нимъ взорамъ, что это тюрьма, то можно было бы подумать, что находишься въ блестящемъ салонѣ. Дамы города Мулена находили своего рода славу въ публичномъ заявленіи своего уваженія къ жертвѣ несправедливости.

Однако отецъ мой не могъ выносить своей судьбы; онъ съ горечью раздумывалъ о неблагодарности народа и о звѣрскихъ замыслахъ, въ которыхъ его обвиняли; онъ рѣзко выражалъ свое раздраженіе и заставлялъ насъ трепетать отъ страха каждый разъ, какъ муниципальные чиновники приходили спрашивать его, хорошо ли ему и не имѣетъ ли онъ какихъ либо жалобъ. „Я жалуюсь лишь на то, что я здѣсь"! отвѣчалъ онъ разгнѣваннымъ голосомъ. Всякій день тотъ же самый вопросъ вызывалъ такой же отвѣтъ и причинялъ намъ тѣ же опасенія. Отецъ мой, прохаживаясь большими шагами по комнатѣ, не удостоивалъ даже взгляда муниципаловъ, которые всякій разъ уходили болѣе прежняго недовольные.

Доказательства участія, такъ гласно заявляемаго отцу, не замедлили внушить недовольство, и скоро не только посѣщенія постороннихъ были запрещены, но самый доступъ въ тюрьму былъ разрѣшенъ только по одному лицу на каждый день. Я отправлялась туда обыкновенно въ 7 часовъ утра. Часовые, которые часто смѣнялись, большею частію забывали, что я вошла. Было ли то по недостатку памяти, или по ихъ доброму расположенію, но тетушка моя, являвшаяся около 12 часовъ, всегда допускалась ими безъ затрудненія. Мы обѣдали вмѣстѣ и уходили изъ тюрьмы очень поздно. Не могу выразить грустнаго чувства, какое я испытывала при возвращеніи въ нашъ одинокій и запустѣлый домъ, гдѣ не было слышно другаго звука, кромѣ криковъ и жалобъ моей сестры. Одиллія не могла принимать участія въ нашемъ положеніи, каково бы оно ни было; ея собственное состояніе не могло измѣниться; ей жизнь давала о себѣ знать лишь одними страданіями и отсутствіе разсудка лишало ее сознанія какъ ея собственнаго, такъ и нашего несчастія.

Старый слуга, по имени Саапа, оставилъ насъ тотчасъ послѣ ареста моего отца. Зараженный новыми идеями, онъ смотрѣлъ на насъ какъ на чудовищъ и, чтобъ избѣжать заразы аристократизма, онъ покинулъ нашъ домъ и даже пересталъ кланяться намъ при встрѣчѣ. Пресловутая свобода того времени для многихъ состояла только въ томъ, что давала право быть неблагодарнымъ или жестокимъ. Исторія этого Саапа, называвшагося также Петромъ, довольно странная. Онъ былъ сынъ Венеціанскаго дворянина, который, вслѣдствіе неравнаго брака, заключеннаго противъ желанія родителей, былъ принуж-

денъ искать убѣжища во Франціи, гдѣ онъ и поселился въ провинціи Ниверне. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ надеждѣ на примиреніе съ родственниками, онъ отправился на родину, оставивши двухъ сыновей своихъ людямъ, которыхъ онъ считалъ вполнѣ достойными довѣрія, и вручилъ имъ при этомъ довольно значительную сумму денегъ съ тѣмъ, чтобы дать дѣтямъ образованіе, соотвѣтствующее ихъ званію. Но эти лица употребили во зло ввѣренный имъ залогъ: они присвоили себѣ деньги, а мальчиковъ заставили пасти поросятъ. Умерли ли родители, или же бракъ ихъ былъ расторгнутъ, только дѣти болѣе не слышали о нихъ и остались въ положеніи слугъ. Оба они поступили въ солдаты. Петръ совершилъ свой первый походъ подъ начальствомъ моего дѣда. Бабка моя, узнавши исторію Петра, разсмотрѣла и другимъ дала на просмотръ его бумаги и предложила ему похлопотать о возстановленіи его правъ. А такъ какъ она была знатокомъ въ такихъ дѣлахъ, то можно предположить, что его притязанія были основательны. Но холопство принизило духъ этихъ двухъ братьевъ; и тотъ и другой предпочли жить и умереть слугами, чѣмъ заводить процессъ, который только нарушилъ бы ихъ покой и исходъ котораго имъ, можетъ быть, казался сомнительнымъ. Неблагодарный Саапа умеръ въ госпиталѣ. Этотъ человѣкъ находился въ нашемъ домѣ около 50 лѣтъ; всѣ мы къ нему относились со вниманіемъ, на которое имѣетъ право старый слуга, сдѣлавшійся почти членомъ семьи; къ тому же его дворянское происхожденіе мѣшало смотрѣть на него, какъ на обыкновеннаго слугу. Его неблагодарность крайне огорчила насъ.

Я испытала въ это время сильное горе—отдаленіе лучшей моей подруги; не то, чтобы я обвиняла ее въ охлажденіи ко мнѣ, но я была оскорблена поведеніемъ ея родителей, которые изъ страха скомпрометировать себя запретили ей видѣться со мной: дверь ея осталась для меня закрытой. До какой степени я чувствовала себя оскорбленной! Это была первая рана, нанесенная моему сердцу. Отецъ моей подруги, часто посѣщавшій мою тетушку въ счастливые дни ея жизни, употреблялъ всѣ старанія, чтобы избѣгать ея, какъ только на насъ обрушилась бѣда. Его дочь Юлія должна была послѣдовать его примѣру. Новое подтвержденіе истины, извѣстной всѣмъ людямъ, но всегда новой, потому что всѣ объ ней забываютъ: въ несчастіи бываетъ мало друзей.

Имѣлось въ виду перевести моего отца въ Орлеанъ [1]), гдѣ уже было собрано множество заключенныхъ, занимавшихъ прежде видное

---

[1]) Національное Собраніе учредило особый верховный судъ по политическимъ преступленіямъ—Haute Cour Nationale, который долженъ былъ засѣдать въ Орлеанѣ, и потому самыя важныя лица, преданныя суду по политическимъ дѣламъ, какъ напр., министръ Делессаръ, д'Абанкуръ, герц. Бриссакъ и др. были отправлены туда.
Прим. пер.

положеніе, которые позднѣе были переведены въ Версаль и перерѣзаны тамъ въ королевской оранжереѣ. Тетушка моя, предчувствуя ихъ судьбу, употребила въ дѣло все, для того чтобы отца судили въ Муленѣ, надѣясь, что участіе, которое сохраняли еще къ нему нѣкоторые изъ судей и изъ жителей города, послужитъ въ его пользу. Насколько я могу припомнить, взгляды моей тетушки были большею частію вѣрны, а ея предусмотрительность замѣчательна; она рѣдко ошибалась въ своихъ сужденіяхъ о тогдашнихъ событіяхъ. У этой свѣтской женщины, остроумной и извѣстной своими тонкими и колкими шутками, въ это время развился замѣчательный характеръ и, отбросивъ суетныя достоинства, которыми такъ дорожитъ свѣтъ, она предстала предъ всѣми въ своемъ истинномъ душевномъ величіи. Мы были уже многимъ ей обязаны. Ея преданность семьѣ была безгранична, какъ и ея великодушіе. Впослѣдствіи мы жили исключительно на счетъ ея благодѣяній; мы пользовались не только ея доходами, но и деньгами, вырученными ею за одно имѣніе, которое она не колеблясь продала, чтобы поддерживать насъ.

Для того чтобы сдѣлать время, проводимое въ тюрьмѣ, менѣе скучнымъ и длиннымъ и съ пользою употребить его, Форъ давалъ мнѣ уроки географіи, математики и физики. Желая внести разнообразіе въ монотонныя занятія, наполнявшія мои часы въ этомъ печальномъ мѣстѣ, онъ досталъ электрическую машинку, чтобъ производить для меня различные опыты. Эти невинныя забавы возбудили подозрѣніе, или, лучше сказать, они послужили страннымъ средствомъ преслѣдованія, которымъ не замедлили воспользоваться, и скоро онѣ были запрещены. Жара стояла ужасная; впродолженіе 8 дней подъ рядъ были сильныя грозы; нѣсколько разъ молнія падала въ самомъ городѣ; нѣкій Г..., доносчикъ на моего отца, былъ убитъ молніей въ то время, какъ скакалъ верхомъ по большой дорогѣ; онъ былъ ревностный патріотъ. Его похоронили съ большими почестями, особенно потому, что онъ былъ врагомъ отца. Но откуда же столько несчастныхъ случаевъ? Кто навлекалъ столько бѣдъ на городъ и на гражданъ?—Все мой отецъ, который, производя физическіе опыты, не имѣлъ другой цѣли, какъ направить молнію на Муленъ и навлечь бѣду на его жителей. Такая басня была во вкусѣ народа; въ ней было что-то чудесное и для него непостижимое. Съ этихъ поръ въ народѣ установилось убѣжденіе, что ему грозитъ опасность; никто не думалъ о томъ, что отецъ мой, жившій въ башнѣ, въ самой возвышенной части города, болѣе всѣхъ подвергался опасности отъ грозы; но за этотъ слухъ всѣ ухватились съ жаромъ, такъ какъ онъ подавалъ поводъ къ новому притѣсненію. Электрическую машину у насъ отняли. Всякаго рода опыты и занятія были строжайше запрещены. Нищіе, сидѣвшіе подъ окномъ тюрьмы, обвиняли отца въ томъ, будто онъ бросалъ имъ деньги сквозь рѣшетку, чтобы склонить ихъ исполнять его тайныя порученія. Приходилось отказаться

и отъ подаянія милостыни бѣднымъ, и со страхомъ подходить къ окну, чтобы подышать чистымъ воздухомъ. Кто не знаетъ теперь, что̀ такое пребываніе въ тюрьмѣ и какъ въ ней длится каждая минута? Болѣе стѣсненный, чѣмъ когда либо, отецъ мой съ грустью считалъ каждый часъ, когда одно непредвидѣнное событіе принесло съ собой необычайную радость, свѣтлую, безкорыстную, и я не могу отказаться отъ удовольствія озарить отраднымъ лучемъ эти печальныя страницы.

Не припомню хорошенько, въ какомъ именно селѣ нашего департамента найденъ былъ среди ночи крестьянинъ возлѣ приходскаго священника, который оказался смертельно раненымъ. Священникъ успѣлъ только протянуть къ нему свою слабѣющую руку и умеръ, произнося его имя. Въ этомъ единственномъ словѣ заключался смертный приговоръ. Этотъ человѣкъ держалъ еще въ рукахъ окровавленный ножъ, платье его было все въ крови; дѣло было ночью, священникъ самъ его назвалъ; сколько уликъ соединилось противъ него! Его арестуютъ тотчасъ, дѣлаютъ допросъ: онъ говоритъ, что пришелъ на помощь своему пастырю, что онъ боролся съ убійцей, и утверждалъ, что онъ невиненъ.

Всякій, кто зналъ этого человѣка, сожалѣлъ о немъ и вѣрилъ его невинности. До этого онъ всѣмъ былъ извѣстенъ своею честною жизнью. Но всѣ обстоятельства обвиняли его; напрасно упорствовалъ онъ, отрицая справедливость обвиненія. Чрезвычайно расположенный въ пользу подсудимаго всѣми заявленіями о его добронравности, судъ не рѣшился приговорить его къ смерти, но не посмѣлъ и оправдать его. Не даромъ правосудіе изображается съ завязанными глазами. Онъ былъ приговоренъ къ 20 лѣтнему заключенію въ кандалахъ. Двадцать лѣтъ! Этотъ несчастный предпочелъ бы смерть; онъ былъ отцомъ многочисленнаго семейства, и теперь позоръ сдѣлался не только его собственнымъ удѣломъ, но и наслѣдіемъ, которое онъ оставлялъ своимъ дѣтямъ. Онъ томился въ тяжкихъ страданіяхъ и отчаяніи, пораженный жестокою болѣзнію, которая до сихъ поръ предохраняла его отъ тюрьмы, гдѣ онъ долженъ былъ медленно умирать втеченіе 20 лѣтъ. Онъ изнемогъ бы подъ бременемъ столькихъ страданій безъ попеченій и человѣколюбія тюремщика, безъ духовнаго утѣшенія аббата Папона, и безъ хорошей, укрѣпляющей пищи, которую онъ получалъ со стола моего отца. Но вдругъ насталъ день, котораго я никогда въ жизни не забуду: ему была возвращена честь и семья, онъ будетъ жить, онъ можетъ жить, его невинность признана! Такое громадное счастіе, столь неожиданное, было чуть не выше его силъ. Ріомскій судъ незадолго передъ этимъ приговорилъ къ смерти одного преступника, уличеннаго во многихъ злодѣяніяхъ. Передъ самой казнью онъ объявилъ, что прежде чѣмъ умереть, хочетъ осчастливить одного чоловѣка; что въ тюрьмахъ Мулена находится одинъ невинный, осужденный вмѣсто него, и который дѣй-

ствительно прибѣжалъ, чтобъ защитить своего священника въ ту минуту, какъ онъ его убилъ. Какими словами передать блаженное чувство, охватившее наши сердца? Только сердцемъ и возможно это понять. Честный человѣкъ этотъ, который едва былъ въ состояніи пережить потрясеніе отъ такого неожиданнаго счастія, вскорѣ выздоровѣлъ и вернулся домой, щедро надѣленный дарами и благословеніями всѣхъ.

Въ тюрьмѣ еще сидѣло много крестьянъ, приговоренныхъ къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ ареста за оскорбленіе сельскаго старосты и за то, что они выбросили изъ церкви его скамью. „Вишь ты", говорилъ молодой и красивый крестьянинъ, „они сожгли скамью нашего добраго господина, а сами хотятъ имѣть свои скамьи. А я не хотѣлъ, чтобы старостиха (mairesse) чванилась въ церкви, какъ барыня; можетъ и постоять, какъ и мы!"

Не помню теперь, въ какомъ именно сосѣднемъ городѣ одинъ крестьянинъ былъ приговоренъ за подобнаго же рода проступокъ простоять нѣсколько часовъ у позорнаго столба. Бѣдняга былъ въ отчаяніи, что будетъ выставленъ предъ всѣмъ населеніемъ, какъ негодный преступникъ. Среди молодежи нашлись молодцы, которые, узнавъ о его горѣ, приняли въ немъ участіе. Едва крестьянинъ показался у позорнаго столба, какъ послушные часы пробили 12,—часъ, когда должно было кончиться его наказаніе. Тогдашнія судебныя власти закрыли глаза на эту невинную продѣлку и крестьянинъ былъ уведенъ.

День, назначенный для суда надъ моимъ отцомъ, приближался, а вмѣстѣ съ нимъ и самыя мучительныя опасенія; мы сомнѣвались въ справедливости этого суда. Всѣ извѣстія, которыя тогда получались, были весьма тревожныя; смятеніе умовъ было всеобщее. Франція, надъ которой висѣли грозовыя тучи, таила въ своихъ нѣдрахъ людей, полныхъ преступныхъ замысловъ, нетерпѣливо ожидавшихъ случая ихъ осуществить. Всѣ жили точно на волканѣ. Мы проводили тревожные дни и безсонныя ночи. Въ числѣ судей было нѣсколько враговъ отца, и услужливые люди, которые всегда находятся въ такихъ случаяхъ, дали ему знать, что нѣсколько голосовъ будетъ за смертную казнь. Такимъ образомъ прошелъ второй мѣсяцъ его заключенія.

Это было въ первыхъ числахъ августа; мы сидѣли у отца въ темницѣ, утомленные тяжелыми думами, и глядѣли, какъ заходило солнце, или скорѣе, какъ угасалъ свѣтъ. Было уже довольно поздно и темно, когда къ намъ вошелъ тюремщикъ съ бумагою въ рукахъ. Онъ шатался, плакалъ и, не будучи въ состояніи ни говорить, ни держаться на ногахъ, присѣлъ. Неужели онъ принесъ смертный приговоръ? „Что случилось, г. Брюссель? Что это за бумага?" спросилъ отецъ.—Вы свободны, „сударь, проговорилъ наконецъ этотъ добрякъ, возвышая голосъ и едва находя слова отъ радостныхъ слезъ; — вы свободны! — Отецъ мой сжалъ его въ своихъ объятіяхъ. Его первымъ

словомъ, послѣ благодарности Богу, было выраженіе признательности смотрителю тюрьмы за его добрыя попеченія. Потомъ, простившись со своими товарищами, отецъ оставилъ тюрьму и вернулся домой.

Какое сладкое и вмѣстѣ грустное воспоминаніе сохранилось у меня объ этомъ возвратѣ подъ родной кровъ, во мракѣ ночи и чуть не украдкой! На другой день, какъ только разнеслась вѣсть объ освобожденіи отца, всѣ явились къ нему съ поздравленіями.

Мы были обязаны этимъ торжествомъ г. Конни де-ля-Фе, предсѣдателю суда; это былъ человѣкъ рѣдкихъ достоинствъ, всѣми признанной честности, во всѣхъ отношеніяхъ достойный занимаемой имъ должности и пользовавшійся общимъ уваженіемъ. Этотъ неподкупный судья безъ страха возвысилъ свой краснорѣчивый голосъ въ пользу невинной жертвы, уже обреченной на закланіе.

Въ своей заключительной рѣчи онъ съумѣлъ тронуть всѣ сердца и убѣдить всѣ умы. Въ эту торжественную минуту какъ нарочно разразилась страшная гроза; онъ тотчасъ взываетъ къ небу, какъ свидѣтелю своей любви къ справедливости и своего усердія отстаивать ее; грозитъ небеснымъ гнѣвомъ сердцамъ, готовымъ измѣнить правдѣ; насильно вырываетъ у этихъ слабыхъ или развращенныхъ людей жизнь и свободу того, чью гибель они замышляли. Отецъ былъ оправданъ... Г. де-ля-Фе спасъ невиннаго. Въ нашихъ сердцахъ сохранится вѣчная благодарность за его подвигъ, за который одинъ Богъ можетъ вознаградить его.

Какъ я измѣнилась за эти два мѣсяца! Дѣтство мое разомъ кончилось. Куда дѣвались безпечныя забавы, игривыя мечты и веселый смѣхъ; возрастъ мой еще требовалъ ихъ, но я уже не могла находить въ нихъ удовольствія; мой разсудокъ, преждевременно развитый, увлекалъ меня за предѣлы моихъ дѣтскихъ силъ. Мнѣ не доставало извѣстнаго равновѣсія и моя вѣра въ будущее была поколеблена; несчастье настигло меня.

ГЛАВА IV.

Отецъ мой отправляется въ Ліонъ.—Арестъ офицеровъ Королевско-Польскаго полка. — Мы поселяемся въ предмѣстьи Везъ. — Отецъ принужденъ бѣжать.— Убійства 9 сентября 1792 г. по случаю прохода марсельцевъ.

Тотчасъ по выходѣ изъ тюрьмы, отца моего принудили удалиться. Ему дано было три дня, чтобы привести свои дѣла въ порядокъ и оставить Муленъ. Находили, что его присутствіе могло нарушить спокойствіе города.

Такъ какъ народъ выражалъ неудовольствіе по случаю его освобожденія, то стража, данная ему для охраны, была удвоена. Не дож-

давшись даже положенныхъ трехъ дней, мы отправились въ свое помѣстье Ешероль, находившееся въ двадцати верстахъ отъ Мулена, гдѣ отецъ надѣялся дождаться своихъ вещей и составить планъ путешествія; но едва успѣли мы пріѣхать на мѣсто, какъ вслѣдъ за нами прибыли нѣкоторые изъ нашихъ друзей, чтобы предупредить насъ о господствовавшемъ броженіи въ народѣ. Собирались многочисленныя толпы; говорили о томъ, что нужно идти на Ешероль, сжечь замокъ и снова овладѣть узникомъ, котораго вырвали у нихъ. Такъ какъ нельзя было предвидѣть послѣдствій этого движенія, то осторожность требовала не дожидаться его. Но куда дѣваться? Теперь уже не могло быть и рѣчи о поѣздкѣ въ Парижъ, потому что пришлось бы ѣхать чрезъ Муленъ. Отецъ мой остановился на Ліонѣ и не медля отправился въ путь, въ повозкѣ, со своимъ фермеромъ Аликсомъ, который сѣлъ рядомъ съ нимъ. Подъ вечеръ они проѣзжали черезъ маленькій городокъ Варенъ; настроеніе здѣсь было неблагонадежное и отецъ легъ вдоль повозки; Аликсъ прикрылъ его своею шинелью и, выдвинувшись нѣсколько впередъ, благодаря своей полнотѣ и толстому пальто могъ легко скрыть отца отъ любопытныхъ взоровъ. Онъ имѣлъ видъ, будто ѣдетъ одинъ; отвѣчалъ непринужденно на вопросы, съ которыми обращались къ нему, и такъ какъ всѣ уже привыкли, что онъ во всякое время проѣзжалъ здѣсь по своимъ дѣламъ, то его не задержали.

Отецъ мой благополучно прибылъ къ тому самому Ноальи, которому онъ спасъ жизнь, и былъ принятъ съ признательностію, на которую имѣлъ полное право, но которая не всегда встрѣчается. Мы догнали его здѣсь на другой день, но, боясь компрометировать Ноальи своимъ пребываніемъ, отправились въ городъ Роанъ, гдѣ отцу пришлось прожить нѣкоторое время въ ожиданіи важныхъ бумагъ, которыя онъ не успѣлъ захватить съ собою вслѣдствіе быстраго отъѣзда. Пребываніе въ этомъ городѣ было не безопасно, по близости его отъ Мулена, но мы не знали еще, куда намъ направиться; безпорядки, обнаружившіеся со всѣхъ сторонъ, заставляли отца колебаться въ выборѣ пути, потому что отъ этого рѣшенія зависѣла наша безопасность. Общее броженіе росло съ часу-на-часъ; ходила молва о трагическихъ событіяхъ. Кровь уже лилась въ Парижѣ; глухіе, отдаленные слухи доходили до насъ, не разрѣшая нашихъ недоумѣній. Опасность чувствовалась повсюду, гроза гремѣла уже у насъ надъ головой; почва колебалась подъ нами. Куда бѣжать? Едва отецъ пріѣхалъ въ Роанъ, какъ нѣсколько офицеровъ Пантьеврскаго полка, стоявшаго гарнизономъ въ этомъ городѣ, явились къ нему. Настоящія невзгоды и то, что еще готовило впереди будущее, занимали всѣ умы. Всѣ совѣщались между собою о трудныхъ обстоятельствахъ времени. Во многихъ полкахъ офицеры были убиты солдатами; тѣ, которые явились къ моему отцу, ожидали и себѣ подобной же участи. „Новые принципы подкапываютъ въ основаніи дисциплину“, говорилъ одинъ изъ нихъ,

Нетанкуръ. „Всякое повиновеніе исчезаетъ и намъ не остается другаго убѣжища, какъ Кобленцъ“. Такимъ образомъ, все наталкивало на эмиграцію.

Наконецъ, событіе 10-го августа [1]) 1792 года прогремѣло по всей Франціи. Слишкомъ извѣстный Шалье [2]), возвращаясь въ Ліонъ изъ Парижа, воспользовался своимъ быстрымъ проѣздомъ въ Роанѣ для проповѣдыванія въ немъ новаго ученія; съ высоты имперіала дилижанса онъ громко разглагольствовалъ и жестикулировалъ, призывая народъ къ познанію благодѣяній 10-го августа. Уста его извергали проклятія и богохульства; словно кровавая лава лилась съ его нечестивыхъ устъ и сообщала его пылъ волнующейся кругомъ толпѣ. Какъ теперь слышу еще страшныя слова, которыми заканчивалась рѣчь этого бѣсноватаго: „Братья и друзья! Вы уничтожили позорную Бастилію, но вы разорили только однѣ стѣны; васъ ожидаетъ работа прекраснѣе первой. Снимайте головы, и вы будете свободны. Долой королей, смерть тирану! Да здравствуетъ народъ! да здравствуетъ свобода!“ Дилижансъ уже двинулся, а онъ все еще кричалъ: „Смерть тирану!“ Подобная сцена заставила моего отца понять опасность долгаго пребыванія въ такой близости отъ Мулена въ маленькомъ городкѣ, гдѣ мы были слишкомъ на виду. Лучше было искать спасенія въ толпѣ, чтобы потеряться въ ней. Множество семействъ, покинувшихъ свой кровъ, искали убѣжища въ Ліонѣ; отецъ мой также предпочелъ отправиться туда. Мы встрѣчали по дорогѣ много родныхъ, знакомыхъ, которые бѣжали отъ преслѣдованій, угрожавшихъ имъ дома. Г-жа де-ля-Рошфуко была въ этомъ числѣ; путешествуя подъ именемъ кормилицы своихъ дѣтей, она держала передъ собою на подушкѣ двухъ дѣвочекъ-близнецовъ, которыхъ сама кормила,—трогательное зрѣлище, вызывавшее участіе и служившее защитой для матери и дѣтей.

Въ Ліонѣ мы остановились въ гостинницѣ „Миланѣ“, на площади Терро̀, и на другой день отецъ мой отправился въ ратушу, чтобы представить наши паспорты и просить разрѣшенія поселиться въ Ліонѣ. „Для чего вы сюда пріѣхали?“ спросили его.—Для того, чтобы обратиться за совѣтомъ къ здѣшнимъ искуснымъ медикамъ. „Что-жъ! Вы можете завтра просить совѣта, а послѣ завтра уѣхать“. Было бы гораздо лучше, можетъ быть, если бы мы исполнили это приказаніе. Отецъ мой вышелъ, ничего не сказавши въ отвѣтъ и спрашивая себя: „Что дѣлать? Куда направиться?“ Весь день прошелъ въ этой неизвѣстности; вечеромъ, желая показать мнѣ до отъѣзда залу театра, которая славилась своею архитектурой, отецъ взялъ меня съ собой

---

[1]) Когда парижская чернь захватила силой Тюльери и заставила Законодательное Собраніе провозгласить низложеніе Людовика XVI. Прим. пер.

[2]) Шалье былъ яростнымъ якобинцемъ въ Ліонѣ. Онъ былъ однимъ изъ виновниковъ несчастій этого города. Прим. авт.

на представленіе. Давали „Павла и Виргинію“. Г-жа Шевалье, которая впослѣдствіи составила себѣ имя въ Россіи, исполняла роль Виргиніи съ талантомъ и граціей. Я никогда не видѣла такого чудеснаго представленія и до того любовалась имъ, что забыла про все остальное, какъ вдругъ зала была потрясена громовыми звуками „Марсельезы“. Весь партеръ былъ наполненъ пресловутыми марсельцами. Прибывъ въ Ліонъ наканунѣ, они отправились въ Парижъ, сами не зная, можетъ быть, какому кровавому дѣлу они предназначены были содѣйствовать. Кому неизвѣстенъ этотъ чудный марсельскій гимнъ, его мужественная сила, его могущество вселять въ сердца отвагу. Мы вернулись домой объятые трепетомъ.

На другой день послѣ этой сцены мы увидѣли возлѣ ратуши столпившуюся массу народа, а вскорѣ мимо нашихъ оконъ провели офицеровъ Польскаго-Королевскаго полка, арестованныхъ ихъ собственными солдатами, къ которымъ присоединились солдаты Вексинскаго полка, уже извѣстные своими буйствами. Ихъ вели въ замокъ Пьеръ-Сизъ, государственную тюрьму. Безчисленная толпа, въ одно и то же время радостная и жестокая, сопровождала несчастныхъ. Этотъ бѣшеный потокъ уже пронесся мимо, а мы все еще стояли безмолвно, оцѣпенѣвъ отъ ужаса. Каждый день, каждое мгновеніе вскрывало новую опасность; становилось какъ-то жутко жить. Ни одной минуты нельзя было имѣть увѣренности, что доживешь до слѣдующей.

Двое изъ офицеровъ, посѣтившихъ насъ въ Роанѣ, Нетанкуръ и де-Боскъ, находились у моего отца въ ту минуту, когда ихъ несчастные товарищи проходили мимо, сопровождаемые разъяренною солдатчиной; они были встревожены участью своихъ друзей между офицерами Польскаго-Королевскаго полка. Задумавшись надъ собственнымъ положеніемъ, они предвидѣли, что ихъ постигнетъ такая же участь, и рѣшились, не ожидая ея, эмигрировать.

Между тѣмъ необходимо было рѣшить, куда намъ дѣваться, и надо было рѣшить это немедленно. Не зная, что̀ предпринять, отецъ отправился къ сыну Ноальи, чтобы спросить его совѣта и довѣриться его предусмотрительности, надѣясь найти въ немъ участіе въ память того, что̀ онъ сдѣлалъ для его отца; и онъ не ошибся въ этомъ. Сынъ Ноальи принялъ моего отца съ любовью и употребилъ всѣ усилія, чтобы доказать на дѣлѣ свою признательность. Онъ жилъ въ предмѣстьѣ Везъ и сейчасъ же предложилъ отцу остаться здѣсь. Въ то время каждое предмѣстье имѣло свое особенное муниципальное управленіе; въ предмѣстьѣ Везъ оно состояло изъ очень порядочныхъ людей. Согласно съ просьбой Ноальи, который поручился за насъ, оно разрѣшило отцу поселиться здѣсь, и мы, такимъ образомъ, обошли приказъ уѣхать изъ Ліона. Нашъ переѣздъ ограничился этимъ предмѣстьемъ, гдѣ намъ удалось найти хорошенькое помѣщеніе у г. Серизіо, богатаго хлѣбнаго торговца. Квартиру на̀-скоро меблировали и мы

поспѣшили переѣхать въ нее, чтобы укрыться отъ недоброжелательнаго вниманія, съ какимъ слѣдили за каждымъ шагомъ вновь пріѣзжихъ. Г. Ноальи и жена его, хорошенькая и милая особа, были очень пріятнымъ знакомствомъ для отца и тетушки, часто проводившихъ у нихъ вечера. Тамъ же мы познакомились съ г-мъ и г-жей Гишаръ, чья дружба впослѣдствіи оказалась великимъ благомъ, за которое мы были обязаны нашимъ бѣдствіямъ. Близкое сосѣдство, наше одиночество, а болѣе всего ихъ ласковый пріемъ, заставляли насъ часто посѣщать ихъ. Такъ образовалась связь, которая впослѣдствіи была для насъ истиннымъ счастіемъ.

Прошло всего нѣсколько дней, какъ мы устроились въ нашемъ новомъ жилищѣ, когда отецъ мой получилъ письмо отъ маркиза Піоланъ, жившаго въ Шамбери, который, предполагая, что мы еще въ Муленѣ, просилъ моего отца пріютить его дочерей, оставшихся въ этомъ городѣ безъ крова и безъ защиты. Онѣ были помѣщены въ монастырѣ ордена визитандинокъ, въ томъ самомъ, гдѣ я ихъ часто навѣщала, гдѣ я такъ любовалась знаками отличія на нихъ, свидѣтельствовавшими о ихъ благоразуміи и успѣхахъ, гдѣ, наконецъ, мнѣ самой такъ хотѣлось быть вмѣстѣ съ ними. Въ то время эти мирныя обители, вовлеченныя въ общую смуту, уже не представляли болѣе убѣжища для благочестивыхъ дѣвушекъ, жившихъ въ нихъ. Насильственно изгнанныя изъ своей обители, монахини уже не были въ состояніи защитить дѣтей, порученныхъ ихъ попеченіямъ. Благодаря одной пріятельницѣ, которая взялась замѣнить въ этомъ случаѣ моего отца, наши двѣ маленькія пансіонерки были доставлены къ намъ въ Ліонъ въ дилижансѣ. При видѣ Агаты и Дезирѐ мнѣ казалось, что вмѣстѣ съ ними вернулась и моя юность, — говорю вернулась, потому что, несмотря на мои двѣнадцать лѣтъ, во мнѣ не было не только ничего дѣтскаго, но даже и молодаго. Воспоминанія дѣтства были еще такъ близки, что они живо проснулись во мнѣ. Мы провели три очень счастливыхъ дня, желая отъ всей души, чтобы человѣкъ, который долженъ былъ за ними пріѣхать, былъ задержанъ въ дорогѣ.

Домъ Гишара былъ какъ разъ напротивъ нашего; мы отправлялись туда каждый вечеръ, и пока наши родители бесѣдовали о невзгодахъ того времени, мы весело бѣгали по обширному саду съ Анетой, дочкой г-жи Гишаръ, бывшей почти однихъ лѣтъ со мною. 9 сентября, желая воспользоваться хорошею погодою, мы собрались въ саду ранѣе обыкновеннаго и весело прыгали подъ великолѣпными деревьями, украшавшими этотъ садъ, какъ вдругъ наши игры неожиданно были прерваны. На всѣхъ лицахъ изобразилось смущеніе и испугъ, раздались какіе-то дикіе крики; подобно свирѣпой бурѣ сталъ доноситься до насъ гулъ и ревъ народа и наполнилъ страхомъ наши сердца. Г. Гишаръ съ моимъ отцомъ поднялись на скалу, находившуюся въ возвышенной части этого большого сада, чтобъ посмотрѣть вокругъ, что̀ случилось. Они сошли внизъ въ невырази-

комъ ужасѣ: въ это время происходило избіеніе заключенныхъ въ тюрьмѣ Пьеръ-Сизъ. Пьеръ-Сизъ—замокъ, служившій государственной тюрьмой, былъ построенъ на уединенной и довольно возвышенной скалѣ, которая была впослѣдствіи взорвана. Тамъ содержались и офицеры Польскаго-Королевскаго полка. Они уже ранѣе были обречены въ жертву народной ярости и теперь толпа требовала себѣ этихъ несчастныхъ съ громкими криками. Увѣряютъ, будто ліонскій городской голова еще за два дня до того получилъ приказъ ихъ выпустить на свободу, но что онъ считалъ ихъ смерть необходимой для успѣха революціоннаго движенія. Я не стану входить въ разсужденія по этому поводу и ограничусь лишь повтореніемъ того, что я слышала отъ самого маркиза де-Бельсиза, бывшаго въ то время комендантомъ форта.

Вите, бывшій ліонскимъ мэромъ въ эту роковую эпоху, явился разъ утромъ къ де-Бельсизу предупредить его о дурномъ настроеніи умовъ и о своемъ опасеніи, чтобы не сдѣлано было попытки вырвать арестантовъ изъ ихъ убѣжища. Де-Бельсизъ, котораго подагра дѣлала безпомощнымъ, несомый на носилкахъ, осмотрѣлъ вмѣстѣ съ мэромъ всѣ части замка, особенно важныя для обороны, увѣряя мэра, что при помощи нѣсколькихъ лишнихъ пушекъ и усиленнаго гарнизона онъ отвѣчаетъ за замокъ и за арестантовъ. Мэръ все наобѣщалъ и не прислалъ ничего.

Къ вечеру народъ сталъ собираться у стѣнъ Пьеръ-Сиза [1]; толпа была несмѣтная; она грозила, кричала, хотѣла проникнуть за ограду; поговаривали о томъ, чтобы взлѣзть на стѣны. По ступенькамъ, высѣченнымъ въ скалѣ, этотъ бѣшеный людъ взбирается вверхъ, требуетъ ключей крѣпости, грозя взломать ворота. Де-Бельсизъ, не получившій никакой помощи, не имѣя никакихъ средствъ защиты, былъ подавленъ ужасомъ своего положенія; не будучи въ силахъ ходить, слишкомъ хорошо предвидя послѣдствія насилія, которому онъ не въ состояніи былъ противиться, этотъ слабый и несчастный старикъ, удрученный столькими страданіями, не могъ показаться самъ народу. Вмѣсто него дочь его приняла этотъ опасный вызовъ. Эта молодая дѣвушка, обладавшая необыкновеннымъ мужествомъ, явилась одна передъ толпою и объявила громкимъ и твердымъ голосомъ, что она передастъ ключи только тому, кто имѣетъ право ихъ требовать. Молчаніе, водворившееся при ея первыхъ словахъ, продолжалось еще нѣсколько минутъ отъ чувства изумленія, которое внушила этой раздраженной толпѣ спокойная энергія слабой женщины. Когда же требованіе ключей снова возобновилось, она выступила впередъ, чтобы передать ихъ городскому головѣ, находившемуся тутъ же. Эти ключи какъ-то выскользнули у нея изъ рукъ и упали на землю; она подняла

[1] Надо замѣтить, что марсельцы отложили свой отъѣздъ въ Парижъ, чтобъ принять участіе въ этихъ неистовствахъ. Прим. авт.

ихъ съ величайшимъ хладнокровіемъ и, кладя ихъ въ руку мэра Вите, стала говорить ему объ обязанности, которую онъ беретъ на себя, о святости ввѣряемаго ему залога, о помощи, которую онъ долженъ оказывать несчастнымъ... Запомнилъ ли онъ все это?

Между тѣмъ несчастныхъ арестантовъ, которымъ грозила гибель, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ пересчитали и заперли въ одну комнату по приказанію мэра, подъ предлогомъ, что такимъ образомъ легче будетъ предохранить ихъ отъ опасности. Самъ мэръ заперъ дверь комнаты, гдѣ находилось 9 жартвъ, обѣщанныхъ послѣдователямъ Шалье. „Снимайте головы", сказалъ онъ имъ—и эта кровожадная орда стала требовать ихъ.

Какъ только ключи форта очутились въ рукахъ мэра Вите, ворота были открыты, и толпа, ворвавшаяся вслѣдъ за этимъ угодливымъ мэромъ, разлилась во всѣ стороны горючей лавой, отмѣчая вездѣ свое теченіе разрушеніемъ и убійствами. Она безъ труда нашла жертвы, приготовленныя заранѣе; лишь одна изъ нихъ ускользнула. это былъ де-Плантъ. Предчувствіе ожидаемой участи заставило его искать выхода изъ этой роковой комнаты; онъ выпрыгнулъ изъ окошка и упалъ въ маленькій дворикъ, съ давнихъ лѣтъ предоставленный одному сумасшедшему, заключенному въ Пьеръ-Сизѣ. Этотъ сумасшедшій, оказавшійся кстати очень благоразумнымъ, спряталъ де-Планта въ водяномъ стокѣ, потомъ, снова задвинувъ отверстіе камнемъ, продолжалъ свои обычныя безумныя выходки. Толпа посмотрѣла на него и пронеслась мимо. Всѣхъ этихъ несчастныхъ офицеровъ вырвали изъ тюрьмы, тащили, терзали и избивали; нѣкоторые погибли на самыхъ ступенькахъ скалы Пьеръ-Сиза. Еще хуже была участь тѣхъ, которыхъ добили только на площади Терро.

Одинъ изъ этихъ несчастныхъ какъ-то укрылся при первыхъ поискахъ толпы; когда она отхлынула съ своими жертвами, его вѣрный слуга сталъ уговаривать его бѣжать и отыскать болѣе безопасное мѣсто, „потому что они могутъ еще вернуться сюда", убѣждалъ онъ. —Они меня не нашли здѣсь, такъ я ужъ тутъ останусь.—Нахлынула новая волна, захватила его съ собой и унесла.

M-lle де-Бельсизъ была героемъ этого дня. Она не могла спасти жертвъ, отмѣченныхъ властной рукой, но она оказывала сопротивленіе, насколько была въ состояніи, просьбами и мольбами. Голосъ ея неустрашимо раздавался въ защиту несчастныхъ. Когда ее ранили въ ногу пикой, она только обвязала рану платкомъ и продолжала употреблять всѣ усилія, чтобы спасти арестантовъ; она поспѣвала всюду. Непостижимо, какимъ образомъ она не подверглась одинаковой участи съ арестантами и какъ этотъ день не сдѣлался послѣднимъ въ ея жизни. Одну минуту ее стѣснили въ узкомъ проходѣ и она сама слышала, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея обсуждался вопросъ, не лучше ли поскорѣе отдѣлаться отъ ея докучныхъ просьбъ. Этотъ день однако оставилъ въ ея жизни тяжелые слѣды. Одинъ

солдатъ такъ грубо оттолкнулъ ее прикладомъ, что переломилъ ей два ребра. Увѣряютъ даже, будто бы мэръ ударомъ кулака далъ ей почувствовать, что находитъ ея усердіе по меньшей мѣрѣ неумѣстнымъ. Продолжительныя страданія были для Фелисите де-Бельсизъ наградой за этотъ день, когда любовь къ ближнему подняла ее выше ея силъ. Если бы мэръ Вите имѣлъ благородство и мужество этой молодой дѣвушки, неповинная кровь не была бы пролита въ его глазахъ и не вопила бы противъ него [1]). Семья Бельсизъ провела остальную часть дня въ состояніи, которое невозможно описать. Фортъ былъ разграбленъ, открытъ для всякаго проходящаго; онъ ни кому не представлялъ болѣе убѣжища; бурный потокъ, промчавшійся черезъ него, могъ снова возвратиться за девятой жертвой, ускользнувшей отъ него; осторожность требовала какъ можно скорѣе покинуть это злополучное мѣсто. Какъ только наступившая темнота заставила толпу разойтись, комендантъ Бельсизъ, не желая дожидаться слѣдующаго дня, когда она могла снова вернуться въ за̀мокъ, около полуночи оставилъ этотъ опасный постъ. Опираясь на руку своей жены и поддерживаемый вѣрнымъ слугою, онъ молча сошелъ по ступенькамъ, на которыхъ еще не высохла пролитая на нихъ кровь. Хотя жена и слуга болѣе несли, чѣмъ поддерживали старика въ то время, какъ дочь освѣщала дорогу, все же онъ сходилъ очень медленно. Предоставляю всякому вообразить себѣ, что̀ должны были они перечувствовать въ это время, когда каждая минута стоила многихъ часовъ, когда самое пустое обстоятельство могло снова привести эту разъяренную чернь,отдаленный ревъ которой еще доносился до нихъ.

---

[1]) Считаемъ нужнымъ сопоставить съ этими воспоминаніями, основанными въ данномъ случаѣ, по признанію самого автора, на слухахъ и разсказахъ другихъ, разсказъ ученаго и безпристрастнаго изслѣдователя исторіи террора, Мортимера Терно, объ убійствахъ въ тюрьмѣ Пьеръ-Сизъ, въ которомъ поведеніе ліонскаго мэра Вите представлено совершенно въ иномъ свѣтѣ: по Мортимеру Терно, мэръ сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, для предотвращенія убійствъ. Авторъ ссылается на актъ, составленный въ самый день убійствъ, 9 сентября, ліонскими муниципальными властями, на донесеніе объ этомъ событіи министру внутреннихъ дѣлъ, посланномъ 11 сентября отъ имени соединенныхъ городскихъ властей муниципалитета, округа и департамента; наконецъ, на письмо самого мэра къ военному министру Сервану, живо изображающее тяжелое состояніе души этого честнаго общественнаго дѣятеля, сознавшаго всю безплодность своихъ усилій остановить въ родномъ городѣ быстро развивавшійся потокъ демагогіи. Письмо это помѣчено 10 сентября; вотъ оно: „Вчерашній день былъ самый ужасный, какой Ліонъ когда либо видѣлъ; восемъ офицеровъ, содержавшихся въ Пьеръ-Сизѣ, были безжалостно умерщвлены негодяями, которыхъ наши отъявленные враги подстрекали на всякія неистовства, несмотря на присутствіе муниципальныхъ чиновниковъ, тысячу разъ подвергавшихъ опасности свою жизнь, чтобы тѣхъ спасти; пожалѣйте о нашемъ положеніи, оно ужасно; мы надѣемся теперь только на честныхъ и храбрыхъ гражданъ, чтобы остановить грабежъ и всѣ преступленія, идущія рядомъ съ нимъ. Примите увѣреніе и пр.

„Вите, мэръ“.

Мортимеръ-Терно, Т. III, кн. XIII, стр. 340—348. Прим. пер.

Подъ горою ихъ ждалъ экипажъ. Де-Плантъ, слѣдовавшій за ними и переодѣтый въ статское платье, легъ въ экипажѣ у ихъ ногъ. Они двинулись, но не успѣли проѣхать и нѣсколько шаговъ, какъ обходный патруль остановилъ ихъ. Г-жа Бельсизъ высовывается изъ дверки и называетъ себя: у нея нѣтъ болѣе крова, ей приходится искать гдѣ нибудь пріюта. При столь уважаемомъ имени остановившій ихъ караульный почтительно кланяется. „Друзья, это г-жа Бельсизъ".— Пропустить. — Они доѣхали безъ дальнѣйшихъ приключеній до помѣщенія, которое заранѣе приготовили себѣ, давно уже предвидя то, что теперь случилось. Де-Плантъ былъ отправленъ въ болѣе вѣрное убѣжище и вскорѣ скрылся изъ Ліона.

На другой день m-lle де-Бельсизъ отправилась въ ратушу и, формально обратившись къ покровительству города, требовала поддержки и помощи, для того чтобы отыскать вещи ея отца, разграбленныя въ Пьеръ-Сизѣ, и просила позволенія взять то, что еще оставалось тамъ. Ея просьбу нашли законной и дали конвой для сопровожденія её туда. Можно представить себѣ, каково ей было проходить сквозь эту дерзкую толпу, покрывавшую еще площадь Терро и которая до сихъ поръ не расходилась, чтобы лучше насладиться своими подвигами, совершенными наканунѣ. Толпа разступилась передъ нею, не оскорбляла ея, однако заставила пройти мимо труповъ несчастныхъ офицеровъ, донага обобранныхъ и изувѣченныхъ и валявшихся по ступенькамъ ратуши [1]). У нея достало силы совладать съ охватившимъ ее чувствомъ ужаса и негодованія, и ничто въ эту минуту не выдало ея волненія. Занятая мыслью объ успѣхѣ, увѣнчавшемъ тягостныя хлопоты, она быстро оторвалась отъ этого ужаснаго зрѣлища и немедля отправилась въ Пьеръ-Сизъ, гдѣ безъ всякаго препятствія могла собрать тѣ изъ вещей, которыми пренебрегла чернь. Впослѣдствіи полиціи удалось розыскать и возвратить ей нѣсколько драгоцѣнныхъ предметовъ.

Какъ провели мы этотъ злосчастный вечеръ 9-го сентября 1792 года? Къ общему смятенію присоединялись еще наши личныя опасенія за самихъ себя. Близость Мулена давала возможность легко отыскать насъ тѣмъ, которые сожалѣли, что отецъ ускользнулъ отъ нихъ. Не разъ уже приходили развѣдывать, нѣтъ ли его у г-жи Гишаръ. Названіе аристократа, подозрительнаго чужака, не разъ вырывалось изъ устъ людей зловѣщаго вида; наконецъ мы получили предупрежденіе, что отцу грозитъ личная опасность. Поэтому мы очень поздно рѣшились уйти отъ нашихъ добрыхъ сосѣдей въ тотъ вечеръ, безъ шума, безъ свѣта, убѣдившись, что никто не можетъ ни увидѣть, ни услышать насъ. О снѣ не могло быть и помину. Де-ля-Барръ, полковникъ

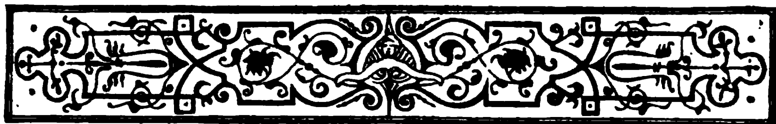
[1]) Кромѣ восьми офицеровъ, тогда погибшихъ, трое изъ неприсягнувшихъ священниковъ были найдены убитыми, подобно имъ; головы ихъ, посаженныя на пики, носили по всѣмъ улицамъ города.

УБІЕНІЕ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ.

Картина академика Плѣшанова. Гравировалъ Панемакеръ въ Парижѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 января 1882 г.

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 11—2



ЖЕНСКОЕ ПРАВЛЕНІЕ И ЕГО ПРОТИВНИКИ.

(Характеристическая подробность русской исторіи XVIII столѣтія).

I.

Извѣстно, что втеченіе почти сплошь трехъ послѣднихъ четвертей XVIII столѣтія русскимъ государствомъ неограниченно правила женщина. Пять женскихъ личностей (императрицы: Екатерина I, Анна, Елизавета и Екатерина II, и правительница регентша Анна Леопольдовна) почти безъ перерывовъ къ ряду царствуютъ одна за другою, такъ что весь этотъ періодъ могъ бы назваться въ нашей исторіи періодомъ бабьяго правленія, выражаясь терминомъ современной ему оппозиціи.

Самъ по себѣ, этотъ примѣръ—результатъ стеченія историческихъ случайностей, представляетъ собою едва ли не единственное въ своемъ родѣ явленіе въ исторіи всѣхъ, когда нибудь и гдѣ нибудь царствовавшихъ, династій. Но, по отношенію къ русской исторіи, онъ имѣетъ, кромѣ того, значеніе факта довольно важнаго по своимъ совершенно спеціальнымъ, многоразличнымъ послѣдствіямъ, отражавшимся весьма существенно какъ на ходѣ нашей внѣшней и внутренней политики того времени, такъ и на современныхъ общественныхъ нравахъ. И это вполнѣ понятно.

Въ Россіи всегда, а въ XVIII столѣтіи въ особенности, личность государя, при неограниченной монархической власти, играла огромную, безпредѣльно-господствующую роль во всѣхъ сферахъ государственной, общественной и отчасти даже частной, индивидуальной жизни, всегда оказывала на неё руководящее вліяніе, давала ей складъ, тонъ и направленіе въ ту или другую сторону. Оттого-то исторія, быть можетъ, нигдѣ не въ большемъ правѣ, какъ въ Рос-

сіи, приписывать ея государямъ все, чѣмъ ознаменовывается царствованіе каждаго изъ нихъ въ жизни страны...

По этой причинѣ, появленіе на престолѣ женщинъ-государынь втеченіе такого долгаго промежутка времени не могло не запечатлѣться рельефнымъ оттискомъ особеннаго, чисто-женскаго вліянія на всей исторіи означеннаго періода, не могло пройти безслѣдно и въ области отношеній народа и общества къ престолу и его авторитету. Все это было бы не трудно доказать, хотя вопросъ этотъ, если не ошибаемся, до сихъ поръ у насъ не изслѣдованъ спеціально и обстоятельно, по существу. А стоило бы! Въ виду указанныхъ здѣсь основаній, въ виду феноменальности самого факта, установившагося, по видимому, въ разрѣзъ съ традиціонными взглядами на женщину и съ ея положеніемъ въ старо-московскомъ мірѣ, крѣпкіе корни котораго такъ еще прочно жили въ тогдашнія „новыя“ времена,—такого рода изслѣдованіе пролило бы свѣтъ на многое, что остается неяснымъ въ нашей исторіи прошлаго столѣтія, а многое освѣтило бы съ совершенно новыхъ точекъ зрѣнія. Но это—задача большая. Съ своей стороны, мы беремъ на себя только ея частицу, имѣя намѣреніе, въ предѣлахъ настоящей статьи, обрисовать, разновременно и разнородно проявлявшуюся, оппозицію „бабьему правленію“ и, главнымъ образомъ, оппозицію принципіальную, вытекавшую изъ консервативныхъ, домостроевскихъ взглядовъ на женщину вообще, и на женщину-царицу, правящую царствомъ, въ особенности.

Такая оппозиція, въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ и съ той или другой степенью напряженности, проходитъ почти чрезъ весь періодъ царствованія женщинъ-государынь. Въ недовольныхъ „бабьимъ правленіемъ“ не было недостатка во все это время, и хотя, въ большинствѣ случаевъ, недовольные цѣплялись къ нему съ протестомъ и осужденіемъ по поводу другихъ накипѣвшихъ, болѣе существенныхъ обидъ и кривдъ, какъ бы ужъ для вящшаго подкрѣпленія своихъ жалобъ; но было не мало между ними и чисто-принципіальныхъ протестовъ, которые потому только охуждали „бабье правленіе“, что оно бабье, и — ни почему больше. Отдѣлить однихъ отъ другихъ, конечно, трудно, какъ не менѣе трудно теперь обозначить съ точностью роль и мѣсто этой спеціальной струны недовольства, звучавшей въ ряду другихъ его мотивовъ, которыхъ въ тѣ времена общей „тяготы неудобоносимой“ было такъ много. Мы хотимъ только сказать, что эта струна несомнѣнно звучала тогда, хотя, разумѣется, господствующаго значенія въ поводахъ къ недовольству складывавшимся порядкомъ вещей она не имѣла и имѣть не могла. Это была только лишняя привѣска къ ощущенію сложной и грузной „тяготы“, навалившейся на плечи русскаго человѣка, не симпатизировавшаго новымъ петровскимъ порядкамъ.

Обыкновенно, въ тѣхъ случаяхъ, когда разсматриваемая оппозиція носила характеръ принципіальный, была лишь результатомъ сознанія

нарушеннаго обычая, освященнаго стариной и дорогаго сердцу, она не шла дальше словеснаго протеста. Проявлялась она чисто по-русски, т. е. пассивно, безъ опредѣленныхъ цѣлей, безъ активныхъ попытокъ переверну̀ть порядокъ вещей по своему. Являлись, правда, Мировичи и Пугачевы, поднимавшіе знамя бунта противъ „бабьяго правленія", во имя попранныхъ, яко бы, правъ на престолъ мужскаго начала, въ лицѣ несуществовавшихъ, яко бы, подлинныхъ государей; но эти попытки были очень сложнымъ явленіемъ, особенно пугачевскій бунтъ, гдѣ мятежное знамя прикрывало собой совсѣмъ не тѣ стремленія и цѣли, которыя были на немъ написаны, и, конечно, народъ не поднялся-бы изъ-за того только, что на престолѣ сидѣла „царь-баба"...

Оппозиція „бабьему правленію" выражалась, главнымъ образомъ, въ „неудобьсказуемыхъ поношеніяхъ", въ „пустошныхъ" и „продерзостныхъ" разговорахъ, и—много, много—въ подметныхъ письмахъ и „пашквиляхъ". Очень многія изъ „дѣлъ" о такой злоязычной болтовнѣ и суесловномъ фрондерствѣ только потому возникали и сдѣлались достояніемъ отечественной исторіи, что ихъ очень ужъ ревностно „всякими сыски сыскивали", въ тѣ нетерпѣливыя и скорыя на пытки и казни времена, неразборчивые блюстители и криминалисты страшной „тайной канцеляріи". Для поддержанія и развитія своей человѣконенавистной практики, „тайная канцелярія" пустила разгуливать по Руси за добычей грозное „слово и дѣло", которое, сдѣлавшись орудіемъ травли и возмутительныхъ злоупотребленій, безмѣрно плодило и растило такого рода „дѣла", нерѣдко совершенно кляузныя, либо не стоившія, по своему ничтожеству, траты казенныхъ чернилъ на ихъ производство. А тайная канцелярія не скупилась проливать не только чернила, но и кровь человѣческую.

Но, съ другой стороны, самое обиліе такихъ „дѣлъ" и непрерывная, втеченіе долгихъ лѣтъ, ихъ повторяемость ясно указываютъ, что неодобрительное мнѣніе о сидѣніи на престолѣ женщины раздѣлялось многими, быть можетъ—большинствомъ. И мы будемъ видѣть, что къ женскому правленію относились отрицательно и въ принципѣ, и изъ недовольства личными качествами той или другой государыни, люди различныхъ сословій и состояній, различнаго образа мыслей и образованія. Какой нибудь темный, невѣжественный изувѣръ съ аскетическими взглядами на женщину, какъ на существо слабое и грѣховное, сходился въ этомъ пунктѣ съ просвѣщеннымъ по-европейски мыслителемъ. Чтобы понять это, нужно знать господствовавшіе въ XVIII столѣтіи взгляды на женщину вообще, у насъ и въ западной Европѣ, нивеллировавшей тогда наше домостроевское міровоззрѣніе подъ уровень со своимъ.

Какъ бы кому ни показалось страннымъ, но несомнѣнно, что съ старомосковскими моралистами во взглядахъ на женщину во многомъ сходились знаменитѣйшіе западные мыслители не только предшествовавшаго времени, какъ Лютеръ, Пуффендорфъ, Гуго Гроцій

и друг., проповѣдывавшіе подчиненность женщины мужчинѣ, какъ существа низшаго высшему, но и современные обозрѣваемой эпохѣ двигатели умственнаго прогресса XVIII вѣка: Ж. Ж. Руссо, Монтескьё, Фенелонъ и друг. О воззрѣніяхъ на этотъ предметъ европейской массы того времени и говорить уже нечего, какъ излишне указывать на общественное безправіе европейской женщины, обусловленное патріархально-буржуазными обычаями и законами, что̀ составляетъ еще несовсѣмъ рѣшенный вопросъ на Западѣ даже и по наши дни...

Ж. Ж. Руссо, напримѣръ, совершенно въ духѣ попа Сильвестра проповѣдывалъ, что основная добродѣтель женщинъ есть „послушаніе, въ которомъ онѣ нуждаются во всю свою жизнь, потому что женщины никогда не перестанутъ подчиняться или мущинѣ, или людскому толку, и что стать выше этой власти для нихъ немыслимо". Не сталъ бы оспаривать нашъ мудрый Сильвестръ и другую основную, по женскому вопросу, мысль Руссо, что „ученая женщина есть бичъ своего мужа, своихъ дѣтей, своихъ слугъ, всего свѣта". Въ этомъ съ нимъ вполнѣ согласны и другіе мыслители, въ томъ числѣ Фенелонъ, допускавшій обученіе женщины только въ тѣхъ границахъ, поскольку это нужно ей, какъ хозяйкѣ дома и матери — не болѣе. Вообще, большинство философовъ того времени замыкали весь кругъ правъ и обязанностей женщины семейнымъ очагомъ, а весь ея гражданскій долгъ исчерпывали воспитаніемъ дѣтей въ патріархально-классическихъ понятіяхъ истины и добродѣтели. Самые либеральные изъ нихъ, за немногими исключеніями, даже и не помышляли о правовомъ и политическомъ уравненіи мущины съ женщиной.

Были, разумѣется, и въ тѣ времена смѣлые реформаторы, въ родѣ Кондорсе, настаивавшаго на проведеніи полнаго, во всѣхъ отношеніяхъ, равноправія между мужчиной и женщиной; были и эманципированныя женщины, въ родѣ мадамъ Жанлисъ, Анны Шурманъ и друг., съ перомъ въ рукахъ старавшихся низвергнуть „владычество мужчинъ надъ женщинами", возвысить права своего пола и доказать одинаковость умственныхъ способностей обоихъ половъ. Пропаганда эта не осталась безплодной, а еще больше помогалъ эманципаціи женщинъ освободительный духъ самого времени.

Дѣйствительно, многія образованныя женщины XVIII столѣтія умѣли снять съ себя путы своего подчиненнаго положенія, нерѣдко принимали дѣятельное участіе въ высшихъ интересахъ, умственныхъ и политическихъ, а въ лицѣ своихъ наиболѣе талантливыхъ представительницъ пользовались иногда большимъ вліяніемъ и играли видную роль въ общественной жизни. Но это была особая женская эманципація, носившая отпечатокъ своего вѣка и имѣвшая очень мало общаго съ нынѣшней, выработанной гуманитарно-либеральнымъ движеніемъ XIX столѣтія.

Женщина прошлаго вѣка достигала свободы и вліянія, главнымъ образомъ, кокетствомъ, интригой, салонными талантами и отнюдь

не облагораживающимъ стремленіемъ возвысить въ себѣ человѣка подчиненіемъ ему своей половой индивидуальности, а—напротивъ—развитіемъ въ себѣ, какъ замѣтилъ Риль, „чрезмѣрной женственности“ (Ueberweiblichkeit). Поэтому-то Шлоссеръ, говоря объ эманципированной француженкѣ XVIII вѣка, имѣлъ основаніе замѣтить, что отъ ея вліянія „жизнь французскаго общества потеряла серьезный характеръ и французы пріучились относиться ко всему какъ-то слегка и поверхностно“.

Словомъ, какъ положеніе женщины, такъ и господствовавшіе взгляды на нее не стояли въ то время на Западѣ на слишкомъ большой высотѣ, сравнительно съ тѣми, которые у насъ завѣщала петербургскому періоду старо-московская жизнь. Воспринимая европейскія воззрѣнія по этому предмету, русскому передовому человѣку не приходилось производить слишкомъ рѣзкую ломку въ своихъ старыхъ понятіяхъ. Отворивъ настежь теремъ, выбросивъ или припрятавъ, про всякій случай, „шелковую плеть“, и выведя разряженную въ заморскій модный костюмъ спутницу своей жизни въ свѣтъ—„себя показать, людей посмотрѣть“ и принять участіе въ общественныхъ развлеченіяхъ,—русскій передовой человѣкъ этимъ самымъ вполнѣ входилъ, такъ сказать, въ Европу по рѣшенію „женскаго вопроса“. Европа почти ничего больше отъ него не требовала по данному пункту, развѣ только еще усвоенія салонной галантности, внѣшней рыцарской вѣжливости и „любезности“ въ обращеніи съ представительницами прекраснаго пола, которыя, съ своей стороны, выйдя изъ терема, должны были воспринять, соотвѣтствующій ихъ новому положенію, лоскъ европейскаго образованія. На этомъ было и покончено съ эманципаціей русской женщины на первыхъ порахъ. Что же касается основныхъ воззрѣній на личность женщины и ея права, то въ этомъ отношеніи, повторяемъ, русскому человѣку почти нечему было тогда научиться у Европы. Какъ тамъ, такъ и у насъ, исповѣдывались, въ сущности, домостроевскіе принципы о томъ, что женщина, по самой природѣ, ниже мужчины и не можетъ имѣть одинаковыхъ съ нимъ правъ, что, вслѣдствіе этого, она обязана быть рабой мужчины и во всемъ ему подчиняться, что все ея назначеніе—быть женой и матерью и, на лучшій конецъ, служить „украшеніемъ“ общества... Со стороны Европы была сдѣлана тогда, въ этомъ отношеніи, одна лишь услуга: у нея мы позаимствовали для владычества надъ женщиной бархатныя перчатки, взамѣнъ „ежевыхъ“ старо-московскаго неуклюжаго покроя... Вотъ и все!

Отсюда становится понятнымъ, почему въ критикѣ женскаго правленія, въ отрицаніи, съ точки зрѣнія принциповъ, самаго воцаренія на престолѣ женщины—сходились нерѣдко наши просвѣщенные „европейцы“ прошлаго вѣка съ темными людьми старо-московскаго закала, открещивавшимися и пестомъ и крестомъ отъ всякаго общенія съ Европой. Разница была только въ томъ, что послѣдніе, къ чести

ихъ, были искреннѣе и безкорыстно становились въ ряды оппозиціи, тогда какъ покладистый, мундирный „европеецъ“ нерѣдко кривилъ душою, шелъ на сдѣлки и лучше умѣлъ держать языкъ за зубами...

II.

Несмотря на то, что Петръ Великій пріучилъ правительство и своихъ „птенцовъ“ вовсе и ни при какихъ случаяхъ не церемониться съ народнымъ и общественнымъ мнѣніемъ, тѣмъ не менѣе, когда впервые возникла мысль возведенія на русскій престолъ женщины, въ лицѣ императрицы Екатерины I, мысль эта заставила крѣпко призадуматься ея иниціаторовъ и исполнителей, хотя были они люди рѣшительные и закаленные въ произволѣ.

До той поры не бывало примѣра, чтобы на русскомъ престолѣ сидѣла женщина, да это считалось и немыслимымъ по основнымъ народнымъ понятіямъ о престолонаслѣдіи, о роли и значеніи государя, которыя не укладывались въ рамку женской личности и ея правоспособности, съ традиціонной точки зрѣнія. Бывали на Руси „правительницы“, державшія царскую власть въ рукахъ до совершеннолѣтія преемниковъ престола въ мужскомъ колѣнѣ: была великая княгиня Елена Глинская, была царевна Софья; но роль ихъ, по смыслу нашего обычнаго права и писанныхъ уложеній (напр., „Русской Правды“), ограничивалась лишь материнскими правами опеки надъ малолѣтними государями, и въ такихъ тѣсныхъ границахъ, что правительница во всѣхъ дѣйствіяхъ царской власти могла обнаруживать свою волю только отъ имени и отъ лица опекаемаго ею малолѣтняго государя—не иначе. Самостоятельной роли и личнаго представительства ex officio она не имѣла. Когда честолюбивая Софья „учала писаться съ государями обще самодержицею“, а потомъ замыслила возложить на себя и царскій вѣнецъ, то такое неслыханное притязаніе возбудило „недоумѣніе и разномысліе“ даже среди преданныхъ ей стрѣльцовъ, и „только немногіе изъ нихъ“, какъ говоритъ Устряловъ, „изъявили рѣшительную готовность исполнить ея желаніе“, а „нѣкоторые смѣло отказывались отъ всякаго участія“. Тѣмъ менѣе, разумѣется, могли сочувствовать замыслу царевны русскіе люди, не стоявшіе въ рядахъ ея сторонниковъ...

Все это хорошо помнилось и понималось петровскими „птенцами“, задумавшими, послѣ смерти великаго царя, посадить на престолѣ вдову его, при живомъ внукѣ, которому принадлежало наслѣдство по праву. Самъ Петръ, измѣнившій старинный порядокъ престолонаслѣдія законодательнымъ путемъ, несмотря на это, до самой кончины безпокоился этимъ вопросомъ и находилъ нужнымъ всякими мѣрами считаться съ коренными народными воззрѣніями на это дѣло. Съ цѣлью разубѣжденія консерваторовъ ѳеократическаго начала была

написана, между прочимъ, извѣстная „Правда воли монаршей". По той же причинѣ Петръ такъ долго не рѣшался короновать любимую супругу, а когда коронація состоялась, то, въ оправданіе этого совершенно новаго на Руси акта (если не считать коронацій Марины Мнишекъ) въ глазахъ народа, манифестъ, о немъ объявлявшій, ссылался не на права, а на личныя заслуги и „тяжкіе труды" Екатерины, да на примѣръ западныхъ „потентатовъ". Поучительно и важно, что признавалось нужнымъ соглашать народъ на подобную новизну и предупреждать его недовольство ею витіеватой аргументаціей, на силу которой тогда очень ужъ много полагались. Была ли мысль у Петра оставить по себѣ на престолѣ супругу или одну изъ дочерей своихъ—неизвѣстно и сказать трудно. Достовѣрно, что въ этомъ вопросѣ онъ былъ на сторонѣ консервативныхъ взглядовъ и, со времени разрыва съ царевичемъ Алексѣемъ и его смерти, крайне былъ озабоченъ тѣмъ, что у него нѣтъ наслѣдника мужскаго пола отъ брака съ Екатериной... Такъ съ этой неразрѣшенной заботой онъ и умеръ.

Извѣстно, что избраніе на царство императрицы Екатерины I состоялось безъ участія народа. Это было дворцовое дѣло, послужившее первымъ опытомъ и поощрительнымъ примѣромъ для послѣдующихъ, въ аналогичномъ родѣ, воцареній Анны, Елизаветы и Екатерины II. Задуманное въ тѣсномъ кругу придворныхъ приверженцевъ государыни, заботившихся, впрочемъ, не столько объ ея интересахъ, сколько о цѣлости своихъ головъ и о собственной выгодѣ, поддержанное гвардіей, а еще болѣе—апатичнымъ безучастіемъ общества, дѣло этого избранія совершилось бозъ особенныхъ тревогъ и потрясеній. Вели его энергическія руки и съумѣли быстрымъ, рѣшительнымъ образомъ дѣйствій связать руки противной себѣ придворной партіи, которая, будучи застигнута врасплохъ и не имѣя въ рядахъ своихъ людей твердаго и предпріимчиваго характера, вынуждена была покориться предъ совершившимся фактомъ.

Тѣмъ не менѣе, по счастливо исполнившемся воцареніи, ни Екатерина, ни ея избиратели не чувствовали себя вполнѣ обезпеченными и спокойными. Они понимали, что дѣло ихъ—не болѣе, какъ смѣло, „на счастье", сорванная ставка, которая, при дальнѣйшей игрѣ,—почемъ знать?—можетъ быть еще легко и проиграна. Подъ ногами у нихъ не было твердой почвы ни въ писанномъ юридическомъ правѣ, ни въ практикѣ престолонаслѣдія прошлыхъ временъ, ни въ рѣшеніи воли народной. Напротивъ—всѣ эти пункты составляли слабыя, легко уязвимыя стороны совершившагося ex abrupto воцаренія. Главное, безпокоило и пугало—что̀ скажетъ народъ на такое небывалое, неслыханное и неожиданное для него событіе, какъ восшествіе на престолъ женщины? Тогда дѣло такое было вновѣ и еще не была испытана вся глубина безучастія и отчужденія обезличенной народной массы ко всему, что происходило надъ ней сверху, въ далекомъ Петербургѣ...

Въ первые дни по воцареніи, были приняты всѣ мѣры для предупрежденія народнаго протеста. Въ Петербургѣ, по всѣмъ улицамъ, ходили отряды войскъ и разставлены были повсюду караулы; но особенно боялись за Москву. Туда былъ посланъ генералъ Дмитріевъ-Мамоновъ спеціально для принятія „способныхъ и безопасныхъ мѣръ" къ отвращенію народныхъ волненій и „шалостей". Но эта неувѣренность въ своемъ правѣ предъ лицомъ народа и боязнь его неодобрительнаго голоса въ совершившемся „избраніи" всего ярче и краснорѣчивѣе выразилась въ изданномъ о воцареніи Екатерины манифестѣ.

Дѣло въ томъ, что въ манифестѣ этомъ, говоря словами Соловьева, „избравшіе не хотѣли прямо объявить Россіи объ избраніи", а, путемъ велерѣчивыхъ казуистическихъ оборотовъ, „коронованіе Екатерины выставили какъ назначеніе ея наслѣдницей престола". Инаго манифеста, впрочемъ, и написать было нельзя, ибо „избраніе" было сдѣлано неправильно во всѣхъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, оно противорѣчило не только старому порядку престолонаслѣдія, но и закону Петра, мотивированному „Правдой воли монаршей", по смыслу которыхъ, если ужъ должна была на престолѣ сѣсть женщина, то, въ данномъ случаѣ, никакъ не вдова умершаго государя, а одна изъ дочерей его; во-вторыхъ, манифестъ былъ изданъ отъ имени сената, синода и генералитета, которые „согласно приказали" объявить о воцареніи Екатерины, тогда какъ ни такая группировка высшихъ чиновъ, ни самое право подобнаго „приказа" вовсе и никѣмъ не были узаконены, да, напримѣръ, „генералитетъ" вовсе и не означалъ собою какого нибудь высшаго государственнаго учрежденія. Все это было совершенно произвольно и крайне шатко; но — повторяемъ—въ тѣ наивныя времена слишкомъ ужъ много полагались на убѣдительность риторической казуистики, мало заботясь о логикѣ и правдѣ...

Впрочемъ, народъ не вдавался въ разборъ этихъ мало понятныхъ для него тонкостей и въ массѣ спокойно и равнодушно, безъ всякихъ „шалостей", принялъ воцареніе, какъ совершившійся фактъ; но единичныхъ случаевъ протеста и оппозиціи наступленію „бабьяго правленія" было немало со всѣхъ сторонъ — изъ среды и народа, и общества.

Прежде всего, какъ сказано выше, противъ избранія Екатерины была цѣлая партія при дворѣ и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, состоявшая изъ первостепенныхъ вельможъ. Это были „родословные люди" знатнаго происхожденія, тянувшіе къ Москвѣ и къ реакціи, ненавидѣвшіе иноземцевъ, а также петровскихъ „птенцовъ-выскочекъ", тайные приверженцы царевича Алексѣя при его жизни, а теперь—открытые сторонники его сына, какъ законнаго наслѣдника престола, связывавшіе съ его воцареніемъ надежды на господство своей партіи и на возвращеніе къ старинѣ. По всѣмъ этимъ причинамъ, къ Екатеринѣ они относились крайне враждебно.

Самый даровитый и вліятельный представитель этой партіи, князь Д. М. Голицынъ, когда, послѣ смерти Петра II, возникъ вопросъ объ избраніи ему преемника, отозвался въ верховномъ совѣтѣ о Екатеринѣ I и ея дочеряхъ такимъ презрительнымъ образомъ:

— „Нечего думать о дочеряхъ Петра I, рожденныхъ до брака съ Екатериной; завѣщаніе Екатерины I не можетъ имѣть для насъ никакого значенія. Эта женщина низкаго происхожденія (князь выразился гораздо рѣзче) не имѣла никакого права возсѣсть на россійскій престолъ, тѣмъ менѣе располагать короной россійской“.

Такъ думали всѣ „родословные люди“ этого оттѣнка, и вражда ихъ къ Екатеринѣ простиралась до того, что, въ виду кончины Петра I, они серьезно замышляли заточить ее и ея дочерей въ монастырь. Воцаренію Екатерины они покорились поневолѣ, но она все время побаивалась ихъ и—имѣла на то основаніе, если вѣрить извѣстіямъ о составлявшихся противъ нея заговорахъ въ пользу царевича Петра Алексѣевича.

Страхъ такого заговора могъ питаться еще неувѣренностью въ расположеніи къ императрицѣ украинской арміи, находившейся подъ начальствомъ весьма популярнаго въ ней другаго князя Голицына—фельдмаршала, тоже стоявшаго въ рядахъ враждебной Екатеринѣ вельможной партіи.

Гвардія вся была на сторонѣ Екатерины и послужила ей главной опорой при восшествіи на престолъ; но настроеніе армейскихъ полковъ внушало опасенія. Положимъ, опасенія эти ничѣмъ не подтверждались, тѣмъ не менѣе духъ оппозиціи, безъ всякаго сомнѣнія, проникалъ въ той или другой мѣрѣ и въ ряды войска.

Что касается народной массы, т. е., точнѣе сказать, городской черни, которая была ближе къ совершавшимся государственнымъ событіямъ и менѣе безучастна къ нимъ, чѣмъ деревенскій крестьянинъ, то, по обыкновенію, изъ этой среды наиболѣе сангвиническіе выразители „гласа народа—гласа Божья“ стали одни расплачиваться своими боками за всѣхъ, дерзавшихъ быть недовольными. Съ ихъ-то „показаній“, выпытанныхъ любознательной „тайной канцеляріей“, мы и узнаемъ о ходившихъ въ массѣ толкахъ, неблагопріятныхъ императрицѣ.

„Нестаточное дѣло женщинѣ быть на царствѣ, она же иноземка!“—вотъ къ чему сводились всѣ толки и въ чемъ заключался основной аргументъ и мотивъ оппозиціи. Находились ослушники, которые смѣло и открыто говорили, что Екатерина „не прямая царица“, а были и такіе, что простирали свою „неподобную адскую замерзѣлость“, по выраженію слѣдователей, до рѣшительнаго отказа идти къ присягѣ въ вѣрноподданствѣ.

Въ Москвѣ объявились въ такой „замерзѣлости“ два брата, изъ „подлыхъ людей“, уроженцы пригорода Судислава, Костромской губерніи, которые напрямки сказали начальству, что они „къ присягѣ

не пойдутъ, императрицу за государыню себѣ не признаютъ, и прежде не признавали, и никогда вѣрными не были, потому что они по указамъ въ двойной платежъ раскольниками подписались, и этимъ платежомъ денегъ свободу себѣ получили и, разъ объявивши себя раскольниками, вѣрными имъ быть нельзя".

Твердое убѣжденіе въ правильности такого оригинальнаго пониманія раскольничьей подати, какъ выкупа отъ вѣрноподданническаго долга, ослушники подкрѣпили тѣмъ, что перенесли жестокую пытку, закусивъ языки и не охнувъ; только, когда ихъ вторично стали жечь вѣниками, они повинились въ ошибкѣ.

Другіе изъ отказывавшихся присягать аргументировали свое ослушаніе съ примѣсью даже юмора.

— Креста цѣловать не будемъ, говорили они;—если женщина царемъ, то пусть и крестъ цѣлуютъ женщины.

Но и среди самихъ женщинъ находились такія, которыя были на это несогласны, и съ неменьшимъ азартомъ, чѣмъ мужчины, возставали противъ „бабьяго правленія". Какая-то монахиня была изобличена въ такихъ „неподобныхъ" рѣчахъ:

— Я, говорила она,—за царицу Бога не молю, молю Бога за царевича: какая-де она царица?

Кромѣ кореннаго убѣжденія, что „нестаточное дѣло женщинѣ быть на царствѣ", недовольные воцареніемъ Екатерины ссылались еще на то, что она иноземка и неправо завладѣла престоломъ.

Еще при жизни Петра, многіе поклонники старины осуждали его за то, что онъ повѣнчался съ иноземкой и отъ нея пошелъ „иноземный родъ".

— Взялъ за себя шведку—толковали они,—и та царица дѣтей не родитъ, и онъ сдѣлалъ указъ, чтобъ за предбудущаго государя крестъ цѣловать, и крестъ цѣлуютъ за шведа, одноконечно станетъ царствовать шведъ.

Такіе разговоры были вызваны указомъ Петра о новомъ порядкѣ престолонаслѣдія. Теперь они возобновились. Какой-то попъ сталъ говорить, что „похваляютъ-де мудрость покойнаго императора, а какая это мудрость?—Вручилъ государство нехристіанскому роду и указалъ молиться за невѣрныхъ... Что хорошаго?" Попъ винилъ въ этомъ „большихъ бояръ" и предсказывалъ, что „вкороткѣ будетъ не безъ смятенія"...

Относительно неправаго, будто бы, вступленія Екатерины на престолъ разсказывались цѣлыя басни совершенно фантастическаго свойства. Толковали, во-первыхъ, что Екатерина „испортила" Петра. Это, какъ извѣстно, классическій и неизбѣжный припѣвъ подобныхъ толковъ. Затѣмъ стала ходить и другая, характеризующая смутныя времена, фикція, что, будто бы, царь Петръ живъ, не умиралъ и скрывается. Нѣкій монахъ Варлаамъ весьма тому удивлялся, отчего

„онъ и нонынѣ не объявляется?..“ А сокрытіе Петра, по его разсказу, совершилось такъ:

— Ходилъ царь Петръ въ турецкую землю посломъ, а изъ той земли пошелъ въ городъ Стекгольмъ, а тотъ городъ держитъ царица, и къ той царицѣ отписалъ турокъ: пошелъ къ тебѣ посолъ русскій царь... А та царица его не отпустила, посадила подъ караулъ, и мѣсто его избрала такого жъ молодца и послала его въ Россію на царство. И по пріѣздѣ своемъ началъ бороды брить и платья рѣзать по своему, и жаловалъ своихъ невѣрныхъ въ высокіе чины, и никто его не позналъ, токмо познала царица, и онъ ее отъ себя отринулъ, и взялъ себѣ иную, а самъ пошелъ на службу, а царевичъ остался на царствѣ... А по отъѣздѣ его на службу царевичъ началъ невѣрныхъ гнать, чтобъ ихъ не было на царствѣ, и, услыша, онъ (т. е. мнимый царь) возвратился назадъ и царевича уходилъ самъ, а потомъ и самъ умеръ, а ее (т. е. опять-таки мнимую царицу) пожаловалъ на царство.

Далѣе, въ сказаніи повѣствовалось о необычайно остроумномъ и счастливомъ избавленіи подлиннаго царя Петра изъ плѣна у шведской царицы, и повѣствователь заключалъ свой разсказъ выраженіемъ увѣренности, что этотъ настоящій, законный царь долженъ „объявиться“ и сѣсть на царство, свергнувъ съ него неправо завладѣвшую имъ поддѣльную царицу; дивился только простодушно: отчего онъ медлитъ „объявиться?“

Далѣе такихъ „продерзостныхъ“ розсказней и толковъ, да немногихъ, одиночныхъ случаевъ „замерзѣлаго“ ослушанія, недовольство со стороны народной массы новымъ и „нестаточнымъ“ дѣломъ вступленія на престолъ женщины—на этотъ разъ не пошло. Съ другой стороны, и стоявшіе вверху, у кормила правленія, вельможные противники Екатерины, „родословные люди“, считавшіе ее „непрямой царицей“ по такимъ же, но усложненнымъ еще сторонними интересами побужденіямъ, затаили въ себѣ свое недовольство и наружно примирились съ совершившимся оборотомъ исторической судьбы, не пытаясь ее переиначивать по своему.

Царствованіе Екатерины Алексѣевны прошло благополучно, и даже благополучнѣе, чѣмъ разсчитывали вначалѣ тѣ, кто его устроивалъ и ставилъ на ноги. Проба никогда не бывалаго прежде возведенія на престолъ, въ санъ самодержавнаго государя, женщины была сдѣлана съ полнымъ успѣхомъ и открывала легкій путь для повторенія такихъ же опытовъ на дальнѣйшее время.

III.

Отрицательное отношеніе къ женщинѣ въ роли государыни, мысль что она—существо слабое, ограниченное и малоспособное, и что „не-

статочное дѣло" ей на царствѣ сидѣть, находили себѣ рельефное (хотя косвенное) выраженіе не только въ фактахъ оппозиціи „бабьему правленію", но и въ актахъ его утвержденія и отстаиванія преданными сторонниками той или другой воцарявшейся государыни. На первый взглядъ это кажется страннымъ и несообразнымъ, а между тѣмъ, ничего не можетъ быть естественнѣе и достовѣрнѣе этой истины, вполнѣ подтверждаемой всей исторіей царствованій женщинъ въ Россіи.

Исторія эта убѣждаетъ насъ въ томъ, что главнѣйшимъ условіемъ успѣха „неправаго", по понятіямъ законниковъ, воцаренія женщинъ-государынь (какъ, напримѣръ, Екатерины I, Елизаветы), и, вообще, главнѣйшей опорой женскаго правленія у насъ въ прошломъ столѣтіи было то обстоятельство, что для людей сильныхъ и вліятельныхъ такое правленіе представлялось наиболѣе выгоднымъ, наиболѣе отвѣчавшимъ ихъ властолюбивымъ, эгоистическимъ стремленіямъ. На чемъ же могъ основываться такой разсчетъ? Ясно само по себѣ, да мы и увидимъ это изъ фактовъ, что онъ основывался, въ существѣ дѣла, на традиціонномъ презрѣніи къ женщинѣ, на крайне невыгодномъ мнѣніи о ея способностяхъ, о силѣ ея ума и характера. Во всѣхъ почти случаяхъ сторонники возведенія на престолъ той или другой государыни, люди вельможные и сильные, или добивавшіеся силы и вліянія, руководились, главнымъ образомъ, тѣмъ соображеніемъ, что при ней, какъ женщинѣ, имъ нетрудно будетъ забрать всю власть въ свои руки, что ихъ честолюбію и хищности откроется полный просторъ, и это потому только, что отъ государыни-женщины нечего опасаться ни царской грозы, ни близкаго участія ея въ государственныхъ дѣлахъ.

Это былъ очень простой разсчетъ и имъ руководились въ тѣ времена представители всѣхъ придворныхъ партій, съ тою только разницей, что воцарявшаяся государыня, угодная одной партіи и ею поддержанная при вступленіи на престолъ, не удовлетворяла ту или другую, противную ей почему либо, партію, которая поэтому и становилась ей въ оппозицію.

Такъ было, какъ мы видѣли, при воцареніи Екатерины I, когда впервые былъ по достоинству оцѣненъ и принятъ въ руководство сейчасъ указанный разсчетъ—разсчетъ на слабохарактерность, ограниченность и легкомысліе прекраснаго пола, вообще.

Птенцы Петра Великаго и особенно князь Меншиковъ прямо шли къ тому, чтобы, пользуясь женской слабостью императрицы, ея именемъ управлять государствомъ. Это даже не скрывалось и, какъ извѣстно, соблазнительный примѣръ Меншикова, достигшаго при Екатеринѣ неслыханной силы, ставшаго на Руси какимъ-то самовластнымъ „прегордымъ Голіаѳомъ", какъ его называли современники, долго находилъ себѣ подражателей...

Случай для подражанія скоро представился. Умираетъ импера-

торъ—отрокъ Петръ II, не оставивъ послѣ себя ни завѣщанія, ни прямаго наслѣдника въ мужскомъ родѣ. Снова открывается доступъ къ престолу женщинамъ царствующей семьи и, такъ какъ ихъ было нѣсколько съ одинаковыми почти правами на престолонаслѣдіе, то снова повторяется та же борьба придворныхъ партій и тотъ же опытъ произвольнаго распоряженія короной, изъ видовъ властолюбія и эгоизма вельможныхъ людей, помимо воли народа и опять-таки въ разсчетѣ не встрѣтить отпора этимъ видамъ со стороны женщины-государыни, потому только, что она—женщина.

Оставалось только выбрать изъ наличныхъ кандидатокъ на престолъ наиболѣе удобную для данныхъ цѣлей. Выборомъ этимъ распоряжались тогда знаменитые „верховники" и, дѣйствительно, вся забота ихъ заключалась въ томъ, чтобы предоставить корону не наиболѣе способной и угодной народу кандидаткѣ, а наиболѣе для нихъ самихъ удобной, сговорчивой и наименѣе обѣщавшей противодѣйствіе ихъ властолюбію. Въ этомъ отношеніи они до того не стѣснялись, какъ извѣстно, что наиболѣе предпріимчивые изъ нихъ не остановились даже передъ подлогомъ, съ цѣлью возвести на престолъ самую для нихъ подходящую, хотя и самую сомнительную кандидатку, въ лицѣ княжны Долгорукой, нарѣченной невѣсты умершаго императора...

Это было очень ужъ смѣло и безцеремонно даже на взглядъ искусившихся тогда во всяческомъ произволѣ вельможъ, да и такое избраніе, очень выгодное для семьи князей Долгорукихъ съ ихъ присными, никакъ не могло нравиться другимъ „родословнымъ людямъ". Тѣмъ не менѣе, всѣ они, въ чьихъ рукахъ было тогда избраніе, дружно сходились въ мысли — воспользоваться случаемъ „прибавить себѣ какъ можно воли", по выраженію одного изъ нихъ, возведеніемъ на престолъ наиболѣе подходящаго для этого персонажа. И при этомъ было сдѣлано даже намѣренное предпочтеніе въ пользу избранія, именно, женщины, вопреки старому обычаю и закону Петра Великаго, требовавшимъ отдавать старшинство прежде всего наслѣдникамъ мужскаго пола, хотя бы и не въ прямомъ колѣнѣ.

„Верховники" начали съ того, что совершенно и единодушно устранили такія кандидатуры, съ которыми была связана возможность передачи скипетра въ мужскія руки если не самого государя, то его родныхъ. Кандидатуръ такихъ было двѣ и онѣ имѣли за собой, во всѣхъ отношеніяхъ, наибольшія права: во-первыхъ, Екатерины Ивановны, герцогини мекленбургской, какъ старшей изъ дочерей царя Ивана Алексѣевича, и, во-вторыхъ, Петра-Ульриха (впослѣдствіи Петра III), сына старшей дочери Петра Великаго, герцогини голштинской.

Если бы „верховники" твердо стояли на юридической почвѣ, то они, не колеблясь, отдали бы и должны были бы отдать полное и безспорное предпочтеніе кандидатурѣ Петра-Ульриха, какъ единственнаго въ то время наслѣдника мужскаго пола, въ прямомъ колѣнѣ,

хотя и младшей линіи (у Екатерины Ивановны, представительницы старшей линіи въ родѣ, сыновей не было). Во всякомъ случаѣ, они не должны были обойти эти двѣ кандидатуры; но они менѣе всего на нихъ останавливаются и только для того, чтобы единодушно отвергнуть ихъ, единственно изъ опасенія подчиниться мужской власти на престолѣ, въ лицѣ ли мужа Екатерины Ивановны, герцога мекленбургскаго, котораго считали человѣкомъ самовластнымъ и грубымъ, или въ лицѣ отца малолѣтняго Петра-Ульриха, герцога голштинскаго Фридриха-Карла, заявившаго себя въ дни Екатерины I довольно безцеремоннымъ образомъ дѣйствій.

Положимъ, опасенія эти не лишены были основанія и даже патріотической подкладки, такъ какъ, конечно, Россіи не поздоровилось бы отъ управленія любаго изъ этихъ двухъ нѣмецкихъ герцоговъ: но „верховниками" въ этомъ случаѣ руководили чисто личные разсчеты. Они, напримѣръ, все равно не выбрали бы Екатерины Ивановны, потому что она сама по себѣ, по своимъ личнымъ качествамъ, была для нихъ наименѣе угодна. „Настоящая причина исключенія (изъ числа кандидатовъ на престолъ) Екатерины Ивановны заключалась—пишетъ одинъ наблюдательный современникъ-иностранецъ—въ опасеніи, которое возбуждалось твердостью ея характера и ея рѣшительнымъ умомъ"... А этихъ-то качествъ и не желали „родословные люди" видѣть въ государынѣ, имѣя въ виду „прибавить себѣ какъ можно воли", и въ такомъ-то разсчетѣ повели избраніе!

„Дальновиднѣйшіе" изъ нихъ,—какъ свидѣтельствуетъ князь Щербатовъ,—„желали возвести на россійскій престолъ царицу Евдокію Ѳедоровну, говоря, что какъ она весьма слабымъ разумомъ одарена, то силѣ учрежденнаго совѣта (т. е. верховнаго) сопротивляться не можетъ, а чрезъ сіе дастъ время утвердиться постановляемымъ узаконеніямъ, въ предосужденіе власти монаршеской".

Вотъ чего хотѣлось „дальновиднымъ" „верховникамъ"! Впрочемъ. кандидатура столь удобной, по своему „весьма слабому разуму", Евдокіи Ѳедоровны не могла быть принята изъ-за боярскаго соперничества, такъ какъ съ воцареніемъ Евдокіи Ѳедоровны государствомъ стали бы править Лопухины, а всѣ другіе знатные роды не въ авантажѣ остались бы. По той же причинѣ была отвергнута и кандидатура Прасковьи Ивановны, находившейся въ бракѣ съ И. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ. Отвергли, наконецъ, „верховники" и единственную, оставшуюся въ живыхъ, дочь Петра Великаго, Елизавету Петровну, подъ предлогомъ ея молодости и рожденія до брака. но на самомъ дѣлѣ изъ ненависти къ памяти Екатерины I и ко всему петровскому режиму съ его представителями — „выскочками" и „нѣмцами". Московская знать не любила Елизавету Петровну потому, что видѣла въ ней носительницу и преемницу несимпатичныхъ „родословнымъ людямъ" идей и порядковъ ея отца и матери, а кромѣ того, цесаревна внушала опасенія своей популярностью въ

гвардейскихъ полкахъ и въ низшихъ классахъ народа, на которые она могла, слѣдовательно, опереться, чтобы дать отпоръ властолюбію вельможъ.

Выборъ „верховниковъ“ палъ, совершенно неожиданно для современниковъ, на Анну Ивановну, герцогиню курляндскую, и хотя въ этомъ случаѣ, какъ показали послѣдствія, „дальновидность“ имъ измѣнила, но разсчетъ у нихъ былъ задуманъ тонко и въ прямомъ намѣреніи прежде всего „прибавить себѣ какъ можно воли“.

Выбрали они Анну Ивановну, помимо другихъ, съ бо́льшимъ правомъ, наслѣдниковъ, потому, что она казалась всѣхъ ихъ удобнѣе: „всѣ одинаково были увѣрены“, какъ говоритъ г. Корсаковъ, „что обездоленная вдовица приметъ какія угодно условія и согласится на все— лишь бы царствовать. Главный агитаторъ въ ея пользу среди верховниковъ, князь Д. М. Голицынъ, а за нимъ князь В. Л. Долгорукій, были убѣждены, что она безпрекословно подпишетъ „пункты“. („Послѣдній къ тому жъ мнилъ“, какъ утверждаетъ князь Щербатовъ, „отгнавъ Бирона, его мѣсто заступить“).

Эти достопамятные „пункты“ хорошо извѣстны, а чѣмъ руководились ихъ авторы — это рельефно выразилось въ первомъ же совѣщаніи „верховниковъ“ о престолонаслѣдіи, послѣ кончины Петра II. Анну Ивановну первый предложилъ князь Д. М. Голицынъ, а, впрочемъ, заключилъ свою рѣчь такъ:

— Ваша воля — кого изволите, а только надобно себѣ полегчить.

— Какъ это полегчить? спросилъ Головкинъ.

— Такъ полегчить, чтобы воли себѣ прибавить, отвѣтилъ Голицынъ.

— Хоть и зачнемъ, да не удержимъ этого, усомнился князь В. Л. Долгорукій.

— Право, удержимъ! стоялъ на своемъ Голицынъ, и всѣ „верховники“ (за исключеніемъ извѣстнаго хитреца Остермана) подписали тутъ же сочиненные имъ „пункты, чтобы не быть самодержавствію“.

Изъ этого чрезвычайно характеристическаго разговора ясно видно, что вопросъ шелъ не о томъ, кого избрать достойнѣйшаго и по закону наиболѣе правоспособнаго — это было рѣшительно все равно: „кого изволите“, а о томъ только, чтобы избранная личность наименѣе могла оказать сопротивленія стремленію вельможъ „воли себѣ прибавить“. Анна Ивановна представлялась самой для этого подходящей кандидаткой: съ нею можно было поторговаться, вручить ей скипетръ на какихъ угодно условіяхъ, и въ такомъ разсчетѣ, что если бы она отказалась ихъ принять или, принявши, нарушила, то и избраніе ея не состоялось бы, такъ какъ „верховники“ считали себя полновластными хозяевами этого дѣла. „О государынѣ такъ положено—говорилъ одинъ изъ ихъ сторонниковъ уже въ то время, когда Анна Ивановна вступила на престолъ и находилась въ Москвѣ,—

что хотя въ маломъ въ чемъ не такъ будетъ поступать, какъ ей опредѣлено, то ее, конечно, вышлютъ назадъ въ Курляндію, и для того будь она довольна тѣмъ, что она государыня россійская: полно и того!"

Поначалу, все такъ, дѣйствительно, и сложилось, какъ предположили и разочли „верховники". Анна Ивановна безпрекословно подписала „кондиціи" и согласилась на все, и если бы избравшіе ее не были ослѣплены узкими, сословио-эгоистическими вожделѣніями, если бы они преслѣдовали обще-народные интересы, или съумѣли бы, по крайней мѣрѣ, къ нимъ поддѣлаться,—то замыслы ихъ могли бы увѣнчаться совсѣмъ инымъ результатомъ, чѣмъ тотъ, который потомъ случился на ихъ бѣду.

Избраніе Анны Ивановны было сдѣлано совершенно произвольно, помимо всякихъ юридическихъ правъ и обычаевъ, безъ всякаго спроса народной воли. Верховный совѣтъ, никѣмъ не уполномоченный, взялъ на себя роль самозваннаго представителя Россіи и рѣшилъ важный вопросъ о престолонаслѣдіи сообразно лишь со своими видами и цѣлями или, по поговоркѣ, „какъ ему Богъ на душу положилъ"...

Вышеупомянутый г. Корсаковъ, авторъ недавно вышедшаго въ свѣтъ обстоятельнаго изслѣдованія—„Воцареніе императрицы Анны Іоанновны", говоря о произвольныхъ дѣйствіяхъ при этомъ верховнаго совѣта, оправдываетъ его тѣмъ, что онъ только „подражалъ въ этомъ случаѣ генералитету и сенату при воцареніи Екатерины I". Совершенно справедливо! Примѣръ для подражанія былъ до того свѣжъ и заразителенъ, по своему удачному опыту, что трудно было имъ не соблазниться. Онъ былъ у всѣхъ передъ глазами, на него даже ссылались, какъ на образецъ и оправданіе властолюбивыхъ попытокъ. Вліятельный иностранецъ, датскій посланникъ Вестфаленъ, напримѣръ, категорически внушалъ князьямъ Долгорукимъ вступить на путь этого подражанія. Если „послѣ кончины Петра Великаго—писалъ онъ князю В. Л. Долгорукому — двѣ знатныя персоны, а именно Меншиковъ и Толстой, государыню императрицу удержали, то и по вашей знатной фамиліи учинить можно, ибо вы больше силы и славы имѣете". Рѣчь шла о смѣлой попыткѣ возведенія на престолъ княжны Долгорукой—невѣсты Петра II...

Неменѣе справедливъ и выводъ, сдѣланный г. Корсаковымъ изъ обобщенія всѣхъ этихъ фактовъ и вѣрно характеризующій всю эпоху фигурированія женщинъ на русскомъ престолѣ въ прошломъ столѣтіи. Онъ говоритъ, что разъ сдѣланное при воцареніи Екатерины I „нарушеніе" правоваго порядка престолонаслѣдія „имѣло громадныя послѣдствія: оно служило прецедентомъ избранія государя произвольной группой высшихъ должностныхъ лицъ, по ихъ усмотрѣнію".

Вполнѣ соглашаясь съ выводомъ г. Корсакова, мы думаемъ, однако, что это еще не все и что онъ упустилъ изъ виду одинъ изъ глав-

ныхъ мотивовъ указаннаго „нарушенія“, въ его многократныхъ повтореніяхъ. Впрочемъ, почтенному изслѣдователю до этого мотива не могло быть и дѣла, такъ какъ опредѣленіе послѣдняго не входило въ его задачу.

Во-первыхъ, кромѣ указанныхъ „громадныхъ послѣдствій“, опытъ „нарушенія“ законнаго порядка престолонаслѣдія долженъ былъ повести еще, и повелъ на самомъ дѣлѣ, къ развитію олигархическихъ стремленій въ „группѣ высшихъ должностныхъ лицъ“, распоряжавшихся короной „по ихъ усмотрѣнію“. Это было совершенно естественное послѣдствіе такого положенія вещей, и мы видимъ, что „верховники“, одушевленные подобными стремленіями и притязаніями, пытаются уже санкціонировать ихъ на законномъ основаніи, чрезъ ограниченіе „самодержавствія“ монархической власти, жаждутъ плотно встать между этой умаленной властью и народомъ въ посреднической, всеподавляющей роли „прегордыхъ Голіаѳовъ“, уже не временныхъ и случайныхъ, а постоянныхъ, упроченныхъ и вооруженныхъ нерушимыми конституціонными полномочіями. „Право, удержимъ!“—ручался князь Голицынъ, трактуя съ товарищами-„верховниками“ объ этихъ полномочіяхъ, и своими словами весьма краснорѣчиво выразилъ созрѣвшее въ нихъ намѣреніе законно упрочить свои олигархическія стремленія.

Во-вторыхъ, о мотивѣ—что̀ для насъ самое главное. Спрашивается, откуда вытекали и на чемъ опирались, съ одной стороны, эти опыты произвольнаго „нарушенія“ правильнаго порядка престолонаслѣдія и, съ другой—эти притязанія вельможныхъ и вообще „высшихъ должностныхъ лицъ“ ограничить „самодержавствіе“ и самимъ себѣ „прибавить воли“?

Мы возвращаемся къ тому, что̀ ранѣе сказали. Мы полагаемъ, что причину этихъ явленій надо искать, главнымъ образомъ, въ томъ сцѣпленіи историческихъ случайностей, въ силу которыхъ на русскомъ престолѣ, втеченіе такого долгаго промежутка времени, непрерывно, одна за другой, царствовали женщины, не выдвигавшіяся до воцаренія Екатерины Великой изъ ряда обыкновенныхъ. Вспомнимъ, что самый верховный совѣтъ, какъ центральный о̀рганъ высшей государственной власти, забравшій потомъ такую огромную силу и начавшій распоряжаться короной „по своему усмотрѣнію“, возникаетъ впервые въ царствованіе женщины (Екатерины I), для помощи ей и вслѣдствіе именно сознанія, что государевъ скипетръ женщинѣ одной держать не подъ силу, какъ существу слабому и малоспособному. Это сознавалось всѣми. Даже противники „верховниковъ“, въ моментъ воцаренія Анны Ивановны, простое „шляхетство“, преданное ей и способствовавшее разрушить замыслы „родословныхъ людей“ ограничить „самодержавствіе“, тѣмъ не менѣе раздѣляли это коренное убѣжденіе относительно того, что женщина къ государственнымъ „трудамъ неудобна“.

Одинъ изъ вліятельнѣйшихъ представителей „шляхетства", рѣшительный сторонникъ монархическаго начала, рѣзко выступившій противъ „верховниковъ" и ихъ олигархической „затѣйки", по выраженію Ѳеофана Прокоповича, В. Н. Татищевъ, въ своемъ проектѣ государственнаго преобразованія, подписанномъ многими лицами, говоритъ объ Аннѣ Ивановнѣ слѣдующее:

„...хотя мы ея мудростію, благонравіемъ и порядочнымъ правительствомъ въ Курляндіи довольно увѣрены, однако жъ, какъ есть персона женская, къ такимъ многимъ трудамъ неудобна; паче-жъ ей знанія законовъ недостаетъ, для того, на время, доколѣ намъ Всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ, потребно нѣчто для помощи ея величеству вновь учредить".

Намъ ненужно здѣсь знать, въ чемъ заключалось это „нѣчто", по мысли Татищева. Слова его для насъ важны, во-первыхъ, какъ вѣрное отраженіе тогдашнихъ взглядовъ на личность женщины въ санѣ государыни, а, во-вторыхъ, какъ вѣское указаніе того, откуда могли возникать и въ чемъ находить для себя почву властолюбивыя стремленія, напр., „верховниковъ", и, вообще, идеи ограниченія „самодержавствія".

Если положительные сторонники неограниченнаго „самодержавствія", какимъ былъ Татищевъ, находили необходимымъ, въ сознаніи „неудобства" къ государственнымъ трудамъ „женской персоны", временно учредить „нѣчто" вспомогательное для монархической власти и, конечно, ее ограничивающее, „доколѣ Всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ", то становится ясной вся важность вліянія на современныя политическія понятія и на самый ходъ историческихъ событій факта воцаренія женщинъ.

Всѣ сознавали „неудобство" „женской персоны" къ управленію государствомъ и что „нестаточное дѣло ей на царствѣ сидѣть": но въ то время, какъ люди благонамѣренные, въ родѣ Татищева, видѣли въ этомъ печальную случайность, съ которой необходимо примириться до вожделѣннаго ниспосланія Всевышнимъ на престолъ „мужеской персоны",—властолюбивые вельможи пользовались этой случайностью для осуществленія своихъ олигархическихъ замысловъ и на женской слабости государыни основывали свои надежды „воли себѣ прибавить", а также забрать кормило правленія въ свои руки.

Какъ бы тамъ ни было, но приведенные факты и, вообще, вся исторія царствованія женщинъ на русскомъ престолѣ въ прошломъ столѣтіи представляютъ намъ очевидную, непосредственную зависимость и параллельность слѣдующихъ важныхъ историческихъ явленій: во-первыхъ, неоднократнаго—немыслимаго ни прежде, ни послѣ, но постоянно почти сопровождающаго воцареніе женщинъ за данный періодъ—нарушенія правоваго порядка престолонаслѣдія придворными „должностными лицами", изъ разсчета пользоваться женской слабостью

государынь для своихъ властолюбивыхъ цѣлей; и, во-вторыхъ, причиннаго и одновременнаго съ появленіемъ женскихъ личностей на престолѣ возникновенія идей ограниченія монархической власти конституціоннымъ „нѣчто“, въ той или другой формѣ.

Положимъ, ни олигархическая „затѣйка“ „верховниковъ“, ни „нѣчто“ Татищева и его единомышленниковъ, проектировавшихъ государственное преобразованіе въ духѣ „общенародія“, для вспомогательнаго содѣйствія монархической власти, не осуществились ни тогда, ни послѣ. Общественныя силы были слишкомъ для этого разрознены и неподготовлены. Но причины, вызвавшія эти замыслы и стремленія, находившія себѣ почву и оправданіе въ „неудобствѣ“ къ управленію „женскихъ персонъ“, остались во всей силѣ и повели къ нарожденію чего-то гораздо худшаго, чѣмъ даже „затѣйки“ „родословныхъ людей“, ибо можно ли было придумать что нибудь хуже наступившей вслѣдъ затѣмъ Бироновщины?

IV.

Мы, конечно, не можемъ раздѣлять отрицательнаго и отчасти презрительнаго взгляда на женщину нашихъ предковъ, столь характеристично проявлявшагося въ разсматриваемой сферѣ историческихъ переворотовъ и отношеній; но нельзя не сказать, что невыгодное мнѣніе современниковъ данной эпохи о способностяхъ „женскихъ персонъ“ къ государственнымъ трудамъ довольно часто и краснорѣчиво подтверждалось на практикѣ самыми убѣдительными фактами.

То, о чемъ мечтали, при воцареніи Анны Ивановны, „верховники“, замышляя облечь свои мечтанія въ прочныя легальныя формы, и то, противъ чего вооружались благонамѣренные патріоты—Татищевы, въ огражденіе неприкосновенности монархическаго начала, нашло себѣ рельефное и полное отождествленіе въ фаворитизмѣ, составляющемъ отличительную и самую печальную черту эпохи женскаго правленія.

Дорого заплатили „верховники“ за свои властолюбивыя притязанія, но съ ихъ казнями и ссылками отнюдь не упразднилась возможность появленія на Руси новыхъ, болѣе счастливыхъ и нерѣдко болѣе антипатичныхъ, „прегордыхъ Голіаѳовъ“, въ лицѣ безконечнаго ряда временщиковъ и фаворитовъ, эксплуатировавшихъ слабохарактерность, малоспособность и бездѣятельность благоволившихъ къ нимъ „женскихъ персонъ“, сидѣвшихъ на престолѣ...

„Челобитчики о самодержавіи не думали не гадали,—говоритъ г. Корсаковъ,—что изъ монархической власти Анны Ивановны выраститъ та нѣмецкая олигархія, которая извѣстна подъ именемъ Бироновщины; не думали русскіе шляхтичи, что слово „русскій“ станетъ въ царствованіе Анны Ивановны чуть не позорной кличкой,

не предполагали они, что тѣ внутреннія нестроенія, поправить которыя они хотѣли средствами, предложенными ими въ проектахъ, еще болѣе усилятся въ правленіе Анны Ивановны".

Съ первыхъ же годовъ царствованія Анны Ивановны неудовольствіе охватило всѣми. „Народное чувство—говоритъ Соловьевъ—было сильно оскорблено, когда увидали небывалое явленіе—фаворита иностранца; когда увидали перваго кабинетъ-министра—иностранца, двоихъ дѣйствующихъ фельдмаршаловъ—иностранцевъ, президентовъ коллегій—иностранцевъ. Съ этимъ явленіемъ не могли помирить никакіе таланты, никакая благонамѣренность, никакой блестящій успѣхъ въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ; а тутъ, какъ нарочно, главное лицо, фаворитъ, былъ человѣкъ безъ достоинствъ, безплодно для Россіи кормившійся на ея счетъ".

Дѣйствительно, оскорбленіе это было почувствовано въ одинаковой степени всѣми русскими людьми, какъ вверху, такъ и внизу, особенно, когда гнетъ иноземной олигархіи сталъ выражаться нестерпимыми жестокостями, подозрѣніями и гоненіями противъ всякаго, кто позволялъ себѣ обнаружить малѣйшій признакъ недовольства и протеста. Болѣе мрачнаго періода въ новѣйшей исторіи нашей не было, потому что, за исключеніемъ бироновскихъ клевретовъ и, вообще, нѣмцевъ, люди всѣхъ классовъ и партій ходили съ поникнутыми головами, единодушно сходясь въ чувствѣ страха и скорби за себя лично и за родину.

Все это опять, естественнымъ путемъ, должно было поддерживать въ русскихъ людяхъ традиціонное предубѣжденіе къ женщинѣ вообще, и къ женской власти на престолѣ въ особенности. Въ этой именно власти—въ ея слабости и утлости—видѣли коренную причину удручавшаго всѣхъ тяжелаго порядка вещей и вотъ—опять, то тамъ, то здѣсь, начинаетъ слышаться ропотъ лично на государыню, какъ на женщину, которой-де вовсе „нестаточное дѣло на царствѣ сидѣть". А одновременно съ неумолимой свирѣпостью начинаетъ работать страшная тайная канцелярія, тщетно стараясь жестокими пытками унять голоса недовольныхъ и пресѣчь „неудобьсказуемыя поношенія"...

Неудовольствіе въ царствованіе Анны Ивановны питалось, главнымъ образомъ, безграничнымъ самовластіемъ Бирона и преобладаніемъ иноземцевъ въ дѣлахъ управленія, затѣмъ—широкимъ развитіемъ системы фискальства, жестокостями и несправедливостями судебно-полицейской власти и, наконецъ, невиданной дотолѣ расточительной роскошью двора, требовавшей громадныхъ издержекъ и сопровождавшейся безпощадными поборами съ разореннаго народа.

Могли быть и бывали такія невзгоды и въ царствованіе государей мужскаго пола, но теперь объ этомъ не разсуждали и всю причину бѣды видѣли въ томъ, что на престолѣ сидитъ женщина.

— Гдѣ ей столько знать, какъ мужской полъ? Будетъ вѣровать боярамъ,—говорили люди простые, въ безхитростной формѣ выражая

ходячее общее мнѣніе:—Бабьи городы никогда не стоятъ, бабьи сѣни высоко не стоятъ. Хлѣбъ не родится, потому что женскій полъ царствомъ владѣетъ... При первомъ императорѣ намъ житье было добро, а нынѣ намъ стало что годъ, то хуже; какое нынѣ житье за бабою?

Такъ разсуждали плательщики податей подъ гнетомъ непомѣрныхъ поборовъ, вынуждаемыхъ, притомъ, жестокимъ правежомъ.

Тягость „житья за бабою" усугублялась для простаго народа широко развившейся системой откуповъ и безграничностью сопровождавшихъ ее злоупотребленій.

На это указывалось въ замѣчательномъ доносѣ, поданномъ при Аннѣ Ивановнѣ, гдѣ прямо говорилось, что „неусмотрѣніемъ сената продано все земледѣльчество и купечество безъ положенныя цѣны, первое на расхищеніе... второе на разореніе и великое разграбленіе всего народу откупщикамъ и компанейщикамъ". Доносъ винилъ послѣднихъ въ томъ, что они спаиваютъ народъ въ кабакахъ и—„многіи въ піанствѣ своемъ проговариваются, и къ тѣмъ празднымъ словамъ приметываются приказные и прочіе чины, и отъ того становятся великіе изъяны"... „Многія тысячи дѣльныхъ и годныхъ людей смертію казнены, а другихъ множество народа бьютъ кнутомъ и посылаютъ на вѣчную работу".

Рѣчь шла о многочисленныхъ жертвахъ шпіонства и оговора „словомъ и дѣломъ", какъ результатѣ чрезмѣрной подозрительности правительства, имѣвшаго, впрочемъ, довольно основаній считать себя неособенно популярнымъ въ народѣ.

Недовольство было распространено и въ войскѣ. Солдаты жаловались на притѣсненіе начальниковъ—нѣмцевъ, на изнуреніе суровой муштрой и трудностями походной жизни въ непрерывномъ почти рядѣ войнъ. Начальствовавшій надъ русскими войсками Минихъ похваляется въ своихъ „Запискахъ", что его русскіе воины величали „столбомъ престола" и „соколомъ"; но изъ дѣлъ тайной канцеляріи узнаёмъ, что ходили на его счетъ въ средѣ солдатъ и далеко не столь лестные отзывы.

Въ 1732 году былъ такой случай:

Въ Петергофѣ, осенью, находились на казенной работѣ солдаты „Володимірскаго" пѣхотнаго полка. Видно, работа была нелегкая и непріятная, наводившая на мрачныя мысли о солдатскомъ житьѣ-бытьѣ вообще. На эту-то тему и завелъ „тихій" разговоръ съ товарищами гренадеръ Илья Вершининъ.

— Нынѣ-де, говорилъ онъ,—умножилось работъ, и таскатни и смотровъ солдатамъ, а все это отъ генералъ-фельдмаршала графа фонъ-Миниха. Потому-де много дѣла, коли оной фонъ-Минихъ во всемъ волю взялъ, то-де онъ живетъ съ ея императорскимъ величествомъ...

Только и рѣчей было, но ихъ оказалось слишкомъ достаточно для объявленія страшнаго „слова и дѣла" однимъ изъ слушателей, а тайной канцеляріи для начатія розыска. Сообщилъ объ этихъ рѣчахъ

товарищъ Вершинина, Погуляевъ, солдату Воронкову, а тотъ довелъ ихъ до ушей инквизиторовъ тайной канцеляріи. Потянули рабовъ божіихъ въ застѣнокъ.

На пыткѣ Погуляевъ покаялся, что онъ выдумалъ на Вершинина, а выдумалъ, въ надеждѣ избавиться отъ предстоявшаго ему наказанія за кражу показаньемъ „слова и дѣла".

На этомъ основаніи, канцелярія освободила Вершинина, Погуляева присудила, за ложный доносъ, къ отсѣченію головы, а Воронкова постегала батогами за то, что онъ, яко бы, не всѣ, относившіяся до дѣла, рѣчи, какія отъ Погуляева слышалъ, довелъ до свѣдѣнія любознательныхъ дѣлопроизводителей канцеляріи [1]).

Трудно сказать, когда лгалъ Погуляевъ—до пытки ли, въ своемъ доносѣ, или на пыткѣ, при дознаніи? Изъ дѣла видно только, что онъ очень былъ озабоченъ спасеніемъ своей грѣшной души, вслѣдствіе чего, при совершеніи надъ нимъ казни, завѣщалъ, чрезъ секретаря тайной канцеляріи Хрущова, свой „выслуженный полковой мундиръ, а именно: кафтанъ суконный зеленый, камзолъ суконный же красный, съ пуговицами мѣдными, отцу своему духовному, церкви верховныхъ апостолъ Петра и Павла, что въ с.-петербургской крѣпости, священнику Григорію Ѳедорову, для поминовенія его души".

Сама тайная канцелярія очень рѣдко знала, гдѣ правда и гдѣ ложь въ показаніяхъ попадавшихъ въ ея руки кліентовъ, дѣлавшихъ изъ-подъ мучительной пытки такія иногда признанія, которыя имъ до того и во снѣ не снились.

Дѣйствительно, ложные доносы были тогда вещью весьма обыкновенной, но уже по ихъ содержанію можно судить о настроеніи умовъ, о томъ—въ какую сторону и на какіе предметы обращалось бродившее въ массѣ неудовольствіе. А что въ средѣ солдатъ не было недостатка въ недовольныхъ сложившимся порядкомъ вещей и относившихся отрицательно къ „бабьему правленію", доказывается слѣдующимъ крупнымъ фактомъ, имѣвшимъ мѣсто въ концѣ царствованія Анны Ивановны.

Убѣжденіе въ незаконности женской власти на престолѣ, подкрѣпляемое наглядно бѣдствіями, притѣсненіями и несправедливостями, исходившими сверху отъ приближенныхъ къ государынѣ иноземцевъ, послужило благодарной почвой для обычнаго въ такихъ случаяхъ появленія смутной фикціи о пришествіи на царство законнаго государя въ мужскомъ полѣ. Это былъ естественный выводъ изъ сознанія неправости и ненормальности женской власти на престолѣ.

Въ массѣ стали ходить фантастическіе толки, разсказы и пророчества о предстоящемъ низверженіи Анны Ивановны и о явленіи на ея мѣсто законнаго государя. Въ Москвѣ, въ 1733 г., былъ пойманъ

---

[1]) Государствен. архивъ, VII, № 299. (Изъ портфеля редакціи „Историческ. Вѣстника").

какой-то раскольническій пророкъ, который предсказывалъ, что на Благовѣщеніе будетъ на Руси страхъ великъ и гнѣвъ Божій, и сама Анна Ивановна будетъ призвана въ Москву на судъ, чего ради она изъ Москвы и удалилась, „какъ бы ей того отбыть"...

Затѣмъ, стали ходить слухи о существованіи царевича—наслѣдника престола. Уже вскорѣ по воцареніи Анны, недовольные наступленіемъ „бабьяго правленія" винили Долгорукихъ въ томъ, что они, будто-бы, „извели" императора Петра II отравой; но, какъ всегда, къ этому присоединилась молва, что царевичъ избѣжалъ смерти и скрывается. Расли и ширились эти розсказни, питаемыя общимъ нерасположеніемъ къ царствовавшей государынѣ, пока, наконецъ, не нашли себѣ классическаго воплощенія въ появившихся самозванцахъ.

Въ 1734 году, почти одновременно, близъ Тамбова, объявилось два самозванца — Стародубцевъ, назвавшійся царевичемъ Петромъ Петровичемъ, и Тимофей Труженикъ, наименовавшійся царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Большой смуты имъ не удалось совершить, какъ не удалось этого и смѣнившему ихъ въ 1738 г. новому самозванцу, болѣе предпріимчивому. Это былъ польскій шляхтичъ Иванъ Миницкій изъ города Поддубны; онъ вышелъ въ Россію и лѣтъ двадцать бродилъ по монастырямъ, въ которыхъ нерѣдко заявлялъ себя „изступленіемъ ума". Къ самозванству побудило его видѣніе; явился ему Христосъ и сказалъ: „Поди, явись мірови и объяви о себѣ, что ты царь Алексѣй Петровичъ, ты на это родился"... Миницкій такъ и сдѣлалъ. Въ селѣ Ярославцѣ, находясь среди рабочихъ, позвалъ къ себѣ мѣстнаго священника и сказалъ ему: „Я царь Алексѣй Петровичъ и хожу многіе годы въ нищенствѣ; поди, объяви это въ церкви предъ всѣмъ народомъ; хотя мнѣ смерть или животъ будетъ, только бъ всѣмъ явно было, что я царь Алексѣй Петровичъ подлинно"...

Повѣрилъ ли священникъ, или испугался угрозъ, но только во всемъ послушалъ самозванца. На другой день Миницкій позвалъ мѣстныхъ солдатъ и, объявивъ себя царемъ, требовалъ отъ нихъ „послужить ему вѣрою и правдою". Солдаты пали на землю и со слезами клялись „постоять" за мнимаго царя, который зналъ, чѣмъ можно обольстить ихъ.

— Вставайте, сказалъ онъ имъ:—я вашу нужду знаю, будетъ вскорѣ радость: съ турками заключу міръ вѣчный...

Когда мѣстное начальство, узнавъ о самозванцѣ, послало казаковъ схватить его, солдаты и крестьяне вооружились на его защиту и не отдали. Самозванецъ пошелъ въ церковь и торжественно былъ встрѣченъ признавшимъ его священникомъ, съ крестомъ и хоругвями. Въ церкви, при огромномъ стеченіи народа, ему пропѣли „многая лѣта", какъ воцарившемуся государю Алексѣю Петровичу, самъ онъ сталъ въ царскихъ вратахъ съ крестомъ, и народъ подходилъ къ нему, прикладывался ко кресту и цѣловалъ ему руки... Начальство мѣстное

догадалось во-время потушить искру: оно ворвалось въ церковь съ значительной казачьей командой и успѣло арестовать самозванца.

Узнавъ объ этомъ случаѣ, петербургскія власти очень встревожились. Дѣло сочли важнымъ по усердію, какое оказали солдаты къ самозванцу, и, чтобъ произвести сильное впечатлѣніе, предали виновныхъ страшной казни. Миницкій и священникъ были посажены на колъ, многимъ изъ ихъ соучастниковъ отрубили головы, другихъ четвертовали...

Такимъ-то образомъ выразилась оппозиція „бабьему правленію“ при Аннѣ Ивановнѣ, внизу—въ средѣ простонародья и солдатчины. Посмотримъ теперь, что̀ думали и какъ выражали свое мнѣніе „вверху стоящіе“.

V.

Безъ сомнѣнія, заносчивый произволъ Бирона и вообще гнетъ иноземной олигархіи болѣе всего чувствовали близко стоявшіе къ престолу и къ государственному управленію русскіе люди высшаго, чиновнаго класса. Прежде всѣхъ почувствовали это „родословные люди“, такъ или иначе примыкавшіе къ партіи „верховниковъ“, сдѣлавшихся предметомъ непримиримой ненависти Анны Ивановны и ея любимца, къ которому они отнеслись недавно съ такимъ презрѣніемъ. Длинный рядъ опалъ, ссылокъ и казней, обрушившихся на ихъ головы, хорошо извѣстенъ...

Русская старинная знать и чиновничество, воспитанное въ духѣ петровской политики, дававшей всюду преобладающее господство русской національности, были глубоко оскорблены и прониклись затаеннымъ нерасположеніемъ къ императрицѣ.

— Какая она государыня: она шведка! говорилъ, по показанію канцеляриста Тишина, опальный князь И. Долгорукій въ ссылкѣ, порицая отношенія государыни къ Бирону и жалуясь на то, что она „разорила фамилію и родъ ихъ весь“.

Жаловались на императрицу и тѣ вельможи, которые оставались при дворѣ и не подвергались ни „разоренію“, ни открытой опалѣ, пользуясь, повидимому, милостью Анны.

— Государыня мнѣ говорила, жаловался извѣстный кабинетъ-министръ, князь А. М. Черкасскій: „Богъ тебя не оставитъ, также и я, пока буду жива, тебя не оставлю“, а какую я отъ нея милость вижу? Вотъ бездѣлица: пожаловали было намъ троимъ китайскіе товары—Головкину, Остерману и мнѣ; когда Головкинъ умеръ, тогда изволила сказать: „вотъ вамъ и его часть даю“; а послѣ того изъ тѣхъ товаровъ лучшіе выбрала себѣ на 30,000 рублей, а остальные велѣла раздѣлить на нѣсколько частей; а теперь не подарила мнѣ доимки на моихъ крестьянахъ... Выйду въ отставку.

Черкасскій винилъ въ этихъ обидахъ и Бирона, называя его злымъ человѣкомъ; но тутъ руководила имъ личная корысть. Другіе недо-

вольные изъ высшаго класса общества порицали Анну Ивановну изъ-за побужденій болѣе чистыхъ и широкихъ. Главнымъ образомъ, винили ее за слабость къ иноземцамъ. По этому предмету стали слагаться даже весьма характеристическія легенды.

Въ толпѣ распространилась молва, что государыня простерла свое благоволеніе къ иноземцамъ до того, что назначила, будто бы, наслѣдникомъ престола своего любимца Левольда (Левенвольда, оберъ-шталмейстера). Говорили, что князь В. В. Долгорукій возсталъ противъ этого и за то подвергся опалѣ. Его начали превозносить въ обществѣ, какъ героя-обличителя, граждански пострадавшаго за пользу родины и правду. Такимъ образомъ, недовольство стало получать патріотическую окраску, и когда началось гоненіе на всѣхъ бывшихъ „верховниковъ", то еще недавно возбужденная противъ нихъ вражда въ „шляхетскомъ" обществѣ смѣнилась теперь единодушнымъ сочувствіемъ. Въ нихъ видѣли русскихъ патріотовъ, падающихъ жертвами враговъ Россіи—иноземцевъ, облеченныхъ властью и довѣріемъ слабой женщины, которой, по несчастію, судьба судила сѣсть на русскій престолъ. А неизбѣгшій той же участи Волынскій превознесенъ былъ, какъ извѣстно, въ народные герои, и память о немъ съ такимъ ореоломъ перешла въ потомство.

Ропотъ былъ всеобщій.

— Нынѣ силу великую имѣютъ оберъ-камергеръ Биронъ и фельдмаршалъ Минихъ, которые что хотятъ, то и дѣлаютъ, и всѣхъ насъ губятъ, говорили вельможные люди.

Особенно возмущалъ ихъ Биронъ своимъ наглымъ высокомѣріемъ, доходившимъ до того, что онъ однажды сказалъ сенаторамъ въ лицо, что „велитъ ихъ, вмѣсто мостовинъ, для исправленія мостовъ положить".

— Биронъ взялъ силу и государыня безъ него ничего не сдѣлаетъ, жаловалось „шляхетство"; — всѣмъ нынѣ овладѣли иноземцы. Лещинскій изъ Данцига уѣхалъ мильонахъ на двухъ, не даромъ его графъ Минихъ упустилъ. Графъ Ягужинскій обо всемъ писалъ къ государынѣ; а когда Минихъ пріѣхалъ въ Петербургъ и повидался съ Бирономъ, то и нѣтъ ничего и все пропало: знать, что подѣлился съ нимъ. Вотъ какія фигуры дѣлаются у насъ! Государыня безъ Бирона ничего не сдѣлаетъ—все дѣлаетъ Биронъ. Нѣтъ у насъ никакого добраго порядка...

Еще рѣзче высказывалось противъ фаворитовъ Анны Ивановны и иноземцевъ духовенство, движимое интересами православія.

— Нынѣ увидѣхомъ, разсуждали ревнители церкви,—что они (Биронъ, Минихъ и вообще нѣмцы) яко эмиссаріи діавольскіе влѣзли въ Россію со своимъ сонмищемъ, имъ же попустившу Богу богатства, слава и честь желанная приключишася, сія бо обѣтова имъ сатана, да подъ видомъ министерства и вѣрнаго служенія государству россійскому, еже первѣйшее и дражайшее всего въ Россіи православіе и благочестіе не только превратятъ и, искореня, истребятъ.

Людей аскетическаго образа мыслей, поклонниковъ строгаго благочестія, возмущала пышность и расточительная роскошь двора Анны Ивановны.

— Какъ не боготворятъ чрево—говорили въ монастыряхъ,—когда, тирански собирая съ бѣднаго подданства слезныя и кровавыя подати, употребляютъ на объяденія и пьянства, и какъ сатанѣ жертвы не приносятъ, когда слезные и кровавые сборы употребляютъ на потѣхи? А на все это государыню приводятъ иноземцы, понеже у нихъ крестьянъ нѣтъ и жалѣть имъ некого, хоть всѣ пропади... Чай, хуже собакъ почитаютъ. Пропащее наше государство!

Раздраженіе противъ Бирона и нѣмцевъ расло съ каждымъ днемъ и внушило одному наблюдательному современнику-иностранцу опасеніе, „чтобъ русскіе не сдѣлали того же съ ними, что сдѣлали съ поляками при Лжедмитріи, хотя поляки и не подавали такихъ сильныхъ причинъ къ ожесточенію".

Объемъ и силу этого ожесточенія лучше всего свидѣтельствуютъ безчисленныя дѣла тайной канцеляріи о проявленіяхъ ропота противъ иноземцевъ и противъ императрицы за то, что она имъ покровительствовала.

У насъ подъ рукою имѣются два дѣла по этому предмету, возбужденныя уже въ царствованіе Елизаветы Петровны, но по своей сущности и характеру, непосредственно относящіяся ко времени Анны Ивановны [1]). Это какъ бы запоздалые отклики господствовавшаго тогда настроенія умовъ, показывающіе до какой степени было глубоко въ русскомъ обществѣ недовольство Бироновщиной. Иначе нельзя объяснить живучесть этого недовольства, проявлявшагося по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ того, какъ его причина уже исчезла. Впрочемъ, дѣла эти характеризуютъ, съ другой стороны, и ту деморализацію, которая посѣяна была въ русскомъ обществѣ во время Анны Ивановны необыкновеннымъ развитіемъ наушничества и ябедничества. Переходимъ къ ихъ изложенію.

Въ 1745 году содержались въ крѣпости св. Анны, въ числѣ другихъ арестантовъ, Козловскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ Иванъ Буровъ, за кражу „изъ вѣдѣнія своего разныхъ фортификаціонныхъ матеріаловъ и за прочіе непорядочные поступки", рядовой того же полка Василій Пичугинъ, за дезертирство и „утраченіе мундирнаго камзола", да Ѳедоръ Уголковъ, кондукторъ инженернаго корпуса, „за непорядочный его поступокъ, что въ ночное время тайно взошелъ въ крѣпость св. Анны, перелѣзши чрезъ городовую стѣну"...

Всѣ трое были уже осуждены и приговорены: Буровъ—къ смертной казни чрезъ повѣшеніе, Пичугинъ — къ наказанію кнутомъ до 50 ударовъ и, съ вырываніемъ ноздрей передъ полкомъ, къ ссылкѣ въ каторжную работу на галеры, и Уголковъ—къ наказанію кнутомъ

---

[1]) Государствен. арх., VII, 994. (Изъ портфеля ред. „Историческаго Вѣстника").

„безъ пощады“ и къ ссылкѣ въ „вѣчную работу“, опять-таки съ неизбѣжнымъ вырываніемъ ноздрей.

Имѣя въ близкой перспективѣ такую жестокую и сугубую экзекуцію, арестанты, конечно, не были расположены къ беззаботному и ясному взгляду на текущія дѣла и событія въ отечествѣ. Снѣдала ихъ также мысль—нельзя ли какъ нибудь отвлечь, если не избыть, грозившую кару? Средство для того напрашивалось само въ руки—средство испытанное и вѣрное, хотя и хлопотливое.

Какъ-то, въ одно прекрасное утро, Пичугинъ, выйдя на дворъ, увидѣлъ сидящихъ на лавкѣ Бурова и Уголкова и непримѣтно сѣлъ позади—къ нимъ спиною. Очень его заинтриговалъ разговоръ товарищей по заключенію.

— Вотъ, всемилостивѣйшая государыня Елизавета Петровна,—говорилъ Буровъ,—изволила сѣсть на царство и милость показала до военныхъ людей, также до черни...

— А какъ государыня Анна Ивановна здравствовала, возразилъ Уголковъ,—и милости никому не изволила казать, кромѣ иноземцевъ, а нашихъ русскихъ все ссылала и думала думу, чтобъ наше государство разорить.

— Кто думу-то думалъ, тому Богъ долго вѣку не продлилъ! замѣтилъ наставительно Буровъ.

Уголковъ свернулъ разговоръ на щекотливую тему о наслѣдникѣ престола.

— Ежели, сказалъ онъ, — Богъ сочетаетъ бракомъ благовѣрнаго государя великаго князя Петра Ѳедоровича, то недолго дадутъ пожить—тотчасъ, какъ грибка молоденькаго, скушаютъ...

Вымолвивъ эти „непристойныя слова“, легкомысленный кондукторъ оглянулся и только тутъ примѣтилъ, что его слушаетъ третье лицо.

— Кто тутъ сидитъ? встревоженно опросилъ онъ Пичугина.

— Я сижу, спокойно отвѣтилъ тотъ.

— Давно ли ты здѣсь?

— Недавно... Пришелъ съ работы.

— Гдѣ ты былъ на работѣ?

— Былъ на работѣ у господина бригадира Вырубова (коменданта крѣпости).

Буровъ привязался къ этому и сталъ осуждать Вырубова.

— Вотъ, сказалъ онъ,—указъ ихъ величествъ есть, чтобъ солдатъ въ собственную работу не употреблять, а онъ, несмотря на то, употребляетъ, да еще въ высокоторжественные дни тезоименитства ея императорскаго величества и его императорскаго высочества...

— Не что̀ дѣлать здѣсь въ камышахъ... Генералитета нѣтъ—некому доносить! промолвилъ Уголковъ.

— Дай-ка мы объ этомъ донесемъ! предложилъ вдругъ эксъ-прапорщикъ.

— А какъ намъ донести?

— Очень просто: я закричу за собою „слово и дѣло“, а ты у меня будешь въ свидѣтеляхъ.

— Изволь! Доноси—я согласенъ...

И, порѣшивши на этомъ, пріятели разошлись.

Но Пичугинъ—травленный ходокъ по части доносовъ,—быстро сообразивъ, какая отмѣнная оказія выслужиться представляется ему самому, предупредилъ Уголкова и Бурова въ объявленіи „слова и дѣла“. По обычному порядку, всѣхъ трехъ взяли на допросъ „съ пристрастіемъ“. Пытали ихъ и въ Воронежѣ, пытали и въ Москвѣ, и, наконецъ, допытались до истины. Уголковъ и Буровъ подтвердили справедливость доноса и повинились въ „непристойныхъ“ словахъ. Очень характеристично, при этомъ, объясненіе Буровымъ его словъ относительно Анны Ивановны: „а кто думу-то думалъ, тому-де Богъ вѣку долго не продлилъ“.

— Говорилъ онъ ихъ въ такой-де силѣ, что въ россійскомъ государствѣ опредѣленъ былъ регентомъ бывшій герцогъ курляндскій, и имѣлъ правленіе россійскаго государства, и потомъ за непорядочные и нерадѣтельные его къ государству поступки отъ регентства отрѣшенъ, а не въ другой какой силѣ.

Биронъ и его близкіе дѣлаются центромъ кружившихъ въ обществѣ разговоровъ о внутренней политикѣ, о дворѣ и объ отношеніяхъ входившихъ въ его составъ лицъ. Бирономъ поглощено все до того, что самое общество разбивается на двѣ господствующія партіи—его сторонниковъ и поклонниковъ, и его антагонистовъ. На Биронѣ, какъ на символѣ вѣры, люди либо сходятся и дружелюбно объединяются, какъ одномышленники, либо враждуютъ и ссорятся изъ-за того только, что одному Бироны любы, а другому—антипатичны. Въ высшей степени поучительная, въ этомъ отношеніи, кляузная ссора вышла между гвардейскими офицерами Палембахомъ, Нащокинымъ и Сумароковымъ, въ 1745 году, въ Петербургѣ.

Этотъ фактъ опять-таки показываетъ, до какой степени живуча была въ памяти современниковъ Бироновщина, если, спустя уже нѣсколько лѣтъ по паденіи Бироновъ, они продолжаютъ служить однимъ изъ циркулирующихъ интересовъ въ обществѣ, и настолько еще напряженно, что изъ разногласія по этому предмету возникаетъ цѣлая ссора, доходящая до судебно-полицейскаго разбирательства.

Былъ іюльскій день. Капитанъ гвардіи Нащокинъ сидѣлъ дома и ждалъ къ себѣ гостей—князя Шаховскаго, Сергѣя Строганова и Петра Сумарокова, обѣщавшихъ пріѣхать къ нему, „по дружеству“, обѣдать. Въ это время заходитъ къ нему товарищъ, Измайловскаго полка капитанъ Густавъ Палембахъ, и заявляетъ, что пришелъ къ нему отобѣдать запросто—незваннымъ.

— Весьма кстати, говоритъ гостепріимный хозяинъ:—у меня сегодня обѣдаетъ нѣсколько человѣкъ.

— Кто къ тебѣ будетъ? спросилъ Палембахъ.

Нащокинъ назвалъ гостей поименно.

Услышавъ имя Сумарокова, Палембахъ вспыхнулъ и, „съ великимъ сердцемъ, ходя по свѣтлицѣ“, говорилъ:

— Я его (т. е. Сумарокова) за каналію почитаю... Онъ—нынѣшній прыщъ (sic!), надѣлъ ленту, и такой недобрый человѣкъ, что подговариваетъ государыню Бирона въ ссылку послать въ гварнизонъ—въ прапорщики, какъ онъ отъ нихъ посланъ былъ... Я бы за Бирона мою шпагу всегда окрасилъ, только придворные—они трусы...

Какъ на грѣхъ, въ эту самую минуту подъѣхалъ къ дому Нащокина легкій на поминѣ Сумароковъ. Увидѣвъ его въ окно, храбрый капитанъ, за минуту угрожавшій „окрасить“ свою шпагу въ его крови, вдругъ спасовалъ и поспѣшно отретировался изъ дома хозяина, „чрезъ задніе покои, чтобъ не встрѣчаться“ съ „трусомъ“... Впослѣдствіи Палембахъ объяснялъ свое бѣгство тѣмъ, что онъ просто бѣжалъ отъ самого себя, боясь, что при видѣ Сумарокова „вступить съ нимъ въ ссору, зачѣмъ онъ бѣднаго человѣка (Бирона) такъ обидѣлъ“. Видно, капитанъ былъ храбръ съ оглядкой...

Интересны мотивы раздраженія Палембаха противъ недоброжелателей Бироновъ. Онъ былъ нѣмецъ и, очевидно, принадлежалъ, по духу и по связямъ, къ бироновской иноземной партіи, еще недавно господствовавшей при дворѣ. Съ ея паденіемъ и съ возвышеніемъ въ дни Елизаветы коренныхъ русскихъ людей, всѣ нѣмцы, конечно, повѣсили носы и выражали недовольство. Но кромѣ этого общаго для всѣхъ нѣмцевъ мотива раздраженія, Палембахъ имѣлъ еще личные поводы дорожить памятью Бироновъ и негодовать на ихъ торжествующихъ недоброхотовъ. Онъ служилъ въ Измайловскомъ полку, которымъ, при Аннѣ Ивановнѣ и послѣ, командовалъ Густавъ Биронъ, братъ герцога курляндскаго. Палембахъ состоялъ при немъ адъютантомъ—былъ, слѣдственно, приближеннымъ лицомъ и считалъ его своимъ благодѣтелемъ. Естественно, что паденіе благодѣтеля должно было сильно тронуть чувствительное сердце его фаворита и земляка.

— Я объ Биронѣ имѣлъ сожалѣніе потому, что онъ былъ ко мнѣ добръ,—оправдывался впослѣдствіи въ тайной канцеляріи Палембахъ въ своемъ злословіи на Сумарокова.

Эта, въ сущности вздорная, исторія дошла до вѣдѣнія властей, благодаря, съ одной стороны, болтливости Нащокина и, съ другой—чрезмѣрной обидчивости и кляузничеству Сумарокова. Все это, впрочемъ, очень хорошо характеризуетъ тогдашніе нравы.

Не успѣлъ Палембахъ скрыться изъ гостепріимнаго дома Нащокина, а на его мѣсто войти Сумароковъ, какъ предупредительный хозяинъ „тогда же все случившееся и объявилъ“ сему послѣднему. Сплетня упала на благодарную почву и невдолѣ изъ нея выросло цѣлое государственное дѣло „о непристойныхъ словахъ“.

Шуваловъ именемъ императрицы приказалъ тайной канцеляріи начать „изслѣдованіе". Прежде всего позвали къ допросу Нащокина, но такъ какъ онъ на ту пору заболѣлъ, то Шуваловъ лично ѣздилъ къ нему на домъ снимать допросъ. Очевидно, дѣло сочли экстреннымъ и важнымъ.

Кромѣ вышеизложеннаго разговора съ Палембахомъ, Нащокинъ прибавилъ еще одинъ обвинительный эпизодъ.

...„По сущей совѣсти, еще ей-ей! въ правду вашему превосходительству доношу, — писалъ онъ въ своемъ показаніи, — что оной Пальбахъ, когда я ѣхалъ мимо его квартиры, остановясь спрашивалъ, что, ему за причина, что онъ такъ на Сумарокова злится? На что онъ сказалъ: „Я-де тебѣ сказалъ, что кто Бирону неpріятель, противъ того я самъ непріятель".

На вопросъ же, отчего онъ къ нему, Нащокину, перестал ѣздить. Палембахъ отвѣчалъ:

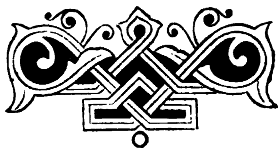
— Къ тебѣ-де ѣздятъ придворные.

„И болѣе ничего не говорилъ".

Дѣло тянулось почти полгода и окончилось довольно благополучно для Палембаха. Онъ сознался во взведенномъ на него, по доносу, обвиненіи, но оправдывался тѣмъ, что „непристойныя слова" о Сумароковѣ вырвались у него „съ простоты", безъ „злаго намѣренія", единственно изъ состраданія къ Бирону. 14 декабря 1745 г. тайная канцелярія объявила ему высочайшій указъ, въ которомъ было сказано, что „хотя онъ, Палембахъ, „по силѣ государственныхъ правъ", подлежалъ-бы строгому взысканію, но ея императорское величество изъ природнаго милосердія всемилостивѣйше оное ему оставить и его, Палембаха, отдавъ ему шпагу, изъ подъ ареста свободить попрежнему повелѣть соизволила, токмо съ такимъ обязательствомъ, чтобы онъ отъ такихъ и тому подобныхъ непристойныхъ словъ имѣлъ воздержаніе и предосторожность, а о чемъ въ тайной канцеляріи былъ онъ спрашиваемъ и что показывалъ, о томъ бы ни съ кѣмъ никогда разговоровъ онъ не имѣлъ и никому ни чрезъ что не сообщалъ и содержалъ-бы все то въ вышнемъ секретѣ"... „А ежели впредь противно сему въ чемъ либо хотя мало онъ окажетъ, и тогда уже поступлено съ нимъ будетъ, по силѣ указовъ, безъ всякаго упущенія".

В. Михневичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).



„ЛИХОЛѢТЬЕ“.

(Смутное время).

Историческій романъ [1]).

VI.

Гуляй душа
Безъ кунтуша!
Нема пана
Безъ жупана!
(Старая польская пѣсня).

Такъ называвшаяся „пятигорская“ хоругвь пана ротмистра Непомука Алоизія Неборскаго, принимавшая столь рѣшительное участіе въ боевыхъ подвигахъ Лжедимитрія и своею отчаянною храбростью наиболѣе способствовавшая ему къ достиженію имъ своей цѣли — сѣсть на московскій престолъ,—была царскими приставами расположена, съ самаго своего прибытія въ бѣлокаменную столицу, за Москвою рѣкою, въ пригородныхъ посадахъ, тянувшихся далеко за Серпуховскою заставой во всѣ стороны. Этому обстоятельству храбрый ротмистръ и его не менѣе храбрая „хоренгвь“ были обязаны возможностью удрать безъ оглядки по проселку изъ негостепріимныхъ пригородныхъ посадовъ, въ тотъ ужасный день, когда, подъ набатъ колоколовъ и барабанный бой, московскій народъ и стрѣльцы, предводимые боярами, справили по убитомъ воровскомъ царѣ кровавыя поминки поголовнымъ истребленіемъ поляковъ. Тѣмъ не менѣе, старый воробей Неборскій, отойдя по смоленской дорогѣ верстъ на десять отъ Москвы и встрѣтясь съ казацкимъ отрядомъ вольнаго ротмистра Лисовскаго,

---

[1]) Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ“, томъ VII, стр. 29—78.

согласился съ нимъ дѣйствовать за-одно и на свой страхъ. Стали лагеремъ на зеленыхъ лугахъ москворѣцкихъ, у Кузькиной слободы. Вольные ротмистры считали здѣсь себя въ безопасности, такъ какъ отъ Москвы лагерь ихъ прикрывался рѣкою съ однимъ мостомъ, день и ночь охранявшимся сильною стражею; съ тылу сосновый боръ, далеко тянувшійся, оберегаемый разъѣздами, представлялъ смѣлой конницѣ удобное отступленіе къ литовскому рубежу, въ случаѣ крайности. Ротмистры не хотѣли удаляться отъ Москвы потому, что поджидали отряды польскихъ пановъ, шедшихъ сюда съ разныхъ сторонъ. По-видимому, эти хищные вóроны стали смотрѣть на русскій стольный городъ какъ на мертвый трупъ, всецѣло обреченный ихъ клювамъ и когтямъ, а на Русь—какъ на свое достояніе. Разлакомила ихъ первая удача.

„Тлустый“ панъ Неборскій предавался своему любимому вечернему препровожденію времени — попойкѣ. Просторныя горницы торговаго человѣка Фандейки Разумова, занятыя ротмистромъ, еще никогда, разумѣется, не видѣли такого безобразія, какое происходило теперь въ этихъ мирныхъ бревенчатыхъ стѣнахъ. Несмотря на раскрытыя двери и окна, духота въ горницахъ стояла страшная. Хозяина, Фандейку Разумова, конечно, прогнали изъ слободы въ шею, предварительно исписавъ ему нагайками спину, а женку его, краснощёкую и смазливую Васютку, взялъ къ себѣ „на постель“, какъ тогда говорилось, красивый хоронжій Ромуальдъ Голынскій. Такое распоряженіе состоялось съ-вѣдома „тлустаго довуцы“, пана Неборскаго, давно уже забывшаго любовныя вожделѣнія и потерявшаго охоту приносить жертвы богинѣ Венерѣ. Богамъ болѣе мужественнымъ, Марсу и Бахусу, предался онъ на старость лѣтъ. Отъ „тлустаго“ пана „региментаря“, какъ товарищи и жолнеры уже давно называли сѣдоволосаго ротмистра Неборскаго, смердило табакомъ, виномъ и тѣмъ прокислымъ душкомъ, тою зловонною застарѣлою изгарью, что является неизмѣнною спутницею долговременнаго и добросовѣстнаго пьянства. Этотъ кислый душокъ такъ и садилъ изъ тяжело дышавшаго рта тучнаго ротмистра, прохлаждавшагося добрыми глотками крѣпкаго венгерскаго, добытаго его „хлопами“, конечно, грабежомъ. Поглаживая трясущеюся съ пьянства рукою свой длинный сѣдой усъ, иногда попадавшій въ большой серебряный стаканъ, тлустый ротмистръ молча посматривалъ на темную теперь улицу слободы, ни мало не безпокоясь, что „взятая на копье“ дорогая венгуровка стоила жизни московскаго купца и извощика. На такихъ пустякахъ не останавливался храбрый панъ. Мертвые не встаютъ, хвала Богу! О, если бы мертвые вставали, панъ Неборскій, по всей вѣроятности, имѣлъ бы удовольствіе очутиться въ весьма людной и враждебной себѣ компаніи.

Въ шелковой, малиновой какъ кровь, рубашкѣ съ засученными рукавами, обнажавшими жилистыя мохнатыя руки, покрытыя старыми

и новыми рубцами, съ огромной лысой головой, словно дымящейся отъ хмѣльнаго угара, въ гусарскихъ синихъ „чикчирахъ“ и желтыхъ сафьянныхъ сапогахъ съ огромными серебряными шпорами, звенѣвшими при малѣйшемъ движеніи, Неборскій былъ душею всякаго кутежа. Среди шума, хохота, безтолковыхъ криковъ, задорной брани, угрозъ, пѣсенъ и легкомысленнаго хвастовства, неизмѣннаго спутника попойки поляка, „тлустый“ ротмистръ сохранялъ величавое спокойствіе. Окруженный преклонявшейся предъ нимъ толпой, сидя на своемъ складномъ походномъ кожаномъ стулѣ, съ грознымъ взглядомъ и важностью никому неподсуднаго владыки, онъ могъ послужить для живописца живымъ изображеніемъ веселаго и задорнаго божка Вакха, конечно, при тогдашнихъ военныхъ нравахъ. Какъ слѣдуетъ опытному „ушусу“, Неборскій потягивалъ густое токайское изъ серебрянаго стакана съ круглымъ дномъ, и потому не стоявшаго. Эта неспособность стакана стоять давала Неборскому поводъ къ болѣе или менѣе удачнымъ остротамъ, въ родѣ того, что онъ несчастный человѣкъ— поневолѣ пьетъ, такъ какъ налитый стаканъ поставить нельзя.

— Виватъ Польска! Смерть москалямъ! не имѣя силъ подняться со стула, торжественно съ бокаломъ въ рукѣ провозгласилъ довуцатость хриплымъ рѣзкимъ голосомъ и махнулъ волосатой ручищей въ окно.

— Виватъ Польска! Смерть москалямъ! гаркнула пьяная шляхта, неистово зазвенѣвъ саблями и шпорами. По знаку довуцы, полукругомъ стоявшіе у окна трубачи, на мѣдныхъ трубахъ которыхъ весело блестѣлъ свѣтъ горѣвшей смоляной бочки, грянули обычный въ подобныхъ случаяхъ тушъ.

— Виватъ Польска! Побіемо москалей! подхватили жолнеры на улицѣ, ярко озаренной въ эту минуту нѣсколькими вспыхнувшими смоляными бочками. — Виватъ нашъ довуца! орали жолнеры, густой толпой приступая на улицѣ къ бочкѣ водки, выкаченной маркитантомъ Янкелемъ Дуделемъ.

А Неборскій пѣлъ:

„Дайце вудки, дайце вудки,
Дайце на жолондекъ!“

Изъ его широкой, высоко вздымавшейся груди вырывались хриплые звуки, напоминавшіе ревъ разъяреннаго быка. Бычачій сумрачный взглядъ его красныхъ, круглыхъ на-выкатѣ, хищническихъ глазъ медленно вращался по буйной толпѣ. Самые отчаянные „товарищи“ пятигорской хоренгви не выдерживали этого безпощадно суроваго, молчаливаго взгляда съ сверкающими бѣлками въ красныхъ опухшихъ вѣкахъ.

— Слухай, панове-коллеженство! всѣмъ въ уши врѣзался металлическій какъ воронье карканье голосъ Неборскаго, заглушаемый хрипотою. Онъ снова затянулъ, тараща глаза:

„Дайце вудки, дайце вудки,
Дайце на желондекъ!“

А хоръ „упіусовъ“ съ пьянымъ одушевленіемъ еще оглушительнѣе и безтолковѣе подхватилъ:

„Коло бжушка, завижушка,
Велькій непожондекъ!“

— Жида! христопродавца Янкеля! рѣзко каркнулъ Неборскій, и страшный кулакъ, заканчивавшій волосатую жилистую руку, хватилъ по столу такъ, что зазвѣнѣли пустыя бутылки, а менѣе храбрые изъ подгулявшей шляхты вздрогнули.

— Жида, маркитанта ясневельможнаго пана региментаря Алоиза Непомука Неборскаго съ Подлясья! передъ пански очи! передалъ хорунжій Голынскій.

— Теразъ жида передъ пански очи! подхватила толпа.

Нѣсколько сильныхъ рукъ незамедлили втащить въ горницу одного изъ злополучныхъ, хотя весьма корыстныхъ сыновъ Израиля, дѣйствительно „пархатаго“ Янкеля Дуделя.

Сухопарая, вертлявая фигура жида съ трясущеюся отъ страха головкой, украшенной двумя тощими пейсами, по одному за каждымъ ухомъ, оттопыреннымъ какъ у осла, предстала передъ грознаго ротмистра. Смѣшна и жалка казалась эта трясущаяся фигура въ длиннополомъ лапсердакѣ, въ хлопающихъ по пяткамъ туфляхъ, въ спустившихся съ ногъ шерстяныхъ чулкахъ, съ замасляною ермолкой въ рукахъ. Раскосые плутоватые глазки робко поглядывали на „довуцу“ изъ понятнаго въ его положеніи желанія узнать: въ чемъ дѣло? не грозитъ ли опасность его жидовской шкурѣ отвѣдать плети?

Обидный для жидовскаго самолюбія смѣхъ и враждебный всему жидовскому племени говоръ подкутившей шляхты стоялъ въ ушахъ Янкеля. Пугаютъ его громъ сабель, шпоръ, угрозы шляхты, явно расположенной по-своему обойтись съ нимъ, жидомъ; но этотъ ужасный довуца! Глаза кровью налились, какъ у быка — ой, вей миръ! тѣмъ не менѣе, жидкій на росправу и вѣрный своему древнему божеству — золотому тельцу — Янкель благоразумно придерживалъ оба безконечные кармана своего вытертаго по швамъ лапсердака, замѣтно не пустые. Съ пріятнѣйшею изъ своихъ жидовскихъ улыбочекъ, согнувшись въ три погибели, Янкель въ пятый разъ поклонился Неборскому и въ пятый разъ произнесъ, какъ бы напоминая о себѣ грозному пану: „Падамъ до ногъ, вельможный панъ!“

— Бенедектынувкн стàрки бутельку, àльбо сто плетей жиду! кратко, но внушительно приказалъ Янкелю Неборскій, моча длинный сѣдой усъ въ серебряномъ стаканѣ съ знаменитымъ круглымъ дномъ.

— Теразъ, наияснѣйшій панъ, теразъ! видимо обрадовался Янкель, что дѣло можетъ благополучно окончиться и для его спины, и для его глубокихъ холщевыхъ кармановъ.

— Мамъ найлѣпшу бутельку! теразъ!

Шлепая по пяткамъ своими стоптанными туфлями и придерживая руками отдувшіеся карманы лапсердака, Янкель поспѣшилъ исчез-

нуть изъ этого безпокойнаго собранія, изъ среды коего многіе, быть можетъ, имѣли понятное желаніе познакомиться съ содержаніемъ его глубокихъ холщевыхъ кармановъ. Кажется, самую піявку природа не въ такой степени одарила способностью высасывать изъ тѣла кровь, въ какой одарила Янкеля тайной очищать чужіе карманы въ пользу своихъ глубокихъ, холщевыхъ. Переводъ въ нихъ чужихъ кербелей, грошей и злотыхъ онъ совершалъ съ неподражаемымъ искусствомъ. Всѣ его презирали и всѣмъ онъ былъ нуженъ.

Благоразумный сынъ гонимаго племени не замедлилъ предстать предъ грозныя очи пана ротмистра съ бутылкой, обросшей мохомъ сыраго погреба, гдѣ она пролежала, быть можетъ, десятки лѣтъ, ожидая своей очереди попасть или въ уютную келью отца бенедиктинца, орденъ которыхъ, славясь ученостью, прославился и изготовленіемъ этого знаменитаго ликера, или въ княжескій чертогъ, или, наконецъ, въ лагерь головорѣзовъ.

— Це, це! не безъ гордости присмакивалъ Янкель, прицацкивалъ языкомъ и прищелкивалъ пальцами въ то время, какъ Неборскій съ глубокомысліемъ стараго питуха вертѣлъ въ рукахъ бутылку и убѣждался, что мохъ на ней, точно, послѣдствіе долгаго пребыванія въ сыромъ погребѣ, а не плутовство жидовское.

— Тенъ ликеръ—вай миръ!—смачный! хвалился Янкель, таинственно подкатывая глаза подъ лобъ и согнувшись, а потому отставивъ ту сухую и, по правдѣ сказать, совсѣмъ незамѣтную часть своего тѣла, на которой, вообще, сидитъ родъ человѣческій.

Чья-то тяжелая рука шлепнула именно по этой части жидовскаго тѣла, которая у Янкеля, какъ и у большинства людей, менѣе всѣхъ повинна, а болѣе всѣхъ терпитъ. Хохотъ поднялся насчетъ жида.

— Ой, вей! Але-жъ то глупство, панове! взвизгнулъ Янкель, выпрямляясь и оборачиваясь;—то шкода!

— То тебѣ за карбованцы наши шляхетскіе! смѣялись „товарищи".—Ховайся, жиду, съ карбованцами! ховайся, лайдакъ!

— Яки тамъ карбованцы? растерянно озирался Янкель. — Нема ни якихъ карбованцевъ, панство! естемъ бѣдачка зидокъ! Янкель раскосыми глазами косился на пана Неборскаго; мохнатая ручища пьянаго ротмистра схватилась вдругъ за свою широкую кривую карабелю—дамасскій клинокъ, съ золотыми арабскими буквами, добытый цѣной жизни турецкаго паши въ кровавой сѣчѣ. Янкель страшно боялся видѣть эту кривую саблю, рубившую другія сабли какъ рѣдьку, въ рукѣ пьянаго силача-ротмистра, и съ пронзительнымъ крикомъ:—ай! гвультъ! Ай вей миръ! подобравъ полы истасканнаго лапсердака и растерявъ по пути сбитыя туфли, обратился въ бѣгство, провожаемый дружнымъ шляхетскимъ хохотомъ и криками: „Прендзей, жиду, рушай!"

— О, то дурень! нехъ его дзябли вшисци везьмо! спокойно про-

хрипѣлъ Неборскій и ловкимъ взмахомъ турецкой сабли отрубилъ запечатанное горло бутылки.

— Рувность и неподлеглость, колленженство! громко привѣтствовалъ веселую компанію Лисовскій, входя съ Дворжицкимъ въ горницу и не давая себѣ труда снять съ головы бараньей шапки. — Гостямъ бокалы!

Неборскій молча наполнилъ два стакана дорогою, густою какъ деревянное масло, золотистою влагою благочестивыхъ отцовъ бенедиктинцевъ и, любуясь ею какъ истый питухъ, дрожавшими съ перепоя руками передалъ стаканы обоимъ вошедшимъ, не любопытствуя освѣдомиться, кого это привелъ къ нему Лисовскій.

— А ну же, братику, пане Лисовскій, выпіемъ старкой наше побратимство! обратился къ пришедшему ротмистръ Неборскій, подымая свой бокалъ.

— Добже, пане регментажу! охотно отозвался Лисовскій,—то понѣмецкому—„брудершафтъ".

Оба вольные ротмистра съ полными чарками въ правыхъ рукахъ сцѣпились руками и въ такомъ положеніи, не торопясь, глотокъ за глоткомъ, выпили чарки до дна. Со стукомъ поставивъ ихъ на столъ, причемъ, конечно, чарка Неборскаго свалилась на-бокъ, ротмистры взяли свои шелковые платки и осторожно, съ взаимнымъ уваженіемъ, обтерли другъ другу усы и ротъ. Потомъ обнялись крѣпко и поцѣловались. Все это они продѣлали весьма серьезно, словно бы священнодѣйствовали. Пьяные вытаращенные глаза Неборскаго глядѣли еще сердитѣе. Пустую бутылку онъ выбросилъ за окно.

— Теперь мы „побратимы", коханку Лисовскій! каркнулъ рѣзко Неборскій. — Виватъ! за тего выпіемъ, а кто наипершій въ Кремлѣ бенде—виватъ!

— Виватъ! подхватила шляхта, мало даже разслышавшая тостъ, но готовая орать, гремѣть саблями и рубить ими по слову довуцы.

— Виватъ! пронеслось по толпѣ жолнеровъ на улицѣ, весело освѣщенной мѣсяцемъ и пылавшими смоляными бочками.

Загремѣлъ тушъ трубачей:

„Улане, улане, малеваны дзѣти,
Не една панянка за вами полеци!"

Хрипло и рѣзко ревѣлъ Неборскій, упершись мохнатыми руками въ бока, отчего широкія плечи его поднялись и усатая рожа посинѣла, а самъ онъ смахивалъ на быка, опустившаго рога съ тѣмъ, чтобы броситься на человѣка... И вдругъ старый „тлустый" ротмистръ очутился на рукахъ расходившейся шляхты, какъ перо подбрасываемый подъ потолокъ. Тѣснившіеся „товарищи", нѣчто въ родѣ оруженосцевъ, передавали его на рукахъ къ двери. Тамъ жолнеры передали его „хоренгви". Далеко по рѣкѣ пронеслось дружное „виватъ, довуца!"

При торжественномъ звукѣ мѣдныхъ трубъ, безъ шапки, въ одной рубашкѣ, съ открытою мохнатою грудью и мохнатыми голыми руками, въ гусарскихъ „чикчирахъ“ и сапогахъ съ огромными шпорами, толстопузый и лысый ротмистръ, усатый, красноносый, высоко взлеталъ надъ красными магерками своей хоругви.

— Выше! Выше! До неба, жолнежи! въ пьяномъ увлеченіи командовалъ, словно въ бою, Неборскій, котораго малиновая рожа потемнѣла отъ неловкаго летанья пузомъ кверху и отъ сильныхъ толчковъ.

— Выше, рувность и неподлеглость!

Улица Кузькиной слободы, брошенной жителями, кишѣла пьяными жолнерами. Къ бору запылала изба, зажженная ими ради потѣхи. Зарево пожара высоко подымалось въ свѣтломъ небѣ яркимъ кровавымъ свѣтомъ. Оттуда неслись польскія пѣсни, отчаянные бабьи крики, бой барабана, нестройный шумъ лагеря; временами покрывалъ все это протяжный окликъ стражи. Веселились, повидимому забывъ, сколько такъ еще недавно собратій ихъ погибло въ одинъ день на Москвѣ, не думая, сколько ихъ можетъ погибнуть въ одинъ часъ завтра, или послѣзавтра. Старый „сарматскій“ духъ разбушевался во всей своей боевой мощи и шири; кутила вольница, избалованная годами кровопролитія, насилія, грабежа и всяческой необузданности.

Панъ Лисовскій, сбросивъ съ себя красный казакинъ, пригласилъ охмѣлѣвшаго гостя своего, Дворжицкаго сдѣлать то же и весело пропѣлъ.

„Гуляй душа
Безъ кунтуша!
Немà пана
Безъ жупана!“

Коллеженство, живо освобождаясь отъ кунтушей, кричало:

„Гуляй душа,
Безъ кунтуша!“

Въ старопольскихъ попойкахъ это было знакомъ, что кутежъ идетъ на всю ночь. Венгуровка—пяти-ведерный боченокъ, была покончена. Коллеженство, безъ излишней въ такихъ случаяхъ спеси, перешло къ большой бочкѣ крѣпкаго русскаго меда, благоразумно припасенной въ другой свѣтлицѣ предусмотрительнымъ хозяиномъ, Неборскимъ. Для удобства верхнее дно бочки было выбито. Шляхетные „упіусы“ и „мочиморды“, какъ ихъ величалъ Неборскій, черпали медъ ковшами и яндовами. Шла круговая. Было положено всѣмъ пить ровно, безъ фальши, пока бочка не осушится. „Московскій медъ крѣпокъ, а мы крѣпче его! хвалились „товарищи“. Вдругъ крики: „ушелъ, ушелъ! шпегъ!“ (шпіонъ) взволновали пьяную компанію.

— Кто! какъ! Давай его на кругъ! заорали пьяные голоса, перебивая другъ друга. Пьяная толпа грозно надвинулась къ сѣнямъ. Оттуда два „товарища“ насильно вытащили тощую и долговязую, какъ висѣлица, но воинственную фигуру пана Януарія-жихъ-Херболюбича на Зарембѣ Зарембскаго.

Неистовый вопль негодованія потрясъ обѣ горницы; обнажились сабли, послышались угрозы и проклятія. „Шпегъ!"—то есть „шпіонъ", кричали въ глаза невозмутимому пану Януарію, котораго одинаково терпѣть не могли и пятигорцы, и лисовчики.

— Къ довуцамъ! къ суду! горланила толпа, плотно замкнувъ оробѣвшаго воина въ своемъ живомъ кругѣ.

— Пршепрашамъ, ласковый пане региментаже! какъ только могъ вкрадчивѣе съ „найнижайшимъ" поклономъ, къ какому только былъ способенъ, засюсюкалъ панъ Зарембскій съ Зарембы, съ свойственною трусамъ чуткостью понявъ, что дѣло его тутъ скверно и удрать нельзя.—Я до вѣтру, пане региментаже, якъ пана Бога кохамъ, до вѣтру!... Бо мамъ слабъ желондекъ, панове! Далибукъ!... Вѣмъ, коллеженство, цо̀ естемъ коллега, панове добродзѣи! то вѣмъ досканально!

— Якъ песъ лаетъ! шпегъ! перебивали его пьяные голоса:—къ довуцѣ!...

Довуца, панъ Неборскій, сдѣлалъ попытку встать и стоя произнести надъ паномъ Зарембскимъ съ Зарембы свой приговоръ за нарушеніе имъ стараго, почтеннаго обычая доброй товарищеской попойки; но старыя ноги наотрѣзъ отказались поднять тлустое панское „бжушко" и охмѣлѣвшую панскую голову. Пунцовая рожа и красные глаза выражали полное осужденіе стараго „мочиморды" легкомыслію, съ какимъ панъ Зарембскій осмѣлился отнестись къ обязанности добраго „упіуса" и товарища по попойкѣ. Убѣдясь, что венгерское и „старувка" сдѣлали свое дѣло, Неборскій не повторилъ болѣе своей попытки произнести приговоръ надъ виновнымъ стоя.

— Раздѣть эту вѣшалку, коллеженство, рѣшилъ кратко и безапеляціонно Неборскій подъ внушеніемъ своего пьянаго вдохновенія.—Въ бочку съ медомъ его!

— Въ бочку его! обрадовалась толпа.

Въ минуту долговязый панъ Зарембскій очутился въ своемъ натуральномъ видѣ, не могшемъ похвастаться избыткомъ чего-либо, кромѣ костей и кожи.

Толпа дико расхохоталась и потащила его къ огромной бочкѣ съ медомъ.

— Топите его въ меду! кричали одни.

— Эта селедка намъ медъ изгадитъ! кричали другіе.—Лучше выгнать его голымъ на улицу.

Оскорбленный такимъ грубымъ насиліемъ, изумленный такимъ нелестнымъ для его шляхетнаго достоинства сравненіемъ съ селедкой, панъ Януарій Зарембскій съ Зарембы громко запротестовалъ и вопилъ: „Але-то глупство, панове! Але-то не гжечне!" тѣмъ не менѣе онъ проворно взлетѣлъ надъ бочкой, для того чтобы погрузиться съ головой и ногами въ сладкую и липкую влагу.

— Пей, дурень! пей! хрипѣлъ Неборскій и дико завылъ:

„А кто не выпіе
Тегове два кія!"

А „упіусы“ подхватили:

„Цупу—лупу!
Лупу—цупу!
Тегове два кія!“

— Сарматы! любимые сыны бога Марса! воскликнулъ Лисовскій желавшій отвлечь шумѣвшую шляхту отъ несчастнаго Зарембскаго, жизни котораго грозила опасность, и имѣвшій слабость во хмѣлю блеснуть своимъ несовсѣмъ еще забытымъ образованіемъ, полученнымъ имъ у отцовъ іезуитовъ.—Выпіемъ за польску доблесть, гремящую на весь свѣтъ съ славнаго круля Стефана Баторія! Виватъ!

— Виватъ! виватъ гусаръ! виватъ уланъ! подхватили хоронжіе и товарищи, бросая злополучнаго пана Зарембскаго и одушевляясь порывомъ хвастливой пьяной храбрости.—Виватъ довуцамъ! на Москву! на москаля теразъ!

Неборскій, въ отвѣтъ на этотъ шляхетскій вызовъ, безнадежно пожалъ плечами и многозначительно усмѣхнулся, поясняя, что ноги въ эту минуту отказались ему служить.

— Сидлай портки, давай коня! захрипѣлъ онъ и захохоталъ.

Горницы огласились шляхетскимъ смѣхомъ.

Вмѣсто того чтобы, по требованію „упіусовъ“, идти „теразъ на москаля“, панъ Неборскій рѣзко выкрикивалъ любимую жолнерскую пѣсенку:

„Дивчина коханна, коханна,
Покажь ми коляна, коляна,
Покажь ми обои, обои—
Чи таки, якъ мои, якъ моя!...

— Такъ есть! одобрилъ довуцу Лисовскій,—не слѣдуетъ мудрому полководцу мѣшать опасность съ наслажденіемъ. Всему свое время.

— Меня такъ же трудно оттащить отъ недопитаго стакана, какъ и отъ не взятаго непріятельскаго города, замѣтилъ Неборскій, безсильно уронивъ голову на грудь и закрывъ глаза... онъ явно перебралъ.

Лисовскій выразительно кивнулъ Дворжицкому, успѣвшему познакомиться съ красивымъ хоронжимъ Ромуальдомъ Голынскимъ и чокнуться съ нимъ стаканами. Дворжицкому оставалось только подъ шумокъ выбраться изъ пьяной компаніи въ сѣни, гдѣ его ждалъ Лисовскій.

VII.

„Цо ми добрего да косціолъ,
Альбо тенъ свнщони попіолъ?
Волялъ си бичъ за снидане,
Ницъ то тамъ попіоловане".

„Что хорошаго мнѣ дастъ костелъ, или тотъ чтимый пеплъ? Лучше бы мнѣ дать завтракъ, чѣмъ это посыпаніе главы пепломъ".

(Разговоры польскіе. Вита Корчевскаго. 1553).

— Изученіе классиковъ, при всемъ отвращеніи къ наукѣ вообще, какое она во мнѣ поселила, оставило во мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, говорилъ Лисовскій своему молодому не то гостю, не то плѣннику, провожая его къ себѣ въ шатеръ.—Такъ вотъ, мнѣ извѣстно, что въ Евлидѣ, въ Греціи, три каменныя урны, посвященныя Бахусу, сами собой наполнялись виномъ. Поэтому я полагаю, что древніе люди были счастливѣе насъ, по крайнѣй мѣрѣ счастливѣе тѣхъ изъ насъ, которые любятъ выпить...

— Не хуже пана Неборскаго, весело замѣтилъ подкутившій и раскраснѣвшійся Дворжицкій, на время забывшій княжну и свою безнадежную любовь, и свое невольное веселье у вольныхъ ротмистровъ.

— Древніе люди не знали, какъ мы знаемъ, проклятыхъ жидовъ, поставляющихъ намъ въ долгъ, конечно, за жидовскіе проценты, вино, продолжалъ ученикъ отцовъ іезуитовъ, которому ученье не пошло въ прокъ.—Плиній разсказываетъ о фонтанѣ, на островѣ Андросѣ, бившемъ виномъ... Въ такой благодатной странѣ жидамъ нечего было дѣлать... Нѣтъ гешефта!.. Что же касается древнихъ прославившихся пьяницъ, то не забудемъ воздать должную хвалу и нынѣшнимъ... Тиверій Пизонъ съ братомъ Люціемъ могли, не вставая изъ-за стола, пить двое сутокъ; я же знаю польскаго ротмистра, которому доводилось по мѣсяцу не вставать изъ-за стола съ бутылками, считая въ мѣсяцѣ тридцать одинъ день и столько же ночей.

— Хотя нѣтъ основанія предполагать, чтобы твой польскій ротмистръ не пожелалъ остаться за веселымъ столомъ всю свою жизнь, не вставая, смѣясь и явно намекая на пана Неборскаго замѣтилъ Дворжицкій.

— Не возражаю! согласился съ нимъ Лисовскій:—подобное желаніе во вкусѣ моего ротмистра.

— Повидимому, пане Лисовскій, ты изъ знакомства съ классиками почерпнулъ только свѣдѣнія о древнихъ пьяницахъ? весело замѣтилъ Дворжицкій.

— Я еще изучалъ Цицерона и его „Oratio pro lege Manilia"—рѣчь, кажется начинающуюся такъ: „pro Dii ïmmortales! то есть, о безсмертные Боги! знаю наизустъ..« правда, въ жизни мнѣ еще не приходилось ни разу извлечь какую нибудь пользу изъ знанія наизустъ

этой знаменитой рѣчи. Латинскій языкъ я поспѣшилъ промѣнять на боеваго коня, а Цицероново краснорѣчіе на грубую, но прямую рѣчь жолнера...

— Но куда жь мы идемъ? спросилъ Дворжицкій, видя, что Лисовскій, оставя кипѣвшую пьяными солдатами деревенскую улицу, держится песчанаго берега рѣки, отражавшей въ своей тихой водѣ красное зарево пожара.

— Въ мой шатеръ, отвѣчалъ Лисовскій.—Мои лисовчики съ пятигорскою хоругвію не мѣшаются... Наши порядки строгіе; пятигорцы же — самъ ты видѣлъ — разбалованы, за-панибрата съ довуцей. Не товарищи мы съ ними въ лагерѣ.

Разговаривая такъ, вольный ротмистръ и его гость подходили къ сосновому бору, отъ котораго отдѣлилась и поползла по землѣ тѣнь. За нею вслѣдъ выступила и освѣтилась фигура караульнаго лисовчика съ блеснувшею сабельной полоской въ рукахъ. Изъ мрака, царившаго подъ соснами, до слуха Дворжицкаго доносились ясно звуки и шумъ кавалерійскаго бивака: конское фырканье, топотъ копытъ, визгъ схватившихся кусаться жеребцовъ и грубый окрикъ на нихъ жолнеровъ; нѣсколько сотенъ лошадей жевало въ навѣшанныхъ торбахъ овесъ. Ни одного костра, ни пѣсни, ни голоса.

Вольный ротмистръ остановился и, прислушавшись къ шуму конскихъ зубовъ, жующихъ овесъ, успокоился на мысли, что усталыя лошади его за ночь выкормятся и отдохнутъ.

— Въ этомъ бору ночуетъ тысяча человѣкъ и столько же коней! замѣтилъ онъ Дворжицкому.—Но чтобы открыть ихъ, надо на нихъ наткнуться, не правда-ли?

— Правда, согласился съ нимъ Дворжицкій, удивленный, что такой многочисленный отрядъ конницы спрятался такъ умно, что его присутствіе обнаруживается только караульнымъ, да бѣлѣвшимся шатромъ ротмистра, возлѣ котораго темнѣлась укладистая повозка.

— Мои барсуки зорко дозираютъ кругомъ, пояснилъ Лисовскій,— а потому мы съ тобой, панъ хоронжій, можемъ спокойно отдохнуть эту ночь, которой, впрочемъ, остается не много! добавилъ онъ, зѣвнувъ и взглянувъ на мѣсяцъ и на блѣднѣвшее созвѣздіе Большой Медвѣдицы. — Шатеръ—мой домъ, точно такъ же какъ война—моя жизнь. Единственная моя боязнь—это умереть не въ полѣ, а на постели! но, кажется, этого не будетъ, если только меня не повѣсятъ! Что ты, Бевзюкъ? обратился онъ у входа въ шатеръ къ подошедшему караульному жолнеру, по озабоченному виду котораго онъ понялъ, что тотъ желаетъ нѣчто сообщить ему.

— Старый монахъ плохъ, все стоналъ и просилъ ксендза, пане ротмистръ, почтительно доложилъ жолнеръ.—Что-то смолкъ, не умеръ-ли?

— Закопаемъ, спокойно замѣтилъ Лисовскій съ понятнымъ равнодушіемъ человѣка, привыкшаго ежедневно закапывать людей и недорожащаго ни своею жизнью, ни чужою. И приподнявъ грубую хол-

щевую полсть, замѣнявшую дверь, ротмистръ вошелъ въ шатеръ, пропустивъ въ него сперва, какъ того требовало польское приличіе, молодаго гостя.

Большая, толстая бѣлая восковая свѣча, перевитая золоченою ниткой, явно церковная, и въ церковномъ посеребренномъ подсвѣчникѣ, попавшая къ вольному ротмистру по праву грабежа, поставленная на гладко разчищенной и посыпанной пескомъ землѣ, освѣщала просторную круглую палатку; по серединѣ высокій, врытый въ землю столбъ, обвѣшанный оружіемъ, служилъ ея основаніемъ. Отъ желѣзнаго кольца на верхушкѣ столба шли внизъ туго натянутыя веревки, привязанныя къ вбитымъ въ землю колышкамъ въ равномѣрномъ разстояніи одинъ отъ другаго. По этимъ веревкамъ гладко, безъ морщинки, лежали холщевыя клиномъ полотнища, изъ которыхъ была сшита палатка. Все ея убранство состояло изъ охапки душистаго сѣна, прикрытаго широкимъ бѣлымъ войлокомъ, и кожаной сѣдельной подушки въ головахъ, да двухъ большихъ кожаныхъ перекидныхъ черезъ заднюю луку сѣдла сумокъ, туго набитыхъ драгоцѣнностями, золотомъ и серебромъ, которыя всегда могли неотлучно слѣдовать при хоругви, во всѣхъ ея движеніяхъ и быстрыхъ налетахъ. Это была та самая полковая сумка лисовчиковъ, которую вольный ротмистръ, къ ужасу падре де-Мело, осмѣлился сравнить съ братской кружкой монастырскихъ орденовъ. Бѣдный августинецъ, издавая слабые стоны, недвижимо лежалъ на огромномъ медвѣжьемъ мѣху, брошенномъ въ углу палатки, вытянувшись на спинѣ, со сложенными на груди руками, крѣпко державшими кипарисовый крестъ, висѣвшій у него на шеѣ. Мертвенно-блѣдное, изможденное долгимъ страданіемъ и лѣтами, строгое южнаго типа лицо его съ закрытыми глазами и бѣлой большой бородой рѣзко выдѣлялось вмѣстѣ съ глянцевитою лысою головой на густой бурой медвѣжьей шерсти съ красноватымъ отливомъ. Въ головахъ у него лежала его нищенская котомка. Слабость старика, повидимому умирающаго, испугала Дворжицкаго при мысли—что̀ будетъ съ его крещенымъ индійскимъ раджей? Молодость великодушна и забываетъ свое собственное несчастіе, свою собственную судьбу, отдаваясь заботамъ о чужомъ несчастіи, о чужой судьбѣ. Въ этомъ забвеніи себя ради другихъ, быть можетъ, заключается источникъ той силы, облагораживающей человѣческую жизнь на ея зарѣ утренней, что̀ сообщаетъ молодости безспорное преимущество передъ прочими возрастами человѣка, болѣе бѣдными самоотверженіемъ и великодушіемъ, хотя и болѣе благоразумными.

— Пить! прошептали побѣлѣвшія, чуть замѣтно дрожавшія губы августинца, когда участливо нагнувшійся къ нему Дворжицкій тихо спросилъ его, не нужно ли ему чего.

Дворжицкій подалъ ему бутылку съ водой, стоявшую возлѣ нищенскаго изголовья его, и помогъ ему глотнуть нѣсколько разъ. Освѣженный водой, августинецъ медленно открылъ слабые глаза и вздох-

нулъ; потомъ сдѣлалъ напрасное усиліе поднять голову и присѣсть. Дворжицкій опять ему помогъ. Августинецъ присѣлъ, поддерживаемый сильными молодыми руками и, шепча латинскую молитву, набожно поцѣловалъ свой кипарисный крестъ.

— Благословеніе Божіе да сопутствуетъ тебѣ во всѣхъ путяхъ жизни твоей, благородный юноша! тихо съ усиліемъ обратился онъ къ Дворжицкому.—Въ добромъ сердцѣ твоемъ посѣяно зерно христіанской вѣры; возрасти его, не дай дурнымъ плевеламъ заглушить его, какъ заглушено оно въ сердцѣ сего богоненавистника, сего разбойника и многихъ ему подобныхъ. Не за себя говорю, недостойнаго, часы котораго сочтены, не отъ своего лица благодарю тебя, но именемъ Бога всемогущаго, прославленію его же послужилъ я всю свою жизнь до сего часа... Именемъ же Бога жива прошу тебя доставить меня въ Москву. Я не долженъ умереть прежде, чѣмъ увижу моего юнаго индійскаго воспитанника свободнымъ и внѣ опасности... Положи меня на сѣдло, привяжи,—но только доставь въ Москву!

Рѣчь стараго августинца становилась убѣдительнѣе по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ на молодомъ лицѣ Дворжицкаго живое сомнѣніе въ возможности исполнить требованіе его, умирающаго старика.

— Не бойся! я ослабѣлъ, но я не умираю! Достань мнѣ изъ котомки пузырь съ эссенціей, и я тебѣ покажу на себѣ ея чудесную животворную силу. Индійскіе лекаря—волшебники; передъ ними наши европейскіе не болѣе какъ коновалы. Восточная врачебная наука познала тайныя силы природы еще съ библейскихъ временъ.—Говоря такъ, больной старикъ глотнулъ осторожно изъ фарфороваго пузырька, поданнаго ему Дворжицкимъ, тщательно заткнулъ его пробкой и передалъ своему молодому пріятелю, съ просьбой спрятать его опять въ котомку. Дворжицкому, дѣйствительно, пришлось быть очевидцемъ своего рода чуда: глотокъ индійской эссенціи, на его глазахъ, не замедлилъ оказать свое волшебное дѣйствіе: старый августинецъ оживился и поднялся на ноги безъ помощи хорунжаго.

Дворжицкій только плечами пожалъ и взглянулъ на Лисовскаго, молча улегшагося на своей походной постели. Тотъ равнодушно слушалъ „изъ ума выжившаго“, какъ онъ утверждалъ, стараго ханжу. Августинецъ настойчивѣе повторилъ свою просьбу ѣхать немедля въ Москву.

— Зачѣмъ же тебѣ сейчасъ, ночью, padre? возразилъ Дворжицкій.

— Боюсь умереть прежде, чѣмъ эта нищенская котомка попадетъ туда, куда слѣдуетъ, понизивъ голосъ, чтобы не услыхалъ Лисовскій, и бросивъ на него боязливый взглядъ, сказалъ августинецъ.

— Стало быть, въ котомкѣ своей ты несешь нѣчто важное для католическаго міра? не утерпѣлъ спросить Дворжицкій, тоже въ-полголоса. Августинецъ утвердительно кивнулъ головой и снова боязливо взглянулъ на Лисовскаго.

— Но куда-жъ доставлю я тебя, гдѣ бы ты могъ быть безопасенъ, padre? возразилъ Дворжицкій.—Королевскіе послы сами въ плѣну.

— Доставь меня въ слободу „Пріѣздную", къ нѣмецкому торговому гостю, Августу Вернеру, добрый мой панъ, и я умру спокойно.

— Ладно! согласился Дворжицкій.—Только за паномъ Лисовскимъ теперь дѣло, какъ еще онъ? Слышь, пане ротмистръ? что скажешь?

— Ѣхать сейчасъ, какъ монахъ говоритъ,—отозвался, не перемѣняя своего положенія на войлокѣ, Лисовскій,—и я съ вами. Кстати, съ послами повидаюсь:—переговоримъ насчетъ ихъ освобожденія.

— Но тебя могутъ узнать и схватить, пане ротмистръ?

— Никогда, хладнокровно возразилъ Лисовскій.—Тебя бояре знаютъ: выдай меня, коли будетъ нужно, за королевскаго дворянина, присланнаго съ депешами къ посламъ. Я доставлю монаха живымъ въ Пріѣздную слободу и его нищенскую сумку собственноручно сдамъ нѣмецкому торговцу, Августу Вернеру. Эй, Бевзюкъ! Давай коней! Живо!

— О, святые Петръ и Павелъ! съ глубокимъ вздохомъ отчаянія прошепталъ августинецъ, слабыми глазами недовѣрчиво слѣдя за страшнымъ вольнымъ ротмистромъ, вышедшимъ изъ шатра и торопившимъ караульнаго жолнера сѣдлать коней.

Вольный ротмистръ панъ Александръ-Іосифъ Лисовскій ни въ чемъ не походилъ на своего собрата по оружію—„тлустаго" ротмистра Неборскаго. Наружность его располагала въ свою пользу, чего нельзя было сказать о Неборскомъ. Мужественная фигура лихаго наѣздника бросалась въ глаза своею молодцоватостью и стройностью, несмотря на его сорокъ лѣтъ. Лицо его, загорѣлое, румяное, съ черными, какъ вспыхивающіе уголья, глазами, изъ подъ черныхъ, дугой, бровей, съ черными завивающимися усами и бритымъ подбородкомъ, подъ-стать низко остриженной, щетинившейся черноволосой головѣ, сейчасъ же выдавало въ немъ литвина. Какъ многіе изъ тогдашнихъ польскихъ военноначальниковъ, посвятившихъ свою жизнь бранному ремеслу и прославившихся отчаянною храбростью, панъ Лисовскій любилъ щеголять своимъ костюмомъ. Его сѣрая литовская коротенькая чемарка тонкаго сукна, „помереженная", то есть расшитая чернымъ шелкомъ, весьма красиво застегивалась серебряными застежками въ родѣ бубенчиковъ, а зимняя „лесюрка", или чемарка на лисьемъ мѣху, была черная бархатная. Во всѣ времена года, ежедневно, онъ носилъ длинные изъ толстой кожи, впрочемъ мягкіе и удобные, кавалерійскіе сапоги на толстой буйволовой подошвѣ съ стальными шпорами. Въ своихъ раструбахъ сапоги совершенно скрывали штаны, всегда изъ краснаго сукна. Подъ колѣнками сапоги застегивались тонкими ремнями. Уже и въ то время Польша славилась выдѣлкою кожъ и своими сапожниками. Лисовскій рѣдко снималъ сапоги—онъ и спалъ въ нихъ, всегда готовый выбѣжать на тревогу. Глядя на него, весело осушающаго съ Неборскимъ стаканы и желающаго подъ

хмѣлькомъ похвастать передъ грубыми сотоварищами своимъ остроуміемъ и ученьемъ у отцовъ іезуитовъ,—Дворжицкій готовъ былъ усумниться въ томъ, что это тотъ самый Лисовскій, имя котораго наводило ужасъ на русскіе города и села; что это тотъ негодяй Лисовскій, котораго голова оцѣнена въ Польшѣ, куда ему нельзя вернуться иначе, какъ подъ опасеніемъ очутиться на висѣлицѣ, къ чему присудилъ его сенатъ и король за многія тяжкія преступленія его и убійства. Польскіе и литовскіе ротмистры и паны держались отъ него въ приличномъ отдаленіи; только сбившійся съ панталыку Неборскій могъ связаться съ нимъ. Съ молоду Лисовскій служилъ въ „казачьемъ“, то есть „вольномъ“, полку пана Яна Бобовскаго. Братья Янъ и Яковъ Бобовскіе славились отвагою и начальствовали надъ полками изъ „охочихъ“ людей Великой и Малой Польши, Украйны и Дона. Служили у нихъ и иностранцы. Названіе „лисовчиковъ“ казаки Лисовскаго получили по его фамиліи. Припомнилъ себѣ Дворжицкій одну тогдашнюю брошюру: „Zywot kasacòw lisowskich“. На одномъ рисункѣ изображается битва съ татарами, а на другомъ сидитъ казакъ на бочкѣ съ кружкою и стаканомъ. О лисовчикахъ тамъ такъ говорится: „Пою воинственныхъ мужей, которыхъ кровавый Марсъ кормилъ съ алмаза для своей забавы, наливъ его густо сраженіями и побѣдами, и сдѣлалъ ихъ наслѣдниками своего мужества. Отчизна ихъ—весь свѣтъ, домъ—русская страна, низовье — отецъ родной, мать — Украйна. Татары ихъ школа. У нихъ-то выучились на память писать на лицахъ, имѣя у пояса рогатые силлогизмы, убѣждая обухомъ, когда просятъ о чемъ нибудь. Ни одинъ ректоръ не разсѣчетъ такъ хорошо человѣка, какъ казакъ“. Припомнивъ себѣ это печатное восхваленіе лисовчиковъ, Дворжицкій вдругъ заподозрилъ самого пана Лисовскаго въ авторствѣ брошюры. Не даромъ же вольный ротмистръ смѣшиваетъ свои разбойничьи похожденія съ воспоминаніями о классической древности, изучавшейся имъ въ іезуитскомъ коллегіумѣ, а свою попойку украшаетъ обрывками Цицероновыхъ рѣчей. Въ глазахъ благороднаго хорунжаго подвиги отважнаго Лисовскаго, прославившіе его храбрость, безслѣдно уничтожались злодѣйствами его; варварское кровопролитіе, грабежъ, унижаетъ, въ понятіяхъ молодости особенно, достоинство честнаго воина. На „хоренгвь“ вольнаго ротмистра Дворжицкій имѣлъ теперь полное основаніе смотрѣть какъ на правильно организованную и отлично вышколенную суровымъ атаманомъ шайку алчныхъ разбойниковъ. Молодой панъ понималъ, что вторженіе въ Русь въ это смутное время, вызванное самозванцемъ, представляло неукротимому духу такого бездѣльника, какъ Лисовскій, просторъ и богатую добычу. Жаль ему стало простоватыхъ москалей и при этомъ невольно онъ вспомнилъ о своей красавицѣ княжнѣ, о свиданіи съ нею. Занятый подобными мыслями, Дворжицкій подвигался къ Москвѣ рядомъ съ Лисовскимъ такъ скоро, какъ только позволялъ слабый

августинецъ, ѣхавшій верхомъ на „заводной" лошади и, благодаря своей индійской эссенціи, державшійся на сѣдлѣ довольно твердо. Они торопились, разсчитывая на разсвѣтѣ въѣхать въ „Пріѣздную". Нѣкоторая короткость, сама собой установившаяся между Лисовскимъ и Дворжицкимъ, несмотря на отвращеніе послѣдняго къ Лисовскому, внушила молодому пану доброе желаніе обратиться къ вольному ротмистру съ такимъ вопросомъ:

— Неужели съ твоимъ умомъ, панъ ротмистръ, ты никогда не останавливался на мысли—достойно ли честнаго человѣка твое ремесло? Воинъ не можетъ быть грабителемъ.

— Понятіе о честности, по моему, слишкомъ условно, чтобы я съ моимъ умомъ, какъ ты говоришь, останавливался на подобномъ вопросѣ, разсудительно отвѣчалъ Лисовскій, —не все ли равно, какъ умереть: въ королевской ли опочивальнѣ, или на висѣлицѣ? Но не все равно, какъ прожить немногіе годы, назначенные намъ судьбой: свободнымъ ли человѣкомъ, какъ я, или рабомъ, какъ ты, панъ хоронжій!

— Я рабъ? въ непритворномъ изумленіи спросилъ Дворжицкій, явно задѣтый за-живое. По крайней мѣрѣ, скажи: чей рабъ благородный польскій дворянинъ, панъ Пржемиславъ Дворжицкій? Скажи, буду знать!

— У тебя много господъ, панъ Пржемиславъ, смѣясь продолжалъ Лисовскій:—ты рабъ предразсудковъ, называемыхъ религіею, рабъ всяческихъ законовъ, изобрѣтенныхъ человѣчествомъ для поддержки силы противъ слабости, богатства противъ бѣдности; рабъ ходячихъ, тысячелѣтіе пущенныхъ и давно уже не вѣрныхъ, изолгавшихся нравственныхъ истинъ, оберегая которыя человѣчество все глубже впадаетъ въ противорѣчія самому себѣ, а слѣдовательно—все дальше удаляется отъ своей завѣтной и общей цѣли—достигнуть счастья! Вѣрь, молодой панъ, что, въ сущности, между такими кажущимися человѣческими крайностями, какъ я и ты, нѣтъ никакой разницы. Ты такой же разбойникъ и грабитель, какъ и я; твоя жизнь, какъ и моя,— постоянное насиліе, вѣчный грабежъ. Только твое насиліе, твой грабежъ, съ болѣе общимъ характеромъ: искони утвердившаяся неправда узаконена человѣчествомъ. Не только ты, да я, не только человѣчество, весь живой міръ держится насиліемъ и грабежомъ. Разбери-ка:— хищный звѣрь питается звѣремъ же, хищная птица—птицею, хищная рыба—рыбой... Вотъ коршунъ надъ нами взмылъ, крылья звенятъ— добычи ищетъ, голубя! А коршуна орелъ задеретъ; а орла человѣкъ. Развѣ не грабишь ты своихъ подданныхъ, крестьянъ, и жизнь каждаго изъ нихъ не въ твоей власти? Развѣ не тысячи тебѣ подобныхъ обречены отъ колыбели и до своей могилы на безконечный трудъ, благодаря которому ты имѣешь возможность тунеядствовать и предаваться Амуру и Бахусу всю жизнь? Нѣтъ, панъ королевскій дворянинъ, всѣ вы лжецы и вамъ не понять такого откровеннаго человѣка, какъ я!

Для меня у васъ одно названіе—разбойникъ! Право, лучше совсѣмъ порвать всѣ гнилыя связи съ отжившимъ старымъ порядкомъ и объявить ему войну, какъ я это сдѣлалъ, чѣмъ пресмыкаться, подобно вамъ, въ нечестіи и во мракѣ и хвалиться своей религіей, своимъ совершенствомъ. Вы фарисеи священнаго писанія и не вамъ упрекать меня, мытаря! Въ королѣ, вотъ, вы бережете себя же, свои панскія вольности и права. А такъ какъ мнѣ не предоставлено никакихъ правъ, кромѣ тѣхъ, какія я возьму саблей, то король вашъ мнѣ ни на чорта не нуженъ! Я самъ себѣ король! но я не хочу быть такимъ слюнявымъ королемъ, какъ вашъ Сигизмундъ! Шведъ по рожденію, нѣмецъ по образу мыслей, римлянинъ по слабости къ іезуитамъ—и ни въ чемъ не полякъ!

Дворжицкій помолчалъ и подумалъ, прежде чѣмъ сказалъ:

— Ты умѣешь зло говорить, панъ ротмистръ, но твои злыя слова невольно заставляютъ задуматься. Въ нихъ слышна доля правды... Чѣмъ больше узнаю тебя, тѣмъ мнѣ грустнѣе убѣждаться, что такая богато одаренная натура, какъ твоя, погибаетъ безславно, направляя свои силы не во имя Бога, а противъ него. Смѣшеніе въ тебѣ ума и низости—поразительно! Не смѣйся, панъ Лисовскій! настанетъ день, когда ты вспомнишь мои слова, и дай Богъ, чтобы скорѣе насталъ этотъ день!

— Проповѣдь твоя, панъ хоронжій, была бы приличнѣе въ устахъ твоего стараго августинца! смѣясь замѣтилъ Лисовскій;—кстати, живъ ли онъ?

— Если бы святое чувство любви смягчило твое очерствѣлое сердце! участливо продолжалъ Дворжицкій,—если бы ты встрѣтился въ своей жизни съ женщиной, которой бы отдался,—такая встрѣча облагородила бы тебя, пересоздала; чувство—великая сила!

— Сабельный звонъ плохой акомпанементъ сердечнымъ вздохамъ! возразилъ Лисовскій смѣясь и продолжалъ: — Жизнь свободнаго поляка—поле, не домъ, конь—не жена! по истинѣ, панъ хоронжій, ты болтаешь вздоръ, заставляющій меня предполагать, ужъ не влюбленъ ли самъ ты? А, ты покраснѣлъ!

Дворжицкій отвѣтилъ тихимъ вздохомъ.

— Кажется, я отгадалъ? сказалъ Лисовскій и не безъ любопытства взглянулъ на Дворжицкаго съ своею насмѣшливою улыбкой.

Колотушки и трещетки ночныхъ сторожей давно стихли и послѣдніе сладко спали у своихъ воротъ и дворовъ, на утренней зарѣ, теплой и погожей, обѣщавшей чудесный день, когда наши путники благополучно въѣхали въ слободу „Пріѣздную". Раннее время было выбрано ими какъ нельзя больше удачно. Стрѣлецкіе дозоры и разъѣзды уже собрались къ съѣзжимъ избамъ; на пустыхъ улицахъ рѣдко встрѣчался имъ запоздавшій въ „царевомъ кружалѣ" пьяница, да встрѣчались деревенскіе мужики съ скрипѣвшими возами сѣна, муки и прочаго, торопившіеся къ базару. Слобода „Пріѣздная", впослѣдствіи

„Пріѣздна", нынѣ часть Москвы, извѣстная подъ именемъ „Прѣсни". Тутъ, и нигдѣ больше, имѣли право останавливаться „пріѣзжіе гости", то есть иногородные и иностранные купцы. Отъ иностранцевъ особыми приставами отбирались показанія по крестному цѣлованью: какъ, зачѣмъ, по какому дѣлу пріѣхалъ гость на Русь православную? Гости Новгорода, смоленскіе нѣмцы, люди отъ свейскаго народа, не имѣли на Москвѣ „мѣстъ безъ договора".

VIII.

Голова-ль ты моя, головушка,
Голова ты моя, послушливая,
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лѣтъ и три года,
Съ добра коня не слѣзаючи,
Изъ стремянъ ногъ не вынимаючи.
А не выслужила головушка
Ни корысти себѣ, ни радости,
Какъ ни слова себѣ добраго,
И ни славы высокія.

(Русская пѣсня. Сказ. русс. нар. И. Сахарова).

Въ свѣтлицѣ, прибранной съ замѣтнымъ желаніемъ временнаго хозяина придать ей возможное удобство, еще догорала восковая свѣча на столѣ, у котораго писалъ письмо человѣкъ уже пожилой, въ нѣмецкомъ кафтанѣ, чулкахъ и башмакахъ. Полное, блѣдное, безъ кровинки, тщательно выбритое лицо невольно бросалось въ глаза строгою правильностью своихъ чертъ и благородствомъ выраженія. Большой лобъ казался еще выше отъ плѣши подъ черной бархатной шапочкой. Изъ-подъ нея темнѣлось кольцо когда-то какъ смоль черныхъ волосъ, теперь посѣдѣвшихъ. Большой съ горбинкой носъ чрезвычайно изящнаго очертанія напоминалъ характерные римскіе носы; нижняя губа, тоже красивая и характерная, плотно охватывала верхнюю губу въ тѣ минуты, когда въ глубокихъ черныхъ глазахъ загорался огонь чувства или мысли. Просторный бархатный коричневый кафтанъ не скрывалъ его виднаго роста и сильнаго тѣлосложенія. Онъ писалъ скоро, красивымъ почеркомъ, видимо не успѣвая излагать на бумагу мысли, толпившіяся въ его головѣ. Поправляя порой на носу большія очки, онъ писалъ:

„Небезъизвѣстно вашей эминенціи, какъ кардиналу римской куріи, мнѣніе святѣйшаго нашего римскаго отца и его высокаго конклава, что близится время (если оно уже не наступило) для обращенія схизматической Московіи въ лоно католицизма. По обязанности вѣрнаго католика и служителя единой истинной и непогрѣшимой церкви, сочувствуя вполнѣ изъясненнымъ

намѣреніямъ апостолическаго намѣстника, не скрою отъ мудрости вашей всю трудность въ достиженіи, въ настоящее время, нашей общей католической цѣли. Московиты ненавидятъ чуждые имъ обычаи и еретиками считаютъ всѣхъ не православныхъ, то есть всѣхъ не греческаго исповѣданія. Привязанность ихъ къ вѣрѣ и обычаямъ предковъ исполнена фанатизма. Вспомните унію—какіе ничтожные результаты добыты цѣною всевозможныхъ усилій? Въ неумѣлости или недостаткѣ доброй воли нельзя упрекнуть людей, потрудившихся въ святомъ дѣлѣ уніи... Нынѣшній духъ времени не тотъ, что тогда. Вамъ, прелату католичества, вѣдомо общее волненіе умовъ, вызванное реформаціей и гусситскимъ движеніемъ. Іеронимъ пражскій проповѣдывалъ въ русскихъ земляхъ польской короны и доходилъ до Пскова. Онъ нашелъ полное сочувствіе своей реформатской проповѣди въ западно-русскомъ православіи. Иначе не могло быть, такъ какъ основы православія и ученія Гусса тождественны. Не заблуждайтесь: почва для славянской церкви готова не только въ Литвѣ, гдѣ народъ и дворянство православные, но и въ самой Польшѣ. Лучшіе люди Польши, духовные и мірскіе, высказываются за то, чтобы приблизить свою вѣру къ ея первоначальной чистотѣ, хотя окатоличившійся православный король Ягелло, боясь сближенія западно-русской православной церкви съ гусситствомъ, порѣшилъ на Констанцскомъ соборѣ быть уніи русскаго православія съ католичествомъ; тѣмъ не менѣе, литовцы и понынѣ пребываютъ твердыми въ своемъ православіи. Насиліе въ дѣлѣ вѣры народной ведетъ только къ напрасному кровопролитію и никогда не достигаетъ своей цѣли. Іезуиты — способнѣйшіе служители святаго римскаго отца—давно это поняли и ведутъ свою всемірную пропаганду съ мудростію змія и незлобивостью голубя. Знаменитыя наставленія іезуитизма, цѣль которыхъ—господство церкви надъ князьями и народами міра, во всемъ своемъ блескѣ выразились въ „Monita secreta societatis Jesu". Только іезуиты смогутъ предотвратить реформацію въ Польшѣ, то-есть совершить то именно, чего не достигъ Тридентскій соборъ. аріанизмъ проникъ въ польское дворянство. Польскіе католики требуютъ причащенія подъ обоими видами—sub utraque, богослуженія на польскомъ языкѣ, установленія брака для духовныхъ. Давно-ли польскій ксендзъ Оржеховскій не только женился, но даже заставилъ своими еретическими сочиненіями святѣйшаго нашего отца папу дать санкцію на его бракъ. И эта папская санкція дана вопреки каноническихъ правилъ, вопреки древнихъ соборовъ: въ Эльвирѣ, въ Анцирѣ, въ Ниццѣ, освятившихъ „целибатъ", то-есть безбрачіе католическаго духовенства, подтвержденное папами Сиріемъ, Львомъ, Бенедиктомъ и Григоріемъ VII. Такіе католическіе писатели, какъ панъ Морджеевскій, требующій участія мірянъ въ дѣлахъ церкви, подкапываются подъ основы римской церкви, а такіе католическіе короли, какъ польскій король Сигизмундъ Августъ, и такіе примасы королевства, какъ польскій примасъ Уханскій, готовятъ своимъ потворствомъ ниспроверженіе не только католичества, но общественнаго и государственнаго порядка. Богу, тому, кто судитъ своихъ помазанниковъ, дастъ отчетъ король Сигизмундъ за дарованіе свободы исповѣданій, за терпимость къ диссидентамъ. Въ сенатѣ католической Польши нѣтъ католиковъ, кромѣ епископовъ. Полагаю, что къ нынѣшней Польшѣ можно примѣнить слова пророка Іереміи: „Пастыри заблуждаются въ законѣ, мудрые—въ совѣтѣ, и пророки поучаютъ неправдѣ". Вольнодумство въ дворянствѣ польскомъ ужасающее. Знатнѣйшія фамиліи: Мнишекъ, Фирлей, Тарло и прочіе совращены съ семьями въ заблужденіе Арія; панъ Михаилъ Олесницкій, королевскій посолъ въ Москвѣ, ярый аріанинъ.

„Я изложилъ дѣйствительное состояніе умовъ въ Польшѣ для того, чтобы ваша эминенція изволила усмотрѣть, ошибаюсь-ли я, утверждая, что римской куріи нельзя разсчитывать на содѣйствіе Польши въ дѣлѣ возвращенія Московіи папскому престолу. Новый крестовый походъ, возвѣщенный съ высоты Ватикана — ad majorem Dei gloriam — завоевать Московію, то есть возсоеди-

нить къ западному христіанству восточное, отторгнутое беззаконнымъ мудрствованіемъ патріарха Фотія, преданнаго за то анаѳемѣ папою Николаемъ,— только обнаружить безсиліе католицизма. Повидимому, безвозвратно прошло время, когда, по апостолическому всемірному слову, двигались за Орифламой съ крестомъ народы и государи. Вѣра, ихъ двигавшая, изсякла. Теперь пуритане мрачно утверждаютъ, что возбуждать братоубійственную войну—не есть призваніе церкви; что легче проповѣдовать, чѣмъ исполнять проповѣдь. Аріанскіе паны, стоящіе нынѣ у кормила королевства, не скрываютъ, что король и Посполитая Рѣчь хотятъ воспользоваться смутнымъ временемъ русскаго государства, чтобы возвратить себѣ литовскіе города и области, отнятые у нихъ царемъ Иваномъ-Грознымъ. Королевскіе послы объявили мнѣ здѣсь, что причина борьбы Польши съ Московіей можетъ быть только политическая, что о постройкѣ костеловъ и объ уніи въ Московіи они думать не хотятъ, да и вообще не намѣрены преслѣдовать какія бы ни было интересы римской куріи на Востокѣ. Мало того, послы жалуются на вмѣшательство въ нынѣшнее столкновеніе Польши съ Московіей іезуитовъ и папскаго нунція. Они утверждаютъ, что бояре московскіе непрочь видѣть своимъ царемъ польскаго королевича Владислава, но что подозрѣнія, внушаемыя боярамъ интригами іезуитовъ, наславшихъ самозванцевъ на Россію, вредятъ дѣлу Польши. Итакъ: дѣло польской политики не есть дѣло католицизма. Знаю, что безъ земнаго Іерусалима нельзя достичь Іерусалима небеснаго, но не крестовою ратью, не польскими хоругвями, достигнемъ мы желаемаго. Время, терпѣніе—и іерусалимскій орденъ съ своею осторожною, ласкающею политикою приведутъ насъ въ Москву, и къ числу семидесяти кардиналовъ, учрежденныхъ папой Сикстомъ, прибавится семьдесятъ-первый, московскій!"

— Хотѣлось бы быть этимъ московскимъ кардиналомъ! подумалъ онъ, положивъ перо и снявъ съ римскаго носа очки и слегка откинувшись на спинку своего стула.—Свое личное честолюбіе и властолюбіе я прикрываю, какъ всѣ мы, прелаты, ревностью къ распространенію духовной власти апостолическаго намѣстника. Каноническое право, обѣты смиренія, нищеты, духовное краснорѣчіе—это, въ моихъ глазахъ, только средства, а не цѣль. Всемірное вліяніе папы останется пустымъ звукомъ, если католическій монахъ не станетъ преслѣдовать мірскія выгоды. Да! мы, іезуиты, правы! День, когда папская булла наименуетъ меня кардиналомъ Москвы и всей Сарматіи, будетъ заслуженною наградою моихъ многолѣтнихъ трудовъ во славу католицизма! Но для того, чтобы этого дня дождаться, я долженъ связать свою судьбу съ судьбой московскихъ самозванныхъ царей! Король польскій уклоняется отъ вмѣшательства въ московскія дѣла подъ предлогомъ, что Польша въ мирѣ съ Московіей; въ сущности же— отъ того, что король польскій самъ менѣе каждаго изъ своихъ своевольныхъ подданныхъ безопасенъ въ своемъ государствѣ и еле управляется у себя дома съ мятежными панскими „рокошами". Затѣмъ, дѣло Марины Мнишекъ, вдовы самозванца Димитрія, погибло безповоротно. Нуженъ новый самозванецъ, котораго бы привели въ Москву дерзкіе паны. И, кажется, новаго Лжедимитрія уже ведутъ. Князя Льва Сапѣгу я убѣдилъ помочь подставному царю. Divide et impera! Въ Краковѣ и Вильнѣ мои горячія воззванія съ каѳедръ церковныхъ къ религіозному чувству и доблести народа и къ рыцарству

пановъ подвинули на Московію тысячи безпокойной, обѣднѣвшей шляхты... Короля и сенаторовъ я убѣдилъ въ принципѣ, по которому Краковъ и Москва должны быть столицами одного великаго славянскаго государства. Польша должна завоевать Московію, или наступить время, когда сама будетъ поглощена Москвою. Нѣтъ, князья міра! Вамъ еще рано избавиться отъ князей церкви! Счеты государства съ церковью начались не съ нынѣшняго дня. Но въ церковной власти еще долго будетъ нуждаться свѣтская власть, и не ошибается римская курія, какъ думаете вы, вмѣшиваясь въ политическія дѣла государствъ, особенно тѣхъ, которыхъ народы исповѣдуютъ ея ученіе.

Конскій топотъ у воротъ и звонъ сабли заставили мнимаго купца вздрогнуть и поспѣшно сунуть свое длинное письмо въ одинъ изъ кожаныхъ чемодановъ, стоявшихъ на лавкѣ. Только теперь онъ увидѣлъ, что совсѣмъ разсвѣло и первый солнечный лучъ вотъ-вотъ брызнетъ изъ-за озолотившагося горизонта. Съ недоумѣніемъ, полнымъ страха, онъ услыхалъ скрипъ отворившихся воротъ и увидѣлъ молодцеватаго казака, поддерживающаго убѣленнаго сѣдинами, почтеннаго старца, едва передвигающаго ноги.

— Кого передъ собой вижу? ты ли это, padre Nicolo de-Melò? своимъ глазамъ не вѣря, воскликнулъ называвшійся цесарскимъ купцомъ Августомъ Вернеромъ, поддержавъ ослабѣвшаго старика въ ту минуту, когда онъ готовъ былъ упасть, и сажая его на лавку. — Благословенъ твой приходъ подъ мой кровъ, блаженный нищенствующій старецъ, котораго ремень отъ сандалій недостойны развязать всѣ прелаты римской куріи, ходящіе въ кардинальскихъ шапкахъ и пурпурныхъ мантіяхъ!

— Я не привыкъ къ лести, замолчи! еле слышно, не подымая своихъ полузакрытыхъ глазъ на хозяина, замѣтилъ старый августинецъ, тяжело переводя духъ отъ усталости и прося негоціанта освободить его отъ котомки, привязанной у него за плечами.

— Я, вольный ротмистръ, проводилъ этого стараго монаха, по его просьбѣ, къ тебѣ, подданный его цесарскаго величества, герръ Августъ Вернеръ!—счелъ нужнымъ вмѣшаться въ разговоръ стоявшій у двери Лисовскій, нарочно сдѣлавшій удареніе на имени и фамиліи негоціанта.

— Ничего пріятнѣе для меня ты не могъ сдѣлать, панъ ротмистръ! Прими отъ меня сердечную благодарность за содѣйствіе, оказанное тобой этому достойному старику!.. Я самъ вѣрный католикъ и мнѣ дорого видѣть возлѣ себя испытаннаго поборника католицизма именно теперь, когда даже въ нѣдрахъ католическаго міра возникаютъ легкомысленныя стремленія всячески ограничить власть святѣйшаго отца папы и исказить сущность римскихъ догматовъ... Съ падре Николо мы давно знакомы...

— Дѣло ваше! сказалъ Лисовскій, усмѣхнувшись и окинувъ своими хитрыми глазами нѣмецкаго негоціанта, который бросилъ нищенскую

котомку старика въ уголъ, подъ лавку, какъ вещь не заслуживающую лучшаго мѣста.

— Надѣюсь, ты непрочь, храбрый ротмистръ, промочить горло виномъ, которое непремѣнно похвалишь? обратился къ Лисовскому герръ Вернеръ, ставя на столъ стеклянный боченокъ, полный ярко-розоваго вина и три стакана; — присядь, ротмистръ, вотъ твой стаканъ!

Онъ налилъ до краевъ всѣ три стакана и подвинулъ ихъ каждому изъ присутствующихъ, не исключая себя.

— Винцо превосходное! долженъ былъ сознаться Лисовскій, присѣвшій на лавку и съ наслажденіемъ смакуя густое, благоухающее вино маленькими, глотками и любуясь на свѣтъ его чуднымъ рубиновымъ блескомъ.—Еще не пивалъ такого.

— Это славное итальянское—Lacrima Cristi.

— Не пилъ ничего подобнаго, клянусь рогами дьявола!—единственнаго божества, въ которое я вѣрю! повторилъ Лисовскій, вновь подставляя свой пустой стаканъ, съ молчаливой просьбой, чтобы хозяинъ его наполнилъ.

— Ты богохульникъ! не выдержавъ, воскликнулъ въ негодованіи хозяинъ, въ черныхъ глазахъ котораго сверкнулъ огонекъ, а самъ онъ еще больше поблѣднѣлъ.

— Я не богохульникъ, а просто человѣкъ, стоящій внѣ предразсудковъ, спокойно замѣтилъ Лисовскій, самъ себѣ наливая вино, такъ какъ хозяинъ отъ него отстранился. — Моя религія — независимость.

— O, sanctissima! прошепталъ, полулежа на лавкѣ, старый августинецъ, подкрѣпленный стаканомъ вина.

— Странная религія — независимость! воскликнулъ иронически купецъ.

— Не признавая никакой религіи, я врагъ той, которую украшаетъ il santissimo bambino,—кукла въ папской тіарѣ! по прежнему, спокойно продолжалъ Лисовскій, принимаясь за третій стаканъ.

— Ты порицаешь намѣстника Христа, несчастный! горячился купецъ.

— А ты защищаешь этого избранника Божія не такъ, какъ купецъ, подданный его цесарскаго величества, герръ Августъ Вернеръ, а скорѣе, какъ его эминенція, монсиньеръ римской куріи, нунцій святѣйшаго отца, Бруно Брамантини!..

Словно пораженный ударомъ, безъ словъ, безъ движенія, замеръ на своемъ мѣстѣ герръ Вернеръ.

— Не дивись, что я тебя знаю, монсиньеръ, спокойно продолжалъ Лисовскій, закуривая свою коротенькую трубочку, — вспомни аріанскаго мыслителя, Вицента Фетюковича, обратившагося къ твоей мудрости для поученія и утвержденія въ католичествѣ.

Вмѣсто отвѣта, прелатъ, немного пришедшій въ себя, въ глубо-

комъ изумленіи всматривался въ отважнаго казацкаго есаула и, къ своему ужасу и негодованію, узналъ въ немъ того самаго негодяя, который года два назадъ, подъ именемъ Вицента Фетюковича, жаждущаго перейти изъ заблужденій аріанизма въ лоно римской церкви, вкрался въ довѣріе прелата, жилъ больше мѣсяца въ его вельможныхъ покояхъ при доминиканскомъ кляшторѣ, въ Краковѣ, и ушелъ ночью, обокравъ его на весьма почтенную сумму.

— Чтобы помочь твоей памяти, монсиньеръ Бруно, я скажу, что экономку твою зовутъ Тереза, что у нея смазливая рожица съ блудливыми глазами, и что „целибашъ" римскаго духовенства не помѣшалъ тебѣ имѣть отъ нея дѣтишекъ... продолжалъ нагло Лисовскій;—впрочемъ, я припоминаю только, а не осуждаю... Здѣсь большая разница, монсиньеръ. По господину и слуги. Оставилъ же послѣ себя папа Іоаннъ XXIII тринадцать человѣкъ дѣтей, за что отъ благодарныхъ современниковъ прозванъ: „pater patriae", то-есть „отецъ отечества".

Старый августинецъ Николо съ отчаяніемъ заткнулъ себѣ уши и страдальчески вздохнулъ.

— Кстати, монсиньеръ, замѣчу тебѣ, что и твоя смазливая экономка, панна Тереза, подобно большинству дочерей Еввы, падка къ лести молодыхъ мужчинъ и непрочь вкусить отъ запрещеннаго плода...

— Довольно! сказалъ, съ трудомъ сдерживая себя и дрожа весь отъ гнѣва, прелатъ.—Если тогда, въ Краковѣ, ты проникъ подъ мой кровъ, какъ тать, то, конечно, не лучшія цѣли привели тебя ко мнѣ и теперь. Говори же, чего тебѣ отъ меня нужно?

— Добраго выкупа за голову мирнаго негоціанта, подданнаго его цесарскаго величества, герра Куно Вернера, пріѣхавшаго въ Московію торговать драгоцѣнными тканями,—твердо, съ разстановкой и удареніемъ на словахъ отвѣчалъ Лисовскій съ своимъ нахальнымъ смѣхомъ.—Я постараюсь быть краткимъ и опредѣлительнымъ, какъ слѣдуетъ человѣку, дорожащему временемъ и заработкомъ: положи на этотъ столъ, не медля, одну тысячу талеровъ нѣмецкихъ, герръ Вернеръ, или я выдамъ тебя москалямъ... Понятно-ли?

Бѣдный герръ Вернеръ только глубоко вздохнулъ и пожалъ плечами, въ сознаніи сквернаго и безъисходнаго своего положенія. На минуту онъ задумался, потомъ взглядъ его черныхъ выразительныхъ глазъ вонзился въ смѣлые глаза Лисовскаго, какъ бы проникая въ тайники его души.

— Если тебѣ, вольный ротмистръ, извѣстно мое настоящее званіе, то меня удивляетъ твое неуважительное обращеніе съ довѣреннымъ лицомъ твоего первосвященника,—на сколько могъ строго замѣтилъ Лисовскому прелатъ, рѣшившійся попытаться угрозой подѣйствовать на этого предводителя головорѣзовъ, прославившагося даже въ нѣмецкой имперіи своею жестокостью и дерзостью.

— Пршепрашамъ! смѣясь замѣтилъ Лисовскій:—о какомъ моемъ первосвященникѣ говоришь? Моя религія—повторяю—независимость. Я человѣкъ, стоящій внѣ предразсудковъ, освященныхъ вѣками. Я ничего не имѣю противъ послѣдователей Магомета, талмуда или идоловъ; но я заклятый врагъ той куклы, что называется il santo padre; не Богъ, а конклавъ кардиналовъ, такихъ же лжецовъ, какъ ты, избираетъ изъ своей среды старость, соединенную съ тѣмъ притворствомъ всей жизни, что вы, итальянцы, называете „inganno"

— Еретичество, достойное трибунала святой инквизиціи! тихо замѣтилъ прелатъ, поставленный въ необходимость выслушивать оскорбленія, наносимыя римской церкви Лисовскимъ.

— Достоинъ ауто-да-фè! мрачно прошепталъ августинецъ.

Лисовскій стукнулъ о полъ своей тяжелой саблей и глубокое презрѣніе выразилось въ его дерзкихъ глазахъ и наглой усмѣшкѣ.

— Побывалъ я въ дьявольскихъ когтяхъ святѣйшей вашей инквизиціи, сказалъ онъ, —но не объ этомъ рѣчь! Золото на столъ, ваша эминенція, монсиньеръ Бруно Брамантини, вельможный нунцій святѣйшаго римскаго отца, чтобы его черти побрали! къ дѣлу: не задерживай вольнаго ротмистра, раскошеливайся!—и сабля Лисовскаго снова внушительно звякнула, обнаруживъ его нетерпѣливое движеніе. Что-то мрачное и зловѣщее блеснуло въ его глазахъ. Прелатъ всталъ, и, доставъ изъ большого чемодана буйволовой кожи съ мѣдными застежками тяжелый свертокъ, въ замшевомъ мѣшечкѣ, бросилъ его на столъ.

— Пршепрашамъ, монсиньеръ, сказалъ Лисовскій, засовывая дорогой свертокъ въ глубокій карманъ своего казакина.

Улыбка презрѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы удовольствія промелькнула на губахъ прелата. Онъ сѣлъ рядомъ съ Лисовскимъ и началъ говорить ласковымъ, мягкимъ голосомъ:

— Первый разъ еще въ своей жизни встрѣчаю я такого безбожника, негодяя и вмѣстѣ съ тѣмъ такого умнаго, какъ ты, панъ ротмистръ. Умные люди, подобные намъ, могутъ не сходиться во мнѣніяхъ, но должны понимать другъ друга; ты, кажется, человѣкъ, который мнѣ нуженъ въ эту минуту. Въ тебѣ совмѣщаются именно тѣ качества, на которыя можно разсчитывать: корысть и настойчивость въ достиженіи цѣли, какая бы она ни была.

— Ты вѣрно меня понялъ, монсиньеръ, скромно замѣтилъ Лисовскій.

— Лучшаго исполнителя своихъ замысловъ я не найду, а потому я буду съ тобой говорить не тѣмъ языкомъ, какимъ говорю обыкновенно съ другими. Ты поймешь меня. Не время намъ укорять другъ друга здѣсь, въ враждебной обоимъ намъ странѣ. Я представитель интересовъ римской куріи, ты—представитель искателей наживы. Подадимъ другъ другу руки — и мы многаго достигнемъ. Происками іезуитовъ и мятежнымъ духомъ шляхетства Польша вовлечена въ

борьбу съ своимъ сосѣдомъ, русскимъ государствомъ. Едва покончили съ однимъ Лжедмитріемъ, какъ уже подготовляется другой. Королевскіе послы строго порицаютъ эту, будто бы, беззаконную борьбу съ схизматическою Москвою знатныхъ польскихъ пановъ, вторгнувшихся въ дружеское Польшѣ государство съ огнемъ и саблей. Но устами ихъ говоритъ государственный разсчетъ. Напротивъ, интересы римской куріи требуютъ энергическаго вмѣшательства въ дѣло завоеванія Московіи; теперь удобный моментъ ввести въ нее унію. Намъ все равно, что дѣло церкви католической ничѣмъ здѣсь не связано съ дѣломъ католическаго государства, и даже интересы ихъ взаимно исключаютъ другъ друга. У церковной власти найдутся средства, которыхъ нѣтъ у свѣтской. Въ Московіи все возможно, если бродяга могъ сѣсть на царскій престолъ. Помоги мнѣ, ротмистръ, добыть Риму Московію, и я озолочу тебя...

— Я искатель приключеній и добычи, монсиньеръ, сказалъ Лисовскій, внимательно выслушавъ прелата. — Мое ремесло называютъ разбоемъ и, правду сказать, я разбойникъ. Все, что я могу ждать отъ судьбы — это быть убитымъ на полѣ битвы, или же, что̀ вѣроятнѣе, быть повѣшеннымъ. На что бы я ни рѣшился, съ чьей бы судьбой ни связалъ свою судьбу—хуже не будетъ; потому я готовъ помогать тебѣ подчинить Москву власти римскаго отца, какъ не прочь помогать Москвѣ живьемъ добыть этого же самаго папу, и даже посадить его на московскій колъ; я возьмусь за всякое дѣло, лишь бы оно сулило мнѣ выгоды. Что получу я за свою службу монсиньеру и его грандіознымъ планомъ?

— Если будущее насъ не обманетъ, панъ Лисовскій, ты получишь свое по заслугамъ! сказалъ съ одушевленіемъ прелатъ,—а теперь я го́то̀въ ежемѣсячно платить тебѣ за вѣрную службу по одной тысячѣ имперскихъ талеровъ.

— Bene! согласился Лисовскій.—Я привыкъ къ числу, вѣсу и мѣрѣ. Договоръ—тѣ же деньги.

Съ этими словами онъ протянулъ свою грубую мускулистую руку прелату, который слегка, не безъ нѣкоторой гадливости, дотронулся до нея своей бѣлой, мягкой, красивой рукой съ розовыми ногтями.

— Я не честолюбивъ, монсиньеръ, замѣтилъ Лисовскій, — но, каюсь—золото мой кумиръ. Хочу умереть или на висѣлицѣ, или богатымъ...

— Многое, если не все, отъ насъ самихъ зависитъ! философствовалъ прелатъ;—такой азартный игрокъ, какъ ты, ротмистръ, не ставитъ пустыхъ кушей. Голова человѣка, ежедневно стоящаго у смерти, оцѣнена. Лучше продать ее дороже.

Затѣмъ прелатъ досталъ изъ своего большого чемодана другой свертокъ золота въ замшѣ и, положивъ его передъ Лисовскимъ, внушительно сказалъ:—Итакъ, съ этой ночи ты нашъ, ротмистръ?

— Пока буду получать тысячу талеровъ впередъ за мѣсяцъ, я вашъ, монсиньеръ, отвѣчалъ Лисовскій.

— Однако, ты не на шутку корыстенъ, любезный ротмистръ, замѣтилъ прелатъ, наливая стаканы дорогимъ розовымъ виномъ.

Въ эту минуту на улицѣ послышался глухой шумъ и топотъ какъ бы приближавшагося коннаго отряда. Прежде чѣмъ прелатъ успѣлъ сообразить, въ чемъ дѣло, Лисовскій, воскликнувъ „до ведзенья монсиньеръ!“ быстро выбѣжалъ на крыльцо и вскочилъ на своего коня. Такъ какъ ворота были заперты, то онъ бросился на задній дворъ и черезъ отпертую калитку понесся по обширнымъ пустырямъ къ выѣзду, избѣгая улицы. Осѣдланный конь, привезшій стараго августинца, съ обмотаннымъ по шеѣ поводомъ скакалъ у хвоста Лисовскаго. Даже лошади, не только казаки, были „вымуштрованы“ въ его региментѣ.

— Помни, достойный padre Nicolo, говорилъ прелатъ августинцу, прислушиваясь съ безпокойствомъ къ приближавшемуся конскому топоту по улицѣ и пряча нищенскую сумку монаха подъ лавку въ коникъ,—помни, что ты мой приказчикъ, Отто изъ Вюрцбурга; твой паспортъ у меня, твоего хозяина, герра Куно Вернера, изъ Вюрцбурга же,—кажется, padre, наступило время выказать намъ мудрость змѣи и незлобіе голубя.

Старый монахъ только вздохнулъ, слабымъ движеніемъ головы изъявивъ свою готовность въ точности исполнить приказаніе своего патрона.

У воротъ послышалось конское ржанье, звукъ сабель и затѣмъ нетерпѣливые голоса—„отворите!“ сопровождаемые сильнымъ стукомъ.

Взглянувъ въ окно, прелатъ увидѣлъ конныхъ стрѣльцовъ. Собравъ все свое мужество, онъ поднялъ оконную раму и кротко обратился къ стрѣлецкому головѣ съ вопросомъ—что ему надо?

— Отвори скорѣе ворота! приказалъ тотъ.

Бормоча „Ave“, прелатъ безпрекословно пошелъ исполнять приказаніе.

— Не русскимъ духомъ пахнетъ! козлинымъ! осклабляясь во весь свой широкій ротъ, кругомъ обросшій тощими, свѣтлыми какъ пенька волосами, повторялъ, слѣдуя за прелатомъ въ его горницу, неуклюжій, на ходу переваливавшійся по гусиному, толстякъ, стрѣлецкій сотникъ Елизаръ Демаковъ. Дрожавшій нервною дрожью августинецъ, несмотря на сознаніе необходимости подчиниться требованію прелата—пребыть наружно спокойнымъ и встрѣтить новую опасность какъ слѣдуетъ мужу, предавшемуся во власть Божію,—тѣмъ не менѣе почувствовалъ при видѣ сотника такую слабость, близкую къ обмороку, что повалился на лавку, на которой сидѣлъ. Сотникъ Елизаръ Демаковъ отличался въ своемъ „стремянномъ“ полку тремя качествами: непомѣрною тучностью, сообщавшею ему, при небольшомъ ростѣ и широкихъ плечахъ, видъ кормнаго борова, трогательнымъ пристрастіемъ къ хмѣльнымъ напиткамъ, вслѣдствіе чего его жирныя,

подушкой, щеки и носъ — картофелемъ, всегда алѣли, и глупостью, препятствовавшею ему, заслуженому и старѣйшему въ полку сотнику, подняться по службѣ выше.

— Не русскимъ духомъ пахнетъ! козлинымъ! повторилъ сотникъ Елизаръ, отдуваясь какъ кузнечный мѣхъ и, судя по плутоватому выраженію его маленькихъ, веселыхъ глазъ, заплывшихъ жиромъ, разсчитывая на впечатлѣніе, какое должно возымѣть его замѣчаніе на иноземцевъ, посѣщенныхъ имъ по его служебной обязанности. Какъ многіе глупые люди, почтенный служивый сотникъ имѣлъ самъ о себѣ весьма высокое мнѣніе и часто удивлялся глубокомыслію и хитроумію своихъ изреченій. Онъ не заботился о нелестномъ мнѣніи людей о его личныхъ достоинствахъ. Природа, повидимому, предусмотрительно распредѣляетъ между людьми свои дары и взамѣнъ одного надѣляетъ другимъ. Глупый, но убѣжденный въ своемъ умѣ человѣкъ можетъ преспокойно прожить свой вѣкъ, въ самоувѣренной простотѣ своей, не подозрѣвая даже, что онъ глупъ. Не счастіе-ли это? И можно-ли назвать счастливымъ умнаго человѣка, сознающаго свое несовершенство, и поэтому всю свою жизнь сокрушающагося о немъ? Что толстопузый сотникъ Елизаръ Демаковъ, грузно опустившійся на коникъ, чтобъ перевести духъ, постоянно оставался собою доволенъ и ни разу въ своей жизни не смущался мыслью о своемъ человѣческомъ несовершенствѣ—это было ясно. Напротивъ, самоувѣренный и самодовольный взглядъ его заплывшихъ глазъ выражалъ подозрительность и недовѣріе только къ другимъ. Безграмотный, какъ бóльшая часть тогдашнихъ стрѣлецкихъ урядниковъ, онъ въ то же время былъ большой плутъ и лучше иного грамотѣя умѣлъ извлекать пользу изъ своего служебнаго положенія. Твердо держась правила—„не зѣвай!“ и считая его „одиннадцатою заповѣдью“, сотникъ Елизаръ ни разу не возвращался изъ своихъ ночныхъ объѣздовъ по городу съ пустыми карманами. То добросовѣстно оберетъ мертвецки-пьянаго жителя, попавшагося по пути, причемъ, дабы „схоронить концы“, никогда не подымалъ пьянаго и не доставлялъ его, какъ было „указано“, въ съѣзжую избу для „отверезенія и сохраны“, то „сорветъ“ денежку, если больше нечего, съ деревенскаго мужика, запоздавшаго съ базара. „Ничѣмъ не гребуетъ“, отзывались о немъ его подначальные стрѣльцы: „радъ, молъ, человѣка голымъ пустить“. И въ настоящую минуту все вниманіе заплывшихъ глуповатыхъ глазокъ сотника Елизара Демакова было обращено на объемистые чемоданы нѣмецкаго торговаго гостя, который самъ, а равно и его хворый товарищъ, ни мало не интересовали корыстнаго служилаго человѣка.

— Не русскимъ духомъ пахнетъ! козлинымъ!—повторилъ онъ свои слова, повидимому, очень ему нравившіяся, и хитро прищурясь, подмигнулъ нѣмецкому гостю съ выраженіемъ, какъ бы говорившимъ: „что-жъ ты? аль не знаешь нашихъ московскихъ порядковъ? Объѣздной сотникъ службу свою правитъ, а ты поплатись малую толику:

спокоенъ останешься". Но такъ какъ нѣмецкій торговый гость только вопросительно смотрѣлъ на него, то онъ счелъ нужнымъ „пристращать" гостя, и незамедлилъ принять на себя начальническій видъ, по правдѣ сказать, мало къ нему шедшій и дѣлавшій его болѣе смѣшнымъ, чѣмъ грознымъ. Строго вытаращивъ на нѣмецкаго гостя свои плутовскіе, заплывшіе глазки, откинувъ назадъ голову въ мѣдномъ шишакѣ, упершись обѣими руками въ колѣни такъ, что голова на короткой шеѣ ушла въ поднятыя плечи, сотникъ Елизаръ Демаковъ повелъ такую рѣчь, не предполагая даже, что иноземецъ не понимаетъ ея:

— Кто ты еси, гость? и какъ тебѣ имя будетъ? и изъ какой ты земли, иноземецъ? и зачѣмъ ты на Москвѣ? и по какому ты пропуску? скажись!

Нѣмецкій купецъ невольно улыбнулся, не понимая сдѣланнаго ему вопроса, и съ находчивостью человѣка, не разъ выпутывавшагося изъ трудныхъ обстоятельствъ, досталъ свою „пропускную грамоту" и подалъ ее сотнику. При этомъ въ глазахъ послѣдняго блеснулъ радостнымъ блескомъ новой чеканки червонецъ. Нѣмецкій гость зналъ „московскіе порядки".

— Печать царская! уже миролюбиво, осклабясь отъ удовольствія и сунувъ проворно червонецъ въ карманъ своего истасканнаго, вонючаго кафтана, замѣтилъ сотникъ, возвращая пропускную грамоту гостю и поглядывая на его большіе, явно не пустые чемоданы.

— А все-таки, нѣмчура, возьму я тѣ съ собою въ съѣзжую избу: велѣно—человѣкъ ты, похоже, сумнительный.

Нѣмецкій торговый человѣкъ, по выразительнымъ движеніямъ сотниковой руки, указывавшей ему на ворота и на стоящій за ними стрѣлецкій разъѣздъ, понялъ въ чемъ дѣло. Нескрываемая радость, съ какою московскій воинъ принялъ червонецъ, объяснила побужденія, приведшія къ нему сотника. Онъ налилъ ему изъ хрустальнаго боченка стаканъ своего превосходнаго вина и положилъ передъ нимъ пять свѣтлыхъ серебряныхъ имперскихъ талеровъ. Удовольствіе, съ какимъ сотникъ сунулъ талеры въ свой карманъ, было равносильно удовольствію нѣмецкаго гостя, теперь вздохнувшаго свободнѣе и убѣдившагося, что онъ спасенъ. Корысть, какъ по опыту зналъ гость, такая человѣческая слабость, посредствомъ которой достигаются часто трудно достижимыя цѣли. Не отрывая своихъ толстыхъ губъ отъ стакана, сотникъ опорожнилъ его; но плутовскіе глаза хищнически перебѣгали съ одного чемодана на другой. Нѣмецкій гость начиналъ смекать дѣломъ. Сотникъ, безцеремонно налившій себѣ другой стаканъ вина и выпившій его также залпомъ, облизнулся съ наслажденіемъ лакомки и прямо обратился къ гостю съ просьбой подарить ему нѣмецкаго суконца на кафтанишко.

— Износился мой-то, видишь—дыра на дырѣ, съ плечъ не скидаю, служба все! толковалъ сотникъ съ убѣдительностью безсовѣстнаго по-

прошайки, задавшагося мыслью вернуться домой съ новымъ кафтаномъ; причемъ, боясь, что иноземный гость не пойметъ его, сотникъ добросовѣстно и наглядно познакомилъ его со всѣми изъянами и со всею плохостью своего истасканнаго, полинявшаго на солнцѣ и дождѣ кафтанишка. Гость, не говоря ни слова, досталъ изъ чемодана остатокъ тонкаго синяго сукна и подалъ его сотнику.

— На кафтанъ и на штаны! ай да нѣмчура! не утерпѣвъ, воскликнулъ счастливый попрошайка и, съ трудомъ поднявшись съ коника, повисъ гостю на шеѣ, лобызая его слюнявыми губами. Напрасно изнѣженный прелатъ римской куріи пытался устранить свое классически-правильное лицо отъ этого грубаго изъявленія признательности корыстнаго москвича; сивушный душокъ и вонь истасканнаго кафтана пуще всего неспособенъ былъ переносить монсиньеръ Брамантини. Затѣмъ, бережно завернувъ дорогое сукно въ большой платокъ, повидимому, украшавшій женщину и, всего вѣроятнѣе, снятый съ нея этимъ почтеннымъ охранителемъ общественной безопасности въ стольномъ градѣ Москвѣ, во время объѣзда въ эту ночь,— сотникъ Елизаръ Демаковъ налилъ себѣ еще стаканъ, выпилъ и крякнулъ съ выразительностью и самодовольствіемъ человѣка, на славу обдѣлавшаго дѣльце.

— Благонадеженъ буди, купчина! счелъ своимъ долгомъ успокоить торговаго иноземца сотникъ, направляясь къ дверямъ и снова отдуваясь какъ кузнечный мѣхъ: — шабашъ теперь; никому, слышь, ни единой денежки не давай; особливо ярыжкамъ этимъ земскимъ; потому, они христопродавцы, мошенники... Буди здравъ! А Елизаръ Демаковъ всѣ дѣла знаетъ и покроетъ, коли что́... Потому, хоша ты нѣмецъ, а вижу — простецкой ты человѣкъ, душевный, и я тебя за то даже люблю... не гордый нѣмецъ.

Въ дверяхъ сотникъ остановился, какъ бы что вспомнивъ и, повернувшись назадъ, взялъ со стола хрустальный боченокъ съ рубиновымъ виномъ подъ мышку.

— Забылъ было винцо твое, нѣмчура! какъ бы въ поясненіе своего поступка замѣтилъ онъ торговому гостю, похихикивая весьма добродушно. — Спасибо, вспомнилъ! И винцо же... Бабенкѣ своей свезу, самъ пить не буду; не по насъ; намъ перегаръ хлѣбный, водочкой сыты... А бабенка, слышь, у меня важнецкая, нѣмчура!

Монсиньеръ Брамантини, не понимая рѣчи корыстнаго сотника, но вполнѣ понимая его дѣйствія и оцѣнивая ихъ по достоинству, проводилъ его за дверь взглядомъ, исполненнымъ презрѣнія.

— Mater Dei, ora pro nobis, peccatoribus, o sanctissima! чуть слышно прошепталъ старый августинецъ, убѣдясь, наконецъ, что опасность миновалась.

— Уфъ! изъ глубины своей души вздохнулъ прелатъ, котораго наружное спокойствіе стоило ему напряженія всѣхъ нравственныхъ силъ, а потому утомило его. Онъ опустился на свой складной стулъ.

То было не физическое утомленіе. Впрочемъ, сознаніе побѣды, одержанной имъ сейчасъ надъ „московскимъ коварствомъ“, надъ этимъ полудикимъ врагомъ, „москалёмъ“, живо выражалось на его подвижномъ южномъ лицѣ. Да! Если теперь, принужденные скрываться подъ вымышленными именами, преслѣдуемые по пятамъ опасностью, они сильнѣе духомъ этихъ варваровъ, они побѣждаютъ ихъ коварство золотомъ, а ихъ глупость умомъ—что жъ ждетъ дальше ихъ, іезуитовъ, всесвѣтныхъ завоевателей, въ этой схизматической Московіи? Конечно — побѣда, слава, владычество, богатство... Если обстоятельства пока сильнѣе орденской настойчивости, то, нѣтъ сомнѣнія, это только вопросъ времени. Честолюбивый прелатъ испытывалъ полное внутреннее удовлетвореніе. На его тонкихъ итальянскихъ губахъ играла презрительная улыбка. Не могъ онъ не презирать этого почтеннаго московскаго воина, только что такъ дешево продавшаго государственные интересы своего отечества. Захвати-ка онъ секретныя бумаги монсиньера!.. Такую продажную страну нетрудно поработить. Государство безъ гражданской доблести — немыслимо. Да и не такія государства, какъ эта продажная Московія, подпали іезуитскому вліянію. Въ сосѣдней Польшѣ, вотъ, вмѣсто обновленія церкви въ національномъ духѣ, какъ того хотятъ польскіе патріоты, снова господство іезуитовъ, внесшее въ Польшу „религіозную безнравственность“. Въ польскомъ сенатѣ засѣдаютъ паны—аріане, друзья свободы, христіане, желающіе, по ихъ словамъ, мертвую религію догматовъ замѣнить живою религіею Господней любви; но рядомъ съ ними сидятъ іезуиты; іезуиты вездѣ, во всѣхъ странахъ Европы; пусть Франція, Голландія и Англія гордо хвалятся, что изгнали іезуитовъ изъ своихъ земель; какое заблужденіе! іезуитизмъ не только орденъ, корпорація, іезуитизмъ—извѣстныя стороны человѣческаго духа. Европа не должна забыть, что Жакъ Клеманъ — убійца Генриха Валуа — іезуитъ; что трое, посягавшихъ на жизнь Елизаветы Англійской, — іезуиты; Барьеръ и Жанъ Шатёль, покушавшіеся на жизнь Генриха Бурбона—іезуиты; докторъ Гиньяръ, повѣшенный за апологію цареубійства — іезуитъ. Кто убилъ Морица Нассаусскаго? — Іезуитъ. Чей питомецъ и посланецъ Лжедмитрій? — Іезуитовъ. Истинный іезуитъ служитъ дѣлу, въ которое не вѣритъ, побуждая вѣрить въ него весь міръ! Двигатель іезуита честолюбіе, скрытое религіознымъ фанатизмомъ. Іезуитизму нужна церковь только какъ средство забрать въ свои руки совѣсть и имущество вѣрующаго, поработить себѣ князей и сильныхъ міра сего. „Monita secreta societatis Jesu“—уже далеко не фанатическій уставъ Игнатія Лойолы.

Такъ думалъ прелатъ римской куріи, тайный секретарь папы и капелланъ Святой Маріи, папскій нунцій въ Польшѣ, монсиньеръ Бруно Брамантини, и думалъ вполнѣ искренно. Въ сущности, въ основѣ своихъ вѣрованій, онъ мало отличался отъ безбожника Лисовскаго. Онъ вовсе не былъ такимъ фанатикомъ своего исповѣданія,

какимъ себя выдавалъ. Талантливый апологетъ католицизма, горячій проповѣдникъ съ церковной каѳедры папской непогрѣшимости, онъ, пожалуй, вѣрилъ въ эту папскую непогрѣшимость менѣе другихъ невѣрующихъ и про себя смѣялся надъ святостью канонизированныхъ римскою церковью угодниковъ. Онъ не вѣрилъ въ добродѣтель человѣческую вообще. Двойственность и противорѣчіе его внутренняго міра съ его внѣшнимъ положеніемъ не вызывали въ немъ душевной борьбы. Его мысль давно овладѣла его сердцемъ. Одно существо въ мірѣ онъ обожалъ—себя. Если бы судьба толкнула его на иной путь, онъ, вѣроятно, готовъ былъ бы обожать солнце, огонь, женщину, силы природы, явныя и тайныя. Фанатикъ наружно, онъ по убѣжденіямъ былъ остроумный, подчасъ и насмѣшливый философъ, стоящій внѣ какой либо религіи, въ тиши своей кельи, а потомъ въ своемъ кардинальскомъ дворцѣ предпочитавшій Мэтра Франсоа Раблэ—библіи. Глазъ на глазъ съ самимъ собою, съ своею совѣстью, онъ осуждалъ многое изъ тѣхъ самыхъ началъ, которымъ служитъ публично, во имя которыхъ торжественно провозглашалъ „анаѳему". Онъ не былъ врагомъ ни Лютера, ни Кальвина, ни Виклефа. Съ реформаціонной идеей онъ былъ исторически знакомъ и не могъ не сочувствовать ей, какъ философъ.

Таковъ былъ прелатъ у себя, за книгой. Но въ красной мантіи, въ пурпуровой кардинальской шапкѣ, въ бѣлой сутанѣ, подъ величественными сводами и Микель Анджеловскимъ куполомъ базилики св. Петра, при торжественныхъ звукахъ мелодическаго органа и громогласномъ пѣніи „Te Deum laudamus!" среди благоговѣйной молитвы многихъ тысячъ вѣрующихъ католиковъ,—это былъ строгій послѣдователь Игнатія Лойолы, готовый возвести, во славу Бога, на костеръ Саванароллы и Гусса всякаго дерзкаго новатора, посягающаго на „формальный" католицизмъ.

В. Марковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДНЕВНИКЪ ВИКТОРА ИПАТЬЕВИЧА АСКОЧЕНСКАГО.

II *).

Въ сферѣ духовно-академической и монашеской.

Взглядъ Аскоченскаго на монашество.—Старанія его отклонить молодежь отъ посвященія въ монахи.—Куда ведетъ академическое образованіе?—Скользкій путь нынѣшняго отшельничества.—„Грѣхи монашескіе".—Торгашество святыней.—Критика обрядовъ—анаѳематствованія и поста.—Академическая латынь.—Ненависть Аскоченскаго къ сочинительству проповѣдей.

ЗЪ воронежской семинаріи Аскоченскій поступилъ въ кіевскую духовную академію. Немало интересныхъ страницъ „Дневника" относятся къ этому времени. Тутъ мы впервые встрѣчаемся съ зарождающимся и мало-по-малу созрѣвающимъ недовольствомъ юнаго студента. Академическая атмосфера многими своими сторонами вызывала пытливый умъ на критику и порождала въ пылкой натурѣ недовольство. Извращенность направленія духовнаго образованія, суетность стремленій къ пользованію благами монашеской жизни, недостатки спеціально-академическаго образованія,—вотъ предметы, занимавшіе въ то время Аскоченскаго и вызывавшіе его филиппики. Онъ не жалѣлъ красокъ для изображенія аномалій монашества. Самое стремленіе молодыхъ людей къ монашеству ему представлялось неестественнымъ и непонятнымъ. Вотъ, напримѣръ, что онъ пишетъ о постриженіи въ монахи бакалавра польскаго языка Кульчицкаго.

„Я не могъ вытерпѣть, чтобы не уйти изъ церкви, не могъ равнодушно смотрѣть на этотъ печальный обрядъ, разлучающій несчастнаго навсегда съ міромъ, отнимающій всякую надежду на удоволь-

---

*) Продолженіе. См. „Истор. Вѣстн.", томъ VII, стр. 79.

ствія и очаровательные успѣхи.—Боже мой, подумалъ я, выходя изъ церкви,—на что же ты создалъ этотъ міръ такимъ великолѣпнымъ, такимъ очаровательнымъ, если тѣ, коимъ ты вручилъ владычество надъ нимъ, оставляютъ, пренебрегаютъ имъ? Не лучше ли бы было сотворить тебѣ для этихъ міроненавидцевъ темную, освѣщаемую тусклымъ полусвѣтомъ пещеру? На что жъ было давать людямъ твой драгоцѣнный подарокъ, если они бросаютъ его? Не постигаю судебъ Премудраго, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могу понять и сердца человѣческаго. Не странное ли дѣло проститься съ міромъ, отринуть прелести природы, насмѣяться надъ прекрасными твореніями ея,—и для чего это? Для монашескаго клобука, который, по моему, ничѣмъ не лучше коробки, въ которой продаютъ всякія овощи. Другое дѣло, если бы просилъ этого чина старецъ, убѣленный сѣдинами, несчастливецъ, убитый безотраднымъ, скорбнымъ отчаяніемъ; отецъ, потерявшій дѣтей своихъ—единственное въ мірѣ утѣшеніе. А то—молодой, еще неопытный въ дѣлахъ безконечнаго монашескаго искуса, въ самой порѣ пылкихъ лѣтъ, рискуетъ всѣмъ, что украшаетъ нашу здѣшнюю жизнь, рискуетъ неописанными, восхитительными удовольствіями семейственной жизни, безжалостно хоронитъ молодой восторгъ, горячую любовь, которыми, конечно, пламенѣетъ иногда его сердце. И, конечно, эти великія, неизчислимыя пожертвованія не ту имѣютъ цѣль, чтобы рѣшительно воздержаться отъ грѣховнаго преткновенія, не туда мѣтятъ, чтобы купить этимъ спасеніе,—этому я ни за какія блага въ свѣтѣ не повѣрю. Пускай мнѣ говорятъ, что бывали и теперь есть такіе люди, которые съ юныхъ лѣтъ посвящали себя на служеніе Богу, которые отказывались отъ міра и удовольствій его не изъ какой либо корыстной цѣли; я не буду спорить съ этимъ, но скажу, что эти времена были, да прошли. Не стану утверждать того, чтобы и теперь не было безкорыстныхъ любителей уединенной монашеской жизни; но это очень, очень рѣдко. Большею же частію, по моему мнѣнію, надѣваютъ длинные капюшоны на себя для того, чтобы удобнѣе было прикрыть честолюбіе, нескромно обнаруживающееся въ поступкахъ обрекающихъ себя въ этотъ орденъ; чтобы прикрасить ученое чело свое золотою шапкою „отъ каменей честныхъ". Если не вѣрите мнѣ, спросите у каждаго анахорета, не гадалъ ли онъ, хоть иногда, въ часы задумчивости объ этой обольстительной тіарѣ, не мечталъ ли когда нибудь, хоть невзначай, о пастырскомъ жезлѣ? Вѣрно каждый изъ нихъ скажетъ внутри себя: „да", хотя высказать намъ это и посовѣстится".

Такой взглядъ на монашество не разъ повторяется въ „Дневникѣ". Подъ 15 февраля 1841 г., читаемъ, между прочимъ:

„Сегодня, воротясь отъ утрени, Константинъ извѣстилъ меня, что тамъ происходило постриженіе въ монахи пятерыхъ студентовъ академіи. Прости меня, Господи, но я отъ души порадовался, что не видѣлъ своими глазами этой убивающей меня церемоніи. Я пони-

маю, совершенно понимаю всю важность отшельническаго служенія Богу, понимаю и то, если несчастный служитель алтаря, лишившійся лучшей половины своего существа, надѣваетъ монашескій кукуль и растерзаемое сердце свое врачуетъ молитвою и постничествомъ; понимаю, хоть и не вполнѣ вѣрю этому особенному, сверхъестественному какому-то призванію на подвиги, но рѣшительно не понимаю вотъ чего: по какимъ побужденіямъ молодой человѣкъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, полный жизни и силъ, съ прекрасными способностями, съ явнымъ призваніемъ на общественные труды и заботы, съ блестящими видами впереди, съ образованнымъ умомъ (я не скажу: сердцемъ, это— еще вопросъ), надежда семейства, дѣятельный членъ общества, еще не умершій ему ни одною своею частію корень, посаженный рукою Промысла на доброй землѣ человѣчества съ тѣмъ, чтобы дать въ свое время отпрыски святые, освящаемые самимъ Богомъ,—по какимъ, говорю, побужденіямъ такой человѣкъ дѣлается такъ рано хилымъ старикомъ, убиваетъ въ себѣ животворный духъ, — элементъ высокой гражданственной дѣятельности, тащитъ въ узкое отверстіе односторонности свои прекрасные таланты, которые готовы были раскинуться широко, залетѣть высоко; уединяется въ свою бездомную келью, какъ птица въ чужое гнѣздо, закрываетъ глаза отъ всего, что имѣетъ прекраснаго прекрасный міръ Божій... Боже мой! по какимъ это побужденіямъ дѣлаются люди такими! Господи, будь на мнѣ святая воля Твоя! но я не повѣрю, что эти люди не были маленькими честолюбцами, пародіями на непостижимаго, чуднаго лицемѣріемъ, притворствомъ и постоянствомъ Монмальто. Я не повѣрю, чтобы они въ этомъ страшномъ рискѣ не разсчитывали на золотую шапку, на прекрасный экипажъ, на богатые доходы, на преблюды, на житье сибаритское; я не повѣрю, чтобъ здѣсь не было ужаснаго святокупства, страшной симоніи. Не о всѣхъ я говорю: есть люди и въ клобукахъ—Баярды своего рода, рыцари христіанскаго міра безъ порока и упрека; но много этихъ званныхъ, да мало избранныхъ. Я знаю одну причину, одно еще побужденіе, заставляющее нѣкоторыхъ молодыхъ людей идти по этому скользкому, опасному пути: „Я—говорятъ и даже пишутъ они иногда въ своихъ прошеніяхъ,—давно себя чувствую склоннымъ къ этому образу жизни; я имѣю неудержимое желаніе оставить сей міръ и посвятить себя служенію Богу въ чинѣ ангельскомъ“.

— Очень хорошо, но скажите мнѣ, спрашивалъ я не разъ этихъ несчастныхъ, приходившихъ ко мнѣ зачѣмъ нибудь,—скажите мнѣ, давно ли вы почувствовали такую склонность къ монашеству?

— Давно, очень давно, какъ скоро я началъ сознавать себя.

— А чѣмъ, позвольте узнать, обнаружилась въ васъ эта бѣдственная склонность?

— Охотою моею быть наединѣ, чуждаться людей, плакать даже, если родитель зоветъ меня къ себѣ тогда, когда въ комнатѣ есть гости.

— Такъ-съ, но признайтесь мнѣ откровенно, не любили ли вы играть въ простыя игры съ крестьянскими ребятишками?

— Нѣтъ-съ.

— О! такъ вашъ батюшка былъ, видно, престрогій человѣкъ!

— Напротивъ, очень снисходительный.

— Позвольте теперь узнать, кто онъ теперь былъ такой чиномъ,—чиномъ?

— Священникъ, отвѣчалъ иной, гордо поднимая голову,—дьяконъ, говорилъ другой, взявъ на два тона пониже,—дьячекъ, сквозилъ черезъ зубы бѣднякъ, попавшійся ко мнѣ въ тиски съ своимъ монашествомъ.

— Ну, положимъ, кто бы тамъ ни былъ, а гдѣ жилъ вашъ батюшка? Гдѣ вы родились?

— Въ деревнѣ.

— Кто жъ такіе бывали у васъ гости?

— Разумѣется, попы...

— Извольте, я помогу вамъ докончить: попадьи старозавѣтныя, которыя во время оно любили побродить о святкахъ со двора на дворъ, чтобъ служить въ собственномъ смыслѣ несѣдальны-акаѳисты своему мамонѣ; дьякона, дьячки съ своими пьяными половинами и прочій весь причтъ церковный. Нуте-съ. А, можетъ быть, заѣзжалъ къ вамъ иногда и толстобрюхій помѣщикъ съ дюжиной собакъ, да съ толпою доморощенныхъ егерей, только что взятыхъ отъ сохи, съ глупымъ чванствомъ, съ безтолковою рѣчью въ зубахъ, съ ослиною смышленостью въ глазахъ; а, можетъ, еще заѣзжала къ вамъ и помѣщица въ накрахмаленномъ чепцѣ, со связкою ключей за поясомъ, съ лоснящеюся кошкою и преясною надписью на лбу: „жиръ, сало, плоть и кровь". Послѣ этого, знаете ли, что̀ я вамъ скажу? Охота ваша плакать, когда васъ тащили на показъ такимъ гостямъ, очень, очень естественна, только вы не принимайте ее за выраженіе склонности вашей къ одиночеству; эти слезы выжимало у васъ ваше свѣтлое, чистое, невинное дѣтское чувство; оно еще не заплыло грязью этихъ гадкихъ деревенскихъ оргій; его еще не залили водкою, какъ это очень похвально дѣлаютъ многіе отцы по деревнямъ; ему еще больно смотрѣть на это скотоподобное униженіе достоинства человѣческаго, инстинктуально, но еще безсознательно вами угадываемаго. Вы плачете, потому что васъ тащатъ не въ вашу сферу; вы даже желтѣете, становитесь дикимъ, если въ васъ много посѣяно сѣмянъ чувства человѣческаго, если вы не состояніи заглушить ихъ терніемъ грубостей и пороковъ, образцы которыхъ такъ часто вертятся передъ вами.

— Но, помилуйте, въ нашемъ домѣ никогда не бывало такихъ пьяныхъ обществъ и, однако, я все-жъ-таки боялся ихъ, все плакалъ отъ нихъ.

— И вамъ, конечно, легче было, когда вы хорошенько поплачете?

— Да, потому что я оставался тогда одинъ.

— Не правда, не потому, а потому, что вы видѣли тамъ чужихъ людей, и потому, что вамъ не съ кѣмъ тамъ было подѣлиться откровенно дѣтскою мыслью, что васъ даже не научили, какъ это дѣлать, что съ вами не умѣли, не хотѣли говорить, какъ съ дитятею; что вамъ пѣли постоянно сухія, ничтожныя моральныя тирадки; что каждое ваше слово клеймили названьемъ глупости; что вы боялись сказать что нибудь, не заслуживъ... извините... титла дурака. Я говорю вамъ откровенно. Поставьте васъ въ другомъ мѣстѣ, окружите васъ людьми съ другими понятіями, съ другимъ образомъ мыслей, съ умѣньемъ приспособляться, наклоняться, какъ бы, къ вамъ,—и ваши способности дѣтскія развернулись бы свѣжо, какъ благоуханный цвѣтокъ,. и вамъ бы весело было и привольно, и вашъ мрачный взглядъ на вещи прояснился бы самъ собой, и вы бъ не бѣгали тогда отъ людей, отъ самихъ себя,—и вы бы не сказали теперь, что чувствуете давно наклонность къ одиночеству, къ монашеству.

— Но теперь ужъ поздно ворочаться назадъ. Данное мнѣ направленіе глубоко пустило во мнѣ корни свои,—оно вошло въ мой характеръ и рѣшительно измѣнило меня...

— „Теперь поздно“; а по мнѣ не такъ: mieux tard que jamais. Неужели вы и въ самомъ дѣлѣ думаете, что это несчастное направленіе таки вовсе измѣнило вашъ характеръ? Да еще позвольте васъ опросить—напередъ прошу не обижаться,—есть ли у васъ характеръ? Гдѣ вы его сыскали? Какъ онъ забрался въ вашу душу, занятую въ дѣтствѣ ферулою приходскаго дьячка, или школьнаго учителя, а теперь, когда вы начали сознавать себя, исключительно посвятившую себя схоластическимъ, сухимъ, часто, и очень часто, неудобоприложимымъ къ жизни, занятіямъ? Нѣтъ, mon cher, характеръ пріобрѣтается не тамъ, подъ руководствомъ родителей, и не тутъ, подъ звонкомъ училищнаго регламента. Я говорю—пріобрѣтается, потому что онъ не есть что нибудь намъ врожденное, какъ какія нибудь идеи,—это вздоръ, батюшка. На этомъ основаніи, пожалуй, холерикъ сталъ бы извинять себя въ томъ, что онъ мстителенъ, золъ; сангвиникъ—что онъ сладострастенъ; меланхоликъ — что онъ лѣнивъ ко всему, даже къ спасенію души своей; „виноватъ, скажутъ они, въ такомъ случаѣ врожденный намъ характеръ, а не мы“. Нѣтъ, вздоръ, почтенные! Ваши характеры, или, пожалуй, темпераменты, какъ субстратъ характеровъ—своимъ чередомъ, а законъ и дѣло—тоже своимъ чередомъ. Нѣтъ, не такъ. Темпераментъ, положимъ, хоть отъ природы: но это только почва; характеры ваши—собственное ваше сѣяніе; а снискиваются, пріобрѣтаются, изолируются, врастаются, такъ сказать, въ наше естество они посреди враждующихъ себѣ стихій добра и зла, посреди самодѣятельнаго, сознательнаго, разумнаго, мужественнаго участія въ этой страшной борьбѣ на жизнь, или на смерть. Изъ-за академической парты вы выходите, не погнѣвайтесь, самыми невин-

ными бурсаками; я самъ былъ въ нѣкоторой степени такимъ же. Міръ намъ представляется или обширною залою, залитою потокомъ свѣта, разукрашенною всѣми призматическими цвѣтами упоенья и роскоши, или пустынею, гдѣ чувству вашему, какъ голубицѣ Ноевой, негдѣ пріютиться, негдѣ отыскать оливковую вѣтвь мира и утѣшенія. Тотъ и другой взглядъ есть слѣдствіе заранѣе полученнаго вами направленія; тотъ и другой взглядъ, само собою разумѣется, невѣренъ. Боже же васъ сохрани послѣдовать какому нибудь одному изъ этихъ раннихъ вашихъ предубѣжденій. Упитанные мечтатели, взвихрившись въ порывахъ наслажденій, вы сломите, непремѣнно сломите, себѣ шею, оттого что вы еще не умѣете держаться на скользкомъ паркетѣ свѣта; но, опять, сохрани васъ Боже принять мрачный вашъ взглядъ на міръ въ тусклую космораму вашего студенчества, одинокаго быта, за дѣйствительный эскизъ того, что тамъ совершается; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ вы—пропащій человѣкъ. Принявъ минутную прихоть разстроеннаго одиночествомъ вашего воображенія за норму всей будущей вашей дѣятельности, вы (отъ чего да сохранитъ васъ Творецъ небесный) надѣнете кукуль, возмете четки и заслонитесь мантіею отъ этого міра, который о васъ и слыхомъ не слыхалъ, и видомъ не видалъ, и на который вы разсердились Богъ знаетъ за что. Только смотрите, чтобъ вы и въ этомъ даже случаѣ не остались въ проигрышѣ; смотрите, кто кого отвергъ, кто кого бросилъ: вы ли міръ, или міръ васъ, вы ли узнали его негодность, или онъ васъ призналъ негоднымъ членомъ для общества, для всего человѣчества.

— Да міръ когда же признавалъ...

— Понимаю, что вы хотите сказать. Міръ, правда, безсовѣстенъ, но бѣжать отъ него, бѣжать безъ выстрѣла,—воля ваша, а это пахнетъ чѣмъ-то неловкимъ. Знаю, были люди, которыхъ не былъ достоенъ весь міръ и которые между тѣмъ скитались и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропостяхъ земныхъ; но то были другія времена, другіе нравы; то была, какъ говорится, старина—то и дѣянье. И однако жъ, помните, что Спаситель ни самъ не бѣгалъ отъ скорбей, ни другихъ не училъ этому; а заповѣдь—ащe гонятъ васъ во градѣ, бѣгите въ инъ—относилась собственно къ апостоламъ. Имъ не надобно было слишкомъ рано и неразумно рисковать своею жизнью; имъ надо было сдѣлать много, учить всѣ языки, крестить и жидовъ, и эллиновъ; а ихъ, между тѣмъ, гнали; дѣлать нечего — надо было бѣгать изъ одного города въ другой. Спаситель для того-то и оставилъ имъ эту предостерегательную заповѣдь. Зато жъ никто изъ нихъ и изъ истинныхъ исповѣдниковъ Христовой вѣры не отрекся умереть въ пыткахъ и истязаніяхъ лютѣйшей смерти, никто не бѣжалъ, когда этого не нужно было, въ пустыни, дрожа и тѣломъ и душою за животъ свой. Но, позвольте, мы отклонились отъ главнаго предмета нашей длинной рѣчи. О чемъ, бишь, мы говорили?

— Я говорилъ, что міръ...

— Да, да-съ, — неблагодаренъ, безсовѣстенъ. Очень хорошо. Да для васъ-ли однихъ, для тѣхъ ли, которые грозятъ ему кукулемъ да мантіей? Батюшки мои, да поглядите, Бога ради, для кого онъ менѣе всего готовитъ наградъ, какъ не для своихъ же тружениковъ, т. е. я говорю не о міролюбцахъ, а о тѣхъ, которые живутъ въ мірѣ и трудятся для общества, или, какъ говорятъ монахи,—для міра. Повѣрьте мнѣ, всѣ награды, всѣ почести добрымъ, безкорыстнымъ этимъ міролюбцамъ достаются легко только въ проповѣдяхъ, да въ бесѣдахъ; не всякій бы лежебокъ-монахъ согласился промѣнять свою теплую берлогу, пожалуй, хоть на порядочный домикъ, который надо натопить, жену, дѣтей—накормить, да и самому чего-нибудь перекусить. Какъ хотите, а красоуля монашеская полновѣснѣе и сытнѣе, чѣмъ кусокъ, заработанный пòтомъ и службою. Знаете ли, что я скажу вамъ? Первые въ свѣтѣ монахи, первые въ мірѣ подвижники — это солдаты. Вотъ, батюшка мой, люди, которые кладутъ, по заповѣди Спасителя, душу за други и недруги своя, вотъ тѣ праведники, которымъ Господь Богъ дастъ сѣсть одесную славы своея; вотъ страдальцы, которые кровью омываютъ грѣхи свои, для которыхъ самъ Божественный Голгофскій Страдалецъ готовитъ вѣнцы на небесахъ. А эти тунеядцы, эти лежебоки... Но простите меня; я надѣюсь, даже знаю, что вы не относитесь къ этому классу двуногихъ животныхъ въ клобукахъ.

— Конечно, каждый изъ студентовъ, поступающихъ въ сословіе монашеское, долженъ занимать училищное мѣсто и служить обществу...

— Ну-те, ну-те! продолжайте. Что-жъ вы остановились? Я жду, не скажете ли вы и тутъ чего-нибудь о неблагодарности этого пресквернаго міра, который мы съ вами разругаемъ когда-нибудь на досугѣ,—этакъ, знаете—въ проповѣди, передъ лицомъ такъ называемыхъ „благочестивыхъ слушателей"? А? что, mon cher? Видно, тутъ ужъ прильпне языкъ къ гортани? Да, признаться, и есть отъ чего. Я вамъ скажу вотъ что: академія, какъ и всякое высшее заведеніе вообще, открываетъ смѣтливому, оборотливому, съ маленькимъ толкомъ человѣку прекрасную карьеру; но, вотъ видите ли, у насъ идутъ дороги въ разныя стороны. Самая плохая, изрытая ухабинами, промоями, усыпанная репейникомъ и терномъ, неблагодарная и недающая средствъ и возможности составить „благопріобрѣтенное имѣніе",—это есть дорога собственно ученая. Мало избранныхъ, которые бы съ охотою, съ самоотверженіемъ пустились въ этотъ тѣсный, не ровный путь; они велики для меня, если гдѣ есть; велики такъ же, какъ великъ воинъ, жертвующій жизнью за то, что̀ не можетъ даже въ половину окупить этой единственной драгоцѣнности человѣка. Гдѣ бы я ни встрѣтилъ такихъ людей, я имъ уступлю мѣсто, я сниму передъ ними шапку и поклонюсь до лица земли. Благоговѣйте передъ ними, — это святые труженики истины! Другой путь, это—священный санъ бѣлаго духовенства (я иду ab infimo ad summum); тутъ есть кое-какія выгоды,

больщія передъ классомъ ученыхъ; но вообще и эта дорога не слишкомъ выгодна. По моему, вовсе не надобно учиться такъ долго и такъ много, чтобъ послѣ того забыть все это за приходскими хлопотами, да алтынничать по могиламъ да похоронамъ. Правда, здѣсь лучше можно узнать высокое назначеніе этого сана, лучше можно выучиться держать себя; но можно остаться безъ куска хлѣба. Развитое и облагороженное сознаніе собственнаго достоинства запретитъ человѣку употреблять низкія, грязныя средства къ обогащенію себя; а работа, къ которой тѣло и руки вовсе не пріучены, само собой, не принесетъ пользы, если за нее взяться не умѣютъ; такимъ образомъ, и съ умомъ да будешь въ кулаки дуть. Этакія вещи бываютъ сплошь да рядомъ; исключенія рѣдки. Третья дорога—въ палаты, въ департаменты, въ сенатъ, въ синодъ,—просторная дорога и вмѣстѣ трудная, особенно человѣку безъ имени, безъ протекцій, безъ кузинъ и тетушекъ. Кажись бы, тутъ-то и земля наша обѣтованная,—анъ вонъ и нѣтъ. Если гдѣ, то именно между нами, воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, трудно найти служаку, который, знаете, способенъ былъ бы на всякія этакія, говоря слогомъ армейскихъ остряковъ, экивоки, и если какъ нибудь укуситъ грѣха и смахнетъ нечисто, то, того гляди, и подмѣтятъ, что рыльце въ пушку — и подпишутъ „въ чистую". А это, знаете, не больно ловко. Оно — „грѣхъ не бѣда, молва не хороша". Есть еще дорожка, на которой блестятъ всевозможныя звѣзды, начиная отъ прапорщичьей, украденной съ млечнаго пути на небѣ, до генеральской звѣзды—первой величины; но эта дорожка давнымъ-давно заросла частымъ ельничкомъ-березничкомъ. Нашему брату, выступающему изъ-за парты обыкновенно на 25 году, какъ-то и не пристало вздѣвать на себя портупею прапорщика и щеголять мундиромъ, такъ привлекательнымъ для военныхъ Нарциссовъ съ нафабренными усиками. А вотъ, mon cher, дорога, такъ дорога—укатанная, гладкая, просторная, сытная для брюха, и для честолюбія, и для роскоши. Это—дорога, которая ведетъ прямо къ монашеству. Что вамъ угодно? Вниманія къ вашимъ самымъ мелочнымъ услугамъ (я не говорю: „заслугамъ",—это много чести этимъ анахоретамъ)? Есть. Поощренія ли? Тутъ, со всѣми ощутительными его признаками. Орденовъ? Боже мой! да сколько угодно. Наградъ, стипендій? Извольте получать полными руками! Золотой шапки? Чрезъ шесть-восемь лѣтъ непремѣнно будетъ. А замѣтьте, что шапка архимандритская равна полковничьимъ эполетамъ и что черезъ шесть лѣтъ никто и во снѣ не гадалъ быть полковникомъ въ военной службѣ, а въ статской, будь хоть семи пядей во лбу, такъ раньше десяти лѣтъ и въ усъ себѣ не дуй быть коллежскимъ совѣтникомъ. Есть пословица: „не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки"; у монаховъ нѣтъ этой пословицы—у нихъ такъ журавль журавлемъ, а синица синицей. Все ихъ; они, какъ баснословные драконы, сѣли на золотѣ, сами имъ не въ состояніи пользоваться, зато и другимъ не даютъ.

— Но вѣдь и они трудятся. Высшія семинарскія должности кѣмъ другимъ заняты, какъ не ими?

— Покорнѣйше благодарю! Да кто жъ ихъ проситъ брать на себя это, по ихъ допотопнымъ словамъ, многопопечительное иго? Не они ли сами навязали его на себя? Нѣтъ, почтеннѣйшій, они знаютъ, гдѣ раки зимуютъ. Представьте теперь какое нибудь маленькое Монтальто, вырвавшееся на свободу, на просторъ, пропѣвшее уже „Te Deum", гордо протянувшее хищническую руку къ жезлу ректора семинаріи. Человѣкъ онъ безъ гроша, безъ состоянія, съ гордымъ титломъ начальника, попечителя, съ добрымъ желаніемъ блага — на словахъ, съ жаждою добычи въ сердцѣ, пріѣзжаетъ въ растрепанную уже предшественникомъ его аренду. Съ перваго раза не науки, а экономію подавай ему; и видитъ—надо обревизировать: плутъ плута по почерку знаетъ. Ладно—все исправно; это въ переводѣ значитъ—мнѣ осталось; и вотъ онъ принимается судить и рядить; если экономъ монахъ, такъ и дѣло въ шляпѣ,—воръ вора не выдастъ; если, къ несчастію, экономъ во фракѣ, ну, такъ держи жъ ухо востро. Зажмурь глаза, гдѣ не надо видѣть, оглохни, гдѣ не надо слышать; вези хоть на себѣ,когда ѣхать хотятъ; стань самъ на четвереньки вмѣсто креселъ, когда требуютъ мебели. А кушанье? Разумѣется, казенное, да самое лучшее, на что жъ они и начальники! Пускай тамъ профессоры, какъ хотятъ; имъ достанетъ и жалованья на все и на вся; ну, а ректору—иное дѣло; ему надо экипажъ, по крайней мѣрѣ, три человѣка для прислуги, по крайней мѣрѣ, десять комнатъ для помѣщенія собственной его персоны. Боже мой! да мало ли чего ему надобно? Люди все они такіе важные „въ семъ вертоградѣ просвѣщенія", все такіе умные „въ семъ храмѣ музъ",—какъ же имъ не распоряжаться всѣмъ по своему благоусмотрѣнію! О! иго, иго „многопопечительное!" Какъ легко тебя носить этимъ подъяремникамъ! Когда настанетъ та блаженная пора, что эти черные геніи улетятъ съ вихремъ въ бездны неизвѣстности, откуда вызвалъ ихъ на поприще свѣта лукавый духъ!..

— Позвольте вамъ сказать, что если гдѣ, то здѣсь-то именно открываются всѣ удобства жить ученою жизнью...

— Да, это правда. Нечего грѣха таить: брошенъ бисеръ предъ свиньями, и они дѣлаютъ свое дѣло—попираютъ его ногами и, помните, что даже не замѣчая того. Я не повѣрю, да и вы не вѣрьте, тому, кто вамъ скажетъ, что въ монахѣ нынѣшняго времени есть, или можетъ быть, любовь къ наукѣ, любовь чистая, безкорыстная, святая. Она, знаете, и во всякомъ-то человѣкѣ все до поры до времени, а въ монахѣ это диво не виданное, слыхомъ не слыханное. Наука есть сама себѣ цѣль, а у нихъ вѣдь не такъ — у нихъ свое *я*—цѣль; а всѣ науки въ свѣтѣ больше ничего, какъ средство, и, повѣрьте, всѣ эти „насадители вертограда просвѣщенія" презрительно себѣ посмѣиваются въ клобукъ надъ тѣми, которые вѣруютъ въ ихъ умъ и просвѣщеніе. Но обратимся къ вашей склонности. Вы гово-

рили мнѣ, что стремленіе къ монашеской жизни въ васъ и теперь довольно сильно, что оно въ вашемъ характерѣ, ну, и проч. Я уже, кажется, доказалъ вамъ, что у молодаго человѣка вашихъ лѣтъ и находящагося въ вашихъ обстоятельствахъ,—нѣтъ характера, и что слѣдовательно, стремленіе, склонность, или назовите, какъ угодно,—просто вздоръ, дѣло небывалое. Но если вы со мной еще не согласны, то вотъ вамъ мой совѣтъ... или нѣтъ, не хочу его выдавать за свой; разскажу про одного моего товарища, подобно вамъ проповѣдывавшаго о склонности своей къ монашеству, порою съ жалкой миной фарисея, вздыхавшаго о покойной рясѣ и высокомъ кукулѣ, а иногда безъ церемоній обѣщавшаго себѣ мѣсто митрополита кіевскаго и галицкаго. Отецъ этого фанатика, человѣкъ благоразумный, поступившій въ орденъ монашій по смерти жены своей, замѣчая въ сынѣ своемъ эту глупую ревность, говорилъ ему: „Николай, подожди! пробудь года два на должности; и если твое намѣреніе останется въ тебѣ твердо—ну, тогда съ Богомъ! а до тѣхъ поръ нѣту тебѣ моего отцовскаго благословенія!“ Вотъ прямой, умный, откровенный совѣтъ молодому энтузіасту такому, каковъ вы. Пробудьте съ людьми года два-три,—да, я говорю—съ людьми, которые умѣютъ жить и понимать жизнь, а не съ такими получеловѣками, которые ѣдятъ, пьютъ, спятъ и опять спятъ, пьютъ и ѣдятъ, и тогда, если вы...

— Странное дѣло! Если я, вы хотите сказать, выду изъ котла, наполненнаго копотью и сажею, не помаравшись, то могу идти въ гости. Не такъ-ли?

— Остроумно! Да только кто жъ васъ проситъ садиться въ этотъ котелъ? Богъ съ вами! Я только сейчасъ вамъ говорилъ объ этомъ. Берегитесь его, бѣгите отъ него; найдите, говорю, людей съ душою, съ умомъ, постигающимъ долгъ службы, съ сердцемъ, знающимъ священныя обязанности любви и дружбы,—и тогда вы будете не только не въ сажѣ, но даже свѣтлѣе и чище, чѣмъ какой нибудь монахъ, даже хорошій монахъ. Вѣдь не тотъ, mon cher, добрый человѣкъ, кто любовь къ себѣ и къ ближнимъ сосредоточилъ въ самомъ себѣ безъ выраженія ея на дѣлѣ, а тотъ, отъ кого лучи ея изливаются на всѣхъ, кто согрѣваетъ ими и друга, и недруга.

— Но такихъ людей, о какихъ вы говорите, ужасно трудно найти...

— Да, не легко; такъ что жъ?

— Скорѣе можно напасть на злыхъ и развратиться.

— Фи, какъ старо! Знаете ли, на это ваше опасеніе я сказалъ бы вамъ одну сентенцію, на которую вы, вѣрно, писали какую нибудь хрію, хоть, пожалуй, хрію Аѳанасьевну; она вотъ что гласитъ: prava consortia vitanda. Да эта мораль и будетъ больше ничего, какъ пуфъ дыму. Ну, Богъ съ вами! да проститъ вамъ Аллахъ это невольное согрѣшеніе противъ общаго человѣческаго смысла. Такъ—пожалуйте! вы боитесь развратиться? Что жъ? тѣмъ лучше! Не пугайтесь, я про-

повѣдую не развращеніе! Если вы развратились, такъ вы еще не пропали; напротивъ, я поздравляю васъ со спасеніемъ. Вы упали—ничего, подниметесь. А въ монахахъ, батюшка, не то; тамъ ужъ упали разъ, такъ и въ другой, а тамъ и въ третій, а тамъ и въ десятый, а тамъ подъ штрафъ, да подъ пьяный искусъ, а тамъ въ Соловецкій, а тамъ, по счастливому выраженію Иннокентія,—въ адъ. Вотъ вамъ и счетъ конченъ! Да постойте, mon cher! Какъ же это вы пали? то-есть развратились-то? Вѣдь вы жъ говорили, что имѣете сильное, непреоборимое, непобѣдимое, непостижимое желаніе вести одинокую, строгую, подвижническую жизнь? гдѣ жъ дѣлось ваше желаніе? гдѣ жъ это характеръ, который былъ для васъ такимъ point fixe? То-то, любезнѣйшій! Видно, всѣ ваши планы-то разлетѣлись, какъ разлетаются мыльные пузыри при прикосновеніи соломенки! Я очень радъ, если съ вами это случится здѣсь, въ мірѣ. Страсти, которыя теперь спятъ въ васъ такимъ глубокимъ сномъ, будьте увѣрены, проснутся въ свое время и заговорятъ страшно. Онѣ взволнуютъ вашу кровь, вскипятятъ ее, какъ огненную лаву, разобьютъ сердце ваше объ холодный камень отчаянія, разгрызутъ душу вашу тоскою и уныніемъ, и тогда—горе, горе вамъ! Вы пожелаете возвратиться назадъ, — нельзя: міръ васъ будетъ ждать съ достойными оскорбленіями; онъ забросаетъ васъ грязью насмѣшекъ и ругательствъ, и вы уже не будете имѣть чести даже быть гонимымъ. Вы воротитесь въ опостылѣвшую вамъ келью, броситесь на жесткую, одинокую вашу кровать, вопьетесь зубами въ подушку, подслушавшую тайные ваши вздохи, станете молиться—и молитва неспокойнаго духа, волнуемаго страстями, упадетъ къ вамъ назадъ въ тяжелыхъ капляхъ холоднаго пота. Вы обомрете отъ терзанія, отъ ужаса; стаканъ, другой, третій водки или рому, и вы будто утушили внутренній жаръ вашъ. Но страсти ваши раскипѣлись еще больше, похоть плоти требуетъ непремѣнно удовлетворенія, женщинъ нѣтъ,—какъ быть? Знаете ли, я не хочу говорить о тѣхъ гнусныхъ картинахъ, которыя такъ наивно и такъ откровенно разсказываются кое-гдѣ, а замѣчу только, что есть грѣхи человѣческіе, есть грѣхи скотскіе, и есть грѣхи хуже всѣхъ грѣховъ—монашескіе. Sapienti sat".

Такъ или почти такъ, по признанію Аскоченскаго, онъ говорилъ не разъ „несчастнымъ молодымъ людямъ", увлекаемымъ дурнымъ примѣромъ на скользкій путь нынѣшняго отшельничества. „И слава тебѣ, Господи! замѣчаетъ онъ при этомъ. Успѣлъ въ нѣкоторыхъ поколебать, если не совсѣмъ истребить, это намѣреніе ихъ, враждебное Богу, людямъ, себѣ самимъ, всему человѣчеству". Не разъ возвращается Аскоченскій къ нападкамъ на монашество. Такъ, онъ считалъ вреднымъ поручать имъ руководительство просвѣщеніемъ молодежи.

„Когда это—восклицаетъ онъ—власть анахоретовъ перейдетъ въ руки людей, которые знаютъ свѣтъ и требованія просвѣщенія! Мнѣ кажется, что покуда бородатые философы будутъ ораторствовать съ устарѣлыхъ своихъ каѳедръ, пока не истребитъ Господь этотъ нечи-

стый духъ односторонности и закоренѣлаго беззубаго квіэтизма, пока не дадутъ воли чувству и простора уму, а главное, пока не отнимутъ грозную, безтолковую ферулу у этихъ черныхъ геніевъ, которые, не во гнѣвъ имъ будь сказано, ужасно какъ близоруки,—до тѣхъ поръ отъ нашей академіи не жди добра. Все въ ней будетъ грязно, темно, пошло, и наше просвѣщеніе черезъ десять, а много-много черезъ двадцать лѣтъ, станетъ страшнымъ анахронизмомъ".

Понятно, что, усвоивъ себѣ такой взглядъ на монашество, Аскоченскій всячески открещивался отъ карьеры, какая ему могла бы открыться на поприщѣ подвижничества, рѣшись онъ послѣдовать совѣту академическаго начальства, дорожившаго даровитымъ студентомъ. Въ одномъ мѣстѣ „Дневника", упоминая объ обѣдѣ, который давался ректоромъ академіи тогдашнему кіевскому митрополиту, авторъ заявляетъ, что, если бы еще разъ пришлось „нашему брату" такъ откушать, то нормальное состояніе его желудка разстроилось бы такъ, что его не поправить ни крѣпительными, ни слабительными.

„Сидя за столомъ, я", говоритъ Аскоченскій, „признаться, не разъ вспоминалъ обычай нашихъ предковъ, которые за третьимъ блюдомъ преспокойно отстегивали свои пояса и давали прожорству своему самый натуральный просторъ... Но это въ сторону, а главное вотъ что. Митрополитъ такъ меня озадачилъ, что я сталъ, просто выпучивъ на него глаза. Послѣ обѣда, когда всѣ стали принимать у него благословеніе, я съ другими также подошелъ къ старику. Вдругъ онъ правою рукою беретъ мою руку, а лѣвую кладетъ на мою голову и съ усмѣшкою говоритъ: „Ну, что, братъ, ты скоро въ монахи?" Я сталъ въ пень отъ этого неожиданнаго привѣтствія и, высвободивъ мою руку, бѣжалъ отъ старика въ залу.—Убилъ бобра, подумалъ я на досугѣ. Если бъ ваше высокопреосвященство сняли съ себя всѣ ордена вмѣстѣ съ бѣлымъ клобукомъ и придали ко всему этому всѣ выгоды и всѣ богатства вашей лавры; если бъ, говорю, вы надѣлили меня, кромѣ этого, всѣми благами міра, которымъ вы удивительно какъ славно улыбаетесь,—то и тогда бы я не согласился принять ни вашего клобука, отъ котораго такъ пахнетъ одиночествомъ, ни вашихъ орденовъ, которые такъ неловко сидятъ на вашей шеѣ, ни вашихъ богатствъ, коими вы такъ же сладко пользуетесь, какъ лисица сѣномъ; короче, ничто въ свѣтѣ не можетъ заставить меня надѣть эту мантію, которая прикрываетъ своею черною тѣнью столько ужасовъ и тиранствъ во имя религіи. Dixi!"

Болѣе рьянаго противника „грѣховъ монашескихъ", чѣмъ Аскоченскій, въ бытность его студентомъ и въ первые годы его профессорской дѣятельности, трудно было бы найти. Онъ не пропускалъ случая, чтобы не подчеркнуть фальши и изувѣрства анахоретовъ. Вотъ, напримѣръ, какъ его возмущаетъ спекуляція монастырской святыней:

„Сколько разъ я ни былъ въ Софійскомъ“, пишетъ онъ, „всегда, подходя къ гробницѣ, заключающей въ себѣ частицы многихъ святыхъ, приходилъ въ смущеніе отъ печатнаго показанія, что, будто бы, тутъ же есть капля крови Іисуса Христа. Господи, Боже мой! Какими ужасными вещами спекулируетъ шарлатанство! Кровь Іисуса Христа! Да откуда же она взялась? Кто могъ ее собрать подъ крестомъ, отъ котораго или бѣжали съ робостью, или плакали горько, безутѣшно плакали, не сводя очей съ Божественнаго Страдальца и вовсе не думая о томъ, чтобы сберечь каплю крови его, его, котораго считали почти всѣ добрымъ, благочестивымъ человѣкомъ, рѣшившимся на неудачную попытку учить людей и заплатившимъ за это поносною смертью? Позволили ли бы римскіе воины, а еще болѣе—ожесточенные іудеи оказывать такіе знаки благоговѣйнаго почитанія распятому, какъ они называли его, льстецу? Опять,—если даже и возможно было взять и унести съ собою каплю Спасителевой крови кому нибудь изъ близкихъ къ нему, то объясните мнѣ, какимъ чудомъ могла она, черезъ столько столѣтій, перейти, — куда же? въ Кіевъ! Я говорю чудомъ, ибо безъ этого невозможно вовсе пріобрѣтеніе такой драгоцѣнности. Далѣе—чудо; всякое чудо имѣетъ извѣстную, святую цѣль; тутъ какую бы оно имѣло, если бы дѣйствительно было? Вѣрно, и сами наши представители-то духовные очень хорошо понимаютъ этотъ ужасный подлогъ, ибо такъ называемая кровь Спасителя помѣщена въ одной гробницѣ съ грѣшными (хоть и святыми) остатками праведниковъ. Пусть всякій знаетъ и вѣдаетъ, что тѣлу, и истинному тѣлу и крови Спасителя не нашлось и не можетъ найтись мѣста на землѣ. Спаситель все съ собою взялъ на небо, оставивъ намъ только то, что далъ ему міръ для прикрытія телѣсной его наготы и потомъ для умерщвленія его плоти съ тѣмъ, чтобы одухотворить ее страданіями!.. Велико, Господи, долготерпѣніе твое!“

Помимо монашества, Аскоченскаго поражали отжившіе свой вѣкъ церковные обряды. О нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранился отзывъ его въ „Дневникѣ“. Вотъ что онъ писалъ объ обрядѣ анаѳематствованія еще въ 1841 году:

„Сегодня, 16-го февраля, у насъ такъ называемая недѣля православія. Обрядъ православія совершается на святой Руси давнымъ давно; но въ настоящемъ своемъ видѣ онъ существуетъ со временъ Петра Великаго. Цѣль этого, разумѣется—укоренѣніе и огражденіе правъ, подъ страхомъ анаѳемы, высокихъ истинъ религіи. Цѣль прекрасная, но, кажется, уже не по духу времени; нынѣ страхомъ ничего не сдѣлаешь; нужно возбудить разумное, сердечное убѣжденіе, а не боязнь; изъ подъ палки служитъ только оселъ, да рабъ, а не дѣти. Притомъ обрядъ этотъ обратился теперь въ посмѣхъ людямъ образованнымъ и въ потѣху праздной черни. Очень хорошо помню, какъ интересовалось дѣтское мое любопытство услышать оглу-

шительный ревъ протодьякона. Мнѣ чудо какъ весело было слышать какое-то завываніе моего родителя, постепенно возвышавшееся и вдругъ переходившее изъ а-моля въ ц-дуръ и вдругъ разражавшееся громовымъ: „анаѳема", отъ котораго дрожали стекла и плясалъ фарфоръ и хрусталь въ шкафѣ. Съ какимъ-то трепетомъ я смотрѣлъ въ церкви на эти „старинныя кисти греческой" иконы Спасителя и Богоматери, только разъ въ году на этотъ день выставляемыя среди церкви на особенныхъ налояхъ; съ какимъ-то благоговѣніемъ смотрѣлъ я на протодьякона, снаряжавшагося точь въ точь, какъ римскій гладіаторъ, на выкличку разныхъ разностей. Отъ восторга я не слышалъ ногъ подъ собою и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, какъ станутъ проклинать Гришку Отрепьева, Ваньку Канна и Ивана Мазепу, и къ общему восхищенію глашатый, вполнѣ обыкновенно раздѣляющій мнѣніе толпы, бывало, какъ нарочно погромче грянетъ это мѣсто. И куда, подумаешь, было весело! ушки на макушкѣ! Я такъ думалъ дитятею, такъ думали и думаютъ теперь многія дѣти съ бородами и даже безъ бородъ, не „происходившіе, знаете, наукъ". Я говорю, что этотъ обрядъ теперь также лишній, какъ лишни сдѣлались, напримѣръ, сожженіе въ пещи тріехъ отроковъ, шествіе на ослѣ патріарха въ Іерусалимъ, и проч. и проч. Защищать святыя истины человѣческою анаѳемою, воля ваша, и смѣшно, и грѣшно. Нынѣ ужъ времена не тѣ. Изъ разности мнѣній насчетъ того или другаго догмата—нѣтъ драки: ты вѣришь такъ, а я вѣрю иначе, ты принимаешь это, а я—нѣтъ; что жъ тутъ? Вольному—воля, спасенному—рай, а драться намъ не изъ чего и ругаться тожъ. Ты не навязываешь мнѣ собственнаго убѣжденія? нѣтъ? Ну, хорошо! Такъ давай же мнѣ руку,—мы съ тобой братья. Въ этомъ обрядѣ есть еще пунктикъ такой, что по милости его всѣ до одного человѣка выходятъ изъ церкви анаѳемами, не исключая ни одного и изъ лицъ духовныхъ. Тамъ, помню, говорится о томъ, что если кто не исполняетъ во всей строгости правилъ святыхъ отецъ, тотъ—анаѳема. Покорнѣйше благодарю! Перечтите-ка мнѣ всѣ эти правила. Перечтите хоть отцовъ, которыхъ я долженъ слушать! Да помилуйте, Бога ради, за что жъ такая напасть? Ужели, въ самомъ дѣлѣ, и за то, что я во время шестопсалмія осмѣлюсь немножко „зѣвнути или харкнути", или и за то, что я во время чтенія извѣстныхъ молитвъ не помолюсь по командѣ въ одинъ темпъ, или и за то, что я назову монаховъ тунеядцами?

„Меня всегда оскорбляло это анаѳематствованіе несчастныхъ Отрепьева и Мазепы. Это ужъ изъ рукъ вонъ, какъ плохо. Судъ Божій совершился надъ ними,—зачѣмъ же трогать ихъ кости? Положимъ, они были злодѣи, но вѣдь они—люди; пощадите жъ, люди, ихъ! Не трогайте тѣхъ, надъ коими уже почила страшно отомстившая имъ десница Божія. Отрепьевъ—вѣдь это сфинксъ, котораго до сихъ поръ еще никто не разгадалъ, и, Богъ знаетъ, можетъ быть, кровь

его лежитъ неистребимымъ пепломъ на насъ и на чадѣхъ нашихъ. Показаніе бездушнаго Шуйскаго, убійство Битяговскаго и товарищей его, истребленіе угличанъ, даже мощи царевича Димитрія,—еще ничего не доказываютъ. Есть страшное доказательство и противъ убійства Гришки. Прочтите только хоть исторію преосв. Платона, прочтите Устрялова, Погодина, — и передъ вами откроется картина, отъ которой содрогнется сердце ваше и мысль невольно остановится неподвижно на этомъ нерѣшенномъ вопросѣ о Гришкѣ: кто онъ и кого убили русскіе? Я много бы поговорилъ объ этомъ, но тутъ не мѣсто. О Мазепѣ, — эхъ, батюшки, какъ скверно. Постойте! дайте сказать нѣсколько словъ объ этомъ дивномъ, замѣчательномъ человѣкѣ. Мазепа еще можетъ быть названъ измѣнникомъ дружбы Петровой; но, мнѣ кажется, между ними секретной дружбы вовсе не могло быть; они хитрили, и только; Мазепа надулъ Петра — и дѣло съ концомъ. Теперь, чтобы отвратить напередъ подобныя попытки надувательства себя, Петръ рѣшился подѣйствовать на умы и совѣсти страхомъ анаѳемы. Такъ называемая церковь, или, правильнѣе, представители церкви, были всѣ въ рукахъ его; главою этихъ представителей вмѣсто патріарха былъ собственный кортикъ [1]) Петра, а синодъ, созданный имъ изъ тѣхъ же представителей, былъ просто горшокъ, который держалъ только то, что въ него угодно было влить этому дивному человѣку съ желѣзною волею. Тотчасъ оскорбленный, Петръ повелѣваетъ внести въ обрядъ православія имя несчастнаго Мазепы, а послушные отцы, забывъ всѣ пожертвованія, забывъ даже то, что они будутъ противорѣчить себѣ, молясь въ одномъ мѣстѣ за Мазепу, какъ за создателя и благотворителя храмовъ, а въ другомъ—проклинать его, какъ бунтовщика и измѣнника, подписали опредѣленіе, начертанное перомъ досады и личнаго обманутаго чувства политической привязанности.

„Прошло полтора столѣтія, а это несчастное имя до сихъ поръ оглашается анаѳемою отъ нѣкоторыхъ архіереевъ, которые далѣе своего носа ничего не видятъ. Скверно и стыдно!

Изъ другихъ обрядовъ всего болѣе возмущали Асконченскаго посты.

„Охъ, ужъ эти мнѣ посты, посты!“ — пишетъ онъ подъ 24-мъ ноября 1840 г., — „Богъ судья тому, кто выдумалъ ихъ! И съ чего это вздумали люди безусловно покоряться толкамъ двухъ-трехъ тощихъ головъ? Тамъ, гдѣ-то въ Сиріи или въ Египтѣ, выдумали не ѣсть мяса, изъ опасенія умноженіемъ питательныхъ соковъ возбудить въ бо̀льшей степени любострастіе жителей юга, — ни съ того, ни съ сего перенеслось это обыкновеніе и къ намъ на сѣверъ. Если сказать правду, то самый климатъ тамошній требовалъ постовъ, а иначе

---

[1]) Такое чтеніе слова подчеркнуто въ рукописи; мы не выдаемъ за вѣрное, но его иначе и прочесть трудно по неразборчивости. Ѳ. Б.

просто люди гибли бы отъ постояннаго употребленія горячительныхъ животныхъ соковъ; но, Бога ради, то же ли у насъ на сѣверѣ? Нѣтъ спора, что установленіе постовъ въ первоначальномъ ихъ видѣ, и въ первобытномъ ихъ видѣ, и въ первобытномъ ихъ мѣстѣ очень могло содѣйствовать успѣхамъ нравственности; но у насъ, по замѣчанію медиковъ, мясоястіе, замѣняемое рыбою, вовсе не достигаетъ своей цѣли. На востокѣ вмѣсто мяса ѣли финики, оливы, а у насъ кушаютъ рыбу, а рыба, какъ извѣстно изъ медицины, ужасно возбуждаетъ нервы, и вслѣдствіе этого — похоть, которой тамъ боялись и избѣгали установители поста. Право, съѣвши крылышко курицы или сочный котлетъ, я меньше почувствую требованія плоти, чѣмъ какой нибудь постникъ, угощающій свой мамонъ ухою стерляжьей и отличнымъ фазаномъ съ прибавкою доброй красоули вина. Притомъ, что тутъ особеннаго для нравственности, если вы кушаете грибы, а я индѣйку? Неужели въ самомъ дѣлѣ можетъ кто нибудь подумать, что Богъ именно благословитъ того, кто всталъ изъ-за стола съ тощимъ, сжавшимся какъ мокрая подошва, желудкомъ? Неужели вы, господинъ постникъ, вѣрите, что Богу, кромѣ вашей мамоны, и заниматься нечѣмъ? Пожалуйста, не говорите мнѣ, что Богъ самъ установилъ постъ еще въ раю: это, вотъ видите ли, дѣло спорное, темна вода во облацѣхъ, и если мы соглашаемся на ваше толкованіе, то потому только, что вы облекаете все это авторитетомъ вѣры. Вы мнѣ скажете, что Спаситель нашъ самъ постился. Знаю, да ему и некогда было пировать. Втеченіе сорока дней онъ приготовлялся къ Божественному, великому служенію; онъ былъ занятъ благомъ всего человѣчества, и сшедшаго во адъ, и жившаго и имѣвшаго жить на землѣ: до пищи ли, до питія ли ему тутъ было? Если мы, ничтожныя созданія въ сравненіи съ великимъ Совершителемъ нашего спасенія, замышляя какое нибудь, по мнѣнію нашему, важное дѣло, отказываемся часто отъ хлѣба, не спимъ дней и ночей, то что жъ мудренаго, если Господь нашъ, исходившій на брань съ міромъ, людьми, діаволомъ, постился сорокъ дней? И неужели можно вѣрить, что постъ этотъ принятъ былъ имъ съ единственною цѣлью — показать намъ примѣръ? Оно, если угодно, и такъ, но только въ томъ смыслѣ, что и мы, предпринимая важное какое нибудь дѣло, не должны гулять да бражничать, а бдѣть и трудиться, обдумывать и соображать. Повѣрьте, не чрево и не брашно, по выраженію апостола, поставляютъ насъ правыми предъ Богомъ, а вѣра въ Спасителя и добрыя дѣла. Не спасется Гарпагонъ, питающійся гнилымъ хлѣбомъ, не спасется и Факиръ, который кушаетъ во славу Аллаха коренья и свиной пометъ. Вы чувствуете въ себѣ вѣяніе Духа Божія, — не думайте же, что это отъ того, что вы кушали рыбное — это отъ другой, болѣе благородной, возвышенной причины. Благодать вышняя, можетъ быть, бываетъ и на томъ человѣкѣ, который ѣстъ свинину, даже лошадей и, пожалуй, всякую падаль. Мы не жиды; для насъ раздѣляющія

и не раздѣляющія, отрыгающія и не отрыгающія жвачку—вещи зѣло не важныя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже самый недостатокъ въ животныхъ отнимаетъ у человѣка возможность дѣлать это тонкое желудочно-святое различіе. Пустяки, братцы, кушайте-ка все, что ни дадутъ вамъ. „Предлагаемое ядимъ, и не ядый ядущаго да не осуждаетъ"—вотъ какъ говорилъ великій, постоянно вдохновляемый Богомъ, Учитель языковъ. Видите—онъ даже не велитъ осуждать, а нетолько что предавать анаѳемѣ".

Послѣ приведенныхъ замѣтокъ Аскоченскаго, уже легко себѣ представить, какъ долженъ онъ былъ относиться съ такимъ свѣтскимъ образомъ мысли къ господствовавшей тогда системѣ духовнаго воспитанія и академическому преподаванію.

Отъ академической латыни, проповѣдей и прочихъ непріятностей Аскоченскій искалъ нерѣдко спасенія въ товарищескихъ пирушкахъ съ „пуншемъ" и картами, да еще въ погонѣ за „шляпками", которыхъ отыскивалъ нашъ студентъ, рыская по кіевскимъ церквамъ.

„Сейчасъ только (21-го декабря 1835 г.) отъ разсужденія, коекакъ сбитаго мною изъ самой дубовой латыни. Охъ мнѣ эти проклятые римляне! Когда они перестанутъ насъ безпокоить своимъ мертвымъ, непонятнымъ языкомъ? Эдакіе злодѣи! Мало того, что прахъ ихъ разнесенъ уже вѣтрами, — нѣтъ, не перестаютъ насъ донимать своею дребеденью. Да ужъ, признаться, и мы ихъ угощаемъ. Если бы кости Цицерона, Виргилія, Горація, связались опять жилами и облеклись плотію, если бы, говорю, эти великіе любители латинской прозы и поэзіи прочли наши творенія, то, право, они за счастіе почли бы себѣ опуститься въ самыя подземныя пропасти мрачнаго тартара, нежели услаждаться нашимъ краснорѣчіемъ по части любимаго ими діалекта".

Но занятіе латынью все-таки не докучало Аскоченскому въ такой степени, какъ проповѣди и свои, и чужія, которыя давались ему на рецензію. „Слава Богу! пишетъ онъ, окончилъ про..." Аскоченскій отъ омерзѣнія не въ состояніи былъ видимо дописать это противное слово—онъ какъ будто гадливо бросилъ прочь перо, или уснулъ отъ скуки, какую наводило на него сочиненіе проповѣдей. „Чортъ ихъ побери, всѣхъ этихъ проповѣдниковъ, которые мучатъ православныхъ пошлостями и дичью. Навязалъ же мнѣ лукавый этакое горе: шутка ли, въ самомъ дѣлѣ, просидѣть за рецензіею одной какой нибудь проповѣди два съ половиною часа. Это просто убійство и времени, и здоровья".

Въ „Дневникѣ" не разъ попадаются и другіе знаки, обнаруживающіе подобное же настроеніе и состояніе духа автора,—иныя страницы залиты его слезами; мѣстами строки выведены дрожащею рукою. Недовольство окружающей средой рано запало въ душу Аскочен-

скаго; оно разрослось, въ бытность его въ академіи, въ озлобленіе и не покидало его и впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался профессоромъ академіи.

III.

По окончаніи академическаго курса.

Свѣтлый періодъ въ жизни Аскоченскаго. — Духовно-академическій кругъ, въ которомъ вращался онъ въ началѣ 40-хъ годовъ.—Отзывъ его объ академическихъ преподавателяхъ.—Характеръ лекцій Аскоченскаго.—Кіевское духовенство. — Свиданіе съ А. В. Кольцовымъ.

Наиболѣе свѣтлымъ періодомъ въ жизни Аскоченскаго были 1840 и 1841 годы. Въ 1840 году онъ впервые почувствовалъ себя свободнымъ отъ школьническихъ обязанностей, „мучившихъ его", по его собственному выраженію, „слишкомъ 15 лѣтъ". Въ томъ же году онъ получилъ и дипломъ свой на степень магистра. Но главное — говоритъ авторъ — въ томъ, что „я въ первый разъ почувствовалъ тутъ истинную, крѣпкую, какъ смерть, привязанность къ милому, единственному въ цѣломъ мірѣ существу". Рѣчь идетъ о знакомствѣ съ его первой женой. Бóльшая половина „Дневника" за 1840 и 1841 годы, когда Аскоченскій женился, переполнена изліяніями чувствъ его, тревогами по поводу устройства, семейной жизни и сѣтованіями на свое безденежье, которое положительно отравляло ему покой. Но и здѣсь личныя заботы не успѣли поглотить его вполнѣ. Проводя большую часть времени то на лекціяхъ въ академіи, то на частныхъ урокахъ, Аскоченскій не перестаетъ, однако, провѣрять себя самого наединѣ съ своею совѣстью и время отъ времени заноситъ въ „Дневникъ" сужденія свои о всемъ, что такъ или иначе можетъ имѣть общественный интересъ. Безъ сомнѣнія, академическая сфера всего болѣе занимаетъ автора и служитъ за это время главнымъ предметомъ его критической наблюдательности. Замѣтки его въ данномъ случаѣ заслуживаютъ полнаго вниманія. Въ одной изъ нихъ авторъ представляетъ въ сжатомъ видѣ тогдашній духовно-академическій кругъ.

„Сегодня (29-го апрѣля) началъ я снова,—пишетъ Аскоченскій,— свои патрологическія лекціи. Добрые студенты собрались всѣ и слушали меня съ возможнымъ вниманіемъ. Не знаю, какъ теперь (т. е. въ 1842 году), а въ наше время это было для преподавателя достойнымъ ручательствомъ того, что онъ знаетъ свое дѣло, какъ слѣдуетъ, и ведетъ уроки свои ревностно и добросовѣстно. Не хваля себя пишу это, а только ободряя свою лѣность на новые труды и хлопоты. При-

знаюсь, люблю послушать стороною объ отзывахъ студентовъ касательно преподающихъ въ академіи разныя науки. Мѣра всему—вниманіе слушателей. У насъ не заставишь неволею идти студента въ классъ. Угрозы, эпитиміи, штрафъ—не пугаютъ его; равнодушно идетъ онъ въ часы занятій за городъ и къ обѣду является непремѣнно, какъ ни въ чемъ нигдѣ не бывалъ. Это велось при насъ, ведется и теперь. И потому-то нѣкоторые наставники академіи часто не досчитываются десятками своихъ слушателей. У ректора—нечего сказать—бываютъ всѣ не отъ того, чтобы они боялись власти его; нѣтъ, ректоръ вовсе не обращаетъ вниманія на то, много ли, или мало сидящихъ въ аудиторіи. Онъ знаетъ только свое дѣло, безъ умолку говоритъ битыхъ полтора часа, изумляетъ всѣхъ разнообразіемъ своихъ свѣдѣній, необъятностью своей памяти, энциклопедическимъ знаніемъ всего, что входитъ какъ нибудь въ сферу богословія и, кончая необъятную свою лекцію, выходитъ самъ съ своими слушателями утомленнымъ, измученнымъ. Инспекторъ Іоанникій мало интересуетъ студентовъ своею моралью. Его нравственное богословіе такъ нравственно, что не смѣетъ шагу ступить далѣе предѣла, указаннаго какимъ-то нѣмецкимъ руководствомъ. Скученъ, Господь съ нимъ, этотъ отче. Замѣчательно, что этотъ инспекторъ есть уже вторая ошибка нашего митрополита. Старикъ думалъ, что кто въ семинаріи хорошъ, тотъ будетъ такимъ же и въ академіи—анъ вотъ и нѣтъ... Другія части богословія нѣсколько уже лѣтъ читаетъ бакалавръ Серафимъ, и нѣсколько уже лѣтъ читаетъ прескверно. Вотъ человѣкъ, который такъ ловко посмѣялся надъ неудачнымъ лафатерствомъ Иннокентія (Борисова?)! Мы думали, что изъ Аретинскаго, который въ студенчествѣ бросалъ взгляды выше черемухи, что̀ стоитъ подлѣ академической столовой, мы, говорю, думали, что онъ будетъ однимъ изъ свѣтилъ нашего доморощеннаго музея; не тутъ-то было. Безъ всякихъ свѣдѣній, безъ ученаго такта, съ одною пустопорожнею идеею, онъ уже пятый годъ путаетъ, какъ говорится, бабушку, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже: византіизма гибель, а толку ни крошки. Зато-жъ и студенты отдѣлываютъ его. Изъ пяти десятковъ рѣдко бываетъ одинъ десятокъ — и тотъ зѣваетъ до ушей, и при повтореніи — обыкновенномъ прибѣжищѣ преподавателей-лѣнтяевъ, разбѣгаются кійждо по единому. Священное писаніе толкуетъ о. Фотій, и толкуетъ, Богъ съ нимъ, тоже очень, очень плохо, а все отъ того, что учиться не хочетъ. Не зная ни одного живаго языка, не имѣя охоты и терпѣнія копаться въ мертвыхъ фоліантахъ, онъ, какъ выражаются студенты, готовитъ лекціи свои подъ одѣяломъ, и оттого-то при чтеніи ихъ такъ и тянетъ подъ одѣяло. А вотъ послушайте молодаго монаха Макарія,—какъ хорошо, съ какимъ энтузіазмомъ импровизируетъ онъ свои уроки изъ исторіи русской церкви. Послушайте, говорю, его всѣ слушаютъ".

Такъ отзывается Аскоченскій объ академическихъ наставникахъ-

монахахъ; но и о свѣтскихъ преподавателяхъ онъ не позабылъ. Вотъ, напримѣръ, Я. К. Амфитеатровъ:

„Было время, когда этотъ чудесный профессоръ говорилъ лекціи свои съ такимъ энтузіазмомъ, которому нельзя было не симпатизировать: мы слушали его, не переводя духу. Бывало—войдетъ, сядетъ, утрется платкомъ—все это такъ неловко; заговоритъ себѣ подъ носъ, а тамъ, чѣмъ дальше, тѣмъ живѣе, а тамъ и пошелъ, и пошелъ. Славно, умно, правильно! А теперь... онъ ослабѣлъ; ревностныя занятія и неизлечимая болѣзнь убили его здоровье, потушили прежній жаръ, и отъ прежняго восторженнаго импровизатора остался скучный читатель старозавѣтныхъ уроковъ. Но прошлое совершенство искупаетъ настоящіе недостатки его преподаванія. Онъ сдѣлалъ свое дѣло, создалъ науку—пусть ужъ молодежь теперь развиваетъ и горячится надъ нею.

„Д. И. Макаровъ, преподаватель церковной исторіи, читаетъ, какъ бы это сказать...-Случалось ли вамъ слушать стараго проповѣдника, который боится на каѳедрѣ говорить по модному, а ломаетъ бѣдный языкъ по письменному? Или случалось ли вамъ слышать чтеніе повѣсти Марлинскаго отъ какого нибудь сельскаго попа, или отъ чего нибудь въ родѣ этого? Если случалось, то вы поймете, какъ досадно и скучно слышать хорошую лекцію, исковерканную какою-то фанатическою набожностью въ цѣлости буквъ и положенную на какія-то жалкія ноты монотоніи. Не знаю, какъ теперь, а въ наше время многіе внимательные слушатели уроковъ Макарова съ четверть часа не могли наладить рѣчи своей на складъ человѣческій. А, впрочемъ, Д. И. дѣлаетъ свое дѣло добросовѣстно. Онъ трудится много, крѣпко много, лишь трудъ его и не видѣнъ.

„За Макаровымъ слѣдую я съ своей патрологіей. Ну, ужъ извините, говорить о себѣ какъ-то не приходится. Перехожу къ преподавателямъ языковъ и напередъ замѣчу, что эта часть во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ крайне запущена. Читаютъ мертво, сами преподаватели не имѣютъ хорошихъ свѣдѣній по своему предмету, и потому студенты весьма простительны въ небреженіи своемъ на этотъ разъ. Еврейскій языкъ читаетъ И. П. Максимовичъ и постоянно ссорится съ пустыми партами. Языкъ Гомера и Пиндара достался подъ опеку И. М. Бобровницкаго, который столько же знакомъ съ греческими діалектами, сколько я съ китайскою азбукою. Приготовится дома по латинскому переводу, пріищетъ слова въ лексиконѣ Ивашковскаго, придетъ въ классъ, переведетъ; на него и его переводъ позѣвываютъ долготерпѣливые студенты, и довольный собою, прилизанный и примазанный, бакалавръ идетъ съ великой своей лекціи въ сопровожденіи двухъ-трехъ, а много-много десяти студентовъ. Вотъ вамъ и всѣ преподаватели по классу богословія“.

„Классъ философскій былъ счастливѣе. Въ регентствѣ Иннокентія

философія дошла до высшей степени своего совершенства. Отличные преподаватели (Новицкій, Карповъ, Михневичъ, и потомъ Авсеневъ) держали ее въ такомъ видѣ, что Иннокентій безъ хвастовства могъ сказать, что нигдѣ въ Россіи не читается лучше филисофія. Но то было и прошло,—что теперь? Ветеранъ философіи, ординарный профессоръ И. М. Скворцовъ, и до сихъ поръ еще подвизается на давней своей аренѣ. Иннокентій толкнулъ его, и отскочивъ отъ Винклера, Скворцовъ въ иную пору и въ добрый часъ говорилъ и говоритъ дѣльно. Какъ бы то ни было, но двадцатипятилѣтняя служба заставляетъ смотрѣть снисходительно на нѣкоторыя странности нашего ветерана и даже уважать его за многое. Авсеневъ, экстраординарный профессоръ, нѣсколько уже лѣтъ дѣлаетъ свое дѣло мастерски, и студенты умѣютъ цѣнить и понимать его. Весь углубленный въ нѣметчину, онъ, однако же, строго держится духа православія и миритъ философію съ ученіемъ вѣры, дѣлая это безъ насилія той и другой. Этому человѣку можно и должно сказать большое спасибо. Третій преподаватель философіи есть В. Н. Курковскій. Если надобно опредѣлить значеніе этого человѣка, то стоитъ только выпустить пуфъ дыму и, указавъ на него, промолвить: се онъ! О немъ можно сказать: если бы онъ не былъ дуренъ, то непремѣнно былъ бы хорошъ. Страсть пускать пыль въ глаза, какая-то натянутость, хвастовство маленькими свѣдѣніями и буфы, постоянные буфы — понятны всякому и сдѣлали изъ него чудака, надъ которымъ смѣются не боясь грѣха. Математическія науки читаютъ двое: ординарный профессоръ В. П. Чеховичъ и бакалавръ Д. А. Подгурскій, и читаютъ, должно быть, хорошо, потому что имѣютъ довольно охотниковъ для слушанія своихъ сухопарыхъ ликцій.

„Всеобщая исторія... постойте, дайте перевести духъ... Когда-то давно, еще въ первомъ курсѣ здѣшней академіи былъ одинъ студентъ, отличавшійся аккуратностью и классическою точностью. Студентъ этотъ хорошо училъ уроки, подавалъ во время задачи, регулярно ходилъ въ столовую, въ церковь и былъ nec plus ultra исправный ученикъ. За таковыя похвальныя качества его присудили оставить бакалавромъ, кажется, французскаго языка. Прошло нѣсколько времени и ему отдали въ жертву исторію, и съ тѣхъ поръ онъ вымучиваетъ изъ нея дыханіе и жизнь. Взявъ въ помощники себѣ Кайданова (т. е. разумѣется, учебникъ), онъ тиранитъ ее, анатомируетъ и сѣчетъ, какъ живорѣзъ-Мажанди бѣдное животное, и за это дали ему пряжку съ римскими цифрами XV. Страхъ послушать, какъ онъ начнетъ разсказывать о событіяхъ древняго міра: ни одной живой мысли, ни одной идеи, которая бы проникала мертвые факты, нанизанные какъ попало, на удачу. Для этого человѣка какъ будто нѣтъ ни Гертера, ни Нибура, ни Погодина, ни Шафарика. Бѣдная исторія, бѣдная академія, бѣдные студенты! Губитъ васъ А. Д. Граниловъ! Учи, учи, учи наизусть, тверди всякій вздоръ, даже и о

томъ, какая случилась оказія съ Копронимомъ въ купели, какъ Аргонавты похитили золотое руно, или... виноватъ, спутался. Да развѣ, въ самомъ дѣлѣ, не все равно? Сказка—не быль: истина не пострадаетъ. А какъ важенъ этотъ нашъ отсталый профессоръ,—иной разъ подумаешь, что онъ съ неба звѣзды хватаетъ, а приглядишься поближе, анъ и выйдетъ трынъ-трава. Въ параллель ему можно и даже должно поставить экстраординарнаго профессора С. Ѳ. Соловьева. Братцы мои! Гдѣ это слыхано, чтобъ до сихъ поръ держаться, какъ за послѣднюю доску послѣ кораблекрушенія, Бати и Лагарпа? Боже мой! Что, если бы какой нибудь литераторъ послушалъ лекціи нашего Тредьяковскаго? Онъ обмеръ бы со страху, а мы—отъ стыда. Вотъ ужъ попалъ не въ свою колею. Я каждый разъ принуженъ сидѣть какъ на иголкахъ, когда бѣдные студенты, по наряду своего профессора, начинаютъ корчить словесниковъ. Ужасъ да и только! Вообразите, для него и теперь Россіада Хераскова—chef d'oeuvre русской эпической поэмы; для него и до сихъ поръ Ломоносовы рѣчи—образецъ прозаическаго краснорѣчія; для него и теперь Пушкинъ еще не поэтъ, Хомякова—какъ не было, Баратынскій—миѳъ, Лермонтовъ—сказка, Грибоѣдовъ—темна вода во облацѣхъ. Ахъ, батюшки мои, и это въ академіи? И это въ высшемъ учебномъ заведеніи?.. Бѣдная словесность! Бѣдные слушатели! бѣдный горемыка профессоръ!

„Перейдемъ теперь къ самому гадкому отдѣленію академической учености—къ языкамъ. Начнемъ съ французскаго, или нѣтъ—лучше не начинать. Довольно сказать, что его читаетъ Минервинъ—человѣкъ, у котораго если не телячья голова, то я, право, уже не знаю, какая, только увѣренъ въ томъ, что не человѣчья. Нѣмецкій языкъ остается за Гогоцкимъ. Исполняя ex officio свою Сизифову работу, онъ глядитъ въ лѣсъ, и потому, окончивъ съ пренебреженіемъ несносную лекцію, спѣшитъ къ болѣе важнымъ, домашнимъ ученымъ занятіямъ. По крайней мѣрѣ, онъ иногда забавляетъ слушателей своихъ разсказами о нѣмецкой литературѣ. Дѣлалъ когда-то и я съ своимъ польскимъ языкомъ, но теперь, изъ уваженія къ патрологіи, я бросилъ прежнюю свою любовницу—литературу польскую...“

Въ дневникѣ подъ 23 января 1846 г. Аскоченскій упоминаетъ и о характерѣ своихъ лекцій.

„Несмотря на то, что предметомъ ихъ служатъ лица, которыхъ почитать повелѣваетъ намъ святая наша церковь, и которыя въ минуты смиренной молитвы для меня самого служатъ предметомъ благоговѣнія,—несмотря, говорю, на это, я на каѳедрѣ профессорской рѣшился оторваться отъ той мысли, что у меня имѣется дѣло съ святымъ человѣкомъ. Что мнѣ за надобность, думалъ я, пиша во время оно свои лекціи, до святости такого-то; на благоговѣйное усмотрѣніе высокихъ подвиговъ угодника Божія суть особенныя времена, особые случаи, особые пріемы. Передо мной пусть онъ станетъ человѣкомъ, съ своею разумною рѣчью, съ своими сердечными убѣж-

деніями, даже съ своими человѣческими взглядами и ошибками, какъ слѣдствіями того или другаго направленія. Я читаю его сочиненія, разбираю ихъ, какъ критикъ, а не безотвѣтный поклонникъ прославленной Богомъ и людьми святыни. И вотъ причина, отчего читатель мой найдетъ въ моихъ запискахъ столько смѣлости и заподозритъ меня, быть можетъ, въ кощунствѣ. Въ полномъ убѣжденіи, что я не виноватъ въ этомъ грѣхѣ, я говорю теперь и оставлю моему потомству записки мои, и не боясь самохвальства, скажу: exegi monumentum aere peraennius. Да, Богъ одинъ видѣлъ, сколько поднято было мною трудовъ для составленія вотъ этихъ двухъ фоліантовъ, которые покоятся на этомъ столѣ, подавивъ своею тяжестью мелочныя книжки и брошюрки. Я шелъ непробитою дорогою, шелъ одинъ—безъ руководителя; впереди меня былъ дремучій лѣсъ; виляя изъ стороны въ сторону, я проложилъ, однако жъ, въ этомъ лѣсу просѣку и теперь уже лучше и вѣрнѣе будетъ идти моимъ послѣдователямъ. Благодарю Тебя, Господи, что Ты подалъ мнѣ силъ и способностей выполнить это служеніе на пользу добрыхъ и юныхъ моихъ братій"! „Тщательно, однако жъ, скрываю я лекціи мои отъ неразумной ревности нашихъ инквизиторовъ-монаховъ, которыхъ и безъ того уже бѣситъ нескрываемый восторгъ моихъ слушателей. Преподаваніе мое идетъ двумя путями: исотерически и эксотерически. Въ аудиторіи, оставаясь глазъ на глазъ съ студентами, я говорю имъ все, что идетъ мнѣ въ голову, и что уже пало подъ перо мое вслѣдствіе заранѣе подготовленнаго истиннаго убѣжденія. Это исотерическое преподаваніе, къ которому я не допускаю никого изъ непосвященныхъ и не преданныхъ мнѣ. Когда же приходятъ экзамены и ареопагъ монашескій судитъ меня, студентовъ и мои лекціи,—тутъ мои записки становятся неукоризненны, какъ первыя четыре правила ариѳметики, уступчивы, какъ воздухъ, и невинны, какъ рѣчная вода. Это немножко по іезуитской логикѣ, но что жъ дѣлать"?

Небезъинтересно здѣсь же привести отзывъ Аскоченскаго о кіевскомъ духовенствѣ, который высказанъ имъ въ дневникѣ 1845 г. по окончаніи курса въ академіи, на основаніи долговременныхъ личныхъ наблюденій.

„Въ Кіевѣ оно болѣе чѣмъ гдѣ либо раздѣляется на черное и бѣлое. Къ первому отдѣленію принадлежатъ ученые, состоящіе въ училищной службѣ монахи, и тѣ, которые живутъ по монастырямъ. Монахи, относящіеся къ ученому классу, рѣзко отличаются отъ прочихъ своихъ братій. Свободные отъ скитскихъ обязанностей, они ведутъ жизнь болѣе вольную и во многихъ случаяхъ позволяютъ себѣ licentiam vitalem *). Иннокентій нѣкогда и вовсе нечаянно хорошо опредѣлилъ ихъ значеніе въ составѣ общества. „Зачѣмъ вы", говорилъ онъ одному изъ студентовъ академіи, убѣждая его вступить въ монаше-

---

*) Такъ-сказать, житейскія вольности. Ѳ. Б.

ство, „воображаете себѣ тутъ что нибудь особенное? Это ни больше, ни меньше, какъ отдѣльная каста людей, точно также, какъ сословіе дворянъ, купцовъ и прочая". Слова эти явно относятся только къ лицамъ монашествующимъ ученымъ. Это, точно, каста людей, которые водятся тѣми же правилами, тѣмъ же образомъ мыслей, какъ и всѣ порядочные въ свѣтѣ люди. Они мастера покутить, любятъ хорошіе экипажи, одѣваются въ шелковыя платья и предпочтительно предъ другими лицами своего сословія втораго разряда вѣжливы и уклончивы. Послѣднее свойство—уклончивость—они простираютъ немножко далеко. Передъ своимъ владыкою (такъ обыкновенно они называютъ митрополита) они падаютъ ницъ, и поклоны, отвѣшиваемые ими передъ его высокопреосвященствомъ, свидѣтельствуютъ о необыкновенной гибкости ихъ позвоночнаго столба. Не скажу, чтобъ они совершенно были чужды видовъ честолюбія,—это невозможно, особливо въ ихъ быту, гдѣ только и есть пища для ихъ души,—но не согласенъ опять и съ тѣми, которые увѣряютъ, что единственная цѣль ихъ жизни есть достиженіе высшихъ іерархическихъ степеней. Ученые монахи очень хорошо знаютъ, что все это придетъ само собою, и потому не слишкомъ заботятся о томъ, чтобы стать скорѣе на важный постъ служенія. Поэтому между ними не видно ни интригъ, ни сплетней. Они спокойно выжидаютъ, пока кого нибудь сведутъ съ своего поста или смерть, или неудача,—тогда уже навѣрнякъ каждому изъ нихъ повышеніе. Въ соблюденіи правилъ монашества они не слишкомъ строги; въ образѣ мыслей свободнѣе прочихъ, потому что образованнѣе, но эта свобода все-таки не мѣшаетъ имъ быть строгими блюстителями православнаго ученія вѣры. Мнѣ много разъ случалось пробовать ихъ въ этомъ отношеніи—и я всегда съ удовольствіемъ находилъ въ ученыхъ монахахъ твердость и устойчивость въ догматахъ и вѣрованіяхъ, занятыхъ отъ древняго православія.

„Не таковъ второй разрядъ монаховъ, проживающихъ въ здѣшнихъ монастыряхъ. По большей части монахи эти бываютъ изъ низшаго класса людей—и потому грубость и невѣжество остается всегдашнею отличительною чертою, общею почти всѣмъ имъ; по степени и важности монастырей и сами монахи придаютъ себѣ болѣе или менѣе важности. Монахъ лаврскій господствуетъ надъ всѣми. Онъ опрятнѣе одѣтъ, выше носитъ голову и говоритъ всегда отъ божественнаго. Покойный митрополитъ Евгеній въ эпиграматическомъ анекдотѣ умѣлъ опредѣлить разность между кіевскими монахами. „Изъ какого вы монастыря, батюшка?"—Съ Братскаго, смиренно отвѣчаетъ черноризецъ въ запыленной рясѣ и съ загорѣлыми руками безъ перчатокъ. „А вы изъ какого?"—Зъ Мыхайлівскаго, говоритъ протяжно отецъ святой, скидая перчатку и открывая бѣлую и полную руку, чтобъ благословить спрашивающаго. „А вы, отче святой, изъ какого монастыря?"—Спытай у хлопца.—Это, изволите видѣть,

монахъ лаврскій, всегда почти тучный и бѣлый, не щедрый на разговоры и очень хорошо умѣющій оцѣнить блаженство квіэтизма; не думайте, однако же, чтобы эти всѣ монахи точно были лежебоками и лѣнтяями. Нѣтъ, ихъ работа трудная. Тогда какъ ученое монашество отдыхаетъ въ пуховикахъ послѣ вечерней пирушки, монахъ монастырскій стоитъ въ церкви и тянетъ безконечную утреню. Съ охотою, или нѣтъ это дѣлаютъ они—не мнѣ судить; по крайней мѣрѣ, безпричинныя опущенія этой обязанности здѣсь невозможны. Замѣчательно, между прочимъ, что чѣмъ выше по значенію монастырь, тѣмъ меньше въ немъ грубыхъ пороковъ, но чѣмъ ниже, тѣмъ больше въ немъ пьянства и прочаго. Объ лаврскихъ монахахъ разсказываютъ (разумѣется, съ исключеніями), что многіе изъ нихъ имѣли и имѣютъ у себя на содержаніи женщинъ. Навѣрное утверждать этого не могу. По крайней мѣрѣ, судя по мѣрамъ строгости, недавно введенной митрополитомъ теперешнимъ, можно думать, что въ этомъ случаѣ точно было не безъ грѣха. А при покойномъ Евгеніи Лавра таки порядочно кутила на свой пай. Этому много способствуетъ богатство монаховъ и молодость большей части ихъ.

„Бѣлое духовенство здѣсь вовсе не на такомъ счету, какъ въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи. Несмотря на заслуги свои, щедро награждаемыя монаршими милостями, оно мало пользуется уваженіемъ, особенно высшаго класса людей. Простолюдины, правда, уважаютъ духовныхъ, но и то не искренно, не отъ души. Причина этому прежде всего—давняя свычка съ католическимъ духовенствомъ, не въ примѣръ нашему образованнѣйшимъ и умѣющимъ держать себя; наши духовные, по большей части, погрязли въ семейныхъ, жизненныхъ разсчетахъ и во многихъ случаяхъ играютъ роли ростовщиковъ, что, само собою разумѣется, отнимаетъ у нихъ по нѣскольку золотниковъ уваженія отъ прихожанъ. Мнѣ не случалось встрѣтить въ Кіевѣ священника, который бы святотатственно не считалъ храма Божія арендою, съ которой онъ всѣми зависящими отъ него средствами сбираетъ доходъ себѣ. Цинизмъ въ одѣяніи, неумѣстное простодушіе, прикрывающее ненасытную жажду наживаться, малороссійскія шутки и паясничество—вотъ скверныя стороны, которыми портитъ свою репутацію кіевское духовенство. Я не могу безъ отвращенія смотрѣть, какъ протоіереи даже, надѣвъ эпитрахиль, бродятъ по церкви, насильно зазывая богомольцевъ, чтобы выманить у нихъ алтынъ. Случалось видѣть мнѣ протоіереевъ въ камилавкѣ и съ наперстнымъ крестомъ, сидящихъ на порогѣ и потѣшающихъ наивными разсказами праздную толпу. Подчиненности въ ея благородномъ видѣ здѣсь не ищите. Дьяконъ преспокойно себѣ сидитъ развалившись, когда мимо его проходитъ протопопъ; дьячекъ въ изорванномъ или засаленномъ сюртукѣ, съ чудовищными бакенбардами, съ взъерошенными волосами и съ препьяною рожею хохочетъ съ какою нибудь бабою въ то время, когда мимо его проходитъ особа, гораздо повыше

его въ чину іерархическомъ. Къ слову сказать, хуже этого отребія человѣчества я нигдѣ не встрѣчалъ. Грубость и невѣжество—это самыя обыкновенныя свойства причта; неопрятность, нечистота—это второстепенныя ихъ качества; пьянство и развратъ клеймятъ ихъ деревянныя рожи такою гадкою печатью, что нѣтъ силъ смотрѣть. Словомъ сказать, кіевское бѣлое духовенство по справедливости не пользуется тѣмъ уваженіемъ, какое приличествуетъ священному сану".

Вскорѣ по выходѣ изъ академіи, Аскоченскому удалось побывать на родинѣ. Сама по себѣ поѣздка въ Воронежъ не заслуживала бы вниманія, если бы съ нею не было связано въ дневникѣ воспоминанія о свиданіи съ А. В. Кольцовымъ. Вотъ какъ описано это свиданіе, происходившее 12 іюля 1841 года:

„Длинная, винтообразная лѣстница привела, наконецъ, меня къ уютному жилью любимца моего. Съ какимъ-то тихимъ замираньемъ сердца взялся я за ручку двери, за которою было передумано такъ много думъ, святыхъ мыслей, за которою такъ сильно и звучно билось сердце общечеловѣческою любовью. Замокъ щелкнулъ. Я вошелъ въ переднюю, сбросилъ шинель и, ставъ передъ поэтомъ, сказалъ:

— Здравствуйте, Алексѣй Васильевичъ. Вы, конечно, меня не знаете.

— Нѣтъ, не имѣю чести, отвѣчалъ онъ удушливымъ, сиповатымъ голосомъ.

„Я отрекомендовался. Онъ просилъ меня сѣсть. Съ минуту я смотрѣлъ на него, не сводя глазъ. Мнѣ хотѣлось изучить это чело, въ которомъ зарождалось столько высокихъ, міровыхъ идей; мнѣ хотѣлось насмотрѣться на этого человѣка, для котораго природа была единственною книгою, который сталъ мастеромъ, не бывъ никогда тружеником науки. Это, думалъ я, помазанникъ Божій, и этотъ человѣкъ уже чуть дышетъ. Онъ говоритъ почти неслышнымъ голосомъ, за каждымъ словомъ переводитъ духъ. Съ непритворнымъ участіемъ я спросилъ его о здоровьѣ.

— Слава Богу, отвѣчалъ онъ,—теперь... мнѣ лучше... а прошлый годъ... приходилось плохо.

— Живите Алексѣй Васильевичъ, живите для нашей родной литературы. Мы и такъ уже несчастливы, лишившись великаго представителя нашей народной...

— Меня, прервалъ онъ,—избаловали неумѣренныя похвалы нашихъ критиковъ... Избавьте меня отъ похвалъ.

— Умѣйте различать какую нибудь безотчетную, восторженную похвалу фельетониста отъ искренней привязанности и уваженія къ вашимъ талантамъ людей, которые знаютъ, какъ понимать васъ. Что касается до меня, то скажу вамъ прямо: я влюбленъ въ васъ.

„Поэтъ мой улыбнулся.

— Да, продолжалъ онъ,—во мнѣ хотятъ видѣть мѣщанина... Я прошу всѣхъ, чтобы на меня смотрѣли, какъ на человѣка... Я имъ

даю фактъ... Что имъ за надобность, съ неба ли беру я мое вдохновеніе, или отъ земли...

„Удушливый кашель прервалъ его рѣчь. Я просилъ его успокоиться.

— На васъ, Алексѣй Васильевичъ, сказалъ я,—надобно смотрѣть, отвлекаясь отъ всѣхъ условій общественнаго быта. Вы поэтъ,—и выше этого титла я не знаю и не хочу знать ничего.

— Благодарю васъ.—Онъ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку.

— Мнѣ тутъ тяжело, сказалъ онъ,—нѣтъ человѣка, который бы могъ подарить хоть... одной свѣтлой мыслью... Здѣсь пустыня.

— Такъ вамъ не нравится здѣшнее общество?

— Боже мой! Да развѣ здѣсь люди?.. И баранъ—прекрасное твореніе Божіе, онъ даетъ волну, мясо... онъ полезенъ... Но людямъ унижаться до барана, быть только матеріально полезными... это какъ-то... неловко... Они смотрятъ на меня, какъ на потеряннаго человѣка... оттого, что я не приношу имъ волны и сала... Здѣшніе чиновники—мандарины... простой народъ—китайцы... дамы — настоящіе куклы.

— Вотъ вамъ рука моя, я съ вами согласенъ. Однако жъ, извините, вамъ надобенъ покой.

— Беру съ васъ слово, что это не послѣднее ваше посѣщеніе.

— Если только не наскучу вамъ...

— Я человѣкъ больной... и если я скажу вамъ напрямки, что мнѣ дурно... то вы не обидитесь... и не назовете меня каннибаломъ...

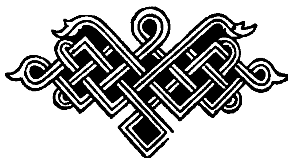
— Такъ, стало быть, этикетъ въ сторону?

— Непремѣнно.

— Въ такомъ случаѣ я вашъ.

„Онъ проводилъ меня до дверей, изъявивъ желаніе поговорить со мною объ академіи, и простился до свиданія. Я былъ радъ его приглашенію и, однако жъ, по обстоятельствамъ, при всемъ желаніи моемъ не могъ воспользоваться имъ..."

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).



ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ [1].

VIII.

Н. И. Гречъ, его связи и знакомства.

Проживъ съ Н. И. Гречемъ въ одномъ домѣ около четырнадцати лѣтъ и имѣя съ нимъ ежедневныя сношенія по дѣламъ редакціи, особенно до 1860 года, я невольно былъ свидѣтелемъ того множества лицъ, которыя его посѣщали въ періодъ времени съ 1850 года. Изъ приведенныхъ въ предъидущихъ главахъ нѣкоторыхъ письменныхъ документовъ видно то вниманіе, которое ему оказывали въ томъ или другомъ правительственномъ вѣдомствѣ. Передъ вступленіемъ, съ 1 января 1860 г., въ полное завѣдываніе изданіемъ и редакціею „Сѣверной Пчелы", я просилъ Н. И. Греча представить меня министру иностранныхъ дѣлъ, князю А. М. Горчакову, и тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, Евграфу Петровичу Ковалевскому. У князя Горчакова, чрезъ директора канцеляріи министерства, В. И. Вестмана, было испрошено предварительное на то разрѣшеніе. Мы явились въ назначенное время, утромъ въ девять часовъ, въ декабрѣ, и застали министра за письменнымъ столомъ въ кабинетѣ, у окна, за чтеніемъ, какъ онъ намъ сказалъ, сборника депешъ относившихся до восточныхъ дѣлъ. Кабинетъ помѣщался въ верхнемъ этажѣ дома министерства иностранныхъ дѣлъ, на Дворцовой площади. Послѣ моего представленія, князь А. М. Горчаковъ сказалъ мнѣ нѣсколько привѣтливыхъ словъ о предстоящемъ мнѣ редакторствѣ и заговорилъ съ Н. И. Гречемъ о литературѣ. Изъ этого разговора, въ которомъ министръ высказалъ свои глубокія познанія въ ней, я увидалъ на дѣлѣ, какимъ вниманіемъ и

---

[1]) Продолженіе. См. „Истор. Вѣстн.", томъ VII, стр. 107.

расположеніемъ пользовался у него Н. И. Гречъ. Я увѣренъ въ томъ, что, только благодаря посредничеству г. Греча, я былъ принятъ княземъ А. М. Горчаковымъ.

Около того же времени, то есть въ декабрѣ 1859 года, мы поѣхали къ Е. П. Ковалевскому, жившему у Чернышева моста, въ нижнемъ этажѣ того зданія министерства, гдѣ теперь помѣщается гимназія. Въ этой обширной квартирѣ проживали министры народнаго просвѣщенія: графъ Уваровъ, князь Ширинскій-Шихматовъ, Норовъ, Ковалевскій, адмиралъ графъ Путятинъ. Съ назначеніемъ министромъ А. В. Головнина, онъ нашелъ неудобнымъ для себя жить чуть ли не въ сорока комнатахъ и остался первоначально на своей прежней квартирѣ въ одномъ частномъ домѣ, на Литейной улицѣ, близъ Пантелеймоновской, а потомъ переѣхалъ на Гагаринскую набережную, близъ Прачешнаго моста. Къ Е. П. Ковалевскому мы поѣхали безъ предваренія его о нашемъ посѣщеніи. Министръ встрѣтилъ насъ рѣзкимъ замѣчаніемъ по поводу появившагося передъ тѣмъ, въ № 264 „Сѣверной Пчелы", извѣстія о несостоятельности одного московскаго фабриканта, оказавшагося невѣрнымъ. Е. П. Ковалевскій замѣтилъ, что подобныя невѣрныя извѣстія заслуживаютъ строгаго преслѣдованія, что объ этомъ была рѣчь передъ тѣмъ въ государственномъ совѣтѣ и что „Сѣверную Пчелу" ожидаютъ дальнѣйшія непріятности по этому дѣлу. Для Н. И. Греча этотъ разговоръ былъ очень огорчителенъ, такъ какъ, по его многолѣтней дружбѣ съ Е. П. Ковалевскимъ, онъ былъ поставленъ въ неловкое положеніе. Я объяснилъ дѣло, какъ оно было. Извѣстіе передано было въ газету сотрудникомъ (Н. Бобровымъ), давно участвовавшимъ въ ней своими трудами, доставлявшимъ постоянно свѣдѣнія съ петербургской биржи и которому редакція не имѣла основанія не довѣрять. Московскій биржевой комитетъ, по просьбѣ фабриканта, возбудилъ было большую переписку по этому дѣлу, но оно окончилось безъ всякихъ послѣдствій, въ январѣ 1860 года, объясненіемъ, напечатаннымъ г. Бобровымъ въ „Сѣверной Пчелѣ".

По окончаніи оффиціальнаго выговора, Е. П. Ковалевскій измѣнилъ тему разговора и явился въ немъ давнишнимъ другомъ Н. И. Греча. Послѣдній также вышелъ изъ своего затруднительнаго положенія и мы разстались очень довольные нашимъ посѣщеніемъ, обѣщавъ министру исправить невѣрное сообщеніе, появившееся въ газетѣ.

Тогдашній (до назначенія М. Х. Рейтерна) министръ финансовъ, Александръ Максимовичъ Княжевичъ, тоже любитель литературы, считалъ Н. И. Греча своимъ другомъ. Такъ какъ я былъ уже знакомъ съ нимъ и бывалъ у него по пятницамъ вечеромъ, по назначеннымъ днямъ, то и не ѣздилъ представляться къ нему, какъ къ князю Горчакову и Е. П. Ковалевскому.

Начальникъ штаба корпуса жандармовъ, Леонтій Васильевичъ Ду-

бельтъ (въ 1856 году замѣненный въ этой должности генералъ-маіоромъ свиты его величества А. Е. Тимашевымъ), неоднократно при мнѣ высказывалъ Н. И. Гречу знаки глубокаго, искренняго уваженія. Л. В. Дубельтъ (жившій въ собственномъ домѣ, на Захарьевской улицѣ, если не ошибаюсь) по утрамъ ѣздилъ съ докладомъ къ шефу жандармовъ, графу Орлову (жившему на Мойкѣ, у Краснаго моста, въ домѣ бывшемъ Таля, одноэтажномъ, во дворѣ, отдѣляемомъ и понынѣ рѣшеткою отъ улицы), а оттуда, послѣ доклада, заѣзжалъ часто къ Н. И. Гречу (на Мойкѣ же, у Почтамтскаго мостика) и сообщалъ ему все то, что необходимо было знать редактору ежедневной газеты, чтобы не надѣлать промаховъ, особенно въ тѣ нелегкія времена. Поэтому Н. И. Гречъ былъ постоянно, что называется, „въ курсѣ дня". Нѣтъ сомнѣнія, что Л. В. Дубельтъ не заѣзжалъ бы къ Н. И. Гречу, если бы не было на то согласія графа А. Ѳ. Орлова, высказывавшаго постоянно свое вниманіе къ нему. Л. В. Дубельтъ, по званію своему начальника штаба корпуса жандармовъ и управляющаго третьимъ отдѣленіемъ собственной канцеляріи, былъ членомъ главнаго правленія цензуры. Когда, во время моего уже сотрудничества въ „Сѣверной Пчелѣ", именно въ 1853 и 1855 годахъ, Н. И. Гречъ уѣзжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ за-границу, для поправленія своего здоровья и оставлялъ меня отвѣтственнымъ редакторомъ газеты, то онъ поручалъ мнѣ письма его изъ-за-границы, которыя онъ будетъ присылать, для напечатанія въ газетѣ, до отправки ихъ въ обыкновенную цензуру, посылать предварительно, начисто переписанныя, на просмотръ Л. В. Дубельту. Онъ возвращалъ ихъ въ редакцію чрезъ сутки съ очень небольшими измѣненіями, но этотъ просмотръ члена главнаго правленія цензуры служилъ руководствомъ для цензора и статья легко пропускалась въ печать. Поэтому, въ тогдашнее время, въ заграничныхъ своихъ письмахъ, Н. И. Гречъ свободно касался текущихъ политическихъ вопросовъ, чего не пропускала цензура въ другихъ статьяхъ. Цензоры часто мнѣ говорили, что безъ просмотра Л. В. Дубельта они должны были бы иногда на половину сокращать заграничныя письма Н. И. Греча. Точно также Н. И. Гречъ поступалъ и до моего участія въ редакціи, когда, передъ февральскою революціею 1848 года, неоднократно годы и мѣсяцы проводилъ за-границею и когда редакціею газеты завѣдовалъ его сынъ, Алексѣй Николаевичъ Гречъ, скончавшійся, въ мартѣ 1850 года, отъ чахотки, на пути на островъ Мадеру, и погребенный въ волнахъ Атлантическаго океана. Болѣзнь А. Н. Греча и вызвала приглашеніе мое, въ 1849 году, въ сотрудники „Сѣверной Пчелы". Когда, въ 1853 году, по полученіи перваго письма Н. И. Греча изъ-за-границы, я отвезъ его лично къ Л. В. Дубельту, то онъ, принявъ его, сказалъ мнѣ: „Не трудитесь привозить сами; присылайте въ конвертѣ на мое имя; для Николая Ивановича я готовъ сдѣлать все пріятное, даже быть для него цензоромъ".

Такимъ же расположеніемъ и вниманіемъ пользовался Н. И. Гречъ у Якова Ивановича Ростовцева, бывшаго главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. Я неоднократно видѣлъ Я. И. Ростовцева въ кабинетѣ Н. И. Греча. Когда, въ 1855 году, Н. И. Гречъ уѣзжалъ за-границу, то сказалъ мнѣ, чтобы, въ случаѣ затрудненій или непріятностей по изданію „Сѣверной Пчелы", я обращался къ Я. И. Ростовцеву отъ его имени, но пустяками не безпокоилъ бы его. Я воспользовался только однажды этою рекомендаціею, и съ полнымъ успѣхомъ. Лѣтомъ 1855 года, въ самый разгаръ Крымской войны, состоялось по цензурѣ распоряженіе, чтобы, несмотря на существовавшій тогда военно-цензурный комитетъ, просматривавшій отдѣльно отъ общей цензуры всѣ статьи, касавшіяся войны и арміи, въ газетахъ печатали только тѣ извѣстія и корреспонденціи съ театра военныхъ дѣйствій, которыя появятся въ „Русскомъ Инвалидѣ". Подобное монопольное право нарушало интересы публики, читателей, родные и знакомые которыхъ принимали участіе въ войнѣ. Я протестовалъ противъ такого распоряженія и подалъ о томъ докладную записку Я. И. Ростовцеву, прося его ходатайства передъ военнымъ министромъ. Я. И. Ростовцевъ согласился съ моими доводами, принялъ мою записку, и чрезъ нѣсколько дней стѣснительная цензурная мѣра была отмѣнена, къ неудовольствію тогдашняго редактора „Русскаго Инвалида", полковника Петра Семеновича Лебедева.

Наиболѣе замѣчательное посѣщеніе Я. И. Ростовцевымъ Н. И. Греча было въ послѣдней половинѣ октября (до 25-го числа) 1855 года. Я. И. Ростовцевъ пріѣхалъ къ нему прямо изъ Зимняго дворца, послѣ доклада, объявилъ Н. И. Гречу, что рѣшено заключить миръ, что будутъ начаты предварительные неоффиціальные переговоры съ Наполеономъ III и что потому въ газетахъ необходимо прекратить нападки на правительство Наполеона III, вообще на Францію и на французовъ, но что англичанъ, турокъ, сардинцевъ, нѣтъ надобности подводить къ одному знаменателю съ галлами. Дѣйствовалъ ли въ этомъ случаѣ Я. И. Ростовцевъ по своему почину, или нѣтъ,—я не знаю. Для переговоровъ о мирѣ прибылъ потомъ въ Петербургъ саксонскій посланникъ при французскомъ правительствѣ, баронъ Зебахъ, женатый на дочери тогдашняго нашего министра иностранныхъ дѣлъ, графа Нессельроде, и, слѣдовательно, извѣстный русскому двору.

Когда, при коронаціи императора Александра Николаевича, манифестомъ 26-го августа 1856 г., декабристы получили окончательное помилованіе и появились затѣмъ въ Петербургѣ, то почти всѣ они, особенно бывшіе знакомые съ Н. И. Гречемъ до событія 1825 года, посѣтили его. Чаще другихъ бывали у него Николай Ивановичъ Тургеневъ, прибывшій изъ за-границы, и Батенковъ. Посѣщеніе декабристами Н. И. Греча убѣдило меня въ нелѣпости слуховъ и басней, которые одно время были распространены въ обществѣ, именно, что Н. И. Гречъ предалъ своихъ друзей и знакомыхъ въ 1825 году.

Несчастныя жертвы увлеченія и заблужденія, поплатившіяся за то годами каторги и ссылки, не явились бы, по водвореніи своемъ въ общество, откуда они были исторгнуты, на поклонъ къ своему предателю.

IX.

Патріотическія стихотворенія въ 1854 и 1855 годахъ. Дополненіе къ біографіи Өедора Николаевича Глинки [1]).

Когда, въ исходѣ 1853 года, война съ Франціею и Англіею становилась болѣе и болѣе неизбѣжною, Өедоръ Николаевичъ Глинка, несмотря на свои годы (ему было шестьдесятъ пять лѣтъ), былъ въ числѣ первыхъ поэтовъ, поднявшихъ свой голосъ. „Замѣчательно (писалъ онъ Н. И. Гречу въ письмѣ изъ Петербурга, гдѣ онъ тогда жилъ, отъ 3-го марта 1854 года), что съ первою угрозою отечеству первые засвистали соловьи-поэты“. Еще въ Твери, 3-го декабря 1853 года, онъ написалъ, по поводу войны съ тремя державами, стихотвореніе подъ заглавіемъ „Ура“, но его позволили напечатать въ „Сѣверной Пчелѣ“ только въ первыхъ числахъ февраля 1854 года, когда разрывъ съ Франціею и Англіею сталъ совершившимся фактомъ. Стихотвореніе это начиналось:

„Ура!.. На трехъ ударимъ разомъ,
Не даромъ же трехгранный штыкъ!
Ура отгрянетъ надъ Кавказомъ,
Въ Европу грянетъ тотъ же кликъ!“ и т. д.

Стихотвореніе „Ура!“ въ то время произвело большое впечатлѣніе. Оно было изъ „Сѣверной Пчелы“ перепечатано отдѣльнымъ изданіемъ и быстро разошлось. Ө. Н. Глинка писалъ, отъ 11-го мая 1854 года, Н. И. Гречу: „Позвольте поблагодарить васъ за доброе слово объ „Ура!“ Съ вашей легкой руки этой брошюры разошлось 9000 экземпляровъ. Въ одномъ Петербургѣ, въ первые десять дней, разошлось нѣсколько тысячъ. Лавочники, харчевники, саечники и цирюльни были самыми ревностными покупателями. Затѣмъ пошли требованія (чрезъ почту) изъ городовъ. Собранную за изданіе сумму я уже отправилъ къ военному министру и получилъ въ отвѣтъ высочайшую благодарность его императорскаго величества“. „Сѣверная Пчела“ во время Крымской войны имѣла до десяти тысячъ подписчиковъ, но это обстоятельство не помѣшало стихотворенію „Ура!“ разойтись по Россіи въ такомъ же количествѣ экземпляровъ.

---

[1]) Помѣщенной въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1880 г. Т. II, стр. 472—481.

Вслѣдъ за „Ура!“, въ № 37-мъ „Сѣверной Пчелы“ (15-го февраля) появилось стихотвореніе подъ заглавіемъ „На нынѣшнюю войну“, неизвѣстнаго автора, которое было напечатано въ газетѣ по высочайшему повелѣнію. Оно было прислано въ редакцію при слѣдующемъ отношеніи изъ канцеляріи министерства императорскаго двора, за № 69-мъ: „Министръ императорскаго двора, препровождая при семъ въ редакцію „Сѣверной Пчелы“ стихи, объявляетъ, что государю императору угодно, чтобы оные были напечатаны въ означенной газетѣ. За директора, начальникъ отдѣленія Свѣчинъ“. Это стихотвореніе въ свое время надѣлало много шума. Оно приписывалось разнымъ лицамъ, но истинный авторъ остался мнѣ неизвѣстнымъ. Произведеніе было доставлено непосредственно императору Николаю Павловичу. Вотъ начало его:

„Вотъ, въ воинственномъ азартѣ,
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ.
Вдохновенъ его отвагой,
И французъ за нимъ туда жъ
Машетъ дядюшкиной шпагой
И кричитъ: Allons, courage!“ и т. д.

Предсказаніе въ этомъ стихотвореніи англичанамъ —

„Какъ высокое давленіе
Имъ покажутъ безъ паровъ!“

не оправдалось на дѣлѣ исходомъ начатой тогда войны и въ этомъ отношеніи гораздо счастливѣе оказались стихи Ивана Аѳанасьевича Кованьки, предсказавшаго, въ первой книжкѣ „Сына Отечества“ 1812 года, когда Москва занята была французами, ихъ погибель. Стихотвореніе это, по словамъ тогдашнихъ людей, выученное наизусть чуть ли не всею Россіею, оканчивалось слѣдующимъ образомъ:

„Свѣту цѣлому извѣстно,
Какъ платили мы долги
И теперь получатъ честно
За Москву платежъ враги.
Побывать въ столицѣ—слава,
Но умѣемъ мы отмщать:
Знаетъ крѣпко то Варшава
И Парижъ то будетъ знать!“

Если бы исходъ Крымской войны былъ одинаковъ съ результатомъ Отечественной войны, то и стихотвореніе „На нынѣшнюю войну“ получило бы одинаковое историческое значеніе со стихами И. А. Кованьки.

Успѣхъ „Ура!“ вызвалъ у Ѳ. Н. Глинки въ 1854 г. рядъ стихотвореній. Онъ напечаталъ стихи на рожденіе великой княжны Вѣры Константиновны (4-го февраля 1854 года) и на 12-е февраля 1854

года (день февральской революціи въ 1848 г. и сѣвернаго сіянія въ 1854 г.). Въ № 54-мъ онъ помѣстилъ переводы съ сербскаго двухъ пѣсенъ, вызванныхъ его стихотвореніемъ „Ура!“ и присланныхъ изъ Сербіи чрезъ посредство графини Антонины Николаевны Блудовой. Изъ нихъ одно—„Пѣснь Побѣды“ начиналось:

„Земля шумитъ, земля дрожитъ!“

а другое—„Пора!“:

„Полки кричатъ: ура! ура!“

Въ № 61-мъ Ѳ. Н. Глинка помѣстилъ стихотвореніе „Пожаръ Россіи“, въ которомъ приводилъ слѣдующее сравненіе:

„Такъ нѣкогда верхи Синая
Горѣли въ молнійныхъ вѣнцахъ
И Бога мощные глаголы,
Громами потрясая долы,
Далеко разсыпали страхъ“.

Въ № 83-мъ (15-го апрѣля) появилось его же стихотвореніе—„Христосъ Воскресъ“, написанное тотчасъ по услышаніи высочайшаго манифеста 11-го апрѣля 1854 года, когда Ѳ. Н. Глинка не могъ еще знать о бомбардированіи въ страстную субботу Одессы и въ которомъ онъ восклицаетъ:

„Въ святые дни, ядромъ каленымъ
Мы похристосуемся съ нимъ!“

Въ № 86-мъ „Сѣверной Пчелы“ напечатано было его стихотвореніе—„Къ Богу, защитнику правыхъ“ (На тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся во вѣки!), въ № 104-мъ—„Голосъ Кронштадту“, въ № 110-мъ—„Часовня Благовѣщенскаго моста“ (въ день св. Николая и, наконецъ, послѣднее, въ № 125-мъ—„В. Ѳ. Тимму, отъ автора „Ура!“ (В. Ѳ. Тиммъ былъ издателемъ „Русскаго Художественнаго Листка“, имѣвшаго громадный успѣхъ во время Крымской войны и расходившійся во многихъ тысячахъ экземпляровъ). Болѣе въ 1854 году не появлялось въ печати стихотвореній Ѳ. Н. Глинки, уѣхавшаго въ маѣ въ свою деревню, село Кузнецово, въ сорока верстахъ отъ Твери, по большой бѣжецкой дорогѣ, въ такъ называемой „тверской Кореліи“, гдѣ у крестьянъ кореловъ, по словамъ письма Ѳ. Н. Глинки, можно было въ то время „найти въ каждой избѣ пироги пяти сортовъ“. Его стихотвореніе „Голосъ Кронштадту“ начиналось слѣдующимъ образомъ:

„Держись, Кронштадтъ! Молитесь, люди!
Гори, свѣча, у алтаря!..
Не расшибутъ гранитной груди
У нашего богатыря!“

а оканчивалось слѣдующимъ смѣлымъ возгласомъ:

„Когда же гордый не смирится,
Готовыхъ видя насъ къ войнѣ,
Монументальный самъ помчится
Царь Петръ на бронзовомъ конѣ!“

При такой дѣятельности, не всѣ стихотворенія Ѳ. Н. Глинки были вполнѣ удачны, но въ массѣ публики они принимались восторженно и вызывали со всѣхъ сторонъ новыя стихотворенія, массами поступавшія въ редакцію и остававшіяся не напечатанными по своей неудовлетворительности. Глинка самъ строго относился къ своимъ произведеніямъ. Такъ, онъ писалъ, отъ 11-го мая: „Вчера отправилъ я къ вамъ стихи—„Часовня на Благовѣщенскомъ мосту“. Вчера мнѣ казалось, что, можетъ быть, они годятся къ напечатанію, но сегодня, прочтя ихъ еще разъ, нахожу, что они, какъ скороспѣлые, могутъ остаться и ненапечатанными. Это будетъ зависѣть отъ вашего взгляда“.

Изъ другихъ стихотвореній, напечатанныхъ въ газетѣ въ 1854 году, выдаются два произведенія князя Петра Андреевича Вяземскаго—„Андрею Карамзину“ (въ № 107-мъ), писанное во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, и „Одесса“ (въ № 121-мъ), сочиненное въ Дрезденѣ, въ которомъ поэтъ называетъ Наполеона III „Жилблазомъ втораго декабря“. Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ, въ № 61-мъ (15-го марта), помѣстилъ свое произведеніе подъ заглавіемъ—„Молитва у гроба Кутузова“ (въ февралѣ 1854 года), начинающееся словами:

„Въ твой мракъ таинственный, подъ сѣнь твоихъ знаменъ“...

Какъ Пушкинъ, въ своемъ посланіи къ Ѳ. Н. Глинкѣ, назвалъ его „Аристидомъ“, „великодушнымъ гражданиномъ“ и тѣмъ охарактеризовалъ эту благородную личность, такъ Бенедиктовъ, въ посланіи своемъ къ „Ѳедору Николаевичу Глинкѣ“ („Сѣверная Пчела“, № 113, 1854 года), вѣрно очертилъ его слѣдующими стихами:

„Несъ въ величьѣ онъ спокойномъ
Тяжесть дальняго креста;
Пѣлъ ли радость гимномъ стройнымъ—
Онъ глумленьемъ непристойнымъ
Не кривилъ свои уста.

„И не мнитъ онъ обезпечить
Беззаконный произволъ,
Въ русскомъ словѣ чужерѣчить,
Рвать языкъ родной, увѣчить
Богомъ данный намъ глаголъ“.

Въ 1855 году, Ѳ. Н. Глинка помѣстилъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ только четыре стихотворенія, изъ которыхъ два—„Наши понедѣльники“ (въ № 31-мъ), гдѣ говорилось о его пріемныхъ дняхъ по вечерамъ и по поводу посѣщенія семейства Штакеншнейдера (извѣстнаго зодчаго, профессора архитектуры), не касались современныхъ событій. Въ № 42-мъ появилось его стихотвореніе—„Первое чувство при вѣсти о неожиданной кончинѣ государя“ (императора Николая Павловича),

а въ № 92-мъ „Туманъ и заря у Севастополя" (посвящено Прасковьѣ Ивановнѣ Орловой, отъѣзжавшей въ Крымъ). Въ этомъ же году онъ написалъ небольшое стихотвореніе А. А. Горяйнову, оставшееся не напечатаннымъ въ моемъ архивѣ. Каммергеръ А. А. Горяйновъ, участникъ войны 1812 года, помѣстилъ въ „Сѣверной Пчелѣ", въ 1855 году, рядъ патріотическихъ политическихъ статей по поводу тогдашнихъ событій и, познакомившись съ семействомъ Ѳ. Н. Глинки, посылалъ ему свои прозаическія произведенія. За эту присылку Ѳ. Н. Глинка отблагодарилъ его слѣдующимъ стихотвореніемъ:

А. А. ГОРЯЙНОВУ.

(За вчерашній подарокъ).

„Благодарю и разъ, и два,
За ваши милые подарки;
Свѣжа у васъ и голова,
И строки бойки, рѣчи ярки!
Могучъ и грозенъ правды громъ!
Громите жъ имъ враговъ хвастливыхъ,
Пиратовъ дерзкихъ, нечестивыхъ,
Громите русскимъ ихъ перомъ
И дерзкимъ галламъ не спускайте!..
Печатайте и разсылайте
Свои воззванья въ нашъ народъ!
Хвала вамъ! Вашимъ бойкимъ слогомъ
Вновь поднятъ ужъ рѣшенный Богомъ
Двparty

Двнадесятый славный годъ.
Падутъ, какъ тѣ, и эти рати
И сей, какъ тотъ, Наполеонъ.
И встрѣтимъ праздникъ благодати
Мы, отстоявъ алтарь и тронъ!"

Въ 1861 году, Ѳ. Н. Глинка прислалъ мнѣ свое стихотвореніе— „Двѣ жизни Россіи", которое по какимъ-то причинамъ,—не помню ихъ теперь,—осталось не напечатаннымъ, хотя во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія. Вотъ оно:

„Надъ древнею Русью повѣялъ духъ Божій,
Владиміръ Великій народъ свой крестилъ:
Онъ свергнулъ кумиры съ ихъ гордыхъ подножій
И новою жизнью народъ возродилъ!..

„Въ дни затѣмъ невзгодъ, боренья,
Въ дни кроваваго крещенья,
Русь, сквозь бури и волненья
(Вѣрой правою свѣтла),
Съ честью крестъ свой пронесла;
Но, любя слова Христовы,
Все на дѣлѣ не могла
Съ меньшихъ братій снять оковы!
Духъ ея въ бѣдахъ не слабъ,
Чуждъ былъ смутъ и святотства;

Но не чуждъ былъ слова „рабъ"!—
Не было Христова братства!
Такъ прошелъ за вѣкомъ вѣкъ!..
Но, въ коронѣ Мономаха,
Выше ропотнаго страха,
Всталъ монархъ и человѣкъ!..

„Надъ новою Русью повѣялъ духъ Божій,
Повѣялъ духъ жизни, духъ кроткій Христовъ,
И, древнихъ условій съ гранитныхъ подножій,
Мгновенно исчезло названье „рабовъ!"
Отъ Лены и Оби до Крыма народы,
Проникнуты чувствомъ однимъ,
Крестилися паки—крещеньемъ инымъ
Въ купели разумной гражданской свободы"!...

Тверь,
Марта 12-го
1861 г.

X.

Послѣдній изъ дворянъ.

Манифестъ 19-го февраля 1861 года вызвалъ присылку въ редакцію „Сѣверной Пчелы" множества стихотвореній по поводу этого великаго для гражданской жизни Россіи событія. Одинъ неизвѣстный авторъ прислалъ мнѣ стихотвореніе—„Послѣдній изъ дворянъ", которое въ то время цензурою не могло быть разрѣшено. Если я не ошибаюсь и если наведенныя мною справки не пропустили какого либо сборника или періодическаго изданія, то это забавное стихотвореніе и донынѣ нигдѣ не появлялось на свѣтъ. Полагаю, что его прочтутъ не безъ смѣха:

„Чортъ возьми! Совсѣмъ не спится,
Отъ клоповъ покоя нѣтъ;
Чуть заснешь,—исправникъ снится,
Депутаты, комитетъ.

„Что и дѣлать—самъ не знаю,
Видно, надобно вставать...
Яшка, мыться! Гришка, чаю!
Ѳедька, повара позвать!

„Протрубили англичане,
Что у нихъ, молъ, всѣ равны:
И что баре, что крестьяне
Для свободы рождены.

„И у насъ пошли драть глотки
И печатать и писать.
Ванька, рѣдьки! Кузька, водки!
Семка, кушать подавать!

„Гдѣ ужъ нашему народу
Брать примѣры съ англичанъ...
Дай-ка Филькѣ я свободу—
Черезъ часъ онъ будетъ пьянъ.

„Эй! сказать отцу Макару,
Въ дурачки чтобъ шелъ играть;
Борька, карты! Васька, мѣлу!
Ларька, ужинъ подавать!

„Вотъ и дожилъ, что безъ спросу,
У себя, въ землѣ своей—
Не обрѣжешь дѣвкѣ косу,
Парню лобъ забрить не смѣй!

„А задашь, бываю, лупку,
Просто божья благодать...
Оська, квасу! Демка, трубку!
Тишка, клюквы мнѣ подать!

„Говорятъ—пора приспѣла,
Нѣтъ спасенья! говорятъ,
Эхъ! когда бъ все это дѣло
Повернуть на старый ладъ?

„Все труднѣе, часъ отъ часу...
Завалиться съ горя спать!
Юрка, Пчелку! Прошка, квасу!
Степка, Машку мнѣ позвать!“

XI.

Собирателямъ русскихъ псевдонимовъ.

Брошюры по современнымъ русскимъ вопросамъ, вышедшія въ 1859 и 1860 годахъ на французскомъ языкѣ за-границею, и изъ которыхъ иныя дозволены были, съ высочайшаго разрѣшенія, къ продажѣ въ Россіи, и подписанныя псевдонимомъ „Шедо-Феротти“, принадлежали курляндскому дворянину, барону Фирксу, бывшему офицеру корпуса путей сообщенія. По выходѣ въ отставку, онъ проживалъ преимущественно въ Ригѣ и за-границею и только по временамъ бывалъ въ Петербургѣ. Издателемъ его брошюръ за-границею былъ преимущественно берлинскій книгопродавецъ Эмиль Бокъ. Въ 1860 году, баронъ Фирксъ принадлежалъ къ числу постоянныхъ сотрудниковъ „Сѣверной Пчелы“. Его заграничныя брошюры въ то время читались съ жадностью русскимъ обществомъ и обратили вниманіе на автора.

„Въ 1857, 1858 и 1859 годахъ, фельетоны въ „Сѣверной Пчелѣ“ за подписью „Эрміонъ“ были составляемы Н. И. Гречемъ.

Въ прибавленіяхъ къ „Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ" 1864 года, подъ псевдонимами: „Баронъ фонъ-Кокъ", „Послѣдній Трубадуръ", „Странствующій Рыцарь" писалъ Иванъ Григорьевичъ Руденко.

XII.

Губернское правленіе, вымогающее деньги на подписку на губернскія вѣдомости.

Графъ Гейденъ, одоевскій помѣщикъ, хорошо тогда со мною знакомый, препроводилъ ко мнѣ, отъ 25 мая 1859 года, слѣдующую копію съ печатнаго указа тульскаго губернскаго правленія: „Указъ его императорскаго величества, самодержца всероссійскаго, изъ тульскаго губернскаго правленія приставу втораго стана Одоевскаго уѣзда. Губернское правленіе слушало рапортъ одоевскаго земскаго исправника, отъ 31-го января за № 57, коимъ доноситъ, что, при всемъ его стараніи раздать присланные губернскимъ правленіемъ билеты на полученіе губернскихъ вѣдомостей, желающихъ взять оные никого не оказалось. Справка: по распоряженію губернскаго правленія, къ одоевскому исправнику, въ числѣ другихъ, было препровождено пять билетовъ на полученіе губернскихъ вѣдомостей и предписано было озаботиться раздачею отсылаемыхъ билетовъ, въ особенности тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ торговые обороты или содержатъ различныя заведенія, гостинницы и постоялые дворы, равно и въ конторы помѣщичьихъ имѣній. Приказали: рапортомъ одоевскій исправникъ доноситъ, что желающихъ на полученіе губернскихъ вѣдомостей во ввѣренномъ ему уѣздѣ никого не оказалось, тогда какъ изъ дѣла губернскаго правленія по сему предмету видно, что нѣкоторые исправники уже представили деньги за всѣ отосланные къ нимъ билеты на полученіе губернскихъ вѣдомостей. А потому, усматривая изъ этого донесенія исправника явное уклоненіе отъ исполненія предписанія начальства, тогда какъ свѣдѣнія, помѣщаемыя въ губернскихъ вѣдомостяхъ, относятся до всеобщей извѣстности и не могутъ не пріохотить жителей Одоевскаго уѣзда къ полученію губернскихъ вѣдомостей, которыя, по цѣнѣ за оныя, ни для кого не могутъ быть обременительны, особенно же для помѣщиковъ, вотчинныхъ конторъ, и для проживающихъ въ уѣздѣ разнаго рода торговцевъ; имѣя все это въ виду, губернское правленіе не ожидало, чтобы во всемъ Одоевскомъ уѣздѣ не оказалось единаго подписчика, что нельзя иначе относить, какъ къ необращенію вниманія исправника на сдѣланное ему порученіе, а потому, поставивъ все это въ виду одоевскаго исправника и давъ знать о его нераспорядительности, прочимъ исправникамъ, городничимъ и становымъ приставамъ подтвердить, чтобы они позабо-

тились объ исполненіи возложенныхъ на нихъ порученій о приглашеніи подписчиковъ на губернскія вѣдомости; возвращенные же одоевскимъ исправникомъ билеты препроводить къ становымъ приставамъ Одоевскаго уѣзда и строго подтвердить о раздачѣ ихъ во ввѣренныхъ имъ станахъ и слѣдующія за нихъ деньги представили бы въ губернское правленіе немедленно. Февраля 25-го дня 1859 года. Ассессоръ губернскаго правленія Авдуловскій".

XIII.

Возобновленіе временъ Потемкина въ 1860 году.

Въ концѣ іюля 1860 года, мнѣ доставлено было въ подлинникѣ слѣдующее распоряженіе полиціи по Гродненскому уѣзду:

М. В. Д.
Пристава
4-го стана
Гродненскаго уѣзда.
№ 1553.
11 іюля 1860.

„Дворовому управленію имѣнія Котра, помѣщика Богатко.

„Г. Гродненскій земскій исправникъ, предписаніемъ отъ 27-го іюня за № 1127, далъ мнѣ знать, что господинъ генералъ-губернаторъ здѣшняго края и начальникъ Гродненской губерніи, имѣя въ виду пріѣздъ государя императора, совершиться имѣющій въ концѣ наступающаго августа или въ самомъ началѣ сентября мѣсяца, приказать его высокоблагородію изволили, дабы не только дороги, мосты, гати и все прочее, по виленскому почтовому тракту находящееся, было совершенно и благовидно устроено, но корчмы и другія строенія непремѣнно выбѣлены и около нихъ была соблюдена чистота, высыпано болѣе краснымъ пескомъ, украшены зельями, а въ случаѣ проѣзда его величества въ ночное время, были иллюминованы, и какъ можно почаще, бочки съ дегтемъ; самые же жители были одѣты въ нарядныхъ костюмахъ, не дозволяя шататься бѣднымъ и нищимъ.

„О чемъ извѣщая оное дворовое управленіе, прошу, чтобы выдѣленный оному имѣнію по почтовому тракту дорожный участокъ, съ состоящими наономъ мостами, гатями и прочимъ, отнынѣ до самаго высочайшаго проѣзда былъ всегда совершенно и благовидно устроенъ и засимъ слѣдить постоянно всякій разъ, и какъ только окажется испорченнымъ и негоднымъ, тоже, не ожидая начальственнаго приказанія, самимъ исправлять, корчму и другія строенія выбѣлить и соблюдать при оныхъ чистоту; на высыпку при строеніяхъ приготовить желтый песокъ, а на украшенья зелья. Въ случаѣ же проѣзда его величества въ ночное время на иллюминованіе приготовить, какъ можно почаще, бочки съ дегтемъ. Жителямъ приказать, дабы въ тотъ день, когда совершится высочайшій проѣздъ, были одѣты при-

лично и опрятно, обыкновенно какъ они одѣваются по праздникамъ, съ строгимъ воспрещеніемъ, дабы бѣдные и нищіе не шатались по дорогамъ".

Не доставало только, чтобы чрезъ мѣру усердствующій становой предписалъ помѣщикамъ приказать крестьянамъ быть веселыми, съ радостными, довольными лицами. Три четверти столѣтія прошло со времени поѣздки Екатерины Великой по Новороссіи, однако уѣздная полиція не отрѣшилась все еще отъ усвоеннаго образа дѣйствій.

XIV.

Къ біографіи Ивана Ивановича Давыдова.

Сенаторъ Ив. Ив. Давыдовъ, скончавшійся въ Москвѣ 15 ноября 1863 года, былъ, до назначенія въ сенатъ, директоромъ главнаго педагогическаго института въ Петербургѣ, а также ординарнымъ академикомъ по русскому отдѣленію. Про него говорили, что онъ на службѣ нажилъ большое состояніе. Но Петръ Васильевичъ Хавскій, извѣстный своими хронологическими трудами, человѣкъ правдивый и честный, писалъ мнѣ изъ Москвы, отъ 22 апрѣля 1864 года, препровождая списокъ многочисленныхъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ И. И. Давыдова: „У И. И. Давыдова было три кума: я, министръ народнаго просвѣщенія, Сергѣй Семеновичъ Уваровъ, и почетный опекунъ Гавріилъ Степановичъ Поповъ. Моею лептою и деньгами, сбереженными супругою покойнаго и дѣтьми, похоронили И. И. Давыдова, Креза по молвѣ народной. Царь земной наградилъ вдову и защитилъ ее отъ преслѣдованія заимодавцевъ".

XV.

Къ біографіи Алексѣя Михайловича Максимова.

Славившійся въ свое время артистъ Александринскаго театра, А. М. Максимовъ былъ человѣкъ искренно набожный. Вотъ что писалъ мнѣ одинъ изъ моихъ корреспондентовъ (г. Богдановъ), отъ 11 сентября 1861 года: „Въ бытность мою въ Новгородѣ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, я имѣлъ счастіе познакомиться со всѣми уважаемымъ артистомъ Алексѣемъ Михайловичемъ Максимовымъ. Это было въ великій постъ, въ монастырѣ Деревеницкомъ, лежащемъ отъ Новгорода въ двухъ верстахъ между монастырями Антіевымъ и Хутынскимъ. Говорю „имѣлъ счастіе" именно потому, что я встрѣтилъ человѣка по занятіямъ артиста (многіе почтенные люди еще донынѣ не иначе зовутъ

ихъ, какъ комедіантами), но который душевными своими качествами и религіозностью превосходитъ многихъ, о которыхъ говорится, что „это ангелъ, а не человѣкъ". Въ этой обители, гдѣ А. М. Максимовъ былъ ктиторомъ, я прогостилъ двѣ недѣли, неоднократно видѣлъ его въ церкви за службою во всѣ дни моего пребыванія, а также и внѣ церкви при бесѣдахъ съ настоятелемъ монастыря, священно-архимандритомъ Амѳилогіемъ. Бесѣды эти продолжались за полночь. А. М. Максимовъ увлекалъ своихъ слушателей неизъяснимою живостью своей рѣчи, богобоязненностью и пламеннымъ усердіемъ къ церкви Божіей. А. М. Максимовъ, любя эту обитель, устроилъ въ ней вѣчную опочивальню для своихъ бренныхъ останковъ. Обитель будетъ вѣчно поминать своего ктитора, такъ какъ въ ней очень многое устроено трудами и пожертвованіями А. М. Максимова".

XVI.

Къ похоронамъ А. Е. Мартынова.

Кончина А. Е. Мартынова въ Харьковѣ, въ 1860 году, произвела глубокую скорбь среди почитателей его таланта. Тѣло его привезено было изъ Харькова и, по прибытіи на петербургскую станцію Николаевской желѣзной дороги, внесено было въ церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы, на углу Невскаго и Знаменской улицы. Въ день, назначенный для погребенія, 13 сентября, собралась такая многочисленная толпа, что я, прибывъ до выноса покойнаго изъ церкви, не могъ проѣхать по Невскому далѣе угла Владимірской улицы, но и пѣшкомъ, несмотря на всѣ усилія, не протискался къ церкви. Къ началу погребальнаго шествія изъ церкви толпа еще болѣе увеличилась. Тутъ были лица изъ всѣхъ сословій, русскіе и иностранцы, на сколько я могъ бѣгло обозрѣть толпу по множеству знакомыхъ. На похоронахъ Василія Андреевича Каратыгина [1]) (изъ церкви Благовѣщенія, на Конногвардейскомъ бульварѣ) была сплошная масса отъ этого храма до Николаевскаго моста, а также на набережной Васильевскаго острова до 10 линіи, но на погребеніе А. Е. Мартынова, по моему мнѣнію, явилось еще болѣе. Публика въ Петербургѣ сдѣлалась тогда впечатлительнѣе, отзывчивѣе къ интересовавшимъ ее явленіямъ и событіямъ. Полиція, присутствуя на погребеніи А. Е. Мартынова, устранилась отъ всякаго вмѣшательства въ подробности похороннаго шествія. Поэтому погребальную колесницу повезли на себѣ присутствовавшіе. Передъ Александринскимъ театромъ рѣшено было направить ее вокругъ зданія, въ которомъ покойный увлекалъ публику своимъ

---

[1]) Скончавшагося 13 марта 1853 года.

талантомъ. Павелъ Ивановичъ Мельниковъ (Андрей Печерскій), отличавшійся тогда живостью, горячностью своего характера, своею впечатлительностью ко всѣмъ проявленіямъ въ жизни русскаго народа, самъ русскій въ полномъ смыслѣ этого слова, невольно какъ-то очутился во главѣ похоронъ Мартынова и сдѣлался какъ бы распорядителемъ ихъ. По его ли почину, или по указаніямъ другихъ, я не знаю, совершился поворотъ шествія къ Александринскому театру. Но, подойдя къ нему, многіе изъ публики стали требовать, чтобы отслужена была литія. Священникъ, шедшій передъ гробомъ, не согласился служить литію передъ театромъ. Произошелъ затруднительный моментъ. Съ одной стороны требованія публики, не понимавшей основаній отказа священника, съ другой стороны—несогласіе послѣдняго. Находчивый умъ П. И. Мельникова положилъ конецъ недоумѣнію и смятенію. Подойдя къ священнику, онъ шепнулъ ему, что если онъ сдѣлаетъ небольшой поворотъ, то очутится передъ храмомъ Божіимъ, такъ какъ въ угловомъ домѣ министра внутреннихъ дѣлъ существуетъ домовая его церковь. Литія была отслужена, спокойствіе возстановилось и похоронное шествіе направилось далѣе къ Смоленскому кладбищу.

Какъ ближайшій участникъ и невольный распорядитель похоронъ А. Е. Мартынова, П. И. Мельниковъ обѣщалъ мнѣ доставить, для напечатанія въ „Сѣверной Пчелѣ", подробное ихъ описаніе. Поэтому въ № 203 газеты (14 сентября) появилось слѣдующее краткое извѣстіе: „13 сентября, во второмъ часу дня, происходилъ выносъ тѣла А. Е. Мартынова изъ церкви Знаменія Пресвятыя Богородицы на Смоленское кладбище, при огромномъ стеченіи лицъ всѣхъ сословій. Погребальная колесница везена была почитателями его таланта".

П. И. Мельниковъ замедлилъ составленіемъ обѣщанной статьи, а между тѣмъ, 17 сентября, я получилъ слѣдующую записку отъ правителя канцеляріи с.-петербургскаго оберъ-полицiймейстера, статскаго совѣтника Мокрицкаго: „Его превосходительство Александръ Львовичъ [1]), получивъ свѣдѣніе, что г. Мельниковъ изготовилъ статью о похоронахъ покойнаго Мартынова, съ похвалою полиціи, покорнѣйше проситъ васъ убѣдить автора, чтобы статья эта не была напечатана. Покорнѣйшій слуга И. Мокрицкій".

Въ статьѣ предполагалось не расхвалить полицію, но указать на то, что своимъ невмѣшательствомъ она дала возможность публикѣ свободно выразить свое уваженіе къ таланту Мартынова. Но дѣло заключалось не въ вопросѣ о похвалѣ полиціи, а вообще въ громадности демонстраціи, которая не понравилась, несмотря на то, что прошла спокойно, и въ неумѣніи полиціи предупредить ее.

---

[1]) А. Л. Потаповъ, бывшій тогда с.-петербургскимъ оберъ-полицiймейстеромъ.

XVII.

Стихотвореніе, отпечатанное въ одномъ экземплярѣ.

Прасковья Ивановна Орлова, рожденная Куликова, по своему таланту, занимала одно изъ первыхъ мѣстъ среди труппы Александринскаго театра въ пятидесятыхъ годахъ. Она перешла съ московской сцены на петербургскую. Это была женщина умная, образованная, державшаяся въ обществѣ съ необыкновеннымъ тактомъ, безукоризненная. Въ 1855 году она отправилась въ качествѣ сестры милосердія въ Крымъ, ухаживала въ тамошнихъ госпиталяхъ за ранеными, получила севастопольскую медаль. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, она сошла со сцены и, овдовѣвъ (бракъ ея съ г. Орловымъ былъ не изъ счастливыхъ супружествъ), вышла вторымъ бракомъ за богатаго купца, городскаго голову въ Осташковѣ, члена извѣстнаго русскаго торговаго дома, г. Савина. Я не знаю, жива ли она еще, или уже скончалась. Н. И. Гречъ, большой поклонникъ женскихъ талантовъ, находилъ, какъ онъ мнѣ неоднократно говорилъ, большое для себя удовольствіе въ умной бесѣдѣ съ П. И. Орловою. Съ нею я часто встрѣчался въ семействѣ г. Греча, гдѣ ее принимали съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ. 1-го марта 1855 года, Н. И. Гречъ поднесъ П. И. Орловой, если не ошибаюсь, экземпляръ своего романа „Черная Женщина“ и приложилъ къ нему, напечатанное только въ одномъ экземплярѣ (въ его типографіи), слѣдующее стихотвореніе (у меня сохранился корректурный оттискъ съ поправками Греча):

П. И. О.

„Отъ дружбы искренней прими сей скудный даръ,
Воспоминанья дней прошедшихъ,
Листки цвѣтовъ, давно поблекшихъ,
И вдохновенья прежнихъ чаръ!

„Когда я рисовалъ Наташи [1]) образъ милой,
И жизнью облекалъ твореніе мечты,
Мое мнѣ сердце говорило,
Что въ свѣтѣ существуешь ты“.

„Николай Гречъ“.

1-го марта 1855 г.

---

[1]) Героиня романа „Черная Женщина“.

XVIII.

Къ біографіи Елены Ивановны Андреяновой.

Е. И. Андреянова, въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, считалась первоклассною балериною и съ успѣхомъ танцевала даже на главныхъ балетныхъ сценахъ Европы. Городскіе слухи приписывали ей близкое знакомство съ тогдашнимъ директоромъ императорскихъ театровъ, Александромъ Михаиловичемъ Гедеоновымъ. Въ Москвѣ, вслѣдствіе этихъ слуховъ, въ одно изъ представленій, бросили изъ одной ложи къ ногамъ Е. И. Андреяновой дохлую кошку. Съ 24-го ноября 1853 года она танцевала въ Одессѣ. Въ № 16 „Сѣверной Пчелы" 1854 года, появилась статья объ ея успѣхахъ въ Одессѣ. Статья эта была составлена Н. И. Гречемъ по поводу слѣдующаго къ нему письма А. М. Гедеонова: „Общая наша знакомая прислала мнѣ изъ Одессы четыре нумера тамошнихъ журналовъ, прося передать ихъ вашему превосходительству, въ надеждѣ, что, по всегдашней благосклонности вашей къ ней [1]), вы признаете, можетъ быть, возможнымъ извлечь что либо изъ сихъ листовъ для „Пчелы". Исполняя порученіе этой талантливой артистки, мнѣ пріятно воспользоваться случаемъ возобновить вамъ, милостивый государь, увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и искренней преданности. А. Гедеоновъ. 6-го января 1854 г.".

Во всякомъ случаѣ это письмо указывало на близость Е. И. Андреяновой къ А. М. Гедеонову.

Пав. Усовъ.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

[1]) Н. И. Гречъ бывалъ въ домѣ Е. И. Андреяновой. Въ 1850 году, при посѣщеніи дома умалишенныхъ (на петергофской дорогѣ), мнѣ показывали, въ числѣ тамошнихъ больныхъ, мать Е. И. Андреяновой.

ДНЕВНИКЪ ЗАКЛЮЧЕННАГО.

От редакціи.

ВЪ 1862 ГОДУ, въ 4-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ, расположенномъ близъ Варшавы, служили два молодые офицера, поручикъ Арнгольдтъ и подпоручикъ Сливицкій, оба юные, очень симпатичные и любимые товарищами. Увлекшись сочиненіями и идеями Герцена, эти юноши вздумали распространять ихъ среди солдатъ, которымъ начали читать и толковать „Колоколъ", „Полярную Звѣзду" и другія подобныя сочиненія. Разумѣется, начальство скоро узнало о замыслахъ Арнгольдта и Сливицкаго. Въ другое время они, безъ сомнѣнія, поплатились бы за свои увлеченія довольно легко; но тогда, при начавшихся волненіяхъ въ царствѣ Польскомъ, было признано нужнымъ выказать необычайную строгость. Несчастные юноши были разстрѣляны въ Новогеоргіевской крѣпости. Нѣкоторые изъ товарищей разстрѣлянныхъ, подчиняясь побужденіямъ сердца, отслужили панихиду. Такому поступку было придано политическое значеніе и виновные понесли тяжкія наказанія. Одинъ изъ участниковъ панихиды, поручикъ 6-го стрѣлковаго баталіона О—въ, сидя долгое время въ казематахъ, велъ дневникъ, переданный теперь въ наше распоряженіе. Дневникъ этотъ, веденный урывками, подъ страхомъ быть каждую минуту обнаруженнымъ, конечно, не имѣетъ литературной обработки и отражаетъ на себѣ тогдашнее душевное настроеніе и взгляды автора, который, естественно, не могъ сохранить при такихъ обстоятельствахъ хладнокровія и безпристрастія, но, не смотря на это, въ дневникѣ находится немало любопытныхъ свѣдѣній. Считаемъ необходимымъ оговорить, что, печатая дневникъ, мы, по разнымъ соображеніямъ, должны были сдѣлать въ немъ значительные пропуски.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЪ ДЕСЯТОМЪ ПАВИЛЬОНѢ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЦИТАДЕЛИ.

I

Арестъ.

24-го іюня 1862 года, нѣсколько офицеровъ, въ числѣ которыхъ находился и я, уговорили священника Виноградова отслужить панихиду по разстрѣляннымъ товарищамъ своимъ, офицерамъ 4-го стрѣлковаго баталіона—Сливицкомъ 2-мъ и Иванѣ Арнгольдтѣ.

Походная церковь Ладожскаго пѣхотнаго полка, расположенная на „Повонзкахъ" (что подъ Варшавою), едва вмѣщала насъ. Духота была страшная. Открыть же полы палатки не рѣшались—хотѣли помолиться келейно, такъ какъ наканунѣ еще корпусный командиръ, генералъ Хрулевъ, до котораго дошелъ слухъ о затѣваемой панихидѣ, грозилъ „стрѣлять" въ тѣхъ, которые дерзнули бы сдѣлать это открыто.

Помолились тихо и также тихо разошлись.

Въ 7 часовъ вечера я зашелъ къ одному офицеру 7-го стрѣлковаго баталіона, корпусному товарищу.

— Слышалъ? встрѣтилъ онъ меня встревоженно.—Когда Виноградовъ возвращался съ панихиды, нашъ аудиторъ Некрасовъ и одинъ капитанъ нашего же баталіона пошли на встрѣчу ему и посовѣтовали немедленно донести Хрулеву на тѣхъ, которые просили отслужить панихиду. При этомъ Некрасовъ прибавилъ, что въ случаѣ розыска распорядителя—укажетъ на тебя... Кажется, не миновать тебѣ цитадели.

Обойдя еще нѣсколько офицерскихъ бараковъ, я съ двумя пріятелями поѣхалъ въ „Огрудекъ къ Мейзеру". [1]) Не успѣли мы пройтись по тѣснымъ аллеямъ его, какъ наткнулись на ординарца Хрулева, поручика Розова, видимо искавшаго кого-то.

— Позвольте васъ арестовать, сказалъ онъ, вперивъ въ меня холодный взглядъ.

— Покажите предписаніе.

— Вотъ-съ, извольте.—И онъ поднесъ къ моимъ глазамъ бумагу, не давая ее мнѣ въ руки.

Пробѣжавъ предписаніе, я хотѣлъ переговорить съ своими товарищами, которые окружили насъ, но Розовъ съ важностью замѣтилъ, что теперь разговаривать со мною никто не имѣетъ права, и попросилъ меня слѣдовать за собою.

— Тутъ адъютантъ вашего баталіона, прапорщикъ Шелихъ,—

---

[1]) Въ Варшавѣ при нѣкоторыхъ кафе-ресторанахъ есть садики—„огрудки", гдѣ иногда играетъ музыка и всегда можно поѣсть, напиться чаю и пр. Офицеры съ „Повонзокъ" наичаще посѣщали кафе-ресторанъ Мейзера.

также пріѣхалъ розыскивать васъ, проговорилъ онъ, всматриваясь впередъ.

Шелиха нашли мы у оркестра и всѣ трое направились къ выходу, гдѣ поджидали насъ два верховыхъ казака и извощичій фаэтонъ.

— Позвольте вашу саблю, сказалъ Розовъ, усаживаясь со мной въ фаэтонъ.

— На эти формальности будетъ еще время, отвѣтилъ я.

Онъ велѣлъ ѣхать шагомъ. Одинъ казакъ, уступивъ свою лошадь Шелиху, вскочилъ на козлы къ кучеру, другой слѣдовалъ за нами.

— Вѣроятно, вы везете меня въ цитадель? спросилъ я Розова.

— Нѣтъ, на Повонзки. Вѣроятно, васъ продержатъ день подъ арестомъ и—выпустятъ... И нужно жъ было вамъ служить панихиду! Вѣдь это одно фатовство.

— Оставайтесь при своемъ убѣжденіи.

Далѣе мы ѣхали молча.

За Повонзковскою заставою извощикъ остановился передъ „царскимъ баракомъ". На крыльцо безъ шапки вышелъ генералъ-маіоръ Менгденъ—начальникъ войскъ, расположенныхъ на Повонзкахъ.

— Поручика О—ва привезъ, ваше превосходительство, доложилъ Розовъ.

Генералъ пригласилъ насъ рукой слѣдовать за собою.

Вхожу въ залу и вижу тамъ священника Виноградова, блѣднаго, съ горящими глазами. Неожиданное появленіе мое и смутило его, и обрадовало. Генералъ молча указалъ ему глазами на меня. Тотъ какъ-то судорожно кивнулъ въ отвѣтъ головою.

— Да, это я былъ на панихидѣ, возбужденно заговорилъ я, не дожидая вопроса.—Я изъявилъ желаніе помолиться за тѣхъ, которые заслуживаютъ сожалѣнія. Меня удивляетъ только, зачѣмъ онъ служилъ панихиду, если сейчасъ же и донесъ на насъ?!

Генералъ возразилъ, что можно было бы и дома помолиться за нихъ. На это я промолчалъ и, обратившись къ Виноградову, спросилъ, такъ ли акуратно онъ возвратилъ деньги за панихиду, какъ донесъ на насъ.

— И деньги отдалъ, отвѣтилъ тотъ, смутившись еще болѣе.

Генералъ знакомъ руки вызвалъ Розова въ переднюю и, вернувшись минуты черезъ двѣ, кивнулъ мнѣ головою на дверь: можете молъ, отправляться съ Розовымъ.

Сѣли въ тотъ же фаэтонъ и въ сопровожденіи тѣхъ же казаковъ поѣхали... въ „Александровскую варшавскую цитадель..."

Было уже темно, когда мы остановились у подъѣзда комендантскаго дома. Тутъ сказали, что комендантъ, генералъ-маіоръ Ермоловъ, еще въ комиссіи, засѣдающей въ десятомъ павильонѣ.

— Пойдемте, обратился ко мнѣ Розовъ, вылѣзая изъ фаэтона.

Впереди насъ шла какая-то темная фигура, сзади—казаки.

— Кто идетъ? окликнулъ часовой у желѣзныхъ воротъ и, удовле-

творенный отвѣтомъ провожатаго, впустилъ насъ. Черезъ нѣсколько шаговъ—опять ворота, но уже запертыя: они непосредственно ведутъ въ такъ называемый десятый павильонъ. На легкій стукъ Розова открылось круглое окошечко въ нихъ и кто-то, вѣроятно караульный жандармъ, проговорилъ: „подите, сейчасъ самъ генералъ выдетъ".

Дѣйствительно, минутъ черезъ десять ворота отворились и Ермоловъ, въ сопровожденіи какого-то полковника (коменданта форта Сливицкаго, что на противоположномъ берегу Вислы, какъ я потомъ узналъ), подошелъ къ намъ.

— Кто такой?

— Привезъ поручика О—ва къ вашему превосходительству, отвѣтилъ Розовъ.

— Я никакихъ свѣдѣній о поручикѣ О—вѣ не получалъ!

— Вѣроятно, вашему превосходительству послана особая бумага насчетъ ареста поручика, а я имѣю, кромѣ того, предписаніе; вотъ-съ оно.—И Розовъ вручилъ ему пакетъ.

Ермоловъ, не проронивъ ни слова, пошелъ дальше.

— Отведите пока поручика на Александровскую гауптвахту, распорядился полковникъ и поспѣшилъ за комендантомъ.

Меня отвели и заперли.

Черезъ полчаса Ермоловъ прислалъ за мною.

— Садитесь, указалъ онъ мнѣ на кресло, слегка кивнувъ головой, и продолжалъ писать что-то.—За что васъ велѣно посадить?

— За панихиду.

Продолжительная пауза.

— Къ Жучковскому! передалъ онъ бумагу писарю, кончивъ писать, и раскланялся со мною.

„Къ Жучковскому! къ Жучковскому!" звучало въ моихъ ушахъ возмутительно непріятно. О Жучковскомъ, властвовавшемъ въ десятомъ павильонѣ, куда сажали только важныхъ политическихъ преступниковъ, ходило немало ужасныхъ слуховъ.

Когда мы подошли къ вышеупомянутымъ запертымъ массивнымъ деревяннымъ воротамъ, я вспомнилъ надпись надъ вратами ада „Данта" и громко произнесъ: „Оставь надежду навсегда!"

На стукъ Розова, въ окошечко выглянула та же усатая физіономія, пробурчала что-то и опять скрылась. Писарь пошелъ въ правый флигель, расположенный около десятаго павильона, вызвалъ жандармскаго вахмистра и сообщилъ о распоряженіи коменданта. Тотъ постучался въ окошечко и немедленно былъ впущенъ. Прошло четверть часа; ворота опять заскрипѣли.

— Пожалуйте, проговорилъ вахмистръ.

— А я уже сдалъ своего, шепнулъ Розову столкнувшійся съ нимъ другой ординарецъ Хрулева, корнетъ Сироткинъ.

— Г—скаго-Д—ча?

— Да...

Ворота захлопнулись за нами.

Темною лѣстницей поднялись мы въ чуть освѣщенный однимъ фонаремъ коридоръ. Длинные ряды замкнутыхъ нумеровъ, жандармы и часовые, особенный запахъ и мертвая тишина, мрачно подѣйствовали на меня: я почувствовалъ себя оторваннымъ отъ чего-то дорогаго, роднаго—отъ жизни! Въ это время изъ ближайшаго нумера вышелъ пожилой жандармскій капитанъ. Внутренній голосъ сказалъ мнѣ: вотъ твой опекунъ, Жучковскій. (И теперь еще эта фамилія бросаетъ меня въ дрожь).

— Мое почтеніе-съ, произнесъ онъ необычайно нѣжно, съ какою-то сладкою улыбкою, оглядывая меня.—Какъ ваша-съ фамилія?

— Поручикъ О—въ.

— Сдѣлайте одолженіе, подождите вотъ въ этомъ покоѣ, указалъ онъ на сосѣдній съ тѣмъ, изъ котораго вышелъ;—я сейчасъ кончу одно дѣло.

Я вошелъ, дверь затворилась.

— Прощайте, послышался за нею голосъ Розова.

Спустя минутъ двадцать, вахмистръ повелъ меня въ „канцелярію“.

За большимъ столомъ сидѣлъ надъ толстою шнуровою книгою вооруженный серебряными очками Жучковскій; въ сторонкѣ стоялъ какой-то плотный субъектъ въ синемъ нанковомъ сюртукѣ безъ погонъ.

— Вы, пожалуйста, извините, заговорилъ первый, не отрывая глазъ отъ книги и уже безъ улыбочки;—у насъ такой порядокъ, такой законъ, чтобы осматривать поступающихъ сюда. Пожалуйста, потрудитесь раздѣться.

Я снялъ съ себя все, кромѣ бѣлья. Субъектъ въ нанковомъ сюртукѣ началъ привычно ощупывать мой костюмъ по порядку; отыскалъ деньги, спрятанныя мною дорогой въ обшлагъ пальто, отыскалъ ножичекъ, и когда вынулъ изъ кармана и положилъ на столъ портъмоне, набитое разнаго рода невинными замѣтками,—маленькіе глаза Цербера (такова была кличка, данная Жучковскому) разгорѣлись. Съ какою-то жадностью пересматривалъ онъ каждую бумажку и затѣмъ тщательно вписывалъ въ книгу... Но, увы! поиски были неудачны; глаза опять потухли, по лицу разлилось неудовольствіе.

— Вы изъ корпуса? спросилъ онъ меня, снимая очки.

— Да.

— Какого?

— Началъ въ Новгородскомъ, кончилъ въ Константиновскомъ.

— Я и самъ имѣю въ корпусѣ двухъ сыновей, растянуто произнесъ онъ въ глубокой задумчивости. И эта дума отразила на его лицѣ что-то человѣческое; но это былъ одинъ только моментъ.

— Вообразите, заговорилъ я,—какъ неожиданно арестовали меня! Гулялъ у Мейзера, и вдругъ...

— Какъ вдругъ арестовали, такъ вдругъ и выпустятъ, перебилъ онъ меня, дѣлая удареніе на слова „арестовали“ и „выпустятъ“...—

Если вамъ что понадобится, то вы только постучитесь въ дверь, закончилъ онъ и поклонился.

Я вышелъ за вахмистромъ, и только что перешагнулъ порогъ указаннаго мнѣ нумера, какъ дверь за мной захлопнулась и щелкнулъ замокъ. Было уже три часа пополуночи. Утомленный, я быстро уснулъ... Вдругъ слышу грубо-повелительный голосъ: „Нехъ панъ встае—прендзей, прендзей!" [1]) Открываю глаза—на порогѣ стоитъ вахмистръ:

— Прендзей, прендзей!

Я удивленно таращу на него глаза и безпрекословно одѣваюсь.

— Не нужно, ваше благородіе,—оставайтесь, махнулъ онъ рукой, пошептавшись съ дежурнымъ жандармомъ.

Дверь захлопнулась. „Вѣрно—ошибка", подумалъ я и снова заснулъ какъ убитый.

— Какъ спали?.. Какъ ваше здоровье?..

Съ-просонья я не могъ вдругъ дать себѣ отчета—гдѣ я? и смотрѣлъ удивленными глазами на Жучковскаго, задававшаго мнѣ эти вопросы.

— Вы не хотите отвѣчать?

— Здоровъ, отвѣтилъ я, и попросилъ позволенія курить.

Жучковскій сказалъ, что спроситъ объ этомъ коменданта, и вышелъ. Онъ ежедневно по утрамъ обходилъ съ бумажкою и огрызкомъ карандаша въ рукахъ всѣхъ заключенныхъ, и тѣхъ, у кого были деньги, конечно отбираемыя при осмотрѣ, и кому разрѣшено было курить,—спрашивалъ: „что желаете купить?" у прочихъ же имѣлъ обыкновеніе справляться о здоровьи.

Черезъ нѣсколько времени инвалидъ въ засаленномъ до-нельзя кепи, подъ наблюденіемъ жандарма, принесъ въ маленькомъ, въ $1^1/_2$ стакана, каменномъ кувшинчикѣ „кава" (кофе) съ тремя миніатюрными, твердыми какъ камень, круглыми булочками.

Послѣ этого отвратительнаго „кава", я занялся разсматриваніемъ своей конурки, въ 7 шаговъ длины и 6 ширины. Зеленыя стѣны исписаны, изцарапаны. Много было тутъ фамилій, но одна удивила меня: „Kozyracka, pana, ma lat 16" (дѣвица Козырацкая, 16-ти лѣтъ). Неужели и это молодое, неопытное созданіе могло совершить какое либо важное политическое преступленіе?!.. Окно, кромѣ чуть-чуть открытой снизу вверхъ жестяной форточки вверху, тоже густо замазано зеленою краской; за нимъ мелкая желѣзная рѣшетка. Въ дверяхъ круглое стеклышко съ жестяною заслонкой снаружи, и жандармъ частенько отодвигаетъ ее, „чтобы наблюсти за вами". Койка (съ тюфячкомъ, грубою простыней и подушкой) и маленькій засаленный столикъ, да табуретка, на которую по утрамъ становилась

---

[1]) Вставайте—скорѣе, скорѣе!

глиняная или деревянная миска и бутылка съ водой для умыванія— вотъ и вся обстановка. Полутьма и спертый воздухъ были слишкомъ ощутительны, чтобы не соблазниться форточкой, и я по столу взлѣзъ на подоконникъ, приподнялся до послѣдней возможности и увидѣлъ на маленькомъ, замкнутомъ (съ трехъ сторонъ десятымъ павильономъ въ видѣ буквы п, а съ четвертой—высокимъ деревяннымъ заборомъ) дворикѣ двухъ штатскихъ, которые подъ присмотромъ жандарма и двухъ часовыхъ прохаживались по аллеѣ изъ грушъ и яблонь. Эта аллея тянулась по всему дворику (въ 50 шаговъ дл.), но арестованные доходили только до голубятни, возвышавшейся по серединѣ ея, и—назадъ. Минутъ черезъ десять ихъ увели, а еще черезъ пять привели другихъ двухъ: офицера и какого-то штатскаго. Не успѣлъ я всмотрѣться въ послѣдняго, какъ вдругъ раздался сильный стукъ въ двери; оборачиваюсь—въ окошечкѣ блестятъ глаза, спускаюсь на полъ—дверь распахивается и на порогѣ появляется багровый отъ бѣшенства Жучковскій.

— У насъ окна не для того, чтобы лазить! Я отберу у васъ и койку, и столъ!! Непремѣнно отберу, если еще разъ увижу на окнѣ! проговорилъ онъ, точно получилъ кровную обиду, и скрылся.

Но что же дѣлать? Тоска страшная!.. Походилъ я изъ угла въ уголъ, пока не закружилась голова, потомъ началъ по примѣру предшественниковъ, вырѣзать на дверяхъ фамилію свою, потомъ памятникъ Сливицкому и Арнгольдту. Инструментомъ служилъ мнѣ штифтикъ отъ пряжки брюкъ.

Въ 12 час. пополудни принесли обѣдъ безъ ножа и вилки; ложка— деревянная. Первое блюдо—„крупникъ" (супъ), вѣрнѣе—мутная теплая водица, съ двумя тоненькими претоненькими, отдающими всѣми цвѣтами радуги ломтиками до-нельзя вывареннаго мяса; второе—„французскій красный соусъ" или, точнѣе, поджаренная вода съ мукой и лукомъ; третье—„жаркое", такое жъ, какъ и въ супѣ мясо, только еще болѣе высушенное, и четвертое—вареная морковь. Все это было приготовлено такъ безвкусно и грязно, что я, несмотря на сильнѣйшій аппетитъ, могъ проглотить только нѣсколько ложекъ „крупника" и охотно промѣнялъ бы эту стряпню Жучковскаго на тарелку солдатскихъ щей. А между тѣмъ, на содержаніе заключенныхъ въ десятомъ павильонѣ отпускалось не мало: на меня 45 коп. въ день, на штатскихъ—по 35 коп., помимо какихъ-то добавочныхъ денегъ отъ города. Иногда обѣдъ разнообразился: вмѣсто „крупника" подавались сѣрыя щи, или подобіе борща; вмѣсто моркови—рѣпа, вареная кислая капуста, каша, или очищенная картошка, съ грязными отпечатками пальцевъ.

Все время послѣ обѣда я провозился съ памятникомъ; работа шла медленно, ибо жандармъ поминутно заглядывалъ въ окошечко.

Я уже ложился спать, когда Жучковскій прислалъ мнѣ папироску, отобранную отъ меня вчера при осмотрѣ; значитъ, курить мнѣ разрѣшено.

Дѣйствительно, утромъ (26 іюня) онъ, послѣ обычныхъ, стереотипныхъ фразъ: „День добрый; какъ ваше здоровье?"—спросилъ: „не желаете ли чего?"

— Пачку крѣпкихъ папиросъ.

— Хорошо... Еще?

— Нельзя ли книгу какую нибудь, или пера, бумаги...

— Этого нельзя,—и онъ, повернувшись круто, изчезъ.

Этого нельзя, того нельзя, въ окно смотрѣть нельзя, въ комиссію не зовутъ. Что же дѣлать одному, взаперти, при такой обстановкѣ? Что я буду дѣлать сегодня, завтра, мѣсяцъ, и Богъ знаетъ сколько еще времени? тревожно и желчно размышлялъ я, шагая послѣ обѣда по своему склепу. Мало-по-малу тревога и желчь улеглись; ихъ смѣнила дума о будущемъ... Блеснула надежда—этотъ вѣрнѣйшій другъ человѣка, не покидающій его въ самомъ безвыходномъ положеніи, и воображеніе мое тихо перелетѣло въ кружокъ друзей...

— Извольте одѣваться, точно рѣзнулъ меня чей-то голосъ. Я вздрогнулъ, обернулся,—вахмистръ подаетъ пачку папиросъ и повторяетъ:—извольте одѣваться.

— Куда?

— Въ другой „покой" пойдемте.

Обрадовался—хоть по коридору пройдусь. За мной послѣдовала и койка. Новый „покой" оказался ни чуть не лучше; только стѣны его были больше изцарапаны. Началъ читать. Все польскія фамиліи... Нѣтъ, вотъ Монастырскій—мой товарищъ по баталіону, арестованный раньше, по другому дѣлу; вверху—ноты. „Артистъ—вездѣ остается артистомъ", подумалъ я и сталъ всматриваться въ одну зачеркнутую фамилію... Сливицкій 2-й?!. Такъ вотъ гдѣ сидѣлъ Сливицкій! Горечью отозвалось въ душѣ воспоминаніе о немъ...

Вырѣзалъ я и тутъ памятникъ юнымъ энтузіастамъ... Потомъ постучалъ отъ скуки въ боковую стѣну; черезъ минуту раздался отвѣтный стукъ. Какъ я обрадовался, что хоть за стѣной есть живой человѣкъ! Бѣдный, онъ также томится... А, можетъ быть, свыкся съ своимъ положеніемъ? Постучалъ еще, жадно прислушиваясь, но отвѣта не послѣдовало. Вкарабкался на окно. Вдругъ слышу, что кто-то точно силится отодвинуть заслонку въ дверномъ окошечкѣ—стремительно назадъ, но, увы! ступилъ ногой на край стола, и онъ, вмѣстѣ съ стаканомъ и бутылкою съ водой, полетѣлъ на полъ, а за нимъ, конечно, и я. „Ну—думаю—доставилъ случай Жучковскому пожить нѣсколько минутъ", и взглянулъ на окошечко,—улыбается кто-то. Это былъ дежурный жандармъ, какъ оказалось потомъ—самый лучшій и добрѣйшій изъ своей всей братіи для заключенныхъ. Есть много человѣчныхъ жандармовъ, но немало и такихъ, которые имѣютъ всѣ права называться чадами Жучковскаго.

Черезъ день (28-го іюня) этотъ самый жандармъ, войдя ко мнѣ послѣ обѣда, съ тою же свѣтлою улыбкой, разливавшеюся по лицу, проговорилъ: „Извольте одѣваться на шпацеръ“ (на прогулку).—Какой сюрпризъ! Почти бѣгомъ пустился я по коридору, но жандармъ, опередивъ меня, слегка сдержалъ мой порывъ. Сзади шли двое часовыхъ изъ армейскихъ... Только десять минутъ дали подышать воздухомъ, и—„домой“. На лѣстницѣ увидѣлъ я кошку—обрадовался ей, взялъ на руки, принесъ въ нумеръ и удивился... смѣлости жандарма, позволившаго кошкѣ быть глазъ на глазъ съ преступникомъ—говорю это не шутя. Впрочемъ, не прошло и двухъ минутъ, какъ на зовъ своихъ подругъ она, царапнувъ меня по рукѣ, прыгнула на окно, отсюда въ форточку и скрылась.

II.

Слѣдствіе.

29-го іюня. Входитъ Жучковскій.

— День добрый. Не желаете ли чего?

— Сегодня я имянинникъ, а поэтому прошу купить мнѣ обѣдъ изъ трактира—вашего есть не могу,—да бутылку хорошаго вина.

— А—а, вы имянинникъ... Какой вы губерніи?

— Петербургской, нарочно сказалъ я.

Онъ помолчалъ и вышелъ.

Послѣ его посѣщеній я всегда чувствовалъ себя нехорошо, точно принялъ порядочную дозу микстуры самаго отвратительнаго вкуса и запаха.

Черезъ часъ является вахмистръ.

— Извольте одѣваться.

Полагая, что на прогулку, я надѣлъ пальто и хотѣлъ идти безъ кепи.

— Извольте шапку взять и одѣться совсѣмъ.

— Зачѣмъ?

— Въ комиссію поѣдете.

Обрадовался: наконецъ-то началось дѣло, а на него я смотрю теперь легко...

Въ коридорѣ меня встрѣтилъ какой-то подполковникъ, и наилюбезнѣйше справившись о благосостояніи моей особы, пригласилъ съ собою.

„Кажется, порядочный человѣкъ“, подумалъ я.

Вышли за ворота десятаго павильона, гдѣ поджидалъ насъ извощичій фаэтонъ. Сѣли только вдвоемъ и поѣхали безъ конвоя. Право, точно нѣсколько лѣтъ былъ взаперти — такую для меня прелесть имѣлъ міръ Божій.

— Куда это мы ѣдемъ?

— На Повонзки. Тамъ засѣдаетъ слѣдственная комиссія.

Втеченіе всей дороги, Амосовъ—такъ звали подполковника—не переставалъ вызывать меня на разговоръ о панихидѣ, и „искренно" высказался, что онъ на это дѣло смотритъ очень легко, что, вѣроятно, меня „выпустятъ" очень скоро, и т. под. Я все это принималъ за чистую монету, отвѣчалъ коротко, но довольно откровенно, впрочемъ нѣсколько остерегался этого, какъ потомъ оказалось, порядочнаго гуся.

Наконецъ, за „царскимъ баракомъ", передъ деревяннымъ домомъ, стоявшимъ на большой дорогѣ совершенно особнякомъ, мы остановились. По открытому двору его прохаживалось нѣсколько артиллерійскихъ офицеровъ. Въ первой комнатѣ вокругъ столовъ сидѣли и что-то писали тоже артиллеристы, бывшіе на панихидѣ.

— Что вы дѣлаете? спросилъ я двухъ пріятелей.

— А вотъ, всѣмъ намъ дали „запросные пункты"...

Въ это время вошелъ генералъ-лейтенантъ Гечевичъ, въ качествѣ президента назначенной по этому дѣлу слѣдственной комиссіи.

— Здравствуйте, обратился онъ ко мнѣ.—Вамъ дадутъ запросные пункты,—пожалуйста, напишите все откровенно, чтобы потомъ не безпокоить васъ вторично запросами.

— Генералъ, я объясню здѣсь то, что сказалъ генералу Менгдену.

Онъ поклонился и вышелъ; аудиторъ подалъ мнѣ листъ съ вопросами. На наиважнѣйшіе изъ нихъ—съ какою цѣлью панихида была устроена, кто былъ распорядителемъ, и почему она совершалась именно въ тотъ день, когда назначено было молебствіе о чудесномъ избавленіи намѣстника царства Польскаго, великаго князя Константина Николаевича, отъ угрожавшей ему опасности,—я отвѣчалъ, что, пріѣхавъ 24 іюня на Повонзки изъ города (гдѣ жилъ, какъ прикомандированный къ корпусному штабу, для вторичнаго поступленія въ военную академію генеральнаго штаба) и увидавъ передъ бараками священника Виноградова, окруженнаго офицерами, подошелъ къ нему—разговоръ шелъ о панихидѣ; я вспомнилъ о своихъ разстрѣлянныхъ товарищахъ и попросилъ его отслужить по нимъ панихиду; распорядителя же—не знаю. Далѣе, на вопросъ—кто отдавалъ священнику деньги (25 рублей) за панихиду? отвѣтилъ: я,—и пояснилъ это обстоятельство довольно въ шутливомъ тонѣ, полагая, что тѣмъ дѣло и кончится. Но это было только начало: гроза еще только собиралась на горизонтѣ моей молодой, безпечно-бурной жизни.

Отдавъ аудитору исписанный листъ, я вышелъ на дворъ и разговорился съ товарищами, выражавшими самое глубокое участіе ко мнѣ. Нѣкоторые незнакомые артиллеристы спрашивали другихъ: „который О—въ?.." Это любопытство нѣсколько удивляло меня, но было пріятно моему самолюбію; можетъ быть они и слышали что нибудь обо мнѣ, но вѣроятно не дурное, и можетъ быть не по поводу панихиды.

Въ это время Амосовъ привезъ изъ цитадели поручика 5-го стрѣлковаго баталіона, Г—скаго-Д—ча, и откуда-то привели его четырехъ

юныхъ товарищей, арестованныхъ тоже за участіе „въ политической демонстраціи“, какъ окрестили власти нашу скромную панихиду. Всѣхъ ихъ усадили за „запросные пункты“. Улучивъ минуту, я подошелъ къ Г—скому.

— Ну, попъ! проговорилъ онъ блѣднѣя.

— Да.

— Когда Сироткинъ арестовалъ меня и мы уже садились въ экипажъ,—онъ подбѣгаетъ къ намъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, умоляетъ: „Бога ради возьмите меня съ собою! Теперь темно—боюсь, чтобъ не убили офицеры. Они непремѣнно убьютъ меня!“ Сироткинъ взялъ его и говоритъ мнѣ: „ну, если бъ я зналъ, кто заказывалъ панихиду, или видѣлъ, какъ кто заказывалъ! Взялъ бы этого господина безъ церемоніи за шиворотъ и притащилъ бы куда слѣдуетъ... Вѣдь я многимъ обязанъ правительству и совѣсть моя заставляетъ меня такъ дѣйствовать.

Въ 4 часа по полудни Амосовъ отвезъ меня и Г—скаго обратно въ десятый павильонъ, а въ 9 часовъ утра на слѣдующій день опять пріѣхалъ за нами. На этотъ разъ онъ „не заглядывалъ намъ въ душу“—всю дорогу промолчалъ.

Увидавъ на дворѣ священника Виноградова, пугливо сторонившагося отъ всѣхъ, я подошелъ къ нему съ нѣсколькими офицерами и шутливо сказалъ:

— Вы попадете туда, иде же...

— Червь не умираетъ и огнь не угасаетъ, докончилъ кто-то.

— Презрѣнный, прошепталъ третій.

Жаль было смотрѣть на „презрѣннаго“—такъ онъ перетрусилъ! Я отвелъ его въ сторону.

— Не сказали ли вы чего нибудь лишняго обо мнѣ?

— Я сказалъ только, что, идя со мною на панихиду, вы говорили о составленной для Польши конституціи, которою поляки недовольны, и о намѣреніи государя дать конституцію и Россіи.

— Только?

— Еще, что, по поводу выстрѣла въ великаго князя Константина Николаевича, вы сказали: „нельзя судить о поступкѣ человѣка, не зная побужденій его къ нему“.

— Только?

— Ей-Богу только.

— Зачѣмъ же вы это приплели къ панихидѣ?

— Да Хрулевъ велѣлъ непремѣнно все сказать и напугалъ меня, покраснѣлъ Виноградовъ.

— Васъ спрашиваютъ, сказалъ, подходя ко мнѣ, какой-то офицеръ, и указывая на аудитора, стоявшаго съ листомъ бумаги на крыльцѣ.

Я поспѣшилъ къ нему.

— Вотъ вамъ еще нѣсколько вопросовъ, подалъ онъ мнѣ бумагу.

Читаю—и не вѣрю глазамъ. Виноградовъ не постыдился показать на меня такія вещи, за которыя—прямая дорога въ Сибирь. По его словамъ, я не только сочувствую, но и принадлежу къ революціонной партіи, выстрѣлъ въ великаго князя Константина Николаевича и пожары въ Петербургѣ—одобряю, и т. п. И откуда онъ это выкопалъ, положительно не зная меня до панихиды?! Очевидно, тутъ дѣйствовало постороннее вліяніе.

Чувство самосохраненія заговорило во мнѣ громко; бѣшенство на доносчика неудержимо рвалось наружу:

— Генералъ! почти крикнулъ я въ сильномъ раздраженіи, входя къ Гечевичу. — Я не буду отвѣчать на эти пункты!.. потому что здѣсь одна ложь... Ложь одна!!. Гдѣ у попа доказательства въ справедливости обвиненій?!.

— Успокойтесь, сказалъ Гечевичъ, съ участіемъ взявъ меня за руку;—васъ никто и не обвиняетъ. Вы напишите прямо, что ничего такого не говорили священнику... если только дѣйствительно не говорили. Успокойтесь же; положите бумагу на столъ, прогуляйтесь, а потомъ—чистосердечно отвѣтьте на пункты.

Я съ бумагою въ рукахъ выскочилъ на дворъ и при всѣхъ сунулъ ее подъ носъ Виноградову:

— Посмотри, что ты такое наплелъ на меня! А еще имѣешь смѣлость называться священникомъ?!. Доносчикъ презрѣнный.

Онъ убѣжалъ и пожаловался на меня.

— Зачѣмъ вы затрогиваете священника, сказалъ мнѣ Гечевичъ.— Помните, что вы арестованы, что вамъ ни съ кѣмъ нельзя говорить. Возьмите бумагу, сядьте... вотъ тутъ—указалъ онъ на пустую комнатку,—и, пожалуйста, сейчасъ же напишите отвѣты.

Пока я отписывался, страшно блѣдный Виноградовъ одиноко сновалъ по сосѣдней комнатѣ и все вздрагивалъ. Это было олицетвореніе трусости во всей ея наготѣ.

Спустя день (2-го іюля), Амосовъ опять пріѣхалъ за мною, на этотъ разъ для очныхъ ставокъ съ Виноградовымъ и Г—скимъ-Д—чемъ. Ничего интереснаго не произошло. На обратномъ пути я высказалъ своему проводнику, что не въ состояніи болѣе сидѣть одинъ въ полутемной конурѣ и что легко могу помѣшаться, если меня не переведутъ къ кому нибудь въ другой нумеръ. Онъ обѣщалъ переговорить съ комендантомъ.

Послѣ обѣда является вахмистръ:

— Положите ваши вещи на кровать—въ другой покой пойдемте.

Въ минуту справился.

Другой „покой", № 36, оказался гораздо свѣтлѣй и больше, по 12 шаговъ въ длину и ширину; но первое что бросилось мнѣ въ

глаза—это ягоды и лимонъ на-окнѣ и нѣкоторыя принадлежности штатскаго костюма на кровати. „Очевидно, здѣсь есть кто-то“, подумалъ я... Вслѣдъ затѣмъ входитъ штатскій—плотный, средняго роста, кланяется и рекомендуется: „Владиславъ Яповичъ“.

— Товарищъ по заключенію?

— Такъ, пане.

Обрадовались другъ другу, разговорились и быстро сошлись,—въ молодости, да еще въ горѣ, люди по большей части очень скоро сходятся.

Шпіоны донесли на Яповича, яко бы онъ тянулъ жребій—кому стрѣлять въ великаго князя Константина Николаевича и участвовалъ въ обществѣ, занимавшемся отправкою молодыхъ людей и политическихъ преступниковъ за-границу. И вотъ, въ ночь (съ 21-го на 22-е іюня) послѣ выстрѣла въ великаго князя Константина Николаевича, когда Яповичъ безмятежно спалъ въ объятіяхъ своей „Юзи“, сильный стукъ въ двери будитъ его,—является комиссаръ и говоритъ: „Вставайте, у васъ домъ горитъ“. Тотъ вскакиваетъ, наскоро одѣвается; входятъ еще двое комиссаровъ, полицейскій офицеръ и нѣсколько полиціантовъ (городовыхъ), осматриваютъ вещи и увозятъ его въ цитадель.—„Можетъ быть, васъ сейчасъ же и отпустятъ... Вѣроятно, не болѣе часу продержатъ и—домой“, утѣшалъ его дорогою комиссаръ.

— А сижу до сихъ поръ, хоть нѣтъ ни одной улики противъ меня! развелъ руками Яповичъ...

Вдругъ что-то громко ударилось объ полъ и откуда-то послышался глухой голосъ. Прислушиваемся, приглядываемся, и наконецъ замѣчаемъ между печкою и стѣной маленькое отверстіе, и тутъ же на полу пробку.

— Коллеги (товарищи)—уже явственно пронеслось изъ отверстія.

Яповичъ наклонился, приставилъ ухо къ нему, потомъ губы, и разговорился.

Оказывается, что по сосѣдству съ нами слѣва сидятъ тоже двое—нѣкто Киржановскій и отставной саперный штабсъ-капитанъ Мицкевичъ; первый—за сотрудничество въ „Колоколѣ“ (въ качествѣ корреспондента) и за революціонную пропаганду; второй—за возбужденіе противъ епископа Фелинскаго въ костелѣ. Кржановскаго выдала нашимъ властямъ сама „делегація“ (временное національное правительство въ Варшавѣ, учрежденное въ бурное время демонстрацій въ 61 г.), говоря, что „если этого человѣка не арестуютъ—спокойствія въ городѣ нельзя ожидать“. Онъ томится здѣсь уже 15-й мѣсяцъ. Тяжела его доля! Только что вернулся, послѣ шестилѣтней ссылки, изъ Сибири, какъ опять лишенъ свободы и уже приговоренъ къ смерти. Теперь пишетъ „протестъ въ свою защиту“ и—надѣется—не безплодно.

Мицкевичъ же вотъ что разсказывалъ о себѣ. Во время демонстраціи противъ Фелинскаго въ костелѣ, онъ, Мицкевичъ, крикнулъ:

„Выходите изъ костела, не слушайте этого лайдака! А кто останется—тотъ врагъ отечества!“ По предварительному уговору, всѣ направились къ выходу, за исключеніемъ нѣскольвихъ женщинъ, которыя начали подходить подъ благословеніе къ „лайдаку“.—„Вы цѣлуете руку этому стороннику русскаго правительства, когда его нужно бить“, обратился онъ къ нимъ, и тутъ же былъ схваченъ переодѣтыми полицейскими, отъ которыхъ хоть и „хорошо отбивался“, но все-таки не миновалъ десятаго павильона. Ему вышло рѣшеніе: „подъ присмотръ полиціи“.

По указанію Кржановскаго, Яповичъ отыскалъ отверстіе въ противоположной стѣнѣ и не замедлилъ войти въ сношеніе съ сидѣвшимъ за нею княземъ Четвертинскимъ. Послѣдній говорилъ, что, по случаю выстрѣла въ великаго князя Константина Николаевича, одновременно съ нимъ посажены въ цитадель: младшій братъ его, Бутный, Дехейдесъ, Шмитдебергъ (еврей) и Яповичъ (съ которымъ я сижу). Комиссія обвиняетъ ихъ въ томъ, что они на квартирѣ у старшаго Четвертинскаго тянули жребій—кому стрѣлять, а также занимались отправкою молодыхъ людей и политическихъ преступниковъ за-границу. Съ ними же былъ арестованъ и самъ стрѣлявшій въ великаго князя, нѣкто Ярошинскій—„челядникъ шевцъ 19-ти лѣтъ, но достаточно образованный и энергичный.

Я сунулъ Четвертинскому нѣсколько папиросъ—ему еще не разрѣшили курить,—и улегся спать, довольный тѣмъ, что теперь будетъ съ кѣмъ коротать время.

На слѣдующій день (3-го іюля)—опять въ комиссію на Повонзки. Получилъ предложеніе немедленно бѣжать за-границу: „все, молъ, готово—нужно только согласіе ваше“.—Отказался на-отрѣзъ. Отыскавъ въ комиссіи одного пріятеля, попросилъ передать по адресу письмо, приготовленное Яповичемъ къ матери еще съ вечера; затѣмъ засѣлъ отписываться на новые запросные пункты: не принадлежу ли я къ революціонной или какой нибудь другой противузаконной партіи, и не получалъ ли изъ Петербурга писемъ политическаго содержанія? Когда кругомъ исписанные листы были сданы аудитору, Гечевичъ объявилъ мнѣ и Г—скому-Д—чу, что насъ еще разъ потребуютъ въ комиссію въ четвергъ, 5-го іюля, и очень любезно раскланявшись, что-то шепнулъ по-французски Амосову. Дорогою послѣдній не въ мѣру залиберальничалъ—мы молчали; тогда онъ заговорилъ о лицѣ, стрѣлявшемъ въ предшественника великаго князя Константина Николаевича, въ генералъ-адъютанта Лидерса. По словамъ его, подозрѣніе падаетъ на отставнаго юнкера Ковальскаго, схваченнаго на желѣзной дорогѣ на другой же день послѣ выстрѣла.

— Этотъ Ковальскій, продолжалъ Амосовъ,—жилъ съ старикомъ отцомъ, у котораго и укралъ нѣсколько тысячъ, вѣроятно, для обез-

неченія себя за-границей... Много уликъ! До выстрѣла его видали въ Саксонскомъ саду въ такомъ точно костюмѣ, какой былъ и на стрѣлявшемъ; вслѣдъ за выстрѣломъ—одинъ казацкій офицеръ видѣлъ, какъ онъ, блѣдный, перепуганный, быстро шелъ изъ сада въ цукерню (кандитерскую)... Вѣдь этакой подлецъ! не рѣшился стрѣлять прямо, а сзади. Мнѣ самъ графъ [1]) говорилъ: „Прогуливаюсь. Вдругъ слышу звукъ взводимаго курка, и — выстрѣлъ; я схватился за карманъ, полагая, что выстрѣлилъ самъ собою мой револьверъ — въ первую минуту не чувствовалъ боли,—но, дотронувшись до уха, увидалъ на рукѣ кровь, обернулся и сказалъ: „подлецъ, трусъ, стрѣляетъ сзади!..“

Но вотъ и десятый павильонъ.

Вечеромъ на слѣдующій день, впервые въ жизни своей, услышалъ звукъ цѣпей.

— Вѣроятно, на Ярошинскомъ, замѣтилъ Яповичъ.

На комъ бы то ни было, но это подѣйствовало на меня сильно. Легъ рано, съ головною болью, а на утро всталъ совершенно больнымъ: боль въ головѣ, тяжесть во всемъ тѣлѣ, въ лѣвомъ боку колетъ.

Въ 11 часовъ утра явился Амосовъ. Отправились.

Ровно въ 12 часовъ Гечевичъ собралъ всѣхъ подслѣдственныхъ офицеровъ въ кружокъ на дворѣ и произнесъ:

— Господа! меня просилъ великій князь передать вамъ, что кто распоряжался панихидой—сознался бы; что онъ извинитъ ему этотъ поступокъ, происшедшій, можетъ быть, изъ христіанскаго побужденія. Господа, я не прошу васъ выдавать своего товарища, но прошу, чтобы онъ самъ вышелъ впередъ; обѣщаю, что ничего ему не будетъ, и я первый протяну ему руку.

Всѣ молчали.

— Жаль, проговорилъ генералъ и раскланялся.

Я до того разболѣлся, что не могъ ходить, и попросилъ Амосова скорѣе ѣхать, предварительно припрятавъ маленькій пакетъ къ Яповичу отъ матери, съ письмомъ, бумагою, ножомъ, сигарою и экземпляромъ прокламаціи.

Спустя пять минутъ, мы уже садились въ экипажъ.

„Не нашли распорядителя—такъ выдумаютъ его; свалятъ все на меня, если везутъ опять въ цитадель“, думалъ я, все болѣе и болѣе разстраиваясь; наконецъ, обращаясь къ Амосову, вспылилъ:

— Вездѣ наказываютъ только тогда, когда убѣдятся въ виновности,—вездѣ, только не у насъ! Да, теперь я самъ на себѣ позналъ, что правосудія у насъ не существуетъ! Скажите, пожалуйста, есть ли улики, что я виновнѣе другихъ? Нѣтъ! Между тѣмъ меня держатъ въ десятомъ павильонѣ, какъ государственнаго преступника. Вы говорили, что насъ не замедлятъ выпустить, ну, что же?..

---

[1]) Лидерсъ былъ возведенъ въ графское достоинство за нѣсколько дней до выстрѣла въ него.

Впродолженіе моего желчнаго монолога подполковникъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, но послѣдняя фраза задѣла его за живое.

— Да чѣмъ же я виноватъ?! запѣнился было онъ и вдругъ стихъ;— о васъ опять напишутъ. Писали Рамзаю [1]), но онъ отвѣтилъ, что не имѣетъ права выпустить васъ: не онъ посадилъ. Ну, что жъ намъ дѣлать?

Доѣхали молча.

По моей просьбѣ, Амосовъ сказалъ Жучковскому, что я сильно боленъ, но въ госпиталь идти не хочу, почему и просилъ позвать доктора и, если можно, отпускать мнѣ госпитальную пищу.

Черезъ часъ явился докторъ, пораспросилъ, осмотрѣлъ и рѣшилъ, что у меня „сильное нервное разстройство“, происшедшее отъ недостатка воздуха и, вообще, отъ моего настоящаго положенія.

— О которомъ вы, вѣроятно, много думаете, добавилъ онъ.

— Не подѣйствовалъ ли на меня звукъ цѣпей?

— И это могло повліять. Какъ только я поступилъ сюда, продолжалъ докторъ,—сталъ наблюдать больныхъ и замѣтилъ, что почти всѣ заключенные здѣсь испытываютъ такую же болѣзнь, какая теперь у васъ. Но я вамъ пропишу противъ этой, такъ называемой мною, „мѣстной болѣзни десятаго павильона“ хорошее средство.

Когда докторъ ушелъ, я передалъ Яповичу посылку. Увидавъ прокламацію, онъ удивился моей смѣлости, съ большими предосторожностями прочелъ самъ и потомъ передалъ ее для прочтенія сосѣдямъ, послѣ чего сжегъ ее и пепелъ разметалъ по комнатѣ.

Этотъ добрый человѣкъ почти всю ночь просидѣлъ у меня на кровати. На другой день я чувствовалъ себя настолько хорошо, что уже не принималъ лекарства и только вмѣстѣ съ товарищемъ попросилъ Жучковскаго покупать намъ вино, закуски и трактирный обѣдъ, конечно, на наши деньги.

— Хорошо, согласился тотъ подумавъ немного, и согласился не потому, что могъ бы не присылать намъ своего обѣда и, такимъ образомъ, пользоваться львиною долею нашего содержанія, но по какимъ нибудь инымъ соображеніямъ, ибо иначе не отказывалъ бы въ этомъ другимъ заключеннымъ, говоря: „и мой крупникъ здоровъ, вкусенъ“.

Вечеромъ Кржановскаго перевели въ другой нумеръ, а Мицкевича отправили съ жандармами въ деревню къ роднымъ. Вмѣсто нихъ очутились молодые люди—Матьевскій, 19-ти лѣтъ, и Бутный—очень сообщительный, веселый малый, о которомъ упоминалъ Четвертинскій, тоже переведенный сегодня куда-то внизъ, „въ цитадельные казематы“.

Матьевскій посаженъ по случаю послѣдняго выстрѣла въ маркиза

---

[1]) Генералъ Рамзай только-что пріѣхалъ въ Варшаву на новый постъ начальника военнаго округа.

Велепольскаго. Кто стрѣлялъ въ него теперь—онъ не знаетъ, но въ первый разъ — Людвигъ Рыль, который и повѣшенъ вмѣстѣ съ какимъ-то „жонцомъ“, тоже стрѣлявшемъ въ означеннаго маркиза.

Бутный уже вторично сидитъ въ десятомъ павильонѣ. Онъ незамедлилъ передать намъ черезъ отверствіе бумажку съ алфавитомъ для „пуканья“, т. е. разговора посредствомъ стука въ полъ и стѣны. Вотъ этотъ алфавитъ:

. .	. ..	. ...	. ....	. .....
a	b	c	d	e
.. .	.. ..	.. ...	.. ....	.. ..
f	g	h	i	j
... .	... ..	... ...	... .	... .
k	l	m	n	o
.... .	.... ..	....	....	....
p	r	s	t	u
..... .	....	....		
w	y	z		

Польская азбука разбита на 5 рядовъ, въ каждомъ (за исключеніемъ послѣдняго) по 5 буквъ. Точки надъ ними означаютъ число ударовъ въ стѣну пальцемъ или палочкой, безостановочно въ горизонтальномъ направленіи и съ нѣкоторымъ перерывомъ—въ вертикальномъ. Напримѣръ, я желаю сказать сосѣду: dzien dobry (добрый день). Буква d — въ первомъ ряду на 4-мъ мѣстѣ, слѣдовательно, нужно стукнуть разъ (т. е. показать рядъ, въ какомъ находится буква), и послѣ краткой паузы — безостановочно еще четыре раза (т. е. показать мѣсто ея въ ряду); буква z — въ 5 ряду, на 3 мѣстѣ, слѣдовательно, нужно безостановочно стукнуть пять разъ (т. е. показать рядъ, въ какомъ находится буква), и послѣ краткой паузы—безостановочно еще три раза (т. е. показать мѣсто ея въ ряду) и т. д. Первый стукъ показываетъ, въ какомъ ряду находится буква, второй—мѣсто ея въ этомъ ряду. Запретное искусство бесѣдовать посредствомъ стука (пуканья) усвоивается такъ легко, что новичекъ на другой день уже обходится безъ справокъ съ бумажкой.

Съ сегоднишняго дня я началъ отъ скуки учиться по-польски, главнымъ образомъ по книжкамъ, выдаваемымъ Яповичу изъ здѣшней библіотеки. Эта библіотека состоитъ исключительно изъ пожертвованныхъ разными лицами (больше—сидѣвшими тутъ же) польскихъ книгъ.

Вечеромъ вылѣпилъ изъ хлѣба шахматы, высушилъ ихъ и поло-

вину покрылъ стеариномъ, другую—вымазалъ жженою пробкою. Ничего, играть можно.

5-го іюля Жучковскій разсердился на Яповича за то, что онъ на одной книжкѣ написалъ свою фамилію.

— Больше не просите читать!.. Вы думаете, что я не пересматриваю книгъ; нѣтъ, я по цѣлымъ ночамъ перелистываю ихъ,—каждую страничку просмотрю...

— Позвольте мнѣ книгу, прошу его.

— Русскихъ нѣтъ, а польскихъ—нельзя: вы будете ему давать.

Такъ и не далъ. Положительно нечѣмъ занять мозгъ! Только и есть развлеченіе, что поиграешь нѣсколько минутъ въ „шахи" (шашки), урывками „попукаешь", да погуляешь (и то не каждый день) 10—15 минутъ. Впрочемъ, продолжительность прогулки много зависитъ отъ жандармовъ: дашь имъ папиросъ и мяса (отъ казеннаго стола)—случалось, и съ часъ погуляешь, не дашь—больше десяти минутъ не разсчитывай. О, деньги! чего не дѣлаете вы!

На слѣдующій день (16 іюля) Яповичу въ первый разъ дозволили видѣться съ матерью,—вотъ счастливецъ! Эти свиданія происходятъ по понедѣльникамъ, въ особой комнатѣ, перегороженной до верху деревянною рѣшеткой; съ одной стороны стоятъ посѣтители, не болѣе двухъ за разъ, подъ наблюденіемъ стараго чиновника—низенькаго, черненькаго, съ подленькой физіономіею и двумя крестами въ петлицѣ; съ другой стороны—узникъ подъ надзоромъ „самого Цербера", или его помощника, какого-то подпоручика съ продыравленною, вѣроятно, болѣзнью щекой. Они осматриваютъ бѣлье, „гостинцы", приносимые узникамъ, и „наблюдаютъ, чтобъ ничего политическаго не произносилось". Такъ разсказывалъ мой товарищъ, вернувшись съ свиданія, продолжавшагося не болѣе пяти минутъ.

Послѣ обѣда, изъ нумера, въ которомъ сидѣлъ Четвертинскій, послышался легкій стукъ въ стѣну.

— Кто? громко спросилъ Яповичъ, прильнувъ губами къ отверстію.

— Ярошинскій, былъ отвѣтъ.

Изъ дальнѣйшей бесѣды оказалось, что до вчерашняго дня его держали въ цѣпяхъ, а теперь при немъ въ самомъ нумерѣ безотлучно находятся жандармъ и 2 часовыхъ; жандармъ вышелъ куда-то, а „солдаты—добряки", позволяютъ ему „пукать". Но скоро все смолкло — вѣроятно, жандармъ вернулся.

На свое дѣло я начинаю смотрѣть довольно серьезно и его результатъ представляется мнѣ во всевозможныхъ формахъ—отъ эшафота, Сибири и до совершеннаго оправданія.

Страшная тоска проникла, кажется, во всѣ поры души и тѣла (сегодня я болѣе чѣмъ когда нибудь узналъ, что такое тоска). Не-

смотря на утѣшенія товарища, она не оставляетъ меня... Шагаю взадъ и впередъ, напѣвая Рылѣева—„Не слышно шуму городского"...

Легъ разслабленнымъ.

III.

Полевой военный судъ и конфирмація.

17-го іюля. Всталъ больнымъ.

Въ 10 часовъ утра распахнулась дверь.

— Извольте сюртукъ надѣть, сказалъ мнѣ вахмистръ.

Надѣлъ.

— Пожалуйте...

И меня ввели въ большую комнату, въ которой сидѣли вокругъ стола: на предсѣдательскомъ мѣстѣ—„генералъ-полиціймейстеръ 2-го армейскаго корпуса", генералъ-маіоръ Левицкій-Леонтьевъ, визави его—аудиторъ и по сторонамъ (съ каждой по три) шесть штабъ-офицеровъ!

Черезъ минуту привели и Г-скаго-Д-ча.

— Господа, обратился къ намъ генералъ, — вамъ прочтутъ повелѣніе намѣстника.

Аудиторъ всталъ и прочелъ, что я, Г—скій-Д—чъ и поручикъ Олонецкаго пѣхотнаго полка З—нъ предаемся полевому военному суду, какъ оказавшіеся, по слѣдственному дѣлу, распорядителями панихиды по казненнымъ государственнымъ преступникамъ; кромѣ того, я—за распространеніе вредныхъ идей, а З—нъ за то, что въ присутствіи своего полковаго командира назвалъ офицера, возившаго его на слѣдствіе, „подлецомъ". Повелѣніе заключалось приказаніемъ окончить дѣло наше въ наискорѣйшемъ времени.

Левицкій-Леонтьевъ предложилъ намъ письменно засвидѣтельствовать, что мы не имѣемъ никакихъ претензій и личностей къ членамъ суда. Затѣмъ начался судъ съ формальныхъ вопросовъ: сколько вамъ лѣтъ, какого вѣроисповѣданія и пр. и пр. По болѣзни, я не могъ даже пера въ рукахъ держать—за меня писалъ аудиторъ, вникая въ мои отвѣты, спрашивая и переспрашивая, „чтобы не ошибиться".

На вопросъ—не имѣю ли я чего прибавить къ своимъ показаніямъ на слѣдствіи? я отвѣчалъ: такъ какъ священникъ обвиняетъ меня бездоказательно и такъ какъ судъ можетъ считать мои оправданія тоже бездоказательными — ни у него, ни у меня нѣтъ свидѣтелей, нѣтъ уликъ,—то посредникомъ между нами можетъ стать начальникъ войскъ на Повонзкахъ, генералъ Менгденъ, въ присутствіи котораго, по показанію Виноградова, я будто бы произнесъ: „обманулъ священника", т. е. сознался самъ. Наглая ложь! И если Менгденъ, какъ повелѣваетъ то совѣсть, опровергнетъ ее, то это будетъ служить важнымъ доказательствомъ лживости и прочихъ показаній Виноградова противъ меня.

Аудиторъ прочелъ наши добавочныя показанія вслухъ и насъ развели по своимъ нумерамъ.

Я сообщилъ Яповичу, какой оборотъ приняло дѣло; посыпались утѣшенія и предложеніе разныхъ услугъ.

Только 31 іюля насъ вторично позвали въ судъ. Аудиторъ подалъ мнѣ листъ съ запросными пунктами, въ которыхъ судьи старались опровергнуть прежнія мои показанія, находя ихъ „незаслуживающими довѣрія", и ставился вопросъ: какъ я рѣшился распоряжаться панихидой, когда, при объявленіи царства Польскаго на военномъ положеніи, на всѣхъ улицахъ были вывѣшены печатныя выписки изъ закона, запрещающія, между прочимъ, панихиды по казненнымъ государственнымъ преступникамъ?

— Прошу васъ написать все откровенно, сказалъ мнѣ Левицкій-Леонтьевъ;—прежнія ваши показанія не заслуживаютъ довѣрія. Если не напишете правду, то, по закону, наказаніе вамъ увеличится.

— Удивляюсь, генералъ, на какомъ основаніи вы находите мои показанія невѣроятными!.. Въ нихъ вездѣ здравый смыслъ и невѣроятнаго ничего нѣтъ.

Генералъ, пробормотавъ что-то, удалился на свое предсѣдательское мѣсто.

— Кажется, рѣшились во что бы то ни стало обвинить меня, сказалъ я подсѣвшему ко мнѣ аудитору.—И почему это показанія Виноградова заслуживаютъ довѣрія, а мои нѣтъ? Вѣдь и подъ черною ризою можетъ быть черное сердце.

— Да оно по большей части такъ, отвѣтилъ онъ.

Въ это время къ намъ подошелъ одинъ изъ членовъ суда, подполковникъ Ренгартенъ (родственникъ, если только не родной братъ, бѣжавшаго за-границу, по политическимъ причинамъ, товарища моего), и вмѣстѣ съ аудиторомъ сталъ помогать мнѣ въ отвѣтахъ. По ихъ совѣту, на вопросный пунктъ:—почему я поступилъ противъ положенія военнаго времени? я написалъ: такъ какъ во время объявленія царства Польскаго на военномъ положеніи я былъ въ Петербургѣ, въ военной академіи генеральнаго штаба, то и не могъ видѣть вывѣшенныхъ на варшавскихъ улицахъ выписокъ изъ закона, запрещающихъ панихиды. Во всякомъ случаѣ, нашу панихиду нельзя относить къ запрещеннымъ, потому что она совершалась келейно, безъ всякой политической цѣли.

Затѣмъ я занялся опроверженіемъ поповскихъ показаній и только въ 4 часа пополудни кончилъ его.

8-го августа опять потребовали въ судъ, на этотъ разъ — всѣхъ трехъ: меня, Г—скаго и З—на.

Аудиторъ прочелъ вслухъ выдержку изъ всего дѣла. Наивность нѣкоторыхъ показаній священника возбуждала въ судьяхъ смѣхъ, что, конечно, немного ослабляло силу его доноса на меня. Такъ, въ одномъ мѣстѣ заявлялось: „Я (т. е. свящ. Виноградовъ) не хотѣлъ служить панихиды, но поручикъ О—въ подошелъ ко мнѣ съ такимъ угрожающимъ видомъ, что я перепугался, полагая, что онъ хочетъ убить меня. Онъ, дѣйствительно, могъ убить меня, потому что сочувственно относился къ политическимъ убійцамъ и дерзко судилъ о правительствѣ“. Въ другомъ мѣстѣ: „Терпѣніе и смиреніе поручикъ О—въ называетъ добродѣтелью барановъ“, и такъ далѣе — всѣ его показанія представляли одну сплошную нелѣпость, какую даже школьникъ постыдился бы выставить въ судѣ.

Потомъ прочитаны были наши формуляры. Меня баталіонный командиръ, подполковникъ Пушкаревъ, не могъ аттестовать, ссылаясь на то, что я съ Рождества былъ прикомандированъ къ корпусному штабу для вторичнаго поступленія въ военную академію генеральнаго штаба и что онъ самъ недавно прибылъ въ баталіонъ. Корпусный штабъ тоже не могъ, „потому что трудно слѣдить за всѣми прикомандированными“ къ нему. Г—скаго-Д—ича аттестовали хорошо, но З—на полковой командиръ не пощадилъ.

— Господа, обратился затѣмъ къ намъ предсѣдатель,—не желаете ли добавить что̀ въ свою пользу?

Г—скій и З—нъ отказались—они вообще держали себя очень степенно; я же добавилъ: „всѣ показанія священника Виноградова—нелогичность, нелѣпость и противорѣчіе“. Послѣ этого (въ 2 часа пополудни) насъ развели по конурамъ. Тутъ только въ первую же минуту представилась мнѣ „нелогичность, нелѣпость и противорѣчіе“ показанія священника съ такою очевидностью, что вдругъ явилось непреодолимое желаніе немедленно же высказаться передъ судомъ, и я, написавъ на клочкѣ папиросной бумаги: „мнѣ нужно сообщить суду нѣчто важное“—нарочно такъ, чтобы не отказали, — послалъ эту записку съ дверныхъ жандармомъ къ Жучковскому съ просьбою безъ задержки передать ее по принадлежности... Черезъ полчаса я былъ введенъ снова въ судъ. Судьи, о чемъ-то жарко спорившіе, умолкли и обратились во вниманіе.

— Показаніе священника, началъ я,—что онъ служилъ панихиду изъ боязни, въ противномъ случаѣ, быть убитымъ мною—безсмысленность, съ чѣмъ, вѣроятно, и вы, господа, согласны...

— Конечно, конечно.

— Безъ сомнѣнія, нельзя вѣрить всему, что показалъ священникъ.

— Мы сами понимаемъ это, послышались голоса.

— А почему онъ такъ показалъ, продолжалъ я, — не трудно догадаться. Чтобы выставить себя жертвою, ему необходимо было прежде

обвинить кого нибудь въ крайнихъ политическихъ идеяхъ, а потомъ сказать, какъ онъ это и сдѣлалъ, что такой-то — на этотъ разъ я — заставилъ его служить панихиду, угрожая, въ противномъ случаѣ, смертью, и что онъ дѣйствительно отслужилъ ее только изъ опасенія быть убитымъ; въ подтвержденіе же основательности такого опасенія онъ говоритъ, что человѣкъ, сочувствующій политическимъ убійцамъ и пр. и пр., самъ способенъ на убійство.

Затѣмъ, я коснулся дальнѣйшихъ обвиненій и, изложивъ все это тутъ же на бумагѣ, удалился.

13-го августа Бутный сообщилъ, что Ярошинскаго повѣсили...

На слѣдующій день (14-го августа), въ четвертый и послѣдній разъ позвали меня въ судъ. Когда привели Г—скаго-Д—ича и З—на, предсѣдатель объявилъ, что намъ прочтутъ наказанія, опредѣленныя судомъ, но что „дѣло" еще пойдетъ въ „аудиторіатъ" и на „конфирмацію", и что „можно надѣяться на смягченіе". Его тонъ и выраженія были таковы, какъ будто онъ стѣснялся опредѣлять намъ наказаніе согласно такой-то и такой-то статьѣ закона за недоказанную вину.

Настала тишина. Аудиторъ началъ читать—всѣ встали.

Вотъ сущность прочитаннаго имъ. Судъ нашелъ виновными: меня— въ главномъ распоряженіи панихидою съ цѣлью политической демонстраціи и въ передачѣ священнику Виноградову нѣкоторыхъ, большею частью ложныхъ и вообще вредныхъ, слуховъ о нынѣшнихъ событіяхъ въ Россіи и царствѣ Польскомъ; З—на—въ сборѣ денегъ для священника по окончаніи панихиды и въ томъ, что въ присутствіи полковаго командира назвалъ одного офицера подлецомъ; Г — скаго-Д—ича — въ участіи въ распоряженіи панихидою. За столь тяжкія преступленія: меня—разжаловать въ рядовые, не лишая дворянства; З—на—тоже; Г—скаго-Д—ича, оставивъ въ подозрѣніи, уволить въ отставку и отдать подъ надзоръ полиціи. Прочіе офицеры, участвовавшіе на панихидѣ, были раздѣлены на три категоріи: первую—въ отставку и подъ полицейскій надзоръ, вторую—перевесть на службу внутрь Россіи и подъ присмотръ начальства, третью—выдержать подъ арестомъ, кажется, три дня. Преступное же дѣяніе Виноградова представить на разсмотрѣніе его духовнаго начальства.

И такое наказаніе опредѣлено мнѣ по голословному обвиненію священника, надъ показаніями котораго сами судьи смѣялись?!

— Господа, обратился я къ нимъ, удивленный и еле-сдерживая себя,—позвольте сказать вамъ нѣсколько словъ...

— Теперь уже поздно, оборвалъ меня предсѣдатель.

— Теперь уже нельзя, повторилъ Ренгартенъ мягко.

— Нужно было въ отвѣтахъ помѣстить все, продолжалъ первый.

— Господа, я не оправдываться хочу передъ вами, возвысилъ я

голосъ въ сильномъ волненіи. — Я уже достаточно исписалъ бумаги въ защиту себя!... Я хочу сказать, что вамъ нужно было кого-нибудь осудить; вы... не задумавшись, и осудили... Вы привыкли только осуждать, между тѣмъ какъ подсудимый, можетъ быть, и не преступникъ!.. Но вамъ это все равно... Если кого отдали подъ судъ, такъ того и осудимъ,—такъ?.. А гдѣ улики противъ меня?.. Вы поступили несправедливо!..

— Пожалуйста, оставьте, проговорилъ раскраснѣвшійся Левицкій.

— Нѣтъ... раскрылъ было ротъ Ренгартенъ, но остановился.

Взбѣшенный, не дожидая распоряженія предсѣдателя, я вышелъ, мелькомъ взглянувъ на безгласныхъ товарищей, и такъ рванулъ себя за бортъ снизу вверхъ, что нѣсколько пуговицъ отскочили и на груди разовался сюртукъ—долой его! Давитъ онъ меня теперь!..

— Что? робко встрѣтилъ меня Яповичъ.

— Ну, я—солдатъ.

Онъ даже поблѣднѣлъ.

— Да за что же? За что? Уликъ нѣтъ...

Не слушая его, я разразился бранною критикой на наше правосудіе...

Но спустя часъ, успокоившись, я уже смѣялся:

— Вѣдь изъ меня выйдетъ дурной солдатъ... Нѣтъ, лучше буду полъ мыть гдѣ нибудь въ Англіи, чѣмъ носить этотъ... мундиръ!..

Яповичъ началъ предлагать денежныя услуги; я отъ души поблагодарилъ за сердечное участіе, но отказался: почемъ знать, что ждетъ меня впереди?.. Надежда опять возвращалась.

Вечеромъ пили пуншъ, и я былъ такъ веселъ, какъ ни разу еще въ цитадели...

Все послѣ обѣда слѣдующаго дня я писалъ возраженіе на бездоказательное обвиненіе суда и его приговоръ, и утромъ вручилъ этотъ протестъ Жучковскому для передачи Ермолову.

— Вѣроятно, комендантъ изъ человѣчности поможетъ вамъ и отдастъ его или въ аудиторіатъ, или лично намѣстнику, проговорилъ тотъ уходя.

„Изъ человѣчности!“ Долго звучало это слово въ моихъ ушахъ: Жучковскіе и человѣчность—вѣдь это противоположности, такъ какой же человѣчности можно ждать отъ нихъ! Не изъ этой ли человѣчности меня бездоказательно обвинили.

Яповичъ старался утѣшать меня: вотъ, молъ, 26-го августа, кажется, будутъ праздновать тысячелѣтіе Россіи и вамъ вѣрно „выйдетъ милость“. Я хочу правосудія, а мнѣ говорятъ о милости!..

Бутный „запукалъ“. Это онъ разговариваетъ съ своей сосѣдкой, паней Заленской. Мы вылѣпили изъ хлѣба сифонъ, для передачи ему вина; хотѣли такимъ же путемъ „повеселить“ и другаго сосѣда,

но отверстіе въ стѣнѣ съ его стороны идетъ, вслѣдствіе какихъ-то препятствій, зигзагами — сифонъ нашъ сломался и вино пролилось. Нарѣзали тоненькими ломтиками „шинки" (ветчины) и, завернувъ каждый особо въ бумажку, просунули къ нему,—доволенъ. Вѣдь Жучковскій, въ видѣ какого-то исключенія, только для насъ покупаетъ разныя закуски: шинку, колбасу, сыръ, масло, которыми мы и дѣлимся (черезъ отверстія) съ сосѣдями.

Отъ нечего дѣлать я принялся лѣпить кальянъ, подсвѣчникъ и прессъ-папье. Краски для послѣдняго—подъ рукой: черная изъ пепла, зеленая—со стѣнъ, красная—кирпичъ, бѣлая—изъ стеариновыхъ свѣчей, покупаемыхъ на нашъ счетъ „только для вечеровъ"; на ночь-же вносилась казенная сальная свѣчка, воткнутая вмѣсто подсвѣчника въ кирпичикъ, который въ свою очередь ставился въ кучку песка [1]), и служитель поминутно шлялся снимать съ нея нагаръ.

Все это кончилъ 24-го августа и подарилъ Яповичу. Кальянъ вышелъ удачно—мы курили изъ него, прессъ-папье—еще лучше: американскій купецъ, облокотившись на большую бочку (для папиросъ), указываетъ рукой на маленькую (для спичекъ).

Всѣ сосѣди, въ особенности мой товарищъ, съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждутъ 26-го числа; они надѣются, что, по случаю празднованія тысячелѣтія Россіи, будутъ освобождены, а „Pani Zalenska" даже пригласила меня, черезъ Бутнаго, непремѣнно быть у ней „послѣ завтра", забывъ свою же польскую пословицу: „надежда (конечно, неосновательная)—мать глупыхъ".

Въ утренній обходъ (25-го августа) Жучковскій сказалъ намъ: „Господа, приготовьтесь (Яповичъ весь обратился въ слухъ)... Послѣ обѣда переведутъ васъ въ другой покой, а этотъ будутъ красить. Только прошу не портить тамъ стѣнъ и дверей, какъ здѣсь, въ противномъ случаѣ—посажу васъ внизъ",—и выходя онъ, съ упрекомъ покачивая головой, указалъ рукой на стѣны, на которыхъ мы изобразили четыре обыденныя сцены изъ жизни въ десятомъ павильонѣ: 1) его, т. е. самого Жучковскаго, записывающаго по утрамъ: „цо мы собе жычемъ" (что мы желаемъ); 2) процедуру „шпацера" (прогулки); 3) кухонныхъ служителей, подающихъ намъ обѣдъ, обыкновенно не снимая съ себя кепи, причемъ съ Яповичемъ дѣлается отъ одного запаха, исходящаго отъ нихъ, дурно, а я прихожу въ раздраженное состояніе и 4) нѣмаго цирульника, который ни за что не будетъ брить заключенному подбородка и вовсе не брѣетъ выглядывающихъ уныло или мрачно.

Въ ожиданіи перехода, я началъ лѣпить распятіе для сестры Яповича, Сусанны, о которой онъ часто говоритъ,—какъ вдругъ вносятъ ему чистое бѣлье и „гостинцы" (что до сихъ поръ обыкновенно дѣлалось по понедѣльникамъ).

---

[1]) Впослѣдствіи для песка были сдѣланы большіе деревянные ящики.

— Вотъ видите, сказалъ я,—даже бѣлье прислали, чтобы вы могли явиться домой чистымъ.

Радуется, гадаетъ, сомнѣвается...

Послѣ обѣда насъ перевели въ другой нумеръ, сильно отдававшій свѣжею краской отъ пола и сыростью, но довольно свѣтлый, благодаря чистымъ, точно граненымъ толстымъ стекламъ, черезъ которыя однако жъ, какъ и черезъ прежнія, замазанныя зеленою краской, ничего не было видно.

Сейчасъ же принялись „пукать", и узнали только фамиліи сосѣдей: внизу подъ нами сидѣли Красинскій, Янковскій и Войткевичъ, слѣва—знакомый уже Матьевскій, переведенный также по случаю поправки прежняго его нумера; справа—отвѣта не получили (тамъ, какъ потомъ оказалось, былъ ходъ на чердакъ).

Послѣ чая, Яповичъ тотчасъ легъ спать и уснулъ съ самыми свѣтлыми надеждами на завтра.

Наконецъ, настало оно, это завтра, 26-е августа. Утромъ явился вмѣсто Жучковскаго помощникъ его.

— Пожалуйста, обратился я къ нему,—купите мнѣ сегодня шампанскаго. Хотя и при такой печальной обстановкѣ, но все-таки хочу отпраздновать тысячелѣтіе дорогой Россіи.

— Кажется, тысячелѣтіе отложено на 8-е сентября, отвѣтилъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ не покупайте...

Обманутый надеждой, Яповичъ впалъ въ уныніе, а Матьевскій даже заболѣлъ. Да и какъ было не заболѣть молодому человѣку! Еще въ послѣднее свиданіе жена говорила ему: „знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что тебя непремѣнно освободятъ 26-го числа".

Она, а за нею и онъ, повѣрили „вѣрнымъ источникамъ", конечно, не зная, что въ программу ихъ входитъ мучить узниковъ ожиданіями.

Поутѣшивъ нѣсколько Яповича, я, подъ вліяніемъ хереса, присланнаго намъ вмѣсто шампанскаго, разостлалъ посреди пола халатъ, вооружился стеариновою свѣчей и, растянувшись на немъ, принялся громко „пукать", вызывая на бесѣду Красинскаго. Дежурный при дверяхъ былъ „глупый"—такъ мы называли между собою одного невѣроятно тупоумнаго жандарма, котораго, однако жъ, въ лицо величали (чтобы нѣсколько укротить его дикую ревность къ плохо-понимаемымъ имъ служебнымъ обязанностямъ) „вашимъ благородіемъ" и „коханнымъ", причемъ „поштовали" его чѣмъ придется. Заслышавъ „пуканье", онъ все чаще и чаще сталъ заглядывать къ намъ въ окошечко, но, „попоштованный" уже папироской и яблокомъ, не рѣшился замѣтить мнѣ самъ, а науськалъ для этого „кровожаднаго". Вдругъ дверь съ шумомъ отворилась, и послѣдній, весь багровый, захлебываясь отъ бѣшенства, прорычалъ:

— Панове (господа), я скажу коменданту, что вы пукаете!.. И внизу тоже пукаютъ!..

— Непремѣнно донесетъ, замѣтилъ Яповичъ, когда дверь захлопнулась снова.

Утромъ, 27-го декабря, явился Жучковскій.

По обыкновенію, я лежалъ въ постели и промолчалъ на его вопросъ: какъ здоровье?

— Послушайте, обратился онъ ко мнѣ, на этотъ разъ замѣтно волнуясь;—я уже пожилой человѣкъ, позвольте сказать вамъ, что вы не умѣете держать себя... съ нижними чинами, что вы, наконецъ, вчера цѣлый день стучали, какъ школьникъ...

— Слушайте, перебилъ его я,—прежде всего, если хотите говорить со мною, то выражайтесь порядочнымъ языкомъ.

— Порядочный человѣкъ вездѣ порядочно держитъ себя: и въ б.....ѣ, и въ н.....ѣ, и подъ арестомъ...

— Не вамъ судить о порядочности!

Жучковскій быстро вышелъ... И придумалъ же онъ съ сегодняшняго дня „порядокъ" въ отместку мнѣ. Спишь ночью—крѣпко, сладко спишь, вдругъ въ третьемъ часу входитъ служитель со шваброй и начинаетъ стучать, громыхать, такъ что и глухаго бы оглушилъ.

— Что ты дѣлаешь?

— Полъ мою.

— Въ полночь?

— Такъ приказано...

— Что жъ это такое? говорю Люциферу, два утра не показывавшемуся къ намъ.

— Здѣсь такой „законъ", такой „порядокъ",—нельзя-же для одного мѣнять ихъ, отвѣтилъ онъ и даже проглотилъ слюни отъ наслажденія.

Такъ до 8-го сентября онъ мучилъ насъ. Нервы страшно расшатались.

Въ этотъ знаменательный для Россіи день, мы убрали столъ фруктами и винами. Затѣмъ были „выведены на шпацеръ," и только что ступили въ аллею, какъ изъ дверей главнаго корпуса десятаго павильона вышелъ комендантъ Ермоловъ, покосился на насъ и, спросивъ что-то у слѣдовавшаго за нимъ помощника Жуковскаго, громко сказалъ: „Яповичъ, вы свободны." Отъ радости Яповичъ долго не могъ говорить; наконецъ, у него развязался языкъ: обѣщаніямъ не было конца — обѣщалъ писать, обѣщалъ навѣщать меня по понедѣльникамъ...

Пришелъ жандармъ, сложилъ вещи и проводилъ его „на свободу" — счастливецъ!

Сегодня освободили 16 человѣкъ. Остававшимся въ заключеніи тоже дали почувствовать этотъ праздникъ, именно—обѣдомъ, длившимся ровно два часа! Разнесли пустой „крупничекъ" и затѣмъ —

только черезъ полтора часа остальныя, замѣчательныя по составу своему блюда: вареную кислую капусту, сушеное мясо и хрѣнъ подъ водою. Отпраздновали!

На третій день томительнаго одиночества, въ три часа по полудни, дверь распахнулась и ко мнѣ внезапно вошелъ, печально улыбаясь, съ влажными глазами Г—скій-Д—вичь, доселѣ сидѣвшій съ евреемъ Шмитдебергомъ.

— Ужасно было непріятно съ нимъ! говорилъ онъ, прибирая свою новую постель.—Мы другъ друга подозрѣвали въ шпіонствѣ.

— А у меня былъ товарищъ—рѣдкій человѣкъ!

— Кто?

— Владиславъ Яповичъ.

— Чѣмъ же онъ рѣдкій?

Я разсказалъ объ его добромъ сердцѣ, и пр. и пр.

Слушая, Г—кій-Д—вичъ по временамъ какъ-то загадочно улыбался.

По увѣренію его, здѣсь сильно развито шпіонство: съ „новичками", особенно—молодыми, обыкновенно довѣрчивыми, неосторожными въ словахъ, или по сосѣдству съ ними,—нарочно сажаютъ „опытныхъ, тонкихъ шпіоновъ", которые, прикидываясь жертвами за политическія идеи, или дѣянія, ловко вывѣдываютъ ихъ образъ мыслей, иногда вырываютъ даже прямое признаніе и затѣмъ—„предаютъ". Объ этомъ онъ слышалъ еще до ареста, да и здѣсь его предупреждалъ одинъ „очень осторожный" сосѣдъ французъ, нѣкто Бонгардъ — гувернеръ графа Старжинскаго, того самого, сынъ котораго убилъ изъ револьвера жандармскаго полковника и сильно ранилъ, двухъ жандармовъ когда тѣ пріѣхали арестовать его (отца); по этому-то случаю Бонгардъ и попалъ сюда.

Потолковавъ еще о чужихъ дѣлахъ, мы остановились на своемъ и никакъ не могли разгадать причины, почему насъ до сихъ поръ держатъ здѣсь. Чтобы сколько нибудь выяснить себѣ это, Г—скій—Д—вичъ незамедлилъ письменно просить о свиданіи съ комендантомъ.

На слѣдующій день Ермоловъ прислалъ за нимъ:

— Что скажете?

— Мои вещи остались въ баталіонѣ, а онъ на дняхъ выступаетъ; не зная конфирмаціи, я не знаю, какъ распорядиться ими: отправить ли съ баталіономъ, или велѣть сюда привести.

— Всѣ, всѣ ваши драгоцѣнности забирайте; почемъ знать, можетъ быть васъ посадятъ на тележку и повезутъ куда нибудь.

— Но мнѣ вѣдь по суду—отставка, возразилъ Г—скій.

— А-а! такъ вы отправляйте вещи съ баталіономъ, съ усмѣшкою сказалъ Ермоловъ.

— Вѣроятно, по конфирмаціи вамъ зачислятъ арестъ въ наказаніе, и больше ничего, прибавилъ какой-то аудиторъ.

Г—скій, передавая мнѣ это, радостно улыбался, потиралъ себѣ руки, жалъ и мои, короче сказать—торжествовалъ, весь проникнутый надеждами. Да и какъ было не проникнуться ими, послѣ послѣднихъ фразъ рѣшителей судебъ населенія десятаго павильона?... Но дѣло все таки оставалось не разъясненнымъ, и мы придумали сказаться больными, разсчитывая, что „добрый докторъ ничего не скроетъ отъ насъ."

Явился на другой день докторъ; но такъ какъ при немъ, по обыкновенію, неотступно находился жандармъ-ищейка (осматривавшій вновь арестованныхъ), то мы могли только узнать, что „конфирмація давно состоялась и уже напечатана."

Почему-жъ намъ не объявляютъ ее? Удивительно!

Чтобы узнать о своей участи, я прибѣгнулъ къ маленькой хитрости: говорю помощнику Жучковскаго, въ утренній обходъ его:

— Пожалуйста, промѣняйте мое офицерское пальто на солдатское—вѣдь я солдатъ.

— Нѣтъ, еще подождите; вѣрно вамъ смягчили наказаніе... Совѣтую не мѣнять: вамъ...

Тутъ онъ осѣкся и быстро вышелъ.

— Чуть не проговорился! улыбнулся Г—скій, теперь уже навѣрняка разсчитывавшій на добрый исходъ дѣла.

Да и у меня начинаетъ проявляться увѣренность, что солдатчина будетъ замѣнена переводомъ въ другой батальонъ, или, много-много—отставкою.

На слѣдующій день, 14-го сентября, употребилъ другую хитрость: говорю тому же помощнику (Жучковскій что-то глазъ не кажетъ къ намъ):

— Купите мнѣ штатскій костюмъ.

— Не совѣтую покупать.

Только и сказалъ.

„Или онъ подло издѣвается, или, дѣйствительно, все пустякомъ кончится," подумалъ я, принимаясь за поданное имъ мнѣ письмо отъ матери.

Передъ самымъ обѣдомъ неожиданно вошелъ къ намъ плацъ-маіоръ съ большимъ фіолетовымъ носомъ.

— Господа—прохрипѣлъ онъ,—мнѣ приказано прочесть вамъ конфирмацію, но я—слышите—охрипъ, потрудитесь кто нибудь прочесть вслухъ.

Я принялъ отъ него бумагу, и громко прочелъ. Бѣдный товарищъ мой былъ пораженъ, удивленъ, но только легкая блѣдность, сжатыя губы и нервное подергиваніе рукъ выдавали это.

Обвиненія оставались почти безъ перемѣнъ, но наказанія измѣнены: меня и З—на, отставивъ отъ службы, выдержать въ Новогеор-

гіевской крѣпости, [1]) въ казематѣ, годъ; Г—скаго-Д—вича, отставивъ отъ службы, выдержать тамъ же девять мѣсяцевъ! Такое рѣзкое увеличеніе наказанія ему, главнымъ образомъ, мотивировалось тѣмъ, что „его показанія не заслуживаетъ довѣрія“ [2]). Относительно прочихъ участниковъ панихиды приговоръ суда остался безъ перемѣны.

По окончаніи чтенія, плацъ-адъютантъ объявилъ, что насъ велѣно перевести 19-го сентября, въ 4 часа пополудни, въ ордонансъ-гаузъ и оттуда уже отправить въ Модлинъ (Новогеоргіевскъ).

— Когда состоялась конфирмація? спросилъ у него Г—скій.

— 19-го августа.

— Слѣдовательно, и заключеніе по конфирмаціи намъ будетъ считаться съ 19-го августа?

— Нѣтъ, со дня вашего прибытія въ казематы.

Сидѣли цѣлый мѣсяцъ послѣ конфирмаціи здѣсь, и этотъ мѣсяцъ не считается за арестъ!

— Нельзя ли намъ въ баню, въ три мѣсяца-то изгрязнились, просили мы плацъ-маіора, когда онъ выходилъ.

Обѣщалъ похлопотать... Но тѣмъ и кончилось.

Занялись письмами, извѣщая добрыхъ товарищей и знакомыхъ о предстоящемъ намъ переселеніи—можетъ быть, они и добьются свиданія съ нами. Одно изъ моихъ писемъ, въ баталіонъ къ товарищамъ Тимофееву и Раввѣ, было безъ задержки отправлено; о судьбѣ же прочихъ (въ томъ числѣ и къ Яповичу, о которомъ — ни слуху ни духу), ничего опредѣленнаго сказать не могу.

Вечеромъ насъ перевели въ другой нумеръ, по сосѣдству съ канцеляріей Жучковскаго, и вслѣдъ затѣмъ служитель внесъ чай.

— Посмотрите, ваше благородіе, сказалъ онъ, ставя его на столъ,— положенъ ли сахаръ; это, можетъ, не вамъ.

Попробовали — дѣйствительно какой-то отвратительный напитокъ безъ сахару.

— Не сладокъ и гадокъ, замѣтилъ Г—скій отплевываясь.

— Значитъ, здѣсь не всѣмъ даютъ чай съ сахаромъ? спросилъ я.—Вѣрно онъ прилипаетъ къ рукамъ Жучковскаго,—а?

Служитель лукаво улыбнулся, но чай не перемѣнилъ..

[1]) Извѣстной больше подъ старымъ своимъ названіемъ—„Модлинъ“.

[2]) Онъ показалъ, что просилъ Виноградова отслужить панихиду по давно умершему дядѣ своему, но, по мнѣнію аудиторіата, ему, какъ католику, не было надобности обращаться за этимъ къ православному священнику, а если онъ участвовалъ на панихидѣ, то не иначе, какъ по разстрѣлляннымъ государственнымъ преступникамъ, и съ политическими цѣлями.

IV.

Изъ цитадели въ крѣпость.

19-го сентября. Въ 9 часовъ утра, вскарабкавшись на окно, я увидѣлъ за воротами (десятаго павильона) двухъ офицеровъ; всматриваюсь—Тимофеевъ и Равва. Добрые товарищи пріѣхали проститься со мною, но ихъ, какъ видно, не допустили.

Спустя часъ, вошелъ Жучковскій, а за нимъ — жандармъ съ вещами Г—скаго; впрочемъ, тутъ былъ и мой узелокъ, заключавшій въ себѣ старое одѣяло, 4 сорочки, 3 платка, 2 полотенца и 1 кальсоны— все мое наличное имущество, о которомъ я давно уже забылъ и которому теперь обрадовался. Дѣло въ томъ, что за пять дней до ареста нѣкоторыя обстоятельства побудили меня все продать, за исключеніемъ, конечно, того, что было на мнѣ, и вотъ этого, никому не нужнаго старья, которое я такъ и бросилъ на произволъ судьбы въ своей квартирѣ, а самъ не-легкѣ поселился временно у одного пріятеля... Какъ же было не обрадоваться, точно съ неба упавшей, хотя бъ и рвани, когда здѣсь, въ десятомъ павильонѣ, еще даютъ нѣкоторымъ заключеннымъ казенное бѣлье, смѣняя его два раза въ недѣлю, а тамъ, въ казематахъ—какъ говорили мнѣ,—хоть безъ сорочки ходи, если не имѣешь своей!

— Господа, приготовьтесь-же къ четыремъ часамъ, напомнилъ намъ Жучковскій выходя.

Нетерпѣніе наше поскорѣе вырваться изъ этой преисподней возрастало съ часу на часъ и достигло, кажется, maximum'а, какъ вдругъ является опять Жучковскій и объявляетъ, что сейчасъ „пришло приказаніе“ отправить насъ прямо отсюда, и не въ 4, а въ 7 часовъ вечера. Потомъ уже узнали мы, что много товарищей и знакомыхъ собрались въ цитадели, чтобы проститься съ нами, и вотъ тюремщики перемѣною часовъ отправки помѣшали этому... скорѣе, конечно, по своему жестокосердію, чѣмъ изъ страха, чтобы не произошло чего.

Наконецъ, въ половинѣ девятаго часа, раздался шумъ подъѣзжающихъ экипажей и гдѣ-то вблизи затихъ; слышно было даже фырканье коней. Мы приготовились. Спустя нѣсколько минутъ, дверь распахнулась, вошли два жандарма и забрали наши вещи. Я громко стукнулъ бутылкой въ стѣну къ сосѣду и, выйдя въ коридоръ, крикнулъ во все горло: Жегнамъ васъ, коллеги! (прощайте, товарищи!)

— Что это за шумъ! Кто кричалъ? накинулся на насъ, наливаясь кровью, Жучковскій, выскочившій изъ своей канцеляріи.

— Это я прощался съ заключенными.

— Что за школьничество! Вы все время больше всѣхъ позволяли себѣ!.. Непремѣнно надо всѣмъ дать знать, что такой-то вотъ уѣзжаетъ.

— Ничего нѣтъ особеннаго въ моемъ поступкѣ; я и со стѣнами, то бишь — съ жандармами простился, а тѣмъ болѣе имѣю право съ товарищами по заключенію...

— Такъ порядочные люди не ведутъ себя!

— Оставьте порядочность въ покоѣ, не вамъ судить о ней! И я отвернулся отъ него, мелькомъ взглянувъ на стоявшую въ сторонѣ группу: плацъ-адъютанта, прибывшаго спровадить насъ, четырехъ вооруженныхъ, по-дорожному одѣтыхъ, жандармовъ и вахмистра съ фонаремъ въ рукѣ—на дворѣ было уже совершенно темно. Въ сопровожденіи этой шестерки мы вышли за ворота десятаго павильона, гдѣ стояли двѣ почтовыя телѣжки; въ одну сѣлъ Г—скій-Д—вичъ и съ нимъ два жандарма, въ другую—я, тоже съ двумя „небесными" (какъ ихъ называютъ нѣкоторые заключенные); одинъ помѣстился съ ящикомъ, лицомъ ко мнѣ, другой—рядышкомъ со мною, и наша телѣжка, по распоряженію плацъ-адъютанта, тронулась первою. Вырвавшись изъ темной цитадели, поѣхали по городу, и свернувъ за зàмкомъ какимъ-то темнымъ переулкомъ на старый мостъ, вскорѣ очутились за заставой. Отсюда—прямо дорога въ казематы.

— А что, трудна ваша служба? спросилъ я жандармовъ, подчуя ихъ папиросами.

— Не дай Богъ, какъ трудна! отвѣчалъ визави.—Ни днемъ, ни ночью нѣтъ покою; за то жалованье больше полковыхъ.

— Кто везъ Сливицкаго и Аргольдта? продолжалъ я.

— Нашъ капитанъ (Жучковскій) съ вахмистромъ... Ихъ везли очень строго: конвой изъ казаковъ—болѣе пятидесяти человѣкъ,— нигдѣ не останавливались и имъ не позволяли даже съ телѣги выходить.

Въ это время я замѣтилъ въ канавѣ зайчика, о чемъ и сообщилъ спутникамъ.

— Это нехорошо, проговорилъ визави.—А не видали, ваше благородіе, не перебѣжалъ ли онъ намъ дорогу?

— Перебѣжалъ, нарочно сказалъ я, желая знать его предразсудки на этотъ счетъ.

— Ну, это гадко: значитъ, или ось, или колесо сломается, а можетъ что и хуже будетъ.

— Ге, пустяки, возразилъ другой жандармъ, хохолъ, махнувъ съ важностью рукой.

— Ну, нѣтъ; говорятъ...

— Ге, пустяки, перебилъ опять съ тѣмъ же жестомъ хохолъ.

— Корчма, поворачиваясь къ намъ, возвѣстилъ ямщикъ и сталъ просить, чтобы я угостилъ его водкой.

— Съ удовольствіемъ, любезный другъ, но вотъ начальниковъ спроси... Я и самъ бы выпилъ, да и вы бы всѣ, отнесся я къ жандармамъ—выпили,—холодно.

Они согласились. Лошади остановились; ямщикъ вынесъ изъ корчмы кварту водки и колбасы. Я отпилъ глотокъ и передалъ жандармамъ.

— Что же вы, ваше благородіе, такъ мало? Изволите обижать себя, сказалъ визави.

— Не пью, любезный,—пейте.

И кварта мигомъ опорожнилась.

Жандармы сдѣлались разговорчивѣе, но не откровеннѣе (какъ я ни старался вызвать ихъ на это)—видно, напутствіе Жучковскаго дѣйствовало и на хмѣльныя головы. Ежели одинъ проговаривался, то другой перебивалъ его: „Что ты, братъ, врешь,—развѣ это такъ было! Не вѣрьте ему, ваше благородіе", и начиналъ поправлять, но такъ неловко, что это вызывало у меня улыбку.

Видны огни станціи „Яблони", отстоящей отъ Варшавы на 16 верстъ.

Не успѣла наша телѣжка остановиться передъ станціоннымъ домомъ, какъ оттуда выскочило нѣсколько молодыхъ людей и чуть не на рукахъ внесли меня, черезъ наполненную жандармами маленькую темную переднюю, въ ярко освѣщенную комнату, гдѣ З—нъ, развалившись на диванѣ передъ столомъ съ закусками и винами, громко разглагольствовалъ что-то; онъ былъ уже готовъ, т. е. порядкомъ подвыпивши. Г—скій-Д—ичъ, хозяйка съ семьей и двое какихъ-то проѣзжихъ, сидя на стульяхъ, внимательно слушали его. При моемъ появленіи всѣ встали; З—нъ порывисто подошелъ ко мнѣ и троекратно облобызалъ (хотя я положительно не былъ съ нимъ знакомъ и до панихиды, какъ и съ Г—скимъ, нигдѣ не встрѣчался). Хозяйка радушно пригласила закусить. Пріемъ, оказанный намъ ею, безспорно истекалъ отъ чистаго сердца, но одно не понравилось мнѣ—это, когда она, обратясь къ З—ну, по-польски сказала:

— Можетъ быть, въ Россіи не заведено такъ встрѣчать бѣдныхъ гонимыхъ поляковъ, но здѣсь мы всегда угощаемъ отъ себя всѣхъ, безъ исключенія, политическихъ узниковъ...

Изрядно „упоштованные" жандармы заявили З—ну, что „пора". Спустя полчаса, выѣхалъ и Г—скій, а еще черезъ полчаса—и я.

— Такое правило, чтобы не вмѣстѣ ѣхать, пояснилъ мнѣ визави.

Въ часъ ночи прибыли на станцію „Новый дворъ", расположенную въ 15-ти верстахъ отъ „Яблони". Тутъ опять всѣ встрѣтились, но заспаный нѣмецъ-хозяинъ быстро выпроводилъ насъ, одного за другимъ, въ Модлинъ, до котораго отсюда всего три версты.

Наконецъ, въ исходѣ втораго часа, моя телѣжка въѣхала въ крѣпостныя ворота и тутъ остановилась, „чтобы не всѣмъ заразъ явиться въ ордонансъ-гаузъ", какъ объяснилъ мнѣ „трохи" опьянѣвшій хохолъ.

— Здѣсь есть унтеръ-офицеръ ***? отнесся онъ затѣмъ къ караульному солдату, вылѣзая изъ телѣги.

— Не могимъ знать, ваше благородіе, отвѣтилъ тотъ съ-просонья, или не разглядѣвъ въ темнотѣ спрашившаго.

— Экъ его!.. Все ему благородія мерещатся, замѣтилъ я шутливо.

— Нельзя... вѣдь солдатикъ.. въ день уморится... Тоже вѣдь человѣкъ, спать хочетъ, резонировалъ хохолъ, все поправляя свое кепи, и, увидавъ караульнаго унтеръ-офицера, съ большою важностью продолжалъ:—Вотъ здѣсь письмо я привезъ... Умѣете ли вы грамотѣ?

— Разбираемъ-съ.

— Такъ вотъ, пожалуйста, отдайте унтеръ-офицеру ***... Это вотъ нашъ взводный написалъ... Такъ вы, пожалуста, отдайте; скажите, что вотъ, молъ, нашъ взводный пишетъ... А завтра пусть и отвѣтъ дадутъ... Завтра пусть приходятъ въ ордонансъ-гаузъ—я тамъ буду... Такъ вотъ и скажите, что письмо отъ нашего взводнаго...

И вѣрно долго бы еще длился этотъ безсвязный монологъ, если бъ ямщикъ по чьему-то приказанію не ударилъ по лошадямъ; разболтавшійся подъ вліяніемъ пѣнника хохолъ быстро вскочилъ въ телѣгу. Спустя нѣсколько минутъ, мы уже входили въ ордонансъ-гаузъ, гдѣ застали только писаря. Принявъ отъ жандармовъ мой узелокъ и еще что-то завернутое въ тряпицу, вѣроятно—бумаги, онъ вышелъ и, вернувшись минутъ черезъ десять, молча сдѣлалъ намъ знакъ слѣдовать за собой. Пройдя шаговъ сто по улицѣ, спустились въ подземелье, къ деревянной рѣшеткѣ, за которою направо тѣснился караулъ, на лѣво стоялъ плацъ-маіоръ (Износковъ) съ какимъ-то длиннымъ офицеромъ и нѣсколькими жандармами.

— Войдите, сказалъ мнѣ плацъ-маіоръ.—Какъ васъ зовутъ?

— О—въ.

— Мы еще увидимся,—и онъ слегка кивнулъ головой.

Меня ввели въ нумеръ—такъ и пахнуло сыростью и холодомъ. Нара вмѣсто кровати, маленькій столикъ и чадная лампочка. Прошелся—9 шаговъ длины и 4 ширины. Такъ вотъ они, казематы—мое новое жилище на годъ. Такъ сюда-то я рвался изъ ада Жучковскаго... Боже мой! Какъ все это тяжело подѣйствовало на меня; но было уже три часа пополуночи, усталость взяла свое, и я заснулъ какъ мертвецъ.

О—въ.

(Продолженіе будетъ).

РОССІЯ ПОДЪ ПЕРОМЪ НОВѢЙШИХЪ РЕФОРМАТОРОВЪ.

I.

Прошлый годъ будетъ надолго памятенъ современникамъ. Начало его обѣщало много хорошаго. Передъ первымъ марта многія изъ иллюзій, которыми питалось общество, перестали казаться не осуществимыми. Печать, подобно тому, какъ это было въ шестидесятыхъ годахъ, осмѣливалась предлагать свои услуги для административныхъ и законодательныхъ работъ правительства. Земство ждало возврата утраченной самостоятельности. Съ уничтоженіемъ Третьяго отдѣленія ожидалось и уничтоженіе его функцій: административной высылки и исключительнаго судопроизводства. Поговаривали объ отмѣнѣ военнаго положенія тамъ, гдѣ оно существовало, и объ окончательномъ успокоеніи общества. Только немногіе проницательные люди съ недовѣріемъ выслушивали всѣ эти надежды. Имъ была извѣстна та шаткость и неустойчивость политики, которая то хоронитъ, то воскрешаетъ Лазаря. И дѣйствительно—ужасное событіе перваго марта вызвало значительное измѣненіе въ направленіи нашей внутренней политики; къ лучшему или нѣтъ — мы не беремся рѣшать. Мы укажемъ лишь на тотъ партійный духъ, который всегда пробуждается въ обществѣ, когда въ немъ совершается крупное событіе. Пробужденіе это сказывается какъ въ правительственныхъ перемѣнахъ, такъ и въ литературѣ. Мы избрали послѣднюю предметомъ нашей статьи. Цѣлая масса брошюръ и книгъ появилась за послѣднее время; множество новыхъ журналовъ возникаетъ, исчезаетъ и вновь нарождается. Нѣтъ ни денегъ, ни подписчиковъ, ни свободы слова,—а между тѣмъ каждый хочетъ внести свою лепту въ партійную борьбу. Мы объясняемъ это тѣмъ, что вопросы, волновавшіе общество еще ранѣе перваго марта, вызывали каждаго мысля-

щаго человѣка въ Россіи, сказать свое мнѣніе о современномъ положеніи дѣлъ. Оно такъ и случилось: русскіе писатели не только у себя дома, но и за-границей поспѣшили выразить разнообразные взгляды, которые по своимъ характернымъ особенностямъ могутъ быть, въ сущности, разбиты на двѣ группы.

Первая глава нашей статьи имѣетъ въ виду исключительно произведенія писателей, съ извѣстными цѣлями намѣренно извращающихъ истину. Мы относимъ къ числу ихъ докладъ г. Богушевича Вольно-Экономическому обществу по поводу изслѣдованій профессора Янсона— „О крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“, „Историческое призваніе русскаго помѣщика“ г. Неплюева, „Смута и ея настоящая причина“ г. Леонарда, политическую экономію г. Тизенгаузена для простаго народа подъ заглавіемъ „Бережь и трудъ“,—и многое другое въ этомъ же родѣ. За-границею, Берлинъ и Штутгартъ со своими придворными типографіями грозятъ сдѣлаться для Россіи мѣстомъ втораго изданія „Московскихъ Вѣдомостей“. Оттуда намъ шлютъ: „Нашу бѣдность“, „Бунтаря въ деревнѣ“, „Соціальныхъ реформаторовъ“ Г. Д. и „Что народу нужно?“ того же автора.

Другая глава нашей статьи будетъ посвящена произведеніямъ писателей, съ которыми можно не соглашаться, но честное отношеніе которыхъ къ дѣлу и основательное знакомство съ предметомъ находится внѣ подозрѣнія. Такими мы считаемъ г. Панаева—„Общинное землевладѣніе и крестьянскій вопросъ“, г. Новосельскаго—„Соціальные вопросы въ Россіи“ и автора „Писемъ о современномъ состояніи Россіи“. Мы не будемъ касаться ни журнальныхъ и газетныхъ партій, ни столь извѣстныхъ дѣятелей, какъ Самаринъ, кн. Васильчиковъ и немногіе другіе. Мы хотимъ говорить лишь о новыхъ публицистахъ, громко заявившихъ о себѣ въ 1881 году.

Писатели, сгрупированные нами въ первой главѣ нашей статьи, очевидно русскіе люди, хотя многіе изъ нихъ и не подписали своей фамиліи. Они знаютъ Россію, и нѣкоторые, несомнѣнно, знакомы съ европейскими порядками и наукою. Мы вправѣ требовать отъ такихъ людей политическаго идеала, разъ они недовольны существующими порядками и дѣятелями. А что они недовольны — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Посмотрите, какъ, напримѣръ, г. Неплюевъ относится къ реформамъ Петра I, къ наказамъ императрицы Екатерины II и къ 19-му февраля 1861 года: „Перемѣнились отношенія, но измѣнились-ли мы, русскіе, въ людей „изъ игрушечнаго дѣла людишекъ“?— спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Крестьяне не имѣютъ достаточнаго надѣла; а гдѣ онъ есть, тамъ, по отсутствію агрономическихъ свѣдѣній и неимѣнію капитала, они истощаютъ землю и, пропившись, бросаютъ ее. Недоимки, неурожаи, голодъ, эпидемическій падежъ скота, дифтеритъ и сифилисъ — всюду. „Таково экономическое положеніе крестьянъ послѣ 19 февраля“, по увѣренію г. Неплюева. Къ этому присоединилось еще „тлетворное

ученіе проходимцевъ"; привиллегированные же классы артистически проживаютъ жизнь или рутинно убиваютъ время: „вино, карты, продажныя женщицы—все это въ огромномъ излишествѣ, до пресыщенія, въ формѣ болѣе изящной въ столицѣ, болѣе грубой—въ провинціи". Изъ такого-то контингента нравственно-падшихъ людей набираются чиновники государственной службы, гражданской или военной; точно такіе же господа занимаются и хозяйствомъ, и служатъ по выборамъ.

Такова печальная картина, въ которой г. Неплюевъ соединяетъ и чиновничество, и частное хозяйство, и земство—однимъ словомъ, все, о чемъ въ томъ же духѣ говорили „неблагонамѣренные люди".

Г. Богушевичъ также обвиняетъ земства въ томъ, что всѣ земскіе отчеты и статистическія данныя тенденціозны, намѣренно подтасованы съ цѣлью доказать, что у насъ все идетъ худо и правительство ничего не смыслитъ въ дѣлѣ реформъ. Онъ доказываетъ, что такимъ поддѣльнымъ матеріаломъ пользовался г. Янсонъ, когда дѣлалъ выводы о малоземеліи крестьянъ и чрезмѣрности платежей. Г. Богушевичъ громитъ земства и направленіе г.г. Янсона, Энгельгардта, труды которыхъ доказываютъ, что частныя хозяйства рушатся, и потому печись о нихъ государству нѣтъ нужды. Г. Богушевичъ недоволенъ земствомъ и писателями аграрно-общиннаго оттѣнка. Г. Леонардъ недоволенъ Вольтеромъ и тѣмъ умственнымъ движеніемъ конца XVIII вѣка, которымъ заразились высшіе классы Европы для салоннаго препровожденія времени, а разночинцы и простой народъ—для возбужденія смутъ и покушеній. Это революціонно-философское направленіе, имѣвшее цѣлью не улучшеніе нравственой природы человѣка и измѣненіе внѣшнихъ условій его жизни,—до того испортило людей, что „имперіи и республики одинаково растлѣваются въ наше время ядомъ, сидящимъ въ современномъ человѣкѣ". Недовольство г. Леонарда, ставшаго на такую точку зрѣнія, разумѣется, обрушивается и на правительство, и на имущіе классы, и на поповъ, купцовъ, науку, литературу,—на все существующее. Авторъ же „Соціальныхъ реформаторовъ", подъ предлогомъ несостоятельности коммунистическихъ попытокъ Миноса, Ликурга, Платона, христіанскихъ монастырей, Томаса Мура, Компанеллы, анабаптистовъ, Бабефа, Фихте, С. Симона, Фурье, Овена, Луи-Блана, Лассаля, Маркса и русскихъ революціонеровъ,—нападаетъ въ экономической сферѣ на все свѣтлое, прогрессивное, что сдѣлано у насъ, или теоретически намѣчено послѣднимъ двадцатилѣтіемъ. Имѣя самыя смутныя свѣдѣнія о коммунистическихъ попыткахъ, Г. Д. отчасти по незнанію, а, вѣроятнѣе всего, по тенденціозному отношенію къ предмету, намѣренно извращаетъ всѣ факты, безцеремонно подтасовываетъ карты противника и издаетъ соціально-экономическій трактатъ, полный тенденціознаго мрака. Онъ нападаетъ на тѣ экономическія начала, которыя противны нынѣшнему способу обогащенія хозяина и обезпеченія рабочихъ. Въ древнемъ мірѣ, коммуны держались рабствомъ, деспотизмомъ старшихъ и

вообще большинства надъ личностью; такъ и теперь, говоритъ Г. Д., „ассоціаціи, даже получившія даромъ (или съ правительственнымъ выкупомъ) машины и фабрику, могутъ еще менѣе обезпечить бытъ рабочихъ, чѣмъ существующій буржуазный строй“ (стр. 73). Древній Востокъ и современный Западъ служатъ Г. Д. предлогомъ для нападенія на Россію за ея стремленіе завести правильныя артели, улучшить и укрѣпить крестьянскую общину, создать налоги на роскошь и прогрессивный налогъ, ослабить административное давленіе на мѣстное самоуправленіе. „Въ Россіи—говоритъ Г. Д.,—гдѣ существуетъ много артелей рабочихъ, какъ-то—землекоповъ, плотниковъ, каменщиковъ и проч., мы видимъ между членами постоянныя ссоры, которыя часто ведутъ къ распаденію артели. Рядчикъ, обыкновенно смышленый крестьянинъ, собираетъ нѣсколько своихъ односельцевъ и ведетъ ихъ въ ту губернію, гдѣ онъ надѣется найти работу, заключаетъ условіе и требуетъ задатокъ, который обыкновенно пропивается артелью; когда приступаютъ къ работамъ, то оказываются лѣнивые,—ихъ ругаютъ, потомъ бьютъ и, наконецъ, окончательно выгоняютъ изъ артели. Чаще же бываетъ, что члены артели, пріискавъ себѣ выгодную работу на сторонѣ, бросаютъ артель и уходятъ. Тогда рядчикъ остается одинъ и, конечно, не можетъ исполнить принятыхъ имъ условій. При крѣпостномъ правѣ артели лучше вели свои дѣла, потому что въ случаѣ ихъ неисправности наниматели жаловались помѣщику. Но нынѣ, когда съ артели ничего нельзя взыскать по случаю ея несостоятельности, ее менѣе охотно нанимаютъ, чѣмъ отдѣльныхъ рабочихъ; поэтому артели стали исчезать“.

„Съ нѣкоторыхъ поръ—продолжаетъ авторъ—распространились въ Россіи крестьяне-предприниматели, которые берутся исполнять работу, нанимаютъ отъ себя рабочихъ, слѣдятъ за ихъ трудомъ и прогоняютъ нерадивыхъ. Судя по успѣху подобнаго исполненія работъ, должно полагать, что рабочія артели скоро исчезнутъ въ Россіи. Это понятно,—ассоціація рабочихъ вводитъ анархію въ промышленность, столь же губительную, какъ анархія въ государственномъ строѣ, и оправдываетъ нашу пословицу: у семи нянекъ дитя безъ глаза“.

Итакъ: ассоціаціи рабочихъ—есть анархія въ промышленности, а кулацкая или крѣпостная артель будетъ порядкомъ и законностью!

На многихъ страницахъ читатель найдетъ любопытныя разсужденія о томъ, какъ осуществленіе идей Луи-Блана и Лассаля породило бы конкуренцію между рабочими ассоціаціями какъ одного и того же производства, такъ и различныхъ: капиталъ бѣжалъ бы заграницу и рабочимъ пришлось бы эксплуатировать другъ друга еще ужаснѣе, чѣмъ это дѣлаютъ нынѣшнія отношенія труда и капитала. Капиталистическій способъ производства богатствъ болѣе гарантируетъ рабочаго, чѣмъ конкурирующія ассоціаціи, или сотрудничествующія при помощи своихъ депутатовъ, рѣшающихъ вопросы коллективнаго

производства по большинству голосовъ: „горе тѣмъ промышленностямъ, которыя останутся въ меньшинствѣ!“ О крестьянской общинѣ Г. Д. разсуждаетъ еще оригинальнѣе, и для всякаго, кто хоть немного знакомъ съ литературою общины и артели, не остается сомнѣнія на счетъ того, пишетъ ли авторъ всю эту чепуху по невѣдѣнію, или сознательно лжетъ. Въ разныхъ мѣстахъ онъ говоритъ: „Наши революціонеры, съ своей точки зрѣнія, совершенно правы, основывая всѣ свои надежды на русской сельской общинѣ, такъ какъ они въ ней находятъ коммунистическое начало, выражаемое въ общемъ имуществѣ, въ полновластіи схода надъ личностью и имуществомъ отдѣльныхъ лицъ и въ управленіи толпою; остается примѣнить трудъ сообща и дѣленіе урожаевъ. Кажется въ Россіи необъяснимымъ сочувствіе къ общинному владѣнію, часто выражаемому людьми, считающимися образованными, которые открещиваются отъ нигилизма. У насъ, напр., принято называть крестьянъ-общинниковъ, выкупающихъ общественную землю, крестьянами-собственниками, когда они, въ сущности, имѣютъ только право и обязанность пользованія неизвѣстнымъ имъ клочкомъ, на неопредѣленный срокъ и (по случаю недоимщиковъ) за неопредѣленную плату. Можетъ ли крестьянинъ располагать землею?—нѣтъ; поэтому онъ—не собственникъ. [1]) Собственникъ представляетъ вездѣ охранительное государственное начало, неимущій—разрушительное, поэтому русскій крестьянинъ, личный собственникъ—охранитель, а общинникъ можетъ сдѣлаться разрушителемъ. Кромѣ того, общинное владѣніе подкапываетъ основу семейства, чего добиваются коммунисты, такъ какъ оно даетъ сыну право требовать на сходѣ отъ отца равную съ нимъ часть его состоянія. При такомъ порядкѣ, уваженіе къ родителямъ исчезаетъ. — Либерализмъ былъ всегда и вездѣ враждебенъ общинному владѣнію, потому что стремится къ наибольшей свободѣ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ; община же дѣлаетъ человѣка рабомъ большинства на сходѣ; поэтому можно защитниковъ общины назвать крѣпостниками. Въ экономическомъ отношеніи объ общинномъ владѣніи говорить не стоитъ; кажется, всѣ согласны съ тѣмъ, что оно служитъ одной изъ главныхъ причинъ бѣдности нашего сельскаго населенія“.

Чѣмъ больше общественныхъ факторовъ затрогиваетъ Г. Д., тѣмъ недовольство его ими растетъ crescendo. Ему кажется страннымъ, что „нѣкоторые монархи даже въ XIX в. желаютъ придерживаться демократическаго направленія. Это въ нихъ остатокъ средневѣко-

---

[1]) Не могу не привести по этому вопросу мнѣнія г. Панаева, о которомъ мнѣ придется говорить въ другомъ мѣстѣ: „Господь далъ мнѣ руки; я ими пользуюсь и извлекаю изъ нихъ всевозможную выгоду, но продать, заложить, или совсѣмъ лишить себя ихъ—не могу (развѣ сойду съ ума и отрублю). Есть ли рука моя собственность, или нѣтъ? Что можетъ человѣкъ дѣлать съ руками, то же самое общинникъ можетъ дѣлать съ землею.“ (стр. 53—54. В. А. Панаевъ: „Общинное землевладѣніе и крестьянскій вопросъ“).

выхъ понятій, когда могущественный феодализмъ съ ними боролся; нынѣ это—анахронизмъ, опасный для самихъ монарховъ." Людовикъ XVI погибъ потому, что въ дворянствѣ видѣлъ соперника королевской власти, а въ мѣщанствѣ и въ народѣ—опору. Нынѣшніе либеральные государственные люди, также ведутъ страну къ погибели, если копируютъ изъ себя Бріенна, Неккера или Тюрго. Что касается мелкаго „служиваго міра или втораго дворянства," то оно вмѣстѣ съ журналистами, адвокатами и разночинцами, побуждаемое завистью къ имущимъ, всегда вызывало революціи. „Если бъ во всѣхъ департаментахъ Франціи временъ 1789 года помѣщики руководили жителями, какъ въ Вандеѣ, то Людовикъ XVI остался бы на престолѣ. Чиновничество не только его не спасло, но еще доставило дѣятелей для революціи. Интересы бюрократовъ противны общественной пользѣ. Напримѣръ, чѣмъ болѣе правительство расходуетъ денегъ на государственное управленіе, тѣмъ лучше живется чиновникамъ, но зато тѣмъ болѣе взимается налоговъ съ производительнаго населенія, въ пользу непроизводительнаго.—А такъ какъ потребность населенія заключается въ томъ, чтобъ платить не много налоговъ, то вліяніе на законодательство бюрократовъ, ничего не производящихъ, но живущихъ на чужой счетъ, должно быть устранено. Чтобъ усилить народную производительность, здравый смыслъ намъ указываетъ, что законы должны согласоваться съ требованіями производителей, т. е. что они должны пользоваться преобладающимъ вліяніемъ". На дѣлѣ же мы видимъ, что „разорительное чиновничье направленіе лишаетъ даже земство той популярности, которая ему необходима." Что касается голоднаго, но „обученаго пролетарія," то опасность отъ него обществу слишкомъ очевидна. Для доказательства этого, Г. Д. пользуется сочиненіями о Россіи Кюстина и Журдіе. Разсужденія этихъ господъ ничѣмъ не разнятся отъ разсужденій г. Неплюева: „Какимъ бы геніемъ ни обладалъ пролетарій, какъ бы высоко образованъ онъ ни былъ, какъ бы ясно онъ не понималъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ,—все же ему доступна одна только проповѣдь своихъ убѣжденій; обращенная къ народу, это можетъ быть только революціонная проповѣдь мщенія, или ненависти, или гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Не имѣя ни капитала, ни матеріала, нужнаго для созиданія, они могутъ только разрушать..." („Историческ. призв. русск. помѣщика," 12 стр.) Дворянство русское, a) служилое, какъ и вездѣ, всегда революціонно, b) помѣстное же только то стоитъ „за собственность, законность и порядокъ," которое, имѣя большое недвижимое имущество, можетъ безвозмездно служить земству и только при этомъ условіи имѣетъ право требовать отъ правительства политическихъ правъ на мѣстное самоуправленіе. Мелкое же помѣстное дворянство, бьющееся въ земствѣ изъ-за хорошаго оклада, также какъ и городское чиновничество, хлопочетъ о политическихъ правахъ для народа, въ надеждѣ руководить толпою и съ ея помощью захватить въ свои

руки власть.—Общество наше также не достойно того, чтобъ быть опорою спокойствія: „Когда правительство призывало общество къ содѣйствію противъ нигилизма, то оно оказалось безсильнымъ, потому что охранители лишены значенія въ уѣздахъ. Приключеніе съ предсѣдателемъ уѣздной управы Булюбашемъ доказываетъ, что это содѣйствіе даже наказывается по суду." „Охранительною силою" конечно не можетъ быть обученый пролетарій, мелкій помѣщикъ, либеральный судья, купецъ или фабрикантъ, занятый по горло личными дѣлами; охрителями могутъ быть „лорды." Если у насъ ихъ нѣтъ,—надо озаботиться этимъ и создать ихъ искусственно, чтобъ они, дѣйствуя за-одно съ центральнымъ правительствомъ, заправляли бы и мѣстными дѣлами, неся службу безвозмездно и обязательно. Судебное вѣдомство также подлежитъ коренному преобразованію. „Если у насъ мало охранительныхъ силъ, то нельзя допустить для судей то широкое выборное начало, которое практикуется у насъ. Мы видѣли, что это начало дѣлало составъ присяжныхъ таковымъ, что возможны были оправданія Вѣры Засуличъ".

Относительно народнаго образованія, Г. Д. обвиняетъ государство, земство и думы въ воровствѣ и въ разсадничествѣ соціалистовъ и революціонеровъ. „Государство нуждается—говоритъ онъ—только въ опредѣленномъ числѣ лицъ съ высшимъ обученіемъ, которое, конечно, можетъ быть набрано изъ числа состоятельныхъ семействъ. Эти семейства могутъ платить за обученіе то, что оно стоитъ государству. Кромѣ того, спрашивается—какое право имѣютъ люди, желающіе заниматься науками, требовать, чтобъ другіе платили за осуществленіе ихъ желаній? Государство, земство и городскія думы на свои расходы имѣютъ только налоги, собираемые съ населенія. Справедливо ли, напримѣръ, съ крестьянина или ремесленника брать деньги для того, чтобъ дѣти титулярныхъ совѣтниковъ знали, какъ Аннибалъ воевалъ и какія есть бабочки въ Бразиліи? Только старость или болѣзнь даютъ человѣку право жить на чужой счетъ; сколько здоровыхъ, молодыхъ людей въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ живутъ подаяніемъ и обучаются на чужой счетъ, не находя подобное положеніе для себя унизительнымъ. Стипендіи и разнаго рода вспомоществованія—та же милостыня, которая развращаетъ человѣка, если она не вызвана его положеніемъ, при которомъ онъ не могъ бы заниматься физическимъ трудомъ. Нищенство преслѣдуется на улицахъ; почему же оно поощряется въ отношеніи къ учащейся молодежи? Довольно странно, чтобъ государство, земство, думы и общества тратили деньги на образованіе соціальныхъ революціонеровъ!"

Бѣдная университетски-обученая молодежь—это все кандидаты на революцію, особенно тѣ изъ нихъ, которымъ неудастся кончить курсъ. Г. Д. совѣтуетъ уничтожить стипендіи и возвысить стоимость высшаго образованія; тогда интеллигенція будетъ только изъ зажиточныхъ классовъ, могущая служить охраною вѣры, царя и отечества

Университеты, содержимые правительствомъ, просто-на-просто закрыть и сказать зажиточнымъ классамъ, что если они хотятъ обучать своихъ дѣтей высшимъ наукамъ, то пусть на свои средства строятъ университеты, содержатъ профессоровъ и администрацію; потому что—„какое право имѣютъ люди, желающіе заниматься наукою, требовать, чтобы другіе платили за осуществленіе ихъ желаній?“ Еще болѣе несправедливо требованіе стипендій: „Конечно, люди имѣютъ право изъ своихъ денегъ выдавать стипендію кому имъ угодно, но государство, земство и думы не имѣютъ этого права, такъ какъ подобное дѣйствіе значило бы—взять у одного и передать другому; это своего рода нарушеніе права собственности“. Земство въ другомъ еще отношеніи посягаетъ на собственность—посредствомъ произвольнаго обложенія налогами земли помѣщиковъ. „Сельское хозяйство требуетъ вѣрнаго знанія дохода и расхода; но когда размѣръ расхода неизвѣстенъ, по случаю земскаго произвола, — предпріятіе дѣлается рискованнымъ и не привлекаетъ капитала“. Вотъ почему нѣтъ ни у кого охоты теперь покупать имѣнія, или даже устраиваться въ тѣхъ, которыя пріобрѣтены раньше. Съ точно такимъ же отвращеніемъ Г. Д. относится къ народному хозяйству, къ крестьянскому самоуправленію, къ сельскому духовенству.

„Говорятъ—прибавьте жалованья священникамъ, тогда они будутъ хороши. Это чиновничье воззрѣніе не вѣрно“.—Духовенство обезпечено усадьбою и землею, требами и любовью крестьянъ, которые даромъ „батюшкѣ“ обработаютъ землю. Но духовенство хочетъ жить по-помѣщичьи, а не по-крестьянски; оттого оно бѣдствуетъ и теряетъ авторитетъ. „Чѣмъ богаче будетъ жить духовенство, тѣмъ болѣе оно удалится отъ крестьянина, который довѣряетъ только людямъ, живущимъ съ нимъ одною жизнью“.—Крестьянское самоуправленіе нуждается въ помѣщичьемъ контролѣ надъ сходомъ, чтобы оберегать права крестьянина отъ деспотизма и подкупа большинства. Безъ вотчиной полиціи уничтоженіе крѣпостнаго права замѣнилось общественнымъ крѣпостнымъ правомъ. Народное хозяйство, покоящееся на общинномъ землевладѣніи,—при которомъ хозяинъ и работникъ совмѣщаются въ одномъ лицѣ,—должно быть уничтожено или предоставленіемъ права домохозяину требовать выдѣла своего надѣла въ участковое пользованіе, или установленіемъ срока (примѣрно—черезъ сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ), къ которому бы каждый крестьянинъ обязательно съ общиннаго владѣнія перешелъ на участковое.

„Свободное распоряженіе своею личностью и своимъ имуществомъ составляетъ природную потребность человѣка; поэтому общинное владѣніе съ круговою порукою и произволомъ схода, этотъ остатокъ нашего крѣпостнаго права, долженъ исчезнуть. Только тогда человѣческая дѣятельность разовьется и Россія покроется мелкими собственниками, которые вездѣ и всегда развивали богатство края и служили опорою порядку и законности“. Г. Д., какъ и другіе его единомыш-

ленники, отрицающіе и бюрократію, и конституцію, и земство, и народный общинный духъ, кладутъ, какъ мы видимъ, въ основу политическаго строя экономическія начала. Временами у нихъ звучитъ нотка Достоевскаго: найди правду въ самомъ себѣ, а не въ экономическихъ и политическихъ порядкахъ; но общій духъ ихъ проповѣди тотъ, что нравственная выработка человѣка оказывается въ рукахъ того, кто имѣетъ капиталъ, или землю. А если это такъ, то и власть должна быть въ рукахъ „нравственныхъ" крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Господа Неплюевы, Леонарды, Богушевичи, Г. Д. и др. держатъ гуманныя и просвѣщенныя рѣчи южно-американскихъ плантаторовъ, когда тѣ протестовали противъ освобожденія негровъ и въ особенности противъ дарованія имъ политическихъ правъ. Негръ бѣденъ и необразованъ,—можетъ ли быть рѣчь объ его гражданскихъ чувствахъ и политическомъ пониманіи? Если нужны реформы, то лишь для поднятія благосостоянія плантаторовъ, для закрѣпощенія за ними всѣхъ прерогативъ и созданія новыхъ. Тогда плантаторы, имѣя капиталъ и знаніе, осуществили бы по отношенію къ неграмъ то, чѣмъ предстоитъ заняться русскимъ помѣщикамъ по отношенію къ крестьянамъ. „Если бъ представлялась возможность вести серьезное самостоятельное хозяйство на частныхъ земляхъ, нашлись бы и частные капиталы, да и правительство не отказало бы въ своемъ содѣйствіи. Во всякомъ случаѣ легче улучшать готовое, въ которомъ всегда окажется много чего пригоднаго, чѣмъ обзаводиться новымъ, предавая все старое ломкѣ и уничтоженію". Такъ проповѣдуетъ г. Богушевичъ въ своемъ докладѣ Вольно-Экономическому обществу противъ мѣръ, предлагаемыхъ г. Янсономъ для улучшенія быта крестьянъ. „Почему помѣщичье хозяйство въ большей части Россіи не совершенствуется, а разрушается, и какими способами можно было бы поднять его и поддержать, — этимъ вопросомъ никто не занимается", говоритъ г. Богушевичъ. „Но что̀ именно въ этомъ вопросѣ лежитъ и разрѣшеніе вопроса о поднятіи крестьянскаго хозяйства, это для меня—увѣряетъ г. Богушевичъ—совершенно ясно, какъ я не сомнѣваюсь въ той истинѣ, что для преуспѣянія сельскаго хозяйства необходимы четыре фактора: земля, знаніе, трудъ и капиталъ". А такъ какъ эти факторы въ рукахъ помѣщиковъ, а не крестьянъ, то для г. Богушевича совершенно логиченъ такой выводъ: слѣдовательно, правительство должно заботиться о частномъ помѣщичьемъ хозяйствѣ, а не о крестьянскомъ малоземеліи. Когда въ селахъ упрочится самостоятельный богатый классъ помѣщиковъ, то—„это одно могло бы много содѣйствовать улучшенію крестьянскаго быта и въ экономическомъ, и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ".

Подобная идеализація вліянія зажиточныхъ классовъ на благосостояніе рабочаго у Г. Д. еще сильнѣе; мѣстами она не уступаетъ Шульце-Деличу. Оказывается, что капиталъ создалъ промышленность

и что земледѣльческій классъ болѣе живетъ доходомъ отъ труда, чѣмъ отъ земли, что надо способствовать довѣрію капитала къ труду, поощрять капиталъ на предпріятія. Для этого Г. Д. надо создать привиллегіи, „угодить капиталу". „Чѣмъ болѣе въ странѣ капиталовъ въ сравненіи съ числомъ рабочихъ, говоритъ онъ,—тѣмъ положеніе послѣднихъ лучше. Вотъ почему, нападая на капиталъ, Марксъ, Лассаль и др. его пугаютъ и отклоняютъ отъ промышленности и тѣмъ наносятъ ущербъ благосостоянію рабочихъ. Марксъ требуетъ возвышенія заработной платы, не зная—возможно-ли это? Въ Англіи рабочіе стачками добивались часто возвышенія платы; что же оказывалось? Фабрики стали давать убытокъ и закрывались; рабочіе тысячами стали голодать и, видя невозможность для хозяина продолжать производство, соглашались на уменьшеніе платы весьма значительное". Въ Германіи было то же самое, когда рабочіе, бывши солдатами во время франко-прусской войны, отвыкли отъ труда и требовали уменьшенія рабочихъ часовъ. Увеличилось число нищихъ, портерныхъ, число преступленій, и промышленность замедлила свой ходъ. Чтобъ поощрить ее—дать фабрикантамъ возможность при высокой рабочей платѣ продолжать производство—правительство прибѣгло къ возвышенію таможенныхъ пошлинъ. „А покровительственная пошлина вызываетъ дороговизну предметовъ, потому жизнь рабочему будетъ стоить дороже, чѣмъ нынѣ, и онъ будетъ въ худшемъ положеніи, чѣмъ когда получалъ меньшую плату и болѣе часовъ работалъ, но зато все покупалъ дешево". Теперь всѣмъ извѣстно, что крестьянскіе платежи значительно превышаютъ доходность земли, которой владѣютъ крестьяне. Спрашивается, откуда же являются тѣ деньги, которыми крестьяне уплачиваютъ повинности, разъ эти повинности превышаютъ доходъ земли?—„Капиталисты, крупные землевладѣльцы, фабриканты, купцы, ремесленники и лица, получающія жалованье, нуждаются въ трудѣ крестьянъ, расходуя свои доходы въ Россіи; этотъ-то оплаченный трудъ и составляетъ главный доходъ рабочаго сословія, доходъ, который исчезнетъ въ мужицкомъ царствѣ, придуманномъ нашими революціонерами". Этотъ будущій строй послѣ революціи подъ перомъ Г. Д. такъ оригиналенъ, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи познакомить съ нимъ читателей.

„Двѣнадцать милліоновъ жителей, не принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, какъ то: дворяне, чиновники, ремесленники, офицеры, купцы, мѣщане и пр., останутся безъ хлѣба и должны будутъ приписаться къ сельскимъ обществамъ. Но крестьяне, пользуясь случаемъ, заберутъ сосѣднія казенныя и частныя земли и между собою подѣлятъ; остальнымъ сословіямъ они, вѣроятно, надѣла дать не захотятъ, такъ что послѣднимъ придется идти въ деревенскіе батраки. Можно себѣ представить положеніе образованныхъ классовъ обоего пола, когда ихъ подчинятъ сельскимъ сходамъ, считающимъ розги лучшимъ наказаніемъ. Неужели революціонеры образованныхъ сословій не видятъ

послѣдствія ихъ подчиненія мужицкой безапелляціонной расправѣ? Науки и искусства въ Россіи исчезнутъ и все образованіе ограничится грамотою". („Соціальные реформаторы").—Итакъ, исходъ революціи тотъ, что интеллигенцію будутъ сѣчь розгами, а заработокъ крестьянина, когда весь трудъ организованъ въ лицѣ общины, безъ хозяина и батраковъ, будетъ гораздо менѣе, чѣмъ при настоящемъ строѣ, гдѣ, кромѣ дохода отъ земли, крестьянинъ можетъ достать нѣсколько лишнихъ рублей въ наймѣ у помѣщика, или у сосѣдняго фабриканта. Г. Д. при этомъ пользуется разсчетомъ изъ книги „Наша бѣдность", гдѣ будущій заработокъ крестьянина, значительно ниже, чѣмъ теперешній.

„Намъ предстоитъ, во что бы то ни стало,—говоритъ Г. Д. въ книгѣ „Что народу нужно"?—угодить капиталу, направляющемуся на производительность края. Вотъ главная задача нашего времени въ Россіи, чтобы исправить наше бѣдственное положеніе. Напримѣръ, заставьте фабрикантовъ, или землевладѣльцевъ, кормить своихъ робочихъ дорогою пищею, одѣвать ихъ, устроивать для нихъ госпитали, школы, бани, и пр.; конечно, это было бы очень хорошо, но многіе фабриканты бросятъ производство, какъ убыточное, а рабочіе будутъ голодать. Устройте для промышленности такую регламентацію, что начальство будетъ имѣть случай къ ней часто придираться, и дайте предлогъ къ вымогательствамъ,—то вы, конечно, отобьете у каждаго охоту направить свои капиталы и свою дѣятельность на производительность. Пока мы не угодимъ капиталу, онъ будетъ отстраняться отъ полезнаго труда, а мы останемся безъ него нищими". А капиталисты — съ ними что сдѣлается? Что предпримутъ зажиточные классы, если правительство создастъ фабричное законодательство, или всесословную волость, въ которой еще неизвѣстно, кому выпадетъ „угожденіе"—землевладѣльцу, или земледѣльцу? Зажиточные классы убѣгутъ за-границу, явится голодъ, наростутъ неустойки по заграничнымъ займамъ, и Европа за долги отниметъ у насъ Финляндію, Остзейскія губерніи, Польшу, и т. д. Внутри же Россіи, правительство, не находя имущей, сильной партіи, готовой вступиться за существующій строй, не въ силахъ будетъ подавить промышленную и государственную анархію, пока сама толпа не реставрируетъ прежнія преимущества капитала. „Бѣдные тогда сыты, когда находятъ себѣ прибыльную работу, работа же дѣлается прибыльною при довѣріи капитала къ труду, — довѣріе капитала пріобрѣтается законодательствомъ, обезпечивающимъ исполненіе обязательствъ, принятыхъ на себя трудомъ. Вотъ почему неразумны тѣ, которые, подъ предлогомъ любви къ рабочему люду, враждебно относятся къ преобладающему вліянію собственниковъ на управленіе — они оказываютъ бѣднымъ классамъ медвѣжью услугу". Чудное будущее намъ предстоитъ, если бразды правленія попадутъ въ руки зажиточнаго класса! И богаты и умны мы будемъ! Этотъ классъ со-

третъ съ лица земли всякія общины, артели, „интеллигенцію" создастъ изъ зажиточныхъ семей; „общественное мнѣніе" облагородитъ путемъ оригинальнѣйшей организаціи прессы. Объ этой организаціи стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Какъ только создалось печатное слово, между прессою и правительствомъ установился „явный антагонизмъ". Пресса наслѣдственно выработала въ себѣ „анархическій характеръ". „Пресса во Франціи всегда нападала на правительство, каково оно ни было, и дѣлала его невозможнымъ. Люди, власть имѣющіе, это понимали, будь они консерваторы, радикалы, или коммунисты. Народный Конвентъ въ 1793 г., Директорія, Наполеонъ I, Наполеонъ III и, наконецъ, парижская коммуна не допускали свободу печати; даже чѣмъ либеральнѣе считало себя правительство, тѣмъ суровѣе оно душило прессу" (308). „Несомнѣнно, что печать составляетъ грозную силу—она сама этимъ хвастается, — поэтому слѣдуетъ разсмотрѣть, въ какихъ рукахъ эта сила находится. Пишутъ статьи литераторы по ремеслу; людямъ, занимающимся сельскимъ хозяйствомъ, промышленностью, или торговлею, вообще людямъ дѣла, некогда заниматься газетнымъ писаніемъ; людямъ же ученымъ, не занимающимся политикой, нѣтъ для этого охоты; поэтому печать находится въ рукахъ учившагося пролетаріата, т. е. самаго революціоннаго элемента въ государствѣ. Простой здравый смыслъ указываетъ, что въ интересахъ государственнаго спокойствія и собственной безопасности правительство должно стремиться къ убавленію вражеской силы. Когда мы видимъ, что человѣческія общества процвѣтаютъ только при преобладающемъ вліяніи собственниковъ, очевидно, что вліяніе пролетаріата вредно. Чтобы парализовать силу печати, правительству приходится или ее подкупать, какъ это дѣлается въ Германіи, или же стѣснять проявленіе разрушительныхъ началъ. Для подкупа печати нужно много денегъ, ихъ брать негдѣ, кромѣ какъ изъ налоговъ на населеніе. Справедливо ли съ народа брать подати, чтобы кормить постоянно увеличивающееся число литераторовъ? Очевидно нѣтъ! поэтому остаются стѣснительныя мѣры".

Впрочемъ, Г. Д. въ одномъ мѣстѣ дѣлаетъ уступку прессѣ и удостоиваетъ защитой свободу печати, но подъ условіемъ „ежели послѣ каждой неосновательной статьи можно на томъ же листѣ прочесть возраженія". Для такой свободы печати Г. Д. придумалъ слѣдующій способъ: „Въ каждомъ значительномъ городѣ правительство издаетъ потребное число газетъ; частныя періодическія изданія вовсе запрещаются. При каждой редакціи правительство назначаетъ образованныхъ сотрудниковъ, способныхъ возражать противъ неосновательныхъ статей. Первая страница предоставляется публикѣ—каждый на ней можетъ напечатать, что̀ ему вздумается; такимъ образомъ предполагается установить свободу печати. На второй страницѣ редакція возражаетъ противъ неосновательности статей, помѣщенныхъ на первой страницѣ,

противъ лжи и клеветы. Такимъ образомъ, предполагается каждому дать возможность прочесть мнѣнія за и противъ и развить въ публикѣ способность къ анализу. Двѣ остальныя страницы заключаютъ извѣстія и объявленія.“

Съ такой общественной философіей Г. Д. согласны гг. Тизенгаузенъ, Неплюевъ, неизвѣстный авторъ „Бунтаря въ деревнѣ“, г. Богушевичъ, г. Леонардъ и множество другихъ. Съ экономическимъ идеаломъ этихъ спасителей отечества мы покончили; политическій идеалъ ихъ также достаточно ясенъ; но мы еще не знаемъ, какими средствами они хотѣли бы его осуществить. Какія реальныя и конкретныя формы этого политическаго строя? Мы знаемъ его сущность, его экономическій фундаментъ, знаемъ его направленіе, но его форму, организацію, намъ предстоитъ еще выяснить. Г. Д. и въ этомъ случаѣ типичнѣе и смѣлѣе своихъ единомышленниковъ. Имъ мы преимущественно и будемъ пользоваться: лучшаго представителя партіи капитала и власти трудно найти.

Аргументація Г. Д. (въ книгѣ „Что народу нужно?“) распадается на примѣры исторіи, подтверждающіе его политическій идеалъ, на общія философско-плантаторскія разсужденія и разсужденія, касающіяся прямо Россіи. Дѣлая обобщеніе исторіи, Г. Д. приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: „Когда власть братается съ народомъ, какая-бы она ни была (королевская, или республиканская)—она гибнетъ въ концѣ концовъ. Примѣръ тому—монархія Людовика XVI и республики 1793 и 1848 годовъ. Единственная надежная поддержка власти — это имущіе классы, аристократія, для которой сохраненіе существующаго порядка всегда желательно. Если правительство это забываетъ, то оно вступаетъ на путь произвола. Беззаконіе же Людовиковъ, террористовъ, Наполеоновъ, въ свою очередь порождаетъ произволъ толпы. Беззаконіе правительства состоитъ въ томъ, что оно забываетъ своего союзника— аристократію, и потому гибнетъ. Въ этомъ беззаконіи погрѣшимы всѣ правительства. Женева стала портиться съ тѣхъ поръ, какъ начала утрачивать аристократическій элементъ; Америка Вашингтона—съ тѣхъ поръ, какъ ознаменовалась всеобщею подачею голосовъ. Лучшіе люди заатлантической республики жаждутъ ограниченія избирательнаго права и стремятся доставить землевладѣльцамъ перевѣсъ на выборахъ, такъ какъ въ ихъ рукахъ и имущественный цензъ, и нравственный. Безъ этого политика американскихъ штатовъ явится скоро примѣромъ паденія, интригъ, продажности и смутъ. Въ составъ правительства должны входить высшіе классы. Король, который нарушаетъ эту законность, т. е. не исполняетъ обѣщанія, данныя высшимъ классамъ, и вызываетъ на мѣсто ихъ толпу,— самъ создаетъ революцію. Всякая революція въ концѣ концовъ ведетъ къ диктатурѣ, и положеніе дѣлъ становится хуже стараго режима. Примѣръ тому—Франція: толпа всегда платила черной неблагодарностью тому правительству, которое заступалось за нее, нару-

шая интересы высшихъ классовъ. Для толпы необходимы Наполеонъ I, Кавеньякъ, Шангарнье, Наполеонъ III, Тьеръ и т. п. великіе мужи, умѣющіе найти рѣшительныя и вѣрныя средства для водворенія спокойствія и законности. Таковъ одинъ изъ исходовъ беззаконія власти, забывающей свою правую руку—дворянство. Другой исходъ заключается въ томъ, что возстаютъ уже зажиточные высшіе классы противъ своего беззаконнаго правительства, призывающаго толпу, и тѣмъ внося анархію. Смуты въ Италіи, революціи во Франціи и Германіи, были возстаніями демократовъ и толпы, всегда пагубными для страны и завершавшіяся диктатурою. Но возстанія Нидерландовъ противъ Филиппа II, возстаніе Англіи противъ Карла I и возстаніе Соединенныхъ Штатовъ Америки противъ Англіи—были законны, такъ какъ власть нарушила данныя ею обѣщанія. Филиппъ II уничтожилъ свободу вѣры, дарованную его предшественникомъ; Карлъ I взимаетъ налоги, не утвержденные парламентомъ, что противно было англійской конституціи. Соединенные Штаты отказываются платить налоги, установленные безъ согласія колоніи, на что она, по англійскимъ учрежденіямъ, имѣла право. Возстанія вызываются и поддерживаются образованными и зажиточными классами во имя законности". Теперь мы знаемъ, что законностью Г. Д. называетъ договоръ власти съ высшими, зажиточными, охранительными сословіями; нарушеніе этой законности вызываетъ или пагубное возстаніе толпы, или отрезвляющее возстаніе „зажиточныхъ и образованныхъ классовъ". Пристращавъ такимъ образомъ правительства примѣрами исторіи, Г. Д. взываетъ къ здравому смыслу: политическое вліяніе очень трудная задача; поэтому оно не есть прирожденное право человѣка. Чтобъ пользоваться имъ, надо имѣть много гражданскаго чувства, образованія и обезпеченности, гарантирующей отъ подкупа. Гдѣ этого нѣтъ, гдѣ политическое участіе дано каждому, тамъ царитъ страшная шаткость и подкупъ. Примѣръ тому—русскіе крестьяне и Парижъ съ Ліономъ. Въ послѣднихъ стали выбирать представителями населенія каторжниковъ. „Въ каждомъ государствѣ находится болѣе бѣдныхъ, чѣмъ богатыхъ, болѣе необразованныхъ людей, чѣмъ образованныхъ; поэтому политическое преобладаніе, при всеобщей подачѣ голосовъ, предается всецѣло въ руки бѣдной и необразованной части народа". Политическое участіе должно быть пропорціонально налогу, а тѣ, которые совсѣмъ его не платятъ, должны быть устранены отъ голосованія. „Ежели бы тѣ, которые не платятъ налоги, имѣли право голоса, то это было бы похоже на акціонерное общество, въ которомъ каждый прохожій могъ бы подавать свой голосъ. Но въ акціонерныхъ обществахъ мы видимъ, что право голоса соразмѣряется съ долею участія въ предпріятіи. Правительство похоже на страховое общество, гарантирующее каждому жителю охрану его личности и его имущества взамѣнъ уплаты налоговъ. Но, чтобъ правительство охраняло имущество каждаго, въ немъ должны преобладать собственники, ко-

торыхъ интересы всегда тождественны съ интересами правительства, а не неимущіе". А чтобъ собственники-аристократы были сильны и популярны, они должны быть очень богаты; „поэтому монархи должны бы были, изъ чувства самосохраненія, дорожить аристократіею, какъ единственною оградою противъ революцій, и поощрять учрежденіе маіоратовъ".

Таковы идеалы „нашихъ новыхъ плантаторовъ": имъ ненадо монархіи съ мѣстными, земскими, самостоятельными единицами; имъ ненадо монархіи съ бюрократіей и администраціей,—имъ подай монархію съ верхнею палатой. Верхняя палата тогда хороша, когда она несмѣняема и наслѣдственна. „Для выраженія независимаго мнѣнія, часто непопулярнаго, нужно независимое положеніе и вліяніе въ странѣ; вотъ почему члены верхней палаты должны быть состоятельны. Эта цѣль достигается въ Англіи маіоратами, охраняя отъ дѣлежа или растраты недвижимое имущество старшихъ сыновей, поступающихъ въ палату лордовъ. Понятно, что при такомъ богатствѣ, нельзя подкупить англійскую верхнюю палату. Не то мы видимъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, гдѣ акціонерныя общества подкупали верхнюю палату".

„Кромѣ законодательной власти, нужна еще исполнительная, которая, чтобъ быть дѣйствительною, должна быть единоличная. Въ республикахъ, при выборахъ, кандидаты на президентскую должность должны, для достиженія цѣли, интриговать, льстить большинству и обѣщать всевозможныя блага своимъ вліятельнымъ приверженцамъ. Гдѣ же тутъ ожидать безпристрастія отъ главы исполнительной власти! Наслѣдственный же монархъ стоитъ выше партій, которыя для него безразличны; вотъ почему здравый смыслъ намъ указываетъ, что наслѣдственная монархія болѣе соотвѣтствуетъ необходимымъ условіямъ человѣческихъ обществъ, нежели республика". Подготовивъ, такимъ образомъ, читателя теоритически къ воспріятію монархіи съ верхнею палатою, Г. Д. становится на практическую почву, доказывая, что нижняя палата, т. е. вообще участіе народа въ политикѣ,—немыслима у насъ въ Россіи. „Вообще, когда бѣдный перестаетъ работать, то онъ дѣлается врагомъ общественнаго строя; привлекая его къ политикѣ, мы отвлекаемъ его отъ труда". Крестьяне-общинники не имѣютъ рѣшительно времени думать о политикѣ и притомъ недозрѣли до политическихъ правъ; крестьяне личные собственники (проще—кулаки) болѣе способны ими пользоваться, но и они, по неразвитію, могутъ служить орудіемъ для нигилистовъ или для ловкихъ политическихъ спекулянтовъ, въ родѣ американскихъ. „Купцы, фабриканты и богатые крестьяне—личные землевладѣльцы, имѣя разнообразныя дѣловыя сношенія съ людьми разныхъ положеній, успѣли пріобрѣсти нѣкоторую опытность въ дѣлахъ управленія и сношеній между разными слоями населенія, а потому и способны пользоваться нѣкоторыми политическими правами, но ихъ не добиваются,

будучи заняты своими личными дѣлами.“ Остальные элементы русскаго населенія—мелкопомѣстное дворянство, чиновничество, „разночинцы,“ промышленные пролетаріи, адвокаты и журналисты—представляютъ изъ себя столь политически-неблагонамѣренныхъ людей, что кто же пожелаетъ ихъ вліянія на судьбы родины? Россіи необходимо создать лордовъ, тогда правительство, опираясь на верхнюю палату, будетъ твердо и покойно править страною. Г. Д. не забылъ и тѣхъ русскихъ людей, которые видятъ спокойствіе и благоденствіе государства не въ столповомъ дворянствѣ, не въ бюрократіи, а въ развитіи всесословныхъ земскихъ учрежденій и въ совѣщательномъ собраніи депутатовъ, выбранныхъ мѣстными земствами. Г. Д. говоритъ: „Съ перваго взгляда казалось бы, что мѣстныя провинціальныя собранія могли бы разумнѣе избирать достойныхъ людей для представительства, чѣмъ само населеніе. Но противъ этого замѣчаютъ весьма основательно, что земскіе гласные избраны заниматься хозяйственными дѣлами, а не политическими. Человѣкъ можетъ отлично наблюдать за мостами, дорогами и отчетностью, но не имѣть ни какого понятія о государственныхъ вопросахъ; кромѣ того, мѣстныя собранія обыкновенно дѣлятся на партіи, которыя часто не выражаютъ собою мнѣнія населенія. Мы это видимъ въ Россіи, гдѣ земство находится большею частью въ рукахъ сплоченной партіи оплоченныхъ должностныхъ лицъ, живущихъ на счетъ населенія и вовсе не выражающихъ общественнаго мнѣнія. Кромѣ того, если бы провинціальныя собранія выбирали депутатовъ, то они требовали бы отъ своихъ представителей отчетъ въ ихъ дѣйствіяхъ. Такимъ образомъ, земскія собранія изъ хозяйственныхъ учрежденій превратились бы въ политическія, что врядъ-ли желательно для спокойствія края. Сотня мѣстныхъ парламентовъ давала бы своимъ депутатамъ обязательныя инструкціи и поддерживала бы въ народѣ постоянную агитацію.“ Нѣтъ, Россія нуждается въ верхней палатѣ изъ лицъ, засѣдающихъ въ ней безвозмездно, такъ какъ они и безъ того очень богаты, и кромѣ того, несмѣняемы и наслѣдственны. Этихъ лицъ, новыхъ русскихъ лордовъ, надо создать маіоратами и другими искусственными мѣрами.

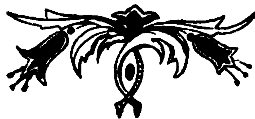
Договорившись до такихъ нелѣпостей, наши реформаторы проектируютъ для перевоспитанія „испорченнаго современнаго человѣка“ какія-то необыкновенныя школы. Такъ, напримѣръ, г. Неплюевъ „для начала рекомендуетъ—каждому помѣщику взять по одному ребенку отъ крестьянскаго семейства къ себѣ на воспитаніе“ и затѣмъ устроить „народныя читальни съ приманкою туманныхъ картинъ; незатѣйливые вокальные концерты съ живыми картинами въ исполненіи нашихъ воспитанниковъ и съ полнымъ доступомъ для всѣхъ; чайное заведеніе съ скромнымъ органчикомъ; все это, смотря потому, насколько умѣло мы поведемъ дѣло, можетъ послужить средствами отвлеченія крестьянъ отъ кабака.“ При чтеніи подобныхъ ребяческихъ проектовъ,

становится просто „за человѣка стыдно.“ Рядомъ съ ребячествомъ идетъ средневѣковый мракъ и жестокость.—Толпа преклоняется только передъ силой и потому строгіе законы и безусловное исполненіе ихъ дѣлаетъ правительство сильнымъ, а оппозицію и печать ничтожными. Уступки времени увеличиваютъ число бунтовщиковъ; вмѣсто словъ нужна картечь. „Кавеньякъ штыками доставилъ Франціи 22 года спокойствія“ (Г. Д.). Артиллерія Наполеона III во время „переворота“ охранила страну отъ разрушительныхъ страстей и пагубности вѣчныхъ „уступокъ“ и компромиссовъ. „Правда, несмотря на благопріятныя обстоятельства, переворотъ не обошелся безъ кровопролитія. Нѣсколько сотъ любопытныхъ погибло, но спокойствіе скоро водворилось на 18 лѣтъ энергическимъ дѣйствіемъ арміи.“—„Тьеръ, во время коммуны, зналъ, что толпа преклоняется только передъ силою и сдерживается только страхомъ. Наученный опытомъ прежнихъ революцій, онъ не давалъ пощады: пушки, митральезы и ружья положили около 35.000 бунтовщиковъ; смертная казнь, каторга и ссылка нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ очистили Парижъ отъ самой вредной части населенія...“ Но довольно! Мы полагаемъ, что приведенныхъ нами выдержекъ совершенно достаточно для того, чтобы ознакомить читателей съ идеалами и взглядами „современныхъ реформаторовъ“ первой группы.

Въ слѣдующей главѣ мы разберемъ другихъ русскихъ публицистовъ: г. Новосельскаго („Соціальные вопросы въ Россіи“), г. Панаева („Общинное землевладѣніе и крестьянскій вопросъ“) и автора „Писемъ о современномъ состояніи Россіи.“

Намъ будетъ пріятно остановиться на людяхъ, можетъ быть и ошибочно смотрящихъ на дѣло, но призывающихъ къ нему всю Россію, а не однихъ только крупныхъ чиновъ съ дарованными имѣніями.

А. Фаресовъ.



ИСТОРИЧЕСКІЙ ГОРОДЪ.

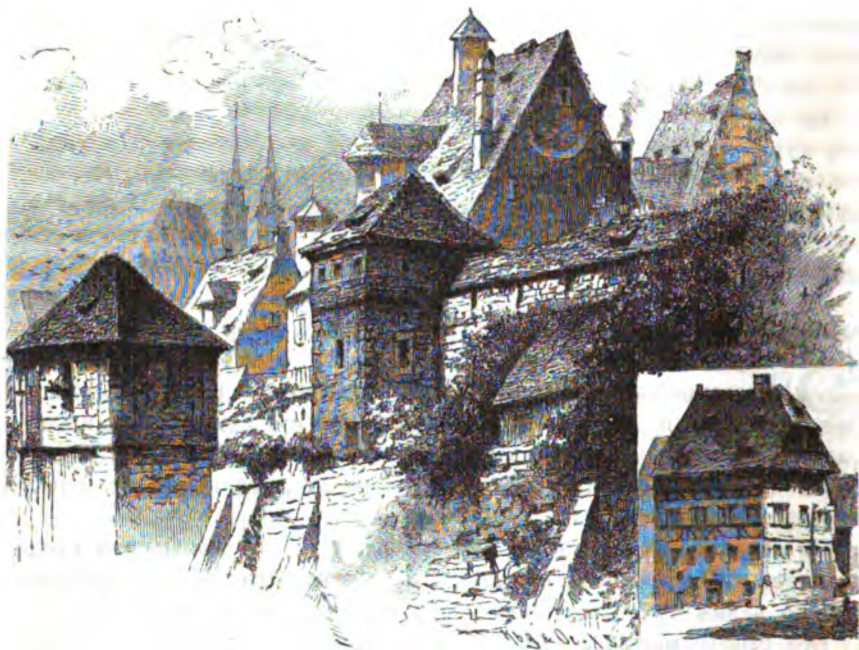
(Статья Я. Фальке).

За Нюрнбергомъ съ давнихъ поръ утвердилась репутація средневѣковаго города. Если средніе вѣка считать за нѣчто совершенно противоположное новѣйшимъ временамъ, то это, пожалуй, и справедливо: Нюрнбергъ въ самомъ дѣлѣ производитъ впечатлѣніе чего-то уже отжившаго свой вѣкъ; онъ рѣшительно не похожъ на другіе германскіе города, возникшіе въ эпоху относительно болѣе близкую къ намъ.

Но сильно ошибется тотъ, кто вообразитъ, что Нюрнбергъ представляетъ собою совершенный типъ средневѣковаго города, выстроеннаго по всѣмъ правиламъ строительнаго искусства того времени.

Его скорѣе можно сравнить съ богатой коллекціей различныхъ древностей. На каждомъ шагу въ немъ попадаются, точно какія священныя реликвіи, странные на нашъ взглядъ дома и сооруженія, сохранившіеся отъ разныхъ эпохъ, пережитыхъ древнимъ Норисомъ. Между ними вы найдете памятники вѣковъ преобладанія въ Европѣ романскаго племени, когда Нюрнбергъ въ первый разъ выступаетъ изъ мрака неизвѣстности на поприще исторіи, найдете остатки и отъ тѣхъ отдаленныхъ временъ, лѣтописи которыхъ вовсе еще и не упоминаютъ имени Нюрнберга, т. е. отъ одиннадцатаго и двѣнадцатаго столѣтія нашей эры. Впрочемъ, чтобъ отыскать ихъ, придется употребить немало труда и энергіи: ихъ такъ мало, что они положительно теряются въ массѣ другихъ древностей. Зато образцовъ готическаго стиля въ городѣ множество: всѣ почти церкви и капеллы выстроены въ этомъ стилѣ. Можно съ полнымъ правомъ сказать, что религіозный, благочестивый Нюрнбергъ—городъ по преимуществу готическій, и если его уже называть средневѣковымъ, то именно въ этомъ смыслѣ.

Впрочемъ, въ немъ есть и кромѣ того много напоминающаго намъ средніе вѣка. Таковъ, напримѣръ, самый планъ города съ его узкими, разбѣгающимися во всѣ стороны отъ цитадели, улицами, съ извилистыми переулками, нерѣдко пересѣкаемыми крутыми спусками и подъемами. Таково даже и расположеніе домовъ, ступеньками выдвигающихся другъ изъ-за друга на улицу, такъ что линія ихъ фасадовъ—ломаная, въ видѣ лѣстницы. Но о самыхъ домахъ съ ихъ воро-



Часть города, прилегающая къ укрѣпленіямъ.

Домъ Дюрера.

тами, внутренними дворами, балкончиками и башенками сказать того же нельзя, да ихъ и трудно подводить подъ какія нибудь общія рамки: всѣ они были строены въ разное время и всѣ носятъ на себѣ отпечатокъ своей эпохи. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ „Нассаускій домъ", должно отнести прямо къ среднимъ вѣкамъ, но другіе, и такихъ большинство,—къ шестнадцатому и семнадцатому столѣтію, когда готическій стиль началъ мало-по-малу переходить въ такъ называемый стиль renaissance, пока наконецъ совсѣмъ не уступилъ ему мѣста. То было время величайшаго благосостоянія Нюрнберга и вмѣстѣ съ тѣмъ наибольшаго развитія въ немъ искусствъ и ремеслъ. Главныя части зданій этой эпохи всегда въ стилѣ renaissance, тогда какъ детали въ готическомъ стилѣ.

Подобной же смѣшанной архитектуры и городская стѣна, увѣнчанная башенками. Съ теченіемъ времени измѣнялись способы и системы укрѣпленій, и такъ какъ нюрнбергцы не щадили издержекъ, чтобы получше оградить свое имущество отъ покушеній сильныхъ сосѣдей, то и городскія укрѣпленія постоянно перестраивались на другія, лучшія, болѣе отвѣчавшія требованіямъ современнаго фортификаціоннаго искусства.

Отъ семнадцатаго столѣтія, когда стиль renaissance сталъ уже вырождаться, сохранилось гораздо меньше зданій, а отъ восемнадцатаго—времени преобладанія стиля рококо—осталось такъ мало, что найти слѣды этого стиля, пожалуй, еще труднѣе, чѣмъ отыскать памятники одиннадцатаго и двѣнадцатаго вѣковъ.

Если, строго говоря, Нюрнбергъ и нельзя назвать средневѣковымъ городомъ, то онъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ названіе историческаго города. Помимо того ужъ, что онъ живой свидѣтель многихъ вѣковъ, далеко не безслѣдно пронесшихся надъ нимъ, самый общій характеръ его до такой степени оригиналенъ, его постройки такъ своеобразны и непохожи на наши прозаическія, шаблонныя домины съ гладкими, какъ доска, стѣнами, прямыми архитектурными линіями, что его уже никакъ нельзя отнести не только къ нашему, но даже и къ восемнадцатому столѣтію. Въ немъ есть много такого, что всякому можетъ дать обильную пищу для его ума и сердца.

Дворъ въ замкѣ.

Взойдите къ замку, который стоитъ на высокой скалѣ. Замокъ этотъ основанъ еще въ 1024 г. императоромъ Конрадомъ II, увеличенъ Фридрихомъ Барбаруссой и реставрированъ въ недавнее время. Взгляните отсюда внизъ на городъ, лежащій подъ вашими ногами. Взоръ вашъ безпрепятственно скользитъ по нескончаемому морю домовъ, которое только на мгновеніе пересѣкается рѣкою, чтобы еще шире разлиться по ея другую сторону. Безчисленныя башни и башенки высятся надъ нимъ и много прелести придаютъ онѣ ему причудливостью своихъ очертаній. Рѣзки переходы темныхъ и яркихъ красокъ, чаще всего пурпура, позлащенныхъ лучами заходящаго солнца. Дикій кустарникъ пышно разросся въ трещинахъ стѣны и

свѣшивается съ нея надъ обрывомъ; деревья раскинули здѣсь свои темно-зеленые шатры; воздухъ чистый, привольный, напоенъ благоуханіями весны. Все это составляетъ такую поразительную картину, которая надолго врѣзывается въ памяти того, кто хоть разъ увидалъ ее. Много есть городовъ, превосходящихъ Нюрнбергъ красотою своего мѣстоположенія, но нѣтъ ни одного, который могъ бы сравниться съ нимъ своимъ видомъ à vol d'oiseau. Тутъ не одна архитектура плѣняетъ и очаровываетъ васъ, не одни эти древнія стѣны съ ихъ полу-истертой, но все еще яркой окраской,—здѣсь природа, искусство и время всѣ вмѣстѣ дѣйствуютъ на душу.

Отъ замка можно выдти за городъ по корридору со сводами, а потомъ по мосту, перекинутому черезъ рѣку. На-право будетъ Пегницъ, раздѣляющійся въ этомъ мѣстѣ на два рукава, которые съ двухъ сторонъ окружаютъ городъ, а на-лѣво та же рѣка снова выходитъ изъ подъ городской стѣны. Здѣсь лучшая часть этой стѣны. Впрочемъ, и остальная половина ея очень замѣчательна, только, къ сожалѣнію, она сильно повреждена—не столько временемъ, сколько самими же нюрнбергцами.

Но сойдемте внизъ и, оставивъ на-лѣво замокъ и на-право неказистый на видъ домикъ Альбрехта Дюрера, величайшаго германскаго живописца XVI вѣка, вмѣшаемся въ толпу, кипящую на узкихъ улицахъ. Постепенное расширеніе города и неровности почвы, особенно въ его сѣверной части, называемой St. Sebald, по церкви, стоящей тамъ (Sebalduskirche), были причиной того, что улицы эти перекрещиваются между собой въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, безъ всякаго порядка; иныя такъ взбѣгаютъ чуть не по головоломнымъ крутизнамъ. На каждомъ шагу передъ путникомъ развертываются все новыя и новыя картины; каждый фасадъ, каждый фронтонъ, представляютъ собою нѣчто новое, отличное отъ только что видѣннаго имъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мало того, что улица вдругъ дѣлаетъ удивительное колѣно, но и самый средневѣковый обычай постройки домовъ увеличиваетъ ея неправильность. Нюрнбергскій бюргеръ хотя и сидѣлъ больше у себя взаперти, между четырьмя стѣнами, но былъ человѣкъ въ высшей степени любознательный: ему всегда хотѣлось знать, что̀ такое творится внизу, на улицахъ, для чего онъ и выдвигалъ фасадъ своего дома фута на два впередъ за домъ сосѣда и на выгаданной такимъ образомъ боковой стѣнѣ продѣлывалъ окошко, откуда можно было окинуть однимъ взглядомъ всю улицу. Но позднѣе разныя строительныя комиссіи нашли такой обычай неудобнымъ и вкупѣ съ полиціей пытались вытянуть всѣ дома въ одну линію. Усилія ихъ далеко не вездѣ увѣнчались успѣхомъ, а положить предѣлъ любознательности обывателей имъ рѣшительно нигдѣ не удалось, такъ какъ вмѣсто боковыхъ окошекъ на домахъ появились балкончики, „die Choerlein“, какъ ихъ называютъ въ Нюрнбергѣ; изъ нихъ открывается совершенно свободный видъ вверхъ и

внизъ на улицу. Всѣ такіе дома съ балкончиками почти безъ исключенія относятся къ шестнадцатому столѣтію.

Еще въ относительно недавнее время въ городѣ было довольно много домовъ, въ стѣны которыхъ снаружи были врѣзаны деревянныя балки. Они имѣли видъ какой-то особенной древности, да и на самомъ дѣлѣ они были очень стары: большинству изъ нихъ считалось по пятисотъ лѣтъ и болѣе. Но въ послѣднее десятилѣтіе лучшіе

Прекрасный фонтанъ.

изъ нихъ или были сломаны, или же такъ обвалились, что теперь уже не представляютъ ни особенной красоты, ни особеннаго интереса. Стоятъ еще нѣкотораго вниманія тѣ изъ нихъ, которые находятся въ приpѣчной части города, гдѣ Пегницъ выходитъ за его стѣны.

Широкой лукой поворачиваетъ здѣсь рѣка и обширный видъ открывается взорамъ. Прямо—свѣтлыя воды рѣки, направо и налѣво—дома съ покатыми крышами и чердачками, „тропа палача" и „башня голода", а вдали—мостъ Карла съ прилегающими зданіями, надъ которыми высоко поднимаются, блистая на солнцѣ, башни церкви св. Лоренца. Вся эта картина такъ своеобразна и вмѣстѣ съ тѣмъ полна такой прелести, что съ нею едва-ли можетъ сравниться даже и чудесный видъ Праги съ Молдавскаго моста.

Нюрнбергъ весь почти выстроенъ изъ красноватаго песчаника, ломки котораго находятся тутъ же поблизости. Песчаникъ этотъ имѣетъ свойство съ теченіемъ времени, т. е. по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ, мѣнять свой первоначальный красноватый цвѣтъ на черный. Конечно, это происходитъ не вдругъ и, прежде чѣмъ превратиться въ черный, онъ долженъ принять всѣ переходные желтоватые и сѣроватые оттѣнки, что придаетъ улицѣ значительное разнообразіе. Многія зданія и при томъ лучшія въ городѣ сохранили еще свой первоначальный красный цвѣтъ и нигдѣ онъ такъ не красивъ и не пріятенъ для глазъ, какъ на городской стѣнѣ и на башняхъ. На старыхъ же церквахъ и особенно на соборѣ св. Себальда песчаникъ сдѣлался почти совершенно чернымъ отъ времени.

Нассаускій домъ.

Архитектура домовъ вообще красива и во всякомъ случаѣ оригинальна. Объ общемъ ихъ видѣ читатели могутъ судить по приложеннымъ рисункамъ. Обратимся къ частностямъ. О чердачкахъ и крытыхъ балконахъ мы уже говорили. Входъ съ улицы дѣлается иногда въ видѣ портала. Верхняя часть дверей, въ большинствѣ случаевъ или полукруглая, или остроконечная, забираетсяся желѣзной, искусно выкованной рѣшеткой. Крутыя крыши, идущія всегда параллельно улицѣ, что составляетъ одну изъ особенностей Нюрнберга, унизаны множествомъ башенокъ и слуховыхъ оконъ. Нерѣдко эти башенки покрыты чрезвычайно затѣйливыми и многочисленными орнаментами. Тутъ также нельзя не упомянуть о рѣзныхъ и лѣпныхъ украшеніяхъ на домахъ и на балконахъ, исполненныхъ подъ часъ просто художественно, о барельефахъ на свѣтскіе и духовные сюжеты, очень часто встрѣчающихся на стѣнахъ, о фигурахъ рыцарей, мадоннъ и разныхъ святыхъ, стоящихъ на столбикахъ по перекресткамъ; послѣднія иногда красятъ въ различные цвѣта, чаще же всего онѣ просто выбѣлены.

Какъ извѣстно, главныхъ типовъ жилаго дома въ Европѣ два:

сѣверный и южный; первый характеризуется средней большой комнатой, возлѣ которой сгруппированы другія, меньшія, такъ что всѣ онѣ соединяются подъ одной крышей; во второмъ же мѣсто центральной комнаты заступаетъ дворъ, вокругъ котораго сосредоточены всѣ собственно жилыя помѣщенія. Таковы ихъ характерныя черты, въ частностяхъ же въ нихъ, весьма понятно, можетъ быть много разнообразія, соотвѣтственно тѣмъ историческимъ и этнографическимъ условіямъ, въ которыхъ приходится жить народу. Въ средніе вѣка такимъ историческимъ условіемъ были грабительства и самовластіе благородныхъ рыцарей, заставлявшія мирныхъ обывателей жаться поближе другъ къ другу, чтобы въ случаѣ нужды можно было прибѣгнуть къ помощи сосѣда. Происходившая отсюда скученность средневѣковыхъ поселеній не замедлила, конечно, сказаться и на самомъ способѣ стройки и расположеніи отдѣльныхъ частей дома.

Въ южной Германіи, какъ и вообще во всѣхъ промежуточныхъ странахъ между сѣверомъ и югомъ Европы, встрѣчаются оба типа; тамъ зачастую рядомъ съ домомъ съ внутреннимъ дворомъ стоитъ домъ, выстроенный по сѣверному типу. Нюрнбергъ не изъятъ изъ этого правила. Въ немъ простые граждане и ремесленники дома свои строятъ чаще всего по сѣверному типу, тогда какъ богатые классы больше предпочитаютъ южный, со дворомъ внутри. Дворъ этотъ очень напоминаетъ римскій атріумъ; въ иныхъ домахъ такъ онъ окруженъ рядами колоннъ и арками, какъ это дѣлалось въ древнемъ Римѣ. Такіе дворы, какъ напр., въ домѣ Функе, отдѣланный въ чисто помпеянскомъ вкусѣ, затѣмъ въ домѣ Пеллера и Крафта по справедливости считаются лучшимъ украшеніемъ города. Колонны ихъ стройны и изящны, хотя и не высоки. Отлогіе своды нерѣдко украшены превосходной рѣзьбой изъ дерева и ажурными арабесками. Арки идутъ другъ надъ другомъ въ нѣсколько этажей, какъ это нѣкогда было въ римскомъ наемномъ домѣ. Какъ прохладно бываетъ подъ этими арками въ жаркій лѣтній день! Какъ живописно ложатся тогда тѣни на гладкомъ полу!

Тропа палача.

Въ купеческихъ домахъ нижній этажъ обыкновенно служилъ складочнымъ мѣстомъ для товара. Въ нихъ широкія ворота ведутъ прямо въ обширную безъ всякихъ украшеній залу. Единственные

слѣды искусства въ ней—это массивныя желѣзныя скобы дверей, съ выгравированными на нихъ фигурами.

Немало было положено денегъ и таланта на внутреннюю отдѣлку нюрнбергскихъ домовъ и церквей. Вотъ ужъ цѣлыхъ два столѣтія, какъ многочисленные музеи и любители рѣдкостей пополняютъ свои коллекціи, расхищая изъ этого города разныя древности, а его богатства все еще не истощились, въ немъ еще много осталось замѣчательныхъ произведеній искусства. Только въ послѣднее время стали на это обращать должное вниманіе и болѣе заботиться о сохраненіи того, что еще можно сохранить.

Кстати здѣсь скажемъ кое-что о нюрнбергской школѣ художниковъ, величайшимъ и талантливѣйшимъ представителемъ которой былъ Альбрехтъ Дюреръ (1471—1527). Обладая твердымъ и пря-

На Пегницѣ. Пятиугольная башня въ замкѣ.

мымъ характеромъ и глубоко понимая фальшь окружавшей его жизни, онъ былъ горячимъ сторонникомъ реформаціи и искреннимъ другомъ Меланхтона. Еще раньше Лютера онъ задумалъ переводить евангеліе на нѣмецкій языкъ, чтобы его соотечественники могли сознательно вѣровать въ Христа, а не наобумъ, не со словъ только своихъ патеровъ. Его главная картина—знаменитые „четыре темперамента: „Апостолы Петръ, Павелъ, Іоанъ и Маркъ"; кромѣ того, онъ представилъ въ картинахъ главные моменты Апокалипсиса, житія Пресвятой Дѣвы и

Страстей; къ послѣднимъ есть даже цѣлыхъ три серіи рисунковъ. Послѣ него осталось также множество гравюръ на мѣди; здѣсь онъ не имѣетъ себѣ соперниковъ. Конечно не безосновательны его горькія жалобы на скупость своихъ согражданъ и на равнодушіе ихъ къ искусству, и конечно совсѣмъ не то было въ Венеціи, гдѣ всякій талантъ находилъ себѣ и работу, и почетъ. Но развѣ можно было вообще и сравнивать нѣсколько мѣщанскій Нюрнбергъ съ пышной Венеціей или Флоренціей, его скромнаго бюргера—съ гордымъ и богатымъ патриціемъ великой Италіи. Начиная съ шестнадцатаго столѣтія, сохранилось множество портретовъ владѣтельныхъ особъ Нюрнберга. Всѣ они писаны художниками самыхъ различныхъ школъ, но мы напрасно стали бы искать въ этихъ мѣщански пошлыхъ и самодовольныхъ лицахъ того выраженія надменности и энергіи, которое такъ часто встрѣчается у итальянскихъ вельможъ. Въ этомъ виноваты, конечно, не художники: таковы уже были самые ихъ оригиналы.

Домъ Петерсена.

Нюрнбергская школа живописи никогда не достигала той высоты и той степени вліянія, какой достигло искусство итальянское въ лицѣ Рафаэля, Микель Анджелло и др.; до этихъ геніевъ далеко было Дюреру и его ученикамъ, какъ ни великъ и самобытенъ былъ этотъ талантъ, и мы не откроемъ Америки, если скажемъ, что иные и не особенно выдающіеся palazzo превосходятъ достоинствомъ находящихся въ нихъ произведеній соборы св. Лоренца и св. Себальда, надъ созиданіемъ и украшеніемъ которыхъ трудились цѣлыя поколѣнія художниковъ.

Но пускай послѣднимъ недоставало блеска колорита и фантазіи, выпавшихъ на долю итальянцевъ; все же у нихъ были нѣкоторыя качества, присущія исключительно имъ, которыми они по справедливости могли гордиться; это—тонкость отдѣлки и стремленіе приблизиться къ дѣйствительной жизни, стремленіе, проглядывавшее у нихъ уже давно и положившее такую рѣзкую грань между Дюреромъ и его заальпійскими собратьями. Взгляните только на эти полныя жизни фигуры умныхъ и глупыхъ дѣвъ, изображенныя на дверяхъ собора св. Себальда—а онѣ были рѣзаны еще въ тринадцатомъ столѣтіи, если не раньше: онѣ принадлежатъ еще къ той эпохѣ въ исторіи искусства, которая характеризуется неизмѣнной стройностью фигуръ и вообще длинными, мягкими линіями рисунка. Несмотря на нѣсколько идеальное выраженіе лицъ дѣвушекъ, что̀ впрочемъ обусловливалось самымъ сюжетомъ, сразу видно, что прототипы ихъ взяты изъ обыденной

жизни. Всего болѣе реализмъ художника сказывается въ округленности этихъ юношескихъ головъ съ мелкими и пріятными чертами лица, точно какъ у мадоннъ и ангеловъ позднѣйшаго періода, когда реализмъ уже окончательно вступилъ въ свои права.

Такія лица, какія у праведниковъ Вольгемута, Дюрера и Адама Крафта, и такія фигуры, какія у ихъ крестьянъ, всякій изъ насъ неоднажды встрѣчалъ въ жизни. Пойдите какъ нибудь на базаръ и вы тамъ навѣрно увидите крестьянъ и крестьянокъ, которые своей осанкой и общимъ типомъ лица напомнятъ вамъ гравюры Дюрера и его учениковъ. Очевидно, художникъ немало рисовалъ эскизовъ и этюдовъ съ натуры, прежде чѣмъ начать свою картину, въ которой онъ уже только копировалъ подмѣченное имъ на улицѣ.

Видъ части города.

Это все фигуры и лица сами по себѣ, пожалуй, вовсе и не интересныя, но тщательная вырисовка, любовь къ дѣлу, просвѣчивающая въ каждомъ штрихѣ, стремленіе къ правдѣ—придаютъ имъ неизъяснимую прелесть и ставятъ ихъ далеко выше тѣхъ аллегорическихъ, всегда красивыхъ фигуръ, на которыя такой мастеръ былъ Іостъ Аммонъ, жившій во второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія. Впрочемъ даже и онъ не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ реализма своихъ предшественниковъ.

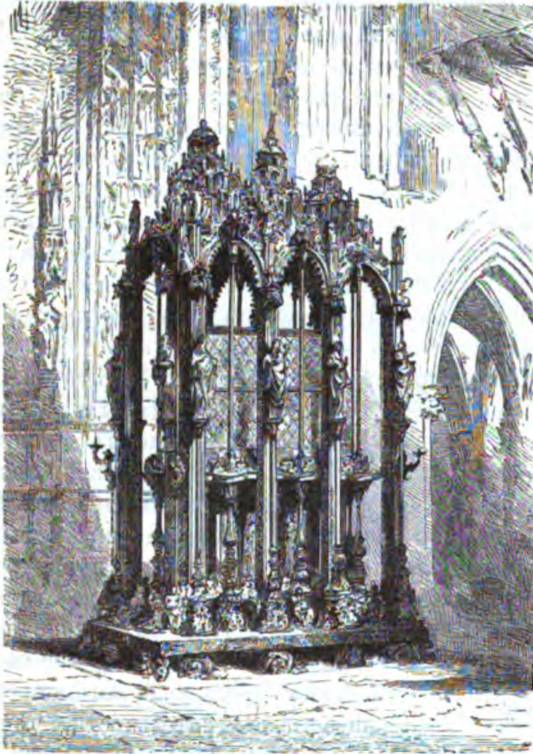
Реализмъ, поставившій цѣлью своей изображеніе всего окражающаго, развилъ въ нюрнбергцахъ стремленіе украшать это окружающее, т. е. улицы, церкви и дома, не пышными памятниками, а предметами полезными. Въ такомъ практическомъ взглядѣ на дѣло заключается лучшій, наивѣрнѣйшій залогъ правильнаго развитія всякаго искус-

ства; что отвѣчаетъ потребностямъ человѣка, никогда не останется безъ поддержки. На улицахъ нѣтъ нужды въ саркофагахъ, нужны фонтаны—и вотъ Нюрнбергъ украсился въ высшей степени изящными и оригинальными фонтанами. Одинъ изъ нихъ, самый древній, до сихъ поръ еще называется—и по праву—„прекраснымъ фонтаномъ“; другой, такъ называемый „Gaensemaennlein“, представляетъ собою одинъ изъ лучшихъ образцовъ реалистической школы, а „фонтанъ добродѣтели“ возлѣ собора св. Лоренца должно причислить къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ искусства, хотя его и сильно портятъ аллегорическія фигуры.

Въ церкви постоянно требовались алтари, усыпальницы, купели, разная священная утварь и картины на священные сюжеты. Съ распространеніемъ протестантизма число такихъ заказовъ, конечно, поуменьшилось, но спросъ на алтари не ослабъ, потому что они были такъ же необходимы для протестантской церкви, какъ и для католической; окна соборовъ по прежнему украшались расписными стеклами. Усыпальница св. Себальда—Петра Фишера—и дарохранительница Адама Крафта и теперь еще возбуждаютъ справедливое удивленіе всѣхъ знатоковъ и любителей изящнаго. Въ этой усыпальницѣ съ поразительной гармоніей готическій стиль сливается со стилемъ renaissance; здѣсь они какъ будто дополняютъ другъ друга. У подножія колоннъ, поддерживающихъ балдахинъ, сидятъ Самсонъ, Геркулесъ, Немвродъ и Тезей, истребители враговъ человѣчества; далѣе четыре фигуры главныхъ добродѣтелей, вокругъ нихъ нимфы и разныя миѳологическія животныя и растенія. На серединѣ колоннъ двѣнадцать апостоловъ, а у капители ихъ столько же статуэтокъ пророковъ и проповѣдниковъ; на самомъ же верху—Предвѣчный Младенецъ. На одной сторонѣ самой усыпальницы художникъ изобразилъ праведника въ длинной одеждѣ—представителя идеальнаго въ жизни, а на другой себя самого, въ фартукѣ и колпакѣ, какъ представителя реализма.

Но той областью, гдѣ реализмъ выказался вполнѣ, былъ, конечно, домъ, а не церковь. При нѣкоторой его прозаичности или, лучше сказать, практичности его направленія, домашняя обыденная жизнь представляла ему гораздо болѣе подходящее поле дѣятельности, чѣмъ алтари величественныхъ соборовъ съ ихъ великолѣпной обстановкой; изображеніе „возвышеннаго въ прекрасномъ“ было вовсе не въ его характерѣ. Изъ всего дошедшаго до насъ особенно замѣчательны рѣзныя вещи изъ дерева, расписные стѣны и потолки и еще—двери въ домахъ мѣстныхъ патриціевъ и купцовъ, богато украшенныя скульптурной работой. Самыя извѣстныя изъ нихъ и, если не ошибаемся, самыя древнія находятся въ домѣ Пеллера. Въ старину было не то, что теперь; тогда не любили врѣзывать желѣзныя части дверей глубоко въ дерево, такъ что ихъ вовсе и не видно, а старались ихъ сдѣлать такъ, чтобы онѣ служили украшеніемъ двери; отдѣлка скобъ ихъ и ключей часто бываетъ по истинѣ артистическая.

Рѣшетки вокругъ домовъ и въ окнахъ, кухонная посуда, колокола, подсвѣчники—все дѣлалось изъ желѣза и всему придавалась по возможности изящная форма; нѣкоторыя вещи домашняго обихода просто удивляютъ оригинальностью замысла и совершенствомъ работы. Медальеры и горшечники тоже не сидѣли безъ работы. У богатыхъ людей того времени было въ обычаѣ дѣлать въ комнатахъ высокіе съ выпуклыми орнаментами камины изъ изразцовъ и устанавливать полки буфетовъ красивой, пестро окрашенной посудой. Приготовленіемъ ея особенно славился нѣкій Гиршфогель. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ голландцевъ и знакомства съ Востокомъ, она замѣнилась утварью изъ свѣтло синяго фаянса.

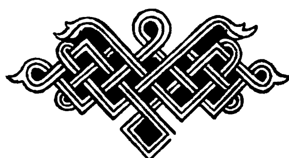


Усыпальница св. Себальда, работы Фишера.

Нюрнбергцы были умные люди. Они скоро поняли, какое значеніе со временемъ пріобрѣтетъ въ домашнемъ обиходѣ стекло и устроили въ пфальцскихъ лѣсахъ нѣсколько стеклянныхъ заводовъ; ихъ промышленному генію собиратели рѣдкостей и обязаны этими большими стеклянными бокалами, которые они такъ высоко цѣнятъ. Впрочемъ, бокалы и кружки дѣлались и изъ цинка, а у богатыхъ людей такъ изъ золота и серебра. Если въ Нюрнбергѣ какое нибудь ремесло когда и возвысилось до степени искусства, то это именно золотыхъ дѣлъ мастерство въ XVI столѣтіи. Тонкость вкуса, богатство воображенія и совершенство исполненія соперничаютъ между собой въ произведеніяхъ нѣкоего Венцеля Ямицера и его современниковъ. Много ихъ находится въ коллекціяхъ и сокровищницахъ князей, но все это только незначительная часть того, что было и что составляло лучшее украшеніе домовъ нюрнбергскихъ гражданъ; нужда, войны заставляли отдавать золотые сосуды въ плавильню и чеканить изъ нихъ монету;

съ теченіемъ времени измѣнился и самый вкусъ, сталъ грубѣе и удовлетворялся меньшимъ, и легкіе изящные бокалы и подсвѣчники пошли въ плавильню для того, чтобы превратиться въ грубые массивные стаканы.

Но все-таки и того, что дошло до насъ, вполнѣ достаточно, чтобы показать, на какой, въ самомъ дѣлѣ, высотѣ стояло тогда чеканное искусство и какъ далеко до него нынѣшнимъ нашимъ золотыхъ дѣлъ мастерамъ. Тогда были художники, а теперь ремесленники. Къ сожалѣнію, то же самое приходится сказать о нынѣшнемъ положеніи всѣхъ почти ремеслъ, процвѣтавшихъ въ былое время,— о слесарномъ, кузнечномъ, о рѣзбѣ изъ дерева, о выдѣлкѣ фаянса и изразцовъ и т. д. Всякій человѣкъ съ развитымъ вкусомъ легко можетъ понять и оцѣнитъ, что̀ сдѣлалъ древній Нюрнбергъ и какъ велико значеніе завѣщаннаго имъ позднѣйшимъ временамъ.



ЗАПИСКИ КАРОЛИНЫ БАУЭРЪ.

III [1]).

Каролина въ Россіи.—Истинно-нѣмецкій городъ Рига.— Польское возстаніе.— Пасторъ Муральтъ.—Графиня Ферзенъ.—Нѣмецкій театръ въ Петербургѣ.— Князь Гагаринъ.—Холера.—Константинъ Павловичъ. — Княгиня Ловичъ. — Сальныя свѣчи за обѣдомъ.—Императрица Александра Ѳеодоровна.—Семейная жизнь Николая I.—Живописецъ Крюгеръ и часы съ бриллiантами.—16000 бутылокъ рому.—Столовые расходы императорской фамиліи.—Анекдоты о Николаѣ I.—Великія княжны Марія, Александра и Ольга Николаевны.—Елена Павловна.—Трагикъ Крюгеръ.—Шарлота Гагенъ.—Каратыгинъ.—Мальо и Зиберъ.— Шарлота Штиглицъ и ея мужъ. — Поклонники Каролины: полковникъ, генералъ и поручикъ.—Актеръ съ физіономіей сапожника.—Вступленіе Гедеонова въ должность директора театровъ.—Король и маркизъ прогнанные со сцены.— Цензура, спектакли и публика въ Ригѣ.—Луиза Эккертъ.—Каролина въ Митавѣ.—Познань.—Вѣнская публика.—Графъ Шандоръ.—Театръ въ Пештѣ.— Императоръ Францъ и герцогъ Рейхштадтскій. — Австрійскіе эрцгерцоги и эрцгерцогини.—Князь и княгиня Меттернихъ.—Купальни въ Баденѣ.—Портной фон-Беръ.—Лудвигъ Тикъ.—Ангажементъ въ Дрезденъ.—Сестры Гейнефетеръ.— Графиня Луксбургъ.—Наполеониды. — Великая герцогиня Софія.—Профессоръ Деларивъ.—Графиня Финкенштейнъ.—Лола Монтесъ.—Графиня Ган-Ганъ.— Сестры Миланоло. — Коронація Фердинанда I.—Князь Феликсъ Лихновскій.— Новое неудачное сватовство.—Графъ Платеръ.—Польскій адъ.—Семидесятилѣтняя комедіантка.—Вельмеръ.—Послѣдняя ложь.—Актеры на сценѣ и въ жизни.

ОЛОЖЕНІЕ Каролины Бауэръ, по возвращеніи ея въ Германію, послѣ разрыва съ Леопольдомъ, было очень тяжелое, какъ положеніе почти всякой отставленной любовницы. Во всѣхъ глазахъ она видѣла вопросъ: „Ну, что же? Англійское-то величіе скоро кончилось? Хорошо-ли, по крайней мѣрѣ, успѣли пообстричь кобургскую овечку? Что же теперь будетъ дѣлать мамзель или мадамъ Бауэръ?“ Рѣшившись опять поступить на сцену, она не

[1]) Окончаніе. См. „Истор. Вѣстн.“, томъ VII, стр. 195.

могла сдѣлать этого въ Берлинѣ, гдѣ ее встрѣтили бы насмѣшки и журнальная непріязнь; да и вообще, показаться снова въ Германіи, передъ театральной публикой, было очень рисковано. Посовѣтовавшись съ своимъ братомъ Людвигомъ, Каролина рѣшилась написать въ Петербургъ князю Волконскому, всемогущему министру двора: можетъ ли она явиться тамъ на нѣмецкой сценѣ? Отвѣтъ былъ полученъ благопріятный; ее помнили въ Петербургѣ и пригласили туда на роли первыхъ любовницъ, оставшіяся вакантными послѣ г-жи Федерсенъ. Такимъ образомъ, въ началѣ февраля 1831 года, Каролина съ своею матерью, братомъ Людвигомъ, собакою Лизинькой и попугаемъ Коко, наслѣдствомъ принцессы Шарлоты, отправилась на „святую Русь“, какъ она сама ее называетъ. Братъ Людвигъ намѣренъ былъ занять въ Петербургѣ мѣсто гувернера и запасся рекомендаціей къ пастору Муральту, ученику Песталоцци. Путешественники переправились по льду черезъ Двину и пріѣхали въ Ригу, гдѣ артисты мѣстнаго театра приняли ихъ очень радушно. „Истинно нѣмецкій городъ Рига“ былъ въ то время очень печаленъ, потому что черезъ него поминутно проходили русскіе полки, отправлявшіеся „уничтожать Польшу, которая все еще не хотѣла умирать и боролась отчаянно“. Добрый нѣмецкій городъ высказывалъ полное сочувствіе инсургентамъ. Каролинѣ совѣтовали не ѣхать дальше и выждать, пока окончится передвиженіе войскъ, часто задерживавшее путешественниковъ. Увѣдомивъ дирекцію театра о причинѣ остановки въ Ригѣ, Каролина съиграла тамъ нѣсколько пьесъ: „Леонору“ Гольтея, „Шестнадцатилѣтнюю королеву“, „Молодую крестную мать“ и др. Петербургскія газеты говорили, что возстаніе очень легко усмирить, а между тѣмъ полки все тянулись въ Польшу. Рижскую труппу актеровъ съ Каролиною Бауэръ приглашали на нѣсколько представленій въ Митаву, но послѣ перваго же спектакля актеры должны были поспѣшно вернуться въ Ригу, такъ какъ разнесся слухъ, хотя и не оправдавшійся впослѣдствіи, что инсургенты хотятъ сдѣлать нападеніе на Митаву.

Въ концѣ поста Каролина пріѣхала въ Петербургъ и остановилась въ Малой Конюшенной, въ домѣ генерала Веригина. По протекціи Муральта, братъ ея, Людвигъ, получилъ мѣсто гувернера у князя Васильчикова. Каролина разсказываетъ подробно біографію Муральта, говоритъ о его предкахъ, о его стараніяхъ въ Петербургѣ къ развитію нѣмецко-реформатской общины. Онъ прославился здѣсь и какъ администраторъ, и какъ проповѣдникъ; въ обществѣ у него было также много друзей и поклонниковъ; дамы были отъ него въ восторгѣ, особенно прекрасная графиня Ферзенъ. Какъ опытный педагогъ, онъ основалъ въ 1811 году первое воспитательное заведеніе по методѣ Песталоцци, не смотря на сопротивленіе министра просвѣщенія, находившаго опаснымъ для національнаго русскаго элемента основаніе иностранцемъ частной школы. Пансіонъ Муральта

пользовался огромною извѣстностью и принялъ обширные размѣры, несмотря на значительную плату за воспитаніе (1100 руб.) въ немъ. Домомъ Муральта управляла графиня Ферзенъ, не вѣнчанная жена почтеннаго пастора. Его рекомендовалъ императору Александру и Маріи Ѳедоровнѣ русскій генералъ и нѣмецкій поэтъ Клингеръ, другъ Гете и основатель литературной школы „періода бури и стремленій" (Sturm und Drang Periode). Женатый на особѣ, близкой императору Александру, Клингеръ доставилъ высокое покровительство и своему другу Муральту. Императрица Марія поручила ему преобразованіе воспитательнаго дома, но, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ труда и изслѣдованій, пасторъ отказался отъ этого порученія, находя невозможнымъ бороться съ интригами и злоупотребленіями, господствовавшими въ этомъ учрежденіи. Когда, въ 1816 г., въ Швейцаріи былъ большой голодъ, Муральтъ въ нѣсколько недѣль собралъ для своихъ земляковъ 20.000 р.. Когда онъ представилъ императору Александру подписной листъ, тотъ прибавилъ къ этой суммѣ еще 100.000. Муральтъ дѣлалъ очень много добра и помогалъ бѣднымъ,— конечно, больше всего иностранцамъ, за что находился въ постоянномъ подозрѣніи у полиціи. Каролина близко сошлась съ нимъ и графинею Ферзенъ. Нежеланіе его жениться на графинѣ она объясняетъ его любовью къ свободѣ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ швейцаркою Розетою Кастгоферъ, но, принятый въ высшемъ обществѣ, не могъ ввести въ него эту дочь природы и, разойдясь съ нею, остался ея другомъ до самой смерти. На другой дѣвушкѣ, дочери петербургскаго купца, онъ не женился по желанію своей матери, надѣявшейся, что сынъ ея вернется въ Швейцарію. Онъ и самъ никогда не терялъ этой надежды, хотя она и не исполнилась.

На нѣмецкой петербургской сценѣ Каролина выступила въ первый разъ въ комедіи Клауренса „Женихъ изъ Мексики" и была принята публикою съ особеннымъ одушевленіемъ. Послѣ третьяго спектакля, она вступила въ число придворныхъ актрисъ, съ жалованьемъ въ 8000 и бенефисомъ, гарантированнымъ въ 3000 рублей. Нѣмецкая труппа была очень недурно составлена. Первыя роли игралъ Вейландъ, благородныхъ отцовъ—Барловъ, субретокъ—Юлія Герстель. Директоромъ театровъ былъ князь Гагаринъ, съ достоинствомъ отстаивавшій свое управленіе отъ самовольства, мало смыслившаго въ театральныхъ дѣлахъ, министра двора, Волконскаго. Онъ былъ строгъ и гордъ, но справедливъ и уменъ. Каролина вѣрно его оцѣниваетъ и отдаетъ полную справедливость благоразумному управленію театрами князя Гагарина. Только гордость его доходила до смѣшнаго. Такъ, считая актеровъ какими-то низшими созданіями, онъ никогда не обращался къ нимъ прямо, но всегда черезъ посредство управляющаго нѣмецкою сценою, Гельмерсена. Это нерѣдко подавало поводъ къ недоразумѣніямъ и даже къ столкновеніямъ съ артистами. Такъ, пѣвецъ и оперный режиссеръ Константинъ Голландъ, умный, обра-

зованный человѣкъ, бывшій бреславльскій студентъ и счастливый поклонникъ хорошенькой Герстель, въ присутствіи князя не разъ обращался къ нему спиною и говорилъ Гельмерсену: „Сообщите, пожалуйста, князю Гагарину о томъ-то". Только къ молодымъ актрисамъ князь удостоивалъ иногда обращаться съ вопросами и комплиментами. Петербургъ въ это время былъ сильно озабоченъ польскою войною, гвардія была въ походѣ, и участь ея, конечно, не могла не интересовать петербургское общество. Тревожное настроеніе усилилось еще болѣе съ появленіемъ холеры. Театры мало посѣщались публикою. Однажды, когда у Каролины былъ въ гостяхъ Муральтъ, общій знакомый сообщилъ имъ о печальной участи ихъ пріятеля, доктора Зеемана: выходя изъ госпиталя, онъ нюхалъ стклянку съ камфарой; на него напали мужики, избили и бросили черезъ перила въ каналъ, крича, что нѣмцы отравляютъ народъ. Несмотря на усиленіе холеры, приказано было не закрывать театры и давать спектакли по прежнему. Между тѣмъ холера похищала жертвы и изъ артистическаго круга. Капельмейстеръ Шреймецеръ, дирижируя наканунѣ въ „Преціозѣ", на другой день уже лежалъ на смертномъ одрѣ. Въ конторѣ, во время присутствія, умерли два сторожа. Нѣсколько капельдинеровъ лежали также въ госпиталѣ, но спектакли продолжались какъ всегда, хотя въ день умирало по 500 человѣкъ. Простой народъ, объѣдаясь огурцами и напиваясь съ горя, грозилъ врачамъ и иностранцамъ. На Сѣнной разбили госпиталь, выкинули оттуда доктора изъ третьяго этажа и вытащили на улицу холерныхъ больныхъ. Императоръ пріѣхалъ изъ Царскаго Села въ коляскѣ, безъ свиты и началъ уговаривать народъ. Въ то же время раздался звонъ церковныхъ колоколовъ. Государь закричалъ, чтобъ народъ молился Богу и—десятитысячная толпа опустилась на колѣни. Только когда отъ холеры умерли два французскихъ актера, пришло приказаніе о закрытіи всѣхъ театровъ. Каролина переѣхала на дачу на Васильевскій островъ. Тамъ, въ тѣнистомъ саду, дышалось легко и прохладно; только тишину ночи нарушали безконечныя вереницы гробовъ, двигавшіяся по направленію къ кладбищу, такъ какъ мертвыхъ запрещено было хоронить днемъ. Изъ 300.000 тогдашняго населенія Петербурга умерло до десяти тысячъ.

Еще печальнѣе отозвалась въ Петербургѣ смерть великаго князя Константина, умершаго 27-го іюня 1831 года также отъ холеры и похороненнаго съ обычными почестями. Подъ сильнымъ дождемъ шли за гробомъ тысячи священниковъ въ черныхъ рясахъ; императоръ со своею свитой ѣхалъ верхомъ; онъ былъ мраморно блѣденъ и холоденъ; толпы народа равнодушно смотрѣли на процессію. Константина не любили въ Петербургѣ и не жалѣли. Онъ отказался отъ престола, чтобы жениться на избранной сердца, очаровательной полькѣ, графинѣ Грудзинской, переименованной въ княгиню Ловичъ. „Конечно, этотъ отказъ доказывалъ страсть и энергію; но и въ страсти, и въ энергіи,

Константинъ былъ тѣмъ же деспотомъ, часто до жестокости". Его супруга, пожертвовавшая собою для того, чтобы сдѣлаться ангеломъ хранителемъ Польши, горько разочаровалась. Къ ней относились подозрительно и русскіе и ея земляки, и рѣдко случалось ей склонить на милость сердце своего супруга. При началѣ возстанія, Константинъ долженъ былъ отступить изъ Варшавы и едва не попалъ въ плѣнъ. Онъ гордился храбростью поляковъ, и когда самонадѣянные генералы увѣряли, что они въ нѣсколько дней подавятъ возстаніе, онъ отвѣчалъ съ иронической усмѣшкою: „Посмотримъ! вы увидите, какъ будутъ драться мои храбрые поляки". Константинъ наслѣдовалъ вполнѣ неукротимый и непреклонный характеръ своего отца. Ребенкомъ онъ кусалъ своихъ учителей; четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ мучилъ сверсниковъ, которыхъ училъ военнымъ пріемамъ. Съ первою женою своею, принцессою Юліаной Саксен-Кобургскою, онъ обращался такъ жестоко, что она вскорѣ же уѣхала отъ него въ Швейцарію, отказавшись наотрѣзъ отъ примиренія и возвращенія къ мужу. Даже заграницею—въ Берлинѣ, Тюрингенѣ и въ другихъ мѣстахъ—онъ не могъ сдерживать своего вспыльчиваго, деспотическаго характера, и вездѣ ходили разсказы о его жестокости. Каролина приводитъ нѣсколько ужасныхъ примѣровъ, едва ли бывшихъ въ дѣйствительности. Онъ требовалъ отъ поляковъ безусловнаго, автоматическаго повиновенія. Французскій актеръ Левальянъ былъ высланъ за-границу за то, что смѣлъ сказать въ глаза князю о томъ, что народъ доведенъ до отчаянія. Каролина приводитъ даже невозможный анекдотъ, хотя и дѣйствительно повторявшійся всѣми въ то время. Поляки смѣялись надъ тѣмъ, что русскіе ѣдятъ сальныя свѣчи, и на большомъ обѣдѣ, на который были приглашены извѣстнѣйшія въ Варшавѣ лица изъ польскаго общества, гостямъ подали сальныя свѣчи, и намѣстникъ пригласилъ гостей попробовать вмѣстѣ съ нимъ этого лакомаго національнаго блюда. Ему приготовлена была заранѣе свѣча изъ марципана, и онъ началъ ѣсть ее, но въ ужасѣ остановился: сахарную свѣчу кто-то успѣлъ подмѣнить настоящею... Княгиня Ловичъ немногимъ пережила своего супруга: она умерла въ Царскомъ Селѣ, черезъ пять мѣсяцевъ послѣ кончины великаго князя.

Въ половинѣ сентября взята была Варшава и прекратилась холера; Петербургъ закипѣлъ новою жизнью; спектакли стали вновь привлекать многочисленную публику; нѣмецкій театръ въ особенности дѣлалъ большіе сборы и, первый разъ еще въ концѣ года, принесъ доходъ казнѣ. „Репертуаръ его былъ очень разнообразенъ: играли „Эмилію Галотти", „Короля Энціо", „Элизу фон-Вальбергъ", „Мельника и его ребенка", „Невѣсту изъ Кинаста", „Лихтенштейнеровъ", „Марію Луизу Орлеанскую", „Фридриха Августа въ Мадридѣ" и др. Сама Каролина отличалась въ „Доннѣ Діанѣ", „Преціозѣ" и „Слѣпой Габріели". Труппа играла въ темномъ, грязномъ театрѣ у Семіоновскаго моста, передѣланномъ изъ цирка. Только бенефисы и экстрен-

ныя представленія давались въ Александринскомъ театрѣ. Въ бенефисъ Каролины театръ посѣтили императоръ съ супругою и бенефиціантка получила, по обыкновенію, богатый подарокъ. Императрица пригласила ее къ себѣ въ ложу еще послѣ перваго дебюта и, когда артистка просила ее не оставлять нѣмецкій театръ своимъ посѣщеніемъ, государыня сказала, что она готова видѣть Каролину, но другія актрисы до того комичны, что не умѣютъ даже держать платка въ рукахъ. И она показала, какъ онѣ, вытянувъ руки впередъ, какъ автоматы, полагаютъ, что онѣ въ совершенствѣ изображаютъ придворныхъ дамъ. „Я едва могла удержаться отъ смѣха при этой пантомимѣ императрицы", прибавляетъ Каролина, вообще отзывающаяся о ней съ восторгомъ. Такъ, имѣвъ случай видѣть ее танцующею, артистка говоритъ, что никто въ мірѣ не могъ сравняться съ нею граціозностью и пластичностью формъ. Императоръ обожалъ ее и былъ совершенно равнодушенъ къ другимъ женщинамъ. Одна изъ первыхъ красавицъ Петербурга, танцуя съ нимъ, сказала однажды: „О, какъ я счастлива, танцуя съ прекраснѣйшимъ кавалеромъ всей имперіи".— „Я прекрасенъ только для моей жены", холодно отвѣчалъ императоръ.

Придворныя новости Каролина узнавала черезъ пастора Муральта, друга министра Канкрина, и черезъ своихъ учениковъ, принадлежавшихъ къ высшей аристократіи. Семейная жизнь монарха была полна простоты и задушевности. Вокругъ тринадцати-лѣтняго наслѣдника, воспитывавшагося съ сыномъ генерала Паткуля, собирался также веселый кругъ мальчиковъ. Тогда начинала входить въ моду французская кадриль. Императоръ танцевалъ ее однажды съ своею старшею дочерью, великою княжною Маріей, визави съ императрицей и наслѣдникомъ. Онъ держалъ на рукахъ своего маленькаго сына Михаила и, во время соло, передавалъ его государынѣ, осыпавшей его поцѣлуями. Подъ бюстомъ императрицы Николай I-й приказалъ подписать слова: „счастіе моей жизни", и когда, въ 1837 году, Зимній дворецъ пылалъ въ огнѣ, онъ говорилъ: „Оставьте, пусть все сгоритъ, достаньте мнѣ только изъ моего рабочаго кабинета портфель съ письмами, которыя жена писала мнѣ, бывши моею невѣстою". Когда берлинскій живописецъ Крюгеръ рисовалъ портретъ императора, Николай I сказалъ художнику: „просите за него какъ можно больше, любезный Крюгеръ, потому что этотъ скряга (и при этомъ онъ указалъ на князя Волконскаго), который все боится, чтобы мы не сдѣлались нищими, непремѣнно заставитъ васъ что нибудь сбавить съ цѣны". Крюгеру, за его трудъ, было приказано выдать драгоцѣнные золотые часы съ бриллiантами, но, проходя черезъ руки чиновниковъ министерства двора, бриллiанты улетучились, и когда Николай I-й увидѣлъ у Крюгера эти часы, онъ сказалъ ему: „видите ли, какъ меня обкрадываютъ! Но если бы я захотѣлъ по закону наказать всѣхъ воровъ моей имперіи, для этого было бы мало всей Сибири, а Россія превратилась бы въ такую же пустыню, какъ Си-

бирь". Однажды, просматривая счеты по содержанію стола наслѣдника, государь нашелъ, что ему всякій день подаютъ бутылку рому, а наслѣднику было всего двѣнадцать лѣтъ; но что еще поразительнѣе— бутылка эта ставилась на счетъ со дня его рожденія. Такая же бутылка показывалась и въ счетѣ наслѣдника Павла I-го, Александра Павловича, которому лейб-медикъ, 10-го декабря 1787 года, прописалъ чайную ложечку рома противъ зубной боли и, вслѣдствіе этого рецепта, втеченіе послѣдующихъ сорока трехъ лѣтъ, придворное вѣдомство заплатило за 16.000 бутылокъ рому. Это любопытное открытіе повело къ тому, что императоръ самъ пересмотрѣлъ расходы своего семейства и опредѣлилъ ежедневно на себя и императрицу сто рублей столовыхъ денегъ, на великихъ князей и княженъ по 25 руб., придворнымъ особамъ по 20 руб. и т. д., до 3 руб. включительно. Не забудемъ, что тогда считали на ассигнаціи.

Много анекдотовъ разсказываетъ Каролина объ императорѣ, но мы приведемъ только менѣе извѣстные. Однажды, гуляя съ своимъ адъютантомъ въ лѣсу, императоръ хотѣлъ перейти черезъ рѣчку, на которой не было моста. Встрѣтившійся мужикъ предложилъ перенести на себѣ генерала на ту сторону и благополучно переправилъ его, потомъ понесъ адъютанта. Вдругъ, стоя на другомъ берегу, государь закричалъ: „Сбрось этого господина въ рѣку и ты получишь пятьдесятъ рублей". — Получишь сто, если перенесешь меня! кричитъ адъютантъ.—„Пятьсотъ, только брось его!" говоритъ Николай I-й.— Тысячу, только неси скорѣй! Мужикъ, остававшійся въ недоумѣніи во все время переговоровъ, перенесъ, наконецъ, адъютанта и получилъ, конечно, обѣщанную сумму. Адъютантъ этотъ былъ генералъ Салтыковъ. Въ 1834 году, въ Петербургѣ былъ такой страшный холодъ, что даже всѣ театры были закрыты, концерты и балы отмѣнены, потому что кучера и лошади замерзали отъ стужи. На улицахъ почти не было видно прохожихъ, въ особенности бѣднякамъ приходилось плохо въ своихъ сырыхъ, промерзавшихъ насквозь подвальныхъ жилищахъ. Каролина разсказываетъ печальную исторію одного отставнаго актера Бреде, которому нѣмецкое благотворительное общество въ Петербургѣ два раза выдавало пособіе на обратное отправленіе въ Германію; но его удержала въ городѣ сначала болѣзнь дѣтей, потомъ жены, которая и умерла отъ холода и голода. Узнавъ объ ихъ положеніи, Каролина написала къ пастору Муральту, и тотъ, бывши въ Зимнемъ дворцѣ въ тотъ же день у великихъ княженъ, показалъ имъ это письмо. Марія Николаевна, прочтя его, вскричала: „это должна прочитать и мама!" и выбѣжала изъ комнаты. Двѣ другія княжны отдали Муральту нѣсколько золотыхъ монетъ изъ своего рабочаго ящика. Вдругъ вошелъ императоръ съ супругою и великою княжной Маріей. „Это очень хорошо, пасторъ", сказалъ онъ, „что вы даете дочерямъ моимъ случай дѣлать добро. Искренно радуюсь, потому что это дѣлаетъ ихъ счастливыми". И Марія Николаевна

обняла своего родителя, Александра положила свою голову ему на грудь, а Ольга нѣжно поцѣловала его руку. Это была трогательная картина. Само собою разумѣется, что нѣмцу оказано было щедрое пособіе и собрана значительная сумма для возвращенія на родину. Изъ великихъ княженъ, старшая, Марія, болѣе всѣхъ походила на свою бабку, Екатерину II, даже характеромъ и наклонностями. Она вышла по собственному выбору, безъ всякаго вмѣшательства политики, за герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, незначительнаго полковника баварской службы, дѣдъ котораго погибъ на гильотинѣ, а отецъ былъ усыновленъ Наполеономъ I, сдѣлавшимъ столько зла Россіи. Великая княжна Александра была настоящимъ ангеломъ не только по наружности; любимица отца, она очаровывала его своимъ пѣніемъ и не разъ пѣла дуэты съ піемонтскою посланницей графинею Росси, знаменитою Генріетою Зонтагъ. Александра Николаевна вышла за принца Фридриха Гессен-Дармштадтскаго. Въ 1844 году, когда императоръ былъ въ Лондонѣ для того, чтобы убѣдить королеву Викторію и ея министровъ въ безнадежномъ положеніи „больного человѣка“ и подѣлить его наслѣдство, безъ вмѣшательства Франціи и Австріи, пришла неожиданно ужасная вѣсть: великая княгиня Александра желаетъ проститься съ своимъ отцомъ передъ кончиною. Царь бросилъ переговоры о Турціи и поспѣшилъ къ смертному одру своей дочери. Она родила ребенка, тотчасъ же умершаго, и вскорѣ же сама за нимъ послѣдовала. Похоронивъ ее въ церкви Петропавловской крѣпости, императоръ перелистывалъ глубокой ночью дневникъ своей дочери и прочиталъ въ одномъ мѣстѣ: „сегодня въ первый разъ пѣла для папа романсъ „Ты отцвѣла уже, юная роза!“ Рыданія помѣшали ему читать дальше. Въ царскосельскомъ паркѣ, на берегу озера, любила сидѣть великая княгиня и кормила шесть бѣлыхъ лебедей. На этомъ мѣстѣ императоръ воздвигъ часовню съ мраморнымъ изображеніемъ покойной; только бѣлыхъ лебедей замѣнили черными, но чрезъ нѣсколько дней и прежніе вернулись на старое, знакомое мѣсто. Императоръ, гуляя, часто самъ кормилъ ихъ, вспоминая о своей любимицѣ. Подъ ея портретомъ онъ написалъ слова, такъ часто ею произносимыя: „Я знаю, папа, что у тебя нѣтъ бо̀льшаго удовольствія, какъ доставлять удовольствіе мамѣ“. Послѣдняя дочь императора, во время пребыванія съ своей матерью въ Палермо, была обручена съ наслѣднымъ виртембергскимъ принцемъ; но дѣтей отъ этого брака не было. Быть дочерью императора не всегда значитъ— быть счастливой.

Странную и едва ли вѣроятную исторію разсказываетъ Каролина объ одной виртембергской принцессѣ, бывшей въ Петербургѣ въ царствованіе Екатерины II. Рожденная принцесса Брауншвейг-Вольфенбютельская, она была замужемъ за принцемъ Фридрихомъ Виртембергскимъ, служившимъ въ русской арміи, и матерью принцевъ Вильгельма, Павла, прославившагося въ войну за освобожденіе Герма-

нія, и принцессы Екатерины, жены Іеронима Бонапарта, бывшаго короля Вестфаліи. Екатерина II любила сначала эту веселую Виртембергскую принцессу, но, вслѣдствіе какой-то темной любовной исторіи, сослала ее въ маленькую крѣпость на Балтійскомъ морѣ, а мужа ея отправила въ Германію. Комендантъ крѣпости успѣлъ утѣшить свою узницу, но былъ высланъ въ Сибирь. О принцессѣ всѣ забыли, и только при Николаѣ I найденъ былъ гробъ ея и новорожденнаго ребенка въ той же крѣпости.

Дочь герцога Виртембергскаго Александра, впослѣдствіи герцогиня Кобургская, бывшая тогда при русскомъ дворѣ, часто посѣщала нѣмецкій театръ. Спокойная и холодная, она не выказывала никогда ни малѣйшаго знака одобренія. Великая княгиня Елена Павловна очень любила театръ, но посѣщала его рѣдко, такъ какъ супругъ ея Михаилъ Павловичъ не любилъ нѣмецкихъ спектаклей и вообще никакихъ искуствъ и наукъ, кромѣ военнаго искусства. Объ идеализмѣ онъ отзывался съ ѣдкою насмѣшкой. Еще Кюстинъ замѣтилъ, что великая княгиня Елена, кажется, скучаетъ (a l'air de s'ennuyer). Вообще дворъ посѣщалъ нѣмецкій театръ довольно рѣдко и въ исключительныхъ случаяхъ. Въ 1833 году, пріѣхалъ въ Петербургъ на гастроли берлинскій трагическій актеръ Вильгельмъ Крюгеръ. Онъ дебютировалъ въ Гамлетѣ; Каролина играла Офелію. Успѣхъ былъ огромный. Несмотря на іюньскіе жары, публика наполняла театръ. Въ бенефисъ Крюгера, онъ игралъ „Императора Фридриха" и получилъ чистаго сбору 4.000 рублей. Не меньше сбора далъ и второй его бенефисъ — „Разбойники"; но уже на сценѣ Каролина, играя Амалію, замѣтила, что ея Карлъ Моръ сильно разстроенъ. Совершенно больной угощалъ онъ послѣ бенефиса ужиномъ своихъ товарищей, и на другой же день долженъ былъ играть во дворцѣ. Черезъ недѣлю артиста увезли въ Берлинъ: онъ страдалъ глубокой меланхоліей, иногда заговаривался и нѣсколько разъ покушался на самоубійство. Душевно разстроенный, онъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ, и все-таки, обманувъ бдительный надзоръ, убилъ себя въ 1840 году. Въ томъ же 1833 году, въ Петербургъ пріѣхала опасная соперница для Каролины, первая берлинская актриса—Шарлота фон-Гагенъ. Она играла тѣже роли, какъ и Каролина, и дебютировала въ ея лучшей роли — „Донна Діана". Каролина сознается, что Шарлота была очень хороша собой, граціозна, кокетлива, привлекательна, что она была превосходная Юлія Капулетти, Мирандолина, но въ „Доннѣ Діанѣ" играла хуже Каролины, а въ „Преціозѣ" была гораздо слабѣе, особенно въ сценахъ танцевъ и пѣнія. Въ свои бенефисы она взяла „Коварство и Любовь" и „Дон-Карлоса", а Каролина должна была играть леди Мильфортъ и королеву Елизавету. Публика одинаково рукоплескала обѣимъ актрисамъ и вызывала ихъ вмѣстѣ. Вообще, онѣ жили очень дружно между собою, показывались вмѣстѣ въ публикѣ, но Каролина сознается, что обѣ играли въ это время комедію. Расхваливая свою

соперницу, Каролина приводитъ, однако, нѣсколько вовсе не лестныхъ для Гагенъ замѣчаній разныхъ критиковъ. Одинъ говоритъ, что у нея во всемъ заученный разсчетъ, нѣтъ ни искренняго чувства, ни увлеченія. Другой подтверждаетъ, что въ роляхъ наивныхъ и невинныхъ дѣвушекъ, какъ Гретхенъ, она была очень слаба и выдавалась только въ роляхъ кокетокъ и холодныхъ, разсчетливыхъ характеровъ. „Она была въ жизни, какъ и въ искусствѣ, красивая, но холодная змѣя". Какъ Эмиль Девріентъ, никогда не игравшій злодѣевъ и мошенниковъ, Гагенъ никогда не выходила на сцену въ роляхъ дурныхъ женщинъ, чтобы не возбудить къ себѣ нерасположенія публики. Она однако же очень нравилась императору и онъ однажды сказалъ ей, что былъ бы радъ исполнить ея сердечное желаніе. Актриса потребовала его поцѣлуя. Газеты (конечно, заграничныя) того времени говорили, что желаніе актрисы осталось неисполненнымъ. Каролина утверждаетъ противное. Гагенъ пріѣзжала въ Петербургъ еще разъ, но когда уже тамъ не было Каролины. Артистки встрѣтились потомъ чуть ли не черезъ полстолѣтіе, когда Каролина была графинею Платеръ, а Шарлота госпожею Овенъ, разведенною послѣ несчастнаго брака. Шарлота пріѣхала въ швейцарское помѣстье Каролины. Это была толстая, обрюзглая женщина, волочившая за собою одну ногу, вслѣдствіе удара, со вставными зубами и даже ослабѣвшею памятью, за то въ великолѣпныхъ бриліантовыхъ серьгахъ и браслетахъ. Безъ родины, безъ любви, безъ пристанища, не имѣя подлѣ себя никого, кто бы о ней заботился подъ старость, Шарлота странствовала по Германіи, Швейцаріи, Италіи, съ однихъ водъ на другія, напрасно отыскивая друзей и поклонниковъ своихъ молодыхъ сценическихъ годовъ. Все это исчезло навсегда! Хорошо еще, что остались средства, возможность доживать безъ лишеній эту скучную, безотрадную жизнь.

Каролинѣ Бауэръ нельзя однако же вѣрить вполнѣ, когда она выражаетъ сужденія о своихъ собратьяхъ по искусству, какъ напримѣръ, въ ея приговорѣ объ игрѣ Шарлоты Гагенъ. Еще лучше это доказывается ея оцѣнкою игры трагика Каратыгина и его жены. Въ даровитомъ, но далеко не первоклассномъ актерѣ, въ которомъ не было ни естественности, ни увлеченія, она видитъ верхъ совершенства; даже по наружности она называетъ его полубогомъ, видитъ въ немъ Аполлона Бельведерскаго и восхищается даже его античнымъ профилемъ. Лучшаго Фердинанда въ „Коварствѣ и Любви" она не видала даже въ Германіи; а въ этой-то именно роли въ немъ недоставало ни чувства, ни страсти. Жена его, также умная и талантливая актриса, но въ которой было много искусственности и жеманства, играла Луизу Миллеръ, по мнѣнію Каролины Бауеръ, гораздо лучше ея самой. Что петербургская публика приходила въ восторгъ отъ такихъ артистовъ—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: она не видала ничего лучшаго и была, вообще, неразвита въ эстетическомъ

отношеніи. Заговоривъ объ артистическомъ мірѣ, Каролина разсказываетъ печальную исторію даровитой актрисы французской петербургской сцены—Мальо. Она влюбилась въ тогдашняго итальянскаго тенора Николини и, несмотря на то, что ей оставалось всего два года до пенсіи, оставила Петербургъ и сцену, чтобы слѣдовать за своимъ возлюбленнымъ. Въ 1837 году, графиня Ферзенъ встрѣтила Мальо въ Ницѣ, въ страшномъ положеніи: Николини давно уже потерялъ голосъ и Мальо далжна была заработывать деньги, чтобы содержать его. Все, что она получала, Николини пропивалъ, а когда у нея не было денегъ, билъ ее безпощадно. Когда же въ одну ночь нашли его трупъ у дверей кабака, съ нею сдѣлался ударъ и она умерла въ госпиталѣ. Не лучше была судьба другой артистки, пѣвицы Клары Зиберъ, дочери извѣстнаго баритона. Въ петербургской оперѣ она получала 10.000 рублей жалованья. Каролина, оставивъ Россію, десять лѣтъ не имѣла никакихъ свѣдѣній о своей подругѣ, но однажды въ Дрезденѣ къ ней явился оборванный бѣднякъ и рекомендовался волторнистомъ, мужемъ Клары Зиберъ. Она была больна при смерти и просила свою бывшую подругу навѣстить ее и пріобрѣсти у нея ожерелье — остатокъ ея сценическаго туалета. Каролина нашла пѣвицу въ послѣдней степени чахотки, въ самой жалкой обстановкѣ. Умирающая не могла уже говорить отъ слабости, но указала Каролинѣ на небольшое ожерелье съ голубыми камушками и запиской, въ которой была выставлена цѣна. Каролина тотчасъ же заплатила двойную сумму и ушла съ слезами на глазахъ. На другой день пѣвицы не стало.

О нѣмецкомъ обществѣ Петербурга Королина отзывается, конечно, съ полною благосклонностью; расхваливаетъ даже особенную любезность и танцевальное искуство надворнаго совѣтника Вульферта, редактора нѣмецкой петербургской газеты, не забывая, однако, прибавить, что это былъ одинъ изъ самыхъ безобразнѣйшихъ людей; расхваливаетъ и барона Штиглица, этого петербургскаго Ротшильда, и отзывается неодобрительно только о его племянникѣ, Гейнрихѣ Штиглицѣ, плохомъ, напыщенномъ поэтѣ. По наружности, это былъ очень красивый молодой человѣкъ, лѣтъ подъ тридцать, съ черною бородою, темными глазами, смотрѣвшими какъ-то растерянно; онъ казался флегматичнымъ, думавшимъ болѣе о себѣ, и старавшимся всегда и вездѣ выказать себя человѣкомъ выше другихъ, настоящимъ поэтомъ, пренебрегающимъ обыкновенными смертными. Часто встрѣчая его у дяди банкира, Каролина замѣчала, что онъ постоянно рисуется, принимаетъ живописныя позы, устремляетъ неподвижные взоры на одну точку и что-то бормочетъ про себя,—конечно, стихи своего сочиненія. Жена его Шарлота была очень интересное, красивое существо, съ темными волосами и глазами, полными ума и жизни, съ прекраснымъ, пѣвучимъ голосомъ; но она слишкомъ заботилась о томъ, чтобы выдвинуть впередъ и выставить въ блестящемъ свѣтѣ своего мужа. Въ этомъ стараніи замѣтно было какое-то болѣзненное напряженіе, будто она сама насильно принуждала себя вѣрить въ своего флегматичнаго поэта. Когда Каролина оставила уже Россію, до нея до-

шлю ужасное извѣстіе: Шарлота Штиглицъ, 29 декабря 1834 года, въ то время, когда ея мужъ былъ въ концертѣ, закололась. Говорили, что она сдѣлала это для того, чтобы вывести изъ снотворнаго бездѣйствія своего мужа и чтобы возбудить его вдохновеніе потрясающимъ сердце горемъ. Болѣе скептическіе люди утверждали, что она убила себя, отчаявшись въ своемъ поэтѣ, убѣдясь въ его ничтожествѣ, и что главною причиною самоубійства была ея любовь къ Теодору Мундту, который впослѣдствіи написалъ объ ней трогательное воспоминаніе. Самопожертвованіе Шарлоты не принесло однако никакой пользы: супругъ ея впалъ въ еще бо̀льшую умственную летаргію, такъ какъ подлѣ него не было уже лица, побуждавшаго его создавать и трудиться. Онъ спокойно жилъ въ Венеціи, ничего не дѣлая и получая содержаніе отъ своего петербургскаго дядюшки. Весною 1849 года онъ умеръ тамъ отъ холеры.

О своихъ петербургскихъ поклонникахъ Каролина говоритъ очень мало, упоминая въ числѣ ихъ только трехъ лицъ: полковника Львова, предлагавшаго ей свою руку; онъ былъ уже однажды женатъ на актрисѣ Федерсенъ, умершей незадолго до пріѣзда Каролины, и сначала все только и говорилъ о своей покойницѣ, оплакивая ее при всякомъ случаѣ, хотя, по словамъ знавшихъ лицъ, Федерсенъ въ семейной жизни не была вовсе образцомъ кротости и добродушія. Она умерла вскорѣ послѣ родовъ, какъ говорили отъ того, что неумѣренно поѣла кислой капусты, хотя полковникъ увѣрялъ, что на нее губительно подѣйствовалъ испугъ, вслѣдствіе того, что лакей уронилъ цѣлый подносъ съ посудою. Другой обожатель былъ толстый и уже немолодой генералъ, адъютантъ принца Александра Виртембергскаго, вздыхавшій по Каролинѣ, какъ прапорщикъ. Въ своемъ вѣчномъ мундирѣ съ высокимъ краснымъ воротникомъ, безъ малѣйшаго признака таліи, застегнутый на всѣ пуговицы, готовыя лопнуть отъ генеральской полноты, съ краснымъ подбритымъ затылкомъ, являлся онъ къ ней, держа въ лѣвой рукѣ треугольную шляпу съ высокимъ султаномъ изъ перьевъ, который онъ немилосердно терзалъ, конфузясь и заикаясь въ бесѣдѣ съ Каролиной. Послѣ его визита горничная должна была постоянно подметать и убирать нащипанныя имъ перья. Это генеральское ухаживанье также не имѣло никакихъ послѣдствій. Послѣ полковника и генерала, пламеннымъ поклонникомъ Каролины явился двадцатилѣтній инженерный поручикъ, Александръ Кённигкъ-Толлертъ. Онъ бредилъ искусствомъ и въ особенности театромъ, уже въ то время собираясь бросить знамена Марса, чтобы посвятить себя Мельпоменѣ. Онъ писалъ Каролинѣ стихи, посылалъ букеты и ѣздилъ даже за нею въ Ригу, когда она тамъ, во время поста, исполняла гастроли. Прощаясь съ нею навсегда, такъ какъ его отправляли на Кавказъ, а она уѣзжала въ Германію, онъ выпросилъ у нея прощальный поцѣлуй. Она охотно исполнила желаніе юноши, но не могла удержаться отъ громкаго хохота, взглянувъ по-

томъ въ зеркало: пламенный поручикъ до того нафабрилъ себѣ усы, что они отпечатались и на губѣ Каролины. Онъ, конечно, сначала страшно сконфузился, потомъ расхохотался не меньше Каролины и они разстались, чтобъ никогда больше не встрѣчаться. Впослѣдствіи поручикъ, бывшій дерптскій студентъ теологическаго и филологическаго факультета, двадцать лѣтъ былъ режиссеромъ нѣмецкаго театра въ Петербургѣ, и какъ умный и образованный человѣкъ, много содѣйствовалъ его процвѣтанію. Онъ былъ два раза женатъ и умеръ отъ удара въ 1880 году. Къ поклонникамъ Каролины принадлежалъ также актеръ Поллертъ, очень даровитый, но и очень некрасивый собою. Въ Вѣнѣ онъ вздумалъ играть идеальнаго короля Энціо, желая получить ангажементъ на тамошнюю сцену, но былъ встрѣченъ со смѣхомъ публикою и на другой день потребованъ къ директору императорскихъ театровъ, графу Фюрстенбергу. Графъ принялъ его, стоя посреди комнаты, и долго смотрѣлъ на поклоны артиста, не говоря ни слова; наконецъ артистъ началъ самъ:—Ваше сіятельство приказали... Графъ прервалъ его движеніемъ руки и сказалъ: „Ну, можно ли съ такой физіономіей, съ такой ужасной физіономіей...“— Ваше сіятельство изволите находить... бормоталъ смущенный артистъ, но графъ схватилъ его за руку и подвелъ къ большому трюмо, повторяя: „И съ такою физіономіей! Развѣ вы никогда не смотрѣлись въ зеркало? Съ такимъ лицомъ, которое ни одинъ порядочный человѣкъ не подниметъ, если найдетъ его на улицѣ... Играть короля Энціо съ лицомъ сапожника!“ Несчастный артистъ совершенно растерялся, такъ что директоръ, чтобы утѣшить его, взялъ за руку и сказалъ: „Пойдите получить ваши поспектакльныя деньги и уѣзжайте домой, но мой совѣтъ вамъ — не играйте никогда короля Энціо съ такою физіономіей сапожника“.

Не смотря на свои успѣхи въ Петербургѣ, Каролина, по прошествіи трехъ лѣтъ, рѣшилась его оставить: климатъ его былъ слишкомъ тяжелъ, и ей хотѣлось вернуться на родину. Къ тому же, князь Гагаринъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто былъ назначенъ Гедеоновъ. Надѣлавъ впослѣдствіи такихъ неоплатныхъ долговъ, что казна каждый годъ должна была приплачивать огромныя суммы на содержаніе театровъ, Гедеоновъ, какъ всякій новый начальникъ, началъ свое управленіе съ экономіи и сокращенія расходовъ. Онъ предложилъ Каролинѣ возобновить съ нею контрактъ еще на три года, но съ тѣмъ, чтобы уменьшить на три тысячи ея жалованье. „Вы вѣдь не помолодѣли за это время“, прибавилъ онъ не очень учтиво. — Нѣтъ, но пріобрѣла больше опытности въ сценическомъ искусствѣ, отвѣчала артистка и отказалась возобновить контрактъ.

О томъ, какъ Гедеоновъ понималъ искуство, Каролина приводитъ слѣдующій анекдотъ: во время представленія „Донъ-Карлоса“, въ присутствіи двора, въ превосходной сценѣ между королемъ Филиппомъ и маркизомъ Поза, еще задолго до словъ: „Государь! дайте свободу

мысли", Гедеоновъ прибѣжалъ за кулисы и приказалъ режиссеру Барлову, чтобы тотъ кончилъ сейчасъ же сцену между королемъ и маркизомъ, болтовня которыхъ надоѣла двору. Барловъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на директора, не понимая, чего тотъ требуетъ. Но Каролина, стоявшая тутъ же въ костюмѣ королевы, приняла къ сердцу оскорбленіе, нанесенное Шиллеру и искуству, и сказала: „Что же, Барловъ, выйдите, какъ режиссеръ, передъ публикою и скажите: пошелъ, король Филиппъ! (И Каролина приводитъ это русское слово: paschol!!) Маршъ, маркизъ Поза, съ твоими демократическими фразами и заботами о счастіи человѣчества! Убирайтесь со сцены. Вы надоѣли высокимъ особамъ своей болтовней, своей свободой мысли!" Директоръ злобно взглянулъ на актрису, и высунувшись изъ-за кулисы, самъ закричалъ королю и маркизу: „уходите сейчасъ же! или я велю васъ съ солдатами выпроводить со сцены". И они, не окончивъ діалога, ушли за кулисы. „Но выходка моя", прибавляетъ Каролина, „сдѣлалась, конечно, извѣстна при дворѣ, потому что, при моемъ прощальномъ бенефисѣ, только придворныя ложи были пусты". Каролина утверждаетъ, что ея холодность въ отношеніи къ лицамъ, имѣющимъ власть въ театрѣ, — къ князю Волконскому, Гедеонову и другимъ, еще выше поставленнымъ, привыкшимъ смотрѣть на актрисъ, какъ паши на своихъ рабынь, — была причиною того, что ее не удерживали въ Петербургѣ. Она уѣхала въ январѣ 1834 года, но по дорогѣ остановилась въ Ригѣ на нѣсколько времени. Тамъ она должна была исполнять не только свое амплуа, но и всевозможныя роли: пѣть въ оперетках и танцевать въ дивертисментахъ. Она подробно описываетъ, какъ танцовала „казачекъ", которому выучилась въ Петербургѣ, платя по 25 руб. за урокъ балетмейстеру императорскаго двора. Что касается до пьесъ, то нѣмецкая цензура была къ нимъ не снисходительнѣе русской. Такъ, изъ комедіи „Человѣкъ въ огнѣ" Каролина должна была играть только нѣкоторыя сцены, а вся пьеса была запрещена въ Петербургѣ для цѣлой Россіи за то, что въ ней майоръ вызываетъ на дуэль своего генерала, что̀ могло быть очень дурнымъ примѣромъ для дисциплины русской арміи. Да чтобы съиграть и отрывки изъ комедіи, нужно было особое разрѣшеніе губернатора Паулучи. Съ другой стороны, для Риги, и вообще для Остзейскихъ провинцій, не существовало нелогичнаго и распространеннаго на всю Россію запрещенія—играть въ посту. Каролина была довольна тѣмъ, что нѣмецкіе спектакли не давались, какъ въ Петербургѣ, два раза въ день на масляницѣ, которую она по этому случаю описываетъ, стараясь придать мѣстный колоритъ употребленіемъ русскихъ словъ, хотя совершенно неправильнымъ. Такъ, она пишетъ „баланганы", „блинти и другія сладкія кушанья"; увѣряетъ, что въ столицѣ всю масляницу звонятъ въ колокола, что русскіе кучера пропитаны запахомъ мускуса и пр. Она описываетъ подробно свои бенефисы въ Ригѣ и публику, являвшуюся къ ней на квартиру по-

купать билеты. Вмѣстѣ съ богатой и модной молодежью являлись и оригинальныя личности. Такъ, одна старуха принесла ей пару бѣлыхъ чулокъ, на которыхъ было вышито имя Каролины и Габріели,— роль, въ которой актриса произвела сильное впечатлѣніе на бѣдную женщину. Каролина дала ей даровой билетъ, а ея мать прибавила къ этому нѣсколько денегъ. „Добрая матушка", говоритъ Каролина, „сколько разъ я бранилась съ нею за ея мягкое сердце, щедрость котораго была для насъ такъ невыгодна". Въ этой фразѣ, сказанной мимоходомъ и совершенно простодушно, видѣнъ однако-жъ весь характеръ актрисы. Явился за билетомъ и неуклюжій гимназистъ съ красными руками и розою, завернутою въ бумажкѣ. Онъ взялъ смѣлость поднести Каролинѣ единственный имѣвшійся у него цвѣтокъ. Получивъ свой билетъ, гимназистъ вытащилъ еще какую-то бумагу, и Каролина призвала на помощь все свое терпѣніе, чтобы выслушать какое нибудь восторженное и безконечное стихотвореніе; къ счастію, это оказался альбомъ, въ который гимназистъ просилъ артистку вписать что нибудь на память. Каролина написала два стиха изъ „Колокола" Шиллера: „Человѣкъ долженъ броситься во враждебную жизнь, долженъ трудиться и вѣчно стремиться". Этого посѣтителя приняла очень дурно Лизинька, собака Каролины, такъ что почтенная матушка должна была взять ее на руки и сказать ей: „Лизинька, ты хочешь кусать добрыхъ людей, которые приносятъ намъ столько прекрасныхъ денегъ". И умная Лизинька, по словамъ Каролины, поджавъ отъ стыда хвостъ, спряталась подъ диванъ, оцѣнивъ, вѣроятно, вполнѣ практическое замѣчаніе экономной нѣмки. Въ бенефисѣ своемъ Каролина явилась, конечно, въ чулкахъ старухи и съ розою гимназиста.

Грустную исторію разсказываетъ Каролина объ одной изъ своихъ подругъ, рижской актрисѣ, Луизѣ Эккертъ. Молоденькая и хорошенькая собой, она пріѣхала изъ Берлина дать нѣсколько гастролей и остановилась у одной отставной актрисы, дававшей въ Ригѣ уроки пѣнія. Подружившись съ Каролиною, Луиза жаловалась ей, что ее преслѣдуетъ русскій полковникъ, котораго она терпѣть не можетъ и даже боится. О печальной участи, постигшей Луизу, Каролина узнала только въ Бреславлѣ, куда Эккертъ пріѣзжала также на гастроли. Послѣ перваго же спектакля, директоръ театра поручилъ одной изъ актрисъ своей труппы сказать Луизѣ Эккертъ, чтобы она не являлась болѣе на сцену, а взяла отпускъ и уѣхала обратно, куда хочетъ, такъ какъ въ ея положеніи, слишкомъ замѣтномъ даже для публики, нельзя исполнять ролей наивныхъ и невинныхъ дѣвушекъ. Луиза пришла въ ужасъ, когда ей передали слова директора, и увѣряла, что она ничего не знаетъ и не понимаетъ. Актриса, служившая посредницею между директоромъ и ею, совѣтовала ей увѣдомить отца ея будущаго ребенка о ея близкомъ разрѣшеніи. „Не понимаю, я ли сошла съ ума, или вы всѣ?" отвѣчала растерявшаяся дѣвушка: „я не знаю за собой никакой вины". Тогда актриса, знавшая о томъ, что Луизу

преслѣдовалъ въ Ригѣ русскій полковникъ, просила несчастную припомнить подробно всѣ обстоятельства послѣдняго свиданія съ нимъ. Та разсказала, что наканунѣ ея отъѣзда изъ Риги, къ ея хозяйкѣ, дававшей прощальный вечеръ, пришелъ и полковникъ. Когда Луиза хотѣла уйти изъ залы, онъ просилъ ее остаться и сказалъ, что зашелъ самъ только для того, чтобы проститься со всѣми, такъ какъ тотчасъ же уѣзжаетъ въ Москву; черезъ минуту онъ, дѣйствительно, уѣхалъ, и собравшіеся гости продолжали веселиться. Луиза помнила, что хозяйка заставляла ее много пить; въ особенности нѣсколько глотковъ какого-то крѣпкаго пуншу такъ на нее подѣйствовали, что она должна была, съ сильнымъ круженіемъ головы, прилечь тутъ же на диванъ. Какъ сквозь сонъ слышала она, какъ разошлись всѣ гости, какъ, чтобы не безпокоить ее, на этотъ же диванъ постлали ей постель и какъ потомъ видѣла она ужасный сонъ, что полковникъ обнималъ и цѣловалъ ее. Когда она разсказала это, актрисѣ сдѣлалось все ясно; она утѣшала, сколько могла, несчастную Эккертъ и, уходя, обѣщала ей на другое утро принять какія нибудь мѣры, чтобы выйти изъ этого ужаснаго положенія; но на другое же утро къ актрисѣ прибѣжала горничная Эккертъ съ крикомъ: „Скорѣе! она умираетъ и хочетъ еще разъ видѣть васъ!“ Несчастная умерла на рукахъ актрисы, отравившись ночью и родивъ мертваго ребенка. Луизу Эккертъ похоронили на бреславльскомъ кладбищѣ. Такъ погибло молодое созданіе жертвою негодяевъ, оставшихся безнаказанными.

Изъ Риги Каролина отправилась въ Митаву, гдѣ также дала нѣсколько представленій. Курляндское дворянство приняло ее еще лучше губернаторъ, графъ Паленъ, баронъ Мальтицъ, помѣщики Бокъ, Гротгузенъ, Ренне, Ашеръ и др. въ честь ея давали балы и праздники Графъ Медемъ велѣлъ снять съ нея портретъ въ видѣ дѣвушки, прижимающей къ сердцу голубка. Ей предлагалъ руку несовершеннолѣтній сынъ банкира Рейтера и поэтъ Аполоній Мальтицъ, уже и тогда извѣстный своимъ произведеніемъ „Признанія одной лошади, съ примѣчаніями ея кучера“. Баронъ однажды сказалъ ей прямо: „Вмѣсто того, чтобы вамъ ѣхать за-границу, не хотите ли отправиться съ мною навсегда въ мое курляндское помѣстье, хоть я не могу предложить вамъ блестящей участи: имѣніе мое не велико и коровы мои тощи“. — Если ихъ у васъ семь, какъ у фараона, отвѣчала смѣясь Каролина, „то позвольте мнѣ прежде подоить семь тучныхъ коровъ на театральной сценѣ“. Эта насмѣшка опечалила барона, но онъ остался другомъ Каролины, даже когда былъ посланникомъ въ Бразиліи и потомъ въ Веймарѣ.

Въ Германіи Каролина начала свои гастроли съ Мемеля и Кенигсберга. Въ Познань призвалъ ее старый знакомый, директоръ Фогтъ— помочь ему въ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Съ большимъ трудомъ выхлопоталъ онъ у короля позволеніе составить польскую труппу и давать представленія на польскомъ языкѣ; но познанская аристократія не под-

держивала національнаго театра, и директоръ просилъ Каролину сыграть роль нѣмого Викторина, въ переводѣ на польскій языкъ извѣстной драмы „Убійца и сирота“. Каролина согласилась, сборъ и успѣхъ пьесы былъ огромный. Въ другихъ городахъ Каролина собрала также немало денегъ. Довольно продолжительное время оставалась она въ Вѣнѣ, которою осталась, однако, несовсѣмъ довольна, въ особенности, вѣнской публикой, которая съѣзжалась въ театръ не для того, чтобъ смотрѣть пьесы, а чтобъ себя показывать. Дамы ѣздили въ театръ, какъ на выставку, въ роскошныхъ костюмахъ и занимались гораздо болѣе зрителями, чѣмъ сценою; бѣлыми, обнаженными ручками облокачивались онѣ на красный бархатъ барьеровъ ложъ, раскланивались со знакомыми въ партерѣ, подавали условные знаки вѣерами и лорнетами, обсуждали туалеты сосѣдокъ, толковали о новостяхъ, о своихъ дѣлахъ, и почти не обращали вниманія на самую пьесу. Гораздо выше таланта актрисы цѣнили умѣнье ея одѣваться по послѣдней парижской модѣ, и чѣмъ богаче и эксцентричнѣе былъ костюмъ, тѣмъ болѣе успѣха имѣла артистка. Чтобы соперничать съ любимицами вѣнской публики, необходимо было прежде всего явиться передъ нею въ блестящемъ костюмѣ, что̀ прежде всего сто́ило, конечно, большихъ денегъ; и Каролина должна была подчиниться всѣмъ прихотямъ этой моды. Она рисуетъ нѣсколько типовъ тогдашняго вѣнскаго высшаго круга. Къ нему принадлежалъ и графъ Шандоръ, представитель фешенебельной молодежи, удивительный ѣздокъ, славившійся своими лошадьми и экипажами, каждый день являвшійся въ Пратерѣ на изумительномъ скакунѣ, или въ экипажѣ, то въ формѣ древней римской колесницы, то въ какой нибудь фантастической коляскѣ, въ русской, мадьярской или англійской упряжи. Во всѣхъ скаковыхъ обществахъ онъ былъ президентомъ и лошади его вездѣ брали призы. Его гиппическими подвигами были наполнены столбцы всѣхъ газетъ; такъ, онъ выигралъ пари, поднявшись верхомъ на лошади въ третій этажъ и спустившись оттуда. Когда же была открыта желѣзная дорога изъ Вѣны въ Пештъ, онъ бился объ закладъ, что обгонитъ на своемъ скакунѣ локомотивъ на всѣхъ парахъ—и выигралъ пари. Въ то время онъ былъ женихомъ дочери всемогущаго канцлера — Леонтины Меттернихъ; а потомъ проводилъ часть года въ Офенѣ, гдѣ у него былъ великолѣпный дворецъ. Къ этому дворцу, послѣ паденія Меттерниха, собралась однажды огромная толпа, устроившая кошачью музыку зятю ненавистнаго всѣмъ канцлера. Вдругъ изъ толпы народа отдѣлился человѣкъ, поднявшійся на крыльцо дворца и кричавшій, свистѣвшій, шумѣвшій болѣе всѣхъ окружавшихъ его лицъ; это былъ самъ графъ Шандоръ. Узнавъ его, толпа вдругъ замолчала, потомъ разразилась неудержимымъ хохотомъ, и успокоенная отхлынула отъ дворца. И этотъ эксцентрическій графъ кончилъ печально свою карьеру: упавъ неудачно съ лошади, онъ получилъ сотрясеніе мозга и послѣдніе годы жизни провелъ полупомѣшанный. Дочь его,

Паулина, вышедшая за своего дядю, князя Рихарда Меттерниха, наслѣдовала оригинальный характеръ своего отца. О ея похожденіяхъ при дворѣ Наполеона III и въ Вѣнѣ до сихъ поръ еще ходятъ разнообразные и невсегда поучительные разсказы.

Въ числѣ свѣтской молодежи блисталъ и князь Горчаковъ, первый секретарь русскаго посольства, очаровавшій своимъ обращеніемъ и разговоромъ Каролину. Директоръ театровъ, графъ Черникъ, принялъ ее довольно сухо и началъ расхваливать вѣнскую актрису Пехе, занимавшую то же амплуа, какъ и Каролина. Онъ прямо объявилъ ей, что драмы и трагедіи наскучаютъ ему и что, еслибъ не было комедій и водевилей, онъ не заглянулъ бы въ театръ. Онъ допытывался, не имѣетъ ли Каролина намѣренія поступить въ вѣнскую труппу, но когда узналъ, что она хочетъ сыграть только нѣсколько гастролей и вовсе не думаетъ соперничать съ фрейлейнъ Пехе, то сдѣлался къ ней гораздо благосклоннѣе. Но прежде чѣмъ дебютировать на вѣнской сценѣ, Каролина ѣздила въ Пештъ—дать тамъ нѣсколько представленій. Подъѣзжая къ столицѣ Венгріи съ почтальонами, которые гнали лошадей такъ же скоро, какъ и русскіе, она подверглась серьезной опасности, встрѣтивъ стадо бѣлыхъ пряморогихъ венгерскихъ быковъ, головъ въ пятьсотъ, встрѣтившихъ съ видимо враждебными намѣреніями ея коляску, которой съ трудомъ удалось проѣхать между разсерженными животными. Театръ въ Пештѣ поразилъ ее своею огромностью: голосà съ авансцены съ трудомъ доходили до половины залы, и актеры должны были напрягать всѣ усилія, чтобы ихъ слышала публика. Всего страннѣе былъ обычай студентовъ и офицеровъ брать въ театръ своихъ собакъ. „Конечно", прибавляетъ Каролина, „надо быть благодарнымъ и за то, что имъ не вздумалось приводить съ собой и своихъ лошадей". Но и собаки поднимали иногда лай въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ пьесы, и хотя ихъ, конечно, тотчасъ же выводили, но отъ этого происходилъ шумъ, мѣшавшій и актерамъ, и публикѣ. Нравы этой публики были такъ же довольно эксцентричны: на одной репетиціи первый любовникъ читалъ свою роль, закрывая платкомъ лѣвую сторону лица. — У васъ болятъ зубы? спросила съ участіемъ Каролина. „Не совсѣмъ", отвѣчалъ онъ, отнимая руку отъ вздувшейся щеки и глàза съ огромнымъ синякомъ. — Какъ это вы такъ неосторожно упали? продолжала Каролина. „Я не падалъ", отвѣчалъ актеръ, „а только разговаривалъ вчера вечеромъ въ трактирѣ о превосходствѣ австрійской цивилизаціи надъ мадьярской. Ну, да и спорившему со мной студенту досталось отъ меня порядочно".—Такъ вѣдь они васъ освищутъ за это сегодня вечеромъ.—„До этого времени мы успѣемъ еще помириться, и тотчасъ послѣ репетиціи отправляемся запивать наше недоразумѣніе хорошимъ венгерскимъ виномъ". И вечеромъ побитаго артиста встрѣтили, дѣйствительно, громкими рукоплесканіями. Но театръ, вообще, не занималъ важнаго мѣста въ числѣ удовольствій венгерской жизни. Эта пылкая, энергичная нація тол-

ковала только о лошадяхъ, женщинахъ, собакахъ и трубкахъ. И несмотря на это, Каролина говоритъ, что имѣла большой успѣхъ въ Пештѣ.

Дебюты Каролины въ Вѣнѣ были такъ же очень успѣшны. Она понравилась даже императору Францу. Онъ часто бывалъ въ театрѣ, хотя дѣла имперіи были въ то время далеко не въ блестящемъ положеніи. Министры предвидѣли въ близкомъ будущемъ государственное банкротство и не разъ старались склонить императора къ пожертвованію для общей помощи хоть частью его громадныхъ доходовъ, или того золота, которое онъ пряталъ въ бочкахъ, въ подвалахъ своего дворца. На всѣ просьбы и представленія по этому предмету престарѣлый монархъ отвѣчалъ: „Дѣлайте тамъ, какъ знаете, но ужъ бочекъ моихъ я не открою". Францъ умѣлъ всю жизнь довольно ловко выпутываться изъ самыхъ затруднительныхъ положеній. Когда однажды герцогъ Рейхштадскій, этотъ несчастный сынъ Наполеона, римскій король, бывши еще ребенкомъ, спросилъ дѣда: „Зачѣмъ ты отправилъ моего папà на этотъ скверный островъ и не позволяешь мнѣ видѣться съ нимъ?" Францъ отвѣчалъ спокойно: „Потому, что твой папà поступалъ дурно, и если ты будешь тоже дурно поступать, то попадешь также на Святую Елену". Ребенокъ, не удовольствовавшись этимъ, продолжалъ: „Скажи же мнѣ, дѣдушка, какъ надо дурно поступать, чтобы попасть къ моему папà, съ которымъ мнѣ лучше будетъ, чѣмъ здѣсь со всѣми вами?" Но императоръ и на это нашелся отвѣтить: „Ну, ужъ о томъ, какъ надо худо поступать, спроси у своей матери: она это хорошо знаетъ". Австрійскимъ императорскимъ домомъ Каролина вообще осталась очень недовольна; кромѣ статнаго эрцгерцога Карла, побѣдителя при Асчернѣ, всѣ остальные члены царствующей семьи не отличались красотою; въ особенности была непріятна у нихъ отвислая нижняя губа—этотъ отличительный признакъ Габсбургскаго дома. Почти всѣ эрцгерцоги страдали падучей болѣзнью, внесенною въ это семейство испанскою принцессою Людовикою; особенно некрасивъ былъ наслѣдникъ престола, эрцгерцогъ Фердинандъ, съ своею толстою головою, мутными глазами и лицомъ, лишеннымъ всякаго выраженія; онъ представлялъ разительный контрастъ съ своею идеально-красивою супругою Маріею-Анною, въ блѣдныхъ чертахъ которой выказывалось страдальческое выраженіе. Припадки падучей болѣзни у Фердинанда стали особенно часто повторяться въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ какъ въ него выстрѣлилъ полупомѣшанный капитанъ Рейндль, которому Фердинандъ отказалъ въ пособіи. Пулю, вынутую изъ легкой раны эрц-герцога, благочестивая Марія-Анна принесла какъ даръ на алтарь въ церкви Богородицы, за спасеніе мужа. Изъ женщинъ императорской фамиліи была очень красива величавая эрцгерцогиня Софія, мать нынѣшняго императора, и очень некрасива—Марія-Луиза, бывшая супруга Наполеона I, гостившая тогда у своего отца; она походила на мумію

цвѣтомъ лица и худощавостью и была очень лѣнива. Уже и въ то время, какъ герцогиня пармская, она была женою своего кривого шталмейстера, графа Нейперга. Главнымъ лицомъ въ имперіи былъ князь Меттернихъ; его третья жена, графиня Меланія Зичи-Феррарисъ, была молодая, граціозная, пылкая, но гордая и тщеславная женщина. На одномъ придворномъ балу маркизъ Сент-Олеръ, посланникъ короля Луи-Филиппа, сказалъ ей: „Какая великолѣпная діадема украшаетъ ваше прекрасное чело, графиня!"—Она, покрайней мѣрѣ, не похищенная, какъ у нѣкоторыхъ королей! гордо отвѣчала княгиня. Маркизъ тотчасъ же подошелъ къ Меттерниху, передалъ слова его жены и сказалъ: „послѣ такого оскорбленія моего государя супругою австрійскаго канцлера, я долженъ писать въ Парижъ и просить о моемъ отозваніи". Меттернихъ протянулъ руку посланнику и отвѣчалъ кротко, но съ достоинствомъ: „любезный маркизъ! я люблю мою жену, я ее выбралъ, но не я ее воспиталъ". Этотъ отвѣтъ обезоружилъ маркиза. Канцлеру не разъ приходилось исправлять подобнымъ образомъ выходки своей жены. Однажды къ нему явился Францъ Листъ, но канцлеръ, чѣмъ-то занятый, просилъ его подождать нѣсколько минутъ и поговорить пока съ княгиней. Она бесѣдовала въ салонѣ съ другой дамой; при видѣ артиста, княгиня кивнула головою и продолжала разговоръ; только послѣ нѣсколькихъ минутъ бесѣды съ гостьей, она обратилась къ Листу съ вопросомъ: „Вы давали концерты въ Италіи? выгодныя дѣла устроили?"—Я пишу музыку, княгиня, а не занимаюсь устройствомъ выгодныхъ дѣлъ, гордо отвѣчалъ артистъ и ушелъ послѣ легкаго поклона. Вслѣдъ за этой сценой, въ первомъ же концертѣ Листа, Меттернихъ пошелъ къ нему на сцену, пожалъ ему при всѣхъ руку, громко выразилъ удивленіе его таланту и тихо прибавилъ: „Надѣюсь, вы простите женѣ моей ея необдуманную фразу? вы знаете, что женщины рѣдко обдумываютъ свои выраженія".

Каролина описываетъ также жизнь на водахъ въ Баденѣ, близъ Вѣны. Ее поразилъ въ особенности наружный видъ теплыхъ сѣрныхъ ваннъ. Въ огромномъ, роскошно убранномъ бассейнѣ сидѣло отъ двадцати до тридцати мущинъ и женщинъ въ длинныхъ купальныхъ мантіяхъ, погрузившись до подбородка въ теплую воду. Такъ какъ при этомъ были невозможны никакіе туалеты, то все искусство моды было обращено на головы купающихся, убранныя и причесанныя какъ на званый балъ. И эти расчесанныя головы, виднѣвшіяся на поверхности воды, безъ умолку болтали между собою и съ посѣтителями, бродившими по галлереѣ вокругъ бассейна. Важнымъ лицомъ въ Вѣнѣ былъ въ то время портной фон-Беръ: онъ былъ законодателемъ моды и составлялъ туалеты для первыхъ вѣнскихъ красавицъ. У него былъ свой великолѣпный домъ, экипажи, онъ давалъ блистательные вечера, игралъ для своего удовольствія на скрипкѣ, былъ предсѣдателемъ общества садоводства и бралъ за шитье платья

громадныя суммы, хотя никогда не снималъ мѣрки съ своихъ заказчицъ. Когда Каролина явилась къ нему съ просьбою сдѣлать ей модный туалетъ, Беръ только внимательно осмотрѣлъ ее съ ногъ до головы и черезъ нѣсколько времени прислалъ ей платье, которое сидѣло на ней какъ вылитое. Конечно, оно стоило большихъ денегъ, а поспектакльная плата не превышала въ то время двадцати червонцевъ, и несмотря на это Каролина должна была часто дѣлать себѣ новые наряды, чтобы нравиться вѣнской публикѣ: чѣмъ роскошнѣе былъ костюмъ, тѣмъ больше нравилась артистка, по ея собственному сознанію. „Прежде всего—быть красивой, а потомъ естественной", было девизомъ вѣнскихъ артистокъ, и Каролина должна была этому подчиниться. Гораздо лучше понимали искусство и принимали Каролину въ Прагѣ, гдѣ не было въ театрѣ ни блестящихъ мундировъ Петербурга, ни разодѣтыхъ дамъ Вѣны, ни принцевъ и принцессъ, какъ въ берлинскихъ придворныхъ ложахъ, но была любовь къ сценическому искусству и сочувствіе къ артистамъ.

Послѣ странствованій по разнымъ городамъ, Каролина рѣшилась принять ангажементъ въ Дрезденѣ. Прежде всего она отправилась къ извѣстному историку и критику искусства Бётигеру—просить его ходатайства о принятіи ее на дрезденскую сцену; но первыми словами стараго критика были: „Видѣли ли вы Тика?"—Нѣтъ еще. Я хотѣла, чтобы меня представилъ ему нашъ драматургъ, Винклеръ.— „Все зависитъ отъ Тика", замѣтилъ критикъ. „Вы пріѣхали во-время: наша первая актриса Юлія Рёттихъ оставляетъ Дрезденъ, поссорившись съ Тикомъ. Кто затронетъ его самолюбіе, тотъ немедленно изгоняется; а чтобы пріобрѣсти его благосклонность, нужно много условій, и прежде всего быть чрезвычайно внимательной къ подругѣ его, графинѣ Финкенштейнъ". Самъ Бётигеръ не могъ представить артистку Тику, потому что былъ съ нимъ въ натянутыхъ отношеніяхъ. Знаменитому писателю представилъ ее баронъ Штернбергъ. Тикъ принялъ ее ласково, познакомилъ со своей семьей, дочерьми, графинею Финкенштейнъ и пригласилъ къ себѣ на вечеръ, на литературное чтеніе. Тикъ былъ замѣчательный чтецъ, особенно драмъ романтическихъ и трагедій; но во время его чтенія, продолжавшагося по нѣскольку часовъ, дамы не смѣли даже заниматься своими рукодѣльями. Каролина присутствовала на многихъ подобныхъ вечерахъ и за то заключила съ дрезденскою сценою контрактъ, сначала на четыре года, потомъ возобновила его на такой же срокъ, съ жалованьемъ въ двѣ тысячи талеровъ и двѣсти на гардеробъ. Сначала любовь дрезденской публики раздѣляла съ Каролиною извѣстная пѣвица Сабина Гейнефеттеръ. Онѣ производили фуроръ, особенно въ роляхъ Ромео и Танкреда. Съ Сабиною вмѣстѣ дебютировала сестра ея, хорошенькая Катенька. Сабинѣ уже было тридцать лѣтъ и она много испытала въ жизни; бѣдною уличною пѣвицей провела она молодость въ Майнцѣ, играя на арфѣ и распѣвая по трактирамъ романсы. Ей

доставили средства выучиться серьезно пѣнію и она вскорѣ пріобрѣла извѣстность, вступивъ на берлинскую оперную сцену. Большой успѣхъ имѣла она также въ Парижѣ. Обѣ сестры были въ это время невѣстами. Сабина сбиралась выйти замужъ за одного голландскаго офицера и оставить сцену. Женихъ Катеньки былъ французъ, съ которымъ она отправилась въ Парижъ и поступила тамъ въ Большую Оперу, гдѣ имѣла большой успѣхъ, но бросила своего жениха и сошлась съ адвокатомъ, Коммартеномъ; затѣмъ вскорѣ начала принимать исканія молодаго Штейнера. Между соперниками происходили ссоры и сцены. Мелкіе журналы передавали ихъ публикѣ; имя Катеньки начало сопровождаться весьма нелестными эпитетами и, чтобы дать время замолкнуть скандальнымъ исторіямъ, она оставила Парижъ и приняла ангажементъ въ Брюсселѣ. Коммартенъ проводилъ ее туда и прожилъ съ нею нѣсколько времени въ этомъ городѣ, гдѣ она вскорѣ свела знакомство съ адвокатомъ Сире. Коммартенъ узналъ объ этомъ и хотѣлъ прервать съ нею всѣ сношенія, но Катенька написала ему нѣжное письмо и звала его снова въ Брюссель. Онъ поѣхалъ и поспѣлъ къ концерту, въ которомъ она пѣла. Думая сдѣлать ей пріятный сюрпризъ, онъ отправился къ ней послѣ концерта и засталъ ее за ужиномъ съ Сире. Разговоръ соперниковъ превратился вскорѣ въ обоюдную брань, потомъ дѣло дошло и до оскорбленія дѣйствіемъ; Катенька упала въ обморокъ. Что произошло дальше—несовсѣмъ ясно. Коммартенъ говорилъ: „я далъ Сире оплеуху, тотъ ударилъ меня палкою, которая переломилась; я вскричалъ: завтра въ восемь часовъ мы деремся на шпагахъ!"—Будемъ драться сейчасъ же, отвѣчалъ Сире, и схвативъ со стола ножъ, бросился на меня; у меня въ рукахъ была палка съ кинжаломъ, я обнажилъ его, но Сире, вѣроятно, не замѣтивъ этого, въ слѣпой ярости наткнулся на клинокъ; брызнула кровь, обагрившая его жилетъ; я бросился изъ комнаты за врачомъ, и когда вернулся съ нимъ, мнѣ сказали: Сире уже мертвъ. Тогда я сообщилъ обо всемъ представителямъ правосудія". Судъ надъ Коммартеномъ занималъ нѣсколько времени всю Францію и Бельгію. Катенька, призванная свидѣтельницею старалась оправдать себя и обвиняла во всемъ Коммартена, но блистательная рѣчь его защитника, извѣстнаго адвоката Шекс-д'Эстанжа, произвела сильное впечатлѣніе, и подсудимаго оправдали. Но Катенька была осуждена общественнымъ мнѣніемъ. Кровавая трагедія въ Брюсселѣ сдѣлала невозможнымъ ея пребываніе въ этомъ городѣ и Парижѣ. Еще нѣсколько времени пѣла она въ маленькихъ городахъ, но вскорѣ должна была вовсе отказаться отъ сцены, въ полной силѣ таланта. Въ 1855 году умерла она въ Фрейбургѣ, отъ болѣзни сердца, на тридцать пятомъ году. Судьба старой сестры Сабины Гейнефетеръ, которою восхищался и Петербургъ, была также печальна: она умерла въ домѣ умалишенныхъ.

Послѣднія гастроли Каролины были на ея родинѣ—Карлсруэ. Ди-

ректоромъ тамошняго театра былъ графъ Луксбургъ, жена котораго была извѣстна своею связью съ Наполеономъ I. Первый мужъ ея былъ французскій офицеръ, присужденный къ смерти за нарушеніе военной дисциплины. Красавица жена его бросилась къ ногамъ императора, умоляя о прощеніи мужа, и купила жизнь его цѣною своей чести. Мужъ былъ отправленъ на войну въ Испанію, а жена, оставшись при дворѣ, родила сына, графа Лео, и получивъ извѣстіе о смерти мужа, вышла за графа Луксбурга. Вскорѣ, однако, это извѣстіе оказалось ложнымъ и мужъ явился къ графинѣ, но отказался отъ всѣхъ правъ на нее за значительное вознагражденіе. Она между тѣмъ начала въ Парижѣ процессъ, чтобы вытребовать завѣщанную Наполеономъ ей и ея сыну сумму и хладнокровно разсказала на судѣ всѣ подробности своей связи съ императоромъ. Процессъ она выиграла и была признана Наполеономъ III въ качествѣ родственницы, принадлежащей къ наполеонидамъ. Какъ не походила эта авантюристка на вдовствующую великую герцогиню Стефанію Баденскую, племянницу императрицы Жозефины! Она была нехороша собою, но чрезвычайно привлекательна и симпатична. Изъ трехъ дочерей ея старшая—супруга принца Вазы, вскорѣ же съ нимъ разведенная, была матерью саксонской королевы Каролины. Бракъ другой ея дочери съ принцемъ Монако былъ также несчастливъ, и принцесса должна была бѣжать съ своимъ сыномъ отъ грубаго обращенія мужа. Народная молва утверждала, что Стефанія была матерью таинственнаго Каспара Гаузера, но она отвергала это. Великая герцогиня Софія, правившая въ это время Баденомъ, была не похожа на Стефанію и, желая отличаться строгою нравственностью, запретила играть въ Карлсруэ драму „Кетхенъ фон-Гейльбронъ“, находя безнравственнымъ, что Кетхенъ слѣдуетъ повсюду за своимъ возлюбленнымъ и служитъ ему въ костюмѣ конюшаго. И между тѣмъ, эту же высоконравственную герцогиню Морицъ фон-Габеръ называлъ открыто во всѣхъ трактирахъ „моя Софія“. Его, правда, вызвали за это на дуэль, но на ней погибъ его противникъ, вмѣстѣ со своимъ секундантомъ и секундантомъ самого Габера, русскимъ офицеромъ Веревкинымъ, а самъ Габеръ остался невредимъ.

Лѣтомъ 1836 года, Каролина отдыхала въ Шинцнахѣ въ Швейцаріи, въ совершенномъ уединеніи. Тамъ она познакомилась съ женевскимъ естествоиспытателемъ, Теодоромъ Деларивъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи извѣстнымъ своими учеными трудами. Молодой профессоръ, знавшій ее только подъ именемъ дѣвицы Бауэръ, влюбился въ нее, хотя былъ уже обрученъ съ другою. Каролина сознается, что сама полюбила его, но не хотѣла навлекать на себя проклятіе родителей Деларива, строгихъ протестантовъ, за то, что разлучила его съ обрученною невѣстой; да и самъ Деларивъ, узнавъ, что она актриса, не могъ предложить ей свою руку и, прощаясь съ нею навсегда, написалъ ей слѣдующее четверостишіе: „Воспоминанье — не-

бесный даръ, тѣнь исчезнувшихъ благъ, остается единственнымъ счастьемъ послѣ всего, что мы потеряли". Поступивъ на дрезденскую сцену, Каролина изучала каждую изъ своихъ ролей подъ руководствомъ Тика, очень благосклонно къ ней относившагося, хотя и неблаговолившаго вообще къ женщинамъ, даже и къ такимъ выдающимся личностямъ, какъ Рахель Фарнгагенъ и Бетина фон-Арнимъ. Онъ называлъ ихъ „обезьянами, убѣжавшими изъ рая", и утверждалъ, что Бетина сказала ему однажды: „Знаешь что, Тикъ? я должна во что бы то ни стало имѣть ребенка отъ Гёте: это будетъ, конечно, полубогъ". И между тѣмъ, этотъ же Тикъ жилъ въ странныхъ отношеніяхъ со своею женою и графинею Финкенштейнъ, которая пріютила, еще въ 1818 году, писателя, кочевавшаго съ женою и сыномъ; послѣдовала потомъ за ними въ Дрезденъ и своимъ богатымъ состояніемъ помогла ему устроить спокойную и независимую жизнь. Она управляла всѣмъ его хозяйствомъ, такъ какъ жена его, страдая водяною, ни во что не вмѣшивалась; принимала его гостей, сопровождала его въ театръ, ухаживала за нимъ во время мучившихъ его припадковъ подагры и въ сотый разъ слушала съ восторгомъ, какъ онъ читалъ на литературныхъ вечерахъ свои и чужія произведенія. Тикъ былъ однако же и въ литературѣ, какъ въ политикѣ „retrograde par excellence", какъ онъ самъ себя называлъ. Онъ не любилъ современныхъ драматическихъ произведеній, хотя, какъ романтикъ, усердно хлопоталъ о томъ, чтобы поставить на дрезденскую сцену „Парижскаго звонаря", передѣланнаго изъ романа Гюго „Notre Dame de Paris". Нѣмецкая публика была, однако, въ этомъ отношеніи еще ретрограднѣе Тика и осмѣяла драму, которую даже Каролина называетъ пустою, жалкою піесой. Въ то время, когда лучшія роли ея были въ комедіяхъ, Тикъ заставлялъ ее играть такія трагическія роли, какъ Екатерина II въ „Фаворитахъ" г-жи Бирхпфейферъ и Шекспировской — леди Макбетъ. Это происходило отъ того, что онъ считалъ свои приговоры о произведеніяхъ писателей и дарованіи артистовъ непогрѣшимыми. На вечерахъ его Каролина познакомилась со многими знаменитостями той эпохи.

Въ 1842 году, пріѣхала въ Дрезденъ еще мало извѣстная въ то время испанская танцорка Лола Монтесъ. Она пѣла также съ гитарою испанскіе романсы и отличалась эксцентрическими манерами. Когда ее спрашивали, какъ она рѣшается одна ѣздить по разнымъ городамъ, безъ всякаго покровителя, она вынула изъ корсета маленькій тонкій кинжалъ и сказала: „вотъ мой покровитель!" При первомъ своемъ появленіи на дрезденской сценѣ, Лола была довольно холодно принята публикою, но потомъ успѣхъ ея былъ значительный. Дворъ, однако, не принялъ ее и тогда же начались толки о ея похожденіяхъ. Тогда она отправилась въ Берлинъ и произвела тамъ фуроръ. Молодежь была отъ нея въ восторгѣ, и даже красивый, меланхолическій принцъ Вольдемаръ, такъ рано умершій, разошелся съ хорошенькою дочерью

Бетины для испанской танцорки, посѣщавшей его не разъ даже въ лагерѣ подъ Берлиномъ, гдѣ принцъ командовалъ войсками. Но пребываніе Лолы въ Берлинѣ кончилось неожиданною катастрофой: въ то время въ столицѣ Пруссіи гостилъ императоръ Николай; въ честь его данъ былъ большой парадъ. Между тысячью зрителей была и Лола Монтесъ амазонкою на рѣзвомъ скакунѣ. Она хотѣла не только видѣть, но чтобъ и ее видѣли, и старалась пробраться какъ можно ближе къ высокому гостю, но ей загородилъ дорогу прусскій жандармъ; взбѣшенная амазонка ударила его по лицу хлыстомъ; ее тотчасъ же арестовали и только собственноручный приказъ короля избавилъ ее отъ суда, но не отъ высылки изъ Берлина. Дальнѣйшія похожденія Лолы сдѣлались достояніемъ исторіи. Ея прибытіе въ Мюнхенъ, возведеніе ея королемъ Людвигомъ въ званіе графини Мансфельдъ, низверженіе ею министерства Абеля, противившагося этому назначенію, революція въ Мюнхенѣ и бѣгство Лолы оттуда, вынужденное отреченіе короля отъ престола, наконецъ, ея печальная, горькая участь въ Нью-Іоркѣ и смерть въ госпиталѣ—извѣстны всѣмъ. Каролина не знала только, что Лола пріѣзжала и въ Петербургъ — попытать здѣсь счастья, но была выслана на другой же день съ жандармами за-границу, по приказанію государя. Каролина познакомилась также у Тика съ извѣстною писательницею, графинею Идою Ган-Ганъ, пріѣзжавшею въ Дрезденъ съ своимъ мужемъ, курляндцемъ Бистромомъ, тайно съ ней обвѣнчаннымъ. Каролина отзывается, впрочемъ, не весьма почтительно объ этой эксцентрической особѣ, въ жизни которой было столько романтическихъ похожденій и которая кончила свою бурную жизнь въ стѣнахъ монастыря. Въ Берлинѣ давали тогда концерты сестры Миланоло; старшей, Терезѣ, было не болѣе шестнадцати лѣтъ, младшей, Маріи—одиннадцать. Игра ихъ на скрипкѣ отличалась такою задушевностью, такимъ ансамблемъ, что приводила въ изумленіе. Отецъ ихъ, скупой и ворчливый итальянецъ, страшно эксплуатировалъ своихъ даровитыхъ дочерей и, заставляя младшую играть черезъ силу, довелъ ее до того, что она умерла отъ чахотки въ Парижѣ, не достигнувъ шестнадцати лѣтъ. Ей не хотѣлось умирать, но набожный папенька, еще за нѣсколько дней до ея смерти, твердилъ ей, что она скоро отойдетъ къ Господу Богу и должна просить его, чтобы Онъ былъ покровителемъ ея родныхъ. „Смотри же, не забудь хорошенько попросить его, когда ты будешь у Господа Бога“, настаивалъ нѣжный отецъ. — Но неужели я должна умереть? вскричала бѣдная дѣвушка. Съ нею сдѣлались конвульсіи и вскорѣ она была уже холоднымъ трупомъ. Старшую дочь свою папенька заставилъ играть въ концертѣ послѣ смерти ея сестры, уже черезъ нѣсколько дней и Тереза избавилась отъ своего чадолюбиваго родителя только тѣмъ, что вышла замужъ за инженернаго офицера Пармантье и перестала играть въ театрѣ.

Еще о многихъ знаменитостяхъ говоритъ Каролина: о писателяхъ

Брунновѣ, Гольтеѣ, Мозенѣ, Луизѣ Мюльбахъ, Генріетѣ Паальцовъ, піанисткѣ Плейель, Тальбергѣ, Листѣ, Гензельтѣ, Робертѣ Шуманѣ, Рейсгерѣ, Кларѣ Викъ, тенорахъ Тихачекѣ и Маріани, пѣвицахъ: Унгер-Сабатье и Вильгельминѣ Шрёдеръ Девріентъ, наконецъ — о Рихардѣ Вагнерѣ, который въ то время ставилъ въ Дрезденѣ своего „Ріензи" и не считалъ еще себя ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ музыкальнымъ богомъ. Вскорѣ Тикъ уѣхалъ въ Берлинъ чтецомъ короля Фридриха Вильгельма IV, а у Каролины умерла мать и она осталась почти одинокою въ Дрезденѣ. У нея нашелся утѣшитель, молодой англичанинъ Вильмотъ, посѣщавшій ее почти каждый день и писавшій къ ней страстныя письма. Его считали въ Дрезденѣ женихомъ Каролины, но Вильмотъ оказался игрокомъ и негодяемъ. Цѣлыя ночи проигрывалъ онъ въ клубѣ, и однажды, задолжавъ молодому русскому князю Куракину сто фридрихсдоровъ, отдалъ ему въ залогъ уплаты этого долга письма Каролины, которыя она должна была потомъ выкупать. Отдѣльную, послѣднюю главу своихъ записокъ Каролина посвящаетъ своему поклоннику, князю Феликсу Лихновскому. Познакомилась она съ нимъ въ Прагѣ, куда была приглашена на торжественные спектакли, во время коронаціи Фердинанда I. Въ городѣ, переполненномъ пріѣзжими, въ гостинницѣ, за табль-д'отомъ, встрѣтилась она съ молодымъ офицеромъ, обладавшимъ самою романтическою физіономіей, но и самыми развязными манерами. Во время обѣда, съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ, онъ подошелъ къ сосѣдкѣ Каролины, пѣвицѣ Шредеръ - Девріентъ и, выпивъ за ихъ старое знакомство, попросилъ, чтобы она представила его Каролинѣ; потомъ началъ болтать съ нею о всякомъ вздорѣ, до того не стѣсняясь въ выраженіяхъ, что Каролина принуждена была удалиться. Но Лихновскій пріѣхалъ къ ней на другой же день, продолжая вести себя въ отношеніи къ ней болѣе чѣмъ нецеремонно. Такъ, разговаривая съ нею, онъ взялъ два стула: на одинъ сѣлъ самъ, на другой положилъ свои ноги и закурилъ сигару; но разговоръ его былъ блестящъ, остроуменъ, и онъ прямо признавался, что ему надоѣла Шрёдеръ-Девріентъ и что онъ хотѣлъ бы сойтись ближе съ Каролиной. Она едва могла отдѣлаться отъ этого сердцеѣда, передъ которымъ не могла устоять ни одна женщина. Праздники коронаціи прошли не очень весело: болѣзненный императоръ ни въ комъ не возбуждалъ симпатіи. Его толстая, лишенная всякаго выраженія голова, казалась еще безобразнѣе подъ короною святаго Вячеслава. Праздники не прошли даже безъ кроваваго столкновенія: пражскіе мясники, въ силу своихъ старинныхъ привиллегій, хотѣли присутствовать при коронаціи со своимъ оружіемъ—большими ножами; войско, окружавшее Градчинъ, не пустило ихъ въ такомъ видѣ въ соборъ; произошла свалка, жертвою которой было нѣсколько раненыхъ и убитыхъ. Немало народу пострадало и въ то время, когда ему разрѣшили занять столы съ кушаньемъ, накрытые на главной улицѣ города, и бочки съ пивомъ,

выставленныя для угощенья: въ одну минуту столы и бочки были разнесены на части, и пьяная масса дралась между собою въ грязи и лужахъ пива. Театральныя представленія были также очень скучны, парадная публика толковала о своихъ дѣлахъ, о придворныхъ новостяхъ и не обращала вниманія на сцену. Вскорѣ разнеслась по городу страшная вѣсть: въ немъ появилась холера. Все обратилось въ бѣгство; дворъ убѣжалъ прежде всѣхъ; за нимъ послѣдовалъ развѣнчанный король Карлъ X съ герцогинею Ангулемскою и герцогомъ Бордосскимъ, присутствовавшій при коронаціи въ особой ложѣ за рѣшеткою. Бѣгство не спасло, однако, осьмидесятилѣтняго короля и онъ умеръ отъ холеры въ Герцѣ.

Князь Лихновскій жилъ въ своемъ имѣніи, близъ Ратибора, и скандалезная хроника не переставала передавать разсказы о его похожденіяхъ. Тамъ посѣщалъ его другъ его, Францъ Листъ; оттуда переписывался онъ съ Жоржъ-Зандъ; тамъ посѣтила его и Каролина. Лихновскій принялъ ее чрезвычайно любезно, показалъ ей свои владѣнія, свой паркъ, свой великолѣпный замокъ. Въ одной комнатѣ стѣны были увѣшаны портретами женщинъ. Тутъ были: Лола Монтесъ, Шредеръ-Девріентъ, Шарлота фон-Гагенъ, піанистка Плейель. „Это—всѣ, кого я любилъ, сказалъ князь, показывая свою галлерею; тутъ нѣтъ только вашего портрета". Постояннымъ гостемъ у князя былъ ландратъ Вичура, также увѣрявшій Каролину въ своей любви и провожавшій ее вмѣстѣ съ княземъ, когда она возвращалась въ Дрезденъ. Лихновскій обѣщалъ вскорѣ же увидѣться съ нею, но не могъ исполнить своего обѣщанія: въ 1848 году, выбранный членомъ франкфуртскаго парламента, онъ возбудилъ противъ себя гнѣвъ народа, явно принявъ сторону ретроградовъ и австрійскаго правительства, задушившаго въ крови либераловъ стремленіе къ свободѣ. 18-го сентября, вмѣстѣ со старымъ генераломъ Ауерсвальдомъ, бѣжалъ онъ отъ мести народа въ Борнгеймскій лѣсъ, преслѣдуемый раздраженною толпою, къ которой онъ всегда относился съ презрѣніемъ. Оба бѣглеца скрылись въ домѣ садовника: князь Лихновскій въ темномъ погребѣ, а генералъ Ауерсвальдъ одѣлъ кафтанъ и шапку садовника, чтобы его не узнали преслѣдователи; но онъ не скрылся отъ толпы, вытащившей его въ садъ, гдѣ старика осыпали ударами палокъ, косъ и сабель. Напрасно просилъ онъ пощады во имя своихъ пятерыхъ дѣтей, оставшихся безъ матери и которые должны были теперь лишиться и отца,—разъяренная толпа безъ жалости добила его и долго издѣвалась надъ окровавленнымъ трупомъ, къ которому вскорѣ притащили и Лихновскаго. Князь также умолялъ, чтобы ему оставили жизнь, обѣщая посвятить ее народу. „Поздно! Ты бы долженъ былъ объ этомъ раньше думать!" отвѣчала толпа, осыпая его ударами. Принцъ Гогенлоэ явился поздно для спасенія своего друга. Онъ извлекъ его еще живаго изъ рукъ убійцъ, но черезъ нѣсколько часовъ блестящій князь былъ уже трупомъ. Онъ успѣлъ только поручить

сказать герцогинѣ Доротеѣ фон-Саганъ, что онъ любитъ ее и проситъ заплатить его долги.

Подъ конецъ своего восьмилѣтняго пребыванія въ Дрезденѣ, Каролина убѣдилась, что дальнѣйшая жизнь ея въ этомъ городѣ была невозможна. Она даже обрадовалась, когда другъ Лихновскаго, ландратъ Вичура, предложилъ ей свою руку. „Я не люблю его, но и не хотѣла отказать ему“, говоритъ она. Онъ предлагалъ ей ѣхать съ нимъ въ Силезію, въ его помѣстье, и она согласилась. Въ мартѣ 1844 года, назначена была ихъ свадьба. Фридрихъ-Вильгельмъ далъ позволеніе своему ландрату жениться на актрисѣ. Вдругъ отъ ратиборскаго бургомистра пришло письмо, что Вичура негодяй и обманщикъ, что у него нѣтъ никакихъ помѣстьевъ, а только одни долги, которые онъ хотѣлъ покрыть деньгами Каролины. Она, конечно, тотчасъ же прервала съ нимъ сношенія; онъ былъ выгнанъ изъ прусской службы, долженъ былъ уѣхать и въ скоромъ времени застрѣлился. Эта исторія сдѣлала еще болѣе непріятнымъ ея пребываніе въ Дрезденѣ. Она хотѣла выдти изъ него во что бы то ни стало; ей нужна была рука, на которую она могла бы опереться. Руку эту ей протягивалъ графъ Владиславъ Платеръ, польскій эмигрантъ, еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ сдѣлавшій ей въ Берлинѣ признаніе въ любви. „Это былъ роковой часъ, говоритъ она, когда я довѣрчиво рѣшилась идти съ нимъ рука въ руку въ новую жизнь: всю свою жизнь я должна была раскаяваться въ этомъ“.

Этими словами оканчиваются „Записки Каролины Бауэръ“. Послѣдняя заключительная глава ихъ принадлежитъ издателю, Арнольду Вельмеру. Глава эта носитъ названіе „Польскій адъ“ и представляетъ, дѣйствительно, тяжелую, безотрадную картину послѣднихъ лѣтъ жизни артистки. Здѣсь, въ очень сжатомъ, но рельефномъ видѣ изображена оборотная сторона медали. Вельмеръ говоритъ, что если бы онъ вздумалъ передать всѣ жалобы и сѣтованія Каролины на свою судьбу за это время, ему пришлось бы наполнить ими еще цѣлый томъ, что было бы и утомительно, и безполезно. Графъ Платеръ родился въ 1808 году въ русской Литвѣ, гдѣ его семья владѣла большими помѣстьями. Въ 1827 году, еще бывши берлинскимъ студентомъ, онъ влюбился въ Каролину, но она отвергла тогда его исканія и онъ бросился въ польскую революцію. Послѣ паденія Варшавы, онъ бѣжалъ съ братомъ своимъ въ Парижъ. Имѣніе его было конфисковано, но оставшаяся въ Литвѣ графиня Платеръ находила средства пересылать въ Парижъ своимъ сыновьямъ часть ихъ доходовъ. Старшій графъ, живя въ Парижѣ, думалъ только объ удовольствіяхъ, но Владиславъ, мучимый честолюбіемъ, разыгрывалъ роль польскаго агитатора, патріота и мученика. Онъ постоянно рекламировалъ въ пользу Польши, хотя и на чужой счетъ. Такъ, богатые

польскіе эмигранты дали ему значительную сумму на изданіе журнала „Le Polonais", существовавшаго съ 1833 по 1836 годъ. Онъ ѣздилъ нѣсколько разъ въ Англію хлопотать о возстановленіи Польскаго королевства. Съ этою цѣлью пріѣзжалъ онъ и въ Дрезденъ, гдѣ встрѣтилъ свою прежнюю любовь и уѣхалъ вмѣстѣ съ нею въ Швейцарію, гдѣ они поселились, какъ графъ и графиня Платеръ. Гдѣ былъ заключенъ бракъ ихъ — неизвѣстно; и Каролина точно также говоритъ объ этомъ вскользь, какъ и о своемъ бракѣ съ принцемъ Леопольдомъ. Вилла графа на Цюрихскомъ озерѣ называлась Броэльбергъ, такъ какъ семейство Платера происходило изъ Вестфаліи, отъ дома Броэль. Въ этой виллѣ, на зеленой горѣ съ живописнымъ видомъ на Альпы, Платеръ скоро выказался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ и всегда для близкихъ ему лицъ: упрямымъ, грубымъ тираномъ и ревнивымъ Отелло. Устраивая свое польское хозяйство, онъ думалъ и съ свободными швейцарцами поступать, какъ съ своими крѣпостными крестьянами, дѣйствуя бранью и плетью, но ему очень скоро дали отпоръ и онъ началъ вымещать свою злобу на окружающихъ его лицахъ. Ханжа, какъ большая часть поляковъ, онъ ненавидѣлъ протестантовъ-швейцарцевъ, своихъ родовыхъ враговъ русскихъ и всѣхъ нѣмцевъ. Коренную нѣмку и протестантку, Каролину Бауэръ, заставлялъ онъ съ нимъ говорить не иначе, какъ по-французски, и слушать вмѣстѣ съ нимъ католическую обѣдню въ Цюрихѣ; но болѣе всего Каролина страдала отъ его страшной, баснословной скупости: каждый грошъ на хозяйство она должна была выпрашивать у него послѣ долгихъ препирательствъ. Пока у нея были собственныя деньги, она изъ нихъ уплачивала бо̀льшую часть расходовъ по дому. Ей много помогалъ братъ ея, Людвигъ, имѣвшій въ Парижѣ порядочное мѣсто. Нѣсколько разъ пробовала она вернуться снова на сцену, но всѣ попытки ея были неудачны: она могла играть уже только матерей и старухъ, а въ такихъ актрисахъ не нуждались германскія сцены, и вездѣ она получала отказъ. Нѣсколько разъ собиралась она бросить своего тирана и уѣхать къ брату. Въ 1862 г. она даже приготовила чемоданы, но получила телеграмму, которою братъ увѣдомлялъ, что онъ долженъ на время оставить Парижъ и увѣдомитъ ее о своемъ возвращеніи. Съ нетерпѣніемъ ждала она отъ него слѣдующей телеграммы, но черезъ три мѣсяца получила извѣстіе, что братъ умираетъ послѣ операціи отъ каменной болѣзни. Каролина поспѣла только къ нему на похороны. Онъ оставилъ ей въ наслѣдство все свое имущество, но графъ Платеръ заставилъ ее укрѣпить за нимъ нотаріальнымъ актомъ все, что она получила.

Какою же силою, спрашиваетъ Вельмеръ, могъ дѣйствовать Платеръ на Каролину, безпрекословно повиновавшуюся такой невыносимой участи? Немногими словами: „Оставь меня, если хочешь; пусть свѣтъ узнаетъ, что ты никогда не была моей законной женою". Эти слова, по мнѣнію Вельмера, не позволяли Каролинѣ оставить своего

деспота. Они, конечно, жестки, но чтобы изъ-за мнѣнія свѣта тридцать три года выносить всевозможныя униженія и лишенія—это тоже немыслимо. Если Каролина не хотѣла вырваться изъ своего ада, на это должны были существовать другія, болѣе важныя причины. Между тѣмъ, съ каждымъ днемъ такая жизнь дѣлалась печальнѣе, безутѣшнѣе, невыносимѣе. Скупость графа не знала границъ. У Каролины не осталось, наконецъ, ничего: ни часовъ, ни одного кольца или браслета, никакой цѣнной вещи. И когда у несчастной не было уже ничего, что можно продать, она стала обкрадывать своего мужа. Съ помощью прислуги, она начала продавать запасы сѣна, вино изъ его погреба, плоды его сада, но все это не могло избавить ее отъ большихъ долговъ; она занимала, гдѣ могла, платила огромные проценты. Можно ли было пасть ниже этого? Да,—потому что въ такомъ тяжеломъ положеніи она рѣшилась на едва мыслимый, возмутительный обманъ: чтобы удержать у себя послѣднюю прислугу, нѣсколько разъ намѣревавшуюся оставить ее, она назначала ей въ своемъ завѣщаніи разныя суммы, очень хорошо зная, что послѣ нея не останется ни копѣйки. Такъ, своему кучеру завѣщала она 500 франковъ, столько же своей кухаркѣ и разныя суммы другимъ лицамъ. Все это было скрѣплено и удостовѣрено нотаріальнымъ порядкомъ; даже самому Вельмеру, издателю ея „Сценическихъ воспоминаній" и „Переписки", обработывавшему двѣ эти книги, осталась она должна 5000 франковъ, которые онъ, на основаніи многихъ писемъ ея, долженъ былъ получить послѣ ея смерти. Онъ приводитъ нѣкоторыя изъ этихъ писемъ. Съ 1869 года по 1877 составила она десять завѣщаній съ разными дополненіями и назначеніями суммъ разнымъ лицамъ, тогда какъ еще въ 1864 году передала графу Платеру все свое состояніе. И между тѣмъ она искренно и сильно ненавидѣла Платера, что доказываетъ множество выписокъ изъ ея корреспонденціи, приводимыхъ Вельмеромъ. Она язвительно осмѣивала даже его патріотическія стремленія, его друзей, эмигрантовъ и повстанцевъ. Такъ, она жалуется, что въ 1863 году должна была дать пристанище тридцати бѣжавшимъ изъ Россіи полякамъ, угощать ихъ и ухаживать за ними. Они заставили Платера сдѣлать еще одну неудачную литературную попытку: два года издавать въ Цюрихѣ газету „Бѣлый орелъ". Генералъ Боссакъ-Гауке жилъ у него съ женою и ребенкомъ цѣлый годъ; диктаторъ Лангевичъ—тоже; послѣдній, въ благодарность за гостепріимство, соблазнилъ племянницу Каролины, Марію, и увезъ ее съ собою въ Константинополь, гдѣ она вскорѣ умерла.

Въ этой тяжелой жизни ей оставалось только одно утѣшеніе: писать—и она писала страшно много ко всѣмъ своимъ старымъ друзьямъ, такъ какъ Платеръ не позволялъ ей видѣться съ ними. Вельмеръ приводитъ много цитатъ изъ ея писемъ къ Толлерту, полныхъ горькихъ жалобъ и глубокаго отчаянія и, въ то же время, упрекаетъ ее за то, что въ своихъ письмахъ она является двуличной и лживой женщиной.

Приведя нѣсколько отрывковъ изъ ея писемъ къ нему, въ которыхъ она увѣряетъ своего дорогаго друга въ вѣчной благодарности и привязанности, онъ цитируетъ и письма ея къ драматургу Кальмбергу, гдѣ она бранитъ Вельмера за то, что онъ медленно издаетъ ея сочиненія, а Вельмеру пишетъ, что Кальмбергъ ребячески самолюбивъ и болтливъ. Конечно, писать въ одно время къ двумъ лицамъ, и одному бранить другаго—дѣло непохвальное, но письма, не предназначавшіяся къ печати, пишутся часто подъ минутнымъ впечатлѣніемъ и мнѣнія о людяхъ нерѣдко мѣняются, смотря потому, какъ мы узнаемъ ихъ ближе. Когда Людвигъ Брюнье издалъ панегирикъ въ честь актрисы подъ названіемъ „Каролина Бауеръ—картина жизни по ея письмамъ", она, конечно, отнеслась къ автору съ живѣйшей благодарностью и похвалами, и если въ то же время посмѣялась надъ его восторженностью въ письмахъ къ Вельмеру—въ этомъ еще нѣтъ бѣды. Когда Толлертъ напечаталъ, передъ смертью, ея письма къ нему, полныя юношескаго увлеченія, и она высказывала ему за это, и по поводу случившагося съ нимъ удара,—самую горячую привязанность, а Вельмеру писала, что „немудрено было параличу прихлопнуть этого стараго франта въ парикѣ и съ вставною челюстью, если онъ вздумалъ жениться на дѣвушкѣ, которая сорока годами моложе его",—это еще не преступленіе, и нельзя выводить изъ этого заключенія, что Каролина всю жизнь лгала и всѣхъ обманывала. Скорѣе можно согласиться съ Вельмеромъ, что она никого не любила искренно: это весьма вѣроятно, если мы вспомнимъ, что она не разъ отказывалась раздѣлять судьбу свою съ людьми достойными и привязанными къ ней, а принимала исканія такихъ проходимцевъ, какъ мнимый графъ Самойловъ, англичанинъ Вильмотъ, негодяй Вичура, или такихъ безсердечныхъ эгоистовъ, какъ Леопольдъ и Платеръ. Самолюбіе, тщеславіе, желаніе блистать въ свѣтѣ, пользоваться благами жизни, носить громкій титулъ, быть предметомъ зависти—вотъ что погубило талантливую, впечатлительную, но не глубоко развитую и легко увлекающуюся женскую натуру. Что въ послѣдніе годы своей печальной жизни она стремилась къ извѣстности въ литературѣ—въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Мы не знаемъ, въ какой степени нуждалась она въ „обработкѣ" Вельмеромъ ея произведеній и не находимъ ничего страннаго въ словахъ ея, обращенныхъ къ Кальмбергу: „Каролина Бауеръ должна доказать, что она и безъ помощи Вельмера можетъ что нибудь сдѣлать. Помогите же, добрый товарищъ, пріобрѣсти мнѣ какъ зеленые, такъ и золотые лавры; помогите вашему старому другу выйти изъ рабства Вельмера". Пусть Вельмеръ увѣряетъ, что исправленные Кальмбергомъ повѣсти Бауеръ до сихъ поръ не могутъ найти издателя. Гораздо жестче и грубѣе слова Вельмера о Каролинѣ: „Нѣмецкій авторъ не живетъ для того только, чтобы писать: онъ долженъ также писать для того, чтобы жить. Мои средства не позволяютъ мнѣ работоть только для васъ. У меня есть другія обязан-

ности и я долженъ стараться заработать своимъ перомъ что нибудь и для себя". Если онъ брался обработывать и издавать ея произведенія, то незачѣмъ было ему напоминать ей, что онъ долженъ писать и для себя, и обвиненіе его Каролиною въ страсти къ наживѣ имѣло, конечно, основаніе, особенно если мы вспомнимъ, что, кромѣ изданія имъ трехъ сочиненій Каролины, самъ онъ написалъ только напыщенно льстивые разсказы о молодости императора Вильгельма I (Als Kaiser Wilhelm jung war, preussische Hof und Herzensgeschichte), да два тома студенческихъ и праздничныхъ очерковъ (Bruder Studio, Fröhliche Feste). Рѣзкій приговоръ Вельмера о женщинѣ, произведенія которой онъ взялся издать—не дѣлаетъ чести сердцу писателя, особенно, когда онъ увѣряетъ, что „семидесятилѣтняя комедіантка умирала съ ненавистью ко всѣмъ людямъ, радуясь, что она успѣла всѣхъ обмануть въ своемъ завѣщаніи".

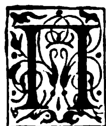
Вечеромъ 18-го октября 1877 года, Каролина, которой было предписано принимать для успокоенія по каплямъ хлоралъ, выпила всю стклянку и на другое утро найдена была мертвою въ своей постели. Ничья близкая рука не закрыла ей глаза, ничьи родные уста не прошептали надъ умирающей предсмертную молитву. Подлѣ нея не было даже ни одной женщины. Вельмеръ увѣряетъ, что ее одѣвалъ въ гробъ—графскій коровникъ. Ее похоронили, какъ католичку, въ Раперсвилѣ, въ склепѣ Платеровъ, и на ея гробницѣ вырѣзана надпись: „Madame la comtesse de Bröel-Plater"—послѣдняя загробная ложь...

Таковъ былъ конецъ этой нѣкогда блестящей жизни, которой многіе завидовали, и какъ бы ни была во многомъ виновата эта богато одаренная женщина и артистка, записки ея, гдѣ въ длинномъ рядѣ проходятъ художественно-очерченные портреты актеровъ, принцевъ, пѣвицъ, аристократовъ, юношей, писателей, гулякъ, коронованныхъ лицъ, темныхъ авантюристовъ и историческихъ дѣятелей, сцены артистической и придворной жизни, картины общественнаго быта тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ нашего вѣка, типы выдающихся личностей,—записки эти, говоримъ мы, оставляютъ глубокое впечатлѣніе, рисуютъ въ ихъ настоящемъ, будничномъ свѣтѣ многія лица и событія, являющіяся изъ-за кулисъ исторіи въ яркомъ, но мишурномъ блескѣ. Если Каролина Бауэръ и была всю жизнь комедіанткою—простимъ ей это, вспомнивъ, какою тяжелою цѣною искупила она грѣхи своей молодости и какую жалкую роль разъигрывали часто окружающія ее лица, хотя ихъ мѣсто было и не на театральныхъ подмосткахъ.

Вл. З—въ.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

Эпоха паденія Пруссіи.


ЕРІОДЪ быстраго роста и усиленія Пруссіи, которому былъ посвященъ нашъ послѣдній обзоръ [1]), круто обрывается со смертью великаго короля, наиболѣе способствовавшаго ея возвышенію. Правленіе преемника Фридриха Великаго, его племянника Фридриха-Вильгельма II, представляетъ собою эпоху застоя во внутреннемъ развитіи Пруссіи и вырожденія тѣхъ формъ и учрежденій, которымъ она была обязана своимъ успѣхомъ. Внутренняя слабость, къ которой Пруссія была приведена упомянутымъ застоемъ, рѣзко обнаружилась во время ея столкновенія съ революціонной Франціей и Наполеоновскаго разгрома. Но наступившая тогда критическая минута въ жизни Пруссіи сдѣлалась поворотнымъ пунктомъ къ новому возвышенію, благодаря возбужденію народнаго духа и дѣятельности цѣлаго ряда замѣчательныхъ личностей, какъ Штейнъ, Гнейзенау, Шарнгорстъ и друг. Съ этимъ періодомъ паденія Пруссіи знакомитъ насъ одно новое интересное сочиненіе, изображающее намъ царствованіе Фридриха Вильгельма II; оно написано Филипсономъ и носитъ заглавіе: „Исторія прусской государственной жизни отъ смерти Фридриха Великаго до войнъ за освобожденіе“ [2]). Какъ видно изъ заглавія, авторъ названнаго сочиненія поставилъ себѣ главною цѣлью объяснить внутренній строй и характеръ политической жизни Пруссіи въ описываемое имъ время, чѣмъ

---

[1]) „Историческій Вѣстникъ“, т. V, стр. 629.

[2]) Philippson, Martin, Geschichte des Preussischen Staatswesens vom Tode Friedrichs des Grossen bis zu den Freiheitskriegen, Erster Band. Leipzig. 1880. Veit u. Comp.

онъ удовлетворилъ настоятельной потребности современной исторической науки по отношенію къ данной области. Когда архивы начали дѣлаться доступными для историческихъ изслѣдованій, акты, касавшіеся высшей политики, первые привлекли къ себѣ любознательность изслѣдователей, между тѣмъ какъ обстоятельства внутренней жизни нѣкоторое время еще оставались въ тѣни; вѣдь и всегда разсказъ внѣшнихъ событій служилъ для исторіографіи темою болѣе близкой, нежели изображеніе внутренняго состоянія. Въ области прусской исторіи изученіе внутренняго развитія государственной жизни до сихъ еще поръ находится въ сравнительно запущенномъ состояніи. Для исторіи внѣшней политики Пруссіи существуетъ обширный трудъ Дройзена; изложеніе, задуманное съ широкой точки зрѣнія и основанное на достовѣрныхъ документахъ, доведено здѣсь до половины прошлаго столѣтія. Для болѣе позднихъ эпохъ къ нему примыкаетъ рядъ отдѣльныхъ монографій. Напротивъ того, внутренняя политика, которую Дройзенъ по самому плану своего сочиненія скорѣе намѣчалъ, чѣмъ исчерпывалъ, до сихъ поръ подвергалась изслѣдованію только по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ: такъ Исааксонъ изучалъ исторію бюрократіи, Ридель—государственное хозяйство, Шмоллеръ—развитіе городскихъ учрежденій, Максъ Леманнъ—отношеніе католической церкви къ Пруссіи. Настоящій трудъ Филипсона, бывшаго прежде профессоромъ въ Боннѣ, а теперь вотъ уже два года работающаго въ брюссельскомъ университетѣ, стремится восполнить этотъ пробѣлъ. Авторъ задался болѣе широкой задачей, чѣмъ его предшественники; онъ хочетъ изобразить намъ общую картину государственныхъ учрежденій Пруссіи отъ 1786 до 1813 гг.— задача очень обширная и очень трудная, если принять въ соображеніе недостатокъ годныхъ подготовительныхъ работъ. Наряду съ печатнымъ матерьяломъ Филипсонъ могъ пользоваться массой рукописныхъ документовъ не только въ берлинскомъ тайномъ государственномъ архивѣ, но даже и въ королевскомъ домашнемъ архивѣ и архивѣ министерства юстиціи. Вслѣдствіе этого его книга представляетъ собой обильный источникъ для поученія знатоковъ и любителей прусской исторіи. „Я считаю своей обязанностью", говоритъ авторъ въ предисловіи, „ничего не прикрашивая и не утаивая, изложить прошедшее нашего отечества согласно съ своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ и сужденіемъ. Я не поклонникъ того патріотизма, который ублажаетъ себя одностороннею обработкою историческихъ фактовъ. Притомъ же въ сущности, быть можетъ, гораздо патріотичнѣе показывать истинное изображеніе прошлаго своего отечества, нежели искажать ликъ времени ослѣпительно-эфектнымъ освѣщеніемъ, бурной пристрастностью и поддѣлкой уроковъ исторіи". Филипсонъ остался вѣрнымъ своему намѣренію: за немногими исключеніями нужно признать безпристрастіе его изложенія и справедливость его приговоровъ. Покуда вышелъ только одинъ первый томъ, посвященный исторіи Фридриха-Виль-

гельма II; онъ обнимаетъ собой только четыре первые года его царствованія, представляющіе собой матерьялъ весьма обильный, несмотря на то, что событія внѣшней политики упоминаются только вскользь. Прежде всего пришлось возвратиться къ государству Фридриха II.

Филиппсонъ совершенно вѣрно подчеркиваетъ выдающіяся качества великаго короля — вѣрность долгу, съ которой онъ жертвовалъ своей личностью цѣлямъ государственной жизни, и неутомимую дѣятельность, съ которой онъ руководилъ изъ своего кабинета всѣми вѣтвями управленія. Но рядомъ съ этимъ узнаешь и опасныя стороны такого исключительно личнаго правленія, подавлявшаго все болѣе и болѣе среди подданныхъ самостоятельность мышленія и дѣятельности. „Духъ Фридриха", говоритъ авторъ, „первоначально мягкій, преданный всему прекрасному и доброму, идеалу и дружбѣ, очерствѣлъ впослѣдствіи среди страшныхъ страданій и опасностей семилѣтней войны". Онъ привыкъ глядѣть на людей, какъ на извѣстныя числа и орудія, которымъ можно предъявлять самыя крайнія требованія; поэтому черезъ послѣдніе годы его правленія проходитъ черта жесткости и недостатка человѣчнаго доброжелательства. Излишняя важность, которую придавали образованію войска, отымала порой у прочихъ вѣтвей управленія самое необходимое. Дѣла сельскихъ школъ находились въ самомъ печальномъ положеніи; слишкомъ часто „обязанности школьнаго учителя отправлялъ", по словамъ докладной записки министра, „какой нибудь инвалидъ, не знавшій никакой другой системы, какъ за каждую ошибку въ отвѣтахъ по катехизису отсыпать извѣстное число ударовъ". Для университетовъ дѣлалось только самое необходимое; съ нѣмецкимъ искусствомъ и литературой обходились съ пренебреженіемъ. Но въ особенности всѣ сословія раздражала французская регія (т. е. управленіе казенными монополіями) съ цѣлымъ войскомъ чужестранныхъ чиновниковъ. Правда, ея директора де-Лоне не могли впослѣдствіи уличить въ нечестности и утайкѣ суммъ; но во всякомъ случаѣ его оправдательныя письма ясно указываютъ, что исключительный интересъ къ фискальнымъ выгодамъ не уравновѣшивался ни малѣйшимъ сочувствіемъ къ страданіямъ и потребностямъ населенія. Все это объясняетъ, почему на смерть великаго короля взглянули почти какъ на освобожденіе; вмѣстѣ съ тѣмъ задача его преемника облегчалась въ значительной степени.

Не имѣя возможности исчерпать богатое содержаніе книги Филиппсона, мы отказываемся шагъ за шагомъ слѣдить за изложеніемъ автора, которое притомъ же не отличается, пожалуй, вполнѣ цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ матерьяла. Наша задача ограничится тѣмъ, чтобы, сопоставивъ однородныя свѣдѣнія, разбросанныя по отдѣльнымъ главамъ сочиненія, передать сжато выводы автора по важнѣйшимъ вопросамъ государственной жизни въ первые годы правленія Фридриха Вильгельма II.

При строго-монархическомъ строѣ прусскаго государства въ концѣ

XVIII вѣка первое мѣсто, безъ сомнѣнія, принадлежитъ личной политикѣ самого короля. Личность Фридриха Вильгельма II Филипсонъ беретъ подъ свою защиту противъ нѣкоторыхъ упрековъ, которые ей обыкновенно дѣлались. По его словамъ, королю нельзя такъ-таки безъ всякихъ оговорокъ поставить въ вину безсмысленное расточеніе государственныхъ суммъ, и его метресы только изрѣдка пользовались непосредственнымъ вліяніемъ на государственныя дѣла; притомъ-же Ритцъ-Лихтенау, такъ часто подвергавшейся порицаніямъ, нельзя „прямо приписывать дѣйствительно дурныя качества". Безъ сомнѣнія, Фридрихъ Вильгельмъ II обладалъ тѣми качествами, которыя могли-бы ему особенно пригодиться въ дѣлахъ государственнаго управленія. Когда въ бумагахъ того времени нерѣдко встрѣчаются замѣтки, сдѣланныя собственной рукой короля, то въ большинствѣ случаевъ въ нихъ проглядываютъ вѣрное пониманіе, справедливое сужденіе и рѣшительная склонность во внѣшнихъ сношеніяхъ открыто и честно приступать къ дѣлу. Но вообще теперь, когда, имѣя подъ руками документы, мы можемъ бросить общій взглядъ на всю правительственную дѣятельность Фридриха Вильгельма, какъ государь и какъ человѣкъ онъ представляется еще болѣе ничтожнымъ, слабымъ, нерѣшительнымъ. Выставляя на-показъ свое стремленіе направить государственное управленіе вновь по пути, указанному ему первымъ Фридрихомъ Вильгельмомъ, и по возможности во многомъ стать въ противорѣчіе съ своимъ непосредственнымъ предшественникомъ, король не обладалъ ни способностью къ послѣдовательному мышленію, ни твердой выдержкой, и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе подпадалъ вліянію отдѣльныхъ личностей и минутныхъ впечатлѣній. Въ значительной степени это объясняется обстоятельствами, среди которыхъ король провелъ свою молодость. Воспитаніе, данное принцу графомъ Боркомъ и молодымъ швейцарцемъ Николаемъ Бегеленомъ, какъ кажется, нельзя назвать совершеннымъ, а продолжительныя дурныя отношенія съ дядей повели къ тому, что онъ находился вдали отъ государственныхъ дѣлъ и тѣмъ легче подпадалъ вліяніямъ, которыхъ такъ рѣдко избѣгаютъ принцы. Среди этихъ вліяній наиболѣе пагубнымъ пользовался орденъ розенкрейцеровъ—тайный союзъ, широко распространившійся съ половины шестидесятыхъ годовъ. „Что тайной цѣлью ордена розенкрейцеровъ", говоритъ Филипсонъ, „исходившаго изъ католическихъ мѣстностей, была католическая пропаганда, это такъ же достовѣрно, какъ и то, что это обстоятельство не вполнѣ было ясно многимъ изъ его наиболѣе дѣятельныхъ протестантскихъ членовъ"; но, утверждая это, авторъ, собственно говоря, не приводитъ прямыхъ доказательствъ. Въ цѣломъ Филипсонъ дѣлаетъ чрезвычайно важныя, отчасти неожиданныя разоблаченія касательно отношеній Фридриха Вильгельма къ ордену розенкрейцеровъ, куда король формально вступилъ еще 5 апрѣля 1781 года подъ именемъ Ормезуса Магнуса. По его мнѣнію, душой ордена былъ собственно Вёлль-

неръ, а не главы ордена въ Дрезденѣ, Герлитцѣ и Регенсбургѣ, не имѣвшіе большого значенія. Въ цѣломъ разоблаченія автора производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто Бишофвердеръ и Вёлльнеръ, главные посредники между королемъ и розенкрейцерами, и не думали употреблять свое вліяніе на Фридриха Вильгельма, какъ средство для дальнѣйшихъ цѣлей ордена; наоборотъ, пуская въ ходъ всѣ эти грезы ордена о явленіяхъ духовъ и т. п., они, какъ будто, имѣютъ въ виду только одну цѣль—укрѣпить и сохранить это вліяніе. Къ чести Бишофвердера нужно сказать, что онъ соблюдалъ по крайней мѣрѣ внѣшнее приличіе и заранѣе не выказалъ ни навязчивости, ни жадности. Но Вёлльнеръ тотчасъ послѣ того, какъ 2 октября 1786 года добился возведенія въ дворянское сословіе, уже требуетъ новыхъ должностей и почестей. Съ удовольствіемъ замѣчаешь, какъ король нѣсколько разъ отстраняетъ наглаго выскочку, который именно вслѣдствіе своей пошлости считаетъ себя способнымъ ко всякой прельщавшей его должности. 7 октября 1786 года, нѣсколько недѣль спустя послѣ перемѣны царствованія, этотъ человѣкъ, не имѣя за собой ни малѣйшихъ заслугъ, отважился писать королю: „Мнѣ всегда очень хотѣлось сдѣлаться министромъ духовнаго департамента; если это не покажется слишкомъ смѣлымъ, я попросилъ бы ваше королевское величество предоставить мнѣ пока вакантное мѣсто министра финансовъ. Тѣмъ не менѣе я все-таки могъ-бы исполнять всѣ личныя порученія вашего королевскаго величества". Что отвѣтъ не пришелся ему по вкусу, на это указываетъ письмо отъ 15 іюля 1787 года, гдѣ онъ, между прочимъ жалуется: „такъ было, когда я хотѣлъ сдѣлаться министромъ финансовъ... Его величество сочло меня тогда слишкомъ гордымъ". Впрочемъ, ему было дано болѣе чѣмъ достаточное вознагражденіе, такъ какъ до поры до времени онъ получилъ титулъ тайнаго совѣтника финансовъ вмѣстѣ съ важной, независимой должностью главнаго интенданта придворныхъ построекъ. Наконецъ, 3 іюля 1788 года, благодаря старой склонности короля къ своему любимцу, онъ былъ назначенъ министромъ духовныхъ и учебныхъ дѣлъ.

Вообще главный дѣятель въ книгѣ Филипсона—Вёлльнеръ. Въ глазахъ автора все внутренне управленіе государствомъ попало подъ исключительное вліяніе этого человѣка: бывшій сельскій пасторъ на дѣлѣ былъ первымъ министромъ. Сохранились подлинные документы, бросающіе свѣтъ на пріемы всемогущаго любимца брать короля въ свои руки. Это многочисленныя письма Вёлльнера, гдѣ онъ проситъ, льститъ, или даже взываетъ къ совѣсти короля, чтобы только добиться королевской подписи для составленныхъ имъ кабинетныхъ указовъ. Елейное смиреніе передъ королемъ рѣзко противорѣчитъ оскорбительной гордости по отношенію ко всѣму другимъ и задорному тону приложенныхъ тутъ же черновыхъ кабинетныхъ указовъ. Только признавъ въ Вёлльнерѣ бодрую силу къ работѣ и всегда дѣятельную бдительность къ выгодамъ минуты, можно объяснить себѣ, какъ та-

кой человѣкъ могъ отбить первое мѣсто у многихъ людей, которые были лучше и умнѣ его. Вёлльнера какъ розенкрейцера рисуютъ намъ сенсаціонныя письма, хранящіяся въ королевскомъ домашнемъ архивѣ въ Берлинѣ, который и предоставилъ ихъ въ пользованіе Филипсона. Но весь тотъ отдѣлъ литературнаго наслѣдства Вёлльнера, который перешелъ во владѣніе къ семейству Итценплитцъ, остался недоступнымъ для автора, не смотря на всѣ его старанія. Впрочемъ еще раньше изъ этого источника черпалъ Прейссъ для своей статьи „къ характеристикѣ Вёлльнера" въ „Временникѣ прусской исторіи".

Послѣ личности короля главное значеніе въ государственной жизни Пруссіи при Фридрихѣ Вильгельмѣ II принадлежало бюрократіи: Оппозиція чиновничества противъ королевскаго авторитета представляетъ собой выдающуюся черту внутренней исторіи этой эпохи. „Здѣсь берутъ свое начало", говоритъ авторъ въ предисловіи: „стремленія ограничить абсолютную власть короля, стремленія, которыя первоначально наполняютъ собой только чиновничество, но вскорѣ въ болѣе обширныхъ кругахъ разростаются въ требованіе конституціи". Рѣшительнымъ пораженіемъ для абсолютнаго государства стараго образца авторъ считаетъ постановленіе государственнаго совѣта отъ 16 марта 1787 года: въ этотъ день въ государственное право Пруссіи вошло положеніе, что ни одинъ чиновникъ государственной службы не можетъ быть удаленъ безъ приговора суда. Мало того, вскорѣ послѣ этого верховный судъ постановляетъ рѣшеніе, чтобы директоръ главнаго управленія строевымъ лѣсомъ Треплинъ, чиновникъ, уволенный безъ дисциплинарнаго изслѣдованія по одному кабинетному указу, былъ снова опредѣленъ на должность. Въ указѣ отъ 31 марта 1790 г. король замѣчаетъ совершенно справедливо, что постановленіе одного законодательнаго трибунала безъ утвержденія со стороны правителя страны нельзя еще, пожалуй, тотчасъ же разсматривать какъ законъ. Но рѣшенія верховнаго суда нельзя было все-таки отмѣнить, и уволеннаго чиновника пришлось удовлетворить полюбовнымъ соглашеніемъ. Но оппозиція чиновничества школы Фридриха Великаго обнаруживалась не столько въ стремленіи къ обновленію, сколько съ своей отрицательной стороны, зачастую только въ упрямой приверженности къ старой рутинѣ. Впрочемъ строгій вообще приговоръ автора надъ этимъ поколѣніемъ чиновниковъ не можетъ быть во всякомъ случаѣ примѣненъ къ такимъ людямъ, какъ Кармеръ и Цедлитцъ. Какъ-бы то ни было, попытки правительства Фридриха Вильгельма II—преобразовать административныя учрежденія и дать дѣятельности прусской бюрократіи иное направленіе—имѣли мало успѣха; новая инструкція для Генеральной Директоріи, изданная 28 сентября 1786 г., плохо оправдывалась на дѣлѣ. Главы департаментовъ по прежнему стремились къ той независимости отъ центра, которая принадлежала имъ отчасти въ предыдущее царствованіе, и при отсутствіи строгаго личнаго контроля со стороны монарха успѣшно добивались своей

цѣли. Чтобы положить конецъ несноснымъ препирательствамъ въ средѣ учрежденія, король издалъ 8 декабря 1787 года „Подробное наставленіе Генеральной Директоріи для единаго управленія дѣлами".

Какъ мало послѣдовательности впрочемъ было въ самыхъ планахъ правительства, всего лучше видно изъ его отношеній къ такъ называемой Королевской Диспозиціонной Кассѣ; сюда входили избытки государственныхъ доходовъ надъ штатными расходами и нѣкоторыя другія суммы, такъ что въ послѣдній годъ царствованія Фридрихъ II доходъ этой кассы составлялъ болѣе 8 милліоновъ талеровъ. Фридрихъ Вильгельмъ II не только сохранилъ это учрежденіе, но еще и освободилъ его отъ контроля Генеральной Директоріи; при этомъ, однако, король не взялъ на себя главное распоряженіе этой важной кассой, а передалъ ее въ завѣдываніе Вёлльнера. Расходы Диспозиціонной Кассы на содержаніе двора и дорогія сооруженія, на увеличеніе окладовъ и т. п. возрасли, и вскорѣ ничего не осталось для большихъ и важныхъ улучшеній въ странѣ. Обширный планъ шоссированія дорогъ было оставленъ, потому что иначе Вёлльнеръ былъ бы стѣсненъ въ своей свободѣ расходомъ, внесеннымъ впередъ на цѣлые годы въ смѣту Диспозиціонной Кассы. Разумное намѣреніе Генеральной Директоріи положить конецъ путаницѣ, господствовавшей во взносахъ серебромъ и золотомъ, превративъ послѣдніе во взносы серебромъ съ извѣстной приплатой за ажіо, также рушилось вслѣдствіе мелочныхъ соображеній Вёлльнера: глава Диспозиціонной Кассы не хотѣлъ, чтобы Генеральная Директорія имѣла понятіе о величинѣ взносовъ золотомъ, поступавшихъ до тѣхъ поръ въ его вѣдѣніе. Расходы на улучшенія, достигшіе своего высшаго размѣра въ первый годъ царствованія, падаютъ затѣмъ годъ отъ года. Вёлльнеръ при каждомъ удобномъ случаѣ старался укрѣпить въ государѣ взглядъ, что суммы Диспозиціонной Кассы въ сущности составляютъ частную собственность государя.

Заодно со смѣтой расходовъ диспозиціоннаго фонда со времени перемѣны царствованія увеличились расходы и трехъ другихъ крупныхъ государственныхъ кассъ — Силезской Провинціальной Кассы и обѣихъ нѣкогда главныхъ государственныхъ кассъ (Кассы Государственныхъ Имуществъ и Генеральной Военной Кассы). Рядомъ съ увеличеніемъ расходовъ шло пониженіе сборовъ; сборы постепенно понижаются втеченіе первыхъ годовъ новаго финансоваго управленія и даже при болѣе благопріятной росписи сборовъ въ 1791 — 92 гг. все еще не могутъ равняться съ послѣднимъ годомъ прежняго управленія. Недоимки въ сборахъ объясняются обѣднѣніемъ населенія бывшимъ до извѣстной степени слѣдствіемъ ряда дурныхъ урожаевъ, затѣмъ перемѣнами въ управленіи, послѣдовавшими въ интересахъ лѣснаго хозяйства, и, наконецъ, уменьшеніемъ акцизныхъ сборовъ вслѣдствіе финансовыхъ преобразованій Фридриха Вильгельма II.

Уже 28 августа 1786 года, немного дней спустя послѣ смерти

Фридриха Великаго, король назначилъ комиссію для ревизіи введеннаго въ 1766 году совершенно независимаго отъ Генеральной Директоріи вѣдомства косвенныхъ налоговъ, или, такъ называемаго, акцизнаго управленія („регія"). Во главѣ комиссіи стоялъ министръ фонъ-Вердеръ; ея душой былъ Бейеръ, приверженецъ Вёлльнера. Начальникъ регіи Де-Лоне (De la Haye de Launay) былъ вполнѣ подчиненъ комиссіи. Королевскій указъ отъ 11 ноября 1786 года вмѣсто монополіи на табакъ и кофе, чистый доходъ съ которой составлялъ приблизительно одну одиннадцатую часть всѣхъ государственныхъ доходовъ, намѣтилъ „умѣренный, правильно распредѣляемый налогъ на кофе и табакъ". Генеральная Директорія высказалась противъ отмѣны монополіи; она хотѣла, удаливъ ненавистныхъ французскихъ чиновниковъ регіи, сохранить тѣ сборы, которыми завѣдовало это учрежденіе. Вслѣдствіе этого между Генеральной Директоріей и комиссіей разгорѣлась систематическая война. Наконецъ, 6 января 1787 года, появилась деклараціонная грамота короля, оповѣстившая реформу, ввести которую намѣревались не позднѣе 1 іюня. Не касаясь подробностей новой системы налоговъ, укажемъ только главныя нововведенія. Такъ, постановленіе 11 августа, подвергнувшее табачное производство самымъ тяжелымъ ограниченіямъ, превратило прежнюю государственную монополію въ монополію нѣсколькихъ фабрикантовъ, получавшихъ концессію по произволу чиновниковъ. Затѣмъ, 31 января 1787 г., съ одобренія Бейера былъ учрежденъ „Генеральный Департаментъ Промышленности и Торговли, равно какъ и Акциза и Пошлинъ" подъ предсѣдательствомъ фонъ-Вердера, послѣ чего послѣдовало распущеніе Ревизіонной Комиссін. Новый сложный департаментъ, направленный данной ему инструкціей по пути боязливаго консерватизма, неособенно счастливо выступилъ для перваго раза съ вновь выработанными тарифами, которые должны были получить силу по уничтоженіи монополіи. Совершенно воспрещены были многочисленныя произведенія иностранной промышленности, равно какъ и вывозъ всевозможныхъ сырыхъ матерьяловъ; формальности при сборѣ налоговъ были увеличены и числомъ, и цѣнностью. Недовольство было всеобщее. Чтобы покрыть недоимки въ управленіи косвенными налогами, пришлось уже 24 ноября 1788 г. возвысить налогъ на кофе и табакъ, равно какъ и ввести акцизъ съ помола, отвергнутый было въ предшествующемъ году.

Нерѣшительность новой финансовой политики Пруссіи наиболѣе ярко сказывается въ законодательствѣ о хлѣбныхъ пошлинахъ. Уже въ 1786 г., еще до уничтоженія монополіи на кофе и табакъ, по настоятельному совѣту Генеральной Директоріи, хлѣбная торговля была объявлена свободной; только зерно изъ Познани, которое приходилось ввозить на судахъ, было обложено пошлиной по два прусскихъ гроша съ шеффеля, поступавшей въ военную кассу для закупки хлѣба. Донесенія провинціальныхъ палатъ единогласно свидѣтельство-

вали о хорошемъ вліяніи этой мѣры на интересы земледѣльческаго и торговаго населенія. Несмотря на это, по требованію военнаго департамента, заявившаго, что при закупкѣ хлѣба въ Польшѣ онъ не можетъ болѣе добиться прежнихъ штатныхъ цѣнъ, 10-го января 1789 г. послѣдовало запрещеніе вывоза какого бы то ни было хлѣба, между тѣмъ какъ ввозъ былъ совершенно освобожденъ отъ пошлинъ, даже отъ взноса двухъ грошей. Черезъ нѣсколько недѣль (20-го Февраля), вслѣдствіе жалобъ со стороны представителей торговыхъ интересовъ, поддержанныхъ Генеральной Директоріей, вывозъ былъ вновь дозволенъ, покрайней мѣрѣ, для всѣхъ полевыхъ продуктовъ, не полагавшихся военнымъ магазинамъ, какъ то—пшеницы, солода, гороха. Но уже 30-го сентября 1789 г. вывозъ былъ снова воспрещенъ, а 1-го октября 1790 г. вновь разрѣшенъ, но для одной только пшеницы.

Авторъ приводитъ также интересныя подробности относительно неудачныхъ опытовъ въ другихъ областяхъ финансовой политики, подробности, касающіяся безплодныхъ усилій поднять транзитную торговлю и неудачныхъ стремленій поддержать фабричное производство путемъ государственной помощи и посредствомъ торговыхъ договоровъ установить болѣе широкій кругъ для торговыхъ сношеній. Опуская все это, мы ограничимся только указаніемъ, что 6-го сентября 1791 г. король поручилъ Генеральной Директоріи произвести основательное изслѣдованіе касательно тѣхъ налоговъ, гнетъ которыхъ былъ особенно чувствителенъ; по этому случаю были наведены справки въ обширныхъ размѣрахъ, но въ концѣ концовъ все осталось по старому.

Для обсужденія прусскаго бюджета въ его совокупности, Филиппсонъ обращаетъ вниманіе на глубокое различіе тогдашнихъ смѣтъ съ теперешними, различіе, которое до сихъ поръ не принималось въ разсчетъ: „Чистый доходъ государства“, говоритъ авторъ, „нельзя взвѣшивать съ точки зрѣнія нынѣшнихъ понятій. Содержаніе всѣхъ чиновниковъ, не принадлежавшихъ къ центральному управленію, множество пенсій, погашеніе долговъ, улучшеніе производительности страны, различные военные расходы и т. д. были прямо возложены на провинціальныя и департаментскія кассы; они слѣдовательно вовсе не проходили черезъ крупныя государственныя кассы, а вмѣстѣ съ тѣмъ не попадали и въ бюджетъ. Мы не очень ошибемся, если, сообразуясь съ нынѣшнимъ временемъ, увеличимъ чистый доходъ прусскаго государства въ эту эпоху приблизительно на 9 милліоновъ противъ цифры, фигурирующей въ росписяхъ; такимъ образомъ, доходъ въ первые годы царствованія Фридриха Вильгельма II составитъ 27 милліоновъ талеровъ. Сообразуясь съ этимъ, нужно измѣнить свѣдѣнія, приводимыя всѣми историками, будто бы при Фридрихѣ Великомъ и при его наслѣдникѣ $^3/_4$ государственныхъ сборовъ шли на войско и только $^1/_4$ на гражданское управленіе“.

Но свой отличительный оттѣнокъ управленіе Фридриха Вильгельма II получило только тогда, когда 3-го іюля 1788 г. Вёлльнеръ принялъ въ свое вѣдѣніе департаментъ духовныхъ и учебныхъ дѣлъ. Филипсонъ дѣлаетъ любопытныя разоблаченія относительно уловокъ, путемъ которыхъ Вёлльнеръ добился паденія своего предшественника вольфіанца Цедлитца. Судя по всѣму, цѣлью Вёлльнера съ самаго начала былъ департаментъ духовныхъ дѣлъ, во главѣ котораго онъ всего успѣшнѣе могъ дѣйствовать на пользу своихъ идей. Еще до вступленія Вёлльнера въ должность, король издалъ 26-го іюля 1787 года кабинетный указъ на имя предсѣдателя бреславльскаго провинціальнаго правленія фонъ-Зейдлитца, составленный Вёлльнеромъ и опубликованный въ тогдашнихъ газетахъ. Объявляя войну противъ „невѣрія, деизма и натурализма“, этотъ указъ задаетъ тему, на которую варьируютъ затѣмъ почти всѣ указы короля по духовнымъ дѣламъ. Пресловутый „религіозный эдиктъ“ Вёлльнера (9-го Іюля 1788 г.) былъ набросанъ, вѣроятно, еще до вступленія на престолъ Фридриха Вильгельма II; по крайней мѣрѣ еще въ то время онъ приготовилъ для наслѣдника свою подробную докладную записку, такъ называемую имъ „Рукопись въ фіолетовомъ бархатѣ“. По этому поводу Вёлльнеръ замѣчаетъ: „Я уже тогда все разработалъ и приготовилъ на случай, если найдутъ нужнымъ довѣрить мнѣ главное начальство въ войнѣ противъ просвѣтителей“. И вотъ теперь властитель страны предписывалъ въ полицейскомъ указѣ, чему слѣдуетъ вѣрить, а чему нѣтъ. Однимъ словомъ, религіозный эдиктъ далъ почувствовать въ самыхъ широкихъ размѣрахъ зависимость церкви отъ свѣтской власти страны. Конечно, раціоналистическое движеніе перешло къ этому времени границы умѣренности. Съ политической и религіозной точки зрѣнія противодѣйствіе ему могло быть понятнымъ; болѣе того—при благоразумномъ руководствѣ оно могло сдѣлаться даже полезнымъ; но неловкій, грубый образъ дѣйствія Вёлльнера, недостатокъ опыта, знаній и продуманности, обнаруживавшійся при каждомъ случаѣ, пріобрѣтали ему повсюду враговъ и противниковъ. Въ кругахъ теологовъ, въ высшихъ духовныхъ учрежденіяхъ, эдиктъ встрѣтилъ крайне сильное сопротивленіе. Раціоналистически настроенный Спальдингъ, президентъ оберъ-консисторіи, просилъ и получилъ отставку. Послѣдовали возраженія, которыя Вёлльнеръ могъ встрѣтить только неловкой грубостью. Къ этому присоединился почти единодушный протестъ образованныхъ классовъ, въ особенности сословія судей и литературы. Книжки, какъ „Откровенныя размышленія о религіозномъ эдиктѣ“ и „Отрывки о просвѣщеніи“ продавались въ тысячахъ экземпляровъ.

Филипсонъ приводитъ также много интересныхъ подробностей относительно борьбы Вёлльнера противъ печатнаго слова. Эдиктомъ о цензурѣ отъ 19-го декабря 1788 г. министръ пытался обуздать журналистику за то, что она подвергла строгой критикѣ его религіозный эдиктъ. Какъ на pièces justificatives къ этому отдѣлу сочи-

ненія Филипсона можно указать на „Документы для исторіи прусской цензуры и журналистики при министрѣ Вёлльнерѣ“, опубликованные Каппомъ въ „Архивѣ нѣмецкой книжной торговли“. И театръ подвергся такой рѣшительной опалѣ, что Рейхардтъ и Энгель, первый въ 1792, второй въ 1794 гг., сложили съ себя обязанности капельмейстера и директора. Не обладая самъ богословскимъ образованіемъ, Вёлльнеръ хотѣлъ восполнить этотъ пробѣлъ союзомъ съ Гермесомъ, совѣтникомъ Бреславльской консисторіи; такъ, онъ поручилъ ему выработать новую схему для испытанія кандидатовъ на должность пастора, и ввелъ ее, не посовѣтовавшись съ оберъ-консисторіей. Въ апрѣлѣ 1791 г. Гермесъ былъ приглашенъ въ Потсдамъ для тайнаго совѣщанія; здѣсь шла рѣчь о принятіи мѣръ, путемъ которыхъ скорѣе всего можно было бы добиться уваженія и повиновенія по отношенію къ религіозному эдикту. Плодомъ этого совѣщанія было учрежденіе духовной экзаминаціонной комиссіи. Въ инструкціи, выработанной этой комиссіей для испытаній въ провинціи, король вычеркнулъ параграфъ, который рекомендовалъ экзаменаторамъ снисхожденіе къ кандидатамъ, обнаружившимъ на экзаменѣ правильный образъ мыслей въ вопросахъ религіи. Въ концѣ своего изложенія учебной и церковной политики Вёлльнера авторъ говоритъ о той благосклонности, съ которой министръ относился къ сектамъ піэтистовъ и мистиковъ, а также касается положенія католиковъ и евреевъ и вмѣшательства Вёлльнера въ дѣла университетовъ.

Наиболѣе свѣтлой стороной прусской государственной жизни за эту эпоху авторъ признаетъ судебную администрацію, во главѣ которой стоялъ фонъ-Кармеръ. Главнымъ предметомъ попеченія и задачей всей дѣятельности Кармера было изготовленіе всеобщаго свода законовъ (введенъ 1-го іюня 1792 г.). Къ сожалѣнію и здѣсь пагубно дали себя почувствовать дурныя вліянія, окружавшія короля. Вёлльнеръ, не обладавшій ни малѣйшимъ юридическимъ образованіемъ, былъ совѣтникомъ короля въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось дѣлать запросы мѣстнымъ и иностраннымъ ученымъ, или обсуждать ихъ предложенія и мнѣнія. Характеристикѣ свода законовъ Кармера посвященъ довольно значительный отдѣлъ книги Филипсона. Если Кармеръ и положилъ своимъ „сводомъ“ начало правовому государству, то съ другой стороны онъ крайне рѣзко провелъ въ немъ раздѣленіе сословій. Эггерсъ и Суарецъ, сотрудники Кармера, не могли добиться благосклонности великаго канцлера и законодательной комиссіи для своего намѣренія предоставить крестьянину личную свободу и право свободнаго передвиженія.

Вообще, тотчасъ вслѣдъ за перемѣной царствованія начинается реакція противъ стремленій Фридриха II опредѣлить по справедливости отношенія между помѣщиками и подвластнымъ населеніемъ. Правительство жертвовало крестьянскимъ населеніемъ не только знати, но даже и городскимъ интересамъ. Какъ на измѣну гогенцоллерн-

ской политикѣ авторъ указываетъ на дарованіе сословнаго устройства рыцарямъ Западной и Восточной Пруссіи, которое возвратило имъ часть могущества, отнятаго было Великимъ Курфюрстомъ и Фридрихомъ Вильгельмомъ I.

Этого бѣглаго обзора достаточно, чтобы убѣдиться, съ какой многосторонностью авторъ ввелъ въ кругъ своего изслѣдованія различныя вѣтви государственной и соціальной жизни. Чуть ли не для каждой вѣтви онъ приводитъ новые и притомъ любопытные факты, почерпнутые большею частью изъ актовъ, еще не тронутыхъ до него. Такое множество разнообразныхъ чиселъ, цифръ и выписокъ представляетъ собой, разумѣется, матерьялъ неособенно удобный для историческаго изложенія; тѣмъ не менѣе автору удается держать любознательность читателя въ напряженномъ состояніи до самаго конца книги.

Иф...лъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Источники русской агіографіи. Николая Барсукова. Изд. Общества любителей древней письменности. Спб. 1882.

Г. Барсуковъ далъ своей книгѣ греческій титулъ вмѣсто подобающаго русскаго, и тѣ, кто не свыкся еще съ излюбленною склонностью нѣкоторыхъ изъ нашихъ ученыхъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ употреблять античныя слова, могутъ, конечно, ожидать отъ нея бо́льшаго въ сравненіи съ тѣмъ, что въ дѣйствительности въ ней заключается. На первый взглядъ, по крайней мѣрѣ, многимъ должно показаться, что здѣсь разумѣется подъ „русскою агіографіей" какая-то исключительная наука, пользующаяся всѣми правами на самостоятельную обособленность, подобно русской географіи, русской исторіи и пр., наука, родникъ которой впервые зондированъ г. Барсуковымъ. На самомъ же дѣлѣ это вовсе не такъ. Въ почтенномъ трудѣ г. Барсукова собраны и приведены въ единство свѣдѣнія о рукописяхъ житій русскихъ святыхъ, перечисленныхъ въ алфавитномъ порядкѣ, свѣдѣнія, разсѣянныя по каталогамъ разныхъ общественныхъ и частныхъ книгохранилищъ. Житія святыхъ, разумѣется, не могутъ образовать изъ себя особую науку, будучи сами только однимъ изъ многихъ отдѣловъ древнерусской письменности. Значитъ, и подъ „агіографіей" тутъ надо понимать нѣчто иное — что именно, мы не беремся объяснять, но во всякомъ случаѣ не тотъ смыслъ надо придавать этому неудачно придуманному термину—будто дѣло идетъ о новой области знанія. Г. Барсуковъ на этотъ счетъ нигдѣ не высказывается прямо, но за то изъ приведенныхъ въ его книгѣ цитатъ гг. Строева, Буслаева и Ключевскаго ясно, что житія святыхъ интересны для положительной науки постольку, поскольку они служатъ дополненіемъ свидѣтельствъ исторіи о внутреннемъ бытѣ народа, или же освѣщеніемъ добытыхъ исторіею данныхъ народной словесности. Съ этой точки зрѣнія, житія святыхъ, собранныя г. Барсуковымъ, вполнѣ отвѣчаютъ своему назначенію. Авторъ, повидимому, не пожалѣлъ времени и труда, чтобы представить по возможности подробныя свѣдѣнія о каждомъ изъ свя-

тыхъ нашей церкви. Подъ именемъ почти каждаго изъ нихъ приведены біографическія данныя, указано время канонизаціи и празднованія церковью, затѣмъ перечислены рукописи, содержащія въ себѣ житіе, поученіе, слова и службы, а равно и сказаніе о мощахъ, если таковыя имѣются. Различіе между редакціями однихъ и тѣхъ же житій указано по отношенію только къ тѣмъ рукописямъ, которыя или изданы вполнѣ, или же подверглись критической разработкѣ другихъ изслѣдователей, а потому и всѣ промахи г. Барсукова въ настоящемъ случаѣ должны оставаться на отвѣтственности его первыхъ источниковъ. Словомъ, г. Барсуковъ весьма добросовѣстно сгруппировалъ въ своей книгѣ все, что съ 1877 года, когда ему было поручено ея составленіе княземъ П. П. Вяземскимъ отъ имени Общества любителей древней письменности, онъ успѣлъ найти въ каталогахъ и описаніяхъ рукописей житій, хранящихся въ сорока пяти общественныхъ и въ девятнадцати частныхъ библіотекахъ. За такой трудъ, безъ сомнѣнія, будутъ признательны автору всѣ, кто интересуется предметомъ, для знакомства съ которымъ „Источники" служатъ прекрасно составленной справочной книгой. Пожелаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы и наши составители книгъ для народа воспользовались этой книгой. Доселѣ они съ легкимъ сердцемъ брались за сочинительство „житій святыхъ" для народа, Богъ вѣсть какими только вымыслами ни наполняя эти „житія". Прежде имъ могло еще, пожалуй, служить нѣкоторымъ оправданіемъ полное отсутствіе сколько-нибудь компетентныхъ указаній на подлинные источники для ихъ компиляцій; но теперь, съ появленіемъ труда г. Барсукова, и это оправданіе не имѣетъ силы.

Ѳ. В.

Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія. Изслѣдованіе Василія Жмакина. М. 1881.

Огромный трудъ г. Жмакина (всего около 800 страницъ) раздѣляется на три части: первая носитъ названіе „Жизнь и дѣятельность митрополита Даніила", вторая имѣетъ своимъ предметомъ обзоръ его сочиненій, а третья занята приложеніями.

Что касается первой части, то ея названіе не вполнѣ согласно съ содержаніемъ: двѣ трети ея посвящены Іосифу Волоцкому, Нилу Сорскому, жидовствующимъ, Максиму Греку и Вассіану Косому и только одна треть удѣлена Даніилу. Нѣтъ сомнѣнія, что о Даніилѣ нельзя говорить, не упомянувъ объ Іосифѣ и Нилѣ и не сказавъ нѣсколькихъ словъ о жидовствующихъ и не коснувшись Максима и Вассіана, но мы думаемъ, что г. Жмакину не было никакой надобности слишкомъ распространяться объ нихъ, тѣмъ болѣе, что ему пришлось при этомъ повторить то, что уже давно всѣмъ извѣстно. Правда, онъ высказалъ здѣсь и кое-что новое, но, во-первыхъ, это новое могло бы быть предметомъ особой статьи или статей; во-вторыхъ, это не болѣе, какъ рядъ гипотезъ, которыя не подтверждаются никакими историческими данными. Такъ, г. Жмакину кажется, что „характеръ отношеній Іосифа Волоцкаго къ великому князю и его взглядовъ опредѣлялся мѣстомъ его воспитанія. Іосифъ долгое время подвизался у Пафнутія Боровскаго,—человѣка, отличавшагося твердою преданностью дому московскихъ князей и ихъ интере-

самъ. Та же черта перешла и къ Іосифу Волоцкому“ (стр. 24). Но отношенія Іосифа къ великому князю объясняются гораздо вѣрнѣе тѣмъ, что Іосифъ смотрѣлъ на великокняжескую власть точно такъ же, какъ и всѣ другіе книжные люди его времени, т. е. переносилъ на нее все то, что въ разныхъ переводныхъ произведеніяхъ древней русской литературы говорилось о власти византійскихъ императоровъ. Возникновеніе ереси жидовствующихъ, по мнѣнію г. Жмакина, тѣсно связано „съ трагическою судьбою, постигшею во второй половинѣ XV вѣка Новгородъ, и со всѣми предшествовавшими ей историческими условіями и обстоятельствами и непосредственно слѣдовавшими за ними явленіями соціальной жизни вольнаго города“ (стр. 39). Послѣ паденія Новгорода, „новгородскіе свободолюбцы сошли на почву религіозную и здѣсь ихъ стремленіе къ свободомыслію нашло себѣ хорошую пищу въ сохранившихся и разбившихся на множество мелкихъ толковъ фракціяхъ стригольничества“ (стр. 40); когда же въ Новгородъ явился еврей Схарія съ товарищи, то „либеральная часть новгородскаго духовенства и общества... съ радостью ухватилась за ученое общество явившихся евреевъ“ и къ образовавшейся такимъ образомъ ереси „пристало все либеральное, все свободолюбивое въ Новгородѣ“ (стр. 42). Не говоря уже о логической и исторической путаницѣ въ приведенныхъ словахъ г. Жмакина, замѣтимъ, что намъ ничего неизвѣстно о политическихъ тенденціяхъ ни быстро промелькнувшихъ на историческомъ горизонтѣ стригольниковъ, ни жидовствующихъ, и что связь послѣднихъ съ первыми подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію. О жидовствующихъ можно думать, что они вовсе не были страстными свободолюбцами и врагами Москвы; по крайней мѣрѣ, когда архіепископъ Геннадій открылъ въ Новгородѣ первые признаки ереси, то ея послѣдователи бѣжали не въ болѣе близкое и безопасное убѣжище—Литву, а въ Москву, подъ защиту великаго князя. Но г. Жмакинъ не ограничивается отождествленіемъ жидовствующихъ съ приверженцами новгородской старины и идетъ далѣе. Когда ересь проникла въ Москву, говоритъ онъ, то здѣсь она нашла для себя благопріятную почву: „въ московскихъ областяхъ шла сильная борьба между крѣпнувшимъ единодержавіемъ и отживавшимъ свой вѣкъ удѣльно-вѣчевымъ порядкомъ“ (стр. 47). „Стремленіе къ абсолютизму менѣе всего раздѣлялось еретиками, представлявшими изъ себя не одно религіозное, но и политическое общество, симпатизировавшее традиціямъ старо-боярской партіи“ (стр. 49), и по этой причинѣ ересь слилась съ этой партіей „въ одно гармоническое цѣлое“ (стр. 52). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, было ли что нибудь общее между свободолюбцами новгородцами и стремившимися къ наслѣдственной олигархіи московскими боярами („старо-боярскою партіею“, по нѣсколько странной терминологіи г. Жмакина), позволимъ себѣ указать, что о близости жидовствующихъ съ боярами намъ ничего неизвѣстно и мы не знаемъ ни одного еретика, который бы принадлежалъ къ знатной боярской фамиліи.

Объ Максимѣ Грекѣ г. Жмакинъ говоритъ: „Максимъ несочувственно относился къ только что установившемуся на Руси полному абсолютизму власти въ лицѣ одного великаго князя, или, по крайней мѣрѣ, онъ отрицательно смотрѣлъ если не на самый принципъ абсолютизма, то имѣлъ въ виду здѣсь тѣ анормальности и уклоненія, въ которыхъ онъ выражался въ его время“ (стр. 157). Но въ сочиненіяхъ Максима Грека мы не знаемъ ни одного мѣста, которое хотя сколько нибудь могло служить подтвержденіемъ приведенныхъ словъ. То, что онъ говоритъ о „дивномъ совѣтникѣ, доброхотномъ царствію“,

быть можетъ, относится къ Вассіану Косому, стоявшему близко къ Максиму и въ то же время бывшему „временнымъ“ человѣкомъ при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ, и никоимъ образомъ не можетъ имѣть въ виду бояръ вообще.

Жизнь и дѣятельность митрополита Даніила изложена авторомъ съ достаточною полнотою, съ нѣкоторыми (очень немногими) неизвѣстными до сихъ поръ подробностями, но, по нашему мнѣнію, личность этого дѣятеля могла бы быть освѣщена нѣсколько ярче, чѣмъ это сдѣлалъ г. Жмакинъ.

Во второй части, самой большой по объему, излагается содержаніе литературныхъ произведеній Даніила, причемъ къ нимъ дѣлается обширный и разносторонній комментарій. Эта часть отличается большими достоинствами: она почти цѣликомъ основана на рукописномъ матеріалѣ, который авторъ отыскалъ и изслѣдовалъ въ разныхъ библіотекахъ, и изъ нея читатель получаетъ гораздо болѣе свѣдѣній о сочиненіяхъ Даніила, чѣмъ изъ VII тома „Исторіи русской церкви“ высокопреосвященнаго Макарія (гдѣ ихъ содержаніе впервые изложено довольно подробно), и между прочимъ объ одномъ такомъ его посланіи (14-мъ въ сборникѣ посланій), которое высокопреосвященному Макарію осталось совершенно неизвѣстнымъ. Библіографическій указатель сочиненій Даніила, составленный г. Жмакинымъ, отличается замѣчательною полнотою, а въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ нерѣдко встрѣчаются указанія на списки неизвѣстныхъ или мало извѣстныхъ памятниковъ древне-русской литературы,— указанія, за которыя поблагодарятъ г. Жмакина многіе изслѣдователи русской старины.

Въ комментаріи къ сочиненіямъ Даніила есть немало цѣннаго, но онъ слишкомъ многословенъ, растянутъ, часто повторяетъ одно и то же, такъ что его, безъ всякаго ущерба для пониманія, можно бы сократить по крайней мѣрѣ на половину. Кромѣ того, въ немъ попадаются иногда и несовсѣмъ вѣрныя объясненія. Напримѣръ, для того, чтобы объяснить нѣсколько фразъ Даніила, г. Жмакинъ цѣлый рядъ страницъ (595 — 598, 608) посвящаетъ изслѣдованію страсти русскихъ къ сплетничеству, или, какъ онъ выражается, — къ пересудамъ, причемъ развитіе этой страсти въ Руси XVI вѣка ставитъ въ связь: во 1-хъ съ борьбою между придворными партіями того времени (стр. 595), во 2-хъ—со враждою между Даніиломъ съ одной стороны и Максимомъ Грекомъ и Вассіаномъ Косымъ съ другой (стр. 598), и въ 3-хъ — съ отношеніями высшаго класса русскаго общества къ низшему (стр. 608). Мало этого,—онъ увѣряетъ даже, что „развитіе страсти къ пересудамъ... являлось послѣднимъ и однимъ изъ страшныхъ золъ, разъѣдавшихъ современное (Даніилу) русское общество“! (ibid).

Третья часть—приложенія—представляетъ дополненіе ко второй. Здѣсь мы находимъ въ подлинникѣ наиболѣе важныя въ томъ или другомъ отношеніи произведенія митрополита Даніила или въ цѣломъ ихъ объемѣ, или въ большихъ отрывкахъ, именно: первыя части 3-го и 12-го словъ, „наказанія“, или послѣднія части, 2-го, 5-го, 7-го, 10-го, 12-го—16-го словъ, 1-ое, 4-ое, 12-ое и 14-ое посланія, а также (изъ числа посланій, не вошедшихъ въ составъ сборника) посланія къ князю Юрію Іоанновичу и къ неизвѣстному. Сверхъ того, здѣсь изданы: посланіе волоколамскихъ иноковъ къ старцу Іонѣ съ просьбою ходатайствовать за нихъ передъ Даніиломъ, тогда еще волоколамскимъ игуменомъ; посланіе неизвѣстнаго новгородскаго архіепископа къ неизвѣстному московскому митрополиту (г. Жмакинъ считаетъ его принадлежащимъ перу архіепис-

копа Макарія и адресованнымъ къ митрополиту Даніилу, но доказательства его недостаточны, и можно думать, что авторомъ этого посланія былъ архіепископъ Өеодосій и что оно писано имъ къ митрополиту Макарію), нѣсколько русскихъ поученій XV—XVI вѣковъ, изъ которыхъ одно—о брадобритіи—принадлежитъ Максиму Греку, другое—о разговаривающихъ въ церкви — писано митрополитомъ Макаріемъ, и наконецъ—два отрывка каноническаго содержанія, близко касающіеся древне-русской жизни. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній изъ труда г. Жмакина впервые дѣлаются извѣстными; другія, извѣстныя прежде по рукописямъ, въ трудѣ г. Жмакина впервые являются напечатанными.

А. С—скій.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго (1847 — 1881 г.). 4 тома. Изданіе третье, дополненное. С.-Петербургъ. 1882.

Въ короткій, сравнительно, періодъ времени появляется третье изданіе сочиненій Г. П. Данилевскаго; нѣкоторыя его произведенія переведены на нѣсколько иностранныхъ языковъ. Все это свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ успѣхѣ почтеннаго автора среди читателей, и мы едва едва-ли ошибемся, сказавъ что главная доля этого успѣха принадлежитъ его историческимъ разсказамъ и повѣстямъ. Нельзя не замѣтить, что въ послѣднее время въ обществѣ все болѣе и болѣе развивается вкусъ къ историческому чтенію и читатели съ интересомъ встрѣчаютъ всякую обработку историческаго матеріяла, къ которой слѣдуетъ отнести и историческій романъ.

Въ числѣ нашихъ современныхъ историческихъ романистовъ, г. Данилевскій занимаетъ видное мѣсто, отличаясь не только какъ талантливый разсказчикъ, но и какъ добросовѣстный изслѣдователь. Талантъ разсказчика г. Данилевскій проявилъ еще гораздо ранѣе въ небольшихъ своихъ разсказахъ, составившихъ въ собраніи его сочиненій семейную хронику; разсказы „Прабабушка“, „Дѣдовъ лѣсъ“, „Тѣнь прадѣда“ дышатъ правдой и написаны чрезвычайно живо. Таже манера разсказывать отличаетъ и позднѣйшія мелкія и крупныя произведенія г. Данилевскаго, о которыхъ въ свое время было достаточно говорено въ нашей критикѣ за и противъ.

Что же касается добросовѣстнаго отношенія автора къ историческимъ источникамъ, то добросовѣстность эта служитъ иногда даже во вредъ художественной сторонѣ его произведеній. Строго придерживаясь исторической почвы, г. Данилевскій выводитъ на сцену множество лицъ, хотя участвовавшихъ въ извѣстномъ историческомъ событіи, но мало интересныхъ, эпизодическихъ, лишь замедляющихъ ходъ дѣйствія и тѣмъ самымъ подрывающихъ цѣлостность впечатлѣнія. Въ этомъ состоитъ недостатокъ историческихъ романовъ и повѣстей г. Данилевскаго,недостатокъ, не мѣшающій, однако, отдать ему полную справедливость, какъ писателю, вполнѣ заслуживающему тѣхъ симпатій, какими онъ пользуется среди читающей публики.

Е. Г.

Лирическія малорусскія пѣсни, преимущественно свадебныя. Составилъ Я. Ящуржинскій. Варшава. 1881.

Цѣль автора этой книжки была сравнить лирическую свадебную поэзію малорусскаго и великорусскаго племени и, опредѣливъ индивидуальныя особенности тѣхъ и другихъ пѣсенъ, показать, какъ мало-по-малу происходило нравственное усовершенствованіе обоихъ племенъ. Задача обширная, требующая и большого знакомства съ источниками и значительной эрудиціи, и вполнѣ объективнаго отношенія къ предмету. Что касается матеріаловъ, необходимыхъ для подобнаго труда, то въ нихъ у насъ нѣтъ недостатка: въ послѣднее полустолѣтіе литература наша обогатилась значительнымъ количествомъ сборниковъ великорусской и малороссійской поэзіи, въ которыхъ помѣщена масса всякаго рода пѣсенъ, а въ томъ числѣ и много свадебныхъ, записанныхъ въ разныхъ углахъ сѣверной и южной Россіи. И по ссылкамъ, разсѣяннымъ въ сочиненіи г. Ящуржинскаго, видно, что онъ знакомъ съ важнѣйшими изданіями по взятому имъ предмету: онъ нетолько пользовался сборниками великорусскихъ, украинскихъ и бѣлорусскихъ пѣсенъ, но также народными лирическими памятниками польскими, чешскими и сербскими. Разсматривая все это, согласно своему плану, въ бытовомъ отношеніи, авторъ пользовался и такими сочиненіями, въ которыхъ бытъ сѣверо-русскаго и южно-русскаго племени опредѣляется въ историческомъ и этнографическомъ значеніи. Изъ этого обширнаго матеріала авторъ взялъ ту часть, которая „относится къ браку, занимающему первое мѣсто среди торжествъ семейно-бытовой жизни народа", чтобы, на основаніи свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ, представить результатъ сравненія малорусскаго и великорусскаго племени и, кромѣ того, показать еще на этомъ источникѣ степень смягченія народныхъ нравовъ. Къ какимъ же же результатамъ пришелъ онъ въ своемъ изслѣдованіи, такъ широко задуманномъ?

Прежде всего сравненіе малороссійскихъ свадебныхъ пѣсенъ съ великорусскими привело его къ заключенію, что какъ во внѣшней формѣ, такъ и во внутреннемъ содержаніи ихъ, очень много сходнаго, даже буквально тождественнаго, а это показываетъ степень близости этихъ племенъ. „Ни одно славянское племя", говоритъ онъ, „не стоитъ въ такомъ близкомъ родствѣ съ великорусскимъ, какъ малорусское; ни одно изъ нихъ сравнительно съ послѣдними не обладаетъ такимъ богатымъ количествомъ сходныхъ чертъ въ нравахъ, обычаяхъ и воззрѣніяхъ". Мы думаемъ, что нѣтъ надобности сличать какія бы то ни было пѣсни для того, чтобы придти къ подобному выводу. Само собою разумѣется, что въ нравахъ и обычаяхъ тѣхъ племенъ, которыя историческими судьбами связаны въ одинъ народъ, должно быть болѣе общаго, чѣмъ между народами одного корня, но разъединенными политически, а тѣмъ болѣе и различными по религіи. Развѣ можно допустить, чтобы чехи или поляки ближе были по своимъ воззрѣніямъ къ великоруссамъ, нежели малороссіяне? Намъ кажется, объ этомъ не стоитъ распространяться, какъ о совершенно ясной аксіомѣ. Не требовало большихъ изысканій и заключеніе г. Ящуржинскаго о типѣ малорусскаго и великорусскаго племени, отразившемся въ ихъ свадебныхъ пѣсняхъ. „Индивидуальныя особенности, которыми обрисовывается тотъ и другой", говоритъ онъ, „не представляютъ столь рѣзкихъ чертъ, на основаніи которыхъ можно было бы сдѣлать выводъ о совершенной противоположности этихъ двухъ племенъ. Черты, различающія ихъ, въ общей слож-

ности своей, уступаютъ количеству сходныхъ сторонъ, которыми они соприкасаются между собою и составляютъ такимъ образомъ одно этнографическое цѣлое". Это ясно для всякаго, кто мало-мальски знакомъ съ пѣснями сѣверной и южной Россіи.

Опредѣляя различіе малорусскихъ и великорусскихъ пѣсенъ, г. Ящуржинскій указываетъ на особенности въ ихъ формѣ и содержаніи. Со стороны формы онъ находитъ только, что великорусская лирическая поэзія отличается большей любовью къ отрицательнымъ сравненіямъ, но въ то же время видитъ подобныя сравненія и въ малороссійскихъ пѣсняхъ, и даже замѣчаетъ въ нихъ особый видъ, построенный по полной схемѣ для такихъ оборотовъ. Относительно внутренняго содержанія, авторъ вполнѣ принимаетъ мнѣніе г. Костомарова, что „участіе природы въ великорусскихъ пѣсняхъ мало, и чрезвычайно сильно въ южно-русскихъ; любовное чувство, душа всякой народной поэзіи, рѣдко возвышается въ великорусской поэзіи надъ матеріальностію, въ малорусской же достигаетъ высочайшаго одухотворенія, чистоты, высоты побужденія и граціи образовъ". Къ этому авторъ прибавляетъ, что въ великорусской лирической поэзіи онъ находитъ болѣе мѣткаго очертанія и силы выраженія, а въ малорусскихъ пѣсняхъ болѣе мягкаго, теплаго чувства. Изъ этого читатели могутъ видѣть, какъ мало новаго прибавляетъ сочиненіе г. Ящуржинскаго къ тому, что по данному предмету выработано уже другими изслѣдователями русскихъ свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ.

Но задача автора, какъ мы видѣли, не ограничивалась опредѣленіемъ внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей бытовыхъ пѣсенъ сѣвернаго и южнаго русскаго племени: онъ имѣлъ еще въ виду „прослѣдить тѣ перипетіи, черезъ которыя проходило нравственное усовершенствованіе этихъ племенъ, пока оно не достигло той точки развитія, на которой его застаемъ въ настоящее время". Такія перипетіи авторъ и отыскиваетъ въ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ. Плоды его труда въ этомъ отношеніи также не особенно обильны. Разбирая различные обряды, сопровождающіе русскую народную свадьбу и отразившіеся въ пѣсняхъ,—сговоръ, рукобитье, дѣвичникъ, расплетаніе косы, вѣнчаніе, онъ указываетъ, какъ первобытное „умыканье" дѣвицъ смѣнилось сначала покупкою невѣсты, а потомъ соглашеніемъ обѣихъ сторонъ, и такимъ образомъ приходитъ къ заключенію, что въ свадебной поэзіи выразилось смягченіе нравовъ русскаго народа, и видно, черезъ какія оно проходило перипетіи. Несмотря однако на нравственное усовершенствованіе народа, авторъ сознается, что „на основаніи свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ можно сдѣлать тотъ выводъ, что какъ у великоруссовъ, такъ и малоруссовъ, существовало и существуетъ подчиненіе женщины, переходящее иногда въ невыносимое положеніе крайняго загона послѣдней въ семьѣ". Этимъ заканчиваются изслѣдованія автора.

Такимъ образомъ, сочиненіе г. Ящуржинскаго не представляетъ ничего новаго въ отношеніи къ его результатамъ: это только сводъ фактовъ, давно уже извѣстныхъ и провѣренныхъ критически. Остается прибавить, что авторъ неособенно заботился о чистотѣ своего языка и, кромѣ того, издалъ книжку свою безъ буквы ъ. Намъ кажется, если подобное правописаніе можно было допустить въ видахъ экономіи въ словарѣ Толля, то оно болѣе чѣмъ странно въ книгѣ филолога, который долженъ уважать законы, возникшіе исторически изъ самыхъ формъ языка и его письменности.

А. М.

Памятная книжка Кубанской области на 1881 г. Составилъ Е. Д. Фелицынъ. Екатеринодаръ. 1881 года.

Г. Фелицынъ, секретарь кубанскаго областнаго статистическаго комитета, въ тѣсномъ кругу изслѣдователей Кавказа извѣстенъ за человѣка, глубоко преданнаго дѣлу изученія края, въ которомъ онъ живетъ, и хорошо его знающаго во всѣхъ подробностяхъ. V археологическій съѣздъ, бывшій въ Тифлисѣ 8—21 сентября 1881 г., въ одномъ изъ общихъ своихъ собраній выразилъ ему благодарность за содѣйствіе, имъ оказанное при раскопкахъ, произведенныхъ въ Кубанской области. Г. Бентковскій, авторъ „Матеріаловъ для исторіи колонизаціи сѣвернаго Кавказа", напечатанныхъ въ разсматриваемой нами книгѣ, говоритъ, что „многимъ, что имѣетъ (по данному вопросу), онъ обязанъ Е. Д. Фелицыну".

Всѣ эти данныя невольно заставляютъ предъявлять къ труду г. Фелицына болѣе серьезныя требованія, чѣмъ обыкновенно предъявляются къ памятнымъ книжкамъ, въ большинствѣ заключающимъ обыкновенно календарныя свѣдѣнія и сухой, всегда невѣрный, перечень должностныхъ лицъ.

Вся книга раздѣлена на IV отдѣла. I отдѣлъ заключаетъ въ себѣ времяисчисленіе, астрономическія свѣдѣнія и мѣсяцесловъ. Этотъ отдѣлъ растянутъ на 55 стр. Можно только удивляться существованію этого отдѣла въ памятной книжкѣ на 1881 г., вышедшей не наканунѣ, не въ началѣ, а въ концѣ его; IV отдѣлъ, занимающій 48 страницъ, посвященъ адресъ-календарю, въ которомъ встрѣчается немало ошибокъ. II отдѣлъ заключаетъ въ себѣ справочныя свѣдѣнія,—и чего только тутъ нѣтъ?! Есть и о векселяхъ, и о гербовомъ сборѣ, и метрологія, и такса почтовыхъ сборовъ, и пр. Изъ всего II отдѣла, растянутаго на 275 страницахъ, въ крайнемъ случаѣ можно было бы оставить только „Списокъ станицъ, селеній, колоній, ауловъ и нѣкоторыхъ поселковъ Кубанской области съ показаніемъ числа жителей, количества земельнаго надѣла, числа дворовъ, зданій, рогатаго скота, лошадей, промышленныхъ и торговыхъ заведеній, училищъ и учащихся". Этотъ списокъ занимаетъ всего 26 страницъ. III отдѣлъ содержитъ въ себѣ статистическія свѣдѣнія о городахъ и уѣздахъ Кубанской области (113 стр.), „Матеріалы для исторіи колонизаціи сѣвернаго Кавказа" г. Бентковскаго (125 стр) и статью „Наказные атаманы бывшаго кавказскаго линейнаго войска" г. Кравцова (12 стр.). По нашему мнѣнію, только эти статьи и должны бы были войти въ памятную книжку.

Г. Кравцовъ въ своей статьѣ, на основаніи личныхъ наблюденій и воспоминаній, представляетъ краткую характеристику наказныхъ атамановъ линейнаго казачьяго войска—Верзилина, Николаева, Круковскаго, Эристова и Рудзевича и сообщаетъ немало характерныхъ фактовъ изъ дѣятельности этихъ генераловъ, напр. о Верзилинѣ, уволенномъ отъ службы только потому, что онъ былъ опредѣленъ на нее кн. Паскевичемъ-Эриванскимъ, а ко всѣмъ такимъ лицамъ командовавшій войсками генералъ Вельяминовъ питалъ антипатію, и пр.

Въ статьѣ „Статистическія свѣдѣнія о городахъ и уѣздахъ Кубанской области" сообщаются историческія свѣдѣнія о Екатеринодарѣ, Ейскѣ, Темрюкѣ и Майкопѣ. Свѣдѣнія касаются времени, предшествовавшаго основанію этихъ городовъ, времени ихъ основанія, замѣчательныхъ событій ихъ жизни, ихъ замѣчательныхъ дѣятелей, имѣвшихъ вліяніе на жизнь этихъ городовъ. Самою капитальною статьею памятной книжки является статья г. Бентковскаго, заглавіе которой выписано было нами выше.

Изъ предисловія г. Бентковскаго мы узнаемъ, что онъ задался почтеннымъ трудомъ собиранія матеріаловъ, на основаніи которыхъ можно бы было составить атласъ для исторіи распространенія русскаго владычества и колонизаціи на сѣверномъ Кавказѣ.

Настоящая статья и служитъ матеріаломъ для предполагаемаго имъ атласа. Въ 1775 году была уничтожена Запорожская сѣчь; въ 1788 году Екатерина II „пожаловала“ ей земли для поселенія въ Керченскомъ кутнѣ или на Тамани; въ 1790 году она получила названіе Черноморскаго войска; въ 1792 году войску пожалованы были земли, нынѣ входящія въ составъ уѣздовъ Екатеринодарскаго, Ейскаго и Темрюкскаго, пространствомъ въ 30.691 кв. версту. Съ 1792 года начинается переселеніе Черноморскаго войска на Кубань, и къ 1808 году тамъ уже видимъ 2 города — Екатеринодаръ и Тамань и 42 куреня, въ которыхъ было 2763 двора. Тяжелая доля выпала переселенцамъ на первыхъ порахъ ихъ существованія въ новой землѣ: съ одной стороны, имъ всегда грозили своими нападеніями закубанскіе горцы, а съ другой, падежъ скота, неурожаи и т. п. подрывали экономическое ихъ состояніе. Существовало предположеніе заселять Кубань преступниками, но оно не осуществилось, и вмѣсто этого въ подкрѣпленіе черноморцамъ выселены въ 1809—11 годахъ 25.000 душъ мужскаго пола изъ малороссійскихъ губерній, которые, т. е. новые переселенцы, и были распредѣлены по существующимъ куренямъ. Въ періодъ времени съ 1821—25 гг., во второй разъ изъ малороссійскихъ губерній выселено было 25.000 малороссіянъ, которые были распредѣлены отчасти по существующимъ куренямъ, а отчасти вошли въ составъ новыхъ куреней, которыхъ вновь основано было 18. Послѣднее и третье переселеніе малороссіянъ въ числѣ 2000 душъ произошло въ 1848 г. Въ это же время основаны были двѣ новыя станицы. Статья г. Бентковскаго обильна интересными подробностями и дѣйствительно заключаетъ въ себѣ интересные матеріалы для задуманнаго имъ атласа.

В. В—новъ.

Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Томъ V. 28 января 1725—5 мая 1727. С.П.Б. 1881.

Вышедшій недавно 5-й томъ „Собранія постановленій по духовному вѣдомству“ обнимаетъ собою царствованіе императрицы Екатерины I. Этотъ любопытный сборникъ, изданный подъ редакціею члена комиссіи при святѣйшемъ синодѣ, г. Труворова, представляетъ нелишенную характерности картину разнообразныхъ отношеній духовенства и прикосновенныхъ къ духовнымъ дѣламъ мірянъ за ту эпоху, когда впервые русскій тронъ былъ занятъ женщиной, и занятъ скорѣе номинально, чѣмъ въ дѣйствительности. (Извѣстно, что Екатерина I не знала даже грамотѣ). Правильнѣе, поэтому, называть эти два года началомъ эпохи временщиковъ, столь памятно отозвавшихся на русской исторіи за вторую четверть прошлаго столѣтія. Документы по духовнымъ и церковнымъ дѣламъ, помѣщенные въ 5-мъ томъ „Собранія“, показываютъ, что внутренняя политика тогдашнихъ русскихъ правителей въ этой сферѣ шла по направленію, указанному Петромъ I. Не разъ встрѣчаемъ, напримѣръ, указы

о преслѣдованіи и лишеніи монашескаго званія „плутовъ-чернецовъ", которые самовольно отлучатся изъ своихъ монастырей и будутъ „волочиться" безъ письменнаго вида по разнымъ мѣстамъ. Видны заботы о поддержаніи „благоустройства" въ монастыряхъ и о благовидности монашествующихъ; одинъ архимандритъ даже отрѣшенъ былъ отъ настоятельства, „по случаю имѣющейся у него на лицѣ язвы и за горловую болѣзнь". Характеристикой тогдашнихъ нравовъ по отношенію къ лицамъ изъ духовенства служитъ распоряженіе „о наказаніи плетьми какъ игуменьи, отпустившей монахинь въ Петербургъ, такъ и отпущенныхъ ею монахинь, ежели онѣ не испросили себѣ отпуска отъ мѣстнаго архіепископа".

Количество постановленій, направленныхъ противъ раскольниковъ „и бородачей", весьма значительно. Всѣ они имѣютъ характеръ репрессивный, хотя иногда и повелѣвается духовнымъ лицамъ „увѣщевать раскольниковъ мѣрами кроткими, а не принужденіемъ". Сборъ денегъ съ раскольниковъ „за расколъ", какъ видно, и въ тѣ времена игралъ немаловажную роль въ житейской практикѣ; очень часто встрѣчаются предписанія духовнымъ лицамъ „не касаться до сбора за расколъ денегъ". Раскольниковъ пытались преслѣдовать даже за предѣлами Россіи: такъ, русскій резидентъ при дворѣ герцогини курляндской, Анны Ивановны, доносилъ, что у нея нѣтъ власти къ тому, чтобъ выселять въ Россію проживающихъ въ Курляндіи раскольниковъ, и имъ тамъ „пристанища не давать", и что по этому предмету должно сноситься съ курляндскимъ правленіемъ, въ которое „ея высочество мѣшаться не изволитъ". Встрѣчаемся и съ проявленіемъ заботливости объ охраненіи православія; въ только что упомянутомъ документѣ говорится также объ огражденіи проживающихъ въ Курляндіи православныхъ отъ притѣсненія уніатовъ и лютеранъ. То же встрѣчаемъ относительно притѣсненія православныхъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Воспрещалось православнымъ родителямъ отсылать своихъ дѣтей въ польскія латинскія школы — „для того, чтобъ они не были-бъ совращаемы за-границею въ католичество".

По отношенію къ внутреннимъ, церковно-мірскимъ дѣламъ, небезъинтересно то, что, напримѣръ, въ одномъ дѣлѣ о расторженіи брака, по неспособности мужа къ брачному сожитію, въ чемъ сознался самъ мужъ, дѣлается ссылка, на ряду съ прочими основаніями, на тогдашній воинскій уставъ. Для характеристики того подчиненнаго положенія, какое тогда занимала церковь, могутъ служить также строгія постановленія, встрѣчаемыя въ сборникѣ, противъ тѣхъ брачущихся, которые заключили брачный союзъ, несмотря на то, что у мужа оставалась еще въ живыхъ первая жена, насильно постриженная въ монашество. Второй бракъ расторгается и не признается законнымъ, а вторая жена „никогда не была и быть не можетъ" женою своего мужа... Между тѣмъ, всѣ эти строгости предпринимались при Екатеринѣ I, которая сама была именно въ подобномъ положеніи при жизни Евдокіи Лопухиной, первой супруги Петра.

Вообще, разсматриваемый томъ представляетъ цѣнное пріобрѣтеніе для всѣхъ не только занимающихся исторіею раскола и интересующихся внѣшнею стороною жизни русскаго духовенства, но также и вообще русскою исторіею.

Н. С. К.

Мои семидесятилѣтнія воспоминанія. Н. Макарова. Три части. Спб. 1882.

Правдивая исповѣдь во многомъ, что пришлось видѣть г. Макарову въ періодъ 70-лѣтней жизни и во всемъ, что имъ перечувствовано лично за это время, составляетъ предметъ его „Воспоминаній“. Послѣднія, правда, написаны имъ съ цѣлью доказать несправедливость насмѣшекъ критики 60-хъ годовъ по поводу тогдашнихъ его литературныхъ дебютовъ, но это нисколько не мѣшаетъ ему быть искреннимъ въ своихъ признаніяхъ. Г. Макаровъ къ тому же самъ причисляетъ себя къ категоріи вполнѣ разочарованныхъ людей. „Прошедшее“—говоритъ онъ—„неутѣшительно, настоящее — еще менѣе; надежда на лучшее пока въ могилѣ, въ забвеніи....“ Автору, значитъ, нѣтъ основанія щадить себя передъ людскимъ судомъ, — предположеніе, долженствовавшее вызывать его на правдивое повѣствованіе. Г. Макаровъ, дѣйствительно, не пропускаетъ малѣйшихъ подробностей ни въ чертахъ характера, ни въ обстановкѣ своей обыденной жизни, ни въ привычкахъ своихъ, какъ бы опасаясь, что иначе читатель не составитъ себѣ полнаго понятія объ его личности. Конечно, для психолога подобныя исповѣди—чистый кладъ; пренебрегая скукою подбирать эти подробности по всей книгѣ, онъ съумѣетъ въ нихъ разобраться и, пожалуй, сдѣлать какое нибудь поучительное обобщеніе. Но для обыкновеннаго смертнаго такая работа затруднительна и едва ли можетъ показаться заманчивой при той манерѣ изложенія, какую мы видимъ въ „Воспоминаніяхъ“, гдѣ кстати и некстати авторъ возвращается къ помянутымъ насмѣшкамъ противъ него критики. Это отнимаетъ охоту внимательно слѣдить за „исповѣдью“. Понятно, что въ ней значительно преобладаютъ субъективныя воспоминанія надъ объективными, и въ сущности г. Макаровъ не столько разсказываетъ о своихъ поступкахъ, сколько—позволительно ли выразиться—копается въ душѣ своей, точно любуясь своими порывами и неособенно смущаясь недостатками. И судя по всему, что мы находимъ въ „исповѣди“, личность автора принадлежитъ къ категоріи такихъ натуръ, которыя никакъ не умѣютъ примириться съ обрѣтеннымъ назначеніемъ въ жизни и, не довольствуясь скромнымъ трудомъ, зачисляютъ себя въ разрядъ неоцѣненныхъ и несправедливо гонимыхъ. Такой герой—самъ себѣ кумиръ, онъ предъ собой преклоняется и, если ищетъ помѣриться съ кѣмъ нибудь ростомъ, то непремѣнно съ великимъ человѣкомъ. Г. Макаровъ нашелъ себѣ по мѣркѣ одного только Руссо. Вотъ любопытныя страницы этой исповѣди неудовлетвореннаго самолюбія:

„Бездну чего-то роднаго, своего, находилъ я въ признаніяхъ женевскаго философа. Росъ онъ безъ родительскаго надзора, я—тоже. Онъ укралъ потомъ какую-то ленточку, я—воровалъ сахаръ у бабушки. Его смолоду считали недалекимъ, ни къ чему неспособнымъ, меня—тоже. Послѣдующія событія моей жизни представляютъ еще болѣе сходства моей судьбы съ судьбою Руссо. Имя его стало извѣстно только тогда, когда было ему уже подъ сорокъ лѣтъ... Мое имя стало извѣстно черезъ „Задушевную Исповѣдь“, когда мнѣ было подъ пятьдесятъ лѣтъ, а потомъ черезъ мой первый словарь, когда мнѣ было уже далеко за пятьдесятъ. Руссо написалъ „Исповѣдь“ гораздо ранѣе „Эмиля“, за котораго вытерпѣлъ жестокое гоненіе, я тоже — за мою „Задушевную Исповѣдь“.

Но и на этомъ не кончается еще сходство между г. Макаровымъ и Руссо. Самъ, повидимому, не замѣчая, до какихъ натяжекъ доводитъ его это искусственное сопоставленіе, авторъ добавляетъ: „Какъ и Руссо, переписывавшій ноты ради куска хлѣба, лишь бы никому не одолжаться, такъ и я готовъ былъ сидѣть на пищѣ св. Антонія, лишь бы не просить ни у кого денегъ взаймы". Въ поясненіе такого „родства душъ" у г. Макарова и Руссо замѣтимъ только, что первый вовсе не нуждался въ „кускѣ хлѣба", и потому ему легко было, конечно, добровольно подражать женевскому философу, которому невольно приходилось попадать на пищу св. Антонія. Эта выдержка изъ „Воспоминаній" достаточно иллюстрируетъ характеръ всей субъективной исповѣди г. Макарова. Что касается объективныхъ воспоминаній, ихъ сравнительно немного во всѣхъ трехъ частяхъ книги и объ этомъ нельзя не пожалѣть, ибо г. Макаровъ былъ дѣятелемъ на разнородныхъ поприщахъ: военномъ, откупномъ, музыкально-артистическомъ, заводскомъ, коммерческомъ (былъ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ самъ купцомъ), беллетристическомъ, журнально-корреспондентномъ и, наконецъ, учебно-литературномъ. И все, что сообщается имъ въ этой части „Воспоминаній", представляетъ большой интересъ въ бытовомъ и историческомъ отношеніяхъ. Здѣсь знакомитъ онъ насъ съ нравами русскихъ дворянъ первой четверти нынѣшняго столѣтія, представляетъ цѣлую „галлерею губернаторскихъ портретовъ" и приводитъ весьма любопытныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ извѣстныхъ въ литературѣ именахъ. Не безъ интереса прочтется, конечно, и „Исторія изданія моихъ словарей", словарей, составившихъ извѣстность г. Макарову. Въ этой же „Исторіи" рельефно выступаетъ душевное настроеніе его, подъ гнетомъ котораго писалась вся его книга.

Ѳ. В.

Очеркъ исторіи С.-Петербургскаго гренадерскаго короля Фридриха-Вильгельма III полка, 1726—1880 г. Сост. Ф. Орловъ. Спб. 1881 г.

С.-Петербургскому гренадерскому полку приходилось участвовать чуть-ли не во всѣхъ главныхъ военныхъ дѣлахъ и кампаніяхъ русской арміи. Участвуя, подъ названіемъ полка фонъ-Лукьева, а затѣмъ „аджерацкаго", въ походѣ 1726 года въ Персію, въ голландской экспедиціи 1799 года и въ высадкѣ на острова Джернсей и Гернсей, также играя видную роль на гродненскомъ сеймѣ 1793 года и при усмиреніи польскихъ „посполитыхъ рушеній" 1794, 1831 и 1863 годовъ, полкъ этотъ могъ бы имѣть весьма интересную исторію, еслибы архивы его были или, скажемъ правильнѣе, могли быть въ какомъ нибудь порядкѣ. Но именно вслѣдствіе частыхъ перемѣнъ въ его полковомъ составѣ, вслѣдствіе нѣсколькихъ переименованій, вслѣдствіе постоянныхъ походовъ во всѣ концы Европы и въ Малую Азію, и еще не всегда въ полномъ составѣ полка, письменные документы его, естественно, не могли сохраниться въ какомъ бы то ни было порядкѣ. Вотъ причина, почему трудъ г. Ф. Орлова самъ по себѣ весьма добросовѣстный и по изложенію и формѣ талантливый, мало цѣненъ съ общей исторической точки зрѣнія. Въ этой исторіи полка, затрогивавшей многія жгучія и интересныя страницы нашей общей исторіи, нетолько не встрѣчаются новые документы или новыя разъясненія интересныхъ фактовъ по частнымъ бумагамъ полка, но напротивъ, многія боевыя

дѣла самаго полка объяснены и освѣщены старыми, давно извѣстными документами всеобщей военной или политической исторіи.

За всѣмъ тѣмъ, въ числѣ работъ подобнаго же рода, книга г. Орлова безспорно должна занимать видное мѣсто по широкой разработкѣ приданной имъ своей темѣ, по массѣ источниковъ, которыми онъ пользовался и по общему литературному изложенію, которое дѣлаетъ чтеніе исторіи С.-Петербургскаго гренадерскаго полка — дѣломъ пріятнымъ. Тутъ радомъ съ описаніемъ большихъ и малыхъ сраженій, въ которыхъ полку приходилось участвовать, авторъ старался какъ можно болѣе освѣтить и внутреннюю жизнь полка въ разные моменты его существованія; почему кромѣ лицъ исторически извѣстныхъ, въ родѣ Барклая де-Толли, Циціанова и т. п., передъ нами проходятъ типическія фигуры и другихъ въ родѣ, напримѣръ, француза Эльмпта, пострадавшаго „за злоязычіе", несмотря на свои большіе военные таланты и военныя заслуги. Вотъ одинъ изъ анекдотовъ, разсказанныхъ объ этомъ оригинальномъ шефѣ полка—его историкомъ.

„Однажды прислали въ полкъ изъ Петербурга штабъ-офицера изъ нѣмцевъ для обученія нижнихъ чиновъ по новому уставу. Этотъ штабъ-офицеръ слылъ за тактика и ученаго большой руки. Въ присутствіи Эльмпта и всѣхъ офицеровъ, онъ производилъ ученья, и всякій разъ, повѣряя шагъ и равненіе, во весь голосъ повторялъ: „разъ, два", не переставая по долгу выкрикивать и при этомъ размахивать палкой. Эльмптъ съ улыбкой смотрѣлъ на инспектора, краснаго какъ ракъ отъ увлеченія и натуги, и, обращаясь къ окружающимъ офицерамъ, ядовито замѣтилъ: „какой, однако, онъ великій тактикъ!" Вдругъ Эльмптъ сверкнулъ взглядомъ, какъ бы что-то сообразивъ, подозвалъ затѣмъ обучающаго штабъ-офицера и велѣлъ выйти ему изъ рядовъ. Поблагодаривъ его, фельдмаршалъ становится на его мѣсто, беретъ самъ въ руку палку, начинаетъ передъ фронтомъ маршировать, подымая какъ можно выше ногу, и вмѣсто команды „разъ, два", въ тактъ начинаетъ кричать: „тикъ-такъ", „такъ-тикъ, такъ-тикъ"... Тактикъ не выдержалъ оскорбленія, донесъ императору, и императоръ Павелъ, „за старостью" Эльмпта, ограничился только удаленіемъ его въ отставку".

Другой анекдотъ также о другомъ шефѣ полка князѣ Голицынѣ, нѣсколько иного характера:

„Съ княземъ Голицынымъ, въ декабрѣ 1794 года, произошелъ непріятный случай, вслѣдствіе котораго онъ принужденъ былъ выйти въ отставку. Стоя въ Ригѣ съ полкомъ, онъ однажды шелъ на разводъ и проходилъ съ музыкой мимо дома консула Трамповскаго, жена котораго въ то время лежала больною послѣ родовъ. Трамповскій кричалъ, чтобы музыка не играла, а Голицынъ, несмотря на то, „изволилъ къ оному консулу привести барабанщиковъ на квартиру и бить въ барабаны до тѣхъ поръ, что младенецъ отъ испугу умеръ, за каковую шалость — говоритъ приказъ о Голицынѣ — онъ былъ уволенъ въ отставку". Это обстоятельство, впрочемъ, не помѣшало князю Голицыну вступить въ слѣдующемъ году на службу" [1]).

Въ числѣ другихъ, рельефно и живо обрисована также фигура Фабіана Вильгельмовича Остенъ-Сакена, какъ во время плѣна у французовъ послѣ сраженія подъ Цюрихомъ, такъ особенно въ его столкновеніяхъ въ 1806 году, въ

---

[1]) Формулярные списки офицеровъ полка. Вороновъ. Исторія л.-гв. Павловскаго полка.

бѣдственную для насъ годину Прейсишъ-Эйлау и Фридланда, съ главнокомандующемъ Бенигсеномъ—столкновенія, заставившія императора Александра I два раза отдавать Сакена подъ военный судъ, за медленность передвиженій ввѣренныхъ ему войскъ въ дѣлѣ при Гутштадтѣ. Въ письмѣ Остенъ-Сакена къ кн. Ливену, мы находимъ также слѣдующія характерныя строки:

„Едва принимаетъ Бенингсенъ командованіе надъ арміею, какъ набираетъ шайку жидовъ, уничтожаетъ спасительную конвенцію, заключенную въ Петербургѣ, относительно продовольствія войска, прогоняетъ прусскихъ комиссаровъ; армія терпитъ голодъ, понуждена къ грабежу; а казну государственную отдаетъ на расхищеніе самыхъ адскихъ мошенниковъ когда-либо существовавшихъ. Я сему противлюсь. И вотъ какъ онъ думаетъ быть въ полномъ правѣ поступать со мною такъ, какъ потребуютъ того его ненависть и месть ко мнѣ и корыстолюбіе!“

Съ воспоминаніемъ о фридландскомъ боѣ связано также воспоминаніе о славной смерти генерала Мазовскаго, дважды раненаго и, наконецъ, замученнаго французами по оставленіи этого мѣстечка нашими войсками. Смерть этого генерала, командовавшаго Павловскимъ гренадерскимъ полкомъ, но павшаго во главѣ С.-Петербургскаго гренадерскаго полка и гренадерами же вынесеннаго изъ боя, подало поводъ къ большимъ недоразумѣніямъ, только разъясненнымъ къ 1868 году, когда иждивеніемъ императора Александра II и короля Вильгельма I памятникъ Мазовскому былъ возобновленъ на Фридландскомъ кладбищѣ. До тѣхъ же поръ надъ его могилой возвышался памятникъ никогда несуществовавшему командиру С.-Петербургскаго гренадерскаго полка генералу Маковскому. Эпизодъ, какъ видите, маленькій, но характерный для обрисовки нашего хладнокровнаго отношенія къ памяти народныхъ героевъ. Надо было всю энергію нѣмецкаго школьнаго учителя г. Рейтера, чтобы побудить насъ вспомнить о геройской кончинѣ генерала Мазовскаго и востановить его историческую память, въ подобающихъ ему блескѣ и чистотѣ.

Оканчивая этимъ рецензію книги г. Орлова, мы обращаемъ на нее вниманіе всѣхъ интересующихся частною исторіею полковъ нашей сравнительно молодой, но богатой воспоминаніями о славной боевой дѣятельности — арміи. Исторія с.-петербургскихъ гренадеръ, какъ мы сказали, особенно интересна, такъ какъ полкъ этотъ, кромѣ перечисленнаго выше, дважды занималъ караулы въ Берлинѣ, дважды входилъ въ Парижъ, и участвовалъ во всѣхъ большихъ дѣлахъ войнъ 1805 — 1815 года. Въ Польскую кампанію 1831 года ему выпала видная роль въ общей дѣятельности русскихъ войскъ при штурмѣ Воли, а въ это же время поселенные батальоны полка волновались въ бунтѣ новгородскихъ поселеній. Въ послѣднюю компанію полкъ участвовалъ во многихъ большихъ дѣлахъ, какъ то: въ боѣ при Ташкисенѣ и Мечкѣ, въ обложеніи Плевны, и въ переходѣ черезъ Балканы, за что и получилъ георгіевскія знамена для всѣхъ своихъ четырехъ батальоновъ.

Къ книгѣ г. Орлова сдѣлано много приложеній, которыя очень цѣнны для всякаго рода справокъ: о мѣстѣ расположенія, обмундированіи, наградахъ и личномъ составѣ полка за время отъ 1756 до 1880 года.

В. П.

Старообрядческій синодикъ. А. Н. Пыпина. С.П.Б. 1881.

Это—отдѣльный оттискъ изъ записокъ академіи наукъ, заключающій въ себѣ описаніе одного изъ памятниковъ литературы старообрядчества, очень любопытнаго относительно церковности и историческихъ преданій раскола. Г. Пыпинъ, которому академія обязана сообщеніемъ такого памятника, полагаетъ, что синодикъ или „поминаніе", какъ онъ называется въ самой рукописи, былъ въ значительномъ, быть-можетъ, обычномъ употребленіи въ расколѣ, причемъ онъ могъ, конечно, подвергаться передѣлкамъ. Любопытная своеобразность этого синодика заключается именно въ томъ, что онъ примѣнимъ спеціально къ кругу лицъ, памятныхъ для раскола и имъ поминаемыхъ. Кромѣ лицъ священной и церковной исторіи, это—или историческія лица тѣхъ временъ, когда въ русской жизни, по мнѣнію раскола, еще не было нарушено „древнее благочестіе", или прямо дѣятели и подвижники самого раскола, память о которыхъ онъ желалъ сохранить и почтить. Русская исторія, признаваемая расколомъ, по „синодику" оканчивается половиной XVII-го вѣка; послѣдній патріархъ, упоминаемый здѣсь, есть Іосифъ; послѣдній царь московскій — Михаилъ Ѳедоровичъ. Подвижники раскола составили цѣлый мортирологъ, съ обозначеніемъ лицъ поименно, или въ общихъ числахъ и съ указаніемъ мѣстъ, гдѣ подвижники пострадали. Названныя здѣсь мѣста простираются отъ Пустозерска и Холмогоръ до Дона и отъ „Питера" до Сибири. Самое раннее хронологическое показаніе—1676 г., самое позднее — 1738. Г. Пыпинъ обращаетъ вниманіе еще на одну подробность стиля въ синодикѣ: въ одномъ мѣстѣ оригинально слышится народно-поэтическій складъ.

Ѳ. В.

Die Leiden des Pastors Seider, von ihm selbst geschrieben. Nebst andern Seider betreffenden Mittheilungen. Herausgegeben von A. W. Fechner. Leipzig. 1881.

Между различными эпизодами царствованія императора Павла, русскимъ читателямъ отчасти извѣстна печальная судьба, постигшая лифляндскаго пастора Зейдера. Въ „Русской Старинѣ" за 1878 годъ былъ помѣщенъ переводъ, пролежавшей много лѣтъ подъ спудомъ у дочери пастора Зейдера, рукописи его, озаглавленной—„Страданія пастора Зейдера", и въ томъ же журналѣ напечатанъ былъ переводъ нѣмецкой брошюры 1813 года „Der Todeskampf am Hochgericht oder Geschichte des unglücklichen Dulders F. Seider". Этотъ біографическій матеріалъ, достаточно подробно описывающій судьбу человѣка, невинно схваченнаго, опозореннаго и сосланнаго въ Сибирь, не касается того, насколько несправедливость, жертвою которой сдѣлался пасторъ Зейдеръ, была возмѣщена, по возвращеніи его изъ Сибири, и нашимъ правительствомъ, и обществомъ. Вышедшая недавно въ Лейпцигѣ книжка г. Фехнера (изъ Москвы), заглавіе которой выписано выше, восполняетъ этотъ пробѣлъ, добросовѣстно и обстоятельно разсказывая біографію Зейдера во всемъ ея цѣломъ и подтверждая каждый фактъ ссылкой на оффиціальные документы [1]). Въ такомъ

---

[1]) Большую часть этихъ документовъ г. Фехнеръ помѣстилъ въ 1-й кн. „Русской Старины" за настоящій годъ.

видѣ эта біографія производитъ удручающее впечатлѣніе въ первой своей половинѣ, но облегчаетъ его во второй, а потому мы и познакомимъ читателя съ содержаніемъ книги Фехнера.

На рубежѣ настоящаго столѣтія, въ Ранденѣ, близъ Риги, мирно проживалъ пасторъ Зейдеръ. Онъ пользовался среди мѣстнаго населенія справедливой репутаціей человѣка честнаго и замѣчательно образованнаго. Окрестные помѣщики отдавали къ нему учиться своихъ дѣтей; кромѣ того, они пользовались книгами изъ библіотеки пастора; дѣло это мало-по-малу развивалось и, наконецъ, выработалась библіотека для чтенія съ извѣстной платой за пользованіе книгами.

Между тѣмъ, съ воцареніемъ императора Павла, начала свирѣпствовать цензура. Иностранныя книги, прежде безпрепятственно пропускаемыя черезъ нашу границу, теперь стали подвергаться конфискаціи. Такіе порядки были особенно тяжелы для Остзейскаго края; тяжелъ былъ и рижскій цензоръ, статскій совѣтникъ Ѳ. П. Туманскій, рвенію и усердію котораго пасторъ Зейдеръ обязанъ былъ всѣми своими несчастіями. Для характеристики цензорской дѣятельности Туманскаго достаточно сказать, что онъ не хотѣлъ пропустить въ Россію нѣмецкій переводъ „Писемъ русскаго путешественника“ Карамзина.

Походъ противъ пастора Зейдера Туманскій началъ, воспользовавшись слѣдующимъ пустымъ случаемъ. Зейдеръ помѣстилъ въ Дерптскихъ вѣдомостяхъ объявленіе, которымъ извѣщалъ, что при пересылкѣ ему книгъ отъ одного помѣщика утеряна первая часть сочиненія Лафонтена—„Сила любви“, и потому онъ проситъ эту книгу доставить ему, Зейдеру. Книга, дѣйствительно, была доставлена, но самое объявленіе попалось въ руки Туманскому, который немедленно сообщилъ о немъ рижскому генералъ-губернатору и въ Петербургъ — генералъ-прокурору Обольянинову. Спустя мѣсяцъ, Зейдеръ былъ арестованъ, библіотека его опечатана, и хотя въ ней не оказалось недозволенныхъ книгъ, но найденъ былъ каталогъ дерптской библіотеки, въ которомъ были указаны нѣкоторыя запрещенныя въ Россіи сочиненія. Въ Петербургѣ, втеченіе пяти дней суда и слѣдствія надъ пасторомъ Зейдеромъ, его ни разу не допрашивали, а только потребовали отъ него письменное объясненіе, которое сводилось у Зейдера къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) въ Лифляндіи никогда не публиковался списокъ запрещенныхъ книгъ; 2) покупалъ Зейдеръ всѣ книги въ книжныхъ магазинахъ, и 3) въ Лифляндіи никогда не воспрещалось имѣть частныя библіотеки.

Передъ юстицъ-коллегіей Зейдеръ предсталъ только за тѣмъ, чтобы выслушать жестокій приговоръ—съ лишеніемъ священническаго сана. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Раздѣтый пасторъ былъ привязанъ къ позорному столбу, но только присужденные ему 20 ударовъ кнута, въ силу чьего-то распоряженія, приходились по столбу, а не по тѣлу его. За этимъ послѣдовала нервная горячка, продолжавшаяся одиннадцать дней. Съ постели поднялъ Зейдера какой-то исполнительный офицеръ, обманувшій его извѣстіемъ о помилованіи. Но Зейдеръ всталъ только за тѣмъ, чтобы сѣсть въ кибитку и отправиться въ Нерчинскъ. Въ первыхъ числахъ мая 1801 года, когда пасторъ былъ въ Иркутскѣ, подъ гостепріимнымъ кровомъ тамошняго пастора, онъ получилъ радостное извѣстіе о своемъ помилованіи на ряду съ другими жертвами тайной экспедиціи: 12-го марта 1801 года скончался императоръ Павелъ, а 15-го марта изданъ былъ милующій манифестъ Александра I. Въ сентябрѣ того же года, Зейдеръ былъ уже въ Москвѣ, гдѣ тогда находился государь.

Высочайшимъ приказомъ онъ повелѣлъ торжественно возвратить Зейдеру его пасторскій санъ, вознаградить всѣ его убытки и выдать ему единовременно тысячу рублей. Въ январѣ 1802 года, въ Петербургѣ, въ церкви св. Анны, происходило торжественное возвращеніе Зейдеру сана. Богослуженіе совершалъ и говорилъ проповѣдь тотъ самый пасторъ Рейнботъ, который годъ тому назадъ лишилъ Зейдера знаковъ священства; при этомъ торжественномъ актѣ присутствовали и члены юстицъ-коллегіи, секретарь которой предъ началомъ церемоніи прочелъ высочайшій указъ о возвращеніи Зейдеру его правъ. При громадномъ стеченіи русскихъ и нѣмцевъ, свѣтскихъ и духовныхъ, Зейдеръ былъ возстановленъ въ санѣ священника.

Между тѣмъ, Августъ Коцебу еще въ 1801 году напечаталъ свою книгу— „Замѣчательный годъ моей жизни", въ которой, между прочимъ, разсказалъ и печальную судьбу, постигшую Зейдера. Этотъ послѣдній нашелъ въ повѣствованіи Коцебу о себѣ многое невѣрнымъ, о чемъ и заявилъ въ гамбургской газетѣ „Unpartheisischen Correspondenten", обѣщая при этомъ разсказать со временемъ свою біографію. Но въ печати появилась только небольшая брошюра—„Der Todeskampf am Hochgericht oder Geschichte des unglücklichen Dulders F. Seider. Leipzig. 1803". Брошюра эта представляетъ собою письмо Зейдера изъ Сибири въ Казань и была издана въ опроверженіе сообщеній Коцебу въ его „Замѣчательномъ годѣ". Въ 1805 году, появилась въ Лейпцигѣ новая книжка: „Leben und Leiden des Pastors Seiders", противъ которой Зейдеръ горячо возсталъ, напечатавъ статью въ томъ же „Гамбургскомъ корреспондентѣ" и заявивъ, что, кромѣ него самого, никто не можетъ и не имѣетъ права разсказывать подробно его жизнь, самъ же онъ находитъ это пока несвоевременнымъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого заявленія Зейдера, онъ получилъ анонимное письмо такого содержанія: „Друзья благомыслящихъ людей съ удовольствіемъ замѣтили ту деликатность, съ какою пасторъ Зейдеръ высказался въ „Гамбургскомъ корреспондентѣ" относительно изданія исторіи его страданій. Тѣ же друзья замѣтили, что, поступая такимъ образомъ, пасторъ Зейдеръ жертвовалъ своими личными выгодами и рѣшили вознаградить эту жертву пастора Зейдера, которая свидѣтельствуетъ о его благородствѣ. Вышеупомянутые друзья утверждаютъ за нимъ ежегодную пенсію въ пятьсотъ рублей и при семъ препровождаютъ слѣдуемое за первый годъ". По соображеніямъ Фехнера, подъ этими друзьями можно разумѣть только императрицу Марію Ѳедоровну и ея царственнаго сына. Такъ какъ прежнее мѣсто Зейдера въ Ранденѣ было уже занято, то, въ ожиданіи вакансіи, онъ занимался въ Петербургѣ частными уроками, которыхъ имѣлъ довольно много и притомъ въ лучшихъ домахъ столицы.

Въ 1811 году, Зейдеръ, благодаря высокому покровительству императрицы Маріи Ѳедоровны и протекціи министра духовныхъ дѣлъ, князя А. Н. Голицына, получилъ мѣсто пастора въ Гатчинѣ и Павловскѣ, въ каковой должности и прожилъ до самой смерти своей въ 1834 году.

Е. Г.

Письма Лафатера къ государынѣ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ. С.П.Б. 1881.

Марія Θеодоровна, будучи еще великой княгиней, во время заграничнаго путешествія своего познакомилась въ 1782 г. съ Лафатеромъ, извѣстнымъ мистикомъ и піетистомъ. Впослѣдствіи Лафатеръ сталъ усерднымъ корреспондентомъ императрицы и, между прочимъ, въ 1798 г. прислалъ ей, въ формѣ писемъ, трактатъ о загробной жизни. Эти-то письма въ переводѣ на русскій языкъ и составляютъ содержаніе вышеприведенной брошюры. Рѣчь въ нихъ ведется о состояніи души послѣ смерти, о мірѣ невидимомъ, о связи блаженныхъ душъ съ оставшимися на землѣ друзьями, словомъ, о видѣніяхъ горнихъ,—предметы, о которыхъ намъ, живущимъ въ мірѣ низменной дѣйствительности, не подобаетъ разсуждать. По существу, слѣдовательно, сами по себѣ, въ отдѣльности взятыя, письма эти не могутъ имѣть для насъ никакого интереса; все ихъ значеніе въ томъ, что писаны они къ русской императрицѣ, по ея просьбѣ. Такъ какъ Марія Θеодоровна не переставала поддерживать переписки съ Лафатеромъ, а, напротивъ, давала ему разныя порученія за-границей, то и можно не безъ основанія утверждать, что и самой императрицѣ былъ доступенъ мистическій піетизмъ. Если бы такое предположеніе подтвердилось и другими, болѣе вѣскими данными, мы бы имѣли передъ собою выясненнымъ любопытный историческій фактъ непосредственнаго воздѣйствія материнскаго вліянія въ мистическомъ направленіи императора Александра I, направленіи, начало котораго приписывается до сихъ поръ чисто случайнымъ и постороннимъ обстоятельствамъ. А въ такомъ вопросѣ помянутымъ письмамъ Лафатера нельзя не придавать значенія.

Θ. В.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Оригинальная резолюція покойнаго государственнаго контролера В. А. Татаринова. (Изъ воспоминаній бывшаго чиновника контроля).

ОГДА В. А. Татариновъ, назначенный на постъ государственнаго контролера, приступилъ къ пересозданію на новыхъ началахъ ввѣреннаго ему вѣдомства, то онъ искалъ къ себѣ въ сотрудники лицъ изъ разныхъ учрежденій, которыя своими выдающимися способностями могли бы удовлетворять его цѣлямъ. Такъ изъ числа чиновниковъ святѣйшаго синода, по рекомендаціи тогдашняго его оберъ-прокурора, былъ опредѣленъ въ государственный контроль одинъ молодой человѣкъ, выдвинувшійся впослѣдствіи впередъ замѣчательнымъ образомъ. Бывшій синодальный чиновникъ отличался, однако, неспособностью писать дѣловыя бумаги, особенно, когда вмѣшательство государственнаго контроля въ составленіе смѣтъ разныхъ вѣдомствъ и въ ревизію ихъ исполненія, требовало соображеній, умѣнья оберегать интересы государственнаго хозяйства, выискивать начеты и т. п., но зато бывшій чиновникъ синода отличался замѣчательнымъ умѣньемъ редактировать бумаги, написанныя другими. Составленныя имъ самимъ бумаги очень часто возвращались В. А. Татариновымъ для передѣлки и для исправленій. Однажды В. А. Татариновъ, вѣроятно, выйдя изъ терпѣнія, написалъ на бумагѣ, составленной синодальнымъ чиновникомъ и ему возвращенной для передѣлки, слѣдующую резолюцію: „Вѣдь бумаги писать—не акаѳисты читать“.

Сообщено **П. С. Усовымъ**.

Анекдотъ объ Аракчеевѣ.

Я зналъ нѣсколько аракчеевскихъ служакъ. Разсказовъ объ немъ было много. Вотъ одинъ, кажется, нигдѣ не напечатанный.

Когда Аракчеевъ лишился своего всемогущества и жилъ безвыѣздно въ Грузинѣ, къ нему уже не являлись на поклонъ. Зато, если кто являлся, Аракчеевъ былъ очень радъ.

Однажды молодому артиллерійскому офицеру путь лежалъ чрезъ Грузино. Паромъ подали не скоро. Молодой человѣкъ, уже не боясь прежде грознаго Аракчеева, горячился смѣло и обругалъ распоряжавшагося перевозомъ. Но, узнавъ, что это управитель Аракчеева, Шишкинъ, рѣшилъ, что на случай жалобы послѣдняго слѣдуетъ явиться къ Аракчееву съ почтеніемъ. Графъ обрадовался артиллеристу. Артиллерія была его конекъ.

Аракчеевъ обнялъ и поцѣловалъ молодаго гостя. На бѣду, въ это же время является Шишкинъ и докладываетъ, что „этотъ офицеръ обругалъ его".

— Ты ругалъ его? спросилъ Аракчеевъ офицера.

— Ругалъ, ваше сіятельство, былъ отвѣтъ.

— Читалъ ты евангеліе?

— Читалъ, ваше сіятельство.

— Читалъ ты, что другъ Христовъ Лазарь умеръ?

— Читалъ, ваше сіятельство.

— А читалъ ты, что Лазарь послѣ смерти воскресъ?

— Никакъ нѣтъ, не читалъ, что онъ воскресъ. Я остановился на томъ, что онъ умеръ.

Такой отвѣтъ огорошилъ Аракчеева. Онъ могъ только выговорить:

— Пошелъ вонъ.

Офицеръ, разумѣется, поспѣшилъ уѣхать изъ Грузина.

Сообщено **И. П. Тарнавой.**

Инструкція жандармскому полковнику Бибикову.

„Стремясь въ точности выполнить высочайше возложенную на меня обязанность и тѣмъ самымъ споспѣшествовать благотворительной цѣли государя императора и отеческому его желанію утвердить благосостояніе и спокойствіе во всѣхъ въ Россіи сословіяхъ, видѣть ихъ охранительными законами, и возстановить во всѣхъ мѣстахъ и властяхъ совершенное правосудіе, — я поставляю вамъ въ непремѣнную обязанность, не щадя трудовъ и заботливости, свойственныхъ вѣрноподданному, наблюдать по должности вашей слѣдующее:

„1) Обратить особенное вниманіе на могущіе произойти, безъ изъятія, во всѣхъ частяхъ управленія и во всѣхъ мѣстахъ, злоупотребленія и законопротивные поступки.

„2) Наблюдать, чтобы спокойствіе и право гражданъ не могли быть нарушены чьею либо властію, или преобладаніемъ сильныхъ лицъ, или пагубнымъ направленіемъ людей злоумышленныхъ.

„3) Прежде нежели приступить къ обнаруженію встрѣтившихся безпорядковъ, вы можете лично сноситься и даже предварять начальниковъ и членовъ тѣхъ властей или судей, или тѣхъ лицъ, между коими замѣчены вами

будутъ незаконные поступки, и тогда уже доносить мнѣ, когда ваше домогательство будетъ тщетно; ибо цѣль вашей должности должна быть предупрежденіе и отстраненіе всякаго зла, напримѣръ: дойдутъ до васъ свѣдѣнія о худой нравственности и другихъ поступкахъ молодыхъ людей—предварить о томъ родителей или тѣхъ, отъ коихъ участь ихъ зависитъ, или добрыми вашими внушеніями старайтесь поселить въ заблудшихъ стремленіе къ добру и ввесть ихъ на путь истинный, прежде нежели обнаружатся гласно ихъ худые поступки предъ правительствомъ.

„4) Свойственныя вамъ благородныя чувства и правила несомнѣнно должны вамъ пріобрѣсть уваженіе во всѣхъ сословіяхъ, и тогда званіе ваше, подкрѣпленное общимъ довѣріемъ, достигнетъ своей цѣли и принесетъ очевидную пользу государству. Въ васъ всякій увидитъ чиновника, который чрезъ мое посредство можетъ довести гласъ страждущаго человѣчества до престола царскаго, и беззащитнаго и безгласнаго гражданина немедленно поставить подъ высочайшую защиту государя императора. Сколько дѣлъ беззаконныхъ и безконечныхъ тяжбъ посредствомъ вашимъ прекратиться могутъ; сколько злоумышленныхъ людей, жаждущихъ воспользоваться собственностію ближняго, устрашатся производить въ дѣйствіе пагубныя свои намѣренія, когда они будутъ удостовѣрены, что невиннымъ жертвамъ ихъ алчности проложенъ прямой и кратчайшій путь къ правительству.

„На таковомъ основаніи въ скоромъ времени пріобрѣтете вы себѣ многочисленныхъ сотрудниковъ и помощниковъ, ибо всякій гражданинъ, любящій свое отечество, любящій правду и желающій зрѣть повсюду царствующую тишину и спокойствіе, потщится на каждомъ шагу васъ охранять и вамъ содѣйствовать полезными своими совѣтами, и тѣмъ быть сотрудникомъ въ благихъ намѣреніяхъ своего государя.

„5) Вы, безъ сомнѣнія, даже по собственному влеченію сердца вашего, стараться будете узнавать, гдѣ есть должностные люди, совершенно бѣдные или сирые, служащіе безкорыстно, вѣрою и правдою, не могущіе сами снискать пропитаніе однимъ жалованьемъ, о таковыхъ имѣете доставить ко мнѣ подробныя свѣдѣнія для оказанія имъ возможнаго пособія и тѣмъ самымъ выполнить священную на сей предметъ волю его императорскаго величества.

„Отыскивать и отличать скромно-вѣрнослужащихъ.

„Вамъ теперь открыто ясно, какую общежительную пользу принесетъ точное и безкорыстное выполненіе вашихъ обязанностей, и вмѣстѣ съ тѣмъ легко можете представить, какой вредъ и какое зло произвести могутъ противные сей благотворительной цѣли дѣйствія; то, конечно, нѣтъ мѣры наказанія, коему подвергнется чиновникъ, который—чего Боже сохрани и чего даже помышлять не смѣю—употребитъ во зло свое званіе, ибо тѣмъ самымъ совершенно разрушите предметъ сего отеческаго учрежденія.

„Впрочемъ, нѣтъ возможности наименовать здѣсь случаи и предметы, на кои вы должны обратить свое вниманіе, ни предначертать вамъ правилъ, какими вы должны руководствоваться; но я полагаюсь въ томъ на вашу прозорливость, а болѣе еще на безпристрастное и благородное направленіе вашего образа мыслей.

„Подписалъ Г. А. Бенкендорфъ".

Сообщено Т. В. Кибальчичемъ.

Отповѣдь В. И. Аскоченскаго шефу жандармовъ.

Дневникъ В. И. Аскоченскаго, печатаемый въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ въ извлеченіяхъ Ѳ. И. Булгакова, воскресилъ живыя воспоминанія въ тѣхъ, кто лично зналъ покойнаго издателя „Домашней Бесѣды“. На столбцы ежедневныхъ газетъ проникло уже немало замѣтокъ, свидѣтельствующихъ, что личность В. И. пользовалась большою извѣстностью и была не вполнѣ понята при его жизни. Но изъ всѣхъ замѣтокъ наибольшій интересъ представляетъ напечатанная В. А. Васильевымъ выдержка изъ его собственной памятной тетради, куда занесена она была со словъ В. И. Аскоченскаго. Выдержка эта любопытна для характеристики отчасти личности В. И., частью же тѣхъ условій въ какихъ въ его время находилась печать. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ позволяемъ себѣ привести цѣликомъ воспоминанія В. А. Васильева, что они касаются именно того времени, о которомъ въ „Дневникѣ“ не сохранилось записей.

„Заходилъ сегодня къ Аскоченскому. Поднимаясь къ нему, встрѣтилъ на лѣстницѣ монаха; и затѣмъ, войдя въ кабинетъ, не успѣлъ я еще обратиться къ нему съ привѣтствіемъ, онъ уже ко мнѣ съ вопросомъ:

— Встрѣтилъ монаха, который предъ тобой отъ меня вышелъ?

— Да.

— Узналъ его?

— Нѣтъ.

— Это цензоръ мой, архимандритъ Фотій...

— Что же въ этомъ важнаго?

— Важнаго нѣтъ, а курьезное—есть.

— Секретъ?

— Слушай. Мѣсяцъ назадъ, довольно поздно вечеромъ, пріѣзжаетъ онъ и со страхомъ и трепетомъ разсказываетъ, что навязалась бѣда, и не знаетъ, какъ она разъиграется.

— Если музыканты хороши,—говорю,—то должна и разъиграться хорошо.

— Вамъ шутки, а мнѣ, право, не до нихъ.

— Въ чемъ же дѣло?

— Я вчера получилъ запросъ о томъ, что мною ли пропущенъ къ печати № 32 „Домашней Бесѣды“.

— Ну, конечно, вы отвѣтили, что вы пропустили.

— Ничего еще не отвѣчалъ, но завтра надо идти къ его высокопреосвященству съ повинной.

— Скажите, дѣло-то въ чемъ?

Тутъ о. архимандритъ вынулъ изъ кармана оффиціальное къ нему отношеніе съ вопросомъ, на верху котораго написано было: „секретно“. При отношеніи положенъ № 32, въ которомъ, по тому случаю, что послѣ высочайше утвержденнаго проекта памятника тысячелѣтія Россіи кѣмъ-то исключенъ изъ барельефа св. Митрофаній,—напечатано было:

„...итакъ, угодникъ Божій, дѣятельно при жизни своей помогавшій и донынѣ предстательствомъ своимъ у Бога способствующій благосостоянію Россіи, оплаканный Петромъ I, возвеличенный самимъ Богомъ, сравненъ съ поэтомъ и актеромъ, какъ лицо малозамѣчательное“.

Противъ подчеркнутыхъ словъ красными чернилами написано чернымъ карандашемъ: „фраза возмутительная“.

— Что же, о. архимандритъ, и вы, какъ вижу, тоже возмущены?

— Знаете ли, что это идетъ отъ шефа жандармовъ къ товарищу оберъ-прокурора святѣйшаго синода? Дѣло можетъ быть худо. Научите, что отвѣтить...

— Оставьте эти бумаги у меня, а завтра, до предъявленія отзыва вашего митрополиту, заѣзжайте ко мнѣ, я приготовлю вамъ отвѣтъ.

— Пожалуйста, В. И., чтобы это было между нами. Написано вѣдь—секретно,—сказалъ мнѣ архимандритъ на прощанье.

— Помните, отецъ, это секретъ для того, кто написалъ это знаменательное слово, а для насъ оно нуль, и мы будемъ дѣйствовать гласно,—и, по его уходѣ я тотчасъ же сѣлъ и написалъ князю Урусову письмо.

Объяснивъ въ началѣ письма суть дѣла, я продолжалъ:

что „я никогда не только не писалъ, но даже не мыслилъ и не мыслю ничего возмутительнаго; свидѣтель этому моя прежняя и теперешняя литературная дѣятельность, обратившая на себя вниманіе всей православной и царелюбивой Россіи, и потому такое замѣчаніе принимаю только за личное оскорбленіе меня и отъ души прощаю возмутившемуся фразой, въ которой ровно ничего нѣтъ возмутительнаго. Другое дѣло фактъ, вызвавшій эту фразу: онъ, точно, возмутителенъ. Меня засыпали письмами со всѣхъ сторонъ, настоятельно требуя отъ меня голоса въ защиту поруганной святыни. Почему возмутившемуся фразою въ „Домашней Бесѣдѣ" не показался возмутительнымъ самый фактъ, тѣми же словами опубликованный во всѣхъ нашихъ газетахъ? Видно, какъ говоритъ Грибоѣдовъ, „грѣхъ не бѣда, молва не хороша".

„Св. Митрофаній не нуждается въ какомъ либо памятникѣ, а тѣмъ болѣе въ сопоставленіи съ такими личностями, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ и другіе; даже хорошо было бы, если бы и всѣ святые мужи земли русской сошли съ Микѣшинскаго памятника: но дѣло въ томъ, чтобы ихъ не ославляли передъ міромъ православнымъ лицами малозначительными. Если г. шефъ-жандармовъ счелъ своею обязанностію обратить вниманіе на мою скромную замѣтку, то почему же св. синодъ не спросилъ въ свое время, кого слѣдуетъ, какъ дерзнули они св. угодника Божія поставить рядомъ съ актеромъ и поэтомъ?

„Честь имѣю доложить вашему сіятельству, что статью писалъ я, а одобрилъ ее къ напечатанію о. архимандритъ Фотій,—и вотъ почему:

„1) По чувству вѣрнаго сына церкви православной, оскорбленному такимъ святотатственно-кощунственнымъ сопоставленіемъ личностей, отнюдь не похожихъ одна на другую.

„2) Потому, что такое заявленіе сдѣлано печатно, и слѣдовательно, требовало печатной же протестаціи.

„3) Потому, что невидно, чтобы снятіе съ барельефовъ св. Митрофанія состоялось вслѣдствіе какихъ либо высшихъ распоряженій, противъ которыхъ гласность безмолвна.

„4) Потому, что чувство человѣка православнаго оскорблено здѣсь, главное тѣмъ, что перемѣна барельефовъ въ памятникѣ опубликована такъ безцеремонно и дерзко. Сними они барельефы и замѣни чѣмъ угодно, но не говори объ этомъ въ слухъ всей Россіи—я не имѣлъ бы никакого литературнаго повода заявлять объ этомъ.

„5) Потому, что если бы хоть я не подалъ голоса противъ такого кощунственнаго поступка строителей Микѣшинскаго памятника, то православные во всей имперіи вправѣ были бы подумать, что въ Петербургѣ всѣ до единаго,

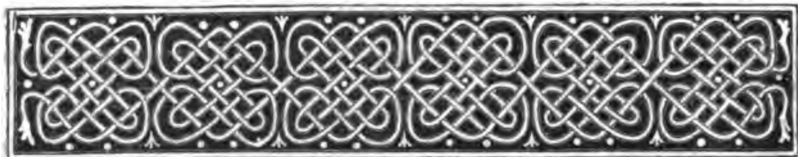
даже (простите Бога ради) св. синодъ раздѣляютъ образъ мыслей и убѣжденія этихъ строителей.

„Кстати: любопытно было бы узнать — былъ-ли Микѣшинскій проектъ памятника на разсмотрѣніи св. синода? Если былъ, то какимъ же образомъ допущено сопоставленіе такихъ личностей, какъ преподобный Сергій Родонежскій и Фонъ-Визинъ, Кириллъ Бѣлозерскій и Кокориновъ, строитель академіи художествъ? Какимъ образомъ пропущены великіе дѣятели Руси православной, св. митрополиты Петръ и Алексій, а между тѣмъ, стоятъ Ѳ. Прокоповичъ, князь Щеня и Марфа посадница, бунтовавшая новгородцевъ?.. Если не былъ, то съ какой же стати и по какому праву спрашиваютъ оберъ-прокурора св. синода: кто изъ духовныхъ цензоровъ пропустилъ статью въ „Домашней Бесѣдѣ“ объ этомъ нелѣпомъ, по сочиненію, памятникѣ? Статья вѣдь не памятникъ, увѣковѣчивающій тысячелѣтіе Россіи.

„Изложивъ все это предъ вашимъ сіятельствомъ, прошу оказать защиту какъ мнѣ, такъ и цензору, подневольному соучастнику въ моемъ дѣяніи. Прогрессисты и темные цивилизаторы дѣйствуютъ энергически и находятъ себѣ покровительство у сильныхъ земли: неужели же святая правда должна оставаться безпріютною? Пусть возмутившійся фразой моей докажетъ мнѣ, что я сказалъ ложь, — тогда я безмолвно подвергаю себя всей строгости закона. А пока этого нѣтъ, то я остаюсь совершенно покойнымъ, уповая на Бога и заступничество поруганнаго угодника Божія, св. Митрофанія.—Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.“

— Что же далѣе? спросилъ я его, когда онъ кончилъ чтеніе письма.

— Ничего. Онъ сегодня пріѣзжалъ поблагодарить за благополучный исходъ дѣла.



СМѢСЬ.

---

† **В. В. Григорьевъ.** Скончавшійся недавно В. В. Григорьевъ получилъ высшее образованіе на историко-филологическомъ факультетѣ с.-петербургскаго университета въ 1834 году. Будучи еще студентомъ, онъ перевелъ съ персидскаго языка на русскій „Исторію монголовъ", за что былъ всемилостивѣйше награжденъ золотыми часами. По окончаніи университетскаго курса со степенью кандидата, В. В. вступилъ въ службу въ учебное отдѣленіе восточныхъ языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ 1836 году, онъ перешелъ на службу въ с.-петербургскій университетъ, гдѣ поручено ему было преподавать персидскій языкъ. Затѣмъ, въ 1838 году, онъ былъ опредѣленъ исполняющимъ должность профессора восточныхъ языковъ въ одесскомъ ришельевскомъ лицеѣ. Въ слѣдующемъ году покойный былъ командированъ въ Турцію съ разными порученіями отъ ришельевскаго лицея и с.-петербургской академіи наукъ. Въ 1842 году, В. В. публично защищалъ въ московскомъ университетѣ диссертацію на степень магистра историческихъ наукъ„—О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ золотоордынскими ханами русскому духовенству". Въ 1844 году, Григорьевъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и въ слѣдующемъ году назначенъ помощникомъ редактора по изданію „Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ", а въ 1846 г. опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Въ 1851 году, былъ откомандированъ въ распоряженіе оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора, гдѣ продолжалъ службу до 1863 года, исполняя многоразличныя порученія, касающіяся Внутренней киргизской орды. Въ ноябрѣ 1863 года, Василій Васильевичъ, находившійся въ то время въ отставкѣ, получилъ отъ совѣта с.-петербургскаго университета степень доктора восточной словесности и вмѣстѣ съ тѣмъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ с.-петербургскаго университета по кафедрѣ исторіи Востока. Въ декабрѣ 1868 г., г. Григорьевъ былъ назначенъ членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ и былъ первымъ по времени главнымъ редакторомъ газеты „Правительственный Вѣстникъ", съ ея основанія въ 1869 году до 13-го ноября 1870 года. Въ 1873 году, с.-петербургскій университетъ избралъ Василія Васильевича деканомъ факультета восточныхъ языковъ. Въ декабрѣ 1875 года, онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, затѣмъ былъ утвержденъ въ этой должности, и оставилъ ее въ мартѣ 1880 года; былъ членомъ многихъ ученыхъ русскихъ и заграничныхъ обществъ членомъ-корреспондентомъ академіи наукъ и въ 1856 году академіею удостоенъ большой золотой медали за составленный, по порученію академіи, раз-

боръ сочиненія Небольсина—„Очерки торговли Россіи съ Средней Азіею". Императорское Русское Географическое Общество въ 1868 году также наградило его золотою медалью за его изслѣдованія по исторической географіи и этнографіи о Кабулѣ.

† **А. П. Заблоцкій-Десятовскій.** Недавно говорили мы о замѣчательномъ явленіи въ нашей исторической литературѣ — біографіи графа Киселева, написанной человѣкомъ, имя котораго стоитъ выше. Онъ скончался послѣ короткой болѣзни, на 74 году своей жизни. Малороссъ по происхожденію, уроженецъ Черниговской губерніи, Андрей Пареенович образованіе получилъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ онъ кончилъ курсъ въ 1827 г. съ золотою медалью. Самая дѣятельная и плодотворная часть его жизни прошла на службѣ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ. Какъ это видно изъ біографіи Киселева, учрежденіе этого министерства было собственно приступомъ къ освобожденію крестьянъ. А. П. сдѣлался самымъ ближайшимъ сотрудникомъ и другомъ Киселева; какъ административная, такъ и литературная дѣятельность покойнаго была направлена именно въ ту сторону, гдѣ можно было пособить такъ или иначе крестьянамъ; вмѣстѣ съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ онъ издавалъ нѣсколько лѣтъ „Сельское чтеніе", первый и единственный, можно сказать, и доселѣ журналъ, который удовлетворялъ своему назначенію, хотя издавался во время самое неблагопріятное для изданій подобнаго рода. Въ министерство М. Н. Муравьева, въ управленіе котораго перешли государственныя имущества, А. П. былъ въ-загонѣ, какъ человѣкъ слишкомъ либеральный. Сдѣланный статсъ-секретаремъ въ департаментѣ экономіи государственнаго совѣта, А. П. принималъ самое дѣятельное участіе въ законоположеніи объ отмѣнѣ откуповъ. Въ 1867 году, А. П. былъ опредѣленъ въ комитетъ при министрѣ финансовъ; затѣмъ, въ 1875 году, назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Обладая прекрасною библіотекою, любя кабинетныя занятія, онъ никогда не оставался безъ дѣла: была административная дѣятельность—онъ предавался ей всею душою; съуживалась она подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, не зависѣвшихъ отъ доброй воли и желанія работать,—А. П. предавался занятіямъ литературнымъ и историческимъ. Финансы обязаны ему почтеннымъ трудомъ, въ двухъ томахъ,—„Финансы Пруссіи", гдѣ онъ проводилъ идею о здравой государственной экономіи и указывалъ на тѣ преимущества финансоваго управленія, которыя имѣетъ передъ нами Пруссія. Вообще размѣренная, экономная, точная Пруссія приходилась по душѣ А. П., человѣку порядка и скромной жизни, никогда не гнавшемуся не только за роскошью, но даже за удобствами. Его кабинетъ и вся обстановка поражали своей простотой, и лучшее, что въ ней было—это книги. А. П. занимался тоже статистикою и ему принадлежитъ одинъ изъ первыхъ трудовъ по статистики Петербурга; ему-же принадлежатъ статьи въ „Отечественныхъ Запискахъ", сороковыхъ годовъ, о колебаніяхъ цѣнъ на хлѣбъ, статьи, доказавшія вредъ крѣпостнаго права съ экономической стороны. Ему же обязанъ многимъ и уставъ нашего литературнаго фонда, надъ которымъ онъ работалъ; нѣсколько лѣтъ онъ былъ предсѣдателемъ этого фонда и принималъ дѣятельное участіе въ обществѣ вспоможенія бѣднымъ Андреевскаго прихода, на Васильевскомъ островѣ.

† **Джонъ-Уилльямъ Дрэперъ.** 23-го декабря скончался Джонъ-Уильямъ Дрэперъ, американскій ученый физіологъ и историкъ, имя котораго хорошо извѣстно и въ Россіи. Дрэперъ родился близъ Ливерпуля, въ 1811 году, первоначальное образованіе и свои математическія и естественно-научныя познанія пріобрѣлъ въ Лондонѣ, а затѣмъ, въ 1833 году, поступилъ въ пенсильванскій университетъ въ Америкѣ, откуда вышелъ, въ 1836 году, со степенью доктора медицины. По окончаніи этого курса, Дрэперъ получилъ кафедру химіи и физіологіи въ коллегіи Гемптонъ-Сидней (въ штатѣ Виргиніи); три года спустя онъ былъ приглашенъ въ профессоры физіологіи въ университетъ въ Нью-Іоркъ, гдѣ вмѣстѣ съ другими учеными (Паттисономъ, Бедфордомъ, Мартиномъ Пэномъ) основалъ университетскую медицинскую коллегію, которая впослѣдствіи стала пользоваться репутаціей лучшей въ америкѣ медицинской школы. Въ 1868 г., онъ оставилъ профессуру. Вся его послѣдующая дѣятельность посвящена открытіямъ въ области химіи и физіологіи, а равно ученымъ историческимъ монографіямъ. Дрэперъ былъ первымъ изъ химиковъ, которому удалось открыть дагеротипію и ея примѣненіе къ фотографіи. Это открытіе сдѣлано

имъ еще въ 1840 году, когда появились его „On the process of Dagnerrentype and itsapplication to taking portraits from the tipe“. Въ 1843 году, появились его „Записки о химическомъ дѣйствіи свѣта“ почти одновременно на англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и итальянскомъ языкахъ. Въ медицинскомъ мірѣ онъ пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность своей теоріей о причинахъ кровообращенія. Затѣмъ наиболѣе обратили на себя вниманіе слѣдующіе труды Дрэпера: „Treatise on the force, which produce the organisation of plants“ (1844 года), „Руководство химіи“ (1846 года), выдержавшее до 1854 года три изданія; „Text book of natural philosophy“ (1847 г.), „Treatise on human physiology“. У насъ получили извѣстность его историческія монографіи: „Исторія умственнаго развитія въ Европѣ“, „Гражданское развитіе Америки“, „Исторія американской междоусобной войны“, написанной, между прочимъ, на основаніи оффиціальныхъ документовъ, которые предоставлены были въ пользованіе автора военнымъ министромъ Стаутономъ. Однимъ изъ послѣднихъ капитальныхъ трудовъ Дрэпера было изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „History of the contli et between religion and science“ (Исторія борьбы между религіей и наукой). Наконецъ, помимо перечисленныхъ сочиненій, Дрепэръ оставилъ множество брошюръ по разнымъ вопросамъ физіологіи, медицины, физики и химіи. Съ именемъ Дрэпера, какъ историка культуры и цивилизаціи, связана попытка примѣнить естественно-научный методъ къ изслѣдованію историческихъ данныхъ.

Замѣтка по поводу труда г. Ровинскаго.

Въ многолѣтнемъ, богатомъ результатами трудѣ Д. А. Ровинскаго—„Русскія народныя картинки“—впервые въ поразительномъ множествѣ собраны и группированы факты, свидѣтельствующіе о связи нашего народнаго искусства съ западнымъ. Не будемъ оцѣнивать значенія этого сочиненія въ его результатахъ, ни въ отношеніи его къ предшествующимъ трудамъ (преимущественно Ѳ. И. Буслаева, которому по праву принадлежитъ ученая постановка вопроса о связи нашего стариннаго искусства и старинной литературы какъ между собою, такъ и съ литературою и искусствомъ Запада); упомянемъ только о томъ, что чрезвычайно многимъ изъ описанныхъ въ книгѣ картинъ автору удалось подыскать европейскіе подлинники. Изъ числа тѣхъ, генеалогія которыхъ имъ не опредѣлена, мы остановимся на одной: „Два дурака втроемъ“ (I, 432, № 197), ибо полагаемъ, что она находится въ связи съ распространенною въ Англіи въ XVI вѣкѣ карикатурою: „We three“ (мы трое), о которой упоминается въ словахъ дурака въ Шекспировомъ „Крещенскомъ вечерѣ“ („Twelfth Nigh“, act II, sc. 3); комментаторы Шекспира (Douce: „Illustrations of Shakespeare“, изд. 18, Vol. 1, 86; Staunton: „The works of William Shakespeare“ (изд. 1873, in 8, III, 293); Knight: Pictorial Shakespeare, comedies, II, 157 Cowden Clarke: „The Plays of W. Shakespeare, 1, 609; Dyce, The works of W. Shakespeare“, IX, 447 и т. д.) массою примѣровъ изъ старыхъ писателей, преимущественно драматическихъ, доказываютъ, что картина или вывѣска, изображающая двухъ дураковъ (или иногдаословъ) была очень популярна въ „старой веселой Англіи“; любимою шуткою было заставлять собесѣдника прочитывать подпись и такимъ образомъ какъ бы признавать себя дуракомъ. Впрочемъ, насколько мнѣ извѣстно, самаго изображенія не сохранилось до настоящаго времени, а только встрѣчаются указанія.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Окончаніе статьи Ѳ. И. Булгакова „Русскій государственный человѣкъ трехъ прошлыхъ царствованій“ по обилію матерьяловъ отложено до слѣдующей книжки.

Польскаго-Королевскаго полка, занималъ до насъ нашу квартиру и толпа могла объ этомъ вспомнить. Въ мучительномъ раздумьи отецъ мой скорыми шагами прохаживался по комнатѣ, какъ вдругъ дверь въ нее отворилась. Вошла какая-то женщина, держа въ рукахъ глухой фонарь; распущенные волосы разсыпались у нея по плечамъ, платье было въ безпорядкѣ, она обливалась слезами; она была прекрасна въ своемъ отчаяніи. Мы ее тотчасъ узнали. Это была г-жа Турнуэръ, жена харчевника, который доставлялъ намъ обѣдъ. Живя по близости тюрьмы Пьеръ-Сизъ, она готовила пищу для арестантовъ. Ей пришлось все видѣть и на ея лицѣ сохранялся еще отпечатокъ ужасовъ этого дня. Она оплакивала несчастныхъ офицеровъ; нѣкоторые изъ нихъ были убиты на ея глазахъ. Желаніе спасти одну изъ жертвъ привело ее въ полночь къ намъ — то былъ полковникъ де-ля-Барръ. „И вы сами", сказала она отцу, „подвергаетесь опасности; васъ называли по имени, васъ ищутъ; но, прежде чѣмъ бѣжать отсюда самому, помогите мнѣ спасти де-ля-Барра".—Ахъ, что могу я сдѣлать? Я здѣсь чужой, никому не извѣстенъ; мнѣ самому грозитъ опасность!—„Вы все можете сдѣлать при помощи Барре", отвѣчала она ему. „Спасши г. де-Ноальи, вы навсегда пріобрѣли его преданность. Барре обладаетъ большой силой; если только онъ захочетъ, де-ля-Барръ будетъ спасенъ". Барре былъ человѣкъ не только сильный, но и благородный. Когда отецъ взялся, подвергаясь самъ опастности, доставить Ноальи его семьѣ, онъ довѣрилъ его Барре, во время тайнаго бѣгства изъ муленской тюрьмы.

Призываютъ Барре; ему предлагаютъ ни болѣе, ни менѣе, какъ подвергнуть свою жизнь риску ради неизвѣстнаго ему человѣка; онъ тотчасъ соглашается; не теряя ни минуты, нанимаетъ вѣрную перевозчицу, спускается внизъ по Сонѣ до Рыбачьей набережной (port de la Pêcherie); оттуда бѣгомъ достигаетъ площади Терро и проникаетъ заднимъ ходомъ въ гостинницу Миланъ въ то мгновеніе, когда площадь, покрытая кровожадной толпой, оглашалась криками: „Подайте намъ голову ля-Барра! гдѣ ля-Барръ?" Этотъ несчастный, полагая, что всѣ выходы уже заняты, не зналъ, какимъ образомъ спастись отъ вѣрной смерти, какъ вдругъ неожиданно къ нему явился избавителемъ Барре! Онъ увлекъ его съ собою, почти донесъ его на рукахъ до лодки, куда и усадилъ, набросивши на него свой мундиръ національнаго гвардейца, и оттолкнулъ отъ берега спасительный челнокъ. Подъ покровомъ ночи перевозчица безъ шума достигла середины Соны и потомъ благополучно доставила довѣреннаго ей человѣка одному изъ друзей Барре, жившему за городомъ. — Едва только Барré оставилъ насъ, какъ г-жа Турнуэръ продолжала: „Къ угрожающей вамъ личной опасности присоединяется еще другая; обманутая въ своемъ ожиданіи, толпа можетъ явиться сюда искать ля-Барра и по ошибкѣ погубить васъ. Надо бѣжать, слѣдуйте за мной!" И эта женщина, которую нельзя было не признать благоразумной, покоряя всѣхъ своей волѣ,

увлекла съ собой отца. Вскорѣ мы узнали, что отецъ тотчасъ покинулъ предмѣстье Везъ. Мы находились въ состояніи духа, которое легче себѣ представить, чѣмъ описать,—опасаясь за отца и воображая при малѣйшемъ шумѣ, что къ намъ приближается грозная толпа. Но при всемъ ужасѣ нашего положенія, мы испытали, однако, большую радость, когда Барре пришелъ сказать намъ, что онъ достигъ цѣли; онъ былъ счастливъ, что ему удалось спасти человѣка, но считалъ это такимъ простымъ дѣломъ, что не могъ понять, почему имъ восхищались.

Тетушка моя провела ужасную ночь; она, какъ и мы всѣ, испытывала сильнѣйшее безпокойство, но должна была, сверхъ всего этого, принять какое нибудь рѣшеніе, а это было чрезвычайно трудно въ такую минуту. Она рѣшилась по крайней мѣрѣ не подвергать опасностямъ, которыя могли ожидать насъ, двухъ дѣвочекъ Піоланъ, и какъ только разсвѣло, отправила ихъ въ сопровожденіи горничной и слуги къ Косту, знакомому маркиза Піоланъ, скромная обстановка котораго, казалось, обезпечивала безопасность. Я простилась съ своими подругами, не имѣя надежды когда либо увидаться съ ними; въ то время минутная разлука могла сдѣлаться разлукой на цѣлую жизнь.

Мои глаза еще не высохли отъ слезъ послѣ этого прощанья, когда наша хозяйка вошла къ тетушкѣ и объявила въ очень ясныхъ и краткихъ словахъ, чтобъ она сейчасъ же оставила ея домъ. „Сударыня", отвѣтила нѣсколько изумленная тетушка, „вы не можете выгнать меня отсюда; я наняла эту квартиру на опредѣленный срокъ, онъ еще не вышелъ, и я здѣсь у себя".—„Что ни говорите, мнѣ совершенно все равно, возразила хозяйка;—здѣсь никто не знаетъ, кто вы; вы слывете аристократами; этого достаточно, чтобъ навлечь грабежъ на мой домъ, и не только вы должны сейчасъ же уѣхать, но чтобы здѣсь не оставалось послѣ васъ ни малѣйшихъ слѣдовъ вашего пребыванія".—„Но послушайте", говорила моя бѣдная тетушка, „куда же мнѣ прикажете дѣваться, когда я здѣсь никого не знаю"?—„Куда хотите, мнѣ все равно".—Что можно было подѣлать противъ такой настойчивости? Въ какіе нибудь полчаса все было уложено и спрятано; постели убраны и сложены, какъ въ незанятой квартирѣ; не осталось ни булавки. „А то — говорила любезная г-жа Серизіо — сегодня вечеромъ уходятъ марсельцы; они будутъ проходить мимо моего дома, и я не желаю, чтобъ они заподозрили у меня аристократовъ". Такая рѣшительность и рѣзкость выраженій застабила насъ немедленно очистить квартиру. Очутившись на мостовой, мы рѣшились отправиться къ добрѣйшей г-жѣ Ноальи и просить у нея пристанища; мы надѣялись еще соединиться съ отцомъ и жить вмѣстѣ съ нимъ, но оказалось, что онъ уѣхалъ куда-то далеко и она ничего не знала о его дальнѣйшей участи. Не зная также, гдѣ находился ея мужъ, она имѣла свое личное горе и была въ такомъ же затрудненіи относительно насъ, какъ и мы сами. „Я могу предложить вамъ комнату, оставленную за со-

бой моимъ отцомъ въ загородномъ домикѣ, принадлежащемъ ему, недалеко отъ Ліона; мы ѣздимъ туда такъ часто, что на васъ не обратятъ вниманія. Я думаю даже поѣхать туда провести эту ночь, которая, какъ всѣ говорятъ, будетъ очень бурной. Вы не найдете тамъ никакихъ удобствъ, но я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что вы будете въ безопасности". Тетушка приняла это предложеніе съ радостью; главное было въ томъ, чтобъ обезпечить себя хоть въ данную минуту. Захвативши въ нашей квартирѣ кое-какія вещи, самыя необходимыя, мы навсегда простились съ г-жею Серизіо.

Тетушка моя шла пѣшкомъ, опираясь на руку своего слуги, Сенъ-Жана, несшаго маленькій узелокъ ея. Каждая изъ насъ передъ отправленіемъ сама распорядилась насчетъ своихъ вещей. Я очень гордилась предусмотрительностью, которую при этомъ обнаружила, и въ то время, какъ я предавалась чувству довольства по этому случаю, моя бѣдная тетушка изнемогала отъ жары и усталости; она была плохой ходокъ. Значительная полнота, крошечныя ножки и громадные каблуки служили такими препятствіями при ходьбѣ, которыя не легко было преодолѣть. Не имѣя привычки ходить пѣшкомъ, она сильно страдала во время этого короткаго перехода, который показался ей очень длиннымъ и былъ особенно тяжелъ вслѣдствіе солнечнаго жара. Какъ только мы прибыли на мѣсто, желая перемѣнить бѣлье, она развернула свой узелъ: „Посмотри-ка", сказала она мнѣ, смѣясь, „какъ хорошо я распорядилась". Въ узлѣ оказались одни кружевные чепцы. Съ какимъ торжествомъ я тогда вытащила изъ кармановъ своего передника все, что ей было необходимо на первыхъ порахъ! Я себя сочла за весьма опытную особу въ дѣлѣ предусмотрительности и чувствовала себя очень счастливой, что могла доставить это облегченіе моей достойной тетушкѣ.

Не веселъ былъ нашъ обѣдъ, а ужинъ и того печальнѣе. Г-жа Ноальи, пріѣхавшая послѣ насъ, не знала ничего новаго. Страшная неизвѣстность тяготѣла надъ жителями Ліона. Марсельцы должны были уйти въ этотъ самый вечеръ... Уйдутъ ли еще они? Истомленные борьбой съ разными страхами и неизвѣстностью, въ которой терялись наши мысли, мы бросились не раздѣваясь на постель, въ ожиданіи дальнѣйшей своей судьбы. Нашъ домикъ, хотя и находился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ большой дороги, былъ освѣщенъ по приказанію полиціи. Это распоряженіе могло сдѣлаться гибельнымъ для насъ, такъ какъ вслѣдствіе этого наше жилище обращало на себя вниманіе; но нужно было повиноваться. Скоро страшные крики дали намъ знать, что эта кровожадная шайка, наконецъ, оставила городъ: словно это взбаломученное людское море выбросило изъ себя бѣшеную пѣну. Пьяная, обагренная кровью, эта орда жаждала снова вкусить наслажденій людоѣдовъ; она увидѣла кровь и уподобилась тигру. Толпа марсельцевъ прошла у самой подошвы холмика, на которомъ стоялъ нашъ домъ, завывая свои дикія пѣсни, и такъ удалилась.

Столько разнообразныхъ волненій истощили наши силы; мы задремали среди этихъ ужасающихъ образовъ, какъ вдругъ были пробуждены пронзительными криками. Вполнѣ увѣренныя, что насталъ нашъ послѣдній часъ, мы предали свою жизнь въ руки Господа и искали только, гдѣ убійцы; все это было дѣломъ одного мгновенія. Что же оказалось?—Все это произошло отъ паденія одной изъ маленькихъ Ноальи, скатившейся съ большой кровати, гдѣ она спала возлѣ своей матери. Долго еще доносились издали пѣсни марсельцевъ; когда онѣ затихли, г-жа Ноальи послала кого-то въ Везъ узнать, что тамъ происходило, и розыскать нашихъ слугъ. Ея посланный скоро вернулся вмѣстѣ съ Брюньономъ, который, не нашедши насъ въ нашей квартирѣ по возвращеніи своемъ, укрылся у одного добраго ремесленника. Одна торговка плодами пріютила у себя горничную моей тетки; оба они, удивленные и испуганные тѣмъ, что не нашли насъ дома, изгнанные, какъ и мы, нашей хозяйкой, были счастливы, найдя болѣе сострадательныхъ людей, чѣмъ г-жа Серизіо. Ночь прошла въ городѣ очень бурно; опасались новыхъ убійствъ. Никто не ложился спать. Но марсельскіе ополченцы удовольствовались тѣмъ, что нашумѣли, и удаленіе ихъ дало возможность успокоиться; порядокъ, повидимому, уже началъ возстановляться, несмотря на какой-то неопредѣленный страхъ, все еще тяготѣвшій надъ нами и побуждавшій насъ быть особенно осторожными, такъ какъ мы все же были въ Ліонѣ бѣдные пришельцы, гонимые и лишенные крова. Послѣ нѣкотораго совѣщанія мы составили планъ дѣйствія, предупредили прислугу и на разсвѣтѣ выѣхали, усѣвшись въ глубинѣ повозки г-жи Ноальи, которая сама съ дѣтьми и нянькой помѣстилась на передкѣ, такимъ образомъ укрывая насъ отъ любопытныхъ взоровъ. Мы проѣхали предмѣстье, не обративъ на себя вниманія, и остановились въ гостинницѣ, которую содержалъ отецъ г-жи Ноальи. Ворота сейчасъ же заперли, какъ только нашъ экипажъ въѣхалъ, а насъ отвели въ самыя дальнія, заднія комнаты, куда скоро явилась наша Канта, въ восхищеніи, что снова видитъ свою госпожу, но еще дрожа отъ страха при воспоминаніи о проведенной ночи. Мы легли спать съ вопросомъ: „что мы станемъ завтра дѣлать“? Пріютъ, который мы нашли, былъ намъ предложенъ только на эту ночь.

ГЛАВА V.

Свиданіе съ отцомъ и съ молодыми Піоланъ. — Мы окончательно поселяемся въ Ліонѣ. — Мой младшій братъ возвращается во Францію и пріѣзжаетъ къ намъ въ Ліонъ. 29 мая 1793 г.

Слѣдующее утро принесло намъ радость. Неожиданно къ намъ явился отецъ. Какъ много мы имѣли другъ другу сообщить! Его отвели наканунѣ довольно далеко къ крестьянамъ въ какое-то село, куда одинаковыя опасенія привели большое количество бѣглецовъ. Увѣряютъ, будто до 10,000 человѣкъ покинули въ этотъ день городъ и укрылись, гдѣ кто могъ. Семья Гишаръ провела ночь въ лѣсу вмѣстѣ со многими другими. Отецъ мой былъ привезенъ обратно въ Ліонъ однимъ изъ его новыхъ знакомыхъ. Слѣдующую ночь онъ провелъ у одной дамы, которой никогда не видалъ до этого памятнаго дня. „Что станется съ нами сегодня"? спрашивала моя тетушка. — „Я знаю только, что̀ будетъ до обѣда, отвѣтилъ отецъ,—потому что мы приглашены къ г. Костъ. Дѣвочки Піоланъ уѣзжаютъ сегодня въ Шамбери. За ними пріѣхалъ управляющій ихъ отца; нужно съ ними проститься".—Мы сѣли въ карету, имѣя впереди лишь нѣсколько часовъ вѣрныхъ. Мои подруги были довольно спокойны. И онѣ были, подобно мнѣ, обречены на великія испытанія; но въ настоящую минуту онѣ съ дѣтскою довѣрчивостью взирали на будущее безъ страха. Мы разстались такъ, какъ будто скоро должны были снова свидѣться и обѣщая часто писать другъ другу, хотя намъ пришлось встрѣтиться черезъ много лѣтъ и послѣ продолжительныхъ бѣдствій! Едва успѣли онѣ пріѣхать въ Шамбери, какъ городъ этотъ былъ взятъ французами. Онѣ принуждены были бѣжать оттуда вмѣстѣ съ своимъ отцомъ и съ этихъ поръ раздѣляли всѣ лишенія, какимъ была подвержена жизнь несчастныхъ эмигрантовъ. Я осталась въ своемъ отечествѣ среди раздиравшихъ его смутъ. Прощай, Дезире, и ты, Агата! вмѣстѣ съ вами умчались всѣ сладкія воспоминанія моего дѣтства!

Послѣ отъѣзда моихъ подругъ намъ съ тетушкой предоставили занять родъ чердака, гдѣ онѣ спали; а отецъ отправился опять къ той дамѣ, у которой ночевалъ наканунѣ, и мы принесли благодарность Богу за то, что имѣли пристанище еще на эту ночь. Г. Костъ, хотя и самъ небогатый человѣкъ, сжалился надъ нами и не выпроводилъ насъ изъ дому; сердце у него было не такое, какъ у г-жи Серизіо. На другой день отецъ мой снова принялся искать такой квартиры, куда бы насъ впустили, не давая тотчасъ о томъ знать полиціи. Г. Мазюйе былъ такъ добръ и благороденъ, что согласился и при этомъ условіи принять насъ. Главное дѣло было въ томъ, чтобы выиграть хотя бы еще нѣсколько дней, чтобъ дать время умамъ успокоиться, а намъ придумать, что̀ дѣлать. На четвертую ночь нашего

скитанья мы пріютились въ маленькомъ помѣщеніи [1]), которое онъ намъ уступилъ, счастливыя уже отъ одной надежды, проснувшись завтра, не имѣть нужды искать новаго пристанища для слѣдующей ночи.

Вскорѣ послѣ этого отецъ мой отправился въ участокъ (section), чтобы заявить о себѣ, и записалъ тамъ только свою фамилію Жиро, безъ обозначенія своего владѣльческаго титула дез-Ешероль; подъ именемъ Жиро онъ съ тѣхъ поръ и былъ извѣстенъ въ Ліонѣ. Въ этомъ городѣ было столько Жиро, что распространенность этого прозвища послужила намъ въ пользу, дѣлая пребываніе наше здѣсь болѣе безопаснымъ, или по крайней мѣрѣ менѣе извѣстнымъ на нѣкоторое время.

Въ домѣ, гдѣ мы жили, прежде помѣщалась таможня; бо̀льшая часть чиновниковъ продолжали еще въ немъ жить, такъ какъ новое зданіе таможни, выстроенное на набережной Роны, не было еще вполнѣ окончено. Мазюйе былъ инспекторомъ таможни; де-Сулинье, директоръ, жилъ тутъ же, также и Виньонъ, помощникъ инспектора. У этого послѣдняго нашла себѣ пріютъ семья Бельснэъ. Мы встрѣтили въ этомъ домѣ общество людей привѣтливыхъ и вѣрныхъ, что̀ всегда дорого, а въ то время было неоцѣненно. Связанное одинаковыми убѣжденіями, это маленькое общество сходилось каждый вечеръ. Оно находило большое утѣшеніе высказывать вслухъ свои мысли и дѣлить сообща всѣ страхи и надежды; другаго предмета разговора почти не было, какъ переживаемыя событія и ежедневныя тревоги. Я забывала иногда съ Софьей де-Сулинье, молодой дѣвушкой одного возраста со мной, печальную дѣйствительность, но насъ скоро возвращали къ ней озабоченныя рѣчи нашихъ родителей, чья предусмотрительность не дремала.

Вся зима прошла въ ужаснѣйшей тревогѣ; смерть короля переполнила мѣру. Гдѣ же остановятся злодѣянія послѣ такого посягательства? Городъ былъ словно подернутъ погребальнымъ трауромъ; мертвая тишина царствовала на улицахъ. Каждая семья оплакивала смерть короля, потерявши въ немъ своего главу. Наше маленькое общество провело весь день въ слезахъ; сердца наши были исполнены унынія, и всякій изъ насъ невольно задавалъ себѣ вопросъ—„какова будетъ моя судьба?“

Терроръ давалъ себѣ чувствовать въ самыхъ уединенныхъ углахъ; никакое убѣжище не могло укрыться отъ него; онъ проникалъ въ самыя отдаленныя мѣста; онъ стучался во всѣ двери. Какъ могла бы я описать терроръ? Какая кисть въ состояніи его изобразить? Впрочемъ, самаго этого слова достаточно, чтобы дать понятіе о страхѣ во всевозможныхъ его оттѣнкахъ, о тоскливомъ ожиданіи и объ ужасѣ, которыми онъ наполнялъ въ то время сердца всѣхъ порядочныхъ

[1]) Въ немъ была только одна спальня съ громадной кроватью, на которой я спала вмѣстѣ съ тетушкой. Въ углу поставили складную кровать съ пологомъ для моего отца. Эти подробности нужны для послѣдующаго. Прим. авт.

людей. Домашніе обыски производились все чаще и чаще; во всякое время стали врываться къ гражданамъ въ домъ. Этотъ новый родъ пытки едва дозволялъ несчастнымъ жертвамъ изливать свое горе и слезы въ уединенныхъ стѣнахъ ихъ скромнаго жилища. Ночь, осебенно благопріятная для террора тѣмъ, что удвоивала его силу, избиралась чаще всего для этихъ страшныхъ посѣщеній. Мракъ увеличивалъ ихъ ужасъ и, казалось, усиливалъ опасность. Часовые, стоявшіе на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, неожиданно среди ночи будили жителей какими-то глухими криками, долго тянувшимися, переходя изъ устъ въ уста, по плохо освѣщеннымъ улицамъ; потомъ раздавался учащенный стукъ въ дверь. Малѣйшее замедленіе вызывало нетерпѣніе и гнѣвъ; голоса комиссаровъ присоединялись къ крику солдатъ. Страшныя ночи, когда ко всѣмъ ужасамъ прибавлялась еще неизвѣстность угрожавшей вамъ участи! Всякій недоумѣвалъ, что̀ ему дѣлать,—оставаться ли въ постели, или встать, чтобы ихъ встрѣтить; первое могло показаться слишкомъ безпечнымъ, а второе—признакомъ слишкомъ большого безпокойства.

Ко всѣмъ этимъ причинамъ тревоги, для всѣхъ очевиднымъ, присоединялось немало другихъ, менѣе опредѣленныхъ. Ходили слухи о томъ, будто якобинцы затѣвали самые гибельные планы; что у нихъ происходили тайныя собранія, гдѣ замышлялось разрушеніе Ліона и истребленіе самыхъ лучшихъ жителей его. Нашъ слуга Брюньонъ ходилъ всякій день въ якобинскій клубъ съ тѣмъ, чтобы намъ доставлять нѣкоторыя свѣдѣнія о ихъ намѣреніяхъ; якобинцы стали смотрѣть на него какъ на одного изъ своихъ приверженцевъ и часто поручали ему даже разносить памфлеты; но на свои таинственныя совѣщанія никогда его не допускали. Единственнымъ результатомъ посѣщеній якобинскаго клуба Брюньономъ было то, что мы познакомились съ ихъ кровожаднымъ краснорѣчіемъ. Этотъ честный малый, одаренный превосходной памятью и большимъ талантомъ подражанія, передавалъ намъ съ удивительною точностію ихъ зажигательныя рѣчи. Все наше общество собиралось обыкновенно слушать его и, несмотря на важность переживаемыхъ событій и угрожавшія намъ опасности, мы не могли не поддаваться комизму этого краснорѣчія. Многіе изъ этихъ ораторовъ, народившихся подъ вліяніемъ злыхъ страстей, только что оторвались отъ ткацкаго станка, надъ которымъ безвѣстно провели всю свою жизнь. Невѣжественные въ жизни и въ самомъ языкѣ, они оглашали трибуну такими нелѣпостями и риторическими фигурами, столь уморительными и столь чудовищными, что невозможно было воздержаться отъ смѣха.

Смерть короля открывала кровавую эру, ускоряемую желаніями якобинцевъ. Они еще чаще стали собираться на тайныя сходки; среди нихъ замѣтна была необычайная дѣятельность, и несмотря на таинственность, которой они окружали себя, зловѣщіе слухи доносились со всѣхъ сторонъ; чувствовалась близость невидимаго врага и самые

мужественные люди поддавались страху угрозъ. Наконецъ стало извѣстно, что якобинцы дѣйствительно готовили гибель значительной части населенія города; тогда ліонцы поднялись массою для своей защиты. День 29 мая 1793 года далъ имъ возможность доказать на дѣлѣ ихъ мужество. Это была священная борьба, на которую они шли для завоеванія жизни и свободы. Я не берусь дать точнаго отчета объ этомъ днѣ, столь знаменитомъ въ лѣтописяхъ Ліона. Видя только послѣдствія и не зная причинъ, какъ юный и наивный очевидецъ, я ограничусь разсказомъ лишь того, что̀ сама видѣла, или слышала.

Говорятъ, что Шалье, уже нѣсколько мѣсяцевъ работавшій надъ тѣмъ, чтобы фанатизировать умы, считая ихъ достаточно подготовленными для исполненія задуманнаго имъ плана, рѣшился сообщить его своимъ братьямъ и друзьямъ. Дѣло было ни болѣе, ни менѣе, какъ въ томъ, чтобъ овладѣть городомъ, воздвигнуть гильотину на Моранскомъ мосту, на обоихъ концахъ его поставить пушки и тамъ казнить „враговъ народа," тѣла которыхъ Рона должна была принять въ свои волны: и смерть, и погребеніе мгновенныя! Списокъ этихъ враговъ народа заключалъ въ себѣ лишь неопредѣленныя обозначенія: аристократы, умѣренные, богатые, равнодушные, эгоисты, ханжи, родственники эмигрантовъ и т. п.; всѣ были осуждены на смерть. „Революціонная сѣкира,—говорили они—должна разить до тѣхъ поръ, пока количество жителей въ городѣ будетъ доведено до маленькаго числа избранныхъ людей, преданныхъ интересамъ республики и достойныхъ довершить великое дѣло возрожденія города Ліона". Друзья и братья отвѣтили на этотъ призывъ, какъ того желалъ Шалье, и день для осуществленія этого заговора былъ уже назначенъ. Всѣ члены собранія должны были дать самую страшную клятву въ вѣрности, и потомъ разошлись, чтобы приготовиться къ этому преступному дѣлу, именуемому ими такимъ прекраснымъ названіемъ. Возмутительное глумленіе преступности, погубившей всѣ свои жертвы во имя добродѣтели!

Между тѣмъ, одинъ изъ друзей и братьевъ, объятый ужасомъ и отвращеніемъ при мысли о готовившихся злодѣяніяхъ, поспѣшилъ донести объ этомъ замыслѣ. Всѣ секціи немедленно собираются, объявляютъ свои засѣданія непрерывными, назначаютъ временныхъ начальниковъ и идутъ прямо на ратушу (29 мая 1793 г.).

Муниципалитетъ, весь состоявшій изъ якобинцевъ, собрался тамъ съ главными вожаками этой партіи; батареи пушекъ разставлены были въ улицахъ, выходившихъ на площадь Терро, чтобы преградить доступъ къ ней. Секціи подвигались впередъ сомкнутыми рядами по узкимъ и извилистымъ улицамъ, ведущимъ къ ратушѣ. Онѣ потеряли много народу отъ картечной пальбы почти въ упоръ и отъ ружейныхъ выстрѣловъ изъ погребовъ и чердаковъ, очень вѣрно попадавшихъ въ отдѣльныхъ людей. Жены этихъ извергов слѣдовали за колоннами наступавшихъ, подобно тому, какъ лютые волки, жадные до труповъ, являются послѣ битвы; женщины эти, сами изверги, достойные

своихъ мужей, добивали раненыхъ съ неслыханнымъ звѣрствомъ [1]). Колонна, подвигавшаяся по набережной Роны, сильно пострадала отъ пушекъ, которыя обстрѣливали ее на всемъ протяженіи. Весь день дрались съ ожесточеніемъ; упорство было одинаковое съ обѣихъ сторонъ: каждый защищалъ свою жизнь и свободу. Наконецъ, часамъ къ 6 вечера, секція Тампль, состоявшая изъ очень сильныхъ и храбрыхъ людей, взяла одну батарею приступомъ прежде, чѣмъ успѣли ее вновь зарядить; это рѣшило дѣло въ пользу честныхъ людей. Ратуша была взята. Мадинье, командовавшій ліонцами, въѣхалъ верхомъ по лѣстницѣ ратуши, держа поводья въ зубахъ и по пистолету въ каждой рукѣ. Въ ратушѣ нашли тѣла плѣнныхъ, взятыхъ якобинцами. Они были умерщвлены и въ поруганіе страшно изувѣчены. Бертранъ, ліонскій голова, Шалье, Картеронъ, Руло и многіе другіе были арестованы, отведены въ зданіе арсенала и отданы подъ стражу де-Геріо, коменданту арсенала; на другой день этотъ опасный залогъ былъ взятъ обратно и доставленъ въ Роаннъ, городскую тюрьму.

Ліонцы избрали себѣ другихъ начальниковъ и порядокъ былъ возстановленъ. Свобода, невѣдомая въ остальной Франціи, была результатомъ этой побѣды. Со всѣхъ сторонъ много народу стало стекаться въ Ліонъ, надѣясь найти здѣсь убѣжище отъ преслѣдованій, господствовавшихъ повсемѣстно. Многіе изъ нашихъ земляковъ также нашли себѣ здѣсь пріютъ. Мой отецъ, который тогда могъ пользоваться общей свободой, былъ настолько счастливъ, что могъ оказать помощь нѣкоторымъ изъ нихъ.

Черезъ нѣсколько времени Шалье, отданный подъ судъ, былъ осужденъ и приговоренъ къ смерти. Въ его процессѣ не оказалось ни одного недоказаннаго пункта; всѣ преступленія его были обнаружены и приговоръ его былъ указанъ закономъ. Онъ отказался отъ защитника, самъ себя защищалъ и выказалъ большое хладнокровіе. Онъ пожелалъ идти пѣшкомъ на казнь. Я видѣла его, когда онъ проходилъ; онъ имѣлъ видъ, точно отстраняетъ отъ себя священника, шедшаго рядомъ съ нимъ. Его лысая голова и желтый цвѣтъ лица рѣзко выдѣлялись среди многочисленнаго войска, которымъ онъ былъ окруженъ. Онъ умеръ, какъ жилъ [2]). Ріаръ де-Боверпуа, выродокъ изъ дворянской семьи, котораго Шалье заманилъ подъ свое кровавое знамя, также былъ осужденъ и черезъ три дня подвергся казни, причемъ обнаружилъ гораздо менѣе мужества, чѣмъ Шалье. Якобинцы

[1]) Одинъ молодой человѣкъ, видя, какъ передъ нимъ упалъ его товарищъ, поднялъ раненаго на плечи, чтобъ его тѣло не подверглось поруганію жестокой толпы. Это замѣтила одна изъ такихъ женщинъ; въ ярости отъ того, что одинъ раненый могъ ускользнуть отъ нея, она ударомъ кинжала поразила того, который несъ товарища, и тутъ-же докончила ихъ обоихъ. Прим. авт.

[2]) Онъ сильно страдалъ вслѣдствіе неловкости палача, еще непривычнаго къ гильотинѣ. Три раза ножъ опускался, прежде чѣмъ покончить съ нимъ. Вотъ его завѣщаніе: „Душу свою отдаю Богу, сердце патріотамъ, а тѣло злымъ врагамъ“. Прим. авт.

стали почитать мучениками этихъ двухъ преступниковъ, справедливо наказанныхъ. Они поклялись отомстить за ихъ смерть и сдержали свое слово.

Гораздо ранѣе 29-го мая, еще въ концѣ декабря 1792 г., отецъ мой узналъ о прибытіи Шамболя, меньшого своего сына, въ Парижъ. Надо было жить въ то время, чтобъ понять весь ужасъ подобнаго извѣстія для насъ. Эмигрантъ, возвращавшійся во Францію въ эту страшную эпоху, шелъ на вѣрную смерть. Послѣ одной стычки, бывшей, кажется, близъ Люттиха, армія принца Конде была распущена; эмигранты въ-разсыпную искали спасенія каждый для себя; многіе изъ нихъ, примѣняя къ дѣлу свои таланты или образованіе, благороднымъ трудомъ добывали средства къ существованію. Они разсыпались въ Голландіи, Германіи, по всей Европѣ и вездѣ находили великодушныя сердца и гостепріимство, настолько же радушное, насколько велико было ихъ несчастье. Шамболь, который былъ совершенно одинокъ, не имѣя никого знакомаго возлѣ себя, не зная, гдѣ его братъ, и сгорая желаніемъ увидѣться съ нами, принялъ рѣшеніе совершенно иное, чѣмъ всѣ его товарищи; вмѣсто того, чтобъ бѣжать отъ республиканскихъ войскъ, онъ дождался ихъ, снялъ свой мундиръ, переодѣлся и выдалъ себя за лакея одного эмигранта, увѣряя, что самое пламенное его желаніе снова увидѣть отечество.

Волонтеры, ярые патріоты [1]), но притомъ добряки, приняли участіе въ юношѣ, чуть не ребенкѣ, и пропустили его; ему тогда едва только минуло 16 лѣтъ. Благодаря этой выдумкѣ, онъ свободно прошелъ сквозь республиканскую армію, но, какъ легко себѣ представить, это было сопряжено съ большою опасностью; однако онъ находилъ добрыхъ людей, которые, можетъ быть, и подозрѣвая его тайну, помогали ему пробраться дальше. Провидѣніе послало ему на помощь добраго извозчика, который далъ ему свой холщевой балахонъ и въ руки кнутъ—погонять его лошадей. Такимъ образомъ братъ перебрался черезъ границу; на его глазахъ рылись въ ихъ поклажѣ и протыкали ее штыками, думая, что въ ней спрятанъ какой нибудь эмигрантъ. На каждомъ шагу онъ подвергался тысячѣ подобныхъ опасностей, но достигъ, наконецъ, Парижа, не имѣя иной охраны, кромѣ своей юности, а въ карманѣ всего-на-всего 30 су.

Онъ остановился въ плохенькой харчевнѣ, содержатель которой работалъ въ каменоломнѣ; плохое состояніе кошелька заставило и брата приняться за эту работу въ ожиданіи отвѣта на письмо, посланное имъ къ отцу. Отвѣта все не было; это молчаніе столько же его тревожило, сколько затрудняло его положеніе. Онъ поэтому написалъ одной старой пріятельницѣ ихъ семьи съ тѣмъ, чтобы узнать, что съ нами, и извѣстить насъ о своей печальной участи. Не получивъ никакого отвѣта и на это письмо, онъ подумалъ, что мы всѣ погибли.

---

[1]) Такъ назывались въ то время приверженцы якобинцевъ.

Ужасная тоска овладѣла имъ; положеніе его съ каждымъ днемъ становилось все затруднительнѣе; стали замѣчать, что у него слишкомъ нѣжная кожа для простаго работника. Даже маленькая дочка хозяина находила, что онъ имѣетъ видъ аристократа; малѣйшее слово, самое легкое сомнѣніе, могли привлечь вниманіе и погубить его; не зная, куда дѣваться, онъ рѣшился снова перейти границу и продалъ все, что только было возможно изъ своихъ скудныхъ пожитковъ для того, чтобы расплатиться съ своимъ хозяиномъ. По дорогѣ отъ старьевщика, гдѣ братъ продалъ свои вещи, ему пришлось проходить мимо часовни, посвященной Богородицѣ. Часовня эта была заброшена и частью разрушена; онъ проникъ въ эти пустынныя развалины. Глубокое чувство одиночества вызвало въ немъ потребность опоры свыше. Онъ сталъ молиться; душа его вознеслась къ покровителю несчастныхъ, и послѣ того, какъ онъ излилъ все свое горе Богу, облегченное сердце его прониклось надеждой; онъ всталъ бодрый и успокоенный.

Вернувшись къ своему хозяину, братъ свелъ съ нимъ счеты и сталъ съ грустью говорить о своемъ отъѣздѣ, когда дѣвочка вдругъ воскликнула: „Ахъ, мама, ты и забыла отдать ему письмо, полученное на его имя!„ При этихъ словахъ братъ мой, не имѣвшій передъ собою ничего въ будущемъ, лишенный родныхъ и друзей, словно ожилъ. Письмо было отъ г-жи Лявенье, той самой, которой онъ писалъ. Эта знакомая извѣщала брата косвенными намеками о постигшихъ насъ бѣдствіяхъ, о нашемъ отъѣздѣ изъ Мулена и прилагала ему адресъ нотаріуса, которому она поручила передать ему отъ нея денегъ въ ожиданіи извѣстій отъ отца; послѣднему она также сообщила этотъ же адресъ. Сама она также принуждена была покинуть Муленъ, что̀ и было причиной замедленія ея отвѣта.

Когда братъ узналъ, что мы еще живы, къ нему возвратилась бодрость духа. Вскорѣ онъ получилъ отъ отца приказаніе употребить всѣ усилія, чтобы пробраться къ намъ въ Ліонъ черезъ Бургундію, во избѣжаніе Бурбоне. Но желаніе повидать свои родные края заставило его избрать послѣдній путь, несмотря на всю опасность, грозившую ему въ этой провинціи. Онъ распростился съ своимъ каменьщикомъ и покинулъ Парижъ въ самый день казни короля. Преслѣдуемый этимъ страшнымъ образомъ и ужасомъ, какой ему внушило подобное злодѣяніе, пустился онъ въ опасный путь, частью идя пѣшкомъ для того, чтобы заходить въ разные города, попадавшіеся на дорогѣ, подъ видомъ мѣстнаго обывателя. Онъ прибылъ очень поздно ночью въ Муленъ, тайно посѣтилъ нѣкоторыхъ друзей и сходилъ поклониться родному крову; потомъ продолжалъ свой путь до Тулона, села близъ Мулена, гдѣ провелъ остальную часть ночи. Тутъ его узнала хозяйка дома, гдѣ онъ остановился, жившая прежде у насъ кухаркой. Жильберта—такъ ее звали—не выдала тайны брата и до-

была ему повозку, чтобъ онъ поскорѣе могъ проѣхать мѣстности, гдѣ ему было опасно долго останавливаться.

Счастье, что ямщикъ не зналъ его, потому что этотъ человѣкъ былъ одержимъ революціоннымъ бѣсомъ. „Кому принадлежитъ этотъ замокъ?" спросилъ Шамболь, проѣзжая мимо Ешероля, виднѣвшагося вдали изъ-за деревьевъ.—„Этотъ замокъ, отвѣчалъ тотъ,—принадлежитъ Ешеролю, этому злодѣю-аристократу, этому врагу народа! Его подлецы-сыновья эмигрировали. Попались бы только они намъ въ въ руки, вотъ бы заплясали!—Эта энергическая рѣчь была не очень пріятна для слуха брата моего, которому все-таки удалось проѣхать эту область безъ приключеній и которому только впослѣдствіи сказали, что онъ былъ признанъ двумя лицами, слишкомъ честными для того, чтобы донести на него.

Разъ какъ-то мы съ тетушкой вдвоемъ спокойно сидѣли у камина, когда ей подали записку отъ Шамболя, извѣщавшаго о своемъ пріѣздѣ въ Ліонъ. Не смѣя придти къ намъ, онъ писалъ, что вечеромъ придетъ на площадь таможни, въ надеждѣ, что къ нему выйдутъ туда на встрѣчу. Съ его стороны было крайне неосторожно довѣряться такимъ образомъ городской почтѣ, но Богъ хранилъ его. Какъ только тетушка прочитала письмо, тотчасъ послала меня за отцомъ, ушедшимъ изъ дому на весь вечеръ. Я объяснила, что ему необходимо поскорѣе вернуться домой, и почему; онъ сейчасъ же отправился въ указанный постоялый дворъ и спросилъ молодаго человѣка, пріѣхавшаго наканунѣ и искавшаго мѣста слуги. Брата не было дома. Отецъ оставилъ ему записку съ наставленіемъ, что̀ онъ долженъ дѣлать. Я довольно долго прогуливалась на площади, вглядываясь во всѣхъ проходящихъ, но Шамболя не дождалась. Встревоженные такимъ замедленіемъ, мы говорили другъ другу: „Что съ нимъ случилось?" Между тѣмъ стемнѣло, а его все не было. Наконецъ, около 10 часовъ, послышались чьи-то шаги на лѣстницѣ; полуоткрытая дверь растворилась; это онъ! но какъ измѣнился! „Гдѣ же ты былъ?" спросилъ его отецъ? — „Въ театрѣ, смотрѣлъ комедію", отвѣчалъ братъ. „Комедію! Съ какой же стати идти въ театръ", возразилъ отецъ сердито.— „Не смѣя явиться къ вамъ, я надѣялся раньше встрѣтить васъ тамъ; мое сердце и взоры искали васъ повсюду".—Этотъ отвѣтъ смягчилъ отца. Театральное зрѣлище плохо вязалось съ нашимъ нетерпѣливымъ ожиданіемъ и безпокойствомъ; но юность брата, привычка къ опасностямъ, отъ которыхъ ему удавалось такъ счастливо избавляться, внушали ему безпечность, которой мы не могли раздѣлять.

Онъ провелъ у насъ три дня и три ночи, точно подъ арестомъ, оставаясь нашимъ плѣнникомъ, на которомъ сосредоточились нѣжнѣйшія наши заботы и живѣйшія опасенія. Въ то время эмигрантъ былъ очень опаснымъ лицомъ. Эмигрантъ носилъ съ собою смерть; онъ самъ ей подвергался и подвергалъ ей всѣхъ, кто приближался къ нему. Г. Мазюйе и тутъ оказалъ помощь отцу моему, предложивъ дать Шам-

болю работу на стеклянной фабрикѣ въ Ривъ-де-Жіе, принадлежавшей ему. Брата тотчасъ отправили туда подъ вымышленнымъ именемъ въ званіи приказчика. Черезъ нѣсколько времени де-Геріо, этотъ дорогой другъ семьи нашей, въ то время еще командовавшій артиллеріей города, выдалъ ему видъ комиссара при артиллерійскомъ паркѣ, съ порученіемъ сдѣлать закупки желѣза и угля для ліонскаго арсенала, что̀ объясняло пребываніе брата въ Ривъ-де-Жіе. Шамболь не являлся болѣе къ намъ, чтобъ избѣжать двойной опасности — встрѣтиться съ знакомыми и быть узнаннымъ вслѣдствіе большаго сходства съ нами.

VI.

Осада Ліона.—Отецъ отказывается отъ главной команды надъ городомъ, которая ввѣрена г. де-Преси.—Бомбардировка.—Мужество m-lle де-Бельсизъ. — Моему отцу поручена защита воротъ св. Иринея. — Сборъ на бѣдныхъ. — Голодъ.— День 29-го сентября.—Графъ Клермонъ-Тонерръ.—Взятіе города.

Съ 29-го мая городъ Ліонъ пользовался свободой, невѣдомой остальной Франціи. Это былъ единственный городъ, дерзавшій бороться противъ могущества якобинцевъ и пытавшійся свергнуть ихъ иго. Но одинъ противъ стольких враговъ онъ не могъ устоять. Жестокіе властители, которые хотѣли сравнять все въ этой прекрасной странѣ, требовали, какъ говорили, чтобы имъ были выданы головою самые достойные изъ жителей города, въ возмездіе за голову Шалье. Но ліонцы предпочли позорной выдачѣ честь защищаться до конца и приготовились къ этому. Всѣ благородныя сердца въ великодушномъ порывѣ рѣшились воспротивиться насилію и всѣмъ пожертвовать для этой цѣли.

Я считаю нужнымъ еще разъ напомнить, что разсказываю только то, что сама видѣла, или слышала, не входя во всѣ извилины тогдашней политики, бывшей недоступной для моего возраста. Единственное достоинство этого разсказа—его правдивость.

Рѣшившись защищаться, ліонцы избрали г. де-Шенелетъ своимъ начальникомъ; а когда этотъ престарѣлый воинъ отказался, всѣ обратили взоры на моего отца. Три члена временнаго департаментскаго управленія пришли къ отцу заявить, что онъ приглашается занять эту должность, отъ которой зависитъ вся будущая судьба города. Отецъ мой, несмотря на то, что былъ очень польщенъ такою честью, не принялъ предложенія.

Для этого нуженъ былъ человѣкъ энергичный и, сообразно съ обстоятельствами, способный исполнить въ нѣсколько дней громадную задачу, возложенную на него. Дѣло было нелегкое—привести городъ

въ положеніе, которое позволило бы ему выдержать грозившую ему осаду. Отецъ мой, которому было уже 66 лѣтъ, неизвѣстный ліонцамъ, боялся, что не будетъ внушать имъ достаточно довѣрія. Не будучи въ состояніи ѣздить верхомъ, онъ не могъ съ требуемой быстротой осмотрѣть городъ и его окрестности. Но, отказавшись отъ главнаго начальства, онъ обѣщалъ свои услуги вездѣ, гдѣ пожелаютъ ими воспользоваться. Тогда главнымъ начальникомъ былъ избранъ г. де-Преси, который, какъ извѣстно, и согласился.

Какимъ образомъ отецъ мой, жившій въ полномъ уединеніи, могъ привлечь на себя вниманіе, которое направило на него выборъ департамента?—А вотъ какъ это случилось: мѣстныя власти города Мулена, сожалѣя о томъ, что отецъ ускользнулъ изъ ихъ рукъ, подали въ кассаціонную палату въ Парижѣ апелляцію на оправдательный приговоръ, предоставившій отцу свободу. Кассаціонная палата, утвердивъ этотъ приговоръ, выслала свое рѣшеніе прямо на имя отца, который тутъ только и узналъ о новыхъ проискахъ своихъ враговъ. Этотъ пакетъ, полученный изъ Парижа на его имя съ пятью печатями и обозначеніемъ его чина, возбудилъ любопытство; пакетъ былъ вскрытъ и тогда узнали, что старый генералъ-маіоръ прибылъ въ Ліонъ, надѣясь найти убѣжище отъ своихъ гонителей. Эмиграція увлекла въ дальніе края множество отставныхъ военныхъ, и въ Ліонѣ конечно ихъ было очень мало; мнѣ кажется даже, что г. де-Преси не былъ постояннымъ жителемъ этого города.

Вскорѣ необычайная дѣятельность закипѣла въ городѣ и въ его обширныхъ предмѣстьяхъ. Одно изъ нихъ, Ле-Брото, сдѣлалось мѣстомъ военныхъ упражненій. Здѣсь рыли канавы, тамъ воздвигали бастіоны; руки, неспособныя владѣть оружіемъ, были заняты возведеніемъ земляныхъ укрѣпленій; всякій благонамѣренный человѣкъ, какого бы ни было возраста и пола, вносилъ свою долю труда. Нѣкій Шмидтъ, очень искусный въ своемъ дѣлѣ, отливалъ пушки и мортиры, такъ какъ послѣ 29-го мая артиллерійскій паркъ былъ перевезенъ въ Гренобль. Негоціанты поставляли тюки шерсти и хлопка для устройства особаго рода редутовъ по набережной Роны. Въ груди ліонцевъ билось одно сердце, одно чувство воодушевляло мужчинъ и женщинъ: бороться противъ тиранніи. Самыя изнѣженныя дамы присутствовали при артиллерійскихъ упражненіяхъ и пробѣ пушекъ. Ничто, казалось, не страшило и не смущало ихъ. Зная только одну опасность, онѣ всѣ имѣли лишь одну мысль — общее спасеніе, и всѣми силами стремились къ этой общей цѣли. Женщины, отождествляя себя съ дѣломъ, за которое стоятъ, составляютъ съ нимъ одно цѣлое, великодушно принимая всѣ его послѣдствія; онѣ всегда выдерживали испытаніе до конца. Что же касается меня, то въ моемъ мужествѣ была большая доля любопытства; но я вполнѣ раздѣляла общій энтузіазмъ. Отецъ повсюду водилъ меня съ собой и никогда не относилась я къ своимъ урокамъ съ такимъ усердіемъ, съ какимъ тогда слушала

наставленія отца въ военномъ дѣлѣ. Я просила объясненій всему, все запоминала; я думаю, что могла бы тогда выдержать экзаменъ изъ фортификаціи—такъ глубоко врѣзывались въ моей памяти самые малѣйшіе техническіе термины благодаря горячему интересу, овладѣвшему мной.

Въ то время какъ въ Ліонѣ спѣшили укрѣпить городъ, армія Конвента приближалась. Она могла расчитывать на сильную партію въ стѣнахъ города. Партія эта состояла изъ черни и большого количества рабочихъ съ шелковыхъ фабрикъ, лишившихся работы. Эти кануты (такъ называемые въ насмѣшку отъ канеты—родъ челнока, употребляемаго ими для тканья матерій),—эти кануты превосходили благомыслящихъ людей числомъ, какъ они превосходили ихъ коварствомъ и хитростью, работая втихомолку и подкапывая планы, составленные для спасенія Ліона. Ихъ шпіонство проникало повсюду. Муниципалитетъ и департаментъ были наполнены такими лже-приверженцами. Г. де-Преси [1]), чужой въ этой сторонѣ, окруженный людьми ему мало извѣстными, не всегда могъ отличить коварство отъ чистосердечія; онъ часто бывалъ введенъ въ обманъ получаемыми донесеніями, и потому самыя благія его намѣренія не оказывали пользы правому дѣлу. Канутамъ, этому бѣдному испорченному классу, нечего было терять, а выиграть они могли много. Каждый изъ нихъ, надѣясь обогатиться среди общей смуты, естественно дѣлался врагомъ всѣхъ тѣхъ, которые хотѣли возстановить порядокъ. Они произвели преждевременный голодъ, который скоро сдѣлался ощутителенъ въ городѣ; проникая въ тайну распоряженій городскаго совѣта, они сообщали ихъ осаждавшимъ. Эти сообщенія, передаваемыя въ непріятельскій лагерь, часто дѣлали безплодными самыя лучшія мѣры. Осаждавшее насъ войско было менѣе опасно для насъ, чѣмъ эта толпа враждебныхъ людей, которые день и ночь измышляли какія нибудь новыя козни.

Число искреннихъ и добровольныхъ защитниковъ достигало, какъ говорили, лишь до 6000 человѣкъ; всѣ остальные—боязливые, или сомнительные, или служившіе по найму,—внушали мало довѣрія. Былъ только одинъ отрядъ кавалеріи, составленный изъ молодыхъ людей, довольно богатыхъ, чтобъ обмундироваться на свой счетъ; большинство же, не имѣя мундира, довольствовалось лѣтнимъ платьемъ, что вызвало насмѣшки со стороны осаждавшихъ, которые презрительно прозвали ихъ бумажными и нанковыми солдатами.

Мнѣ было въ то время почти 14 лѣтъ; не понимая всей важности событій и того, что̀ они готовили намъ въ будущемъ, я была обречена раздѣлять съ другими жителями города большія лишенія и

[1]) Де-Преси призвалъ моего отца въ свой военный совѣтъ и самъ нѣсколько разъ приходилъ къ отцу. Я живо помню его смуглое лицо и блестящей бѣлизны зубы, что дѣлало его очень замѣтнымъ среди другихъ. Прим. авт.

мучительныя тревоги. Посвященная въ тайны, превышавшія мой дѣтскій умъ, я предавалась самымъ грустнымъ мыслямъ и предчувствовала продолжительныя испытанія.

Вскорѣ городъ былъ почти окруженъ и осаждавшее войско стало дѣлать серьезныя атаки. Кажется, съ 8 или 9 августа [1]) начали къ намъ летать бомбы. Я совсѣмъ не ложилась въ первую ночь бомбардировки: страхъ и отчасти любопытство не давали мнѣ спать нѣсколько ночей къ ряду, какъ и всѣмъ другимъ обитателямъ этого дома. Нѣсколько человѣкъ приходили на ночь къ намъ, считая наше помѣщеніе самымъ безопаснымъ во всемъ домѣ. Странное это было собраніе, гдѣ каждый вносилъ въ общую массу ощущеній свою долю малодушія или мужества. Другъ другу повѣряли свои страхи и сомнѣнія, подходили съ любопытствомъ къ окну для того, чтобы отъ него отскочить съ ужасомъ, когда вдругъ раздавался оглушительный трескъ разрывавшейся бомбы. Если бы бомбы не носили съ собою смерти, онѣ представляли бы очень интересное зрѣлище.

Я проводила ночи у окна, слѣдя за тѣмъ, какъ эти падающія звѣзды описывали въ воздухѣ огромную дугу и потомъ со свистомъ опускались внизъ, чтобъ разорваться съ ужаснымъ трескомъ. Это было великолѣпно и вмѣстѣ ужасно. Я не могу забыть нѣкоего Бертелье, который вмѣстѣ съ другими искалъ спасенія въ гостиной моей тетушки. Столь же любопытный, какъ я, но болѣе трусливый, онъ тихонько на-цыпочкахъ подкрадывался къ окну, словно боясь пробудить бомбу, осторожно приподнималъ кисейную занавѣску, чтобы взглянуть на нее сквозь стекло, а какъ только она начинала опускаться, занавѣска выскользала изъ его рукъ и онъ самъ прятался за эту легкую кисею, какъ за мѣдный щитъ; его страхъ до того меня забавлялъ, что я забывала о своемъ собственномъ.

Бомбардировка продолжалась съ ожесточеніемъ. Загорѣлся арсеналъ, и увѣряли, будто его подожгли якобинцы; осаждавшіе тотчасъ направили на него свои бомбы и тогда уже стало невозможно бороться съ пожаромъ. Взрывъ былъ ужасенъ; все небо пылало огнемъ и свѣтъ былъ до того ярокъ, что, намъ показалось, будто пожаръ рядомъ съ нами, или даже въ самомъ нашемъ домѣ. Я была въ невыразимомъ волненіи, особенно за отца, который уже легъ спать. Его безпечность лишь увеличивала мою тревогу. Онъ почти никогда не появлялся на нашихъ ночныхъ собраніяхъ. Предоставляя насъ самимъ себѣ, онъ спалъ точно про запасъ въ ожиданіи назначенія, которое ему предстояло. Мнѣ приходилось нѣсколько разъ будить его. „Батюшка, вставайте!“—„Что случилось, дитя мое?“—„Бомбы! Развѣ не можетъ одна изъ нихъ упасть сюда? Вы можете быть убиты въ

---

[1]) Бомбардировка Ліона началась 22 августа. См. Мортимера-Терно, 8-й т. кн. XLV, глава VIII, гдѣ разсказана осада Ліона. Разсказъ историка въ общемъ вполнѣ совпадаетъ съ воспоминаніями Ал. дез-Ешероль. Прим. пер.

постели!"—„Не упадетъ, дочь моя!" И онъ засыпалъ крѣпче прежняго. Я положительно не могла постигнуть, какъ этотъ постоянный грохотъ орудій и ежеминутная опасность не нарушали ни его сна, ни душевнаго спокойствія!

Наконецъ, мысль о пожарѣ совершенно охватила меня и, чуть не радуясь тому, что имѣла настоятельный поводъ разбудить отца, я бросилась въ его комнату и закричала надъ нимъ изо всей мочи: „Пожаръ, батюшка, пожаръ! вставайте же!"—„Что, что?—прогорилъ онъ спросонья,—гдѣ же пожаръ?"—„Очень близко отъ насъ, очень близко, посмотрите, какое зарево!" Онъ тотчасъ всталъ, и вотъ каковы впечатлѣнія юности: я была въ восхищеніи, что нашлась причина, какова бы она ни была, заставившая отца покинуть постель, въ которой, мнѣ казалось, смерть могла поразить его гораздо легче, чѣмъ въ иномъ мѣстѣ. Его спокойствіе, такъ мало гармонировавшее съ нашимъ тревожнымъ настроеніемъ, возбуждало во мнѣ сильнѣйшее нетерпѣніе. Впослѣдствіи я поняла это, но въ то время далеко было мнѣ, глупой дѣвочкѣ, съ моими страхами, до хладнокровія испытаннаго стараго воина. Какъ скоро я увидѣла его въ движеніи, я успокоилась, хотя онъ теперь гораздо болѣе подвергался опасности, потому что сейчасъ же ушелъ изъ дому.

Онъ скоро вернулся и сказалъ намъ, что это горитъ арсеналъ; въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ виднѣлись пожары по ту сторону Соны. Я вмѣстѣ съ отцомъ сошла внизъ къ берегу этой рѣки; мы приблизились къ самому краю скалъ, обнаженныхъ въ это время вслѣдствіе пониженія воды, и нашимъ взорамъ представилось грозное зрѣлище. Арсеналъ и вмѣстѣ съ нимъ болѣе 300 домовъ были добычей пламени. Огненные языки, подобно какимъ-то чудовищнымъ змѣямъ, захватывали все, что могли достать, обвивали и поглощали въ своей пасти жизнь многихъ людей, богатства, надежды, жилища огромнаго числа семействъ, очутившихся въ одно мгновеніе въ одинаковой нищетѣ. Страшное уравненіе! Богатые и бѣдные вмѣстѣ искали спасенія за возвышеніемъ Перрашъ. Такъ какъ непріятельскія батареи были направлены именно на тѣ кварталы, которые горѣли, то невозможно было остановить распространеніе огня. Та часть, гдѣ мы жили, была отдѣлена Соной и Роной отъ мѣста, откуда стрѣляли изъ орудій; поэтому бомбы если и долетали сюда, то уже утративши свою силу. Впрочемъ нѣсколько бомбъ произвели и здѣсь опустошенія.

М-lle де-Бельсизъ вмѣстѣ съ нами прошла черезъ площадь, чтобы добраться до берега Соны. Она скоро замѣтила, что одинъ изъ пожаровъ, отъ котораго насъ отдѣляла рѣка, по ея соображенію, былъ въ улицѣ Гренетъ, гдѣ жила ея сестра. Г. Миляне, ея зять, имѣлъ тамъ большую типографію. „Если пожаръ у сестры—сказала она намъ,—то я должна оказать ей помощь. Она дома одна съ дѣтьми; мужъ ея на своемъ посту. Кто знаетъ, въ какомъ она положеніи въ настоящую минуту!" Задумано—и тотчасъ исполнено. Когда она по-

дошла къ каменному мосту, часовой остановилъ ее — женщинъ не пропускаютъ; какъ она ни старалась склонить его въ свою пользу, какъ ни умоляла его со всѣмъ жаромъ взволнованной души,—дисциплина не хочетъ знать родства. Тогда она возвращается къ себѣ, переодѣвается въ мужское платье, кладетъ за поясъ два пистолета и снова отправляется. На этотъ разъ она идетъ на Сенъ-Венсанскій мостъ. „Куда идешь?" кричитъ ей часовой.—„На свой постъ", смѣло отвѣчаетъ она.—„Какой постъ?" — „Красный крестъ". — „Проходи!" Несмотря на пистолеты, полудѣтскій видъ ея могъ бы внушить подозрѣніе, но въ то время всѣ привыкли видѣть даже отроковъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Дѣйствительно, пожаръ былъ въ домѣ ея сестры, которую она нашла занятою перевязкой одного изъ рабочихъ, раненаго осколкомъ бомбы (которая зажгла ихъ домъ), и потому не имѣвшей возможности справиться съ требованіями минуты. Дѣти въ слезахъ бросились въ объятія тетки, которая съумѣла ихъ успокоить и ободрить. Она провела здѣсь остальную часть ночи, помогая своими совѣтами и содѣйствуя собственноручно прекращенію пожара; когда все приняло болѣе спокойный видъ, m-lle де-Бельсизъ вернулась около шести часовъ утра домой, чтобы разсказать встревоженнымъ родителямъ о своихъ ночныхъ похожденіяхъ.

Какъ только день смѣнилъ эту злополучную ночь, всѣ стали съ поспѣшностью наполнять водою чаны, разставленные на улицахъ и передъ домами. На это распоряженіе, обращенное къ жителямъ города, отозвались почти исключительно однѣ женщины. Всѣ мы стали въ цѣпь, даже тетушка моя не отказалась отъ этого труда, и такъ какъ здѣсь сердце придавало силу, она работала, какъ будто во всю свою жизнь ничего другаго не дѣлала, какъ только носить ведра съ водой.

По возвращеніи изъ военнаго совѣта отецъ сообщилъ намъ, что де-Преси поручилъ ему защиту воротъ св. Иринея, находившихся въ сторонѣ предмѣстья Сентъ-Фуа. Тетушка не рѣшилась разстаться съ отцомъ и мы послѣдовали за нимъ на новую квартиру, которую онъ съ большимъ трудомъ отыскалъ въ этой части города, потому что множество жителей Ліона укрылись въ этомъ предмѣстьи, выстроенномъ на горѣ, и которое по своему возвышенному положенію и по отдаленности, казалось, представляло болѣе безопасности. Дома, переполненные жильцами, были заняты начиная съ погреба до чердака, и за неимѣніемъ помѣщенія, подземная церковь св. Иринея, нѣкогда служившая во время гоненій убѣжищемъ для христіанъ, сдѣлалась пристанищемъ для тѣхъ, кто не имѣлъ крова. Мы съ грустью покинули добрыхъ друзей, которыхъ Провидѣніе послало намъ въ нашемъ изгнаніи. Намъ пришлось вмѣстѣ страдать, а это скоро образуетъ прочныя связи. Что же касается до меня, то я сильно горевала по Софьѣ Сулинье, ставшей для меня искреннимъ, сердечнымъ другомъ. Мы говорили другъ другу на прощанье: „Увидимся ли мы когда-

нибудь“? Затѣмъ каждая изъ насъ пошла на встрѣчу своей судьбѣ, съ невольнымъ любопытствомъ заглядывая впередъ въ новую жизнь, которая открывалась передъ нами.

Городъ не былъ еще окруженъ съ той стороны, куда мы переѣхали: здѣсь было какъ-то привольнѣе; нѣкоторые загородные дома въ окрестностяхъ не были еще покинуты хозяевами; сосѣдніе крестьяне приносили сюда съѣстные припасы и овощи, и хотя этой провизіи было недостаточно сравнительно съ требованіями, все же оба предмѣстья — Сенъ-Жюста и Сентъ-Ирене пользовались нѣкоторымъ довольствомъ, неизвѣстнымъ въ центрѣ Ліона. Между тѣмъ, число людей, стекавшихся сюда спасаясь отъ бомбъ, все возрастало и бѣднѣйшій классъ сильно страдалъ. Припасы сдѣлались рѣдки и дороги. Священникъ при церкви св. Иринея, не будучи въ состояніи удовлетворить всѣмъ нуждамъ, пришелъ просить моего отца, чтобъ онъ позволилъ мнѣ обойти многочисленныхъ иногородныхъ, нашедшихъ убѣжище въ его приходѣ; онъ надѣялся, что по справедливости они взамѣнъ дадутъ ему средства оказать помощь бѣднякамъ, положеніе которыхъ еще ухудшилось отъ ихъ наплыва. Отецъ мой далъ свое согласіе и я съ радостью помышляла о томъ, что призвана играть дѣятельную роль въ нашей исторіи; это придавало мнѣ большое значеніе въ собственныхъ глазахъ. Ко мнѣ приставили еще одну дѣвочку, мать которой жила въ одномъ домѣ съ нами, и мы сейчасъ же приступили къ сбору подаянія въ сопровожденіи нашего добраго священника.

Не легкое было дѣло собирать подаянія на бѣдныхъ въ такое время, когда всѣмъ грозила опасность лишиться средствъ къ жизни, и каждый поэтому боялся уменьшить оставившійся у него запасъ; намъ случалось не разъ испытать плохой пріемъ, хотя трудно было устоять противъ краснорѣчивыхъ увѣщаній добраго священника. Рѣчь его, дышавшая пламенной любовью къ ближнему, проникала въ самыя черствыя души и покоряла ему самыхъ неподатливыхъ; наши кошельки скоро стали видимо наполняться; но есть сердца, неприступныя какъ скалы, противъ которыхъ всѣ усилія тщетны.

Ничто не ускользало отъ нашихъ посѣщеній: мы обошли все, что только было обитаемо. Древняя церковь св. Иринея увидѣла насъ въ своемъ подземельи. Чердаки, даже погреба, не укрылись отъ нашихъ поисковъ. Я помню, что разъ мы вошли въ какой-то полуоткрытый сарай, откуда тотчасъ же удалились, увидавъ тамъ крайнюю нищету; но находившаяся тамъ женщина при видѣ насъ тотчасъ встала, догнала насъ на улицѣ и подала ассигнацію въ 50 су, выразивъ сожалѣніе, что не можетъ дать болѣе, но желая содѣйствовать, сколько могла, нашему доброму дѣлу. То была по истинѣ лепта вдовы!

Совершенно иная сцена ожидала насъ въ одномъ изъ загородныхъ домовъ, куда мы направились послѣ того. Нѣкоторыя изъ этихъ прелестныхъ жилищъ оставались еще нетронутыми непріятелемъ. Мы вошли въ одинъ изъ самыхъ хорошенькихъ домиковъ. Изящество

всей обстановки свидѣтельствовало какъ о вкусѣ, такъ и о богатствѣ его владѣльца. Насъ провели въ голубую гостиную, вновь отдѣланную и блиставшую роскошью; прекрасныя гравюры, очень дорогая мебель, дѣлали эту гостиную роскошной и вмѣстѣ съ тѣмъ изящной. Мы изложили свою покорную просьбу принявшей насъ хозяйкѣ, изысканный туалетъ которой вполнѣ гармонировалъ съ очаровательной обстановкой ея жилища. Священникъ поддержалъ нашу простую просьбу со всѣмъ благочестивымъ усердіемъ, которое ему внушала его горячая вѣра. „Мнѣ очень жаль—отвѣтила дама,—но я не этого прихода".—„Сударыня, возразилъ онъ кротко,—среди несчастныхъ обстоятельствъ, удручающихъ насъ, милосердіе не позволяетъ думать, что его благодѣянія могутъ быть ограничены столь узкими предѣлами".—„Но повторяю вамъ, сударь, что я не изъ этого предмѣстья и живу здѣсь только временно".—„Сударыня, продолжалъ священникъ твердымъ голосомъ,—вы явились сюда искать убѣжища отъ опасностей, грозившихъ вамъ въ другомъ мѣстѣ; съ той минуты, какъ вы здѣсь поселились, вы принадлежите къ моему приходу. И неужели вы не можете оказать хотя малѣйшую милость взамѣнъ той безопасности, которую нашли здѣсь?—„Я люблю бѣдныхъ", отвѣчала дама съ раздраженіемъ, „я много имъ раздаю въ своемъ приходѣ; то, что я дала бы здѣсь, принадлежитъ имъ". За этими словами послѣдовалъ сухой поклонъ и, уходя въ сосѣднюю комнату, она громко хлопнула дверью. Мы вышли изъ этого изящнаго жилища глубоко оскорбленные; взоры наши вмѣстѣ съ мыслями невольно возвратились съ любовью къ бѣдной лачугѣ. При этомъ обходѣ намъ приходилось близко подходить къ непріятельскимъ постамъ, что было не безопасно, и хотя мѣстность эта находилась подъ защитой нашихъ батарей, но намъ не разъ случалось быть подъ выстрѣлами непріятеля. Мы видѣли много солдатъ изъ войска Конвента у оконъ тѣхъ домовъ, которые попали въ ихъ руки. Но, несмотря на это, мы продолжали свой обходъ по окрестностямъ города; намъ была поручена жатва бѣдняка и мы хотѣли собрать все до послѣдняго колоса. Случалось такъ, что наше посѣщеніе на другой день становилось уже невозможнымъ, такъ какъ осаждавшіе съ каждымъ днемъ подвигались все ближе; смерть въ свою очередь косила по тому самому пути, по которому мы слѣдовали еще наканунѣ за человѣкомъ Божіимъ. Что сталось съ важной дамой, которая такъ жестко и сухо приняла насъ? Что сталось съ ея прекраснымъ жилищемъ? Можетъ быть враги Ліона не были ея врагами; или же она, подобно намъ, вернулась въ городъ, гдѣ насъ ожидали общія бѣдствія.

Сборъ принесъ не много сравнительно съ нуждами, но все-таки онъ далъ возможность купить припасовъ для самыхъ бѣдныхъ и больныхъ. Цѣны на провизію становились непомѣрно высоки. Городъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе стѣсняемый, съ каждымъ днемъ видѣлъ, какъ уменьшались его средства, и всякій берегъ то, что у

него еще оставалось. Мы ѣли отвратительный хлѣбъ, приготовленный изъ затхлой муки, что дѣлало его, вѣроятно, очень вреднымъ; да и этотъ плохой хлѣбъ, только съ виду казавшійся хорошимъ, приходилось печь тайкомъ, потому что всякій боялся дать замѣтить, что у него есть что нибудь въ запасѣ, скрывая средства пропитанія отчасти изъ предосторожности, чтобъ сохранить ихъ, отчасти,—чтобъ не казаться счастливѣе другихъ. Отецъ мой получалъ ежедневно одинъ раціонъ хлѣба и мяса, что и составляло самую существенную часть питанія всей семьи нашей. Небольшая комната, служившая по очереди то столовой, то гостиной, на ночь превращалась въ спальню для тѣхъ, кто не зналъ, куда пріютиться. Здѣсь разстилали на полу столько матрасовъ, сколько было человѣкъ, и этимъ вполнѣ довольствовались; въ сущности, человѣкъ имѣетъ не много потребностей. Всѣ были заняты важными событіями эпохи и никто не думалъ объ удобствахъ жизни. Бороться съ опасностью, защищаться до смерти,— вотъ какіе помыслы поглощали все остальное. Сколько молодыхъ людей, сильныхъ и храбрыхъ, на моихъ глазахъ уходили изъ этой комнатки послѣ освѣжительнаго, спокойнаго сна, чтобы весело и бодро отдаться тяжелому ежедневному труду и встрѣтить смерть!

Войска, отряженныя изъ Ліона для занятія сосѣднихъ мѣстечекъ, Сентъ-Этьенъ и Монбризонъ, были принуждены повернуть назадъ и возвратиться въ городъ. Это отступленіе предвѣщало новыя несчастія; оно было встрѣчено глубокимъ молчаніемъ. Многіе изъ этихъ воиновъ совершили подвиги, достойные удивленія, но не всѣ вернулись къ своему очагу. Нѣсколько женщинъ послѣдовали за своими мужьями, желая раздѣлить ихъ участь и умереть вмѣстѣ съ ними; всѣ съ удивленіемъ указывали на жену Камиль Жордана, которая вездѣ была на конѣ рядомъ съ мужемъ и не отставала отъ него даже въ серьезныхъ стычкахъ. Всѣ эти женщины предчувствовали будущее и многія впослѣдствіи сожалѣли, что ихъ не постигла смерть въ то время. Нѣсколько плѣнныхъ слѣдовало за ними; мнѣ кажется, что между ними былъ членъ Конвента, депутатъ Жавогъ, по крайнѣй мѣрѣ мнѣ представляется, что я видѣла его тутъ и что всѣ показывали его другъ другу, среди его другихъ товарищей плѣна, шедшихъ подъ конвоемъ отряда пѣхоты, который ихъ окружалъ. Мнѣ показалось, что я видѣла брата среди возвращавшихся солдатъ. Я тотчасъ сообщила это отцу, который немедленно отправился на поиски и ничего не открылъ; но вскорѣ послѣ этого мы узнали, что Шамболъ дѣйствительно находится въ городѣ, гдѣ онъ поступилъ на службу въ участкѣ, очень отдаленномъ отъ нашего, для того чтобы не быть нами узнаннымъ. Видя, что никакой помощи не являлось въ Ліонъ и что этотъ славный городъ, позорно брошенный на произволъ судьбы, падетъ жертвой своихъ благородныхъ усилій въ борьбѣ противъ революціонной власти,—видя все это и убѣжденный въ безплодности сопротивленія, отецъ мой приказалъ сыну оставить городъ и немедленно

возвратиться въ свое прежнее убѣжище, пользуясь краткимъ срокомъ, когда сообщенія были еще свободны; братъ мой заливался горькими слезами, но исполнилъ желаніе отца.

Возвратъ войска увеличилъ потребленіе припасовъ и голодъ. Бѣдный маркизъ де-Пюръ, жившій однимъ только молокомъ, такъ какъ уже съ давнихъ лѣтъ не переносилъ иной пищи, не могъ долѣе скрывать своей кормилицы отъ поисковъ голодающихъ: у него отняли корову; я видѣла, какъ сильно онъ горевалъ и жалѣлъ о ней, тщетно прося ее пощадить. Что съ нимъ сталось? Могъ ли онъ еще существовать? Не знаю—послѣ этого я его никогда не видала.

Говорили, что на самомъ дѣлѣ голодъ былъ причиненъ не столько недостаткомъ припасовъ, сколько продѣлками злонамѣренныхъ людей, которые, держа сторону осаждавшихъ, дѣлали все, чтобъ увеличить безпорядокъ и лишенія. Я сама видѣла сигналы, которыми давали знать непріятелю о существованіи запасныхъ магазиновъ съѣстныхъ припасовъ и фуража и гдѣ именно они находились. Какъ только свѣтъ, появлявшійся съ промежутками извѣстное число разъ на возвышенномъ мѣстѣ, переставалъ показываться, сейчасъ же бомбы въ указанномъ мѣстѣ зажигали эту часть города, гдѣ вмѣстѣ съ зданіями погибали и всѣ запасы. Полиціи никогда не удавалось накрыть измѣнниковъ—они всегда ускользали отъ нея.

Только среди такого полнаго и общаго лишенія человѣкъ узнаетъ цѣну неоходимаго и понимаетъ, какъ мало ему нужно. Многія дамы изъ Монбризона, опасаясь попасть въ руки якобинцамъ, послѣдовали за ліонскими войсками; однѣ шли пѣшкомъ, другія ѣхали, сидя на пушкахъ, предпочитая утомленіе и голодъ ужасному обращенію, которому онѣ могли подвергнуться со стороны непріятеля. Онѣ пришли раздѣлить наши мимолетныя надежды и наши жгучія тревоги. Многія изъ нихъ остались въ той части, гдѣ мы жили; ихъ помѣстили какъ могли, и каждый, удѣливъ частичку изъ своего необходимаго, посылалъ имъ что нибудь въ даръ, что было имъ драгоцѣнно при ихъ положеніи. Кто посылалъ имъ немного хлѣба или муки, кто—кусокъ мяса; нѣкоторыя лица давали имъ одежду. Наше подаяніе состояло изъ миски бѣлыхъ бобовъ.

Наконецъ, городъ былъ совершенно окруженъ и отдѣленъ отъ непріятеля только Роной и городскими стѣнами. 29-го сентября онъ былъ атакованъ со всѣхъ сторонъ. Бой кипѣлъ у всѣхъ городскихъ воротъ. Я не берусь описать шумъ, грохотъ, суматоху и ужасъ этого дня.

Домъ нашъ, находившійся у Иринейскихъ воротъ, слѣдовательно, по близости происходившаго здѣсь боя, оказался между тремя батареями, и частые залпы, гремѣвшіе надъ нашими головами и около насъ, безпрерывно оглушали насъ; непріятельскія пули со свистомъ ударяли въ наши окна. Ничто, нѣтъ, ничто не можетъ сравниться съ пыткой, которую испытываешь, когда приходится неподвижно стоять на мѣстѣ среди опасности, быть принужденнымъ къ бездѣйствію,

когда вокругъ васъ всё въ смятеніи, всё дерутся, всякій наноситъ или получаетъ смерть.

Мы въ этотъ день мало видѣли отца; онъ всѣми силами старался придать мужества трусливымъ войскамъ, которыя ложились на землю, чтобы избѣжать пуль, сыпавшихся на нихъ градомъ. Видъ этого стараго воина, твердо стоявшаго среди нихъ, старавшагося пробудить чувство чести въ этихъ смущенныхъ сердцахъ, не производилъ особеннаго впечатлѣнія на большинство. Это большинство служило по найму и находило, что получаемое жалованье не стоитъ ихъ жизни. Многіе изъ нихъ, подкупленные враждебной партіей, держали ея сторону, и всё, можетъ быть, понимая безплодность сопротивленія, отказывались продолжать борьбу.

А мы въ это время предавались самой мучительной тревогѣ, не зная даже, живъ ли еще отецъ; мы сами ждали смерти. Она являлась передъ нашими глазами въ самыхъ ужасныхъ образахъ, и наше напуганное воображеніе дѣлало еще страшнѣе и безъ того ужасную дѣйствительность. Изъ нашихъ оконъ видна была возвышенность близъ городскихъ воротъ, и можно сказать, что мы присутствовали при боѣ; мы видѣли, какъ ліонцы постоянно отступали и возвращались въ стѣны города. Несмотря на свистъ пуль, я жадно слѣдила за всѣмъ сквозь рѣшетчатыя ставни, стараясь измѣрить степень опасности, угадать впередъ и почувствовать ея приближеніе. Переносили раненыхъ; женщины съ растрепанными волосами, унося своихъ дѣтей, бѣжали съ криками: „Вотъ они! Мы погибли! Вотъ они!“ Онѣ спѣшили въ городъ, надѣясь спастись отъ гибели, но онѣ только отдаляли ее. Такъ провели мы весь этотъ день.

Священникъ въ облаченіи переходилъ изъ одного дома въ другой, принося всѣмъ слова утѣшенія и надежды. Онъ подготовлялъ къ смерти, къ страданіямъ, увѣщевая смириться. Онъ отпускалъ грѣхи во имя Господа милосерднаго, онъ говорилъ о вѣчныхъ благахъ, ожидающихъ насъ въ награду за наши краткія страданія. „Я погибну первый — говорилъ онъ намъ, — прежде чѣмъ коснутся овецъ моихъ, которыхъ довѣрилъ мнѣ Господь“. Какъ живо возстали предо мною въ этотъ день, который я считала послѣднимъ, всё прежніе дни моей юной жизни! Какой торжественности исполнены эти минуты, когда въ полнотѣ здоровья и силы ожидаешь скораго конца, за приближеніемъ котораго слѣдишь какъ бы шагъ за шагомъ и который представляется тѣмъ болѣе тяжелымъ, что все сулило вамъ длинную и счастливую жизнь! Каждый изъ насъ, прося прощенія за многочисленные грѣхи свои, сожалѣлъ, что такъ мало знаетъ за собой добрыхъ дѣлъ и искалъ себѣ въ одномъ Богѣ опоры и утѣшенія. Наше послѣднее желаніе заключалось въ томъ, чтобы умереть безъ поруганія. Повѣритъ ли кто нибудь, что среди такого ужаса возможно было улыбнуться? Страхъ такъ различно дѣйствовалъ на каждаго изъ насъ, что изъ этого возникали презабавныя сцены. „Видите ли,— говорила мнѣ моло-

денькая дочь нашего хозяина,—надо все сдѣлать, чтобы спастись. Я надѣла свой платокъ наизнанку для того, чтобъ они меня не убили".— „Какимъ же это образомъ вывороченный наизнанку платокъ спасетъ вамъ жизнь?"—„Они примутъ меня за жену какого нибудь рабочаго". Бѣдное дитя! дадутъ ли они себѣ трудъ разбирать это!

Многочисленные приверженцы непріятельской арміи открыто радовались успѣхамъ, предвѣщавшимъ имъ скорую побѣду. Они прямо угрожали грабежомъ. Будучи вездѣ окружены внутренними врагами, столь же опасными, какъ и внѣшніе, всѣ сидѣли запершись по домамъ, впуская только вѣрныхъ людей. Къ намъ кто-то постучался,— смотримъ, это отецъ! Онъ входитъ въ сопровожденіи племянника де-Преси и графа Клермонъ-Тонерра. Они дрались весь день и были въ изнеможеніи отъ усталости и голода. Де-Преси еще держалъ въ рукахъ пистолетъ, отнятый имъ у непріятельскаго кавалериста въ стычкѣ на шоссе Перрашъ, гдѣ онъ сражался какъ левъ. Дѣло это было горячее; подъ нимъ было убито двѣ лошади, и онъ имѣлъ счастье отбросить непріятельскую колонну, уже значительно подвинувшуюся впередъ по шоссе. Нѣсколько пуль коснулось и даже пробило его платье. Ахъ, отчего онѣ не положили его тутъ же на мѣстѣ! Но нѣтъ! Зачѣмъ отнимать у него прекрасную смерть, ожидавшую его?— Вѣдь нужно гораздо болѣе мужества, чтобъ съ достоинствомъ перенести смерть по приговору беззаконнаго судилища, чѣмъ встрѣтить ее въ бою, гдѣ она является съ ореоломъ славы.

Кусокъ плохаго хлѣба, немного ветчины—вотъ все, что мы могли ему предложить. А графъ Клермонъ-Тонерръ не могъ ничего ѣсть; онъ былъ раненъ пулей около горла и сильно страдалъ. По счастью, нашлось немного бульона, на̀-скоро подогрѣтаго; онъ проглотилъ его, какъ могъ. Оба тотчасъ же ушли и я ихъ болѣе никогда не видала.

Говорили, что молодой де-Преси прибылъ изъ арміи принца Конде, чтобы раздѣлить опасность съ своимъ дядей. Что же касается графа Клермонъ-Тонерра, то онъ также недавно прибылъ сюда, и рискуя жизнью, проникъ въ Ліонъ, чтобъ принять участіе въ борьбѣ ліонцевъ противъ революціоннаго войска. Въ короткое время, которое онъ провелъ среди насъ, я часто видала его у отца и не могу забыть одной сцены, когда неловкость слуги вызвала съ его стороны громкіе взрывы смѣха и чистосердечную веселость, которые еще увеличились отъ негодованія, обнаруженнаго моимъ отцомъ. Пользуясь свободной минутой, разъ какъ-то они съ отцемъ сѣли играть въ пикетъ, чтобъ нѣсколько развлечься отъ мрачныхъ мыслей, въ комнатѣ, которую мы называли гостиной; какъ вдругъ раздался какой-то странный стукъ, за которымъ послѣдовало горестное восклицаніе. Отецъ мой, не зная, какъ это объяснить, тотчасъ всталъ посмотрѣть, что̀ случилось; графъ, желая также узнать причину непонятнаго шума, изъ любопытства послѣдовалъ за нимъ и скоро воскликнулъ съ хохотомъ: „Какая чудесная яичница! Право,

я отъ роду не видывалъ такой большой яичницы!" И въ самомъ дѣлѣ, весь полъ кухни былъ покрытъ разбитыми яйцами—ни одного чистаго уголка, ни одного цѣлаго яичка!! „Семь съ половиною дюжинъ яицъ", говорилъ горестно отецъ. „Весь нашъ запасъ! Вся наша надежда! Мы не ѣли ихъ, а все берегли, и неужели же только для того, чтобъ они пропали отъ вашей неловкости"? — Я очень сожалѣю объ этомъ, отвѣчалъ Сенъ-Жанъ, подметая желтки и бѣлки, — корзинка стояла тамъ, на верху; я хотѣлъ взять что-то и...—„И вы несносное, неуклюжее существо", возразилъ взбѣшенный отецъ. „Ни одного не уцѣлѣло!" прибавилъ онъ съ грустью. Графъ оторвалъ его наконецъ отъ печальнаго зрѣлища; они опять усѣлись за пикетъ, между тѣмъ какъ Сенъ-Жанъ все продолжалъ мести кухню, а графъ весело повторялъ: „Какая великолѣпная яичница!" Надо пережить осаду, чтобы достойно оцѣнить значеніе семи съ половиною дюжинъ яицъ и понять, съ какимъ прискорбіемъ отецъ повторялъ про себя: „Ни одного не уцѣлѣло!"

Я уже сказала, что 29 сентября была произведена общая атака, которая продолжалась весь день. Къ вечеру мы услышали съ улицы голосъ отца и тотчасъ выбѣжали къ нему. „Собирайтесь поскорѣй и ступайте въ городъ; я никому не хотѣлъ довѣрить передачу этого извѣстія, чтобы не увеличить общаго унынія. Мы не можемъ долго продержаться; непріятель безъ сомнѣнія овладѣетъ нашей позиціей въ эту же ночь; оставаясь здѣсь, вы могли бы сдѣлаться первою жертвой неистовства солдатъ. Прощайте, мы увидимся, если на то будетъ воля Божія!"

Мы не предвидѣли этого новаго горя. Исполняя волю отца, мы покинули Иринейское предмѣстье слишкомъ огорченные, чтобы думать о ядрахъ и пуляхъ, свистѣвшихъ надъ нашими головами, и спустившись внизъ горы, мы вернулись въ свою прежнюю квартиру. Наше возвращеніе опечалило тѣхъ изъ нашихъ друзей, которые еще находились здѣсь, такъ какъ оно предвѣщало скорое паденіе Ліона и крушеніе всѣхъ нашихъ надеждъ.

Позиція у Иринейскихъ воротъ была дѣйствительно одной изъ первыхъ, отбитыхъ непріятелемъ; но редутъ, возведенный въ предмѣстьѣ Сенъ-Жюста, остановилъ еще его на нѣкоторое время.

Комендантъ де-Пресѝ, убѣдившись въ совершенной невозможности защищать городъ долѣе, рѣшился оставить его, надѣясь, вѣроятно, спасти мирныхъ гражданъ удаленіемъ изъ ихъ среды людей, принимавшихъ дѣятельное участіе въ возстаніи. Поэтому онъ предложилъ всѣмъ, кто брался за оружіе, послѣдовать за нимъ, чтобы сообща укрыться отъ мести врага, которая, судя по всему, обѣщала быть весьма жестокой.

Двѣ многочисленныя колонны выступили изъ города; первая обязана своимъ спасеніемъ густому туману, покрывавшему Сону, вдоль лѣваго берега которой колонна подвигалась въ молчаніи. Она такимъ

же способомъ прошла ниже замка Дюшеръ, занятаго непріятельскимъ гарнизономъ. Были приняты всевозможныя мѣры для избѣжанія малѣйшаго шума, и эта колонна имѣла счастье пройти черезъ непріятельскіе посты и ускользнуть отъ ихъ бдительности. Достигнувъ извѣстнаго отдаленія, отрядъ весь разсыпался; каждый старался пріискать себѣ безопасное убѣжище и многимъ это удалось. Вторая колонна выступила слишкомъ поздно; туманъ уже нѣсколько разсѣялся; пробили тревогу. Окруженный непріятелемъ, весь отрядъ былъ уничтоженъ. Было множество убитыхъ, остальные были взяты въ плѣнъ, очень немногіе спаслись. Много женщинъ, которыя вѣроятно отчасти и способствовали гибели отряда, замедливъ и затруднивъ его движеніе, раздѣлили участь мужей своихъ, которыхъ не хотѣли покинуть; многія изъ нихъ погибли среди рѣзни, другія были отведены въ городскія тюрьмы. Я видѣла потомъ годоваго ребенка, котораго нянька несла за матерью, г-жей де-Комбель; въ этотъ кровавый день ударомъ сабли ему раскроили личико.

Отецъ мой, призванный на совѣтъ, въ которомъ обсуждался вопросъ о выходѣ войска изъ города, отказался послѣдовать за нимъ. Онъ предвидѣлъ, что женщины, замедляя движеніе отряда, подвергнутъ его гибели; не имѣя возможности увести насъ съ собою, онъ остался съ нами. Какъ я сказала выше, Иринейскія ворота были заняты непріятелемъ; но позиція у Сенъ-Жюста еще держалась. Отецъ мой, который не командовалъ тамъ, вернулся къ намъ домой, не имѣя теперь иной обязанности, кромѣ нашей защиты. Онъ считалъ болѣе безопаснымъ оставить прежнюю квартиру при таможнѣ и отыскать такую, гдѣ бы насъ менѣе знали, ибо можно было предвидѣть, что всякій, кто брался за оружіе, подвергнется жестокой карѣ. Отецъ нашелъ помѣщеніе въ бывшей гостинницѣ Провансъ, близъ площади Белькуръ. Онъ не безъ намѣренія избралъ именно этотъ домъ, смежный съ домомъ Общественнаго Призрѣнія. Онъ думалъ, что убѣжище бѣдныхъ и сиротъ будетъ пощажено побѣдителями. Мы отправились къ монахинямъ, завѣдывавшимъ этимъ пріютомъ, которыя обѣщали намъ дать платье своихъ бѣдныхъ и мѣсто среди нихъ въ случаѣ рѣзни. Доброта, съ какою эти благочестивыя сестры приняли насъ, была намъ очень дорога въ нашемъ несчастномъ положеніи. Утѣшая насъ, онѣ подавали надежду, что мы спасемся отъ смерти, казавшейся намъ неизбѣжной.

Онѣ провели насъ по обширнымъ покоямъ больныхъ. Я видѣла палату раненыхъ. Какая тишина! Какое спокойствіе! Они страдали безъ одной жалобы; между тѣмъ, имъ недоставало многаго, необходимаго въ ихъ положеніи. Монахини старались вознаградить ихъ удвоенными заботами. Несчастные! имъ не суждено было выздоровѣть! По взятіи города сдѣлали имъ осмотръ; всѣ тѣ, на которыхъ замѣтны были слѣды огнестрѣльнаго оружія, или иныхъ ранъ, получен-

ныхъ въ бою, всѣ были вырваны изъ постелей, объявлены мятежниками и преданы суду.

Въ палатѣ для младенцевъ у многихъ не было кормилицъ, потому что осада города мѣшала женщинамъ окрестныхъ селъ разбирать дѣтей. Единственная кормилица во всемъ пріютѣ предалась вся безраздѣльно одному изъ этихъ маленькихъ жалкихъ существъ, крайняя слабость котораго требовала исключительнаго ухода. Одна единственная корова, оставшаяся отъ общаго истребленія, питала и поддерживала остальныхъ дѣтей. Было еще нѣсколько палатъ, гдѣ старость и дѣтство находили одинаковую помощь; одни—чтобы начать свой жизненный путь, другіе,—чтобы покончить его безмятежно. Среди мира и тишины этого пріюта душа отдыхала отъ усталости и волненій нашей жизни за послѣднее время. Возвращаясь въ свою гостинницу, я чуть не погибла отъ осколка гранаты: услыша свистъ, я нагнулась; она ударилась объ стѣну какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ я прижалась; все это произошло съ быстротою мысли. Такого рода опасность возобновлялась ежеминутно; наконецъ являлась какая-то безпечность, которую можно только объяснить способностью человѣка ко всему привыкнуть. Мы выходили изъ дому, несмотря на постоянную опасность, и я помню, какъ одинъ разъ въ то время, какъ мы были у г-жи де-Вернѣ, жившей въ одномъ изъ домовъ, выходившихъ на площадь Белькуръ, ей пришли сказать, что бомба зажгла сосѣдній домъ, принадлежавшій ей. „Есть тамъ кто нибудь, чтобъ тушить огонь?“ — Да, сударыня!—„Хорошо.“—И обратившись къ намъ, она продолжала прерванный разговоръ. Каждую минуту вы слышали о смерти кого нибудь изъ вашихъ знакомыхъ, которыхъ направо и налѣво уносили бомбы и ихъ осколки. Всѣ находились въ какомъ-то вихрѣ, въ водоворотѣ случайностей, столь неожиданныхъ, столь быстро смѣнявшихся, что всякій жилъ только настоящей минутой, не имѣя времени размышлять. Смерть дѣлала опустошенія рядомъ съ вами, на вашихъ глазахъ; она носилась надъ вашей головой; чувствовалось ея вѣяніе, ея приближеніе, и никто не старался избѣжать ея, отдаваясь теченію.

Городъ послалъ депутацію къ членамъ Конвента, чтобъ вступить въ переговоры съ ними насчетъ капитуляціи; говорятъ, что они уже были готовы ее подписать, когда было получено извѣстіе о выступленіи г. де Преси. Депутаты разорвали капитуляцію; другіе же разсказывали, что условія были подписаны, но ихъ не сдержали. Разница не велика; договорныя условія только тогда существенны, когда есть намѣреніе ихъ исполнить. Дюбуа-Крансѐ, Шатонёфъ-Рандонъ, Ляпортъ, Кутонъ и всѣ остальные были способны все обѣщать, не считая себя обязанными ни къ чему.

Я до сихъ поръ не назвала начальника непріятельской артиллеріи,—то былъ нашъ другъ, нашъ добрый другъ Геріо, посылавшій намъ такія чудесныя бомбы съ полнымъ сознаніемъ своего искусства. Послѣ 29 сентября онъ получилъ приказъ отправиться съ артиллеріей въ

Гренобль. Я думаю даже, что вмѣстѣ съ отбытіемъ артиллерійскаго парка Ліонъ лишился драгоцѣнныхъ для него военныхъ припасовъ. Жена смотрителя арсенала осталась на мѣстѣ, несмотря на то, что ея мужъ послѣдовалъ за своимъ начальникомъ. Моему отцу пришло въ голову посѣтить ее и разузнать, имѣетъ ли она какія нибудь извѣстія отъ мужа. Домикъ, занимаемый ею при арсеналѣ, былъ одинъ изъ трехъ павильоновъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара. Она посовѣтовала отцу поселиться просто у нея.—„Какъ только станетъ возможно войти въ городъ", сказала она, „мужъ мой одинъ изъ первыхъ поспѣшитъ сюда. Это жилище конечно оставятъ въ покоѣ, и здѣсь вы будете имѣть болѣе возможности, чѣмъ гдѣ бы то ни было, укрыться, или увѣдомить вашего друга о грозящей вамъ опасности".

Находя такое сужденіе вполнѣ справедливымъ, отецъ оставилъ прежній свой планъ—укрыться среди бѣдныхъ въ домѣ Общественнаго Призрѣнія. Въ этотъ же вечеръ мы перебрались и помѣстились въ маленькой квартиркѣ г-на Геріо.

На другой день утромъ (9 октября 1793 года), я взглянула въ окно; совершенно новое зрѣлище поразило мои взоры: то былъ человѣкъ, везшій тачку, нагруженную масломъ и птицей. „Такъ городъ взятъ?" воскликнула я. Дѣйствительно, городъ былъ въ рукахъ непріятеля. Порядокъ былъ нарушенъ только въ кварталахъ, близкихъ къ городскимъ воротамъ. Центръ города не ощущалъ еще присутствія враговъ. Мало-по-малу мы стали замѣчать, какъ число новыхъ лицъ прибывало, и вскорѣ не осталось болѣе никакого сомнѣнія относительно исхода этой доблестной борьбы. Сила взяла верхъ надъ справедливостью'

ГЛАВА VII.

Отецъ мой скрывается въ городѣ.—Великодушіе г. Геріо.—Молодой де-Преси схваченъ и растрѣлянъ вмѣстѣ съ графомъ Клермонъ-Тонерръ.—Обыски въ домахъ.—Бѣгство отца въ Везъ.

Послѣ того какъ городъ былъ взятъ, каждый очутился какъ-то изолированнымъ, словно выдѣленнымъ изъ этой массы людей, еще такъ недавно проникнутыхъ однимъ духомъ, когда втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ всѣ чувствовали себя членами единой общины, когда всѣ сердца бились любовью къ ней и желаніемъ ей служить; когда всѣ интересы сливались въ одно, и каждый не колеблясь жертвовалъ своею жизнью и имуществомъ, чтобы возвратить своей несчастной родинѣ самыя драгоцѣнныя блага—миръ и благоразумную свободу.

Отецъ мой, какъ и всѣ остальные, былъ предоставленъ самому себѣ; но онъ вмѣстѣ съ другими расчитывалъ на нѣкоторую отсрочку; между тѣмъ раздававшіеся въ нашихъ ушахъ слова: „Городъ взятъ!“ навели на всѣхъ ужасъ какъ бы неожиданной новости; всѣ пали духомъ, объятые страхомъ передъ близкой опасностью и не имѣя никакихъ средствъ избѣжать ея. Задуманные прежде планы вдругъ показались въ эту минуту неудовлетворительными, или невозможными для исполненія. Отецъ оставилъ въ гостинницѣ, откуда мы выѣхали наканунѣ, кое-какія вещи, которыя онъ довѣрилъ хозяину, но вспомнилъ тутъ-же, что между этими вещами находились важныя бумаги, которыя ему необходимо было взять какъ можно скорѣе, и такъ какъ ему самому нельзя было показываться, а тетушка ходила пѣшкомъ съ большимъ трудомъ, то было рѣшено, что за этими бумагами отправлюсь я въ сопровожденіи горничной. Можетъ показаться удивительнымъ, что въ такую минуту могли выпустить меня изъ дому, и я сама объясняю это только важностью этихъ бумагъ, которыя отецъ желалъ сохранить при себѣ.

Правда, разстояніе было очень небольшое, и къ тому же надѣялись, что я успѣю вернуться до вступленія непріятельскаго войска въ городъ.

Я поспѣшила исполнить данное мнѣ порученіе и возвратилась благополучно. Но я уже видѣла по дорогѣ множество народа и на углу одной улицы меня остановилъ какой-то толстякъ, красный какъ ракъ, очень веселый и очень пьяный; онъ схватилъ меня за локоть съ восклицаніемъ: „Боже мой, что за крошечная рука! Какъ ты худа! Бѣдная малютка, ты вѣрно очень сильно голодала во время осады; ты вѣрно не получала даже своей порціи овса [1]). Что за руки! Я никогда не видывалъ такихъ худыхъ рукъ“! Я находилась въ очень непріятномъ положеніи. Какъ ни старалась я выдернуть свою маленькую руку, это мнѣ никакъ не удавалось—онъ держалъ ее крѣпко. На его возгласы народъ столпился вокругъ насъ, всѣ смѣялись; сдѣлавшись вдругъ предметомъ любопытныхъ и насмѣшливыхъ взоровъ, я сильно страдала. Наконецъ, когда мой толстякъ поднялъ свои руки къ небу, выражая тѣмъ жалость къ моей худобѣ, я воспользовалась этимъ, чтобъ убѣжать, и думаю, что онъ не старался удержать меня, предполагая, вѣроятно, что я шла обѣдать. А я между тѣмъ бѣжала изо всѣхъ силъ, издали все еще слыша его восклицанія: „Боже мой, какая крошечная ручка“!

Когда я вернулась, арсеналъ былъ уже занятъ. Сюда прибыло уже нѣсколько пушекъ. Только что возвратившійся г. Лежè обнималъ свою жену; въ эту минуту Бельшанъ, секретарь г. Геріо, слѣ-

---

[1]) Picotin d'avoine, очень маленькая мѣра овса, выдававшаяся во время осады на человѣка. Вмѣстѣ съ этимъ выдавалось немного постнаго масла для приправы этого овса, или же сухихъ плодовъ, изюму, миндаля—что было. Прим. авт.

залъ съ лошади. Оба они были тотчасъ призваны на совѣтъ, какимъ образомъ вывести моего отца изъ затруднительнаго положенія. Совѣтъ Бельшана взялъ верхъ. „Нужно—говорилъ онъ—пользоваться всеобщимъ смятеніемъ; въ настоящую минуту народъ входитъ и выходитъ изъ города толпами; воспользуемся этимъ немедленно; прикрѣпите этотъ значекъ на свою шляпу, садитесь на мою лошадь; я пойду рядомъ съ вами и буду говорить за васъ; насъ пропустятъ; я прямо проведу васъ въ главную квартиру; тамъ васъ никто не знаетъ, да вдобавокъ, кому придетъ въ голову, что непріятель можетъ явиться туда для того, чтобъ лучше укрыться? Ѣдемъ; если вы дождетесь, что порядокъ возстановится, тогда будетъ уже невозможно вывести васъ изъ города.

Время не терпѣло. Отецъ поѣхалъ. Какъ сжалось у насъ сердце, когда онъ удалился! Онъ ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы укрыться среди нашихъ враговъ. Мы начинали испытывать особаго рода мучительную тревогу, которая съ этой минуты преслѣдовала насъ постоянно—страхъ за дорогое намъ существо. Пропустятъ ли его? Не будетъ ли онъ узнанъ? Примутъ ли его?—Его пропустили, мы получили извѣстіе о его прибытіи на мѣсто; послѣ этого мы немедленно оставили арсеналъ и переѣхали на свою первую квартиру, на площади Старой Таможни.

Отважный поступокъ моего отца конечно подвергалъ опасности и его самого, и того, къ кому онъ отправился, но раздумывать было некогда. Черезъ нѣсколько дней, сколько именно—не помню, отецъ снова вернулся къ намъ. Главную квартиру переносили въ городъ. Не зная, куда дѣваться, не имѣя знакомыхъ, отцу не оставалось ничего другаго, какъ вступить въ городъ вмѣстѣ съ офицерами, которые, видя его ежедневно за столомъ своего начальника, не могли и подозрѣвать, чтобы врагъ дерзнулъ садиться рядомъ съ ними и такимъ образомъ укрываться среди нихъ.

Здѣсь я считаю долгомъ выразить живѣйшую благодарность великодушію г. Геріо, этого добраго и благодѣтельнаго человѣка, котораго въ то время обвиняли въ слабости многія лица, не могшія и сравниться съ нимъ ни по мужеству, ни по душевнымъ качествамъ [1]).

„Онъ не захотѣлъ эмигрировать!“ восклицали со всѣхъ сторонъ приверженцы эмиграціи; но, оставаясь въ своей странѣ, онъ принималъ положеніе еще болѣе затруднительное. Кто же можетъ сравнить бѣдствія эмигрантовъ съ тѣми, какія породилъ терроръ, царствовавшій надъ Франціей? Онъ остался съ тѣмъ, чтобъ оберегать жену и дочь, и старался по возможности примирить свой долгъ воина съ обязанностями мужа и отца. Попавши на этотъ опасный

[1]) Кто не жилъ въ тѣ времена, не можетъ вообразить себѣ ожесточенія, съ какимъ крайніе (ultras) преслѣдовали тѣхъ, которые противились вошедшей въ моду эмиграціи; это доходило до того, что у нихъ отнимали право считаться честнымъ человѣкомъ, упуская изъ виду, что удаленіе всѣхъ порядочныхъ людей оставляло свободное поприще для людей другаго рода. Примѣч. авт.

путь, приходилось слѣдовать по немъ далѣе, или погибнуть; малѣйшая неосторожность могла повести его на эшафотъ, а вмѣстѣ съ нимъ и два столь дорогихъ ему существа. Принужденный силою обстоятельствъ имѣть дѣло съ людьми, чьи взгляды онъ не могъ раздѣлять и чьи принципы возмущали его благородную душу, онъ долженъ былъ много перестрадать! Въ награду за такія жертвы ему удалось многимъ спасти жизнь. Мнѣ пріятно отдать справедливую дань истинѣ и говорить обо всемъ, что̀ онъ для насъ сдѣлалъ. Благодарность наша будетъ вѣчная,—она должна быть вѣчной относительно всѣхъ тѣхъ, которые, рискуя своимъ положеніемъ, спокойствіемъ и—сказать ли?—даже своею репутаціей, стояли такъ близко къ нашимъ притѣснителямъ, потому что только этой дорогой цѣной и моглй спасти своихъ согражданъ. Когда г. де-Геріо открыто сажалъ у себя за столомъ непріятельскаго офицера, безъ сомнѣнія первый доносчикъ могъ его погубить, и однако онъ имѣлъ эту, достойную удивленія, смѣлость. Онъ давалъ служебныя порученія, снабжалъ мундиромъ, готовъ былъ все сдѣлать, чтобы спасти человѣка отъ смерти. Передъ такой отвагой остановились бы многіе, пользовавшіеся репутаціею неустрашимыхъ.

Въ первые дни по взятіи города, тетушка моя отправилась со мною къ Дюбуа-Крансé, который былъ въ отдаленномъ родствѣ съ моею матерью. Это обстоятельство или, скорѣе, случай доставилъ мнѣ доступъ къ нему. Этотъ Дюбуа-Крансé сказалъ: „Для меня нѣтъ родныхъ“. Я представила ему записку, содержанія которой уже не помню теперь, но въ которой, вѣроятно, просила его покровительства. Что меня болѣе всего поразило при этомъ посѣщеніи—это онъ самъ. Онъ показался мнѣ очень высокаго роста; его черные волосы были коротко острижены à la Titus. Онъ брился и передъ нимъ держали великолѣпный серебряный тазъ. „Вотъ какъ—подумала я—эти господа представители народа присвоиваютъ себѣ въ собственность серебро, которое отбираютъ у нашихъ родителей“. Увѣряли, будто его настоящая жена находилась въ Шампаньи, гдѣ она жила маленькой пенсіей. Прелестная женщина, которую онъ здѣсь выдавалъ за свою жену, приняла насъ очень любезно. Мы присѣли въ ожиданіи, когда кончится туалетъ Дюбуа-Крансé. По окончаніи его, онъ подошелъ ко мнѣ, и вотъ его слова: „Кто ты?“—Тетушка объяснила ему и мое родство, и предметъ моей просьбы. „Ты совсѣмъ еще дитя“, сказалъ онъ мнѣ, „но ты имѣешь видъ аристократки; знаешь ли ты, что я привожу въ трепетъ всѣхъ аристократовъ?“—Нельзя было отвѣчать на эту тщеславную выходку, или злую шутку, которая, впрочемъ, не привела меня въ трепетъ. Онъ прочелъ прошеніе, отвѣтилъ, что не имѣетъ здѣсь болѣе власти, такъ какъ Конвентъ отзываетъ его назадъ. Мы удалились, но совсѣмъ не такъ, какъ пришли сюда; покрайней мѣрѣ, я чувствовала себя глубоко униженной тѣмъ, что должна была явиться просительницей къ такому лицу. Въ душѣ я обвиняла тетушку въ слабости за то, что она обратилась съ просьбой къ чело-

вѣку, который внушилъ мнѣ одно презрѣніе. Безплодность этого обращенія повидимому подтверждала мой взглядъ. А между тѣмъ, чего не сдѣлаешь, чтобы спасти тѣхъ, кто намъ дорогъ! Послѣдующая жизнь научила меня какъ милостыни просить защиты и покровительства у людей гораздо ниже Дюбуа-Крансé!

Отецъ мой жилъ съ нами въ совершенномъ уединеніи, укрываясь отъ всѣхъ взоровъ. Графъ де-Клермонъ-Тонерръ былъ растрѣлянъ на площади Белькуръ, спустя нѣсколько дней по вступленіи осаждавшаго войска въ городъ. Разсказывали, будто, переодѣтый крестьяниномъ, онъ выбрался за городъ и уже совсѣмъ было спасся отъ преслѣдованія враговъ; онъ укрылся на ночь въ ригѣ, гдѣ также пріютились на ночлегъ нѣсколько волонтеровъ; измученный и усталый, онъ скоро заснулъ и, громко говоря во снѣ, выдалъ себя; его тотчасъ арестовали, привели въ Ліонъ, гдѣ скоро съ нимъ покончили. Казнь его, за которой быстро послѣдовало нѣсколько другихъ, показала намъ, чего можно было ожидать со стороны нашихъ новыхъ повелителей, и распространился ужасъ среди всѣхъ тѣхъ, кто скрывался въ городѣ. Казненные всѣ до одного умерли съ мужествомъ, и какъ нѣкогда изъ устъ въ уста переходилъ разсказъ о дѣяніяхъ мучениковъ, такъ теперь люди, преданные погибшимъ, въ сумерки шепотомъ, разсказывали другъ другу о славной смерти этихъ героевъ. Племянникъ коменданта де-Преси занималъ между ними видное мѣсто. Находясь во 2-мъ ліонскомъ отрядѣ, который при выступленіи былъ окруженъ и изрубленъ непріятелемъ, онъ попалъ въ число плѣнныхъ, приведенныхъ въ городъ и брошенныхъ въ тюрьму. Такъ какъ онъ не имѣлъ никакого внѣшняго знака отличія, который выдѣлялъ бы его изъ общей толпы, и былъ неизвѣстенъ своимъ гонителямъ, то его уже готовы были выпустить на свободу подъ вымышленнымъ именемъ, имъ присвоеннымъ,— когда его выдалъ секретарь его дяди, въ надеждѣ спасти собственную жизнь взамѣнъ той, которую предалъ. Юный де-Преси былъ немедленно приговоренъ къ смерти и тотчасъ же отведенъ на площадь Белькуръ, чтобы быть разстрѣляннымъ. Онъ не допустилъ завязать себѣ глаза и упалъ съ словами: „Да здравствуетъ король!“ Предатель же его получилъ награду, достойную предателя,—только смерть его была безславная.

Втеченіе нѣсколькихъ дней число арестовъ быстро увеличилось, а за арестами слѣдовали казни. Тѣ, которые еще оставались въ городѣ, равно какъ и тѣ, которыхъ нужда принудила вернуться въ него, ежедневно ожидали и себѣ подобной же участи. Но какъ бѣжать? Кому довѣриться? Наконецъ, куда направиться? Въ то время, какъ отецъ задавалъ себѣ эти вопросы, не находя на нихъ никакого отвѣта и полагая свои надежды на завтрашній день, къ намъ среди ночи неожиданно явились изъ нашего участка съ обыскомъ. Избѣжать его не было никакой возможности. Лучше всего въ этомъ случаѣ было имѣть видъ спокойный. Отецъ оставался въ своей постели,

ВАСИЛІЙ ЛЬВОВИЧЪ ПУШКИНЪ.

Съ рѣдкаго гравированнаго портрета Галактіонова, рѣз. на деревѣ Панемакеръ въ Парижѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 февраля 1882 г.

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 11—2

ЖЕНСКОЕ ПРАВЛЕНІЕ И ЕГО ПРОТИВНИКИ [1].

VI.

— „Мы нынче остаемся овцы безъ пастыря",—говорили русскіе патріоты, близко стоявшіе, въ кратковременное и фиктивное царствованіе младенца-императора Іоанна III, къ печальнымъ событіямъ, разыгравшимся въ Петербургѣ послѣ смерти Анны Ивановны.

Никогда не чувствовалось съ большей наглядностью безотрадное положеніе правительства, остающагося безъ твердой руководящей власти, въ лицѣ верховнаго авторитета. Никогда съ большей яркостью не изобличались безсиліе и неспособность женскихъ рукъ справиться съ этой властью, какъ это мы видимъ на примѣрѣ несчастной Анны Леопольдовны.

Если русскіе люди жаловались въ это время на свое сиротство, то еще болѣе беззащитной сиротою должна была себя чувствовать въ пышныхъ дворцовыхъ палатахъ сама правительница Россіи у колыбели своего сына—младенца императора, скипетръ котораго она взялась сберечь и поддержать на должной высотѣ до его совершеннолѣтія.

Кроткая и безхарактерная, легкомысленная и бездѣятельная, Анна Леопольдовна дѣлается безучастнымъ игралищемъ интригъ и происковъ временщиковъ и дипломатовъ.

Кстати замѣтить, что въ то время, какъ наши домашніе честолюбцы и „прегордые Голіафы" содѣйствовали воцаренію женщинъ и

[1]) Окончаніе. См. „Истор. Вѣстн.", томъ VII, стр. 257.

оберегали ихъ на престолѣ въ личномъ разсчетѣ пользоваться ихъ слабостью, на эту же слабость закидывала сѣти политическихъ интригъ и иностранная дипломатія. Неразборчивые въ средствахъ политики, имѣвшіе сношенія съ петербургскимъ кабинетомъ, въ числѣ другихъ шансовъ на выигрышъ своихъ „факцій“ ставили на первый планъ эксплоатацію тѣхъ отрицательныхъ особенностей женской личности, присутствіе которыхъ они предполагали почему либо въ особахъ государынь. Хорошо извѣстны вліяніе и участіе, оказанныя иностранной дипломатіей на рѣшимость Елизаветы Петровны произвести переворотъ, послѣдствіемъ котораго было ея воцареніе. Извѣстно также, что въ этомъ случаѣ предпріимчивые дипломаты руководились не какой нибудь безкорыстной рыцарской преданностью къ дочери Петра Великаго, а прямо и весьма безцеремонно старались этимъ способомъ опутать ея волю, воспользоваться ея женской, какъ казалось, податливостью и недалекостью для обдѣлыванія своихъ политическихъ миссій, хотя бы и въ ущербъ интересамъ Россіи.

Такая же точно игра имѣла мѣсто и въ дни правленія Анны Леопольдовны. Объ этомъ довольно цинически повѣствуетъ намъ въ своихъ запискахъ король-философъ Фридрихъ II, вполнѣ раздѣлявшій, какъ извѣстно, презрительный, въ домостроевскомъ духѣ, взглядъ на женщину. По его словамъ, король польскій, желая разстроить союзъ Россіи съ Пруссіей во время правленія Анны Леопольдовны, нарочно съ этой цѣлью „послалъ въ Петербургъ красавца графа Линара“. Тонкій или, правильнѣе сказать, крайне грубый разсчетъ на женскую чувствительность оправдался.

„Этотъ министръ—пишетъ Фридрихъ—полюбился правительницѣ Россіи, а какъ сердечныя страсти имѣютъ вліяніе на доводы разсудка, то правительница скоро сблизилась съ польскимъ королемъ. Страсть эта могла сдѣлаться столь-же гибельною для Пруссіи, какъ любовь Париса къ прекрасной Еленѣ для Трои“...

Но, по мнѣнію Фридриха, страсть эта если не погубила Пруссіи, зато была роковою для самой Анны Леопольдовны, такъ какъ правительница „сдѣлалась ненавистною (русскимъ) вслѣдствіе своей связи съ иностранцемъ“, и по этой причинѣ была свергнута.

Это, положимъ, несовсѣмъ вѣрно; но для насъ важна эта цитата, наряду съ другими однородными указаніями, въ смыслѣ свидѣтельства того, какъ относились современные политики къ женскому правленію и источникомъ какихъ чисто-специфическихъ интригъ и комбинацій оно служило въ тѣ времена. Все это подтверждаетъ только высказанное нами ранѣе замѣчаніе о присутствіи въ нашей исторіи прошлаго вѣка тѣхъ совершенно особенныхъ, многоразличныхъ и весьма важныхъ вліяній и обстоятельствъ, которыя являлись прямымъ послѣдствіемъ фигурированія женщинъ на русскомъ престолѣ.

Анна Леопольдовна пала не вслѣдствіе своей связи съ Линаромъ, какъ думалъ Фридрихъ, а потому, что она, въ своемъ женскомъ без-

силіи, была совершенно одинока и беззащитна отъ всякихъ случайностей и смѣлыхъ покушеній на выпадавшій изъ ея рукъ скипетръ. На несчастье, ей не на кого было опереться, кто бы, въ интересѣ ея самой и ея сына, помогъ ей выполнить, хотя бы внѣшнимъ образомъ, трудную роль правительницы, руководилъ бы ея дѣйствіями и, главное, оберегъ отъ возможности той трагической катастрофы, которая постигла ее и ея семью.

Мужъ правительницы, принцъ брауншвейгскій, былъ человѣкъ ничтожный и, кромѣ того, она съ нимъ не ладила. Всѣ ея симпатіи принадлежали фавориту, вышепомянутому Линару, и фрейлинѣ, нѣмкѣ Менгденъ,—личностямъ тоже ординарнымъ, безъизвѣстнымъ и не имѣвшимъ никакихъ связей, никакого вліянія и значенія въ русскомъ обществѣ. Предоставленная, такимъ образомъ, самой себѣ, она пассивно подчиняется временщикамъ, попеременно смѣняющимъ другъ друга, независимо отъ ея воли и личнаго къ нимъ расположенія. Отъ разнузданнаго самовластія Бирона избавляетъ ее Минихъ; подъ Миниха, въ свою очередь, подкапывается Остерманъ и исподволь забираетъ въ свои руки всю государственную власть въ такой степени, что иностранные дипломаты уподобляютъ его самодержавному русскому царю. Анна Леопольдовна одинаково не любитъ ни Миниха, ни Остермана, но и не оказываетъ никому изъ нихъ серьезнаго противодѣйствія въ ихъ честолюбивыхъ замыслахъ. Старые властолюбцы ведутъ борьбу между собою изъ-за преобладанія и только другъ въ другѣ видятъ помѣху для достиженія своей цѣли, какъ если-бы выше ихъ никого не было. Личность правительницы они ставятъ ни во что и смотрятъ на нее лишь какъ на орудіе, какъ на слабую женщину, отъ имени которой можно дѣлать что угодно.

У Анны Леопольдовны нѣтъ своихъ людей ни въ обществѣ, ни въ гвардіи. Она непопулярна. Между тѣмъ, нѣмцы, ставшіе ненавистными во время Бироновщины, продолжаютъ попрежнему властвовать и заправлять всѣми дѣлами. Это возбуждаетъ ропотъ. Недовольные жалуются, что жить стало хуже, чѣмъ даже во время Бироновщины, потому что тогда былъ хотя порядокъ, а теперь „много непорядковъ происходитъ“. Въ довершеніе неудовольствія, забираетъ силу фаворитъ, и—опять нѣмецъ, совершенно чужой Россіи. Является опасеніе, какъ-бы изъ него не сформировался новый Биронъ. И на то похоже, потому что правительница—женщина, да и женщина самая заурядная, неспособная, и во всѣхъ отношеніяхъ такая, которой вовсе не по рукамъ государева держава.

Словомъ, русскіе люди почувствовали себя болѣе чѣмъ когда нибудь „овцами безъ пастыря.“ Натурально, что при такомъ печальномъ положеніи вещей явилось желаніе увидѣть пастырскій жезлъ въ болѣе твердыхъ и умѣлыхъ рукахъ, и кто бы отважился, опираясь на какія нибудь права, придти и взять его, тому онъ не трудно дос-

тался бы. Для претендентовъ удобный случай самъ собой напрашивался—и имъ воспользовались, благо опытъ былъ готовый...

Съ удивленіемъ читаешь теперь, какъ легко смотрѣли тогдашніе политики на дворцовые перевороты и на насильственную смѣну одного представителя верховной власти другимъ! Такіе перевороты считались чѣмъ-то обыкновеннымъ и входили въ задачи дипломатовъ, какъ легко достижимая, весьма простая политическая миссія. Напримѣръ, маркизу Шетарди его правительство просто предписывало—свергнуть въ Россіи „нѣмецкое правительство,“ съ Анной Леопольдовной во главѣ, и возвести на престолъ Елизавету Петровну... Когда же это случилось, ловкій маркизъ былъ непоколебимо убѣжденъ, что это дѣло рукъ его и—ничьихъ болѣе.

Есть предположеніе, что такимъ же рѣшателемъ судебъ русскаго престола считалъ себя тогда и Минихъ. Разсказываютъ, что однажды Минихъ, уже разочарованный въ Аннѣ Леопольдовнѣ, явился къ Елизаветѣ Петровнѣ, упалъ къ ея ногамъ и выразилъ готовность свершить все, что̀ бы она ни повелѣла.

— Ты тотъ, который корону даетъ, кому хочетъ, — возразила, какъ говорятъ, цесаревна. — Я оную и безъ тебя, ежели пожелаю, получить могу!

Да, Елизаветѣ Петровнѣ не было нужды, для полученія короны, въ помощи ни французскихъ дипломатовъ, ни русскихъ нѣмцевъ; но несомнѣнно, однако, что безъ подстрекательства маркиза Шетарди съ братіей она не скоро рѣшилась бы на переворотъ и что, съ другой стороны, лицами, помогавшими ей взойти на престолъ, опять таки двигалъ тотъ же эгоистическій разсчетъ на эксплоатацію женской слабости, которымъ руководились, какъ мы знаемъ, и князь Меншиковъ, при воцареніи Екатерины I, и верховники, при избраніи Анны Ивановны.

Разсчетъ этотъ, впрочемъ, менѣе всего могъ теперь оправдаться, потому что вступленіе на престолъ Елизаветы отвѣчало желаніямъ большинства русскаго общества и особенно гвардіи, которая играла такую рѣшительную, подавляющую роль во всѣхъ дворцовыхъ переворотахъ прошлаго столѣтія. Соловьевъ основательно замѣтилъ, что „во вступленіи на престолъ Елизаветы выразилось народное движеніе, направленное противъ преобладанія иноземцевъ, утвердившагося въ два послѣднія царствованія.“ А движеніе это дошло тогда до крайней заостренности и одушевляло всѣхъ, начиная съ высшаго духовенства, которое теперь кляло иноземцевъ въ проповѣдяхъ, какъ „эмиссаріевъ діавольскихъ,“ и кончая чернью и солдатчиной, порывавшихся „бить нѣмцевъ“ и выразившихъ, напр., ропотъ, когда приговореннымъ къ смертной казни Миниху, Остерману и другимъ коноводамъ нѣмецкой партіи было даровано помилованіе.

Движенію этому нужно было знамя, нужно было руководящее лицо, совмѣщавшее въ себѣ противоположное, симпатичное массѣ, націо-

нальное начало. Такимъ лицомъ была тогда и такое знамя могла смѣло взять въ руки одна только Елизавета Петровна, какъ женщина вполнѣ русская — дочь русскаго царя, сама перенесшая немало притѣсненій и гоненій отъ нѣмецкой партіи. Это хорошо было понято новой царицей, и ея вступленію на престолъ придали именно значеніе низверженія нѣмцевъ въ Россіи и торжества русской народности.

„Пріиде, о Россія, твоего благополучія твердое и неколебимое основаніе, пріиде крайне частыхъ и весьма вредительныхъ перемѣнъ твоихъ окончаніе и разореніе; пріиде тишина твоя, благосостояніе и прочихъ желаній твоихъ несомнѣнная надежда!“ — привѣтствовалъ Елизавету въ Москвѣ, предъ коронаціей, новгородскій архіепископъ Амвросій, знаменитѣйшій проповѣдникъ своего времени, и въ его словахъ несомнѣнно выражалось настроеніе большинства русскаго общества, видѣвшаго въ воцареніи Елизаветы свое освобожденіе отъ нѣмецкой олигархіи.

Въ этомъ отношеніи, вообще, переворотъ былъ явленіемъ естественнымъ, органически вытекавшимъ изъ даннаго положенія вещей. Что же касается юридической законности, то съ нею, конечно, не поцеремонились и ея нарушеніе было очевидно. Манифестъ, изданный по воцареніи Елизаветы Петровны, старался оправдать это нарушеніе весьма своеобразнымъ оборотомъ, не останавливаясь передъ натяжками. Въ немъ перевороту придано значеніе возстановленія права, попраннаго двумя предшествовавшими царствованіями, которыя манифестъ вычеркивалъ и рѣзко осуждалъ, какъ незаконныя и узурпаторскія. Выходило такъ, какъ если бъ народъ измѣнилъ своей прямой, легальной династіи (колѣну Петра Великаго) и сознательно подчинился неправо и насильственно вступившимъ на царство узурпаторамъ. Но, конечно, обвинить въ этомъ народъ было нельзя и неполитично,—обвинили во всемъ нѣмцевъ и, главнымъ образомъ, Остермана, который будто бы, по коварству, перевернулъ весь законный порядокъ престолонаслѣдія и произвольно распорядился, по своему усмотрѣнію, и короной, и волей народной.

Это была даже болѣе чѣмъ натяжка, но для горячей минуты она годилась и сошла тѣмъ глаже, что въ основаніи своемъ была направлена противъ ненавистныхъ нѣмцевъ.

Остермана обвинили въ томъ, что онъ скрылъ завѣщаніе Екатерины I, по которому престолъ долженъ былъ перейти, въ случаѣ кончины Петра II, къ потомству Петра Великаго, обходя старшую линію династіи—царя Іоанна Алексѣевича. Съ точки зрѣнія этого-то завѣщанія, царствованія Анны Ивановны и Іоанна III и были представлены незаконными. Теперь въ возстановленіи силы завѣщанія видѣли торжество попраннаго права; но и тутъ безъ натяжекъ и искаженій не обошлось.

По смыслу екатерининскаго завѣщанія, при избраніи наслѣдника престола слѣдовало отдать безусловное предпочтеніе лицамъ муже-

скаго пола, и только если бы ихъ вовсе не оказалось въ роду, скипетръ поступаетъ въ женскія руки по старшинству. На этомъ основаніи, если бы заботились о точномъ выполненіи вошедшаго въ силу государственнаго акта, на престолъ долженъ былъ вступить, безспорно, молодой герцогъ голштинскій (будущій Петръ III), какъ сынъ старшей дочери Петра Великаго и какъ единственное лицо мужскаго пола въ семействѣ; но въ суматохѣ переворота и въ понятномъ влеченіи къ власти и царскому вѣнцу объ этомъ забыли. Однако жъ обойти герцога было невозможно, да потомъ, когда воцареніе Елизаветы стало совершившимся фактомъ, и обходить его не было ни разсчета, ни надобности.

Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ рядомъ обстоятельствъ, раскрывающихъ сущность господствовавшаго тогда взгляда на различіе правъ лицъ мужскаго и женскаго пола на престолъ. Опять ощутительно проступаетъ передъ нашими глазами, въ различныхъ проявленіяхъ, непреклонное общее сознаніе, что фигурированіе женщины на престолѣ—дѣло ненормальное, случайное, съ которымъ можно мириться только по крайней необходимости. Всего замѣчательнѣе, что это сознаніе раздѣляется инстинктивно, а иногда и съ совершенной ясностью, самими государынями и не даетъ имъ покою. И онѣ сами, даже во время полной обезпеченности и прочности своей власти, и ихъ современники—люди различныхъ слоевъ—нѣтъ-нѣтъ, да и вспомнятъ объ этой, въ ихъ сознаніи, неправильности, а мысленные взоры невольно начинаютъ искать кругомъ объекта, составляющаго ея противоположеніе. Когда же такой объектъ находится—съ него не спускаютъ глазъ и онъ дѣлается источникомъ разнообразныхъ движеній, вождедѣній и стремленій, обнаруживающихся съ бóльшей или меньшей силой и выразительностью, смотря по обстоятельствамъ. Ихъ обзору и группировкѣ собственно и посвященъ нашъ этюдъ.

Указанное коренившееся во всѣхъ умахъ сознаніе постоянно нашептывало неотвязчивый вопросъ: нѣтъ ли лица, въ которомъ, хотя бы въ будущемъ, возстановилась въ полномъ конкретномъ выраженіи идея государя—идея, по своему основанію, предполагающая безусловно образъ мужа?

Вопросъ этотъ тѣмъ настойчивѣе и чаще долженъ былъ напоминать о себѣ въ данномъ случаѣ, что искомое лицо дѣйствительно имѣлось и, случалось, даже не одно...

— „Въ Голштиніи чортушка сидитъ“,—съ нескрываемымъ озлобленіемъ и со скрытой тревогой говаривала почасту императрица Анна Ивановна, разумѣя подъ „чортушкой“ внука Петра Великаго (герцога голштинскаго), и это тогда, когда онъ и не помышлялъ оспаривать у нея престола.

Характеристическая фраза эта ярче всего изобличаетъ присутствіе въ Аннѣ Ивановнѣ того именно безпокойнаго сознанія, о которомъ

идетъ здѣсь рѣчь. Она успокоивается только тогда, когда явилась возможность противопоставить „чортушкѣ“ равноправнаго соперника мужескаго пола, въ лицѣ родившагося у нея, подъ конецъ царствованія, внука. Разумѣется, и послѣ этого „чортушка“ продолжалъ быть ненавистнымъ уже изъ семейно-династическаго соревнованія, которое, сказать мимоходомъ, проходитъ красной ниткой чрезъ всю эту эпоху.

Елизавета Петровна, обойдя, при воцареніи, племянника, которому, по завѣщанію Екатерины, какъ мы знаемъ, преимущественно принадлежало право на престолъ, спѣшитъ, подъ давленіемъ того же сознанія, войти съ послѣднимъ въ сдѣлку и предупредить самое возбужденіе вопроса объ этомъ пунктѣ. Права̀ племянника (герцога голштинскаго) были торжественно признаны, но съ отерочкой—до кончины воцарившейся тетки, потому что нельзя было не уступить „прошенію всѣхъ вѣрноподданныхъ“, „а наипаче и особливо лейбъ-гвардіи нашей полковъ“, желавшихъ видѣть ее на родительскомъ престолѣ, и потому еще, что племянникъ, до признанія его наслѣдственныхъ правъ, состоялъ въ лютеранствѣ; завѣщаніе же ставило условіемъ вступленія на престолъ исповѣданіе православной вѣры.

Кто нибудь могъ бы возразить, что послѣднее условіе легко было выполнить принятіемъ православія одновременно со вступленіемъ на царство,—не помѣшало же предшествовавшее лютеранство герцога голштинскаго признанію его наслѣдникомъ русскаго престола; но такихъ возраженій ни откуда не послѣдовало—и данный порядокъ сразу установился, повидимому, къ общему удовольствію. Не было мѣста для жалобъ, что кого нибудь совершенно обошли, или что основному принципу престолонаслѣдія нанесенъ непоправимый ущербъ. Возведеніе герцога голштинскаго въ права наслѣдника престола и родственное приближеніе его императрицей-теткой къ себѣ устраняли подобныя недоразумѣнія и сужденія. Все это было сдѣлано очень предусмотрительно и тактично и, какъ увидимъ, предусмотрительность такая являлась весьма нелишней...

VII.

Несмотря на симпатіи большинства общества и на преданность войска, несмотря на устраненіе всѣхъ могущихъ возбуждать какое нибудь опасеніе подозрительныхъ личностей, торжествующая и желанная, почти опоэтизированная въ глазахъ современниковъ, какъ истинно-русская царь-дѣвица, Елизавета Петровна, однако же, далеко не была спокойна за свое положеніе не только въ начальныя тревожныя минуты своего царствованія, но и во все его продолженіе.

Это безпокойство и неувѣренность въ безопасности и прочности своего положенія проявлялись въ многочисленныхъ и разнообразныхъ

дѣйствіяхъ и движеніяхъ императрицы, при различныхъ случаяхъ, и съ лѣтами перешли въ манію подозрительности, въ безотчетный и безпричинный страхъ, доходившій до того, что она не могла сомкнуть глазъ по ночамъ.

Чего жъ было тревожиться и кого бояться? Казалось, бо̀льшей обезпеченности положенія нельзя было пожелать...

Источникъ этого роковаго душевнаго состоянія Елизаветы Петровны слѣдуетъ искать въ ея чисто-женской нервной впечатлительности, омраченной тяжелыми, нерѣдко оскорбительными условіями жизни въ предшествовавшіе годы ея сиротливой молодости; но было въ этой мучительной тоскѣ немало и разъѣдающаго сомнѣнія въ справедливости побѣды, цѣною которой досталась корона, и въ правильности возложенія послѣдней на свою голову...

Въ Елизаветѣ Петровнѣ билось чуткое женское сердце, да и вообще она была женщиной попреимуществу, нисколько не возвышаясь надъ рядовыми представительницами своего пола, ни надъ понятіями и предразсудками своего времени.

Такое сердце не могло пересилить чувства жалости и боли, смѣшанной съ раскаяніемъ, передъ жертвой совершеннаго насилія, если не кривды. Свергнутый и заточенный младенецъ-императоръ Іоаннъ III—жилъ и подросталъ... Онъ неопасенъ—вся его участь зависитъ отъ одного мановенія; но никакими силами не стереть этотъ, вѣчнымъ укоромъ стоящій въ памяти, призракъ! Чтобы заставить забыть о немъ, если не самую себя, то другихъ—толпу, Елизавета распоряжается уничтожить самое воспоминаніе о немъ, издаетъ рядъ мѣръ о повсемѣстномъ истребленіи всѣхъ бумагъ и актовъ его царствованія, запрещаетъ произносить самое имя его; наконецъ, она съ лихорадочной поспѣшностью торопится противопоставить низвергнутому эксъ-императору равнозначущее лицо мужескаго пола, которое юридически исключало бы его въ правахъ престолонаслѣдія и замѣщало бы фактически. Это было настоятельной необходимостью, какъ условіе, на которомъ думалось войти въ примиреніе съ общественнымъ сознаніемъ и относительно низверженія Іоанна Антоновича, и относительно самаго факта воцаренія женщины, какъ факта исключительнаго, ненормальнаго и противорѣчащаго кореннымъ воззрѣніямъ массы.

Въ этомъ случаѣ Елизавета Петровна испытывала то же чувство и то же положеніе, но еще въ сильнѣйшей и болѣе острой степени, которыя удручали и Анну Ивановну, тревожившуюся существованіемъ „чортушки“ въ Голштиніи. Въ племянникѣ, признанномъ наслѣдникомъ престола, она находитъ для себя и опору, и оправданіе. Всему перевороту дается такое истолкованіе, какъ если бъ въ конечномъ исходѣ его имѣлось въ виду торжество не личнаго права, а исключительно-династическаго, сосредоточеннаго въ лицѣ внука Петра Великаго. Воцаренію самой императрицы придается значеніе чисто

условное, временное, опирающееся на роковомъ лишь стеченіи обстоятельствъ. Это выражается, между прочимъ, въ томъ, что государыня какъ бы самоотрекается, заранѣе объявивъ, что она не выйдетъ замужъ до конца жизни, ради полной неприкосновенности и безраздѣльности правъ существующаго уже наслѣдника престола.

Призывъ герцога голштинскаго изъ за-границы, провозглашеніе его наслѣдникомъ престола и принятіе подъ родственную опеку, были задуманы Елизаветой Петровной съ большимъ тактомъ и съ дальновиднымъ политическимъ разсчетомъ. На Руси у многихъ не выходилъ изъ мысли герцогъ голштинскій, многіе помнили, что онъ единственный потомокъ Петра Великаго въ мужескомъ полѣ и, слѣдовательно, единственный, по праву, его преемникъ. Къ нему мысленно обращались съ надеждой взоры недовольныхъ нѣмецкимъ режимомъ, такъ или иначе отождествлявшимся съ царствованіемъ представителей линіи Іоанна Алексѣевича, память о которомъ къ тому жъ совершенно терялась въ незабвенномъ, исполинскомъ, по своимъ великимъ дѣяніямъ, образѣ дѣда голштинскаго отрока. Не напрасно послѣдній и внушалъ такія недобрыя чувства своей двоюродной теткѣ, Аннѣ Ивановнѣ...

Слѣдствіе, производившееся надъ Минихомъ, обнаружило, между прочимъ, одинъ чрезвычайно выразительный фактъ, по отношенію именно къ вопросу о герцогѣ голштинскомъ. Оказалось изъ показаній свидѣтелей и самого Миниха, что онъ, въ царствованіе Іоанна Антоновича, приглашая гвардейскихъ гренадеровъ арестовать Бирона и желая, по его выраженію, „больше анкуражировать" ихъ, „говорилъ имъ передъ фрунтомъ о государынѣ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и принцѣ голштинскомъ" въ томъ смыслѣ, что „хотятъ ли они государю служить"? „Анкуражированіе" подѣйствовало магически; солдаты единодушно воскликнули, что служить „государю они готовы съ радостью"...

Слѣдствіе не выяснило, чѣмъ мотивировался Минихъ, прибѣгая къ такому рискованному обобщенію герцога голштинскаго съ „государемъ" въ то время, когда на престолѣ царствовало другое лицо; но мы вправѣ заключить изъ этого эпизода, что такое обобщеніе было тогда многимъ по мысли, и Минихъ хорошо это зналъ. Зналъ это не онъ одинъ. Передъ этимъ, Биронъ, находясь въ раздорѣ съ родителями Іоанна Антоновича, не разъ позволялъ себѣ открыто грозить имъ герцогомъ голштинскимъ, какъ лицомъ, которое ему нетрудно посадить на престолѣ и его именемъ низвергнуть ихъ сына...

Что въ массѣ, особенно въ „шляхетской", многіе желали видѣть на престолѣ внука Петра Великаго—доказывается проявленіями активнаго движенія въ его пользу, направленными противъ Елизаветы Петровны уже въ то время, когда онъ былъ признанъ наслѣдникомъ престола. Проявленія эти находились въ преемственной связи съ возникшимъ впослѣдствіи взаимнымъ недовѣріемъ и охлажденіемъ между

императрицей и великимъ княземъ, а также великой княгиней. Елизавета Петровна стала относиться крайне подозрительно къ наслѣднику престола и особенно къ начинавшей входить въ силу и пріобрѣтать вліяніе супругѣ наслѣдника, Екатеринѣ, на что̀, пожалуй, имѣла и нѣкоторыя основанія, какъ показалъ, напр., Бестужевскій процессъ.

Этотъ разладъ между большимъ и малымъ дворами, причемъ послѣдній долженъ былъ находиться въ страдательномъ, угнетенномъ положеніи, не могъ, разумѣется, остаться тайной для общества, для массы. Молва, толкуя дѣло по своему, съ неизбѣжными искаженіями, высказывалась положительно въ пользу великаго князя. Это происходило опять-таки вслѣдствіе неискоренимаго недовольства „бабьимъ правленіемъ" и его послѣдствіями, въ томъ числѣ, всего главнѣе—фаворитизмомъ, наряду съ желаніемъ видѣть на престолѣ подлиннаго, настоящаго, по родовому понятію, государя въ мужскомъ лицѣ. Желаніе такое постоянно подстрекалось существованіемъ вожделѣннаго лица, именно, въ образѣ наслѣдника престола, на котораго и возлагались недовольными всѣ надежды и упованія. Отсюда и въ дѣлѣ разногласія между императрицей и великимъ княземъ недовольные, не разбирая, отдавали всѣ свои симпатіи послѣднему...

Стали ходить толки, особенно усилившіеся во второй половинѣ царствованія Елизаветы Петровны, что ея фаворитъ, Разумовскій, тѣснитъ и всячески преслѣдуетъ великаго князя Петра Ѳедоровича, а императрица, по женской слабости, этому потворствуетъ. Это, сказать къ слову, обычная, почти стереотипная въ подобныхъ случаяхъ, складка молвы. Недовольство, отыскивая объектъ для своего выраженія, обходитъ нерѣдко личность государыни, по чувству вѣрноподданничества, и всею своею тяжестью обрушивается на фаворита-временщика, хотя бы онъ менѣе всего былъ виновенъ въ причинахъ неудовлетворительнаго порядка вещей, какъ это можно сказать, напр., о Разумовскомъ.

Отъ толковъ перешло дѣло и къ попыткамъ довольно рѣшительнаго свойства.

Однажды, въ бытность двора въ Москвѣ, великому князю Петру Ѳедоровичу на охотѣ егеря сказали, что въ Бутырскомъ полку есть подпоручикъ Батуринъ, который чрезвычайно преданъ великому князю и говоритъ, что такою же преданностью отличается и весь названный полкъ. Петру Ѳедоровичу это польстило, и когда егеря сказали ему въ другой разъ, что Батуринъ проситъ позволенія представиться на охотѣ его высочеству, онъ, по нѣкоторомъ колебаніи, согласился на это. Батуринъ не замедлилъ явиться и, встрѣтя великаго князя въ лѣсу одного, бросился предъ нимъ на колѣна и сталъ клясться, что онъ его одного признаѐтъ истиннымъ государемъ и готовъ исполнить все, что̀ бы онъ ни приказалъ. Это объясненіе такъ напугало

Петра Өедоровича, что онъ, не сказавъ ни слова Батурину, пришпорилъ лошадь и ускакалъ отъ него.

Дѣло дошло до тайной канцеляріи, которая разслѣдовала, что Батуринъ составилъ цѣлый заговоръ, съ цѣлью „заарестовать весь дворецъ“, Алексѣя Разумовскаго и его единомышленниковъ изрубить „въ мелкія части, а императрицу низвесть съ престола и до тѣхъ поръ не выпускать изъ дворца, пока великій князь коронованъ не будетъ“. Въ числѣ заговорщиковъ было нѣсколько офицеровъ и солдатъ, а также одинъ фабричный, котораго Батуринъ подговаривалъ возмутить рабочихъ противъ императрицы, и похвалялся, что такихъ рабочихъ онъ навербовалъ, будто бы, тридцать тысячъ.

Батуринъ былъ человѣкъ скомпрометированный, пройдоха и авантюристъ; но уже самое возникновеніе подобныхъ попытокъ указываетъ на существованіе въ массѣ плодородной для нихъ почвы.

Фактовъ въ описанномъ родѣ было нѣсколько; движеніе въ пользу Петра Өедоровича и противъ Елизаветы Петровны особенно живо воспринималось всѣми, кто имѣлъ какой нибудь поводъ къ неудовольствію. Такимъ образомъ, оно проникло, напр., въ раскольническую среду, которая сильно тѣснилась, какъ извѣстно, правительствомъ Елизаветы. Среди раскольниковъ распространился слухъ, что великій князь весьма возлюбилъ послѣдователей древняго благочестія и намѣренъ, воцарившись, „ходить по заповѣдямъ Господнимъ“: прекратитъ навсегда войны, посѣтитъ Іерусалимъ, не станетъ жить съ женою по брачному обычаю и проч. Такое воззрѣніе на Петра Өедоровича раздѣлялось многими сектами и въ томъ числѣ—скопческой... Мы знаемъ, что это воззрѣніе, обязанное своимъ происхожденіемъ отчасти „бабьему правленію“, чрезвычайно упрочилось въ сознаніи нѣкоторыхъ сектъ и въ дни Екатерины II отозвалось воспламеняющей струей въ пучинахъ пугачевскаго бунта. Обстоятельство это тоже необходимо поставить въ счетъ явленій обозрѣваемаго здѣсь порядка.

Рядомъ съ движеніемъ въ пользу Петра Өедоровича являлись почти одновременно попытки возстановить на престолѣ низвергнутаго и заключеннаго эксъ-императора Ивана Антоновича. Попытки эти повторяются во все царствованіе Елизаветы, которое ихъ завѣщало отчасти и екатерининскимъ временамъ. Въ нихъ одинаково выражался протестъ государынямъ-женщинамъ, неправо, по мнѣнію недовольныхъ, выхватившимъ скипетръ изъ рукъ подлиннаго, истиннаго государя, страдальческая судьба котораго, какъ всегда, создавала ему въ представленіи массы свѣтлый ореолъ и съ особенной отзывчивостью тянула къ нему впечатлительныя сердца.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ этихъ случаяхъ масса, смутно различавшая личностей, особенно такихъ неопредѣленныхъ и ничѣмъ себя не заявившихъ, какими были Иванъ Антоновичъ и Петръ Өедоровичъ, одинаково расположена была возбуждаться и „анкуражи-

роваться“ одной идеей, однимъ именемъ государя, если только идея эта казалась въ ея глазахъ нарушенной и попранной. Этимъ объясняется, напр., столь нерѣдкій въ исторіи самозванщинъ фактъ появленія зàразъ нѣсколькихъ самозванцевъ, съ равнымъ успѣхомъ возмущавшихъ массу именами различныхъ лицъ, отождествляемыхъ съ личностью государя, и нерѣдко даже такихъ, которыхъ и на свѣтѣ-то никогда не бывало. Этимъ же объясняемъ мы одновременность и параллельность революціонныхъ движеній противъ „бабьяго правленія“ то во имя Петра Θедоровича, то во имя Ивана Антоновича, въ лицахъ которыхъ недовольные одинаково видѣли, долженствующую быть возстановленной, нарушенную идею истиннаго государя. Выборъ того или другаго лица былъ тутъ дѣломъ случая и личнаго усмотрѣнія иниціатора—коновода возмущенія или заговора.

Первая попытка возстановить вооруженной рукой Ивана Антоновича обнаружена была въ первый годъ царствованія Елизаветы. Она была ничтожна по численности и значенію заговорщиковъ. Придворный камеръ-лакей Турчаниновъ подговорилъ нѣсколько человѣкъ гвардейцевъ умертвить Елизавету и герцога голштинскаго и, освободивъ Ивана Антоновича изъ заключенія, посадить на престолъ, какъ истиннаго государя. Заговоръ былъ открытъ на первыхъ порахъ и энергически погашенъ. Турчанинову вырвали языкъ и ноздри, били его кнутомъ и сослали въ Сибирь; не помиловали, конечно, и его сообщниковъ.

Изъ другихъ въ такомъ же родѣ попытокъ, тревожившихъ царствованіе Елизаветы, заслуживаетъ упоминанія здѣсь замыселъ Зубарева, относящійся къ концу пятидесятыхъ годовъ. Особенно характеристиченъ этотъ замыселъ потому, что въ немъ видна коварная рука враждебной Россіи дипломатіи, которая, какъ намъ уже извѣстно, не упускала случаевъ по своему пользоваться слабостями женщинъ-государынь и впутывать свою интригу въ назрѣвавшую протихъ нихъ мѣстную оппозицію.

Дерзкій, по плану, замыселъ Зубарева былъ сотканъ во враждебномъ тогда Россіи Берлинѣ, при дѣятельномъ участіи извѣстнаго Манштейна, лично ненавидѣвшаго Елизавету Петровну и за себя, и за своего благодѣтеля Миниха и, вообще, за паденіе нѣмецкой партіи въ Петербургѣ. Зубаревъ—бѣглый тобольскій посадскій, завербованный въ прусскіе солдаты, бывалый и тертый калачъ, но личность ничтожная,—служилъ здѣсь только орудіемъ. Манштейнъ, по наущенію свыше, подговорилъ этого покладистаго и оборотливаго молодца ѣхать въ Россію, возмутить раскольниковъ и, свергнувъ съ ихъ помощью императрицу, посадить на престолъ Ивана Антоновича, который-де старую вѣру любитъ и станетъ ей покровительствовать. Насколько можно довѣрять показаніямъ Зубарева, Манштейнъ обѣщалъ поддержать бунтъ военными силами Пруссіи и посылкой къ Архангельску военныхъ кораблей, „подъ видомъ купечества, чтобъ выкрасть

Ивана Антоновича". Передъ отъѣздомъ въ Россію, Зубаревъ былъ представленъ самому королю Фридриху II и получилъ 1,000 червонцевъ на издержки по своей миссіи, да двѣ медали, по которымъ принцъ Антонъ долженъ былъ бы ему повѣрить...

Разумѣется, весь этотъ хитро задуманный, но и изрядно легкомысленный, замыселъ провалился на первомъ же шагу къ исполненію.

Зубаревъ добрался до раскольничьихъ слободъ и началъ возбуждать ихъ населеніе. Раскольническіе попы не отказали въ сочувствіи затѣѣ берлинскаго эмиссара, но съ русской сметкой предложили ему первому попробовать вытаскивать каштаны изъ огня, а тамъ — они посмотрятъ, какъ быть...

— Какъ же вы Ивана Антоновича посадите на царство? — спрашивали они Зубарева съ сомнѣніемъ.

— А такъ же посадимъ, какъ и государыня сѣла,—не задумываясь отвѣтилъ тотъ.

Попы ничего не сказали, но, когда Зубаревъ сталъ у нихъ заживаться и навлекать подозрѣніе, они его политично выпроводили.

— Пора тебѣ ѣхать выручать Ивана Антоновича, и какъ васъ Богъ вынесетъ, то мы стоять готовы,—сказали они ему, чтобъ отдѣлаться.

Предпріимчивый конспираторъ уѣхалъ по адресу въ Холмогоры, но, волею судебъ, вмѣсто Холмогоръ попалъ въ Петербургъ—въ тайную канцелярію.

Нельзя не обратить вниманія на фразу Зубарева, что посадить на царство Ивана Антоновича—дѣло нетрудное, такое же нетрудное, какимъ было воцареніе Елизаветы Петровны. Эти слова могутъ служить ключемъ для объясненія большинства возникавшихъ во время женскаго правленія революціонныхъ попытокъ. Длинный рядъ дворцовыхъ переворотовъ, легкость и внезапность ихъ происхожденія и постоянно сопровождавшая ихъ удача не могли не оказывать подстрекающаго и въ нѣкоторомъ отношеніи деморализующаго вліянія на людей отчаянныхъ, авантюристовъ, по природѣ и по стеченію обстоятельствъ, съ безумно честолюбивыми и корыстными стремленіями. Для такихъ людей соблазнъ казался тѣмъ сильнѣе въ данномъ случаѣ, что, пускаясь въ свои дерзкія предпріятія, изъ личныхъ видовъ, они становились какъ-бы героями, ратующими за возстановленіе права и истины, несли свои головы въ жертву государю, узурпированному такими членами династіи, которымъ, уже по одному ихъ полу, какъ женщинамъ,—вовсе не слѣдъ на царствѣ сидѣть...

Мы впослѣдствіи встрѣтимся съ этимъ элементомъ въ чрезвычайно сильномъ и яркомъ проявленіи, какимъ былъ пугачевскій бунтъ, въ возникновеніи котораго историкъ не можетъ не признать присутствія указанныхъ здѣсь условій и стимуловъ, имѣвшихъ мѣсто и почву въ описываемую эпоху.

VIII.

15-го іюля 1742 года, на освященіи новой церкви московской академіи, присутствовавшіе богомольцы услышали изъ устъ проповѣдника, академическаго ректора Кирилла Флоринскаго, неожиданныя жалобы и упреки, обращенные къ врагамъ императрицы.

„Странная вѣсть,—дивился самъ проповѣдникъ:—давно-ли вождeлѣнная—и уже ненавидима Елисаветъ; давно-ли въ сердцахъ и въ устнѣхъ сладка—и уже горька Елисаветъ; давно-ли обрадовавшая насъ, и уже въ слезахъ опечаляема посредѣ дому; давно-ли матерь (и еще всемилостивѣйшая, яко и истинно есть)—и уже тяжка и не милосердна. О, непостоянство злоковарныхъ торжниковъ!"

Поводомъ этой краснорѣчивой выходки противъ „торжниковъ" служилъ извѣстный намъ ничтожный заговоръ Турчанинова; но, очевидно, проповѣдникъ мѣтилъ куда-то дальше и разумѣлъ не одну лишь незначительную кучку совершенно вздорныхъ заговорщиковъ, а кого-то поважнѣе и числомъ поболѣе, кто могъ стоять если не за ихъ спинами, то гдѣ нибудь вблизи. Эта подозрительность имѣла свои основанія.

Мы уже говорили, что Елизавета была, при воцареніи своемъ, для большинства „вождeлѣнна" и „сладка", по выраженію витіеватаго ректора; но были и недовольные, и число ихъ съ теченіемъ времени возрастало.

Основанія и источники недовольства были, по существу, троякіе: претило многимъ, что на царствѣ сидитъ женщина—просто по принципу; другіе подкрѣпляли свое недовольство въ этомъ отношеніи ссылкой на несогласное съ идеаломъ государевой власти развитіе фаворитизма; наконецъ, существовала оппозиція во имя возстановленія правъ лицъ, обойденныхъ или замѣщенныхъ Елизаветою на престолѣ. Конечно, всѣ эти основанія не составляли отдѣльныхъ знаменъ для группировки оппозиціи, а смѣшивались и перемежались. Послѣднее изъ нихъ мы разсмотрѣли въ предшествовавшей главѣ; остановимся теперь на первыхъ двухъ.

Безотносительный и принципіальный ропотъ противъ государыни, только потому что она женщина, „баба", выражали, конечно, люди, большею частью простые, темные, съ старозавѣтнымъ образомъ мыслей. Выражался этотъ ропотъ и протестъ чаще всего въ однѣхъ „пустошныхъ" рѣчахъ и „неудобьсказуемымъ поношеніяхъ", по терминологіи изысканныхъ стиллистовъ тайной канцеляріи, и дальше ихъ не шелъ.

Всѣ эти разсужденія и „поношенія" сводились къ выраженному однажды, при Елизаветѣ Петровнѣ, нѣсколькими вольнодумцами замѣчанію, или какъ бы догмату, что „недостойно-де въ нашемъ Великороссійскомъ государствѣ женскому полу на царствѣ сидѣть".

Умы пытливые, крѣпкіе логикой, искали подтвержденія этому догмату въ подходящихъ наблюденіяхъ и фактахъ.

Одинъ, напр., строгаго благочестія купецъ находилъ, что „при государынѣ Елизаветѣ Петровнѣ народъ въ пагубу идетъ"…. „архіереи и попы и прочіе люди имѣютъ семь сатанинскихъ грѣховъ на себѣ"…. „купцы земстіи отъ силы пищи ея"—государыни—„и градъ богатѣютъ, а мизерные люди отъ того разоряются; и на нее-де за непостоянство міра гнѣвъ Божій, и отъ десяти генераловъ сожжена будетъ огнемъ"...

Какой-то воинственный казакъ, съ своей стороны, поносл императрицу, сѣтовалъ на нее за то, что „баба-де царствуетъ, такъ и войны нѣтъ; какая-де это служба?.. Государыня-де ѣздитъ, да гуляетъ, она бъ ѣздила въ коллегіи, да дѣла дѣлала, а то-де ѣздитъ все за охотою... Какъ ей и на царствѣ сидѣть?".

Нѣкто „канцеляріи отъ строеній поручикъ", желая, „чтобъ попрежнему быть принцу Іоанну на всероссійскомъ престолѣ императоромъ", укорялъ Елизавету Петровну въ томъ, что она „всегда въ трусости находится", что, „какъ пріѣхала изъ Москвы, такъ ни однажды въ церкви не бывала—только-де всегда упражняется въ комедіяхъ", что отъ нея, наконецъ, россіянамъ „милости немного" и проч. „А я бъ дескать, — говорилъ поручикъ въ заключеніе, — взялъ пушекъ пять, и поставилъ бы тутъ и, зарядя ихъ дробью, разстрѣлялъ ее нарочно" (т. е. императрицу).

Возбуждались такіе „непристойные" разговоры въ разныхъ мѣстахъ и въ кругу всякаго званія людей, не исключая и отщепившихся отъ суетнаго міра сего монастырскихъ пустынножителей. По крайней мѣрѣ, вотъ какими „злодѣйственными" словами провинился однажды нѣкій рабъ Божій—Савватій, монахъ ярославскаго Толгскаго монастыря.

Случилось означенному монаху, какъ-то послѣ праздника лѣтняго Николы Чудотворца, въ 1745 году, ночевать вмѣстѣ въ одной кельѣ съ іеромонахомъ Александромъ, іеродіакономъ Игнатіемъ, да бѣлымъ попомъ Ѳедоромъ Петровымъ.

Савватію не спалось, можетъ быть потому, что обрѣтался онъ на тотъ разъ въ праздничномъ настроеніи: „былъ пьянъ, только въ силѣ", какъ засвидѣтельствовали потомъ его соночлежники. Самъ Савватій не спалъ и товарищамъ спать не давалъ.

„Лежа сперва пѣлъ стихи, а потомъ и пѣсни, а потомъ онъ же Савватій безъ всякихъ разговоровъ (т. е. предварительныхъ разговоровъ) заговорилъ" ни съ того ни съ сего такъ:

„Бабьи-де городы не стоятъ, а вотъ нынѣ государство баба держитъ... Баба-де не какъ человѣкъ (Савватій выругался сквернымъ словомъ).... Да и приняла-де она невѣрныхъ: вотъ-де наслѣдникъ невѣрный, да и наслѣдница такая же (Савватій опять сосквернословилъ): не могла-де она (т. е. государыня) здѣсь въ Россіи людей выбрать"...

Хотя и есть пословица—что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ, но слышавшіе эти „злодѣйственныя" слова подгулявшаго старца не придали имъ важности, а, можетъ быть, въ тайнѣ души имъ и сочувствовали. Но на бѣду Савватія случилось невдолгѣ одному изъ его сожителей, іеромонаху Александру, попасть подъ арестъ и судъ духовной консисторіи, по обвиненію въ кражѣ и безчинствѣ. Наскучило ли ему томиться въ заключеніи, или же думалъ онъ выслужиться предъ начальствомъ и тѣмъ поправить свое дѣло, только пришло ему на мысль, вспомнивши пьяныя рѣчи Савватія, состряпать изъ этого доносъ. Задумано и сдѣлано.

Въ октябрѣ о. Александръ объявилъ „государево слово и дѣло по первому пункту", а въ ноябрѣ Савватій и его трое вышепоименованныхъ сожителей, въ сопровожденіи привлеченнаго къ дѣлу мѣстнаго архимандрита, сидѣли уже за рѣшеткой въ аппартаментахъ тайной канцеляріи.

Съ первой же пытки Савватій повинился, оправдываясь лишь тѣмъ, что говорилъ бранныя слова на государыню „за безмѣрнымъ пьянствомъ"... На это оправданіе не посмотрѣли и приговорили: „Дабы онъ (Савватій) впредь отъ такихъ важныхъ продерзостей имѣлъ воздержаніе, сверхъ бывшаго ему розыску учинить жестокое наказаніе—бить кнутомъ нещадно и сослать въ Оренбургъ въ работу вѣчно".

Немного выигралъ и іеромонахъ Александръ отъ своего доноса: его вмѣстѣ съ попомъ Ѳедоромъ и іеродіакономъ Игнатіемъ постегали плетьми „за несвоевременный доносъ". Цѣлъ вышелъ изъ дѣла только архимандритъ, доказавшій, что ему ничего не было извѣстно о вольнодумствѣ Савватія [1]).

Въ то время какъ представители низшихъ классовъ жаловались на Елизавету Петровну за то, что она, какъ высказалъ одинъ изъ нихъ, знатныхъ лицъ — „генераловъ по 10,000 рублей на день" жалуетъ, а „мизерные отъ того разоряются", въ средѣ знати слышался противоположный ропотъ.

— Знать ее вообще не любитъ, — говорили въ этой средѣ про императрицу:—она же все простому народу благоволитъ, для того, что сама живетъ просто...

Упрекъ этотъ мотивировался весьма обиднымъ для знати благоволеніемъ императрицы къ такимъ представителямъ „простаго народа", какъ Разумовскіе и ихъ присные. Вообще, необыкновенно быстрое возвышеніе Разумовскихъ крайне скандализировало тогда все общество и весь дворъ. Люди родовитые и сановные, съ аристократическими претензіями, относились съ презрѣніемъ къ темному, незнатному происхожденію фаворитовъ Елизаветы и язвительно честили ихъ промежъ себя „гунсфатами", „канальями" и „непотребными людьми"...

---

[1]) Дѣло тайной канцеляріи о монахѣ Савватіѣ. (Изъ портфеля ред. „Истор. Вѣстника").

— Разумовскіе-де прежде тапливали печи, а нынѣ баба бабски нажаловала ихъ, говорили одни.

— Пѣвчіе-де ея императорскаго величества, которые пожалованы дворянами, у старыхъ дворянъ старшинство отымаютъ, жаловались другіе.

Этотъ аристократическій протестъ рельефнѣе всего выразился въ извѣстномъ Лопухинскомъ дѣлѣ. Главныя дѣйствующія лица этого дѣла чувствовали себя лично униженными и оскорбленными, и съ этого началась ихъ оппозиція.

Лопухины говорили, что „отъ ея величества обижены: деревня отнята, а вины они за собой никакой не знаютъ, и жалѣли, что не Анна Леопольдовна въ правительствѣ. Еще говорили, что ея величество жалуетъ такихъ, которые непотребны и не столько заслужили, какъ они, и нынѣ камеръ-юнкеровъ потому и узнаешь, кто въ красномъ платьѣ“...

Лично Иванъ Лопухинъ жаловался, что онъ, бывши при прежнемъ правительствѣ полковникомъ, „нынѣ опредѣленъ въ подполковники, и то невѣдомо куда—въ гвардію, или армію“. Это ли не обида?

Еще болѣе обиженной чувствовала себя знаменитая красавица Наталья Лопухина, возбуждавшая соперническую зависть въ государынѣ и жестоко поплатившаяся за дерзкое желаніе превзойти ее прелестью и костюмомъ.

Вообще же, всѣ эти обиды и жалобы сводились къ заключенію, что „плохо подъ бабьимъ правительствомъ“ быть. По увѣренію же И. С. Лопухина, „весь свѣтъ“ о томъ говорилъ, что Елизавета неправо сѣла на престолъ, и что „долго-ли-де намъ такъ безсчастнымъ быть, что мы подъ бабьимъ правленіемъ находимся“?..

Въ сущности, этого рода протестантовъ дѣлало „безсчастными“ не „бабье правленіе“, а то, что па ихъ долю не приходилось имъ пользоваться на основаніи фавора. Это было соперничество эгоизмовъ, раздраженныхъ соблазнительной перспективой непомѣрно быстраго и легкаго пріобрѣтенія всяческихъ благъ, почестей и значенія, путемъ эксплоатированія женской слабости государыни, ея щедрости и неопытности, ея, наконецъ, страха за свою личную безопасность и прочность своей власти. Претендентовъ на участіе въ пользованіи этими обстоятельствами и фаворомъ императрицы явилось въ это время великое множество. У всѣхъ былъ передъ глазами обаятельный примѣръ Разумовскихъ, которые поэтому и дѣлаются предметомъ зависти, соперничества и ненависти для всѣхъ честолюбцевъ и карьеристовъ съ разгорѣвшимися алчными аппетитами.

Впрочемъ, „случай“ Алексѣя Разумовскаго, его чрезмѣрное возвышеніе и громадное вліяніе, пріобрѣтенныя не умомъ, не талантомъ и заслугами, а путемъ интимнаго фаворитизма, возмущали и людей безкорыстныхъ—современныхъ моралистовъ и патріотовъ. Въ массѣ тоже къ нему не благоволили и на его счетъ ходили крайне не-

выгодные толки. Мы уже упоминали, что молва часто взваливала на фаворита всѣ свои обиды и свое недовольство всѣмъ режимомъ „бабьяго правленія".

Подобно тому, какъ въ предшествовавшія царствованія винили Бирона за то, что онъ нѣмецъ и во всемъ далъ волю нѣмцамъ, такъ теперь укоряли Разумовскаго въ его хохлацкомъ происхожденіи и въ томъ, что онъ покровительствуетъ своимъ землякамъ въ ущербъ великороссамъ. Явился даже нелѣпый слухъ, будто бы онъ составилъ команду изъ малороссіянъ, спеціально для истребленія русскихъ. Говорили также, что онъ, съ помощью колдуновъ—малороссовъ же, „обошелъ" императрицу, подчинилъ ее своей волѣ и охладилъ ее къ наслѣднику престола, котораго, будто бы, шесть разъ приводилъ къ смерти. Кромѣ того, винили Разумовскаго въ корыстолюбіи и хищности, ради которыхъ онъ обобралъ императорскій дворецъ—вывезъ изъ него царскія старинныя драгоцѣнности и отослалъ ихъ къ матери... Толковъ такихъ ходило множество.

Зависть къ Разумовскимъ и поползновеніе эксплоатировать государыню проникали въ среду не только вельможъ и лицъ сановныхъ, но и людей незнатныхъ, низшаго служилаго, особенно военнаго сословія. Притязательность и разнузданность, напримѣръ, знаменитыхъ лейбъ-кампанцевъ положительно не знали предѣловъ. Опираясь на свою услугу Елизаветѣ Петровнѣ, при ея воцареніи, они неимовѣрно зазнались, стали нестерпимо наглы, придирчивы и требовательны. Вымогательствамъ и претензіямъ лейбъ-кампанцевъ не было конца, а дерзость ихъ не знала удержу.

Одинъ изъ нихъ, сержантъ Грюнштейнъ (крещеный еврей), главный дѣятель при арестѣ семейства Ивана Антоновича, необыкновенно щедро награжденный, доходилъ до такого неслыханнаго нахальства, что осмѣливался, ворвавшись къ Разумовскому, настойчиво требовать удаленія со службы генералъ-прокурора, князя Трубецкаго, и угрожалъ, въ случаѣ неисполненія его требованія, открыто убить князя, какъ измѣнника государству, съ его, Грюнштейна, точки зрѣнія...

И подобныя выходки преблагополучно сходили съ рукъ лейбъ-кампанцамъ, потому что въ нихъ заискивали и ихъ боялись. До такой степени правительство Елизаветы Петровны чувствовало себя безсильнымъ и непрочнымъ—черта, рельефно отличающая „бабье правленіе!"...

По еврейской натурѣ, Грюнштейнъ, не встрѣчая отпора и острастки, зашелъ въ своей наглости такъ далеко, что его, наконецъ, понадобилось унять. Онъ сталъ открыто возставать на Алексѣя Разумовскаго, а встрѣтившись какъ-то дорогой съ его близкими родственниками, затѣялъ съ ними скандалезную ссору, нанесъ имъ жестокія оскорбленія и, попросту, отколотилъ.

Во время этой свалки онъ ругалъ Разумовскаго скверными словами и кричалъ на всю улицу:

— Я Алексѣя Григорьевича услугою лучше и онъ чрезъ меня имѣетъ счастье, а теперь за нимъ и намъ добра нѣтъ; его государыня жалуетъ, а мы погибаемъ... Вашъ богъ Разумовскій воскресъ чрезъ меня, а мы теперь страждемъ!

И эти жалобы на „погибель" и „страданіе" высказывались какъ разъ въ ту минуту, когда родную сестру фаворита и ея мужа команда Грюнштейна, по его приказанію, таскала за волосы и тузила дубинами... Сцена вышла поэтому нелишенной іудейскаго юмора... Разумовскій очень любилъ свою родню, и продерзость Грюнштейна, на этотъ разъ, не прошла для него безнаказанно...

Послабленіе власти и дисциплины въ лейбъ-кампаніи, ради пріобрѣтенія популярности, распространялось на всю вообще солдатчину, сосредоточенную въ столицѣ. Ея распущенность и деморализація въ дни Елизаветы засвидѣтельствованы множествомъ фактовъ буйства и дебоширства солдатъ, одно время державшихъ въ страхѣ все мирное населеніе столицы.

Вышедшіе изъ дисциплины, до-нельзя зазнавшіеся храбрые воины позволяли себѣ иногда самыя дерзкія выходки даже противъ начальства и высшихъ сановниковъ... И все это во имя, яко бы, патріотизма и преданности къ государынѣ, въ разсчетѣ заслужить ея признательность!

Очень характеристичное, въ этомъ отношеніи, дѣло разбиралось въ концѣ 1745 года въ тайной канцеляріи.

21 декабря, вечеромъ, „незнамо" откуда возвратился домой Невскаго полка сержантъ Ярославовъ „безмѣрно пьянъ." Жившіе съ нимъ въ одной квартирѣ однополчанинъ поручикъ князь А. Ухтомскій и Суздальскаго полка прапорщикъ князь Ф. Чегодаевъ спросили, гдѣ онъ такъ напился.

— Былъ я, — отвѣчалъ Ярославовъ, — съ поручикомъ Невскаго полка, Яковомъ Зелхомъ, въ Милліонной улицѣ въ погребѣ, пили мы виноградные напитки, и изъ того погребу увезли съ собою б....., и когда съ нею ѣхали на извощикѣ по Милліонной, наѣхала на насъ ея императорское величество и ѣздовые кричали: „Поди! поди!" То-де мы и сами тѣмъ ѣздовымъ кричали: „Сами-де поди!," и бранили ихъ, тако-жъ и кто изъ генераловъ и придворныхъ ѣхали, матерно. И ту брань изволила услышать ея и. величество и соизволила указать взять насъ подъ караулъ; и тогда, услышавъ о томъ, я соскочилъ съ саней и ушелъ, а поручикъ Зелхъ остался и взятъ подъ караулъ...

— Для чего ты такіе непотребные поступки чинишь? — сказали Чегодаевъ и Ухтомскій, возмущенные поведеніемъ коллеги.

— Экая великая диковина, — возразилъ легкомысленный сержантъ, — что выбранили мы генерала или ѣздоваго! Сама императрица такой же человѣкъ, какъ и я, только тѣмъ преимущество имѣетъ, что царствуетъ.

— Для чего ты такія слова употребляешь и примѣняешь себя къ монарху?—унимали собесѣдники Ярославова, „чтобъ онъ перестанъ врать."

— Прахъ возьми (Ярославовъ выразился гораздо сильнѣе) и генераловъ всѣхъ, и тѣхъ, кто ихъ жаловалъ! Я и то знаю, что Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ хотѣлъ государыню окормить, а Андрей Ивановичъ Ушаковъ и Александръ Ивановичъ Румянцевъ хотѣли ее, государыню, съ престола свергнуть, чтобъ быть по-прежнему на престолѣ Іоанну третьему; а Александръ Борисовичъ Бестужевъ хочетъ ее, государыню, срубить.. Прахъ возьми (крѣпкое слово) всѣхъ генераловъ и всѣхъ, кто на свѣтѣ есть!... За мною слово и дѣло!—неожиданно возгласилъ расходившійся сержантъ.

— Перестань врать!—останавливали его товарищи.

— Слово и дѣло за мной!

Вслѣдъ за этимъ Ярославовъ снялъ со стѣны образъ и требовалъ, чтобъ Чегодаевъ и Ухтомскій приложились къ нему, такъ какъ всѣмъ имъ вмѣстѣ умереть.

— Сперва,—говорилъ онъ,—васъ казнятъ, и я на вашу смерть погляжу, а потомъ пускай и меня казнятъ!... Я знаю, что Ушаковъ въ тайной канцеляріи первый членъ, и вѣдаю, что ему не миновать смерти—быть колесовану, а другому въ той канцеляріи члену Игнатьеву не миновать же смерти—быть повѣшену...

Все это были пьяныя бредни, хотя и очень рельефно отражавшія въ себѣ тогдашнее настроеніе данной среды, но князю Чегодаеву показались онѣ отличнымъ матеріаломъ для доноса, въ видахъ споспѣшествованія своей служебной карьерѣ. Не теряя золотаго времени, онъ послѣ того, какъ Ярославовъ впалъ въ неистовство и хотѣлъ было себя заколоть, тихонько выскользнулъ изъ горницы, подговорилъ въ сѣняхъ солдата Карташова, бывшаго у Ухтомскаго „на вѣстяхъ," стать свидѣтелемъ предстоявшаго „слова и дѣла," и отправился по начальству, къ полковнику Леонтьеву.

Ярославовъ, не взирая на хмѣль, догадался—куда и зачѣмъ ушелъ его пріятель. На этотъ счетъ нравы тогда были такіе, что въ подобныхъ оказіяхъ сомнѣній не могло быть въ намѣреніяхъ услужливыхъ пріятелей. Какъ встрепанный, выскочилъ опомнившійся молодой человѣкъ на улицу и нагналъ Чегодаева.

— Ты идешь на меня доносить?—сказалъ онъ безъ обиняковъ.— Не доноси, воротись домой!

— Доносить не стану,—слукавилъ Чегодаевъ,—но домой не пойду.

Ярославовъ, видя, что дѣло плохо, схватилъ пріятеля за кафтанъ и закричалъ: „караулъ!"

Намѣреніе у него было такое, какъ потомъ онъ пояснилъ: „Коли пропадать, такъ пускай и я, и Чегодаевъ вмѣстѣ пропадемъ!" Но Чегодаевъ успѣлъ вырваться изъ его рукъ и, прибѣжавъ къ Леонтьеву, заявилъ свое „слово и дѣло". Вслѣдъ за нимъ и для той же

экстренной надобности прибѣжалъ къ Леонтьеву и князь Ухтомскій, сообразившій, что его безучастіе въ доносѣ можетъ ему теперь дорого обойтись.

Несчастнаго Ярославова, почти мальчика по возрасту (ему было всего 19 лѣтъ), долго томили въ тюрьмѣ, допрашивали и мучили пытками, но только и добились, что все то, что показали на него добрые товарищи, говорилъ онъ „за безмѣрнымъ пьянствомъ, ничего не помнитъ,“ и съ чего тѣ „непристойныя слова пришли ему въ мысль—онъ не знаетъ...“ [1]).

Мы теперь знаемъ, съ чего у тогдашнихъ вольнодумцевъ приходили „въ мысль“ такія „продерзкія“ и отрицательныя воззрѣнія на сильныхъ міра сего, и видимъ въ Ярославовѣ одну изъ многочисленныхъ жертвъ той смуты и того разлада, которые вносились въ общественное сознаніе нарушеніями правоваго порядка въ преемничествѣ верховной власти.

IX.

Царствованіе императрицы Екатерины II, несмотря на всю мудрость и величіе этой государыни, было особенно богато проявленіями и мятежными вспышками оппозиціи „бабьему правленію“ вообще, и протеста перевороту 28 іюня 1762 года въ частности, во имя генетической идеи государя и ея конкретныхъ—мнимыхъ и дѣйствительныхъ — представителей, въ лицѣ Петра III, Ивана Антоновича и впослѣдствіи Павла Петровича, какъ истинныхъ монарховъ, насильственно устраненныхъ съ престола.

Замѣчательная аналогичность и, такъ сказать, хроническая повторяемость этого рода явленій, по мотивамъ и по ихъ формѣ, невольно бросаются въ глаза и придаютъ имъ въ совокупности значеніе отличительнаго, характеристическаго недуга всего періода царствованія государынь въ прошломъ столѣтіи. И какъ всякій недугъ, питаемый существованіемъ его источника, явленія эти съ теченіемъ времени становятся все чаще, проявляются все съ бо́льшей напряженностью и обостренностью, пока, наконецъ, не разрѣшаются такимъ страшнымъ, огромнымъ вередомъ, парализовавшимъ на время весь общественный организмъ, какимъ была для Россіи Пугачевщина...

Присутствіе этого недуга и неизбѣжность его острыхъ проявленій, очевидныя для насъ теперь на основаніи историческаго діагноза, ясно сознавались и въ то время наиболѣе проницательными и чуткими государственными умами, какимъ отличалась Екатерина. Это сознаніе не оставляло ее въ самыя спокойныя и счастливыя минуты, когда все кругомъ, повидимому, единодушно ликовало и обнаружи-

---

[1]) Дѣло тайной канцеляріи. (Изъ портфеля ред. „Истор. Вѣстн.“).

вало полное довольство сложившимся порядкомъ. Съ самаго начала своего царствованія и потомъ непрерывно, Екатерина, подъ тревожнымъ давленіемъ мысли о возможности вспышекъ оппозиціи и протеста, принимаетъ всевозможныя мѣры для ихъ предупрежденія и пресѣченія. Мысль эта явно гнететъ ее, часто связываетъ ей руки, заставляетъ иногда дѣлать уступки своимъ убѣжденіямъ о благѣ и пользѣ народа въ угоду тѣмъ элементамъ, въ натурѣ которыхъ ощущалось присутствіе этой мятежной горючести и возможность ея активныхъ вспышекъ. Въ безпокойномъ опасеніи чѣмъ нибудь воспламенить эту затаенную, тлѣющую искру и въ понятномъ желаніи обезоружить тѣхъ, кто вздумалъ бы ею воспользоваться съ преступной цѣлью, императрица вынуждается нерѣдко прибѣгать къ лицемѣрію и къ потворству такимъ людямъ и такимъ дѣйствіямъ, которые ей противны и по натурѣ, и по принципу. Это состояніе, похожее на то, которое испытываетъ человѣкъ, находящійся въ зависимости отъ ближнихъ, имѣющихъ, про всякій случай, за пазухой готовый и неотразимый противъ него камень,—особенно сильно удручало Екатерину въ первые годы ея царствованія, когда положеніе ея и популярность недостаточно еще упрочились.

Все это, съ одной стороны, портило и омрачало личный характеръ государыни, пріучивъ ее къ подозрительности и притворству, и, съ другой, вносило извѣстную долю фальши и макіавелизма въ ея дѣятельность и въ ея отношенія къ окружающимъ.

Малѣйшій намекъ на вопросъ о правильности ея воцаренія, всякое самое пустое „вранье“, какъ называла она толки объ этомъ предметѣ, раздражаютъ ее, волнуютъ и тревожатъ. Это—ея больное мѣсто, прикосновеніе къ которому, хотя бы самое легкое и невинное, потрясаетъ ее и заставляетъ прибѣгать къ такимъ, неблаговиднымъ самимъ по себѣ и противорѣчившимъ ея образу мыслей, дѣйствіямъ и мѣрамъ, какъ, напр., учрежденіе негласной политической инквизиціи съ знаменитымъ Шешковскимъ во главѣ, „перелюстрація“ частной переписки, замаскированное, а иногда открытое, преслѣдованіе личностей достойныхъ, навлекшихъ почему либо незаслуженныя подозрѣнія, и въ томъ числѣ самого наслѣдника престола, и т. п.

Эта боязливая мнительность приводитъ иногда Екатерину къ явно несообразнымъ, по своей неосуществимости, распоряженіямъ, не говоря уже объ ихъ деморализующемъ соблазнѣ. Такъ, въ 1765 году, по поводу дѣла Хитрова, она издаетъ манифестъ „о молчаньѣ“.

„Воля наша есть,—говорилось въ манифестѣ,—чтобы всѣ и каждый изъ нашихъ вѣрноподданныхъ единственно прилежалъ своему званію и должности, удалясь отъ всякихъ продерзкихъ и непристойныхъ разглашеній. Но противу всякаго чаянія, къ крайнему нашему прискорбію и неудовольствію, слышимъ, что являются такіе развращенныхъ нравовъ и мыслей люди, кои“... „сами заражены странными разсужденіями о дѣлахъ, совсѣмъ до нихъ не

принадлежащихъ, не имѣя о томъ прямаго свѣдѣнія, стараются заражать и другихъ слабоумныхъ". Манифестъ оканчивался угрозой, что, если это „матернее увѣщеваніе" держать языкъ за зубами не подѣйствуетъ, „то вѣдалъ бы каждый изъ таковыхъ невѣждей", что тогда будетъ поступлено съ нимъ „по всей строгости законовъ".

„Увѣщеваніе" это должно было произвести странное, неблагопріятное впечатлѣніе на умы и тѣмъ менѣе достигнуть цѣли, что въ немъ ни однимъ словомъ не упоминалось о самомъ предметѣ „продерзкихъ и непристойныхъ разглашеній". Повелѣвалось молчать, а объ чемъ именно молчать—неизвѣстно! Несообразность логическая; но, сверхъ того, такія наивно-деспотическія приказанія, претендующія налагать узду на мысль и совѣсть гражданъ, неуловимыя для полицейскаго контроля, только безъ нужды компрометируютъ авторитетъ власти и, по естественному порядку, возбуждаютъ усиленные толки о томъ самомъ предметѣ, о которомъ воспрещается говорить.

Подобныя распоряженія, столь несогласныя съ свободолюбіемъ Екатерины, съ ея высокимъ государственнымъ умомъ и всегда отличавшимъ ее политическимъ тактомъ, свидѣтельствуютъ только всю глубину ея тревожнаго состоянія, въ которое ее повергала малѣйшая тѣнь сомнѣнія въ правильности ея воцаренія. Это же указываетъ, что въ тайнѣ души она сама была причастна такому сомнѣнію и сознавала всю его цѣпкость и неотразимость.

Но, быть можетъ, всего ярче и разрушительнѣе отразились указанныя здѣсь условія на преобразовательной дѣятельности Екатерины. Сдѣлала она, положимъ, много для Россіи; но нельзя не признать того факта, что темныя побужденія, внушаемыя непрерывно стоявшимъ насторожѣ эгоистическимъ инстинктомъ самосохраненія, часто парализовали ея волю въ наилучшихъ начинаніяхъ, напримѣръ,—по облегченію участи крестьянъ. Неувѣренная въ твердости своего положенія и въ совершенной непререкаемости своихъ правъ, она останавливается въ своихъ реформахъ на полпути единственно изъ боязни умножить ряды недовольныхъ изъ привиллегированныхъ и наиболѣе вліятельныхъ классовъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи status quo. Недовольство это, несправедливое въ своемъ основаніи, было бы нестрашно предъ лицомъ самодержавнаго государя, пекущагося о благѣ огромнаго большинства своихъ подданныхъ; но въ данномъ случаѣ съ нимъ нельзя не считаться, потому что у него за пазухой есть опасный камень, отразить который не легко. Въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ переворотъ 28-го іюня, въ возможности повторить его, и еще съ тѣмъ юридическимъ преимуществомъ, что теперь дѣло шло бы о замѣщеніи „неправо" сѣвшей на престолъ женщины истиннымъ государемъ мужскаго пола,—было страшное оружіе, на которое косились взгляды всѣхъ недовольныхъ и къ которому протягивались руки наиболѣе рѣшительныхъ изъ нихъ... Уничтожить это оружіе было невозможно — оставалось стараться заставить забыть о немъ, и

тутъ начинались малодушныя сдѣлки съ частными и коллективными эгоизмами, ради ихъ удовлетворенія и хотя бы въ ущербъ общему благу.

Изъ этого же источника происходили и тѣ послабленія хищничеству и произволу фаворитовъ, изъ коихъ каждый, по отзыву князя Щербатова, „какимъ нибудь порокомъ за взятые милліоны одолжилъ Россію“, — тѣ послабленія, говоримъ, которыя, по отзыву другаго историка, были „большою помѣхою славѣ Екатерины и совершенію ея великихъ плановъ“.

Державинъ, такъ много, громко и цвѣтисто воспѣвавшій Екатерину, указываетъ въ своихъ „Запискахъ“ на ту же слабость ея и категорически опредѣляетъ источникъ, изъ котораго она происходила. Онъ говоритъ, между прочимъ, что „строгое потомство“ едва ли „удержитъ по вѣчность имя великой“ за этой государыней, потому что она „не всегда держалась священной справедливости, но угождала своимъ окружающимъ, а паче своимъ любимцамъ, какъ бы боясь раздражить ихъ“.

Еще опредѣленнѣе и точнѣе отмѣтили эту черту Екатерины наблюдательные иностранцы—послы, бывшіе при петербургскомъ дворѣ.

Графъ Бекингамъ (англійскій посолъ), которому Екатерина сознавалась въ своемъ безотчетно-тревожномъ состояніи, писалъ, что она, „стѣсненная обязательствами, сознавая затруднительность своего положенія и страшась опасностей, которыми должна была считать себя окруженною, не можетъ дѣйствовать самостоятельно и освободиться отъ многихъ окружающихъ ее людей, которыхъ характеръ и способности она должна презирать“.

Французскій посолъ Бретейль, наблюдая „тяжелую работу, съ какою императрица старалась понравиться всѣмъ и сама въ разговорѣ съ нимъ уподобляла себя зайцу, травимому со всѣхъ сторонъ, замѣчаетъ, что съ воцареніемъ она „стала обнаруживать слабость и колебаніе — недостатки, которыхъ никогда не замѣчалось въ ея характерѣ. Боязнь потерять то, что имѣла смѣлость взять, ясно и постоянно видна въ поведеніи императрицы, и потому всякій сколько нибудь значительный человѣкъ чувствуетъ свою силу передъ нею. Изумительно, какъ эта государыня, которая всегда слыла мужественною, слаба и нерѣшительна, когда дѣло идетъ о самомъ неважномъ вопросѣ, встрѣчающемъ нѣкоторое противорѣчіе внутри имперіи!“

Указанія эти драгоцѣнны для насъ въ интересѣ пониманія какъ личной жизни государынь, удручаемой роковымъ противорѣчіемъ ихъ положенія, такъ и той общественно-политической атмосферы, которую создавало „бабье правленіе“, въ связи съ дворцовыми переворотами. Душно и нездорово должна была чувствовать себя такая чуткая, дальновидная женщина, какою была Екатерина, въ этой атмосферѣ, насыщенной міазмами разнузданныхъ эгоистическихъ инстинктовъ и ядомъ затаеннаго предательства, нагло выказывающаго клыки для шантажа!

Анализируя образъ дѣйствій Екатерины, видимъ, что темное чувство боязни лежало неизгладимой тѣнью на ея душѣ, искажало ея благородный характеръ, тормозило ея чуткую къ добру волю и заставляло нерѣдко относиться снисходительно къ злу. Но посмотримъ, въ какой мѣрѣ эта боязнь питалась и оправдывалась фактами?

Нужно замѣтить, что воцареніе Екатерины было неожиданностью не только для общества, но даже для многихъ ея сторонниковъ, желавшихъ низверженія Петра III.

Опытъ прежнихъ женскихъ царствованій далеко не расположилъ русскихъ людей въ пользу практики „бабьяго правленія" на дальнѣйшее время. Петръ III, незадолго до сверженія, котораго онъ не допускалъ даже въ подозрѣніи, писалъ Фридриху II, что „русскіе всегда желали одного—быть подъ властію государя, а не женщины. Двадцать разъ,—говоритъ онъ,—я самъ слышалъ отъ солдатъ моего полка: „Дай Богъ, чтобъ вы скорѣе были нашимъ государемъ, чтобъ не быть намъ больше подъ властію женщины"!

Сама Екатерина въ рѣшительную минуту, разсчитывая на успѣхъ задуманнаго переворота, вовсе, однако жъ, не была увѣрена въ своемъ избраніи. Ей было извѣстно предположеніе, раздѣлявшееся вліятельнѣйшими и серьезнѣйшими людьми ея партіи, и въ томъ числѣ многими прямыми участниками заговора,—по низверженіи Петра III возвести на престолъ наслѣдника Павла Петровича, а до его совершеннолѣтія сдѣлать государыню регентшей. Таковъ былъ планъ, между прочимъ, знаменитаго Н. И. Панина, стоявшаго во главѣ оппозиціи Петру III. Не подлежитъ сомнѣнію, что при нормальномъ и спокойномъ ходѣ вещей, гдѣ вопросъ объ избраніи обсуждался бы правильно, при участіи всѣхъ высшихъ государственныхъ чиновъ, дѣло такъ бы и уладилось, тѣмъ болѣе, что иного рѣшенія не давалъ и прямой законъ о престолонаслѣдіи. Но нарушеніе этого закона было уже не въ диковину, а опыты предшествовавшихъ дворцовыхъ переворотовъ давали прекрасный урокъ, какъ ихъ нужно дѣлать, не спрашивая мнѣній и желаній общества и народа...

Стоя на строгой почвѣ историческихъ фактовъ, мы должны сказать, что провозглашеніе Екатерины императрицей было дѣломъ небольшой кучки ея приближенныхъ, главнымъ образомъ—Орловыхъ, людей молодыхъ, энергическихъ и смѣлыхъ, съумѣвшихъ воспользоваться удобной минутой для переворота, поднять и наэлектризовать толпу гвардейскихъ солдатъ, возбужденную, съ одной стороны, недовольствомъ антипатичными голштинскими порядками Петра III, а съ другой—перспективой льготъ и наградъ, на которыя смѣло можно было разсчитывать въ случаѣ удачи „дѣйства". Безъ сомнѣнія, толпа эта, какъ всякая толпа, очень смутно понимала смыслъ переворота, котораго она являлась орудіемъ, вовсе не вдавалась въ соображенія о правовомъ порядкѣ престолонаслѣдія, а, дѣйствуя порывомъ, подъ горячимъ впечатлѣніемъ минуты, выкрикнула безотчетно то имя,

которое ей подсказали коноводы, и пошла за тѣмъ лицомъ, которое первое явилось предъ ней въ роли вождя и во всеоружіи правъ представителя царствующей династіи.

Къ счастію, на этотъ разъ съ рѣшеніемъ военной толпы совпали желанія большинства общества, и Провидѣнію было угодно такимъ экстравагантнымъ путемъ даровать Россіи великую государыню; но вначалѣ многіе были смущены неожиданнымъ оборотомъ событій, возникъ цѣлый рядъ сомнѣній и недоразумѣній въ средѣ даже преданныхъ государынѣ людей серьезнаго образа мыслей, желавшихъ, какъ Панинъ, напр., чтобы переворотъ совершился при непосредственномъ участіи сената.

„Екатеринѣ, — говоритъ Соловьевъ, — нужно было много лѣтъ искуснаго, твердаго и счастливаго правленія, чтобъ.... заставить признать законность своей власти. Въ первое время царствованія это признаніе не было всеобщимъ, и въ Европѣ не было еще увѣренности, что Екатерина удержится на престолѣ".

Прежде всего къ такому признанію весьма неохотно склонялись вельможные люди, замышлявшіе, съ устраненіемъ Петра III, возвести на престолъ Павла Петровича. Они не могли быть довольны неожиданнымъ оборотомъ, даннымъ этому вопросу сангвиническими героями „дѣйства" 28-го іюня, и чтобы повернуть дѣло сколько нибудь на свой ладъ, выступаютъ съ предложеніемъ ограничить власть императрицы чѣмъ-то въ родѣ верховнаго совѣта. Пружины въ этомъ замыслѣ старыя—тѣ же самыя, которыя двигали „затѣйкой" блаженной памяти „верховниковъ" въ дни Анны Ивановны. Съ одной стороны, желаніе „воли себѣ прибавить", пользуясь удобнымъ случаемъ—шаткостью положенія Екатерины и ея женской податливостью, съ другой—неискоренимое предубѣжденіе противъ „бабьяго правленія" съ его послѣдствіями.

Авторъ и главный руководитель этого плана, Н. И. Панинъ, мечтавшій о введеніи шведской конституціи въ Россіи, проводилъ ту мысль, что власть монархическая „никакъ инако въ полезное дѣйство произвести не можетъ, какъ разумнымъ ея раздѣленіемъ между нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому единственно персонъ". На этомъ основаніи и въ огражденіе „самодержавной власти отъ скрытыхъ похитителей оныя" (фаворитовъ), онъ предлагалъ учрежденіе императорскаго совѣта, который долженъ былъ представлять собою „не иное что, какъ то самое мѣсто, гдѣ мы (государыня) объ имперіи трудимся".

Въ своемъ докладѣ Панинъ мотивируетъ предложенный проектъ ссылкой на несовершенства и слабыя стороны царствованія Елизаветы. Въ сущности же, это—откровенная и рѣзкая діатриба противъ женскаго правленія вообще. Указывая на недостатки и погрѣшности Елизаветы, авторъ прямо намекаетъ на возможность повторенія и теперь тѣхъ же послѣдствій фигурированія женщины на престолѣ, и

чтобъ устранить эти послѣдствія, предлагаетъ ограничить власть императрицы. Таковъ былъ смыслъ доклада Панина и такъ именно поняла его Екатерина.

Панинъ въ язвительныхъ выраженіяхъ возставалъ главнымъ образомъ противъ одного изъ неизбѣжныхъ послѣдствій женскаго правленія, противъ фаворитизма—противъ „случайныхъ и припадочныхъ людей“, которые, пользуясь слабостью и малодѣятельностью государыни—женщины, составляютъ „всегда злоключительный общему благу интервалъ“ между престоломъ и правительствомъ. „Они, временщики и куртизаны,—говоритъ онъ,—сдѣлали въ немъ (т. е. въ правительствѣ), яко въ безгласномъ и никакого образа государственнаго неимѣющемъ мѣстѣ, гнѣздо всѣмъ своимъ прихотямъ, чѣмъ оно претворилось въ самый вредный источникъ не токмо государству, но и самому государю“..... „Большіе и случайные господа предѣловъ не имѣли своимъ стремленіямъ и дальнимъ видамъ; государственныя оставались безъ призрѣнія; все было смѣшано; всѣ наиважнѣйшія должности и службы претворены были въ ранги и въ награжденія любимцевъ и угодниковъ; вездѣ фаверъ и старшинство людей опредѣляло; не было выбору способности и достоинству“... „Фаворитъ остался душою животворящею или умерщвляющею государство; онъ вѣтромъ и непостоянствомъ погруженъ, не трудясь тутъ, производилъ однѣ свои прихоти“...

Эти стрѣлы мѣтили не въ бровь, а въ глазъ... При восшествіи на престолъ, фавориты Екатерины уже обозначились, а одинъ изъ нихъ простиралъ свои властолюбивые виды слишкомъ далеко. Панинъ зналъ о предполагавшемся тогда бракѣ императрицы съ Григоріемъ Орловымъ, и намъ становится понятной страстность его протеста, подписаннаго переднимъ числомъ и несомнѣнно внушеннаго патріотическимъ чувствомъ, чего, однако, не хочетъ признать Соловьевъ, предполагающій, что Никитой Ивановичемъ руководили въ этомъ случаѣ своекорыстіе и властолюбіе... Это совершенно несправедливо!

Панинъ и его единомышленники не знали еще тогда, на чтó способна Екатерина, не видѣли еще результатовъ ея дѣятельности и не подозрѣвали въ ней присутствія того государственнаго генія, который развернулся потомъ. На глазахъ у нихъ былъ пока только рядъ неудачныхъ опытовъ женскаго правленія,—и естественно было имъ тревожиться предъ открывавшейся возможностью повторенія этихъ опытовъ.

Екатерина подписала проектъ, составленный Панинымъ, съ нѣкоторыми исправленіями, но онъ никогда не былъ приведенъ въ исполненіе во всемъ пространствѣ, а вскорѣ и вовсе преданъ былъ забвенію. Екатеринѣ, стремившейся къ самовластію, онъ былъ крайне непріятенъ, и если она первоначально приняла его, то—поневолѣ, единственно изъ разсчета согласить съ собою оппозиціонные элементы въ средѣ вліятельнаго высшаго служебнаго міра и обезоружить ихъ.

Въ значительной степени ей это удалось. Впослѣдствіи и Панинъ, и всѣ его единомышленники, совершенно примирились съ установившимся порядкомъ, покрайней мѣрѣ наружно. Оппозиція съ этой стороны улеглась, хотя нельзя сказать, чтобы люди такого закала, какъ Панинъ, моралисты и мыслители, съ твердо сложившимся міровоззрѣніемъ, признавали внутренно этотъ порядокъ нормальнымъ и ничего болѣе совершеннаго, съ ихъ точки зрѣнія, не хотѣли желать.

Взгляды этого сорта людей на женское правленіе вообще, ихъ принципіальное предубѣжденіе къ нему, питавшееся отрицательными послѣдствіями царствованія женщинъ, въ которыхъ не было недостатка и въ дни Екатерины, рельефно и краснорѣчиво выражены въ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ литературы XVIII столѣтія. Мы говоримъ объ извѣстномъ сочиненіи кн. Щербатова—„Поврежденіе нравовъ въ Россіи", которое, въ сущности, есть ничто иное, какъ обвинительный актъ всему періоду женскаго правленія въ нашей исторіи. Вся эта книга насквозь проникнута частью рѣзко-отрицательнымъ, частью желчно-скептическимъ отношеніемъ ко всѣмъ женскимъ царствованіямъ, съ чѣмъ, вѣроятно, согласится всякій, кто читалъ эту книгу. Мы обратимъ здѣсь вниманіе только на ея конечный выводъ.

Выводъ этотъ самъ собою явствуетъ уже изъ того, что авторъ весь названный періодъ отождествилъ съ эпохой упадка и „поврежденія" нравовъ въ Россіи и ея „плачевнаго состоянія" во всѣхъ отношеніяхъ, какъ онъ думалъ. Дѣло въ томъ, что онъ—строгій монархистъ, исповѣдующій самодержавіе во всей его чистотѣ, и—съ этой точки зрѣнія—смотритъ на царствованіе женщинъ, какъ на печальную случайность и аномалію.

Заканчивая свои скорбныя ламентаціи, кн. Щербатовъ патріотически молитъ Бога, „чтобъ лучшимъ царствованіемъ зло истреблено было", чтобы Богъ послалъ Россіи „государя, искренно привязаннаго къ закону Божію; строгаго наблюдателя правосудія, начавши съ себя; умѣреннаго въ пышности... награждающаго добродѣтели и ненавидящаго пороки... постоянпа въ дружбѣ; показующаго примѣръ собою своимъ домашнимъ согласіемъ съ своею супругою, и гонящаго любострастіе; щедра безъ расточительности" и т. д.

Въ этихъ, намѣченныхъ Щербатовымъ, чертахъ идеала государя явно сквозитъ косвенное, иносказательное изобличеніе темныхъ, сомнительныхъ сторонъ царствованія Екатерины и, вообще, временъ „бабьяго правленія". Намѣчая положительныя качества желаннаго государя, Щербатовъ умышленно подобралъ противоположенія качествамъ отрицательнымъ, которыми, на его взглядъ, отличались личности Елизаветы и Екатерины. За всѣмъ тѣмъ, прося Бога о „лучшемъ царствованіи" для Россіи въ будущемъ, онъ разумѣетъ исключительно личность государя, въ мужскомъ полѣ безусловно, отвергая возможность повторенія „бабьяго правленія".

Но люди, подобные князю Щербатову, были не страшны. Ихъ оппозиція была дѣломъ принципа, внутренняго убѣжденія, и не выходила изъ области отвлеченно-теоретической. Друзья порядка и законности, нравственно покоренные, къ тому же, Екатериною, съ одной стороны, милостями, съ другой—блестящими дѣяніями ея царствованія,—они никогда и не помышляли о какой нибудь активной попыткѣ переиначить дѣло на свой ладъ... Опасность шла съ другихъ сторонъ; другая оппозиція—мятежная—не давала о себѣ забыть; во все царствованіе Екатерины она то тамъ, то здѣсь, поднимаетъ свою многоглавую, змѣиную пасть, подъ иными разнообразными личинами, и—съ этой гидрой нужно было уже считаться, не покладая рукъ.

X.

Въ царствованіе Екатерины II недовольству „бабьимъ правленіемъ" было за что зацѣпиться болѣе, чѣмъ когда нибудь.

Кончина Петра III, окруженная таинственностью, дѣлается предметомъ сомнѣній и сожалѣній; изъ сомнѣній выростаетъ призракъ, смущающій умы легковѣрныхъ,—благодарное орудіе обмана для смѣлыхъ „воровскихъ" предпріятій.

Въ Шлиссельбургѣ живетъ пока несчастный Иванушка... Новое и болѣе реальное искушеніе для тѣхъ, кто не даетъ ослѣпить себя призракомъ и отыскиваетъ живаго, дѣйствительнаго замѣстителя на престолѣ неугодной „персоны".

Въ Петербургѣ подростаетъ великій князь Павелъ Петровичъ... Онъ — наслѣдникъ престола; но отчего не государь, отчего онъ не коронованъ, если такъ слѣдовало бы по праву? Еще искушеніе вмѣшаться въ дѣло, во имя попранной законности, и перевернуть его на свой вкусъ.

Всѣ эти имена являются готовыми знаменами мятежа, за которыя хватаются буйныя головы и постоянно находятъ достаточное число легковѣрныхъ и недовольныхъ, съ рѣшимостью идти за ними на опасное и беззаконное дѣло. Все то, что испытывало „тяготу неудобоносимую" отъ бремени налоговъ, отъ помѣщичьяго и приказнаго произвола, отъ правосудія, отъ солдатчины и проч.,—а такого народа на Руси было тогда особенно много, — все объединяется ропотомъ на существующіе порядки, отождествленные съ неправымъ „бабьимъ правленіемъ," и воплощаетъ свои надежды на льготу въ идеѣ „истиннаго" государя, въ возстановленіи этой идеи въ живомъ лицѣ.

Мысль, что вся „тягота" и тѣснота происходятъ отъ того, что на престолѣ сидитъ не подлинный, „правый" государь, а незаконно вступившая на него женщина, которой, вообще, „недостойно на царствѣ сидѣть", является лозунгомъ всѣхъ мятежныхъ вспышекъ и

служитъ имъ зажигательной искрой. А искра эта могла зажечь при случаѣ такой страшный пожаръ, какъ пугачевскій бунтъ.

Извѣстный Руничъ, разбирая причины этого бунта, указываетъ, между прочимъ, на то, „что будто народъ желалъ, дабы императорская власть состояла въ мужскомъ родѣ“ и злоумышленники „раздували искру сію въ народѣ“. Это же подтверждаютъ и другіе писатели, подтверждаютъ также факты и, главнымъ образомъ, тотъ, что народъ и поднялся-то противъ государыни-женщины во имя государя-мужа. Слѣдовательно, присутствіе такой „искры“ подразумѣвалось здѣсь само собою и не нуждается въ доказательствахъ.

Уже первые „медовые“ мѣсяцы царствованія Екатерины были отравлены открытіемъ заговора, клонившагося къ ея ниспроверженію. Дѣло происходило въ Москвѣ, въ моментъ коронаціи. Въ то самое время, когда государыня писала гр. Кейзерлингу о „радости“, какую народъ постоянно оказывалъ при видѣ ея, въ средѣ этого самаго ликующаго народа повторялось имя Иванушки и втайнѣ ковалась крамола. Однажды, къ графу Г. Г. Орлову явился капитанъ Московскаго драгунскаго полка Побѣдинскій и заявилъ о существованіи партіи, которая хочетъ возвести на престолъ Ивана Антоновича. Въ числѣ участниковъ партіи онъ назвалъ нѣсколько знатныхъ лицъ: И. И. Шувалова, Н. И. Панина, кн. Трубецкаго и др. Назвалъ онъ ихъ, какъ потомъ оказалось, по одной „эхѣ,“ которая, конечно, не имѣла никакого основанія. Даже, въ сущности, заговора не было, а было одно „вранье“, по тогдашнему термину. Среди офицеровъ разныхъ гвардейскихъ полковъ возникли толки, что существуетъ „партія“, и даже не одна, а двѣ—съ цѣлію низвести съ престола императрицу и посадить на ея мѣсто, по желанію одной „партіи“, Ивана Антоновича, а по выбору другой—Павла Петровича. Мнѣнія недовольныхъ разбивались соотвѣтственно этимъ двумъ именамъ. Шли споры, которая „партія“ лучше и къ которой изъ нихъ выгоднѣе пристать? Въ роли главныхъ агитаторовъ и распространителей этого „вранья“ были изобличены офицеры—Хрущовъ и братья Гурьевы...

Искра была погашена на первыхъ порахъ, но на Екатерину это ничтожное, по своему содержанію, дѣло произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Слѣдствіе показало, что источникомъ „вранья“ было личное неудовольствіе и воспринималось оно всего охотнѣе тѣми, кто считалъ себя обойденнымъ въ наградахъ, посыпавшихся на гвардію послѣ 28 іюня. Слѣдовательно, выходило такъ, что тѣ самые люди, которые помогали перевороту, теперь, при малѣйшемъ неудовольствіи, обращаются въ возмутителей, „распаляютъ“ солдатъ, впутываютъ въ свои козни знатныхъ лицъ и съ легкимъ сердцемъ рѣшаются на повтореніе соблазнительнаго опыта: если тогда однимъ удалось, такъ отчего и имъ не можетъ удасться теперь?

Тутъ было отчего встревожиться. Не страшно было, само по себѣ,

хрущовское дѣло—страшило деморализующее настроеніе умовъ, такъ легко поддававшихся мятежному „вранью“ и искушенію поднять руку на государыню.

Раздраженіе неудовлетворенныхъ эгоизмовъ проявлялось тѣмъ рѣзче, что на глазахъ у всѣхъ было чрезмѣрное возвышеніе фаворитовъ Орловыхъ, далеко оставившихъ за собою въ пріобрѣтеніи вліянія, почестей и богатства всѣхъ другихъ сподвижниковъ событія 28 іюня, считавшихъ свои заслуги не меньшими ихъ. При всемъ томъ, Орловы стали зазнаваться.

— „Орловы раздражили насъ своею гордостію,—говорили обиженные:—мы было чаяли, что наша общая служба къ государынѣ утвердитъ нашу дружбу, а нынѣ видимъ, что они—развратъ.“

Эти слова вышли изъ устъ камергера Ласунскаго. Другіе недовольные изъ той же придворной среды шли дальше. Камеръ-юнкеръ Хитровъ, не менѣе другихъ раздраженный возвышеніемъ и спѣсью Орловыхъ, когда разнесся слухъ о предполагавшемся устройствѣ брака Екатерины съ Г. Г. Орловымъ, заявилъ камеръ-юнкеру же кн. Несвижскому, что онъ и другіе „на собраніи своемъ положили просить государыню—если намѣрена выйти замужъ, то у Иванушки есть два брата; а если не согласится за нихъ, то, схватя Орловыхъ, всѣхъ отлучить...“ И опять къ „вранью“ примѣшиваются имена знатныхъ лицъ: Н. И. Панина, княгини Дашковой, Глѣбова, Теплова и др. Сама государыня подозрѣваетъ, что нѣкоторыя изъ этихъ лицъ замыселъ Хитрова „суппонировали или, лучше сказать, знали...“

И дѣйствительно, въ участіи во „враньѣ“ такого рода изобличались люди разныхъ классовъ и сословій, не исключая и духовнаго. Хорошо извѣстно дѣло ростовскаго архіерея Арсенія Мацѣевича, который явился искупительной жертвой партіи недовольныхъ въ средѣ духовенства. То, что онъ думалъ и говорилъ, раздѣлялось многими представителями духовенства, а говорилъ онъ, какъ доносили на него въ 1767 г., что Екатерина „наша не природная-де и не тверда въ законѣ нашемъ и не надлежало ей престола принимать.“ Себя Арсеній (находившійся тогда въ ссылкѣ) сравнивалъ съ Златоустомъ, „заточеннымъ также царицею.“ Толковалъ о пророчествѣ, будто бы въ Россіи станутъ царствовать двое юношей: первый юноша—великій князь (Павелъ Петровичъ), другой—братъ принца Ивана (это говорилось уже послѣ смерти послѣдняго...) Арсенія за это пророчество и за другія оскорбительныя для ея величества слова лишили монашескаго сана и даже имени, присвоивъ ему позорную кличку „Андрея Враля,“ и заточили въ инородческій Ревель; дома оставить не хотѣли, боясь соблазна и—не напрасно. Слѣдствіе обнаружило, что вышеприведенныя разсужденія его, которыя онъ высказывалъ, сидя въ Николаевскомъ Корельскомъ монастырѣ, пришлись по сердцу мѣстному архимандриту съ братіей, а также караульнымъ солдатамъ и ихъ начальнику, подпрапорщику Алексѣевскому. Всѣ они стали отно-

ситься къ Арсенію не какъ къ заключенному и разжалованному, а какъ къ истинному архіерею, и дѣлали ему послабленіе...

Въ какой степени легко было совратить „враньемъ" простыхъ людей, напр., солдатъ, и подвинуть ихъ къ открытому даже возстанію, во имя идеи государя, показали знаменитыя и общеизвѣстныя шлиссельбургскія „дивы," какъ назвали тогда дерзкую попытку Мировича и ея послѣдствія. Когда Мировичъ подговаривалъ поодиночкѣ солдатъ своей команды къ участію въ своемъ предпріятіи, то большинство поддавалось сразу, а немногіе скептики, послѣ недолгаго колебанія, говорили; „Если всѣ, то и я." И дѣйствительно, всѣ до одного, очертя голову, пошли за своимъ отчаяннымъ командиромъ „освобождать государя..."

Екатерина, довольная тѣмъ, что въ неудачной затѣѣ Мировича „зло" было „пресѣчено въ корню," тѣмъ не менѣе сознавалась, что у нея „сердце щемитъ" при одной мысли „объ этомъ дѣлѣ," и выражала опасенія, что „искра кроется въ пеплѣ," и что ее нужно бы искать не въ Шлиссельбургѣ.

Такое опасеніе она выражала при обнаруженіи каждой въ подобномъ родѣ вспышки, и—опасеніе, имѣвшее серьезныя, реальныя основанія.

Такъ, тревожившія императрицу „продерзкія и непристойныя разглашенія," несмотря на всевозможныя мѣры унять ихъ и заглушить, не умолкали и, по мѣрѣ ихъ распространенія, принимали все болѣе горючее и злокачественное значеніе, пока, наконецъ, не стали переходить въ дѣло. По естественному порядку, назрѣвавшее недовольство, какъ подкожная болѣзнь въ организмѣ, должно было прорваться наружу явными воспалительными язвами. Попытка Мировича была однимъ изъ такихъ назрѣвшихъ нарывовъ; ее своевременно ампутировали, но—„искра" осталась „въ пеплѣ" и не замедлила обнаружиться въ цѣломъ рядѣ подобныхъ же опасныхъ болячекъ, слившихся потомъ въ огромную сплошную гангрену, поразившую чуть не весь государственный организмъ и исцѣленіе отъ которой стоило столькихъ жертвъ и столько крови.

Уже въ концѣ 60-хъ годовъ въ народѣ стали разглашаться смутныя вѣсти, что императоръ Петръ III живъ и что онъ скоро „объявится" на утѣшеніе всѣхъ обиженныхъ и отягощенныхъ. Такія вѣсти находили себѣ особенно благодарную почву на окраинахъ, гдѣ тогда скоплялся самый горючій матеріалъ—все, что только было недовольнаго существовавшими въ государствѣ порядками, враждебнаго имъ и буйнаго.

Является въ Исецкой провинціи казакъ Каменьщиковъ, строптивый, безпокойный человѣкъ, не ладившій съ мѣстными властями. Шатается онъ повсюду и мутитъ народъ разглашеніемъ, будто императоръ Петръ Ѳедоровичъ живъ, находится въ Троицкой крѣпости, и что на него-то онъ, Каменьщиковъ, „надѣется," да и другимъ,

кто въ чемъ обиженъ, совѣтуетъ положиться на этотъ вѣрный источникъ правды и милости...

Каменьщикову не удалось произвести смуту, но „искра въ пеплѣ“ тлѣлась и въ охотникахъ раздувать ее недостатка не было.

Въ 1765 г., появляется первый самозванецъ—лже-Петръ III, предтеча страшнаго Пугачева, опередившій его, стало быть, почти на десять лѣтъ. Это былъ бѣглый солдатъ Гаврила Кремневъ, пьяница и буянъ, по аттестаціи суда. Несмотря на такую нелестную репутацію, Кремневъ, объявивъ себя Петромъ III, нашелъ немало увѣровавшихъ въ него сторонниковъ среди не только крестьянъ и отставныхъ солдатъ, но и духовенства. Объявился онъ въ Воронежской губерніи. Встрѣчаетъ его мѣстный попъ Левъ Евдокимовъ и выражаетъ сомнѣніе, точно-ли онъ императоръ?

— Вѣдь государь Петръ III умеръ, сказалъ онъ Кремневу.

— Тогда умеръ солдатъ, возразилъ тотъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и своей самоувѣренностью окончательно сразилъ простодушнаго попа.

Евдокимовъ сталъ самымъ преданнымъ и горячимъ приверженцемъ самозванца, и задумали они цѣлый обширный планъ приведенія въ подданство россійской имперіи. Замѣчательно при этомъ, что Кремневъ явился предтечей Пугачева даже во внѣшнихъ пріемахъ: подобно послѣднему, онъ тотчасъ же произвелъ своихъ приверженцевъ въ генералы и надавалъ имъ имена извѣстныхъ тогда вельможъ: одного назвалъ Румянцевымъ, другаго—Пушкинымъ и т. д.

Вспышка эта, какъ и цѣлый рядъ за ней послѣдовавшихъ, была погашена; но починъ былъ сдѣланъ. Самозванцы начинаютъ появляться одинъ за другимъ то тамъ, то здѣсь,—„даже у монтонегрельцевъ (черногорцевъ)“, какъ свидѣтельствуетъ Руничъ, гдѣ въ 1769 г. Петромъ III назвался какой-то Стефанъ Малый. Руничъ разсказываетъ подробно о самозванцѣ, крестьянинѣ Богомоловѣ, назвавшемся Петромъ III въ 1772 г. Его поймали и посадили въ Царицынскую крѣпость, гдѣ „народъ собрался у тюрьмы, чтобъ оную разломать и самозванца освободить“. Сдѣлать этого не удалось, но по этому случаю произошло цѣлое сраженіе.

Ранѣе этого, разновременно было схвачено еще нѣсколько самозванцевъ (по счету А. С. Пушкина—четыре): армянинъ Асланбековъ, солдатъ Петръ Чернышевъ, солдатъ Іевъ Евдокимъ и др. Послѣдній, почему-то, предпочелъ назваться Петромъ II и встрѣтилъ большое радушіе у раскольниковъ. Остальные же самозванцы, включительно до Пугачева, постоянно именовались Петрами III, и включительно до Пугачева правительство не подозрѣвало всей глубины совершавшагося на его глазахъ болѣзненнаго процесса, смотря на его проявленія, какъ на случайныя аномаліи, происходившія „безъ всякаго съ разумомъ и смысломъ соображенія“.

А между тѣмъ, Пушкинъ, въ оставленныхъ имъ рукописныхъ примѣчаніяхъ къ его „Исторіи пугачевскаго бунта", утверждаетъ, на основаніи фактическихъ данныхъ, что „не только въ простомъ народѣ, но и въ высшемъ сословіи существовало мнѣніе, что будто государь (Петръ III) живъ и находится въ заключеніи. Самъ великій князь Павелъ Петровичъ долго вѣрилъ или желалъ вѣрить сему слуху". Если это было такъ, то неудивительно, что „весь черный народъ, по увѣренію того же компетентнаго автора, былъ за Пугачева; духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архіереи. Одно дворянство было открытымъ образомъ на сторонѣ правительства"... Однако жъ, и съ этой стороны было не мало случаевъ „открытой" измѣны.

Въ средѣ дворянской и служебной, само собой разумѣется, очень немногіе искренно вѣрили въ бытіе Петра III и еще менѣе могли увлекаться его призракомъ, въ лицѣ того или другаго самозванца. Недовольные изъ этой среды, противники „бабьяго правленія", изъ принципа-ли, или по личнымъ обидамъ, обращали свои взоры, главнымъ образомъ, на великаго князя Павла Петровича, и — исключительно на него одного съ той поры, когда несчастнаго Ивана Антоновича не стало. Сама Екатерина, какъ извѣстно, очень ревнивыми и подозрительными глазами смотрѣла на великаго князя, видѣла въ немъ своего опаснаго соперника и старалась различными способами устранять его отъ арміи и отъ управленія государствомъ и какъ можно менѣе содѣйствовать его популярности. Вообще, отношенія между ними были не изъ лучшихъ, какъ извѣстно...

Екатерина не могла забыть, что при переворотѣ 28 іюня многіе желали возведенія на престолъ не ея, а великаго князя, и всѣ, кто подозрѣвался въ сочувствіи этой мысли, всегда внушали ей недовѣріе и антипатію. На этомъ основаніи, она не любила, напр., одного изъ благороднѣйшихъ русскихъ людей своего времени—А. И. Бибикова, котораго „подозрѣвали благопріятствующимъ той партіи, которая желала возвести на престолъ великаго князя. Симъ призракомъ,— замѣчаетъ Пушкинъ, — безпрестанно смущали государыню, и тѣмъ отравляли сношенія между матерью и сыномъ"...

Не „смущаться" нельзя было, потому что „призракъ" воплощался нерѣдко въ рѣшительныя мятежныя намѣренія низвергнуть императрицу въ пользу Павла Петровича, помимо его вѣдома и воли.

Въ 1772 г., въ средѣ дворянъ — офицеровъ гвардіи—образовался кружокъ, пришедшій къ рѣшенію, что „народнаго отягощенія отвратить инымъ ничѣмъ не можно и добраго дождаться нечего, какъ только тѣмъ, что возвести надобно на престолъ его высочество"... Недовольныхъ одно только останавливало отъ рѣшительныхъ, въ такомъ смыслѣ, дѣйствій: у нихъ не было „фундатора" для составленія заговора и не знали, какъ приступить къ дѣлу безъ согласія великаго князя, до котораго очень трудно было „дойти".

Заговоръ этотъ, во главѣ котораго стояли Озеровъ и Жилинъ, возникъ, главнымъ образомъ, изъ видовъ дворянско-крѣпостническихъ. Заговорщики роптали, что „въ законѣ написали вольность (?) крестьянамъ и холопямъ" и „тѣмъ дворянство оскорблено". Роптали они также на самовластіе Орловыхъ, на войны, на рекрутскіе наборы, на слабость правленія и пр. Однако жъ, „фундатора" мятежу они не нашли и, ничего не сдѣлавъ, поплатились сами... Не помогло имъ и случившееся тогда прохожденіе Венеры черезъ дискъ солнца, отъ котораго они ждали переворота и явленія новаго государя.

Впрочемъ, нѣкоторые изъ участниковъ этого заговора нашли себѣ „фундатора" потомъ въ далекой Камчаткѣ, въ лицѣ знаменитаго авантюриста Беневскаго, поднявшаго знамя бунта во имя Павла Петровича и съ этимъ знаменемъ счастливо совершившаго съ товарищами, послѣ освобожденія отъ каторги, кругосвѣтное путешествіе. Исторія Беневскаго хорошо извѣстна.

Но погашенная „искра" въ одномъ мѣстѣ, не замедляла вспыхнуть въ другомъ. Въ семидесятыхъ годахъ, правительство было встревожено движеніемъ, распространившимся среди гвардейскихъ солдатъ. Движеніе было вызвано слухомъ, будто бы великаго князя хотятъ „извести", а Орловъ намѣревается стать императоромъ. На этомъ основаніи, стали толковать, что необходимо этимъ кознямъ положить конецъ: возвести на престолъ Павла Петровича, а Екатерину посадить въ монастырь, или убить. Главнымъ агитаторомъ этого движенія былъ капралъ Оловенниковъ, который, на сомнѣніе нѣкоторыхъ соумышленниковъ— будутъ ли согласны на переворотъ народъ и армія, далъ очень характеристическій отвѣтъ:

— Ну, ужъ какъ гвардія здѣсь присягнетъ (Павлу), армія такъ и станетъ думать, что ужъ такъ и остальное...

Такое горделивое убѣжденіе, что гвардія всему дѣлу голова и что въ ея рукахъ безапелляціонное рѣшеніе вопроса о престолонаслѣдіи,—было прямымъ печальнымъ результатомъ практики всѣхъ дворцовыхъ переворотовъ. И Екатерина напрасно старалась „гвардію колико возможно вычистить" отъ этого опаснаго духа.

Къ Павлу Петровичу, какъ къ надеждѣ на лучшія времена, какъ къ желанному востановителю попранной въ государствѣ правды, обращались всѣ неудовлетворенныя и оскорбленныя сердца изъ среды преимущественно служебной и шляхетской. Это было предметомъ неумолкаемаго „вранья" не только устнаго, но и письменнаго. Стали, напримѣръ, появляться пасквили въ этомъ смыслѣ, и объ этихъ пасквиляхъ возбуждалось множество дѣлъ. Одно изъ нихъ имѣется у насъ въ рукахъ, съ которымъ мы и познакомимъ читателей для дополненія представленной характеристики тогдашняго общественнаго настроенія, возбужденнаго порядками „бабьяго правленія".

Жилъ въ 1777 г., въ Москвѣ, отставной поручикъ Андрей Ѳедоровъ Мневскій, человѣкъ молодой, пострадавшій лично отъ пугачев-

цевъ, которые убили его жену, а его самого изувѣчили и держали въ плѣну, по освобожденіи принимавшій участіе въ усмиреніи бунта, но по службѣ неособенно авансировавшій. Въ 1775 г., онъ занемогъ чахоткою и, выйдя въ отставку, велъ, по отзыву слѣдователей, „самое распускное житіе" и, вообще, былъ человѣкъ „весьма дурной кондуиты". Неизвѣстно, съ чего ему вздумалось взяться за перо, которымъ онъ владѣлъ весьма неискусно, и сочинить „пасквиль", въ странной и претенціозной формѣ—„Рѣчи, говоренной (будто бы) его высочествомъ въ первомъ его присутствіи въ сенатѣ при входѣ".

Въ сущности, въ рѣчи этой ничего нѣтъ пасквильнаго и возмутительнаго—она просто неграмотна и, по совершенно вѣрному заключенію тайной экспедиціи, кромѣ „невѣжества", не содержитъ „въ себѣ ниже малаго подобія съ истиною, такъ какъ и съ разумомъ порядочнаго человѣка". То есть, намеки и „подобія" на истину и на разумъ въ ней есть, но въ очень нескладной формѣ. Суть въ томъ, что Мневскій, устами какъ бы великаго князя, изобличаетъ екатерининскихъ „правителей" въ томъ, что они „великости дѣлъ никакъ не стараются наблюдать правосудія и мало помнятъ долгъ своего званія, нарушили клятвенное обѣщаніе", о дѣлахъ „не помышляютъ никогда, не щадя бѣдныхъ притѣсненныхъ злоухищреніемъ ненасытныхъ и кровожадныхъ людей, кои интересъ неправильно присвоиваютъ себѣ", и т. п.

Нескладица эта заканчивается такимъ воззваніемъ, яко бы, великаго князя:

„О, великій Боже! исправь ихъ пороки, внуши добродѣтель и истину, да съ успѣхомъ подвиги наши къ спокойству и тишинѣ нашей имперіи будутъ, но если не войдутъ въ предразсужденіе и не исправятся отъ насъ ввѣренные правители, пролей Ты свой гнѣвъ, да возмемъ и мы купно съ онымъ мечъ!".

Конечно, этотъ продуктъ тогдашней „подпольной" литературы былъ направленъ противъ существовавшаго порядка и косвенно противъ государыни, но слишкомъ ужъ отдаленно и невинно. Екатерина такъ именно и взглянула на дѣло, признавъ, что „толь гнусное сочиненіе совершеннаго презрѣнія заслуживаетъ", а самъ сочинитель не стоитъ „положеннаго законнаго наказанія". Мневскаго, дѣйствительно, освободили безъ всякаго наказанія [1]).

Но совершенно иначе взглянули на этотъ „пасквиль" московскія власти. Князь Волконскій требовалъ для Мневскаго „экземплярнаго наказанія за дерзость, въ примѣръ другимъ". И онъ имѣлъ на то свое основаніе въ томъ обстоятельствѣ, что „бумага", сочиненная Мневскимъ, несмотря на ея малограмотность и нескладицу, „таскалась" по всей Москвѣ, во множествѣ списковъ, и мутила умы. Мало

---

[1]) Государств. архивъ, д. № 2517 (Изъ портфеля редакціи „Историческаго Вѣстника").

того. Когда дѣло уже окончилось, „рѣчь" Мневскаго явилась въ 1778 году, въ Орлѣ, у колодниковъ, съ очень выразительнымъ прибавленіемъ, что она „вышла въ народъ". Находили ее потомъ и въ другихъ мѣстахъ, въ Твери, напримѣръ, у купцовъ, и пр. Слѣдовательно, она производила впечатлѣніе, ей вѣрили, или хотѣли вѣрить, что она, точно, вышла изъ устъ великаго князя Павла Петровича, въ лицѣ котораго недовольные отождествляли свой протестъ существующему „бабьему правленію" и свою надежду на лучшее время съ воцареніемъ государя...

Такъ легко было находить повсюду сочувственное отзвучіе всякой оппозиціонной выходкѣ противъ женщинъ-государынь, даже въ дни царствованія величайшей изъ нихъ!

Вл. Михневичъ.

ДНЕВНИКЪ ВИКТОРА ИПАТЬЕВИЧА АСКОЧЕНСКАГО [1].

IV.

Разсѣянная жизнь Аскоченскаго.

Переходное время для Аскоченскаго.—Кончина первой жены.—Начало разочарованій.—Увлеченіе разсѣянной жизнью.—Фальшивое положеніе Аскоченскаго въ свѣтскомъ кругу.—Его „житейская грамматика".— Свѣтскій катехизисъ.— Пѣснь одиночества.—Начало увлеченія В. Н. Балабухой.—Дневникъ сватовства Аскоченскаго.—Неудачи сватовства.—Развязка его.—Мечты о минувшемъ.

1842-й и первая половина 1843 года были для Аскоченскаго переходнымъ временемъ отъ радостей къ жестокому потрясенію. Много событій пережилъ онъ, отъ которыхъ, „посѣдѣли цѣлые десятки волосъ". „Тамъ—говоритъ онъ о дневникѣ этого года—яркими красками написались счастливыя мгновенія, когда я назвалъ себя отцемъ; тамъ написались черезъ нѣсколько времени горькія слезы, которыми я проводилъ первенца моего въ могилу. Тамъ есть строки, которыя скажутъ моему потомству о смерти доброй, единственной страдалицы—моей маменьки; тамъ много, много омытаго горячими слезами раскаянія, поздняго сожалѣнія, томительной грусти, безпомощной нужды, обманутыхъ ожиданій, и однако все это прошло. Что же тутъ напишется?.. Вопросъ не легче Гамлетовскаго: быть или не быть?".

Такъ писалъ Аскоченскій 10-го августа 1843 г., а 22-го января слѣдующаго года мы читаемъ уже:

„Ночь—страшная ночь!—А слезъ нѣту. Я чувствую, что все не такъ во мнѣ, какъ должно, а какъ должно—того не знаю. Софья велѣла позвать священника—неу"...

---

[1]) Продолженіе. См. „Историч. Вѣстн.", томъ VII, стр. 318.

Дальше дописать, очевидно, былъ не въ силахъ Аскоченскій,—ему уже было не до дневника. На третій день послѣ этого умерла первая жена Аскоченскаго. Какъ потрясла его эта кончина, показываетъ сдѣланное однимъ изъ студентовъ академіи описаніе всего, что происходило тогда съ Аскоченскимъ. Онъ почти помѣшался, бродилъ какъ тѣнь, ища своего „ангела — Софью". Вотъ одна изъ записей, какими надолго потомъ переполняется дневникъ послѣ смерти жены.

„Хоть бы во снѣ мнѣ увидѣть ее! Нѣтъ, не вижу, а тамъ, на кладбищѣ, только холодная земля. Гдѣ жъ Софья-то моя? Други мои! гдѣ жъ Софья-то моя! Я искалъ ее межъ нѣмыхъ памятниковъ; туда ее отнесли—а все нѣтъ ея; я звалъ ее на могилѣ ея—и она не сказала мнѣ ни слова. Софья, Софья! Явись же ко мнѣ хоть во снѣ. Скажи, какъ ты живешь тамъ? Что дѣлаешь, о чемъ думаешь? Господи, Боже мой! Хоть на одну минуту, хоть на одно слово повели снизойти моему ангелу ко мнѣ, несчастному".

Долго не могъ Аскоченскій помириться со смертью жены: этотъ моментъ былъ для него началомъ разочарованій. 29-го августа читаемъ въ дневникѣ: „Не думаете ли вы, что я дорожу теперь чѣмъ нибудь? Совершенно предавшись въ волю Божію, я бросился въ море жизни и иду безъ мысли, оторвавъ якорь пустыхъ надеждъ и желаній. И для чего надѣяться? Для того ли, чтобъ еще разъ обмануться въ своихъ надеждахъ? Будетъ, не надо. Пусть же уроки повторяютъ непонятливые, безпамятные ученики судьбы, а я знаю и твердо помню данный мнѣ Господомъ Богомъ урокъ. И желать не хочу—къ чему? Все вздоръ! У меня и безъ того уже много, куда какъ много сѣдыхъ волосъ, а эти желанія только крушатъ, да сушатъ. Мнѣ теперь одна молитва: „Со святыми упокой мою Софью; а для меня—день прошелъ, благодарю тя, Господи; подай мнѣ и вечеръ съ нощію безсоблазненъ, а обо всемъ прочемъ, якоже хощеши, устрой о мнѣ вещь".

„Не правда ли, это самый благочестивый кейфъ"?

Но такому кейфу недолго предавался Аскоченскій. Онъ приглашенъ былъ Д. Г. Бибиковымъ для наблюденія за воспитанникомъ его. Ситегинымъ. Поселившись у генералъ-губернатора, Аскоченскій получилъ безпрепятственный доступъ къ свѣтскимъ развлеченіямъ. Послѣдними онъ не брезговалъ,—развѣ въ минуты воспоминаній о женѣ, да когда преслѣдовали его неотвязчивые кредиторы, возобновлялась у него прежняя грусть. Разсѣянная жизнь, видимо освѣжившая его на время, на самомъ дѣлѣ, если вникнуть глубже, была для него тѣмъ „моремъ", въ которое онъ бросился, безъ цѣли, безъ мысли, ища лишь забвенія о пережитыхъ душевныхъ тревогахъ. Неудивительно поэтому встрѣтить такую запись въ день новаго года (1845 г.):

„Подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній, спѣшу вписать нѣсколько строкъ въ мой милый дневникъ, спѣшу потому, что теперь уже второй часъ по полуночи и мнѣ крѣпко спать хочется. Ну, слушайте. Балъ (у генералъ-губернатора) былъ блистательный. Мое зрѣніе во-

все притупилось отъ этого блистательнаго блеска—я чуть-чуть не ослѣпъ. Фу, чортъ возьми, даже самое безобразіе съ длиннымъ носомъ и съ кривою таліею казалось очаровательнымъ. Я просто влюбленъ во все,—и въ длинные, и чуть замѣтные носы, и въ кривые, и въ тонко-длинные, какъ шестъ, таліи, и въ мерзлыя и въ горячія очи или глаза, что, кажется, все равно. Варя Балабуха была исключительнымъ предметомъ моего волокитства. Я ей поролъ такую наивную чушь, что любо. Ей-ей, хорошо жить на бѣломъ свѣтѣ, особенно если этотъ бѣлый свѣтъ искрится шампанскимъ и весь состоитъ изъ такихъ... ну, какъ ихъ назвать, чтобы не обидѣть свѣта... элементовъ, какъ, напримѣръ, Лиза Жандръ и Варенька Балабушка"...

Не больше, какъ черезъ двѣ недѣли, однако, Аскоченскій отмѣчаетъ уже въ дневникѣ: „цѣлый день мучила меня грусть, тоска безотрадная. Не понимаю, гдѣ этому причина. Кругомъ меня все радуется; только я точно рыба на берегу"... Минутами онъ хорошо сознавалъ свое тогдашнее фальшивое положеніе, но выбраться изъ него не умѣлъ и не видѣлъ возможнаго выхода.

„Знаете-ли, о чемъ я теперь думаю?—пишетъ Аскоченскій 19-го января,—о моемъ положеніи? Господу Богу угодно было поставить меня въ такомъ кругу, о которомъ я и во снѣ не мечталъ. Мнѣніе людей насчетъ меня поднялось высоко. По понятію досужихъ наблюдателей моихъ, я и славенъ, и богатъ, и силенъ, и далеко, вишь, пойду. Спасибо имъ за пророчества; но Богъ знаетъ, придется ли мнѣ ихъ устами медъ пить. Точно, я сталъ на такомъ мѣстѣ, что шагъ назадъ можетъ меня сбросить низко, низко, гораздо не въ примѣръ ниже того, какъ былъ я въ первый годъ по окончаніи моего курса. Завистники мои только и ждутъ, чтобы поточить объ меня свои зубы, чтобы залить меня грязью, опачкать желчью. Возвратъ мой въ прежнее состояніе, въ рангъ баккалавра, въ полномъ значеніи этого слова,—уже невозможенъ. Перемѣна моей жизни непремѣнно заставитъ меня перемѣнить родъ службы, или, по крайней мѣрѣ, выдти изъ вѣдомства, которому я теперь принадлежу. Меня называютъ счастливцемъ. И точно, я счастливецъ; но только тѣмъ, что я узналъ великаго благодѣтеля моего, Дмитрія Гавриловича, познакомился съ людьми высшаго, лучшаго тона, и имѣю возможность изучать манеру получше той, какою надѣлило меня мое происхожденіе и воспитаніе. Но... тутъ много, много, надобно поставить точекъ. Дмитрій Гавриловичъ до сихъ поръ не сдѣлалъ ничего въ мою пользу. Я обѣдаю съ нимъ, провожу иногда вечера, удостоенъ ласковаго, привѣтливаго разговора; но существеннѣе чего либо я не видалъ и не вижу. Богатство мое ростетъ только въ глазахъ моихъ завистниковъ, а въ самой вещи я бѣднѣе послѣдняго камердинера, который перетираетъ ложки и завѣдываетъ половыми щетками. Неоплатные долги разорили меня въ конецъ. Моего жалованья не достаетъ мнѣ на покрытіе и десятой ихъ доли; зато я и не беру его, а между тѣмъ отъ Дми-

трія Гавриловича я не видѣлъ еще и полушки [1]). Serge мой проматываетъ тысячи, а я принужденъ продавать единственное мое серебро, чтобы какъ нибудь помянуть моего друга, мою Софью. Затѣялось было дѣло о переводѣ меня въ университетъ, но на затѣяхъ и остановилось. Я познакомился съ людьми лучшаго тона, но что мнѣ изъ этого? Чтобы поддерживать себя, мнѣ нужны новыя издержки, а изъ какого благополучія... И чѣмъ все это кончится—одинъ Богъ знаетъ."

Подъ гнетомъ такихъ безотрадныхъ думъ, Аскоченскій, пускаясь въ свѣтъ, утѣшалъ себя мыслью, что его не проведешь, что пора платоническихъ увлеченій для него миновала.

„Родъ человѣческій"—пишетъ онъ (28-го января)—„ужасно какъ хлопочетъ о томъ, чтобъ меня женить. Больно не хочется, а впрочемъ—я несовсѣмъ прочь. Только напередъ сказать: кромѣ существительнаго мнѣ нужно—и крѣпко нужно—прилагательное, и ни подъ какимъ предлогомъ и нарѣчіемъ я не вступлю въ союзъ съ однимъ глаголомъ, если числительнаго не будетъ на лицо. Теперь ужъ я въ такихъ лѣтахъ, что междометіями и дѣепричастіями меня не надуешь и я ужъ не пишу стиховъ и не могу питать платонически безсребренной страсти къ мѣстоимѣніямъ личнымъ безъ притяжательныхъ въ среднемъ родѣ. Это моя житейская грамматика, въ непогрѣшимость которой я вѣрю, какъ турокъ въ свой алькоранъ, и дѣйствительность которой буду отстаивать всѣми силами". Кромѣ этой грамматики, которая, какъ увидимъ впослѣдствіи, хотя и представлялась непогрѣшимой автору дневника, но на дѣлѣ оказалась для него недѣйствительной, онъ пробовалъ составлять для себя „свѣтскій катехизисъ".

„Онъ у меня не a priori сочиняется, а изъ наблюденій и подслуховъ.—Одѣвайтесь со вкусомъ—вотъ общее правило; отсюда частности. Боже васъ сохрани испестрить себя цѣпочками и разными бездѣлушками модниковъ низшаго класса. Вы будете бросаться въ глаза, а это ужь несносное mauvais genre. Перчатки чтобъ у васъ были всегда чисты, хоть и немножко разорваны—это ничего, напротивъ, это даже bon genre; но главное, чтобъ перчатки съ трудомъ вползали на вашу руку и держали ее словно въ тискахъ.

„Громко говорить тоже mauvais genre, а спорить—просто упаси васъ Богъ! Если вы заспорили—поздравляю васъ!—вы убиты. Смѣяться много и долго—mauvais genre. Самому смѣшному вы только улыбнитесь.

„Покамѣстъ будетъ. Нѣтъ, еще вотъ что, но это ужъ собственно для меня. У меня есть несчастная слабость быть всегда веселымъ. По настоящему—тутъ нѣтъ несчастія, но дѣло въ томъ, Викторъ Ипатьичъ, смотрите, чтобъ веселость ваша не допускала тривіальности и пошлости. Заставляйте смѣяться другихъ, но сами не смѣйтесь.

[1]) Аскоченскій писалъ это, проживъ у Бибикова болѣе полутора года.

Иначе вы сами будете смѣшны. Врите, но не завирайтесь; проказьте, но не забывайтесь“.

Какъ ни старался Аскоченскій обмануть самого себя увѣреніями, что сердцу его мило его положеніе въ свѣтѣ, но временами нѣтъ-нѣтъ, да и промелькнетъ сомнѣніе—и снова тоска и скорбь души входятъ въ свои права.

„Нѣтъ, Богъ съ ними, — наскучили мнѣ эти балы. Все такъ свѣтло, однообразно, блистательно, приторно, какъ ликерная конфекта... Ни одного порядочнаго впечатлѣнія... Вижу, чувствую, какъ твердѣетъ душа моя—и, по временамъ, находятъ на нее припадки сплина. И снова тѣснится въ сердце мое грустная пѣснь одиночества, и не выжимая слезы, давитъ меня своею тяжестію... И пройдутъ (годы), видно, такъ, не оставивъ по себѣ слѣда, и не придется, знать, подобрать мнѣ отрадныхъ воспоминаній, прихотливо брошенныхъ судьбою на пути остальной моей жизни.

„Въ себя ли заглянешь, тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда,
И радость, и муки—и все тамъ ничтожно!“...

Это писано 31-го января 1845 г., а подъ 4-ымъ февраля читаемъ:

„Не знаю, съ нѣкотораго времени не оставляетъ меня какое-то тревожное чувство. Что-то мнѣ пророчитъ,—угадать не могу. Проклятые кредиторы безсовѣстно и неотвязно лѣзутъ къ мнѣ. Они дураки вообразили, что у меня теперь золотыя горы. Особенно эти Гурьевы ханжи. Старая корга грозитъ мнѣ судомъ—будь она проклята, вѣдьма! Мошенникъ экономъ финтитъ со мною такъ предательски, что свиданіе съ нимъ для меня тяжеле похмѣлья. Не знаю, когда и какъ выпутаюсь я изъ долговъ моихъ. Если Дмитрій Гавриловичъ не поможетъ мнѣ, такъ я пропалъ“.

„10 часовъ вечера. Нѣтъ, братцы, видно худо наше дѣло. Куда ни кинь—все клинъ. Придется, видно, и мнѣ испытать на себѣ непріятности серьезныя. Тамъ не къ мѣсту, тамъ опоздаешь, туда самому не хочется,—словомъ, то то, то другое, а все-таки концовъ не сведешь. Прескверно даже, милостивые государи.

„Весело, довѣрчиво, сладко, шелъ разговоръ мой съ Варенькою; я почти забылся и готовъ былъ сейчасъ же подать ей руку. Но скоро опомнилась проказница и безъ околичностей сказала мнѣ, что между нами ничего не можетъ быть похожаго на дѣло, и все потому, что она обручена тамъ за какого-то Никанора, богатаго купца. Съ досады, ей-Богу, съ досады (подите-жъ теперь, какъ капризно сердце человѣческое!) я укусилъ себѣ губу и чуть-чуть не пропѣлъ Варенькѣ пародированную пѣснь Офеліи:

Моего вы знали-ль друга?
Онъ былъ бравый молодецъ,
Въ круглой шляпѣ чудо парень,
Первой гильдіи купецъ.

„И Богъ знаетъ почему, но мнѣ стало грустно. Я какъ будто потерялъ что-то. Сердце, раскрывшееся такъ широко и привѣтно, такъ разыгравшееся на тему давно забытой страсти—сжалось попрежнему, замолкло совсѣмъ. Съ какою-то кислою усмѣшкою порѣшилъ я рѣчь мою, рѣчь, сказать правду, таки порядкомъ восторженную, страстную. „Благодарю васъ, В. Н. (Варвара Николаевна), сказалъ я, что вы безъ дальнихъ проволочекъ подписали мнѣ отставку. И вамъ хорошо, и мнѣ покойно".

Аскоченскій не на шутку сталъ увлекаться В. Н. Балабухой и мало-по-малу это увлеченіе перешло въ сильную привязанность, которая имѣла рѣшительное вліяніе на его дальнѣйшую судьбу. Исторія сватовства, какъ весьма характерный эпизодъ, въ которомъ ярко обрисовалась личность Аскоченскаго, приводится ниже цѣликомъ. Первая бесѣда съ Варенькой, послѣ вышеприведенной прощальной бесѣды съ ней, имѣла мѣсто 7-го апрѣля.

„Варенька встрѣтила меня—пишетъ Аскоченскій, видимо стараясь подтрунить надъ собою—„такъ радушно, что я почувствовалъ въ боку моемъ легкое трепетаніе и чуть-чуть не убѣдился, что у меня точно есть что-то похожее на сердце. Мы заговорили, да такъ сладко и привольно, что не позволили бы никому слушать нашъ разговоръ. Къ нашему горю и досадѣ, насъ позвали внизъ пить чай, и мы съ облаковъ романической мечтательности спустились прямо къ самовару, толстому какъ купчиха. Нечаянно, право, нечаянно мы сѣли съ Варенькою другъ противъ друга; нечаянно тоже я взялъ ее за руку и сталъ пересматривать перстни, горѣвшіе на ея пальчикахъ.

— Подарите мнѣ, сказалъ я,—какой-нибудь изъ этихъ перстией на память.

— Ни за что въ свѣтѣ, сказала она.

„А между тѣмъ на мизинцѣ моемъ былъ уже перстень съ руки Варенькиной.

— Отдайте, говорила мнѣ Варенька,—этотъ перстень. Я вамъ другой дамъ.

— Когда-жъ вы дадите? спросилъ я.

— Когда вамъ будетъ угодно.

— Какой же это будетъ перстень?

— Вотъ этотъ, отвѣчала она, указывая на обручальное кольцо.

„Ого! —подумалъ я. Это ужъ слишкомъ ясно, и чуть-чуть не обжегся горячимъ чаемъ.

— Посмотрите, что́ я пишу, сказала Варенька, указывая на окно, гдѣ она своимъ пальчикомъ рисовала мое имя и фамилію.

„Гмъ,—и это не темно, заключилъ я.

— Что же вы мнѣ скажете новенькаго? спросила Варенька.

— Ничего покамѣстъ.

— А знаете-ли, вѣдь я думала, что вы сердиты на меня.

— За что?

— Помните, какъ я вамъ сдѣлала рѣшительный отказъ.

— Помню, и отъ того-то я спокоенъ. Между нами все рѣшено.

— Ну, терять надежды не надо.

— А развѣ вы согласились бы?

— Обо мнѣ говорить нечего; но у меня есть кое-кто постарше—мои родители.

„Тпру, тпру, тпру! подумалъ я, далеко заѣхали мы. Неравно голову свернешь. Я поворотилъ на-лѣво и рѣчь замята.

„Однако, это изъ рукъ вонъ, какъ прямо и ясно. Слова нѣтъ, Варенька лакомый кусокъ; но, кажется, безъ приправы, а я теперь имѣю притупленной вкусъ, и потому нужно что нибудь такое, что могло бы раздражить его. Но больше всего мнѣ не нравятся дражайшіе Варенькины—это такая чушь, что мочи нѣтъ".

Свиданія съ Балабухой начинаютъ, однако, учащаться. Минутами Аскоченскаго беретъ раздумье, но объ этомъ скоро забывается послѣ бесѣдъ съ „Варенькой". Нижеприводимыя выдержки изъ дневника 1845 года въ этомъ отношеніи не нуждаются въ комментаріяхъ.

Апрѣля 22-го, воскресенье.

„Утро не въ счетъ; зато съ вечеромъ надо посчитаться. Тотчасъ же послѣ обѣда я пошелъ на Подолъ и прямо къ Балабухѣ. Варенька такъ мило загорѣла отъ нынѣшняго гулянья водою, что глазъ бы не отвелъ отъ миленькаго личика этой вострушки. Часу въ восьмомъ мы пошли гулять; впереди насъ бѣжали дѣти, а я съ Варенькою объ руку... Но постойте, дайте-ка припомнить разговоръ нашъ.

„Я завелъ рѣчь о романсѣ, который заставила меня вчера Варенька списать для себя. Сила въ томъ, что этотъ романсъ могъ быть принятъ мною отъ Вареньки, какъ прямое declaration.

— Я самъ хочу, продолжалъ я,—написать либретто въ томъ же тонѣ и даже тѣми же словами, только съ небольшою перемѣною: „если бъ ты меня любила".

— Послушайте, сказала мнѣ Варенька, — въ вашихъ рѣчахъ все только слова.

— Какъ слова?

— Если бы вы точно чувствовали ко мнѣ что нибудь побольше обыкновенной расположенности, вы давно бы обратились къ моимъ родителямъ.

— Варвара Николаевна! заговорилъ я серьезно. — Вы не знаете хорошо моихъ обстоятельствъ, а знайте ихъ—вы сами бы осудили меня, если бы я поступилъ по вашему. Притомъ вспомните, что я уже теперь не въ такой порѣ, когда безразсчетно предаются восторгамъ любви, и пословица „не суйся въ воду, не спросясь броду"—годится теперь именно для меня.

— Не разсердитесь, если я вамъ скажу кое-что?

— Боже меня сохрани! Говорите.

— Вамъ надобна богатая невѣста.

— Да, точно такая, какъ вы.

— О, у меня ничего нѣтъ.

„И прочая. Разговоръ, какъ видите, принялъ оборотъ коммерческій, и я не хочу пачкать листовъ дневника глупыми разсчетами опытной индустріи; но эти рѣчи жестоко охолодили меня. Я вспомнилъ Пушкина и сказалъ про себя:

„Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
Волненіямъ любви безумно предаваться;
Спокойствіе мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться.
Нѣтъ, полно мнѣ любить..."

Апрѣля 23-го, понедѣльникъ.

„Шутки! Въ подставные я не гожусь, отставнымъ я подавно быть не согласенъ. Это просто-на-просто значитъ, что мы немножко поразмолвились съ Варенькою. По милости ея, я истрепалъ всѣ ноги для того, чтобы доставить ей удовольствіе пройти нѣсколько разъ мимо дурня графа Ефимовскаго, и товарища его, лекаря Соколова. Ревновать мнѣ не приходится, а все-таки досадно, когда меня, обстрѣленнаго воробья хотятъ поймать за носъ и водить за собою...

Апрѣля 27-го, пятница.

„Послѣ обѣда я пошелъ къ Балабухѣ. Веселая бесѣда, милые глазки Вареньки—все это такъ прекрасно гармонировало съ расположеніемъ моей души, настроенной къ разгулью, что я и не видѣлъ, какъ бѣжало время. Я то пѣлъ, то читалъ дневникъ мой, то разговаривалъ съ Варенькою и, скажу откровенно, былъ беззаботно счастливъ...

Апрѣля 28-го, суббота.

„Половина одиннадцатаго. Я сейчасъ отъ Балабухи. Не понимаю я самъ себя. Зачѣмъ я шатаюсь туда? Къ чему поведетъ меня эта откровенность, въ которую я пустился со всѣмъ жаромъ юноши? Что обо мнѣ думаютъ люди? Что скажетъ „княгиня Марья Алексѣевна"? Вотъ вопросы, на которые я или не умѣю, или боюсь отвѣчать.

— Чѣмъ болѣе я слышу васъ, тѣмъ непонятнѣе становится мнѣ вашъ характеръ, сказала Варенька съ видомъ недоумѣнія.

„Я вспомнилъ Алкивіада, который отрубилъ хвостъ у красавицы-собаки, чтобы бросить его народу и сплетнямъ. Читайте, подумалъ

я, мое былое и забудьте о настоящемъ, да еще бойтесь будущаго, а я между тѣмъ буду жить да поживать...

„Какой эгоистъ! Ничего, господа, я только вхожу въ общую сферу человѣчества.

Мая 3-го, четвергъ.

„Вечеръ я провелъ у Балабухи, да такъ пріятно, что... и сказать нельзя. Признаться, Варенька порядкомъ закружила мою голову; ну, да и ей, кажется, не безъ того. Батюшка ея что-то морщится.

Мая 7-го, понедѣльникъ.

„Половина двѣнадцатаго. Нѣтъ-таки, не утерпѣлъ. Боясь умереть со скуки, я рискнулъ подъ дождемъ и по грязи ѣхать... не скажу, куда — сами догадаетесь. Да что вы, позвольте узнать, Викторъ Ипатьевичъ, такъ ревностно посѣщаете?.. Эхъ, братцы, перестаньте, Бога ради, перестаньте! Со мною творятся вещи чудныя. Я подъ вліяніемъ силы такъ знакомой мнѣ, силы, которую люди зовутъ любовью. Что таиться передъ вами? И скучно, и не знаешь, за что взяться, когда не видишь... право, не хочется всего договаривать. Не вините же меня,—я человѣкъ. Варенька сама дѣлала для меня чай и я, ей-ей—правда, поцѣловалъ нѣсколько разъ ея ручку.—Это по какому праву, скажете вы?—Да по праву вдовца-съ, отвѣчу я вамъ смиренно.—И она позволяетъ вамъ это?—Какъ же-съ, да еще какъ позволяетъ-то. Ну, да что объ этомъ. Я отдалъ ей сегодня стишки...

Мая 8-го, вторникъ.

„...По условію съ Варенькою, я тотчасъ послѣ обѣда явился въ домѣ ея дражайшихъ. Улучивъ минуту, я спросилъ ее о стихахъ, поднесенныхъ ей мною вчера: показывала ли она ихъ своей маменькѣ?

— Зачѣмъ же, отвѣчала она,—вѣдь она не пойметъ ихъ.

„Я подивился умной разсудительности этой дѣвушки. Точно, эти профаны примутъ чистосердечное изліяніе моихъ чувствъ за записку ловеласа и — чего добраго — надѣлаютъ непріятностей молодой дѣвицѣ. Однако, посудите, какъ умѣла эта Варенька стать выше того круга, который очертило около ея купеческое происхожденіе. Это меркантильный классъ людей, которые раскладываютъ на счетахъ самыя лучшія, святыя движенія души человѣческой. Нѣтъ, милая Варенька, ты стóишь лучшей участи! Жаль, крѣпко жаль мнѣ будетъ, когда судьба поставитъ тебя рядомъ съ такимъ человѣкомъ, который будетъ искать въ тебѣ только плодовитую тварь, умѣющую по извѣстнымъ періодамъ родить дѣтей, да напѣвать надъ колыбелью ихъ приторно паточныя нѣжности... Пройдетъ два-три года, и ты будешь Варварою-кумушкою, какихъ много въ твоемъ кругу, въ твоемъ званіи! Протянулъ бы я тебѣ руку, но...

„Въ церкви у всенощной я стоялъ рядомъ съ Варенькою и—прости меня Господи — думалъ и говорилъ совсѣмъ не о молитвѣ. Я вижу, вижу, что она меня любитъ; да, любитъ, хоть она и не хочетъ мнѣ прямо этого сказать.

— Викторъ Ипатьевичъ, сказала она мнѣ,—вы все можете; но не завлекайте меня.

„Какъ укушенный змѣею, я отскочилъ отъ Вареньки. Да, мысль, сказанная ею, точно змѣя. Она впилась въ мою душу и высасываетъ оттуда отвѣта: для чего все это я дѣлаю? Для чего такъ крѣпко сжимаю Варенькину руку? Для чего по цѣлымъ часамъ гляжу въ ея чудесные глаза? Чѣмъ все это кончится?..

Мая 10-го, четвергъ.

„Много, черезчуръ даже много говорилъ я вчера съ Варенькою. Но ужъ рѣшено: она любитъ меня, любитъ такъ, какъ я ужъ не думалъ быть любимымъ. На насъ со всѣхъ сторонъ устремлены были рысьи глаза этихъ отвратительныхъ сплетницъ; но, упорно встрѣчая пронырливые взгляды этой сволочи, я говорилъ Варенькѣ, и хорошо, привольно мнѣ было.

„Но грустно и темно становилось на душѣ моей часъ отъ часу, и я радъ былъ бы убѣжать отъ самого себя. Глупъ я, глупъ, какъ не слѣдуетъ порядочному человѣку.

Мая 11-го, пятница.

„...Все къ чорту! Я разстроенъ, разстроенъ до слезъ; у меня разбита душа, разорвано сердце, какъ у влюбленнаго юноши.

„Прислушайте, други мои, разговоръ, какой я имѣлъ сегодня съ Варенькою. Мы сидѣли съ нею вдвоемъ...

— Что же вы мнѣ скажете новенькаго? спросила меня Варенька, улыбаясь и смотря мнѣ прямо въ очки.

— Ничего или, лучше, все то же, что говорилъ вамъ, и что навсегда осталось въ душѣ моей.

— Много, много сдѣлалъ зла Дмитрій Гавриловичъ, сказала она вдругъ задумавшись.

— Какъ, Бибиковъ вамъ сдѣлалъ зло?

— Да, безъ него я не знала бы всѣхъ обольщеній свѣта. Довольная своею участью, я прошла бы спокойно тою дорогою, которую указало мнѣ мое происхожденіе, а теперь...

„И она задумалась еще больше.

— Что-жъ, Варвара Николаевна, развѣ передъ вами нѣтъ сердца, которое умѣетъ понять и оцѣнить все, что такъ широко и глубоко вы почувствовали?

— Къ чему мнѣ это? Вы не знаете, я скоро уѣзжаю,—отвѣчала она такъ печально, что у меня, у меня, избитаго опытомъ, сердце сжалось.

— Не въ Рыльскъ ли?

— Да.

— Что-жъ! сказалъ я злобно.—Вы будете madame Аристархова, войдете въ общую колею житейскихъ потребностей, сдѣлаетесь хозяйкою, растолстѣете, заведетесь дѣтьми, по временамъ, для ради скуки и пріятнаго развлеченія, будете заниматься уѣздными сплетнями,—и благо вамъ будетъ и долголѣтни будете на землѣ.

— Аскоченскій! За что вы меня мучите?

— А за что вы вздумали играть со мною, Варвара Николаевна? Я сталь, а не бумага, — раскалится сталь не скоро, но горяча она бываетъ и не скоро остываетъ. А вы меня раскалили.

— Зачѣмъ же вы долго не бывали у насъ, явились потомъ и стали навѣщать насъ такъ безотвязно?

— Затѣмъ, чтобъ имѣть гдѣ провести время попріятнѣе. Но вамъ мало было этого. Вы захотѣли заглянуть въ глубь души моей, и я вамъ открылъ ее. Вы, воображая меня, по словамъ вашимъ сумасшедшимъ, захотѣли провѣрить свое вѣрованіе, и я показалъ вамъ, что подъ этою маскою безпечности, подъ этою мнимою безпечностью, подъ этимъ шаловливымъ удальствомъ — цѣлая бездна думъ и соображеній. Вы узнали меня и въ награду того открыли и себя мнѣ. Откровенно скажу, я не выводилъ васъ изъ ряду купеческихъ дочекъ и любезничалъ съ вами холодно, витіевато и глупо. Вдругъ увидѣлъ въ сердцѣ вашемъ теплое чувство, въ умѣ свѣтлую мысль, въ понятіяхъ о людяхъ вѣрный взглядъ, въ знаніи себя изящную простоту и точность. О, Варвара Николаевна! этого слишкомъ довольно было, чтобъ привязать меня крѣпко-на-крѣпко.

— Но развѣ я не открыла вамъ тогда же, что я уже имѣю жениха?

— Говорили, но позвольте вамъ припомнить весь тогдашній разговоръ нашъ. Когда вы объявили мнѣ о томъ, то первый вопросъ мой былъ таковъ: „Такъ между нами все рѣшено?“ — Все, сказали вы. „Усерднѣйше благодарю васъ“, отвѣчалъ я спокойно, „этакъ лучше— дѣло кончится безъ проволочекъ“. Не правда ли, такъ было? Дня черезъ три я опять былъ у васъ, и вотъ что̀ вы мнѣ сказали: „Я думала, что вы уже разсердилились на меня.“—За что?—„А за отказъ“.—Помилуйте, я радъ и очень благодаренъ, что вы меня не льстили пустыми надеждами. Мы теперь, продолжалъ я смѣясь, отрѣзанные ломти и между нами все кончено.„—Ну, сказали вы, терять надежды еще не надо“. — Варвара Николаевна, посудите теперь, не была ли это сѣть, которую вы нарочно плели, чтобъ опутать ею меня? Да, и вамъ это удалось. Я люблю васъ, люблю съ тѣмъ мученіемъ, отъ котораго я такъ давно отвыкъ. Но, положа руку на сердцѣ, скажите мнѣ, легко ли вамъ самимъ обошлась эта побѣда? Другими словами, не чувствуете ли и вы ко мнѣ больше чего-нибудь противъ того, что вы питаете къ роднымъ вашимъ и знакомымъ?

— О, конечно, я имѣю къ вамъ такую привязанность и расположенность, какую не питаю къ другимъ.

— Скажите проще, вы любите меня? Правда?

— Не правда, сказала она медленно и тихо.

— Варвара Николаевна, зачѣмъ словами противорѣчить тому, что давно подтвердила вамъ душа ваша? Скажите лучше: правда.

— Правда, отвѣчала она застѣнчиво.

— Признайтесь же теперь, такъ ли вы любили вашего жениха?

— О, такъ же точно.

— Я вамъ не вѣрю.

— Нѣтъ, Викторъ Ипатьевичъ...

— Извините, я перебью вашу рѣчь. За васъ рѣшили другіе и правиломъ предписали, что̀ вамъ въ такомъ случаѣ надо дѣлать. Вы, какъ понятливая дѣвушка, тотчасъ смекнули, что̀ тутъ слѣдуетъ дѣлать. Какъ водится, постарались влюбиться, но, увѣряю васъ, совсѣмъ безъ искренняго участія сердца. И вотъ—вы невѣста добропорядочная и съ хорошимъ поведеніемъ.

— Нѣтъ, сказала Варенька, схвативъ мою руку,—и до сихъ поръ ни папенька, ни маменька не знаютъ, о чемъ мы съ нимъ иногда говорили.

— Положимъ, что и такъ. Но порывъ юнаго, неопытнаго сердца, восторгъ дѣвочки, прозванной невѣстою,—неужели можно принять за тотъ сладкій кризисъ души, который зовутъ любовью?

„Варенька задумалась. Мнѣ стало жаль ее.

— Ну, Богъ съ вами, Варвара Николаевна, сказалъ я, пожимая ей руку,—отъ сердца благословляю васъ на счастье съ избраннымъ для васъ. Что же касается до меня, то я—такъ и быть—понесу рану въ душѣ моей, рану, отъ которой она давнымъ давно уже отвыкла. Счетъ нашъ конченъ!

„Я всталъ и отошелъ отъ Вареньки. Глаза ея полны были слезъ и я готовъ былъ въ ту пору отдать все, чтобъ заслонить ее собою отъ бѣды и горя непонятаго сердца...

„Вотъ вся мучительная повѣсть нынѣшняго дня. Мнѣ больно. Богъ вѣсть, будетъ ли еще кто нибудь любить меня такъ, какъ любитъ Варенька. Я становлюсь уже сѣдъ, а сѣдина—худой аттестатъ на любовь.

Мая 12-го, суббота.

„Я усталъ, а Варенька такъ скучна, что мнѣ до слезъ ее жаль. Но не варваръ ли я?.. Она просила, чтобъ я сочинилъ для нея стихи и... въ какихъ нибудь полчаса вылилась изъ-подъ пера моего... импровизированная исповѣдь. Я облилъ ее желчью, которая вытекла изъ едва было зажившей раны моего сердца. Мнѣ больно!..

Мая 13-го, воскресенье.

„Я отдалъ Варенькѣ мою вчерашнюю исповѣдь глубоко и за живое задѣтаго сердца. Я даже прочиталъ мое издѣліе—и что жъ? Она

была такъ безбожно весела и безпечна, что я тутъ же назвалъ себя дуракомъ. Мнѣ стало грустно. Вѣрно, еще не научился я не вѣрить этимъ созданьямъ, которыя бываютъ такъ обольстительно хороши, когда мы прикрашиваемъ и убираемъ ихъ нашимъ воображеніемъ. Мнѣ стало грустно. Напрасно Варенька заговаривала со мной, напрасно пожимала мнѣ руку,—я былъ холоденъ, ибо видѣлъ, что, несмотря на сѣдой мой волосъ, я въ дуракахъ. И по дѣломъ мнѣ, сѣдому волокитѣ!"

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ В. Н. Балабуха была обручена. Аскоченскій, которому, казалось бы, пора было перестать горевать о ней послѣ того, какъ „Варенька" предстала передъ нимъ внѣ плѣнительнаго ореола, созданнаго его воспаленнымъ воображеніемъ, отмѣчаетъ слѣдующее въ своемъ дневникѣ:

„Сегодня (1-го іюля) мнѣ сказали, что Варенька Балабуха нынче обручается съ нѣкіимъ Аристарховымъ, купчиною рыльскимъ. Повѣрите ли, немножко захолодѣло на сердцѣ. Правду сказать, больно, когда отрываютъ и послѣднее живое чувство въ одеревенѣлой душѣ. Но что жъ дѣлать? Я знаю, что это эгоизмъ, а не любовь, которой я давнымъ давно отдалъ поклонъ".

Распрощался съ любовью Аскоченскій не надолго. Нѣсколько разъ онъ дѣлалъ попытки разувѣрить „Вареньку" въ томъ, что она его и никого другаго не любитъ, а если и сосватана за другаго, то лишь по родительскому принужденію. Не разъ онъ встрѣчалъ отпоръ своимъ увѣреніямъ въ веселомъ и беззаботномъ смѣхѣ, какимъ отвѣчала „Варенька" на всѣ его увѣренія. Ничто не брало. Разочарованный сегодня, назавтра Аскоченскій пріискивалъ утѣшительныя для себя объясненія ея обращенію съ нимъ. Но пусть самъ онъ разсказываетъ дальнѣйшее своего романа, вступившаго въ новый фазисъ послѣ полученнаго Аскоченскимъ извѣстія о разладѣ Балабухи съ Аристарховымъ. „Варенька", очевидно, перемѣнила тактику. Аскоченскій опять ею очарованъ, опять убѣжденъ, что „терять надежды еще не надо". „Варенька" поддерживала это очарованіе, а авторитетный для Аскоченскаго голосъ генералъ-губернатора Бибикова одобрялъ и подзадоривалъ его къ энергическому образу дѣйствій въ настоящемъ случаѣ.

Октября 3-го, среда.

„Однако жъ, была не была, а поѣду на Подолъ. Нѣтъ, братцы, я еще не старъ, когда могу такъ любить. Сегодня генералъ спросилъ меня послѣ обѣда:

— Да вы влюблены, что-ль, въ Балабуху?

— Нѣтъ, в. в-ство, влюбиться мнѣ уже не подъ стать, а любить— другое дѣло.

— А женились бы вы на ней?

— Какъ бы не жениться!

— Что же мѣшаетъ?

— То, что ни у ней, ни у меня нѣтъ никакого состоянія. Это значило бы плодить нищихъ.

— А пошла бы она за васъ?

— Непремѣнно, отвѣчалъ я твердо и рѣшительно.

„И вы, можетъ быть, думаете, что это самообольщеніе? Нѣтъ, друзья мои, послѣ Сонечки еще никто меня такъ не любилъ, какъ Варенька, — зато я никого послѣ моей Сони не любилъ такъ, какъ люблю Вареньку. Мнѣ грудь стѣснило отъ полноты восторга, когда она, взявъ мой бумажникъ, написала тамъ: „дай Богъ, чтобы желанія ваши исполнились". Нѣтъ, это ужъ не по силамъ моимъ.

„А какъ мы разговариваемъ съ Варенькою! У насъ рѣчь идетъ не такъ, какъ у всѣхъ людей. Начала не бываетъ, а прямо продолженіе — и мы оба понимаемъ, чему слѣдовало бы быть впереди. Какъ это перевесть? Не вотъ такъ ли, что, по старинной аксіомѣ, равнонастроенныя души чувствуютъ одинаковыя впечатлѣнія? Ась?..

Октября 4-го, четвергъ.

„Съ лекціи я, не знаю зачѣмъ, заѣхалъ взглянуть на Вареньку. Те-те-те, посмотрите-ка, какъ въ одной строчкѣ я горожу дичь и сколько тутъ противорѣчій. Не знаю, видите, зачѣмъ заѣхалъ—а дальше стоитъ: взглянуть на Вареньку. Ужасный логическій недосмотръ! Оно, правду сказать, толкомъ разумъ мой точно не знаетъ, да сердце-то знаетъ, и какъ знаетъ,—твердо, крѣпко, наизусть. Варенька, когда я вошелъ, сидѣла за столомъ и что-то вышивала. Не знаю (вотъ тутъ ужъ именно не знаю), отчего она перепутала шелкъ и стала складывать свою работу. Я сѣлъ близъ Вареньки; маленькая, крошечная ручка ея, не знаю, какъ очутилась въ моей рукѣ—и мы этакъ просидѣли минуту. Ей-ей, минуту; вы, можетъ быть, не повѣрите, вы скажете, что въ одну минуту нельзя вдоволь насмотрѣться въ ея милые, ясные, какъ утро майское, глаза, нельзя наслушаться ея сладкихъ рѣчей, нельзя... Согласенъ, совершенно согласенъ, но все-таки я просидѣлъ съ нею минуту. Можетъ быть, мнѣ такъ показалось,—и то можетъ быть; но все-таки я просидѣлъ не больше минуты. Пожалуйста, не спорьте со мною.

„Веселый, довольный, даже, если угодно, счастливый, я летѣлъ съ Подола на Печерскъ.

„За обѣдомъ Дмитрій Гавриловичъ шутилъ надъ моею привязанностью къ Варенькѣ; но, если сказать правду, то мнѣ было это не по сердцу. Зачѣмъ кощунствовать надъ тѣмъ, что̀ берегу я, какъ святыню, въ душѣ моей? Я былъ упорно молчаливъ.

„Насилу дождался я конца этого длиннаго обѣда. Не ногами я шелъ, не на коняхъ летѣлъ, а рвался на крыльяхъ вѣтра къ моей Варенькѣ. Да, моей,—развѣ я не имѣю права назвать ту своею, которая

отдала мнѣ все, что есть лучшаго въ ней,—отдала чистую душу, горячее сердце? Но что вамъ, глухимъ, толковать объ этомъ? Да и некогда мнѣ; я съ нею, съ Варенькой; намъ есть о чемъ говорить; жаль только, что времени не стаетъ для всего, о чемъ намъ нужно бы перемолвиться индѣ просто безъ словъ, индѣ восторженною рѣчью.

„Вотъ ужъ отпили чай; вотъ ужъ Варенька и одѣлась. О, да какъ же она мила!—и мнѣ стало грустно. Какъ? Потерять такое сокровище, увидать на минуту это солнце — ликъ Создателя — и потомъ опять ослѣпнуть,—воля ваша, тутъ есть отъ чего загрустить, задуматься. Да, мнѣ стало грустно.

„Но предъ людьми я скученъ не бываю;
На что? Пускай наединѣ
Я съ горя погрущу и поскучаю“.

„Притомъ же, мы ѣдемъ въ театръ, а туда съ постнымъ лицомъ показываться странно. Итакъ, рѣшено—я веселъ. Варенька все видитъ... замѣтилъ и я торжествующій ея взглядъ, когда она, разодѣтая роскошно и вся прекрасная, стояла передо мною, надѣвая душистую перчатку. „Смотри—какъ будто говорила она мнѣ,—хороша ли я? Стою ли тебя?“ Отвѣтъ на это я подписалъ и скрѣпилъ въ моемъ сердцѣ, и, разумѣется, отвѣтъ мой былъ утвердительный.

„Театръ ужъ полонъ, ложи блещутъ...
И, взвившись, занавѣсъ шумитъ“...

„Но я ничего не вижу, ничего не слышу, хоть смотрю даже въ очки, и слушаю вотъ этими самыми ушами, которыя иногда, по экстренной надобности, очень исправно исполняютъ свою должность. Чудесная игра Ивановой и Максимова... Что за кокетка эта Варенька! Посмотрите, какъ шаловливо она играетъ щегольскимъ лорнетомъ!.. „Фора! фора!“ Иванова поетъ, я слушаю... Варенька что-то шепчетъ мнѣ, но предосадный этотъ шумъ не позволяетъ мнѣ разслушать, что говор... „Иванову! Иванову! Максимова!.. Браво, браво!“

„Первая пьеса кончилась, начинается вторая. Въ театрѣ, сколько я замѣчаю, для меня всего интереснѣе бываютъ антракты. Кочуешь себѣ по ложамъ, смѣешься, врешь, словомъ, репетируешь въ лицахъ водевиль.

„Что это за проказникъ Дмитрій Гавриловичъ! Раскланявшись съ Варенькою, онъ обратился всѣмъ своимъ вниманіемъ на ложу, гдѣ она сидѣла, и все, что только было порядочнаго въ театрѣ, все это устремилось сюда съ лорнетами, очками и просто съ глазами безъ очковъ. Варенька умно себя выдержала. Она нисколько не сконфузилась и преспокойно себѣ разговаривала со мною. За то, когда я вышелъ изъ ложи и сѣлъ въ мое кресло, генералъ погрозилъ мнѣ, но такъ родительски—нѣжно, такъ привѣтливо, что я готовъ былъ прокричать ему: ура!

„Громкіе аплодисменты, шумъ, крикъ, въ которомъ можно только

было разобрать имена Ивановой и Соколова, возвѣстили окончаніе спектакля. Я проводилъ Вареньку до коляски и поплелся домой.

„И грустно мнѣ стало, и далъ я волю своей грусти. Задумчиво склонивъ голову, сидѣлъ я у стола — и тучи дыма разстилались по одинокой спальнѣ. Перекрестясь, я заснулъ, бросилъ трубку и легъ спать, ничего не придумавъ умнѣе этого.

Октября 5-го, пятница.

— Ну, милостивый государь, говорилъ мнѣ сегодня за столомъ генералъ, — теперь ужъ я самъ видѣлъ, какъ вы волочитесь. Шутки въ сторону, вы непремѣнно должны жениться; иначе вы компрометируете дѣвушку. Вчера на васъ всѣ въ театрѣ обратили вниманіе.

— Это и немудрено, ваше высокопревосходительство, смѣло отвѣчалъ я, — вы прежде всѣхъ изволили глядѣть на ложу, гдѣ... гдѣ я былъ; а тамъ уже и прочіе стали смотрѣть, слѣдуя вашему примѣру.

— Да нѣтъ, батюшка, а вы все-таки должны жениться.

— За мною дѣло не станетъ. Если прикажете—женюсь.

„Тѣмъ и покончился нашъ разговоръ; но вѣдь этого мало. Въ словахъ добраго, внимательнаго, милостиваго моего благодѣтеля, я вижу только что-то въ родѣ совѣта, безъ всякаго осязательнаго прилагательнаго, а съ этимъ далеко не уѣдешь, и желаніе мое ни на волосъ не подвинется впередъ. Не такъ бы и не то мнѣ надо.

„Послѣ обѣда я прямо полетѣлъ на Подолъ, рискуя сломить себѣ шею (прошу понимать послѣднее выраженіе въ смыслѣ моральномъ). Тревожно подходилъ я къ знакомому мнѣ дому и боязливо брался за ручку двери, но, была не была, иду,—сказалъ я самъ себѣ, и вотъ я уже близъ Вареньки. Съ нею сидѣла родная тетка ея, Александра Ѳедоровна Подгаецкая, повѣренная большей части ея дѣвическихъ надеждъ и ожиданій.

„Странное дѣло! Въ первой любви моей я также нашелъ себѣ помощницу въ теткѣ Александрѣ Васильевнѣ и невыносимую надзирательницу моихъ движеній — внѣшнихъ и внутреннихъ — въ сестрѣ Марьѣ Николаевнѣ; вотъ и во второй нахожу то же самое. Варенькину сторону видимо держитъ ея тетка, а кто держитъ сторону Вареньки, тотъ, ясно, стоитъ за меня, а не противъ меня. За нами самымъ несноснымъ дозоромъ ходитъ сестренка Вареньки, которую тоже зовутъ Машею и которую я, вмѣстѣ съ Варенькою, начинаю уже порядочно ненавидѣть, точно такъ, какъ это было у меня съ Сонечкою, которая отъ всей души нетерпѣла своей Марьи. Къ довершенію этого страннаго сходства въ обстоятельствахъ той и другой моей любви, прибавлю еще и то, что какъ покойная маменька поддерживала любовь Сонечки, робко опасаясь противодѣйствій со стороны своей толстой половины, такъ и здѣсь Марья Ѳедоровна видитъ и, какъ кажется, одобряетъ любовь Вареньки, опасливо прислушиваясь и присматриваясь къ рѣчамъ и поступкамъ своего супруга. Какъ во

время оно, мой тестюшка храпѣлъ и досадовалъ, такъ, повидимому, и теперь нескрываемая мною привязанность бѣситъ папу Варенькина. Странное, въ самомъ дѣлѣ, стеченіе обстоятельствъ.!.

„За чаемъ я глупъ былъ. Чортъ возьми, что за гадкая моя натура! Разболтался и—попалъ какъ куръ во щи. Забывъ, что около насъ есть посторонніе свидѣтели, я началъ говорить съ Варенькой тѣмъ иносказательнымъ языкомъ, который до сихъ поръ остается понятнымъ только намъ однимъ. Само собою разумѣется, что неумѣстнѣе этого разговора ничего быть не могло. Я это увидѣлъ, но поздно. Варенька вскочила наверхъ. Я понялъ все и, высидѣвъ для приличія и, какъ говорится, для отвода съ четверть часа, пошелъ къ Варенькѣ; она сидѣла за фортепіано, судорожно бѣгая пальцами по клавишамъ и разыгрывая піэсу, которая на этотъ разъ въ игрѣ Варенькиной стала непохожа сама на себя.

— Что вы это дѣлаете?—вскрикнула почти Варенька, увидѣвъ меня и громко стукнула по клавишамъ, стараясь заглушить слова свои. Глаза ея искрились, лицо горѣло. Я точно ошеломленный стоялъ передъ нею.

— Виноватъ; я глупъ.—Мнѣ стало душно.

— Если вы не спасете меня—я пропаду.

„Боже мой! этого не доставало,—подумалъ я, и сложивъ руки, задумался крѣпко. Душа моя какъ будто хотѣла оторваться отъ всего, что волнуетъ ее въ этомъ пошломъ мірѣ чувствъ и желаній; она желала уйти туда, туда—глубоко, въ самое себя, чтобъ поискать тамъ мысли, твердой какъ сталь, какъ кремень, чтобы изъ нея извлечь хоть одну искру утѣшенія. И вѣрно въ глазахъ моихъ, быстро устремленныхъ на Вареньку, свѣтилась бездонная, страшная пустота.

— Не смотрите на меня, сказала она,—не смотрите,—я васъ прошу.

Я отошелъ и сѣлъ въ кресло. Но это мѣсто было не по мнѣ. Я подошелъ къ фортепіано и усѣлся на стулѣ, сжавъ въ рукѣ моей пылающую папиросу.

— Зачѣмъ вы прямо и рѣшительно не скажете Дмитрію Гавриловичу? сказала Варенька громко, забывъ всякую застѣнчивость.

„Я молчалъ,—и что жъ мнѣ было сказать?

„Я молчалъ.

— Подите сюда.

„Я всталъ и подошелъ.

— Вы слышали и поняли, къ чему тетенька говорила сегодня о Чайковскомъ?

— Понялъ.

— Онъ за меня сватается; онъ проситъ руки моей, сказала она быстро и......

„Други мои! Да вѣдь это вопль глубоко подавленной горести! Что жъ мнѣ дѣлать?

— Но папенька и маменька еще того не знаютъ.

— Люди предполагаютъ, а Богъ располагаетъ, сказалъ я мрачно.

„Что она говорила дальше, что я думалъ потомъ—не помню. Но мнѣ было тяжело.—Идутъ! идутъ! Я веселъ, чрезвычайно веселъ. Я болтаю уже, шучу, злословлю, пою,—очень весело!

„Но полно—ѣдемъ домой. Я простился съ Варенькой, поцѣловалъ руку М. Ѳ. (съ нѣкотораго времени М. Ѳ. стала ко мнѣ особенно нѣжна и внимательна; поцалуи ея жарче, пожатія руки крѣпче, разговоръ солиднѣе.... (?!)

„Теперь я сижу уже дома—и работа нейдетъ мнѣ на умъ.

Октября 6-го, суббота.

„Сейчасъ,—а теперь 12-й часъ утра,—воротился я изъ церкви Всѣхъ Скорбящихъ. Никакъ не ожидалъ я по такой дрянной погодѣ встрѣтить тамъ Вареньку. Замѣтивъ ее, я сошелъ съ прежняго своего мѣста и сталъ позади Марьи Ѳедоровны. Дрогнуло сердце мое, когда она, обратясь ко мнѣ, сказала: „Я на васъ сердита; теперь только что вы придете къ намъ,--отказъ". Мнѣ, не шутя, грустно стало; а Варенька стояла и молилась Заступницѣ всѣхъ скорбящихъ; я взглянулъ на икону—и тепло стало душѣ моей; я началъ молиться. Не обращая ни на кого вниманія, я пѣлъ канонъ Богородицѣ,—и теперь на душѣ моей такъ тихо, такъ сладко, что плакать хочется. Послѣ общаго акаѳиста, я попросилъ отслужить молебенъ св. Ѳеодосію Тотемскому. Варенька упросила М. Ѳ. остаться,—мы въ троемъ молились. Я знаю, что у Вареньки одна была дума съ моею; какова-то она была у той, которую я хоть сейчасъ готовъ бы назвать своею матерью. Кстати сказать, послѣ всего того, что теперь дѣлается со мною, я не знаю, возможно ли мнѣ оставить Вареньку. Сердце говоритъ—нѣтъ, но разсудокъ мой болѣнъ опасеніями и не скоро соглашается съ отзывомъ сердца.

„Боже мой! Въ тебѣ и на тебя надежда моя! Не хочу вмѣшиваться съ моими близорукими распоряженіями въ предвѣчныя твои судьбы о мнѣ! Твори, якоже хощеши.

„Половина десятаго вечеромъ. Страшно, убійственно тяжело мнѣ было передъ самымъ обѣдомъ. Я метался изъ одной комнаты въ другую, брался то за то, то за сё—и все это меня томило, мучило. Мнѣ хотѣлось бы заплакать, но на этотъ разъ даже слезы отказались меня слушать; они накоплялись и кипѣли тамъ, въ сердцѣ моемъ,—и я чувствовалъ ихъ, чувствовалъ, какъ давили они мнѣ грудь и какъ будто хотѣли прорвать ее; а глаза мои были сухи.

„Настало время обѣда. Я и адъютантъ А. К. Куманинъ вошли въ пріемную, гдѣ уже прохаживался Дмитрій Гавриловичъ. Отвѣтивъ на поклонъ мой своимъ обычнымъ привѣтствіемъ: „мое совершенное вамъ почтеніе",—онъ тотчасъ же спросилъ меня:

— А что же, скоро ли ваше сватовство?

— Когда прикажете, ваше в—ство, отвѣчалъ я.

— Да по мнѣ—хоть сегодня.

— Въ томъ все и препятствіе, что еще несовсѣмъ организирована моя финансовая система,—сказалъ я съ полусмѣхомъ.

„На этотъ разъ разговоръ, столько интересный для меня, тѣмъ и кончился. Я задумался и хорошенько не слышалъ, о чемъ послѣ того шла рѣчь.

„Пошли обѣдать. Генералъ, поговоривъ съ минуту съ дежурнымъ чиновникомъ, обратился ко мнѣ.

— Такъ какъ же? Вы женитесь на Балабухѣ?

— Не могу этого сказать, ваше в—ство, отвѣчалъ я.

— Отчего же?

— Будь у меня мѣсто, которымъ бы сколько нибудь обезпечивалось мое состояніе,—тогда другое дѣло.

— А какого вы мѣста хотите?

— Такого, которое давало бы мнѣ ежегоднаго жалованья, по крайней мѣрѣ, тысячу рублей серебромъ.

— Ну, а тогда женитесь?

— Женюсь, отвѣчалъ я рѣшительно.

— Да пойдетъ ли она за васъ?

— Пойдетъ, отвѣчалъ я съ тою же рѣшительностью.

— Какъ вы это знаете?

— На это я имѣю самыя осязательныя доказательства, и если позволите, я покажу ихъ послѣ обѣда вашему высокопревосходительству.

— Экой хвастунъ!—сказалъ генералъ смѣясь.

— Нѣтъ, точно, ваше в—ство, заговорилъ Куманинъ,—что она согласна пойти за Аскоченскаго; въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться.

— Не угодно ли будетъ вашему высокопревосходительству спросить самимъ о томъ Варвару Николаевну при первомъ свиданіи съ нею. Даже мать ея, можетъ быть, на моей сторонѣ. Если и есть какое препятствіе, такъ это со стороны ея отца.

— Ну,—замѣтилъ генералъ,—это еще бѣда не большая. Только смотрите, женитесь ли вы.

— Ваше в—ство! мнѣ уже прошла пора ловеласничать.... требованія семейной жизни широко у меня развиты и глубоко пустили корни въ моей душѣ,—могу ли я послѣ того отказаться отъ неожиданнаго счастья имѣть такую....

— Ну, перебилъ генералъ,—а если не женитесь?

— Дѣлайте тогда со мной, что хотите.

— Хорошо. Позволите ли тогда наказать себя тѣлеснымъ образомъ? сказалъ генералъ смѣясь.

— Надѣюсь, отвѣчалъ я также съ смѣхомъ, что я не дойду до такого непріятнаго положенія,—и потому осмѣливаюсь находить лишнимъ въ этомъ случаѣ мое согласіе.

— То-то, заговорилъ вдругъ генералъ серьезно,—иначе вы скомпрометируете ее—а это не хорошо: она дѣвочка умненькая и добренькая.

„Я замолчалъ, вполнѣ соглашаясь съ словами генерала и дивясь про себя страннымъ его опасеніямъ. Въ самомъ дѣлѣ—не смѣшно ли думать, чтобы я отказался отъ такого ангела, который сулитъ мнѣ все, что потерялъ я въ моей Софьѣ? Да Богъ съ ними—и съ ихъ богатствомъ, и съ ихъ деньгами, и съ ихъ приданымъ, лишь бы у меня самого была возможность не заставить Вареньку почувствовать и терпѣть со мною нужду! Дайте мнѣ побольше работы—и я не откажусь, лишь бы стало моихъ силъ отплатить счастьемъ и довольствомъ за ту жертву, которую несетъ мнѣ въ даръ это милое созданье. А трудовъ я не боюсь; руки есть, голова на плечахъ, и кажется, благодаря Бога, не безъ толку,—чего же еще? Для любимой души—горою качну!....

„Послѣ обѣда я, генералъ и Куманинъ пошли въ кабинетъ. Генералъ самъ (чего прежде никогда не бывало) далъ мнѣ свою сигару и, усѣвшись въ вольтеровское кресло, сказалъ:

— Какія же тамъ у васъ осязательныя доказательства?

„Я досталъ мой бумажникъ и далъ прочитать генералу то, что написала Варенька 3-го октября.

— Это точно она писала? спросилъ онъ, отдавая мнѣ бумажникъ.

— Я не осмѣлился бы такъ грубо обманывать ваше высокопревосходительство, если бъ это была чужая рука.

— Это не его рука, замѣтилъ Куманинъ.

„Генералъ какъ будто пріостановился. Примѣтно, какая-то мысль бродила въ его головѣ, но угадать ее было трудно. Помня пословицу: куй желѣзо, пока горячо, я разсказалъ тутъ же сновидѣніе мое о Өеодосіи Тотемскомъ, объ иконѣ этого угодника, нечаянно, но уже послѣ сновидѣнія, увидѣнной мною въ домѣ Балабухи, разсказалъ о странной встрѣчѣ нашей въ церкви и вовсе неподготовленной заранѣе рѣшимости слушать вмѣстѣ заказанный мною молебенъ св. Өеодосію.

— Каковъ? сказалъ генералъ, обращаясь къ Куманину, — какъ мастерски онъ все подготавливаетъ и устроиваетъ.

„Это замѣчаніе задѣло меня за живое. Я вспыхнулъ.

— Ваше высокопревосходительство!—сказалъ я. Если-бъ даже вы и изволили замѣтить за мною когда либо охоту лгать, то меня въ настоящемъ случаѣ, прежде всего, удерживало бы то, что я говорю не передъ кѣмъ другимъ, а передъ вами, а съ другой стороны — и то, что шутить такими вещами я не согласенъ: имя угодника Божія, какъ бы то ни было, для меня священно, равно священна для меня и любовь моя къ...

— Къ кому? сказалъ генералъ съ улыбкою, замѣтивъ, что я вдругъ остановился.

— Къ Варварѣ Николаевнѣ, отвѣчалъ я твердо.

„Сигара потухла въ моихъ рукахъ. Я поклонился генералу и вышелъ. О, если бы Всевышній вразумилъ добраго моего покровителя устроить мою судьбу, а больше всего — дать мнѣ средства, вырвать ее—мою душку—изъ этого омута, куда хотятъ ее бросить недальновидные родители. Господи! не оставь меня!

„Только что отъ стола—и ужъ я поскакалъ на Подолъ; но боясь какого либо замѣчанія со стороны родителей Вареньки за мои частыя и несовсѣмъ еще ясныя для нихъ посѣщенія, завернулъ къ Минервину. Послѣ чаю мы пошли съ нимъ ко всенощной. Побродивъ глазами моими по угламъ церкви, я рѣшился во что бы то ни стало еще разъ увидѣть Вареньку и пошелъ къ нимъ въ домъ. Робко поцаловалъ я руку М. Ѳ. и уже не чувствовалъ того крѣпкаго пожатія, какое бывало прежде. Это еще больше меня обезпокоило. Я оставилъ Вареньку у фортепіано, а самъ усѣлся близъ М. Ѳ., стараясь, сколько возможно, сдѣлать ее ласковою и внимательною ко мнѣ. По невеселому лицу и невольной задумчивости я заключилъ, что она, бѣдная, начинаетъ крѣпко безпокоиться объ отношеніяхъ моихъ къ Варенькѣ. Любовь ея ко мнѣ уже не тайна; мать не можетъ этого не видѣть. Съ неизбѣжною въ такомъ случаѣ неопредѣленностью я далъ замѣтить М. Ѳ., что я не сижу, сложа руки, а уже начинаю хлопотать о дѣлѣ. Это, сколько мнѣ было видно, мало ее успокоивало; но что̀ же мнѣ было дѣлать? Поступить иначе было бы глупо и опрометчиво; оставить, бросить все—не могу, даже не долженъ; да, не долженъ.

„Странное дѣло! Опять то же самое дѣлается, что дѣлалось во время оно со мною и съ окружавшими меня! Опять является мать, понимающая любовь своей дочери, и колеблемая страхомъ, опасеніемъ и уже безплоднымъ страданіемъ о томъ, что заранѣе не приняла мѣръ прекратить всѣ способы къ тому, чтобы такъ тѣсно не соединиться намъ. Странное, повторяю, дѣло!

„Къ намъ подошла Варенька.

— Вообразите, Варвара Николаевна,—сказалъ я, стараясь сдѣлать разговоръ сколько возможно общимъ,—вѣдь у насъ-таки будутъ вечера и балы—и надѣюсь, что и вы будете тамъ.

— Нѣтъ, ужъ теперь врядъ ли.

— Отчего же?

— Я еще до сихъ не могу понять, зачѣмъ въ прошломъ году являлась на эти вечера и балы? сказала Варенька, смотря на меня быстро. Я понялъ ее.

— Такъ Богу было угодно, сказалъ я, стараясь придать вѣсъ каждому слову.

— Богу было угодно, повторила она медленно, съ легкою задумчивостью.

— Да, Богу было такъ угодно,—еще разъ сказалъ я, — поймите это хорошенько, Варвара Николаевна.

„Она взглянула на меня: мысль моя была угадана.

— Прошлый годъ—другое дѣло, сказалъ Павелъ Семеновичъ, молодой дядя Вареньки,—а теперь она просватана.

— Такъ что-жъ такое? спросилъ я.

— Зачѣмъ она пойдетъ туда? Чтобы больше скучать?

— Больше скучать,—такъ, стало быть, она теперь скучаетъ?

— Я не говорю этого.

— Какъ не говорите? Больше скучать,—тутъ стоитъ сравнительная, значитъ, Варвара Николаевна скучаетъ положительно.

— Въ Рыльскѣ ужъ того не будетъ, сказалъ онъ, не замѣчая, вѣроятно, того, что онъ кинжаломъ роетъ и копается въ больномъ сердцѣ.

— За то тамъ ветчина будетъ, отвѣчалъ я, играя въ этомъ случаѣ роль безжалостнаго палача.

„Всѣ захохотали, только Варенькинъ смѣхъ горше былъ всякой слезы. Мнѣ жаль ее стало, до слезъ жаль. Рѣчь начала перебиваться. Не знаю, какъ-то зашли слова о томъ, что лучше бъ было, если-бъ я умеръ назадъ тому лѣтъ 15. Варенька подхватила:

— Нѣтъ, не лучше; тогда бы вы не были искупителемъ вашей Софьи...

„И она смотрѣла на меня своими прекрасными глазами, какъ будто прося, чтобъ я понялъ ее. Я тоже взглянулъ на нее — и увѣренъ, что она не могла не прочитать въ глазахъ моихъ: „знаю, не объ умершей ты Софьѣ говоришь, а о живой Софьѣ, которую еще только хотятъ уморить.

„Скоро послѣ этого я откланялся и ушелъ.

Октября 7-го, воскресенье.

„Съ какимъ нетерпѣніемъ, съ какого радостью спѣшилъ я въ клубъ купеческій! Я пѣлъ пѣсни, шумѣлъ, говорилъ самъ съ собою; а на дворѣ съ порывистымъ вѣтромъ шелъ дождь; ничего,—сказалъ я—и подъ ливнемъ пустился на Подолъ.

„И вотъ я уже изъ клуба,—а теперь только одинадцать часовъ,—и вотъ я уже дома грустный, задумчивый.

„Порадовала было меня Варенька первою встрѣчею, но не надолго. Откровенность, какой я въ настоящую пору вовсе не надѣялся отъ М. Ѳ., убила всю мою веселость, все мое счастіе, какимъ я думалъ упиваться въ глазахъ Вареньки. Сегодня, вслѣдствіе глупаго разсказа одного изъ Балабухъ, Павла Семеновича,—въ домѣ у нихъ поднялась суматоха. У меня не достанетъ силъ передать все, что я слышалъ отъ М. Ѳ.: довольно того, что мнѣ хотятъ отказать отъ дому... О, если такъ, то я примусь уже за дѣло тремя руками—включая въ это число одну руку, которая можетъ во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ цѣлыя тысячи рукъ... Но пока-то это будетъ, пока кончится эта

борьба,—а я не могу быть покоенъ. Страшно взволнованный я бродилъ по огромной залѣ, безсмысленно зѣвалъ на танцующихъ и...

— Нѣтъ, Марья Өедоровна, сказалъ я наконецъ,—не бывать этому живому созданью за какимъ-нибудь рыльскимъ пентюхомъ!..

„Я всталъ и уѣхалъ домой. Охъ, да какъ-же мнѣ тяжело, грустно! Что-то Богъ дастъ: но гласъ народа уже совсѣмъ отдалъ мнѣ Вареньку. Мнѣ надо, непремѣнно надо переговорить съ генераломъ.

„Помолюсь Богу и лягу спать. Утро вечера мудренѣе.

Октября 8-го, понедѣльникъ.

„Цѣлое утро я до того былъ взволнованъ вчерашними разсказами и событіями, что даже почувствовалъ себя нездоровымъ. Припоминая то, что сказалъ мнѣ вчера генералъ,—а онъ сказалъ вотъ что: „надобно это дѣло кончить поскорѣе“,—припоминая, говорю, это, я не могъ на минуту успокоиться. Это почти разстроило меня.

„За обѣдомъ генералъ сказалъ мнѣ:

„Зайдите-ка ко мнѣ въ восемь часовъ вечера“. Тревожно ожидалъ я этого времени и, валяясь на кровати, чувствовалъ какъ будто припадки горячки. Кровь моя до того волновалась, что только лишь задремлю я,—въ ту жъ минуту вздрогну и проснусь. Пріѣхалъ Платонъ; я разсказалъ ему все, что со мною дѣется, и онъ ободрилъ меня, утѣшилъ упованіемъ на Господа Бога. Я сталъ покойнѣе.

„Вмѣсто восьми часовъ я попалъ къ генералу въ десять. Онъ усадилъ меня напротивъ себя и первый его вопросъ былъ таковъ: „хотите ли вы жениться“?

— Ваше высокопревосходительство, осмѣлюсь...

— Безъ фразъ, безъ фразъ; говорите прямо: да или нѣтъ?

— Да, отвѣчалъ я твердо и рѣшительно.

— Что жъ вамъ для этого нужно?

— Мѣсто, которымъ бы я сколько нибудь могъ обезпечить свое состояніе.

— Какого жъ вы хотите мѣста?

„Я указалъ на мѣсто директора гимназіи, и генералъ приказалъ сдѣлать мнѣ по этому случаю нѣкоторыя необходимыя справки. Богъ вѣсть, къ кому мнѣ обратиться. Сохрани Господи, если узнаютъ объ этомъ господа университетскіе профессоры; они заклюютъ меня, — а мимо ихъ никакъ нельзя. Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ всего лучше обратиться къ злѣйшему и пронырливѣйшему изъ нихъ, и я для этого выбираю Иванишева. Дай знать объ этомъ кому нибудь попростѣе — онъ начнетъ хитрить и, чего добраго — повредитъ мнѣ. А этотъ, надѣясь на свою проницательность, можетъ быть, заснетъ— и я проведу его и выпытаю, что̀ мнѣ будетъ нужно. Завтра въ походъ, — строй каре, и поражая самъ, не подпущу къ себѣ никого и непремѣнно достану себѣ языка.

„Къ слову, я разсказалъ коротко генералу весь настоящій мой романъ, не забывъ и про вчерашнюю сцену, на которую даже я особенно налегалъ, давая тѣмъ знать о мучительномъ состояніи дѣвушки, которую обрекаютъ въ жертву разсчетамъ. Генералъ слушалъ меня внимательно, и когда подъ конецъ я сталъ было благодарить его за отечески-милостивое участіе ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Для васъ-то для васъ, а больше для этой дѣвушки надо постараться. Я люблю ее,—она умненькая.

„Теперь не усну я ночь отъ другой заботы; ихъ, впрочемъ, у меня такъ много, что я не знаю, на которой прежде всего остановить мое вниманіе. Счастье у меня почти въ рукахъ,—боюсь упустить его...

Октября 9-го, вторникъ.

„Насилу дождался я этого несноснаго утра. Несмотря на сильный, насквозь проникающій дождь, я поѣхалъ на Подолъ хоть взглянуть на Вареньку. Холодно принялъ меня возлюбленный ея папаша, который—на бѣду мою—вздумалъ совершенно некстати быть больнымъ, и потому сидѣлъ дома. Я сказалъ—на бѣду мою, потому что я не успѣлъ перемолвить, какъ бы мнѣ хотѣлось того, съ М. Ѳ. По крайней мѣрѣ, я далъ ей знать, что генералъ принялъ въ нашемъ дѣлѣ сильное участіе и что я не сижу сложа руки. Съ Варенькой я не могъ помѣняться даже двумя словами. М. Ѳ. воображаетъ, что Варенька ничего не знаетъ о намѣреніяхъ моихъ и что ей вовсе не извѣстно о томъ, что̀ говорила мнѣ сама Марья Ѳедоровна третьяго дня въ клубѣ. Дѣлать нечего, надо было довольствоваться только взглядами,—но и изъ нихъ, надѣюсь, Варенька поняла все.

„Я узналъ, что въ случаѣ просьбы моей объ увольненіи изъ академіи остановки не будетъ никакой. Митрополитъ и все воинство его, какъ по всему видно, очень рады будутъ отдѣлаться отъ такого карбонарія, какъ я. Въ отмѣткахъ своихъ по послужному моему списку, онъ ужъ не такъ-то былъ расточителенъ на похвалы. Что же касается до новаго мѣста, то, мнѣ кажется, встрѣтятся большія затрудненія. Директоръ, на котораго я мѣчу, такъ плотно усѣлся на мѣстѣ, что его развѣ силою можетъ столкнуть такая рука, какъ у моего высокаго покровителя. Не знаю, что Богъ дастъ.

Октября 11-го, четвергъ.

„Я поѣхалъ къ Балабухѣ. Злодѣйка-Варенька встрѣтила меня сердито, даже не пожала, по обыкновенію, руки моей. Это меня жестоко изумило съ перваго. Я глядѣлъ на Вареньку, желая узнать по глазамъ ея причину такого недовольства на меня, но звонкій и счастливый смѣхъ былъ достаточнымъ отвѣтомъ, что это гнѣвъ не къ наказанію. Я все понялъ.—Вы, сказала она потомъ,—вѣрно хотите пытать мое терпѣніе, что такъ давно у насъ не были.—„И радъ бы

въ рай, подумалъ я, да грѣхи не пускаютъ". Въ залѣ сидѣло все семейство—и намъ нельзя было молвить другъ другу двухъ словъ безъ свидѣтелей. Но довольно было взглянуть на Вареньку—и быть счастливымъ. О, какъ страстно глядитъ она на меня! Какой огонь горитъ въ этихъ чудныхъ глазахъ! Какъ понятно трепетны эти недоговоренныя рѣчи, этотъ судорожно-радостный смѣхъ ея. Да, Варенька любитъ, горячо любитъ—и я этотъ счастливецъ, предметъ ея любви, думъ, мечтаній и надеждъ! Благодарю тебя, Господи! Еще не совсѣмъ я одинокъ, еще есть чистое, прекрасное сердце, на которомъ написалось имя мое огненными буквами первой, юной любви.

— Я вся дрожу, сказала она тихо, быстро. Ей Богу, братцы, у меня духъ занялся.—Другъ мой! сказалъ я также тихо и скоро,—я уѣду; мы такъ измучимся.—И я взялъ шляпу.

— Постойте, сказала она почти со слезами, и я остался не надолго.

— Вы маменькѣ говорили что нибудь? спросила она меня.

— Все почти ужъ сказано.

— Что жъ это она безъ васъ смѣется надъ вами?

„Не помню, въ изъясненіе этого какую я сказалъ глупость. Но это обстоятельство заставило меня подумать, когда я уже поѣхалъ домой. Сказать правду, я не вовсе довѣряю Марьѣ Θедоровнѣ, и мнѣ кажется, что чуть ли она не дѣйствуетъ хитрѣй, чѣмъ почтеннѣйшій ея супругъ. Своею неожиданною откровенностью она выпытала у меня тайну любви къ Варенькѣ и хочетъ, какъ видно, повести меня за носъ и разстроить меня съ милою своею дочерью, новою избранницею моего сердца. Для этого она и просила меня бывать у нихъ какъ можно рѣже, для этого-то она и рисуетъ меня передъ Варенькою чернымъ карандашемъ, примазывая по мѣстамъ свой рисунокъ грязью. Это неладно. Впрочемъ, кстати, что Варенька сказала мнѣ объ этомъ. Я знаю, что̀ теперь дѣлать. О, меня трудно провести!....

„Между прочимъ, М. Θ. извѣстила меня, что Аристарховы просили позволенія быть у Балабухъ въ ноябрѣ. Николай Семеновичъ изъявилъ, вишь, свое согласіе; но Варенька не отвѣчала ничего. Значитъ, мнѣ надобно стараться, чтобы главнокомандующій нашимъ дѣломъ воспользовался этимъ временемъ и дѣйствовалъ наступательно и рѣшительно, не дожидаясь атаки со стороны непріятеля. Коменданты крѣпости, къ которой мы приступаемъ, могутъ, чего добраго, измѣнить намъ,—и тогда все пропало!

„Такъ какъ ѣхать домой слишкомъ было рано, то я отправился къ генеральшѣ Красовской. Тамъ былъ Дмитрій Гавриловичъ, комендантъ Пенхержевскій, генералъ Желтухинъ, вице-губернаторъ Бибиковъ и прокуроръ Матюнинъ. Меня тотчасъ же по пріѣздѣ моемъ усадили за зеленый столъ. Я игралъ съ комендантомъ и Желтухинымъ. Счастливо отдѣлавшись отъ виста, я подошелъ къ столу, гдѣ сидѣлъ генералъ.

— Откуда вы, спросилъ онъ улыбаясь,—вѣрно съ Подола?

— Такъ точно, отвѣчалъ я.

— Да, да,—подхватила Красовская,—вѣдь у васъ скоро свадьба. Прекрасно! я буду у васъ посаженою матерью.

„Я поблагодарилъ генеральшу и подумалъ: если ужъ генералъ не держитъ этого въ секретѣ и самъ распускаетъ слухи, то быть дѣлу. О, когда бы скорѣй! Милая Варенька! Будемъ молиться и уповать на Господа Бога! Онъ, премилосердый, не оставитъ насъ; онъ благъ и любитъ дѣтей своихъ.

Октября 12-го, пятница.

„Никакая работа не идетъ на умъ; все такъ и валится изъ рукъ. Чтобъ доставить себѣ хоть какое нибудь развлеченіе, я принялся въ десятый, кажется, разъ переписывать мои стихотворенія за настоящій годъ. На дворѣ было холодно, какъ зимою; въ 12 часовъ пошелъ снѣгъ, который, разумѣется, не могъ совладать съ грязью, жидко свѣтившеюся на мостовой.

„За столомъ генералъ ни слова не говорилъ ни объ дѣлѣ моемъ, ни объ Варенькѣ.

„Выпросивъ у Д. Г. „Исторію Малороссіи“ для Николая Семеновича, я поѣхалъ на Подолъ, и благодаря Бога, встрѣченъ былъ отъ неблагосклоннаго ко мнѣ папы Варенькина довольно ласково. Мнѣ только и нужно было. Потомъ я пошелъ въ залу, и... Это, чортъ возьми, ни на что не похоже! Насъ ни на одну минуту не оставляютъ однихъ съ Варенькою. М. Ѳ. сидитъ какъ прикованная къ своему мѣсту; только у фортепіано, отвлекающаго вниманіе нашихъ инспектриссъ, мы успѣваемъ обмѣняться съ Варенькою лишнею парою словъ. Но для насъ и этого бываетъ довольно. Несмотря на краткость нашихъ разговоровъ, мы оба понимаемъ недосказанное. Варенька почти съ гнѣвомъ упрекаетъ меня за недѣятельность и только торопитъ кончать поскорѣе дѣло, какъ видно, опасаясь наступательныхъ дѣйствій со стороны жениха своего, которому она такъ охотно даетъ чистую отставку. Всѣ надежды ея обращены къ генералу, котораго она прямо называетъ своимъ защитникомъ и хранителемъ. Поспѣшность, весьма понятная въ Варенькѣ, меня часто сбиваетъ съ толку,—и я тогда не знаю, что̀ отвѣчать ей на это.

Октября 13-го, суббота.

„Молодой другъ мой совѣтовалъ мнѣ прямо и откровенно сказать все генералу, съ неотступнымъ требованіемъ мѣста и ходатайства предъ отцомъ Вареньки. Я и самъ думаю объ этомъ, но боюсь неотступными напоминаніями генералу испортить все дѣло. Впрочемъ, надѣясь на Господа Бога, сегодня рѣшусь еще разъ сказать Дмитрію Гавриловичу о себѣ и о Варенькѣ.

„6 часовъ вечера. И сказалъ-таки. Генералъ вотъ что, наконецъ, отвѣчалъ мнѣ: „пока я живъ и пользуюсь милостію государя, до тѣхъ поръ твердо могу вамъ сказать, что если мы не найдемъ мѣста по ученой службѣ, то я дамъ вамъ по гражданской. Это непремѣнно. Скажите то же самое отъ меня и вашей Варварѣ Николаевнѣ".

„Я поклонился и вышелъ. У меня голова кружится.

Октября 15-го, понедѣльникъ.

„Странное дѣло! Завтра рѣшается трудный вопросъ, который вотъ уже въ другой разъ задаетъ мнѣ судьба въ моей жизни—и между тѣмъ я покоенъ. Сказать правду, получивъ коротенькую записку отъ Николая Семеновича, я почувствовалъ въ первый разъ порядочное въ себѣ волненіе, усиленное въ особенности тѣмъ, что письмецо, посланное мною къ нему, воротилось ко мнѣ назадъ съ престраннымъ замѣчаніемъ на конвертѣ: отвѣтъ въ срединѣ. Съ перваго раза я не разобралъ этого и подумалъ, что тутъ написано: отвѣтъ въ среду. Почему же въ среду, а не сегодня, не завтра, разсуждалъ я, держа письмо въ рукѣ моей? Это странно! Да ужъ полно, читалъ ли онъ мою записку? Это было бы съ его стороны крайняя невѣжливость, еслибы онъ, не распечатавши, прислалъ мнѣ назадъ мою записку. Размышляя такъ, я уже хотѣлъ изорвать ее, но облатка, худо приклеенная, нечаянно остановила меня. Я развернулъ записку и прочиталъ: „завтра пріѣзжайте ко мнѣ въ 12 часовъ утра". Прекрасно! А тамъ—что будетъ, то будетъ.

„На святое Провидѣнье
Положился я давно"...

„Повторяю, я спокоенъ,—но что-то теперь съ Варенькой? Я почти увѣренъ, что она въ эту ночь глазъ не сомкнетъ: она такъ горячо и пылко меня любитъ; она еще впервые испытываетъ эту болѣзнь, которую зовутъ любовью. Жаль мнѣ ее, мою крошку,—и за нее я готовъ бы теперь упасть въ ноги тому, отъ кого зависитъ ея и мое счастье.

Октября 16-го, вторникъ.

„Пріѣзжаю по назначенію къ Балабухѣ ровно въ 12 часовъ. Прежде всего я забѣжалъ внизъ, гдѣ сидѣла Марья Өедоровна и Варенька. Обѣ онѣ были, какъ по всему видно, сильно встревожены. Размѣнявшись привѣтствіями, я съ рѣшительнымъ и спокойнымъ видомъ пошелъ наверхъ. Николай Семеновичъ встрѣтилъ меня довольно вѣжливо и мы заговорили.

— Прежде всего,—сказалъ я ему,—благодарю васъ, Николай Семеновичъ, за то, что вы не заставили меня долго ожидать отвѣта.

„Онъ откланялся и пригласилъ меня садиться.

— Вы, конечно,—заговорилъ я, усаживаясь въ кресло,—могли нѣсколько угадывать цѣль моихъ посѣщеній. Если позволите, я выскажу ее прямо, и напередъ прошу васъ со мною въ настоящемъ случаѣ быть откровеннымъ; я люблю вашу Вареньку и прошу у васъ ея руки.

— Да вы развѣ не знаете, что она уже помолвлена? отвѣчалъ серьезно Николай Семеновичъ.

— Очень хорошо знаю; равно какъ знаю и то, что помолвка эта далеко еще не ведетъ къ дѣлу, которое, какъ мнѣ извѣстно, у васъ разладилось.

— Кто это вамъ сказалъ?

— Весь Кіевъ.—Я умолчалъ здѣсь о болѣе вѣрномъ источникѣ, изъ котораго почерпнуто мною такого рода свѣдѣніе.

— Всему, возразилъ Николай Семеновичъ,—что говорится въ Кіевѣ, вѣрить нельзя. А я далъ слово—и не отступлюсь отъ него.

— Вы дали слово — прекрасно; но дала ли слово та, судьба которой рѣшается съ такимъ упорнымъ насиліемъ?

— Разумѣется, дала. Я самъ призывалъ ее еще передъ обрученіемъ, и она тогда объявила свое согласіе...

— Не справясь ни съ умомъ, ни съ сердцемъ, продолжалъ я.— Да, это точно великое согласіе и основываться на немъ очень благоразумно. Но, Николай Семеновичъ! не могла ли новость положенія закружить бѣдную, еще неопытную дѣвушку? Она невѣста, ее всѣ поздравляютъ; кругомъ суета, шумъ, освѣщеніе, всѣ рады и веселы; сбоку женихъ — да это хоть кому вскружитъ голову. Вы знаете, въ Индіи жертвы, обрекающія себя на сожженіе, точно бываютъ въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ была тогда Варенька. Но положимъ, что на этомъ согласіи вы могли въ то время основываться и затѣять такую громкую помолвку (которая, между прочимъ, ужаснѣйшая съ вашей стороны ошибка),—увѣрены ли вы, что Варенька готова и теперь сказать то же, что говорила она назадъ тому почти три мѣсяца?

— А мнѣ что до теперешняго ея согласія! Коротко скажу: слово дано мною и я ни за что не отступлюсь отъ него.

— Держать свое слово хорошо и похвально тамъ, гдѣ идетъ дѣло о вещи, а не о лицѣ, которое само по себѣ можетъ имѣть свою мысль и, слѣдовательно, свое слово. Не будете ли вы отвѣчать передъ Богомъ за то, если въ угожденіе вашему упорству дочь ваша солжетъ предъ алтаремъ, если устами скажетъ—да, а на сердцѣ положитъ—нѣтъ?

— О, что касается до этого, то я отвѣтственности предъ Богомъ не боюсь.

— Не бояться вы можете, но она все-таки будетъ лежать на васъ. Если бы эта двуличность Вареньки была дѣломъ ея собственнаго произвола и избранія—другое дѣло; тутъ родители были бы невиноваты;

но какъ скоро они отнимаютъ у ней свободу, поставляя только свою волю закономъ, то кто жъ отвѣчаетъ? Ужъ, разумѣется, не тотъ, кто дѣйствуетъ по принужденію.

— Будто мы ее принуждаемъ?

— А что жъ вы дѣлаете? Если не принуждаете, то почему же до сихъ поръ вы не выспросите ее, какъ отецъ, какъ другъ, безъ строгихъ замѣчаній и грозныхъ сентенцій?

— Да на что это?

— Какъ на что? Для счастья вашей дочери.

— О, она будетъ счастлива.

— Что и говорить. Счастье, Николай Семеновичъ, условная вещь. Однимъ и то счастье, если они могутъ пить, ѣсть, да спать вдоволь, а другимъ хочется другаго, хочется подѣлиться мыслью, чувствомъ, сердцемъ.

— Все это она найдетъ въ Аристарховѣ...

— Дай Богъ, но все это вы покамѣсть говорите,—что-то она сказала бы, если бъ спросить ее...

— Не нужно это.

— Такъ, стало быть, вы сами будете находить въ выбранномъ вами фениксѣ всѣ качества, какихъ потребуетъ отъ него такая умная и образованная дѣвушка, какъ Варенька. Вы скажете: „вотъ это, молъ, дочка—чувство, вотъ это—мысль, вотъ это—сердце“; а она вамъ отвѣтитъ: „позвольте, папенька, я сама посмотрю“; вы опять скажете: „не нужно, дочка, это мы тебѣ говоримъ,—твои родители“;—„нѣтъ, ужъ позвольте“, скажетъ она и, хорошенько всмотрѣвшись—Боже сохрани, какъ прибавитъ: „посмотрите, да это не чувство, а сахарная вода,—это не мысль, а ариѳметическій счетъ,—это не сердце, а копченый кусокъ мяса“. Что тогда? Николай Семеновичъ! Отдать дочь вѣдь не то же, что сбыть залежалый товаръ. Смотрите, обдумайте...

— Сколько бъ я ни думалъ, все будетъ одно и то же.

— То-есть, перебилъ я, вы приносите Вареньку въ жертву вашему упорству. Хороша родительская любовь! Не говорите мнѣ этихъ примѣровъ, которыми такъ любятъ хвастаться старики, что вотъ, дескать, мы прожили, слава Богу, бывъ сведены вовсе безъ вѣдома нашего волею родительскою. То, скажу вамъ, были времена—другіе нравы; то старина, то и дѣяніе. Нашихъ стариковъ и надо было сводить, потому что они такъ никогда бы не сошлись; для этого нужно кое-что побольше ногъ; нужна образованность, взаимная настроенность,—а этого-то у стариковъ нашихъ (не во гнѣвъ будь сказано) и недоставало. Вѣкъ на вѣкъ не указываетъ и требованія времени измѣняются...

— Все это такъ; но предложеніе ваше въ другое время имѣло бы другой вѣсъ, а теперь Варя обручена...

— Что вы этимъ хотите сказать? Не то ли, что я прежде этого извините) жалкаго обрученія очень легко могъ просить руки Варень-

киной, не напрасно себя лаская надеждою успѣха? Но, Николай Семеновичъ, помните, что я уже не въ первой порѣ молодости, и что соваться въ воду, не спросясь броду—мнѣ ужъ не приходится. Я смотрѣлъ, какъ устроятся мои обстоятельства, и смогу ли я прилично настоящему моему положенію въ свѣтѣ содержать себя и будущую жену мою своимъ собственнымъ коштомъ, не простирая слишкомъ далекихъ и обширныхъ видовъ на женино приданое. Въ этомъ смыслѣ я и дѣйствовалъ. Бывъ у васъ принятъ въ домѣ, я сблизился съ Варенькою, узналъ ея мягкую душу, ея теплое сердце, ея гибкій умъ, узналъ все, чѣмъ она способна быть—и откровенно признаюсь вамъ—полюбилъ ее. Варенька, замѣтивъ это, тотчасъ же дала мнѣ знать, что у нея есть женихъ, что онъ хорошъ и прочее, и что я могу оставить ее въ покоѣ. Поблагодаривъ за такую умную откровенность, я, точно, рѣшился прекратить мои исканія, внутренно—признаться—жалѣя, что это милое созданіе идетъ въ руки человѣку, который, быть можетъ, не съумѣетъ оцѣнить его. Но какъ бы то ни было, я пересталъ къ вамъ ѣздить; безъ меня совершилось ваше громкое обрученіе; безъ меня Варенька стала невѣстою. Я даже самъ поздравилъ ее, бывши въ гостяхъ у Семена Семеновича въ день его золотой свадьбы. Изрѣдка навѣдываясь къ вамъ и слыша отъ самой Вареньки, какъ она восхищалась положеніемъ невѣсты, уѣзжалъ домой, внутренно смѣясь такому самообольщенію неопытной дѣвушки. Я видѣлъ, что впечатлѣніе отъ совершеннаго съ нею обрученія легло только на поверхность ея души, нисколько не тронувъ глубины ея,—и боялся нарушить это мирное, спокойное невѣдѣніе ожидающей ея участи, самой прозаической; тáкъ прошло почти около трехъ мѣсяцевъ. Вдругъ дошелъ до меня слухъ о разладѣ вашемъ съ домомъ Аристарховыхъ. Признаюсь, я принялъ это за указаніе Промысла и сентября 19-го явился въ вашъ домъ, чтобы узнать, справедливы ли эти слухи. Разспрашивать мнѣ было не нужно,—стоило только взглянуть на Вареньку, поговорить съ нею совсѣмъ, будто бы, о постороннемъ, чтобъ увидать истину во всей ея наготѣ. Съ этихъ поръ я сталъ бывать у васъ чаще и чаще, узнавать Вареньку ближе и ближе, и дошелъ до того, что не бывать у васъ, по крайней мѣрѣ, три раза въ недѣлю—было для меня уже невозможно. Тутъ я узналъ многое; но еще не рѣшился даже самому себѣ отдавать отчета въ моихъ цѣляхъ и видахъ. Дмитрій Гавриловичъ сначала шутилъ надъ моею привязанностью къ Варенькѣ, наконецъ сталъ уже серьезно поговаривать объ этомъ и однажды сказалъ мнѣ—почему я не ищу руки ея? Я отвѣчалъ, указавъ на недостаточное мое состояніе, на мѣсто, занимаемое мною въ академіи, которое, конечно, съ голоду не уморитъ, но зато и сыто не накормитъ. Генералъ обѣщалъ мнѣ помочь въ этомъ и я уже самъ взялся за дѣло серьезно. Вотъ вамъ, Николай Семеновичъ, весь ходъ моихъ дѣйствій: судите, благородно ли я поступалъ, или нѣтъ?

— Я ни слова объ этомъ не говорю. Но вѣдь этому ничему бы не бывать, если бы Аристарховъ былъ здѣсь. Вы сами встрѣчали бы его у насъ каждый день, и тогда...

— Тогда бы, перебилъ я,—мнѣ и не для чего было бы къ вамъ ѣздить, потому что у васъ и разлада никакого бы, можетъ быть, не было...

— Да и теперь нѣтъ его....

— Николай Семеновичъ! вѣдь я не такъ еще слѣпъ, чтобы не видѣть того, чтó можно ощупать руками. Вы сами, положа руку на сердце, скажите мнѣ, все ли у васъ спокойно въ семействѣ? Всѣ ли такъ же думаютъ и чувствуютъ, какъ вы?

— Да что мнѣ до всѣхъ? Мое слово....

— Опять то же; все я, да я, мое, да мое. Скажите что-нибудь другое, а это уже я слышалъ и отвѣчалъ вамъ.

— Нѣтъ, Викторъ Ипатьевичъ, ищите себѣ другой дѣвушки — незанятой...

— Покорнѣйше васъ благодарю. Искать я не могу и на комъ либо другомъ жениться покамѣсть не намѣренъ. Надо мною всю жизнь мою была рука Промысла; и если вы слышите отъ меня такое объясненіе, то я твердо вѣрю, что такъ Богу угодно, и что Варенька должна принадлежать мнѣ.

— Нѣтъ, она принадлежитъ Аристархову.....

— Еще Богъ знаетъ,—сказалъ я, закуривая сигару.

— Я васъ объ одномъ прошу, Викторъ Ипатьевичъ — пожалуйста, чтобы впредь объ этомъ и слова не было.

— Даю вамъ въ томъ честное слово, но до времени не я самъ, такъ, можетъ быть, кто-нибудь другой замолвитъ обо мнѣ слово.

— Я всякому то же скажу, чтò и вамъ.

— Очень вѣрю, но не будемъ впередъ загадывать. Позвольте и мнѣ, Николай Семеновичъ, попросить васъ объ одномъ. Пригласите къ себѣ Вареньку и, не пугая ее строгимъ взглядомъ и неумѣстными нравоученіями, станьте рядомъ съ ея положеніемъ и заставьте ее самое открыть вамъ сердце свое. Тогда вы увидите, у мѣста ли ваше упорство держать данное вами слово, или нѣтъ? Теперь же, кажется, все переговорили, но между нами не все кончено. Надѣюсь, впрочемъ, что это не помѣшаетъ намъ попрежнему быть добрыми пріятелями и вы извините меня, можетъ быть, за лишнюю откровенность...

„Николай Семеновичъ пожалъ мнѣ руку и я откланялся, сохранивъ до конца все мое присутствіе духа. Но, Боже упаси, если бъ кто-нибудь заглянулъ въ глубь моего сердца! Тамъ былъ цѣлый адъ страданій и горько обманутыхъ надеждъ!...

„Я сошелъ внизъ. Марья Ѳедоровна и Варенька взглянули на меня вопросительно. Сѣвъ на стулъ, я сказалъ, сколько могъ, твердо и даже весело:

— Ну, вотъ и кончено!

— Такъ скоро? спросила Варенька въ тревожномъ недоумѣніи.

„Глаза ея горѣли, щеки пылали.

— У насъ было все коротко, зато ясно. И я поздравляю васъ madame Аристарховой.

— Кого нибудь другаго, только не меня, сказала она отрывисто, и лицо ея начинало блѣднѣть и на глазахъ навертывались слезы... Она наклонила голову....

„Мнѣ стало душно; мнѣ стѣснило грудь.

— Прощайте, сказалъ я, вставая и цалуя руку Марьи Осиповны.

— Прощайте, Варвара Николаевна!—И я пожалъ протянутую мнѣ руку.

— Навсегда? спросила она почти съ воплемъ.

— Можетъ быть и навсегда....

„Но тутъ ужъ у меня не стало силъ. Я выбѣжалъ изъ дому, глотая слезы.

— Пошелъ!!—крикнулъ я извощику и, отъѣхавъ отъ дому, вздохнулъ такъ тяжело, что, мнѣ казалось, тѣмъ вздохомъ и душа поворотится на своемъ мѣстѣ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

„ЛИХОЛѢТЬЕ".

(Смутное время).

Историческій романъ [1]).

IX.

„Kto w fortunie ufnosc kladzie,
Kto nie pomnac o jez zdnadzie,
Wierzyl w mary lube,
Ten poznawac rychlo zacznie,
Iako plocho i niebacznie
Oddal sie na zgube".

„Кто надѣется на счастье, кто, забывъ о его измѣнчивости, вѣритъ въ любимыя мечты, тотъ скоро узнаетъ, какъ безразсудно и легкомысленно онъ отдалъ себя погибели".

(Польская пѣсня временъ Локетека о Альбрехтѣ, войтѣ Краховскомъ).

МЕЖДУ тѣмъ, молодой панъ Пржемиславъ Дворжицкій, разставшись съ Лисовскимъ и взявъ съ него слово сдать августинскаго монаха на руки нѣмецкому купцу, направился къ Кремлю, не желая своимъ отсутствіемъ увеличивать безпокойство вельможныхъ пословъ. Обуреваемый самыми разнородными и глубоко безотрадными чувствами, онъ увидѣлъ передъ собою бѣлую зубчатую кремлевскую стѣну.

Женскій визгливый голосъ, вскрикнувшій: „Панъ Пржемиславъ! Прошу пана!" заставилъ его оглянуться. Въ открытое окно большого деревяннаго дома, въ Китай-городѣ, высунулась женская голова,

---

[1]) Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ", томъ VII, стр. 287—317.

странно убранная разноцвѣтными лентами, кивавшая ему не только пріятельски, но съ какою-то отчаянною требовательностью. Выразительнымъ жестомъ руки она въ то же время звала его къ себѣ. По желтому шелковому платью, бросившемуся Дворжицкому въ глаза, по нарумяненнымъ щекамъ и по высоко взбитымъ волосамъ, придававшимъ ей вмѣстѣ съ лентами видъ сумасшедшей, онъ незамедлилъ признать въ этой особѣ прекраснаго пола — далеко не прекрасную панну Гонорату Модлевскую изъ Замѣхова. Первымъ естественнымъ движеніемъ молодаго человѣка было желаніе пришпорить коня и ускакать отъ этой раскрашенной престарѣлой красавицы, преслѣдовавшей его своими вздохами и нѣжностями съ постоянствомъ, достойнымъ лучшей участи. Въ эту минуту онъ не былъ расположенъ потѣшаться надъ „вѣрностью“ панны Гонораты, обыкновенно упрекавшей его въ „безсердечіи“ и выставлявшей ему въ своей особѣ примѣръ безкорыстной привязанности: такъ она ему надоѣла, да и былъ онъ не въ томъ настроеніи, чтобы выслушивать ея „ламантаціи“ и любоваться ея штукатуреннымъ лицомъ. Онъ хотѣлъ ограничиться шутливымъ поклономъ, не останавливая коня.

— На одну минуту, панъ! якъ Бога кохамъ, на одну минуту! вскричала панна Гонората еще громче и отчаяннѣе; въ ея голосѣ Дворжицкій услыхалъ женскія слезы, которыхъ онъ не могъ выносить. Онъ нерѣшительно остановился, посматривая на свою перезрѣлую обожательницу, какъ смотритъ человѣкъ на опасность, уже имъ испытанную.

— Не для меня, ласковый панъ! убѣждала его панна Гонората, повидимому понимая причину его колебаній исполнить ея просьбу.— Брунь Боже, панъ, не для меня! пани Марина проситъ! очень надо! якъ Бога кохамъ, панъ!

Дворжицкій только сейчасъ вспомнилъ, что Гонората, въ качествѣ „решпектовой панны“, украшаетъ собой женскую свиту Марины Мнишекъ, неудавшейся, если не развѣнчанной московской царицы, и очутился у раскрытаго окна, поборовъ въ себѣ страхъ, внушенный ему добродѣтельною дѣвственницею изъ Замѣхова.

— Войдите, можно, панъ! продолжала съ тою же убѣдительностью „панна решпектова“, впрочемъ боязливо оглядываясь на улицу, къ ея счастью пустую въ эту минуту.—Москалей нѣтъ!.. О, матка Боска! что я видѣла и чувствовала въ эти дни! какіе это изверги, варвары!

Панна Гонората сочла нужнымъ подкатить свои безцвѣтные глаза подъ лобъ, украшенный прыщами, и все выраженіе ея размалеваннаго лица изобразило ужасъ, внушенный ей бородатыми москалями, избившими столько ея соотечественниковъ и даже соотечественницъ.

— Пані Гербуртова убита, и пані Тарлова! слыхалъ, панъ? заговорила Гонората съ скоростью трещетки.—И патеръ Помасскій— слыхалъ панъ? убитъ!

— Слыхалъ! отвѣчалъ Дворжицкій торопливо слѣзая съ коня, и

черезъ калитку вошелъ во дворъ, боясь столько же болтовни своей вѣрной обожательницы, сколько и москалей, могшихъ ему помѣшать увидѣться съ паньей Мариной, быть можетъ, дѣйствительно имѣющей въ немъ нужду. Привязавъ поводъ узды къ кольцу столба, онъ спѣшно пошелъ въ домъ, съ неудовольствіемъ готовясь предстать передъ безцвѣтныя очи панны Гонораты, конечно, къ ея великой, всегда нескрываемой ею радости.

Бывшая царица Марина съ своими „фрейлинами" помѣщалась теперь, по распоряженію московскихъ властей, въ домѣ думнаго дьяка посольскаго приказа, Афанасія Власьева. За свою угодливость и близость къ погибшему самозванцу онъ пострадалъ однимъ изъ первыхъ: царь Василій Ивановичъ уже управился съ нимъ, выславъ его съ приставомъ воеводствовать въ дальній городъ, въ Уфу, къ Сибири. Просторный, удобный домъ его былъ предоставленъ Маринѣ Мнишекъ въ полное ея распоряженіе, такъ какъ старушка хозяйка, жена Власьева, по слабости здоровья не могшая слѣдовать за нимъ, предавшись своему горю и неутѣшно оплакивая своего любимаго мужа, по правдѣ сказать, человѣка достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ, заперлась у себя въ вышкѣ съ горбатою дочерью, тоже, подобно матери, неосушавшей глазъ. Надо отдать справедливость новому царю, выказавшему замѣчательную умѣренность, доходившую даже до мягкости, въ отношеніи той ненавистной ему польки, которая не переставала считать себя и называть московскою царицею и женское честолюбіе которой, быть можетъ, отчасти, послужило одною изъ тѣхъ пружинъ, что привели въ дѣйствіе всю эту польскую „офяру", закончившуюся возведеніемъ Лжедмитрія на московскій царскій столъ. Неоднократныя съ глазу-на-глазъ посѣщенія Марины Шуйскимъ убѣдили его въ томъ, что въ лицѣ этой молодой, настойчивой въ достиженіи своей цѣли, польки, дочери Сандомірскаго воеводы, онъ долженъ видѣть своего смертельнаго и опаснаго врага. Тѣмъ не менѣе, разумный правитель, во власти котораго была судьба Марины и ея честолюбивыхъ домогательствъ, не увлекся чувствомъ, недостойнымъ государя. Напротивъ, онъ „приказалъ" какъ объ охранѣ бывшей царицы, имя которой было ненавистно москвичамъ, готовымъ растерзать ее въ клочки, эту, по ихъ мнѣнію, „польскую колдунью", своими чарами наведшую на православную Русь великую смуту и соблазнъ, такъ и о томъ, чтобы она съ своими женщинами ни въ чемъ не нуждалась. Именно въ этихъ видахъ и отвели ей одинъ изъ лучшихъ домовъ Китай-города, домъ опальнаго Власьева; мало того, новый царь, снисходя къ просьбѣ Марины и къ болѣзненному состоянію ея отца, воеводы пана Юрія Мнишка, дозволилъ ему не разлучаться съ дочерью,—милость, на которую не расчитывалъ самъ Мнишекъ.

Афанасій Ивановичъ Власьевъ втеченіе своей многотрудной службы не даромъ правилъ многія посольства къ дворамъ европейскихъ государ-

рей; дважды дьякомъ и посломъ ѣздилъ къ императору Рудольфу II, къ „крулю" европейскихъ государей. Такой замѣчательный, выдающійся государственный умъ того времени, такой смѣтливый русскій человѣкъ, какъ Власьевъ, могъ вернуться домой подъ нѣкоторымъ вліяніемъ условій иноземной жизни и не русскихъ нравовъ. Онъ встрѣчалъ принца датскаго Іоанна, жениха царевны Ксеніи Борисовны, и назначенъ былъ въ Москвѣ знакомить его съ русскими обычаями. Поэтому убранство и удобства его дома напоминали нѣсколько иноземные дома. Чистота и опрятность прежде всего бросались посѣтителю въ глаза. Судьба, повидимому, связала Власьева съ Мариной и ея отцомъ нерасторжимыми узами. Власьевъ, великій посолъ Лжедмитрія, просящій отъ его имени руки Марины, обручающійся съ нею за него торжественно въ Краковѣ, пирующій у „молодыхъ" царя и царицы въ кремлевскомъ дворцѣ, на ихъ свадьбѣ, ссылается Шуйскимъ именно за эту близость свою къ самозванцу, и домъ его, уже послѣ его опалы, укрываетъ Марину съ отцомъ въ ихъ бѣдствіи. Все, что увидѣлъ въ домѣ Дворжицкій, нисколько не напоминало ему о стѣснительномъ плѣнѣ паньи Марины, о которомъ онъ составилъ себѣ понятіе, судя по той строгости, часто возмутительной, съ какою московскія власти, подъ видомъ охраненія королевскихъ пословъ отъ черни, держали ихъ въ почетной неволѣ. Правда, на дворѣ, въ растворенномъ сѣнномъ сараѣ, противъ воротъ валялось съ десятокъ стрѣльцовъ при сабляхъ, и одинъ изъ нихъ, при появленіи Дворжицкаго на дворѣ, рѣшился привстать и, покачивая хмѣльную, всю въ сѣнной трухѣ, голову безъ шишака, лѣниво спросилъ его, зачѣмъ онъ и кого ему надо. Но Дворжицкій не счелъ нужнымъ объяснять разоспавшемуся хмѣльному охранителю Марины Мнишекъ цѣли своего посѣщенія и прямо, не говоря ни слова, пошелъ на крыльцо, а караульный стрѣлецъ, повидимому, вполнѣ удовлетворился и выполненіемъ своей караульной обязанности, и отвѣтомъ въ томъ видѣ, какой получилъ на свой вопросъ. Успѣвъ познакомиться съ нравами москалей, Дворжицкій понялъ, что подобная слабость надзора караульныхъ стрѣльцовъ не такъ, не спроста; что причину ея слѣдуетъ искать всего скорѣе въ щедрости, которою отличается Сандомірскій воевода, да въ избыткѣ хмѣльныхъ напитковъ, которыми онъ угощаетъ своихъ караульныхъ. И Дворжицкій не ошибался, имѣвъ случай удостовѣриться въ основательности своихъ предположеній отъ самого пана Мнишка. Войдя въ большую, ярко раскрашенную масляной краской свѣтлицу, съ крашеннымъ же поломъ, молодой дворянинъ королевской службы не на шутку струсилъ и чуть было не далъ тягу при видѣ размалеванной панны Гонораты, стремительно, съ радостнымъ крикомъ, бросившейся ему на встрѣчу, повидимому, съ расчетомъ очутиться въ его объятіяхъ. Только присутствіе двухъ „дворныхъ хлоповъ" и „казачка", низко остриженныхъ, босыхъ, въ казакинахъ изъ грубаго домашняго сукна, дружно подсмѣивавшихся надъ засидѣв-

шеюся въ дѣвицахъ размалеванной красавицей, удержали страстный порывъ, подсказанный ей нѣжнымъ сердцемъ. Приложивъ костлявую руку къ плоской груди, она ограничилась лишь глубокимъ вздохомъ и томнымъ взглядомъ своихъ безцвѣтныхъ глазъ, въ которыхъ легкомысленный юноша прочелъ и тоску женскаго нераздѣленнаго чувства, и упрекъ. Упрекъ, конечно, онъ долженъ былъ принять на свой счетъ. Въ эту минуту старая навязчивая дѣва забыла и ужасъ своего положенія въ варварской Москвѣ, и то важное обстоятельство, которое ея патронесса, панья Марина, имѣла сообщить Дворжицкому.

— Я знаю, почему панъ Пржемиславъ грустенъ, замѣтила она ему прямо, съ эгоизмомъ оскорбленнаго женскаго чувства, съ вѣрнымъ расчетомъ на слабое мѣсто мужскаго сердца. Она боялась упустить благопріятную, какъ ей казалось, минуту свиданія безъ объясненій.

— Отъ того, что не выспался, отшучивался онъ.—Я эту ночь не спалъ, панна.

— Фи! ложь! такой прекрасный кавалеръ, котораго я всѣмъ въ примѣръ ставлю, — лжетъ! Сознайтесь, панъ Пржемиславъ, вы влюблены! Я знаю въ кого—въ русскую красавицу, княжну. А что? вѣдь такъ, панъ? Зачѣмъ панъ краснѣетъ?

— Какое вамъ дѣло, панна Гонората, въ кого я влюбленъ? замѣтилъ онъ ей съ явнымъ раздраженіемъ, окончательно убѣдившимъ ее, что онъ влюбленъ въ русскую красавицу, княжну.

— Мнѣ? Какое дѣло? заговорила многоопытная дѣва.—Вотъ безсовѣстный вопросъ! Только вы, бездушные мужчины, можете предлагать подобные вопросы намъ, любящимъ существамъ, имѣющимъ несчастье отдать свое сердце недостойному мужчинѣ... Чудовище!.. О, я несчастная!.. за всю нашу привязанность—только неблагодарность!..

— Отстаньте, пожалуйста, съ своею привязанностью, на чортъ она мнѣ! нарочно съ грубостью возразилъ Дворжицкій, безпокойно поглядывая на затворенныя въ другую горницу лакированныя яблоновыя двери съ блестящею мѣдною ручкою, въ ожиданіи скоро ли выйдетъ къ нему помощь въ видѣ Марины, или ея отца.—Вы, панна Гонората, неравнодушны ко всему мужскому полу.

Безцвѣтные глаза дѣвственницы, подкаченные подъ прыщеватый лобъ, выразили полное осужденіе цинической грубости, какую молодой панъ позволилъ себѣ сказать ей, благородной дѣвицѣ.

— Ваша русская красавица не для васъ, заговорила почтенная весталка изъ Замѣхова, съ слишкомъ замѣтнымъ желаніемъ досадить предмету своего обожанія и такъ или иначе заставить его высказаться.—Она не для васъ, панъ, она на васъ не глядитъ, за поляка не пойдетъ, и—если хотите—она просватана, панъ!.. Слышите: просватана!

Дворжицкій при словѣ „просватана“ перемѣнился въ лицѣ; кровь отхлынула къ сердцу, онъ поблѣднѣлъ. Злой языкъ престарѣлой дѣвы подсказалъ ему только его собственное подозрѣніе. Почему-то онъ

былъ убѣжденъ, что княжна сосватана и скоро выйдетъ замужъ, конечно, не за поляка, а за знатнаго русскаго.

— Она за новаго царя выходитъ,—для довершенія удара, наслаждаясь смущеніемъ молодаго пана, добавила панна Гонората.

— Можетъ ли быть? чуть слышно прошепталъ Дворжицкій и самъ себѣ отвѣтилъ: „Да; она будетъ царицей".

Во всеоружіи своей женской тактики, состоящей изъ осторожнаго коварства, соединеннаго съ вѣрно расчитанной минутой и со слабостями противника, панна Гонората торжествовала, добившись хоть косвеннаго признанія отъ предмета своей страсти. Она наказала его за „вѣтренность", но чувства ея не измѣнились къ нему, къ этому „красивому мальчику"; она была бы не прочь замѣнить ему холодную русскую красавицу и, вѣроятно, не замедлила бы съ краснорѣчіемъ безкорыстной любви объяснить легкомысленному юношѣ, что не всегда молодость и красота прикрываютъ любящее и стоющее любви женское сердце; но обѣ половинки лакированной яблоновой двери съ блестящей мѣдной ручкой распахнулись и изъ внутренняго покоя, къ большому удовольствію Дворжицкаго, неслышными шагами, въ мягкихъ желтыхъ сафьянныхъ сапожкахъ и въ старопольскомъ длинномъ, „помереженномъ" спереди, кунтушѣ синяго бархата, вошелъ, слегка прихрамывая, бодрый, видный, хотя отяжелѣвшій съ лѣтами старикъ. Его свѣжее, до сихъ поръ красивое и привѣтливое лицо, производило самое пріятное впечатлѣніе. Серебромъ отливавшіе длинные бѣлые усы и бѣлые, кружкомъ подстриженные волосы, по старопольскому обычаю, высоко на затылкѣ, красиво оттѣнялись розовыми щеками, свидѣтельствовавшими о его здоровьи; ясные голубые глаза глядѣли умно и весело, хотя душевное утомленіе отражалось въ нихъ.

— Добрыдень, вельможный панъ Юрій! обратился Дворжицкій къ пану Мнишку въ отвѣтъ на его привѣтливый поклонъ, котораго величавость, напоминавшая стараго царедворца и королевскаго любимца, смягчалась движеніемъ правой руки, исполненнымъ благородства, и доброй, располагающей къ себѣ, улыбкой.

— Добро пожаловать, мою юный другъ! отвѣчалъ панъ Мнишекъ и тѣмъ же благороднымъ, легкимъ жестомъ руки указалъ Дворжицкому на скамью, приглашая его сѣсть, а самъ медленно, съ самоувѣренностью человѣка, воспитаннаго въ лучшемъ обществѣ, прошелся по горницѣ, мягко ступая по блестѣвшему крашеному полу сафьянными сапожками безъ каблуковъ, причемъ мягко же шуршѣли широкіе, подобранные въ сапожки, шелковые алые штаны, красиво отливавшіе своими складками.—Радъ тебя видѣть, панъ Пржемиславъ, тѣмъ болѣе, что имѣю въ тебѣ надобность. Ты ѣдешь къ королевскимъ посламъ?

— Да, панъ воевода.

— Скажи имъ, что я только что получилъ добрыя вѣсти изъ

Польши: кардиналъ Маціовскій извѣщаетъ меня черезъ вѣрнаго человѣка о сочувствіи короля нашему дѣлу. Я разумѣю здѣсь дѣло католичества, неразрывно связанное съ судьбою моей дочери, московской царицы, панны Марины, пояснилъ Мнишекъ.

— Но, вельможный панъ воевода, рѣшился возразить ему Дворжицкій,—какъ тебѣ извѣстно, велемочные паны королевскіе послы, особенно панъ Олесницкій, согласно мнѣнію послѣдняго сейма, не расположены поддерживать домогательства святѣйшаго папы касательно возсоединенія православной Москвы съ римскою церковью, и въ дѣлѣ твоей вельможной дочери, царицы, не усматриваютъ интересовъ польскаго государства, считая ея дѣло—частнымъ дѣломъ.

— Такъ, знаю, мой юный другъ, подтвердилъ Мнишекъ, котораго тонкія, красиваго очертанія губы сложились теперь въ ироническую улыбку.—Но знай, и сообщи это твоимъ панамъ посламъ, что вѣтеръ перемѣнился въ Краковѣ. Король уже иначе посмотрѣлъ на дѣло моей дочери, царицы, и нѣсколько расходится во взглядахъ, высказанныхъ на это дѣло послѣднимъ сеймомъ. На это имѣются важныя причины, конечно. Говорю — и ты запомни мои слова, панъ Пржемиславъ,—что разрѣшена вербунка въ королевскихъ земляхъ; святѣйшій отецъ, черезъ кардинала Маціовскаго, шлетъ свое благословеніе новымъ крестоносцамъ; ксендзы провозглашаютъ въ костелахъ походъ на невѣрныхъ москалей, предательски умертвившихъ въ своей столицѣ столько поляковъ, прибывшихъ къ нимъ друзьями съ оливковою вѣтвію мира...

Панъ Мнишекъ послѣднія слова произнесъ тихо, ослабѣвшимъ отъ сильнаго волненія голосомъ, въ которомъ Дворжицкій услыхалъ слезы. Онъ дѣйствительно прослезился. Слишкомъ еще свѣжа была его душевная рана, которую онъ невольно разбередилъ тяжелымъ воспоминаніемъ. Чтобы скрыть свои стариковскія слезы, панъ Мнишекъ долженъ былъ отвернуться къ окну. Панна Гонората не преминула воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ и зарыдала,—впрочемъ, стараясь держать носовой платокъ у глазъ возможно эффектнѣе и изъ-за платка наблюдая—видитъ ли вѣтренный панъ Дворжицкій ея патріотическія слезы, понимаетъ ли ихъ и оцѣниваетъ ли по достоинству? Но къ крайней ея досадѣ, вѣтренный панъ остался совершенно равнодушенъ.

— Польша и Литва требуютъ мѣсти за погибшихъ здѣсь своихъ сыновъ! продолжалъ, оправясь отъ волненія и съ одушевленіемъ, Мнишекъ,—за безчестіе своихъ пословъ, плѣненныхъ этимъ царемъ „шубникомъ"; коронные жолнеры ставятся на военную ногу; мы должны быть отомщены!—Красивые голубые глаза пана Мнишка метнули, при послѣднихъ словахъ его, молнію гнѣвнаго раздраженія, скрывавшагося подъ наружнымъ спокойствіемъ благороднаго царедворца, давно привыкшаго владѣть собою и своими чувствами.

— Передамъ въ точности твои слова, вельможный панъ воевода,

велемочнымъ панамъ посламъ моего короля! сказалъ Дворжицкій, понявъ, что Мнишекъ не все высказалъ ему, что̀ знаетъ, но не рѣшаясь предложить ему вопроса, изъ боязни поставить его и себя въ неловкое положеніе.

— Ты хочешь знать, на что всего болѣе расчитываю я въ столь серьезномъ и опасномъ дѣлѣ, мой юный другъ? обратился къ Дворжицкому панъ Мнишекъ, словно читавшій въ чужой душѣ. — Знай: царь Димитрій, супругъ моей дочери, царицы, не убитъ—онъ живъ! Это тебѣ подтвердитъ сама царица... Вотъ она на-лицо!

Старый Мнишекъ замолчалъ и встрѣтилъ вошедшую изъ внутренняго покоя дочь глубокимъ, почтительнымъ поклономъ, выказавшимъ всю гибкость его старой шеи и весь многолѣтній навыкъ держать себя въ присутствіи высокихъ вѣнценосцевъ, выработанный имъ при блестящемъ дворѣ послѣдняго изъ Ягеллоновъ. Дворжицкій и панна Гонората послѣдовали примѣру стараго царедворца.

Пана Марина Мнишекъ вошла въ горницу настоящей царицей. Сознаніе своего достоинства, при молодости и красотѣ ея, невольно возвышало ее въ глазахъ присутствующихъ. Эта молодая, стройная красавица,—истая дочь рыцарской Польши и по виду, и по характеру своему,—какъ бы самой судьбой была предназначена играть высокую, выдающуюся роль въ жизни своей и своего народа. Ея драгоцѣнная брилліантовая діадема, подарокъ мужа, царя Дмитрія, имѣвшая форму небольшой изящной короны и подшитая снизу бѣлымъ атласомъ, чрезвычайно граціозно сидѣла на хорошенькой головкѣ, рѣзко оттѣненная темными, густыми, вверхъ зачесанными волосами. Восторженному молодому дворянину показалось, что эта царская діадема своимъ блескомъ освѣтила горницу и что передъ нимъ стоитъ царица изъ волшебной сказки. И точно: въ эту минуту Марина Мнишекъ была поразительно хороша и могла вызвать самое восторженное чувство. Озаренная яркимъ блескомъ майскаго солнца, теплымъ свѣтомъ заливавшаго въ раскрытыя окна горницу, польская красавица затмѣвала собою своихъ камеръ-фрейлинъ, тѣснившихся за нею, несмотря на то, что въ числѣ ихъ стояла и такая красавица, какъ панна Ортанса Стадницкая, скромно украсившая въ этотъ день свою свѣтловолосую какъ ленъ головку роскошнымъ, только что распустившимся, розаномъ. Несмотря на свое горе и на трудность своего положенія, въ которомъ она очутилась такъ неожиданно, Марина Юрьевна и теперь, какъ всегда, появилась безукоризненно одѣтой. Къ ней такъ шелъ гранатовый цвѣтъ ея платья изъ тяжелой, дорогой шелковой матеріи, съ короткими, выше локтя, рукавами, изъ подъ которыхъ, обтягивая полныя руки, бѣлѣлись другіе, атласные рукава, застегивавшіеся у кистей золотыми запонами, сверкавшими большими алмазами. Столь ею любимый и модный въ то время большой, туго накрахмаленный батистовый воротъ—брыжжи—на этотъ разъ не украшалъ граціозную шею молодой красавицы; и она, по правдѣ сказать,

отъ того ничего не теряла. Напротивъ—отсутствіе модныхъ брыжжей нагляднѣе выказывало ея природную стройность. Бриліантовая брошь, въ видѣ большого креста, украшала ея высокую грудь, а съ плечъ спадала тяжелая нитка жемчуга, красиво унизанная драгоцѣнными каменьями. Діадема, брошь, жемчугъ и запоны—нодарокъ ея мужа, сдѣланный при торжественномъ обрученіи съ ней,—живо напоминали ей счастливые дни, когда передъ нею открывался безпредѣльный ясный горизонтъ жизни, не омраченный еще ни однимъ мимолетнымъ житейскимъ облачкомъ. Она считала себя счастливою, что среди страшнаго разгрома, оторвавшаго отъ нея ея супруга-царя, погубившаго столько ея соотечественниковъ и друзей, и лишившаго ее почти всего имущества, она сумѣла сохранить при себѣ эти его подарки. Не потому, что они съ изяществомъ соединяютъ большую цѣнность; нѣтъ: онъ возвелъ ее на такую высоту земнаго величія; онъ отличилъ и выбралъ ее изъ всѣхъ молодыхъ, знатныхъ и красивыхъ женщинъ; онъ для нея—все! Вотъ почему она такъ дорожитъ этими женскими украшеніями, не изъ женской суетности, а потому, что они напоминаютъ ей его. Страхъ послѣднихъ дней и безпокойство за мужа, съ которымъ она такъ страстно желала свидѣться скорѣй и навсегда соединиться, за котораго она трепетала и убивалась все время, пока не убѣдилась, что онъ живъ, спасенъ—не согналъ яркаго румянца съ ея молодыхъ щекъ. Радостное убѣжденіе, что мужъ, государь московскій, живъ, придавало улыбкѣ ея маленькаго рта то именно выраженіе, которымъ взрослые любуются въ дѣтской улыбкѣ. Но за этою дѣтскою улыбкою скрывался настойчивый характеръ, предпріимчивость и непомѣрное честолюбіе — врожденныя качества Мнишковъ, впослѣдствіи погубившія ее.

— Да, панъ! подтвердила Марина Юрьевна послѣднія слова своего отца, принявъ почтительный поклонъ присутствующихъ какъ дань уваженія, слѣдуемаго ея высокому сану.—Мой супругъ, московскій государь Дмитрій Ивановичъ, живъ и безопасенъ, хвала Богу! Онъ не замедлитъ вернуться на свое государство — съ вѣрной ратью, чтобы опровергнуть пущенную его врагами молву о его смерти и отомстить имъ за измѣну!

— Государыня! сказалъ Мнишекъ, почтительно поклонясь дочери.— Осмѣлюсь всенижайше доложить вашему величеству, что, согласно вашего личнаго, отданнаго мнѣ вами сего утра приказанія, я уже сообщилъ пану Дворжицкому, дворянину свиты вельможныхъ пановъ пословъ моего короля, извѣстія, полученныя вами изъ Кракова.

— Благодарю васъ, вельможный панъ воевода! отвѣчала Марина отцу и, обратясь къ Дворжицкому, продолжала: — Мнѣ остается къ просьбѣ вельможнаго пана воеводы присоединить и свою просьбу, благородный панъ,—немедленно передать вѣсти изъ Кракова королевскимъ посламъ. Сообщите имъ также, что я расчитываю на ихъ поддержку.

Дворжицкій почтительно поклонился. Почитатель женской красоты, онъ совсѣмъ забылъ въ эту минуту свою отверженную любовь и недоступную русскую княжну. Любезность прекрасной польки легко покорила его себѣ. Несмотря на то, что онъ вполнѣ раздѣлялъ взглядъ своихъ вельможныхъ пословъ на дѣло Марины Мнишекъ, въ эту минуту онъ готовъ былъ, съ саблей въ рукѣ, защищать ея права на московскую корону. Повидимому, сверженная царица поняла настроеніе молодаго человѣка, потому что спросила его:

— Почему благородный панъ служитъ въ свитѣ вельможныхъ пословъ, а не „z panamї przyїacїolmї?"

Выраженіе „съ панами пріятелями" означало въ то время пановъ и родныхъ Мнишка, прибывшихъ въ Москву въ его свитѣ. Чтобы имѣть понятіе о значеніи Мнишка въ Польшѣ и о пышности, съ какою онъ провожалъ дочь, царскую невѣсту, въ Москву, достаточно упомянуть, что „обозъ" его, вступившій въ Москву, состоялъ изъ двухъ тысячъ людей и стольких же лошадей. Въ его блестящей свитѣ находились такія лица, какъ князь Вишневецкій, старосты Красноставскій и Луховскій, Стадницкій, Тарлы, и многіе другіе знатные люди. Отъ этой блестящей свиты въ настоящую минуту остались у Мнишка и его дочери только фрейлины, да босоногіе хлопы. Вопросъ Марины Юрьевны, какъ и слѣдовало ожидать, былъ понятъ Дворжицкимъ въ своемъ настоящемъ смыслѣ, не могшемъ не льстить самолюбію юноши. Красавица царица намекнула о желаніи своемъ видѣть его въ своей свитѣ. Она твердо вѣрила въ скорый оборотъ дѣла въ пользу мужа, царя, и свою.

Дворжицкій поблагодарилъ ее за вниманіе и скромно сказалъ:

— Престарѣлый отецъ мой, котораго я чту, по своей старинной дружбѣ съ паномъ Олесницкимъ, поручилъ меня ему; поэтому, при всемъ моемъ желаніи служить вамъ, государыня, я не могу оставить моей службы королю, не испросивъ на то согласія моего отца.

— Такъ молодъ и такъ разсудителенъ! тихо и одобрительно замѣтилъ панъ воевода.—Почтеніе, оказываемое сыномъ отцу, дѣлаетъ честь сыну.

Затѣмъ Дворжицкій счелъ нужнымъ откланяться Маринѣ и воеводѣ и, подобравъ рукою саблю, чтобы не гремѣла по полу, вышелъ изъ горницы въ сѣни. Воевода любезно его проводилъ и на прощанье, уже на крыльцѣ, поцѣловалъ его, сказавъ: „До видзенья, панъ!"

Только что Дворжицкій сѣлъ въ сѣдло, какъ на крыльцо выбѣжала панна Гонората, видимо „въ растрепанныхъ чувствахъ".

— Не думайте, панъ Пржемиславъ, о русской княжнѣ: она васъ не стоитъ! запищала она ему въ слѣдъ.—Постойте же! Куда вы? Два слова! неблагодарный!..

Онъ поторопился дать шпоры коню и поскакалъ неоглядываясь.

X.

„Wierze snadź z sejmu naszego
Nie slychamy, nie dobrego;
Juz to kilka niedziel bają,
A wniczem jako i loni;
Kazdy na swe skrzydlo goni,
Pewnie pospolitej rzeczy,
Zaden tam niema na pieczy,
Boc i oni z pusta glową,
Co je rzkomo posly zowa,
Więcej tez sobie folgują
A to co im trzeba Kują."

(Вѣрно о сеймѣ нашемъ мы не услышимъ ничего добраго; вотъ ужъ нѣсколько недѣль балагурятъ и ни въ чемъ не соглашаются, подобно тому, какъ въ прошломъ году; каждый думаетъ только о своихъ выгодахъ, а о республикѣ никто не заботится, потому что и они съ пустыми головами—всѣ эти такъ называемые послы. Думаютъ только о самихъ себѣ и о своихъ замыслахъ).

(Стихотвореніе Николая Рея, польскаго писателя XVI вѣка).

Панъ Пржемиславъ Дворжицкій въѣхалъ въ Кремль, самъ себѣ твердя „что голоденъ какъ песъ". Несмотря на распоряженіе боярской думы убрать тѣла убитыхъ поляковъ и русскихъ и зарыть ихъ за городомъ,—многіе изъ нихъ еще валялись по улицамъ тамъ, гдѣ ихъ захватила смерть. Рѣшительно всѣ тѣла были обобраны возмутившеюся чернью до-нага, при чемъ алчность не разбирала ни своихъ, ни враговъ, и послѣ смерти сравняла ихъ. Посинѣлые, окоченѣлые, уже разлагавшіеся подъ зноемъ майскаго солнца и нестерпимо завонявшіе, трупы привлекали къ себѣ тучу черныхъ воронъ, мухъ и стаи голодныхъ собакъ, то дико завывавшихъ, то ожесточенно, съ неистовымъ лаемъ оспаривавшихъ другъ у друга лакомую добычу. Съ тяжелымъ чувствомъ, съ понятнымъ отвращеніемъ, съ какимъ жизнь и молодость относятся къ смерти и тлѣнію, мелькомъ взглядывалъ Дворжицкій на этихъ несчастныхъ, погибшихъ на чужбинѣ земляковъ. Нервная дрожь невольно холодила его молодую кровь при воспоминаніи нежданнаго побоища, въ которомъ ему пришлось принять самое дѣятельное участіе. Но среди сценъ ужаса и крови, онъ съ чувствомъ человѣка, исполнившаго свой долгъ, вспоминалъ мужество, съ какимъ онъ и дворяне посольской свиты спасли двухъ братьевъ Казановскихъ и ротмистра Доморацкаго съ ихъ слугами отъ грозившей имъ вѣрной смерти. Уже чернь ворвалась къ нимъ на дворъ, какъ разъ черезъ улицу, противъ посольскаго двора. Всѣ растерялись, даже храбрецъ панъ Гонсѣвскій. Дворжицкій, не теряя ни минуты, прорубилъ съ гайдуками въ досчатомъ заборѣ своего двора отверстіе, чтобы въ него могъ пролѣзть человѣкъ. Самъ-двѣнадцать Дворжицкій взлѣзъ съ гайдуками на тесовую крышу посольской конюшни, прицѣлясь сверху изъ заряженныхъ ружей въ толпу, бушевавшую на улицѣ. Затѣмъ

онъ взмахнулъ бѣлымъ платкомъ въ знакъ того, что осажденные въ своемъ дворѣ паны могутъ перебѣжать черезъ улицу на посольскій дворъ. Какую ужасную минуту пережилъ онъ! Казановскіе, Доморацкій, а за ними ихъ слуги, опрометью бѣгутъ черезъ улицу; еще минута—и они на посольскомъ дворѣ; но у самаго отверстія въ заборѣ свалка: москали навалились густой толпой, поглотившей вдругъ несчастныхъ бѣглецовъ. Крикъ ужаса за ихъ судьбу вырвался у многихъ на посольскомъ дворѣ. Съ конюшенной крыши грянулъ выстрѣлъ, и мѣткая пуля положила на мѣстѣ смѣльчака москаля, приколовшаго рогатиною у отверстія въ заборѣ слугу пана Доморацкаго. То была мѣткая пуля Дворжицкаго, проворно зарядившаго свою винтовку и громко закричавшаго неистовой толпѣ: „Назадъ! прочь! убьемъ двѣнадцать человѣкъ!“ Двѣнадцать ружей, направленныхъ въ толпу, наглядно подтверждали ей угрозу молодаго пана. Толпа струсила и отшатнулась. Несчастные бѣглые паны, прижатые толпой къ забору, одинъ за другимъ перелѣзли въ прорубленное для нихъ отверстіе на посольскій дворъ, съ проворствомъ, понятнымъ въ ихъ положеніи. Еще панъ Доморацкій, не послѣдній толстякъ среди толстяковъ, разсмѣшилъ всѣхъ, начиная съ пословъ и до послѣдняго конюха. Онъ застрялъ брюхомъ въ щели и, какъ ни бился,—ни взадъ ни впередъ! Спасибо, посольскіе гайдуки протащили его, схватя за руки. Но бѣдному толстяку, конечно, не до смѣха было... Ужасныя воспоминанія: набатъ колоколовъ, вопль неистовой толпы мужиковъ, поляки, падающіе подъ ихъ топорами и рогатинами, зловѣщій дымъ пожаровъ, мрачившій майское небо; а ночью—кровавое зарево, трепетъ за свою жизнь, отчаяніе людей, очутившихся въ западнѣ!

Встрѣчные русскіе, особенно простонародье, провожали молодаго вооруженнаго польскаго пана ненавистными взглядами, грубыми остротами и руганью, не обѣщавшими полякамъ ничего добраго.

— Пёсъ латынскій! озлобленно крикнулъ ему босоногій здоровенный монастырскій служка въ истасканномъ балахонѣ, подвязанномъ обрывкомъ верёвки, придурковатый братъ Зосима, глазѣвшій разиня ротъ на прохожихъ и проѣзжихъ съ паперти Чудова монастыря.— Нажрался человѣчьяго мяся? Напился русской крови? Погоди, нехристь, не то еще вамъ будетъ! Управимся съ вами „глаголи“!—Богатырская ручища брата Зосимы внушительно погрозила королевскому дворянину своимъ огромнымъ кулакомъ. Дворжицкій упорно отмалчивался, избѣгая не только встрѣчи съ простолюдинами, но и взгляда на нихъ. Онъ понималъ, что малѣйшая его неосторожность, заносчивость, даже неумѣстное слово, будетъ стоить ему жизни, тѣмъ болѣе, что паны-послы строго приказали своимъ избѣгать всякаго столкновенія съ москалями.

Наконецъ, Дворжицкій остановился у посольскаго двора. Съ самаго разгрома поляковъ въ Москвѣ, высокомочные паны королевскіе послы

съ своею свитою и челядью сидѣли какъ бы въ осадѣ среди враждебнаго себѣ города, крѣпко днемъ и ночью оберегая высокіе досчатые заборы своего обширнаго двора. Они не могли забыть страшнаго избіенія 17-го мая, отмѣченнаго въ ихъ посольскомъ дневникѣ 28-мъ числомъ, когда на той же самой улицѣ, въ своихъ квартирахъ справа, слѣва и напротивъ посольскаго двора, погибли растерзанные пьяною чернью благородные паны царицыной свиты, а также ротмистры, помогавшіе Лжедимитрію съ своими пахоликами, „товарищами" и жолнерами воевать съ царемъ Борисомъ. Даже ксендзъ, Плебанъ патеръ Помасскій, капланъ Самборскій, духовникъ царицы Марины Мнишекъ, убитъ въ то время, когда служилъ мессу: священническая одежда не спасла его. Хотя новый царь Василій Ивановичъ и завѣрилъ польское посольство въ его совершенной безопасности въ Москвѣ, лишь бы оно не мѣшалось въ дѣло Сандомірскаго воеводы; хотя, по царскому приказу, сильная стрѣлецкая стража у посольскихъ воротъ охраняла ихъ строго день и ночь; тѣмъ не менѣе послы считали царя Шуйскаго столь же коварнымъ, какъ и московскій народъ, а потому боялись и за свою жизнь, и за жизнь своихъ соотчичей, нашедшихъ у нихъ убѣжище отъ гибели. Когда, на дняхъ, царскіе пристава, явясь на посольскій дворъ, именемъ царскимъ потребовали этихъ пановъ царицыной свиты, пріютившихся у пословъ, чтобы размѣстить ихъ по прежнимъ ихъ квартирамъ, обѣщая имъ, царскимъ же именемъ, давать достаточные для нихъ и ихъ людей „кормы" и жалованье,—паны, съ согласія пословъ, на-отрѣзъ отказались оставить посольскій дворъ, предпочитая, какъ они сказали приставамъ, „скудное обильному и не мѣняя вѣрное на невѣрное", то есть, попросту, не вѣря царскому слову. Очень ужъ „насолили имъ москали." Впрочемъ, паны царицыной свиты скоро пожалѣли о своемъ упорствѣ и недовѣріи къ царскому слову, узнавъ, что староста Сохачевскій, Тарло, рѣшившійся послѣдовать за приставами, получилъ уже 200 московскихъ рублей или, по польскому счету, 666 злотыхъ 20 грошей! Неудивительно поэтому, что тяжелыя ворота посольскаго двора отворялись только послѣ опроса изнутри польскаго караула: „кто такой?"

Когда усатая рожа въ сѣрой чемаркѣ и съ заряженной винтовкой убѣдилась, черезъ щель въ воротахъ, что „пшіехалъ панъ подкоморій", какъ поляки величали Дворжицкаго, половинка воротъ распахнулась, впустила на дворъ пріѣхавшаго и снова захлопнулась. Четыре хлопа, опоясанные саблями, спѣшно заложили толстый засовъ въ желѣзныя скобы, вбитыя въ огромныя дубовыя вереи. Дворжицкій бросилъ своего взмыленнаго и не менѣе его голоднаго коня подбѣжавшему гайдуку и пошелъ къ „рундуку" посольской избы.

Обширный дворъ, еще недавно весело зеленѣвшій молодой травкой, всегда чисто выметенный, съ дорожками, усыпанными желтымъ пескомъ, теперь занавоженный, напоминалъ тѣсный кавалерійскій бивакъ. Онъ кишѣлъ людьми, заставленъ былъ рядами засѣдланныхъ

разномастныхъ лошадей головами къ досчатымъ заборамъ. За ихъ хвостами, высокими кучами навалено было сѣно, разсыпанъ овесъ; щегольскія панскія нейтычаны съ поднятыми дышлами, жолнерскія ротныя повозки съ ихъ скарбомъ, неуклюжія маркитантскія фуры съ холщевымъ верхомъ и пустыми боченками; тутъ же валялись больные, раненые, мертвецки пьяные.

„Пане маршалокъ двору", Цвирка, низенькій, но зато ужасно пузатый, съ огромной стриженой головой и малиновой, какъ мѣсяцъ круглой, усатой рожей, съ большими на выкатѣ глазищами, въ „жултомъ" кунтушѣ, важно переваливался на своихъ кривыхъ ногахъ пузомъ впередъ. По своему обычаю, пане маршалокъ двору былъ „южъ", то есть „добже укoнтентованный". Среди шляхты онъ казался кормнымъ индюкомъ среди тощей птицы. Убогая, кургузая одежда чиншовой шляхты, съ преобладаніемъ овчины, нанки или грубаго домашняго сѣраго сукна, составляла рѣзкій и даже смѣшной контрастъ съ ея самонадѣяннымъ, задорнымъ и дерзкимъ обращеніемъ другъ съ другомъ. Кто похмѣльнѣе, тѣ, конечно, были и позадорнѣе: лихо подбоченясь, крутили „длугій вонсъ", звенѣли шпорами своихъ длинныхъ сапоговъ, вонявшихъ дегтемъ, подымали чистосердечную ругань въ отборныхъ польскихъ выраженіяхъ. На эту пеструю, задорную, хмѣльную толпу жирный и смѣшной карапузъ маршалокъ двору гнѣвно таращилъ свои рачьи на выкатѣ глазища, спозаранка „налитые", и неодобрительно покачивая огромной, ежомъ остриженой головой, онъ то вскрикивалъ хриплымъ басомъ, то чуть не по-дѣтски пищалъ: — Цыцъ, лайдакъ!.. Але-жъ то глупство, панове! Идзь соби, муй пане Жмурко! бо заразъ тебѣ скренцимо, далибукъ! Идзь соби, — теразъ бендешь битый!

Куда ни оглянется Дворжицкій—тѣснота. Какъ слѣдуетъ въ осадѣ, сидятъ вельможные королевскіе послы съ своей свитой. Вонъ, за высокимъ заборомъ двора на улицѣ, блестятъ копья конныхъ стрѣльцовъ, дозоромъ разъѣзжающихъ вокругъ посольскаго двора. Какая скука! Дворжицкій невольно со вздохомъ вспомнилъ свою веселую жизнь въ Краковѣ: Старе място, Свентоянскую фару, ядальни „подъ Еленемъ", цукерню подъ Бялымъ Орлемъ, гдѣ цукерка, пани Рузя, вкуснѣе миндальныхъ пирожковъ. Онъ не безъ труда пробрался сквозь безпокойную толпу туда, откуда слышались меланхолическіе звуки мандолины, сопровождаемые мужскимъ голосомъ. Взрывъ общаго восторга слушателей повидимому былъ заслуженной наградой пѣвцу.

— Итальянскій пѣвецъ, уцѣлѣвшій отъ истребленія! подумалъ Дворжицкій, съ удовольствіемъ присоединяясь къ толпѣ шляхты, окружавшей пѣвца и громко выражавшей свои впечатлѣнія.

— Московски кобеты лѣпе музыки, пане подкоморій! съ лукавою улыбкою замѣтилъ Дворжицкому молодой Ледоховскій, намекая на его страсть къ княжнѣ Марьѣ.

— Нехъ панъ бендзе ласковъ, позволь музыку слухацъ? вѣжливо

сказалъ на это Дворжицкій, нѣсколько смущенный намекомъ товарища.

— Кругъ, панове! цыцъ, лайдакъ! Але-жъ то глупство, муй пане Жмурко! Идзь соби, бо теразъ битый бендешь! Кругъ, панове! музыка!—то грозно хрипѣлъ, то по-дѣтски пищалъ карапузъ маршалокъ двору, тараща рачьи глазища на задорнаго пана Жмурко, съ внушительно приподнятымъ вверхъ короткимъ и толстымъ, какъ обрубокъ, пальцемъ.

Молодые паны и шляхта потѣснились и отступили отъ итальянскаго пѣвца, безпечно поглядывавшаго черными, нѣсколько грустными глазами кругомъ себя. Онъ лѣниво настраивалъ мандолину. Изжелта-смуглое съ рѣзкимъ профилемъ лицо его быстро мѣняло свое выраженіе, отражая то или другое внутреннее движеніе; черные усики и черная, висячая какъ у козла, бородка, кругомъ подбритая, выдавали въ немъ сына теплаго юга; на курчавыхъ, изъ-синя черныхъ, волосахъ красиво держался широкій беретъ зеленаго бархата, плоскій и на шнуркѣ подъ подбородкомъ. Легкія, не лишенныя красоты движенія его рукъ, трогавшихъ струны мандолины, то и дѣло распахивали его коротенькій черный бархатный плащъ, по краямъ обложенный широкимъ посеребреннымъ позументомъ. Тогда видна была коричневая шелковая куртка, или спензеръ съ мелкими и частыми серебряными пуговками на груди и глянцевитый кожаный поясъ съ бронзовой пряжкой напереди и кинжаломъ сбоку; узкія бархатныя черныя панталоны обтягивали его стройныя ноги въ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ на толстой подошвѣ. :Его сухощавая, черномазая фигура выдѣлялась среди свѣтлорусыхъ и рыжихъ, низкостриженыхъ, усатыхъ „сарматскихъ“ лицъ.

— Пѣсню зъ Альцины! требовательно крикнулъ молодой панъ Ледоховскій и за нимъ нѣсколько голосовъ.

Итальянскій пѣвецъ картинно отставилъ ногу, гордо вскинулъ курчавую голову и пріятнымъ теноромъ запѣлъ, аккомпанируя себѣ на мандолинѣ:

„До милосьци! до милосьци!
„Кто въ квитнецей ще млодости
„Зачитъ свита и любосьци“!

То есть: „Пусть любитъ тотъ, кто хочетъ въ цвѣтущей молодости узнать свѣтъ и удовольствія“.

То была пѣсня женщинъ изъ извѣстной тогда итальянской мелодрамы Саралиція—„Избавленіе Ругіера съ острова Альцины“, переведенной Станиславомъ Ягодынскимъ. Затѣмъ итальянецъ пропѣлъ хоръ дѣвъ въ честь Ругіера и Альцины:

„Nieba obrotne,
„Ptaszeczki lotne.
„Picknych Nimf chory,
„W vody i gori,
„Z waszej pomoci
„Niech tu jasniejsze dni beela i nocy,

т. е. „вращающіяся небеса, быстрыя птички, хоры прелестныхъ нимфъ, воды и горы, съ вашею помощью пусть будутъ здѣсь дня и ночи яснѣе".

Восторженные крики, рукоплесканія и звонъ сабель, покрыли послѣднюю ноту модной пѣсни. Итальянскій пѣвецъ съ заученною граціозностью приложилъ правую руку къ сердцу и, блестя своими бѣлками глазъ и зубами, открытыми благодарной усмѣшкой, отвѣтилъ на восторгъ слушателей короткими, почти гордыми поклонами артиста, любимца публики, привыкшаго къ ея благосклонности. По звону сабель и по раскраснѣвшимся усатымъ лицамъ сыновъ Марса пѣвцу было понятно, что многіе изъ этихъ почитателей искусства Орфея не забыли своего болѣе веселаго божка — Бахуса и во славу его совершили должныя возліянія. Затѣмъ, снявъ съ головы свой беретъ, итальянецъ протянулъ его къ восхищеннымъ своимъ слушателямъ съ понятнымъ приглашеніемъ оплатить доставленное имъ удовольствіе. Злоты, гроши, талеры, звонко посыпались со всѣхъ сторонъ въ беретъ пѣвца. Дворжицкій вздохнулъ, бросилъ пѣвцу горсть злотыхъ и пошелъ въ посольскую избу. Онъ не забылъ, что ему надо передать панамъ посламъ краковскія вѣсти и просьбу панны Марины, да и нѣжное пѣніе про сладость любви слишкомъ его растрогало, такъ живо напомнивъ ему его нераздѣленное чувство.

Посольское помѣщеніе состояло изъ нѣсколькихъ большихъ избъ, разбросанныхъ по двору. Изба, куда вошелъ Дворжицкій, служила опочивальней и столовой пана старосты Велижскаго Александра Корвина Гонсѣвскаго, секретаря королевскаго и дворянина, старшаго посла въ посольствѣ его королевскаго величества Сигизмунда III. Здѣсь онъ принималъ московскихъ бояръ; здѣсь онъ акуратно писалъ свой дневникъ, который онъ называлъ „скорбнымъ", здѣсь отписывались донесенія королю и обсуждались, совмѣстно съ паномъ Олесницкимъ, депеши, присылаемыя посольству изъ Кракова; здѣсь велась переписка съ боярской думой, о которой пылкій литвинъ Гонсѣвскій не могъ вспомнить безъ гнѣва и отчаянія. Несмотря на неприглядность ветхой сосновой избы, гордый панъ постарался сообщить ей возможно приличный видъ и нѣкоторое удобство. Стѣны отъ потолка до полу были обиты дорогою темнозеленою тканью съ изображеніями фигуръ и звѣрей; лавки, печь и полы также изчезали подъ яркими, мелко-узорными восточными коврами. Постель пана Александра составляла огромная медвѣжья шкура вверхъ бурою шерстью, отливавшею мѣдно-краснымъ цвѣтомъ; въ изголовьѣ лежала большая желтая сафьянная подушка. Страсть къ „благородной охотѣ" была въ то время весьма распространена въ польскомъ обществѣ. Недаромъ польскіе паны славились какъ „упіусы" за столомъ, безстрастные рыцари въ бою и неутомимые охотники въ лѣсахъ, покрывавшихъ тогдашнюю Польшу и Литву. Уваженіе къ такому свободному и невсегда безопасному препровожденію времени, какъ охота, было настолько въ

нравахъ лучшихъ людей эпохи, что ему нечужды были даже почтенные прелаты, не только ксендзы и прекрасный полъ. Охоту панъ Гонсѣвскій могъ только промѣнять на кровопролитный бой. Прекрасный медвѣжій мѣхъ, былъ, конечно, трофей его охоты. Немудрено, что привыкшій къ дѣятельной жизни, больше на открытомъ воздухѣ, вельможный панъ скучалъ въ своей посольской избѣ, со вздохомъ взглядывая на мѣткую въ его рукахъ винтовку, бездѣйствовавшую на стѣнѣ. Онъ томился въ ожиданіи, чѣмъ кончатся переговоры посольства съ коварными боярами, которымъ теперь онъ рѣшительно не вѣрилъ, понимая, что съ ихъ стороны эта медленность въ отпускѣ пословъ въ Польшу—только выигрышъ времени, нужный Шуйскому въ его видахъ. И какъ было вѣрить боярамъ? Окольничій Михайло Игнатьичъ Татищевъ, лицо близкое къ новому царю, по своему званію равнявшійся достоинству польскаго каштеляна, обнадежилъ пословъ царскимъ именемъ, что они въ воскресенье будутъ „у руки государевой", послѣ чего ихъ отпустятъ въ Польшу; но въ сказанное воскресенье оба посла, бывъ во дворцѣ, не видѣли царя и ихъ не пустили дальше посольской палаты, гдѣ они имѣли переговоры съ думными боярами. И наслушались же отъ нихъ вельможные послы! Упрекамъ, хотя, конечно, въ приличной формѣ, конца не было. Упреки сыпались съ обѣихъ сторонъ. Посламъ ясно было, что бояре обвиняютъ польскаго короля, пановъ, раду и польскій народъ въ содѣйствіи пану воеводѣ Сандомірскому Мнишку; что съ помощью Польши и Мнишка, дѣйствующаго не на свой страхъ, а сообща съ Польшей, назвавшійся именемъ царевича Дмитрія Ивановича, „по навожденію бѣсовскому, Гришка Отрепьевъ, чернецъ, дьяконъ, воръ, за чернокнижество осужденный отцомъ отцовъ Вездесущимъ на достойную казнь", при помощи короля и народа польскаго овладѣлъ Сѣверщиной, а послѣ московскимъ престоломъ; что выставленный Польшей Лжедимитрій убитъ за свое „воровство", подтвержденное, между прочимъ, и матерью истиннаго царевича Димитрія Углицкаго; что чернь, раздраженная жолнерами Сандомірскаго воеводы, простиравшими свою наглость до того, что они отнимали женъ у мужей и насильничали дѣвицъ, перебила ихъ, но безъ вѣдома бояръ. Объясняя „неправду" короля и пановъ—раду его, бояре обвиняли ихъ въ нарушеніи крестнаго цѣлованія и мирнаго постановленія; ибо-де еще съ покойнымъ царемъ Борисомъ круль Жигмонтъ, чрезъ своего посла пана Льва Сапѣгу, канцлера великаго княжества Литовскаго, заключилъ съ Москвою миръ на двадцать лѣтъ и миру сему срокъ-дé не истекъ. Мало того, Михайло Татищевъ, изъ числа думныхъ бояръ самый дерзкій въ словѣ и дѣлѣ, по мнѣнію пословъ, укорительно отзывался о польскихъ порядкахъ, утверждая, „за ваши-де польскія неправды Богъ васъ караетъ междоусобицей домашней и навѣщаетъ вашу землю то ханомъ крымскимъ, то Каролюсомъ свейскимъ; что-дé вы паны

гордые—мятежники и самъ круль вашъ Жигмонтъ пуще всѣхъ боится васъ, своихъ подданныхъ, потому вы вольными панами зоветесь".

Хотя королевскіе послы, по своей обязанности, и возражали противъ подобныхъ обвиненій и, не оставаясь у бояръ въ долгу, сами ихъ обвиняли въ коварствѣ и неправдѣ; тѣмъ не менѣе, въ душѣ, они сознавали справедливость многаго, что выслушали отъ думныхъ бояръ. Одного не могли послы простить боярамъ: того унижавшаго королевское посольство положенія, походившаго на плѣнъ, въ какое они его поставили, не выпуская изъ Москвы. Послы требовали, „чтобъ ихъ, ради пользы обоихъ государствъ, немедленно отпустили въ отечество, для донесенія его королевскому величеству и Рѣчи Посполитой, какимъ образомъ все несчастіе (кровопролитіе) по грѣхамъ мірскимъ случилось". Думные бояре обѣщали слова пановъ пословъ представить царю Василію Ивановичу, отвѣтить посламъ на бумагѣ и съ честію выпроводить ихъ изъ Москвы во свояси; но обѣщанія бояръ остались только обѣщаніями. Письмо написали послы, прося отпускъ домой; нарочно по-русски написали,—отвѣта нѣтъ. Панъ Гонсѣвскій изъ себя выходилъ, тѣмъ болѣе, что сознавалъ безсиліе своего гнѣва. Тутъ онъ, обыкновенно, накидывался на невозмутимаго пана Конюховскаго, помѣщика и второстепеннаго посла.

— Панъ пôсолъ—якъ тѐнъ атенски филозовъ, что чембô мухъ лови, далибукъ! съ раздраженіемъ замѣчалъ обыкновенно дремавшему пану Конюховскому панъ Гонсѣвскій.

Трудно было найти болѣе противоположные характеры, какъ эти два благородные пана. Панъ Конюховскій еще не вышелъ изъ того возраста, въ которомъ мужчина желаетъ нравиться прекрасному полу; но для того, чтобы онъ дѣйствительно могъ нравиться нѣжному полу, природа не надѣлила его соотвѣтствующими внѣшними качествами: при большомъ ростѣ и могучемъ тѣлосложеніи, проказница судьба надѣлила его крошечнымъ, совсѣмъ вдавленнымъ, носомъ, изъ подъ котораго жесткой щеткой торчали огромные рыжіе усы; къ тому же рыжая, какъ огонь, стриженая голова его сидѣла на короткой шеѣ, вовсе не приходившейся къ его широкимъ плечамъ; столь же противорѣчилъ всей его неуклюжей фигурѣ гнусавый голосокъ. Правда, со стороны благороднаго пана принимались всѣ, отъ него зависѣвшія, старанія—щегольствомъ и искусствомъ восполнить въ своей внѣшности недостатки природы. Благодаря косметикамъ, его большой, тщательно выбритый подбородокъ блестѣлъ, словно подъ лакомъ; цвѣтъ усовъ боролся между рыжимъ и каштановымъ; зеленый испанскаго бархата кунтушъ съ серебряными жгутами на груди, сшитый щегольски лучшимъ портнымъ Кракова, переливалъ самымъ живымъ цвѣтомъ, не могшимъ не нравиться самой требовательной красоткѣ; не меньше дорогаго кунтуша претендовали на вниманіе нѣжнаго пола алые бархатные штаны и съ вычурными вырѣзками сапожки изъ лакированной кожи, съ серебряными кисточ-

ками, расшитые красиво бѣлымъ шелкомъ съ мелодически звенѣвшими позолоченными шпорами. Какъ большая часть мужчинъ, обиженныхъ природой, панъ Конюховскій считалъ себя способнымъ вызывать въ женщинахъ самое нѣжное и страстное къ себѣ чувство и гордился этимъ сознаніемъ. Панъ Гонсѣвскій, при всякомъ подходящемъ случаѣ, трунилъ надъ влюбленнымъ въ себя товарищемъ по посольству и не скрывалъ своего къ нему нерасположенія. Панъ Конюховскій, равнодушный ко всему, что не относилось къ его особѣ и любовнымъ похожденіямъ, принималъ самое поверхностное участіе въ дѣлахъ посольства. Уклончивый и безхарактерный, онъ больше поддакивалъ и поддерживалъ чужія мнѣнія, рѣдко высказывая собственное. Вдобавокъ, онъ былъ порядочный трусъ. Благородный панъ Гонсѣвскій могъ назваться типомъ истаго литвина. Его плотная, коренастая, средняго роста фигура, не отучнѣла только благодаря страсти пана къ охотѣ и частымъ походамъ противъ враговъ Польши, отрывавшимъ его отъ покоя и жирныхъ яствъ роднаго дома; его смугловатое, полное лицо съ небольшими черными усами и умными черными глазáми, его черноволосая, еще не посѣдѣвшая голова—производили впечатлѣніе вполнѣ въ его пользу. Смѣлый, быстрый взглядъ, быстрыя движеніе, твердая походка, рѣчь короткая, но выразительная, громкій, искреній смѣхъ—все это, съ перваго на него взгляда, обнаруживало въ немъ стараго воина, воспитаннаго бивачною жизнью, полною лишеній и боевыхъ опасностей, и прямодушіемъ военнаго общества. Онъ славился своимъ гостепріимствомъ и „старымъ" литовскимъ хлѣбосольствомъ столько же, сколько отвагою, доходившею часто до безразсудства. Хорошо знали его московскіе воеводы и крымскіе огланы. Но и въ интригѣ онъ былъ искусенъ; и это качество послужило основаніемъ, почему король назначилъ его своимъ посломъ въ Москву. Правду сказать, онъ былъ душою этого посольства. На него всего болѣе разсчитывали въ Краковѣ. Панъ Николай Олесницкій изъ Олемицы, каштелянъ Малогосскій, ученый аріанинъ, слишкомъ ужь былъ преданъ философіи вообще и философіи богословія въ особенности, чтобы принимать дѣятельное участіе въ достиженіи тѣхъ цѣлей, которыя были указаны посольству въ Краковѣ. Если, благодаря своему замѣчательному краснорѣчію, панъ Олесницкій былъ языкомъ посольства, отъ имени его говоря въ торжественные пріемы привѣтствія царю, то головою посольства оставался все-таки Гонсѣвскій. Олесницкій ограничивался больше ролью оратора и, возвращаясь изъ кремлевскаго дворца къ себѣ въ посольскую избу, предавался любимому занятію: чтенію книгъ и составленію трактатовъ о вавилонской блудницѣ, какъ онъ называлъ римскую церковь. И въ это утро, уединясь въ сторонкѣ, почтенный панъ углубился въ чтеніе толстой книги, которую терпѣть не могъ панъ Гонсѣвскій. Онъ косился на ненавистную ему книгу, отрывавшую отъ него единственнаго умнаго собесѣдника, оставленнаго ему судьбой и, зѣвая со скуки,

обращалъ взглядъ на милые ему предметы, напоминавшіе ему болѣе веселое время. Надъ постелью его висѣла дамасская кривая сабля, собственноручно отбитая имъ у турецкаго паши; пара пистолетовъ, охотничій рогъ, сумка съ пороховницей и дробницей, и дорогая по тому времени длинная нѣмецкая винтовка. Какъ ему надоѣлъ этотъ большой столъ въ углу, подъ краснымъ сукномъ, на которомъ стояло католическое распятіе и въ порядкѣ были разложены латинскій молитвенникъ и принадлежности письма. Пуританскій видъ пана Олесницкаго возбуждалъ въ немъ досаду, въ порывѣ которой панъ Гонсѣвскій былъ непрочь наговорить пану Николаю всякихъ непріятностей. Но онъ помнилъ, что панъ Николай—не панъ Конюховскій, что мнѣніе пана Николая уважается королемъ и сенатомъ, и что въ наукѣ онъ, панъ Александръ, годится въ ученики къ нему, пану Николаю.

Панъ Гонсѣвскій любилъ вкусно покушать и „знатно" выпить, а потому ему оставалось только почаще садиться за столъ и подольше изъ-за него не вставать, что̀ онъ и дѣлалъ. Спасибо, новый царь не забывалъ ежедневно присылать посламъ запасы всякой провизіи и вина. И нынче утромъ посольскіе пристава—князь Григорій Петровичъ Волконскій, да Андрей дьякъ, по обыкновенію, передавъ панамъ посламъ вопросъ о ихъ „здравіи" и милостивое царское слово, сдали имъ „кормы," щедро отпущенные изъ царскихъ кладовыхъ: „кусъ", т. е. мясо, „баранью тушку, пару гусей и кухонные кормы всякіе; вина три боченка, да сулею аликантскаго". При этомъ князь Григорій замѣтилъ посламъ, они-де, посольскіе пристава, должность свою завтра сдаютъ новымъ приставамъ: князю Ивану Михайловичу Барятинскому и дьяку Дорофею Брохнѣ; царь-де назначилъ ихъ, князь Григорья съ дьякомъ Андреемъ, править свою царскую службу— послами къ ихнему крулю Казиміру велѣлъ ѣхать немѣшкотно.

— Когда же вы насъ, королевскихъ пословъ, изъ неволи выпустите? раздражительно воскликнулъ панъ Гонсѣвскій.

Князь Григорій только многозначительно усмѣхнулся себѣ въ густую темную бороду, имѣвшую видъ четырехугольной лопаты, а потому давшей князю прозвище „Лопаты", и замѣтилъ съ осторожностью человѣка, расположеннаго къ посламъ, но отвѣтственнаго передъ царемъ, волю котораго исполняетъ:

— Поживете, должно, у насъ, вольные паны.

— Нехъ ихъ вшисци дзябли везьмонъ! запальчиво воскликнулъ панъ Гонсѣвскій, ударивъ кулакомъ по столу такъ, что зазвенѣли стоявшіе на немъ бутылки и стаканы;—свинство! не отвѣтить даже на письмо королевскихъ пословъ! Дорого заплатите вы, москали, Польшѣ за такое безчестье королевскихъ пословъ! Какъ одинъ человѣкъ встанетъ посполитое рушенье, кровь прольется и запылаютъ города отъ вашего рубежа до самой вашей столицы! Мы за себя умѣемъ мстить!

Панъ староста Велижскій въ сильномъ волненіи всталъ съ своей скамьи и, дрожа отъ гнѣва, быстрыми шагами прошелся по избѣ, бросая на смущеннаго, ни въ чемъ неповиннаго князя Волконскаго угрожающіе и вызывающіе взгляды. Онъ былъ горячъ и нетерпѣливъ, особенно смолоду. Бурно и весело прошла его молодость. Онъ, бывало, поддерживалъ внутреннія смуты, составлялъ „рокоши" противъ своего короля и даже противъ законовъ своей страны, только потому, что скучалъ бездѣйствіемъ во времена затишья въ королевствѣ, что, впрочемъ, рѣдко случалось; то ополчался за короля и шелъ на „рокошанъ". Татарскія степи онъ зналъ не хуже своихъ литовскихъ лѣсовъ. „Перебѣсясь" въ полномъ смыслѣ этого слова, панъ Гонсѣвскій теперь, за пятьдесятъ лѣтъ, вспыхивалъ по-прежнему; но онъ уже выработалъ себѣ характеръ, прочно опредѣлившійся, онъ уже себя вполнѣ зналъ, а потому его могли вполнѣ знать и другіе; онъ могъ на себя надѣяться, а потому могли на него надѣяться и другіе. Король и паны-рада, куда бы его ни посылали, были увѣрены, что и невозможное онъ сдѣлаетъ возможнымъ по своей настойчивости. Важность настоящаго порученія обусловливалась затруднительными обстоятельствами, въ какихъ очутилось московское государство, столь близкое Польшѣ во многихъ отношеніяхъ. Польша не забыла тѣхъ земельныхъ весьма значительныхъ уступокъ своихъ Россіи, которыя она была вынуждена сдѣлать, начиная еще съ собирателя русской земли Ивана Васильевича III, и—понятно—разсчитывала теперь возвратить себѣ то, что не переставала считать отнятымъ у себя Москвой.

Молодой Дворжицкій засталъ пана Гонсѣвскаго, вмѣстѣ съ послами и панами, нашедшими у пословъ убѣжище, за столомъ за завтракомъ. Сбросивъ съ плечъ кунтушъ и оставаясь въ бѣлой ткацкой сорочкѣ и синихъ штанахъ, забранныхъ въ голенища сапогъ съ огромными шпорами, онъ предавался важному дѣлу насыщенія съ удовольствіемъ, живо выражавшемся на его лицѣ. Наклонясь надъ посеребреною тарелкою, онъ уписывалъ „штуку менса", мастерски изготовленнаго его панскимъ кухаремъ. Вкусный запахъ горячаго мяса, изготовленнаго въ закрытой кострюлѣ съ пряностями, между прочимъ съ чеснокомъ и перцемъ, плававшими въ густомъ соусѣ на пивѣ, распространялся по избѣ и невольно возбуждалъ аппетитъ очень проголодавшагося Дворжицкаго.

— Садись, панъ, берись за ножъ и вилку; аппетитъ, надѣюсь, ты съ собой принесъ! съ солдатскою простотою, отличавшею Гонсѣвскаго въ его обращеніи съ молодежью, сказалъ онъ своему подчиненному дворянину на его „Добры день, панове!" Онъ даже не взглянулъ на Дворжицкаго, не отрываясь отъ своего любимаго кушанья.— Знаю, любовью сытъ не будешь; а въ твои лѣта, панъ Пржемиславъ, любовь, какъ она ни сильна, все же не одолѣетъ голода. Ну-ка, коллега, пособи намъ покончить съ мясомъ; чудесно притомилъ его нынче Дорошъ: пальцы оближешь!

Дворжицкій не заставилъ пана посла повторить свое приглашеніе и присѣлъ между потѣснившимися для него панами. Послѣ невольнаго поста, выдержаннаго имъ эту ночь и это утро, послѣ такого продолжительнаго напряженія его молодыхъ силъ, онъ за завтракомъ оказался достойнымъ сотрудникомъ вельможнаго посла.

— Вижу, панъ Пржемиславъ, что тамъ, гдѣ ты пропадалъ все это время, тебя плохо кормили! весело замѣтилъ Гонсѣвскій, не только любившій ѣсть, но требовавшій, чтобы у него ѣли.

Послѣ завтрака, Дворжицкій обстоятельно передалъ посламъ подробности своего посѣщенія панны Марины и ея отца и вѣсти, только что полученныя ими изъ Кракова. Панъ Гонсѣвскій слушалъ хмурясь, покручивая кончики своихъ маленькихъ красивыхъ усовъ и упорно глядя въ полъ, что̀ у него означало досаду. Потомъ проворно надѣлъ свой кунтушъ и быстрыми шагами, звеня шпорами, прошелся по избѣ. Видно было, что онъ силится сдержать свое негодованіе и что это ему трудно. Его подвижное лицо и черные глаза, глубоко проникавшіе человѣка, на котораго онъ глядѣлъ, выражали нескрываемое презрѣніе.

— Далибукъ! Эти Мнишки вотъ гдѣ у меня сидятъ! горячо сказалъ онъ, на ходу обращаясь къ строго глядѣвшему на него пану Олесницкому.—Кто такой этотъ Мнишекъ? Отецъ бѣжалъ изъ Чехіи въ Польшу съ нищенской сумкой за плечами, а сынъ — панъ Юрій Мнишекъ, воевода Сандомірскій, староста Самборскій, коронный крайчій, начальникъ королевской стражи и любимецъ послѣдняго Ягеллона!

— Этого мало, разсудительно замѣтилъ панъ Олесницкій. — Послѣдній Ягеллонъ, въ сущности, не Сигизмундъ, а панъ Юрій Мнишекъ.

— Vivat! со смѣхомъ единодушно подтвердили прочіе паны.

— Мнишекъ казнокрадъ и на королевскіе милліоны злотыхъ вздумалъ купить себѣ зятя-бродягу и посадить дочь, Маринку, на московскій престолъ! съ прежнимъ раздраженіемъ продолжалъ Гонсѣвскій. — А изъ-за нихъ, дзябли ихъ везьмонъ, мы тутъ въ плѣну сидимъ, послы!

— То вѣдомо: два милліона злотыхъ покойнаго короля прикарманилъ панъ Мнишекъ, снова съ своимъ неизмѣннымъ спокойствіемъ замѣтилъ панъ Олесницкій.—Такъ его, „бѣдачка“, обобралъ, что его королевское тѣло одѣть не во что было. Не только казной покойнаго короля распоряжался панъ Мнишекъ, но и его королевскими амурами: панъ Мнишекъ, въ женскомъ платьѣ, досталъ изъ бернардинскаго кляштора панну Гижанку; съ ея-то помощью и обдѣлывалъ свои подлыя дѣла...

— Стыдно коронному маршалу Фирлею, да пану Тарло: они его отстояли на варшавскомъ сеймѣ, когда мы пана Юрія къ отвѣту потянули,—вмѣшался въ разговоръ, влюбленный въ свою собственную особу, панъ Конюховскій.

— Если бы въ это время я не представлялъ своимъ лицомъ особу моего наияснѣйшаго короля и, прибавлю, друга, Сигизмунда,—я показалъ бы этому искателю приключеній, какъ ссорить между собою два сосѣдніе, въ мирѣ жившіе, народа! снова кипятясь продолжалъ панъ Гонсѣвскій.—Краковскія вѣсти Мнишка мы знаемъ раньше его. Новость для насъ одна, и немаловажная: будто бы зять его, самозванецъ, живъ, а не убитъ, какъ это досконально всѣмъ намъ извѣстно. Стало быть, панъ Юрій уже выдумываетъ новаго зятя-самозванца, котораго попытается вновь посадить на московское государство. Хитро! Но панъ воевода играетъ въ опасную игру. Ужъ если сажать намъ кого на московское государство—такъ не бродягу. Довольно и одного. Мы посадимъ на московское государство нашего королевича Владислава, межъ нами, панове, будь сказано. Вотъ этой вѣсти, увѣренъ, Мнишекъ изъ Кракова не получилъ. Старый дурень понять не хочетъ, что король и Рѣчь Посполитая имѣютъ теперь свои виды на нынѣшнія московскія замѣшательства,—закончилъ Гонсѣвскій, обращаясь къ Дворжицкому и какъ бы отвѣчая ему на его сообщеніе, сдѣланное имъ по просьбѣ Мнишковъ:—Польша должна заботиться объ интересахъ своей короны, нисколько не заботясь, идетъ ли московская корона къ хорошенькой головкѣ панны Марины. Поляки были всегда рыцарями, но не сказочными, и за призраки не сражались. Мнишки просто съ ума спятили! Но что это? Если мои старыя уши, привыкшія больше къ свисту пули и вою вѣтра, чѣмъ къ музыкѣ, не ошибаются,—у насъ на дворѣ пѣвецъ. Я слышу звукъ мандолины.

— Да, итальянскій пѣвецъ зашелъ на дворъ и наши въ восторгѣ отъ его пѣнія, панъ вельможный посолъ,—объяснилъ Дворжицкій пану Гонсѣвскому, съ недоумѣніемъ глядѣвшему въ окно на толпу шляхты и хлоповъ, стѣснившуюся кругомъ пѣвца.

— Вотъ неудачный выборъ времени и мѣста для проявленія такого благороднаго искусства, замѣтилъ, ни къ кому не обращаясь, панъ Гонсѣвскій.—Впрочемъ, добавилъ онъ, подумавъ и взглянувъ на строгое лицо пана Олесницкаго, — мы здѣсь такъ скучаемъ, что маленькое развлеченіе и удовольствіе, которое можетъ намъ доставить этотъ пѣвецъ, думаю, не будетъ лишнимъ?.. Панъ Пржемиславъ, приведи его сюда...

XI.

„Грамота ему въ наукъ пошла,
Посадила его—(мать), перомъ писать,—
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала она пѣть учиться,—
Пѣнье Василью въ наукъ пошло".
(Василій Буслаевичъ, пѣсня).

Въ приходѣ „Николы Дербенскаго" (дербь, дебрь, т. е. лѣсная глушь) хоромы боярина, князя Шаховскаго, съ наглухо закрытыми ставнями, мрачно темнѣлись, со всѣхъ сторонъ окруженныя огромными плакучими березами, свѣшивавшими свои густолиственныя вѣтви на высокую тесовую крышу. Боярская усадьба „сидѣла" въ густомъ, далеко во всѣ стороны расходившемся лѣсу, въ той самой дебри, что сообщила свое названіе этой глухой тогда части Москвы. „Дворы" здѣсь были разбросаны рѣдко, и если бы не грустный звонъ колокола на деревянной колокольнѣ „у Николы", свидѣтельствовавшій, что церковный сторожъ не спитъ, запоздалый прохожій, незнакомый съ этими мѣстами, могъ легко подумать, что онъ заблудился и очутился гдѣ-то въ лѣсной трущобѣ, далеко отъ Москвы. Отдаленные звуки колоколовъ „сорока сороковъ" московскихъ церквей и монастырей, смягченные пространствомъ, медленно, съ какою-то торжественною печалью плыли съ разныхъ сторонъ, ближе и дальше, въ тихомъ тепломъ воздухѣ чудесной майской ночи, темнота которой, слегка озаряемая хороводами ярко горѣвшихъ въ небѣ звѣздъ, сообщала таинственность этимъ ближнимъ и дальнимъ звукамъ. Давно уже боярская челядь разошлась кто куда, на свой обычный ночлегъ, послѣ ужина съ хмѣльной брагой. Изрѣдка у боярскихъ кладовыхъ, заднею стѣною выходившихъ на узкую, извилистую улицу, глухо завывала чугунная доска подъ палкой дремавшаго и громко позѣвывавшаго ночнаго сторожа, да изъ отворенныхъ ради прохлады дверей длинной боярской конюшни слышалось конское ржаніе и глухой шумъ отъ множества лошадей, жевавшихъ овесъ. Боярская усадьба спала.

Но въ хоромахъ, въ угловой опочивальнѣ, освѣщенной восковой свѣчей въ мѣдномъ поставцѣ, бояринъ князь Григорій не думалъ еще ложиться. Придвинувъ къ себѣ свѣчу, онъ внимательно разбиралъ письмо у стола, досадуя про себя, что плохо сталъ видѣть. По волненію, овладѣвавшему имъ по мѣрѣ знакомства его съ содержаніемъ письма, была понятна вся важность для него этого посланія.

Окончивъ чтеніе и бережно спрятавъ письмо въ карманъ суконнаго кафтана, сшитаго, скорѣе, на подобіе польскаго кунтуша, и по-польски спереди „помереженнаго", т. е. со шнурами шелковыми, въ родѣ петель, и съ шелковыми кистями по груди, князь Шаховской не на шутку задумался. Нѣсколько минутъ онъ неподвижно глядѣлъ въ уголъ свѣтлицы на большой образъ Спасителя въ сереб-

ряной ризѣ, отражавшей на себѣ блескъ свѣчи, но не видѣлъ его. Потомъ безпокойное выраженіе его лица и нетерпѣливое движеніе плечъ обнаружили сомнѣніе и боязнь, охватившія его душу. Онъ видимо колебался принять рѣшеніе, на которое вызывало его письмо.

Князь Григорій Петровичъ Шаховской былъ изъ числа бояръ, не участвовавшихъ въ заговорѣ, окончившемся воцареніемъ Василія Ивановича Шуйскаго. Напротивъ, онъ, какъ тогда говорили, „тянулъ по разстригѣ". Вмѣстѣ съ старикомъ Бѣльскимъ, Рубцомъ-Масальскимъ и Салтыковымъ, онъ стоялъ во главѣ боярской партіи, расположенной къ тому новому распорядку, что внесъ въ Москву назвавшійся царемъ Дмитріемъ. Въ ту грозную минуту, когда среди смятенія и свалки, при набатѣ колоколовъ, боярскій сынъ Григорій Валуевъ, выстрѣломъ поразилъ Лжедмитрія, крикнувъ: „Вотъ я благословлю польскаго свистуна!" — разрѣшилось колебаніе возставшей толпы. Народъ вымѣстилъ свое озлобленіе на убитомъ еретикѣ, „прельстившемъ его своимъ латинскимъ вѣдовствомъ и смутившемъ русское царство" и издѣваясь надъ голымъ трупомъ „безвременнаго царька", потащилъ его на веревкѣ, вмѣстѣ съ голымъ же трупомъ его любимца Басманова, на площадь. Убѣдясь, къ своему огорченію, что съ Лжедмитріемъ покончено, Шаховской не принималъ участія въ усиліяхъ Шуйскаго и его сторонниковъ бояръ,—спасти царскія сокровища, скопленныя въ царскихъ чертогахъ вѣками и поколѣніями московскихъ государей, Рюриковичей. Мятежъ, погубившій Лжедмитрія—какъ зналъ это Шаховской,—былъ дѣломъ Шуйскаго съ Голицынымъ, и этого одного уже достаточно было для того, чтобы онъ въ немъ не участвовалъ. Но Шаховской съумѣлъ воспользоваться безпорядкомъ во дворцѣ, который бояре съ великимъ трудомъ и даже съ опасностью жизни отстояли отъ ломившейся для грабежа черни. Онъ „прикарманилъ" царскую печать и успѣлъ перемолвиться съ своимъ „подлокотникомъ", дворяниномъ Мишкой Молчановымъ, тѣмъ самымъ, который вмѣстѣ съ другими убилъ несчастнаго юношу, ни въ чемъ неповиннаго сына Бориса Годунова, Ѳедора.

— Намъ съ тобою, князюшка, должнò, здѣсь дѣлать теперь нечего, многозначительно кивнувъ на распоряжавшагося Шуйскаго, шепнулъ Шаховскому Молчановъ.—Видишь?

— Вижу, Миша.

— А видѣлъ, кого на веревкѣ голаго потащили?

— Видѣлъ. Дѣло наше дрянь, Миша.

— А дѣло наше дрянь—поправлять его надо, князюшка. Вася Шуйскій, гляди, недаромъ на насъ съ тобой косится. Знаю его, голубчика красноглазаго; припомнитъ онъ намъ съ тобою, Григорій Петровичъ, и Годуновскую семью, и ласку къ намъ самозванца. Бѣжать надо, пока время. Прощай, князюшка!

— Куда жъ ты, Миша?

— Далече, князь, на литовскій рубежъ. Мы о себѣ скоро вѣсточку

матушкѣ Москвѣ бѣлокаменной подадимъ. Украинская вольница — наша. Украинскій вѣтеръ вѣдь съ одной все стороны дуетъ. Авось опять намъ самозванца надуетъ. Попутный вѣдь самозванцамъ тотъ украйный вѣтеръ—прямо съ рубежа на Москву ихъ гонитъ. Ты не хмурься, князюшка. Пойми: царь Дмитрій здѣсь на Москвѣ убитъ, а на украйнахъ онъ живъ!

— Кого жъ ты, отвага, на мѣсто убитаго Дмитрія выставишь? изумленный, но въ то же время несказанно обрадованный такимъ смѣлымъ и успѣхъ обѣщающимъ оборотомъ дѣла, заговорилъ Шаховской, оглядываясь, впрочемъ, боязливо, чтобъ ихъ не подслушали.

— Кого? Мишка Молчановъ разсмѣялся и, чтобы не захохотать и не обратить на себя вниманія, схватился грязною рукой за свой алый съ постояннаго хмѣля носъ.—Себя, князюшка! Чѣмъ я не царь?

Шаховской только смогъ отступить отъ дерзкаго, худороднаго, малопомѣстнаго дворянина на шагъ и смѣрить строгимъ, недовольнымъ взглядомъ невзрачную фигуру его, въ отрепанномъ стареньномъ кафтанишкѣ сѣрой нанки и въ сбитыхъ, дырявыхъ сапожонкахъ. Не только насмѣшку, но и порицаніе своей дерзкой выходкѣ понялъ Молчановъ въ остановившемся на немъ взглядѣ князя, взглядѣ какъ бы стальномъ, холодномъ, безпощадномъ. Мишка Молчановъ пуще разсмѣялся.

— Вишь-во! и не любъ я тебѣ, князь Григорій, и на смѣшки меня поднялъ, и чортомъ глядишь на меня, какъ бы я словно съума своего спятилъ,—только заикнулся, что-де на царство руссійское, великое, возсѣсть желаніе имѣю. Чѣмъ же, скажи, тотъ-то бродяга лучше меня, у кого мы съ тобою, князь прегордый, руку цѣловали? Я, по крайности, свой-таки, русакъ буду, и православія своего на латыню не промѣнялъ... Испужался ажно ты, князь прегордый; а еще своимъ милостивцемъ я тебя почитаю! Ну, не хмурься: шутку одну сшутилъ. Весельчакъ Михайло, самъ знаешь: красиобай! а за дѣло возмется—не вырвется изъ Михайлиныхъ рукъ никакое дѣло, и это долженъ ты знать, распрегордый князь! Себя, слышь, стану выдавать царемъ Дмитріемъ, чудесно спасшимся въ Москвѣ; такую молву пущу, бѣжавши къ Литвѣ, путемъ дорогою, въ селахъ и градахъ, и весяхъ, и на переправахъ, и на торжищахъ, и при стеченіи народномъ. Молъ, на Москвѣ подставнаго крамольные бояре убили поляка, а меня, истиннаго сына Грознаго Ивана, прирожденнаго русскаго царя Дмитрія, сохранилъ Господь Богъ, его святые угодники, да вѣрность слугъ, отъ лютой смерти, боярской крамолой мнѣ уготованной... А прибѣжавъ на Литву, къ вольнымъ панамъ, заразъ самозванца купимъ. Вы только тутъ, именитые люди, на Москвѣ слухъ такой пущайте, народушко въ смущеніи держите, да казну намъ на Литву шлите не скупо; а то, слышь, Михайла на чистоту обдѣлаетъ дѣло. Не радуйся, Васька Шуйскій, не зарься на царскій столъ! Такъ ли сказываю, князь? Коли не такъ, не по твоему, скажи. Что молчишь? Молчать не время!

— Такъ, чуть слышно подвердилъ Шаховской, хитрый, изворотливый умъ котораго успѣлъ уже сообразить, что̀ ему дѣлать.

— Ну, а какъ тронемся мы съ самозванцемъ съ Литвы на Русь, вы въ ту пору не выдайте насъ, други-пріятели. Поможешь намъ, князь,—первымъ по царѣ будешь. Утремъ Васькѣ носъ. Прощай, князь!

Мишка Молчановъ торопливо юркнулъ въ толпу.

— Панъ Хвалибогъ! проходя дворцовыми сѣнями, чтобы ѣхать домой, обратился Шаховской къ любимому слугѣ убитаго царя, польскому шляхтичу, горько плакавшему.—Убили твоего господаря?

— Ни-ни, брунь Боже, ласковый пане княже! быстро отирая глаза рукавомъ своего кунтуша, возразилъ слуга съ убѣжденіемъ, невольно удивившимъ князя:—я своими собственными очами видѣлъ убитаго, выдаваемаго за моего наияснѣйшаго господаря и царя. Мой панъ Дмитрій есть изъ себя худый; на вискахъ кудрявый, якъ у студіозуса кудри маленьки; на грудкѣ ни еднего влоса. А убитый бардзо тлустый чловѣкъ, лобъ бритый, космата грудь; самъ видѣлъ, ласковый княже! то не мой господарь, далибукъ.

— О чемъ же плачешь ты? не утерпѣлъ спросить пытливый князь, вовсе не изъ пустаго любопытства или участія къ печали слуги бывшаго царя, а ради тѣхъ цѣлей, которыми онъ задался послѣ разговора съ Молчановымъ.

— О, мой ласковый пане! снова зарыдавъ съ непритворнымъ отчаяніемъ, заговорилъ слуга.—Весь мой майонтекъ, вшиска рухоба, гардеробъ—пограбили пшекленты москали! А нимамъ еднего гроша! бѣдачка естемъ, пане!

Шаховской молча вышелъ изъ сѣней и не безъ труда пробрался сквозь густую, бушевавшую по всей Кремлевской площади, толпу къ своему верховому коню и своимъ вершникамъ и поѣхалъ домой.

Проѣзжая „гостинымъ дворомъ", длиннымъ рядомъ довольно безобразно выстроенныхъ лавокъ на Красной площади, гдѣ валялся голый трупъ Лжедимитрія, Шаховской прислушался къ громкому спору, происходившему въ толпѣ купцовъ и сидѣльцевъ.

— Врете вы, малоумные! возвысилъ свой голосъ старикъ купецъ почтеннаго вида, съ большой сѣдой бородой и очками на носу, сидя у своей лавки съ толстою церковною книгою па колѣняхъ.—Боярскимъ злоухищреніемъ убитъ не полякъ, а истинный сынъ Ивана Васильевича Грознаго, Дмитрій Ивановичъ, государь; и вы бы тому, глупые, не радовались, а скорбѣли сердцемъ вашимъ; потому—младъ былъ государь, да зѣло ученый, и не еретикъ, а къ Божьему дѣлу усердный и къ государственному строенію прилежный, и церковную печать соблюдалъ, яко же и его предки. Вотъ, глядите, книга, еже „Апостолъ" нарицаема.—Старый купецъ развернулъ послѣсловіе и твердымъ, хотя дрожавшимъ, старымъ голосомъ медленно, чуть не по складамъ, прочелъ: „Повелѣніемъ благочестія поборника и божественныхъ велѣній изрядна ревнителя, благовѣрнаго и христолюбиваго,

исконнаго государя всея Россіи, крестоноснаго царя и великаго князя Дмитрія Ивановича". А вы толкуете: басурманъ-де онъ! продолжалъ убѣжденно старый купецъ, поправивъ свои очки въ мѣдной оправѣ, ущемлявшіе большой носъ. — Дурачье! нешто басурманъ божественную книгу, библію, велитъ печатать? Быть ему басурманомъ, коли они его обасурманили, сердеку! Вотъ тѣ-то бояре, да пьяная голытьба, что своего законнаго государя убили—басурмане!

Теперь Шаховской убѣдился, что дѣло самозванца на Москвѣ, а стало быть и на Руси православной, не погибло; что за именемъ царя Димитрія, подымись только оно, опять встанутъ многія тысячи русскихъ людей.

Послѣ всего сказаннаго, будетъ понятно тревожное раздумье, въ какое впалъ князь Шаховской, прочтя письмо съ литовскаго рубежа отъ Мишки Молчанова, встрѣтившагося съ „нѣкіимъ человѣкомъ, Болотниковымъ". Этотъ Болотниковъ вызвался доставить въ Москву князю письмо и принести отъ него отвѣтъ и деньги. Молчановъ кратко извѣщалъ князя, что царь Дмитрій, спасенный божескимъ изволеніемъ и вѣрностью слугъ, стоитъ на рубежѣ; что съ каждымъ днемъ къ нему стекаются его вѣрные подданные; что вольные паны шумятъ и подымаются къ нему на помощь; что онъ, Михайло, съ согласія царицы Марины и ея родителя воеводы, направляется дальше, въ Самборъ; что князь можетъ положиться на Болотникова и снабдить его деньгами и московскими вѣстями; что Болотниковъ сей „человѣче разума необычнаго и въ иностранныхъ земляхъ обученъ воинской хитрости"; что царь Дмитрій назначаетъ его надъ своими царевыми полками нáбольшимъ воеводой. „И ты бы, князь Григорій,—заканчивалъ свое письмо Молчановъ,—того Болотникова отпустилъ безъ мотчаянія (т. е. безъ медленности); тянулъ бы ты по нашему дѣлу съ московскими именитыми людьми; а сѣверщина, и украйны, и казачина вольная царемъ русскимъ Дмитрія хотятъ, а Ваську Шуйскаго не хотятъ царемъ;—потому, толкуютъ: Шуйскій—боярскій царь, а Дмитрій нашъ царь. И мы съ вольными панами за-одно, да съ сѣверщиной, да съ вольной казачиной, да съ украинскими охочими воинскими людьми совокупясь, пойдемъ заразъ съ Дмитріемъ царемъ добывать его государскую отчину и дѣдину, московское государство; а старателей и доброхотовъ у царя Дмитрія здѣсь, на украйнахъ царевыхъ, и за рубежомъ, довольно обыскалось".

Шаховской вздохнулъ всею своею грудью и этимъ вздохомъ словно порѣшилъ свое колебаніе. Его полное, пріятное лицо, хотя съ неправильными чертами, но съ нѣжнымъ для мужчины румянцемъ, съ голубыми глазами и свѣтлою небольшою бородкою, въ эту минуту выражало радостное чувство человѣка, наконецъ достигшаго того, что ему нужно. Это была улыбка завистливаго, до крайности самолюбиваго и въ себѣ увѣреннаго человѣка, улыбка вообще не могшая нравиться постороннему, безпристрастному наблюдателю. Въ ней

слишкомъ живо говорила злоба и даже месть. Что князь Шаховской не былъ чуждъ подобныхъ чувствъ,—это хорошо знали его сотоварищи по думѣ и всѣ, кто, по родству или по пріязни, имѣли къ нему ближнія или дальнія отношенія. Надмѣнный характеръ князя и его неуживчивость справедливо заслужили ему прозванье „спесиваго". Трудно было найти въ Москвѣ человѣка, равнаго съ нимъ по положенію, съ которымъ бы онъ не поссорился въ своемъ прошедшемъ или настоящемъ. „Кастрика! уколешься"!—обыкновенно замѣчали другъ другу бояре при появленіи „спесиваго князя", и явно избѣгали съ нимъ встрѣчи. Но если Шаховской не ладилъ съ своимъ братомъ, бояриномъ, изъ какого-то упорнаго чванства и самомнѣнія, наталкивавшаго его на выходки противъ людей ему равныхъ, выходки часто дерзкія и ничѣмъ не вызванныя со стороны обиженныхъ имъ,—то, напротивъ, человѣкъ мало-мальски отъ него зависимый, ниже его стоящій на ступени общественной лѣстницы, всякій „худородный", бѣдный, въ родѣ Мишки Молчанова, видѣлъ въ немъ добродушнаго, снисходительнаго „милостивца", благодѣтеля, готоваго всегда помочь ему словомъ и дѣломъ. Само собой, что князь, какъ вообще такіе характеры, былъ неравнодушенъ къ лести, потворству, всяческому передъ собой людскому приниженію. Люди, изучившіе его, имѣвшіе въ немъ надобность, конечно пользовались его слабостями и легко добивались отъ князя, чего хотѣли. Онъ былъ довѣрчивъ именно тамъ, гдѣ не слѣдовало, дѣлалъ часто не то, чего самъ хотѣлъ, и гордо думая, что достигъ своихъ цѣлей, что другихъ заставляетъ служить себѣ и своимъ планамъ, своему возвышенію, хлопоталъ, въ сущности, для другихъ, способствуя другимъ достигать ихъ цѣлей. Шаховскаго, прежде всего, грызло сознаніе, что князья Шуйскій и Голицынъ заслоняютъ его собою и знатностью своихъ старыхъ родовъ, и правительственными способностями. Шуйскій считалъ себя потомкомъ великаго князя Александра Невскаго, стало быть Рюрика; Голицынъ происходилъ изъ знаменитой фамиліи Патрикѣевыхъ. Оба они заправляли дѣломъ низверженія Лжедмитрія; одинъ изъ нихъ „выкрикнутъ" народомъ на русское царство государемъ, и въ этомъ достоинствѣ признанъ боярами. Этого не могъ никакъ забыть Шаховской. Съ минуты избранія въ цари Шуйскаго, онъ его возненавидѣлъ всею ненавистью, къ какой только былъ способенъ. Къ соперничеству тутъ прибавился и разсчетъ: потерявъ въ Лжедмитріи своего „благодѣтеля", онъ въ Шуйскомъ видѣлъ врага, неспособнаго забыть оскорбленія, нанесенныя ему, еще боярину, разновременно Шаховскимъ. Такъ, еще недавно Шуйскій, съ связанными за спиною руками, безъ шапки, поставленный на Лобномъ мѣстѣ, готовъ былъ сложить свою боярскую голову подъ топоромъ палача. Шаховской шепнулъ Лжедмитріеву клеврету, Басманову, яко бы князь Василій распускаетъ въ народѣ молву о самозванствѣ молодаго царя. На соборѣ изъ людей всѣхъ сословій, на судъ коего царь отдалъ вину

князя Василія, Шаховской рѣзче другихъ бояръ высказался противъ князя и первый сказалъ, что „онъ повиненъ смертной казни". Это, разумѣется, зналъ князь Василій. Ставъ государемъ, онъ завтра же могъ возвести Шаховского на Лобное мѣсто, подъ топоръ того же самаго палача. Чувство самосохраненія указывало теперь Шаховскому путь, какимъ онъ долженъ идти. Недаромъ же царь Василій Ивановичъ послалъ его воеводствовать на украйну, въ Путивль-городъ. Тутъ, казалось ему, сама судьба вмѣшивается въ жизнь его, Шаховскаго. Какъ воевода мятежной сѣверщины, Шаховской подыметъ ее за новаго Лжедмитрія и, съ грозной ратью подступивъ къ Москвѣ, сведетъ свои старые и новые счеты съ выскочкой Шуйскимъ;—„ѣшь меня собака, да невѣдомая"! закончилъ вслухъ свои разсужденія самъ съ собою князь Григорій и всталъ: „рѣшено—или панъ, или пропалъ; но мнѣ, князь-Григорью, не мочно быть подъ Василья князя царскою рукою. Не царь онъ мнѣ, не слуга я ему". Шаховской нетерпѣливо надѣлъ шапку и, взявъ въ руку саблю, хотѣлъ выйти въ сѣни. Передъ нимъ, освѣщенная слабо горѣвшею на столѣ свѣчею, въ темнотѣ другой горницы стояла бѣлая женская фигура, которой неожиданное появленіе въ эту минуту невольно заставило князя вздрогнуть и отступить въ какомъ-то безотчетномъ страхѣ. Онъ присѣлъ на скамью и, самъ не помня что̀ дѣлаетъ, бросилъ шапку вмѣстѣ съ саблей на столъ. Прежнее колебаніе, съ которымъ, ему казалось, онъ только что покончилъ, вдругъ овладѣло имъ съ новою силою. Онъ молча ждалъ, пристально вглядываясь въ бѣлую женщину, представлявшуюся въ темнотѣ призракомъ. Сухой, болѣзненный женскій кашель, напрасно сдерживаемый, незамедлилъ обнаружить въ призракѣ живую женщину. Она сдѣлала нѣсколько медленныхъ, неслышныхъ шаговъ и подошла къ столу. Отблескъ восковой свѣчи отразился на ея исхудаломъ, мертвенно-блѣдномъ лицѣ, котораго правильный носъ, большіе, грустные каріе глаза и ласковая улыбка безкровныхъ губъ, свидѣтельствовали о ея былой красотѣ. Густыя пряди темныхъ волосъ въ безпорядкѣ выбивались изъ подъ ночнаго бѣлаго чепчика; ночной бѣлый шушунъ сверхъ длинной бѣлой женской рубашки облегалъ молодое, стройное, но выболѣвшее, совсѣмъ исхудалое женское тѣло. Она, дѣйствительно, имѣла видъ мертвой въ саванѣ, вставшей изъ гроба. Совсѣмъ плоская грудь и учащенное, глубокое дыханье открытаго рта свидѣтельствовали вмѣстѣ съ сухимъ кашлемъ о ея разрушенномъ здоровьѣ. Не было сомнѣнія, что молодая женщина пришла къ мужу, какъ лежала въ постели, обувшись только на босую ногу въ касимовскіе сафьяные башмаки. Ея страдальческій видъ невольно внушалъ жалость, но не мужу. Онъ съ нескрываемою досадою, смѣшанною даже съ нѣкоторымъ чувствомъ отвращенія, косился не нее исподлобья. Его презрительно-сжатыя губы и стальной, холодомъ пронизывающій взглядъ какъ бы спрашивали ее: зачѣмъ она тутъ, незваная, нелюбая? Мѣшать ему?

Казалось, бѣдная молодая женщина поняла смыслъ его взгляда и значеніе того строгаго молчанія, ничего добраго ей не сулившаго, которымъ онъ ее встрѣтилъ. Ея большіе, тепло свѣтившіеся глаза, впавшіе, окруженные темноватыми кругами, признакомъ тяжкой болѣзни, глядѣли на него съ нѣмымъ, но краснорѣчивымъ укоромъ: сердце въ нихъ заговаривало; оно—это любящее женское сердце—говорило ему, любимому мужу, что онъ къ ней несправедливъ, платя холодностью и отвращеніемъ за ея любовь; что она, хотя и незваная, и не любимая—все же ему законная жена, вѣрная ему подруга въ его счастіи и несчастіи; что не мѣшать ему пришла она въ эту минуту, а узнать: что̀ у него на душѣ? Отчего онъ эти дни сумраченъ?

— Князь Григорій! Обратилась она къ нему тихимъ, чуть слышнымъ голосомъ, заглушаемымъ сухимъ, рѣдкимъ кашлемъ. — Прости, пришла я къ тебѣ—спать не могу: страхъ меня одолѣлъ! Все мнѣ, глупой, сдается, недоброе ты дѣло затѣваешь, грѣхъ на душу берешь... Не таись отъ меня, глупой! не мучь меня, горькую, князь! Сказываетъ челядь:—ѣдешь ты?

Молодая женщина должна была скрыть свои, вдругъ заплакавшіе горючими слезами, глаза въ рукавъ бѣлаго полотнянаго шушуна и прислонилась своимъ изболѣвшимъ тѣломъ къ столу, чтобъ не упасть отъ слабости, увеличиваемой волненіемъ.

Даже гордое, холодное сердце князя Григорія не смогло не отвѣтить на этотъ сердечный призывъ больной женщины, требовавшей отъ любимаго мужа довѣрія во имя права любящей жены и въ такую важную минуту его жизни, отъ которой зависѣла его судьба. Отъ нелюбимой жены Шаховской всегда скрывалъ свои шашни; любовь подсказала женскому сердцу важность этой минуты для мужа и опасность задуманнаго имъ дѣла. Шаховской готовъ былъ, по своему обыкновенію, „оборвать дохлую бабу,“ какъ онъ ее называлъ, но почему-то смолчалъ.

— Ѣхать—ѣду, подтвердилъ онъ, какъ могъ спокойнѣе, но съ своею всегдашнею въ сношеніяхъ съ женою грубостью. — Государь Василій Ивановичъ указалъ мнѣ свою государеву службу на Украйну. Въ Путивль-городъ воеводой шлетъ... Завтра чтобъ выѣхалъ.

— Такъ далече! прошептала она, глубоко вздохнувъ и отирая рукавомъ шушуна глаза.

— Государская на то воля, княгиня Апраксія, продолжалъ Шаховской, по своему усмѣхаясь тѣмъ же наружно спокойнымъ, холоднымъ голосомъ, въ которомъ бѣдная женщина, какъ ни обманывала себя, не находила ни искры чувства, способнаго ее радовать. Она пришла къ мужу, заговорила съ мужемъ,—а передъ ней чужой ей человѣкъ, слышитъ она—чужаго ей человѣка; и такъ давно, сейчасъ-же послѣ медоваго мѣсяца; гдѣ-жъ тотъ дорогой ей, родной ея душѣ человѣкъ, котораго она хотѣла видѣть въ своемъ мужѣ? когда

же онъ ее приласкаетъ? И въ эту миниту, какъ всегда, нѣтъ у него для нея ласки! нѣтъ у него слова привѣтнаго, взгляда нѣжнаго для опостылѣвшей ему жены!

Зарыдала бѣдная, покачнулась на слабыхъ ногахъ, крѣпче за столъ схватилась слабою рукою...

— Аль слезы непокупныя? уже теряя свое наружное спокойствіе, заговорилъ Шаховской, голосъ котораго грубѣлъ по мѣрѣ того, какъ досада на неумѣстное появленіе больной жены усиливалась въ немъ при мысли, что она задерживаетъ его попусту отъ ночнаго свиданія съ людьми, ему нужными.—Легла бы ты лучше, княгиня Апраксія, въ постельку, не студила бы себя, раздѣтая ночью... не по твоему то здоровью. Глянь на себя—извелась ни на что не похожа. Покойницу краше въ гробъ кладутъ...

Выслушавъ слова мужа, молодая женщина постаралась скорѣе отереть свои слезы и взглянула на него съ покорностью жены, привыкшей выносить оскорбленія. Глубокое отчаяніе выражалось въ ея большихъ карихъ глазахъ, какъ бы еще увеличившихся въ эту минуту подъ давленіемъ несносного горя. Всю ее забилъ частый, сухой кашель. Она хотѣла говорить и не могла.

— Заперхала, какъ овца отъ пьявокъ! грубо потѣшаясь надъ страданіемъ жены, замѣтилъ Шаховской.

— Князь Григорій! начала, наконецъ, бѣдная женщина, справясь съ своимъ кашлемъ, чуть слышнымъ, упавшимъ голосомъ, въ которомъ теперь звучала рѣшимость высказаться вполнѣ.—Знаю—мужъ любитъ жену здоровую. Немила я тебѣ; то давно сказало мнѣ сердце: на второй уже мѣсяцъ послѣ вѣнца нашего. Да и женился ты на мнѣ, князь, знаю, не по мнѣ, а по достатку моему, по моему награжденью родительскому. Но я тебя,—Богъ видитъ и самъ ты знаешь—любила и любить не переставала...

Опять сильный приступъ частаго кашля помѣшалъ ей говорить. Держась одною рукою за столъ, а другою придерживая надорванную кашлемъ грудь, какъ бы боясь, чтобъ ее не разорвало, — бѣдная женщина явно избѣгала въ эту минуту встрѣчаться съ взглядомъ мужа, въ которомъ, кромѣ насмѣшки, отвращенія къ себѣ, да желанія поскорѣе отъ нея отдѣлаться—ничего не находила.

— Князь Григорій! каковъ ты былъ мнѣ мужъ—Богъ тебѣ судья и добрые люди! продолжала, оправясь отъ кашля, слабымъ голосомъ княгиня.—Не мнѣ тебя упрекать, и не теперь: стою я, грѣшная, одной ногой въ сырой могилѣ. Ѣдешь ты завтра на Украйну, далече; долго-ли, коротко-ли проживешь тамъ, вернешся — меня не застанешь въ живыхъ. Скоро отойду я, грѣшная, туда, гдѣ всѣхъ насъ судить будетъ Отецъ нашъ небесный судомъ своимъ праведнымъ! Пришла я съ тобою проститься, съ милымъ своимъ супругомъ Григоріемъ Петровичемъ, совсѣмъ проститься, на вѣки! Не жилица я на бѣломъ свѣтѣ... Не гляди-жъ ты на меня такъ, супругъ мой, князь Григорій

Петровичъ, не пронзай мнѣ сердца моего холодными очами! Виновата въ чемъ я, глупая, передъ тобою, князь,—прости меня, Христа-ради! но... но, князь, хоть разъ... хоть въ послѣдній разокъ, глянь на меня, свою жену законную, не темной тучей — яснымъ солнышкомъ!

Грубый смѣхъ, больно повернувшій растерзанное женское сердце, былъ отвѣтомъ мужа, отвѣтомъ, достойнымъ характера „спесиваго князя." Бѣдная женщина въ какомъ-то изступленіи сдѣлала шагъ ближе къ жестокому мужу.

— Нѣтъ, нѣтъ! вырвался у нея изъ глубины оскорбленной и изстрадавшейся души страдальческій вопль, на который, видимо, потратился послѣдній остатокъ ея жизненной силы. — Не взойдетъ для меня солнышко!

И, какъ стояла, безъ чувствъ упала къ ногамъ мужа. Шаховской на нее даже не взглянулъ, не только не поднялъ ее. Не заботясь удостовѣриться, жива ли она, или умерла, онъ преспокойно поднялся со скамьи, надѣлъ шапку, взялъ въ руку саблю и вышелъ на дворъ. „Спесиваго князя" не смущало сознаніе своей великой вины передъ этою страдалицей женщиной, оставленной имъ безжизненно-распростертой на полу. Ненасытное честолюбіе, постоянно толкавшее его „въ заводчики" боярскихъ шашенъ и боярскихъ „подыскательствъ", то другъ противъ друга, то противъ царя Бориса, и теперь, противъ царя Василья—очерствило и безъ того не нѣжное его сердце. Молодая княгиня Апраксія въ одиночку коротала свою грустную жизнь, которой теремное однообразіе нарушалось только „надругательствами" князя Григорія, да жестокостью истязаній, какимъ онъ ее подвергалъ собственноручно, часто угрожая ей, пущаго страха ради, „отодрать ее на конюшнѣ конюхами", хотя такой угрозы князь Григорій ни разу не приводилъ въ исполненіе, ужъ изъ одной своей княжеской гордости. Онъ на этой кроткой, любившей его безхитростно, женщинѣ „срывалъ сердце", вымѣщалъ свои неудачи. Ни за что, ни про што, онъ привязывалъ безотвѣтную страдалицу за длинную шелковистую косу къ ножкѣ кровати и лежащую на голомъ полу держалъ ее голодную, холодную, избитую и съ надрывающимся сердцемъ по нѣскольку дней взаперти; безчеловѣчно сѣкъ ее плетью и во гнѣвѣ своемъ княжескомъ просказывался ей, что-де для него, князя Григорья, дворовая сука „Арапка" дороже ему, чѣмъ она, жена его дохлая, княгиня Апраксія. И все-таки она его любила, по своему объясняя себѣ его жестокое съ нею обращеніе. Никогда никто изъ ея кровныхъ родныхъ, не только знакомыхъ, не слыхалъ отъ нея жалобы на мужа, на свою долю горькую. Знала родня и добрые люди, какъ горько житье „сердешной княгини Апраксѣюшки"—только не отъ нея. Шесть лѣтъ пытки, не жизни, сломили ее. Шла она за него молода, хороша, здорова, счастлива, богата; да вѣдь прекрасный цвѣтокъ требуетъ солнца, ухода, и гибнетъ отъ мороза и бури.

Она заскучала, захирѣла. Къ ея счастью, дѣтей у нея не было. Она молилась Богу, сначала, чтобы онъ обратилъ сердце холоднаго къ ней мужа, а потомъ, чтобы Богъ прибралъ ее. Она съ радостью убѣждалась въ томъ, что Богъ услышалъ ея мольбу, посѣтилъ ее, и таяла. Злая чахотка грызла ея молодую, еще недавно пышно подымавшуюся грудь. Не ошиблась двадцатипятилѣтняя княгиня и несчастная жена: она простилась съ злымъ мужемъ навсегда; она упала къ его ногамъ не для того, чтобы встать; не для нея взошло на другой день ясное майское солнышко! но ласки нѣжной, но минутнаго раскаянія за все зло, что онъ ей сдѣлалъ, за ея преждевременную смерть, — она все-таки и передъ своею смертью не добилась отъ суроваго мужа и „строптиваго князя“.

На дворѣ Шаховскаго встрѣтила радостнымъ визгомъ та самая дворная собака „Арапка“, что для него была дороже жены, какъ онъ не разъ ей высказывался, конечно желая терзать ея убитое горемъ сердце. Если бы онъ зналъ, что больше уже нѣтъ въ живыхъ этой несчастной,—быть можетъ, и Арапка дождалась-бы не ласки княжеской, а добраго удара острой сабли...

Провожаемый собакой и пробираясь въ тѣни плакучихъ березъ, съ желаніемъ не встрѣтиться съ ночнымъ сторожемъ, Шаховской миновалъ дворъ и слѣдовалъ тропой, спускавшейся по склону горы въ густомъ лѣсу. Онъ остановился у своей боярской бани, прятавшейся въ чащѣ надъ рѣкой. Свѣтъ, пробивавшійся въ щель ставня, убѣдилъ его, что въ банѣ ждетъ его тотъ, кто доставилъ ему письмо Мишки Молчанова.

— Прождался тебя, князь! встрѣтилъ Шаховскаго сидѣвшій въ предбанникѣ на лавкѣ тотъ самый пѣвецъ, котораго искусство такъ понравилось полякамъ на посольскомъ дворѣ. Его южная, смуглая физіономія и странный для москвичей костюмъ бродячаго артиста— короткій плащъ, обшитый позументами, и узкія панталоны, казалось, не соотвѣтствовалъ бойкой русской рѣчи съ хохлацкимъ выговоромъ, съ какою онъ обратился къ Шаховскому. Мандолина съ широкою голубою тесьмою лежала возлѣ него, повидимому, забытая имъ теперь. Въ боярскомъ предбанникѣ онъ предавался менѣе поэтическому, зато болѣе существенному препровожденію времени: на столѣ передъ нимъ стояла сулея вина и недопитый стаканъ; пѣвецъ запивалъ вкусный пирогъ съ начинкой и жареную утку, отъ которой на глиняномъ блюдѣ остались только кости. Видно, по вкусу бродячаго пѣвца пришлись боярскіе харчи.

— Прочелъ письмо, князь? Какой на него отвѣтъ дашь? нетерпѣливо спросилъ пѣвецъ.

Шаховской, не говоря ни слова, опустился на лавку противъ пѣвца и внимательно взглянулъ ему въ глаза, какъ человѣкъ, привыкшій не торопиться въ важныхъ дѣлахъ.

— Письмо прочелъ, сказалъ онъ, подумавъ и не спуская съ пѣвца

своего стальнаго, холоднаго взгляда.—Но отвѣтъ на него дамъ послѣ того, какъ самъ ты, любезный, отвѣтишь на мои вопросы.

— Спрашивай, князь, готовъ тебѣ отвѣчать все, что знаю, — съ спокойною твердостью сказалъ пѣвецъ, повидимому, не расположенный лгать, и допилъ вино въ своемъ стаканѣ.

— Прежде скажись: кто ты, и почему, будучи итальянцемъ, ты на рѣчахъ хохолъ? Дивно то мнѣ не мало.

Смуглая физіономія пѣвца выразила живое удовольствіе, что ему приходится отвѣчать именно на этотъ вопросъ, который онъ самъ предчувствовалъ; точно, князь долженъ былъ предложить ему этотъ вопросъ, чтобъ выйти изъ сомнѣнія на счетъ его личности; чтобъ знать князю, съ кѣмъ онъ дѣло имѣетъ и можно ли довѣриться столь загадочному, въ глазахъ москвичей, пѣвцу?

— Я такой же итальянецъ, какъ и ты, князь! смѣясь сказалъ пѣвецъ съ искренностью, не вѣрить которой Шаховской не имѣлъ въ эту минуту основанія.—Я хохолъ, родомъ съ сѣверщины и, надѣюсь, языкъ, на которомъ я съ тобою говорю, лучше всего удостовѣряетъ тебя въ томъ, что это правда. Почему я свободно владѣю итальянскимъ языкомъ и умѣю по-итальянски пѣть — на это есть причины, независящія отъ моего происхожденія. Я говорю еще и по-татарски, и по-турецки даже; о польскомъ языкѣ и упоминать нечего, по его сходству съ нашимъ, русскимъ... Дивишься, вижу, моимъ словамъ, князь?

— Нельзя не дивиться, замѣтилъ Шаховской, въ подозрительной головѣ котораго вдругъ возникло сомнѣніе: ужъ не лазутчикъ ли это, подосланный Шуйскимъ на пагубу его, князя Шаховскаго?—Ты или самохвалъ, какъ большая часть твоей братьи, промышляющей скоморошествомъ; или иного ты полета птица!

— Вотъ это вѣрно сказано, князь! Точно: иного полета я птица. Клювъ и когти у меня вострые, коршунячьи; нарочито спряталъ я ихъ въ голубиныхъ перушкахъ... Не голубь я—коршунъ хищный, ты то знай, князь; обманывать тебя ни въ чемъ не стану...

— Стало, ты и не пѣвецъ? съ новымъ изумленіемъ спросилъ Шаховской.

— Повторяю: я хищный коршунъ, нарядился голубемъ, пою соловушкой. Такъ надо. Ну, проявись коршунъ хищный да межъ орловъ? Орлы задерутъ коршуна, даромъ что хищный; а мелкую пташку орелъ не тронетъ. Аль непонятно, князь?

— Вотъ чего не пойму: языки тебѣ эти иновѣрческіе почему дались? или похваляешься?

— Похваляться мнѣ нечѣмъ, князь, а то, можетъ, и похвалился бы съ-дуру! Слушай мой сказъ: чудна моя судьбина, на сказку похожа; но что̀ о себѣ сказывать стану, вѣрь князь, сущая то правда.

— Сказывай—послушаемъ. Авось отъ небылицы быль отличимъ, по простотѣ нашей боярской.

Шаховской, скрестивъ на груди руки, приготовился слушать. На его сжатыхъ губахъ играла улыбка, въ которой недовѣріе мѣшалось съ затаенной угрозой по-своему раздѣлаться съ этимъ „ряженымъ" бродягой, если бы только „спесивый князь" заподозрилъ въ разсказѣ его желаніе „морочить" князя и разсчитывать на его простоту. Свою саблю князь сжалъ между колѣнами. Пѣвецъ, казалось, нисколько не смутился такимъ нелестнымъ для него отношеніемъ князя къ нему и его ожидаемому разсказу, и началъ:

— Ивашка мнѣ имя, прозванье Болотниковъ, потому что издавна родъ мой на болотѣ сидѣлъ жительствомъ, вблизи Десны-рѣки. Отца моего Гаврилой звали, и по сей день родители мои въ холопствѣ у князя Андрея Телятевскаго, что въ Черниговѣ воеводствуетъ.

— Стало, и ты, Ивашка, холопъ князя Телятевскаго? почему-то счелъ нужнымъ добавить Шаховской.

— Я не холопъ! Я вольный человѣкъ, такой же, какъ и ты, князь, какъ всѣ божіи люди, пока ихъ не закабалили сильные міра сего! возразилъ назвавшійся Ивашкой Болотниковъ съ такимъ горячимъ убѣжденіемъ въ голосѣ, съ такимъ зловѣщимъ огнемъ въ черныхъ глазахъ, что невольно и безотчетно дрогнула смѣлая душа Шаховскаго.—Судьба избавила меня отъ холопства не для того, конечно, чтобъ кто-нибудь смѣлъ назвать меня холопомъ! Самъ разсуди, князь: мнѣ тридцать лѣтъ; двадцати лѣтъ я попался въ полонъ татарскій, и только что на родину вернулся—холопъ ли я? и кто такой господинъ мой?

— Сказывай дальше! заторопилъ Ивашку Шаховской.

— По государеву указу, вышла рать украинская на татаръ, въ поле, за Десною-рѣкою, продолжалъ, успокоясь Ивашка.—Самъ знаешь, князь, царское войско—то же стадо барановъ; потому воеводы царскіе, ничему не обученые, жрать да дрыхнуть горазды, а имъ чинить надъ непріятелемъ воинскій промыселъ—байдуже! Брюханы туполобые, ну и бьютъ ихъ, развѣ лѣнивый не бьетъ. Ударили на нашихъ отъ черной сохи воевъ татары налетомъ, съ ужаснымъ гиканьемъ—наши дрогнули, побѣжали. Брюханы-воеводы, разумѣется, впередъ всѣхъ удирали—примѣръ показывали полкамъ. Догналъ меня ногай-старичище, саблей руку мнѣ просѣкъ, въ полонъ меня взялъ мурзакъ Асанъ, въ свой улусъ ногайскій отвелъ. Признаться, князь, полюбился я ханымъ Айшѣ, мурзаковой жонкѣ,—неволя мнѣ моя въ полъ-горя стала. Даже, коли правду говорить, тосковалъ я по ней, не видаючись долго. Молодая была ханымъ, красавица изъ себя: косы—ночи темнѣе, глаза—что звѣзды на небѣ горятъ, разгораются, щеки полныя—что твой спѣлый, наливной персикъ на солнцѣ. А мурзакъ Асанъ—старикъ, въ дѣды ей гожъ. Слюбились мы съ нею вотъ какъ! О матери родной больше не плакалъ, о своемъ болотѣ позабылъ... А есть у татаръ „бродники", полонянники давнишніе изъ русскихъ, да изъ литовцевъ, да изъ молдаванъ; какой въ ихніе ма-

гометы пошелъ, на татаркѣ оженился—такъ отъ нихъ помѣсь эта: ни татаринъ онъ, ни христіанинъ, ихъ еще „тумами“ называютъ. Тоже за-одно съ татарами въ улусахъ живутъ, въ „наѣзды“ ходятъ съ огланами. Открылся я двумъ пріятелямъ „бродникамъ“, тоже молодымъ ребятамъ, „бѣжать, молъ, на свою сторону хочу“. Обѣщались оба помочь, научили, чтобъ ждалъ наѣзда, скоро-де объявится. Пойдешь, учили они меня, съ кошемъ—уйдешь. Не зналъ старый мурзакъ Асанъ про свою ханымъ; ловко она его надувала, веревки изъ него вила. Ко мнѣ старика расположила: нукеромъ своимъ сдѣлалъ меня, по-русски—конюхъ. Правда: кликнули бирючи кличъ по улусамъ, „газаватъ“, т. е. войну священную на Польшу объявили ханскимъ именемъ. Магометовъ байракъ, зеленое знамя, провезли во славу Магомета; поднялся и мой мурзакъ-старичина. Саблю мнѣ далъ, ружье, жеребца съ сѣдломъ. Собрался кошъ многотысячный, самъ ханъ Оглапанъ пошелъ, кошъ за собою повелъ. Жаль мнѣ съ ханымъ-красавицей разстаться. То бѣжать совсѣмъ изъ орды хотѣлъ, а какъ пришлось съ ханымъ прощаться—бѣда! не оторвался бы отъ нея. Пошли. Зашелъ кошъ въ степи далеко, а мнѣ все не мочно бѣжать. Пристигла насъ гроза весенняя, залила дождемъ кошъ. Остановились, сбатовали коней, стреножили; сами попрятались подъ бурки, подъ потники, кто какъ могъ; одному хану шатеръ раскинули. Темная ночь—хоть глазъ выколи. Буря по степи завыла. Ну, думаю, твоя ночка, Ивашка, надо бѣжать. Веду за чумбуръ жеребца, опасаюсь не заржалъ бы, на спящаго не наткнуться бы; выбрался изъ коша, поскакалъ. Да недолго. На всемъ скаку вмѣстѣ съ жеребцомъ полетѣлъ въ глубокую балку; дно и бока—каменные, словно сложенныя стѣны; какъ пришелся я объ эту стѣну головой—память потерялъ. Долго ли, коротко ли я тутъ лежалъ, очнулся—заря, день занялся. Гляжу: жеребецъ издохъ, повисъ, передними ногами за камни зацѣпился, меня сѣдломъ придавилъ. Нога—мочи нѣтъ больно! Попробовалъ ее высвободить—не моя нога: вывихнута, пропалъ! Лучше не бѣжалъ бы,—голодною смертью умереть придется, вороны живому глаза выклюютъ. Пригорюнился, слышу—лай собачій. Въ жаръ и знобъ меня бросило: татары по моему слѣду собакъ пустили: сыщутъ. Что мурзаку скажу? Зачѣмъ въ балку верхомъ ночью попалъ? Собаки со всѣхъ сторонъ балки лаютъ, назадъ оглядываются. Татарская собака такъ пріучена,—чуть не говоритъ, а понимаетъ все. „Атуй!“ татарскіе голоса слышу. Вотъ они сами. Наѣхали. Старый мурзакъ впереди. Стащили съ меня мертваго жеребца, онъ дальше зашумѣлъ въ пропасть, только камни за нимъ полетѣли, гремя, да сарыга—коршунъ—упалъ на падлу, прямо съ поднебесья. Высвободили меня. Костоправъ ногай живо вправилъ мнѣ ногу. Больно, а идти могу. А какъ мурзакъ влѣпилъ мнѣ нагайкой между лопатокъ, побѣжалъ я, съ конемъ его равнялся. Онъ, къ тому-же, волосянымъ арканомъ прихватилъ меня за шею, упадешь—тащитъ. Обругалъ меня

мурзакъ „шайтаномъ русскимъ", альни зубами скрипитъ, озлился на меня. Скверно. Наткнись на насъ кошкараимы—купцы: на верблюдахъ товаръ везли въ арбахъ своихъ высокихъ. Продалъ меня съ двухъ словъ мурзакъ караиму пучеглазому за сорокъ червонцевъ. Караимъ меня сперва приковалъ къ арбѣ длинною цѣпью съ ошейникомъ, а потомъ накормилъ до-сыта и виномъ изъ бурдюка напоилъ до-пьяна. На барышъ кормилъ и поилъ. Караимъ, пріѣхавъ къ себѣ домой, въ приморскій городъ Ахтіаръ, перепродалъ меня турецкому купцу, что человѣчьимъ мясомъ торгуетъ. Турокъ въ большой кочермѣ повезъ меня моремъ въ Стамбулъ, по нашему Царьградъ, — потому сей градъ превеликъ и преславенъ отъ вѣковъ древнихъ, всѣмъ градамъ міра есть царь, и древняя это столица Θеодосія Великаго и Константина и прочихъ императоровъ греческихъ; а нынче турецкій салтанъ, новоевавши греческую державу, повелѣваетъ въ Царѣ-градѣ; и храмъ дивный, лѣпоты неизреченной святой Софіи-премудрости обратилъ въ магометову мечеть и минареты магометовы-же кругомъ того огромнаго храма поставилъ, и полумѣсяцъ свой турецкій за мѣсто нашего креста воздвигъ на главахъ. А Царьградъ при водѣ глубокой морской стоитъ, на три страны свѣта глядя, тремя же и повелѣваетъ: Европой, Азіей и Африкой; и на базарахъ всякаго цвѣта люди, даже мѣдные и черные эфіопы, въ рабство продаются и красавицы черкешенки и прочихъ народовъ дѣвки молодыя на постель продаются: выбирай, кому какая нужна. Потому на это магометовъ законъ простъ: держи женъ сколько кто можетъ. Запрета нѣтъ.

— Вонъ житье-то кому—туркамъ! замѣтилъ Шаховской, усмѣхаясь съ видомъ степеннаго, твердаго въ православіи и предковскомъ обычаѣ русскаго человѣка; но въ душѣ онъ сочувствовалъ этому магометову закону, допускавшему мужчинѣ покупать, а слѣдовательно—мѣнять женъ. Будь онъ не православный бояринъ, а турецкій паша, онъ, конечно, давнымъ-давно избавился бы отъ этого „кошечьяго воскресенія", какъ онъ называлъ свою жену, княгиню Апраксію, только что оставленную имъ, безъ чувствъ, на полу; тогда бы двѣ молодыя красавицы, одна черноволосая, другая свѣтловолосая, по его княжескому выбору, своими нѣжными женскими ласками коротали бы ночь спесиваго князя, согрѣвали бы его широкую княжескую постель. Разсказъ Болотникова до того увлекъ Шаховского, что прежняя недовѣрчивая усмѣшка сжатыхъ княжескихъ губъ, предупреждающая разказчика, чтобъ онъ не вралъ передъ своимъ важнымъ слушателемъ, давно уже замѣнилась любопытствомъ и напряженнымъ вниманіемъ.

— Ну, дальше что? говори, Ивашка! неутерпѣлъ сказать Шаховской.

— Вывели и меня на базаръ, князь; да, спасибо, на мое счастье пришли нѣмецкіе купцы, выкупили меня своей казной изъ неволи. Моремъ перевезли меня изъ магометовой турещины въ Италію, хри-

стіанскую землю. Въ Веницейскомъ градѣ прожилъ я семь лѣтъ. Градъ тотъ зѣло чуденъ; вмѣсто улицъ—водяные каналы, а вмѣсто повозокъ—лодки, называются по ихнему „гондолы". Каменные огромные дворцы, по ихнему „палаццо", прямо на водѣ стоятъ и гондолы къ крыльцу подплываютъ. А градомъ тѣмъ славнымъ Веницейскимъ правитъ „дожъ", все едино—государь. И того дожа граждане выбираютъ изъ благороднаго сословія разумнѣйшаго, потому называется „Веницейская республика". Тутъ я обучался наукамъ всякимъ и языку итальянскому; а какъ къ пѣнью я былъ охочъ и голосъ у меня изрядный—выучился пѣть по итальянскому манеру, и могу спѣть канту совсѣмъ какъ итальянецъ. Вотъ, князь, почему принимаютъ меня за итальянца тѣ, отъ кого я скрываю, что я русскій. Я игралъ на театрѣ маріонетокъ главныя роли, именно—Петроннилло и Кассандрино. Но, знаю, князь, ты незнакомъ съ театральными представленіями и многаго не поймешь изъ того, что бы я могъ разсказать про обычаи и нравы благороднаго итальянскаго народа. Рабовъ тамъ нѣтъ, ибо рабство противно ученію Христа. Вы здѣсь, на Москвѣ, именитые люди, живете во тьмѣ и невѣжествѣ сущими варварами; а за вами и народъ весь русскій слѣпотствуетъ. Живете, какъ жили еще при царѣ Горохѣ, когда людей было трохи; себѣ подобныхъ людей вы насильно въ холопей обратили своихъ — и тиранствуете, и за ваше тиранство и невѣжество ваши сосѣди, образованнные народы, надъ вами смѣются и васъ презираютъ. И по дѣломъ, князь, вамъ то!

— Не позабудь, Ивашка съ болота, кому ты говоришь, и обдумай свои слова прежде, чѣмъ ихъ скажешь мнѣ! счелъ Шаховской нужнымъ строго и внушительно замѣтить Болотникову, заговорившему неуважительно о сословіи, къ которому принадлежалъ князь. — Еще мнѣ скажи: гдѣ жъ и когда ты пріобрѣлъ свѣдѣнія, дающія тебѣ право на званіе главнаго воеводы царя Дмитрія? Чтобъ быть полководцемъ и умѣть побѣждать — надо поучиться военному дѣлу, и не въ школѣ, а въ полѣ.

— Такъ, князь! согласился съ нимъ Ивашка,—не ставя въ попы обѣдни не служатъ. Изъ Веницейскаго града приморскаго, соскучась по своей родинѣ, подался я въ цесарскую землю, а оттоль въ польское королевство... Здѣсь два года я сражался подъ знаменами коронныхъ гетмановъ противъ турецкихъ полчищъ и татарскихъ кошей, и самъ начальствовалъ... Опытенъ я въ ратномъ дѣлѣ, да и повѣрь: воеводъ царскихъ не трудно бить, была бы охота, а она у меня есть. Я прямо съ Украйны. Тамъ духа московскаго не терпятъ. Нашъ разсчетъ вѣрный: мы подымемъ голоднаго на сытаго, бѣднаго на богатаго, забитаго на сильнаго, худороднаго на вельможу, холопа на его господина. Такая рать страшна и побѣдить ее нельзя, если ею начальствуетъ воевода, у кого, какъ у меня, ничего, кромѣ жизни, нѣтъ; мнѣ нечего терять. Самая жизнь мнѣ не дорога, ибо не даетъ мнѣ того, чего хочу. Ты, гордый князь, считаешь меня, какъ и другіе, „холопомъ" и передъ мною величаешся, а ты,

во истину, больше холопъ чѣмъ я. Ужъ потому не холопъ я, что возмущаетъ меня холопство, что хочу не только холопство, самое слово это мнѣ ненавистное безслѣдно вывести на Руси православной. И не будетъ холоповъ, ибо не отъ Божескаго правосудія они, а отъ человѣческой неправды суть! Ненавижу боярство! Все мнѣ едино—истинный ли царь Дмитрій, самозванецъ ли. Ополчаюсь не за него, а за всю тьму темъ безправнаго, обездоленнаго русскаго крестьянства, котораго самъ я — кость отъ кости, и плоть отъ плоти. Какъ я мню—мнитъ все крестьянство; я токмо его истолкователь, токмо борецъ я по немъ безстрашный. Мнѣ ли не довѣрить въ нынѣшнюю московскую смуту тотъ, кто, подобно тебѣ, князь, хочетъ ею воспользоваться? Пойми: путь нашъ съ тобой одинъ—возстаніе; но цѣли и надежды наши, мои и твои, различны, какъ различно положеніе мое и твое. Ты самъ за себя возстаешь—я возстаю за народъ, тебѣ надо возвыситься—мнѣ надо уравнять высокое съ низкимъ, смерда съ бояриномъ... Удобнѣйшаго случая, чѣмъ теперешнее возстаніе народное за истиннаго царя Дмитрія—не сыщемъ, князь... Я вырѣжу боярство и замѣню его казачиной. Дмитрій будетъ царь не по боярскому капризу, а по народному хотѣнью!.. Да будутъ на Руси—Богъ, царь, народъ!

Шаховской, слушавшій внимательно Болотникова, невольно былъ пораженъ силою убѣжденія и основательностью доводовъ, съ какими онъ говорилъ. Только теперь, когда Ивашка Болотниковъ, увлекаемый внутреннимъ жаромъ, отражавшимся въ его разгорѣвшихся черныхъ глазахъ, высказался вполнѣ, Шаховской понялъ, какого сильнаго духомъ и волей человѣка видитъ передъ собой. Поднявшись со скамьи, весь дрожа отъ волненія, Болотниковъ выразительнымъ движеніемъ руки сопровождалъ свою рѣчь, исполненную душевнаго порыва и отчаянной рѣшимости.

— Исполать тебѣ, лихой молодецъ! сказалъ Шаховской, вставая во весь свой ростъ и кланяясь Болотникову:—во истину ты большой воевода нашего государя Дмитрія Ивановича, да продлитъ ему Богъ живота на многая лѣта! Признаю тебя царскимъ воеводой, Иванъ Гаврилычъ. Снеси мой боярскій вѣрноподданическій поклонъ моему государю Дмитрію и скажи: готовъ бояринъ Григорій Шаховской за него, государя, свою кровь пролить.

— Снесу твой поклонъ, князь Григорій, и могу завѣрить тебя въ милости къ тебѣ нашего государя, отвѣчалъ Болотниковъ.

Звякъ сабли и конское ржанье вдругъ заставили обоихъ вздрогнуть, обмѣняться взглядами и прислушаться.

— Безопасны ли мы здѣсь, князь? какъ бы спрашивали Шаховскаго черные, еще горѣвшіе глаза Болотникова, безпокойно прислушивавшагося.

Сабельный звякъ и конское ржанье послышались ближе.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

В. Марковъ.

ВАСИЛІЙ ЛЬВОВИЧЪ ПУШКИНЪ.

(Біографическій очеркъ).

I.

Родной дядя геніальнаго нашего поэта Александра Сергѣевича Пушкина, небезъизвѣстный также въ свое время поэтъ Василій Львовичъ Пушкинъ родился 27-го апрѣля 1770 года въ Москвѣ [1]) и былъ старшимъ изъ двухъ сыновей подполковника артиллеріи Льва Сергѣевича Пушкина. Послѣдній, при восшествіи въ 1762 г. на престолъ императрицы Екатерины II, попалъ въ крѣпость, и выпущенный оттуда черезъ два года, не поступалъ уже вновь на службу [2]), а владѣя 3000 душъ, жилъ большимъ бариномъ то въ Москвѣ, то въ деревняхъ своихъ, преимущественно въ с. Болдинѣ (Лукъяновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи [3]). Левъ не только по имени, но и нравомъ, онъ, женатый дважды, съ обѣими женами обходился крайне круто: первую изъ нихъ, урожденную Воейкову, онъ едва ли не уморилъ въ одиночномъ заключеніи изъ ревности къ бывшему учителю его сыновей, французу, котораго безъ суда и слѣдствія повѣсилъ у себя на черномъ дворѣ. Вторую же жену свою Ольгу Васильевну, урожденную Чичерину, мать Василья и Сергѣя Львовичей, онъ насильно повезъ въ гости, когда та чувствовала уже приближеніе родовъ, такъ что бѣдная женщина дорогою, въ каретѣ, подарила его сыномъ, и затѣмъ, полу-

---

[1]) „Отечественныя Записки“ 1853 г., № 11-й. „Родъ и дѣтство Пушкина“. Статья П. Бартенева, стр. 11.

[2]) „Соч. А. С. Пушкина“, изд. 1855 г., т. V. „Записка“ А. С. Пушкина, стр. 4.

[3]) „Отечественныя Записки“ 1853 г., № 11-й. Ст. П. Бартенева, стр. 11.

живая привезенная домой, такъ и была уложена въ постель въ нарядѣ и бриллiантахъ [1]). Надо было бы ожидать, что въ такой деспотической обстановкѣ и дѣти проникнутся духомъ отца; на дѣлѣ вышло нѣсколько иное: Левъ Александровичъ озаботился дать обоимъ сыновьямъ тонкое и блестящее, по тогдашнимъ понятiямъ, т. е. домашнее французское воспитанiе, и характеръ старшаго сына сложился—безпечный, общительный и мягкiй, тогда какъ у младшаго сына, Сергѣя Львовича, унаслѣдованное отъ отца самодурство, при искусственно-привитой безалаберности, нерѣдко брало верхъ надъ природнымъ добродушiемъ.

II.

Прослуживъ нѣкоторое время, подобно брату своему, въ Екатерининской гвардiи, Василiй Львовичъ женился на Капитолинѣ Михайловнѣ Вышеславцевой, но въ 1802 году, 32-хъ лѣтъ отъ роду, уже развелся съ нею [2]) и поспѣшилъ укатить за-границу. Тамъ, въ водоворотѣ европейской жизни, могъ онъ забыться отъ семейной своей разладицы; тамъ собственноручно могъ срывать самые свѣжiе цвѣты всякихъ модъ и новостей. Другъ и прiятель его, Ив. Ив. Дмитрiевъ, подтрунивая надъ его ожиданiемъ предстоящихъ впечатлѣнiй, написалъ стихотворную шутку, напечатанную имъ впослѣдствiи (въ 1807 г.) для раздачи знакомымъ: „Путешествiе г. Пушкина въ Парижъ и Лондонъ, писанное за три дня до путешествiя". Начало шутки такое:

„Друзья! сестрицы! я въ Парижѣ.
Я началъ жить, а не дышать!
Садитесь вы другъ къ другу ближе
Мой маленькiй журналъ читать.
Я былъ въ лицеѣ, пантеонѣ,
У Бонапарта на поклонѣ,
Стоялъ близехонько къ нему,
Не вѣря счастью моему.
Вчера меня князь Долгоруковъ
Представилъ милой Рекамье;
Я видѣлъ корпусъ мамелюковъ,
Сiéса, Вéстриса, Мерсье..."

Ожиданiя, однако, не обманули Василiя Львовича. Начитанность, свѣтскiй лоскъ и прирожденное остроумiе открыли ему въ Парижѣ доступъ въ мiръ тамошнихъ литераторовъ, которые приняли его въ среду свою тѣмъ охотнѣе, что видѣли въ немъ одного изъ своихъ. Зная въ совершенствѣ французскiй языкъ, онъ помѣстилъ въ журналѣ графа Сегюра—„Archives littéraires", въ переводѣ, нѣсколько

[1]) „Соч. А. С. Пушкина", изд. 1855 г., т. V. Примѣч. къ „Запискамъ", стр. 103.
[2]) „Русскiй Архивъ" 1879 г., № 4-й. Примѣч. къ письмамъ кн. П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову, стр. 509.

народныхъ русскихъ сказаній и сказокъ, которыя извѣстный Сенъ-Пьеръ сравнивалъ съ пѣснями Гомера; о заслугахъ же своихъ на россійскомъ Парнасѣ Василій Львовичъ, конечно, не преминулъ при случаѣ ввернуть словцо-другое. Заграничная поѣздка, впрочемъ, принесла ему и осязаемый плодъ: вернувшись въ 1803 году въ Москву, онъ привезъ съ собою цѣлую библіотеку избранныхъ книгъ [1]). Поселившись теперь почти безвыѣздно въ Москвѣ, онъ, какъ человѣкъ одинокій послѣ своего неудачнаго супружества, усвоилъ себѣ всѣ привычки холостяка-бонвивана. Со времени своего „вояжа" еще болѣе ярый поклонникъ всего иностраннаго, онъ щеголялъ разными новинками и первый, напр., еще до нашествія французовъ, завелъ у себя обычай разносить передъ ужиномъ „consommé" — бульонъ въ чашкахъ [2]). Игривый и занимательный, большой охотникъ и мастеръ писать „bouts rimés" (стихи на заданныя риѳмы) и декламировать, онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Сергѣемъ Львовичемъ, спеціалистомъ по части домашнихъ спектаклей и салонныхъ игръ (jeux d'esprit), были душою и представителями цѣлаго круга высшаго московскаго общества.

На бѣду свою, Василій Львовичъ, состоя на дружеской ногѣ съ такими корифеями литературы, какъ Карамзинъ, Жуковскій, Дмитріевъ, Батюшковъ, которыхъ ввелъ и въ семью своего брата, вообразилъ себя также первокласснымъ стихотворцемъ,—чѣмъ приготовилъ себѣ въ жизни немало горькихъ минутъ. Наибольшую извѣстность пріобрѣлъ онъ своею сатирическою поэмою—„Опасный сосѣдъ"; но поэма эта, какъ говорятъ, была дѣломъ не исключительно его рукъ: болѣе талантливые друзья его, особенно Жуковскій, дали ей окончательную отдѣлку [3]). Въ изданное княземъ Шаликовымъ въ 1834 г., уже послѣ смерти Василія Львовича, собраніе стихотвореній послѣдняго вошли: 1) Посланія (къ В. А. Жуковскому, Д. В. Дашкову, князю П. А. Вяземскому, брату и др.); 2) Басни; 3) Сказки; 4) Смѣсь (элегіи, пѣсни, романсы, эпиграммы, альбомные стихи, экспромты). Многіе изъ стиховъ этихъ плавны и легки; но по внутреннему содержанію и по поэтическому вдохновенію, ни одна піеса не выходитъ за уровень посредственности. Пріятели, относясь къ музѣ Василія Львовича вообще снисходительно, не упускали, однако, всякаго удобнаго и неудобнаго случая изощрять на немъ свое остроуміе. А. Ѳ. Воейковъ въ своемъ сатирическомъ „Парнасскомъ Адресъ-Календарѣ" [4]) благодушно аттестуетъ его:

---

[1]) „Отеч. Записки" 1853 г., № 11-й. Ст. П. Бартенева, стр. 11—12.

[2]) „XIX Вѣкъ". Кн. 2-я. „Старая записная книжка" (князя П. А. Вяземскаго). Стр. 270.

[3]) „Алекс. Серг. Пушкинъ въ Александровскую эпоху". П. Анненкова, стр. 8.

[4]) „Парнасскій Адресъ-Календарь, или роспись чиновныхъ особъ, служащихъ при дворѣ Феба и въ нижнихъ земскихъ судахъ Геликона, съ краткими замѣчаніями

„В. Л. Пушкинъ, при водяной коммуникаціи, имѣетъ въ петлицѣ листочекъ лавра, съ надписью: „за Буянова“.

Зато литературные враги задѣвали его куда больнѣе. Въ появившемся въ № 12-мъ „Цвѣтника“ 1810 г. посланіи Василія Львовича къ Жуковскому съ нѣкоторою неумѣренностью перечислялись разные древніе писатели:

„Виргилій и Омеръ, Софоклъ и Эврипидъ,
Горацій, Ювеналъ, Саллустій, Өукидидъ—
Знакомы стали намъ“...

Вдругъ одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ недруговъ его (А. С. Шишковъ) громогласно въ академіи наукъ отзывается объ немъ такъ: „Сіи судьи и стихотворцы въ посланіяхъ своихъ взываютъ къ Виргиліямъ, Гомерамъ, Софокламъ, Еврипидамъ, Гораціямъ, Ювеналамъ, Саллустіямъ, Өукидидамъ, затвердя одни только имена ихъ, и—что̀ всего удивительнѣе—научась благочестію въ „Кандидѣ“ и благонравію и знаніямъ въ парижскихъ переулкахъ, съ поврежденнымъ сердцемъ и помраченнымъ умомъ вопіютъ противъ невѣжества и, обращаясь къ тѣнямъ великихъ людей, толкуютъ о наукахъ и просвѣщеніи.“ [1])

Василія Львовича взорвало—и во 2-мъ посланіи своемъ къ Дашкову онъ отвелъ ударъ довольно мѣтко:

„...Не улицы однѣ, не площади и домы,—
Сенъ-Пьеръ, Делилль, Фонтанъ мнѣ были тамъ знакомы:
Они свидѣтели, что я въ землѣ чужой
Гордился русскимъ быть, и русскій былъ прямой.....
Что съ восхищеніемъ читалъ я Өукидида,
Тацита, Плинія и—признаюсь, Кандида...
...За что-жъ мы на костеръ съ тобой осуждены?...
За то, что мы съ тобой Лагарпа понимаемъ,
Въ расколѣ не живемъ, но по-славянски знаемъ.“

Въ другомъ посланіи, къ ***, онъ высказывается о себѣ еще съ бо̀льшимъ самосознаніемъ:

„Вы вспомните о томъ, что первый, можетъ быть,
Осмѣлился глупцамъ я правду говорить;
Осмѣлился сказать хорошими стихами,
Что авторъ безъ идей, трудяся надъ словами,
Останется всегда невѣждой и глупцомъ;
Я злаго Гашпара убилъ однимъ стихомъ.“

объ ихъ жизни и заслугахъ. Собрано изъ достовѣрныхъ источниковъ, для употребленія въ благошляхетномъ Арзамасскомъ Обществѣ“. „Русская Старина“ 1874 г. № 3-й. Стр. 614.

[1]) „Стихотворенія В. Л. Пушкина“. „Предувѣдомленіе“ ко 2-му посланію къ Д. В., Дашкову.

III.

Придавая себѣ такое высокое литературное значеніе, Василій Львовичъ къ начинающимъ литераторамъ относился вообще по-меценатски благосклонно и приглашалъ ихъ къ себѣ на чай, на обѣдъ [1]). Только въ племянникѣ своемъ онъ долгое время не хотѣлъ признавать поэтическаго дара, чуя, быть можетъ, безотчетно, что будущая свѣтозарная звѣзда племянника совершенно затмитъ его собственный слабый свѣточъ. Онъ не замѣчалъ, не хотѣлъ замѣчать, какъ на литературныхъ вечерахъ брата его, Сергѣя Львовича, скромный кудрявый мальчикъ, прижавшись къ стулу, на которомъ помѣстился тотъ или другой декламаторъ, жадно, съ блещущими глазами, ловилъ съ устъ декламирующаго каждый звучный стихъ, каждое острое слово. Онъ не придавалъ значенія находчивости ребенка, который на замѣчаніе Дмитріева относительно его африканскаго типа: „Посмотрите, какой арапчикъ!"—не затруднился отвѣтомъ: „Арапчикъ, да не рябчикъ!" (Дмитріевъ, какъ извѣстно, былъ рябоватъ). Наконецъ, онъ игнорировалъ и первые творческіе опыты мальчугана, по большей части на французскомъ языкѣ, тогда какъ молодыя барышни наперерывъ уже подносили ему свои альбомы, чтобы имѣть отъ мальчика-поэта на память хоть одинъ „катренъ" [2]). Все вниманіе Василія Львовича къ племяннику ограничилось тѣмъ, что въ 1811 году, когда онъ, вмѣстѣ съ А. И. Тургеневымъ, повезъ его въ Петербургъ и Царское Село для опредѣленія въ лицей, онъ занялъ у него безъ отдачи 100 р., какъ узнаёмъ мы изъ слѣдующей юмористической приписки Александра Сергѣевича къ письму своему къ князю П. А. Вяземскому, отъ 15 августа 1825 года, изъ села Михайловскаго:

„При семъ дѣловая бумага; ради Бога, употреби ее въ дѣло.

„1811 года, дядя мой Василій Львовичъ, по благорасположенію своему ко мнѣ и ко всей семьѣ моей, во время путешествія изъ Москвы въ Спб., взялъ у меня въ займы 100 рублей ассиг., данные мнѣ на орѣхи покойной бабушкой моей, Варварой Васильевной Чичериной, и покойной тетушкой, Анной Львовной [3]). Свидѣтелемъ онаго займа былъ извѣстный Игнатій; но и самъ Василій Львовичъ, по благородству сердца своего, отъ онаго не откажется. Такъ какъ оному

---

[1]) „Русскій Архивъ" 1875 г. № 1-й. „Изъ старой записной книжки." Стр. 56.

[2]) „Современникъ" 1843 г. Т. XXIX. „Алекс. Серг. Пушкинъ въ дѣтствѣ." Статья Макарова, стр. 379—383.

[3]) Варвара Васильевна Чичерина—сестра родной бабушки Александра Сергѣевича, Ольги Васильевны Пушкиной, урожденной Чичериной; Анна Львовна Пушкина—сестра Василья и Сергѣя Львовичей, по поводу смерти которой племянникъ написалъ извѣстные стихи:

„Ахъ, тетушка! ахъ Анна Львовна!
Василья Львовича сестра!"

прошло уже болѣе 10 лѣтъ безъ всякаго съ моей стороны взысканія или предъявленія, и какъ я потерялъ уже все законное право на взысканіе вышеупомянутыхъ 100 рублей (съ процентами за 14 лѣтъ, что составляетъ болѣе 200 рублей), то униженно молю его высокоблагородіе, милостиваго государя, дядю моего, заплатить мнѣ сіи 200 рублей по долгу христіанскому; получить же оныя деньги я уполномочиваю князя Петра Андреевича Вяземскаго, извѣстнаго литератора.

„Коллежскій секретарь Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ" [1]).

Въ эту же поѣздку свою въ Петербургъ, Василій Львовичъ напечаталъ тамъ (въ типографіи Шнора) особою брошюркою два посланія свои: къ Жуковскому и вышеупомянутое 2-е къ Дашкову [2]).

Въ слѣдующемъ, 1812 году, надъ Василіемъ Львовичемъ стряслась такая гроза, что ему было уже не до племянника: убѣжавъ безъ оглядки передъ французами изъ Москвы въ Нижній, онъ узналъ уже здѣсь о полномъ разгромѣ дорогой ему бѣлокаменной и о гибели своей, не менѣе дорогой ему, библіотеки. О нравственномъ состояніи его и общемъ настроеніи московскихъ бѣглецовъ Батюшковъ пишетъ къ кн. Вяземскому изъ Нижняго, отъ 3-го октября 1812 г.:

„Здѣсь я нашелъ всю Москву... Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ [3]) плачетъ неутѣшно: онъ все потерялъ, кромѣ жены и дѣтей. Василій Пушкинъ забылъ въ Москвѣ книги и сына; книги сожжены, а сына вынесъ на рукахъ его слуга. Отъ печали Пушкинъ лишился памяти и насилу вчера могъ прочитать Архаровымъ басню о соловьѣ. Вотъ до чего онъ и мы дожили! У Архаровыхъ сбирается вся Москва или, лучше сказать, всѣ бѣдняки: кто безъ дома, кто безъ деревни, кто безъ куска хлѣба, и я хожу къ нимъ учиться физіономіямъ и терпѣнію. Вездѣ слышу вздохи, вижу слезы—и вездѣ глупость. Всѣ жалуются и бранятъ французовъ по-французски, а патріотизмъ заключается въ словахъ: point de paix!" [4]).

Самъ Василій Львовичъ, два слишкомъ мѣсяца спустя, отъ 14-го декабря 1812 г., все еще не успокоясь, въ письмѣ къ тому же кн. Вяземскому изливаетъ свое горе такъ:

„Новая моя карета, дрожки, мебели и драгоцѣнная моя библіотека—все сгорѣло. Я ничего вынесть не могъ; денегъ у меня не было, и никто не помогъ мнѣ въ такой крайности. Что дѣлать? Я благодарю теперь Бога, что Онъ осѣнилъ щитомъ своимъ храбрыя наши

---

[1]) „Русскій Архивъ" 1874 г., кн. I, стран. 159—160.

[2]) „Московск. Вѣдомости" 1854 г., № 117-й. „Ал. Серг. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи". Статья П. Бартенева.

[3]) Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, переводчикъ Мольера,—родной племянникъ Маріи Алексѣевны Ганнибалъ, урожд. Пушкиной (бабушки Александра Сергѣевича) и двоюродный братъ Надежды Осиповны Пушкиной, урожд. Ганнибалъ (матери Александра Сергѣевича).

[4]) „Русскій Архивъ" 1866 г. „Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго Архива". Письма къ кн. П. А. Вяземскому. Стр. 224.

войска, поражающія бѣгущаго злодѣя. Аттила нашего вѣка покрылъ себя вѣчнымъ стыдомъ...

„Ты спрашиваешь, что я дѣлаю въ Нижнемъ-Новгородѣ? Совсѣмъ ничего. Живу въ избѣ, хожу по морозу безъ шубы, и денегъ нѣтъ ни гроша... Посылаю тебѣ стихи мои къ жителямъ Нижняго-Новгорода“ [1]).

Начало стиховъ было неособенно удачно:

„Примите насъ подъ свой покровъ,
О Волжскихъ жители бреговъ!“

Зато конецъ былъ очень эффектенъ:

„Погибнетъ онъ! Москва возстанетъ!
Она и въ бѣдствіяхъ сильна!
Погибнетъ онъ! Богъ русскій грянетъ!
Россія будетъ спасена!“ [2])

Тѣмъ не менѣе, острякъ Дмитріевъ не преминулъ сравнить друга-поэта съ колодникомъ, который подъ окномъ проситъ милостыню и оборачивается съ ругательствомъ къ уличнымъ мальчишкамъ, дразнящимъ его [3]).

Между тѣмъ, талантъ укрытаго въ стѣнахъ царскосельскаго лицея племянника росъ и крѣпъ. Но Василій Львовичъ и по возвращеніи своемъ на старое пепелище, въ Москву, на покоѣ принявшись исподволь возстановлять свою сгорѣвшую библіотеку, все еще не могъ помириться съ молодымъ дарованіемъ. Напротивъ, задѣтый за живое эпиграммами Александра Сергѣевича, отъ него же, дяди, перенявшаго страсть къ этимъ стихотворнымъ шалостямъ, онъ въ 1814 г. втиснулъ и его, племянника, въ эпиграмму, которую считалъ, конечно, убійственною:

„Какой-то стихотворъ (довольно ихъ у насъ)
Послалъ двѣ оды на Парнасъ.
Онъ въ нихъ описывалъ красу природы, неба,
Цвѣтъ розо-желтой облаковъ,
Шумъ листьевъ, вой звѣрей, ночное пѣнье совъ,
И милости просилъ у Феба.
Читая, Фебъ зѣвалъ и наконецъ спросилъ:
„Какихъ лѣтъ стихотворецъ былъ,
И оды громкія давно ли сочиняетъ?“
— Ему пятнадцать лѣтъ, Эрата отвѣчаетъ.
„Пятнадцать только лѣтъ?“—Не болѣе того.
„Такъ розгами его!“

Отвѣтная эпиграмма была, однако, еще злѣе. Но такъ какъ въ печати она появилась только въ 1830 году (въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“), то надо думать, что Александръ Сергѣевичъ, хотя и напи-

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1866 г. Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафевскаго Архива. Письма къ кн. П. А. Вяземскому. Стр. 241—242.

[2]) Тамъ же. Стран. 243.

[3]) Тамъ же. Подстрочное прим. кн. Вяземскаго.

салъ ее еще въ 1814 г., но пожалѣлъ тогда дядю; впослѣдствіи же ее только нѣсколько исправилъ, какъ это дѣлалъ онъ съ большею частью своихъ юношескихъ произведеній. Вотъ она:

„Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ.
— „Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лѣтъ ему, вопросъ?"
— Пятнадцать.—„Только-то? Эй, розгу!"
Засимъ принесъ семинаристъ
Тетрадь лакейскихъ диссертацій,
И Фебу вслухъ прочелъ Горацій,
Кусая губы, первый листъ.
Отяжелѣвъ, какъ отъ дурмана,
Сердито Фебъ его прервалъ,
И тотчасъ взрослаго болвана
Поставить въ палки приказалъ."

Какая разница въ хлесткости и сжатости стиха! Въ четырехъ первыхъ строкахъ своихъ племянникъ съумѣлъ изложить то, на что дядѣ потребовалось 12 болѣе длинныхъ строкъ.

По крайнему добродушію своему, впрочемъ, Василій Львовичъ сердился на племянника не долго. Въ 1815 году онъ довольно благосклонно уже отзывался объ немъ одному знакомому (Макарову):

„Mon cher, ты знаешь, что я люблю Александра; онъ поэтъ, поэтъ въ душѣ; mais je ne sais pas, il est encore trop jeune, trop libre, и, право, я не знаю, установится ли онъ когда, entre nous soit dit, comme nous autres?" [1]).

Въ 1816 году состоялось, наконецъ, полное примиреніе дяди съ племянникомъ, когда тотъ, въ полустихотворномъ, полупрозаическомъ письмѣ, не безъ лукавства призналъ превосходство дяди „на Парнасѣ":

„Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
Въ бояхъ воспитанный поэтъ,
Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ
На страшной высотѣ Парнаса,
Защитникъ вкуса, грозный „Вотъ!"
Тебѣ, мой дядя, въ новый годъ
Веселья прежняго желанье,
И слабый сердца переводъ —
Въ стихахъ и прозою посланье.

„Въ письмѣ вашемъ вы назвали меня братомъ; но я не осмѣлился назвать васъ этимъ именемъ, слишкомъ для меня лестнымъ.

„Я несовсѣмъ еще разсудокъ потерялъ,
Отъ риѳмъ бакхическихъ шатаясь на Пегасѣ:
Я знаю самъ себя, хоть радъ, хотя не радъ...
Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совсѣмъ не братъ:

---

[1]) „Современникъ" 1843 г. Т. XXIX. „Алек. Серг. Пушкинъ въ дѣтствѣ". Статья Макарова, стр. 382.

Вы дядя мнѣ и на Парнасѣ"...

. . . .

„О вы, которые умѣли
Любить, обѣдать и писать —
Скажите искренне: ужели
Вы не умѣете прощать?" [1])

IV.

Теперь обратимся къ самому „Арзамасу", какъ къ кульминаціонной точкѣ „парнасской" жизни Василія Львовича.

Первымъ, невольнымъ виновникомъ образованія этого литературнаго кружка долженъ почитаться Н. М. Карамзинъ, хотя самъ онъ лично никогда никакого участія въ немъ и не принималъ. Своими „Письмами русскаго путешественника", написанными легкимъ, почти разговорнымъ языкомъ, онъ сразу завоевалъ себѣ симпатіи бо̀льшей части русскаго образованнаго общества, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вступилъ въ открытую борьбу и съ стариннымъ слогомъ. Новаторство въ родной рѣчи отождествлялось тогда вообще съ свободомысліемъ. Глава совершенно новаго литературнаго направленія, онъ возстановилъ противъ себя не только синклитъ тогдашнихъ литературныхъ знаменитостей, въ настоящее время давно уже забытыхъ, но и цензуру. Съ 1791 по 1803 годъ онъ выпустилъ цѣлый рядъ сборниковъ и журналовъ. По поводу затрудненій, представлявшихся ему по изданію „Пантеона иностранной словесности", онъ, отъ 27-го іюля 1798 года, пишетъ Дмитріеву: „Я перевелъ нѣсколько рѣчей Демосѳена, которыя могли бы украсить „Пантеонъ"; но цензоры говорятъ, что Демосѳенъ былъ республиканецъ и что такихъ авторовъ переводить не должно, и Цицерона также, и Саллустія также... Grand Dieu! Что же выйдетъ изъ моего „Пантеона"? Планъ издателя разрушился. Я хотѣлъ для образца перевести что нибудь изъ каждаго древняго автора" [2]). Въ августѣ того же года онъ жалуется тому же Дмитріеву: „Только цензура, какъ черный медвѣдь, стоитъ на дорогѣ; къ самымъ бездѣлицамъ придирается..."; а въ письмѣ отъ 11-го октября: „Я, какъ авторъ, могу исчезнуть заживо..." [3]).

Изъ числа же литературныхъ противниковъ противъ него всего враждебнѣе выступилъ Шишковъ, написавшій въ 1803 году цѣлую книгу: „О старомъ и новомъ слогѣ". По неотступному настоянію Дмитріева, Карамзинъ заготовилъ пространную отвѣтную статью, которою Дмитріевъ и остался очень доволенъ; но когда чтеніе статьи окончилось, Карамзинъ сказалъ: „Ну, вотъ видишь, я сдержалъ свое

---

[1]) „Соч. А. С. Пушкина", изд. 1855 г., т. II, стр. 126—127.
[2]) „Ник. Мих. Карамзинъ. Матеріалы для біографіи". М. Погодина. Стр. 281.
[3]) Тамъ же, стр. 280.

слово: я написалъ, исполнилъ твою волю. Теперь ты позволь мнѣ исполнить мою"—и бросилъ тетрадь въ каминъ [1]).

Странный поступокъ этотъ объясняется просто тѣмъ, что Карамзинъ навсегда уже покончилъ свои счеты съ текущею литературою. Именнымъ указомъ отъ 31-го октября 1803 года онъ былъ назначенъ исторіографомъ и въ этомъ званіи, какъ авторъ „Исторіи Государства Россійскаго", стяжалъ такую же славу, какъ передъ тѣмъ въ качествѣ преобразователя русскаго литературнаго языка.

Журналистика наша послѣ него снова на нѣкоторое время пала, и въ 1805 году, напримѣръ, было возможно такое объявленіе одного журнала—„Дамскаго": „Изъ уваженія къ почтеннѣйшимъ россійскимъ дамамъ, въ слѣдующемъ 1806 году будетъ издаваться ежемѣсячное изданіе подъ названіемъ „Дамскій Журналъ". Главнымъ предметомъ будетъ нѣжная чувствительность, сопряженная съ моралью" [2]).

Сторонники „стараго слога" также подняли голову и въ 1811 г., въ видахъ поддержки его, основали въ Петербургѣ „Бесѣду любителей россійскаго слова". Засѣданія общества отличались большою торжественностью и происходили ежемѣсячно въ квартирѣ Державина. Въ нихъ принимали участіе: Шишковъ, Озеровъ, Крыловъ, князь Шаховской, Гречъ, Востоковъ, Глинка, Каченовскій, графъ Хвостовъ.

Но послѣ Карамзина осталась цѣлая школа задорныхъ новобранцевъ, поборниковъ „новаго слога": Дмитріевъ, Воейковъ, Гнѣдичъ, Блудовъ, Дашковъ, А. И. Тургеневъ, Жихаревъ, князь Вяземскій, Батюшковъ и, впереди всѣхъ, Жуковскій. Живымъ протестомъ противъ безжизненной, ходульной „Бесѣды" возникъ изъ петербургскихъ протестантовъ веселый до ребячества „Арзамасъ". Ближайшимъ поводомъ къ образованію его, по словамъ г. Анненкова, послужилъ шутливый разсказъ—„Видѣніе во градѣ": „Въ разсказѣ переданъ былъ анекдотъ о нѣкоторыхъ скромныхъ людяхъ, собравшихся разъ на обѣдъ въ бѣдный арзамасскій трактиръ. Столъ ихъ былъ покрытъ скатертью бѣлизны несовсѣмъ безпорочной и нисколько не былъ отягощенъ изобиліемъ брашенъ. Въ срединѣ бесѣды прислужникъ возвѣстилъ имъ, что какой-то проѣзжій остановился въ трактирѣ и, повидимому, находится въ магнетическомъ снѣ. Хотя любопытство и приписывается исключительно прекрасному полу, но друзья „Арзамаса" доказали противное. Они отправились наблюдать новаго ясновидящаго у дверей и увидѣли высокаго, толстаго человѣка, который ходилъ безпрестанно по комнатѣ, произнося непонятныя тирады и афоризмы. Послѣдніе они тутъ же записали, но скрыли всѣ собственныя имена, потому что незлобивость и добродушіе составляли и со-

---

[1]) „Ник. Мих. Карамзинъ. Матеріалы для біографіи". М. Погодина. Стр. 394—395.

[2]) „Записки современника съ 1805 по 1819 годъ". Ч. I. Дневникъ студента (С. П. Жихарева). Стр. 92.

ставляютъ отличительную черту „Арзамаса". Едва разнеслась эта шутка, въ которой не трудно было отгадать всѣ тонкіе намеки ея, какъ авторъ получилъ приглашеніе отъ одного изъ своихъ друзей на первый арзамасскій вечеръ [1]), который и состоялся 14-го октября 1815 года [2]). Секретаремъ общества былъ избранъ Жуковскій,—не только „гробовыхъ дѣлъ мастеръ", какъ величали его пріятели по балладамъ, но и „шуточныхъ и шутовскихъ дѣлъ мастеръ", по мѣткому выраженію князя Вяземскаго [3]). Каждый изъ членовъ общества получилъ тутъ же прозвище изъ балладъ Жуковскаго, которыя подвергались особеннымъ нападкамъ „бесѣдчиковъ". Дашковъ былъ названъ „Чу!", Блудовъ (впослѣдствіи графъ) — „Кассандрою", Жихаревъ — „Громобоемъ", Северинъ—„Рѣзвымъ котомъ", Гнѣдичъ—„Гнѣдко", по стиху изъ „Овсянаго киселя":

„Вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ тяжелымъ."

Самъ Жуковскій былъ окрещенъ „Свѣтланою".

Впрочемъ, въ „Арзамасѣ" не ограничивались одними этими кличками: Дашкова, державшаго себя всегда сдержанно и важно, неимѣвшаго въ правильныхъ и строгихъ чертахъ своихъ рѣшительно ничего женственнаго, Жуковскій назвалъ „Дашенькою", а Батюшкова, напротивъ, за его птичій носъ, „Попенькою" [4]).

Изъ юмористическаго письма Д. В. Дашкова, отъ 25-го ноября 1815 года, къ князю Вяземскому въ Москву мы узнаёмъ любопытныя подробности объ обычаяхъ арзамасцевъ: „...Изъ великодушія и чистѣйшей любви къ ближнимъ (хотя ближніе сіи часто бываютъ черезчуръ глупы), мы положили, чтобы каждый новопринимаемый членъ выбиралъ для первой рѣчи своей одного изъ живыхъ покойниковъ „Бесѣды" или академіи заимообразно и напрокатъ, и говорилъ бы ему похвальную надгробную рѣчь. До сихъ поръ такихъ мертвецовъ отпѣто у насъ пять, и Свѣтлана превзошла сама себя, отпѣвая пѣтаго и перепѣтаго Хлыстова. То-то была рѣчь! То-то протоколы! Зачѣмъ васъ нѣтъ съ нами! Очередной предсѣдатель у насъ всякую недѣлю новый и по именному указу, какъ въ академіи, отвѣчаетъ оратору пристойнымъ привѣтствіемъ, „въ которомъ искусно мѣшаетъ похвалы ему съ похвалами усопшему" (выраженія церемоніала). Опять новое торжество для Свѣтланы! Ей пришлось принимать Громобоя-Жихарева, который, бывши прежде сотрудникомъ „Бесѣды", долженъ былъ, по общему постановленію, отпѣвать самъ себя. Поле было, конечно, богатое, но исполненіе превзошло ожиданія

---

[1]) „Соч. А. С. Пушкина" (изд. 1855 г.). Т. I. „Матеріалы для біографіи". Стр. 50.

[2]) „Москов. Вѣдомости" 1854 г., № 119-й. „Ал. Серг. Пушкинъ. Матеріалы для біографіи". Ст. П. Бартенева.

[3]) „Русскій Архивъ" 1876 г., № 1-й. „Изъ старой записной книжки" (князя Вяземскаго). Стр. 63.

[4]) „Русскій Архивъ" 1866 г. „Выдержки изъ стар. бумагъ Остафьевскаго Архива". Примѣч. князя Вяземскаго на стр. 490.

наши. Атрей [1]) представленъ былъ въ видѣ нѣкоего царственнаго волдыря на лицѣ бывшаго поганаго бесѣдчика, а остальные 27 трагедій, комедій, трагикомедій, драмъ, оперъ и водевилей, сочиненные и переведенные имъ, представлены волдырями и сыпью, окружающими большой наростъ. Словомъ, было чего послушать. Неоцѣненный секретарь нашъ недаромъ жилъ такъ долго съ Плещеевымъ [2]) и удивительно навострился въ галиматьѣ. Любимое его выраженіе: „Арзамасская критика должна ѣхать верхомъ на галиматьѣ". Судите о прочемъ. Пріѣзжайте скорѣе къ намъ хоть недѣли на двѣ. Выберите себѣ по сердцу покойника и похороните его съ миромъ въ стеклянномъ гробѣ нашемъ" [3]). Въ этомъ же письмѣ Дашковъ увѣдомляетъ князя Вяземскаго, что тотъ выбранъ въ сочлены „Арзамаса" „par acclamation" въ самое первое собраніе. Присвоенное новому члену прозвище было „Асмодей".

Изъ литературныхъ шалостей „Арзамаса" приведемъ здѣсь кстати двѣ:

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ.

Се—Росска Флакка зракъ! Се тотъ, кто, какъ и онъ,
Выспрь быстро, какъ птицъ царь, несъ звукъ [4]) на Геликонъ;
Се ликъ одъ, притчъ творца, музъ чтителя Хвостова [5]),
Кой поле испестрилъ россійска красна слова.

ДОЖДЬ.

Притча [6]).

Однажды
Шелъ дождикъ дважды...
Гласитъ мужикъ:
„О, Зевсъ великъ!
Подчасъ и я не прочь, чтобъ дождикъ шелъ на время,
Но если два дождя, то ужъ несносно бремя."
Зевесъ ему въ отвѣтъ на то гремитъ:
— Послушай, братъ! ты жидъ;
Но христіанинъ будь, спроси лягушекъ племя.
Я зрю, что мóчится твое плѣшиво темя,
Но зрю, что и съ засухъ у нихъ спина болитъ.—

* * *

Когда бъ Зевесу внять, что вопіютъ нѣмчурки,
Французы, итальянцы, турки,
Пришлось ему играть бы въ жмурки [7]).

---

[1]) Жихаревъ перевелъ трагедію Кребильона „Атрей".

[2]) Плещеевъ, родственникъ Карамзина и позднѣе пріятель Жуковскаго, который живалъ у него въ орловской деревнѣ, мастеръ былъ импровизировать всякую чепуху и представлять въ лицахъ смѣшныхъ провинціаловъ, старыхъ женщинъ и т. п. Къ тому же онъ былъ хорошій музыкантъ, переложилъ на музыку многіе романсы Жуковскаго, былъ отличный актеръ и превосходный чтецъ, особенно драматическихъ произведеній (Примѣч. князя Вяземскаго).

[3]) „Русскій Архивъ" 1866 г. „Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго Архива". Стр. 499—500.

[4]) Варіантъ: „Какъ птичь царь, порхъ верхъ".

[5]) Варіантъ: „Графова".

[6]) Притчи писаны въ подражаніе притчамъ графа Хвостова, которыя были настольною и потѣшною книгою въ Арзамасѣ. Жуковскій всегда держалъ ее при себѣ и черпалъ въ ней нерѣдко свои арзамасскія вдохновенія. (Примѣчаніе Вяземскаго).

[7]) „Русскій Архивъ" 1866 г., стр. 473—474.

Чести принятія въ составъ „Арзамаса" удостоились и оба Пушкина: дядя уже два мѣсяца послѣ открытія общества, племянникъ же спустя два года.

V.

Едва лишь до Василья Львовича въ Москвѣ донеслась вѣсть объ основаніи новаго общества, которое должно было смѣхомъ и шуткой сбить дутую важность съ „бесѣдчиковъ", а въ числѣ ихъ и съ осмѣявшаго его самого Шишкова, какъ онъ тогда же, въ декабрѣ 1815 г., поскакалъ въ Петербургъ [1]). Но недаромъ онъ выразился разъ о пріятеляхъ своихъ:

„Ихъ дружество почти на ненависть похоже".

Его встрѣтили, правда, съ распростертыми объятіями; но увѣрили при этомъ, что всякій вновь вступающій въ „арзамасское" общество членъ долженъ предварительно подвергнуться извѣстному искусу. Будучи, подобно большинству тогдашней интеллигенціи, масономъ, Василій Львовичъ, пройдя уже въ масонствѣ чрезъ цѣлый рядъ испытаній и мытарствъ, въ простодушіи своемъ не заподозрилъ искренности друзей и съ покорностью далъ совершить надъ собою всѣ таинства посвященія.

На крестины новорожденнаго барыня-Арзамасъ первымъ дѣломъ потребовала весь туалетъ—и заочно дремавшіе кругомъ члены „Бесѣды" очнулись и вскочили съ креселъ [2]). Ему повязали глаза и, какъ „бѣдные читатели блуждаютъ въ мрачномъ лабиринтѣ славенскихъ періодовъ, отъ страницы до страницы вялые свои члены простирающихъ, какъ досточудные внуки сѣдой Славены добровольно ниспускаются въ бездны безвкусія и безсмыслицы",—такъ онъ, „съ непроницаемою повязкою на глазахъ, блуждалъ по опустѣвшимъ чертогамъ", „такъ ниспускался въ глубокія пропасти между гіеннами, онаграми, между халдеями „Бесѣды" и академіи" [3]). Наконецъ, его повалили на диванъ и накрыли всѣми наличными шубами, изображавшими „Расхищенныя шубы" кн. Шаховскаго, и надъ задыхающимся подъ ними секретарь „Свѣтлана" (Жуковскій) произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Какое зрѣлище передъ очами моими? Кто сей, обремененный толикими шубами страдалецъ? Сердце мое говоритъ, что это почтенный В. Л. Пушкинъ, тотъ Василій Львовичъ, который снисшелъ съ своею музою, чистою дѣвою Парнаса, въ обитель нечистыхъ барышенъ покушенія, и вывелъ ее изъ сего

---

[1]) При этомъ, впрочемъ, нелишне указать здѣсь, для характеристики Василія Львовича, что самъ онъ принималъ передъ тѣмъ нѣкоторое участіе въ „Бесѣдѣ" и сотрудничествовалъ въ „Академическихъ Извѣстіяхъ", какъ будетъ видно ниже.

[2]) „Русскій Архивъ" 1876 г. № 1-й. „Изъ Старой записной книжки". Стр. 63—64.

[3]) Тамъ же. Стр. 65.

вертепа не осрамленною, хотя и „близокъ былъ сундукъ“ [1]); тотъ Василій Львовичъ, который видѣлъ въ Парижѣ не одни переулки, но г. Фонтаня и г. Делиля [2]); тотъ Василій Львовичъ, который могуществомъ генія обратилъ дороднаго Крылова въ легкокрылую малиновку [3]). Все это говоритъ мнѣ мое сердце. Но что же говорятъ мнѣ мои очи? Увы! Я вижу предъ собою одну только груду шубъ. Подъ сею грудою существо друга моего, орошенное хладнымъ потомъ. И другу моему не жарко. И не будетъ жарко, хотя бы груда сія возвысилась до Олимпа и давила его, какъ Этна Энцелада. Такъ точно! Сей Василій Львовичъ есть Энцеладъ: онъ славно вооружился противъ Зевеса—Шутовскаго [4]) и пустилъ въ него утесистый стихъ, раздавившій ему чрево. Но что же? Сей издыхающій Зевесъ наслалъ на него, смиренно пѣшешествующаго къ „Арзамасу“, мятель „Расхищенныхъ шубъ“. И не спасла его дѣвственная муза, матерь „Буянова“. И лежитъ онъ подъ страшнымъ сугробомъ шубъ прохладительныхъ. Очи его постигла курячья слѣпота „Бесѣды“; тѣло его покрыто проказою сотрудничества, и въ членахъ его пакость „Академическихъ Извѣстій“, издаваемыхъ г. Шишковымъ. О, другъ нашъ! Скажу тебѣ просто твоимъ же непорочнымъ стихомъ: „терпѣніе, любезный!“ Сіе испытаніе, конечно, есть мзда справедливая за нѣкіе тайные грѣхи твои. Когда бы ты имѣлъ совершенную чистоту арзамасскаго гуся, тогда бы прямо и безпрепятственно вступилъ въ святилище „Арзамаса“; но ты еще скверенъ; еще короста „Бесѣды“, покрывающая тебя, несовсѣмъ облупилась. Подъ сими шубами испытанія она отдѣлится отъ твоего состава. Потерпи, потерпи, Василій Львовичъ. Прикасаюсь рукою дружбы къ мученической главѣ твоей. Да погибнетъ вѣтхій Василій Львовичъ! Да воскреснетъ другъ нашъ возрожденный „Вотъ!“. Разсыпьтесь, шубы! Возстань, другъ нашъ! Гряди къ „Арзамасу“! Путь твой труденъ. Ожидаетъ тебя испытаніе. „Чудище обло, озорно, трезѣвно и лаяй“ ожидаетъ тебя за сими дверями. Но ты низложи сего Пиѳона, облобызай сову правды, прикоснись къ лирѣ мщенія, умойся водою потока и будешь достоинъ вкусить за трапезою отъ арзамасскаго гуся, и онъ войдетъ въ святилище желудка твоего безъ перхоты и изыдетъ изъ онаго безъ натуги“ [5]).

Новокрещенному „Воту“ былъ врученъ „лукъ Іонафана“. Таинственная дверь раскрылась и очамъ испытуемаго предстало „чудище обло, озорно, трезѣвно и лаяй“, иначе: чучело „съ блѣднымъ, изсохшимъ ликомъ славенофила“. Натянувъ тетиву, онъ пустилъ стрѣлу—и чучело упало; но въ то же мгновеніе стоявшій за чучеломъ мальчикъ выстрѣлилъ въ него въ упоръ изъ пистолета—конечно, холостымъ зарядомъ. Неприготовленный къ такому сюрпризу, Василій Львовичъ грохнулся на земь и, воображая себя уже убитымъ, такъ и остался недвижимъ [6]).

Тутъ „Рѣзвый котъ“ (Северинъ) сказалъ надъ поверженнымъ прочувствованное слово, въ которомъ, сравнивая его съ „предкомъ его Дантомъ, ведомымъ божественнымъ Виргиліемъ въ подземные

---

[1]) Изъ поэмы „Опасный сосѣдъ“.

[2]) Намекъ на вышеприведенный отзывъ объ немъ Шишкова и 2-е посланіе къ Дашкову.

[3]) Василій Львовичъ въ баснѣ „Соловей и Малиновка“ сравнивалъ Крылова съ малиновкою.

[4]) Шутовскій—Шаховской.

[5]) „Русскій Архивъ“ 1876 г. № 1-й. Стр. 63—64.

[6]) „А. С. Пушкинъ, его жизнь и сочиненія“, изд. 1864 г. Стр. 25—26.

подвалы царства Плутона и Прозерпины", совѣтовалъ ему не страшиться и смѣлыми шагами продолжать свой путь.

Василій Львовичъ, ободрившись, приступилъ къ дальнѣйшимъ таинствамъ—цѣлованію лиры и совы, „сей вѣрной подруги арзамасскаго гуся, въ которой истинные арзамасцы чтятъ изображеніе сокровенной мудрости", а затѣмъ, съ замороженнымъ „благолѣпнымъ" гусемъ, симъ „истиннымъ символомъ Арзамаса" въ рукахъ, окунулся въ „потокъ Липецкій", т. е. въ „Липецкія Воды" кн. Шаховскаго, или, по-просту, въ лохань, дабы „омыть остатки бесѣдныя скверны". Цѣлованіе сопровождалось неизбѣжною рѣчью, имечно члена „Чу!" (Дашкова), а омовеніе—рѣчью „Кассандры" (Блудова). Послѣднее слово принадлежало, по окончаніи всѣхъ испытаній, младшему члену—„Асмодею" (князю Вяземскому), сказавшему, между прочимъ, слѣдующее:

„Непостижимы приговоры Провидѣнія! Я, юный ратникъ на полѣ жизни, младшій на поляхъ „Арзамаса", пріемлю кого? Героя, посѣдѣвшаго въ буряхъ житейскихъ, прославившагося давно подъ знаменами вкуса, ума—и „Арзамаса"! Того, который первый водрузилъ хоругвь независимости на башняхъ халдейскихъ, первый прервалъ безмолвіе робости, первый вырвалъ перо изъ крыла безвѣстнаго еще тогда арзамасскаго гуся, и пламенными чертами написалъ манифестъ о войнѣ съ противниками подъ именемъ посланія къ „Свѣтланѣ", и продолжалъ послѣ вызывать враговъ на частыя битвы, битвы трудныя, но навсегда увѣнчавшія сына арзамасской крѣпости новою славою, новыми трофеями, новыми залогами побѣды... Приди, о мой отче! О, мой сынъ, побѣдившій всѣ испытанія, переплывшій бурныя пучины водъ... Судьба, отворившая тебѣ двери святилища послѣ всѣхъ и, такъ сказать, замыкающая тобою торжественный рядъ арзамасскихъ гусей, хотѣла оправдать знаменитое предсказаніе, что нѣкогда первые будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми. Сердце мое и разсудокъ удостовѣряютъ меня въ справедливости моей догадки. Такъ! Ты будешь староста „Арзамаса"...

Смиренно подчинившись всѣмъ вступительнымъ искусамъ, неофитъ нашъ съ тою же искренностію произнесъ и свою отвѣтную рѣчь, которую мы приводимъ также въ извлеченіи:

„Правила почтеннѣйшаго нашего сословія повелѣваютъ мнѣ, любезнѣйшіе арзамасцы, совершить себѣ самому надгробное отпѣваніе [1]; но я не считаю себя умершимъ. Напротивъ того, я воскресъ, ибо нахожусь посреди васъ; я воскресъ, ибо навсегда оставляю мертвыхъ умомъ и чувствами. Не мертвъ ли духомъ и умомъ тотъ, который почитаетъ Омира и Виргилія скотами, который не позволяетъ переводить Тасса и въ публичномъ, такъ-называемомъ ученомъ, собраніи ругаетъ Горація? Не мертвъ ли чувствами и тотъ, который прекрасныя баллады почитаетъ твореніемъ уродливымъ, а самъ пишетъ уродливыя оды и не понимаетъ того, что ему предстоятъ не рукоплесканія, но свистки и Мидасовы уши...

„Къ сожалѣнію моему, я исполню сердца любезныхъ арзамасцевъ чувствительною горестію. Я возвѣщу вамъ кончину юноши [2]), въ дѣтствѣ ума и дѣтствѣ тѣлесномъ пребывающаго, юноши достойнѣйшаго, питомца великаго

---

[1]) За то, что онъ принадлежалъ прежде къ „бесѣдчикамъ".

[2]) Новый арзамасецъ выбралъ себѣ для отпѣванія изъ здравствовавшихъ членовъ „Бесѣды" моряка князя Шихматова.

патріарха халдеевъ [1]), утверждающаго, что тротуары должны называться пѣшниками, а жареный гусь—печениною; юноши, которому кортикъ не препятствовалъ держать въ рукѣ перо на безславіе литературы, но во славу досточестной „Бесѣды"...

„Горящія свѣщи, обернутыя въ „Письма схимника", освѣщаютъ воздвигнутый усопшему катафалкъ. „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ" служитъ ему возглавіемъ, „Разсужденіе объ одахъ"—въ десницѣ его, „Бдѣнія Тассовы", „Похвальныя слова" и переводы „Андромахи", „Ифигеніи", „Гамлета" и „Китайской сироты" лежатъ у подножія гроба. Патріархъ халдеевъ изрыгаетъ корни словъ въ ужасной горести своей. Онъ, уныло преклонивъ сѣдожелтую главу свою, машетъ надъ лежащимъ въ гробѣ „Извѣстіями академическими" и кадитъ въ него „Прибавленіемъ" къ „Прибавленіямъ". Онъ не чувствуетъ, что тѣмъ лишь умножаются печаль, скука и угрюмость друзей, хладный трупъ окружающихъ. Плодовитый творецъ безчисленныхъ и безсмысленныхъ одъ, палачъ Депрео и Расина [2]), стоитъ смиренно надъ гробомъ и, осыпая умершаго грязью и табакомъ, бормочетъ стихи въ похвалу его. Увы! Онъ еще спѣлъ ихъ до кончины несчастнаго, успѣлъ напечатать, ибо любитъ „писать стихи и отдавать въ печать", раздаетъ ихъ сотоварищамъ своимъ—и сотоварищи его не читаютъ ихъ! Секретарь „Бесѣды", ничего никогда не сочинившій и едва знающій грамотѣ, бѣснуясь топаетъ ногами и стучитъ крючковатою тростію. Толсточреватый сочинитель „Липецкихъ Водъ" кропитъ ими въ умершаго и тщится согрѣть его овчинными „Шубами" своими. Но все тщетно: онъ лежитъ бездыханенъ! Давно ли я, дерзновенный, воспѣвалъ невиннаго юношу, именуя его „варягороссомъ", и „кумомъ славенофила"? И се успе! Длинныя уши его повисли, уста охладѣли, ноги протянулись. Стихотворенія пѣснопѣвца, въ которыхъ столь мало глаголовъ и столь много пустоглаголанія, останутся навсегда въ подвалахъ Глазунова и Заикина, останутся на съѣдѣніе стихожаднымъ крысамъ, и даже самъ патріархъ халдейскій забудетъ о нихъ! О, vanitas vanitatum et omnia vanitas!

„Почтеннѣйшіе сограждане Арзамаса! Я не буду исчислять подвиговъ вашихъ. Они всѣмъ извѣстны. Я скажу только, что каждый изъ васъ приводитъ сочлена „Бесѣды" въ содроганіе, точно такъ, какъ каждый изъ нихъ производитъ въ собраніи нашемъ смѣхъ и забаву. Да вѣчно сіе продолжится!.. Пусть сычи вѣчно останутся сычами: мы вѣчно будемъ удивляться многоплоднымъ ихъ произведеніямъ, вѣчно отпѣвать ихъ, вѣчно забавляться ихъ трагедіями, плакать и зѣвать отъ ихъ комедій, любоваться нѣжностію ихъ сатиръ и колкостію ихъ мадригаловъ. Вотъ чего я желаю, и чего вы, любезнѣйшіе товарищи, должны желать непрестанно для утѣшенія и чести Арзамаса" [3]).

Предъ такою блистательною рѣчью новаго члена, и слогомъ и содержаніемъ вполнѣ отвѣчавшей традиціямъ „Арзамаса", старые члены по-неволѣ должны были сложить оружіе, и Василій Львовичъ, названный выше въ рѣчи кн. Вяземскаго „старостою Арзамаса", такъ и сохранилъ за собою этотъ титулъ, на ряду съ кореннымъ прозвищемъ своимъ „Вотъ!"

Пріемъ молодаго племянника почтеннаго „старосты" въ число арзамасцевъ послѣдовалъ уже по выходѣ Александра Сергѣевича изъ лицея, въ октябрѣ 1817 года. Вступительную рѣчь свою разрѣшено

[1]) Т. е. Шишкова.
[2]) Озеровъ.
[3]) „Рус. Архивъ" 1876 г., № 1-й. Стр. 64—70.

было ему, въ видѣ исключенія, прочесть стихами, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, дошли до насъ только слѣдующіе:

„Вѣнецъ желаніямъ! Итакъ, я вижу васъ,
О, други смѣлыхъ музъ, о, дивный Арзамасъ!
. . . .
Гдѣ славилъ нашъ Тиртей кисель [1]) и Александра,
Гдѣ смерть Захарову пророчила Кассандра [2])...

Имя новому члену было дано „Сверчекъ" изъ 5-й строфы „Свѣтланы":

„Съ трескомъ вспыхнулъ огонекъ,
Крикнулъ жалобно сверчекъ,
Вѣстникъ полуночи"...

въ виду того, что онъ, по выраженію одного изъ арзамасцевъ, „въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Петербурга, спрятанный въ стѣнахъ лицея, прекрасными стихами уже подавалъ оттуда свой звонкій голосъ" [3]).

Именемъ же „Сверчка" или, точнѣе: „Св..ч.к." была подписана его пьеса: „Мечтателю", напечатанная въ 1818 г. въ „Сынѣ Отечества" [4]). Подъ другою пьесою: „къ Жуковскому", написанною еще въ 1817 г., но появившеюся въ печати только послѣ смерти поэта, въ 1840 году, въ рукописи имѣется подпись: „Арзамасецъ" [5]). Начинается это стихотвореніе прямымъ указаніемъ на пріемъ поэта въ арзамасскій кружокъ:

„Благослови, поэтъ! Въ тиши Парнасской сѣни,
Я съ трепетомъ склонилъ предъ музами колѣни"...

Далѣе слѣдуютъ поэтическіе громы и молніи противъ „бесѣдчиковъ":

„Тѣ слогомъ Никона печатаютъ поэмы,
Одни славянскихъ одъ громады громоздятъ,
Другіе въ бѣшеныхъ трагедіяхъ хрипятъ;
Тотъ, вѣрный своему мятежному союзу,
На сцену возведя зѣвающую музу,
Безсмертныхъ геніевъ сорвать съ Парнаса мнитъ...
...Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой,
Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной лирой,
Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой,
Кто выражается правдивымъ языкомъ,
И русской глупости не хочетъ бить челомъ!
Онъ—врагъ отечества, онъ—сѣятель разврата,
И рѣчи сыплются дождемъ на супостата...
...Пускай бесѣдуютъ отверженные Феба.
Имъ прозы, ни стиховъ не посланъ даръ отъ неба;
Ихъ слава имъ же стыдъ, творенья—смѣхъ уму,
И въ тьмѣ возникшіе низвергнутся во тьму".

---

[1]) „Овсяный кисель".
[2]) „Блудовъ-„Кассандра", при пріемѣ своемъ въ общество, хоронилъ малодаровитаго писателя Захарова, члена „Бесѣды", и нѣсколько дней спустя, тотъ, дѣйствительно, былъ похороненъ.
[3]) „Московскія Вѣдомости" 1855 г., № 142-й.
[4]) „Соч. А. С. Пушкина", изд. 1855 г. Т. I. „Матеріалы для біографіи". Стр. 49.
[5]) „Соч. Пушкина", изд. 1855 г., т. II. Примѣч. къ стих. 1817 г., стр. 184.

Слова юнаго поэта—увы! вполнѣ оправдались. Самъ онъ хотя участвовалъ въ засѣданіяхъ общества всего одинъ разъ—при вступленіи; само общество хотя и распалось вскорѣ вслѣдствіе того, что многіе самые вліятельные изъ его членовъ уѣхали изъ Петербурга: Жуковскій и Тургеневъ—въ Москву, вмѣстѣ съ переселившимся туда дворомъ, Дашковъ и Блудовъ, въ дипломатической миссіи,—въ Константинополь и Лондонъ; но „Арзамасъ“ сдѣлалъ свое дѣло: свѣжимъ дуновеніемъ своимъ пошатнулъ въ глазахъ общества авторитетъ ревнителей „стараго слога“.

VI.

Для одного Василія Львовича, быть можетъ, упраздненіе „Арзамаса“ было особенно ощутительно. Собственная пѣсня его какъ-бы была вмѣстѣ съ тѣмъ спѣта. Геніальный племянникъ безвозвратно уже оттѣснилъ его, дядю, на задній планъ; если говорили о Пушкинѣ, то разумѣли не его, почтеннаго „старосту арзамасскаго“, а маленькаго „Сверчка“, Александра Сергѣевича. Самъ стихотворецъ, онъ не могъ въ душѣ не понимать того всеобщаго восторга, который, чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе вызывался музою молодаго поэта; онъ отчасти, вѣроятно, и самъ невольно восхищался ею, на сколько то позволяло ему его затронутое авторское самолюбіе. Что оставалось ему, какъ не искать утѣшенія въ сладостяхъ жизни—въ ѣдѣ и питьѣ, которыхъ онъ всегда былъ завзятымъ поклонникомъ? И вотъ, на пятидесятомъ году жизни у него проявляются неизбѣжные припадки подагры, которая десять лѣтъ спустя, въ 1830 году, и свела его въ могилу. О послѣднихъ минутахъ его Александръ Сергѣевичъ разсказываетъ въ письмѣ къ одному пріятелю:

„Бѣдный дядя Василій! Знаешь ли его послѣднія слова? Пріѣзжаю къ нему, нахожу его въ забытьи; очнувшись, онъ узналъ меня; погоревалъ, потомъ, помолчавъ: „какъ скучны статьи Катенина“! [1]) И болѣе ни слова. Каково? Вотъ что значитъ умереть честнымъ воиномъ на щитѣ, le cri de guerre à la bouche! [2])

Къ этому прибавляютъ, что самъ Александръ Сергѣевичъ, послѣ приведенныхъ словъ умирающаго, вышелъ на цыпочкахъ изъ комнаты, сказавъ шепотомъ окружающимъ: „Господа, выйдемте; пусть это будутъ послѣднія его слова“ [3]).

Другіе передаютъ дѣло иначе: будто Василій Львовичъ, уже при смерти больной, дотащился черезъ силу съ постели до одного изъ

---

[1]) Въ „Литературной газетѣ“ барона Дельвига, въ 1830 году, помѣщался рядъ статей Катенина объ исторіи словесности подъ заглавіемъ: „Размышленія и разборы“.

[2]) „Русскій Архивъ“, 1870 г. Стр. 1369.

[3]) Тамъ-же. Замѣтка П. Бартенева.

своихъ книжныхъ шкаповъ, досталъ пѣсни любимца своего Беранжè, перебрался на диванъ залы и здѣсь, съ дорогою ему книжкою въ рукахъ, испустилъ послѣдній вздохъ [1]).

Похоронили Василія Львовича въ Донскомъ монастырѣ, куда несъ его племянникъ отъ самаго дома покойнаго на Басманной [2]).

Какое же мѣсто принадлежитъ В. Л. Пушкину въ исторіи русской литературы?

Стихотворенія его, давно забытыя, сами по себѣ никакого эстетическаго значенія для насъ уже не представляютъ. Но самъ онъ, какъ особенно рельефный и любопытный типъ извѣстнаго направленія русской литературы своего времени, заслуживаетъ полнаго нашего вниманія. Еще бо́льшій интересъ, однако, пріобрѣтаетъ онъ для насъ тѣмъ, что, благодаря именно его обширнымъ литературнымъ связямъ, знаменитый впослѣдствіи племянникъ его, уже въ домѣ отца лично ознакомясь съ лучшими представителями тогдашней нашей литературы, съ малолѣтства попалъ въ поэтическую колею; причемъ живой примѣръ дяди-стихотворца, естественно, долженъ былъ постоянно поощрять начинающаго поэта на стихотворномъ полѣ; и, дѣйствительно, многія изъ его лицейскихъ произведеній (особенно посланія) носятъ еще на себѣ довольно явственный отпечатокъ полушутливой, полувыспренней музы Василія Львовича.

В. Авенаріусъ.

---

[1]) „Ал. Серг. Пушкинъ въ Александровскую эпоху". П. Анненкова. Стр. 8.; „Отеч. Записки" 1853 г., № 11-й. Ст. П. Бартенева. Стр. 13.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ [1].

XIX.

Первыя политическія телеграммы въ русскихъ газетахъ.—Телеграфныя агентства.

ОТЯ электрическій телеграфъ былъ ранѣе другихъ государствъ устроенъ въ Россіи, именно въ 1834 году, барономъ Шиллингомъ фонъ-Канштатъ, а въ Англіи появился годомъ позже, однако только Крымская война доказала намъ крайнюю необходимость подобнаго ускоренія въ доставленіи извѣстій. Вслѣдствіе того и частныя телеграфическія извѣстія появились въ русскихъ газетахъ только послѣ Парижскаго мира 1856 года, когда въ Лондонѣ существовало уже телеграфное агентство Рейтера, въ Берлинѣ Вольфа, а въ Парижѣ Гаваса. Первая политическая телеграмма изъ-за-границы появилась 20-го ноября 1856 года, въ № 255 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей". Она начиналась такъ: „Берлинъ, 29-го (17) ноября. Сегодня король открылъ палаты", и т. д. Одновременно она появилась и въ „Journal de St.-Pétersbourg" и, какъ оказалось впослѣдствіи, получена была министромъ иностранныхъ дѣлъ, княземъ Горчаковымъ, и передана была имъ въ означенную французскую газету, сообщившую ее и „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ", выходившимъ подъ редакціею Амплія Николаевича Очкина, при „непосредственномъ" участіи въ ихъ изданіи А. А. Краевскаго. Эта телеграмма напечатана была чрезъ двое сутокъ по полученіи въ Петербургѣ. Въ то время не существовало еще желѣзной дороги къ

[1]) Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ". Т. VII стр. 346—362.

прусской границѣ, а потому такое промедленіе въ обнародованіи депеши не отняло у нея интереса новизны.

Въ объявленіяхъ объ изданіи петербургскихъ газетъ на 1857 годъ ни слова не было сказано о томъ, что въ нихъ будутъ помѣщаться телеграфныя извѣстія; но въ № 283 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" (25-го декабря 1856 г.) появилось слѣдующаго рода объявленіе: „Редакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" устроила сношенія съ главными телеграфными станціями въ Европѣ и съ 1857 года будетъ получать телеграфическія депеши. Это нововведеніе, на которое не рѣшалась еще ни одна русская газета". Дѣйствительно, съ 1-го января 1857 года стали появляться въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", одновременно съ „Journal de St.-Pétersbourg", телеграммы тождественнаго содержанія. Оказалось, что редакціи этихъ двухъ газетъ вошли между собою въ соглашеніе для раздѣленія расходовъ, сопряженныхъ съ полученіемъ телеграфическихъ депешъ. Въ то время телеграммы обходились очень дорого, особенно въ Россіи, отдѣленной отъ Европы пространствомъ въ тысячу верстъ. До телеграфной конвенціи 5 (17-го) мая 1865 года, понизившей цѣну двадцатисловной телеграммѣ въ Лондонъ до 3 р. и 2 р. 88 к., она обходилась подателю въ 6 руб. Телеграфныхъ агентствъ въ Россіи еще не существовало, а потому и облегченія въ расходахъ на телеграммы для русскихъ газетъ не могло и быть.

Увидавъ появленіе въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" политическихъ частныхъ телеграммъ, я убѣдилъ Н. И. Греча ввести подобную новизну и въ „Сѣверной Пчелѣ", доказавъ невозможность дальнѣйшаго ея существованія при такой конкуренціи. Онъ послушался моего совѣта и немедленно написалъ къ тогдашнему корреспонденту „Сѣверной Пчелы" въ Берлинъ, г. Луи Шнейдеру (чтецу и библіотекарю короля), съ просьбою устроить передачу политическихъ телеграммъ для газеты. Г. Шнейдеръ вошелъ въ соглашеніе съ тамошнимъ агентствомъ Вольфа (тогдашнимъ издателемъ „Національной Газеты"), и первая депеша появилась въ „Сѣверной Пчелѣ" 8-го января 1857 года (въ № 6-мъ), присланная изъ Берлина, отъ 6-го (18) января. Такъ какъ полученіе одною редакціею всѣхъ телеграммъ изъ-за-границы, при тогдашней высокой цѣнѣ ихъ, было обременительно, то редакція „Сѣверной Пчелы" въ 1857 году соединилась для того съ редакціею „Русскаго Инвалида". Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ появленія въ петербургскихъ ежедневныхъ газетахъ заграничныхъ политическихъ телеграммъ, эти періодическія изданія раздѣлились на двѣ группы: къ одной принадлежали „С.-Петербургскія Вѣдомости" и „Journal de St.-Pétersbourg", къ другой—„Сѣверная Пчела" и „Русскій Инвалидъ". По мѣрѣ появленія во всѣхъ четырехъ газетахъ политическихъ телеграммъ, становилось очевиднымъ для каждаго, что газеты получаютъ ихъ изъ одного источника—телеграфнаго агентства Вольфа въ Берлинѣ. Объ „устройствѣ сношеній съ главными телеграфными станціями въ Европѣ", возвѣщенномъ редакціею „С.-Пе-

тербургскихъ Вѣдомостей", не было и рѣчи и доказывало только незнаніе ею телеграфнаго дѣла. Агентство Вольфа воспользовалось недостаткомъ единогласія между петербургскими редакціями и ловко эксплуатировало ихъ впродолженіе 1857 года. Сверхъ стоимости депеши за передачу по телеграфу, оно брало комиссіоннаго вознагражденія за каждую телеграмму, сообщавшую извѣстія изъ самаго Берлина, по 5 талер., а съ извѣстія извнѣ Берлина—по 10 талер. (4 р. 50 к. и 9 р. метал.). Недовольствуясь этимъ барышомъ, агентство платило по тарифу за передачу только одной телеграммы, напримѣръ, на имя Греча, и приказывало выдать съ нея копію редакціи „Journal de St.-Pétersbourg", съ которой получало, однако, плату сполна, какъ бы депеша была передана ей одной въ Петербургѣ. Агентство получало поэтому 10 или 20 талер. вознагражденія за каждую телеграмму, съ присовокупленіемъ цѣны телеграммы, слѣдовавшей по тарифу.

Ознакомившись въ 1857 году со способомъ полученія телеграммъ, устройствомъ телеграфныхъ агентствъ и ихъ взаимными отношеніями, я успѣлъ убѣдить редакціи соединиться вмѣстѣ для полученія депешъ изъ-за-границы и не давать болѣе возможности агентству Вольфа наживаться на ихъ счетъ. Лишь только оно узнало о такомъ соединеніи и о желаніи петербургскихъ редакцій дѣйствовать въ этомъ отношеніи единодушно, то немедленно значительно понизило свое комиссіонное вознагражденіе. Результатомъ соглашенія было нотаріальное условіе, явленное у биржеваго нотаріса Хольма, 21-го января 1858 года, между дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Гречемъ, статскимъ совѣтникомъ Очкинымъ и петербургскимъ второй гильдіи купцомъ Генрихомъ Гларнеромъ. Въ первомъ его параграфѣ было сказано: „Я, Гречъ, получая изъ чужихъ краевъ телеграфическія депеши о политическихъ событіяхъ, обязуюсь передавать эти депеши, немедленно по полученіи, статскому совѣтнику Очкину, для помѣщенія въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", и купцу Гларнеру, для помѣщенія въ „Journal de St.-Pétersbourg". По второму параграфу каждый изъ договаривавшихся обязывался уплачивать Гречу, по полученіи отъ него счета по доставкѣ телеграммъ изъ-за-границы, четвертую часть причитающейся за то суммы. Хотя контрактъ былъ подписанъ только тремя редакторами, но въ немъ принимала участіе и газета „Русскій Инвалидъ", редакторъ которой, полковникъ П. С. Лебедевъ, не нашелъ возможнымъ подписать это условіе по оффиціальному положенію своего изданія. Въ третьемъ параграфѣ условія было сказано: „Гларнеръ, съ своей стороны, обязывается передавать гг. Гречу и Очкину, съ разрѣшенія министерства иностранныхъ дѣлъ, телеграфическія депеши, получаемыя имъ отъ своихъ агентовъ и сообщаемыя ему, Гларнеру, для помѣщенія въ „Journal de St.-Pétersbourg", не требуя за то никакой платы, и притомъ такъ, чтобы эти депеши могли быть помѣщены въ „Сѣверной Пчелѣ" и въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" въ одинъ день съ „Journal de St.-Pétersbourg".

Этотъ параграфъ относился до телеграммъ, которыя, полученныя непосредственно министромъ иностранныхъ дѣлъ, княземъ Горчаковымъ, могли быть переданы имъ для напечатанія въ „Journal de St.-Pétersbourg“, изданіемъ котораго тогда завѣдывалъ купецъ Гларнеръ, участникъ въ книжной торговлѣ Дюфура (бывшей до него Беллизара, а нынѣ Мелье). Въ то время политическія телеграммы, полученныя для газетъ изъ-за-границы, отправлялись немедленно съ главной телеграфной станціи въ канцелярію министерства иностранныхъ дѣлъ и уже разрѣшенныя къ печати директоромъ ея, В. И. Вестманомъ, передавались тому редактору, на имя котораго были адресованы. Впослѣдствіи, съ учрежденіемъ въ 1866 году „Русскаго Телеграфнаго Агентства“, министерство иностранныхъ дѣлъ устранилось отъ непосредственнаго просмотра политическихъ заграничныхъ телеграммъ, адресованныхъ въ газеты, и обязанность эта возложена была, при тогдашнемъ министрѣ почтъ и телеграфовъ, графѣ Иванѣ Матвѣевичѣ Толстомъ, на особыхъ чиновниковъ изъ числа цензоровъ, просматривающихъ въ почтамтѣ заграничныя газеты, передъ выдачею ихъ въ публику. Перемѣну эту могъ произвести только Ив. М. Толстой, пользовавшійся въ то время сильнымъ вліяніемъ въ правительственныхъ сферахъ.

Появленіе въ петербургскихъ газетахъ политическихъ телеграммъ въ 1857 году обратило на себя вниманіе преимущественно коммерческаго сословія, по дѣламъ его съ заграничными государствами и по сознанію имъ выгодъ отъ быстраго полученія свѣдѣній о важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ. Главныя торговыя фирмы въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, уже пользовались услугами телеграфа для своихъ оборотовъ и сношеній, но дороговизна телеграммъ дѣлала ихъ доступными только наиболѣе богатымъ домамъ. Читая въ газетахъ политическія телеграммы, многія лица коммерческаго сословія стали выражать желаніе имѣть телеграфныя свѣдѣнія о цѣнахъ на товары, о требованіи на нихъ и проч. Узнавъ о такомъ желаніи, я рѣшился сдѣлать попытку удовлетворить его. Такъ какъ въ то время главные интересы русской товарной торговли были сосредоточены на лондонской биржѣ, то я обратилъ преимущественно на нее вниманіе. Добывъ себѣ адресъ одного лондонскаго маклера и корреспондента нѣкоторыхъ русскихъ фирмъ въ Петербургѣ, по имени Гарботель, я, сославшись на рекомендацію послѣднихъ, предложилъ ему разъ въ недѣлю посылать мнѣ пространную телеграмму съ лондонскими цѣнами на главные русскіе товары. Г. Гарботель жилъ прежде въ Россіи, зналъ русскій языкъ и понималъ, какого рода свѣдѣнія интересуютъ нашъ торговый міръ. Онъ немедленно исполнилъ мое порученіе и уже 19-го февраля (3-го марта) 1857 года я получилъ первую коммерческую телеграмму изъ Лондона отъ того же числа. Я ее разослалъ въ видѣ пробы всѣмъ торговымъ фирмамъ въ Петербургѣ. Эта телеграма разослана была на половину писанная моею рукою, потому что

печатныя рубрики не соотвѣтствовали вполнѣ содержанію присланной депеши. Видя на опытѣ замедленіе въ разсылкѣ телеграммъ при воспроизведеніи ихъ подобнымъ образомъ, я рѣшился ихъ печатать, тѣмъ болѣе, что немедленно послѣ разсылки первой депеши оказалось около 60 подписчиковъ. Но для печатанія телеграммъ необходимо было разрѣшеніе на изданіе соотвѣтственной тому газеты. Въ это время отецъ мой, профессоръ сельскаго хозяйства въ петербургскомъ университетѣ, пріостановилъ изданіе своей еженедѣльной газеты „Посредникъ", въ программу которой входилъ, сверхъ сельскаго хозяйства и естественныхъ наукъ, отдѣлъ биржевыхъ цѣнъ на разные товары на русскихъ и заграничныхъ рынкахъ. Заручившись его согласіемъ на передачу мнѣ „Посредника", я отправился къ цензору Николаю Васильевичу Елагину и откровенно объяснилъ ему цѣль предпринятаго мною дѣла, неотложность для того газеты и необходимость обойти нѣкоторыя формальности, а именно—выпускъ газеты только съ содержаніемъ по одному отдѣлу программы, появленіе въ свѣтъ изданія послѣ его непродолжительнаго прекращенія безъ предварительнаго оповѣщенія о томъ публики и заявленія цензурному комитету и проч. Что касается до имени редактора, то тогда не требовалось цензурнымъ уставомъ непремѣнно подписей издателя и редактора подъ періодическими изданіями [1]), слѣдовательно, до испрошенія разрѣшенія установленнымъ порядкомъ, газета „Посредникъ" могла числиться за моимъ отцомъ.

Цензоръ Елагинъ, съ которымъ я былъ давно знакомъ по ежедневнымъ сношеніямъ по „Сѣверной Пчелѣ", выслушавъ мое объясненіе, отвѣчалъ, что онъ не находитъ препятствія взять на себя пропускъ газеты „Посредникъ", хотя и не уполномоченъ на то цензурнымъ комитетомъ, но съ условіемъ, чтобы я немедленно подалъ надлежащее прошеніе. Дѣйствительно, № 1-й „Посредника" вышелъ 27-го февраля съ телеграммою изъ Лондона, отъ 26-го февраля. Н. В. Елагинъ, возвращая мнѣ корректуру этого нумера, писалъ 27-го февраля: „Посредникъ" одобренъ къ печатанію и возвращается при семъ. Разсылайте его съ Божіею помощію".

Цензоръ Н. В. Елагинъ не пользовался расположеніемъ въ литературномъ и журнальномъ мірѣ. Дѣйствительно, очень часто онъ просматривалъ и одобрялъ къ печати статьи и отдѣльныя сочиненія неумолимо строго, что для многихъ казалось придирчивостью и стѣсненіемъ. Но такой образъ дѣйствія вызывался усвоенными имъ себѣ принципами, отъ которыхъ онъ не отступалъ и которые не совпадали съ воззрѣніями литераторовъ и журналистовъ. Съ другой стороны, Н. В. Елагинъ переставалъ быть строгимъ формалистомъ, когда вопросъ шелъ о полезномъ дѣлѣ, особенно въ примѣненіи

---

[1]) Только съ 8-го апрѣля 1864 года, по высочайшему повелѣнію, предписано было цензурнымъ комитетомъ непремѣнно выставлять на каждомъ нумерѣ изданія имя отвѣтственнаго его редактора.

его въ Россіи. Убѣдившись, что изданіе „Посредника" принесетъ пользу русской торговлѣ, русскимъ купцамъ, удешевивъ для нихъ полученіе коммерческихъ телеграммъ, онъ смѣло перешагнулъ формальности и подписалъ разрѣшеніе на выпускъ газеты въ свѣтъ.

Дѣло не обошлось, однако, безъ бури, хотя бы и цензурной. Первоначально потребовали въ канцелярію министра народнаго просвѣщенія моего отца, а потомъ и меня, когда узнали отъ него, что телеграфную газету, небывалую еще въ Россіи, затѣялъ я. Между тѣмъ, прошеніе, поданное мною въ цензурный комитетъ объ измѣненіи програмы газеты „Посредникъ", о передачѣ ея изданія мнѣ и объ учащеніи выхода ея до пяти разъ въ недѣлю, немедленно по полученіи телеграммъ изъ-за-границы, представлено было уже 1-го марта 1857 года комитетомъ въ главное управленіе цензуры. Директоръ канцеляріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Берте, встрѣтилъ меня рѣзкимъ замѣчаніемъ, что я началъ изданіе новой газеты безъ надлежащаго разрѣшенія. Я ему подробно разъяснилъ, что газета „Посредникъ" дозволена, что нѣтъ закона, по которому въ каждомъ нумерѣ газеты помѣщались бы статьи по всѣмъ предметамъ програмы, что это предпріятіе общеполезное, что вышедшіе уже два нумера не содержатъ въ себѣ ничего противозаконнаго и, наконецъ, что надлежащее прошеніе подано въ цензурный комитетъ. Результатъ свиданія былъ въ мою пользу. Хотя съ № 4-го газеты она передана была отъ Н. В. Елагина другому цензору для просмотра, именно г. Мацкевичу, но цѣль была достигнута и новое изданіе получило право гражданства. Коммерческій міръ принялъ газету „Посредникъ" съ полнымъ расположеніемъ. Въ немъ составилось о цѣли ея изданія и о вѣрности сообщаемыхъ свѣдѣній, благопріятное мнѣніе, которое, сдѣлавшись извѣстнымъ въ правительственныхъ сферахъ, доставило полное разрѣшеніе просимымъ мною измѣненіямъ въ програмѣ. Съ № 14-го (24-го мая) я могъ уже начать выпускать газету пять разъ въ недѣлю, утромъ и вечеромъ, такъ какъ въ торговомъ мірѣ потребовали у меня телеграммъ съ лондонской биржи ежедневно (за исключеніемъ субботъ и воскресеній). Такимъ образомъ, я получилъ право на изданіе новой ежедневной газеты, что въ то время было несовсѣмъ легко, только благодаря тому, что, одновременно съ просьбою о разрѣшеніи мнѣ ея изданія, выказалъ на практикѣ ея пользу и необходимость для русскаго торговаго міра. Въ этомъ отношеніи Н. В. Елагинъ оказалъ мнѣ очень существенную помощь, повѣривъ моимъ объясненіямъ.

Съ учащеніемъ выхода „Посредника", цѣна ему за годовое изданіе назначена была 100 руб., вмѣсто 10 руб. Всѣ подписчики охотно приплатили до новой цѣны, которая считалась за годъ съ 18-го мая. Иногороднымъ газета разсылалась въ штемпельныхъ почтовыхъ конвертахъ, вслѣдствіе чего газета получалась своевременно, не терялась на почтѣ, и за что провинціальные подписчики безъ стѣсне-

нія платили стоимость подобной пересылки, усматривая для себя пользу отъ ускоренія полученія вѣрныхъ торговыхъ свѣдѣній. Съ октября я сталъ печатать свою газету на синей почтовой бумагѣ, въ восьмую долю листа, но выпускалъ часто въ двойномъ форматѣ. Къ телеграммамъ и другимъ заграничнымъ коммерческимъ извѣстіямъ я присоединилъ, съ 20-го мая, ежедневные отчеты объ оборотахъ товарами на петербургской биржѣ. Такія ежедневныя свѣдѣнія, отличавшіяся свѣжестью данныхъ, привлекли также подписчиковъ не только изъ провинціи, но и въ самомъ Петербургѣ, потому что въ „Посредникѣ" помѣщались не однѣ цѣны, но и сопровождавшія торговые обороты обстоятельства. Издававшаяся тогда „Коммерческая газета", при министерствѣ финансовъ, не только не выходила ежедневно, но и отличалась запоздалыми, скудными свѣдѣніями собственно объ оборотахъ русской торговли. Совершенствуя свое изданіе, я завелъ корреспондентовъ внутри Россіи, изъ главныхъ центровъ ея торговли, вѣрность сообщаемыхъ которыми свѣдѣній усилила достоинство изданія.

Между тѣмъ, шесть лѣтъ тому назадъ, цензура мнѣ запретила сообщать въ „Сѣверной Пчелѣ" торговыя и товарныя свѣдѣнія. Въ 1851 году, съ 6-го іюня, во время лѣтняго отсутствія изъ Петербурга Ѳ. В. Булгарина, я сталъ писать по средамъ еженедѣльный фельетонъ. Въ концѣ одного изъ нихъ, въ августѣ, я помѣстилъ услышанныя мною отъ купцовъ свѣдѣнія объ урожаѣ, о цѣнахъ на хлѣбъ, сало, пеньку и проч., съ обстоятельными причинами повышенія или пониженія. Тогдашній цензоръ „Сѣверной Пчелы", Александръ Лукичъ Крыловъ, зачеркнувъ весь конецъ моего фельетона, положилъ слѣдующую резолюцію: „Свѣдѣнія о цѣнахъ на биржевые товары помѣщаются въ „Коммерческой газетѣ", издаваемой при министерствѣ финансовъ, которое располагаетъ вѣрными данными. Биржевое купечество можетъ обидѣться, если цѣны, сообщаемыя въ „Сѣверной Пчелѣ", окажутся невѣрными, и войти съ жалобою къ надлежащему начальству. Поэтому цѣны о товарахъ могутъ быть помѣщаемы въ „Сѣверной Пчелѣ" только заимствованныя изъ „Коммерческой газеты", чтобы не причинять неудовольствія биржевому купечеству". Нынѣ не повѣрятъ возможности подобныхъ цензорскихъ рѣшеній!

На русскихъ биржахъ обороты въ тѣ времена сосредоточивались преимущественно на товарахъ отпускныхъ и привозныхъ. Фондовая биржа почти не существовала. Обороты фондами, при ограниченномъ числѣ тогда правительственныхъ займовъ, сосредоточивались не на биржѣ, а въ знаменитомъ тогда банкирскомъ домѣ Штиглица и комп., представителемъ котораго въ 1857 году былъ сынъ его учредителя, баронъ Александръ Лудвиговичъ, недавно произведенный въ дѣйствительные тайные совѣтники. Цѣны фондамъ устанавливались этимъ банкиромъ, равно какъ и вексельные курсы, по вторникамъ и пятницамъ. Баронъ Штиглицъ носилъ почетный титулъ „придворнаго бан-

кира", который, по закрытіи его банкирскаго дома, сколько помнится, съ 1-го января 1861 года, ни на кого болѣе не былъ возлагаемъ. Число акціонерныхъ обществъ въ то время было также ограниченное, а потому количество этого рода бумагъ не могло еще создать массы посредниковъ, въ видѣ банкирскихъ конторъ, мѣняльныхъ лавокъ, присяжныхъ маклеровъ, иностранныхъ агентовъ и зайцевъ (неприсяжныхъ маклеровъ). Фондовая биржа, съ арміею спекулянтовъ, биржевыхъ и изъ публики, всякихъ націй и изъ всѣхъ классовъ общества, создалась въ Петербургѣ собственно въ 1865 году, послѣ выпуска перваго 5% выигрышнаго займа (1864 г.), придуманнаго и предложеннаго нашему правительству однимъ берлинскимъ финансистомъ-спекулянтомъ. Главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, акціи котораго положили начало игры на биржѣ съ желѣзнодорожными цѣнностями, явившись впервые удобною для того международною арбитражною бумагою, было основано только въ 1857 году. На основаніи всего сказаннаго, и отчеты о дѣлахъ на петербургской биржѣ, появлявшіеся въ „Посредникѣ", ограничивались вначалѣ только товарными оборотами. Первыя извѣстія о цѣнахъ на фонды 5% займовъ 1854 и 1855 годовъ на петербургской биржѣ, сообщенныя въ „Посредникѣ", не по свѣдѣніямъ конторы Штиглица, а изъ собственныхъ достовѣрныхъ источниковъ, появились съ № 85-го (10-го октября) 1857 года. Я не посѣщалъ лично петербургской биржи, а всѣ свѣдѣнія о ней получалъ какъ отъ лучшихъ, наиболѣе свѣдущихъ, маклеровъ по каждой части, такъ и отъ другихъ лицъ, или занимавшихся въ коммерческихъ конторахъ, или ведшихъ самостоятельно ту или другую отрасль торговли. Иногда я попадалъ разомъ на вѣрный источникъ свѣдѣній, иногда постепенно, опытомъ, доходилъ до того. Впослѣдствіи, въ концѣ 1857 года и съ 1858 года, репутація газеты „Посредникъ", какъ достовѣрнаго источника свѣдѣній о торговлѣ, до того утвердилась, что трудъ мой въ этомъ отношеніи значительно облегчился.

Но когда, въ октябрѣ 1857 года, появились впервые газетныя свѣдѣнія о цѣнахъ на фонды, то многіе удивились подобной дерзости съ моей стороны. Я нарушилъ тѣмъ монополію многихъ лѣтъ, принадлежавшую, въ силу привычки и биржеваго обычая, банкирскому дому Штиглица. Съ разныхъ сторонъ мнѣ стали говорить и намекать, что всемогущій банкиръ можетъ уничтожить меня и мою газету и чтобы я прекратилъ сообщеніе цѣнъ на фонды, ограничившись цѣнами на товары. „Посредникъ," подрывая монополію вѣрныхъ свѣдѣній и дѣлая ихъ гласными, былъ, дѣйствительно, бѣльмомъ на глазу для многихъ, но, съ другой стороны, нашелъ и многихъ друзей въ числѣ людей безпристрастныхъ, сочувствовавшихъ всякому стремленію и дѣлу на общую пользу. На основаніи послѣдняго убѣжденія, я чувствовалъ, что стою на твердой почвѣ, и потому не уступилъ угрозамъ и совѣтамъ, несмотря на то, что предостереженія шли и отъ

лицъ, ко мнѣ дружески расположенныхъ. Дѣйствительно, ничего непріятнаго или вреднаго для моего изданія не произошло отъ того, что я вторгнулся въ монополію сильнаго банкира по фондовой и курсовой части.

Въ первой половинѣ августа 1857 года, пріѣхалъ въ Петербургъ г. Юліюсъ Рейтеръ, основатель и глава телеграфнаго агентства въ Лондонѣ, съ намѣреніемъ завести сношенія съ Россіею. Онъ привезъ рекомендательныя письма изъ-за-границы къ Н. И. Гречу. Послѣдній прямо сказалъ ему, что въ телеграфномъ дѣлѣ ничего не понимаетъ, и указалъ на меня, какъ уже начавшаго въ Россіи первую попытку устройства телеграфнаго агентства. Я познакомился съ Рейтеромъ въ тотъ же день въ кабинетѣ Греча. Рейтеръ, небольшого роста, бѣлокурый, невзрачный, но съ умными глазами, оказался нѣмцемъ (сколько помнится, пруссакомъ). Н. И. Гречъ не говорилъ по-англійски, а потому нашъ разговоръ происходилъ на нѣмецкомъ языкѣ. Въ то время Рейтеръ говорилъ по-англійски съ иностраннымъ акцентомъ и предпочиталъ объяснятся на своемъ родномъ языкѣ. Обширная собственноручная его корреспонденція со мною втеченіе шести лѣтъ велась исключительно по-нѣмецки, наши условія были заключены на нѣмецкомъ языкѣ и только письма, изложенныя его секретарями и подписанныя Рейтеромъ, составлялись на англійскомъ языкѣ. Послѣ двухъ свиданій, въ которыя обсуждались его предложенія, мы подписали взаимное условіе 23-го августа (4-го сентября) 1857 года, на три года, съ 19 сентября (1 октября), слѣдовательно, по это число 1860 года, Рейтеръ обязался по нашему условію высылать мнѣ ежедневно телеграммы съ коммерческими свѣдѣніями (кромѣ воскресеній) изъ Лондона, Ливерпуля, Гамбурга, Любека, Амстердама и Роттердама и изъ другихъ городовъ Европы по моему востребованію. Я обязался ему уплачивать ежегодное вознагражденіе въ 3000 рублей (иностранцы тогда довѣряли еще нашимъ рублямъ и не заключали своихъ денежныхъ условій съ нами па металическую заграничную валюту или на золотую), сверхъ платы, причитающейся за передачу телеграмъ по телеграфнымъ линіямъ.

Въ то время агентство Рейтера въ Лондонѣ называлось „Континентальнымъ телеграфомъ, подъ управленіемъ г. Юліюса Рейтера“ (Continental Telegraph, under the direction of M-r. Julius Reuter), и помѣщалось въ темной маленькой квартирѣ въ зданіи королевской биржи (Royal Exchange Buildings). Когда впослѣдствіи Рейтеръ обратилъ свое агентство въ акціонерное предпріятіе, то оно получило названіе „Компанія телеграммъ Рейтера“ (Reuter's telegramm company). „Телеграфное же агентство Вольфа“ въ Берлинѣ, превратившись впослѣдствіи въ общество на акціяхъ, назвалось „Континентальною телеграфною компаніею“ (Continental telegraphen Companie).

Изъ разговоровъ съ Рейтеромъ я узналъ, что онъ первоначально занимался книжною торговлею въ Германіи, затѣмъ устроилъ контору

телеграфнаго агентства кажется, въ Кельнѣ, передавалъ извѣстія, при неимѣніи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ телеграфныхъ линій, при помощи голубиной почты, увидалъ невозможность существованія тогда въ Германіи другаго агентства, когда возникло Вольфово въ Берлинѣ, и переселился въ Англію, гдѣ и сталъ постепенно развивать свое дѣло. Въ 1857 году, во время пребыванія его въ Петербургѣ, я видѣлся съ нимъ ежедневно. Въ 1862 году онъ пріѣзжалъ вторично въ нашу столицу по дѣлу, которое утаилъ отъ меня, хотя наши отношенія въ то время были прежнія, но онъ уже имѣлъ отличныя рекомендаціи къ нѣкоторымъ банкирамъ, особенно къ г. Капгеру, послѣ ликвидаціи дома Штиглица, старавшемуся тщетно замѣнить его и добиться званія „придворнаго банкира." Въ 1862 году, Рейтеръ выросъ уже значительно въ мнѣніи о себѣ и держался иначе, чѣмъ въ 1857 году. Въ послѣднемъ году онъ занималъ небольшую комнату въ верхнемъ этажѣ гостиницы „Клее" (нынѣ „Европейская") и разсчитывалъ каждый рубль. Когда я, по подписаніи съ нимъ 23-го августа условія, предложилъ ему немедленно дать по телеграфу приказаніе въ Лондонъ, чтобы мнѣ, на мой счетъ, присланы были, въ видѣ пробы, нѣсколько телеграммъ, чтобы я могъ по нимъ судить о достоинствѣ ихъ и о скорости передачи, то Рейтеръ сталъ доказывать мнѣ излишіе подобныхъ затратъ, когда съ его стороны онѣ составляли всего 6 рублей. Вставая и принимаясь за работу въ семь часовъ утра, какъ того требовало изданіе „Посредника," между тѣмъ какъ занятія по „Сѣверной Пчелѣ" давали мнѣ возможность ложиться спать только въ часъ ночи, а впослѣдствіи и гораздо позже, я приходилъ къ Рейтеру рано утромъ и уже находилъ, что онъ написалъ болѣе десятка дѣловыхъ писемъ. Онъ велъ въ первые годы всю свою обширную корреспонденцію самъ лично и вставалъ ежедневно для того въ три часа утра. По своей дѣятельности и неутомимости, Рейтеръ невольно обращалъ на себя вниманіе. Вотъ одно изъ доказательствъ моихъ словъ.

24-го іюля (5-го августа) 1858 года, благополучно кончено было проложеніе чрезъ Атлантическій океанъ перваго телеграфнаго кабеля (впослѣдствіи испортившагося и брошеннаго) изъ Ирландіи къ сѣверной Америкѣ, извѣстіе о чемъ было передано оттуда въ Лондонъ. Уже 23-го августа (4-го сентября) Рейтеръ писалъ мнѣ изъ Лондона: „Я заключилъ контрактъ съ компаніею атлантическаго телеграфа и на основаніи сего могу вамъ сообщать американскія извѣстія за половину той цѣны, которая уплачивается въ дѣйствительности за ихъ передачу по кабелю. По слухамъ, телеграмма въ 20 словъ будетъ стоить $2^1/_2$ фунт. стер., но тарифъ окончательно еще не установленъ. Я обязался контрактомъ уплачивать ежегодно атлантической компаніи по 5.000 фун. стер." Отъ 28-го августа (9-го сентября) того же 1858 года, Рейтеръ писалъ вновь мнѣ: „Множество заказовъ, полученныхъ мною со всѣхъ сторонъ на американскія депеши, побудили меня устроить центральное бюро въ Нью-Іоркѣ съ его отдѣленіями

во всѣхъ главныхъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ, центральной и южной Америки. Сверхъ 5.000 фун. стер., которые я обязался ежегодно уплачивать компаніи атлантическаго телеграфа, на это мое предпріятіе потребуется значительный капиталъ, не менѣе 15.000 или 20.000 фун. стер. (по тогдашнему курсу до 150.000 руб.), большая часть котораго уже у меня въ распоряженіи. Желая предоставить вамъ участіе въ моемъ предпріятіи, я почтительнѣйше предлагаю вамъ войти въ это дѣло съ 3.000 фун. стер. такимъ образомъ, что я вамъ буду посылать безплатно американскія депеши. Вашъ капиталъ въ 3.000 фун. стер. останется вашею собственностью, а вмѣсто процентовъ на него, я обязуюсь вамъ ежедневно посылать безплатно по одной телеграммѣ съ американскими извѣстіями. Одна телеграмма стоитъ 2 ф. 10 ш., слѣдовательно за 360 депешъ составится сумма въ 900 фун. стер., или 30% на капиталъ въ 3.000 фун. стер. Вашъ капиталъ вы можете взять всегда обратно, предувѣдомивъ о вашемъ намѣреніи за годъ впередъ и, сверхъ того, я его вамъ обезпечу еще инымъ образомъ."

Въ іюнѣ 1859 года, во время войны Франціи и Италіи противъ Австріи, Рейтеръ получилъ ранѣе всѣхъ въ Лондонѣ телеграмму о сильномъ пораженіи австрійской арміи и о предложеніи мира Наполеону III со стороны императора Франца-Іосифа. Когда Рейтеръ лично привезъ эту телеграмму тогдашнему первому министру Англіи, лорду Пальмерстону, (министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ лордъ Джонъ Россель), то Пальмерстонъ не повѣрилъ извѣстію и объявилъ его невѣрнымъ, такъ какъ британское правительство не получало еще о томъ никакого извѣстія. Нѣсколько часовъ спустя, пришла и оффиціальная телеграмма. Этотъ случай поднялъ значеніе Рейтера въ Лондонѣ въ оффиціальномъ, журнальномъ и коммерческомъ мірѣ. Разумѣется, все это возможно было дѣлать въ Англіи даже нѣмцу, а не природному британцу, гдѣ частная телеграмма не задерживалась потому только, что она сообщала извѣстія ранѣе оффиціальной или правительственной, и гдѣ она не залеживалась по часамъ въ цензурахъ и въ разныхъ канцеляріяхъ. Точно также цюрихскій трактатъ о мирѣ между Франціею, Италіею и Австріею, подписанный 29-го октября (10-го ноября) 1859 года, былъ прежде другихъ обнародованъ агентствомъ Рейтера въ лондонскихъ газетахъ. Газета „Times", встрѣтившая съ недовѣріемъ учрежденіе телеграфнаго агентства Рейтера, втеченіе продолжительнаго времени абонировалась на его телеграммы, но не помѣщала ихъ на своихъ страницахъ, а провѣряла ихъ достовѣрность и свѣжесть и только послѣ многомѣсячнаго опыта рѣшилась, наконецъ, ихъ печатать. Въ виду войны Англіи и Франціи съ Китаемъ, когда еще не было окончено сооруженіе телеграфа въ Остъ-Индію, Рейтеръ сумѣлъ устроить быстрое оттуда полученіе телеграммъ въ 23 дня, по имѣвшимся уже до нѣкоторыхъ мѣстъ проводамъ, такъ что газета „Times" признала, что такъ скоро извѣстія еще не получались изъ

этой части свѣта. Рейтеръ получилъ концессію отъ императора Наполеона III на сооруженіе телеграфнаго кабеля между Брестомъ и Сѣверною Америкою и отъ короля ганноверскаго на проложеніе его между Англіею и Эмденомъ, на берегу Германіи. Пока онъ двигалъ постоянно впередъ развитіе телеграфныхъ сношеній для ускоренія передачи публикѣ всякаго рода извѣстій, всѣ его усилія увѣнчивались успѣхомъ. Но онъ потерпѣлъ полнѣйшую неудачу съ концессіею, полученную имъ отъ персидскаго правительства на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, разработку минеральныхъ богатствъ въ Персіи, для чего онъ не могъ реализировать необходимаго капитала. Въ это время онъ уже былъ барономъ Рейтеромъ,—титулъ, который онъ получилъ отъ одного изъ мелкихъ нѣмецкихъ государей.

По заключеніи условія съ Рейтеромъ, 23-го августа 1857 года, и имѣя на основаніи его право сноситься со всѣми его агентами, въ Европѣ и Америкѣ, чрезъ посредство его лондонскаго учрежденія, я расширилъ изданіе „Посредника" и возвысилъ ему цѣну, съ 15-го октября, до 240 руб. для желающихъ получать англійскія, голландскія и германскія депеши, и оставилъ прежнюю цѣну въ 100 р. для однѣхъ англійскихъ телеграммъ. Въ Москвѣ, въ Ригѣ и въ провинціи подписчики приплачивали, по 6 р. въ годъ за каждый почтовый день, за пересылку газеты въ штемпельныхъ конвертахъ. Цѣна эта въ то время возбудила много толковъ. Надо мною смѣялись, говоря, что не за что платить такую сумму, но достовѣрность свѣдѣній заставляла вносить эту плату за мою газету. Число подписчиковъ стало увеличиваться, а я сталъ умножать количество телеграммъ, присоединивъ къ прежнимъ депеши изъ Парижа, Берлина, Марсели, Дунди, Нью-Орлеана (въ то время главнаго рынка по хлопку для Россіи) и проч. Нужно отдать Рейтеру полную справедливость. По первому письму отъ меня, онъ распоряжался немедленно высылкою телеграммъ или почтовыхъ корреспонденцій даже изъ второстепенныхъ торговыхъ центровъ, каковы Гавръ, Бреславль и проч.

Успѣху „Посредника" содѣйствовали еще два особыя обстоятельства. До послѣдняго десятилѣтія Россія служила для Европы, особенно для Англіи, главною поставщицею сала, шедшаго на приготовленіе свѣчъ, на мыловареніе, на смазку машинъ. Главная расторжка саломъ происходила на лондонскомъ рынкѣ и отъ количества привоза русскаго сала зависѣли цѣны этому товару, даже американскаго и австралійскаго происхожденія. Пользуясь прекращеніемъ зимою навигаціи въ Балтійскомъ морѣ, неимѣніемъ пароходныхъ сообщеній въ нынѣшнемъ ихъ видѣ, отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ на континентѣ Европы, спекулянты скупали осенью и зимою запасы сала въ Лондонѣ, особенно если они не были велики, и повышали ему цѣны до крайняго предѣла. Многіе при этомъ банкротились, немногіе наживали. Наиболѣе замѣчательныя спекуляціи саломъ происходили въ 1838, 1848, 1854—1855 и 1857 годахъ. Сильный англійскій торго-

вый домъ Лодеръ и комп., имѣвшій свои конторы въ Лондонѣ и Петербургѣ, удачно спекулировалъ саломъ и нажилъ большіе барыши въ 1838 году (при запасѣ сала въ Лондонѣ, 23-го марта, въ 4.570 бочекъ) и въ 1848 году (при запасѣ того же числа 6.638 бочекъ). Во время Крымской войны, когда отпускъ сала изъ Россіи моремъ прекратился, извѣстный и въ Петербургѣ, отважный, умный спекулянтъ, Александръ Николаевичъ Бетлингъ (братъ академика по санскритской каѳедрѣ императорской академіи наукъ, Оттона Николаевича Бетлинга), несмотря на значительные запасы сала въ Лондонѣ (18-го февраля (2-го марта) въ 1854 году 35.702 бочки, а въ 1855 году 36.610 бочекъ), повелъ сильную спекуляцію на повышеніе цѣнъ сала въ Лондонѣ и Ливерпулѣ, разсчитывая на продолжительность войны со стороны Россіи, и основываясь въ этомъ отношеніи на стойкости характера императора Николая Павловича. Въ Англіи тогда было много сторонниковъ подобной рѣшимости императора Россіи и потому г. Бетлингъ орудовалъ вмѣстѣ съ другими, скупая въ Лондонѣ и Ливерпулѣ все сало, которое туда везли отовсюду, благодаря непомѣрно высокимъ цѣнамъ. Изъ Петербурга повезли его сухимъ путемъ, на подводахъ, до прусской границы. Тогдашнее движеніе на шоссе между Петербургомъ и Ковно было необычайное. Такъ, въ 1855 году лѣтомъ на каждую версту приходилось слишкомъ 40 подводъ, или на всемъ пути около 28,000 возовъ. Цѣна салу въ Англіи уже подходила къ 100 шилл. за центнеръ (около 10 р. за пудъ), когда извѣстіе о болѣзни императора Николая I и кончина его, 18-го февраля (2-го марта) 1855 г., разомъ уронила цѣну на половину. Спекулянты на повышеніе, естественно, разорились. Подобную же спекуляцію устроили, въ началѣ 1857 года въ Лондонѣ, кажется, греческія фирмы, скупивъ на конецъ марта сало при небольшомъ его запасѣ (14.893 боч.) и дѣйствительно довели разсчеты по запродажамъ до 80 шилл. „Посредникъ“ въ 1857 году началъ издаваться именно во время этой послѣдней спекуляціи, интересовавшей значительное число торговыхъ лицъ въ Россіи по ихъ оборотамъ саломъ. Втеченіе всего 1857 года цѣны на сало стояли вообще высокія; русскіе торговцы расторговались имъ въ Петербургѣ съ большимъ барышемъ, приступили къ раннимъ покупкамъ этого товара на нашихъ внутреннихъ рынкахъ, а потому для нихъ телеграммы съ лондонской биржи имѣли первостепенное значеніе.

Другое обстоятельство, содѣйствовавшее успѣху „Посредника“, былъ сильный денежный и товарный кризисъ, начавшійся въ Соединенныхъ Сѣвероамериканскихъ Штатахъ, перешедшій сперва въ Англію, съ 19-го (31-го) августа, а затѣмъ въ Гамбургъ и Германію. Я сталъ сообщать въ „Посредникѣ“, иногда два раза въ день, депеши изъ Гамбурга, гдѣ этотъ кризисъ произвелъ сильное потрясеніе въ торговлѣ. Петербургская биржа, заинтересованная въ томъ, узнавала большую часть новостей объ этомъ кризисѣ изъ моихъ телеграммъ. Мнѣ

неоднократно высказывалась благодарность за быстрое сообщеніе этихъ телеграфныхъ извѣстій.

На скорой передачѣ депешъ и былъ устроенъ успѣхъ дѣла. Рейтеръ въ этомъ отношеніи не упускалъ изъ вида ни одного моего къ нему письма, ни малѣйшаго замѣчанія на запозданіе депешъ. Вслѣдствіе моихъ настойчивыхъ требованій объ ускореніи передачи телеграммъ, чтó въ то время не было облегчено послѣдовавшими усовершенствованіями и приспособленіями въ устройствѣ электрическихъ телеграфовъ, онъ отправилъ, на половинныхъ со мною издержкахъ, особаго агента, которому поручено было прослѣдить ходъ депешъ ко мнѣ, посылаемыхъ изъ Лондона, Амстердама, Гамбурга, какъ начальныхъ пунктовъ ихъ отправки. Поѣздка дала Рейтеру необходимыя данныя для принятія мѣръ къ устраненію существовавшихъ препятствій къ быстрой передачѣ телеграммъ. Онѣ стали приходить до того скоро, что утромъ въ девять часовъ сообщенныя въ „Посредникѣ" съ канунныхъ заграничныхъ биржъ, особенно изъ Лондона, предупреждали телеграммы торговыхъ фирмъ. Нынѣ, двадцать пять лѣтъ спустя, не повѣрятъ, что телеграммы изъ западной Европы шли иногда, при нормальномъ состояніи погоды и при отсутствіи повреждeній на проводахъ, по двое сутокъ.

Въ началѣ моихъ сношеній съ Рейтеромъ, въ октябрѣ 1857 года, я получилъ въ промежутокъ двухъ—трехъ дней около тридцати телеграммъ, присланныхъ ко мнѣ изъ Кенигсберга позже полученія писемъ по почтѣ. Такъ какъ за нихъ уплачено было телеграфнымъ управленіямъ за мой счетъ нѣсколько сотъ рублей, то я сталъ хлопотать о возмѣщеніи мнѣ израсходованной моими агентами суммы. Телеграфное вѣдомство входило въ то время въ составъ главнаго управленія путей сообщенія, во главѣ котораго находился генералъ-адъютантъ Чевкинъ. Директоромъ телеграфовъ былъ генералъ-маіоръ Гергардъ, помощникомъ его подполковникъ Людерсъ (нынѣ тайный совѣтникъ, директоръ телеграфнаго департамента), а начальникомъ телеграфной станціи въ Петербургѣ былъ, сколько помнится, подполковникъ Мейеръ. Эта станція помѣщалась въ небольшихъ низкихъ комнатахъ въ домѣ графини Борхъ (нынѣ С. С. Полякова), въ Галерной улицѣ, подлѣ сената. Нынѣ главная телеграфная станція въ Петербургѣ помѣщается въ роскошномъ собственномъ зданіи, съ обширными залами, въ Почтамтской улицѣ, гдѣ также подлѣ находится нарочно устроенный домъ съ квартирою директора телеграфовъ, тайнаго совѣтника Людерса. Я не былъ ни разу у г. Гергарда, потому что онъ часто, по болѣзни, отлучался за-границу, и не имѣлъ въ томъ надобности, но когда я отправился къ г. Людерсу, то нашелъ, что онъ жилъ на Фурштатской улицѣ, въ небольшомъ деревянномъ флигелѣ на дворѣ дома, принадлежащаго и нынѣ лютеранской церкви св. Анны. Этотъ флигель уже, кажется, не существуетъ.

Я получилъ отъ тогдашняго телеграфнаго управленія письменное увѣдомленіе, что моя жалоба вполнѣ основательна, такъ какъ депеши получены были позже почтовыхъ писемъ, но что вина въ томъ лежитъ не на русскихъ телеграфныхъ линіяхъ. Тогда я обратился съ одинаковою жалобою въ управленіе королевско-прусскихъ телеграфныхъ линій въ Берлинъ, откуда получилъ вскорѣ отвѣтъ, но съ извиненіями, что претензія моя совершенно справедлива, хотя замедленіе въ передачѣ и не можетъ быть отнесено къ винѣ прусскихъ линій; словомъ, оба управленія, на линіяхъ которыхъ произошло необычное замедленіе въ передачѣ телеграммъ, признали справедливость моего требованія, но возвратъ денегъ былъ отклоненъ обоими. Я оставилъ дальнѣйшее преслѣдованіе этого дѣла, потому что мои просьбы и справедливость моихъ требованій имѣли послѣдствіемъ ускореніе передачи моихъ депешъ на прусскихъ линіяхъ. При этомъ мнѣ также было сообщено, что главноуправляющій путями сообщенія, генералъ-адъютантъ Чевкинъ, безъ всякой просьбы съ моей стороны, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы мои телеграммы и на мое имя передавались по русскимъ линіямъ ранѣе другихъ частныхъ телеграммъ, предоставляя надъ собою первенство только правительственнымъ депешамъ. Эта мѣра была весьма важна въ то время. Одновременнно К. В. Чевкинъ приказалъ, чтобы телеграммы и для другихъ газетъ въ Петербургѣ передавались прежде частныхъ депешъ. Мнѣ это извѣстіе сообщено было на словахъ оффиціально тогдашнимъ начальникомъ главной телеграфной станціи въ Петербургѣ. Впослѣдствіи такое предпочтеніе оказывалось чуть ли не вопросомъ государственнаго значенія.

Но когда, въ 1858 или въ 1859 году, одна или двѣ телеграммы мои запоздали, по случаю замедленія передачи ихъ по подводному телеграфу между Англіею и Голландіею, и я о томъ написалъ въ правленіе компаніи, владѣвшей этимъ сообщеніемъ, то секретарь его немедленно меня увѣдомилъ, что, вслѣдствіе вины компаніи, деньги, уплаченныя за мой счетъ г. Рейтеромъ за передачу телеграммъ, возвращены ему, что̀, дѣйствительно, и было имъ подтверждено.

Годовой опытъ показалъ мнѣ, чѣмъ надобно дополнить телеграммы, сообщаемыя „Посредникомъ", и въ чемъ ихъ сократить. Вмѣсто двухъ изданій газеты я сдѣлалъ одно и сталъ печатать въ немъ, съ 20 мая 1858, всѣ получаемыя депеши, за 150 р. въ годъ. Въ такомъ видѣ изданіе продолжалось въ 1858, 1859 и 1860 годахъ, но объемъ его былъ увеличенъ, начиная съ 1859 года. При этихъ перемѣнахъ цѣны подписки, содержанія и числа депешъ, я обыкновенно объѣзжалъ предварительно всѣ конторы, русскія и иностранныя, подписывавшіяся на газету, и заручался ихъ согласіемъ. При этомъ я посѣщалъ и тѣ торговыя фирмы, которыя еще не состояли абонентами на мои телеграммы, и объяснялъ имъ цѣль моего изданія. Такія поѣздки доставляли мнѣ знакомство въ биржевомъ и коммерческомъ мірѣ, указанія

на необходимыя измѣненія въ программѣ сообщаемыхъ свѣдѣній, а также и указанія на источники добыванія извѣстій. Случались и курьезныя встрѣчи. Глава одного извѣстнаго въ то время коммерческаго дома объявилъ мнѣ, что онъ никогда не подпишется на „Посредникъ", потому что, сдѣлавъ через него доступными телеграфическія извѣстія русскимъ купцамъ, я повредилъ ему лично и многимъ другимъ, которые считали своею монополіею имѣть коммерческія телеграммы изъ-за-границы. Немногіе торговые дома торговались въ цѣнѣ, прося сдѣлать имъ уступку въ подписной платѣ; но большинство, несмотря на національность, поддерживали меня въ моемъ предпріятіи. Пріѣзжаю однажды въ контору барона Штиглица, встрѣчаюсь съ нимъ самимъ и предлагаю подписаться на „Посредникъ".

— Я въ немъ не нуждаюсь, былъ отвѣтъ банкира.—Я имѣю всѣ эти телеграммы непосредственно отъ своихъ корреспондентовъ.

Однако, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, контора барона Штиглица подписалась на „Посредникъ", и если по утрамъ газета опоздывала, отъ задержки телеграммъ, то ко мнѣ являлся артельщикъ изъ конторы, спрашивая о причинѣ замедленія нумера.

— Баронъ утромъ, — говорилъ артельщикъ, — первымъ дѣломъ требуетъ телеграфную газету.

Въ редакціи газеты „Посредникъ" сформировалось ходомъ дѣлъ телеграфное агентство, которое и было первымъ въ Россіи. Ко мнѣ обращались съ просьбою о сообщеніи по телеграфу изъ Петербурга важнѣйшихъ коммерческихъ новостей въ разные внутренніе города торговымъ фирмамъ, которыя интересовались тѣмъ или другимъ товаромъ. Напримѣръ, въ Москву посылались одному русскому дому, торговавшему мѣдью (въ то время значительною статьею нашего заграничнаго отпуска, тогда какъ потомъ мѣдь стали привозить къ намъ изъ Австраліи и другихъ мѣстъ), цѣны на нее въ Гамбургѣ, Лондонѣ и проч.; въ Ростовъ на Дону и Таганрогъ—цѣны на сало и хлѣба и т. под. Агентства Рейтера и Вольфа, въ Лондонѣ и Берлинѣ, получали отъ меня русскія политическія телеграммы. Въ 1862 году, я посылалъ политическія телеграммы за-границу такого содержанія, которое не было сообщено еще русскими газетами, между прочимъ, о назначеніи великаго князя Константина Николаевича намѣстникомъ въ Польшу и проч. Матеріалъ для такихъ депешъ мнѣ былъ сообщаемъ изъ офиціальныхъ источниковъ для передачи за-границу. Въ самомъ Петербургѣ ко мнѣ обращались съ порученіями: узнать отъ моихъ заграничныхъ корреспондентовъ объ обстоятельствахъ торговли тѣмъ или другимъ товаромъ, особенно во время сильной спекуляціи саломъ на здѣшней биржѣ, напримѣръ, въ 1860 году. Нумеръ „Посредника", прочитанный въ Петербургѣ его подписчикомъ, пересылался въ подлинникѣ другому купцу въ Москву, а тотъ отправлялъ его далѣе. Здѣшніе коммиссіонные дома (только нѣкоторые), въ письмахъ къ своимъ довѣрителямъ внутри Россіи, занимались перепискою свѣдѣній, сообщае-

мыхъ въ „Посредникѣ“. Отчасти ихъ и винить нельзя было, потому что довѣрители ихъ предписывали имъ такія инструкціи. Иностранцамъ, жившимъ за-границею и знавшимъ по-русски, „Посредникъ“ посылался отсюда ихъ корреспондентами, вслѣдствіе вѣрныхъ свѣдѣній его о видахъ на урожай хлѣбовъ и на сборъ для отпуска тѣхъ или другихъ товаровъ. Переплетенныя годовыя изданія „Посредника“ я находилъ въ нѣкоторыхъ купеческихъ конторахъ лѣтъ пятнадцать спустя. Они сохранялись для справокъ.

Средства, которыя доставляло мнѣ изданіе „Песредника“, дало мнѣ возможность взять на себя изданіе, съ 1-го января 1860 года, ежедневной газеты „Сѣверная Пчела“ и купить право на половину ея отъ Ѳ. В. Булгарина.

Въ концѣ 1860 года, вслѣдствіе изъявленныхъ съ разныхъ сторонъ желаній торговаго сословія, особенно изъ внутреннихъ мѣстъ Россіи, о пониженіи подписной цѣны на „Посредникъ“, чтобы сдѣлать его доступнѣе, а также съ цѣлью распространить „Сѣверную Пчелу“ въ кругу купечества, я объявилъ, что, съ 1-го января 1861 года, буду разсылать „Посредникъ“ безплатно всѣмъ подписчикамъ „Сѣверной Пчелы“, то есть двѣ ежедневныя газеты давать за 16 руб. Дѣйствительно, число подписчиковъ на „Сѣверную Пчелу“ очень значительно увеличилось, но въ результатѣ для моей кассы оказался огромный дефицитъ. Съ 1-го января 1862 года я раздѣлилъ вновь обѣ газеты, назначивъ каждой особую плату по 16 руб. и по 15 руб. Но 1.200 подписчиковъ на „Посредникъ“, по 15 руб., дали мнѣ въ 1862 году менѣе, чѣмъ я получалъ въ 1859 и 1860 годахъ отъ 180 подписчиковъ по 150 р., тѣмъ болѣе, что печать и бумага 1.200 экземпляровъ стоили дороже, чѣмъ двухъ сотъ. Поэтому, съ 1-го января 1864 года, я принужденъ былъ прекратить изданіе „Посредника“, а съ нимъ и закрыть существовавшее только въ силу изданія этой газеты телеграфное агентство. Желая сдѣлать свою дорогую газету доступнѣе для небогатыхъ торговыхъ фирмъ, я самъ „убилъ курицу, которая несла мнѣ золотыя яица“. Эти потери повлекли за собою и прекращеніе въ концѣ 1864 года изданія „Сѣверной Пчелы“.

Въ обществѣ и въ журнальномъ мірѣ тогда говорили, что я прекратилъ изданіе „Посредника“ и вообще потерялъ значительный капиталъ, вслѣдствіе спекуляцій на биржѣ. Нѣкоторые изъ моихъ сотрудниковъ по „Сѣверной Пчелѣ“ распространили эти слухи. Это невѣрно. Я никогда не участвовалъ ни въ какихъ биржевыхъ спекуляціяхъ, тѣмъ болѣе въ то время. Во время изданія „Посредника“ я даже изъ любопытства ни разу не былъ въ зданіи петербургской биржи, хотя лучше многихъ ея посѣтителей зналъ въ тотъ же вечеръ, что̀ на ней происходило днемъ. Такъ какъ у меня въ редакціи можно было получить „Посредникъ“ очень рано, то нѣкоторые маклера заѣзжали по утрамъ за своими экземплярами, не дожидая ихъ разноса, особенно если выходъ газеты запаздывалъ, противъ обыкновенія, отъ

замедленія въ передачѣ депешъ. Ко мнѣ заѣзжали многіе купцы, особенно иногородные, получавшіе „Посредникъ", при бытности ихъ по дѣламъ въ Петербургѣ; я по нѣскольку разъ въ день получалъ записки о торговыхъ дѣлахъ, или ко мнѣ заходили маклера и словесно сообщали о сдѣланныхъ ими операціяхъ. Такая дѣятельность, присущая моему изданію и бывшая наяву предъ другими посѣтителями и сотрудниками, и дала поводъ къ толкамъ о моемъ участіи въ спекуляціяхъ. Сверхъ того, если бы я дѣйствительно принималъ въ нихъ участіе, то „Посредникъ" не имѣлъ бы къ себѣ довѣрія, потому что моя спекулятивная дѣятельность была бы извѣстна на биржѣ, слѣдовательно газета не имѣла бы столько подписчиковъ. Я не думаю, чтобы у нынѣшняго „Международнаго Телеграфнаго Агентства", послѣ его десятилѣтняго существованія, есть столько же подписчиковъ въ средѣ торговаго міра въ Петербургѣ, сколько ихъ было у „Посредника", двадцать два года тому назадъ, при подписной цѣнѣ въ 150 руб.

Соединившись, какъ выше сказано, въ одну группу, въ 1858 году, для полученія политическихъ телеграммъ, ежедневныя петербургскія газеты продолжали получать ихъ отъ агентства Вольфа. Рейтеръ, въ письмѣ отъ 23-го августа (4-го сентября) 1858 года, предложилъ мнѣ получать отъ него политическія телеграммы для петербургскихъ газетъ, такъ какъ онъ могъ доставлять ихъ дешевле, чѣмъ Вольфъ изъ Берлина. Письмо свое Рейтеръ написалъ по возвращеніи своемъ изъ поѣздки на континентъ Европы, когда онъ вошелъ въ новыя соглашенія для того въ Парижѣ и Амстердамѣ. Вольфу были извѣстны мои сношенія съ Рейтеромъ и наши взаимныя условія. Онъ мнѣ нѣсколько разъ предлагалъ бросить Рейтера, обѣщая выгоды для меня отъ такого перехода. Но, по сосредоточіи въ то время всего товарнаго движенія въ Лондонѣ и Ливерпулѣ, мнѣ необходимо было имѣть дѣла съ англійскимъ телеграфнымъ агентствомъ. Сверхъ того, Рейтеръ былъ подвижнѣе, дѣятельнѣе сонливаго, апатичнаго берлинскаго агентства. Узнавъ о предложеніи Рейтера высылать петербургскимъ газетамъ политическія телеграммы, Вольфъ немедленно вновь понизилъ свое комиссіонное вознагражденіе и довелъ его до 1 таллера за телеграмму изъ Берлина и до 2 таллеровъ за депешу извнѣ Берлина. Редакціи петербургскихъ газетъ остались при агентствѣ Вольфа. Но зато послѣднее заключило условіе съ другими подобными учрежденіями въ Европѣ, какъ то: парижскимъ, вѣнскимъ, лондонскимъ, и въ силу этого контракта ни одно изъ нихъ не имѣло права посылать телеграммы въ Россію, или получать ихъ оттуда, помимо агентства Вольфа. Въ этомъ контрактѣ означенныя агентства раздѣлили между собою Европу, предоставивъ каждому извѣстный районъ дѣятельности. Такимъ образомъ, Германія и Европа къ востоку отъ Берлина, то есть Россія, предоставлена была эксплуатаціи агентства Вольфа. Но такое раздѣленіе не относилось до моего условія съ Рейтеромъ относительно коммерческихъ телеграммъ, которое онъ сохранялъ въ силѣ, хотя оно было заключено между

нами простымъ обмѣномъ писемъ. Вольфъ поспѣшилъ заручиться относительно Петербурга контрактомъ съ г. Дюфуромъ (книгопродавцемъ), тогдашнимъ издателемъ здѣшней французской газеты „Journal de St.-Pétersbourg“. Вообще, ея редакція, какъ тогда, такъ и затѣмъ, всегда тяготѣла къ агентству Вольфа и настаивала передъ другими редакціями на сохраненіи съ нимъ связи. Отъ 24 октября (5 ноября) 1859 года, Рейтеръ писалъ мнѣ изъ Лондона, что „г. Дюфуръ заключилъ условіе съ г. Вольфомъ, къ которому и я приступилъ въ томъ отношеніи, что предоставилъ г. Вольфу отправку телеграммъ въ Россію. Я долженъ былъ поступить такимъ образомъ потому, что вступилъ съ г. Вольфомъ въ другаго рода обязательныя отношенія. Если же вы непремѣнно желаете получать отъ меня политическія телеграммы, то я съ удовольствіемъ приму на себя это порученіе и для того войду въ особое соглашеніе съ г. Вольфомъ“.

Вообще, оба агентства, Рейтера и Вольфа, вели между собою упорную конкуренцію, даже когда, около 1865 года, превратились въ акціонерныя компаніи, первоначально лондонское, а затѣмъ и берлинское. Г. Вольфъ къ тому времени уже не находился во главѣ основаннаго имъ телеграфнаго предпріятія, между тѣмъ какъ Рейтеръ, только немного лѣтъ тому назадъ, передалъ управленіе дѣлами своему сыну. Во время этой конкуренціи, Вольфъ открылъ свое собственное агентство въ Лондонѣ, а Рейтеръ въ Берлинѣ, въ 1868 году. Во главѣ берлинскаго агентства Рейтера, какъ самостоятельнаго учрежденія (прусское правительство не желало имѣть у себя подобныхъ иностранныхъ агентуръ), былъ поставленъ прусскій чиновникъ Альбертсъ. Несмотря на сильныя связи агентства Альбертса съ дипломатическимъ міромъ и правительственными сферами Берлина, оно не выдержало конкуренціи съ континентальною телеграфною компаніею (Вольфа) и закрылось. Агентство же Вольфа въ Лондонѣ просуществовало еще менѣе. 21-го іюня (3-го іюля) 1862 года, Рейтеръ писалъ мнѣ, что „для возможности достиженія свободной конкуренціи въ Россіи, я сдѣлалъ г-ну Вольфу значительныя уступки и мы дружелюбно согласились считать Россію общею почвою для посылки туда телеграммъ“. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ предлагалъ русскимъ газетамъ, чрезъ меня, необыкновенно выгодныя условія, какихъ нынѣ никто уже не предложитъ, для полученія политическихъ телеграммъ, если все это дѣло будетъ сосредоточено въ его рукахъ при моемъ участіи. Предложеніе его не могло быть осуществлено вслѣдствіе сильнаго сопротивленія тогдашняго редактора „Journal de St.-Pétersbourg“ г. Каппельманса, принявшаго на себя его изданіе отъ Дюфура (съ февраля 1862 года), и отстаивавшаго необходимость имѣть дѣло съ Вольфомъ.

Во время соперничества съ другими телеграфными агентствами, Рейтеръ неоднократно пытался учредить отдѣленіе своего предпріятія въ Парижѣ, понимая все значеніе имѣть въ своихъ рукахъ такіе два центра умственнаго, промышленнаго и спекулятивнаго движенія,

каковы столицы Франціи и Англіи. Однажды онъ добился аудіенціи у императора Наполеона III, какъ онъ мнѣ сообщалъ, и изложилъ ему планъ свой на случай, если ему дозволено будетъ открыть свое собственное агентство въ Парижѣ. Наполеонъ III внимательно слушалъ его, но когда Рейтеръ заговорилъ о томъ, что онъ ранѣе всѣхъ будетъ сообщать всѣ телеграммы императору, послѣдній возразилъ:

— Все это очень хорошо, но я и безъ вашей помощи буду знать ранѣе васъ всѣ телеграммы, которыя къ вамъ будутъ поступать въ Парижѣ. Я и теперь ихъ всѣ знаю, слѣдовательно ваше агентство мнѣ не нужно. Вы не можете сообщить мнѣ ничего такого, чего бы я не зналъ уже ранѣе.

Когда, въ 1861 году, наше правительство, расширяя телеграфную сѣть, перешло чрезъ Уралъ и довело ее до Тюмени, Рейтеръ отправилъ особаго агента въ Пекинъ и устроилъ еженедѣльную разсылку особыхъ курьеровъ между этимъ городомъ и ближайшею телеграфною станціею въ западной Сибири для ускоренія полученія телеграммъ изъ Китая. Въ письмѣ, отъ 10-го (22-го) февраля 1862 года, Рейтеръ сообщалъ мнѣ, что посланный имъ агентъ находится уже на пути въ Пекинъ.

Прекращеніе съ 1-го января 1864 года изданія „Посредника" лишило русскій торговый міръ коммерческихъ телеграммъ. Выходившія тогда русскія ежедневныя газеты не сообщали ихъ, хотя въ числѣ подобныхъ изданій существовали „Биржевыя Вѣдомости", К. В. Трубникова, слившаго для того свой свобственный „Журналъ для акціонеровъ" съ изданіемъ министерства финансовъ—„Коммерческою газетою". „Биржевыя Вѣдомости", переставъ быть органомъ министерства финансовъ по питейно-акцизному дѣлу, сдѣлались органомъ вновь образованнаго министерства почтъ и телеграфовъ, во главѣ котораго сталъ графъ Иванъ Матвѣевичъ Толстой. Желаніе биржеваго купечества имѣть вновь коммерческія телеграммы на подобіе „Посредника", заявляемое съ разныхъ сторонъ, побудили г. Горна (нынѣшняго редактора-издателя „Journal de St.-Pètersbourg", а тогда главнаго помощника г. Каппельманса) разослать, въ началѣ декабря 1865 года, объявленіе по торговымъ конторамъ, съ предложеніемъ подписки на коммерческіе телеграфные бюллетени. Удовлетвореніе г. Горномъ насущной тогда потребности торговаго міра встрѣтило слѣдующій отзывъ въ № 270 „Биржевыхъ Вѣдомостей" (11-го декабря 1865 г.): „Надняхъ нѣкто г. А. Е. Горнъ, агентъ г. Вольфа, разослалъ въ особыхъ пакетахъ на имя извѣстныхъ лицъ объявленія, съ приглашеніемъ подписки на предположенное съ будущаго января изданіе „Листка биржевыхъ телеграфныхъ извѣстій", которое принимаетъ на себя берлинская контора г. Вольфа. Цѣна этому листку назначена по сту рублей (100 р.) въ годъ. Имѣя въ виду, что берлинская контора г. Вольфа находится въ связи съ тамошними банкирами и что открытіе путей для иностраннаго вліянія, посредствомъ

торговыхъ телеграммъ, на нашъ рынокъ рѣшительно неудобно, во-первыхъ, потому, что подписная цѣна, опредѣленная въ 100 р., дѣлаетъ доступнымъ полученіе торговыхъ телеграммъ только для богатыхъ фирмъ; во-вторыхъ, что такимъ образомъ монополія въ полученіи торговыхъ извѣстій, которую хочетъ водворить у насъ контора Вольфа, послѣдуетъ къ явному вреду для торговли вообще и для интересовъ недостаточныхъ купеческихъ фирмъ въ особенности,—мы признаемъ нашею обязанностію своевременно предупредить вмѣшательство такого рода иностранцевъ въ наши торговыя дѣла, и съ этою цѣлію, а также, чтобы воспользоваться значительнымъ пониженіемъ тарифа на телеграфныя депеши по новой телеграфной конвенціи, которая осязательно указываетъ на вопіющую несообразность подписной цѣны за „Листокъ“ г. Вольфа, мы не замедлимъ обратиться къ нашимъ корреспондентамъ въ Лондонѣ, Берлинѣ, Парижѣ, Амстердамѣ, Гамбургѣ, о сообщеніи для „Биржевыхъ Вѣдомостей“ торговыхъ телеграммъ“.

Вслѣдствіе ли подобной выходки противъ г. Горна, произведшей въ журнальномъ мірѣ невыгодное для „Биржевыхъ Вѣдомостей“ впечатлѣніе, или по малочисленности подписки, только г. Горнъ не привелъ своего намѣренія въ исполненіе и возвратилъ подписавшимся внесенныя ими деньги. Дѣйствительно, первыя коммерческія телеграммы появились, 19-го декабря 1865 г., въ № 277 „Биржевыхъ Вѣдомостей“, но онѣ были, что называется, жидки и не удовлетворяли дѣйствительнымъ потребностямъ въ томъ торговаго міра. При встрѣчахъ съ банкирами, купцами, маклерами, я неоднократно былъ привѣтствуемъ слѣдующею фразою, даже много лѣтъ спустя послѣ прекращенія „Посредника“:

— Вашего „Посредника“ никто не замѣнилъ; начните его вновь.

— Обезпечьте его изданіе,—былъ мой отвѣтъ,—взаимною подпискою; иначе не начну; 1861 годъ меня проучилъ.

— Начинайте только; подписчиковъ будетъ болѣе прежняго.

Но, въ началѣ 1866 года прибылъ, въ Петербургъ изъ Берлина уполномоченный континентальной телеграфной компаніи (Вольфа), подполковникъ прусской службы, фонъ-Конрингъ. Образованный, свѣтскій, дипломатически воспитанный, снабженный вліятельными рекомендаціями, онъ получилъ немедленно доступъ въ придворныя, правительственныя, биржевыя сферы. Конрингъ подалъ министру почтъ и телеграфовъ прошеніе о разрѣшеніи ему основать въ Петербургѣ телеграфное агентство. Я познакомился съ нимъ слѣдующимъ образомъ.

Въ началѣ марта 1866 года, я получилъ приглашеніе отъ банкира Капгера придти къ нему по одному дѣлу въ его контору, которая тогда помѣщалась въ Кадетской линіи, на Васильевскомъ островѣ, въ домѣ Риттера (нынѣ Лампе). Сыновья Капгера были моими школьными товарищами; я былъ принятъ въ его семействѣ. Старикъ Капгеръ былъ въ числѣ тѣхъ банкировъ и негоціантовъ, которые содѣйствовали успѣху

моего „Посредника“ сообщеніемъ мнѣ свѣдѣній о биржевыхъ дѣлахъ, всегда достовѣрныхъ и по содержанію своему часто исключительнаго интереса. При его участіи были реализированы первыя (послѣ выпуска $4^1/_2$% облигацій главнаго общества русскихъ желѣзныхъ дорогъ) облигаціи частной желѣзной дороги, именно 5% московско-рязанскія, гарантированныя правительствомъ, на сумму 5 милліоновъ рублей, причемъ, кажется, Капгеромъ и была указана возможность получать этимъ путемъ деньги для постройки нашихъ рельсовыхъ путей, выпуская облигаціи въ заграничной валютѣ. Московско-рязанскія облигаціи были обозначены цѣною въ 200 прусск. тал. Также, кажется, при посредствѣ Капгера, была найдена возможность реализировать первый выпускъ закладныхъ листовъ общества взаимнаго поземельнаго кредита, въ январѣ 1868 года, на 10.000,000 р. мет., для чего и былъ заключенъ извѣстный контрактъ съ франкфуртскимъ домомъ Ротшильда. По тогдашнимъ слухамъ, Капгеръ нажилъ отъ этихъ двухъ операцій, равно скупомъ акцій московско-рязанской дороги во время ихъ самаго сильнаго пониженія (до 1861 года), большое состояніе, которое позволило ему ликвидировать затѣмъ свои дѣла, закрыть свою контору и удалиться на спокойное жительство въ Дрезденъ, гдѣ онъ даже пріобрѣлъ себѣ баронское достоинство [1]).

Старикъ Капгеръ встрѣтилъ меня вопросомъ: желаю ли я стать во главѣ управленія телеграфнымъ агентствомъ въ Петербургѣ, которое будетъ учреждено при его участіи съ берлинскими банкирами, съ которыми онъ находится въ дѣлахъ, и для чего присланъ сюда г. Конрингъ, съ которымъ онъ меня сегодня же познакомитъ, такъ какъ онъ явится чрезъ полчаса? Капгеръ мнѣ сказалъ, что онъ указалъ на меня, какъ на доказавшаго свои знанія въ этомъ дѣлѣ изданіемъ „Посредника“, какъ на знающаго иностранные языки, и что остановка только за моимъ согласіемъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ не скрылъ отъ меня, что берлинскіе банкиры, товарищи его въ этомъ дѣлѣ, принимаютъ также участіе въ составленномъ ими акціонерномъ капиталѣ континентальной телеграфной компаніи. Въ этотъ же день я познакомился у Капгера съ Конрингомъ. Послѣдній велъ уже переговоры съ министрами и желалъ продолжать ихъ лично, а потому мнѣ оставалось только ждать ихъ результата.

Такъ какъ вслѣдъ за г. Конрингомъ и г. Трубниковъ, вмѣстѣ съ другими лицами, подалъ прошеніе министру почтъ и телеграфовъ объ основаніи „Русскаго Телеграфнаго Агентства“, то, по тогдашнимъ слухамъ, по высочайшему повелѣнію, былъ назначенъ особенный ко-

---

[1]) Услугами Капгера пользовалось неоднократно и министерство финансовъ. Чрезъ него продана была за-границу старинная мѣдная монета (екатерининская и другая); въ его конторѣ, въ августѣ 1860 года, выдавалось мелкое серебро (при исчезновеніи серебра изъ обращенія, за вывозомъ за-границу), въ обмѣнъ на кредитные билеты, до 10 руб. въ однѣ руки,—заводчикамъ, фабрикантамъ, но не мѣняламъ и проч.

митетъ для обсужденія этого дѣла. Въ составъ комитета вошли три министра: иностранныхъ дѣлъ, князь А. М. Горчаковъ, внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуевъ, и почтъ и телеграфовъ, И. М. Толстой. Комитетомъ постановлено было въ принципѣ устранить основаніе въ Петербургѣ и въ Россіи иностраннаго телеграфнаго агентства, дозволить учрежденіе „Русскаго Телеграфнаго Агентства“ и только въ случаѣ, если оно не въ состояніи будетъ сформироваться, допустить иностранное агентство. Эти слухи подтверждаются письмами г. Конринга ко мнѣ и сообщенными имъ мнѣ свѣдѣніями отъ 31-го марта 1866 г., въ Петербургѣ. Онъ писалъ мнѣ на нѣмецкомъ языкѣ: „Позвольте мнѣ вамъ сообщить, что министръ внутреннихъ дѣлъ, несмотря на данное имъ обѣщаніе, до сихъ поръ оставляетъ безъ всякаго отвѣта присланное имъ на заключеніе министромъ почтъ и телеграфовъ прошеніе о моемъ предпріятіи, а г. Толстой мнѣ объявилъ, что онъ, вслѣдствіе того, не можетъ внести этого дѣла въ комитетъ министровъ“. 15-го апрѣля г. Конрингъ увѣдомилъ меня, что онъ получилъ отвѣтъ отъ И. М. Толстаго и просилъ меня навѣстить его въ гостинницѣ Клея (въ Михайловской улицѣ), гдѣ онъ жилъ. При свиданіи онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее полученное имъ увѣдомленіе, на французскомъ языкѣ, „изъ кабинета (cabinet) министра (такъ стояло въ заголовкѣ) почтъ и телеграфовъ“, отъ 13-го (25) апрѣля 1866 года, за № 112: „Милостивый государь. Въ отвѣтъ на ваше письмо, отъ 9-го сего апрѣля, честь имѣю вамъ сообщить, что я не имѣлъ еще случая получить мнѣніе министровъ, моихъ товарищей, по поводу вашего проекта основанія въ Петербургѣ телеграфнаго агентства. Вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ вамъ, милостивый государь, сообщить, что подобныя прошенія уже поданы мнѣ многими русскими компаніями. Впрочемъ, вы можете надѣяться, что если какая нибудь иностранная компанія явится конкуренткою русскимъ компаніямъ, уже учрежденнымъ, то вамъ будетъ дано преимущество. Примите и проч. И. Толстой“ [1]).

Между тѣмъ, высочайшимъ повелѣніемъ 14-го апрѣля 1866 г., по всеподданнѣйшему докладу министра почтъ и телеграфовъ, дозволено было учредить „Русское Телеграфное Агентство“. Конрингъ, разумѣется, уѣхалъ въ Берлинъ; отъ 13-го (25-го) мая того же года, онъ писалъ мнѣ изъ Берлина, что проектъ учрежденія имъ агентства въ Петербургѣ вовсе не оставленъ, что онъ возникнетъ вскорѣ въ другомъ видѣ, но что тогдашнія политическія обстоятельства не дозволяютъ ему заняться этимъ дѣломъ. Онъ сообщалъ мнѣ въ письмѣ подробныя свѣдѣнія о предстоящей войнѣ между Австріею и Пруссіею, которая, дѣйствительно, и вспыхнула. Затѣмъ о г. Конрингѣ и его проектахъ я ничего болѣе не слыхалъ. Г. Кап-

---

[1]) Иванъ Матвѣевичъ Толстой возведенъ былъ въ графское достоинство 16-го апрѣля 1866 года.

геръ, который могъ бы сильно содѣйствовать осуществленію предпріятія, если бы не ограничился только денежнымъ въ немъ участіемъ и если бы не надѣялся на рекомендаціи, имѣвшіяся у Конринга, также замолчалъ о дѣлѣ, которое не имѣло успѣха.

Печатный циркуляръ „Русскаго Телеграфнаго Агентства", возвѣстившій объ его учрежденіи, съ приглашеніемъ къ подпискѣ на его телеграммы, разосланъ былъ въ концѣ мая и въ началѣ іюня (одобренъ къ печати цензурою 26-го мая 1866 г.). Агентство начало свою дѣятельность въ іюлѣ. Учредителями агентства были названы въ циркулярѣ: торговый домъРуставъ А. Гауфъ и комп., коммерціи совѣтникъ И. А. Глазовъ, банкирскій домъ Лепенау и комп., титулярный совѣтникъ К. Трубниковъ и с.-петербургскій негоціантъ Карлъ Шпигель. Отвѣтственнымъ лицомъ за содержаніе телеграммъ передъ правительствомъ назначенъ былъ г. Трубниковъ. „Русское Агентство" стало получать свои телеграммы отъ Рейтера, отъ агентства Дамнеса (Гаваса тожъ) въ Парижѣ, отъ телеграфнаго бюро Леопольда Поппе [1]) (въ Гамбургѣ и Берлинѣ), отъ вѣнскаго телеграфнаго агентства („Correspondenz bureau", полуофиціальнаго учрежденія) и отъ телеграфнаго агентства Стефани (тогда находившагося во Флоренціи, а затѣмъ перебравшагося въ Римъ, по занятіи его итальянцами). Цѣна бюллетенямъ агентства была назначена 100 руб. въ годъ для абонента.

Петербургскія ежедневныя газеты, получавшія по прежнему сообща свои политическія телеграммы изъ Берлина отъ континентальной телеграфной компаніи, на предложеніе „Русскаго Телеграфнаго Агентства" пользоваться его матеріаломъ, отвѣчали отказомъ. Началась война 1866 года между Австріею и Пруссіею, союзницею которой была Италія. Телеграммъ о побѣдахъ австрійцевъ надъ итальянцами, при Кустоцѣ и Лиссѣ, берлинское агентство, прекратившее тогда свои долголѣтнія сношенія съ вѣнскимъ полуофиціальнымъ агентствомъ, не передало въ Петербургъ и наша публика узнала объ этихъ событіяхъ изъ телеграммъ „Русскаго Телеграфнаго Агентства". Редакціи петербургскихъ газетъ, лишенныя такой важной новости, обидѣлись на континентальную телеграфную компанію. Онѣ отказались получать телеграммы отъ послѣдней и приняли предложенія русскаго агентства. Поэтому, осенью 1866 года, по заключеніи мира между Австріею и Пруссіею, въ Вѣнѣ собралась своего рода конференція уполномоченныхъ четырехъ телеграф-

[1]) Послѣ неудачной конкуренціи въ Германіи съ континентальною телеграфною компаніею, г. Поппе перенесъ, въ 1871 году, свою дѣятельность изъ Гамбурга въ Парижъ, откуда сталъ посылать телеграммы въ разныя газеты, гдѣ основалъ двѣ коммерческія газеты, „Pariser Boersenblatt" и „La côte Européenne" и вошелъ въ связь съ берлинскимъ агентствомъ Гирша. Въ Гамбургѣ же образовалось солидное акціонерное телеграфное агентство „Boersenhalle" (биржи) при поддержкѣ таможней биржи. Рейтеръ также закрылъ въ Гамбургѣ свое агентство, но оставилъ его въ Амстердамѣ.

ныхъ агентствъ: гамбургскаго, берлинскаго, парижскаго и вѣнскаго, для выясненія ихъ взаимныхъ отношеній и отношеній къ другимъ агентствамъ, преимущественно вслѣдствіе возникновенія въ Россіи самостоятельнаго телеграфнаго учрежденія. Конференція эта не имѣла никакого особеннаго результата.

Въ исходѣ 1867 года, редакціи шести петербургскихъ ежедневныхъ газетъ заявили свое желаніе, съ 1-го января 1868 года, вновь получать телеграммы отъ континентальной телеграфной компаніи изъ Берлина, но съ 1-го апрѣля 1868 года вновь обратились къ услугамъ „Русскаго Телеграфнаго Агентства". Въ 1870 году, онѣ снабжались телеграммами вновь изъ Берлина и въ войну 1870—1871 года Германіи съ Франціею быстрота и свѣжесть извѣстій были на сторонѣ континентальной компаніи, а не русскаго агентства.

Къ немногимъ заслугамъ „Русскаго Телеграфнаго Агентства", въ 1871 году существовавшаго почти только номинально, а въ 1872 г. закрывшагося, принадлежитъ устройство полученія телеграммъ изъ Персіи (изъ Тавриза), гдѣ агентомъ его былъ одинъ чиновникъ персидскаго телеграфнаго вѣдомства, и полученіе телеграммъ изъ Константинополя помимо турецкой цензуры. Корреспондентомъ агентства въ Константинополѣ былъ покойный баронъ Штейгеръ, главный тамошній уполномоченный русскаго общества пароходства и торговли. Г. Штейгеру содѣйствовалъ его помощникъ, г. Цедербаумъ. Составленная въ Константинополѣ телеграмма посылалась съ пароходомъ въ Одессу (тогда еще не существовало подводнаго телеграфнаго кабеля между этимъ городомъ и столицею Турціи), гдѣ немедленно отдавалась на телеграфную станцію для передачи въ Петербургъ. Такимъ путемъ извѣстія изъ Константинополя приходили въ остальную Европу тремя сутками ранѣе практиковавшагося до того способа передачи ихъ съ пароходами, ходившими между Стамбуломъ и Тріестомъ. Телеграммы, передаваемыя барономъ Штейгеромъ (часто отлучавшимся по своимъ занятіямъ изъ Константинополя), или его помощникомъ, отличались достовѣрностью и свѣжестью извѣстій, потому что получались ими изъ вполнѣ компетентнаго источника, раскрывать который теперь, можетъ быть, неблаговременно. Персидскія и турецкія телеграммы „Русскаго Телеграфнаго Агентства" передавались имъ чрезъ заграничныя агентства въ иностранныя газеты и охотно ими принимались по серьезности своего политическаго содержанія и значенія. „Русское Телеграфное Агентство" также учредило своего корреспондента въ Китаѣ, такъ что осада тамошняго города Тіенцзина была возвѣщена Европѣ и Америкѣ прежде всего телеграммою этого агентства.

Лѣтомъ 1871 года, я получилъ приглашеніе, чрезъ А. А. Краевскаго, принять участіе въ сформированіи новаго телеграфнаго агентства, съ тѣмъ чтобы управлять имъ. А. А. Краевскій въ самомъ началѣ сказалъ мнѣ, что въ образованіи этого агентства онъ не будетъ принимать участія и что необходимый для дѣла основной капиталъ будетъ

данъ русскими капиталистами. Затѣмъ оказалось, что во главѣ предпріятія стоитъ коммерціи совѣтникъ Я. Я. Фейгинъ. Онъ, дѣйствительно, осенью ѣздилъ въ Москву для приглашенія къ участію въ новомъ агентствѣ тамошнихъ капиталистовъ, но не встрѣтилъ у нихъ сочувствія къ этому дѣлу. Нѣкоторые изъ московскихъ капиталистовъ-купцовъ отказались подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ сдѣланъ былъ выговоръ отъ высочайшаго имени, за ихъ участіе капиталами въ изданіи прекращенной передъ тѣмъ газеты „Москва".

— Пособить дѣлу деньгою, да получить за то выговоръ,—слуга покорный. Давая деньги, мы не знали, что газету „Москву" запретятъ. Трудно знать поэтому впередъ, что̀ выйдетъ изъ агентства.

Передаю такъ, какъ слышалъ въ то время.

Въ октябрѣ 1871 года, я лично подалъ управлявшему тогда министерствомъ внутреннихъ дѣлъ (за отсутствіемъ генералъ-адъютанта Тимашева), статсъ-секретарю князю Лобанову-Ростовскому (нынѣ послу въ Лондонѣ), прошеніе о дозволеніи учредить въ Петербургѣ „Международное Телеграфное Агентство". Названіе было предложено мною. Прошеніе было подписано двумя учредителями, коммерціи совѣтникомъ Фейгинымъ и мануфактуръ-совѣтникомъ Сазиковымъ. Послѣдній подписывая прошеніе, сказалъ мнѣ, что онъ никакого участія, ни денежнаго, ни другаго, въ агентствѣ принимать не будетъ и что онъ входитъ въ дѣло только по просьбѣ Я. Я. Фейгина. Князь Лобановъ-Ростовскій принялъ меня въ томъ же самомъ помѣщеніи министерскаго дома (у Александринскаго театра), гдѣ, за десять лѣтъ передъ тѣмъ [1]), я имѣлъ свиданіе съ С. С. Ланскимъ по поводу предстоявшаго знаменательнаго дня 19-го февраля 1861 года, но голубаго кабинета бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ уже не существовало.

Высочайшее утвержденіе „Международнаго Телеграфнаго Агентства" состоялось 5-го ноября 1871 года. Я былъ назначенъ его управляющимъ и отвѣтственнымъ редакторомъ его телеграммъ. Для переговоровъ съ заграничными телеграфными агентствами, г. Фейгинымъ былъ посланъ чиновникъ телеграфнаго департамента, Николай Ѳедоровичъ Крапухинъ, отправлявшійся, по порученію своего начальства, въ Римъ на тогдашній международный телеграфный конгрессъ. Онъ нашелъ возможнымъ заключить нотаріальный контрактъ только съ континентальною телеграфною компаніею въ Берлинѣ. По этому контракту всѣ главныя агентства въ Европѣ, входя въ обязательство

---

[1]) Въ 1876 году, учредилось въ Петербургѣ еще особое телеграфное агентство г. Поггенполя („Agence Générale Russe"), съ ежегодною правительственною субсидіею въ 25.000 руб. Подобныхъ субсидій не получало прежде ни одно агентство въ Россіи. Я передавалъ правительственныя сообщенія въ 1862 году за-границу безвозмездно, расходуя свои средства на оплату телеграммъ, по временамъ, безвозвратно. Всѣ агентства въ Россіи (кромѣ г. Поггенполя) усиливали только доходы государственнаго казначейства, а не истощали ихъ, увеличивая число передаваемыхъ телеграммъ. Агентство г. Поггенполя оказалось на дѣлѣ безполезнымъ учрежденіемъ.

доставлять свои телеграммы „Международному Телеграфному Агентству", обязались съ тѣмъ вмѣстѣ не имѣть ни съ кѣмъ въ Россіи подобныхъ сношеній. За такую монополію, однако, берлинская компанія потребовала ежегоднаго вознагражденія въ 10.000 прусскихъ талеровъ, сверхъ уплаты за телеграммы по тарифу. Я нашелъ это требованіе чрезмѣрнымъ, невозможнымъ для агентства въ Россіи, зная, по предшествовавшему опыту, что наше отечество не Англія и не Франція или Германія, относительно спроса со стороны публики и торговаго міра на телеграммы. Мой голосъ не могъ одолѣть голоса г. Крапухина и контрактъ былъ заключенъ. Это была фундаментальная ошибка, которая нанесла значительные убытки „Международному Агентству".

Континентальная телеграфная компанія, доставлявшая политическія телеграммы русскимъ газетамъ, потребовала, до подписанія контракта съ нимъ, письменнаго увѣдомленія отъ уполномоченнаго здѣшнихъ редакцій, г. Мейера (тогдашняго редактора „Petersburger Zeitung"), что онѣ отказываются отъ полученія отъ нея телеграммъ и будутъ ихъ получать отъ „Международнаго Телеграфнаго Агентства". Всѣ редакціи согласились на мое предложеніе по этому предмету и перешли къ послѣднему агентству.

„Международное Телеграфное Агентство" открыло свои дѣйствія съ 1-го января 1872 года, слѣдовательно существуетъ уже десять лѣтъ. Въ началѣ 1872 года, дѣла коммерціи совѣтника Фейгина разстроились и только тогда права его и г. Сазикова, какъ учредителей, перешли къ А. А. Краевскому. Въ то время онъ тяготился этимъ бременемъ, что̀ неоднократно высказывалъ мнѣ письменно и словесно, во время моего управленія агентствомъ, до 3-го іюня 1875 года, когда я принялъ на себя редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей". Отвѣтственнымъ редакторомъ телеграммъ „Международнаго Агентства" былъ утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ А. А. Краевскій еще въ маѣ того же года [1]). Съ того времени „Международное Телеграфное Агентство" постепенно утратило прежній свой характеръ нейтральнаго учрежденія въ средѣ петербургскихъ газетъ, чѣмъ и навлекло на себя ихъ неудовольствіе. До іюня 1875 года этихъ неудовольствій не существовало.

Пав. Усовъ.

(Продолженіе будетъ).

---

[1]) См. „Мои воспоминанія", „Историческій Вѣстникъ", томъ VII, стр. 107.

ШВЕДСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ РОССІИ ВЪ 1674 ГОДУ.

I.

Несмотря на заключенный въ 1661 году, въ Кардисѣ, миръ, положившій конецъ русско-шведской войнѣ, возгорѣвшейся въ царствованіе Алексѣя Михайловича, между Россіей и Швеціей продолжали существовать непріязненныя отношенія, преимущественно вслѣдствіе неисполненія русскимъ правительствомъ нѣкоторыхъ статей Кардисскаго договора, касавшихся точнаго опредѣленія границъ, торговли, и возвращенія шведскихъ плѣнныхъ. Чтобы положить конецъ взаимнымъ пререканіямъ, уладить спорные вопросы, направить русскую торговлю въ прибалтійскія шведскія гавани, и посредствомъ заключенія оборонительнаго союза тѣснѣе сблизиться съ Россіей, шведскій дворъ рѣшился, въ 1673 году, отправить въ Москву особое посольство, состоявшее изъ государственнаго совѣтника, графа Густава Оксенширна, эстляндскаго ландрата барона Ганса фонъ-Тизенгаузена, лифляндскаго ландрата Готарда Будберга, и ассесора комерцъ-коллегіи Іоанна Лиліенгофа.

Къ этому посольству, въ качествѣ военнаго агента, былъ прикомандированъ молодой артиллерійскій капитанъ Эрикъ Пальмквистъ, имѣвшій всего 23 года отъ рожденія, но уже успѣвшій обратить на себя вниманіе правительства своимъ солиднымъ образованіемъ, способностями и произведенными имъ работами по укрѣпленію Риги.

Во время пребыванія своего въ Россіи вмѣстѣ съ посольствомъ, Пальмквистъ велъ дневникъ, который представилъ по возвращеніи въ Швецію королю. Дневникъ этотъ, хранящійся въ шведскомъ государственномъ архивѣ и лишь недавно сдѣлавшійся извѣстнымъ, носитъ слѣдующее заглавіе: „Nagre widh sidste Kongl. Ambassaden till tzaren i Muskou gjorde observationer öfver Rysslandh, des Wäger, Pass medh Fästningar

och gräntzer sammandragne aff Erich Palmquist.“ (Нѣсколько замѣчаній о Россіи, о ея дорогахъ, укрѣпленіяхъ, крѣпостяхъ и границахъ, во время послѣдняго королевскаго посольства къ московскому царю. Составлены Эрикомъ Пальмквистомъ.) Къ рукописи приложены 28 листовъ рисунковъ, картъ и плановъ in-folio, рисованныхъ самимъ Пальмквистомъ. Въ своемъ обращеніи къ королю, которое служитъ

Поѣздъ знатной русской боярыни XVII столѣтія.

предисловіемъ къ дневнику, авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „я самъ въ разныхъ мѣстахъ тайно наблюдалъ и рисовалъ, рискуя собой, а также получалъ за деньги нѣкоторыя свѣдѣнія отъ русскихъ подданныхъ.“ Къ Россіи Пальмквистъ относится вообще неблагосклонно. Онъ называетъ русскихъ „націей недовѣрчивой, несговорчивой, робкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ надменной, много о себѣ воображающей и съ презрѣніемъ относящейся ко всему иностранному.“ „Русскіе,—говоритъ Пальмквистъ,—обладаютъ необыкновенной физической крѣпостью, очень способны къ труду, но при этомъ крайне лѣнивы и охотнѣе всего предаются разгулу, до тѣхъ поръ, пока нужда не заставитъ ихъ взяться за дѣло. Ничто не идетъ болѣе къ русскому характеру, какъ торговать, барышничать, обманывать, потому что честность русскаго рѣдко можетъ устоять передъ деньгами; онъ такъ жаденъ и корыстолюбивъ, что считаетъ всякую прибыль честной. Русскій не имѣетъ понятія о правдивости и видитъ во лжи только прикрасу; онъ столь искусно умѣетъ притворяться, что большею частью нужно употребить много усилій, чтобы не быть имъ обманутымъ. Русскій по природѣ очень способенъ ко всѣмъ ремесламъ и можетъ изворачиваться при самыхъ скудныхъ средствахъ. Купецъ, или солдатъ, отправляясь въ дорогу, довольствуются тѣмъ, что берутъ съ собой сумку съ овсяной мукой, изъ которой они и приготовляютъ себѣ обѣдъ, взявъ нѣсколько ложекъ муки и смѣшавъ её съ водой; такая смѣсь служитъ имъ и напиткомъ и кушаньемъ.“ На основаніи

свѣдѣній, собранныхъ имъ о Россіи, Пальмквистъ, какъ бы пророчески указывая на будущее пораженіе русскихъ подъ Нарвой, считалъ себя вправѣ предсказывать шведскому королю, что „подданные Карла XI, подъ его предводительствомъ, какъ въ другихъ частяхъ свѣта, такъ въ особенности въ восточной странѣ (т. е. Россіи) найдутъ достаточно мѣста и матерьяла, чтобъ воздвигнуть въ вѣчную славу его величества видный трофей.“

Въ прошломъ году, въ иллюстрированной шведской газетѣ „Illustrerad Tidning“ появилось небольшое извлеченіе изъ дневника Пальмквиста, сопровождаемое четырьмя, заимствованными оттуда же, политипажами. Полагая, что читателямъ „Историческаго Вѣстника“ будетъ небезъинтересно познакомиться съ этими цѣнными не только для шведовъ, но и для насъ, рисунками, мы воспроизводимъ ихъ здѣсь въ уменьшенной, но точной копіи.

Первый рисунокъ изображаетъ зимній поѣздъ знатной русской боярыни. Тяжелый, массивный возокъ тянется по глубокому снѣгу шестью лошадьми, запряженными „гусемъ“. Толпа раболѣпныхъ слугъ окружаетъ экипажъ, или помогая лошадямъ, или готовясь исполнить по первому знаку приказанія своей госпожи; встрѣчные люди еще издалека сворачиваютъ въ сторону и, почтительно снявъ шапки, пропускаютъ мимо себя поѣздъ.

Пытка водой.

На второмъ рисункѣ представлена практиковавшаяся тогда въ Россіи „пытка водой“. На первый взглядъ, повидимому, безвредная, она была страшно мучительна. Надъ преступникомъ, крѣпко привязаннымъ къ столбу, утверждался на извѣстной вышинѣ сосудъ особаго устройства, непрерывно выпускавшій изъ себя крупныя капли холодной воды, которыя, съ математическою точностью падая на обнаженное темя несчастнаго, производили нестерпимыя страданія.

Третій рисунокъ изображаетъ тогдашній Николо-Угрѣшскій монастырь, находившійся въ 10—15 верстахъ отъ Москвы, гдѣ обыкно-

венно иностранныя посольства останавливались для небольшого отдыха передъ въѣздомъ въ столицу, а четвертый представляетъ пріемъ шведскаго посольства царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ частности, этотъ послѣдній рисунокъ имѣетъ нѣсколько погрѣшностей, такъ какъ Пальмквистъ рисовалъ его, разумѣется, на память, по возвращеніи съ аудіенціи (напр., рынды, окружающіе тронъ, представлены, вмѣсто собольихъ, въ горностаевыхъ шапкахъ), но въ общемъ—онъ вѣренъ и характеренъ.

II.

Шведское посольство отправилось изъ Стокгольма 21-го августа 1673 года, на военномъ кораблѣ „Uttern" и, четыре дня спустя, прибыло въ Фурусундъ, куда въ наше время пароходы совершаютъ свои рейсы въ четыре часа. Простоявъ здѣсь около недѣли по случаю противнаго вѣтра, „Uttern" лишь 14-го сентября вошелъ въ Ревельскую гавань. Отдохнувъ въ Ревелѣ, посольство двинулось далѣе уже въ экипажахъ и 18-го ноября достигло русской границы, гдѣ было встрѣчено царскими приставами, назначенными сопровождать его по Россіи. Переѣздъ черезъ границу совершенъ былъ въ торжественной процессіи, которую замыкала „собственная его королевскаго величества карета". На каждой станціи для посольскаго поѣзда заготовлялось 440 лошадей. Въ Новгородѣ возникло неожиданное затрудненіе, едва не принудившее Оксенширна вернуться обратно. До сихъ поръ ни одно шведское посольство не брало съ собой „собственной его королевскаго величества кареты" и въ данномъ случаѣ присутствіемъ ея дѣлалась русскимъ „особая честь". Но оказалось, что ворота, черезъ которыя долженъ былъ совершиться въѣздъ посольства въ Новгородъ, были слишкомъ низки для кареты и потому новгородскій воевода Шереметевъ предложилъ Оксенширну оставить въ предмѣстьи ихъ громоздкій экипажъ и совершить въѣздъ въ царской каретѣ. Послы обидѣлись такимъ предложеніемъ, сочтя его „подрывомъ репутаціи шведскаго короля", и ни за что не хотѣли разстаться съ своей каретой, хотя ширина и высота воротъ ясно показывала, что она никакъ не можетъ протиснуться черезъ нихъ. Послѣ долгихъ споровъ и объясненій, Шереметевъ приказалъ, наконецъ, разломать ворота настолько, чтобы черезъ нихъ могла свободно пройти „собственная его королевскаго величества карета". Въѣхавъ съ обычной церемоніей въ Новгородъ, послы прожили въ немъ до 2-го декабря и затѣмъ продолжали дальнѣйшій путь уже безпрекословно въ царской каретѣ „со сводчатымъ балдахиномъ, четырьмя вызолоченными шарами по угламъ, позолотой снаружи и обитой внутри краснымъ бархатомъ".

Наканунѣ Рождества, посольство достигло Николо-Угрѣшскаго монастыря, построеннаго, по словамъ Пальмквиста, „въ пестромъ стилѣ,

составляющемъ отличительную черту русско-восточныхъ зданій". Приведя себя здѣсь въ порядокъ, послы двинулись къ Москвѣ. Въ пяти верстахъ отъ столицы началась живая изгородь изъ войска, доходившая до самаго города. По лѣвую сторону были расположены 24 полка пѣхоты съ 200 орудій, а по правую кавалерія. Передъ каждой ротой стояли трубачи и музыканты съ бубнами и свирѣлями, производившіе, по словамъ Пальмквиста, „страшный шумъ". Хотя день былъ очень морозный, посольству пришлось, однако же, двигаться впередъ шагъ за шагомъ и оно только въ сумерки добралось до Москвы.

Николо-Угрѣшскій монастырь въ XVII столѣтіи.

У самаго города его встрѣтили три царскихъ пристава, которые вышли изъ своихъ саней, чтобы привѣтствовать прибывшихъ отъ имени государя, такъ что посламъ пришлось также вылѣзти изъ кареты и выслушивать любезности и отвѣчать на нихъ подъ открытымъ небомъ, на морозѣ.

3-го января 1674 года, назначена была торжественная аудіенція посламъ, но въ этотъ самый день между шведами и русскими возникъ споръ по одному церемоніальнему вопросу, сдѣлавшій аудіенцію невозможной. Русскіе требовали, чтобы послы вступили въ тронную залу безъ тростей и шпагъ и съ обнаженной головой. Послы согласились оставить трости и шпаги, но отказались обнажить головы, такъ какъ не имѣли на этотъ счетъ инструкцій. Напрасно пристава убѣждали и доказывали, что „даже послы римскаго цезаря не явля-

ются передъ царемъ на аудіенціи съ покрытыми головами". Оксенширнъ упорствовалъ, выражая сожалѣніе, что „изъ всего дѣла ничего не выходитъ", ибо пословъ не хотятъ допустить къ аудіенціи „съ должнымъ его королевскому величеству решпектомъ и почетомъ". Такимъ образомъ, въ этотъ день аудіенція не состоялась. На слѣдующій день послы стали просить дозволенія послать въ Швецію гонца, чтобы „повергнуть дѣло на усмотрѣніе короля". Но русскіе, раздраженные упорствомъ Оксенширна, были „просто грубы" и не только не разрѣшили отправки гонца, но приказали стражѣ никого не выпускать изъ посольскаго помѣщенія и никого не впускать туда. Эта мѣра, которая обыкновенно примѣнялась въ Россіи къ иностраннымъ посламъ до полученія ими аудіенціи, обрушилась весьма непріятно на шведскаго резидента въ Москвѣ, Адольфа Эбершельда, который случайно находился у пословъ; задержанный вмѣстѣ съ другими, онъ принужденъ былъ провести ночь на голой скамьѣ.

Раздоры между русскими и шведами продолжали усиливаться, и 6-го числа посламъ было объявлено царское приказаніе—на слѣдующій день готовиться къ отъѣзду.

— Это мы готовы сдѣлать, спокойно отвѣчалъ Оксенширнъ и велѣлъ укладывать вещи.

Тогда русскіе сдѣлались уступчивѣе и разрѣшили послать гонца въ Швецію. Переводчикъ Самуилъ Эосандеръ посланъ былъ 15-го января съ письмомъ къ Карлу XI; онъ возвратился въ Москву 19-го марта съ отвѣтомъ, что король согласенъ исполнить требованіе царя.

30-го марта, аудіенція, наконецъ, состоялась. Цѣлыхъ три мѣсяца пропали напрасно изъ-за пустыхъ формальностей, которыя играли столь важную роль въ тогдашнихъ дипломатическихъ сношеніяхъ.

Пріемъ происходилъ, по обыкновенію, въ Грановитой палатѣ. Торжественное шествіе двинулось изъ посольскаго дома между двумя рядами стрѣльцовъ. Впереди ѣхалъ верхомъ капитанъ Пальмквистъ; за нимъ несли подарки, присланные царю королемъ, а царицѣ—вдовствующей королевой Гедвигой-Элеонорой. Всѣхъ подарковъ было тридцать два; они состояли изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей (умывальникъ, сосуды для воды, ваза для конфектъ, корзины, кубки, стаканы и т. п.). Какъ особенно дорогіе презенты, въ дневникѣ упоминаются: „большая художественно сдѣланная люстра съ десятью подсвѣчниками изъ массивнаго серебра", „искусственный фонтанъ красивой и рѣдкой работы, который бьетъ воду самъ собой". Вдовствующая королева дарила царицѣ различные предметы изъ „благоуханнаго дерева-алоэ", между прочимъ, шкатулку съ филигранной отдѣлкой и драгоцѣнными камнями, шесть „необыкновенно красивыхъ разрисованныхъ вѣеровъ", часы золотые, „прекрасную ночную юбку", „вышитую серебромъ и синими шелками прекрасную ночную кофту" и „всякія женскія галантерейныя вещи и раритеты". За подарками ѣхалъ маршалъ посольства Германъ фонъ-Ферзенъ, потомъ слѣдовали

слуги, канслисты, пасторъ, переводчики, лекарь, гофъ-юнкеръ, секретари, несшіе кредитивные грамоты пословъ на голубой тафтѣ, пажи, потомъ сами послы въ царской каретѣ, везомой парой вороныхъ коней, и, наконецъ, „собственная его королевскаго величества карета", окруженная драбантами.

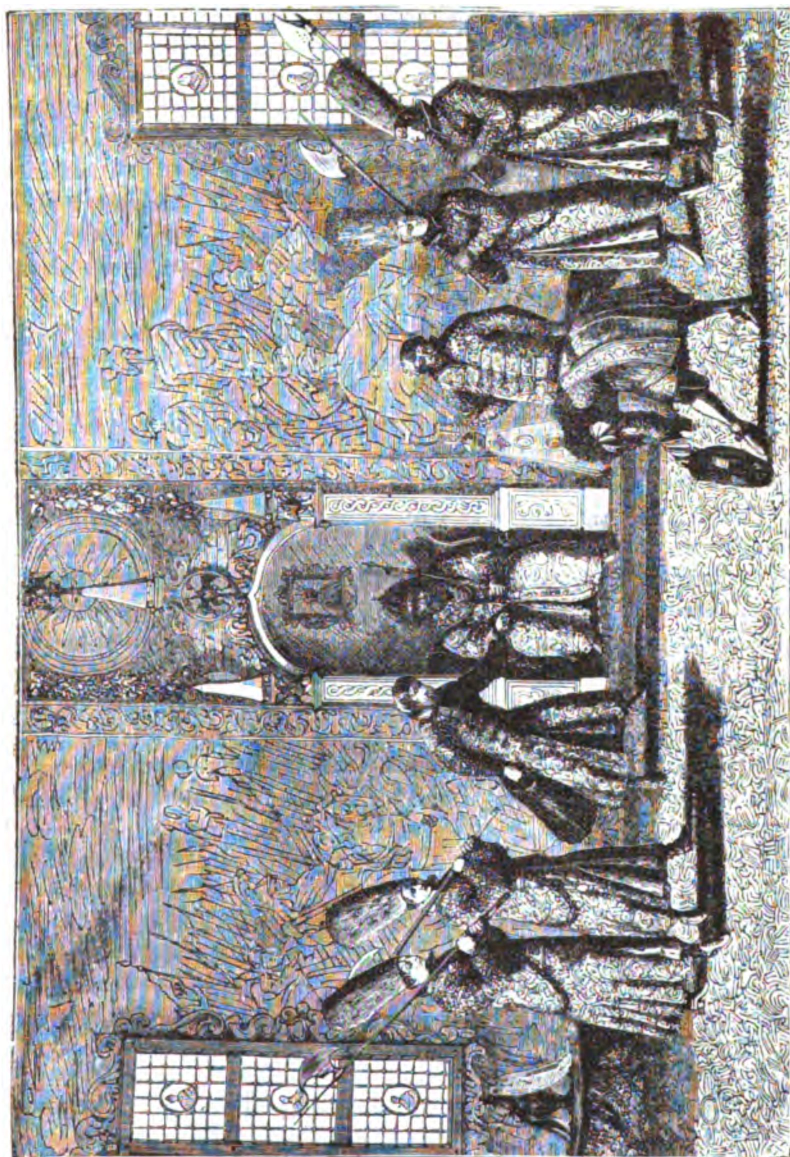
Въ пріемной комнатѣ, гдѣ толпились царедворцы, пословъ встрѣтилъ князь Андрей Хилковъ (Kiltov), проводившій ихъ въ тронную залу. Пальмквистъ, какъ мы уже замѣтили выше, сдѣлалъ довольно точный рисунокъ этой залы. По стѣнамъ висѣли дорогіе тканые обои, на которыхъ были изображены сцены изъ миѳологіи и исторіи; рѣшетчатыя окна были украшены нарисованными на стеклѣ портретами въ видѣ медальоновъ; золотые и серебряные сосуды блистали на покрытыхъ бархатомъ поставахъ. Царь сидѣлъ на тронѣ, украшенномъ двуглавымъ орломъ, подъ богатымъ балдахиномъ; онъ держалъ въ рукѣ скипетръ, а на головѣ имѣлъ небольшую шапку-корону. Въ сторонѣ, на особомъ поставѣ, лежала держава. По обѣимъ сторонамъ трона стояли рынды въ одеждахъ, затканныхъ серебромъ и подбитыхъ мѣхомъ, и въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ.

Послы вступили въ тронную залу съ непокрытыми головами и остановились въ десяти шагахъ отъ трона. Затѣмъ Оксенширнъ произнесъ по-шведски привѣтствіе и прочиталъ письмо своего государя. Царь всталъ, спросилъ о здоровьѣ короля и позволилъ посламъ „подойти къ своей рукѣ". Оксенширнъ изложилъ цѣль прибытія посольства, а царь велѣлъ спросить о здоровьи пословъ. Потомъ окольничій Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ пересчиталъ подарки, за которые царь поблагодарилъ. Въ то время, какъ къ царской рукѣ подходила посольская свита, была принесена скамья и пословъ пригласили сѣсть. Членовъ посольства отъ имени царя спрашивали о здоровьи, а они благодарили черезъ маршала. По окончаніи этой церемоніи, послы, получивъ приглашеніе къ царскому столу, удалились.

На другой день послѣ царской аудіенціи, между шведами и русскими открылись переговоры. Со стороны русскихъ ихъ вели Матвѣевъ и бояре князья Юрій Алексѣевичъ и Михаилъ Юрьевичъ Долгорукіе.

— Государь нашъ Карлъ XI пришелъ въ совершенный возрастъ,— началъ Оксенширнъ,—и желаетъ быть съ царскимъ величествомъ въ крѣпкомъ союзѣ. Видя этотъ союзъ, посторонніе государи будутъ въ страхѣ. Да и потому союзъ нуженъ, что общій всѣхъ христіанъ непріятель, султанъ турецкій, наступилъ войною на королевство польское, много городовъ взялъ, лучшею и надежнѣйшею крѣпостью Каменецъ-Подольскомъ овладѣлъ, а царскаго величества рубежи отъ этихъ странъ не въ дальнемъ разстояніи. Какъ султанъ узнаетъ, что между вашимъ и нашимъ государемъ заключенъ союзъ, то станетъ опасаться и намѣреніе свое отложить, а король противъ этого непріятеля будетъ всегда помогать.

Затѣмъ Оксенширнъ принялся излагать жалобы на неисполненіе со стороны русскихъ нѣкоторыхъ статей Кардисскаго договора.



Пріемъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Шведскаго посольства 1674 году.

Начался споръ, о чемъ прежде разсуждать—о союзѣ, или неисполненныхъ статьяхъ Кардисскаго договора? Бояре настаивали, что надобно начать съ союза; послы возражали, что, не покончивши съ прежними договорами, нельзя заключать новыхъ.

— Вы прежде всего начали о союзѣ, а потомъ уже сказали о неисполненныхъ статьяхъ договора, такъ въ этомъ порядкѣ и ведите переговоры,—твердили бояре.

Шведы поспорили, но уступили, стали говорить о союзѣ противъ турокъ и объявили, что король ихъ обѣщалъ послать полякамъ на помощь 5.000 человѣкъ войска.

Бояре отвѣчали, что 5.000 очень мало; „великій государь желаетъ, чтобы король шведскій стоялъ противъ турка всѣми силами за-одно, а изъ-за 5.000 и союза заключать не для чего.

— Но поляки сами больше у насъ не просили,—возражали послы.

— Чего у васъ поляки просили, до того намъ дѣла нѣтъ, говорили бояре,—а теперь пусть король заключитъ союзъ съ царскимъ величествомъ стоять противъ султана всѣми своими силами за-одно.

Послы объявили, что о такомъ союзѣ имъ договариваться не показано; для заключенія подобнаго союза пусть царь отправляетъ къ королю своихъ пословъ.

— Такъ зачѣмъ же вы-то пріѣхали? спрашивали бояре и продолжали:—намъ надобенъ такой союзъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ было по 200.000 войска; наши будутъ за Днѣпромъ и на Дону, а ваши подъ Каменцомъ-Подольскимъ, или въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ.

Въ такомъ родѣ переговоры продолжались около двухъ съ половиной мѣсяцевъ совершенно безплодно. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, взаимныхъ пререканій, укоровъ и жалобъ, пришли къ неясному соглашенію и заключили слѣдующій странный договоръ: „Если царское величество потребуетъ у королевскаго величества помощи противъ недруга съ этой стороны моря, то можетъ просить надежно. Также, если королевское величество станетъ требовать помощи у царскаго величества противъ недруга съ этой стороны моря, со стороны Ливоніи, то можетъ просить надежно". Переговоры о торговыхъ пошлинахъ и другихъ вопросахъ, возбужденныхъ послами, были отложены на неопредѣленное время, и 19-го іюня 1674 года посламъ была дана царемъ „прощальная аудіенція".

Такимъ образомъ, дорого стоившее шведскому правительству посольство Оксенширна возвратилось, вмѣстѣ съ „собственной его королевскаго величества каретой", домой, не достигнувъ въ сущности никакихъ результатовъ и не принеся никакой пользы, за исключеніемъ развѣ „Дневника" Пальмквиста, который въ историческомъ отношеніи не потерялъ своего значенія и для настоящаго времени и изданіе котораго въ полномъ видѣ было бы весьма желательно.

С. Шубинскій.

———

РУССКІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ МИНУВШИХЪ ТРЕХЪ ЦАРСТВОВАНІЙ [1].

(Графъ П. Д. Киселевъ).

III.

Киселевъ—военачальникъ и предсѣдатель дивановъ въ Молдавіи и Валахіи.

Отношеніе императора Николая I къ Киселеву.—Участіе Павла Дмитріевича въ турецкой кампаніи 1828—1829 гг.—Переправа черезъ Дунай. — Кипучая дѣятельность Киселева въ военное время.—Извѣстіе о заключеніи мира.—Дѣятельность Павла Дмитріевича въ должности предсѣдателя дивановъ въ придунайскихъ княжествахъ.—Результаты этой дѣятельности.—Гуманность Киселева.—Признательность Валахскаго княжества.

СЛУЖЕБНАЯ дѣятельность П. Д. Киселева въ новое царствованіе началась подъ дурными предзнаменованіями. Кончина императора Александра I обнаружила существованіе тайнаго общества, ибо въ бумагахъ государя, въ Таганрогѣ, нашлись доносы Шервуда и Майбороды съ именами членовъ этого общества. Киселева винили враги его въ бездѣйствіи власти, не принимавшей мѣръ къ раскрытію преступныхъ замысловъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, 9-го января 1826 г., ему пришлось убѣдиться лично въ немилости государя и необходимо было, слѣдовательно, выяснить прежде всего свое положеніе. Киселевъ написалъ письмо къ императору Николаю Павловичу, прося у него „лишь суда, чтобы быть оправданнымъ или наказаннымъ“; но отвѣтъ государя былъ успокоительный. Графъ Витгенштейнъ, представлявшій означенное письмо,

---

[1]) Окончаніе. См. „Историческій Вѣстникъ“, Т. VII, стр. 128—155.

увѣдомилъ своего начальника штаба, что государь не сохранилъ противъ него ни малѣйшаго неудовольствія. „Онъ долженъ былъ его показать вамъ при вашемъ пріѣздѣ сюда, въ виду того, что значительная часть главной квартиры была замѣшана въ гнусномъ заговорѣ...“ Киселевъ, такимъ образомъ, могъ, по обыкновенію, отдаться текущимъ дѣламъ 2-й арміи. И дѣйствительно, конецъ 1826 и весь 1827 годъ онъ занимался осмотромъ арміи и подготовленіемъ ея къ послѣдовавшей затѣмъ войнѣ съ Турціей.

Эта война дала возможность Павлу Дмитріевичу выдвинуться на видъ передъ государемъ. Наружное неудовольствіе его смѣнилось явнымъ благоволеніемъ и довѣріемъ къ Киселеву, когда послѣдній проявилъ чрезвычайную энергію и распорядительность въ военныхъ дѣйствіяхъ. Чтобы судить о мѣрѣ личнаго участія Киселева въ этой войнѣ, приведемъ одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ, разсказанный имъ въ „Дневникѣ“. Государь поручилъ совершить переправу черезъ Дунай 26-го мая съ наименьшею потерею людей. „Нахожу“— пишетъ Киселевъ—„на разсвѣтѣ Сухтелена и Рудзевича на переправѣ; послѣдній отводитъ меня (въ сторону) и увѣряетъ, что переправа невозможна и не исполнится; Сухтеленъ подтверждаетъ безнадежность успѣха и что не хотятъ. Стараюсь дать движеніе; угрюмость многихъ, готовность Горчакова и Берга. Запорожцы. Пріѣздъ и скорый отъѣздъ адъютантовъ. Ядра въ колонну и корабли. Отплытіе первыхъ лодокъ; удаленіе ихъ по теченію. Я ѣду на ту сторону... взявъ, (не разобрано) и пригласивъ кн. Мадатова, поднимаюсь вверхъ къ непріятельской батареѣ. Вельяминовъ впереди меня отыскиваетъ мѣсто для выгрузки. Минута нерѣшительности. Еще 100 саженъ впередъ и мѣсто отыскано. Патаніоти пріѣзжаетъ ко мнѣ за приказаніемъ; подвигаю его флотилію выше себя для дѣйствія картечью; ружейной стрѣльбы непріятельской не слышу и не вижу; наши въ лѣсу стрѣляютъ; на батареяхъ одно орудіе еще продолжаетъ стрѣлять,—но непріятель отступилъ и храбрецы Б. Г. и прочіе впередъ, а я къ флотиліи и на батарею нашу обратно, гдѣ нашелъ Витта. Усталый отъ 10-часоваго крика и разныхъ впечатлѣній, ѣду къ государю и тамъ остаюсь 2 часа; послѣ чего обращаюсь къ Бергу для начатія распоряженій о мостѣ и плотинѣ; возвращаюсь вечеромъ въ Сатуновъ и поздравленъ генералъ-лейтенантомъ“.

Въ дополненіе къ этой запискѣ Киселева, вотъ еще нѣкоторыя подробности изъ разсказа Лакруа:

„Киселевъ, считая, что на его отвѣтственности лежитъ успѣхъ предпріятія, увидѣлъ, что суда съ войсками быстрымъ теченіемъ рѣки относило къ мѣсту, гдѣ пристать къ берегу было невозможно; онъ замѣтилъ, что на другой сторонѣ рѣки четыре донскіе казака, переправившіеся съ вечера и проведшіе ночь на непріятельскомъ берегу, подавали знаки пристать къ нимъ; бросившись въ лодку съ нѣсколькими офицерами, приказалъ везти себя на другой берегъ къ мѣсту, кото-

рое онъ считалъ болѣе удобнымъ къ высадкѣ; князь Горчаковъ и еще нѣсколько офицеровъ послѣдовали за нимъ; лодки ихъ остановились на другой сторонѣ на отмели; чтобъ достигнуть берега, Киселевъ, не останавливаясь ни минуты, бросился по поясъ въ воду и достигъ берега; его примѣръ увлекъ начальниковъ и солдатъ; всѣ бросились за нимъ, идя въ грязи, съ опасностью въ ней потонуть, прокладывая себѣ дорогу среди камышей и кустарниковъ, до тѣхъ поръ, пока достигли твердой земли. Когда мокрый и покрытый грязью Киселевъ возвратился къ императору, онъ закричалъ издали:

— Я знаю твои новости: ты первый пришелъ и показалъ дорогу другимъ.

— Нѣтъ—отвѣчалъ Киселевъ,—это наши четыре казака, которые переправились вчера въ полночь и ожидали насъ на другомъ берегу Дуная.

„Императоръ обнялъ Киселева и при всѣхъ благодарилъ его въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ".

Павелъ Дмитріевичъ участвовалъ неразъ въ сраженіяхъ съ непріятелемъ и выказывалъ при этомъ личную храбрость, присутствіе духа и распорядительность. Объ этомъ участіи, содѣйствовавшемъ отраженію внезапныхъ нападеній турокъ, читатель найдетъ свѣдѣнія у Лукьяновича—„Описаніе турецкой войны 1828 и 1829 годовъ". Несмотря на военное время, Киселевъ не переставалъ заниматься текущими дѣлами. 12-го февраля 1829 г., онъ писалъ Закревскому: „Я вчера представилъ фельдмаршалу годовой отчетъ за 1828 г. Это — десятый моего служенія и, несмотря на войну, заботы и многоначаліе, показалъ, что 31 тыс. номеровъ въ одинъ годъ выпущены изъ моихъ управленій и всѣ журналы заключены, счеты кончены и, какъ бы въ мирное время, ни одна входящяя бумага не оставлена безъ разрѣшенія или отмѣтки." 1-го мая 1829 г., Дибичъ, распредѣливъ армію на три главныя части, поручилъ Киселеву войска, составлявшія правый флангъ. Дѣйствія этого фланга составляли какъ бы отдѣльный эпизодъ войны. Фланговое движеніе, начатое по иниціативѣ Киселева, охранившее русскую армію отъ нападенія турокъ на ея тылъ, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. „Для честолюбія военачальника"—говоритъ его біографъ—„недоставало только блеска побѣды, котораго единственно желалъ и ожидалъ Павелъ Дмитріевичъ." Киселевъ, дѣйствительно, былъ недоволенъ заключеніемъ мира, какъ то видно изъ слѣдующаго его письма къ П. Ѳ. Желтухину отъ 13-го сентября:

„Съ удовольствіемъ — не скрою, что и съ огорченіемъ—получилъ я извѣстіе о заключеніи мира. Казаки мои были въ двухъ маршахъ отъ Софіи, и чрезъ три дня я занялъ бы сей замѣчательный и для насъ важный городъ. Признайтесь, почтенный Петръ Ѳедоровичъ, что при всемъ патріотизмѣ позволительно сѣтовать на судьбу, которая, послѣ преодолѣнія многихъ и многихъ затрудненій, не допустила воспользоваться справедливымъ воздаяніемъ, котораго я вправѣ былъ ожи-

дать. Но дѣлать нечего; покоряюсь той волѣ, которая нами располагаетъ, и уже не гоняюсь за счастіемъ, котораго достигнуть не могу.

„Я уже былъ въ горахъ и въ краѣ прелестномъ. Болгары насъ встрѣчали пріятелями и большая часть турокъ оставались въ домахъ своихъ или возвращались домой, и все исполнялось по желаемому. Какъ вдругъ блистательный миръ опечалилъ весь безъ изъятія корпусъ. Паша Скодрскій съ 10 т. выбирался уже изъ Софіи, и мнѣ оставалось бы подобрать хвостъ его и приспѣть въ Адріанополь. По всей дорогѣ насъ ожидали, и 40 т. русскихъ съ голода не умерли бы— такъ отзывались жители. Я воротился съ 20 казаками, два разъ ночевалъ въ полѣ и былъ охраняемъ болгарами, домы и имущество коихъ никѣмъ не были тронуты“...

Но и послѣ тягостныхъ военныхъ трудовъ Киселеву не пришлось отдыхать. Въ виду вступленія нашихъ войскъ въ Молдавію и Валахію, предстояло опредѣлить образъ управленія этими княжествами. Оба господаря, Стурдза и Гика, были устранены отъ управленія, которое предоставлялось предсѣдателю дивановъ. Первымъ предсѣдателемъ былъ недолго графъ Паленъ, за нимъ, также лишь нѣкоторое время, предсѣдательствовалъ П. Θ. Желтухинъ, а 14-го сентября *1829* г. назначенъ былъ Киселевъ. Здѣсь Павлу Дмитріевичу открывалось обширное поле трудной дѣятельности. Придунайскія княжества находились въ бѣдственномъ положеніи; реформы были необходимы, и предшественники Киселева ничего не сдѣлали въ этомъ направленіи. Вотъ что писалъ онъ отъ 26-го ноября 1829 г. Закревскому, по пріѣздѣ въ княжества, о первыхъ своихъ дѣйствіяхъ тамъ:

„Признаюсь тебѣ, что предвидѣть не могъ тотъ хаосъ, въ коемъ нашелъ здѣшнее управленіе; съ іюня мѣсяца Желтухинъ дѣлами почти не занимался и вообще, кажется, не постигъ характеръ мѣста, ему довѣреннаго; вознамѣрился княжествами управлять, какъ губерніею, и противупоставилъ себѣ все и всѣхъ. Присовокупи къ сему, что остальныя лица всѣ, можно сказать, безъ изъятія — или съ малымъ весьма изъятіемъ—берутъ взятки, а иныя грабятъ безстыдно, и что съ пріѣзда моего, я замѣтилъ во всѣхъ старшихъ и младшихъ одну цѣль, одно желаніе — затмить истину и поперечить всему, что̀ клонится къ введенію порядка и систематическаго устройства.

„Вотъ что до сихъ поръ замѣтить могъ и что̀ долженъ и хочу преодолѣть. Съ пріѣзда моего преобразовалъ чумный лазаретъ, учредилъ общій въ княжествахъ осмотръ и общія противу чумы мѣры, понизилъ въ городѣ цѣны на продукты, а вскорѣ удвою откупа на соль, таможни и проч. Все это не нравится моимъ сотрудникамъ, которые теряютъ доходы свои и меня проклинаютъ; но въ княжествахъ меня приняли чрезмѣрно благосклонно и всѣ отъ меня ожидаютъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ; ибо здѣсь трудно переобразовывать закоренѣлыя злоупотребленія при общей конфузіи текущихъ дѣлъ. Я опять хлопотами и ежедневными непріятностями обратился къ занятіямъ моимъ

1819 года, но съ тою разницею, что въ сорокъ два года силы изнурены и не отвѣчаютъ желанію быть дѣятельнымъ и точно полезнымъ."

Въ слѣдующемъ году, 20-го февраля, онъ писалъ къ Закревскому изъ Бухареста о томъ же предметѣ слѣдующее:

„Покуда силы не исчезли, я тружусь и, кажется, не безъ пользы. Внутреннее гражданское управленіе и военная администрація принимаютъ ходъ систематическій; довѣріе въ жителяхъ возрождается; откупныя статьи и вообще доходы возвышаются; воровство, какъ дѣло сродное въ этомъ краѣ, часъ отъ часу уменьшается, и низшій классъ начинаетъ отдыхать. Полиція въ городахъ и пагубныя квартирныя комиссіи преобразовываются; отчетность въ вистіаріи (министерствѣ финансовъ), госпиталяхъ и комиссіяхъ учреждается на правилахъ строгихъ и одинаковыхъ; засѣвы съ пособіемъ правительства будутъ обширные; карантинная линія по Дунаю, какъ дѣло для Россіи важное, учреждается со всею дѣятельностію и вниманіемъ; земское войско будетъ формироваться и комитетъ преобразованій [1]) не перестаетъ трудиться, хотя съ желаніемъ сохранить зловредныя привилегіи бояровъ, противу коихъ я дѣйствую, какъ исполнитель воли государя и какъ христіанинъ. Много остается дѣлать тому, кто краемъ симъ будетъ управлять; но главнымъ дѣломъ почитаю пріобрѣсти для Россіи богатство онаго торговлею и покорить молдаванъ и валаховъ на будущее время нашимъ воспитаніемъ и введеніемъ нашихъ обычаевъ и нравовъ. Для сего нужно: 1) облегчить торговый нашъ тарифъ и замѣнить австрійскія издѣлія русскими и 2) размѣстить въ военныя и гражданскія наши учебныя заведенія 200 молодыхъ людей и столько же дѣвицъ въ монастыри. Симъ образомъ, безъ переворотовъ Европы, безъ издержекъ на содержаніе здѣсь военной силы, наша граница будетъ на Дунаѣ и съ земскими отъ заразы охраненіями".

Еще черезъ мѣсяцъ:

„Пребываніе мое здѣсь часъ отъ часу мнѣ становится тошнѣе; занимаюсь цѣлый день дѣлами, нѣтъ ни минуты отрады и отдыха. Бумаги и я, я и бумаги—вотъ и вся жизнь; лѣта проходятъ и наслажденія жизнію потухаютъ. Но такъ и быть, до послѣдней возможности не измѣню правиламъ своимъ и, сколько могу, буду полезенъ государю и согражданамъ, хотя здѣшніе того мало достойны". Дѣятельность Киселева въ качествѣ администратора въ княжествѣ имѣла весьма плодотворные результаты. „Чтобы дать понятіе"—писалъ онъ уже въ 1831 г. графу Нессельроде— „о злоупотребленіяхъ, которыя намъ удалось отстранить, достаточно указать на то, что небольшое число чиновниковъ (показанныхъ въ приложенномъ Киселевымъ спискѣ) дѣлили между собою 2.368.000 піастровъ, упадавшихъ всею своею тяжестію на средніе и низшіе классы, а въ настоящее время жало-

---

[1]) Киселевъ такъ называетъ здѣсь комитетъ, занимавшійся составленіемъ органическаго регламента.

ванье этимъ чиновникамъ опредѣлено въ 631.200 піастровъ. Изъ другаго списка видно, что 120 т. семействъ крестьянъ, которыми располагали 2.000 привилегированныхъ фамилій, поступили теперь въ общій податной классъ". Далѣе, точное указаніе обязанностей, налагаемыхъ на управляемыхъ съ одной стороны, упрощеніе и отмѣна натуральныхъ повинностей съ другой—уничтожили произволъ и злоупотребленія. Полиція получила достаточную организацію и общественный порядокъ поддерживался во всей странѣ, муниципальныя учрежденія введены въ разныхъ городахъ, замѣтно стало стремленіе къ учрежденію начальныхъ школъ. Очеркъ всей дѣятельности Киселева по управленію Молдавіею и Валахіею изложенъ въ отчетѣ, представленномъ имъ государю въ началѣ 1834 г. и цѣликомъ напечатанномъ въ книгѣ Заблоцкаго-Десятовскаго. Здѣсь Киселевъ обнаруживаетъ высокія способности администратора, не только обнимавшаго общія цѣли государственнаго устройства, но и не оставлявшаго безъ вниманія ни одной изъ частностей въ немъ. При этомъ нельзя не упомянуть, что своему гуманному, человѣколюбивому характеру Киселевъ никогда не измѣнялъ. Достаточно указать на его предложеніе административному совѣту въ княжествахъ заняться немедленно обсужденіемъ мѣръ къ смягченію участи содержавшихся въ тюрьмахъ. „Я считаю,—писалъ онъ,—это дѣло—дѣломъ совѣсти и религіи; я надѣюсь, что мои сотрудники дадутъ мнѣ средства къ тому, чтобы я могъ исполнить эту святую обязанность прежде, чѣмъ оставлю страну, и чтобы я могъ оставить ее безъ упрека себѣ въ небреженіи, котораго я себѣ не простилъ бы никогда". Насколько Киселевъ успѣлъ этой дѣятельностью возбудить къ себѣ уваженіе самого населенія находившихся подъ его управленіемъ княжествъ, показываетъ признательность, выраженная ему валахскимъ княжествомъ въ поднесеніи акта о предоставленіи ему правъ гражданства Валахіи и въ постановкѣ ему памятника въ Бухарестѣ.

IV.

Дѣятельность Киселева по крестьянскому дѣлу.

Аудіенція у императора Николая I по возвращеніи Киселева въ Петербургъ.—Его назначеніе въ секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу.—Разговоръ государя съ Киселевымъ объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ.—Письмо Киселева къ государю объ учрежденіи министерства государственныхъ имуществъ.—Что сдѣлано имъ для казенныхъ крестьянъ.—Благодарность Киселеву представителей крестьянъ.

8-го мая 1834 г., Киселевъ былъ уже въ Петербургѣ, а на другой день вечеромъ имѣлъ полуторачасовую аудіенцію у императора. Николай Павловичъ благодарилъ за услуги, оказанныя имъ Россіи, и заявилъ, что представленный Киселевымъ отчетъ по управленію при-

дунайскими княжествами весьма заинтересовалъ его. „Я — сказалъ императоръ—посвятилъ три вечера на это чтеніе, отмѣтилъ страницы, наиболѣе обратившія на себя мое вниманіе, и просилъ великую княжну Марію сдѣлать мнѣ извлеченіе... Вотъ оно, прибавилъ государь, открывая папку съ бумагами.—Меня въ особенности заинтересовало одно мѣсто: это то, въ которомъ ты говоришь объ освобожденіи крестьянъ; мы займемся этимъ когда нибудь; я знаю, что могу разсчитывать на тебя, ибо мы оба имѣемъ тѣ же идеи, питаемъ тѣ же чувства въ этомъ важномъ вопросѣ, котораго мои министры не понимаютъ и который ихъ пугаетъ. Видишь ли, продолжалъ государь, указывая рукою на картоны, стоявшіе на полкахъ кабинета;—здѣсь я со вступленія моего на престолъ собралъ всѣ бумаги, относящіяся до процесса, который я хочу вести противъ рабства, когда наступитъ время, чтобы освободить крестьянъ во всей имперіи".

Государь не замедлилъ воспользоваться знаніями и опытностью Павла Дмитріевича въ этомъ дѣлѣ. Въ 1835 году онъ былъ назначенъ вмѣстѣ съ Сперанскимъ, графомъ Канкринымъ, Дашковымъ и Васильчиковымъ въ секретный комитетъ, учрежденный „для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крестьянъ разныхъ званій". Вскорѣ, однако, самъ государь призналъ болѣе цѣлесообразнымъ выдѣлить изъ общаго вопроса о крестьянахъ дѣло объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ, такъ какъ общій вопросъ не могъ быть разрѣшенъ въ непродолжительное время. Не надѣясь на Канкрина, государь пожелалъ поручить это дѣло Киселеву. 17-го февраля 1836 г., онъ имѣлъ объ этомъ аудіенцію во дворцѣ, о которой записано въ „Дневникѣ" слѣдующее:

„Я имѣлъ честь обѣдать у его императорскаго величества съ графами Головкинымъ и Бенкендорфомъ. Послѣ обѣда, по отъѣздѣ сихъ господъ, государь приказалъ мнѣ остаться и, посадивъ меня противу своего стула, началъ слѣдующій разговоръ: „Мнѣ съ тобою нужно объясниться по дѣлу, которое тебѣ извѣстно, ибо ты, кажется, въ комитетѣ съ Васильчиковымъ. Дѣло объ устройствѣ крестьянъ (казенныхъ). Я давно убѣдился въ необходимости преобразованія ихъ положенія; но министръ финансовъ (Канкринъ), отъ упрямства или неумѣнья, находитъ это невозможнымъ. Я его знаю, и потому настаивалъ на необходимости заняться пристально, и увидѣвъ, что съ нимъ это дѣло не пойдетъ, рѣшился приступить къ нему самъ и положить основаніе подъ личнымъ своимъ руководствомъ.

„Я желаю прежде всего сдѣлать испытаніе на петербургской губерніи и, какъ во всякомъ преобразованіи надо прежде всего имѣть ясное понятіе о томъ, что есть, то размежеваніе земель, которое Канкринъ всегда представляетъ невозможнымъ, должно быть первоначальнымъ дѣйствіемъ этого занятія. Я приказывалъ Сперанскому объясниться по сему съ Шубертомъ [1]) и получилъ въ отвѣтъ, что онъ

[1]) Бывшимъ тогда директоромъ военно-топографическаго депо.

имѣетъ возможность дать на сей предметъ свое пособіе; вотъ начало,— но тутъ много подробностей, которыми и некогда мнѣ заниматься, и которыя, признаюсь, мнѣ мало знакомы. Посему мнѣ нуженъ помощникъ, и какъ я твои мысли на этотъ предметъ знаю, то хочу тебя просить принять все это дѣло подъ свое попеченіе и заняться со мною предварительнымъ, примѣрнымъ устройствомъ этихъ крестьянъ, послѣ чего мы перейдемъ въ другія губерніи и мало-по-малу кругъ нашего дѣйствія расширится. Канкринъ самъ уже убѣдился, что на нынѣшнемъ основаніи отъ департамента успѣха ожидать не можно, а я ему доказалъ, по прочтеніи входящихъ и исходящихъ бумагъ за цѣлую недѣлю, что они пишутъ вздоръ, что онъ бумагъ этихъ не видитъ, и что все дѣло идетъ безъ толку. Поручить же преобразованіе петербургскихъ крестьянъ Эссену [1],—кромѣ вздора ничего не будетъ. А потому не откажи мнѣ и прими на себя трудъ этотъ въ помощь мнѣ".

„Я всталъ и сказалъ государю, что готовъ съ душевнымъ удовольствіемъ посвятить всѣ свои силы и усердіе на дѣло столь важное и тѣмъ болѣе для меня лестное, что я почитаю устроеніе крестьянъ какъ дѣло великое его царствованія и какъ дѣло необходимое для будущаго спокойствія государства; что я готовъ быть его секретаремъ, лишь бы я могъ имѣть ту силу нравственную въ дѣлахъ, которая необходима для успѣха; что министры финансовъ и внутреннихъ дѣлъ это новое учрежденіе не будутъ видѣть съ удовольствіемъ; что борьба была бы неравная для меня, если все дѣло не будетъ совершаться подъ его, государевымъ, личнымъ вліяніемъ; что, наконецъ, я на этотъ предметъ совершенно полагаюсь на его величество и благодарю за довѣріе, которое потщусь оправдать всѣми силами, доколѣ ихъ не утрачу, ибо...

— Да ты хотѣлъ ѣхать въ Карлсбадъ,—но насколько тебѣ нужно?

— О здоровьи уже думать не должно, государь, когда дѣло идетъ о службѣ столько важной. Я желалъ ѣхать на три мѣсяца, но поѣздка моя можетъ быть отложена до удобнѣйшаго времени.

— Нѣтъ, безъ здоровья ничего не дѣлается, а три мѣсяца нисколько не повредятъ нашему предпріятію.

— Впрочемъ, государь, объ этомъ предметѣ я вамъ доложу въ свое время; но для устройства части, мнѣ ввѣряемой, надо нѣкоторое основаніе: надо чиновниковъ, немного, но хорошихъ, и нужно предварительно дѣло это обдумать.

— Повидайся съ Сперанскимъ; я ему говорилъ о моихъ намѣреніяхъ и прошу тебя сообразить все это съ нимъ, дабы представить мнѣ общее ваше предположеніе объ устройствѣ этого дѣла. Я увѣренъ, что оно пойдетъ хорошо, потому что мы другъ друга пони-

---

[1]) Графъ Эссенъ былъ въ то время с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ.

маемъ. Ты будешь мой начальникъ штаба по крестьянской части. Еще разъ спасибо. Съ Божьей помощью, дѣло наше устроится; я увѣренъ".

Киселевъ имѣлъ нѣсколько совѣщаній послѣ этой аудіенціи сначала съ Сперанскимъ, а затѣмъ съ Васильчиковымъ; результатомъ ихъ было учрежденіе V-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, куда были переданы дѣла объ управленіи казенными крестьянами изъ вѣдомства министерства финансовъ. Вторымъ шагомъ въ передачѣ этого дѣла въ главное завѣдываніе Киселева было назначеніе временнаго совѣта, которому поручалось управленіе департаментомъ государственныхъ имуществъ, отчислявшимся отъ того же министерства. На Киселева возлагалось докладываніе государю дѣлъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію совѣта, и одновременно съ этимъ ему поручено было составить соображеніе объ учрежденіи особаго министерства государственныхъ имуществъ. Необходимость этого министерства вытекала изъ всего хода исторіи государственныхъ крестьянъ, прекрасно изложенной въ книгѣ Заблоцкаго-Десятовскаго. Въ концѣ 1837 года, проектъ учрежденія новаго министерства былъ одобренъ государемъ, и управленіе предполагалось ввѣрить Павлу Дмитріевичу. Киселевъ сознавалъ всѣ трудности своей новой дѣятельности, выразивъ ихъ въ письмѣ къ императору 26 ноября, гдѣ, между прочимъ, говорится:

„Всякая власть, установляемая вновь на ряду съ другими, уже существующими и временемъ усвоенными, естественно порождаетъ неудовольствія многихъ; но въ дѣлѣ, высочайшею вашею довѣренностію на меня возложенномъ, сливаются, сверхъ того, столь различные и многосложные интересы, что непріязненность должна быть почти общая.

„Такъ, государь, отдѣленіе важной части отъ министерства финансовъ противопоставляетъ новому учрежденію всѣхъ, которые имѣли вліяніе на источники государственнаго богатства. Присоединеніе къ новому управленію нѣкоторыхъ частей отъ министерства внутреннихъ дѣлъ не можетъ также не оскорбить честолюбія многихъ. Переходя къ властямъ второстепеннымъ или губернскимъ, нельзя не ожидать отъ нихъ еще бо̀льшаго неблагорасположенія къ установленіямъ, долженствующимъ лишить выгодъ, донынѣ въ удѣлъ ихъ безотчетно оставленныхъ.

„Въ самомъ сословіи поселянъ первое впечатлѣніе будетъ невыгодно: привыкнувъ къ необузданной свободѣ и искупая пороки и безнравіе пожертвованіемъ своего избытка, люди сіи почтутъ стѣснительнымъ для себя всякое дѣйствіе попечительной власти. Сдѣлавшись равнодушными къ улучшенію своего быта, погруженные въ грубое невѣжество, они предпочитаютъ удовлетвореніе привычныхъ страстей всѣмъ обѣщаніямъ лучшаго состоянія.

„За симъ, обращаясь къ массѣ помѣщиковъ, слѣдуетъ сознаться, что и ихъ интересы тѣсно связаны съ общимъ неустройствомъ по управленію государственными имуществами. Земли и лѣса, мало охраняемые, составляли какъ бы часть ихъ достоянія; а неуравнительность натуральныхъ повинностей между казенными и владѣльческими крестьянами содѣлалась обычною, и едва ли не почитается пра̀вомъ, котораго при устройствѣ новаго управленія они должны лишиться.

„Участвующіе въ откупахъ капиталами или службою, залогами или поставкою вина, единственно обращеніемъ вниманія вашего величества на сію

часть начинаютъ питать негодованіе къ новому управленію, какъ противопоставляемому незаконно пріобрѣтаемымъ ими выгодамъ.

„Не распространяясь дальнѣйшимъ исчисленіемъ всѣхъ лицъ, которыя по сродному побужденію собственнаго интереса будутъ и должны быть противниками всякаго улучшенія, я знаю, что нареканія ихъ не будутъ имѣть предметомъ ни устройство полицейское или хозяйственное, ни охраненіе казенной собственности или другія административныя мѣры; но осужденіе обратится къ предметамъ не существеннымъ, а потому для пререканій не ограниченнымъ. Опасенія, нововведенія, потрясеніе обычаевъ и предсказанія горестныхъ отъ того послѣдствій, составляютъ общій гулъ всѣхъ тѣхъ, которые, взирая равнодушно на государственное устройство, ищутъ и находятъ его въ извлеченіи лишь собственныхъ выгодъ, или удовлетвореніи своихъ страстей. Такимъ образомъ, подъ разными видами, изъ разныхъ источниковъ, будутъ восходить, подъ личиною общественнаго спокойствія, разносвойственныя опасенія, могущія при первомъ взглядѣ имѣть призракъ вѣроятія, но которыя, при внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, ни малѣйшей основательности не представляютъ.

„Для сего достаточно будетъ вникнуть въ существо самыхъ проектовъ: въ нихъ измѣненія крестьянскаго быта не предполагается, законы существующіе приняты въ основаніе проектовъ, и лишь необходимыя дополненія, въ духѣ сихъ законовъ, допущены въ сельскихъ уставахъ для связи и полноты. Посему всѣ пререканія могутъ только заключать въ себѣ сокровенное желаніе сохранить существующіе безпорядки, не постигая, что въ подобныхъ дѣлахъ бездѣйствіе правительства бываетъ причиною другихъ, болѣе важныхъ опасеній, которыя проявлялись тамъ, гдѣ, не оцѣняя достаточно потребности времени, допускаемы были исправленія неустройствъ не по собственному внушенію власти, но по требованіямъ снизу восходящимъ.

„Не такъ, однако жъ, дѣйствовали осторожные правители; Австрія въ семъ случаѣ можетъ служить примѣромъ: въ шестидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, предусматривая необходимость обстоятельствъ, она, не взирая на всѣ затрудненія со стороны духовенства и дворянъ, обратила дѣятельное вниманіе на устройство сельскаго сословія въ наслѣдственныхъ провинціяхъ, и даровавъ оному законную и сообразную съ выгодами государственными самостоятельность, утвердила преданность народа къ престолу и отвратила у себя всѣ плачевныя событія, постигшія сосѣдственныя государства въ смутную эпоху.

„Итакъ, если принять за истину, что опытъ предшествующихъ временъ долженъ быть поученіемъ для будущаго, я по совѣсти убѣжденъ, что предупредительныя мѣры, отъ правительства зависящія, необходимы, и что вашему императорскому величеству предназначено свыше довершить дѣло, августѣйшими предками вашими начатое.

„Каковы бы ни были пререканія насчетъ предпринимаемаго преобразованія, я нисколько не сомнѣваюсь въ успѣхѣ онаго подъ высочайшимъ вашимъ, всемилостивѣйшій государь, руководствомъ. Оскорбленныя самолюбія или потрясенные личные интересы всѣми возможными извилистыми путями будутъ стремиться достигнуть до васъ. Сколько я ни равнодушенъ къ подобнымъ проискамъ, я не могу, однако жъ, безъ содроганія мыслить, что цѣль ихъ будетъ потрясти или умалить довѣріе ко мнѣ вашего императорскаго величества, довѣріе, которое оправдать и сохранить я долженъ, какъ единственный способъ доказать вашему величеству, что, высико оцѣняя милости, вами на меня изліянныя, я умѣю глубоко чувствовать признательность, коею предъ вами обязанъ“.

Въ проектѣ новаго административнаго механизма Киселеву принадлежали, главнымъ образомъ, соображенія, касающіяся сельской общины у государственныхъ крестьянъ на юридическихъ опредѣле-

ніяхъ. Различными фискальными мѣрами стественныя основы сельской общины были разрушены; Киселевъ возстановилъ ихъ; всѣ допущенныя до того времени частныя подраздѣленія селеній на участки были отмѣнены; въ каждомъ сельскомъ обществѣ были соединены всѣ предметы управленія: раскладка и сборъ податей, рекрутская повинность, запасные магазины; каждому обществу предоставлено право вѣдать свои хозяйственныя дѣла чрезъ посредство своего мірскаго схода и имѣть свой судъ. Киселевъ съ первыхъ приступовъ къ дѣлу преобразованія высказался въ томъ смыслѣ, что крестьяне прежде всего нуждаются въ покровительствѣ; эту мысль, подъ словомъ „попечительство", онъ провелъ во всѣхъ новыхъ учрежденіяхъ. Цѣлью попечительства поставлено улучшеніе благосостоянія государственныхъ крестьянъ; для достиженія ея на министерство возлагалась прежде всего забота о нравственномъ образованіи крестьянъ и объ огражденіи дарованныхъ сельскому населенію правъ. 1-го января 1848 года послѣдовало открытіе новаго министерства и Киселеву поручено управленіе имъ. Не будемъ слѣдить за дѣятельностью его въ этой сферѣ непрерывно втеченіе двадцати лѣтъ. Она слишкомъ общеизвѣстна, чтобы на ней останавливаться. Въ 1856 году, когда Павелъ Дмитріевичъ назначенъ былъ посломъ въ Парижъ, волостные старшины государственныхъ крестьянъ и колонистовъ, прибывшіе въ Москву на коронацію, явились къ нему 31-го августа, чтобы выразить чистую, безкорыстную признательность бывшему своему начальнику. „Благодаримъ тебя, батюшка, благодаримъ; не забудемъ во вѣки ни милостей царя, ни твоихъ объ насъ попеченій", говорили головы и старшины. Напутствуя своими молитвами графа на новое поприще служенія родной странѣ, они поднесли ему хлѣбъ-соль и на память благословляющій образъ Спасителя съ слѣдующею на серебряной доскѣ надписью: „Аминь глаголю вамъ, понеже сотворите единому сихъ братій моихъ меньшихъ, мнѣ сотворите". Въ этихъ немногихъ словахъ меньшей братіи высказана вся жизнь того, кто, по словамъ императора Александра II, положилъ „прочныя начала къ будущему преуспѣянію и дальнѣйшему развитію благосостоянія многочисленнаго сословія русскаго народа".

V.

Киселевъ-дипломатъ.

Киселевъ не желаетъ быть дипломатомъ. — Отношенія его къ тюльерійскому двору. — Прямодушіе Киселева и дипломатическая недальновидность. — Недовѣріе императора Александра II къ политикѣ Людовика-Наполеона.—Записка Киселева о нашихъ отношеніяхъ къ Франціи.—Двусмысленное положеніе Киселева.—Польскія дѣла.—Бесѣда о принцѣ Наполеонѣ съ княземъ Рейсомъ.—Размолвки въ императорской семьѣ. — Отставка Киселева. — Его аудіенція у Наполеона III и Евгеніи.—Характеристика Наполеона III.—Мысли Киселева о будущемъ Европы.

На дипломатическое поприще Киселеву пришлось вступить на 70-мъ году. Павелъ Дмитріевичъ не желалъ этого назначенія, хорошо понимая, что и состояніе здоровья, и преклонность лѣтъ, наконецъ, неподготовленность къ новой дѣятельности, могли легко помѣшать успѣхамъ службы, которая въ это время представлялась особенно затруднительной въ виду политическаго состоянія Европы. „Безъ грусти не могу думать объ этомъ крупномъ поворотѣ въ моей жизни — пишетъ Павелъ Дмитріевичъ къ брату въ Римъ.—Достанетъ ли меня? Буду ли я настолько счастливъ, чтобы выполнить мое назначеніе? Или я долженъ пасть и кончить мою 50-ти-лѣтнюю карьеру — par un fiasco?..“ „Мое положеніе—въ туманѣ, замѣчаетъ онъ въ другомъ письмѣ, — который я не могу разсѣять. Затѣмъ, меня страшитъ эта дѣятельная жизнь, которая не по моимъ лѣтамъ“. Вѣсть о новомъ назначеніи Киселева была встрѣчена русскимъ обществомъ съ надеждою на успѣхъ, а въ Парижѣ произвела благопріятное впечатлѣніе. 14-го октября 1856 года, онъ прибылъ въ Парижъ и скоро успѣлъ внушить къ себѣ симпатіи тюльерійскаго двора, въ особенности императрица Евгенія выказывала благосклонность нашему послу. Она нерѣдко вступала съ нимъ въ бесѣды, стараясь или вывѣдать взглядъ русскаго правительства на какую нибудь изъ дипломатическихъ затѣй, свою и своего супруга, или же внушить ему косвенно довѣріе къ разнаго рода торжественнымъ заявленіямъ о миролюбіи французскаго императора, которыя, какъ извѣстно, дѣлались часто на словахъ и невсегда оправдывались на дѣлѣ. Въ первомъ случаѣ Павелъ Дмитріевичъ умѣлъ быть осторожнымъ, но зато во второмъ—его честная душа была мало доступна для тѣхъ дипломатическихъ пріемовъ, которые требуютъ говорить одно, а думать и дѣлать другое, и потому нерѣдко обманывался насчетъ настоящаго смысла дѣйствій Наполеона III, который иногда интриговалъ даже противъ оффиціальной дѣятельности собственнаго своего министерства иностранныхъ дѣлъ. Объ этихъ бесѣдахъ Киселевъ доносилъ петербургскому кабинету, сообщая и свои мнѣнія по каждому поводу; только нѣкоторыя изъ нихъ онъ имѣлъ обыкновеніе заносить въ свой дневникъ.

Біографу пришлось пользоваться лишь послѣдними, ибо архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ остался для него закрытымъ, и потому трудно составить себѣ полное понятіе о дипломатическихъ взглядахъ Киселева. Можно сказать только, что факты нерѣдко не оправдывали его мнѣній, составленныхъ подъ вліяніемъ довѣрчивости къ словамъ французскихъ политиковъ. Немудрено, что при своемъ характерѣ, какъ онъ самъ выражался, „уклончивомъ для сношеній дипломатическихъ", онъ не былъ дальновиденъ. Такъ, изъ записки его о внутреннемъ состояніи Франціи и значеніи для нея Наполеона, записки, представленной имъ государю въ 1857 г., видно, что Киселевъ считалъ „удержаніе Людовика-Наполеона во главѣ Франціи не только желательнымъ, но для Европы настоятельно необходимымъ". Столько же недальновиднымъ представляется довѣріе его къ миролюбивому настроенію тюльерійскаго кабинета. Въ 1859 году, когда уже война съ Австріей готовилась, Киселевъ былъ увѣренъ въ томъ, что „дѣла склоняются на миръ". Только три недѣли спустя послѣ бала во дворцѣ, гдѣ онъ сказалъ это Гюбнеру, когда Валевскій передалъ (28-го февраля) Павлу Дмитріевичу собственноручную ноту, въ которой говорилось, что война будетъ объявлена лишь въ случаѣ достаточно законнаго повода, и когда на вопросъ, сдѣланный графомъ Киселевымъ, кто будетъ судьей достаточной законности, редакторъ ноты отвѣтилъ, что судьею будетъ онъ, Валевскій,—только тогда Павелъ Дмитріевичъ убѣдился въ лживости миролюбиваго настроенія тюльерійскаго кабинета и съ горечью записалъ: „Можно расшатать весь міръ, когда рычагомъ служитъ собственная смышленость, а точкою опоры—глупость другихъ". А между тѣмъ, политика Наполеона III внушала недовѣріе самому государю. Въ бытность свою въ Варшавѣ, 26-го октября, Киселевъ имѣлъ аудіенцію у государя и записалъ объ этомъ его слова: „Довѣріе мое—сказалъ государь—къ политическимъ видамъ Людовика-Наполеона очень поколеблено; les allures ne sont pas correctes; нужно быть внимательнымъ, чтобъ не поддаться обману. Я читалъ вашу записку. Къ мысли вашей о заключеніи оборонительнаго договора можетъ быть приступлено только послѣ заключенія мира, или послѣ конгресса. До тѣхъ поръ слѣдуетъ поддерживать добрыя отношенія, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, слѣдить за ходомъ этой политики, которая, повторяю, внушаетъ мнѣ мало довѣрія".—Тутъ было сказано нѣсколько словъ о секретномъ сообщеніи принца Наполеона, который, находясь въ Варшавѣ, говорилъ именемъ императора Наполеона, что онъ рѣшился вести войну до Вѣны (qu'il est résolu de pousser la guerre jusqu'à Vienne), чтобъ принудить Австрію заключить миръ прочный и окончательный; „и вотъ", продолжалъ государь, „ни съ того, ни съ сего, онъ предлагаетъ миръ, не предупредивъ никого и проч. Дѣйствія эти не могутъ внушить довѣрія и, въ виду такой неопредѣленной политики, заставляютъ быть на-сторожѣ".

Желая вызвать новое объясненіе касательно высказаннаго государемъ недовѣрія, Киселевъ, по словамъ его біографа, занялся приготовленіемъ записки о нашихъ отношеніяхъ къ Франціи. Въ бумагахъ его не найдено этой записки, но въ „Дневникѣ“ сохранилась слѣдующая замѣтка, подъ 26-мъ октября, выражающая, вѣроятно, сущность его записки:

„Я докладывалъ государю и говорилъ кн. Горчакову о неограниченномъ, хотя довольно умѣренномъ (quoique modéré), управленіи Людовика-Наполеона во Франціи. Враждебныя ему партіи безсильны. Мечта объ утвержденіи династіи (la marotte dynastique)—слабая струна двора—пріобрѣтаетъ, съ помощью очевиднаго вліянія императрицы, все болѣе и болѣе шансовъ; но въ концѣ-концовъ она опирается на крайне шаткомъ основаніи (elle ne repose que sur un point d'aiguille); одинъ ударъ кинжала—и все можетъ рухнуть. Послѣдствіе такой развязки можетъ взволновать всю Европу.

„Людовикъ-Наполеонъ—полиціймейстеръ, котораго полезно сохранить хотя бы для того, чтобъ предотвратить потрясенія, къ сожалѣнію, неразлучныя съ его исчезновеніемъ. Но надо его связать при помощи трактатовъ, которые обуздывали бы его склонность къ опаснымъ предпріятіямъ.

„Французы легко воспламеняются; если станутъ раздразнивать ихъ извнѣ, то они горячо стоять будутъ за своего избранника—императора. Революція во Франціи вызвала бы мятежи во всей Европѣ. Можно ли рисковать этимъ? Республиканскій соціализмъ стоитъ наготовѣ, чтобъ принять такое наслѣдіе. Поэтому сохраненіе существующаго порядка во Франціи есть лучшая гарантія спокойствія Европы; пусть истинные консерваторы поразмыслятъ объ этомъ“.

Киселевъ сознавалъ затруднительность своего положенія. Петербургскій кабинетъ, сколько можно судить по книгѣ г. Заблоцкаго-Десятовскаго, склоненъ былъ заподозривать Киселева въ слишкомъ большомъ сочувствіи французскому правительству, а послѣднее, въ свою очередь, приписывало его вліянію недружелюбное настроеніе Россіи. Вотъ замѣтка Павла Дмитріевича, записанная послѣ бала въ Тюльери, 19-го февраля 1860 г., могущая характеризовать эту двусмысленность положенія нашего посла:

„Императоръ подходилъ ко мнѣ два раза; въ первый разъ онъ спросилъ о состояніи моего здоровья, не безпокоитъ ли меня жара въ залѣ, и затѣмъ спросилъ, ожидаю ли я завтра курьера изъ Петербурга, какъ ему о томъ сказали? Я отвѣчалъ, что надѣюсь. Во второй разъ онъ черезъ весь залъ подошелъ прямо ко мнѣ и сказалъ, что его продолжаютъ увѣрять, что недружелюбное расположеніе (les dispositions facheuses) къ нему не прекращается въ Петербургѣ. „Мнѣ сказали также—продолжалъ онъ—что въ такомъ же настроеніи къ намъ здѣсь вы и ваши“. Мнѣ показалось, что я не разслышалъ и не хорошо понялъ, и тотчасъ же отвѣчалъ:—относительно того, какъ на-

строены въ Петербургѣ, мы узнаемъ, когда прибудетъ курьеръ, и я надѣюсь, что извѣстія будутъ вполнѣ благопріятны; что жъ касается того, какое настроеніе здѣсь, у меня, то едва ли такія злыя инсинуаціи заслуживаютъ опроверженія.—Далѣе онъ говорилъ, что страстями, разжигаемыми фанатиками, стараются воспользоваться другіе люди не изъ преданности папѣ или церкви, а изъ желанія способствовать ожесточеннымъ, хотя безсильнымъ, проискамъ противъ его правительства".

Слова Наполеона затронули за живое графа Павла Дмитріевича и онъ записалъ далѣе:

„Въ первую минуту я не хорошо понялъ, что̀ хотѣлъ сказать Наполеонъ, и не обратилъ большого вниманія на его слова; но, вернувшись домой, припоминая все происходившее въ этотъ вечеръ, мнѣ показалось, что намекъ, пущенный императоромъ, съ улыбкою на устахъ, заслуживалъ болѣе мѣткаго отвѣта. И въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, что въ то время, когда меня обвиняютъ въ чрезмѣрной симпатіи къ правительству императора, послѣдній жалуется, что я на него нападаю. Мнѣніе первыхъ могло найти основаніе въ нѣкоторыхъ наружныхъ признакахъ, потому что втеченіе 3½ лѣтъ, которыя я нахожусь здѣсь, я ни разу не позволилъ себѣ сказать враждебнаго слова ни противъ самого императора, ни противъ его политики, и если мнѣ случалось раздѣлять высказываемыя въ присутствіи моемъ, направленныя противъ нихъ, мнѣнія, то я или сохранялъ глубокое молчаніе, или старался дать разговору иное направленіе; напротивъ, при всѣхъ нападкахъ, которые позволяли себѣ въ присутствіи моемъ противъ существующаго правительства, le gouvernement de fait, какъ они выражаются, когда нападки сіи казались мнѣ несправедливыми,— то я откровенно выражалъ противное мнѣніе, которое и поддерживалъ съ твердостью. Во всѣхъ моихъ сношеніяхъ съ петербургскимъ кабинетомъ, я не умалчивалъ ни о чемъ, что доходило до меня изъ источниковъ, заслуживающихъ вѣры, и въ большинствѣ случаевъ исправляя и смягчая то, что казалось мнѣ несправедливымъ или преувеличеннымъ. Впрочемъ, я успѣлъ убѣдиться, втеченіе многолѣтней своей жизни, что, постоянно гоняясь за правотою и справедливостью, всегда остаешься въ дуракахъ: пріобрѣтаешь друзей бездушныхъ и враговъ непримиримыхъ. Но, не взирая на все, я останусь при своихъ правилахъ и до конца жизни, во что бы ни стало, стоять буду за истину и справедливость".

Весь слѣдующій годъ прошелъ въ переговорахъ съ французскимъ правительствомъ о польскихъ дѣлахъ. Въ Парижѣ, подъ негласнымъ покровительствомъ принца Наполеона, образовалось скопище польскихъ эмигрантовъ, которые, мечтая о возрожденіи Польши, высылали въ наши польскія и литовскія провинціи зажигательныя воззванія и эмиссаровъ съ обѣщаніемъ поддержки Франціи. Эти подстрекательства и обнадеживанія не прекращались и послѣ офиціальнаго объя-

сненія русскаго посла съ императоромъ и принцемъ Наполеономъ. Сама императрица Евгенія употребляла все свое вліяніе на Людовика-Наполеона, чтобъ побудить его оказать поддержку замысламъ поляковъ. Принцесса Матильда въ разговорѣ съ Павломъ Дмитріевичемъ, между прочимъ, сказала ему 31-го августа: „императоръ совершенно здоровъ и говоритъ, что ему надоѣдаютъ только домашнія непріятности. Императрица Евгенія противорѣчитъ постоянно политическимъ его видамъ. Она горячо стоитъ за Римъ и Польшу и постоянно вступаетъ съ нимъ въ неприличные споры, отстаивая мнѣнія, которыхъ онъ не можетъ и не хочетъ усвоить себѣ". Французская печать также не переставала относиться враждебно къ Россіи и сулить Польшѣ несбыточныя надежды.

„Графъ де-Віель- Кастель" [1]), пишетъ Киселевъ въ дневникѣ подъ 6-мъ ноября, „заходилъ ко мнѣ и сказалъ, что наши опроверженія и поправки (rectifications), которыя посылаются въ редакціи журналовъ, принимаются ими не такъ охотно, какъ это бывало прежде. Онъ увѣряетъ, что одинъ изъ редакторовъ журнала „Constitutionel" сказывалъ ему, что министръ внутреннихъ дѣлъ Персиньи внушилъ редакторамъ газетъ не печатать ничего, что враждебно полякамъ, и ничего, что сочувственно Россіи. „Если это справедливо,—размышляетъ Павелъ Дмитріевичъ,—то оно служитъ доказательствомъ явной перемѣны въ политическомъ настроеніи къ Россіи, или по крайней мѣрѣ оно можетъ считаться предвозвѣстникомъ политическаго поворота, который желательно разъяснить для соотвѣтственнаго веденія дѣлъ". Послѣ визита Віель-Кастеля, Убри предлагалъ мнѣ написать объ этомъ въ Петербургъ, но я не согласился съ его мнѣніемъ, такъ какъ напередъ слѣдуетъ удостовѣриться въ справедливости сказаннаго, не полагаясь на слова какого-то анонимнаго редактора".

Небезъинтересно при этомъ привести записанный подъ 19-мъ ноября разговоръ Киселева съ княземъ Рейсомъ о принцѣ Наполеонѣ: „Принцъ Наполеонъ—сказалъ князь Рейсъ—находится теперь въ Компіэнѣ; онъ найдетъ случай возстановить свои интимныя отношенія съ императоромъ, который имѣетъ къ нему несомнѣнную и нескрываемую слабость; несмотря на нерѣдко выказываемое отвращеніе къ принцу Наполеону, императрица Евгенія также, въ концѣ концовъ, плѣняется иногда его умомъ и оригинальностью, въ которой проглядываетъ подчасъ и искренность; это заставляетъ ее забывать, что онъ заклятый врагъ ея и въ особенности ея сына. Когда я замѣтилъ князю, что Франція никогда не согласится имѣть такого человѣка своимъ императоромъ, Рейсъ отвѣчалъ, что французы такъ легкомысленны, что согласятся и на это, если принцъ съумѣетъ взяться за дѣло; что нѣсколько французовъ сказывали ему, что имъ все равно, какой Бона-

---

[1]) Comte de-Viel Castel, писатель довольно извѣстный во Франціи своими беллетристическими сочиненіями.

партъ будетъ властвовать надъ ними, лишь бы онъ умѣлъ править государствомъ". Тутъ графъ Павелъ Дмитріевичъ приписалъ въ скобкахъ: „между роялистами въ ходу другой варіантъ этой послѣдней фразы; они говорятъ—лишь бы онъ далъ себя прогнать (pourvu qu'il se laisse chasser)".

Принцъ Наполеонъ не измѣнялъ своей тактикѣ. Въ 1862 г., онъ поднялъ цѣлую бурю въ февральскихъ засѣданіяхъ сената и законодательнаго собранія своими рѣчами. Говорили даже, что принцъ прочитъ себя кандидатомъ на императорскій престолъ. Выходки его постоянно порождали неудовольствія въ семейномъ быту тюльерійскаго двора. Объ этихъ неудовольствіяхъ даетъ понятіе любопытный разговоръ Киселева съ принцессою Матильдою:

„Принцесса Матильда предложила пріѣхать сегодня утромъ (8-го апрѣля) ко мнѣ, чтобъ поболтать (causailler) о дѣлахъ. И точно, въ два часа мнѣ доложили о ея пріѣздѣ, и я сошелъ внизъ, чтобы принять ее въ первомъ залѣ нижняго этажа, откуда мы съ нею перешли въ садъ. Обойдя два раза мой небольшой садикъ, мы усѣлись, чтобы продолжать нашъ разговоръ. Сначала мы говорили о нынѣшнемъ пребываніи въ Парижѣ маркиза Лавалетта, котораго она очень хвалила, какъ человѣка высокаго ума и пріятнаго характера. Она помянула объ интригахъ, замышляемыхъ противъ него, подъ руководствомъ неразсудительной императрицы Евгеніи, которая въ дѣлахъ не имѣетъ никакого смысла (qui n'est qu'une buse dans les affaires) и которая тянетъ къ католицизму единственно для того, чтобы угодить Испаніи и въ особенности королевѣ Изабеллѣ, относящейся, впрочемъ, ко всему этому весьма равнодушно. Независимо отъ сего, у императрицы самый несносный характеръ, и императору, который самъ по себѣ кротокъ и имѣетъ ангельское терпѣніе, приходится много переносить отъ нея. Недавно, въ присутствіи ребенка (императорскаго принца), она сдѣлала ему самую грубую сцену, такъ что императоръ, чтобы прекратить споръ, взялъ малютку за руку и повелъ его изъ комнаты, гдѣ эта битва происходила; тогда ребенокъ, понимая огорченіе отца, сказалъ ему: „неправда ли, папа, что мама говорила глупости (n'est ce pas, papa, que maman a dit des bêtises)". Разсказывая мнѣ объ этомъ случаѣ, императоръ присовокупилъ, что „этотъ ангельчикъ" (ce petit ange) хотѣлъ этимъ вопросомъ утѣшить меня, и цѣль его была достигнута, потому что я былъ глубоко тронутъ".

— Да какъ же это,—спросилъ я,—императоръ, при своемъ превосходствѣ ума, позволяетъ такимъ образомъ господствовать надъ собою?

— По лѣности,—отвѣчала она;—онъ лѣнивъ во всемъ, что̀ относится до домашней жизни; я нѣсколько разъ выговаривала ему это, но у него всегда одинъ отвѣтъ:—лучше уступить, чѣмъ продолжать споръ о пустякахъ; притомъ, поясняетъ онъ,—таковъ уже мой характеръ; я не могу переиначить его, потому я даю ей говорить, сколько хочетъ, а самъ молчу.

„Переходя затѣмъ", говоритъ графъ, „отъ этой картины домашняго очага императорской четы къ политикѣ, я спросилъ принцессу, насколько справедливы слухи о сближенiи съ Австрiею?—Не вѣрьте этому, отвѣчала она; императоръ мало говоритъ, но много думаетъ. Онъ не скрываетъ отъ себя, что недовѣрiе къ нему и къ его правительству все ростетъ и что необходимо возсоздать довѣрiе. Онъ сдѣлалъ почипъ въ этомъ направленiи, начавъ съ наиболѣе зараженныхъ недовѣрiемъ, и намѣревается слѣдовать по этому пути. Императоръ говоритъ, что всѣми этими непрiятностями онъ обязанъ Италiи, что онъ радъ бы былъ душою отдѣлаться отъ нея, но, разъ дѣло затѣяно, надо его кончить (le vin étant tiré il faut le boire)".

— Это правда,—отвѣчалъ я,—но, принимаясь за окончанiе начатаго дѣла (mais avant de le boire), должно остерегаться дурныхъ совѣтовъ, которые подсказываютъ со всѣхъ сторонъ и слѣдуя которымъ онъ можетъ зайти слишкомъ далеко".

— Вы говорите о принцѣ Наполеонѣ,—перебила она меня; — къ несчастiю, это правда; мой братъ большой проказникъ (mauvais drôle), ему не надо довѣряться; онъ одержимъ всѣми дурными наклонностями; но, по нерѣшительности его характера, онъ вовсе не такъ опасенъ: императоръ хорошо его знаетъ, и если братъ мой имѣетъ на него нѣкоторое влiянiе, то единственно благодаря своему гибкому уму, въ которомъ, конечно, ему отказать нельзя. Многiе думаютъ,— продолжала она,—что онъ имѣетъ за собою партiю; я этому не вѣрю; но если бъ даже это было справедливо, то предпрiятiя, затѣваемыя имъ лично, никакого значенiя имѣть не могутъ, потому что сторонники его не довѣряютъ ему и пользуются только его личнымъ положенiемъ при дворѣ, для распространенiя нелѣпыхъ слуховъ, вѣроятность которымъ придаютъ потому, что они будто бы исходятъ отъ двоюроднаго брата императора. Братъ мой даетъ имъ волю распускать слухи и новости, будто бы слышанныя отъ него, единственно изъ желанiя еще болѣе утвердить свой кредитъ. Повидимому, онъ добился этого даже въ кругу министерскомъ (dans le cénacle ministériel), въ средѣ котораго бо̀льшая часть этихъ полновластныхъ рѣшителей судебъ (potentats) усидчиво ухаживаютъ за ними.

„Потому,—добавила она,—что всѣ эти министры ненавидятъ другъ друга и стараются повредить одинъ другому; каждый изъ нихъ силится передать, черезъ посредство моего брата, свои виды и разныя о своихъ сотоварищахъ сплетни, не заботясь о томъ, справедливы онѣ или нѣтъ, лишь бы дошли по назначенiю. Эти глупцы не знаютъ, что имѣютъ дѣло съ человѣкомъ болѣе хитрымъ, чѣмъ они сами, и что этотъ воображаемый покровитель и пособникъ ихъ, которому они довѣряютъ свои затаенные замыслы, передаетъ въ формѣ разсказовъ, которые всегда нравятся императору, только то, что ему самому на руку и согласно съ его интересами и личными видами".

1862 годъ былъ послѣднимъ для дипломатической карьеры Кисе-

лева. Онъ подалъ въ отставку, немедленно послѣ того, какъ въ Парижъ присланъ ему былъ въ помощь Будбергъ, что̀ графъ „принялъ за намекъ, что ему пора оставить мѣсто посла". 16-го октября ему назначена была аудіенція у императора, для представленія отзывныхъ грамотъ. „Императоръ меня принялъ"—записалъ Киселевъ—„весьма дружественно и удержалъ у себя полчаса, а императрица болѣе часу и очаровала меня своимъ разговоромъ, серьезнымъ и вмѣстѣ веселымъ"...

„Во время всей этой аудіенціи", говоритъ графъ, „я не замѣтилъ въ императорѣ ни заботливаго, ни болѣзненнаго вида, о которомъ говорятъ въ публикѣ. Наполеонъ былъ, какъ всегда, сосредоточенъ, серьезенъ и иногда веселъ. Его тусклый взглядъ въ иныя минуты дѣлается выразительнымъ, его физіономія оживляется и бываетъ иногда не безъ пріятности; онъ всегда владѣетъ собою, ему чужды вспышки гнѣва или живости; всегда спокойный, даже когда онъ чувствуетъ себя сильно раздосадованнымъ, онъ никогда не возвышаетъ голоса, никогда не скажетъ слова оскорбительнаго или неупотребительнаго въ обыкновенномъ разговорѣ. Я говорилъ со многими близкими къ нему лицами и всегда получалъ одинъ отвѣтъ: хотя онъ иногда и сердится, но никогда не выходитъ изъ себя. Одинъ изъ этихъ господъ говорилъ мнѣ, что онъ видѣлъ его сердитымъ только одинъ разъ,—это по дѣлу генерала Монтобана. О пораженіи, которое потерпѣло его предложеніе назначить пенсію генералу, онъ говорилъ съ нѣкоторою язвительностью и горячностью, ему не обычными. Въ отношеніяхъ своихъ самыхъ интимныхъ съ своими близкими, не исключая и императрицы, онъ предпочитаетъ скорѣе уступить, чѣмъ заставить исполнять его волю. Одинъ изъ его семейства упрекалъ его въ холодности; онъ отвѣчалъ, что весьма достаточно спорить о дѣлахъ серьезныхъ; но „если дѣло идетъ о домашнихъ пустякахъ, то я люблю лучше уступить, хотя бы чувствовалъ личную досаду, чѣмъ тратить свою жизнь для поддержанія этого рода борьбы, которая меня утомляетъ и наводитъ невыразимую скуку".

„Когда о моемъ приходѣ доложили императрицѣ, она вышла ко мнѣ на встрѣчу и приняла меня съ обыкновенною своею любезностію. Она пригласила меня въ свой кабинетъ и, садясь на кресло, указала мнѣ мѣсто. Послѣ сожалѣній о моемъ удаленіи и моихъ обычныхъ объясненій, императрица Евгенія мнѣ сказала, что я теперь могу ей сказать безъ дипломатическихъ осторожностей, каковъ характеръ моего преемника. „Мнѣ говорили—сказала она—что Будбергъ человѣкъ сухой и сдержанный (raide et peu expansif); мнѣ это было бы досадно, потому что—вы знаете—мой характеръ совершенно противоположный. „Я поспѣшилъ ее разувѣрить въ этомъ невѣрномъ мнѣніи (fausse appréciation), котораго нельзя допустить, отдавая справедливость г. Будбергу въ его умѣ и знаніи людей; сверхъ того, я вкратцѣ указалъ на его служебную карьеру и на назначеніе, которыхъ онъ, несмотря на свои молодые годы, удостоился отъ императора Николая;

обязанности посланника въ Вѣнѣ и Берлинѣ онъ исполнялъ къ общему удовольствію; конечно, онъ постарается достигнуть того же и въ Парижѣ и, какъ я увѣренъ, онъ заслужитъ милостивое благоволеніе ея величества... Я кончилъ, сказавъ, что сухость и несообщительность характера, въ которыхъ его обвиняютъ, не могутъ быть допущены, ибо онъ слишкомъ уменъ и слишкомъ опытенъ, чтобы въ Парижѣ отклонить отъ себя успѣхи въ отправленіи дипломатическихъ дѣлъ.

„Я счелъ долгомъ сказать ей также нѣсколько словъ объ ея успѣхахъ въ отношеніи оборота, который послѣдовалъ въ положеніи дѣлъ папы. Партія лѣвыхъ радуется, партія правыхъ—тоже, хотя съ меньшею откровенностію, но всѣ, за исключеніемъ упорныхъ вольтеріянцевъ, одобряютъ новое направленіе дѣлъ Италіи.—Всѣ знаютъ, что этимъ обязаны вашему величеству и вамъ благодарны; я съ своей стороны этому чрезвычайно обрадовался и весьма счастливъ, что могу выразить вамъ мое искреннее поздравленіе съ успѣхомъ. Я хотѣлъ бы сдѣлать то же относительно другаго успѣха, вамъ же приписываемаго, именно въ дѣлахъ мексиканскихъ; но желалъ бы—позвольте сказать откровенно,—чтобы этотъ успѣхъ не принадлежалъ вамъ.—Императрица прервала меня, сказавъ, что дѣйствительно она сдѣлала все, что могла, чтобы исправить ложное направленіе, данное переговорамъ касательно папства; это сдѣлать было тѣмъ удобнѣе, что императоръ думалъ всегда такъ же, и что слогъ депешъ измѣнилъ первоначальную мысль, въ ущербъ интересамъ Франціи и католицизма, который надо принимать въ разсчетъ, когда управляютъ около 40 милл. Французовъ.

„Что касается до Мексики, то долгъ чести обязывалъ Францію не идти на буксирѣ тѣхъ, которые отстали; сверхъ того, эта отдаленная экспедиція имѣетъ свою причину, кромѣ жестокостей революціонеровъ въ этой странѣ въ отношеніи католической религіи. Франція не можетъ и не должна оставить своихъ единовѣрцевъ въ угнетеніи.

„Затѣмъ она меня спросила—утихаетъ ли волненіе въ Польшѣ? На мой отвѣтъ она лишь сказала: „если бы спросили меня, то я посовѣтовала бы оставить поляковъ самимъ себѣ, предоставя имъ выбрать себѣ короля. Россія, при своемъ могуществѣ, всегда будетъ стоять выше, будетъ сильнѣе и у себя, и въ отношеніи другихъ; всякія другія мнимыя примиренія, которыя выдумаютъ, не установятъ прочнаго спокойствія, столь желаемаго Европою и котораго тоже должна желать и Россія. Я говорю въ интересахъ Польши и въ то же время въ интересахъ Россіи и Европы“.

„Я отвѣчалъ, что понимаю ея заключительную мысль. Всѣ выиграютъ, кромѣ Россіи, которая не можетъ отказаться отъ царства ни въ интересахъ поляковъ, ни въ интересахъ западныхъ державъ. Чтобы это уяснить, надо разсмотрѣть общее положеніе дѣлъ. Поляки и рус-

скіе, двѣ вѣтви одного славянскаго племени, борются втеченіе шести вѣковъ; поляки имѣли успѣхи; она господствовали въ Москвѣ, какъ теперь русскіе господствуютъ въ Варшавѣ; жалобы папы отчасти справедливы по причинѣ строгихъ, иногда произвольныхъ, мѣръ въ предпрошедшее царствованіе; но ненадо терять изъ виду, что всѣ эти строгости были послѣдствіемъ духа пропаганды католическаго духовенства, которое считало православныхъ за язычниковъ и старалось ихъ обратить въ лоно истинной, по ихъ мнѣнію, церкви; отъ этого произошли преслѣдованія, на которыя жалуется св. отецъ. Пусть оставятъ прозелитизмъ, и они избѣгнутъ мѣръ предупредительныхъ, къ которымъ насъ заставляютъ прибѣгать. Что касается до уніатовъ, то возвращеніе ихъ къ церкви ихъ отцовъ было дѣломъ ихъ духовенства, которое просило возсоединиться съ первоначальною своею церковію. Только 52 священника не хотѣли подписать общую просьбу о возсоединеніи. Эта просьба не могла быть законнымъ образомъ отвергнута, потому что просители были іезуитами насильно обращены въ унію; Литва и Украина испытали то же насиліе".

Оффиціальное значеніе Киселева кончилось. Павелъ Дмитріевичъ послѣдніе годы жизни провелъ во Франціи, поддерживая постоянныя сношенія съ Россіей и слѣдя за всѣми вопросами, назрѣвавшими въ его время. Свои мысли подъ впечатлѣніемъ фактовъ и чтенія онъ заносилъ въ свой дневникъ. Уже въ тогдашнемъ положеніи Европы, графъ Киселевъ видѣлъ задатки грядущихъ великихъ переворотовъ.

„Я убѣжденъ", пишетъ онъ, подъ 9 ноября (1866) г. „что наступятъ большіе перевороты въ свѣтѣ и что соціальное возрожденіе измѣнитъ вътеченіе XX вѣка настоящее положеніе дѣлъ. Мудрая, осторожная и либеральная Англія, на свободные принципы которой безпрестанно ссылаются, находится на пути къ соціальной и политической революціи, несмотря на утвержденіе одного изъ ея самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ людей (Каннингъ), который говорилъ, что пока кучеръ королевы сохранитъ на головѣ своей напудренный парикъ, англійская конституція сохранится и будетъ управлять Англіею. Утвержденіе этого государственнаго человѣка живописно, но не положительно. Надо бы знать, сколько времени парикъ будетъ держаться на головѣ кучера... Во Франціи нѣкоторые журналисты поставили своею задачею преобразовать міръ съ помощію того, кто, съ высоты похищеннаго имъ трона, имѣлъ дерзость провозгласить себя выскочкою (parvenu), чтобы угодить тогдашней всемогущей демагогіи. Но, разъ выкинувъ эту штуку, онъ одумался и сдержалъ страсти, которыми воспользовался для своего возвышенія, чтобъ утвердить наслѣдство своему сыну и сдѣлаться главою новой династіи. Эта мечта, которую лелѣялъ Наполеонъ I, и которая скоро улетучилась; то-же самое будетъ и съ Наполеономъ III".

Приведенныя выдержки изъ книги Заблоцкаго-Десятовскаго, при всей своей неполнотѣ, кажется, достаточно опредѣляютъ характеръ

государственной дѣятельности графа П. Д. Киселева. Это былъ человѣкъ дѣйствія, жизни, фактовъ, чуждый увлеченіямъ одними теоріями, какъ бы ни были онѣ прекрасны съ виду; это былъ горячій и энергичный инаціаторъ тамъ, гдѣ опытъ и практика оправдывали неотложность нововведенія, или же выжидающій наблюдатель, какъ скоро обстоятельства слагались для того неблагопріятно. Стремленіе поставить всякое нововведеніе въ уровень съ требованіями жизни состовляетъ одну изъ главныхъ отличительныхъ чертъ его долголѣтней и полезной дѣятельности. Отсюда эта практичность ея, эта успѣшность. Отсюда въ лицѣ Киселева мы видимъ организатора строго выдержанной и ясно выраженной системы, не той строгости въ системѣ, которая хочетъ ломать жизнь, а именно той, какая вызывается запросами самой дѣйствительности. Другая, неменѣе важная черта въ дѣятельности Киселева заключается въ томъ, что всѣ учрежденія, обязанныя его инаціативѣ, проникнуты чувствомъ гумманности и неизмѣнной заботливостью водворить законность на мѣстѣ произвола. Наконецъ, еще достойная вниманія сторона всѣхъ его преобразованій и нововведеній: какъ настоящій государственный человѣкъ, графъ Киселевъ не ограничивался настоящимъ; онъ заглядывалъ въ будущее. Успѣхи, имъ достигнутые, онъ не считалъ вершающими дѣло, не обольщался ими настолько, чтобы не видѣть, что болѣе полное и совершенное ихъ достиженіе принадлежитъ новому поколѣнію.

Ѳ. Булгаковъ.

РОССІЯ ПОДЪ ПЕРОМЪ НОВѢЙШИХЪ РЕФОРМАТОРОВЪ [1])

II.

Жизнь каждаго народа распадается на общественную и государственную. Первая одушевляетъ вторую. Отсюда мнѣніе, что каждый народъ стоитъ своего правительства. „Въ политикѣ— говоритъ Милль—какъ въ механикѣ, надо искать внѣ машины силу, которая сообщаетъ машинѣ движеніе; а если ея нѣтъ, или она недостаточна, чтобъ превзойти могущія оказаться препятствія, то дѣло не пойдетъ на ладъ". Итакъ, общественная жизнь должна окрашивать собою политическую. Элементы общественной жизни слишкомъ разнообразны; но все же нѣкоторые изъ нихъ можно указать. Это—энергія народа, его готовность воплощать свои міровоззрѣнія въ государственныя формы и даже страдать за торжество этихъ міровоззрѣній. Этотъ элементъ самый важный въ общественномъ прогрессѣ. За нимъ идетъ экономическое обезпеченіе народа, равновѣсіе труда и капитала; далѣе,— умственное образованіе и равномѣрное его распредѣленіе. Наконецъ, такъ называемая нравственная жизнь, состоящая для инаго народа въ религіи, для другаго—во внѣшнемъ патріотизмѣ, въ личной храбрости, въ вѣрноподданнической преданности, въ личной безупречности, въ семейной добродѣтели и въ эстетическомъ употребленіи своего досуга. Для третьяго народа, лишеннаго этихъ нравственныхъ элементовъ, единственнымъ выходомъ для душевныхъ силъ представляется революція или соціализмъ. Что бы ни говорили, но борьба за отдаленнѣйшій идеалъ въ настоящее время замѣнила для „дѣтей" всѣ тѣ нравственные интересы и побужденія, которыми жили наши „от-

[1]) Продолженіе. См. „Историческій Вѣстникъ", т. VII, стр. 396.

цы", люди сороковыхъ годовъ. Такимъ образомъ, экономическое развитіе, интеллектуальное, нравственное, и личная энергія, со многими другими элементами, составятъ то, что мы называемъ общественной жизнью. Отъ степени ея развитія зависитъ удовлетворительность или негодность политическихъ учрежденій, имѣющихъ своимъ raison d'êtr'омъ желаніе дать странѣ наивозможно-большее и безпрепятственное развитіе вышеупомянутыхъ общественныхъ, гражданскихъ силъ. Чѣмъ полнѣе гражданскія силы и чувства развиваются при той или другой политической формѣ правленія, тѣмъ болѣе общество довольно своимъ правительствомъ, и наоборотъ. На этомъ основаны отношенія общества къ правительству. Чѣмъ менѣе къ участію въ правленіи допущено общество, тѣмъ правительство болѣе для него чуждо. Чѣмъ гармоничнѣе развитіе общественныхъ силъ съ политическими формами, чѣмъ онѣ тѣснѣе обусловливаютъ другъ друга, тѣмъ болѣе такое правленіе приближается къ демократіи. Нѣкоторые ученые эту гармонію или дисгармонію общества съ правительствомъ считаютъ основнымъ признакомъ въ различіи формъ государственнаго устройства.

Какая же политическая форма болѣе удовлетворяетъ гармоническому условію, т. е. развитію при ней гражданскихъ, общественныхъ силъ? Та, при которой само заинтересованное лицо принимаетъ участіе въ охраненіи своихъ общественныхъ правъ и расширеніи ихъ. „Представительное устройство — говоритъ Милль, — есть одно изъ удобнѣйшихъ средствъ свести подъ одно знамя все лучшее, что есть въ обществѣ по уму и честности, свести въ одно мѣсто доблестнѣйшихъ его членовъ и дать имъ бо́льшее значеніе, чѣмъ они имѣли бы при всякой другой организаціи, хотя и при всякомъ другомъ устройствѣ вліяніе такихъ людей есть источникъ всякаго добра, какое только есть въ правленіи, и причина отсутствія въ немъ какого либо изъ золъ. Чѣмъ бо́льшую сумму такихъ качествъ общественный порядокъ какой нибудь страны можетъ организовать, чѣмъ лучше самая организація, тѣмъ лучше будетъ и правительство". Мнѣніе Милля намъ очень цѣнно, такъ какъ съ нѣкоторыхъ поръ политическія формы стали занимать собою общественное мнѣніе гораздо сильнѣе экономическихъ и интеллектуальныхъ вопросовъ. „Новѣйшіе русскіе реформаторы" второй группы,—г. Новосельскій („Соціальные вопросы въ Россіи"), г. Панаевъ („Общинное землевладѣніе"), авторъ „Писемъ о современномъ состояніи Россіи", также главною темой своихъ разсужденій берутъ политическія формы, при которыхъ соціальные вопросы могли бы легче разрѣшаться. Эти господа являются противниками конституціонализма, а потому ихъ собственное profession de foi очертится яснѣе, когда мы съ нимъ познакомимся въ его противоположностяхъ. Въ самыхъ краткихъ чертахъ мы скажемъ о конституціонномъ режимѣ, почти всюду привившемся въ Европѣ. Карлъ Роттекъ говоритъ: „Наше время—время конституцій. Онѣ или же-

лательны, или рѣшительно отвергаются" („Lehrbuch des Verunftrechts und der Staatswissenchaften"). Англія—классическая страна договоровъ власти съ народомъ. Съ нея мы и начнемъ. Аграрная система и деспотическія замашки королей съ незапамятнымъ временъ сдѣлали то, что англійскіе бароны, имѣя въ своихъ рукахъ землю, а слѣдовательно и народъ, рѣшились противопоставить свои аристократическія вольности династическимъ, придворнымъ. Бароны соединились съ народомъ и искали спасеніе отъ угнетенія въ законѣ. 16-го іюня 1215 года, англійская нація съ баронами во главѣ добилась отъ Іоанна Беззмельнаго „Великой льготной хартіи". Этою „Magna charta libertatum" власть короля была ясно изложена и даже обставлена законными предѣлами по отношенію къ церкви и королевскимъ вассаламъ. Обыватели также получили понятіе о своихъ правахъ. Съ этихъ поръ корона начинаетъ утрачивать мало-по-малу свои абсолютныя преимущества; мѣстная жизнь обывателей легализируется, успокоивается, пріобрѣтаетъ мѣстное политическое значеніе и, наконецъ, выбираетъ изъ своей среды депутатовъ, обязанныхъ защищать передъ короною интересы избирателей. Создается парламентъ въ столицѣ, внутри страны—землевладѣльческая джентрэ, въ корпоративныхъ городахъ—должностныя лица, избранныя горожанами. Мѣстная самостоятельная жизнь и парламентъ гарантируютъ гражданъ отъ произвола короля. Въ то же самое время и самый парламентъ стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ: съ одной стороны властью короля, могущаго распустить парламентъ, хотя не болѣе какъ на годъ,—съ другой—и главнымъ образомъ—независимымъ мѣстнымъ развитіемъ земскихъ учрежденій. Безъ мѣстнаго развитія страны, какъ корона, такъ и парламентъ, являются созданіемъ абсолютизма. Англія создала парламентъ, опирающійся на мѣстное самоуправленіе, и потому лучшіе ея мыслители (Милль и др.) всегда горячо отстаивали англійскую конституцію. Между тѣмъ Франція, убившая мѣстную жизнь централизаторскими наклонностями Людовиковъ, національныхъ собраній, конвентовъ, Наполеоновъ и Гамбеттъ, будетъ еще долго позорить самую идеальную конституцію. Для Англіи провинція была всегда предметомъ особой заботливости: въ благосостояніи провинціальной жизни государственные люди Англіи видѣли залогъ процвѣтанія всей страны и прочность самого правительства. Лордъ-намѣстникъ, шерифъ, мировой судья и др. представители мѣстныхъ учрежденій были внѣ вліянія администраціи. Послѣдняя сама была подчинена суду. Административные чиновники, „министерскіе" (ministerial), не имѣютъ никакого судебнаго права, а наоборотъ „судебные" люди имѣютъ административную власть. Администрація вѣдаетъ только то, что̀ поступаетъ къ ней по закону и подчинено судебному вѣдомству, что на континентѣ такъ рѣдко можно встрѣтить. Мѣстная администрація, помимо вліянія на нее мѣстныхъ „судебныхъ" чиновниковъ, подчинена также высшимъ судебнымъ учрежде-

ніямъ. Словомъ, англичане создали массу постановленій, которыми іерархическая централизація въ уѣздахъ ослаблена до наименьшаго предѣла. Строгое раздѣленіе законодательной, судебной, исполнительной и королевской власти дѣлаетъ возможнымъ сохраненіе и развитіе личныхъ, гражданскихъ правъ,—естественныхъ правъ: экономическаго развитія, умственнаго, религіознаго, свободы слова, свободы собраній, свободы печати и т. п. Конечно, Бенжаменъ Констанъ, Монтескьё и др. сторонники раздѣленія властей видѣли, что на практикѣ эти власти вліяютъ одна на другую; но если мы разберемъ это вліяніе и зависимость одной власти отъ другой въ Англіи, то придемъ къ заключенію, что конституціонный типъ правленія отъ этого нимало не страдаетъ; именно потому, что каждая изъ поименованныхъ властей въ Англіи отвѣтственна одна передъ другой. Ни одной изъ нихъ не приходится совѣщаться только съ самой собою, и потому каждая контролируется другою, установленною властью. „Въ Англіи парламентъ всегда состоялъ изъ двухъ палатъ: лордовъ и депутатовъ. Въ двухъ палатахъ находятъ болѣе данныхъ для обезпеченія свободы: одна можетъ легко увлекаться, она всегда представляетъ интересы настоящаго дня; а главное—только при двухъ палатахъ возможно равновѣсіе властей законодательной и исполнительной: въ противномъ случаѣ—при столкновеніи нѣтъ посредника и одна изъ нихъ можетъ легко поглотить другую. Но для этого необходимо, чтобы первая (верхняя) палата имѣла свою физіономію, представляла бы по своему составу другое начало, нежели палата депутатовъ, — иначе это будетъ одно собраніе, перегороженное стѣною, только помѣха въ движеніи законодательной власти. Если верхняя палата назначается по выбору, то равновѣсія быть не можетъ: она будетъ той же палатой депутатовъ, только подъ другимъ названіемъ; если назначеніе въ нее членовъ вполнѣ зависитъ отъ короля,—тогда опять не будетъ равновѣсія; она будетъ органомъ исполнительной власти. Англія достигла раздѣленія тѣмъ, что обладаетъ могущественной поземельной обезпеченной маіоратами аристократіей, поэтому палата лордовъ представляетъ наслѣдственную независимую аристократію, съ небольшой прибавкой пожизненной, въ противоположность палатѣ общинъ, состоящей изъ депутатовъ народа, выбираемыхъ на срокъ. Оттого въ другихъ странахъ, гдѣ нѣтъ такихъ общественныхъ условій, какъ въ Англіи, образованіе первой палаты—искусственное, натянутое, и все зданіе парламентаризма не представляетъ той прочности“ (А. Лохвицкій: „Обзоръ современныхъ конституцій“). Такимъ образомъ, профессоръ Лохвицкій въ верхней палатѣ видитъ охрану политической свободы отъ произвола народныхъ депутатовъ; но къ счастью, Англія выработала для этого другія гарантіи, болѣе надежныя, чѣмъ лорды. Даже болѣе: съ теченіемъ времени, значеніе верхней палаты въ Англіи упало почти совершенно.

Идея прошлаго столѣтія пошатнула всюду аристократическій по-

рядокъ: во Франціи, Швейцаріи, вольныхъ городахъ Германіи, и наконецъ, самой Англіи. Идея гражданскаго равенства и политической правоспособности для каждаго вытѣснила собою сословныя и имущественныя выгоды если не вполнѣ, то въ значительной степени. Англія не была исключеніемъ. У Бэджгота въ его сочиненіи объ англійской конституціи прекрасно изложенъ процессъ вымиранія верхней палаты Англіи. Первоначально здѣсь выборнымъ правомъ пользовался только землевладѣльческій классъ, т. е. лорды; но съ развитіемъ промышленныхъ и торговыхъ городовъ, Манчестера, Ливерпуля, Шеффильда, Лидса и др. создался новый промышленный финансовый классъ, требующій себѣ также участія въ политикѣ. Этотъ классъ имѣлъ своими ходатаями Кромвеля, Фокса, Питта младшаго; но только лорду Грею и Джону Росселю, въ 1832 году, удалось въ биллѣ „о реформѣ“ поставить имущественный классъ на равноправное мѣсто съ землевладѣльческой аристократіей. Но демократизмъ времени скоро потребовалъ расширенія и этой реформы: рабочій классъ организовался, развивался политически и требовалъ себѣ также избирательнаго права. Благодаря стараніямъ чартистовъ, въ 1867 году былъ изданъ билль, которымъ было даровано рабочему сословію политическое участіе, т. е. всеобщее избирательное право. Въ 1872 г. законъ „о тайной подачѣ голосовъ“ дѣлаетъ въ Англіи нижнюю палату или окончательно всесильной, или такой, которую дисциплинируетъ весь государственный строй Англіи, вмѣстѣ съ короной, кабинетомъ, общественнымъ мнѣніемъ, но передъ которой лорды безсильны. Словомъ, верхняя палата въ концѣ XIX вѣка есть явленіе отживающее даже въ Англіи. Во Франціи же, напримѣръ, верхней палаты не возможно было образовать еще въ до-революціонный періодъ, такъ какъ аристократія тамъ, задолго до 1789 года, потеряла всякое земское значеніе, стала придворной и со временъ революціи лишена всякаго значенія. Какими бы искусственными мѣрами ни создавалось перство во Франціи, мы не сомнѣваемся, что сужденіе Наполеона I о періи въ настоящее время будетъ еще болѣе справедливо, чѣмъ во время его бесѣды съ Констаномъ: „Нужно опасаться, что она (перія) будетъ въ дисгармоніи съ нынѣшнимъ состояніемъ умовъ. Она оскорбитъ гордость арміи; она обманетъ ожиданія всѣхъ сторонниковъ равенства; она подыметъ противъ меня тысячи личныхъ неудовольствій... Гдѣ хотите вы, чтобы я взялъ аристократическіе элементы, которыхъ требуетъ перія? Старыя фамиліи мнѣ враждебны. Многія изъ новыхъ имѣютъ постыдное происхожденіе. Пять-шесть знаменитыхъ именъ недостаточны. Безъ воспоминаній, безъ историческаго блеска, безъ большой собственности,—на чемъ основана будетъ перія?—Общество увидитъ въ ней или генераловъ, или камергеровъ!“. Послѣ всего приведеннаго, кажется, не нужно доказывать невозможность верхней палаты въ Россіи (т. е. искусственное разведеніе въ ней лордовъ и перовъ), какъ это проектировали наши но-

вѣйшіе реформаторы первой группы, которыхъ мы уже достаточно охарактиризовали въ предыдущей статьѣ. Если въ Англіи палата лордовъ потеряла почти всякое значеніе, то у насъ она можетъ быть создана развѣ возстановленіемъ крѣпостнаго права и опричины. Общественная жизнь въ Англіи гарантирована отъ застоя и регресса не палатою лордовъ, этимъ политическимъ маятникомъ, уравновѣшивающимъ правительство и депутатовъ во имя прогресса, какъ думаютъ нѣкоторые ученые, но тѣсною и отвѣтственною связью парламента, законодательной власти, съ кабинетомъ, исполнительною властью, подъ общимъ руководствомъ короны. Изъ среды депутатовъ набираются министры, и потому они отвѣтственны передъ палатами. Министры могутъ посовѣтовать королю распустить парламентъ, но черезъ годъ или ранѣе король долженъ созвать новыя палаты, передъ которыми министры будутъ также отвѣтственны и изъ среды которыхъ будутъ набираться новые. Король, дѣйствуя черезъ отвѣтственныхъ министровъ, поставленъ внѣ отвѣтственности. Если правительственный актъ окажется вреднымъ, то это значитъ, что король получилъ дурной совѣтъ и министръ принимаетъ отвѣтственность на себя за каждое дѣйствіе короля. Король дѣйствуетъ не иначе, какъ черезъ министровъ; онъ не выступаетъ отъ своего имени. Его особа—неприкосновенна; отвѣтственны совѣтники, министры. Послѣдніе—въ одно время и совѣтники короны, и предводители парламентскаго большинства. „Они являются и довѣренными лицами парламента, и уполномоченными короны. Согласіе между монархическою властью и народнымъ представительствомъ держится на этомъ именно учрежденіи, на тѣсной связи короны съ палатами черезъ отвѣтственныхъ министровъ. Черезъ посредство кабинета, съ одной стороны, корона можетъ имѣть вліяніе на парламентъ, съ другой—парламентъ можетъ контролировать всѣ дѣйствія правительства. Такимъ образомъ, устанавливается совокупное дѣйствіе всѣхъ элементовъ государственной власти на дѣла какъ законодательныя, такъ и исполнительныя". (Проф. А. Градовскій. „Общее государственное право").

Такой конституціонный порядокъ вещей только въ одной Англіи и могъ развиться безъ препятствій какъ со стороны короны, такъ и населенія. При этомъ образѣ правленія корона можетъ не давать своего согласія на мѣры, предлагаемыя министромъ; она можетъ распускать палаты и этими прерогативами вполнѣ довольствуется. Населеніе же, отдающее свои голоса депутатамъ, не боится за послѣднихъ потому, что парламентъ есть то общественное мнѣніе, которое въ Англіи развивается всюду безпрепятственно и подъ вліяніемъ котораго совершаются выборы. „Оно (общественное мнѣніе) посылаетъ своихъ представителей въ палату общинъ и образуетъ тамъ парламентское большинство, доставляетъ коронованному зодчему строительный матеріалъ для составленія министерства, направляетъ законодательство и, наконецъ, когда выборные депутаты перестаютъ быть

выразителями его стремленій, общественное мнѣніе, по распущеніи палатъ, является высшею апелляціонною инстанціею и новыми выборами превращаетъ прежнее большинство въ меньшинство". („Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни". Гольцендорфа). Тамъ, гдѣ мѣстная жизнь развивается внѣ вліянія центральной власти, гдѣ общественное мнѣніе направляетъ государственную жизнь, тамъ население покойно,—глава исполнительной власти болѣе авторитетенъ и менѣе подверженъ критикѣ. Безъ мѣстной, независимой жизни, исторически сложившейся, безъ мѣстнаго, независимаго общественнаго мнѣнія, представительное правленіе будетъ не болѣе какъ административною опекою. Мы можемъ это прослѣдить на такихъ странахъ, какъ Англія, Америка, Швейцарія—съ одной стороны, и Франція—съ другой. Палата только тогда представляетъ собою страну, когда избирательное право дается мѣстностямъ, округамъ, корпораціямъ, въ которыхъ историческая жизнь создала свои мѣстные, самобытные интересы, свои мѣстныя общественно-административныя единицы и политическіе союзы, свою общую, коллективную волю; словомъ, когда мѣстное самоуправленіе, вполнѣ и исторически развивавшееся, является твердымъ, реальнымъ основаніемъ для народнаго представительства. Таково реальное представительство Англіи. Здѣсь депутатъ въ народномъ собраніи является отъ извѣстной организованной мѣстности, съ опредѣленными ея интересами, и потому депутатъ живетъ съ населеніемъ солидарно не только на время выборовъ, но постоянно: ему нельзя, послѣ выборовъ, быть лишь выразителемъ собственныхъ мнѣній, потому что мѣстность, пославшая его, имѣетъ опредѣленныя нужды и взгляды.

Совсѣмъ другое мы видимъ во Франціи. Мѣстная жизнь тамъ была задавлена административной опекою Людовиковъ, бонапартистовъ и республиканцевъ. Потому тамъ сложилось формальное или математическое представительство, т. е. выборы по округамъ, на которые раздѣлена Франція. По этой системѣ одинъ депутатъ, положимъ, приходится на 20,000 жителей не потому, что такъ сложилась провинціальная жизнь, но потому, что такъ написано было въ одномъ изъ параграфовъ конституціи. „Система поголовнаго представительства, которая именно принимаетъ всю страну за одинъ избирательный округъ, гдѣ только избраніе отдѣльныхъ депутатовъ распредѣлено по округамъ для удобства подачи голосовъ мѣстными жителями, подобная система представительства,—справедливо замѣчаетъ Францъ,—обыкновенно влекла за собой полное ничтожество въ политическомъ отношеніи. Политическое право,—говоритъ онъ,—вопросы государственнаго устройства, не могутъ быть оторваны отъ системы внутренняго и, преимущественно, мѣстнаго управленія, отъ развитія общественной жизни въ провинціи. Французская революція, положившая начало конституціонному движенію въ Европѣ, начала, какъ извѣстно, съ того, что уничтожила всѣ остатки средневѣковыхъ общественныхъ соединеній и составила планъ

математическаго раздѣленія страны на департаменты, изъ коихъ въ каждомъ должно было быть опредѣленное число квадратныхъ миль и опредѣленное число народонаселенія. Она не только не возстановила древнихъ городскихъ вольностей, но повела впослѣдствіи еще къ большей опекѣ государства надъ обществомъ, чѣмъ это существовало прежде. Она обратила общество въ массу отдѣльныхъ гражданъ, безъ всякой возможности какого либо корпоративнаго единенія и, тѣмъ болѣе, корпоративнаго духа. При этихъ условіяхъ народное представительство могло быть только представительствомъ числовымъ, поголовнымъ. Въ настоящее время законодательства европейскія сознаютъ необходимость дать болѣе правильное, реальное основаніе системѣ представительства. Но для всѣхъ государствъ Европы—это дѣло будущаго, обусловливаемое большими и меньшими успѣхами мѣстнаго самоуправленія, подъ вліяніемъ котораго могутъ развиться единицы, долженствующія служить опорой представительства". (Проф. А. Градовскій. „Общее государственное право").

Франція, гдѣ нѣтъ такой „опоры" гдѣ нѣтъ земскихъ единицъ, гдѣ, слѣдовательно, плодотворность представительства зависитъ не отъ исторической жизни народа, но отъ министерства, отъ государственной формы, отъ личности, тамъ до сихъ поръ еще идутъ споры о системахъ выборовъ. Выборы по округамъ (scrution individuell), происходящіе въ ограниченной сферѣ, допускаютъ клеветы, ложныя обѣщанія, а главнымъ образомъ подкупъ. Эта система развращаетъ населеніе. Система по департаментскимъ спискамъ (scrution de liste), когда не мелкій округъ избираетъ одного мѣстнаго депутата, но огромная часть территоріи подаетъ голоса за 4 или 5 кандидатовъ (за весь списокъ кандидатовъ), гдѣ подкупъ менѣе возможенъ, благодаря разстоянію и многолюдію,—эта система страдаетъ тѣмъ, что депутатъ не служитъ при ней представителемъ мѣстныхъ интересовъ. При ней общія идеи господствуютъ надъ мѣстными интересами, а сами избиратели не знаютъ избранныхъ. Такимъ образомъ, депутаты являются сторонниками уже не мѣстныхъ нуждъ, но обще-государственныхъ,—что очень выгодно центральному правительству. Эта система легко ведетъ къ диктатурѣ. Не даромъ Гамбетта такъ ревностно стоитъ за нее. Между тѣмъ, мѣстности, гдѣ жители прошли школу самоуправленія, имѣютъ неоспоримыя, реальныя нужды; эти жители умѣютъ цѣнить своего человѣка по его способностямъ, вліянію на мѣстность, и не увлекутся ни деньгами, ни обѣщаніями представителей неизвѣстныхъ имъ партій. Такими мѣстностями покрыта Англія, и потому тамъ конституція такъ благотворна. Конечно, ненадо забывать, что на землѣ только одинъ Богъ безъ грѣха; между тѣмъ о подкупахъ и лести при парламентской борьбѣ въ Англіи мы имѣемъ свидѣтельства на каждомъ шагу. Англійская литература никогда не скрывала эту печальную сторону своего государственнаго устройства.

Повторяемъ, мы говоримъ лишь о сравнительномъ достоинствѣ ан-

глійской конституціи, о ея несомнѣнной прочности передъ континентальными. Впрочемъ, произносить осужденіе послѣднимъ нужно также съ нѣкоторыми оговорками. Мы сильно, напримѣръ, сомнѣваемся, чтобъ земскія единицы развились во Франціи успѣшнѣе подъ вѣдѣніемъ Людовиковъ и Бонапартовъ, чѣмъ при безпочвенномъ народномъ представительствѣ; но охотно допустимъ, что Франція можетъ служить многимъ современнымъ реформаторамъ аргументомъ того, что конституціонному режиму въ Россіи предстоитъ еще бо́льшая безпочвенность и затрудненіе. Такъ на конституціонализмъ въ Россіи смотритъ г. Новосельскій, („Соціальные вопросы въ Россіи"), а за нимъ авторъ „Писемъ о современномъ состояніи Россіи" и многіе другіе „реформаторы". Наше дѣло указать на эту партію, освѣтить ее со всѣхъ сторонъ и воздержаться отъ личнаго сужденія. Господа, о которыхъ мы говоримъ, смотрятъ крайне враждебно на всякія попытки, напоминающія намъ западно-европейскую государственную жизнь. Россія должна идти своимъ путемъ, исторически въ ней сложившимся. А этотъ путь складывался такъ: на Западѣ бюрократія съ сильной центральной властью создалась сопротивленіемъ мѣстныхъ властей; какъ бюрократія, такъ и королевская власть на Западѣ распространялись и правили насильственно. Ихъ взаимное тяготѣніе естественно должно было сложиться подъ общимъ презрѣніемъ и противодѣйствіемъ на каждомъ шагу со стороны подавляемой мѣстности. Въ Россіи такой причины для бюрократіи и центральнаго правительства не было. Зато другія причины, діаметрально противоположныя тѣмъ, которыя на Западѣ создавали централизацію и бюрократію,—создали и въ Россіи то же самое. Это, именно, отсутствіе въ ней мѣстныхъ интересовъ.

„Въ Западной Европѣ провинціи сохраняютъ свое значеніе долгое время послѣ того, какъ входятъ въ составъ новаго государства. Здѣсь административное дѣленіе по преимуществу историческое. Доказательствомъ можетъ служить старинное дѣленіе Франціи. Провинціи ея, въ числѣ 32-хъ, были нѣкогда самостоятельными государствами. Мало-по-малу они подчинились власти французскихъ королей. Образованіе центральнаго правительства не уничтожило, однако, мѣстныхъ особенностей старыхъ областей. Королевской власти стоило невѣроятныхъ усилій довести ихъ до такого положенія, чтобы особенности эти потеряли всякій смыслъ. Только послѣ 1789 года можно было историческое дѣленіе Франціи замѣнить механическимъ—на департаменты, округа и т. п. Ничего подобнаго не было въ Россіи. Послѣ покоренія Новгорода и Пскова, уничтоженія Тверскаго, Рязанскаго и др. княжествъ, вся страна представляла массу дробныхъ и почти ничѣмъ не связанныхъ между собою единицъ. Мѣстной особенности не на что было опереться. Этому содѣйствовали отчасти насильственныя мѣры московскихъ государей.—Въ древней Россіи не было ни мѣстныхъ церковныхъ установленій въ смыслѣ самостоятельныхъ организмовъ, ни мѣстнаго дворянскаго общества, въ значеніи западно-европейской ари-

стократіи. На мѣстахъ остались интересы посадскихъ людей, крестьянства, государственныхъ сиротъ. Понятно, что не на эти элементы могла опереться самостоятельность мѣстности. Отсутствіе крупныхъ общественныхъ организмовъ съ мѣстнымъ значеніемъ и дѣлало изъ Россіи ту „гладкую равнину", которую можно было дѣлить по произволу и подчинить безъ особеннаго труда Москвѣ на началахъ не только политической, но и административной централизаціи". (Проф. А. Градовскій. „Начала русскаго государственнаго права", т. 3-й). Когда Москва усилилась, къ ней почти безъ сопротивленія потянулись мѣстные роды и фамиліи: имъ нечего было выбирать и отстаивать свое. У нихъ ничего не было мѣстнаго, дорогаго, за что стоило бы сопротивляться Москвѣ. Ни священникъ, ни помѣщикъ, ни воевода, ни закрѣпощаемый крестьянинъ, не представляли собою „опоры"; между тѣмъ, государь съ централизованной властью явился побѣдителемъ татарскаго ига и время отъ времени въ тяжелые годы созывалъ земскіе соборы. Это, хотя и рѣдкое, общеніе самодержца съ народомъ, исчезло совершенно съ учрежденія у насъ Петромъ I западно-европейскаго канцелярскаго порядка. А какую силу имѣла канцелярія—мы увидимъ изъ маленькой цитаты почтеннаго профессора Градовскаго: „Въ каждомъ сословномъ учрежденіи—въ думахъ, магистратахъ, судахъ, были канцеляріи. Послѣднія не только de facto, но и de jure стояли выше присутствій. Въ канцеляріи сосредоточивалось все дѣлопроизводство. Здѣсь каждое дѣло обработывалось къ докладу и часто самое рѣшеніе не только намѣчалось, но прямо постановлялось, такъ что присутствію оставалось только подписывать то, что предлагалось канцеляріей. Чины канцеляріи опредѣлялись не по выбору, а по назначенію отъ губернскаго начальства. Это были люди чиновные, къ тому же не имѣвшіе соперниковъ по знанію законовъ и умѣнью вести дѣла. Въ лицѣ этихъ должностныхъ лицъ создался, такимъ образомъ, полный элементъ управленія, по происхожденію своему худородный—изъ разночинцевъ, но, благодаря необходимости замѣщенія массы вновь созданныхъ въ губерніи установленій, быстро наполнившій всѣ канцеляріи и забравшій въ дѣйствительности, въ свои руки все мѣстное управленіе. Господство канцелярій—таковъ безспорный результатъ тѣхъ условій, которыя были созданы для мѣстныхъ должностей учрежденіемъ о губерніяхъ".

Можетъ быть, господство канцелярій съ тѣхъ поръ измѣнилось? На этотъ вопросъ наши новѣйшіе реформаторы второй группы, т. е. гг. Панаевъ, Новосельскій и авторъ „Писемъ о Россіи", а вмѣстѣ съ ними и г. Аксаковъ, отвѣчаютъ отрицательно и рисуютъ наши органы управленія въ слѣдующихъ темныхъ краскахъ. Верховная власть въ Россіи находится въ рукахъ государя, власть наслѣдственная и ни отъ кого не зависимая. Власть эта весьма популярна и боготворима народомъ. „Государь — печальникъ о всѣхъ, но исполнители его, слуги—дурны". Таковъ голосъ народа. Строгаго раздѣленія властей,

законодательной отъ исполнительной, у насъ нѣтъ; администрація часто поступаетъ, какъ бы имѣя судебную власть. Законъ приводится въ исполненіе министерствами бюрократическимъ путемъ. Государственный совѣтъ имѣетъ значеніе совѣщательное. Сенату подлежитъ судебная власть. Внутреннее управленіе дѣлами, какъ сказано, сосредоточено въ министерствахъ. Каждый министръ имѣетъ въ своемъ распоряженіи департаменты своего вѣдомства, которыми завѣдуютъ директора. Послѣдніе, въ свою очередь, имѣютъ правою рукою начальниковъ отдѣленій—своего департамента, въ канцеляріи которыхъ и изготовляются дѣла къ докладу. Докладъ, состряпанный по справкамъ и объясненіямъ писарей, исправленный и умытый начальникомъ отдѣленія, передается уже готовымъ директору, а тотъ—министру. Исходъ дѣла вполнѣ зависитъ отъ доклада, произведеннаго канцеляріей. Министру подчиненъ въ провинціи губернаторъ, а послѣднему вся мѣстная администрація. Точно такъ же губернаторъ отвѣчаетъ за порядокъ земскихъ учрежденій, городовыхъ и крестьянскихъ. Поэтому губернаторъ въ городѣ всесиленъ черезъ полиціймейстера, въ земствѣ—черезъ предводителя дворянства, предсѣдателя земства, въ волостяхъ—черезъ исправниковъ, становыхъ и т. д. Отсюда безсиліе земскихъ учрежденій для мѣстнаго вліянія, а за неимѣніемъ связи съ существующими правительственными органами въ смыслѣ возможности проведенія черезъ нихъ своихъ проектовъ, земство также безсильно и для государства вообще. Земскія учрежденія не удовлетворяютъ идеи всесословности. Между земствомъ и крестьянствомъ стоятъ стѣною разныя присутствія по крестьянскимъ дѣламъ (уѣздныя и губернскія правленія); не земство правитъ мѣстностью, благодаря этимъ присутствіямъ, а администрація и полиція. Крестьянское же самоуправленіе обратилось въ органъ земства, полиціи и прочихъ казенныхъ вѣдомствъ. Оно стало низшимъ исполнительнымъ органомъ для взысканія денежныхъ сборовъ,—органомъ переписки и порученій отъ различныхъ уѣздныхъ учрежденій, или просто отъ исправника или становаго. Эту сѣть, покрывшую все сельское населеніе, г. Аксаковъ рисуетъ въ видѣ перечня до сорока видовъ различнаго крестьянскаго начальства, вмѣшивающагося въ жизнь крестьянина. А именно: 1) десятскій, 2) сотскій, 3) урядникъ, 4) письмоводитель становаго, 5) становой, 6) исправникъ, 7) полицейское управленіе, 8) уѣздное присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, 9) предводитель дворянства, 10) непремѣнный членъ, 11) почетный мировой судья, 12) сельскій староста, 13) волостной старшина, 14) писарь волостнаго правленія, 15) волостное правленіе, 16) волостной судъ, 17) вахтеръ хлѣбнаго магазина, 18) уѣздный землемѣръ, 19) землемѣръ уѣзднаго присутствія, 20) агентъ земскаго страхованія, 21) уѣздная земская управа, 22) земское уѣздное собраніе, 23) мировой съѣздъ, 24) секретарь мироваго съѣзда, 25) участковый мировой судья, 26) его письмоводитель, 27) судебный приставъ мироваго съѣзда,

28) судебный приставъ окружнаго суда, 29) посредникъ по размежеванію, 30) присутствіе по воинской повинности, 31) уѣздный врачъ, 32) земскій врачъ, 33) фельдшеръ, 34) жандарскій унтеръ-офицеръ и пр. и пр. Такая система не даетъ развитія мѣстной жизни и въ то же время фактически мало представляетъ власти высшимъ учрежденіямъ и при нихъ правительствующимъ лицамъ.

Мелкіе чины, т. е. канцелярія и полиція, фактически заправляютъ всѣми дѣлами, даютъ имъ окраску и руководятъ исходомъ. При этомъ администрація, какъ и канцелярія, собирая сырой матеріалъ, справки и свѣдѣнія, освѣщая то и другое, иногда постановляя по собственному соображенію рѣшеніе дѣлъ, не требующихъ высшей инстанціи,— являются дѣйствительной государственной Россіей, передъ которой мѣстный обыватель трепещетъ, а высшій сановникъ и высшее учрежденіе—остаются въ невѣдѣніи, или только соглашаются и подписываютъ предварительную работу канцелярій.

Разбираемые нами авторы справедливо жалуются на такой порядокъ вещей и ждутъ отъ государя значительныхъ преобразованій. О г. Панаевѣ мы не будемъ много говорить, такъ какъ это старый литераторъ, хорошо извѣстный публикѣ по „Современнику"; въ 1881 году онъ собралъ свои статьи по крестьянскому вопросу и издалъ ихъ отдѣльною книгою. Онъ является горячимъ сторонникомъ общиннаго землевладѣнія, разрушеніе котораго можетъ остановить только единоличная власть государя. Панаевъ совершенно игнорируетъ органы управленія, не признавая за ихъ канцеляріями никакой благотворной силы. Все благосостояніе Россіи онъ сводитъ къ личности государя и въ его исключительномъ положеніи видитъ залогъ реформъ.

Когда мнѣніе „освобожденіе безъ земли и разрушеніе общиннаго начала" становилось популярно, г. Панаевъ писалъ по этому поводу слѣдующее: „Можетъ ли быть, чтобъ русскій царь, тотъ самый царь, который первый смѣло рѣшился громко вымолвить русскому народу давно ожидаемое имъ отъ царя слово, тотъ царь, который далъ русской жизни, хотя нѣсколько, вздохнуть свободно,—чтобъ этотъ самый царь захотѣлъ видѣть русскую кровь, проливаемую народомъ за тѣ жизненные, коренные свои элементы, которые онъ берегъ (общинное землевладѣніе) и до которыхъ никто не касался? Можетъ ли быть, чтобъ русскій царь поднялъ руку на то начало, которое сохранило Россію отъ порабощенія татаръ и отъ владычества католической Польши,—начало, которое было основной причиной развитія русскаго элемента и постепеннаго подчиненія ему не только сосѣднихъ народовъ, но и того народа, который явился поработителемъ, а кончилъ тѣмъ, что сдѣлался русскимъ? Можетъ ли быть, чтобъ царь поднялъ самъ на себя руку, лишая себя своей основной опоры — народа? Можетъ ли быть, чтобъ онъ уничтожилъ то начало (общинное землевладѣніе), которое останавливало помѣщичьяго крестьянина поднять знамя бунта, которое удерживало государственнаго крестьянина отъ

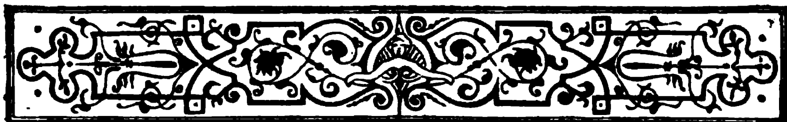
буйныхъ самоуправствъ противъ злоупотребленія власти? Русскій мужикъ выноситъ на своихъ плечахъ неимовѣрную тяжесть; говорятъ, что русскій мужикъ терпѣливъ какъ оселъ... Да, это правда, но онъ терпѣливъ не потому, чтобъ въ немъ не было энергіи, а потому только, что его тяжелое положеніе умѣряется основнымъ принципомъ его быта: правомъ на землю. Можетъ ли быть, чтобы русскій царь захотѣлъ замѣнить анти-революціонный принципъ въ Россіи революціоннымъ, образуя слишкомъ 20 милліоновъ пролетаріевъ? Можетъ ли быть, чтобъ русскій царь вздумалъ рушить то начало, которое составляетъ особенность народа, которое было причиной развитія Россіи, причиной ея величія, начало, которое есть ея гордость, ея жизнь, ея внутренняя и внѣшняя сила,—начало, которое даетъ превосходство русскому народу передъ народами Запада, даетъ ему ту свѣжесть и вѣру въ свое будущее, какой не имѣютъ эти народы? Можетъ ли быть, чтобъ русскій царь отнялъ у народа то начало, которое даетъ ему блестящую будущность,—начало, которое должно поставить русскій народъ во главу всѣхъ другихъ народовъ, какъ народъ, который первый осуществилъ христіанское начало въ жизни и примѣромъ своимъ долженъ передать это начало другимъ христіанскимъ народамъ? Можетъ ли быть, наконецъ, чтобъ русскій царь добровольно захотѣлъ быть царемъ народа, котораго онъ вздумалъ бы лишить его великаго назначенія"?

Въ общинномъ устройствѣ крестьянскаго быта г. Панаевъ видитъ оплотъ противъ развитія пролетарія, залогъ величія Россіи и популярности царской власти. Этою вѣрою проникнуты также г. Новосельскій и авторъ „Писемъ о Россіи". Въ противоположность партіи р у с с к и х ъ   п л а н т а т о р о в ъ, считающихъ себя единственною надежною опорою царской власти, гг. Панаевъ, Новосельскій и другіе видятъ прочность этой власти лишь въ общеніи съ народомъ не на конституціонный только манеръ, т. е. съ ограниченіемъ верховной власти палатами или „статутами". Еще до освобожденія крестьянъ, г. Панаевъ въ 1859 году писалъ покойному государю: „Государь! Если Ты рѣшишь вопросъ такъ, чтобы освободить помѣщичьихъ крестьянъ разомъ цѣлыми общинами, со всею землею, которою они пользуются, и совершишь это освобожденіе посредствомъ выкупа правительствомъ, тогда Ты разрѣшишь великій вопросъ о пролетаріи, не нарушая ничьихъ интересовъ,—вопросъ, который не могли еще рѣшить ни великіе философы, ни великіе ученые, ни великіе государственные люди Западной Европы. Вся сущность рѣшенія этого вопроса состоитъ въ томъ, чтобы уравнять права крестьянъ помѣщичьихъ съ правами крестьянъ государственныхъ и сохранить то русское общинное начало, которое существуетъ во всемъ сельскомъ сословіи, то начало, которое покойный императоръ, Твой отецъ, упрочивалъ между государственными крестьянами всѣми мѣрами, то начало, великое значеніе котораго онъ понялъ, и за что потомство и

исторія отдадуть ему должную справедливость. Государь! Вѣрь себѣ и не отдавай своего могущества, дабы имѣть власть творить добрыя, великія, безпримѣрныя дѣла не только для блага своего народа, но и для всего человѣчества. Не забывай, Государь, что Ты царь народа, котораго назначеніе осуществить не словомъ, а дѣломъ заповѣдь Христа. Характеръ владѣнія землею въ русской общинѣ—есть тому образчикъ. Подобнаго характера никогда, ни въ одной странѣ не существовало, хотя иные и силятся доказать противное; да и не могло существовать въ странахъ Западной Европы, развившихся изъ рабства, завоеванныхъ и дѣлившихся на побѣдителей и побѣжденныхъ. До русской земли это горе не коснулось! Государь! Сохрани крестьянамъ всю землю, которою они пользуются, сохрани русское общинное владѣніе и освободи крестьянъ разомъ, цѣлыми общинами, и тогда Ты утвердишь осуществленіе христіанскаго начала на дѣлѣ, Ты положишь основу царству Христову на землѣ, о которомъ Онъ пророчилъ. Тогда не будетъ монарха Тебѣ равнаго,—Ты будешь первымъ послѣ Христа. Да благословитъ Тебя Богъ! Аминь!"—Идеалъ г. Панаева ясенъ, это—царь и народныя начала; ничего западно-конституціоннаго, но все русское.—Теперь мы нѣсколько подробнѣе остановимся на идеалахъ гг. Новосельскаго и автора „Писемъ о современномъ состояніи Россіи".

А. И. Фаресовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).



БОРЬБА ЕФІОПОВЪ СЪ АНГЕЛОМЪ.

(Случай изъ явленій русской демономаніи).

ПРИ РѢДКОСТИ чудесъ въ наше время, каждый необыкновенный случай въ этомъ родѣ надо отмѣчать,—особенно, если онъ удостовѣряется лицами несомнѣнной благонадежности. Наступающее чудесное происшествіе было не далѣе какъ въ прошломъ 1881 году и имѣло для себя мѣсто на Аѳонѣ, въ „Постномъ скитѣ схимонаха Хаджи-Георгія". Оно тамъ же въ скитѣ и описано тростію скитскаго скорописца, а потомъ описаніе это скрѣплено подписью трехъ духовныхъ лицъ: самого настоятеля, старца Хаджи Георгія (по гречески), его намѣстника, схим. Пареенія, и духовника, іеросхимонаха Антонія. Послѣдніе два подписались по-русски. Тутъ же приложена синяя печать схимонаха Георгія-Хаджи 1828 г. Слѣдовательно, это, очевидно, документъ надежный, которому надо вѣрить. Недовѣріе или даже одно сомнѣвательство тутъ было бы недостаткомъ уваженія къ тремъ подписавшимъ документъ схимонахамъ. Вотъ этотъ документъ, который въ подлинникѣ сохраняется у меня въ моихъ бумагахъ:

„Кубанской области, маякопскій мѣщанинъ Василій Карочинскій, прибывъ на Аѳонъ въ 1880 году ноября 16-го, посѣтилъ нашу обитель св. архидіакона Стефана. Чиноположеніе церковное и постный навсегда уставъ обители ему у насъ понравились, такъ что въ числѣ прочихъ богомольцевъ и онъ остался у насъ.

„Корочинскій предъ тѣмъ находился въ сектѣ хлыстовъ, но движимый чувствомъ спасенія (sic), по изслѣдованіи сущности дѣла, увидѣлъ себя въ заблужденіи и обратился въ православіе, раскаявшись чистосердечно во грѣхахъ своихъ. Приготовляясь по благословенію духовника въ храмѣ у насъ св. Стефана къ принятію св. таинъ

св. евхаристіи, и когда въ концѣ литургіи настоятель Георгій-Хаджи и вся братія уже пріобщались, въ это время Василій вдругъ громко заплакалъ, говоря: „О, Боже мой! О, Боже мой!“ потрясающимъ голосомъ и самъ весь потрясаясь онъ готовъ былъ упасть, если бы не поддержали его, не успокоили. Придя въ сознаніе, онъ съ помощію братіи подошелъ къ св. причастію, принялъ оное съ подобающимъ страхомъ и благоговѣніемъ. Тутъ совершенно оправился онъ и обоятельно въ духовной торжественности увидѣлъ себя въ храмѣ. Сему счастливому для него событію предшествовало видѣніе, буквально имъ переданное старцу Георгію-Хаджи и ученикомъ его. Видѣлъ— небесную палату, необыкновенной, дивной красоты, надъ вратами стоялъ херувимъ съ пламеннымъ мечемъ въ рукахъ и надпись вокругъ вратъ,—крупно золотыми словами: „Наказуя наказа мя, смерти же не предаде. Сія врата Господня, — праведніи внидутъ въ ня“. Далѣе видѣлъ тріипостасную св. Троицу и подъ нею въ полукругѣ горящіе свѣтильники; у Бога-Сына былъ въ рукѣ свитокъ хартіи: „Пріидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и азъ упокою вы; возмите иго мое на себя и научитеся отъ мене яко кротокъ есмъ и смиренъ сердцемъ и обрящете покой душамъ вашимъ; иго бо мое благо и бремя мое легко есть“.—Еще Спаситель проговорилъ: „Аще кто любитъ меня—слово мое соблюдетъ, и того возлюбитъ Отецъ мой, пріидемъ къ нему и обитель сотворимъ у него и вечерю“. Затѣмъ вижу—вѣрующихъ самъ Спаситель изъ пречистыхъ своихъ рукъ пріобщаетъ св. таинъ. Тамъ же и я стоялъ, желая принять св. причастіе, тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Христа, но невидимая сила, удерживая, оттолкнула меня назадъ. Оглянувшись, вижу въ сторонѣ полкъ людей непріятныхъ, мрачный, и тутъ же изъ алтаря былъ гласъ: „Что это за полкъ людей, похожихъ на ефіоповъ?“ На это отвѣчаетъ старецъ Георгій-Хаджи, тутъ же въ храмѣ бывшій: „Это люди, бывшіе прежде друзья сего раба Божія“, и указалъ на меня“.

„Съ безпокойствомъ и боязнію я смотрѣлъ на нихъ, страшныхъ и безобразныхъ, и узнавалъ въ нихъ бывшихъ товарищей изъ хлыстовъ и видѣлъ въ рукахъ ихъ творимую мною имъ милостыню, которая была въ разныхъ сосудахъ, изъ коихъ выходило веліе злосмрадіе, и они говорятъ: „Вотъ его милостыня во свидѣтельство, которую онъ намъ подавалъ. Онъ нашъ! нашъ!“

„И паки изъ алтаря гласъ: „Нѣтъ; онъ не вашъ, потому что чистосердечно раскаялся; всѣ свои грѣхи исповѣдалъ духовнику.“

„Опять изъ толпы ефіоповъ послышался голосъ: „это ничего не значитъ, что исповѣдалъ; и нашъ отецъ вѣруетъ и исповѣдуетъ, — онъ тоже въ началѣ покорялся, а потомъ разобралъ, что и онъ можетъ такъ же руководствовать, какъ и сынъ, другими начальствовать, а потому и мы послѣдовали отцу своему. „А такъ и онъ прежде былъ

съ вами, а когда разобралъ и позналъ себя, тогда обратился къ намъ и мы его теперь къ вашей вечери не допустимъ“ [1]).

„Услышавъ рѣчь сію ефіоповъ, содрогнулось болѣзненно сердце мое, — оцѣпенѣло, и не помня себя, что я былъ въ тѣлѣ или внѣ тѣла,—снова голосъ ефіоповъ:

— „Держите и не допускайте къ вечери, а то эта вечеря опалитъ весь нашъ престолъ и разрушитъ его, и мы лишимся пребыванія тамъ“.

„Затѣмъ является свѣтлый юноша въ архидіаконскомъ облаченіи съ жезломъ въ рукахъ, которымъ ударивъ ефіопа удерживавшаго меня и не допускавшаго къ вечери, взялъ меня за руку и подвелъ къ божественной вечери, Христовымъ тайнамъ“.

„Тогда къ счастію освободившись отъ узъ демонскихъ, я пріобщился тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа,—только долго не могъ проглотить,—сердце мое жгло. Потомъ почувствовалъ утѣшеніе и велію радость и исцѣленіе скорби моей душевной, которая и побудила меня искать наилучшаго устроенія жизни на Аѳонѣ,—посѣтить св. мѣста и посовѣтоваться съ св. отцами стало моею завѣтною потребностію. Богу нашему слава.—Все вышеписанное удостовѣряемъ: Настоятель—старецъ Χατζι Γεοργιοσ. Намѣстникъ его схимонахъ Парѳеній. Духовникъ іеросхимонахъ Антоній. Св. гора Аѳонъ. Постный скитъ схимника Хаджи-Георгія. Келья св. архидіакона Стефана. 1881 г. 12 марта“. Печать старца схимонаха Хаджи Георгія съ крестомъ въ лучахъ.

Документъ этотъ составленъ въ „Постномъ скитѣ“ схимонаха Хаджи Георгія и присланъ въ Россію для того, чтобы чудо, о которомъ свидѣтельствуютъ три схимника, получило въ нашей православной странѣ должную извѣстность. Такое желаніе, конечно, весьма понятно, но не это одно главнымъ образомъ побуждаетъ меня содѣйствовать большему оглашенію чуда (хотя, конечно, мнѣ очень пріятно сдѣлать угодное тремъ аѳонскимъ схимникамъ). Документъ имѣетъ интересъ самъ по себѣ. Мы обыкновенно узнаемъ о чудесахъ двумя способами: или по устной молвѣ, ходящей въ народѣ, или по минеямъ, прологамъ и патерикамъ, гдѣ описанія эти уже обработаны искусною рукою свѣдущихъ людей и прошли черезъ очистительное горнило церковной цензуры, невсегда довѣрчиво относящейся къ нѣкоторымъ заявленіямъ чудесъ, сообщаемымъ ближайшими ихъ слышателями и очезрителями. Но какъ именно, т. е. въ какой формѣ и съ какими ручательствами за достовѣрность дѣлаются такія первыя заявленія чудесныхъ событій, отъ времени до времени случающихся въ православныхъ храмахъ—русская публика рѣшительно ничего не знаетъ, и не знаетъ именно потому, что заявленія, пріемлемыя и усвояемыя высшимъ церковнымъ

---

[1]) Въ репликахъ этихъ замѣтна неясность, но это буквально такъ стоитъ въ скитской записи о бывшемъ чудѣ. Н. Л.

авторитетомъ, оглашаются уже въ видѣ сказаній обработанныхъ, и потому утратившихъ свою интересную примитивность, или же, если они не удостоиваются авторизаціи, то описанія такихъ чудесъ совсѣмъ не получаютъ хода и остаются публикѣ вовсе неизвѣстными, а лежатъ въ синодальномъ архивѣ, гдѣ ихъ, говорятъ, хранится великое множество.

Изъ списка рукописей, пожертвованныхъ митрополитомъ Исидоромъ Никольскимъ библіотекѣ с.-петербургской духовной академіи безъ права ихъ опубликованія, видно, что и тамъ есть описанія чудесъ, которыя, однако, остаются до сихъ поръ совершенно неизвѣстными, несмотря на то, что, по мнѣнію многихъ, новое чудо теперь было бы во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно умѣстно и благовременно.

Заявленія трехъ схимниковъ о чудѣ, которое только въ прошломъ году случилось съ соотечественникомъ нашимъ на Аѳонѣ, составляетъ любопытную рѣдкость. Какъ-бы ни отнеслась къ этому заявленію высшая церковная власть въ Константинополѣ и въ Петербургѣ — оно во всякомъ случаѣ сохранитъ свой интересъ для любителей народности и церковной жизни, въ которой теперь много охотниковъ дать такимъ явленіямъ мѣсто и значеніе.

Редакціи „Историческаго Вѣстника" извѣстно, что случаи русской демономаніи, напечатанные мною въ 1881 г., заинтересовали собою нѣкоторыхъ весьма просвѣщенныхъ людей въ иностранной литературѣ. И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, что демономанія есть явленіе очень интересное, какъ коефиціентъ народной умственности, нравственности и вообразительныхъ представленій. Иногда это показываетъ характеръ набожности и даже степень совѣстливости людей извѣстнаго религіознаго культа. Во всякомъ же случаѣ, это болѣе чѣмъ что-нибудь другое выражаетъ настоящее опредѣленіе истиннаго уваженія сказателя чудесъ къ святынямъ, у коихъ произошли откровенія. Такъ поняли это и во Франціи, гдѣ заинтересовались очерками русской демономаніи.

Случай въ „Постномъ скитѣ", удостовѣряемый тремя схимниками, любопытенъ еще и потому, что видѣніе, которое открылось хлысту Василію Корочинскому, составляетъ варіантъ видѣній, представлявшихся очень многимъ русскимъ сектантамъ во время ихъ присоединенія къ православію или при первомъ причащеніи. Очень часто имъ представляется „небо отверзто и св. Троица возсѣдяща и пріемлюща",—при чемъ обыкновенно участвуетъ какъ ближайшій посредникъ этого пріятія священнодѣйствующее при данномъ случаѣ духовное лицо. Оно почти всегда бываетъ въ лучахъ божественнаго сіянія, исходящаго отъ св. Троицы (въ Кіевѣ, гдѣ особенно развитъ культъ св. Дѣвы Маріи,—свѣтъ идетъ отъ нея, и тутъ меньше значенія имѣютъ лучи, исходящіе отъ св. Троицы, а сама св. Дѣва „покрываетъ всѣхъ святымъ своимъ омофоромъ"). Прежніе же друзья и единовѣрцы вновь присоединяемаго къ православію обыкновенно являются ему „темнолицыми муринами", „ефіопами" или „аркабузирами"

и „не допускаютъ“. Часто они дѣлаютъ большіе скандалы,—кривляются, хохочутъ, ругаются, стараются плюнуть въ чашу, показываютъ причастнику срамныя части своего тѣла и „дѣятъ пакости, ихъ-же и французъ на Москвѣ не содѣя“. Иногда они, точно какъ въ настоящемъ, твердо засвидѣтельствованномъ схимниками случаѣ, „богословятъ и спорятъ“, но, разумѣется, всегда безуспѣшно. Переспорить священнослужителей церкви православной имъ, конечно, неудается, но демоны до сихъ поръ еще не убѣдились, что это невозможно, потому что нашимъ духовнымъ извѣстна настоящая истина во всей ея полнотѣ. За то демоны всякій разъ бываютъ посрамлены и тогда они, потерявъ терпѣніе, оставляютъ непосильные для ихъ образованія споры, а начинаютъ „метаться на чашу“. Иногда они даже грозятъ ее опрокинуть, но тутъ всегда является архангелъ или просто ангелъ, непремѣнно въ дьяконскомъ облаченіи, и отгоняетъ ефіоповъ пламеннымъ мечомъ, или жезломъ, или просто по-русски „порeтъ ихъ вогненными прутьями“.

Дѣло обыкновенно оканчивается тѣмъ, что тѣ не выдерживаютъ бойла или порки „вогненными прутьями“ и убѣгаютъ, и тогда наступаетъ ничѣмъ несмущаемый моментъ торжества православія, къ которому сектантъ присоединяется. Неоднократно замѣчали такіе случаи, что какъ ангелъ „отжаритъ“ демоновъ, такъ присоединяемый къ церкви сейчасъ же „просвѣтлѣваетъ лицомъ“, а мурины и ефіопы, остающіеся въ прежнемъ заблужденіи, „визжатъ издали, какъ поросята“. Но огромное число интересныхъ, хотя и однообразныхъ случаевъ этого рода, не пользуются долгою извѣстностію, чему есть слѣдующая причина. Новоприсоединенный тотчасъ послѣ причастія обстоятельно разскажетъ духовнымъ отцамъ свое видѣніе, а игуменъ или бѣлый настоятель храма выслушаетъ это сказаніе и „пуститъ какъ быдто въ нѣтехъ“. Иной же еще къ тому и пригрозитъ и скажетъ: „живи христіански, а не чудеса сказывай“; такъ хорошій разсказъ скоро и пропадаетъ безъ большаго распространенія. На это часто жалуются и многіе видятъ въ этомъ вредный недостатокъ вниманія со стороны духовенства, которое будто-бы холодно относится къ непосредственнымъ откровеніямъ, получаемымъ новоприсоединяемыми къ православію. Духовенство же все-таки остается неисправимымъ.

Монастыри въ этомъ случаѣ удовлетворяютъ желанія видящихъ „небо отверзто“ не болѣе, чѣмъ бѣлые священники, изъ коихъ иные въ наше время дошли уже до той степени невѣрія, что, не скрываясь, носятъ чистые воротнички у рубашекъ.

— „И въ монастыряхъ, говорятъ, не добьешься нынѣ, чтобы чудо списали. Видѣлъ, говорятъ, ну и будетъ съ тебя, и молчи про себя“.

Все это, разумѣется, приписывается вредному вліянію науки, такъ какъ монастырскіе настоятели теперь по несчастію выбираются большею частію „изъ ученыхъ“. Въ скитахъ же, гдѣ настоятельствуютъ простые „старцы“, дѣла идутъ иначе, по мнѣнію нѣкоторыхъ—гораздо

лучше, — тамъ ко всѣмъ чудеснымъ вещамъ относятся несравненно довѣрчивѣе и теплѣе, и „когда что таковое произойдетъ — всѣ тому единымъ сердцемъ вѣрятъ и едиными устами свидѣтельствуютъ“. Отъ этого, полагаютъ, и благодатныя силы чудотвореній при старцахъ проявляются несравненно чаще. Такого мнѣнія теперь охотно держатся даже такіе люди, отъ которыхъ можно бы, кажется, ожидать иныхъ отношеній къ высокимъ истинамъ христіанства.

„Благодать у старцевъ и при старцахъ“.

Это самое удостовѣряетъ и печатаемый нынѣ документъ за подписью трехъ старцевъ-схимниковъ, которые, такимъ образомъ, самолично могутъ послужить примѣромъ очевидной разницы между осуждаемыми за холодность монастырями и восхваляемыми за теплоту вѣры скитами, процвѣтающими подъ руководствомъ „старцевъ“. При нѣкоторыхъ усиліяхъ сколько извѣстныхъ, столько же и странныхъ лицъ, думающихъ спасти иночество посредствомъ развитія „старческаго скитства“,—этотъ примѣръ теперь, можетъ быть, стòитъ вниманія и будетъ не безполезенъ. По немъ можно себѣ представить, до чего бы, примѣрно, могли довести дѣло „старцы“, если бы по Госсіи ихъ скитство умножилось, какъ на Аѳонѣ, и сколько бы это было полезно для христіанской идеи, получающей теперь въ протестантскомъ мірѣ такую плодотворную разработку при усиліяхъ отмѣнной чистоты и отмѣнныхъ дарованій людей, въ родѣ Фаррара, Невиля, Берсье и другихъ...

Одно насъ можетъ куражить—что если нашъ „дремлющій Востокъ“ ничего не можетъ выставить противъ этихъ обращающихъ на себя вниманіе бодрыхъ борцовъ христіанской мысли, то и они навѣрно ничего не найдутся поставить противъ вещей, какія способны показать наши „старцы“. Да этого, впрочемъ, нельзя и сравнивать, ибо ихъ дѣло просвѣтить, а наше —удивить.

Въ заключеніе остается пожалѣть, что три схимника, удостовѣрившіе чудесное видѣніе Василія Корочинскаго, ничего не упомянули о прошломъ чудовидца. Этимъ у насъ пренебрегаютъ, а между тѣмъ это очень важно. Человѣкъ, для котораго въ наши дни разверзлось небо и видима была св. Троица, конечно, весьма стòитъ большого вниманія. Особенно интересно и даже необходимо было бы знать о тѣхъ „скорбяхъ“, которыя чудозритель перенесъ за свои добродѣтели прежнимъ своимъ единовѣрцамъ. Это всегда очень многое открываетъ и располагаетъ къ большей или къ меньшей вѣрѣ словамъ чудосказателя...

Наши восточныя чудосказанія тѣмъ невыгодно отличаются отъ западныхъ, что въ сихъ послѣднихъ вы большею частію видите всего человѣка, т. е. праведникъ онъ, или не праведникъ, но все равно — онъ обрисованъ передъ вами, какъ человѣкъ, съ его природными свойствами и дарованіями, съ которыми онъ пришелъ въ міръ. Не скрываютъ и того, что̀ совершилъ человѣкъ въ мірѣ до тѣхъ поръ,

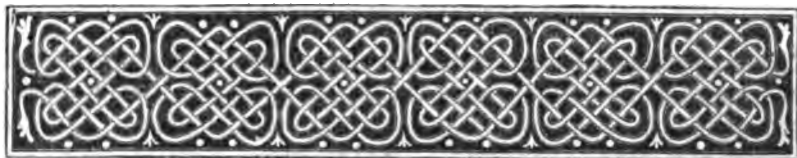
пока въ немъ самомъ произошелъ имѣвшій на него рѣшительное вліяніе религіозный кризисъ. Отъ того вамъ доступенъ его нравственный міръ, васъ интересуетъ его судьба, вамъ понятенъ его психозисъ и „вся яже въ немъ". Отъ того вы съ нимъ сливаетесь или нѣтъ въ единствѣ чувствъ и мыслей и его любите, и ему вѣрите, какъ человѣку, котораго вы знаете. Въ нашихъ же сказаніяхъ (кромѣ развѣ одного жизнеописанія св. Іуліаніи) почти совсѣмъ нѣтъ этого жизненнаго развитія, а только прямо сообщается одинъ чудесный случай бывшій надъ человѣкомъ, ни умъ, ни совѣсть, ни прошлое котораго вамъ вовсе неизвѣстны... Прямо совершается чудо, и въ этомъ чудѣ онъ участвуетъ, какъ спиритскій медіумъ, безъ всякихъ, повидимому, личныхъ заслугъ... Между тѣмъ ему сейчасъ же приглашаютъ вѣрить; чудосказаніе его констатируется, расписывается скитовыми скорописцами, скрѣпляется подписями схимниковъ и ихъ печатями и разсылается для свѣдѣнія церкви... Былъ какой-то хлыстъ Василій Корочинскій, и вдругъ передъ нимъ отверзлось небо, онъ видитъ св. Троицу, и вчера еще самъ безвѣстный, онъ нынѣ уже дѣлаетъ святую репутацію схимнику Хаджи-Георгію, который въ его видѣніи предстоялъ св. Троицѣ и благобесѣдовалъ съ нею... Отсюда Хаджи Георгію шагъ къ прославленію заживо, а хлысту—переломъ, за которымъ начинаются для него аскетическіе подвиги, а со временемъ опять придетъ кто-то иной и можетъ быть его самого увидитъ благобесѣдующимъ, и его прославитъ... и такъ „до скончанія вѣка"... Своеобычная манера такъ передавать житія и чудеса очень оригинальна, но она, по справедливому замѣчанію даровитаго автора „Исторіи русской церкви", Евгенія Голубинскаго, составляетъ несомнѣнный недостатокъ нашихъ церковныхъ сказаній о людяхъ, удостоившихся особыхъ знаменій съ неба. Не зная ихъ нрава и всего, что въ прошломъ могло дать опредѣленіе ихъ совѣстливости и характеру, иногда бываетъ трудно отнестись къ ихъ видѣніямъ съ тою довѣрчивостью, какой они, можетъ быть, и заслуживаютъ. И вотъ потому-то очень возможно, что въ нашихъ монастыряхъ, гдѣ мірскія дѣла издавна и до сего дня знаютъ часто лучше, чѣмъ въ самомъ мірѣ, — по отношенію къ чудесамъ и видѣніямъ преобладаетъ осторожность. Ее принимаютъ за холодность и осуждаютъ, но она нерѣдко можетъ принести религіи больше пользы, чѣмъ старческое легковѣріе. Она, по крайней мѣрѣ, уже не уронитъ вѣры ниже, чѣмъ она пала, благодаря „вождямъ слѣпымъ, отцѣживающимъ комаря и проглатывающимъ верблюда".

Въ моихъ чисто литературныхъ интересахъ, для собираемаго мною матеріала о русскихъ демономанахъ и духовидцахъ было бы пріятнымъ пріобрѣтеніемъ, если бы кто нибудь изъ знающихъ новаго чудовидца—Василія Корочинскаго—сообщилъ мнѣ, что можно, о характерѣ и жизни этого лица до тѣхъ поръ, пока онъ отплылъ изъ Россіи на Аѳонъ, и въ „Постномъ скитѣ" старца Хаджи Георгія увидалъ въ отверстомъ небѣ св. Троицу. Если бы даже такое извѣстіе могло быть

подано мнѣ кѣмъ либо изъ ефіоповъ, оно въ литературныхъ цѣляхъ не утратило бы своей цѣны и было бы интересно не менѣе свидѣтельства адвоката діавола, а такой адвокатъ, какъ извѣстно, западною церковью допускается даже при канонизаціи.

Николай Лѣсковъ.

С.-Петербургъ.
Сергіевская, № 56.



СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ [1].

Возрожденіе Пруссіи.

Въ ПРЕДШЕСТВОВАВШЕМЪ обзорѣ современной исторіографіи мы воспользовались сочиненіемъ Филипсона, чтобы охарактеризовать эпоху паденія Пруссіи, наступившую вслѣдъ за знаменитымъ царствованіемъ Фридриха Великаго. Эта эпоха обнимаетъ послѣднее десятилѣтіе прошлаго и первое десятилѣтіе нашего вѣка. Но въ эти самые мрачные годы въ исторіи Пруссіи подготовлялись учрежденія, развивались и дѣйствовали личности, которымъ Пруссія была обязана новымъ возрожденіемъ и небывалымъ подъемомъ своихъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ. Между великими дѣятелями этой эпохи первое мѣсто заслуживаютъ Штейнъ, Шарнгорстъ и Гнейзенау. Мы остановимся на послѣднемъ, заслуги котораго недостаточно извѣстны, и воспользуемся его біографіей, чтобы изобразить Пруссію въ эпоху ея торжества и послѣдовавшей затѣмъ реакціи. Біографія фельдмаршала Гнейзенау была предпринята тѣмъ же извѣстнымъ историкомъ и издателемъ Пертцемъ, которымъ составлено первое, обширное и документальное жизнеописаніе Штейна. Но Пертцу, при его громадномъ трудѣ по изданію „Памятниковъ германской исторіи“, не удалось окончить біографію Гнейзенау—въ 1869 г. вышелъ ея третій томъ, но затѣмъ безпрерывное болѣзненное состояніе автора вызвало продолжительный перерывъ въ его работѣ, пока, наконецъ, уже послѣ его смерти, Г. Дельбрюкъ не принялъ на себя обязанности окончить его сочиненіе. Первоначальное намѣреніе ограничиться еще однимъ только томомъ

[1]) См. „Историческій Вѣстникъ“, томъ VII, стр. 458—469.

оказалось неисполнимымъ; богатый и интересный матеріалъ потребовалъ V-го тома, который и вышелъ вскорѣ вслѣдъ за IV въ томъ же 1880 году.

Четвертый томъ изображаетъ дѣятельность Гнейзенау втеченіе походовъ 1814 и 1815 годовъ. Какъ это теперь всѣми признано, Гнейзенау былъ первымъ стратегическимъ талантомъ союзниковъ, душой всѣхъ рѣшительныхъ военныхъ предпріятій во время обоихъ походовъ. Поэтому его біографія за это время естественно должна была превратиться въ исторію этой эпохи вообще, и потому именно нельзя не привѣтствовать ее съ большой радостью, какъ дополненіе соотвѣтствующей исторической литературы. Хотя главные моменты обоихъ этихъ на вѣки достопамятныхъ походовъ и установлены съ историческою достовѣрностью, но все-таки и здѣсь для спеціальнаго изслѣдованія остается еще много работы. Заслуга Дельбрюка заключается въ томъ, что онъ болѣе точно изслѣдовалъ и—насколько это было возможно—установилъ цѣлый рядъ довольно важныхъ пунктовъ на основаніи цѣлой массы большею частью еще не изданныхъ писемъ и документовъ изъ фамильныхъ бумагъ Гнейзенау и т. п. источниковъ, причемъ онъ добросовѣстно принялъ во вниманіе подходящія изслѣдованія, въ особенности сочиненія новѣйшаго времени. Чуть ли не по всѣмъ частнымъ вопросамъ приходится согласиться съ ясными и трезвыми изъясненіями автора, всегда опирающимися на подлинные документы.

Авторъ разбиваетъ все содержаніе IV-го тома на три отдѣла (7 книга—походъ 1814 года, 8 книга—переговоры о мирѣ въ 1814 и 1815 годахъ, 9 книга—походъ 1815 года). Въ концѣ каждой книги Дельбрюкъ приводитъ въ хронологическомъ порядкѣ переписку, касающуюся разобранныхъ въ ней событій и отношеній. Въ этомъ онъ отступаетъ отъ своего предшественника. Пертцъ только въ концѣ каждаго тома прикладывалъ ограниченное число документальныхъ доказательствъ, а многіе письма и акты вводилъ прямо въ изложеніе, вслѣдствіе чего послѣднее лишено той сжатости и наглядности, которыя составляютъ преимущество метода, усвоеннаго Дельбрюкомъ. Переписка, обнародованная Дельбрюкомъ, указываетъ на тѣсную связь Гнейзенау съ лучшими людьми его отечества; чаще всего въ качествѣ адресатовъ являются Блюхеръ, Штейнъ, Гарденбергъ, Бойенъ, Клаузевитцъ, Грунеръ, Мюффлингъ. Приблизительно 120 нумерамъ этихъ писемъ соотвѣтствуютъ около ста писемъ, адресованныхъ къ Гнейзенау, въ которыхъ, кромѣ названныхъ уже корреспондентовъ, особенно часто встрѣчается имя Нибура. Приложеніе къ тóму составляютъ различныя спеціальныя изслѣдованія и документы; среди первыхъ особенною тщательностью отличается изслѣдованіе вопроса, чтò именно рѣшило битву при Бель-Альянсѣ.

Седьмая книга изображаетъ походъ 1814 года отъ перехода черезъ Рейнъ до вступленія въ столицу непріятеля и заключенія такъ

называемаго перваго Парижскаго мира. На ряду съ изображеніемъ военныхъ событій авторъ считаетъ особенно важнымъ изложить планы Гнейзенау, состоявшаго начальникомъ штаба при Блюхерѣ, и его вліяніе на весь ходъ войны. Дельбрюкъ рисуетъ нерѣшительное и методичное веденіе войны австрійцами, вѣроломную ненадежность кронъ-принца шведскаго (Бернадота), осторожную, миролюбивую политику дипломатовъ, и въ противоположность ко всему этому указываетъ на главную квартиру Силезской арміи, какъ на колыбель всѣхъ энергическихъ и двигательныхъ мѣръ. Здѣсь постоянно проповѣдывалось рѣшительное „впередъ!", здѣсь гнушались переговорами о мирѣ, и здѣсь же зародился и защищался планъ похода на Парижъ и низложенія Наполеона. Та же Силезская армія приняла на себя съ самаго начала и предводительство. Удары, нанесенные ей—не безъ ея вины—на Марнѣ, не могли сломить ее. Вскорѣ она вновь была готова стать лицомъ къ лицу съ непріятелемъ и успокоилась только тогда, когда Парижъ былъ уже въ ея рукахъ. Но съ этого момента на первый планъ выступаетъ тотчасъ же дипломатія. Вслѣдствіе продолжительной болѣзни, Блюхеръ сложилъ съ себя командованіе войсками. Вмѣстѣ съ нимъ оставилъ свой постъ Гнейзенау и на первое время былъ причисленъ къ свитѣ короля. По его собственнымъ словамъ, онъ не испытывалъ тамъ особеннаго счастья: зачастую встрѣчая враждебность и клевету, онъ въ то же время былъ недоволенъ той снисходительностью, съ которой обошлись съ Франціей по первому Парижскому миру. Къ тому же онъ рано созналъ, что, какъ онъ самъ выражается, нѣмецкія дѣла ни въ какомъ случаѣ не дождутся того устройства, которое могло бы удовлетворить ожиданія разумной части народа. При такихъ обстоятельствахъ онъ отказался отъ предложеннаго ему военнаго министерства и, возведенный королемъ въ графское достоинство, оставилъ Францію. Послѣ продолжительнаго пребыванія на водахъ, онъ отправился къ своей семьѣ въ Силезію въ то время, когда государственные люди Европы собрались въ Вѣну на конгрессъ.

Установленіе новой системы европейскихъ государствъ на Вѣнскомъ конгрессѣ составляетъ содержаніе слѣдующей восьмой книги. Авторъ намѣчаетъ только главныя черты, обозначаетъ задачу конгресса и упоминаетъ о кризисѣ, вызванномъ вопросомъ о вознагражденіи Пруссіи. Замѣчательно, что Гнейзенау, когда онъ еще пребывалъ въ кругу своей семьи, яснѣе, чѣмъ Гарденбергъ въ Вѣнѣ, понялъ недружелюбное расположеніе австрійскаго государственнаго канцлера Меттерниха по отношенію къ Пруссіи. Когда затѣмъ ближе надвинулась возможность войны между обѣими великими державами Германіи, Гнейзенау тотчасъ же появился въ Берлинѣ, чтобы въ случаѣ надобности принять участіе въ военномъ совѣтѣ. Мысль помочь Наполеону возвратиться съ Эльбы, брошенная имъ въ тѣхъ видахъ, чтобы сдѣлать Францію безвредной, характеризуетъ его отважность: онъ на-

дѣялся этимъ шагомъ впутать Францію въ продолжительную гражданскую войну. Всѣмъ извѣстно, насколько этотъ разсчетъ былъ невѣренъ. Во всякомъ случаѣ возвращеніе Наполеона имѣло ту хорошую сторону, что оно предупредило—правда, уже послѣ того, какъ окончился упомянутый кризисъ,—дальнѣйшія разногласія между державами; вмѣстѣ съ тѣмъ оно дало случай Гнейзенау еще разъ выступить въ походъ противъ врага его отечества. Въ новомъ походѣ онъ принялъ участіе опять въ качествѣ шефа генеральнаго штаба Блюхера.

Девятая книга (походъ 1815 года) начинается интереснымъ разъясненіемъ довѣреннаго положенія Гнейзенау рядомъ съ Блюхеромъ и его личныхъ отношеній къ этому послѣднему. Уже при началѣ похода 1813 года Гнейзенау охотнѣе всего принялъ бы на себя самостоятельную команду надъ отдѣльнымъ корпусомъ. Различныя обстоятельства сдѣлали впослѣдствіи его положеніе въ качествѣ шефа генеральнаго штаба довольно тяжелымъ. Считая себя по праву и справедливости главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, онъ постоянно долженъ былъ оставаться позади кулисъ, въ то время, какъ предводители отдѣльныхъ корпусовъ имѣли случай снискать себѣ громкую славу. Если уже для одного этого требовалось большое самоотреченіе, то понятно, что дерзкое упорство такого корпуснаго генерала, какъ Іоркъ, или самолюбивое домогательство такого человѣка, какъ Мюффлингъ, мало-по-малу могли совершенно отбить охоту къ этому дѣлу. Собственно для дѣятельности главы генеральнаго штаба Гнейзенау не считалъ себя вполнѣ способнымъ; предоставляя ее Мюффлингу, онъ ограничивался только тѣмъ, что руководилъ движеніемъ войска. Если во время сраженія Блюхеръ и дѣйствовалъ зачастую самостоятельно, то все-таки, насколько извѣстно, онъ никогда не рѣшался на какой нибудь стратегическій шагъ, противъ котораго рѣшительно высказался Гнейзенау. Вслѣдствіе этого Гнейзенау въ своихъ письмахъ всегда считаетъ себя отвѣтственнымъ лицомъ и никогда не ссылается на какой нибудь приказъ Блюхера. Иногда говорятъ, что оба человѣка по своимъ способностямъ и своему характеру отлично дополняли другъ друга. Утверждая это, собственно говоря, оказываютъ несправедливость Гнейзенау, потому что нельзя сказать, чтобы ему недоставало какой нибудь способности, необходимой для полководца; осада Кольберга въ 1807 году показала, насколько онъ былъ способенъ лично воздѣйствовать на духъ войска. Личной интимной дружбы, какъ ее обыкновенно принимаютъ, не было вовсе между полководцемъ и его стратегомъ. Кто хотѣлъ частнымъ образомъ повліять на Блюхера по личнымъ дѣламъ, тотъ обращался не къ Гнейзенау, а къ одному изъ адъютантовъ вродѣ Ностица и Гольца; послѣднему Гнейзенау приписываетъ даже извѣстную наклонность къ интригамъ. Если Гнейзенау и ставилъ высоко престарѣлаго героя, то все-таки иногда онъ рѣзко отзывался о слабостяхъ его, какъ человѣка; онъ даже полагалъ, что имѣетъ основаніе жаловаться на неблагодарность

Блюхера по отношенію къ себѣ. Что касается до короля, то Гнейзенау рѣшительно не походилъ на него ни характеромъ, ни складомъ ума, а потому и былъ ему несимпатиченъ. Порицаніе со стороны короля послѣ неудачъ на. Марнѣ, гдѣ все-таки заслуживала величайшей похвалы та удивительная быстрота, съ которой вновь былъ возстановленъ боевой порядокъ войска,—глубоко оскорбило Гнейзенау. Послѣ перваго взятія Парижа его обошли и почетнымъ титуломъ, и орденами высшихъ степеней, которыми отличили предводителей корпусовъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, Гнейзенау очень неохотно занялъ свой прежній постъ при началѣ похода 1815 г.; письмо, въ которомъ онъ жаловался королю на трудность и неблагодарность этого поста, не сохранилось.

Центръ тяжести всего похода составляютъ, какъ извѣстно, битвы при Линьи и Бель-Альянсѣ. Разсказъ объ этихъ битвахъ принадлежитъ къ наиболѣе разработаннымъ частямъ сочиненія Дельбрюка. Очень подробно разъясняетъ авторъ развитіе битвы при Линьи. Онъ убѣдительно доказываетъ, что только невѣрное письменное сообщеніе Веллингтона о положеніи своего войска и данное имъ вскорѣ вслѣдъ затѣмъ устное обѣщаніе подкрѣпить правое крыло пруссаковъ и вмѣстѣ съ нимъ перейти въ наступленіе побудили Блюхера принять битву. Какъ кажется, Веллингтонъ, увлекшись желаніемъ задержать пруссаковъ въ видѣ собственнаго подкрѣпленія, далъ невѣрное, слишкомъ выгодно окрашенное сообщеніе о сосредоточеніи своего войска. Что касается до самой битвы, то для веденія упорной, сложной защиты Блюхеръ не былъ вполнѣ подходящимъ полководцемъ, а Гнейзенау выдается въ ней только въ незначительной степени. Вредно повліяло на диспозицію, вѣроятно, и то обстоятельство, что надежда на помощь союзнаго войска исчезла только постепенно. Къ тому же, вслѣдствіе извѣстнаго рода соревнованія съ вліятельнымъ шефомъ генеральнаго штаба, генералъ Бюловъ не поспѣшилъ исполнить тотчасъ же приказа главной квартиры и сдѣлался виновникомъ того, что его корпусъ не принялъ участія въ битвѣ при Линьи. Кромѣ того, оказалось, что французскіе солдаты превосходили своими качествами прусскихъ. Старый военный духъ прусской арміи еще не успѣлъ вполнѣ ассимилировать себѣ многочисленные новые элементы, вошедшіе въ нее подъ вліяніемъ обстоятельствъ времени и нужды. Но если Гнейзенау втеченіе битвы и не вполнѣ стоялъ на высотѣ своей задачи, то мгновеніе, когда отступленіе сдѣлалось неизбѣжнымъ, рисуетъ его въ героическомъ свѣтѣ. Такъ какъ главнокомандующій былъ поглощенъ бурной битвой, то на шефѣ главнаго штаба лежала теперь самая тяжелая отвѣтственность: отъ его рѣшенія зависѣла судьба всей войны. Съ трудомъ спасеннаго изъ послѣдней роковой аттаки кавалеріи, Гнейзенау осаждаютъ требованіями приказовъ относительно отступленія. Послѣ краткаго молчанія онъ опредѣляетъ для него направленіе къ Вавру и этимъ

смѣлымъ рѣшеніемъ, которое жертвовало обезпеченнымъ путемъ къ отступленію въ прирейнскія области, дѣлаетъ возможной побѣду при Ватерло. Всѣ писанные приказы Наполеона, равно какъ и всѣ его мѣры, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что онъ и не думалъ о возможности такого рѣшенія, пока собственными глазами не увидалъ пруссаковъ подъ Ватерло. Характеристика способа веденія войны Веллингтономъ основывается у Дельбрюка на глубокомъ изученіи относящихся сюда подготовительныхъ работъ. Въ глазахъ Дельбрюка Веллингтонъ является консервативнымъ представителемъ старой стратегіи, придававшей главное значеніе маневру, тогда какъ пруссаки перешли къ новому, установленному Наполеономъ энергичному веденію войны, которое на мѣсто маневровъ ставитъ битву и собираетъ всегда всѣ свои силы для уничтожающихъ непріятеля ударовъ. Всего болѣе Веллингтонъ былъ способенъ къ оборонительной битвѣ. Свое намѣреніе—во что бы то ни стало, защищать выбранную имъ позицію, пока не подойдетъ подкрѣпленіе пруссаковъ, или пока ночь не положитъ конца битвѣ,—онъ сжато и мѣтко выразилъ въ приказѣ: „нашъ планъ теперь очень простъ: пруссаки—или ночь". Несмотря на это, если бы подоспѣвшіе пруссаки не помѣшали Наполеону пустить въ дѣло во время послѣднихъ приступовъ на англійскую позицію незначительное количество войска, требовавшееся для полнаго успѣха, Веллингтонъ врядъ ли бы избѣгнулъ рѣшительнаго пораженія. Это уже всѣми признано, но еще разъ съ полной очевидностью доказывается у Дельбрюка. Впрочемъ, роль пруссаковъ не ограничивается только тѣмъ, что они рѣшили побѣду. Богатое урономъ взятіе деревни Плансенуа и преслѣдованіе, которое, собравши послѣднія силы, лично велъ самъ Гнейзенау, превратили эту побѣду въ полное уничтоженіе непріятеля. При Ватерло Гнейзенау обнаружилъ въ самомъ блестящемъ свѣтѣ способности полководца. Здѣсь на его долю выпало то личное вліяніе на массы, отъ котораго онъ обыкновенно былъ принужденъ отказываться съ большимъ самоотреченіемъ.

Такимъ образомъ, Дельбрюкъ подтверждаетъ невѣрность господствующаго у англичанъ представленія, которое основывается на оффиціальной реляціи Веллингтона о битвѣ при Ватерло. Представленіе это заключается въ томъ, будто отраженіе послѣдняго приступа и движеніе впередъ всей линіи уже рѣшили битву въ то время, когда еще не успѣлъ опредѣлиться исходъ битвы пруссаковъ съ правымъ крыломъ французовъ. Но, опровергая этотъ взглядъ, Дельбрюкъ въ то же время отдаетъ справедливость союзникамъ и возстаетъ въ V приложеніи противъ другаго крайняго мнѣнія, выставленнаго уже съ прусской стороны. Приверженцы этого мнѣнія утверждаютъ, будто упомянутое движеніе впередъ было только хитрой демонстраціей, предпринятой для того, чтобы впослѣдствіи, на основаніи этого движенія, можно было приписать себѣ всю славу по-

бѣды. По этому поводу авторъ указываетъ на довольно кровопролитное сраженіе, которое медленно отступавшая французская армія все еще была въ состояніи дать наступавшей линіи союзнаго войска.

Послѣ побѣды при Ватерло, Гнейзенау, несмотря на возраженія отдѣльныхъ генераловъ, напримѣръ, Бюлова, настоялъ на рѣшеніи прямо идти на Парижъ. Веллингтонъ согласился для того, чтобы въ политическомъ отношеніи, т. е. въ вопросѣ о новомъ устройствѣ Франціи, удержать за собой господствующее положеніе. Гнейзенау совершенно серьезно требовалъ при этомъ разстрѣлянія Наполеона, въ случаѣ, если онъ попадетъ въ руки союзниковъ. При возбужденномъ состояніи прусскихъ генераловъ, которое обнаруживается въ этой вспышкѣ Гнейзенау, вопросъ о томъ, какъ поступить съ Парижемъ, повелъ къ разногласіямъ между прусской и англійской главной квартирой. Противъ желанія Веллингтона, Блюхеръ и Гнейзенау настояли при заключеніи капитуляціи на вступленіи войскъ въ столицу. Въ то же время, несмотря на возраженія Веллингтона, они наложили на городъ номинально довольно значительную контрибуцію. Приказъ Блюхера взорвать Іенскій мостъ, отданный по наущенію Гнейзенау, повелъ къ продолжительному охлажденію личныхъ сношеній между шефомъ прусскаго главнаго штаба и Веллингтономъ.

Для переговоровъ о мирѣ Гнейзенау былъ назначенъ прусскимъ уполномоченнымъ вмѣстѣ съ Гарденбергомъ, Вильгельмомъ ф. Гумбольдомъ и Кнезебекомъ. За одно съ названными уполномоченными онъ потребовалъ уступки Эльзаса, Лотарингіи и крѣпостей на сѣверной границѣ Франціи. Онъ настойчиво защищалъ эти требованія въ докладной запискѣ, переданной императору Александру, и опровергнулъ въ подробномъ мемуарѣ возраженія лорда Кестльри. Чтобы только добиться Эльзаса и Лотарингіи, энергическій генералъ готовъ былъ даже думать о возобновленіи войны съ Франціей. Рѣшительное сопротивленіе Россіи и Англіи заставило пруссаковъ отказаться отъ защиты этихъ требованій.

Пятый и послѣдній томъ біографіи Гнейзенау представляетъ богатый источникъ для историка, который предпринялъ бы изобразить внутреннюю исторію Пруссіи втеченіе первыхъ трехъ пятилѣтій послѣ втораго Парижскаго мира. Правда, Гнейзенау не находится болѣе въ такомъ непосредственномъ сношеніи съ лицами, управляющими государствомъ, какъ это было во время войны; онъ не пользуется болѣе рѣшающимъ вліяніемъ на ходъ событій, какъ въ то время; когда онъ былъ шефомъ генеральнаго штаба Блюхера. Но его положеніе все-таки даетъ ему возможность слѣдить за развитіемъ государственной жизни въ ея сокровенныхъ чертахъ; онъ все еще находится въ дружественныхъ сношеніяхъ со многими выдающимися людьми. Вслѣдствіе этого его переписка отъ 1815 до 1831 годовъ представляетъ собой весьма обильный источникъ для исторіи этой эпохи.

Внутренняя исторія Германіи въ первой половинѣ настоящаго столѣтія представляетъ собой, какъ извѣстно, ожесточенную борьбу реакціи съ новыми идеями, охватившими страну послѣ революціи 1789 г. и войнъ съ Наполеономъ. Гнейзенау принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые, призванные руководить великой борьбой на жизнь и на смерть Европы съ корсиканскимъ узурпаторомъ, сохранили свободный взглядъ на потребности времени. Даже и послѣ того, какъ Наполеонъ былъ уже низвергнутъ, они не думали видѣть въ глубокихъ переворотахъ, которымъ подвергнулась Европа втеченіе послѣднихъ десятилѣтій, обыкновенный эпизодъ, прервавшій, правда, правильный ходъ событій, но неспособный дать ему новое направленіе. Поэтому, какъ это и можно было ожидать, Гнейзенау, равно какъ и Штейнъ, Вильгельмъ фонъ-Гумбольдъ, Шёнъ и другіе дѣятели, оказавшіе великія заслуги спасенію Пруссіи и Германіи, подверглись подозрѣнію въ якобинствѣ, вслѣдствіе чего должны были терпѣть оскорбленія и униженія. Уже во время похода 1815 года защитники стараго абсолютизма пытались очернить Гнейзенау передъ королемъ, какъ главу партіи разрушителей, которая осмѣливалась требовать народнаго представительства и всеобщей равноправности. На него указывали, какъ на вождя недовольныхъ въ войскѣ, говорили даже о „генералѣ демагоговъ" и о возможности, что войско выскажется за республику и противъ власти короля. Въ интересахъ службы и войны Гнейзенау очень мало обращалъ вниманія на личности и умѣлъ непреклонно настоять на своемъ; вслѣдствіе этого онъ даже среди своихъ знакомыхъ навлекъ на себя подозрѣніе, что при перемѣнѣ обстоятельствъ изъ него могъ бы выйти прусскій „Бонапартъ". Когда генералъ, возвратившись изъ Парижа, принялъ на себя званіе главнокомандующаго въ Рейнской провинціи и, поселившись въ Кобленцѣ, завязалъ общественныя сношенія съ нѣкоторыми жившими тамъ выдающимися людьми, между прочимъ съ ученымъ и публицистомъ Гёрресомъ,—въ Берлинѣ, не стѣсняясь, говорили уже о „лагерѣ Валленштейна въ Кобленцѣ". Правда, Гнейзенау обладалъ нѣкоторыми качествами такихъ людей, какъ Наполеонъ, Валленштейнъ или Кромвелль, но ему совершенно недоставало тѣхъ моральныхъ пружинъ, которыя шагъ за шагомъ возвысили ихъ. Неудержимое стремленіе къ власти, бурное личное честолюбіе, неразборчивость въ политическихъ средствахъ,—этихъ качествъ, безъ которыхъ немыслимъ узурпаторъ, мы напрасно будемъ искать у Гнейзенау. Въ немъ мы находимъ, по мѣткому выраженію Дельбрюка, „зрѣлище одной силы великаго человѣка безъ ея эгоизма".

Если Гнейзенау послѣ Лейпцигской битвы, послѣ штурма Монмартра, послѣ побѣды при Бель-Альянсѣ уже тянуло въ сельское уединеніе, то тѣмъ болѣе теперь, послѣ столькихъ оскорбленій и несправедливыхъ подозрѣній, должна была занимать его мысль оставить службу. Первоначально ему отказали въ просьбѣ объ отставкѣ. Ко-

роль, высоко ставившій военныя заслуги Гнейзенау, предложилъ ему отпускъ для возстановленія своего здоровья, по окончаніи котораго онъ долженъ былъ вернуться къ своему посту. Генералъ готовъ былъ принять это предложеніе; но между тѣмъ интрига не дремала, явились недоразумѣнія, и Гнейзенау осталось только покинуть постъ главнокомандующаго на Рейнѣ. Значительную роль играли при этомъ его финансовыя обстоятельства. „Мое командованіе на Рейнѣ", пишетъ онъ своему другу Гибсону: „сдѣлало бы меня притомъ банкротомъ". Война поглотила состояніе его жены, а для того, чтобы достойнымъ образомъ удовлетворять требованіямъ своего положенія, ему не хватало собственныхъ доходовъ; пришлось войти въ долги. Изъ Кобленца Гнейзенау поѣхалъ въ Карльсбадъ и Теплицъ на воды. Карльсбадскій источникъ благотворно подѣйствовалъ на него. Его мрачное расположеніе духа разсѣялось; онъ снова строилъ планы путешествій, думалъ объ Италіи, Греціи, Англіи. Въ Карльсбадѣ онъ носился также съ мыслью написать свои воспоминанія—намѣреніе, которое, къ сожалѣнію, не дождалось исполненія. Въ то же время въ Карльсбадѣ пребывали король и Гарденбергъ. Съ послѣднимъ Гнейзенау стоялъ на дружеской ногѣ и вслѣдствіе этого познакомился съ дѣятельностью обскурантовъ, стремившихся прежде всего свергнуть либеральнаго государственнаго канцлера. Вскорѣ эти люди увидали безнадежность своего предпріятія; тогда они попытались забрать въ свои руки вліятельнаго, но слабохарактернаго государственнаго человѣка, чего и достигли безъ особеннаго труда. Около этого времени Гёрресъ сдѣлался въ Кобленцѣ жертвой преслѣдованій со стороны реакціонеровъ. Гнейзенау увѣдомилъ его изъ Карльсбада, что король благосклонно принялъ его письмо, приказалъ представить ему докладъ по этому дѣлу и объявилъ, что для Гёрреса нужно что нибудь сдѣлать; онъ не долженъ переходить на чужую службу. Гнейзенау надѣялся даже, что Гёрресу будетъ позволено продолжать своего „Меркурія". Это участіе генерала къ угнетенному писателю было дурно истолковано, и его самого чуть было не привлекли по этому поводу къ отвѣту, когда началась травля демагоговъ. Если слѣдственная комиссія не осмѣлилась взяться прямо за самого Гнейзенау, то этимъ онъ обязанъ своей ненарушимой славѣ полководца и боязни, которую внушала его личность. Но втайнѣ искатели демагоговъ подозрѣвали въ немъ архидемагога. Его письма распечатывались и, гдѣ только производился домашній обыскъ, прежде всего искали, не попадется-ли переписка съ Гнейзенау. Распространяли слухи, будто Гнейзенау очень смущёнъ запрещеніемъ, наложеннымъ на его письма, тогда какъ на дѣлѣ было совершенно противоположное. Ему пріятно, пишетъ онъ принцессѣ Луизѣ, княгинѣ Радзивиллъ, когда изслѣдываютъ его бумаги: изъ нихъ познакомятся съ его спокойнымъ образомъ мыслей и убѣдятся, быть можетъ, наконецъ, что его несправедливо держали въ подозрѣніи относительно безпокойныхъ происковъ.

И при дворѣ Гнейзенау встрѣчалъ подозрительные взгляды со стороны короля и принцевъ. Фридрихъ Вильгельмъ III питалъ къ генералу, какъ и ко всѣмъ людямъ съ выдающимся умственнымъ вліяніемъ, какое-то неопредѣленное недовѣріе. Недовѣріе это росло подъ вліяніемъ военныхъ и политическихъ дѣятелей, окружавшихъ монарха, которые были дурно настроены по отношенію къ Гнейзенау. Только гораздо позднѣе, когда Гнейзенау былъ уже членомъ государственнаго совѣта и губернаторомъ Берлина, король ближе познакомился съ нимъ и убѣдился въ неосновательности своихъ подозрѣній. Однажды, во время празднества въ Берлинѣ, онъ отвелъ генерала въ оконную нишу, пожалъ ему руку и сказалъ: „Я очень радъ, что познакомился съ вами ближе и ближе узналъ васъ; мнѣ васъ раньше злобно оклеветали". Подъ 20-мъ декабря 1819 года мы читаемъ въ извѣстномъ дневникѣ Фарнгагена слѣдующій отзывъ принца Карла, третьяго сына короля: „четверо занимаются здѣсь главнымъ образомъ происками: это Гнейзенау, Грольманнъ, Шлейермахеръ, и Савиньи; изъ нихъ Гнейзенау будетъ привлеченъ къ слѣдствію". Фарнгагенъ слышалъ даже, будто Гнейзенау дѣйствительно былъ допрошенъ, и 2-го января 1820 года онъ, губернаторъ Берлина, былъ отданъ подъ надзоръ полиціи. Въ дѣйствительности ничего подобнаго не послѣдовало.

Переписка Гнейзенау за это время съ Клаузевитцемъ, Гарденбергомъ, княгиней Радзивиллъ и друг. теперь стала извѣстной. Его взгляды на политическое положеніе Пруссіи и Германіи и на необходимыя реформы изложены въ этихъ письмахъ. Въ нихъ нѣтъ ни одной строчки, которая хоть сколько нибудь могла бы оправдать распространившеєся противъ него подозрѣніе. Правда, онъ не является здѣсь реакціонеромъ, схватывающимъ снова нить исторіи въ 1789 г., тамъ, гдѣ ее оборвала французская революція; но онъ въ то же время и не якобинецъ, стремящійся къ республикѣ, и даже не конституціоналистъ на англійскійскій манеръ. Онъ просто человѣкъ съ свободнымъ образомъ мыслей, не болѣе и не менѣе. Онъ чувствуетъ потребность въ письмахъ къ своимъ единомышленникамъ свободно бичевать недостатки администраціи и напоминать, что въ началѣ войнъ за освобожденіе народу была обѣщена конституція. По этому поводу онъ пишетъ Ейхгорну: „Сколько бы мы ни вертѣлись и ни уклонялись, все же придется, наконецъ, остановиться на какомъ нибудь твердомъ рѣшеніи; нужно или уступить, или отказать, но для того, какъ и для другаго, нужна сила. Теперешнее же наше поведеніе лишило насъ симпатій Германіи". Въ томъ же письмѣ онъ замѣчаетъ: „Здѣсь все болѣе и болѣе толкуютъ объ испорченности нашей администраціи; говорятъ о взяткахъ и мошенничествѣ; называютъ имена и цифры... Вотъ эта-то ненавистная публикѣ администрація заставляетъ меня относиться съ опасеніемъ къ дальнѣйшему слѣдованію по пути конституціи; ибо такая администрація не вынесла бы бли-

зости національнаго представительства и слѣдствіемъ этого могли бы быть смуты". Свой политическій символъ вѣры Гнейзенау изложилъ въ письмѣ отъ 20-го ноября 1819 года къ княгинѣ Радзивиллъ, двоюродной сестрѣ короля; онъ очевидно разсчитывалъ, что, если не все письмо, то по крайней мѣрѣ выдержки изъ него будутъ переданы высокопоставленнымъ лицамъ. Письмо это—самый важный документъ для обсужденія политическаго характера Гнейзенау; поэтому мы приведемъ изъ него наиболѣе существенные отрывки. „Чтобы вѣрно судить о моихъ политическихъ убѣжденіяхъ, достаточно вспомнить совѣты, которые я далъ относительно Франціи въ 1814 и 1815 годахъ; я всегда утверждалъ, что только въ соблюденіи принциповъ законности и поддержкѣ дома Бурбоновъ, равно какъ и въ подавленіи революціонныхъ принциповъ и дѣятелей заключается спасеніе Европы".— „Правда, мнѣ всегда казалось, что различныя провинціи прусскаго государства можно сдерживать только конституціонной связью, и я изложилъ это королю въ докладной запискѣ еще въ 1808 году". — „Но мои существенные взгляды по этому вопросу слѣдующіе: конституція должна непремѣнно исходить отъ короля въ видѣ милости; никакой росписи королевскимъ доходамъ не должно существовать: король удерживаетъ за собой государственныя имущества въ частную собственность и вноситъ на нужды государства, сколько ему заблагоразсудится. Государственные чины можно выбирать только изъ чиновъ провинціальныхъ и притомъ изъ различныхъ сословій общества, а не изъ всей массы народа; въ послѣднемъ случаѣ въ собраніе попали бы главнымъ образомъ непрактичные ученые, безнокойные адвокаты и т. п. Затѣмъ, при всей свободѣ обсужденія, король и министры должны удержать за собой настолько власти, чтобы, при опасномъ положеніи государства среди великихъ державъ, сохранять и развивать далѣе его достойное положеніе во внѣшнихъ сношеніяхъ, ибо мы, пруссаки, погибли бы, вѣроятно, при такой демократической, бурной и опасной конституціи, какъ англійская".—„Благодаря тому, что произошло въ чужихъ странахъ, благодаря тому, что союзные монархи ревностно укрѣпили во Франціи революціонные интересы, совершенно пренебрегши интерасами роялистовъ, благодаря тому, что съ тѣхъ поръ и безъ того уже ультра-либеральная французская конституція дѣлалась еще демократичнѣе (послѣ законовъ о выборахъ и наборѣ), надежды нѣмецкихъ якобинцевъ возрастали все болѣе и болѣе, и поэтому, разумѣется, нельзя удивляться, что ихъ требованія со дня на день дѣлались неумѣреннѣе, ихъ языкъ—наглѣе, ихъ намѣренія — отважнѣе. Насколько это обнаружено слѣдствіемъ, рѣчь уже шла дѣйствительно о единой нераздѣльной нѣмецкой республикѣ, о томъ, что всякія средства, ведущія къ этой цѣли, даже самыя кровавыя, позволительны; помышляли уже объ убіеніи нѣмецкихъ государей. Каждому безпристрастному человѣку должно было броситься въ глаза, что многіе, вообще,

достойные люди оправдывали убійство Коцебу" [1]). „Впрочемъ, въ эти преступныя правила—для успокоенія вашего королевскаго высочества я долженъ сказать это—посвящены немногіе; остальная толпа не знаетъ тайны и слѣдуетъ имъ, сама того не сознавая. Масса народа не испорчена. Агитація сказывается только среди учителей гимнастики, среди ограниченнаго числа студентовъ, между нѣкоторыми профессорами, чиновниками и т. п., и только немногіе изъ нихъ посвящены въ кровавыя намѣренія вожаковъ. Мѣры, принятыя заодно съ нѣмецкими державами, будутъ, вѣроятно, въ состояніи положить конецъ безчинству, если строгость къ вожакамъ соединится съ снисходительностью къ заблудшимся, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, быть можетъ, все уже будетъ снова спокойно". Что Гнейзенау не былъ „либераломъ" въ обычномъ значеніи этого слова, видно уже изъ его отзывовъ относительно общественнаго мнѣнія. Клаузевитцъ сообщаетъ ему, что революція на островѣ Гаити составляетъ предметъ городскихъ толковъ въ Берлинѣ и что „Фоссова Газета" разсказала это извѣстіе „съ внутреннимъ удовольствіемъ и радостью". На это Гнейзенау отвѣчаетъ, что полиція безнаказанно распечатываетъ переписку ученыхъ „въ то время, какъ берлинскимъ газетамъ дозволяютъ три раза въ недѣлю отравлять общественное мнѣніе".

Несмотря на умѣренный образъ мыслей, въ глазахъ такого человѣка, какъ князь Меттернихъ, Гнейзенау, разумѣется, былъ передовымъ бойцомъ „революціоннаго духа". Дѣло въ томъ, что еще со времени послѣднихъ походовъ у генерала было много враговъ въ арміи. Находились даже люди, которые говорили о немъ, какъ о „чужестранцѣ", такъ какъ семья его происходила изъ Австріи. Вотъ эти-то завистники и подвергали, главнымъ образомъ, сомнѣнію благонамѣренность Гнейзенау. Изъ этихъ источниковъ черпали въ Вѣнѣ и Петербургѣ, и все, что тамъ удавалось узнать такимъ образомъ, при случаѣ передавалось Фридриху Вильгельму III. Въ письмѣ къ той же княгинѣ Радзивиллъ Гнейзенау различаетъ четыре партіи въ государствѣ: крайніе либералы, къ которымъ слѣдуетъ причислить якобинцевъ и революціонеровъ; ярые преслѣдователи, къ которымъ присоединяются боязливые. „Наиболѣе многочисленную партію составляютъ вѣрные приверженцы короны, которые склоняются къ конституціонному устройству государства. Наконецъ, четвертая—но эта партія слишкомъ слаба, ибо она состоитъ только изъ генерала Клаузевитца и меня". Оба они того мнѣнія, что всѣ три партіи во многомъ болѣе или менѣе ошибаются. Этимъ независимымъ положеніемъ среди различныхъ партій Гнейзенау и объясняетъ самъ недовѣріе къ нему со стороны всѣхъ партій; обскуранты и феодалы порицаютъ его,

---

[1]) Извѣстный въ свое время писатель Коцебу, состоявшій долго на русской службѣ и возвратившійся потомъ въ Германію, считался нѣмецкими демагогами за русскаго шпіона и вреднаго проводника политики Священнаго союза. Вслѣдствіе этого онъ былъ убитъ студентомъ Зандомъ.

какъ якобинца, а либералы зовутъ „рабомъ деспота". „Мой характеръ",—пишетъ Гнейзенау Гибсону въ 1824 году,—„отличается свойствомъ, которое люди рѣдко прощаютъ, а именно—я представляю собой человѣка, который не легко рѣшается пристать къ какой нибудь партіи, такъ какъ черезъ это утрачиваешь свою независимость и возможность дѣйствовать самостоятельно; этого мнѣ не простятъ ни придворные, ни революціонеры. Такова судьба людей въ эпохи политическаго броженія".

Иф...лъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. С. Пушкинъ. Новонайденныя его сочиненія. Его черновыя письма. Письма къ нему разныхъ лицъ. Замѣтки на его сочиненія. Вып. I (со снимкомъ). Москва. 1881.

ВЪ ЗАПАДНОЙ Европѣ насчитывается немало періодическихъ изданій спеціально посвященнныхъ разработкѣ матеріаловъ, касающихся жизни и сочиненій великихъ писателей. Отъ такихъ изданій не ускользаетъ ни одна строчка, бросающая новый свѣтъ на какую нибудь сторону жизни или произведеній Шекспира, Гете, Шиллера, Данта. Невольно вспоминаешь о подобныхъ изданіяхъ при взглядѣ на книжку, изданную г. Бартеневымъ. На ней стоитъ помѣта: „выпускъ первый", и это позволяетъ надѣяться, что г. Бартеневъ намѣренъ продолжать изданіе отдѣльными выпусками матеріаловъ для біографіи и критики Пушкина. Дѣйствительно, нашъ великій поэтъ заслуживаетъ того, чтобы все до него относящееся не расплывалось по различнымъ журналамъ, а сосредоточивалось бы въ одномъ изданіи.

Пока мы благодарны г. Бартеневу за его книжку съ нѣсколько громкимъ заглавіемъ—„А. С. Пушкинъ", которое, впрочемъ, достаточно точно, если согласиться съ словами предисловія: „образъ Пушкина выступаетъ здѣсь въ подлинныхъ чертахъ своихъ". Это „здѣсь" звучитъ нѣсколько ядовито, по отношенію къ прежнимъ историко-литературнымъ трудамъ, касающимся Пушкина. Въ самомъ дѣлѣ, для освѣщенія Пушкина, какъ поэта и человѣка, безконечно важно опубликованіе такихъ вещей, какъ неизданная глава „Капитанской дочки", неиспорченный ничьей рукой „Памятникъ", возстановленіе многихъ стиховъ „Мѣднаго всадника" и, такъ сказать, рукописное развитіе образовъ въ въ этой поэмѣ, а также „Онѣгинъ" въ самомъ процессѣ его созданія. Но далеко не такъ важны для уясненія образа Пушкина помѣщенныя въ разбираемой нами книжкѣ критическія замѣтки Г. С. Чирикова, касающіяся послѣдняго изданія сочиненій поэта. Г. Чириковъ довольно заурядный библіографъ.

Недалѣе какъ въ прошломъ году, онъ помѣстилъ въ харьковской газетѣ „Южный Край“ „неизданное стихотвореніе Некрасова“, оказавшееся потомъ принадлежащимъ перу г. Розенгейма. Такой непростительный для библіографа промахъ поневолѣ заставляетъ отнестись недовѣрчиво къ нѣкоторымъ варьянтамъ, сообщаемымъ г. Чириковымъ на основаніи его собственныхъ „записей“. Нельзя, однако, не отдать г. Чирикову должной справедливости за то, что нѣкоторыя его замѣчанія, основанныя на печатныхъ источникахъ, заслуживаютъ полнаго вниманія.

Что касается напечатанныхъ въ той же книжкѣ г. Бартенева писемъ къ Пушкину разныхъ лицъ, то намъ кажется, что ихъ слѣдовало бы обставить большимъ количествомъ пояснительныхъ примѣчаній. Если обратить вниманіе на то, что къ каждому документу, писанному на французскомъ языкѣ, приложенъ переводъ, то слѣдуетъ заключить, что издатель предлагаетъ свою книжку вниманію не однихъ только спеціалистовъ, но и обыкновенной публикѣ. Послѣдняя, перечитывая письма къ Пушкину, встрѣчаетъ массу вещей, для нея неясныхъ. Возьмемъ, напримѣръ, наиболѣе интересныя письма къ Пушкину Чаадаева, въ которыхъ этотъ послѣдній говоритъ о своей рукописи. Идетъ ли здѣсь рѣчь объ извѣстныхъ „Философскихъ письмахъ“ Чаадаева—обыкновенный читатель изъ писемъ его заключить не можетъ, а редакція сборника поясненій на этотъ счетъ не дѣлаетъ. Нечего и говорить, что въ письмахъ къ Пушкину разныхъ лицъ является множество именъ, извѣстныхъ читателю или понаслышкѣ, или вовсе неизвѣстныхъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ даются поясненія, о которыхъ мы говоримъ.

Вообще, нужно замѣтить, что книга „А. С. Пушкинъ“ представляетъ точный оттискъ того, что печаталось о Пушкинѣ въ „Русскомъ Архивѣ“ два послѣдніе года. На нашъ взглядъ, отдѣльная книга должна всегда имѣть больше цѣльности и носить на себѣ слѣды болѣе серьезной обработки, чѣмъ та, какая извинительна при болѣе или менѣе торопливой журнальной работѣ.

Е. Г.

Архивъ князя Воронцова. Книга двадцать третья. Бумаги графа С. Р. Воронцова. Письма Н. М. Лонгинова (1803—1823). Москва. 1882.

Недавно вышедшій 23-й томъ „Архива князя Воронцова“ заключаетъ въ себѣ письма Н. М. Лонгинова къ С. Р. Воронцову, представляющія достойную вниманія лѣтопись современника за богатый событіями періодъ 1803—1823 гг. Н. М. Лонгиновъ, уроженецъ Харьковской губ., въ ранней молодости состоялъ при русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ, подъ начальствомъ гр. Семена Романовича Воронцова, къ которому и сохранилъ на всю жизнь чувства глубочайшей преданности. Въ періодъ, который обнимаютъ его письма къ гр. С. Р. Воронцову, Лонгиновъ находился въ Петербургѣ, числился по министерству иностранныхъ дѣлъ, а нѣкоторое время финансовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ въ должности личнаго секретаря императрицы Елизаветы Алексѣевны.

Такимъ образомъ, не принимая непосредственнаго участія въ дѣлахъ государственной важности, Лонгиновъ, тѣмъ не менѣе, стоялъ очень близко къ тогдашнимъ государственнымъ дѣятелямъ. Зоркій, хотя не всегда безпри-

страстный, наблюдатель, Н. М. Лонгиновъ даетъ блестящія характеристики людей эпохи Александра I за все время его царствованія. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляетъ письмо его отъ 13-го сентября 1812 г. (№ 59). Разсказывая въ немъ обстоятельства, вызвавшія паденіе Сперанскаго, Лонгиновъ мастерски очерчиваетъ гр. Румянцева, Козодавлева, Барклая, маркиза де-Траверсе, Гурьева, гр. Разумовскаго, Балашова, Дмитріева, самого Сперанскаго и его креатуру Магницкаго и, наконецъ, творца плана войны 1812 года, генерала Фуля. Рѣзкій отзывъ объ этомъ послѣднемъ достаточно показываетъ, сколь сильна была ненависть къ всемогущимъ тогда нѣмцамъ среди истинно-русской интеллигенціи. „Человѣкъ сей—говоритъ Лонгиновъ—имѣетъ большія математическія свѣдѣнія, но есть ничто иное, какъ нѣмецкій педантъ, и совершенно имѣетъ видъ пошлаго дурака“. Понятно, что въ этомъ же очеркѣ правительственныхъ силъ императора Александра I Лонгиновъ съ негодованіемъ говоритъ и объ Аракчеевѣ; тѣмъ же негодованіемъ къ этой личности дышатъ и другія его письма. Къ циклу исторически-вѣрныхъ анекдотовъ объ Аракчеевѣ не можемъ не пріобщить со словъ Лонгинова разсказъ, напримѣръ, о томъ, какъ Аракчеевъ, въ 1812 году, въ Петербургѣ, усердно занимался перлюстраціей писемъ. Однажды графиня Остерманъ, ожидавшая писемъ отъ своего мужа изъ арміи, послала за ними къ Аракчееву, который на это велѣлъ отвѣтить ей: „Скажи, что я еще ихъ не читалъ“. Говоря объ Аракчеевѣ, замѣтимъ еще, что въ письмѣ отъ 14-го ноября 1822 (№ 165) сообщаются мотивы ссылки Лабзина, который, какъ извѣстно, при баллотировкѣ Аракчеева въ почетные члены академіи художествъ, на томъ основаніи, что Аракчеевъ близкій человѣкъ къ императору, предложилъ также баллотировать главнаго кучера государя, Илью.

Къ тому же циклу историческихъ повѣствованій объ Аракчеевѣ нужно отнести письмо Лонгинова, отъ 27-го октября 1820 г. (№ 152), посвященное главнымъ образомъ военнымъ поселеніямъ и исторіи въ Семеновскомъ полку.

Если выше указанное письмо Лонгинова посвящено характеристикѣ министровъ и государственныхъ дѣятелей первой половины царствованія Александра I, то не меньшаго вниманія заслуживаетъ письмо отъ 15-го мая 1823 года (№ 168), по поводу паденія министра финансовъ Гурьева. Яркими красками очерчиваетъ Лонгиновъ крайне печальное состояніе нашихъ финансовъ въ періодъ управленія Гурьева и его неблаговидные пріемы въ распредѣленіи средствъ государства. Дѣйствительно, Гурьевъ умѣлъ въ одномъ засѣданіи государственнаго совѣта заявить, что онъ не можетъ отпустить одинъ милліонъ рублей для пособія голодающей Бѣлоруссіи, а въ слѣдующемъ засѣданіи уже предлагалъ пріобрѣсти, на средства удѣльнаго вѣдомства, за 700.000 петергофскую дачу извѣстнаго своею расточительностью А. Л. Нарышкина. Въ этомъ же письмѣ Лонгиновъ даетъ характеристику преемника Гурьева—нѣмецкаго выходца Канкрина, который составилъ себѣ репутацію человѣка способнаго поддержать порядокъ и экономію, когда во время войны 1812 года, въ должности генералъ-интенданта, представилъ государю 26 милліоновъ остатковъ.

Что касается войны 1812 г., то въ письмахъ Лонгинова, пылкаго патріота и тонкаго наблюдателя, каждый русскій читатель найдетъ много драгоцѣнныхъ свидѣтельствъ и интереснѣйшихъ подробностей. Особенно ревниво слѣдитъ Лонгиновъ за военными подвигами друга своего, гр. Мих. Сем. Воронцова и такимъ образомъ даетъ богатый матерьялъ для будущей біографіи этого

замѣчательнаго дѣятеля своего времени. Затѣмъ, какъ человѣкъ близкій къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, рисуя личность этой государыни самыми симпатичными чертами, Лонгиновъ сообщаетъ много интересныхъ подробностей объ отношеніяхъ императорской четы и особенно останавливается на пребываніи Елизаветы Алексѣевны за-границей, куда она была вызвана въ декабрѣ 1813 года самимъ императоромъ Александромъ. Лонгиновъ, какъ секретарь ея, сопровождалъ императрицу въ этомъ путешествіи.

Изъ указанныхъ нами выдающихся писемъ Н. М. Лонгинова можно видѣть, что переписка его съ С. Р. Воронцовымъ дѣйствительно представляетъ драгоцѣнную историческую лѣтопись своего времени.

Е. Г—нъ.

Завоеваніе Ахалъ-Теке. Очерки изъ послѣдней экспедиціи Скобелева. 1880—81. А. Маслова. Спб. 1882. Цѣна 1 руб.

За время послѣдней войны за освобожденіе Болгаріи, явилось нѣсколько военныхъ корреспондентовъ, въ письмахъ которыхъ очевидно сказывалось несомнѣнное литературное дарованіе. Въ этихъ письмахъ, между сухими подробностями о передвиженіи войскъ, о характерѣ мѣстности, о значеніи того или другаго марша, или стоянія въ цѣляхъ боевыхъ задачъ, то тамъ, то здѣсь, словно цвѣтущіе оазисы въ песчаной пустынѣ, попадались сценки, типы, анекдоты, взятые изъ жизни, вѣрно схваченные и весьма граціозно поставленные. Къ числу именно такихъ молодыхъ и свѣжихъ дарованій слѣдуетъ отнести и г. А. Маслова, автора только что вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ фельетоновъ о завоеваніи Ахалъ-Теке, по частямъ помѣщавшихся въ газетѣ „Новое Время", подъ заглавіемъ „Писемъ изъ Закаспійскаго Края". Читатели „Историческаго Вѣстника" имѣли случай познакомиться съ нѣкоторыми отрывками изъ фельетоновъ А. Маслова въ статьѣ о завоеваніи Ахалъ-Текинскаго оазиса, напечатанной въ прошломъ году. Такъ, напримѣръ, тамъ было приведено превосходное по яркости описаніе выхода Скобелева къ осаждавшимъ и утомленнымъ ночными вылазками и работами войскамъ его отряда. Здѣсь же мы скажемъ, что такихъ сценокъ въ книгѣ г. Маслова довольно много и всѣ онѣ одинаково ярко и красиво написаны. Къ числу именно такихъ прекрасныхъ страницъ книги г. Маслова принадлежитъ, напримѣръ, цѣлая глава— „Лагерь послѣ побѣды", гдѣ великолѣпно описанъ фантастическій безпорядокъ и какое-то полусознательное опьяненіе массы людей, только что почувствовавшихъ освобожденіе отъ долго давившей ихъ смертельной опасности. Попадаются тутъ и забавныя сцены; вотъ какъ одну изъ нихъ, напримѣръ, описываетъ авторъ:

„Какой-то старый персъ съ двумя другими, помоложе, даже еще не снявъ какъ слѣдуетъ цѣпей съ своихъ ногъ, поймалъ поскорѣе двухъ ишаковъ и какого-то облѣзлаго верблюда и до того ихъ навьючилъ коврами и всякой всячиной, что подъ массою груза отъ верблюда были только видны ноги и голова, а отъ ишаковъ даже ничего не было видно. Въ такомъ только видѣ онъ рѣшился отступить изъ крѣпости, но у воротъ былъ задержанъ карауломъ.

— Ты это что? сказалъ ротный командиръ.—Мало тебѣ, подлецу, что тебѣ свободу дали, да и жизнь сохранили... Ибрагимовъ!

— Чего изволите?

— Переведи ему это... Мало тебѣ, подлецу? Дай ему въ шею! Свалить все это... Бери, братцы, кому требуется... Мало тебѣ? Дай, дай ему еще разъ! переведи ему это... А теперь—вонъ изъ крѣпости, поганый кизилбашъ.

„Такъ и ушелъ бѣдный старецъ ни съ чѣмъ, сохраняя воспоминаніе о русскихъ подзатыльникахъ".

Литературныя достоинства корреспонденцій г. Маслова не составляютъ ихъ единственныхъ достоинствъ. Напротивъ—фактической и описательной частямъ экспедиціи, въ ея серьезныхъ сторонахъ, въ этихъ корреспонденціяхъ отведено главное мѣсто, почему онѣ не должны быть забыты тѣми, кто пожелаетъ составить себѣ полное понятіе о небольшомъ, но яркомъ подвигѣ русскаго войска при завоеваніи Текинскаго оазиса. Слѣдуетъ еще замѣтить, что г. Масловъ крайне добросовѣстенъ въ своихъ описаніяхъ, касаясь только дѣйствительно видѣннаго и слышаннаго имъ лично; причемъ, человѣкъ уже не въ-первыя посѣтившій загадочныя закаспійскія степи, хорошо къ нимъ приглядѣвшійся еще въ Хивинскій походъ, онъ лучше другихъ корреспондентовъ умѣетъ придавать своимъ описаніямъ и пейзажамъ мѣстный колоритъ и сохранять мѣстныя краски.

В. П.

Достовѣрные портреты московскихъ государей Ивана III, Василія Ивановича и Ивана IV Грознаго, и посольства ихъ времени. Собралъ и привелъ въ порядокъ Д. Ровинскій. С.-Петербургъ. 1882 г., въ большой листъ, съ 45 рисунками.

Д. А. Ровинскій подарилъ любителей и изслѣдователей русской старины новымъ замѣчательнымъ и драгоцѣннымъ изданіемъ, заглавіе котораго выписано выше.

Въ предисловіи къ этому изданію, авторъ дѣлаетъ краткій очеркъ портретнаго искусства въ Россіи до XVI вѣка и перечисляетъ древнѣйшіе памятники этого разряда, которые, по его замѣчанію, въ большинствѣ случаевъ. представляютъ чисто фантастическія измышленія, не имѣющія ни художественнаго, ни археологическаго интереса.

„Только со второй половины XVII вѣка", говоритъ авторъ, „стала образовываться у насъ живописная школа. Почти каждый годъ пріѣзжали въ Россію иноземные художники—„послужить царю своею работишкою". Въ числѣ ихъ находились и живописцы. Но все это были мастера совершенно неизвѣстные въ Европѣ и весьма плохіе знатоки своего дѣла. По крайней мѣрѣ, мнѣ не случалось до сихъ поръ видѣть ни одного сколько нибудь сноснаго портрета за это время, а тѣмъ болѣе за XV и XVI столѣтія. Къ счастію, до насъ дошли записки иноземныхъ пословъ и путешественниковъ, пріѣзжавшихъ издавна въ Россію по должности и изъ любопытства; многіе изъ этихъ иноземцевъ приложили къ своимъ запискамъ портреты царей и частныхъ лицъ, а также и цѣлыя серіи рисунковъ, чрезвычайно важныхъ въ этнографическомъ отношеніи, по части народнаго быта и костюма.

„Кромѣ того, ужъ въ XVI вѣкѣ, когда Россія стала входить мало-по-малу въ европейскую семью, западные писатели начали интересоваться всѣмъ, что въ ней дѣлалось, и издавать о ней цѣлыя книги съ такими же бытовыми кар-

тинками и портретами. Эти-то записки путешественниковъ и пословъ и книги о Россіи, напечатанныя на Западѣ, составляютъ чрезвычайно драгоцѣнный и почти единственный матеріалъ по части иконографіи за старое время".

Изъ этихъ матеріаловъ и заимствованы всѣ картинки настоящаго изданія. Первымъ помѣщенъ въ немъ чрезвычайно любопытный портретъ царя Ивана III, скопированный изъ космографіи путешественника Теве (1502—1590), который получилъ его отъ одного галатскаго грека. „Древность рисунка, типичность лица, представленнаго на немъ, оригинальность наряда, а также время и обстоятельства, при которыхъ онъ былъ переданъ Теве, говорятъ за его подлинность, а громкое имя Теве, заслужившаго общее уваженіе своими учеными трудами, и отсутствіе всякихъ причинъ и выгодъ для обмана,—устраняютъ всякій поводъ сомнѣваться въ достовѣрности сообщенныхъ имъ извѣстій. Къ тому же мы знаемъ, что папа Павелъ II прислалъ Ивану III портретъ его невѣсты, царевны Софьи,—нѣтъ сомнѣнія, что и сама Софья пожелала имѣть понятіе о личности будущаго супруга, и что для нея былъ сдѣланъ портретъ Ивана III однимъ изъ ея греческихъ посланцевъ. Съ такого портрета могъ быть сдѣланъ и приложеный подъ № 1-мъ карандашный рисунокъ („le creon"), который былъ подаренъ географу Теве".

Портреты великаго князя Василія Ивановича представлены въ изданіи въ двухъ разныхъ типахъ: одинъ изъ нихъ профильный, другой — прямоличный.

Профильный, награвированный извѣстнымъ нѣмецкимъ мастеромъ Гиршфогелемъ и помѣщенный при первомъ изданіи „Записокъ" барона Герберштейна о Россіи, долженъ быть причисленъ къ портретамъ вполнѣ достовѣрнымъ. Герберштейнъ два раза пріѣзжалъ въ качествѣ посла въ Москву; онъ говорилъ по-славянски и потому пользовался особеннымъ расположеніемъ великаго князя Василія Ивановича, который часто бралъ его съ собою на охоту и обращался съ нимъ почти запросто. Ему, конечно, не трудно было сдѣлать набросокъ для портрета съ натуры и позаботиться о полномъ его сходствѣ съ оригиналомъ.

Другой типъ портрета великаго князя Василія Ивановича, прямоличный и еще болѣе замѣчательный по характерности лица великаго князя и вѣрности его наряда, помѣщенъ въ музеѣ Павла Іовія. Въ достовѣрности этого портрета сомнѣваться тоже нѣтъ основаній, такъ какъ Павелъ Іовій разсказываетъ, что онъ самъ видѣлъ портретъ великаго князя Василія у толмача Дмитрія Герасимова; конечно, онъ озаботился срисовать съ него копію для своего изданія, тѣмъ болѣе, что въ этомъ не могло ему представиться никакого затрудненія. Такимъ образомъ, мы имѣемъ два достовѣрные портрета великаго князя Василія Ивановича.

Относительно портретовъ его сына, царя Ивана IV Грознаго, мы не такъ счастливы, такъ какъ ни одинъ изъ современныхъ ему портретовъ, гравированныхъ за-границею, не имѣетъ за собой тѣхъ признаковъ достовѣрности, которыми отличаются портреты великаго князя Василія въ образцахъ Гиршфогеля и Іовія; западные писатели постоянно смѣшивали портретъ Ивана IV съ портретами отца его, великаго князя Василія Ивановича, такъ что портреты этого послѣдняго обоихъ типовъ, какъ профильные, такъ и прямоличные, помѣщены во многихъ книгахъ какъ портреты Ивана Васильевича и помѣчены его именемъ.

Кромѣ этихъ поддѣльныхъ портретовъ, въ изданіи помѣщены два оригинальные портрета Ивана IV,—одинъ профильный, гравированный на деревѣ

современнымъ ему граверомъ Вейтелемъ (№ 16) и нѣсколько напоминающій профильные портреты великаго князя Василія Ивановича, и другой—прямоличный, находящійся въ вѣнской императорской библіотекѣ (№ 19).

Вслѣдъ за портретами трехъ старѣйшихъ московскихъ государей, въ изданіи г. Ровинскаго приложены снимки съ древнѣйшихъ иностранныхъ гравюръ, относящихся къ ихъ времени. Изъ нихъ первыя двѣ представляютъ Ферраро-Флорентинскій соборъ (1438—1439), на который ходилъ нашъ митрополитъ Исидоръ и который былъ собранъ для невозможнаго примиренія православія съ католицизмомъ. Въ описаніи картинокъ помѣщены краткія свѣдѣнія объ этомъ курьезномъ соборѣ.

Слѣдующія восемь картинокъ представляютъ германскаго посла, барона Герберштейна, въ русскомъ нарядѣ разнаго покроя и въ собольей шубѣ, пожалованной ему великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ; гербъ барона Герберштейна, съ изображеніемъ на немъ великаго князя московскаго, образцы русскаго вооруженія, русской одежды, русскихъ ратниковъ и русской ѣзды на санахъ; всѣ онѣ скопированы съ рѣдчайшаго 1-го изданія „Путешествія Герберштейна“.

Четыре картинки скопированы изъ „Weiss Kunig'a“, рѣдкой книги о дѣяніяхъ императора Максимиліана I; онѣ изображаютъ пріемъ при дворѣ Максимиліана нашихъ пословъ Племянникова и Истомы, и засѣданіе императорскаго совѣта, совмѣстно съ послами разныхъ странъ.

Изъ временъ Ивана Грознаго приложено тоже два посольства: одно—боярина Колычева, который былъ посланъ въ 1567 году на съѣздъ въ Гродно, и другое—кн. Сугорскаго, къ Максимиліану II—копія съ единственнаго извѣстнаго экземпляра, находящагося въ висбаденскомъ городскомъ музеѣ; оба выполнены съ необыкновенною точностью и, безъ преувеличенія, могутъ вполнѣ замѣнить оригиналы [1]).

Мы еще вернемся къ прекрасному изданію г. Ровинскаго (отпечатанному всего въ количествѣ 125 экземпляровъ), такъ какъ имѣемъ въ виду воспроизвести нѣкоторые изъ приложенныхъ къ нему портретовъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“.

С. Ш.

Макарій, митрополитъ всероссійскій. Н. Лебедева. Москва. 1881 года.

Митрополитъ Макарій не принадлежитъ къ числу политическихъ дѣятелей XVI вѣка. Слабость характера помѣшала ему играть сколько нибудь видную политическую роль въ бурное время царствованія Іоанна IV, и другіе дѣятели совершенно заслоняли его собою. Но та же слабость характера была причиною того, что Макарій удержался на митрополичьемъ престолѣ и при паденіи Шуйскихъ, которые доставили ему митрополію, и при паденіи Сильвестра и Адашева, вмѣстѣ съ которыми онъ засѣдалъ въ „избранной радѣ“.

---

[1]) Посольство Колычева исполнено посредствомъ геліогравюры въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, по способу Скамони, на двухъ огромныхъ мѣдныхъ доскахъ ($22^1/_2$ вершка длины). Посольство Сугорскаго скопировано на мѣстѣ въ Висбаденѣ и раскрашено отъ руки (33 вершка длины).

При жизни своей онъ съумѣлъ угодить всѣмъ: грозный царь всегда съ любовію и уваженіемъ говоритъ о своемъ отцѣ-митрополитѣ; іосифлянинъ Θеодосій, сперва хутынскій игуменъ, потомъ новгородскій архіепископъ, превозноситъ его похвалами; кн. Курбскій, ненавидѣвшій юсифлянъ, не рѣшается рѣзко выразиться о Макаріи. Но онъ былъ забытъ, лишь только умеръ; и несмотря на близость Макарія съ литературными дѣятелями того времени, не нашлось человѣка, который позаботился бы подробно описать его жизнь.

Не имѣя значенія какъ политическій дѣятель, Макарій занимаетъ видное мѣсто въ исторіи нашей церкви и литературы. По его инціативѣ собираются одинъ за другимъ соборы русскихъ святителей для обсужденія такихъ важныхъ предметовъ, какъ канонизація святыхъ, народное образованіе, возвышеніе народной нравственности и т. п. Онъ лично, не щадя ни трудовъ, ни казны, собираетъ матеріалъ для огромнаго сборника, который долженъ вмѣстить всѣ существовавшія въ древней Руси книги; подъ его руководствомъ составляется „Степенная Книга", первая попытка обработки русской исторіи, и дѣлается сводъ каноническихъ правилъ—такъ называемая „Сводная Кормчая". Ближайшее потомство не воздало Макарію по его заслугамъ; большой московскій соборъ 1667 года обвинилъ его въ „простотѣ и невѣжествѣ"; современные ученые историки русской церкви не могутъ забыть о двоеперстіи и о сугубой аллилуія, которыя при Макаріи на Стоглавомъ соборѣ были возведены на степень догматовъ; историки литературы до сихъ поръ не обращали должнаго вниманія на Макаріевы „Четіи-Минеи", и изданіе этого громаднаго сборника, начатое только въ наши дни, и не отличается достаточною исправностію, и слишкомъ медленно подвигается впередъ.

Трудъ г. Лебедева, печатавшійся втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ московскихъ „Чтеніяхъ въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія" и теперь вышедшій отдѣльными оттисками, не богатъ достоинствами; онъ не отличается ни строгою критикою матеріала, ни даже обстоятельностію. Авторъ начинаетъ съ общей характеристики Макарія и его времени, потомъ переходитъ къ его біографіи, излагаетъ дѣятельность московскихъ соборовъ, произведшихъ канонизацію русскихъ святыхъ, дѣло Артемія, отношенія Макарія къ Максиму Греку и, наконецъ, дѣлаетъ обзоръ его литературныхъ трудовъ. О Стоглавомъ соборѣ г. Лебедевъ не говоритъ ни одного слова, точно такъ же, какъ и объ устройствѣ въ Москвѣ типографіи, тѣсно связанномъ съ постановленіями этого собора; онъ только вскользь упоминаетъ о „Степенной Книгѣ" и о „Сводной Кормчей"; въ обзорѣ Макарьевыхъ Четіихъ-Миней онъ не указываетъ ни на отношеніе ихъ къ Минеямъ, существовашимъ до Макарія, ни на отношеніе ихъ къ составленнымъ послѣ Макарія Минеямъ Тулупова и Милютина, ни даже на отличіе новгородскаго списка Миней отъ списковъ московскихъ. Такимъ образомъ, авторомъ опущено именно то, на что онъ долженъ бы былъ обратить особенное вниманіе. Кромѣ того, сочиненіе г. Лебедева не свободно и отъ ошибокъ: на стр. 12 о Макаріи говорится, что онъ образовалъ цѣлую школу писателей житій, между тѣмъ какъ Макарій только утвердилъ господство установившейся до него агіографической школы; на стр. 14-й авторъ упрекаетъ Макарія за то, что нѣкоторыя изъ житій святыхъ, при немъ написанныхъ и подлежавшихъ его цензурѣ, отличаются „простотою и невѣжествомъ", и при этомъ заявляетъ, что, говоря это, онъ имѣетъ въ виду догматическую сторону житія Евфросина Псковскаго; но это житіе написано въ самомъ началѣ XVI вѣка, если не въ концѣ XV, слѣдовательно,—

до Макарія, и при немъ получило только новую редакцію, такъ что уже по одному этому (оставляемъ другія причины въ сторонѣ) нельзя упрекать Макарія за догматическую (!) сторону этого житія; на стр. 40-й взглядъ Іосифа Волоцкаго на владѣніе монастырей недвижимымъ имуществомъ называется реформаторскимъ, тогда кака онъ былъ строго консервативнымъ, и проч.

А. С—скій.

Родная старина. Отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ съ IX по XIV столѣт. Томъ II-й съ XIV по XVII столѣт. Составилъ В. Д. Сиповскій въ помощь учащимся. Спб. 1881 г.

Вопросъ о томъ, какимъ значеніемъ должны пользоваться въ учебномъ курсѣ родной языкъ, отечественная исторія и географія, не можетъ подлежать ни малѣйшему спору, т. е. нельзя предполагать, чтобы нашелся хотя одинъ педагогъ, способный доказывать, что упомянутымъ предметамъ должно быть отведено второстепенное мѣсто въ дѣлѣ обученія юношества. Почему у насъ, въ нашихъ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, при графѣ Толстомъ, взглянули на этотъ вопросъ совершенно съ другой точки зрѣнія,— мы разрѣшать не беремся: мало ли какія явленія бываютъ на свѣтѣ; не беремся тѣмъ болѣе, что наша задача заключается не въ разсмотрѣніи дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія, а въ разсмотрѣніи достоинствъ и недостатковъ книги, поставленной нами въ заголовкѣ, слѣдовательно, задача наша очень скромная. Повторяемъ, что есть педагогическіе вопросы, не подлежащіе спору и ясные, какъ Божій день, не требующіе разбирательства. Значеніе въ системѣ учебнаго курса предметовъ, относящихся къ ознакомленію въ различныхъ отношеніяхъ съ родной землей, на нѣсколько процентовъ увеличивается въ молодомъ обществѣ, въ подтвержденіе чего можно высказать многое.

Въ западныхъ государствахъ, начавшихъ свою историческую жизнь прежде насъ, не существуетъ страшной пропасти въ образованіи между интеллигентными классами и собственно народомъ. Тамъ, помимо школы, сама историческая жизнь сложилась такимъ образомъ, что народная масса пріобрѣла много знаній, которыя въ пониманіи вопросовъ политическихъ, соціальныхъ и другихъ, приблизили ее къ классамъ среднему и высшему. Условія развитія исторической жизни нашей народной массы совершенно другія; они дали результатъ обратный: народъ остался въ состояніи косности, со своими вѣрованіями, преданіями, убѣжденіями, даже съ своимъ языкомъ, отдѣлившись каменной стѣной отъ остальныхъ своихъ согражданъ. Вотъ причина, и одна изъ самыхъ важнѣйшихъ, необходимости ознакомленія учащейся молодежи со всѣмъ тѣмъ, что открываетъ путь къ изученію народа, т. е. съ родной исторіею, этнографіею, роднымъ языкомъ и литературой. При преподаваніи всѣхъ этихъ предметовъ, характеристика свойствъ народа, особенностей его природы духовной, должна выступать какъ нельзя болѣе ярко. Иначе немыслимо вліяніе интеллигентной части общества на массу не интеллигентную. Иначе тотъ, кто служитъ народу, долженъ отказаться отъ мысли быть ему полезнымъ. Мы не будемъ брать примѣровъ, — которыхъ не мало, — доказывающихъ печальныя послѣдствія полнаго непониманія условій жизни и природы народа людьми, желающими быть ему полезными. Нерѣдко въ исторіи нашихъ крестьянскихъ возмущеній дѣло разыгрывалось самымъ печальнымъ для крестьянъ образомъ только потому, что лица, обязанныя разъяснить имъ существо дѣла, не умѣли

говорить съ ними на языкѣ для нихъ понятномъ и не умѣли усвоить крестьянской логики и воззрѣній на дѣло.

Безъ любви къ отчизнѣ нельзя быть и полезнымъ ей. Высокая же, достойная образованнаго человѣка, любовь къ отчизнѣ заключается прежде всего во всестороннемъ знаніи ея. Знаніе своего роднаго немыслимо, если въ дальнѣйшей жизни, когда младенецъ переходитъ въ ребенка, родной языкъ не есть единственный языкъ его бесѣдъ.

Должно также помнить, что насколько люди образуютъ языкъ, настолько языкъ образуетъ людей. Успѣхъ преподаванія родныхъ предметовъ возможенъ лишь при томъ условіи, если въ самомъ учителѣ тлѣетъ божественная искра любви къ своему родному. Наставникъ или воспитатель, который хотя одну горную цѣпь или измѣненіе теченія рѣки родной земли опишетъ дѣтямъ живыми красками и съ чувствомъ, сдѣлаетъ для нашей цѣли (т. е. для дѣла воспитанія любви къ родному) несравненно болѣе, чѣмъ тотъ, который дастъ описаніе цѣлаго края, но сухое, мертвое“.

Чѣмъ меньше дѣти, тѣмъ большей теплоты требуютъ бесѣды съ ними. Знаніе отчизны заключается въ знаніи истиннаго духа народа, который, т. е. духъ, посредствомъ любви и теплаго сочувствія отдѣльныхъ личностей, связываетъ не только одно самостоятельное племя, но даже различныя отрасли одного и того же племени.

Знаніе духа народа достигается изученіемъ исторіи народа. Но это не должна быть исторія вымысловъ и геройскихъ сказочныхъ подвиговъ, которыхъ мы, напримѣръ, немало встрѣчаемъ въ исторіи римлянъ; не должна быть голая, сухая хроника событій; нѣтъ, передавая юношамъ истины исторіи, мы прежде всего должны помнить, что только то описаніе судебъ извѣстнаго народа въ силахъ дать толчекъ къ возрожденію въ ребенкѣ чувства любви къ отечеству, которое полно душевной теплоты, правдиво, безпристрастно, которое не есть лишь одинъ хвалебный гимнъ доблестямъ народа, безъ малѣйшаго упоминанія о присущихъ ему недостаткахъ, столь свойственныхъ какъ отдѣльнымъ личностямъ, такъ и цѣлымъ народностямъ.

Толковый учитель исторіи не минуетъ народныхъ пѣсенъ, былинъ, пословицъ, поговорокъ, сказаній, легендъ, сказокъ, изъ которыхъ только и познается духъ народа, а слѣдовательно, является и знаніе народа.

Въ видахъ развитія въ юношахъ чувства любви къ отечеству, понимающій свое дѣло учитель даетъ особенное значеніе, при своихъ объясненіяхъ ученикамъ, тѣмъ тяжелымъ событіямъ въ нашей исторіи, въ которыхъ во всемъ величіи проявляется духъ народа: таковы битвы съ татарами, эпоха смутнаго времени, 12-й годъ и другія знаменательныя событія. Съ особенной любовью останавливается учитель на тѣхъ свѣтлыхъ историческихъ дѣятеляхъ, которые всею своею жизнію доказали, что любили отечество не на словахъ, а на дѣлѣ: таковы въ нашей исторіи митрополитъ Филиппъ, не боявшійся предъ царемъ Грознымъ печаловаться за опальныхъ и невинно страдавшихъ, не побоявшійся отказать царю въ благословеніи, когда онъ шелъ громить ни въ чемъ неповинный Новгородъ; архимандритъ Діонисій, патріархъ Гермогенъ, служившіе Россіи въ годину тяжкихъ испытаній—въ Смутное время, или Лихолѣтье. Послѣдній умираетъ въ тюрьмѣ смертью истиннаго патріота, отказавшаго полякамъ въ согласіи подписать грамоты о распущеніи земскаго ополченія, шедшаго на спасеніе Россіи. Подвигъ великій, достойный честнаго гражданина. Говоритъ учитель о подвигѣ дворянина Ржевскаго, который, будучи личнымъ

врагомъ Ляпунова, бросается подъ казацкія сабли, чтобы спасти послѣдняго, ибо вполнѣ сознавалъ, что изъ всѣхъ начальниковъ ополченія только Ляпуновъ честно относился къ своей задачѣ и былъ надеждой родной земли. Не успѣвъ спасти Ляпунова, онъ падаетъ подъ ударами казаковъ. Нижегородское движеніе,—Мининъ и князь Пожарскій. Какое чудное, полное великой любви къ отечеству народное движеніе! Князья и цари русской земли, доказавшіе свою любовь къ ней. Умѣйте объяснить юношамъ личность Петра, какъ перваго слуги своей земли, неустаннаго ея работника; умѣйте объяснить, что только при глубокомъ чувствѣ любви къ родной землѣ и возможно было такъ энергично, такъ страстно идти къ завѣтной цѣли.

Мы не коснемся вопроса о непостижимой храбрости, выносливости нашего войска въ послѣднюю войну. Какой другой народъ въ мірѣ представитъ подобное терпѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ подобную способность мириться съ обстоятельствами, съ которыми, кажется, нѣтъ силъ помириться. А если къ такимъ качествамъ природы русскаго человѣка присоединить способность относиться даже къ своему безъисходно печальному положенію, съ легкимъ, удивительно простодушнымъ юморомъ, то волей-неволей съ горячимъ чувствомъ любви вспомнимъ о нашемъ народѣ. Шибка, Плевна, Балканы, должны войти въ разсказы и бесѣды съ дѣтьми и юношами, которые у народа должны учиться скромности, отъ народа должны познать, что, совершая великіе подвиги самопожертвованія, во имя любви къ отечеству, исполняемъ только свой священный долгъ.

Да, великъ тотъ народъ, который до такой степени просто, безъ всякой малѣйшей мысли о своихъ доблестяхъ, относится къ подвигамъ, поражающимъ своимъ величіемъ! Какъ мы, люди интеллигенціи, далеки въ этомъ случаѣ отъ нашего неграмотнаго, неученаго люда! Повторяемъ, что любить отчизну—значитъ знать ее; знаніе же родной земли возможно лишь, какъ мы сказали, при знаніи исторіи и языка ея, опредѣляющихъ духъ народа.

Біографіи замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей, особенно вышедшихъ изъ народа, должны входить въ курсъ исторіи и литературы. Изъ жизни честныхъ людей юноша учится быть честнымъ. Если юность любитъ и чтитъ великіе и благородные умы страны, то она будетъ любить и землю, которая ихъ произвела, питала и сдѣлала великими. Чѣмъ болѣе юность знакомится со своимъ роднымъ, тѣмъ большее ручательство является, что она будетъ далеко отъ безсмысленныхъ мечтательныхъ утопій по отношенію къ народу. Составители учебныхъ курсовъ и программъ должны имѣть въ виду это наше замѣчаніе.

Вотъ основанія, на которыхъ, по нашему крайнему разумѣнію, должна быть составлена книга, назначенная въ помощь учащимся русской исторіи, каковую цѣль и имѣлъ г. Сиповскій. Въ своемъ предисловіи, объясняя причины, побудившія его составить упомянутую книгу, г. Сиповскій говоритъ, „что учебники исторіи, даже наилучшіе, представляютъ, по самой сущности своей, сжатое и сухое изложеніе фактовъ, усвоить которые надо памятью. Объясненія учителя касаются смысла фактовъ, значенія ихъ, причинной связи между ними и пр., и дѣйствуютъ по преимуществу на разсудочную способность". „Воображенію и чувству учащихся уроки исторіи, особенно отечественной, даютъ обыкновенно слишкомъ мало пищи. А между тѣмъ—продолжаетъ авторъ—отечественная исторія и словесность считаются краеугольными камнями національнаго воспитанія. И дѣйствительно, тотъ изъ образованныхъ людей можетъ понимать свой народъ -не говоримъ уже жить однимъ сердцемъ съ нимъ—кто хорошо знаетъ

пережитое и передуманное имъ. Школа—продолжаетъ г. Сиповскій—если она хотя сколько нибудь претендуетъ на національное воспитаніе, должна въ своихъ питомцахъ возбуждать интересъ къ отечественной исторіи и давать имъ навыкъ къ чтенію научныхъ историческихъ сочиненій".

Изъ приведенныхъ нами словъ автора „Родной старины" ясно видно, что мы сходимся въ своихъ воззрѣніяхъ на дѣло обученія отечественной исторіи, языка и словесности и даемъ имъ одинаковое значеніе въ воспитательномъ вліяніи на юное поколѣніе.

Книга почтеннаго автора представляетъ оригинальное явленіе въ томъ отношеніи, что опредѣленіе ея достоинствъ какъ нельзя болѣе трудно уловимо. Въ книгѣ г. Сиповскаго все такъ гладко, ровно, до извѣстной степени однообразно, не художественно, что съ трудомъ отдаешь себѣ отчетъ въ впечатлѣніи, ею производимомъ. Изложеніе, дѣйствительно, простое, правильное; видно, что съ этой стороны было употреблено много труда, хотя возможно, что такая обработка языка стѣсняла свободный ходъ мысли автора и лишала его возможности дать просторъ своему чувству, вслѣдствіе чего книга не возбудитъ чувства и воображенія читателей, тѣмъ болѣе, что въ ней нѣтъ картинности въ ббразахъ и сценахъ. Впечатлѣніе, порождаемое чтеніемъ разсматриваемой нами книги, таково: кажется, что прочиталъ очень нескучный учебникъ, какихъ дай Богъ больше, но не книгу живо и художественно написанную, что̀ собственно авторъ и имѣлъ въ виду.

Очень возможно, что мы встрѣтимъ такое возраженіе: „не представляется ни малѣйшей необходимости говорить чувству читателей тамъ, гдѣ сами за себя говорятъ дѣйствія лицъ и событія".

На подобное замѣчаніе отвѣчаемъ, что душа ребенка и юноши дѣйствуетъ по законамъ только ей свойственнымъ, законамъ довольно своеобразнымъ, которые требуютъ живыхъ ббразовъ, художественныхъ картинъ, теплыхъ, отъ сердца идущихъ словъ. Затѣмъ, другое важное условіе, которымъ нельзя пренебрегать при составленіи книги, подобной нами разсматриваемой, заключается въ томъ, чтобы читателямъ были предлагаемы объясненія и толкованія на замѣчательные факты и событія, чѣмъ и даются толчки дѣятельности вниманія дѣтей или юношей. Молодость безъ указаній, безъ помощи, анализируетъ съ величайшимъ трудомъ.

Таковыхъ толкованій мы почти не встрѣчаемъ въ трудѣ г. Сиповскаго. Читатели едва ли вынесутъ изъ нея пониманіе о тѣхъ или другихъ чертахъ русскаго народа, и именно потому, что авторъ не наталкиваетъ ихъ на серьезныя размышленія, мало вліяетъ на чувство и воображеніе своихъ читателей. Напримѣръ, весь періодъ Лихолѣтья, по преимуществу замѣчательный проявленіемъ народныхъ душевныхъ свойствъ, обрисованъ такъ, что не видишь народа, какъ главнаго двигателя событій. Вопросъ величайшей важности, съ точки зрѣнія исторической, заключается въ томъ—почему замѣшался народъ въ это время Лихолѣтья? Не могъ онъ мутиться безъ причины. Вотъ эти-то причины и требуютъ особеннаго толкованія и объясненій, которыхъ, о чемъ мы замѣтили выше, у автора „Родной старины" не приведено и которыя необходимы именно въ книгѣ, издаваемой для юношества. Недавно какъ-то намъ случилось быть на урокѣ исторіи очень хорошаго преподавателя. Онъ, между прочимъ, нерѣдко останавливалъ учениковъ во время ихъ отвѣтовъ такими вопросами: „Скажите, какъ должно понимать это событіе? Изъ чего оно могло народиться?" Или: „Объясните мнѣ значеніе протеста митрополита Филиппа царю Ивану Грозному?" Немало было и другихъ подобнымъ вопросовъ. Замѣ-

чательно, что ученики, передававшіе историческіе факты, только при помощи наставника въ силахъ были добраться до пониманія значенія ихъ, важности котораго многіе изъ нихъ и не подозрѣвали.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ согласиться, что возбужденіе способностей ребенка къ дѣятельности, возбужденіе его вниманія къ извѣстнымъ вопросамъ или задачамъ—есть дѣло большой важности въ преподаваніи того или другаго предмета.

Затѣмъ, мы полагаемъ, что только при соблюденіи упомянутыхъ нами условій возможно воспитательное значеніе исторіи, какъ живой картины человѣческихъ стремленій, доблести, слабостей, страстей.

Мы признаемъ не только воспитательное значеніе исторіи, но полагаемъ, что здравое школьное обученіе непремѣнно должно стремиться къ тому, чтобы изъ всякаго предмета учебнаго курса взять воспитательнаго вліянія настолько, насколько этотъ предметъ можетъ дать.

Мы въ своей жизни встрѣчали педагоговъ, блистательно доказывавшихъ на самомъ дѣлѣ справедливость упомянутаго нашего взгляда. Въ нашей исторіи, какъ и въ исторіи всякаго государства, встрѣчается множество фактовъ, которыми хорошій преподаватель можетъ воспользоваться и повліять воспитательно на своихъ учениковъ. Могущественно вліяніе живаго, сердечнаго слова учителя на юношу, воображеніе и чувство котораго необыкновенно скоро подпадаютъ всякому сколько нибудь сильному вліянію, если въ наставникѣ или руководителѣ его есть сердечная теплота и увлеченіе всѣмъ добрымъ и прекраснымъ! Точно также могущественно вліяніе и всякой книги, предназначенный для юношей, если авторъ живо, тепло, задушевно ведетъ съ ними бесѣду. Вотъ этой-то теплоты, этого-то увлеченія дѣяніями высоко-честныхъ личностей нашей исторіи, увлеченія самыми событіями, мы и не видимъ въ книгѣ г. Сиповскаго, что̀ при всѣхъ замѣчательныхъ достоинствахъ труда автора, составляетъ очень замѣтный пробѣлъ. Мы пишемъ эту рецензію съ однимъ желаніемъ — высказать наши взгляды такъ, какъ они дѣйствительно сложились въ нашей душѣ. Справедливость или несправедливость ихъ отдаемъ на судъ читателей, знакомыхъ съ книгой, нами разсматриваемой. Богатѣйшій матеріалъ, какъ мы замѣтили выше, для познанія духа народнаго, заключается въ былинахъ, пѣсняхъ и историческихъ присловьяхъ. Можно смѣло сказать, что основательное и критическое толкованіе той или другой пѣсни, былины, несравненно болѣе объяснитъ ученику, чѣмъ цѣлыя страницы курса исторіи! У г. Сиповскаго приведены, сколько помнимъ, не многіе отрывки изъ былинъ и пѣсенъ. До какой степени иныя народныя историческія пѣсни заслуживаютъ вниманія, какъ лучшій элементъ для учебника отечественной исторіи, можетъ служить слѣдующая пѣсня, сложенная народомъ по случаю горькой судьбы царевны Ксеніи Борисовны:

Сплачется малая птичка,
Бѣлая перепелочка:
„Охти мнѣ, молодой, горевати,
Хотятъ сырой дубъ зажигати,
Мое гнѣздышко разорити,
Мои милыя дѣти побити,
Меня перепелку поймати“.
Сплачется на Москвѣ царевна:
„Охти мнѣ молодой горевати,
Что идетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
Гришка Отрепьевъ разстрига,
Что хочетъ меня полонити,

А положивъ меня, хочетъ пострици,
Чернеческій чинъ наложити!
Инъ мнѣ постричься не хочется,
Чернеческаго чина не сдержати;
Отворена будетъ темна келья,
На добрыхъ молодцевъ посмотрѣти.
Инъ ахъ милые наши переходы,
А кому будетъ вамъ да ходити
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ Бориса Годунова?
Ахъ, милые наши теремы,
А кому будетъ въ васъ да сидѣти
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ Бориса Годунова?

Пѣсня эта полна нѣжности и величайшей простоты и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сильно передаетъ тоску и горе царевны Ксеніи! Важны достоинства пѣсни, но въ высшей степени важно то, что она даетъ учителю исторіи полную возможность объяснить ученикамъ достойныя величайшаго сочувствія великія душевныя свойства нашего народа, который, по необыкновенно сильно развитому въ немъ сочувствію ко всѣмъ человѣческимъ страданіямъ, глубоко сознавалъ все безъисходное горе несчастной, ни въ чемъ неповинной страдалицы, какъ будто бы за грѣхи отца явившейся очистительной жертвой. Вотъ такія-то народныя черты и слѣдуетъ открывать юношеству, если хотимъ, чтобы оно, юношество, горячо полюбило народъ и желало бы слиться съ нимъ во-едино. Юность такъ отзывчива на все доброе и прекрасное. Полюбить что бы то ни было хорошее только и возможно въ юности.

Ксенія настолько пользовалась извѣстностью въ народѣ, что современники оставили намъ описаніе ея лица. Одинъ изъ нихъ пишетъ, что „Ксенія имѣла большіе черные выразительные глаза, брови черныя, „союзныя", лицо бѣлое и румяное; она была роста средняго, тѣломъ полна и точно облита молочной бѣлизной; ея густыя и черныя косы словно трубы лежали по плечамъ". Особенно прелестной казалась она во время плача: „когда въ жалости слезы изъ очей испущала, тогда она особенно чудною блистала свѣтлостью". Внѣшность ея и лицо выражали энергію и природныя богатыя умственныя дарованія. Она имѣла прекрасный голосъ и весьма любила пѣніе. „Воистину во всѣхъ женахъ была благочиннѣйшая и писанію книжному искуснѣйшая; отличалась благорѣчіемъ и во благихъ дѣлахъ была совершенна". Вотъ эти-то благія дѣла и вспомнилъ народъ.

Въ заключеніе скажемъ, что мы съ истиннымъ удовольствіемъ рекомендуемъ трудъ г. Сиповскаго вниманію публики, сохраняя убѣжденіе, что въ нашей педагогической литературѣ онъ составляетъ пріятное явленіе. Мы не выдаемъ своего мнѣнія за непогрѣшимое, но, во всякомъ случаѣ, высказали его искренно и по глубокому убѣжденію. Считаемъ необходимымъ не оставить безъ вниманія и того обстоятельства, что г. Сиповскій приложилъ къ своему труду вполнѣ удовлетворительно исполненные рисунки древняго русскаго оружія, одежды, утвари. Къ подобнымъ рисункамъ можно отнестись только съ полнѣйшимъ сочувствіемъ: наглядность составляетъ дѣло величайшей важности въ системѣ обученія какимъ бы-то ни было предметамъ. Внѣшняя сторона изданія какъ нельзя болѣе удовлетворительна. Искренно слѣдуетъ благодарить г. Сиповскаго и за крупную печать, спасающую отъ страданія глаза дѣтей и юношей. Давно пора подумать серьезно объ этомъ вопросѣ.

И. В—въ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Распоряженіе св. синода объ отобраніи у всѣхъ книги „Өеатронъ или позоръ гисторическій“, подъ угрозою лишенія „благословенія Божія“.

Ъ ЧИСЛѢ собранныхъ мною въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время болѣе или менѣе интересныхъ бумагъ, находится копія нижеслѣдующаго характернаго документа:

„Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійскія изъ канцеляріи митрополіи кіевскія всечестному протопопу полтавскому Евстафію Могилянскому. Въ указѣ ея императорскаго величества самодержицы всероссійскія изъ святѣйшаго правительствующаго синода къ преосвященнѣйшему Тимоѳею, архіепископу, митрополиту кіевскому, галицкому и Малыя Россіи архипастырю, настоящаго 1749 г. мая 19 присланномъ написано: „Сего 749 года марта 24, ея императорское величество соизволила повелѣть книги Өеатронъ гисторическій, всѣ у кого есть, ради находящихся съ ней многихъ святой православной восточной грековосточной церкви противностей и немало соблазновъ, собрать отовсюду въ святѣйшій синодъ, запечатавъ и о томъ куда слѣдуетъ пославъ съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ указа“. И во исполненіе онаго ея императорскаго величества указа святѣйшій правительствующій синодъ приказали: Къ синодальнымъ членамъ, въ епархіи къ архіереямъ, ставроп. лавры и монастырей къ настоятелямъ, послать указы, по которымъ архіереи въ своихъ епархіяхъ, архимандриту каждому и прочимъ по командамъ указами опубликовать съ таковымъ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ, что вѣдомства какъ духовныя, такъ и свѣцкія, чтобъ они означенныя книги Өеатронъ или позоръ гисторическій, которая съ латинскаго языка на русскій переведена прожектомъ іеромонахомъ Гавріиломъ и въ Александроневскомъ монастырѣ напечатана въ 724 году, у кого оныя есть, пригласили (и) отдавали

(подробно расписано кому куда сдавать) безъ задержанія, подъ опасеніемъ, если кто тѣ книги, имѣя у себя, не объявитъ, а послѣ въ томъ изобличенъ будетъ—духовнымъ лишеніе чиновъ своихъ, а свѣцкимъ — неблагословеніе Божіе".

Между тѣмъ, „Позоръ гисторическій", какъ извѣстно, никогда изъ обращенія не исчезалъ и даже не составлялъ и теперь не составляетъ большой библіографической рѣдкости. Духовенство, разумѣется, точно исполнило указъ, угрожавшій ему „лишеніемъ чиновъ", но „свѣцкіе", вѣроятно смолодушничали и не разстались съ книгою. Можетъ быть, они даже несовсѣмъ ясно понимали ужасныя послѣдствія, которыя навлекали на себя этимъ ослушаніемъ. Иначе это пришлось бы объяснить одною отчаянною безпечностью. Отмѣны подобнаго распоряженія насчетъ „лишенія благословенія Божія" тѣхъ, кто имѣетъ у себя книгу „Θеатронъ", впрочемъ и до сихъ поръ не было объявлено; а потому дѣло это въ нѣкоторомъ отношеніи напоминаетъ другой важный историческій вопросъ, именно роковой вопросъ о клятвахъ 1660 года.

Сообщено **Н. С. Лѣсковымъ.**

Дьячекъ-сутяга.

Какъ извѣстно, нѣкоторые наши духовные съ особенною охотою занимались тяжбами въ консисторіяхъ и духовныхъ правленіяхъ, и въ этомъ случаѣ обнаруживали кромѣ энергіи, достойной лучшей цѣли, и нѣкоторое своеобразное авторское искусство. Въ общей массѣ сутягъ духовнаго сословія нерѣдко видныя роли играли и дьячки, несмотря на ихъ крайне слабую подготовку ко всякому писательству.

Къ числу такихъ оригинальныхъ дьячковъ, отчасти характеризующихъ прежній бытъ нашего духовенства, безспорно принадлежитъ нѣкто Иванъ Товицкій, затѣявшій въ концѣ 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія приказную ссору съ своимъ настоятелемъ, благочиннымъ и протоіереемъ Колансовскимъ. Дѣло происходило въ г. Кирсановѣ.

Дьячекъ Товицкій, по словамъ всѣхъ его сослуживцевъ и нѣкоторыхъ прихожанъ, былъ человѣкъ непомѣрно гордый, нестерпимый по своему гордому духу и безумно заносчивый. Непомѣрную гордость свою онъ выражалъ, между прочимъ, въ томъ, что часто во время всенощной звонилъ, когда ему вздумается, а не въ положенное по церковному уставу время, и кромѣ того держалъ себя самымъ непринужденнымъ образомъ съ старшими чинами причта, даже во время богослуженія. Протоіерей Колансовскій далъ знать о поступкахъ Товицкаго епархіальному архіерею, и въ сентябрѣ 1861 года, по порученію консисторіи, для производства слѣдствія въ г. Кирсановъ пріѣхалъ священникъ Стандровскій.

Когда слѣдователь приступилъ къ дѣлу, дьячекъ сразу оборвалъ его слѣдующими словами: „Какой ты слѣдователь, законовъ не знаешь!

Спасаясь отъ личныхъ объясненій съ Товицкимъ, священникъ Стандровскій потребовалъ отъ него письменныхъ отвѣтовъ, и вотъ что написалъ своему слѣдователю подсудимый. Конечно, мы будемъ приводить объясненія Товицкаго въ сокращеніи, останавливаясь на болѣе выдающихся мѣстахъ.

„Благочинный Колансовскій жалобную книгу благочинія держитъ у себя въ домѣ и пишетъ въ ней, что захочетъ, или по совѣту своей протопопицы, а протопопица къ клиру не принадлежитъ“.

„Движителями протопопскаго пера въ разсужденіи доносовъ на меня были не мои неисправности, а протопопская злоба. Посмотрите, о. слѣдователь, что благочинный пишетъ про меня: „Комаръ съ дуба свалился, и оттого великій громъ учинился. Между тѣмъ, о томъ, что корова въ болотѣ увязла (намекъ на благочиннаго), умалчиваетъ“.

„О. протопопъ говоритъ, что я не бывалъ въ церкви по лѣности. А почему ему извѣстна дѣйствительная причина моего небытія въ церкви? Спрашивалъ ли меня о семъ благочинный и давалъ ли я ему отвѣтъ: „по лѣности?“ Вѣроятно, онъ мало уважаетъ того, кто сказалъ: храни незлобіе и виждь правоту“.

„Протопопъ любитъ моего товарища, стараго дьячка, а онъ поетъ хриплымъ и отъ старости дребезжащимъ голосомъ. Пусть же старикъ передастъ свое мѣсто другому и тогда возрадуется душа его на ложѣ его“.

„Протопопъ пишетъ: дьячекъ Петръ Каменецкій обучилъ даромъ 500 мальчиковъ, и за это ищетъ ему награды. Да это неправда: дьячекъ получалъ съ родителей мальчиковъ по рублю въ мѣсяцъ. На кого же, послѣ того, благочинный походитъ? На то животное, которое по природѣ своей весьма неопрятно и не любитъ почивать на чистой и свѣжей постелькѣ“.

„Жалуется благочинный, будто разъ я былъ пьяный въ церкви. Неправда. Можетъ быть, наболѣвшіе злобою протоіерейскіе глазки отразили такое впечатлѣніе. Сему не противорѣчу“.

„Я повалилъ, будто бы, столъ въ церкви и произвелъ соблазнъ. Въ комъ? Развѣ въ томъ, кто всѣхъ насъ называетъ конницей и griварями, ризы—рогожками, священнодѣйствія—шалостями. Радуюсь за протопопа, поздравляю его съ побѣдою!“

„Пустымъ и глупымъ человѣкомъ обзываетъ меня протопопъ. Позволительно дьячковской головѣ быть глупою. Но кто позволилъ быть глупымъ и пустымъ доносамъ изъ преисполненной премудростью главы кирсановскаго протоіерея?“

„И нерадивымъ аттестуетъ меня. О чемъ прикажете мнѣ радѣть, когда по службѣ я исправенъ?“

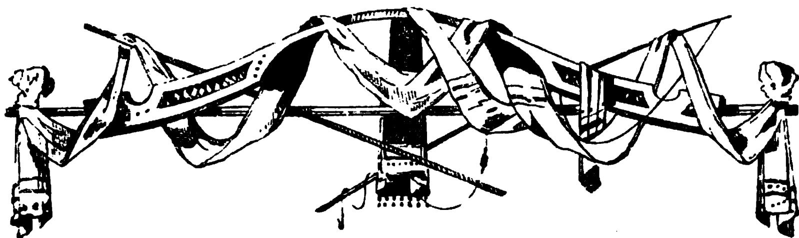
Въ заключеніе Товицкій пишетъ: „да что долго разговаривать—весь этотъ доносъ хоть брось“.

Краснорѣчивый кирсановскій дьячекъ за неодобрительное поведеніе отосланъ былъ на 3 мѣсяца въ Трегуляевъ монастырь, изъ котораго, впрочемъ, скоро убѣжалъ и явился къ архіерею просить новаго мѣста. Бѣглеца возвратили въ монастырь. Тогда за него вступился отецъ его, заштатный священникъ Гавріилъ Товицкій, и грозилъ пожаловаться на консисторію государю императору. „Я пресмыкаюсь по окнамъ чужихъ хижинъ, писалъ онъ, а вы сыну моему мѣста не даете“ [1])...

Сообщено **И. И. Дубасовымъ.**

---

[1]) „Арх. тамб. дух. консисторіи“, № 110.



СМѢСЬ.

Историческое паникадило. Въ дѣлѣ реставраціи московскаго Успенскаго собора, о чемъ недавно сообщалось въ печати, обнаруживается новый фактъ, доказывающій, насколько губительно было для произведеній отечественнаго искусства презрительное къ нимъ отношеніе, практиковавшееся въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ. Успенскій соборъ гордился огромнымъ серебрянымъ, искусной работы, паникадиломъ, пожертвованнымъ въ XVII вѣкѣ бояриномъ Морозовымъ. Французскія войска, во время грабежа Москвы при Наполеонѣ, похитили паникадило и захватили его съ собою, какъ трофей. Горсти патріотовъ, послѣ многихъ попытокъ, наконецъ, удалось отбить паникадило и доставить его обратно въ соборъ, съ утратою лишь одной вѣтви. Синодъ отдалъ распоряженіе поправить паникадило и укрѣпить его на прежнемъ мѣстѣ. Но дѣло, за недостаткомъ средствъ, нѣсколько затянулось. И вотъ, въ 1818 году, тогдашній оберъ-прокуроръ, министръ народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ, прислалъ бумагу, предписывающую сплавить старое паникадило и сдѣлать изъ него другое, по новому рисунку! Рѣдкость, спасенная народомъ отъ враговъ, все-таки погибла отъ руки русскаго министра народнаго просвѣщенія...

Модель царскаго дома въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Извѣстный московскій артистъ-моделировщикъ Д. А. Смирновъ все прошлое лѣто, около шести мѣсяцевъ, работалъ неусыпно надъ изготовленіемъ модели царскаго дома въ Ипатьевскомъ монастырѣ, гдѣ спасался отъ поляковъ Михаилъ Ѳеодоровичъ и гдѣ, послѣ того, принялъ онъ избраніе народомъ на царство. Домъ этотъ замѣчателенъ, какъ одинъ изъ хорошихъ образцовъ старинной русской архитектуры. Г. Смирновъ воспроизвелъ его съ своимъ обычнымъ искусствомъ. Основаніе модели имѣетъ въ длину слишкомъ 2½ аршина и въ ширину около одного аршина. Кромѣ царскаго дома, сдѣлана параллельная ему часть монастырской стѣны и угловая башня. Вся модель, въ конструкціи и краскахъ, есть совершенно точное подражаніе оригиналу. Соблюдены всѣ детали, кирпичи, раскраска, иконы и т. п. Лицевая сторона дома отнимается, и можно видѣть внутреннее расположеніе палатъ, со сводами, кафельными печами и божницами. На одной изъ стѣнъ модели сдѣлана надпись, гласящая, что художникъ посвящаетъ свой трудъ государю императору, въ память его посѣщенія Ипатьевскаго монастыря прошлымъ лѣтомъ. 18-го ноября, г. Смирновъ удостоился лично поднести модель государю императору, въ Гатчинѣ, и слышать высочайшее одобреніе и благодарность. Работа была справедливо оцѣнена и

теперь г. Смирновъ получилъ награду въ 700 руб. Его прежній, гораздо болѣе сложный трудъ—реставрація бывшаго деревяннаго дворца царя Алексѣя Михайловича, въ селѣ Коломенскомъ—былъ пріобрѣтенъ покойнымъ государемъ, Александромъ II, для московской оружейной палаты. Г. Смирновъ имѣетъ и другія высочайшія награды. Теперь онъ принялся за новую модель—ярославской церкви св. Іоанна Предтечи, что въ Толчковѣ, прекрасной замысловатой архитектуры XVII вѣка, изъ кирпича съ изразцами и съ 15 золотыми главами. Модель имѣетъ $1^1/_2$ аршина высоты. Если она будетъ готова къ маю, то появится въ ученомъ отдѣлѣ всероссійской выставки, вмѣстѣ съ другимъ, уже конченнымъ трудомъ г. Смирнова—моделью московскаго храма Василія Блаженнаго и Спасской башни.

Коллекція г. Кельсіева для историческаго музея. „Голосъ" сообщаетъ, что въ Москву прибываютъ собранныя на прибрежьяхъ Чернаго и Азовскаго морей г. Кельсіевымъ для московскаго историческаго музея разныя древнія изваянія, озбуждающія, при перевозкѣ по улицамъ, вниманіе любопытныхъ. Такъ, доставлены изъ Пятигорска извѣстные памятники древности, хранившіеся тамъ въ саду, около елизаветинской галлереи—два огромные каменные креста съ разными изображеніями и двѣ человѣческія фигуры. Изъ одиннадцати каменныхъ бабъ въ городскомъ саду Новочеркаска три, наилучше сохранившіяся, также привезены въ Москву. Самые любопытные экземпляры, рѣдкостной сохранности и работы, пріобрѣтены г. Кельсіевымъ, въ числѣ 13 штукъ, отъ бахмутскаго помѣщика, любителя древностей, г. Голубова. Они тоже прибыли въ Москву. Ожидаются также избранные экземпляры изъ Сибири. Вообще, историческій музей представитъ еще невиданное собраніе произведеній древнѣйшей языческой скульптуры, доказывающее, что это искусство было сильно развито у насъ прежде и исчезло лишь со введеніемъ христіанства. По ходатайству г. Кельсіева, предпринявшаго спеціальное изслѣдованіе о каменныхъ бабахъ, московское археологическое общество разсылаетъ нынѣ, черезъ посредство губернаторовъ, къ сельскимъ учителямъ и другимъ лицамъ въ губерніяхъ Харьковской, Екатеринославской, Таврической, Ставропольской, въ области: Донскую, Кубанскую и Терскую особыя программы. Та же газета сообщаетъ: „Послѣ тифлисскаго съѣзда археологовъ и въ виду предстоящаго такого же съѣзда въ 1884 году въ Одессѣ, предсѣдатель съѣздовъ, графъ Уваровъ, пришелъ къ убѣжденію, что въ общихъ интересахъ науки археологіи, а также для изощренія пріемовъ изслѣдованія и усиленія средствъ для ученыхъ предпріятій, обществамъ и факультетамъ разныхъ городовъ, заинтересованнымъ въ успѣхахъ и развитіи археологіи, полезно было бы соединять свои лучшія умственныя силы и денежныя средства для направленія тѣхъ и другихъ въ тѣ именно пункты, отъ изслѣдованія которыхъ можно ожидать наиболѣе плодотворныхъ результатовъ для науки. Мысль эта, при послѣдовательномъ ея развитіи, безъ сомнѣнія, можетъ привести къ централизаціи свободныхъ русскихъ ученыхъ силъ извѣстной спеціальности, и эти свободныя силы въ добровольномъ соединеніи между собою окажутся, конечно, дѣятельнѣе академій, состоящихъ на казенномъ жалованьи. Первое приглашеніе въ этомъ смыслѣ отъ московскаго археологическаго общества къ петербургскому археологическому встрѣчено петербургскимъ сочувственно и, въ качествѣ первой задачи, предложена организація экспедиціи для обслѣдованія и описанія кавказскихъ пещеръ, о нахожденіи которыхъ были получены особенно важныя свѣдѣнія во время тифлисскаго конгресса. На Кавказѣ есть гроты, углубляющіеся внутрь горъ на цѣлыя версты и представляющіе большія многочисленныя залы и подземные озера и источники. Обо всемъ этомъ существуютъ пока свѣдѣнія весьма смутныя".

стараясь казаться безпечнымъ, хотя въ душѣ былъ далеко не спокоенъ. Бумаги его всѣ пересмотрѣли съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ; но его не арестовали. Я должна даже прибавить, что со стороны нашей секціи не послѣдовало никакого притѣсненія; поражавшіе насъ удары всегда шли изъ болѣе высокихъ сферъ.

Вскорѣ послѣ этого къ намъ помѣстили на постой двухъ артиллерійскихъ солдатъ, которые находя помѣщеніе удобнымъ, поставили въ нашей большой кухнѣ, гдѣ они и спали, котелъ на 15-ть человѣкъ своихъ товарищей, приходившихъ обѣдать вмѣстѣ съ ними. Наши два солдата вначалѣ были очень угрюмы и безпокойны, такъ какъ находились среди мятежниковъ; малѣйшая вещь внушала имъ подозрѣніе, точно какъ будто кто намѣревался покуситься на ихъ жизнь. Затѣмъ, видя, что аристократы оказывались порядочными людьми, они приручились и сдѣлались болѣе общительны; чтобы доказать это на дѣлѣ, они пригласили къ себѣ на обѣдъ нашу горничную Кантà и слугу Сенъ-Жана. Послѣдніе отвѣчали на эту любезность въ свою очередь приглашеніемъ. Сенъ-Жанъ, желая достойнымъ образомъ попотчивать гостей, принесъ бутылку отличнаго вина, которое впередъ очень расхваливалъ; онъ всѣмъ налилъ полные стаканы. Одинъ изъ приглашенныхъ, расчитывая на хорошее вино, быстро выпиваетъ свой стаканъ и вдругъ вскрикиваетъ: „Я отравленъ!“ Это былъ самый бойкій изъ двухъ солдатъ. Другой, бывшій посмирнѣе, тщетно старался успокоить товарища. „Меня вѣдь предупреждали—повторялъ тотъ,—что аристократы хотятъ насъ отравить.“ Между тѣмъ Сенъ-Жанъ самъ пробуетъ этотъ злосчастный напитокъ: то былъ довольно крѣпкій уксусъ. Умный малый проглатываетъ самъ большой стаканъ мнимаго яда, разсыпается въ извиненіяхъ за ошибку и сейчасъ же приноситъ настоящую бутылку, которая скоро возстановляетъ между ними согласіе.

Со времени прибытія въ домъ этихъ двухъ солдатъ, отецъ мой тщательно укрывался отъ ихъ взоровъ, выходя изъ своей комнаты лишь въ тѣ часы, когда ихъ не было дома. Какъ-то случилось однако, что, несмотря на нашъ зоркій надзоръ, отецъ встрѣтился со старшимъ изъ двухъ солдатъ, съ которымъ онъ заговорилъ просто, какъ будто ему нечего было опасаться. Послѣ этого нѣсколько дней прошло довольно мирно, когда разъ вечеромъ, въ ту минуту, какъ наша служанка уходила изъ тетушкиной комнаты, чтобы лечь спать, — ей послышался легкій стукъ въ дверь; она прислушивается—ее кто-то зоветъ тихимъ, но взволнованнымъ голосомъ. Она отперла дверь—это была служанка нашей сосѣдки. „Поскорѣе разбудите вашего барина, къ вамъ идутъ, чтобъ его арестовать; нельзя терять ни одной минуты. Внизу кто-то постучался; я выглянула въ окошко; ихъ тамъ много; они спросили, не здѣсь ли онъ живетъ; я имъ указала на другую дверь [1]);

[1]) Въ домѣ, гдѣ мы жили, было двѣ двери съ однимъ и тѣмъ же номеромъ. Прим. авт.

но вотъ они уже возвращаются." Отца будятъ; онъ вскакиваетъ съ постели, бросается вонъ изъ комнаты, перебѣгаетъ чрезъ площадку лѣстницы; дверь г-жи де-Сулинье въ одно мгновеніе захлопнулась за нимъ; раздаются голоса: „Онъ бѣжитъ, запираютъ какую-то дверь!" И въ самомъ дѣлѣ, отца отдѣляла отъ нихъ только одна дверь. Они бросаются на Кантà, которая вышла къ нимъ на встрѣчу со свѣтильникомъ въ рукѣ. „Гдѣ онъ? Здѣсь сейчасъ отворяли дверь, кто-то ходилъ!" — Да вѣдь нужно же было ходить, чтобъ отпереть дверь; кажется, во второмъ этажѣ вы стучали два раза? — „Намъ ужасно долго не отпирали; во всякомъ случаѣ мы его найдемъ, потому что мы знаемъ, что онъ здѣсь!" Дѣйствительно, они шли навѣрняка. Сенъ-Жанъ, человѣкъ неосторожный и болтливый, встрѣтился передъ этимъ со своими земляками изъ Мулена, пришедшими сюда съ революціонной парижской арміей, чтобы вмѣстѣ съ нею опустошить Ліонъ, который тогда называли въ наказаніе за его возмущеніе **Свободной коммуной** (Commune affranchie)[1]. Когда его стали расспрашивать про отца, Сенъ-Жанъ, у котораго по обыкновенію чесался языкъ, тутъ же все разболталъ и сказалъ, гдѣ отецъ живетъ.

Эта страшная ночь никогда не изгладится изъ моей памяти. Короткій промежутокъ времени между словами; „Спасайтесь!" и входомъ комиссаровъ не оставилъ ни минуты на размышленіе. Я лежала на громадной кровати вмѣстѣ съ тетушкой. Кровать отца стояла на другомъ концѣ комнаты; мнѣ слѣдовало бы тотчасъ броситься на нее; этимъ мы избѣжали бы тысячи противорѣчій, очень опасныхъ для насъ. Но ни одна изъ насъ не подумала объ этомъ. Мы нà-скоро попрятали вещи отца подъ себя, да и то едва успѣли. Они уже стояли передъ нами. „Гдѣ же онъ? Гдѣ онъ?" восклицаютъ разомъ нѣсколько нетерпѣливыхъ голосовъ. — Кто? — „Жирò дез-Ешероль." — Онъ уѣхалъ.—„Гдѣ его комната?"—Здѣсь.—„Гдѣ онъ спитъ?"—На этой кровати.—„Почему его постель измята?"—Въ его отсутствіе на ней спитъ моя горничная, сказала тетушка; я боюсь оставаться одной. — „Это все очень хорошо сказано, но мы ничему не вѣримъ". И, поставивъ часовыхъ у нашей двери, они продолжали свои поиски въ другихъ комнатахъ.

Они дошли до каморки, гдѣ жила наша служанка Кантà; ея постель не была измята, но была приготовлена, и одѣяло откинуто, какъ обыкновенно дѣлается передъ тѣмъ, какъ ложиться. „Кто здѣсь помѣщается?"—Я, отвѣчала она.—„Зачѣмъ эта постель приготовлена сегодня?" Она привела какую то причину, которой они не удовольствовались и возвратились назадъ, въ злобѣ все повторяя: „мы его найдемъ." Они оставили насъ подъ надзоромъ часовыхъ, поставлен-

---

[1]) Конвентъ постановилъ послѣ взятія Ліона разрушить всѣ лучшія зданія въ немъ и вычеркнуть его названіе изъ списка городовъ Франціи.

Прим. пер.

ныхъ не только у двери нашей спальни, но и во всѣхъ другихъ комнатахъ нашей квартиры; потомъ удалились съ тѣмъ, чтобы продолжать поиски по всему дому. Одному Богу извѣстно состояніе души моей, когда мы услышали, что они стучатся къ г-жѣ Сулиньe; мы не знали въ ея квартирѣ ни одного уголка, гдѣ можно было бы спрятаться. Намъ уже представлялось, что они возвращаются, влача вслѣдъ за собою отца. Нами овладѣла невыразимая тоска, отъ которой застывала кровь въ жилахъ и самая жизнь какъ бы пріостанавливалась на время. Какъ безконечно долго и томительно было это ожиданіе! Но они возвратились безъ отца; о Боже! ты видѣлъ нашу благодарность.

Они были внѣ себя отъ этой неудачи, и гнѣвъ ихъ обрушился на Кантá и на жалкаго Сенъ-Жана, который сильно раскаявался въ своей болтовнѣ. Комиссары рѣшили, что оба слуги отправятся на ночь въ тюрьму. Бѣдные Канта и Сенъ-Жанъ, захвативъ съ собою ночные колпаки, готовы уже были идти, какъ вдругъ комиссары вспомнили о двухъ солдатахъ, которыхъ они видѣли спокойно спящими; они пріостановились, чтобъ отобрать показанія у этихъ храбрыхъ защитниковъ отечества. Тотъ, который не видалъ ни разу моего отца, поклялся честью истаго республиканца, что съ тѣхъ поръ, какъ живетъ въ этомъ домѣ, онъ не видалъ ни одного мужчины, кромѣ гражданина Мариньи (т. е. Сенъ-Жана, котораго не осмѣливались болѣе такъ называть). Товарищъ его смолчалъ и подписался подъ этимъ показаніемъ. Одно его слово могло погубить насъ. „Будьте благодарны этимъ добрымъ республиканцамъ, "сказали комиссары нашимъ слугамъ; „можете оставаться здѣсь до новаго распоряженія." Съ этимъ они ушли, а наши слуги были въ восторгѣ отъ такого рѣшенія.

Мы пролежали до самаго утра неподвижно, боясь произнести слово, такъ какъ не знали, до какой степени за нами слѣдятъ. Едва показался свѣтъ настолько, что можно было различать предметы, какъ явилась горничная г-жи Сулиньé за платьемъ отца; а когда наши солдаты ушли изъ дому, отецъ вернулся къ намъ. Онъ провелъ ночь въ маленькомъ чуланчикѣ, который заставили шкапомъ и по какому-то неслыханному счастью, среди глубокой ночной тьмы комиссары не замѣтили этого чуланчика, выходившаго во дворъ. Отецъ слышалъ, какъ они близъ него стучали и громко говорили, и былъ увѣренъ, что его отыщутъ. Ночь показалась ему очень длинной и холодной: онъ былъ совсѣмъ безъ платья (а это происходило въ концѣ октября 1793 года).

Мы встрѣтились съ радостнымъ чувствомъ людей, которые только-что избѣгли смерти, но все еще страшатся ея. Въ самомъ дѣлѣ, Дамокловъ мечъ, висѣвшій надъ нашими головами, могъ поразить насъ каждую минуту. Необходимо было рѣшиться на что нибудь; но это было очень трудно; бóльшая часть нашихъ знакомыхъ были въ

такомъ же положеніи, какъ и мы сами. Каждый боялся за себя, и къ тому же каждый имѣлъ свои собственныя дѣла. Мы были увѣрены, что за малѣйшими нашими поступками будутъ зорко наблюдать, что будутъ слѣдить за каждымъ шагомъ тѣхъ, кто отъ насъ выходитъ; неосмотрительность слуги, который чуть не погубилъ всѣхъ насъ, не позволяла намъ болѣе довѣряться ему ни въ чемъ. Было рѣшено, что всѣ хлопоты и нужные переговоры о томъ, какъ устроить бѣгство отца, будутъ поручены мнѣ, такъ какъ мой возрастъ и дѣтскій видъ устраняли всякую мысль о томъ, чтобы мнѣ могли довѣрить что-либо важное. Тетушка моя своимъ выходомъ изъ дому непремѣнно привлекла бы вниманіе шпіоновъ, которые бродили близъ нашего дома большую часть дня.

Итакъ, я отправилась къ г-жѣ Турнуэръ, той самой, которая разъ являлась къ намъ среди ночи, чтобъ предупредить отца о грозившей ему опасности. Домъ ея находился у самыхъ городскихъ воротъ на берегу Соны, близъ Везскаго предмѣстья. Это не былъ настоящій трактиръ, но и не простой питейный домъ. Прежде они жили въ довольствѣ, но за послѣднее время обѣднѣли. Мы условились насчетъ всего, какъ устроить бѣгство отца; теперь все дѣло было въ томъ, какъ бы провести его къ нимъ; для этого оказалось нужнымъ послать меня еще въ другое мѣсто на противоположный конецъ Ліона, къ нѣкоему г. Клемансонъ, знакомому моего брата. Я застала только одну его жену, которая не имѣла никакого отношенія къ нашей семьѣ, но, несмотря на это, приняла меня очень привѣтливо; я нашла въ ней всю преданность стараго друга; она не только согласилась дать мнѣ для отца мундиръ своего мужа, но сказала, что сама придетъ къ намъ съ одной вѣрной пріятельницей, чтобы выйти изъ нашего дома вмѣстѣ съ моимъ отцомъ; въ обществѣ дамъ онъ долженъ былъ внушать менѣе подозрѣнія, чѣмъ если бъ онъ вышелъ одинъ. Одѣтый въ мундиръ національнаго стража и ведя подъ руку своихъ двухъ покровительницъ, онъ вышелъ изъ дому послѣ обѣда; выбирая самыя уединенныя улицы, они безпрепятственно достигли условленнаго мѣста. Домъ г-жи Турнуэръ былъ полонъ народа. При появленіи этого національнаго стража и двухъ дамъ, она стала разсыпаться передъ ними въ извиненіяхъ за шумъ и толпу. „Вамъ будетъ здѣсь неудобно", сказала она,—„да тутъ и мѣста больше нѣтъ. Эти гражданки, можетъ быть, предпочтутъ болѣе спокойное помѣщеніе; я поведу васъ въ павильонъ, который у насъ въ саду." Отецъ мой гордо прошелъ мимо этого шумнаго общества, спросивъ себѣ чего-то выпить. Затѣмъ обѣ дамы простились съ нимъ и зашли извѣстить насъ объ отцѣ. Узнать, что онъ въ безопасности, было для насъ великою радостью; а между тѣмъ, что̀ это была за безопасность? Онъ находился въ трактирѣ, наполненномъ именно такого рода людьми, которые могли его схватить, можетъ быть, разорвать на части, если бъ только узнали его, или догадались, кто онъ; но увѣренность, что его

нѣтъ болѣе у насъ въ домѣ, окруженномъ шпіонами, уже казалась намъ спасеніемъ. Не знакомитъ-ли это живо съ тѣмъ временемъ, которое мы тогда переживали?

Теперь оставалось только выйти изъ города, минуя городскія ворота, что и было исполнено съ помощью маленькой лодочки [1]), которая безъ шума причалила къ самой бесѣдкѣ и въ которую отецъ спустился ночью; кругомъ царило глубочайшее молчаніе. Вѣрная лодочница въ нѣсколько взмаховъ веселъ перевезла его и высадила на берегъ за городскими воротами. Онъ очутился въ Везскомъ предмѣстьи, гдѣ, все же благодаря заботамъ г-жи Турнуэръ, былъ украдкой введенъ въ опечатанную квартиру, гдѣ вѣрнѣе всего можно было, по крайней мѣрѣ въ ту минуту, укрыться отъ всякихъ поисковъ. Краткость времени, которымъ она распологала, не позволила ей придумать что нибудь лучшее и принять другія мѣры. Какъ я сказала выше, всѣ въ то время жили лишь послѣдней минутой. Вамъ принадлежало только настоящее мгновеніе; разсчитывать на слѣдующее—было бы безуміемъ.

Такъ удалось отцу вторично пробраться за грозную заставу; а дѣло было не легкое; иногда этого не могли добиться граждане, наиболѣе свободные въ своихъ дѣйствіяхъ. Были такіе несчастные дни, когда рѣшительно никого не пропускали; въ иные дни, для того чтобъ войти, приходилось подвергнуться строжайшему допросу, или даже представить свои документы въ полной исправности. Разсказывали объ одномъ человѣкѣ, который, какъ и мой отецъ, желалъ оставить городъ и, не имѣя паспорта, также задумалъ обойтись безъ него. Этотъ ловкій человѣкъ, никѣмъ не замѣченный, дошелъ до Везскихъ воротъ и, остановившись посреди самаго проѣзда, дождался, когда часовой, ходившій взадъ и впередъ, повернулся къ нему. „Гражданинъ", сказалъ онъ ему, „правда-ли, что сегодня никого не выпускаютъ изъ города?" — Да, гражданинъ, таковъ приказъ! „Въ такомъ случаѣ, я не войду", продолжалъ тотъ, спокойно повернулся и ушелъ. Видя, что онъ безъ шляпы, часовой принялъ его за жителя предмѣстья и оставилъ въ покоѣ.

Новая опасность ожидала моего отца въ убѣжищѣ, считавшемся такимъ вѣрнымъ. Ему было строжайшимъ образомъ запрещено ходить по комнатѣ и вообще производить малѣйшій шумъ, потому что въ томъ мѣстѣ, гдѣ наложены печати, нѣтъ болѣе жизни. Онъ все пообѣщалъ, но не выдержалъ. Было выше его силъ и природной живости выдержать себя въ такой безусловной неподвижности. Старушка, жившая внизу подъ опечатанной квартирой, услышала шумъ, и боясь, не забрался ли туда воръ, поспѣшила заявить, что въ секвестрованномъ помѣщеніи кто-то живетъ. Это произвело великое вол-

[1]) Эти маленькія лодочки, которыми покрыта Сона, въ Ліонѣ называютъ лопатками (bêches); гребцами ихъ всегда служатъ женщины. Прим. авт.

ненiе. Тотчасъ бросились осматривать квартиру, но тамъ никого не оказалось. По счастью, отецъ во-время узналъ про это и выбрался оттуда такимъ же способомъ, какъ попалъ туда.

Новое затрудненiе—ничего не было приготовлено для его бѣгства. Что дѣлать? Куда дѣвать его? Въ этотъ день пропускъ черезъ городскiя ворота былъ свободный. Отецъ пользуется этимъ, чтобы снова войти въ городъ, откуда его недавно съ такимъ трудомъ выпроводили. Его провели въ монастырь, превращенный во время осады въ госпиталь [1]). Непрiятель во все время осады направлялъ бомбы на городскую богадѣльню, отъ которой его отдѣляла только Рона, и это прекрасное зданiе, изрытое гранатами, не могло болѣе служить прiютомъ для страждущихъ. Пять разъ оно загоралось; на немъ былъ поднятъ черный флагъ; посланы были парламентеры съ просьбою пощадить убѣжище больныхъ и умирающихъ. „Тамъ скрываются раздушенные франты" [2]) говорили имъ въ отвѣтъ и продолжали пальбу. Тогда больныхъ перенесли на рукахъ на другой конецъ города, въ „Обитель Двухъ Влюбленныхъ", гдѣ они были въ безопасности. Нѣсколько женщинъ родили на улицѣ во время перехода, иные тяжко больные испустили дыханiе пока ихъ несли. Что за страшныя времена!

Отецъ мой скрывался здѣсь около трехъ дней; онъ благополучно вышелъ оттуда и отправился къ г-жѣ де-ля-Костъ, которая не знала его вовсе, но тѣмъ не менѣе подвергала себя опасности ради него. Она жила въ загородномъ домѣ, въ нѣкоторомъ разстоянiи отъ Лiона. Я никогда на видала ея и не знаю, что сталось съ этой женщиной. Если эти строки попадутся когда нибудь въ руки ея близкихъ, то они найдутъ здѣсь увѣренiе, что память о ней никогда не изгладится въ нашихъ сердцахъ.

Въ это время у насъ было сдѣлано нѣсколько общихъ обысковъ и нѣсколько частныхъ, касавшихся однихъ насъ. Не имѣя никакихъ извѣстiй объ отцѣ, не вѣдая, что сталось съ братомъ, мы жили въ такой мучительной тревогѣ, которую ничто не могло облегчить. Окруженные шпiонами, мы не имѣли никакой возможности развѣдать что либо о ихъ участи.

---

[1]) Старинная легенда гласила, что двое влюбленныхъ бросились тутъ съ утеса въ Сону. Ихъ родители, убитые горемъ, основали на мѣстѣ этого трагическаго происшествiя монастырь, который поэтому назывался обителью для успокоенiя душъ „Двухъ влюбленныхъ"—„Des deux Amants". Примѣч. автора.

[2]) Muscadins—такъ называли якобинцы молодыхъ людей изъ благородныхъ семействъ, порядочно одѣтыхъ. Примѣч. автора.

ГЛАВА VIII.

Наше имущество опечатано.—Арестъ тетушки.—Подробности о ея заключеніи.—Мнѣ разрѣшаютъ навѣщать ее.—Гражданинъ Форе, приставленный охранять печати, и его супруга.—M-lle де-Бельсизъ.—Мои посѣщенія тюрьмы и какъ мы проводили тамъ время.

Въ квартирѣ тетушки все опечатали. Въ тотъ день, когда комиссары нашей секціи явились къ намъ для наложенія печатей, кончилось для меня всякое ученіе и образованіе. Съ тѣхъ поръ, предоставленная теченію событій, я не имѣла иныхъ наставниковъ.

Въ то время я брала уроки англійскаго языка. Уроки рисованія прекратились съ бѣгствомъ г. Вилона; онъ былъ слишкомъ честенъ, чтобы не внушить подозрѣнія, и вдобавокъ онъ защищалъ городъ во время осады. Онъ какъ-то забылъ у меня маленькій гравированный портретъ Шалье, который, неожиданно попавшись на глаза комиссаровъ, тѣмъ болѣе изумилъ ихъ, что они не знали еще о существованіи его; они стали выражать свой восторгъ въ самыхъ напыщенныхъ восклицаніяхъ и, отложивъ въ сторону прочія дѣла, сейчасъ же послали этотъ портретъ въ участокъ. И какъ же возрадовались тамъ, когда увидѣли изображеніе этого мученика за свободу!

Комиссары не стѣснялись, накладывая печати; я сама слышала, какъ они между собою безцеремонно говорили о мебели, которая пришлась по ихъ вкусу въ разныхъ домахъ, гдѣ уже былъ наложенъ арестъ, и дѣлали даже другъ другу уступки на нашъ счетъ. Они водворили у насъ въ качествѣ охранителя наложенныхъ печатей маленькаго старичка въ парикѣ, въ сѣромъ сюртукѣ; онъ держалъ въ рукѣ палку съ набалдашникомъ изъ слоновой кости и хорохорился, стараясь придать себѣ важный видъ. Давши ему всѣ нужныя наставленія, комиссары обратились къ тетушкѣ съ слѣдующими словами: „Гражданинъ Форе долженъ кормиться у тебя, сидѣть въ твоей комнатѣ и грѣться у твоего огня“. Послѣ этой лаконической рѣчи они удалились, а я побѣжала сказать г-ну Девису, чтобы онъ къ намъ болѣе не приходилъ. Уроки англійскаго языка! Да гражданинъ Форе подумалъ бы, что мы затѣваемъ заговоръ противъ республики. Уже одно имя Девиса было преступленіемъ, и хотя я не знаю, что съ нимъ сталось впослѣдствіи, но очень можетъ быть, что онъ поплатился своей головой.

Вернувшись въ наше печальное жилище, я старалась привыкнуть къ этому новому свидѣтелю малѣйшихъ поступковъ и чуть не самыхъ помысловъ нашихъ. Тетушка моя выказывала удивительное спокойствіе, вовсе не свойственное ея живому характеру, сила котораго развивалась наравнѣ съ нашими бѣдствіями. Присутствіе духа никогда ее не покидало; ея предусмотрительность и мужество росли вмѣстѣ съ испытаніями. Ея любовь къ роскоши, которую доставляетъ богатство, ис-

чезла навсегда. Удобства жизни, прежде имѣвшія для нея большую прелесть, не стоили ей ни минуты сожалѣнія. Забывая себя для насъ, за насъ однихъ она испытывала страхъ, за насъ только она трепетала; и на новомъ поприщѣ, открывавшемся передъ нею, она готовилась къ потерѣ всего, что имѣла, безъ одного вздоха, безъ слова ропота на свою собственную участь.

Наступалъ вечеръ, приходилось садиться за столъ вмѣстѣ съ гражданиномъ Форé, этимъ оффиціальнымъ шпіономъ, приставленнымъ къ намъ для того, чтобы проникать въ наши мысли и считать наши слезы. Сенъ-Жанъ и Канта готовили скромный обѣдъ, который мы должны были раздѣлить съ нимъ, какъ вдругъ раздались шаги вооруженныхъ людей, быстро поднимавшихся по лѣстницѣ; вслѣдъ за этимъ кто-то постучался въ нашу дверь. Гражданинъ Форé отпираетъ. Входитъ муниципальный чиновникъ въ сопровожденіи жандармскаго офицера и нѣсколькихъ солдатъ. — „Гдѣ находится Жиро дез-Ешероль?" спрашиваютъ они. Тетушка хранитъ молчаніе и указываетъ на приставленнаго къ печатямъ стража. Послѣдній не отличался быстротой и далъ имъ нѣсколько разъ нетерпѣливо повторить тотъ же вопросъ прежде, чѣмъ объяснилъ имъ, что Жиро дез-Ешероль здѣсь нѣтъ, что квартира эта опечатана въ этотъ самый день утромъ и поэтому никто не можетъ здѣсь укрываться. Несмотря на это, принялись искать въ другихъ комнатахъ, но скоро вернулись въ ту, гдѣ мы были.—„Гдѣ твой братъ?" спросилъ муниципальный чиновникъ у моей тетушки. „Не знаю", сказала она, и это была истинная правда. На всѣ вопросы онъ получалъ столь же мало удовлетворительные отвѣты.—„Что же! такъ какъ мы не находимъ брата, то уведемъ съ собой сестру. Ты не хочешь сказать, гдѣ онъ; хорошо! но тогда тебя посадятъ въ тюрьму за него и ты просидишь тамъ до тѣхъ поръ, пока у тебя развяжется языкъ. Идемъ, маршъ!" Я хотѣла выступить впередъ, но взглядъ тетушки удержалъ меня на мѣстѣ. Она просила только подождать минуту, пока соберетъ кое-какія вещи, въ надеждѣ найти случай сказать мнѣ нѣсколько словъ, но ей отказали въ этой милости. Насъ не оставили вдвоемъ ни на одну минуту. Я не могла ничего прочесть въ ея глазахъ—даже за нашими взглядами слѣдили. Между тѣмъ, почуя опасность съ самаго появленія коммисаровъ, она уже раньше нашла время, чтобы приказать мнѣ держаться подальше отъ нея и молчать. Впродолженіе немногихъ минутъ, пока длилась эта сцена, она тщательно избѣгала меня, или же обращалась со мной очень равнодушно; такъ предусмотрительная любовь ея старалась отклонить отъ меня всякую опасность. „Если сочли нужнымъ арестовать сестру", думала она, „то какъ же не опасаться за дочь, за ребенка, у котораго они могли надѣяться безъ труда вырвать тайну съ помощью хитрости или насилія". Такова была нѣжная забота ея обо мнѣ. Она вышла (это было въ ноябрѣ 1793 года), не смѣя взглянуть на

меня, не сказавши мнѣ ни одного слова. — „Куда ведутъ меня?“— „Увидишь“. Я видѣла, какъ отворилась дверь и потомъ закрылась послѣ ея ухода. Осиротѣлая, одинокая, я вторично теряла свою мать, свою опору, свою руководительницу. Мнѣ тогда едва минула 14 лѣтъ.

Сенъ-Жанъ издали слѣдовалъ за тетушкой и видѣлъ, что ее отвели въ секцію Биржи. Онъ тотчасъ вернулся сообщить мнѣ объ этомъ. Мы немедленно принялись собирать бѣлье, простыни, одѣяла и все самое необходимое, чтобы тетушка могла споснѣе провести эту ночь. Нашъ стражъ не мѣшалъ намъ; но когда слуга, нагруженный матрасами и всѣми прочими вещами, хотѣлъ выдти, тотъ объявилъ, что не отопретъ двери и не позволитъ уносить изъ дому ничего. „Да вѣдь это ея вещи, это для нея!“—Очень жаль, но я не могу этого допустить“. — „Но вѣдь она женщина пожилая, ей будетъ тяжело“.—Очень жаль, но этого никакъ нельзя“. Пришлось покориться и ждать. Мы тутъ увидѣли, что находились совершенно во власти гражданина Форé. Не смѣя выдти изъ дому безъ его позволенія, мы сами были почти узниками.

Тетушка моя провела ночь въ одной изъ залъ секціи. Она не почувствовала, что лишена всякихъ удобствъ и сонъ ни на минуту не смежилъ ея очей, такъ какъ впродолженіе всей ночи сюда являлись одни за другими множество лицъ, арестованныхъ подобно ей. На разсвѣтѣ ее перевели вмѣстѣ съ прочими товарищами въ бѣдѣ въ монастырь Затворницъ (Recluses), который долженъ былъ служить имъ тюрьмою.

Я узнала только поздно на другой день о мѣстѣ ея заключенія и тотчасъ послала въ арсеналъ къ г-жѣ Леже попросить нашъ матрасъ и складную кровать для тетушки, такъ какъ у нея находилась мебель, отданная на время еще моимъ отцомъ г-ну Геріо. Едва рѣшаюсь сказать, что получила отказъ и что г-жа Леже старалась доставить эти самыя вещи одному заключенному, который внушалъ ей больше участія; но это ей не удалось.

На другой день я побѣжала какъ можно раньше въ правленіе участка. Два важныхъ дѣла влекли меня туда: видѣть тетушку и добыть хлѣба; тутъ, кстати, я скажу, какимъ образомъ получался хлѣбъ.

Въ каждомъ участкѣ было лишь извѣстное количество хлѣбниковъ, имѣвшихъ исключительное право продавать хлѣбъ. Лавки ихъ были совсѣмъ закрыты. Каждый изъ желавшихъ получить хлѣбъ, по очереди подвигаясь къ маленькому окошечку, устроенному для этого, подавалъ свидѣтельство отъ участка на полученіе извѣстнаго количества хлѣба. Хлѣбникъ, провѣрявшій свидѣтельство, возвращалъ его и при этомъ черезъ окошечко просовывалъ вамъ за ваши деньги предписанное количество этого хлѣба, который такъ тяжело доставался. Получившій свою порцію тотчасъ удалялся, и весь рядъ под-

вигался на шагъ впередъ. Этотъ рядъ часто тянулся длинной вереницей вдоль нѣсколькихъ улицъ, такъ что послѣдніе могли надѣяться позавтракать развѣ къ пяти часамъ вечера. Таковы были благодѣтельныя послѣдствія свободы.

Итакъ, я хотѣла увидѣть тетушку и получить свою порцію хлѣба,— два дѣла великой важности для меня. Это былъ мой первый шагъ на трудномъ поприщѣ, на которомъ одинокая я подвизалась съ этого времени. Не безъ волненія вошла я въ залу правленія участка, осмѣлилась одна выступить впередъ и заговорить громко передъ столькими людьми, совершенно мнѣ чуждыми. Къ счастью, я узнала одного изъ комиссаровъ, бывшихъ у насъ два дня тому назадъ, при наложеніи ареста на наше имущество, по имени Дюка. Я стала говорить ему о тетушкѣ, о ея арестѣ и убѣдительно просила его дать разрѣшеніе повидаться съ ней. „Вотъ какъ! Мы оставили ее въ покоѣ, сказалъ онъ, но они были не такъ вѣжливы, какъ мы! Граждане! я нахожу справедливымъ допустить эту дѣвочку къ ея теткѣ, которая замѣняетъ ей мать; мы можемъ это ей дозволить." Его слова были приняты съ одобреніемъ. На маленькомъ клочкѣ бумагѣ отъ правленія Биржевой секціи былъ написанъ приказъ допустить меня въ тюрьму Затворницъ. Имѣя въ своихъ рукахъ эту бумажку, поощренная первымъ успѣхомъ, я снова заговорила для объясненія, что при наложеніи ареста намъ было приказано кормить нашего стража и что, не имѣя возможности достать хлѣба, я прошу билетъ для покупки его. „Ты не получишь его, это противно закону." — Но вѣдь вы сами знаете, граждане, что я не могу получить хлѣба безъ вашего свидѣтельства; какъ же сдѣлать?—„Дѣлай, какъ знаешь!"—Что же, значитъ, я должна умереть съ голоду? — „Будь покойна, не умрешь съ голоду; всѣ бывшіе бары имѣютъ средства, и ты изъ той же породы аристократовъ, которые умѣютъ вывернуться изъ бѣды; ты наслѣдуешь ихъ духъ интриги и не умрешь съ голоду."—Въ такомъ случаѣ, отвѣтила я очень рѣшительно, если вы меня лишаете средствъ къ жизни, вы не можете взыскивать, если я не буду давать хлѣба вашему стражу, котораго вы насъ обязали кормить. — „Ахъ, что касается до него, это совсѣмъ другое дѣло; онъ получитъ свой билетъ; это хорошій республиканецъ! Пусть придетъ! О себѣ же не безпокойся—ты не пропадешь!" Предсказаніе ихъ оправдалось: Провидѣніе, о которомъ они забывали, печется о сиротахъ. Безъ его же помощи какъ могла бы я преодолѣть столько препятствій?

Я поспѣшила удалиться изъ этого вертепа и побѣжала въ монастырь Затворницъ. Входная дверь не была еще осаждаема толпой. Многіе не знали еще, въ какой тюрьмѣ находятся ихъ родственники. Аресты продолжались. Вездѣ царствовало великое смятеніе. Счастьемъ увидѣть тетушку я была обязана быстротѣ своего обращенія къ республиканцамъ и, можетъ быть, своей юности, которую не удерживали никакія соображенія благоразумной или трусливой осторожности.

Пройдя черезъ первую дверь, я спросила тюремщика и показала ему свое разрѣшеніе. Онъ прочиталъ бумагу, перевернулъ ее, еще разъ прочиталъ, потомъ задумался. Находясь между жизнью и смертью, я ожидала своего приговора. Никакого распоряженія не послѣдовало еще относительно допущенія въ тюрьму. Самъ тюремщикъ еще не былъ опытенъ въ новыхъ суровыхъ мѣрахъ и не имѣлъ привычки дѣлать зло. Видя, что передъ нимъ стоитъ чуть не ребенокъ, онъ сжалился надо мною и, заглушивъ въ себѣ сомнѣнія, пропустилъ меня. Мнѣ отворили вторую дверь, потомъ рѣшетку, и я очутилась во внутреннемъ дворѣ. Я была внѣ себя, что удалось проникнуть сюда. Я задыхалась отъ горя и отъ радости; я шла, широко шагая, за ведшимъ меня сторожемъ, занятая только своими мыслями, прислушиваясь лишь къ своему волненію, какъ вдругъ услышала вокругъ себя незнакомые голоса, которые обращались ко мнѣ; меня чуть не трогали руками: это были преступники,—они просили милостыни, они приближались, гремя своими цѣпями. Этотъ звукъ цѣпей, эти изнуренныя и зловѣщія лица, заставили меня очнуться, глубоко потрясли меня и навели на меня ужасъ. До этого никогда не приходилось мнѣ видѣть преступленіе такъ близко; я то ускоряла, то замедляла свои шаги, боясь, чтобъ они не замѣтили ужаса и отвращенія, внушаемаго ими. Длинный и темный коридоръ привелъ меня къ лѣстницѣ. Я должна была попросить посторониться одного изъ преступниковъ, сидѣвшаго на первой ступенькѣ и болтавшаго съ нарумяненной женщиной, въ роскошныхъ лохмотьяхъ, со смѣлымъ видомъ и дерзкими глазами; ея взглядъ заставилъ меня потупиться. Мнѣ было непріятно, что платье мое коснулось ея одежды. Все въ этой тюрьмѣ приводило меня въ дрожь. Когда мы достигли перваго этажа, я думала, что могу войти къ тетушкѣ. Нѣтъ, сторожъ показалъ мнѣ ея дверь, но—онъ забылъ ключъ отъ нея; онъ пошелъ за нимъ, а я осталась одна передъ этой дверью. На ней было три засова и два новыхъ замка; на двухъ другихъ дверяхъ на той же площадкѣ также висѣли новые замки, свидѣтельствовавшіе о новизнѣ этихъ предосторожностей.—Тетушка моя такъ тщательно заперта, подумала я; — преступники дышатъ воздухомъ, а невинные лишены его! Тѣ прогуливаются, а она сидитъ взаперти! Увы! я не смѣла даже вздохнуть; самыя мысли мои были какъ бы въ цѣпяхъ; я боялась, чтобы ихъ не угадали и не вмѣнили этого моей тетушкѣ въ новое преступленіе.

Наконецъ, дверь отворилась и я бросилась въ нее; мнѣ казалось, что я вижу уже ту, къ которой такъ стремилась. Но передо мною все незнакомыя женщины. „Вы тоже заключены въ тюрьму?“ спрашиваютъ онѣ меня.—„Нѣтъ, нѣтъ, гдѣ моя тетушка?“. Моя бѣдная тетушка, завидя меня, бѣжала мнѣ на встрѣчу счастливая и сіяющая. „Что ты дѣлала? Какъ ты поживаешъ? Что сталось съ тобой?“— „Тетя, спали ли вы эту ночь? Кушали ли вы? Не больны ли вы?“. У меня было столько вопросовъ! Всѣ дамы смотрѣли на меня, слу-

шали насъ, умилялись вмѣстѣ съ нами; онѣ называли меня своимъ добрымъ геніемъ, потому что мое присутствіе давало имъ надежду, что двери темницы откроются и для кого нибудь изъ любимыхъ и дорогихъ имъ существъ. Я первая изъ публики проникла въ тюрьму. „Что вы сдѣлали, чтобы войти сюда?" Я объяснила имъ это, какъ могла. Тетушка моя, дрожа надо мною какъ скупой надъ своимъ добромъ, беретъ меня за руку, отрываетъ меня отъ ихъ разговора и, увлекая меня за собой, ведетъ черезъ большой чердакъ. Мы входимъ въ довольно просторную комнату, гдѣ она сажаетъ меня на свой матрасъ, скатанный на полу.

Я забыла сказать, что послѣ отказа г-жи Лежѐ нашлась добрая женщина, уступившая съ своей постели волосяной матрасъ, который я имѣла счастье доставить тетушкѣ; но до этого, втеченіе двухъ сутокъ, она не имѣла ничего, кромѣ небольшого пучка соломы. Этотъ матрасъ служилъ ей постелью, столомъ и стуломъ. Я не видѣла никакой другой мебели въ этой комнатѣ, гдѣ помѣщалось болѣе пятидесяти человѣкъ. Тѣ, которыя не имѣли своего матраса, спали на соломѣ (да и той было очень мало), а это была большая часть. Таково было зрѣлище, поразившее мои взоры и повергнувшее меня на нѣкоторое время въ молчаніе.

Тетушка на мой взглядъ ни чуть не перемѣнилась; она не показалась мнѣ ни убитой, ни озабоченной своею участью; она вся отдалась радости нашего свиданія, не смотря на постоянную мысль объ опасностяхъ, которыя, по ея мнѣнію, угрожали мнѣ. Но эти самые страхи еще увеличивали счастье видѣть меня. Я сдѣлалась для нея какъ будто еще дороже! Слабая былинка, ставшая ея опорой и чуть не единственной надеждой ея, я была все въ ея жизни. Мы вмѣстѣ перебрали все, что случилось за эти три дня, безконечно длинныхъ, полныхъ печальными для насъ новостями. Мы пересказали другъ другу каждый часъ этихъ тяжелыхъ дней. Описаніе нашихъ взаимныхъ чувствъ утѣшало или омрачало наши сердца. Она осыпала меня ласками, и время промчалось быстро. Пора было уходить. Я вышла оттуда со множествомъ порученій, которыя взяла на себя съ радостью. Мнѣ было отрадно принести утѣшеніе во многія семьи, поверженныя въ отчаяніе, сообщить имъ средства, съ помощью которыхъ мнѣ удалось проникнуть въ тюрьму, и сказать имъ: „Я видѣла ихъ, онѣ живы, онѣ ожидаютъ васъ". Я снова прошла черезъ большой чердакъ, торжественно сопровождаемая всѣми узницами. „Не забудьте же, сегодня вечеромъ! прошу васъ", говорили онѣ.— „Да! да! сегодня же вечеромъ", отвѣчала я. Тетушка благословила меня, прощаясь со мной. Радостное сознаніе, что я могла быть полезной, оказать услугу этимъ несчастнымъ женщинамъ, облегчило мнѣ это первое прощанье и помогло мнѣ пройти безъ страха и отвращенія по мрачнымъ коридорамъ и сквозь эту толпу людей отталкивающаго вида. Я думала только о возможности быть полезной и тотчасъ же

сдѣлалась храброй. Быть полезной! Какую силу придаетъ одна эта надежда! Такое слабое, маленькое существо, какъ я, могло питать ее! Въ какую нибудь минуту я словно выросла и возмужала.

Я исходила въ этотъ вечеръ невѣроятно много, чуть не весь городъ, чтобы разнести всѣ порученныя мнѣ записки и разсказать о томъ, что̀ я видѣла, что̀ сдѣлала. Одни мнѣ дали отвѣты письменные, другіе на словахъ. Моя память, мой умъ вдругъ какъ-то изощрились заодно съ моимъ усердіемъ. Я ни разу не ошиблась адресомъ и ничего не забыла. Сенъ-Жанъ сопровождалъ меня въ моихъ ночныхъ похожденіяхъ. Я вернулась домой очень поздно, усталая, но отъ радости не ощущая ни утомленія, ни даже непріятнаго чувства при видѣ гражданина Форе, сидѣвшаго передъ нашимъ каминомъ; я была слишкомъ счастлива, чтобы сердиться на кого бы то ни было. Одинъ день удвоилъ всѣ мои способности. Я заснула съ надеждой доставить на другой день бѣднымъ узницамъ вѣсти о ихъ семьяхъ— и сладокъ былъ мой сонъ въ эту ночь.

На другой день я снова отправилась въ тюрьму, неся въ рукахъ корзинку съ обѣдомъ для моей тетушки. Меня впустили и я имѣла счастіе отдать отчетъ въ моихъ порученіяхъ. Но какая новость! Распоряженіе насчетъ посѣщенія заключенныхъ было получено: мой клочекъ бумажки не былъ болѣе годенъ,—тюремщикъ разорвалъ его передо мной. Но чувство жалости, проникшее въ его сердце, побудило его пропустить меня еще разъ. Это обстоятельство значительно испортило мнѣ удовольствіе обѣдать съ тетушкой, сидя возлѣ нея на ея плохенькомъ матрасѣ. „Разузнай, что̀ нужно предпринять для полученія новаго разрѣшенія", говорила добрая тетушка. Я почувствовала себя очень несчастной, прощаясь съ ней, и провела весьма печально этотъ вечеръ; я уже возъимѣла было надежду видѣться съ нею ежедневно; а молодость легко вѣритъ тому, на что надѣется.

Я заговорила о своемъ горѣ съ гражданиномъ Форе́, который скромно отвѣчалъ мнѣ, что не имѣетъ никакой власти надъ своимъ сыномъ муниципаломъ. Я сама видѣла, что это совершенная правда. Онъ уважалъ или, лучше сказать, ужасно боялся этого всесильнаго сына, который имѣлъ лишь одно достоинство, что раздѣлялъ все зломысліе своихъ собратій. Онъ не составилъ себѣ имени между ними. То былъ не видный злодѣй, бездарный, жадный и жестокій; но онъ былъ членомъ муниципалитета и отецъ съ гордостью выпрямлялся говоря: мой сынъ, муниципалъ. Частенько къ этому восхищенію примѣшивался нѣкоторый страхъ. Вообще гражданинъ Форе́ былъ похожъ на мебель, очутившуся не на своемъ мѣстѣ; при крайней ограниченности и отсутствіи злобы, ему иногда стоило немалаго усилія, чтобъ исполнять возложенную на него суровую обязанность, что̀ не мѣшало ему, однако, наслаждаться удобствами, которыя доставляло ему его положеніе. Онъ провелъ всю свою жизнь за тканьемъ шелковыхъ матерій, работая прилежно всю недѣлю и тратя въ воскресенье весь

шестидневный заработокъ; нерѣдко онъ посвящалъ на это и понедѣльникъ, подобно многимъ своимъ товарищамъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ прежніе богачи обѣднѣли, онъ не имѣлъ работы. Въ этомъ обвиняли аристократовъ; потому онъ находилъ очень естественнымъ, чтобы аристократы опять доставили ему занятіе. Охраненіе наложенныхъ печатей было ремесломъ очень выгоднымъ, не труднымъ и почти невиннымъ.

Въ первый день, когда онъ занялъ свой постъ, онъ былъ въ полномъ парадѣ: сѣрый сюртукъ, хорошо завитой парикъ, палка съ слоновымъ набалдашникомъ; онъ старался придать себѣ холодный и церемонный видъ, который вовсе не походилъ на безцеремонность комиссаровъ. Кромѣ того, я думаю, что отчасти онъ-таки побаивался лютыхъ звѣрей, съ которыми ему приходилось жить; такъ называли насъ. И вмѣстѣ съ этимъ онъ сохранялъ еще съ давнихъ лѣтъ прежнее почтеніе къ дворянамъ, отъ котораго ему не всегда удавалось отдѣлаться при всемъ его желаніи быть якобинцемъ.

Вскорѣ онъ приручился и открылъ, что мы не похожи на варваровъ. Его костюмъ сталъ менѣе изысканъ; отложивши въ сторону свой парикъ для торжественныхъ дней, онъ ходилъ въ сѣрой шапочкѣ одинаковаго цвѣта съ платьемъ и въ туфляхъ, также сѣраго цвѣта. Онъ проводилъ весь день у камина, усѣвшись въ покойномъ креслѣ; никогда еще не приходилось ему сидѣть такъ удобно. Отъ времени до времени онъ поворачивался, щупалъ мягкую спинку, любовался ею, потомъ, сильно упираясь въ нее для большаго удобства, говорилъ съ довольнымъ видомъ: „Однако, кресло хорошее изобрѣтеніе“ и, снова нажимая подушки: „Какъ это хорошо придумано!“ Потомъ, вытянувши свои ноги во всю длину и отвалившись назадъ, онъ полулежа наслаждался невѣдомымъ ему доселѣ комфортомъ, какой доставляетъ хорошее кресло. Въ сущности, это былъ человѣкъ близкій къ животному состоянію, болѣе склонный къ добру, чѣмъ ко злу, но причинявшій зло изъ послушанія, какъ нѣчто необходимое, или неизбѣжное; онъ ненавидѣлъ казни, но не смѣлъ сознаться въ этомъ женѣ и сыну, которые постоянно внушали ему, что нужно стоять на высотѣ своего времени и быть истымъ республиканцемъ, что̀ значило на ихъ языкѣ:—неутолимо жаждать человѣческой крови.

„Я никакъ не могу привыкнуть къ этому“, сказалъ онъ мнѣ однажды, послѣ того, какъ мы ближе познакомились: „они принудили меня посмотрѣть на казнь; я вернулся оттуда въ лихорадкѣ. Впродолженіе цѣлой недѣли я не могъ вовсе спать. Что они ни говори, а я не могу привыкнуть къ этому. Надо признаться, что прежде жилось спокойнѣе. Правда, что нужно было работать; но мнѣ хорошо платили за работу и я спокойно проѣдалъ свой барышъ. Помню, какъ мнѣ была заказана матерія на жилетъ Людовику XV. Жилетъ вышелъ на славу и денежки я получилъ хорошія! Надо признаться, хорошее то было времечко!“ Бѣднякъ не осмѣлился бы сдѣлать такое

признаніе гражданкѣ Форè, своей супругѣ, ни своему сыну муниципалу, какъ онъ всегда величалъ его. „Что касается моей жены, продолжалъ онъ еще тише,—то она всегда любила казни; и прежде бывало, когда вѣшали какого нибудь преступника, она изъ первыхъ была на мѣстѣ. Ужъ я пробовалъ ее запирать на ключъ, и это не помогало; она все-таки находила средство ускользнуть и поспѣть во̀-время“.

Эта мегера составляла одно изъ самыхъ тяжкихъ неудобствъ въ моемъ положеніи. Всякій вечеръ послѣ дневныхъ трудовъ, она приходила раздѣлять ночлегъ съ своимъ супругомъ. Мнѣ дорого было-бы хоть вздохнуть свободно, но я и того была лишена. Женщина эта была тутъ, передо мною, она разсказывала мужу всѣ новости. А каковы были эти новости?—Жестокости, совершаемыя ежедневно, пытки и казни. Она вездѣ поспѣвала; не щадя меня ни одной подробностью, она разсказывала съ такимъ оживленіемъ и удовольствіемъ, что все лицо ея сіяло; на немъ было написано, какую притягательную силу имѣло для нея это ужасающее зрѣлище. И я не имѣла даже права заставить ее молчать. Эта гражданка Форé обыкновенно заканчивала свою рѣчь тѣмъ, что вытаскивала изъ кармана свой ужинъ, состоявшій большею частью изъ хлѣба и остраго сыра, завернутаго въ бумажкѣ [1]) и походившаго на мазь, которой она намазывала себѣ тартинки и поѣдала ихъ съ большимъ аппетитомъ, заражая этимъ запахомъ мою комнату съ какимъ-то злорадно-довольнымъ видомъ.

Женщина эта дѣлала мою жизнь чрезвычайно тяжелой, тяжелѣе, чѣмъ можно себѣ вообразить. Сенъ-Жанъ и Кантà еще увеличивали непріятности моей домашней жизни. Они и прежде не могли терпѣть другъ друга; а теперь ихъ взаимная антипатія возрасла до того, что они ссорились съ утра до вечера. Я была въ очень стѣсненномъ положеніи и просто не знала, что̀ и придумать для пріисканія имъ средствъ къ жизни, а нужно было прокормить пять человѣкъ. Покупка провизіи представляла огромное затрудненіе. Сенъ-Жанъ не хотѣлъ дѣлать закупокъ, а Канта не хотѣла готовить кушанья. Ихъ ссоры были такъ часты и иногда доходили до такого ожесточенія, что я была принуждена раза два просить тетушку сдѣлать имъ выговоръ, несмотря на то, что мнѣ было очень больно занимать ее въ тюрьмѣ такими дрязгами, и вдобавокъ пришлось потерять два дня, не видя ея, чтобы послать къ ней Сенъ-Жана и Канта вмѣсто себя.

Я опередила свой разсказъ, чтобы представить картину моей домашней жизни. Я никогда не возвращалась къ себѣ безъ чувства отвращенія. Едва только я успѣвала встать съ постели, какъ нашъ непрошеный гость уже былъ тутъ. Вечеромъ я должна была ожидать, когда ему угодно будетъ удалиться, чтобы лечь спать. Въ моей ком-

[1]) Лавочники собирали остатки и крошки всѣхъ сортовъ сыра, которые толкли въ ступкѣ, смачивая ихъ водкой. Можно себѣ представить вкусъ, ароматъ и видъ этого снадобья! Прим. авт.

натѣ готивилось кушанье и здѣсь же обѣдали. Конечно, имѣя въ виду участь тетушки, мнѣ еще нельзя было жаловаться. Если-бъ я могла по крайней мѣрѣ быть при ней, я вздыхала-бы безъ страха; ея любовь утѣшала-бы меня. Но я была безъ друзей, безъ опоры, мнѣ некому было открыть душу... Какъ жалокъ ребенокъ въ такомъ положеніи!

Не имѣя разрѣшенія, я не могла войти въ тюрьму на другой день. Я простояла нѣсколько часовъ передъ тюремными воротами, не находя возможности передать тетушкѣ обѣдъ. Канта донесла мнѣ корзину до тюрьмы; здѣсь я взяла ее сама и ничто на свѣтѣ не заставило бы меня выпустить ее изъ рукъ, потому что на ней одной держалась вся моя надежда проникнуть въ тюрьму; но это мнѣ все-таки не удалось; пропустили только мою корзину, и то благодаря тому, что я заплатила одному изъ сторожей за то, чтобы донести ее къ тетушкѣ. Мнѣ случалось иногда быть у воротъ тюрьмы въ десять часовъ утра, а въ 12 мы все еще стояли съ своими корзинами, которыхъ никто не хотѣлъ взять у насъ для передачи. Тутъ, по приказанію тюремщика, ворота запирались до 2 часовъ—время его обѣда. Въ два часа ихъ отпирали снова. Сторожа и ихъ жены расхаживали между нами, торгуясь и отказываясь передать корзины, если предлагаемая цѣна казалась имъ неудовлетворительной. Часто приходилось уносить обѣдъ назадъ за невозможностью согласиться на слишкомъ тягостныя условія, ибо въ числѣ заключенныхъ были люди очень бѣдные.

Иной разъ сторожа еще увеличивали лишенія узниковъ своимъ нерадѣніемъ и неуслужливостью; корзины зачастую оставались на дворѣ и доставлялись имъ лишь на другой день. Наконецъ—я сама видѣла, какъ у дверей тюрьмы корзины эти открывали, рылись въ нихъ и съѣдали то, что въ нихъ было, прибавляя ко всѣмъ нашимъ страданіямъ еще эту оскорбительную насмѣшку, и вѣроятно желая дать намъ понять, что при такого рода надзорѣ безполезно было бы пытаться доставить заключеннымъ какія нибудь записки или сообщенія въ посылаемыхъ имъ кушаньяхъ. Какъ я была возмущена, когда узнала, что тетушка осталась безъ пищи! Впослѣдствіи я добыла для нея холодной жареной птицы, къ которой она прибѣгала въ томъ случаѣ, если обѣдъ не достигалъ до нея; она берегла ее въ маленькой корзинкѣ, спрятанной подъ матрасомъ и предназначенной для храненія ея небольшого запаса бѣлья.

Я еще не говорила о нашихъ сосѣдяхъ.... Ихъ постигла одинаковая съ нами участь. И на ихъ имущество былъ наложенъ арестъ; у нихъ также былъ свой сѣренькій человѣкъ для охраненія наложенныхъ печатей, и они должны были подчиниться такимъ же приказаніямъ. Общее страданіе наложило печать унылаго однообразія на все, что было благомыслящаго. Г. Мазюйé бѣжалъ изъ Ліона; мужъ и жена Бельсизъ были арестованы. Что же касается Фелиситé, ихъ мужественной дочери, то вслѣдствіе лично къ ней относящагося пре-

слѣдованія, она должна была искать спасенія въ немедленномъ бѣгствѣ. Одаренная большою проницательностію, она заранѣе предвидѣла несчастный исходъ осады Ліона и просила у родителей позволенія уѣхать. „Отпустите меня", говорила она имъ, „я ожидаю въ будущемъ всего худшаго. Предоставленные собственнымъ средствамъ, Ліонцы не будутъ въ состояніи долѣе противиться непріятельскимъ силамъ, безпрерывно увеличивающимся. За этимъ послѣдуютъ великія бѣдствія. Нужно постараться заранѣе добыть денегъ, и я займусь этимъ." Она переодѣвается крестьянкой, дѣлаетъ большой обходъ, чтобъ избѣжать республиканскія войска, и безпрепятственно достигаетъ Бельсиза, отцовскаго помѣстья, въ десяти верстахъ отъ Ліона. Здѣсь она находитъ, что имѣніе ихъ секвестровано по распоряженію депутата Конвента, Фуше́, который въ это время самъ находился въ сосѣднемъ городѣ и который велѣлъ арестовать ее, какъ только узналъ о ея пріѣздѣ. Но все-таки Фелисите нашла средство, не смотря на секвестръ, продать много сельскихъ продуктовъ изъ своего имѣнія и вообще обратила въ деньги все, что только могла. Не смотря на осторожность, съ которой она вела свои дѣла, Фуше́ развѣдалъ объ этомъ и вызвалъ ее въ свой судъ, по обвиненію ее въ нанесеніи ущерба республикѣ. Она защищалась съ большою смѣлостью и присутствіемъ духа. Фуше́, которому можетъ быть понравилось ея смѣлое поведеніе, отпустилъ ее на свободу, давши ей совѣтъ впредь вести себя иначе и прибавивъ впрочемъ, что будетъ слѣдить за ней. Она поняла, что дѣятельность ея здѣсь кончена и потихоньку бѣжала. Тогда было немедленно объявлено, что за ея голову назначена премія. Но это не помѣшало ей счастливо добраться до Швейцаріи; переодѣтая торговкой угольевъ, она шла всю дорогу пѣшкомъ и по ночамъ спала на соломѣ. Такимъ образомъ ей удалось спастись отъ гоненія этого сильнаго и озлобленнаго лично противъ нея человѣка. Она отправилась въ Фрибургъ къ своей сестрѣ, которая раньше эмигрировала; туда же послѣдовалъ за ней увлеченный ея высокими качествами г. Мазюйе́, который вскорѣ на ней женился.

Я никакъ не могла проникнуть въ этотъ день къ тетушкѣ; я стояла передъ воротами тюрьмы въ сырости и грязи, нарочно накопляемой здѣсь; я находилась среди толпы изъ болѣе двухъ сотъ женщинъ, которыхъ сюда привела одинаковая участь; толпа напирала, тѣснила меня, колеблясь подобно волнамъ морскимъ. Но какъ я ни была измучена, усталость моя все же не могла сравниться съ огорченіемъ, что я не могла увидѣть тетушку, и я рѣшилась наконецъ дать волю словамъ и высказать свое горе. Примѣтивъ одного сторожа, у котораго лицо казалось мягче, чѣмъ у его товарищей, я обратилась къ нему и вручая ему нѣсколько свернутыхъ мелкихъ ассигнацій, сказала ему: „Сжалься надо мною, помоги мнѣ увидѣться съ моей тетушкой, съ моей матерью; посмотри, какъ я мала и слаба; я не могу пробиться сквозь толпу, которая тѣснится у воротъ; послушай,

вотъ, возьми это себѣ за трудъ и вызови меня сверху лѣстницы, какъ будто я должна пройти къ тюремщику; кто знаетъ, можетъ быть послѣ того, какъ я пройду черезъ эту первую дверь и другія окажутся доступными; можетъ быть, твоя доброта не пропадетъ даромъ!" Онъ удалился, не давъ мнѣ никакого отвѣта; но скоро раздался сильный голосъ, вызывавшій меня: „Маленькая гражданка Жирò!"—„Это я! это я!"—и я поскорѣе стала проталкиваться сквозь массу народа, остававшагося позади и съ завистью смотрѣвшаго на меня. Сердце у меня билось изо всей силы; но немалаго труда стоило мнѣ, чтобы пробраться сквозь толпу съ моей корзинкой. Толчки со всѣхъ сторонъ нарушили равновѣсіе моихъ горшечковъ, уставленныхъ въ корзинкѣ; бульонъ течетъ по моему платью; но я уже взошла на ступеньки лѣстницы, я уже прошла черезъ первую дверь. Теперь мнѣ было уже легче вести переговоры о пропускѣ далѣе. Мои мелкія ассигнаціи помогли мнѣ окончательно овладѣть проходомъ и я снова увидала этотъ дворъ, эту лѣстницу. Какъ все это было мнѣ мило! какъ все здѣсь показалось мнѣ хорошо! Я одержала побѣду, и чѣмъ слабѣе я была, тѣмъ болѣе считала ее славной. Я снова увидѣла тетушку! О счастье!

Я раздѣлила съ нею этотъ холодный и порастрясенный въ толкотнѣ обѣдъ, который показался мнѣ удивительно вкуснымъ. Въ уголкѣ тетушки прибавился старый стулъ, купленный ею у сторожа и служившій намъ столомъ. Я провела этотъ день возлѣ нея, ничего не желая, кромѣ ея присутствія, не жалѣя ни о чемъ, не видя ничего, кромѣ ея одной, и ей пришлось нѣсколько разъ повторить свое приказаніе, чтобы заставить меня уйти домой. Я ушла, но какъ я была жалка! Я отдала бы все, чтобъ только остаться съ тетушкой; это желаніе было эгоистично; но каково же мнѣ было возвращаться домой для того, чтобы занять мѣсто у камина между двумя шпіонами и опять видѣть передъ собою другія два лица, которыя постоянно ссорились между собою. Когда я возвращалась, разбитая послѣ утомительныхъ похожденій дня, проведши нѣсколько часовъ въ сырости, среди толпы, тѣснившей и давившей меня, и зачастую не добившись даже счастья увидѣть тетушку,—ахъ! какъ тяжела казалась мнѣ тогда жизнь! Одна только тюрьма могла сдѣлать меня счастливой, и я такъ желала попасть въ нее, какъ можно только жаждать блаженства. Если я не требовала, чтобъ и меня заключили въ темницу вмѣстѣ съ тетушкой, то это было единственно изъ послушанія къ ней и въ надеждѣ быть ей полезной.

Едва только я просыпалась утромъ, какъ гражданинъ Форè уже стучался въ мою дверь; онъ ворчалъ на то, что находилъ ее запертой; а я, рабски исполняя его волю и противорѣча ему развѣ только въ важныхъ и неизбѣжныхъ случаяхъ,—спѣшила принять его. Онъ приходилъ въ мою комнату съ ранняго утра и не отлучался уже во весь день ни на минуту. Я скрывала свое горе: иначе онъ могъ бы замѣтить мои слезы. Въ этой-то ежедневной борьбѣ съ своей сла-

бостью я, можетъ быть, и черпала силу. Усилія надъ собой благотворно дѣйствуютъ на характеръ.

Послѣ этого перваго опыта, мнѣ часто удавалось пробраться въ тюрьму. Я нашла двухъ-трехъ добрыхъ сторожей, которые, правда, очень охотно брали мои ассигнаціи, но за то покровительствовали мнѣ, несмотря на новыя преграды, всякій день возникавшія между узниками и нами. Я думаю, что многія затрудненія нарочно дѣлали для того, чтобы истощить наши средства, потому что всякая новая строгость требовала съ нашей стороны новой жертвы. Четыре сторожа отличались изо всѣхъ мягкостью своего обращенія, и многіе заключенные были имъ обязаны улучшеніемъ своей участи. Одинъ изъ нихъ обыкновенно вызывалъ меня у входа, другой пропускалъ далѣе. Тетушка своими настойчивыми просьбами и подарками сильно способствовала тому, что они меня не забывали. Очутившись возлѣ нея, я забывала обо всемъ, до самыхъ казней, совершавшихся ежедневно. Мнѣ стоило столькихъ усилій добраться до нея, что я подъ конецъ не способна была чувствовать ничего, кромѣ радости быть на мѣстѣ. Здѣсь только я имѣла друга и семью. Нужно на себѣ испытать горькое чувство сиротства, чтобы вполнѣ оцѣнить такое жалкое положеніе и понять, что мнѣ могла нравиться темница. И какая темница! Что за пеструю и странную смѣсь представляло соединенное здѣсь общество! Здѣсь были дворянки, рыбныя торговки, монахини, публичныя женщины, богатыя дамы, бѣдныя служанки, крестьянки и торговки зеленью [1]). А между ними, скрытые въ толпѣ, находились шпіоны, о существованіи которыхъ всѣ знали, но не могли догадаться—кто именно.

Большой чердакъ скоро наполнился наравнѣ съ комнатой. Аресты производились съ необыкновенной быстротою и были многочисленны. Между заключенными я помню г-жу де-Сенъ-Фонъ, де-Монья, де-Монбріанъ, которыя находились въ одной комнатѣ съ тетушкой. Когда ихъ было здѣсь набито до 58 человѣкъ и мѣра переполнилась, пришлось помѣстить вновь прибывавшихъ въ чердакѣ; этихъ послѣднихъ я менѣе знала. Но между ними была нѣкая г-жа Брошѐ съ дочерьми. Посвящая ей нѣсколько строкъ, я не удаляюсь отъ своего предмета. Не пишу ли я исторію несчастныхъ жертвъ того времени? Насъ было не мало!

Г-жа Броше была арестована вмѣстѣ съ двумя старшими дочерьми на томъ основаніи, что она не хотѣла выдать, гдѣ укрывался ее мужъ. У нея была еще дочка 8 лѣтъ, которая была удалена отъ матери для того, чтобы допросить ее отдѣльно. Лишивъ дѣвочку совѣта и защиты и разсчитывая на ея неопытность, надѣялись вынудить у слабаго ребенка желанное признаніе, и чтобы лучше достиг-

[1]) Я видѣла тутъ же четырехлѣтнюю дѣвочку—англичанку съ няней, не знавшую ни слова по-французски; при мнѣ пришли объявить имъ, что онѣ освобождены.

Прим. авт.

нуть цѣли, ей посулили награду или наказаніе, смотря потому, какъ она себя будетъ вести. Но дѣвочку не удалось ни сманить обѣщанными наградами, ни запугать наказаніемъ. Она разсѣяла злыя козни своею твердостью и на всѣ ихъ коварные вопросы отвѣчала лишь слѣдующими словами, которыя повторяла очень просто, сама не подозрѣвая, сколько въ нихъ было величія: „Я не знаю, гдѣ отецъ; но если бъ я и знала это, то не сказала бы вамъ!“ Побѣжденные чистосердечіемъ ребенка, или уважая силу въ слабости, они возвратили ее матери. У г-жи Брошѐ я видѣла де-Бомонъ, полковника драгунскаго полка, стоявшаго въ это время въ Ліонѣ; онъ также былъ заключенъ въ монастырѣ Затворницъ. Пользуясь нѣсколькими днями кратковременнаго смягченія, когда заключеннымъ было разрѣшено на нѣсколько часовъ сходиться вмѣстѣ, онъ пришелъ возобновить съ нею знакомство. Всякій былъ счастливъ найти знакомое и дружеское лицо въ этой чуждой толпѣ, гдѣ одинъ другаго не зналъ и не имѣлъ никакихъ отношеній другъ къ другу. Я не знаю причины его ареста, но очень хорошо помню, что разъ ночью онъ былъ поводомъ страшнаго переполоха среди заключенныхъ. Всѣ солдаты его полка остались ему вѣрны и тщетно ходатайствовали о выпускѣ его на свободу. Ежедневно присутствуя при казняхъ, они лучше всѣхъ понимали опасность продолжительнаго заключенія; и вотъ они цѣлой толпой явились въ трибуналъ, добились того, что имъ возвратили начальника и тотчасъ бросились въ тюрьму, чтобы вырвать его оттуда. Монастырь Затворницъ вдругъ былъ окруженъ цѣлымъ полкомъ, громкими криками требовавшимъ своего полковника и встрѣтившимъ его появленіе радостными возгласами. Это было поздно ночью. Шумъ и крики доносились и внутрь тюрьмы, и въ то время, какъ драгуны, опьянѣвъ отъ радости, съ торжествомъ уводили своего любимаго начальника, заключенные, не зная причины этихъ криковъ, думали, что начинается ихъ избіеніе. Только на другое утро они съ радостью узнали, что̀ причинило ихъ тревогу. Тетушка, увидя меня, сказала мнѣ только: „Мы думали, что всѣ будемъ перебиты въ эту ночь. Я уже мысленно простилась было съ тобою!“.

Мало-по-малу среди узницъ образовались маленькіе кружки и жизнь устроилась нѣсколько удобнѣе. Появилось еще нѣсколько стульевъ. Г-жа де-Сенъ-Фонъ первая получила разрѣшеніе имѣть столъ; она давала его своимъ сосѣдкамъ, которыя устроивали такъ, что обѣдали на немъ по очереди, одна послѣ другой. Обѣдать сидя за столомъ казалось имъ большою роскошью! Въ распредѣленіи времени обѣда была большая акуратность, потому что услужливость была взаимная, равно какъ и благодарность.

Тетушка моя условилась имѣть общій обѣдъ съ тремя изъ заключенныхъ: дѣвицей Оливье, имѣвшей книжную лавку [1]), дѣвицей

[1]) У нея всегда можно было найти запрещенныя брошюры. Я помню, что мы купили у нея духовное завѣщаніе короля; но для того, чтобы проникнуть въ это святилище, нужно было знать условный знакъ. Прим. авт.

Гюэтъ и г-жей де-Плантъ, содержательницей большого отеля „Югъ", на площади Белькуръ; последняя имѣла хорошее состоянiе. Она долго скрывала въ своемъ домѣ офицера, спасшагося во время избiенiя въ тюрьмѣ Пьеръ-Сизъ; его благодарность перешла въ болѣе нѣжное чувство и онъ женился на ней. Она сидѣла въ тюрьмѣ за своего мужа.

Въ тѣ дни, когда тетушка пользовалась обѣдомъ своихъ компаньонокъ, я приносила супъ, потому что сверхъ четырехъ участницъ и я присоединялась къ нимъ. На трехъ обѣдахъ дѣлали экономiю, чтобы составить четвертый. Это былъ для меня самый радостный день. Я приходила тогда какъ можно раньше, едва только отпирались ворота, принося въ свою долю только яицъ, соли и масла; весь этотъ день я проводила самымъ прiятнымъ образомъ.

Утромъ мы прогуливались по большому чердаку, и хотя тамъ былъ очень скверный запахъ, все же воздухъ тутъ былъ здоровѣе, чѣмъ въ комнатѣ, гдѣ было скучено и день и ночь 58 человѣкъ! Тѣ, которыя помѣщались у оконъ, не допускали открывать ихъ; а такъ какъ это было въ ноябрѣ и комната не топилась, то невозможно было претендовать на ихъ отказъ. Послѣ прогулки и короткой бесѣды возвращались на мѣсто, чтобы заняться приготовленiемъ обѣда. Я была моложе всѣхъ, поэтому забота объ обѣдѣ была возложена на меня, и я была очень счастлива! Я сказала, что комната эта не топилась. Наконецъ, узницы вышли изъ терпѣнiя, что имъ приходилось всегда ѣсть холодный обѣдъ и дышать сквернымъ воздухомъ, и онѣ стали просить, чтобы имъ поставили печку; погода становилась все суровѣе; тяжелая и смрадная атмосфера ихъ помѣщенiя требовала освѣженiя посредствомъ топки; но имъ было отказано въ просьбѣ, несмотря на ихъ предложенiе принять издержки на свой счетъ. Онѣ тогда стали просить грѣлокъ съ раскаленными угольями, но и этого не получили. Наконецъ, имъ разрѣшили имѣть грѣлки съ мелкимъ углемъ, обращеннымъ чуть не въ пыль, которыя наполняли имъ черезъ сутки; огня въ нихъ почти не было; отъ времени до времени ихъ мѣшали желѣзнымъ прутомъ, который, шевеля пепелъ, на минуту оживлялъ еле замѣтныя искры. На эти-то жалкiя грѣлки я ставила узенькiе и высокiе горшечки, въ которыхъ приносила пищу; это была единственно удобная форма, дававшая возможность спасти отъ натиска толпы и донести не расплескавши то, что въ нихъ заключалось; да и то приходилось ихъ наполнять лишь на половину. Растянувшись на полу надъ своей жаровней, я изо всѣхъ силъ раздувала этотъ слабый огонекъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ удавалось добиться хотя не много теплоты. Надо было рано приниматься за дѣло для того, чтобы обѣдъ поспѣлъ къ 12-ти часамъ. Холодная телятина, нарѣзанная мелкими кусками и подогрѣтая въ бульонѣ, у насъ называлась рагу. Затѣмъ я приступала къ приготовленiю главнаго, любимаго кушанья: омлеты—родъ яичницы изъ сбитыхъ яицъ, смѣшанныхъ со вчераш-

нимъ шпинатомъ; это блюдо нравилось болѣе всѣхъ другихъ отчасти въ уваженіе того труда, котораго оно стоило, и еще потому, что приготовлялось на мѣстѣ.

Кофе, который оставляли исключительно для завтрака, приносился уже смѣшанный съ молокомъ и подслащенный очень плохой патокой, похожей на медъ, но цвѣта сажи. Сахаръ былъ для насъ слишкомъ дорогъ. Тетушка моя дѣлала видъ, что пьетъ съ удовольствіемъ эту бурду. Она была такъ благодарна за малѣйшую заботу о ней, что у нея никогда не вырывалось ни малѣйшаго замѣчанія; она всегда находила, что все хорошо и вкусно.

Хлѣбъ выдавали заключеннымъ черезъ день и каждое утро наполняли ихъ кружки свѣжей водой. Но тѣ, которыя не могли заплатить за трудъ, воды не получали; болѣе богатыя платили за бѣдныхъ. Кажется, въ двѣ недѣли разъ имъ давали такъ называемой свѣжей соломы; каждая получала ея очень немного, по небольшому пучку; отъ употребленія эта солома очень скоро была измята и истерта, и бѣдныя женщины, не имѣвшія постели, складывали въ одну кучу нѣсколько охапокъ соломы, чтобы устроить себѣ менѣе жесткое ложе, на которомъ онѣ лежали, тѣсня другъ друга, пока на нихъ нисходилъ тяжелый сонъ. Вечеромъ, когда все было приготовлено на ночь, комната эта походила на обширный лагерный бивакъ; полъ весь былъ покрытъ матрасами или соломой; не оставалось ни одного свободнаго мѣстечка, гдѣ можно было ступить, не наткнувшись на одну изъ 58 несчастныхъ узницъ, лежавшихъ на полу.

Тетушка моя, которая сильно страдала отъ своей полноты и лишь съ величайшимъ трудомъ могла нагибаться, никогда не позволяла себѣ ни малѣйшаго замѣчанія на счетъ того, что̀ испытывала. Можно было подумать, что она никогда не имѣла лучшаго помѣщенія. А между тѣмъ воспитаніе ея и предъидущая жизнь были именно таковы, что должны бы были сдѣлать для нея особенно чувствительными всѣ лишенія, которымъ она подвергалась. Воспитаніе ея было главнымъ образомъ обращено на внѣшнюю сторону; оно болѣе развило и изощрило тонкость ея ума, чѣмъ укрѣпило разсудокъ и расширило ея мысль. Рано предавшись свѣтской жизни, она любила общество по привычкѣ и по влеченію; ея привлекательность очень скоро заставила обратить на нее общее вниманіе и дало ей въ свѣтѣ видное положеніе. Развлеченія, умѣнье вести разговоръ въ большомъ обществѣ, вся свѣтская наука и обязанности, налагаемыя ею, сдѣлались для нея предметомъ серьезнаго изученія, и надо сказать, что успѣхи ея на этомъ поприщѣ были блестящи и всѣми признаны. Никто не умѣлъ лучше ея принять гостей, никто не былъ веселѣе и остроумнѣе ея. Въ высшей степени находчивая и быстрая въ своихъ отвѣтахъ, отличаясь необыкновенной легкостью и изяществомъ рѣчи, всегда щедрая на остроты, которыя она мимоходомъ кидала въ увлеченіи веселой свѣтской бесѣды,—она пріобрѣла въ обществѣ

такую силу, что многіе ея побаивались; она никогда не умѣла устоять передъ соблазномъ сказать острое словцо. „Я лучше готова потомъ извиниться", говаривала она. „А какъ удержать словечко? Ужъ слишкомъ оно хорошо!" Между тѣмъ извиненія не всегда могли загладить дурное впечатлѣніе этого словечка: оно попадало такъ мѣтко, такъ живо рисовало человѣка, что дѣлало его смѣшнымъ; раны, имъ наносимыя, часто бывали неизлѣчимы, и многіе никогда не прощали ей этого. Такъ иногда умъ заслоняетъ сердце.

Она бывало всякій день принимала гостей, любила играть въ карты и всякій вечеръ оставляла у себя нѣсколько человѣкъ ужинать. И вотъ тутъ-то она безъ удержу отдавалась живости своего нрава; ея милая и игривая бесѣда невольно увлекала своею веселостью всѣхъ окружавшихъ. Эти часы были самые счастливые въ ея жизни. Столъ у нея былъ всегда роскошный и изысканный. Она часто дѣлала большіе обѣды, собирая у себя цвѣтъ муленскаго общества. Такъ какъ она была вполнѣ независима и имѣла хорошее состояніе, то ничто не сдерживало ея склонности къ роскоши и удовольствіямъ. Однимъ словомъ, это была вполнѣ свѣтская женщина, любившая свѣтъ, имѣвшая въ немъ блестящій успѣхъ и развившаяся подъ вліяніемъ этого свѣта. Я останавливаюсь на мелочахъ такой пустой жизни для того только, чтобы еще болѣе подивиться тому, что̀ сдѣлало изъ этой женщины несчастье, когда оно сразу сорвало блестящее покрывало, дотолѣ скрывавшее отъ всѣхъ ея душевную красоту, и обнаружило все величіе этой гордой и мощной души. Едва только испытаніе коснулось ея, какъ она мгновенно стряхнула съ себя блестящій прахъ, который она дотолѣ принимала за золотой, возродилась изъ него къ новой жизни во всей силѣ и величавой простотѣ.

Какъ только на нашу семью обрушилось бѣдствіе, тетушка забыла обо всемъ, кромѣ насъ. Ставъ выше всего личнаго, она, казалось, даже и не замѣчала лишеній, которымъ ежеминутно подвергалась. Притѣсненія и весь ужасъ тюремнаго заключенія не вызвали у нея ни одной жалобы: все ей было хорошо; не выражая никакихъ желаній, не находя ничего неудобнымъ, она съ покорностью принимала участь, какую посылало ей Провидѣніе. Я ни разу не замѣтила у нея ни одной минуты безпокойства за себя. Она была исключительно озабочена нашей судьбой; всѣ помыслы, тревоги, всѣ нѣжнѣйшія заботы ея были сосредоточены на насъ. Она непрестанно обращалась съ молитвою къ Богу, поручая Его милосердію сироту, которую она скоро должна была покинуть. Тетушка моя ни минуты не заблуждалась на счетъ ожидавшей ее участи и не имѣла даже надежды, которая поддерживала или обольщала столько несчастныхъ. Она поняла съ перваго дня, что̀ ее ожидало, заранѣе считала себя обреченной на смерть и готовилась къ ней безъ слабости. Минутныя испытанія, которымъ она подвергалась, казались ей какъ бы приготовленіемъ къ этой послѣдней жертвѣ. Она все принимала безро-

потно и смиренно и находила своего рода услажденіе въ покорности волѣ Божіей. Щадя мою нѣжную привязанность къ ней, а можетъ быть и мою слабость, она почти не говорила объ этомъ со мной. Но тысяча воспоминаній съ тѣхъ поръ возникли въ душѣ моей и раскрыли мнѣ все величіе, всю силу ея характера, обнаруживавшіяся иногда въ какомъ нибудь одномъ словѣ, все ея самоотверженіе, которое тогда было недоступно для моего дѣтскаго пониманія.

ГЛАВА IX.

Тягости и огорченія моей жизни.—Отецъ мой скрывается у г-жи де-ля-Костъ.—Онъ спасается чудеснымъ образомъ.—Я отправляюсь къ нему въ Фонтэнъ къ Шозьерамъ.

Тюремный хлѣбъ, если только можно такъ назвать его, былъ до того плохъ, что невозможно было его ѣсть. Онъ состоялъ изъ тяжелаго тѣста съ примѣсью отрубей и соломинъ въ палецъ длиною, съ очень жесткой коркой. Заключенные получали черезъ день по такому маленькому хлѣбцу. Тетушка моя, не будучи въ состояніи проглотить ни кусочка, не ѣла его вовсе. У меня также не было хлѣба и мнѣ было очень тяжело принимать отъ нашего стража Форе хлѣбъ, который также былъ довольно плохъ. Гдѣ-же добыть хлѣба? Его нигдѣ нельзя было купить. Но небо сжалилось надо мною и пришло мнѣ на помощь въ лицѣ Брюньона, этого преданнаго слуги моего отца, о которомъ я уже говорила.

Брюньонъ пожелалъ принять участіе въ славной борьбѣ, такъ печально окончившейся; такъ какъ онъ брался за оружіе во время осады, то его постигла бы вѣрная смерть, если бы наше олицетворенное Провидѣніе, нашъ почтенный другъ де-Геріо не спасъ его, зачисливъ его, по просьбѣ моего отца, извощикомъ при артиллерійскомъ обозѣ. Это дало ему возможность въѣхать въ городъ вмѣстѣ съ побѣдителями; вскорѣ послѣ этого онъ поступилъ деньщикомъ къ одному артиллерійскому офицеру Монлезёнъ, сохраняя при этомъ свое жалованье извощика при артиллерійскомъ обозѣ. Пользуясь, благодаря своему начальнику, нѣкоторымъ довольствомъ и подозрѣвая наше бѣдственное положеніе, онъ пришелъ предложить мнѣ свой солдатскій хлѣбъ; хлѣбъ этотъ былъ чудесный. Какъ я была счастлива отнести его тетушкѣ! Онъ часто носилъ мнѣ еще молока и ветчины, что̀ я принимала съ большою благодарностію; однимъ словомъ, онъ показалъ себя честнымъ человѣкомъ и вѣрнымъ слугой.

Этотъ солдатскій хлѣбъ, самый лучшій, какой былъ въ то время, я отдавала тетушкѣ, а взамѣнъ уносила съ собой, на свой страхъ,

тотъ, который выдавали въ тюрьмѣ. Если бъ меня когда поймали на этомъ, то и я, и мой хлѣбъ остались-бы въ темницѣ. Но эта смѣлость, слѣдствіе нужды, никогда не была обнаружена. Я уносила съ собой еще остовъ запасной пулярдки, приберегаемой на случай если не пропустятъ обѣда. Даже этотъ остовъ жареной курицы составлялъ такой лакомый кусочекъ, что я не смѣла оставить его себѣ, а должна была подѣлиться съ гражданиномъ Форé, для котораго это было праздничное угощеніе, потому что онъ также мало привыкъ ѣсть хорошую пищу, какъ сидѣть въ креслѣ. Впрочемъ, къ тому, что вкусно и удобно, скоро привыкаютъ; и онъ доказалъ мнѣ это однажды, когда я изъ экономіи велѣла купить прованскаго масла болѣе низкаго сорта, чѣмъ обыкновенно употребляли на фритюры. Комната моя, служившая въ тоже время кухней и столовой, наполнилась густымъ дымомъ и чадомъ. Гражданка Форé, исполнившись негодованія и отвращенія, почувствовала себя дурно и поспѣшно удалилась въ комнату мужа, который бросился къ ней на помощь, ворча на скверный запахъ. Даже прислуга наша выражала неудовольствіе. Я сѣла было одна обѣдать; а когда голодъ собралъ ихъ всѣхъ вокругъ стола, я удовольствовалась только тѣмъ, что спросила гражданина Форé, неужели онъ у себя дома употребляетъ всегда только высшій сортъ масла? Онъ пробормоталъ что-то, чего я не могла разобрать, и фритюры продолжали поджаривать на томъ же маслѣ.

Я привожу эти подробности, можетъ быть слишкомъ мелочныя, лишь для того, чтобы дать понять, какова была моя жизнь, какого рода лица окружали меня, сколько противорѣчія и докучливыхъ дрязгъ я выносила отъ нихъ. Правду говорятъ, что ежеминутныя непріятности, какъ бы онѣ ни были мелки, всегда довольно велики. Частыя ссоры между Сенъ-Жаномъ и Канта составляли не меньшее зло среди этихъ ежедневныхъ дрязгъ и подвергали насъ часто опасности остаться безъ обѣда. Впрочемъ, Сенъ-Жанъ являлся только къ столу; онъ ходилъ на работу для срытія крѣпости. Я думаю, что желаніе заработать сколько нибудь денегъ склонило его къ этого рода занятію, открытому для каждаго; а желаніе это было весьма естественно, такъ какъ мнѣ нечѣмъ было ему платить. Отъ времени до времени я продавала серебряные приборы, или кое-что изъ нашихъ вещей, хранившихся у г-жи Лежé. Приходилось ихъ продавать съ большой потерей, да и то еще нужно было осторожно выбирать лица, къ которымъ вы обращались и которыя, хотя и покупали за полцѣны, пользуясь вашей нуждой, но были по крайней мѣрѣ настолько честны, что не доносили на васъ, потому что если имѣть серебро считалось преступленіемъ, то продавать его было еще большимъ преступленіемъ. Тюрьма или даже смерть грозила тѣмъ изъ насъ, которыхъ крайность заставляла сбывать свои вещи. Доносившій на это мнимое расхищеніе имущества республики получалъ, кажется, половину его, или по крайней мѣрѣ она была ему обѣщана.

Я питалась коѐ-какъ остатками бобовъ и картофеля, которые просто готовили въ видѣ салата. Въ праздничные дни мы лакомились оладьями изъ затхлой муки; это-то и была знаменитая фритюра. Масло сливочное и свѣжія овощи, какія возможно было достать, приберегались для тетушки, которая постилась по пятницамъ и субботамъ. Для нея откладывалось все лучшее, что только дозволяло наше бѣдственное положеніе. Вотъ за этотъ-то драгоцѣнный обѣдъ заставляли меня трепетать ссоры моихъ слугъ. Сколько просьбъ нужно было иногда съ моей стороны, чтобъ ихъ усмирить. Переходя отъ одного къ другому, напоминая имъ о тетушкѣ, страдавшей отъ ихъ раздора, я умоляла ихъ ради нея преодолѣть свои враждебныя чувства; „вѣдь вы ее любите!" говорила я имъ, и они какъ будто успокоивались; но дня черезъ два война снова возгаралась. Еще разъ прошу извиненія за то, что возвращаюсь къ этимъ мелочамъ; но я рисую свою жизнь, а эти мелкіе штрихи доканчиваютъ картину; къ тому же нужно вспомнить, что мнѣ было тогда всего 14 лѣтъ.

Между тѣмъ продолжались дѣятельные розыски, чтобы открыть, гдѣ мой отецъ. Часто приходили тетушкѣ сообщить, что онъ арестованъ, въ надеждѣ, что въ минуту смущенья она выдастъ мѣсто его укрывательства. Меня преслѣдовали обысками. Одинъ изъ самыхъ шумныхъ былъ произведенъ черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ отвели тетушку въ тюрьму. Въ полночь раздается учащенный стукъ въ нашу входную дверь. Гражданинъ Форе, погруженный въ первый крѣпкій сонъ, заставляетъ ожидать; стукъ возобновляется. Наконецъ, одѣвшись какъ слѣдуетъ, онъ отворяетъ дверь въ ту минуту, когда она, казалось, уже уступала насилію. Ему дѣлаютъ выговоръ за медленность. Моя дверь, запертая изнутри, снова вызываетъ ихъ ярость. Нашъ стражъ извиняется, весь дрожа отъ страха; столь же малодушная Канта дрожала такъ, что я слышала какъ скрипѣла кровать, на которой она лежала. Мои многократныя просьбы заставили ее наконецъ преодолѣть страхъ; едва она добрела до двери, какъ пришедшіе ворвались въ нее съ криками: „Гдѣ онъ?".

Старый Форѐ въ негодованіи, что могли заподозрить его вѣрность, сталъ пространно разсказывать о наложеніи ареста въ нашей квартирѣ, гдѣ онъ былъ приставленъ въ качествѣ стража, приводя въ доказательство печати, висѣвшія на четырехъ дверяхъ. Онъ все еще говорилъ, между тѣмъ какъ мнѣ успѣли уже сдѣлать десять вопросовъ. При первомъ стукѣ я привстала и, сидя въ постели, молча ожидала, что̀ будетъ далѣе. Занавѣски громадной кровати, которую я занимала, были задернуты; два офицера обходятъ кругомъ кровати, всматриваются ближе, удивляются и спрашиваютъ, кто я. Я отвѣчаю имъ, и тотчасъ же слышу, какъ человѣкъ двѣнадцать въ одинъ голосъ восклицаютъ: „Какой слабый голосокъ! Да вѣдь это не мужчина!" И толкая другъ друга, просовывая головы черезъ плечи другихъ, чтобы лучше разглядѣть меня, они еще повторяютъ: „какой слабенькій го-

лосишко! Какая маленькая дѣвочка! Какъ она худа! Какъ тщедушна“!

Подтрунивая надо мной, они въ то же время дѣлали мнѣ долгій и опасный допросъ на счетъ моего отца, его мнимаго заговора и мѣста, гдѣ онъ укрывался, отдыхая послѣ тяжелыхъ трудовъ. Меня допрашивали также о теткѣ и о братьяхъ. Отвѣты мои были кратки: я ничего не знала. Наконецъ, они ушли къ великому удовольствію, нашего стража, который вообще не любилъ, чтобы нарушали его сонъ, а тутъ еще вдобавокъ и гордость его пострадала. Впрочемъ, онъ далъ себѣ слово впредь быть проворнѣе.

Когда обыскъ кончился, со мной сдѣлался такой припадокъ нервной дрожи, какого я никогда не испытывала во всей своей жизни. Силы совершенно покинули меня, какъ только я перестала слышать ихъ шаги. Изнемогая подъ тяжестью своего несчастья и сиротства, подавленная сознаніемъ своей слабости, я провела остальную часть ночи въ состояніи нравственнаго и физическаго страданія, близкаго къ отчаянію. Никогда еще безпомощное положеніе мое не казалось мнѣ столь ужаснымъ. Много разъ еще повторялись эти ночныя посѣщенія съ цѣлью, какъ говорили, отыскать оружіе, спрятанное въ нашей квартирѣ. Старикъ Форè, не понимавшій, что это было лишь предлогомъ, выбивался изъ силъ, разсказывая исторію наложенія печатей, и удивлялся, что его никто не слушалъ. Одна я навлекала эти докучные обыски. Дѣлая видъ, будто вездѣ обыскиваютъ, комиссары въ то же время предлагали мнѣ вопросы тѣмъ болѣе коварные, что могло казаться, будто они вырывались у нихъ безъ всякаго злагоумысла, мимоходомъ, и какъ будто случайно при видѣ какой нибудь вещи, попадавшейся имъ подъ руку. Къ счастью я понимала, что это ловушка, и не поддавалась имъ. Впрочемъ, я и не могла бы отвѣчать имъ такъ, чтобы ихъ удовлетворить. Съ тѣхъ поръ какъ отецъ мой покинулъ предмѣстье Везъ, мнѣ было совершенно неизвѣстно, что съ нимъ сталось. Только впослѣдствіи я узнала, насколько мы были обязаны г-жѣ де-ля-Костъ, которая была столь добра, что согласилась принять его къ себѣ.

Эта женщина жила въ загородномъ домѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Отца моего привели къ ней ночью, и онъ вовсе не выходилъ изъ комнаты, въ которой его помѣстили. Одна только горничная г-жи де-ля-Костъ была посвящена въ тайну его пребыванія у нихъ въ домѣ. Каждое утро, убравши постель отца, она запирала его въ шкапъ для того, чтобы остальные слуги, свободно сновавшіе по всему дому, могли убѣдиться, что никого чужаго въ немъ не было. Когда же онѣ считали себя въ безопасности отъ нескромныхъ свидѣтелей, узника выпускали изъ шкапа и онъ пробирался въ комнату г-жи де-ля-Костъ, находившейся рядомъ. Такъ прошло нѣсколько дней совершенно спокойно; но когда на отсутствовавшаго г-на де-ля-Костъ былъ поданъ доносъ депутату Фушè, дѣлавшему

объѣздъ въ этой области, послѣдній отдалъ приказъ произвести тотчасъ же въ домѣ де-ля-Костъ обыскъ. Около 11 часовъ вечера у ихъ двери раздался необычный звонокъ; эта тревога подняла всѣхъ въ домѣ на ноги. Этотъ энергическій звонокъ возвѣщаетъ о служителяхъ новой власти. Спрашиваютъ моего отца. Нужно его получше спрятать; но куда?—Поднимаютъ верхніе матрасы на кровати г-жи де-ля-Костъ и отецъ залѣзаетъ въ прорѣху, нарочно сдѣланную для этого въ нижнемъ матрасѣ, который обыкновенно набивается соломой. Верхніе матрасы въ одно мгновенье положены по прежнему; постель оправлена и хозяйка снова ложится въ нее. Можно себѣ представить мучительное положеніе моего отца; онъ натянулъ свой ночной колпакъ до ушей и держалъ передъ собою сжатые кулаки, чтобъ защитить лицо отъ соломы и чтобъ имѣть сколько нибудь пространства и воздуха. Устроить все это—было дѣломъ одной минуты.—Это комиссары отъ имени депутата Фуше! Имъ отпираютъ. Комиссары спрашиваютъ г-жу-де-ля-Костъ, гдѣ ея мужъ. „Онъ отлучился по дѣламъ", отвѣчаетъ она. Ей передаютъ приказъ Фуше явиться къ нему немедленно самой. Она противится, ставитъ имъ на видъ плохое состояніе своего здоровья, говоритъ о нервныхъ страданіяхъ, которыя часто принуждаютъ ее лежать, объ истощеніи своихъ силъ, о томъ, какъ всѣмъ извѣстно, что она никогда не выходитъ изъ дому. Но напрасно настаиваетъ она. „Нужно идти, а не разсуждать", говорятъ ей въ отвѣтъ. Едва даютъ ей время набросить платье. Горничная впопыхахъ приподнимаетъ немножко матрасъ и тотчасъ-же опускаетъ его, чтобъ шепнуть отцу: „Мы пропали". Онъ самъ слишкомъ хорошо сознавалъ это! Она послѣдовала за своей госпожей; затѣмъ двери были заперты и запечатаны. Отецъ былъ въ ужасномъ положеніи, задыхаясь отъ недостатка воздуха и боясь, что если онъ вылѣзетъ изъ-подъ матрасовъ и приведетъ въ безпорядокъ постель, то послѣ самъ не съумѣетъ опять спрятаться такъ, чтобъ ничего не было замѣтно. Онъ колебался нѣкоторое время, но настоятельная потребность вздохнуть свободно взяла верхъ надъ всякими другими соображеніями, и онъ выкарабкался изъ подъ матрасовъ какъ только могъ осторожнѣе. Въ эту минуту онъ услышалъ шумъ, остановился, сталъ прислушиваться: какіе то мужскіе голоса распѣвали пѣсни въ честь свободы! То были драгуны, которые оставались еще въ домѣ; они пили и веселились. Чувствуя всю опасность своего положенія, отецъ обошелъ комнату на цыпочкахъ и, внимательно осмотрѣвши ее, сталъ раздумывать о возможныхъ средствахъ спасенія. Онъ находитъ, что ихъ очень мало. Все заперто, никакого выхода, никакой помощи! Онъ тогда обратилъ всѣ свои надежды на окна, выходившія въ садъ, и при этомъ разсуждалъ самъ съ собою такъ: „Здѣсь я могу умереть съ голоду въ запечатанной квартирѣ, или же сюда могутъ тайно пробраться до офиціальнаго снятія печатей съ тѣмъ, чтобы унести отсюда то, что придется по вкусу комиссарамъ. Въ обоихъ случаяхъ я погибъ". Опасаясь, чтобы

отсутствіе пищи не лишило его силъ, онъ рѣшился бѣжать, не ожидая, ночи; онъ еще разъ хорошенько все обдумалъ за и противъ, выбралъ окно маленькой комнатки, которое было нѣсколько болѣе отдалено отъ мѣста, откуда слышался шумъ, бросился изъ окна въ садъ и отдѣлался только легкой царапиной на рукѣ, хотя упалъ на разбитыя оконныя стекла; этотъ стукъ привлекъ вниманіе пившихъ. Они выскочили съ криками: „Откуда этотъ стукъ? Это вѣрно онъ! это онъ!“

Отецъ мой успѣлъ только спрятаться подъ маленькой лѣстницей, на которую они всѣ бросились стремглавъ, осмотрѣли всѣ углы, вездѣ искали виновника стука; бѣгали взадъ и впередъ и забыли заглянуть только подъ лѣстницу, по которой нѣсколько разъ проходили; осыпая ругательствами того, кого никакъ не могли найти, они возвратились наконецъ въ домъ и снова принялись пить. Отецъ мой опять задумался: если остаться на мѣстѣ, то ему не избѣгнуть новыхъ розысковъ, если бѣжать — то въ какую сторону? Его привели въ домъ г-жи де-ля-Костъ ночью; онъ ни разу не былъ въ этомъ саду. Но нужно было поскорѣе рѣшиться; онъ бросился бѣжать, нагнувшись до земли, чтобы не быть замѣченнымъ, и уже льстилъ себя надеждой скоро достигнуть аллеи, которая издали казалась ему густой, но къ несчастью онъ забылъ, что остался въ ночномъ колпакѣ. Вдругъ изъ-за облака показалась луна и своимъ блѣднымъ сіяніемъ выдала моего бѣднаго отца. Онъ тотчасъ же слышитъ за собою крики: „Я его вижу! это онъ! вонъ онъ, въ бѣломъ колпакѣ“! За нимъ гонятся. Тутъ уже нечего болѣе скрываться: онъ выпрямился и изо всѣхъ силъ бросился бѣжать къ винограднику, находившемуся въ этой же оградѣ. Въ этомъ мѣстѣ сада дорога шла въ гору, что очень замедляло его бѣгство, а туфли еще увеличивали трудность. Онъ съ отчаяніемъ глядѣлъ на высоту стѣны, служившей оградой, но привязанность къ жизни увеличила его силы, ускорила его бѣгъ; онъ все бѣжалъ, хотя и не предвидѣлъ никакого средства спасенія. Онъ уже чувствовалъ, что его догоняютъ; ихъ шаги уже настигаютъ его; одинъ драгунъ даже занесъ руку, чтобы его схватить,—какъ вдругъ, вѣроятно отъ быстраго движенія и отъ вина, онъ пошатнулся и упалъ. Отецъ мой въ эту минуту достигъ угла ограды; замѣтивъ здѣсь слѣды бывшей бесѣдки изъ зелени, онъ уцѣпился за вѣтви и при помощи нѣсколькихъ трещинъ въ стѣнѣ вскарабкался до верху, самъ не зная, какъ это ему удалось, и соскочилъ внизъ по ту сторону ограды. Близость опасности и инстинктъ самосохраненія придали ему невѣдомую дотолѣ силу.

Не желая сдѣлать такой же прыжокъ, драгуны прекратили здѣсь свое преслѣдованіе. А можетъ быть, они побоялись, чтобы имъ не вмѣнили въ преступленіе ихъ неловкость, и обѣщая другъ другу сохранить все это втайнѣ, они снова принялись за свои бутылки и пѣсни. Отецъ осмотрѣлся вокругъ и съ грустью убѣдился, что

опять находится въ загороженномъ мѣстѣ, и что стѣна этой ограды такъ же высока, какъ та, черезъ которую онъ только что перебрался. Прошедши нѣсколько шаговъ, онъ очутился передъ домомъ и, боясь, чтобъ лунный свѣтъ его не выдалъ снова, онъ залѣзъ въ голубятню въ ожиданіи утра и печальной участи, грозившей ему. „Гдѣ я? Что станется со мною?“—Сколько тягостныхъ думъ тѣснилось въ его душѣ втеченіе этихъ въ одно и то же время медленно и быстро проносившихся часовъ! Онъ вздрагивалъ при малѣйшемъ шорохѣ.

Когда, наконецъ, совсѣмъ разсвѣло, въ голубятню явилась маленькая дѣвочка съ кормомъ для голубей. Увидя моего отца и принявъ его за вора, она закричала и хотѣла было бѣжать; но онъ старался знаками внушить ей жалость; она замолчала и подошла поближе. Тогда онъ спросилъ ее, есть ли у нея отецъ и кто онъ. „Онъ здѣсь виноградаремъ,“ отвѣчала она.—„Такъ ты пойди, приведи его сюда, да кромѣ него никому не говори, что меня видѣла.“—Дѣвочка обѣщала и въ точности исполнила порученіе. Вскорѣ явился къ нему крестьянинъ, который смотрѣлъ на него недобрымъ взглядомъ и, вообще, имѣлъ какой-то зловѣщій видъ. Отецъ мой, вынужденный отдаться въ его руки, притворился, будто относится съ величайшимъ довѣріемъ къ этому человѣку, въ чьей власти случайно оказалась его судьба, и, объяснивши послѣднему, какимъ образомъ ему посчастливилось спастись отъ несправедливаго преслѣдованія, отецъ просилъ дать ему пріютъ, пока ему станетъ возможно, не подвергаясь опасности, удалиться отсюда. „То, что вы говорите, можетъ быть и справедливо,“ отвѣчалъ виноградарь, „но это не доказываетъ еще, что вы не воръ; да если вы и не воръ, то я все-таки не имѣю ни малѣйшаго желанія подвергать себя риску ради васъ; итакъ, убирайтесь отсюда какъ можно скорѣе.“ Какъ ни старался отецъ мой убѣдить крестьянина, тотъ былъ непоколебимъ. Не будучи въ состояніи растрогать этотъ камень, отецъ ограничился тѣмъ, что попросилъ дать ему какое нибудь старое платье взамѣнъ того, которое было на немъ, предлагая выкупить его впослѣдствіи, если ему удастся спастись. „Если же я погибну, оно вамъ останется, прибавилъ онъ.—„Да развѣ у васъ нѣтъ денегъ?“ возразилъ крестьянинъ, осматривая нерѣшительнымъ и вмѣстѣ жаднымъ взоромъ новый сюртукъ моего отца. Къ счастію, отецъ совершенно неожиданно нашелъ въ боковомъ карманѣ маленькій бумажникъ, котораго и не подозрѣвалъ тутъ; въ немъ оказалось всего 50 франковъ. Эта небольшая сумма положила конецъ колебаніямъ крестьянина; согласившись на предложенныя условія, онъ тотчасъ исчезъ и скоро вернулся, держа въ рукахъ плохенькую старую одежу, въ которую отецъ быстро облекся, но недостаточно быстро, по мнѣнію виноградаря, очень скупаго на свое время и на трудъ, потому что онъ отказался остричь волосы новому крестьянину. Для бо́льшаго сходства отцу пришлось сдѣлать это кое-какъ самому. Давши нѣсколько указаній насчетъ дороги, которой слѣдовало держаться,

крестьянинъ сунулъ въ руки отцу нѣсколько кольевъ для подвязки винограда: „Съ этимъ, сказалъ онъ, васъ примутъ за виноградаря". И взглянувши, нѣтъ ли прохожихъ по дорогѣ, онъ выпроводилъ отца за ворота.

Отецъ мой дошелъ безъ новыхъ приключеній до мельницъ, стоявшихъ на рѣкѣ Сонѣ, куда онъ имѣлъ рекомендацію; здѣсь онъ остановился лишь на нѣсколько дней. Такъ какъ осторожность требовала найти болѣе уединенное мѣсто, то его отвели къ одному мельнику, жилище котораго находилось въ Энскомъ департаментѣ, на границѣ департамента Роны, и стояло совсѣмъ особнякомъ. Подъ именемъ Пьера Мерье онъ съ этой поры слылъ здѣсь на мельницѣ работникомъ, очень неловкимъ отъ природы, но большимъ добрякомъ.

Пока все это происходило, я продолжала вести тотъ же образъ жизни. Затрудненія проникнуть въ тюрьму росли съ каждымъ днемъ: очень часто мнѣ вовсе не удавалось пробраться къ тетушкѣ; тогда я съ грустью возвращалась домой, усталая, измученная, не добившись единственнаго утѣшенія, которое еще давало мнѣ силу выдерживать всѣ испытанія. Невыносимо длинны были эти часы ожиданія, проводимыя у тюремной двери, куда намъ былъ воспрещенъ входъ благодаря новымъ строгимъ распоряженіямъ; и какъ тяжело было возвращаться домой, когда исчезала послѣдняя надежда проникнуть въ темницу! На другой день я снова приходила для того, чтобы испытать такое же разочарованіе. Однажды послѣ того, какъ я долго была лишена радости видѣть тетушку, я стояла у тюремной двери, ожидая вмѣстѣ со всѣми другими, первая по очереди, разрѣшенія войти. Часовые скрестили свои ружья, чтобъ загородить намъ проходъ, когда среди нетерпѣливой и взволнованной толпы, жаждавшей добиться желаемаго, вдругъ началось движеніе, которое устранило эту преграду. Натискомъ толпы меня прижало къ самымъ ружьямъ и протолкнуло дальше черезъ нихъ. Прежде чѣмъ солдаты успѣли принять болѣе дѣйствительныя мѣры, чтобы отбросить насъ назадъ, на меня обрушилось въ этой суматохѣ нѣсколько ударовъ кулакомъ и много брани. Брошенная на подобіе жалкаго мячика, безъ силы и воли, я ничѣмъ не была виновата, а мнѣ-то и досталось хуже всѣхъ. Между тѣмъ, пользуясь удобнымъ случаемъ и общимъ смятеніемъ, я побѣжала ко второй калиткѣ, потомъ къ рѣшеткѣ. О, счастье! Тетушка моя была во дворѣ, куда заключенные имѣли позволеніе сходить для прогулки [1]). Я видѣла ее и уже готова была заговорить съ ней и забыть всѣ неудачи этого дня, какъ вдругъ тюремщикъ, привлеченный шумомъ и недовольный происшедшимъ безпорядкомъ, явился на помощь своимъ сторожамъ. Меня

[1]) Эти разрѣшенія то давали, то снова брали назадъ, и ни одинъ день не былъ похожъ на другой. Иногда мы находили узниковъ во дворѣ, пользующимися воздухомъ вмѣстѣ съ каторжниками,—льгота, за которую тетушка разъ поплатилась своимъ бумажникомъ, украденнымъ однимъ изъ арестантовъ. Прим. авт.

грубо вытолкали. Никогда еще не терпѣла я крушенія, будучи такъ близко у пристани. Я видѣла выраженіе глубокой скорби во взорахъ тетушки и она также могла прочесть въ моихъ глазахъ то, что было у меня на сердцѣ. Я переступила еще разъ черезъ порогъ этой роковой двери и всѣ удары, полученные мною на этомъ мѣстѣ, казалось, снова посыпались на меня.

Грязь, которую намѣренно сваливали передъ тюрьмой, производила здѣсь гибельную сырость. Часто мы проводили часа по четыре, по пяти, стоя въ этой зловонной слякоти. Немало женщинъ заболѣвало отъ этого. Дорожа своимъ здоровьемъ, чтобы быть въ состояніи оказывать помощь тетушкѣ, я добыла себѣ деревянные башмаки на мѣху, съ толстой подошвой, которая не пропускала сырости, но дѣлала ходьбу очень тяжелой. Однажды вечеромъ, когда я вернулась домой позднѣе обыкновеннаго, нашъ стражъ Форé съ поспѣшностью объявилъ мнѣ, отворяя дверь: „Ваша кормилица сейчасъ была здѣсь; она долго ожидала васъ“.— „Моя кормилица! но вѣдь она...“ я хотѣла сказать—умерла, но вò-время остановилась... „Она здѣсь“, продолжалъ онъ; „какая-то женщина отправляется туда, гдѣ находится ваша больная сестра, и спрашиваетъ, не имѣете ли вы къ ней порученій?“ — „А гдѣ же она?“ спросила я живо, догадавшись, что здѣсь кроется какая-то тайна. „Да если вы поскорѣе побѣжите за ней въ эту сторону, то можетъ быть догоните ее: она въ красномъ корсажѣ и синей юбкѣ; съ ней маленькая дѣвочка, которая ѣдетъ на ослѣ“. Я уже была на нижней ступенькѣ лѣстницы, когда онъ произносилъ послѣднія слова; хотя я несовсѣмъ понимала, въ чемъ тутъ дѣло, но все-таки побѣжала. Канта пошла вслѣдъ за мной, а старый Форé выпустилъ насъ, не вдаваясь въ дальнѣйшія размышленія или сомнѣнія насчетъ этой ліонской кормилицы. Завидѣвши издали красный корсажъ, синюю юбку, осла и дѣвочку, я еще ускорила шаги и быстро догнала ихъ. Убѣдившись въ томъ, что это дѣйствительно я, крестьянка сообщила мнѣ, что отецъ мой скрывается у нея; что онъ хочетъ попытаться перейти черезъ границу, но прежде чѣмъ рѣшиться на это опасное путешествіе, онъ пожелалъ повидаться со мною и отъ меня узнать, чтò сталось съ моей тетушкой [1]); наконецъ, что она пришла въ городъ нарочно для того, чтобы взять меня съ собою.

Это приказаніе моего отца было для меня пріятно и вмѣстѣ жестоко. Раздвоенная между двумя обязанностями, одинаково для меня священными, я не могла никакъ рѣшиться покинуть тетушку и лишить ее единственнаго ея утѣшенія; съ другой стороны, это, можетъ быть, по-

---

[1]) Такъ какъ всякія сношенія между нами были прерваны, то отецъ ничего не зналъ о заключеніи своей сестры и вызывалъ меня, а не ее, зная, какъ ей было затруднительно ходить пѣшкомъ. По настоятельному желанію тетушки, отъ отца скрыли, что она была арестована вмѣсто него. Впрочемъ, выдавши себя, онъ все-таки не спасъ бы сестры и мнѣ пришлось бы тогда оплакивать ихъ обоихъ. Прим. авт.